

ИГОРЬ
ВАЛЕРИЕВ

ЕРМАК

НАЧАЛО
ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ
ЛИЧНИК

ИГОРЬ
ВАЛЕРИЕВ

ЕРМАК

НАЧАЛО

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

ЛИЧНИК

Игорь Валериев

**Ермак: Начало. Телохранитель.
Личник**

© Игорь Валериев, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Начало

Посвящается моей любимой жене Людмиле, чья настойчивость заставила меня дописать книгу, а уверенность в моих способностях – представить произведение на суд читателей.

Автор искренне благодарит всех участников литературных форумов «В Вихре Времен» и «Самиздат», чья критика, замечания и советы позволили улучшить данную книгу, особенно: Акимова Сергея Викторовича, Борисова Юрия Дмитриевича (он же Старицкий Дмитрий), Зуркова Дмитрия Аркадьевича, Евдокимова Сергея, Ковшик Павла Ивановича, Мармонтова Игоря Георгиевича, Мешалкина Леонида Васильевича, Орлова Александра Сергеевича, Перунова Антона Юрьевича, Спесивцева Анатолия Федоровича, Черепнева Игоря Аркадьевича, Шарапова Евгения.

Пролог

Граница родила казачество, а казачество создало Россию.

Л. Н. Толстой

Хунхузы появились минут через десять после того, как мы залегли в окопах. Долго, однако, собирались. К броду они подскакали плотной толпой и в таком же беспорядке стали спускаться к ручью. На том

берегу осталось трое бандитов, один из которых стал что-то кричать и размахивать плеткой.

Это мой клиент, подумал я, беря его на прицел. Начальников, которые могут привести эту толпу в порядок и к дисциплине, нам не надо. Дождавшись залпа фланговых групп засады, перед которыми хунхузы были как на блюдечке, я мягко потянул спуск. Выстрел, и нового командира вынесло из седла с разбитой головой. Перезарядка. И вижу, что для меня целей больше нет. Оставшихся двух разбойников на том берегу сняли Лис и Леший, а из седловины ни на наш берег, ни назад никто выбираться не хочет. Фланговые группы продолжают вести одиночный огонь, но для нас целей нет. Низ седловины, где скопились хунхузы, мы не простреливаем. Ждем. Еще несколько выстрелов – и тишина. Сигнал Шаха криком-писком енотовидной собаки: «Все закончено!»

Я встал из окопа и добил патроном магазин винтовки. Прикрепил к винтовке штык-тесак, прикупленный еще во время зимней поездки в Благовещенск. Дослал девятый патрон в ствол. Предстояла зачистка поля боя. Грязная, но если хочешь выжить, необходимая процедура на войне. «Не выстрелит в спину только мертвый». Данному постулату боевых действий очень быстро обучались молодые бойцы-интернационалисты в Афганистане. Оставил за спиной живого духа, а иногда обычного бача (мальчика) – стал трупом. А какой лучший способ узнать, мертв или жив противник? Правильно, лучшее доказательство смерти противника – твоя пуля, пробившая его череп, либо штык в сердце.

Сейчас и буду учить казачат очень грязной, но необходимой работе на войне. Патронов мало, и они дорогие, а штык, как говорил Суворов, молодец. Тем более и шашки остались притороченными к седлам лошадей, в окопах с ними лежать и воевать неудобно.

Я вышел на край спуска-подъема к броду с нашей стороны и удовлетворенно вздохнул про себя. Получилось. Внизу мешанина из человеческих тел и нескольких лошадиных трупов. Вода в ручье и белый песок по его берегам окрасились кровью. Некоторые лошади стояли, опустив к земле голову, некоторые стали разбредаться вверх и вниз по ручью. Все хунхузы были мертвы или выглядели таковыми. Как говорится: «Это им за наших. Ибо нехер».

– Вот это мы их навалили! – раздался за моей спиной удивленный возглас Ромки. – Неужели все?

– Нет, Лис, не все. В лагере человека три, максимум шесть осталось, – прикидывая про себя количество трупов, ответил я и перехватил винтовку со штыком, чтобы было удобно колоть вниз. – Сейчас здесь зачистку проведем и будем думать, что делать дальше.

– Что проведем, Ермак? – переспросил подошедший Вовка Лесков.

– Зачистку, Леший. Я сейчас спускаюсь вниз и буду ударом штыка проверять, мертвец лежит, или кто из хунхузов притворился мертвым. Запомните на всю свою жизнь: только мертвый не выстрелит и не ударит в спину. Будете об этом помнить, проживете дольше. А пока идете за мной сзади и прикрываете меня.

Показав знаками Шаху и Туру, которые поднялись из окопов и доложили, что все целы, смотреть за дорогой, как и обговаривали при планировании засады, я с Лисом и Лешим за спиной стал спускаться к броду через ручей. Так, первый красавец лежит, глаза остекленевшие, неподвижно смотрят в небо. Контроль есть контроль. Удар штыком в область сердца. Мерзкий хруст входящего в тело лезвия, и я с трудом выдергиваю винтовку с примкнутым штыком из теперь уж точно мертвого хунхуза. Обходим лошадь, которая стоит, опустив голову вниз, и перебирает мундштуки языком и губами.

Следующий. Этот лежит лицом вниз. Когда до бандита осталось идти пару шагов, тот неожиданно вскочил с земли и ударом двуручной сабли, которая лежала под ним, снизу вверх попытался располосовать меня от паха до шеи. Я на рефлексах отпрянул назад, выставив перед собой винтовку, но, завязнув в песке, стал падать на пятую точку и от неожиданности нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел, и хунхуз с третьим глазом во лбу и снесенным затылком упал на спину, не выпустив саблю из своих рук.

Я, приземлившись на пятую точку и чуть не выбив себе зубы затвором винтовки, оглянулся назад. Лис и Леший явно растерялись, что, собственно, вообще неудивительно. Для того чтобы мгновенно реагировать на внезапно возникшую угрозу, опыт нужен, и опыт немалый. Первым очнулся Леший, сделав несколько шагов в мою сторону.

– Ермак, ты цел? – каким-то сиплым шепотом обратился ко мне Вовка.

Собравшись с силами, киваю и, благодарно уцепившись за протянутую им руку, встаю. Ноги ватные, мышцы всего тела ощутимо потряхивает от переизбытка адреналина. Винтовка в руках ходит ходуном. Из разбитой затвором верхней губы кровь попадает мне в рот, и ее соленый вкус приводит меня в себя.

– Вот это, господа казаки, и называется зачистка, – сообщил я Лису и Лешему и энергично замахал рукой, показывая остальным казачатам, которые, выскочив из окопов, собирались нестись в нашу сторону, чтобы они оставались на месте и продолжали наблюдение за дорогой.

– Ермак, а как ты успел среагировать? – спросил меня Ромка, облизывая свои пересохшие губы.

– Был готов к тому, что кто-то из хунхузов притворится мертвым и может напасть, – начал я глубокомысленным тоном, чувствуя, как меня продолжает трясти. – А если честно, то просто повезло, успел нажать на спуск. А перед вами очередное подтверждение неоспоримого правила, которое доводил до вас на тренировках: «Лучший прием рукопашного боя – выстрел в голову».

– Да-а-а уж-ж-ж! – очень похоже на Папанова из кинофильма «Двенадцать стульев» произнес Леший.

– Ага, – философски подтвердил Лис.

– Продолжаем зачистку!

И я двинулся вперед.

Глава 1

Ермаковская падь

Если посмотреть сверху, с высоты птичьего полета, то непроходимые леса с запада и севера ограждают неглубокую зеленую падь, тянущую с запада на восток, а с юга синееет великий Амур, за которым возвышаются маньчжурские горы Ильхурн-Алинь. В пади между редкими лиственницами и березами встречаются островки кустов лимонника и стланиковой кедровой сосны. В особенности поражает вид огромной по сравнению с другими деревьями единственной ели, из-за которой выбегает дорога к берегу Амура и идет дальше к станице Черняева.

Если же по этой дороге зайти за ель и по тропе пройти через распадок между двух холмов, то упруешься в тесаные ворота и частокол хутора Ермаковского, на котором когда-то проживала большая семья Алениных.

На большом дворе, огражденном бревенчатым тыном, стоит дом-пятистенок, смотрящий квадратными окнами в белых наличниках на полдень. К дому пристроен большой амбар, крытый двор, рядом высится овин, дальше летний загон для лошадей и конюшня. У окон дома разбит небольшой садик, в котором две вечнозеленые елки, игластая недотрога-боярка, воткнутые в квадратную гряду колья в хрупких колечках прошлогоднего хмеля. Только не видно на дворе ни коней, ни коров, ни иной живности, даже кур не видно, и овин стоит пустым. И будто бы на двор опустились тоска и безысходность.

На лавке рядом с крыльцом сидит крепкий кряжистый старик, упершись подбородком в костыль, зажатый между ног. Небольшой ветерок развеивает седую бороду и седые волосы под облезлым козырьком старой фуражки. На изрезанном морщинами загорелом лице застыло отрешенное выражение, и только блестящие черные глаза выдают внутреннее напряжение старого казака Амурского казачьего войска – Аленина Афанасия Васильевича.

Знаменит казачий род Алениных, ведущий свое происхождение от алан и аорсов. Один Василий Тимофеевич Аленин-Ермак чего стоил. Ермак, или «Ырмаг», то есть «бьющий стремительный источник»,

«прорыв» или «неудержимый» – такое прозвище Василий Аленин получил за свою неудержимость в бою. Если бы он родился в Скандинавии, его бы точно признали берсерком.

Сильный был атаман. За услуги при взятии Казани, оказанные еще молодым Ермаком во главе отряда донских казаков в казачьем войске под общим командованием атамана Сусара Федорова, царь Иоанн Грозный пожаловал донскому казачеству навеки весь Тихий Дон со всеми его реками и притоками. Данная грамота до конца XVII века хранилась в соборе города Черкаска и была отобрана Петром Великим во время его похода под Азов.

А прозвище «Ермак» настолько прилипло к атаману, что в синодике Тобольской соборной церкви для поминовения казаков, погибших при завоевании Сибири, по повелению первого архиепископа Киприана был Василий Тимофеевич Аленин записан как Ермак сын Тимофеев.

Ермак – неудержимый, эта неудержимость и не позволила атаману отступить во время боя на ночевке в устье реки Вагай, когда Кучум напал на спящих казаков и истребил почти весь их отряд. Тогда Ермак, прикрывая своих побратимов-казаков, один бился против двух десятков врагов, многих их убил, но был сражен ударом копья в горло татарским батыром Кутугаем.

Посмотреть на тело мертвого атамана съехалось много знатных мурз, а также сам Кучум. Татары несколько дней стреляли в тело из луков и пировали, но, по словам очевидцев, тело Ермака пролежало на воздухе месяц и даже не начало разлагаться.

После смерти атамана его есаул Матвей Мещеряк собрал казачий круг, на котором казаки решили идти из Сибири к Волге обратно. С ними ушла первая и единственная походная жена-наложница Ермака, прекрасная Айгуль с сыном Тимофеем. Целомудрен был атаман и того же требовал от казаков в военном походе, но не устоял перед красотой и ласковостью захваченной в бою девушки. А после рождения сына признал ее своей женой.

Вернувшись на Волгу, казаки под предводительством Мещеряка поняли, что прежней вольницы не будет из-за построенной там крепости-поселения Самара, для недопущения разбоя на Волге вольными казаками, и решили уйти на восток. Хорошее место было на реке Яик рядом с устьем реки Илек, там и хотели устроиться казаки.

Но в октябре 1586 года на Яике прочитали царскую грамоту, в которой говорилось о том, что казакам обещано прощение всех проступков и они должны были вступить в отряд крымского царевича Мурат-Гирея, принявшего русскую сторону. Пункт сбора был в Астрахани, чтобы потом пойти оттуда войной на крымских татар, делавших набеги.

Атаман Матвей Мещеряк и еще сотня вольных казаков поддержали эту грамоту и пошли сначала в Самару. Потом отряд казаков вышел из Самары в Астрахань, где было известно об их прибытии, но в пути атамана Матвея Мещеряка и четверых товарищей-есаулов снова отозвали в Самару, где их арестовали. В марте 1587 года в Самаре, на главной городской площади, был повешен атаман Матвей Мещеряк и его товарищи. Остальные казаки, узнав об этом, решили вернуться на Дон. Так, Айгуль и сын Ермака Тимофей оказались на родине отца и мужа в одной из станиц рядом с Раздорским казачьим городком.

Не обидели казаки жену и сына своего атамана. Построили им дом в станице, прикупили живности, выделили добра из привезенного дувана. Так и пошла донская Аленинская ветвь от князя Сибирского Ермака Тимофеевича.

В 1824 году родился казак Аленин Афанасий сын Васильев – прапрапраправнук знаменитого атамана. Храбрый был казак. В 1849 году в составе 23-го Хрещатицкого донского казачьего полка в армии под командованием фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича – отпрыска Пасько, старшины в армии гетмана Богдана Хмельницкого – воевал Афанасий с народной армией венгров. За ту кампанию был награжден медалью «За усмирение Венгрии и Трансильвании», серебряной медалью «За храбрость» на георгиевской ленте и австрийской золотой медалью с изображением Франца Иосифа и надписью *Der Tapferkeit* («За храбрость»).

Не любил эти награды Афанасий, не считал их заслуженными. Будучи старшим казачьего разъезда, задержал адъютанта главнокомандующего войсками венгерской народной армии генерала Гергея. Данный генерал еще до вступления русской армии в Венгрию умышленно сорвал наступление венгров на Вену, а потом, после нескольких столкновений с русскими войсками, решил вступить в тайные переговоры с фельдмаршалом Паскевичем, для чего и отправил своего адъютанта на поиски русских войск.

На равнине, между местечком Заране и деревней Селлеш, венгерская народная армия по приказу Гергея потом сложила оружие. Гергей был «взят в плен» и там еще корчил из себя патриота. Но вскоре Паскевич передал его австрийскому императору Францу Иосифу, который за услуги правительству назначил ему пожизненную пенсию.

Не знал ничего об этом казак Афанасий Аленин, но душой чувствовал, что не по заслугам награды. Сначала австрийскую золотую висюльку вручили, а потом и нашу серебряную «За храбрость» пожаловали за тот случай, сказав, что за выдающуюся храбрость. А в чем храбрость, если этот венгр адъютант к ним как к родным кинулся: вот он я – берите меня в плен! Хотя когда он вернулся в родную станицу, то приятно было, когда станичники обсуждали его награды. Ни у кого больше в близлежащих станицах Войска Донского не было золотой австрийской награды.

А вот два Георгиевских креста, полученных за Крымскую войну, Афанасий любил. Первый крест, еще до мартовского царского указа от 1856 года, когда он был разделен на четыре степени, урядник Афанасий Аленин получил за Чингильские высоты. Тогда донцы 23-го Хрещатицкого в составе Эриванского отряда барона Врангеля разгромили пятикратно превосходящего их противника. Страшная рубка была. Сотника и двух хорунжих турки убили в первые минуты боя, и старший урядник Аленин, взяв командование на себя, повел сотню на врага. Захватили два орудия и четыре знамени турок. При этом Афанасий лично на шашку взял трех знаменосцев и прислугу одного орудия.

Позже, в период наступления на Карс, донцы вновь отличились в сражении при Кюрюк-Даре, в ходе которого турки были полностью разбиты, захвачено 15 орудий, 26 знамен и 2 тысячи пленных. Прославился в том бою и Афанасий, только и ранение получил тяжелое в голову. Как доставили его в родную станицу, и не помнил. Выходила любимая жена. А через полтора года вручили старшему уряднику Афанасию Аленину догнавший его Георгиевский крест 3-й степени за Кюрюк-Дара.

Казалось бы, живи и радуйся. Заслуженный георгиевский кавалер, красавица жена, трое сыновей-крепышей. Но не мог Афанасий пройти мимо неправды, потому-то и не любило его войсковое начальство за правду-матку, что говорил им в глаза Аленин на казачьем круге. Не

любили и богатые казаки родной станицы, которым Афанасий Васильевич постоянно говорил, что не дело наживаться на своих братьях-казаках, попавших в нужду. Поэтому, когда в 1857 году Афанасий Аленин был избран одним из уполномоченных на станичный круг для выборов нового атамана, богатые казаки потребовали созвать внеочередную сходку и добились на ней, чтобы Афанасия заменили другим человеком.

Это был жестокий удар, нанесенный самолюбию Афанасия Васильевича. Как оплеванный ушел он со станичной сходки, на которой принадлежали ему раньше лучшее место и первый голос. С тех пор не переступала его нога порога сборной избы. Даже на соседской завалинке, где собирались по праздникам казаки, не видели его целое лето.

А по осени, продав дом и скотину, выехала семья Алениных из родной станицы в далекое Забайкалье. Почти полгода добирались они до Читы, где должен был записаться Афанасий в 1-й русский полк Сибирского линейного казачьего войска. Но в Чите Аленин узнал о том, что формируется Амурское казачество для защиты границы с Китаем. А желающим служить на границе дают землицы много да подъемные хорошие. И присоединилась весной 1858 года семья Алениных к десяти, имеющим донские корни, семьям забайкальских казаков, которым поручено было основать на реке Амур станицу Черняева, названную так в честь первого командира Амурской казачьей бригады – генерал-майора Георгия Федоровича Черняева, который был на момент командования бригадой войсковым старшиной.

В числе основателей станицы Черняева были семьи: Савиных, Шохиревых, Гусевских, Эповых, Луниных, Раздобреевых, Чупровых, Башуровых, Ананьевых, Чуевых, всего вместе с Алениными 43 взрослых человека. Семьи переселенцев долго готовились к отплытию: разбирали дома, стайки, зимовья. Бревна возили на берег, из них сколачивали плоты. На плотях настраивали навесы для защиты от непогоды, делали ящики для зерна, грузили скот, домашний скарб. Старались ничего не забыть – едут-то на голое место. Много сил и времени отнял сам сплав по реке. В указанном месте (две версты ниже теперешней станицы Черняева) плоты причалили к берегу. Чиновник, прибывший вместе с казаками, приказал на берегу Амура врыть столб

и на него прибить дощечку с надписью «Станица Черняева». Дома сразу собирать не стали. Жилье решили устроить прямо в яру: вырыть яму и оборудовать ее в виде землянки. Противился этому только Афанасий Аленин, говоря, что затопит землянку в весенний паводок, напрасно труд казаков пропадет.

Не послушал назначенный атаман Черняевской станицы зауряд-хорунжий Савва Эпов предложений Аленина, и сделали забайкальские казаки по-своему. Землянка вместила все их десять семей, а Аленины ушли версты на три в сторону по Амуру и версты на две от реки, облюбовав для строительства жилья красивую зеленую падь с небольшим озером, которую из-за большого количества волков называли Волчьей.

По весне жилища черняевских переселенцев затопил речной паводок, и вынуждены они были также перебраться по берегу Амура повыше, основав станицу Черняева верстах в двух от хутора Алениных. Не смог переступить через себя атаман Эпов, признав правоту казака Аленина. Из-за этого и стоял хутор Алениных наособицу от станицы, будто на выселках.

Но не горевал от этого Афанасий Васильевич. За два года построили Аленины дом большой с пристроями, обзавелись скотиной, распахали большой участок земли, вывели в пади всех волков. И все чаще стали пядь называть не Волчьей, а Зеленой. А постепенно другое название пошло – Ермаковская падь (это когда станичники узнали, от кого Аленины род свой ведут).

А в окружном и станичном сходе очень скоро занял Афанасий Васильевич почетное место, как георгиевский кавалер и опытный казак. Ни одни ежегодные выборы окружного атамана не обходились без его веского слова. И самого Аленина не один раз хотели выбрать окружным атаманом, только отказывался Афанасий Васильевич от такой чести. Не хотелось ему из своей пади в станицу перебираться. А что за атаман, который живет вне станицы.

Прекрасное время было. В трудах и заботах годы текли незаметно. Росла станица, все больше славился своим достатком Аленинский хутор. Не успели оглянуться, как стали три сына справными казаками. По праздникам шествовал Афанасий Васильевич в станичную церковь, всегда в окружении сыновей. По правую руку от него шел большак Василий, роста среднего, но широкий в плечах казачина, песенник и

гармонист; по левую – степенно вышагивал черноволосый, как и все братья – Тимофей, лучший рубака в станице. И, замыкая шествие, ступая след в след отцу, высоко нес чубатую голову меньшак Иван, грамотей и отцовский любимец. Приятно было Афанасию Васильевичу пройти с такими молодцами по улице, людей посмотреть и себя показать. Да и было на что посмотреть – все четверо черноволосы (только у Афанасия, как серебро, седина в бороде да в волосах), черноглазые, нос с горбинкой, смуглые, крепкие, поджарые, с длинными ногами. Походка у всех легкая, скользящая.

Много казачек засматривалось на братьев Алениных. Старший Василий давно победил сердце одной из них. Хорошая сноха Катерина в дом Алениных пришла, здоровая, работающая, и внука Тимофея через год принесла, на радость деду, а через два года – внучку Алену. Средний и младший братья еще женихались. Ивану через год на первый срок службы идти, а Тимофей, уже отслуживший первый трехгодичный срок, подыскивал невесту.

Думал Афанасий Аленин в довольствии и спокойствии дожить до старости, но жизнь повернула по-своему. Сначала погиб на службе во время пограничного объезда младший любимец Иван. Не захотел служить писарем при штабе Амурского казачьего полка, хотелось ему схваток с хунхузами в пограничье, вот и нарвался в составе казачьего разъезда на шайку бандитов. Видимо, много было хунхузов, но дорого отдали свои жизни три казака. Вся поляна в крови была, где нашли раздетые, порубленные и пострелянные тела казаков. И больше крови там было пролито не казачьей, а бандитской. Да только вот тела своих убитых хунхузы унесли с собой. И неизвестно было, какой обмен жизнями произошел между казаками и варнаками.

А через год на охоте погиб средний сын Тимофей. Для свадьбы хотел пушнины набить на продажу, да нарвался на тигра-людоеда. От тела среднего сына почти ничего не осталось.

В том же году пережил Афанасий Васильевич еще одну утрату – смерть жены. Подкосили любимую смерти двух сыновей. Почернела, высохла, а после сороковин по Тимофею легла вечером спать и не проснулась.

Кроме горя по погибшим сыновьям и жене, пришли проблемы по хозяйству. Собирая на службу младшего Ивана, надо было справить строевого коня, оружие, обмундирование да амуницию, а это триста-

четыреста рублей, в зависимости от того, чем платить – серебром или ассигнациями. Пришлось продать двух быков и почти весь урожай пшеницы. Большая прореха образовалась в хозяйстве Алениных. Иван погиб, а коня его, все личные вещи и оружие забрали хунхузы.

Когда из-за неурожая в следующем году подался на промысел пушнины с артелью Тимофеем и погиб, то еще одного строевого коня семья потеряла – его тоже тигр задрал.

Потом пришло время Василию очередной трехгодичный срок служить. Из-за малого числа амурских казаков в самом начале становления Амурского войска из двенадцати лет службы в строевом разряде ходили казаки на службу в полк два раза по три года, а не четыре года, как в войске Донском. Остался Афанасий Васильевич с одной снохой на хозяйстве. Три года еле-еле сводили концы с концами. И только когда вернулся Василий со службы, семья Алениных вздохнула чуть свободнее. Но жить-то хотелось лучше, поэтому через два года после возвращения со службы Василия, зимой Афанасий Васильевич решил, что старший сын поедет на ярмарку в Благовещенск, чтобы продать лишнюю пшеницу, пушнину, солонину.

Кроме того, должен был Василий внести половинный залог в сто рублей за жеребца и кобылу башкирской породы для развода. Эти лошади и для хозяйства годны, и для строя их использовать можно.

Такие качества башкирской породы, как смелость и решительность, напористость и легкость в управлении, а также способность продолжительное время передвигаться резвым галопом и резвой рысью, что позволяло всаднику эффективно вести прицельный огонь и рубить шашкой, были отмечены казаками еще во время Отечественной войны 1812 года. И должны были купцы большой табун таких лошадей в Благовещенск пригнать к лету, а пока задаток набирали у будущих покупателей.

За счет разведения этих неприхотливых и морозостойких лошадей хотели лет за пять свое хозяйство Аленины окончательно поправить, тем более что три кобылы, пусть и амурской породы, у них уже были. Собрав все что можно, да еще заняв денег у богатого станичного казака Ивана Савина, отправил Афанасий оставшегося сына Василия с женой Екатериной да их дочкой Аленкой на ярмарку, оставшись на хозяйстве с внуком Тимофеем.

А через несколько дней настигла Афанасия очередная черная весть. Весь обоз казаков, ехавших на Благовещенскую ярмарку от станиц Черняева, Кузнецова, Ушакова попал в засаду банды хунхузов рядом со станицей Ново-Кумарской. Большой обоз был, да бандитов, по словам выживших, более сотни оказалось. Соотношение сил было три-четыре варнака на одного казака. Отважно бились казаки и их жены с бандитами, да не судьба была всем выжить. Больше всего не повезло середине обоза, куда был направлен основной удар хунхузов, где и ехали на санях Аленины.

Со слов выжившего казака Прокопа Лопатина из соседней Кузнецовской станицы, Василий Аленин лично зарубил трех ватажников, а его жена Катерина двоих успела из винтаря положить, пока их не порубали хунхузы, набросившись со всех сторон.

Самому Прокопу чудом повезло вырваться. Он во время нападения был верхом на лошади, а не в санях с братом Северьяном, поэтому и смог даже раненым верхами уйти. Его же брата и всех казаков с их семьями в середине обоза убили.

Когда примчались вооруженные казаки из Ново-Кумарской станицы к месту боя, им осталось только разбирать раздетые трупы казаков, их жен и детей, да мертвых хунхузов, которых выжившие в нападении бандиты бросили, предварительно обобрав до нитки. А все остальное добро с бандитами караваном ушло через замерший Амур в горы Ильхурн-Алинь на территории Маньчжурии. Не успели казаки их догнать до границы и отомстить.

Похоронил Афанасий Васильевич последнего сына со снохой. А внучку Аленку нигде не нашли. Не было ее ни среди убитых, ни среди выживших, ни рядом с местом засады. Видимо, хунхузы с собой забрали для продажи в рабство. Не тешить же плоть с десятилетней девчушкой. Хотя всякое бывало. Но не хотелось деду об этом даже думать.

Так осталось семейство Алениных без головы. За всем приглядывать, со всем управляться пришлось Афанасию Васильевичу дальше вдвоем с двенадцатилетним внуком Тимофеем, первенцем Василия. Солоно им доставался этот догляд, а толку все равно не выходило. Известно, какая сила у стариков и сметка у ребятишек. Да еще долг пришлось Савину отдавать, аж семьдесят рублей, да еще проценты.

Крепкий хозяин – казак Савин Иван Митрофанович. У него и табун лошадей в три косяка по двадцать голов, и стадо коров количеством пятьдесят, и своя маслобойня, и две конно-канатных мельницы, и лавка торговая с трактиром в станице Черняева. От богатства своего стал Иван Митрофанович в рост деньги давать станичникам. И хоть процент небольшой накручивал, да много уже казаков к нему в кабалу да зависимость попало – то неурожай, то наводнение, то еще какая беда.

Вот и Афанасию Васильевичу пришлось за долг с процентами отдать последнего строевого коня, имеющихся в хозяйстве кобылку-трехлетку и корову, да еще кое-какого добра по мелочи. И остался георгиевский кавалер Афанасий Васильевич Аленин с почти пустым от живности двором и внуком на руках. Родни рядом никого.

Подумав, Афанасий Васильевич продал двух оставшихся быков, корову, купил для внука и себя двух молодых трехлеток амурской породы и пошел наниматься в пастухи к Савину. А что оставалось делать? Вспахать двадцать десятин Аленинской земли сил не было. Афанасию Васильевичу шел шестьдесят пятый год, не было уже былой силы в руках, а после свалившихся на голову смертей близких как-то разом разболелись старые раны. А с внука какой спрос в пахоте. Вот и остался один выход, идти в пастухи. Так вот и жили третий год.

Глава 2

Тимоха Аленин

Позавчера, в субботу, Афанасий Васильевич и Тимофей приехали домой на побывку: в бане помыться, припасов наготовить на неделю. Отдохнули, по дому прибрались и в ночь на понедельник решили отправиться на пастбище, но скрутило спину у старика Афанасия, да так, что ни вздохнуть, ни охнуть. Еле с костылем по дому мог пройтись. Так и ускакал в ночь Тимоха на пастбище один. Сказал, что справится.

В полдень Афанасий Васильевич сидел на скамейке у дома, грея кости на солнышке, и смотрел через открытые ворота на дорогу, положив подбородок на рукоять костыля, зажатого между ног. Сидел и думал о внуке, о том, что с ним дальше делать, а то своего здоровья и жизни осталось очень немного.

– Эх, Тимоха, Тимоха, – вздохнул старый Афанасий. – Хороший казак растет. Нашей, Аленинской породы.

Тимофей, или пока еще Тимоха, рос крепким высоким парнем, имел черные, кудреватые волосы, продолговатое лицо, смуглое и пригожее, нос, как у всей Аленинской родни, с горбинкой, глаза черные, переходящие в темно-карие. После смерти родителей взор стал строгим и каким-то пронзительным.

Постоянная верховая езда на пастбище и ежедневные занятия под руководством деда по рукопашному и ножевому бою, рубке шашкой, джигитовке закалили тело подростка, которое казалось скрученным из жил и мышц. Не было у Тимохи и капли жира, все из-за занятий сгорело до грамма, да и питание не сказать чтобы было богатым.

– Что же мне с тобой делать, внучок! – вслух произнес старик, и его глаза наполнились влагой. – Совсем мне мало осталось.

Зимой еще Афанасий Васильевич разговаривал со станичным атаманом Селеверстовым Петром Никодимычем о возможности поступления внука в Иркутское юнкерское училище на казенный кошт. Но до поступления еще четыре года, и на подготовку к экзаменам и на учебу деньги нужны.

– Эх-хе-хе... Грехи наши тяжкие! – вновь тяжело вздохнул старик. – Лишь бы освоил науки Тимоха. Умным растет, стервец. Все книги, оставшиеся от младшего сына Ивана, уже прочитал. Только хватит ли этих знаний?

В этот момент все еще острые глаза старого Аленина заметили вдаль на дороге к хутору группу всадников, и его сердце тревожно заняло.

Когда всадники приблизились и стало видно, что между двумя лошадьми приторочены самодельные носилки, в которых лежало чье-то тело, от них отделился один конник и наметом поскакал к Аленинскому дому.

– Здрав будь, дядька Афанасий! – поприветствовал старика въехавший во двор окружной атаман Селеверстов. – Тимоху твоего хунхузы сильно побили, но жив пока.

Атаман соскочил с крепкого гнедого жеребца и, сняв фуражку, перекрестился:

– Сейчас доктор приедет, и за Марфой я послал.

– Что случилось? – с трудом поднялся с лавки Афанасий Васильевич.

– Тимоха твой, мой младший Ромка да Петруха Данилов погнали станичный войсковой табун и савинский косяк с Вороном на водопой к Амуру. – Селеверстов вытер ладонью пот с лица и надел фуражку.

– Не тяни, Никодимыч!

– Хунхузы! Будь они неладны! – сплюнул атаман. – Амур в этом году обмелел, вот они у Песчаной косы через остров Зориха и переправились верхами вплавь.

– Кто же их ждал-то! – махнул рукой Селеверстов. – Ведь ни разу рядом со станицей даже зимой не шалили. А тут, видимо, на табун, варнаки, позарились.

– Дальше-то что? – судорожно сжал в руке костыль Афанасий.

– Что? Что! Когда казачата увидели, что хунхузы через Амур переплывают, твой Тимоха кричит: «Заворачивай табун! В падь его гони!» Ну и погнали, а хунхузы, переправившись, за ними. Перед тем как в Соворовскую лощину спуститься, Тимоха опять кричит: «Гоните в станицу. Казаков поднимайте!» Тут выстрел, Ромка мой обернулся, глядит, а Тимоха из седла валится. Ну, они с Петрухой в станицу и припустились.

– Бросили, значит? – угрюмо произнес старый Аленин, сверкнув глазами.

– Да погоди ты, дядька Афанасий! – Атаман опять вытер пот, теперь рукавом рубахи. – Влетели Ромка с Петрухой в станицу с криком: «Караул, хунхузы!» Мы в набат. Кто в станице из казаков был – в ружье, на конь и к Соворовской ложине. Пока скакали, казаки гутарят, что поздно уже, увели хунхузы табун, придется за ним на ту сторону Амура идти.

– Да не тяни ты, Никодимыч! – взмолился Афанасий.

– Да... живой, живой твой Тимоха. Вона, привезли уже. – Селеверстов показал рукой на въезжающих на двор Алениных казаков.

Старый Аленин с трудом дошел до подвешенных между лошадей носилок, где лежал внук Тимофей, и невольно отпрянул. Вид у Тимохи был ужасен: порванная рубаха, шаровары, сапоги – все было в грязи и буквально залито кровью. Лицо и волосы молодого казака были покрыты буро-коричневой коркой. Лишь на голове да на правом предплечье белели повязки из холстины, также пропитанные кровью.

– Не бойся, дядька Афанасий. – Атаман неслышно подошел и положил старику руку на плечо. – Не его эта кровь. Легко, можно сказать, твой внук отделался.

– А чья кровь тогда? – повернув голову к атаману, спросил старик.

– Расскажу все, подожди. Сейчас казаки Тимоху в бане разденут, отмоют и в хату занесут. Давай быстрее, станичники! – повелительно гаркнул Селеверстов. – Шевелись!

Четверо казаков, спешившись, осторожно сняли носилки с телом Тимохи и понесли к бане Алениных. Еще двое бросились в дом за ведрами. Кто-то уже черпал воду из колодца, а мощного телосложения черноусый казак кинжалом щипал лучину для розжига банной печи.

В это время на двор въехала бричка, из которой вылез окружной фельдшер Иван Петрович Сычев. Что-то спросив у казаков во дворе, он быстрым шагом, с саквояжем в руке прошел в баню.

Старый Афанасий тяжело опустился на лавку у дома и, показав атаману Селеверстову, чтобы тот садился рядом, устало произнес:

– Ну, рассказывай далее.

– Да что рассказывать-то... – так же тяжело опустился на лавку атаман. – Непонятно все!

– Что непонятно?

– Да то. Получается, дядька Афанасий, что Тимоха-то твой двенадцать хунхузов на тот свет отправил.

– Как двенадцать? – Брови старика Аленина от удивления взлетели вверх.

– А не знаю, как! – Селеверстов поставил шашку между ног и оперся подбородком на ее эфес. – Последнего он у нас на глазах убил. – Атаман разгладил пальцами свои сивые усы. – Галопом влетаем с казаками в Соворовскую ложбину, там уже нет никого. Несемся дальше, к спуску к Амуру у острова, глядим – сверху на холме Тимоха стоит в таком вот виде: весь в кровище, а на него хунхуз верхами несется во весь опор, визжит и своей железякой китайской машет. А у Тимохи правая рука плетью висит, а в левой только кинжал.

Атаман замолчал. Старик Аленин напряженно ждал продолжения.

– Представляешь, дядька Афанасий, – Селеверстов развернулся всем телом к старому казаку, – на него китаец этот летит, да здоровый такой, как бы не больше нашего Митяя Широкого, а твой Тимоха стоит с одним кинжалом и ждет его спокойно.

– Петр Никодимыч, не тяни ты душу! Дальше рассказывай!

– Рубанул хунхуз Тимоху сверху наотмашь, тот попытался увернуться и прикрыться кинжалом. Все, думаю, нет больше Тимохи! Такой удар сам не знаю, отбил бы или нет, да и то шашкой, а не кинжалом.

Селеверстов задумчиво начал крутить кончик уса.

– Словом, хунхуз на нас выскочил. Мы только карабины подняли. Раньше-то стрелять не могли, Тимоха варнака загораживал. – Атаман рубанул рукой. – Смотрим, а китаец с коня валится, и в спине у него кинжал торчит. Тимоха же постоял, постоял, покачнулся и упал.

Старик Аленин крепче сжал костыль обеими руками.

– Мы на холм наметом поднялись, – продолжил свой рассказ Петр Никодимыч, – глядим, Тимоха лежит, лицо кровью залито. Мишка Лунин с коня соскочил и к нему кинулся. «Жив!!! – кричит. – И голова целая!» Да давай рубаху на себе рвать и перевязывать голову Тимохе.

Селеверстов посмотрел в глаза Аленину.

– Я с остальными казаками стал с холма спускаться к Амуру, а там картина: у подножия холма два застреленных китайца. А еще дальше по берегу во всей красе еще девять мертвых бандитов. У половины

головы прострелены. Трое еще почему-то поперек седла на лошадях лежат. Ну и наш табун почти полностью по берегу разбрелся.

– У Тимохи-то с утра, когда на пастбище уезжал, только четыре патрона к его берданке было, – сказал Афанасий, не отрывая удивленного взгляда от лица атамана.

– Собрали мы табун, Тимоху перевязали, чем смогли, на сделанные носилки положили, подвесили между лошадей да назад подались, – продолжил Селеверстов. – Я там урядника Башурова с двумя десятками казаков оставил, чтобы еще пошукали, посмотрели, на ту сторону Амура быстро сходили.

– А наказному атаману не доложат? – спросил Афанасий Васильевич. – Запретили нам на ту сторону в Маньчжурию ходить.

– Ничего, Наум Башуров казак опытный. Все по-тихому сделает. Следов не оставит. А вот и фельдшер!

– Что скажете, уважаемый Иван Петрович? – поднялся с лавки Селеверстов, а за ним с трудом встал и старый Аленин, с надеждой глядя на фельдшера.

– Все хорошо! – ответил Сычев, подходя к казакам. – На удивление хорошо. На правом боку касательное ранение от пули, прострелено правое плечо. Но иначе как чудом я это не назову! Плечевая кость не задета, артерия не задета, нервная связка не задета. Рука будет нормально работать. При этом если бы пуля прошла чуть-чуть левее, выше или ниже, и можно было бы с рукой проститься, а то и не довели бы казаки Тимофея живым сюда. Кровью бы истек. В общем, везучий парень Тимоха! В плече-то и кость, и мышцы, и жилы тесно идут, не одно заденешь, так другое... А тут так повезло!!! Что еще? На голове сильный ушиб височной области с левой стороны и рассечение кожи.

Фельдшер поставил саквояж на землю, достал из сюртука коробку папиросок и, закурив, продолжил:

– Через месяц или два будет как огурчик, шрам только над левой бровью останется, да правую руку, после того как дырка зарастет, надо будет еще с месяц-другой поберечь.

– Он уже пришел в себя? – с затаенной радостью спросил старый Афанасий.

– Пока нет. Контузия от удара по голове у него сильная и кровопотеря большая. Так что покой и пока только питье с

лекарствами, которые я оставил. Потом бульона можно дать будет. – Сычев загасил папироску. – Завтра приеду, сменю повязки. Если вдруг его вырвет, Афанасий Васильевич, не пугайтесь. Такое бывает после сильного удара по голове. Счастливо оставаться! – И доктор направился к бричке.

– А как же оплата? – вдогонку крикнул старый Афанасий.

– Потом, все потом, – ответил Сычев, усевшись в бричку и направляя ее в ворота, и выехал со двора Алениных, где чуть не столкнулся с въезжающей телегой, запряженной небольшой кобылой, которой правила красивая, черноволосая женщина лет тридцати.

– Вот и Марфа приехала! – Поправив фуражку, Селеверстов пошел навстречу.

– Здравствуй, атаман, – спрыгнув с телеги, поздоровалась красавица. – Сто лет прожить вам, Афанасий Васильевич.

– Здравствуй, Марфа, – хором поздоровались с ней казаки.

– Зачем звал, атаман? – спросила Марфа, глядя на Селеверстова иссиня-черными глазами.

– Понимаешь, Марфа, – потербил усы станичный атаман, не отводя глаз от взгляда женщины, – непонятно мне...

– Что непонятно?

– Непонятно, как мог четырнадцатилетний казачонок, чуть даже не малолетка, двенадцать вооруженных варнаков извести.

– Чего-то боишься, Никодимыч? – спросил, подковыляв, Афанасий.

– Не знаю. Пусть Марфа Тимофея посмотрит. Она ведунья сильная, душу видит. Пусть посмотрит! Мало ли чего!

Прервав разговор, к стоявшим казакам и женщине на взмыленном жеребце подлетел казак с лычками младшего урядника на погонах и, свесившись с седла к атаману, негромко проговорил:

– Господин атаман, на берегу острова Зориха обнаружено двадцать наших коней, четыре мертвых вооруженных китайца и их лошади. Китайцы все убиты из винтаря. Всех лошадок перегнали на нашу сторону. С китайцев все собрали.

Конь под урядником начал играть, перебирая ногами.

– Да сойди ты с коня, Башуров, и доложи подробно, – похлопывая жеребца по морде, сказал Селеверстов.

Наум Башуров, соскользнув с коня и взяв его под уздцы, продолжил:

– В овраге, что вправо от Амура перед Соворовской ложиной уходит, нашли еще пятерых мертвых хунхузов и их лошадей. Двое убиты кинжалом со спины в сердце одним ударом, а у троих глотки от уха до уха перерезаны.

– Да... дела! – Атаман озадачено сдвинул фуражку с желтым околышем на затылок, а старый Афанасий застыл столбом.

– Еще что нашли? – спросил Селеверстов.

– У хунхузов зарезанных, которые вооружены были винтовками Бердана, подсумки для патронов пустые, – продолжил доклад урядник. – Варнаков на острове Зориха положили с нашей стороны. Нашли лежку Тимохи, откуда он сделал, судя по гильзам, четыре выстрела.

– Что скажешь, Афанасий? – повернулся атаман к старому Аленину. – Смог бы твой внук за двести-триста шагов четыремя выстрелами попасть в четверых скачущих всадников? И не просто попасть, но и убить?

– Не знаю, Петр Никодимыч, – с сомнением покачал головой старый казак. – Стреляет Тимоха хорошо, но чтобы так... И прирезать пятерых варнаков, да еще таким образом... Не знаю.

– Ага, прирезали варнаков знатно, ни один и пикнуть не успел. Мы их по оврагу шагах в ста друг от друга нашли, кроме двух последних, которых, видимо, одновременно зарезали, причем одному башку почти напрочь снесли. А предупредить друг друга они не успели! – встрял в разговор Башуров.

– Урядник, чьи-то еще следы были?

– Никак нет, господин атаман, – вытянулся в струнку Башуров. – Только следы Тимохи Аленина. Нашли место, где он перевязку делал, там же и двух зарезанных хунхузов. Лежку на берегу, где он по бандитам на острове стрелял, и на холме позицию, рядом с которой нашли его ножны от кинжала, ремень и пустую китайскую сумку для патронов. Там же недалеко и карабин Тимохин нашли. Стреляли из него, судя по нагару в стволе, много. А на вершине холма, где Тимоха последнего варнака кинжалом убил, в траве револьвер нашли.

– Одно непонятно, как он столько варнаков смог завалить! – Башуров задумчиво почесал голову под фуражкой. – Мы с казаками обсуждали: ни один из нас не смог бы такого сделать.

– Вот и мне непонятно! – Селеверстов внимательно оглядел стоящих перед ним казаков и женщину. – Как мне наказному атаману докладывать: «Ваше превосходительство, у нас хунхузы на днях хотели станичный войсковой табун лошадей угнать, да только четырнадцатилетний Тимоха Аленин взял да и убил их один всех. Да чего там, ваше превосходительство, их был-то всего двадцать один варнак. Для наших казачат это все равно что стакан молока выпить».

– Ладно, – махнул рукой атаман, – об этом позже будем думать. Марфа, ты иди Тимоху смотри, мы с Наумом пока еще переговорим, а ты, Афанасий Васильевич, иди, присядь пока на лавочку.

Сказав все это, атаман с урядником отошли в сторону и стали что-то негромко обсуждать.

– Не волнуйся, Афанасий Васильевич. – Марфа положила старику руку на плечо. – Все будет хорошо. Я чувствую.

Погладив старого Аленина по плечу, знахарка и ведунья легкой походкой пошла в дом, куда уже перенесли раненого Тимофея.

Афанасий с трудом доковылял до лавки, кряхтя, опустился на нее и застыл, глядя пустыми глазами куда-то вдаль.

Селеверстов, переговорив с урядником, пошел по двору, останавливаясь по очереди и разговаривая о чем-то с казаками, находящимися на подворье Алениных. Поговорив со всеми, он вернулся к старику Аленину и, присев рядом с ним на лавку, тихо произнес:

– Вот что, дядька Афанасий, я переговорил с казаками, и мы решили, что из захваченной добычи утаим трех лучших лошадей с полной сбруей и три хороших винтаря с патронами. Все это пойдет тебе и Тимохе. – Атаман поднял руку, предупреждая возражения Аленина. – Пойми, дядька Афанасий, твой внук наш станичный войсковой табун спас. Сколько бы казаков в станице могло без строевого коня остаться. Да что кони, Тимоха моего Ромку да Дмитра Данилова сына, Петруху, от верной смерти спас. За что всю оставшуюся жизнь буду за Тимофея твоего молиться. Кроме того, мы со станичниками решили, что всю премию за хунхузов и за их снаряжение, что начальство в Благовещенске даст, тебе отдать для Тимохи. Ему деньги понадобятся, если сможет в Иркутское училище поступить. Да вам и сейчас деньги не помешают.

Афанасий Васильевич из-под густых седых бровей внимательно посмотрел на атамана.

– Да, Афанасий. Завтра повезем в Благовещенск захваченное у хунгузов оружие, амуницию и их лошадей погоним для доклада. – Селеверстов поднялся, надел фуражку. – Там я с наказным атаманом о Тимохе и поговорю. Все равно докладывать о том, как он отличился. Может быть, под этот случай и вопрос о его поступлении в училище решим.

Атаман направился к своему жеребцу.

– Дядька Афанасий, я твоих коней и тех, которых отберем для тебя, пока у себя оставляю, а вечером Ромку пришлю для помощи. Он и поснедать тебе привезет, и бульон куриный для Тимохи.

– Спасибо тебе за все, Петр Никодимыч! – Старый казак поднялся с лавки и склонил голову.

– Тимохе твоему за все спасибо.

Селеверстов поклонился, затем перебросил повод на шею коню и легко, не касаясь стремян, вскочил в седло, будто и не шестой десяток шел атаману.

На выход со двора за атаманом потянулись верхами остальные казаки, ведя в поводу несколько заводных лошадей. Из дома вышла Марфа и подошла к Аленину.

– Что скажешь, Марфа?

– Не знаю, что и сказать, Афанасий Васильевич. – Женщина на несколько секунд задумалась. – Показалось мне вначале, когда Тимофея разбудила, что смотрит на меня старик. Только я попыталась взглядеться в него, как он как будто бы в скорлупу спрятался, а потом уже твой внук появился.

– Как он? – Старый Аленин подался ближе к ведунье.

– Не помнит ничего. Говорит, что когда погнали табун в падь, услышал выстрел, что-то ударило в бок, и он слетел с коня, ударился головой, и все. – Марфа покачала головой. – Не знаю, что и думать, Афанасий Васильевич. Казаки-то с атаманом говорили, что Тимофей всех хунгузов убил. Других следов не было. А он не помнит ничего.

Афанасий Васильевич пригладил ладонью свою седую бороду.

– А ты что думаешь? Все знают, что ведунья ты сильная и знахарка знатная.

– Не знаю, не сталкивалась я с таким. И бабка, что учила меня, тоже не сталкивалась. А вот ее бабушка, моя прапрабабушка, говорила, что был у нее случай, когда в одном теле как бы два разных человека жили.

– И что делать?

– Не знаю. Смотреть буду. А может быть, тот другой, что не Тимофей, появляется только в минуты смертельной опасности для них обоих? – Знахарка ласково улыбнулась старику. – По сути, он же спас Тимофея, да и убить варнаков столько – это каким же воином справным надо быть?

– Да... – продолжая оглаживать бороду, протянул Аленин. – Уж насколько я в молодости был умелым казаком, но такого количества врагов точно бы не одолел. Так что мне делать, Марфа?

– А ничего! Живите, Афанасий Васильевич, как жили. Внука выхаживайте от ранений. А я наезжать буду, смотреть. Может быть, что и прояснится.

Женщина приобняла старика.

– Все хорошо будет, дядя Афанасий. Тимоха жив. Молодой. На поправку быстро пойдет. Да может, и ошиблась я, привиделся мне взор старика. Ладно, поехала я в станицу.

Марфа подошла к телеге, села в нее и, понукая лошадь вожжами, стала разворачивать телегу для выезда со двора.

– Прощевай, дядя Афанасий! – задорно улыбнулась она, показав ровные белоснежные зубы. – Завтра ближе к обеду подъеду, посмотрю, что там дохтур наш намудрит.

Затрусил кобылка, и телега, поднимая пыль, покатила со двора. Сидевшая в ней женщина прощально махнула старому Аленину рукой.

Афанасий Васильевич немного постоял во дворе, провожая взглядом уезжающую знахарку, затем потихоньку пошел к дому. С трудом поднявшись на крыльцо, старый казак зашел в сени и медленно проковылял в горницу, где на кровати лежал забинтованный внук.

Склонившись над Тимофеем, дед осторожно погладил его черные вихры волос, торчавшие из-под перевязочной ткани. Как будто почувствовав это, Тимофей открыл глаза.

– Деда, все хорошо?

– Хорошо, внучек. Все хорошо, Тимоха! – по заглубелому лицу из глаз старого казака, теряясь в бороде, потекли слезы.

Глава 3

Гвардии подполковник Тимофей Аленин

Пока внук общается с дедом, подумаем о том, что же случилось. Для начала позвольте представиться – гвардии подполковник запаса Тимофей Васильевич Аленин – полный тезка молодого Аленина, в тело которого занесло мою грешную душу, сознание, матрицу или еще что-то, не знаю, как это назвать. Но ощущаю я себя в этом теле почти нормально: думается легко, Тимоха мне не мешает, да и телом его, как убедили утренние события, тоже управлял нормально. Хорошее, сильное и развитое тело у паренька. Разве растяжки, резкости, выносливости не хватает, но это дело наживное. Но обо всем по порядку.

Родился я в 1963 году в семье военного в городе Благовещенске. Учился так себе, но спортом занимался усиленно. К окончанию школы выполнил норматив КМС по биатлону. Очень хотел поступить в Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище в Благовещенске, где также готовили офицеров для морской пехоты, но не прошел по баллам. Завалил русский язык. Не могу писать сочинения – не Лев Толстой я, к сожалению. Поэтому вместо военного училища попал в армию, как думал сначала, обычным «пехотным Ваней». Но все оказалось намного интереснее.

Из военкомата с «покупателем» – молодым старшим лейтенантом с пехотными петлицами – я и еще двое ребят на самолете совершили перелет через всю страну из Благовещенска до Великого Новгорода. Потом на уазике нас отвезли куда-то под Псков, в летние лагеря, где и выяснилось, что пехотные петлицы старшего лейтенанта – это маскировка, а служить я буду в каком-то спецназе, хотя форма солдат и офицеров в учебке была десантных войск.

И прослужил я в войсках специального назначения двадцать три года с хвостиком, не считая учебы в военном училище. После полугода обучения в учебке, где получил специальность минера, почти год службы в Афганистане в 177-м отдельном отряде спецназа, в составе 22-й бригады СпН. В данное подразделение получил распределение

из-за своей внешности. Вылитый пуштун, не раз потом подкалывали меня ребята в отряде.

За Афганистан получил медали «За боевые заслуги» и «За отвагу», орден Красной звезды, позывной «Ермак», славу хорошего минера и снайпера.

В отряде, как КМСу по биатлону, после пробных стрельб вручили СВД и поставили сначала в пару к основному снайперу. Вскоре стал штатным снайпером. Потом был бой, во время которого получил два ранения: в голову и правую руку.

«Почти как сейчас, – подумал я и попытался повернуть голову и пошевелить рукой, благо дед Афанасий уже из горницы ушел, и никого рядом не было. – Терпимо. Боли почти нет. Интересно – тогда в Афгане кожу на голове осколком мины рассекло и пулю в плечо от снайпера моджахеда в одном бою получил, и сейчас – пулю в руку и китайским мечом по голове. Тенденция, однако!»

После госпиталя в Ташкенте и отпуска по ранению до моего дембеля оставалось около четырех месяцев, когда неожиданно даже для себя я взял и написал рапорт с просьбой отправить меня поступать в рязанское десантное училище.

Батя – командир 177-го ооСпН – майор Керимбаев рапорту ход дал и характеристику взводного подписал, в которой тот столько хорошего изложил, что хоть памятник из меня делай. Потом учебные сборы на базе Самаркандского автомобильного училища, где попал в роту поступавших в десантное училище. Сдача физо и медкомиссия. Ее, несмотря на ранения, слава богу, прошел. Награждение орденом освободило от сдачи вступительных экзаменов. Затем абитура в ЗУЦе под Рязанью, и я – курсант РВВДКУ.

Четыре года обучения в спецбатальоне в отделении спецназа, красный диплом, лейтенантские погоны, право выбора места службы и 173-й ооСпН в родной 22-й бригаде спецназа, которая базировалась уже в Азербайджане.

А затем поддержание конституционного порядка в Баку, Нагорный Карабах, осетино-ингушский конфликт, две чеченских кампании, парочка загранкомандировок, грузинский конфликт и заслуженный дембель в 2009 году. Мог бы и дальше служить, но надоело смотреть, как армию лишают последних боевых подразделений. Лучше бы

Табуреткин продолжал мебелью торговать, а не министерством обороны руководить! Хотя на вооружении больше заработаешь.

Выслуги, да еще со льготами, было уже по самое не могу – вот и ушел. С жильем проблем не было: от родителей после их переезда в Краснодарский край трехкомнатная квартира в Благовещенске осталась, и от деда – крепкое подворье в Ермаковской пади на Амуре, где я и проживал постоянно последние годы.

Сбежал я из Благовещенска, где очень часто приглашали на торжественные мероприятия в качестве почетного гостя или «новогодней елки». К наградам за афган еще два ордена Мужества добавились и Звезда Героя России за операцию в Первомайске против банды Радуева. А если добавить юбилейные медали, за выслугу и кучу всяких знаков за Чечню, то иконостас на парадном мундире значительный получался. Вот и «работал» в администрации города «почетным жителем», пока не надело. Уехал в дедов дом, подремонтировал его и зажил спокойной жизнью пенсионера. Пенсии и надбавки за Героя России хватало с избытком, лес обеспечивал дичью и другими дарами, Амур – рыбой, спутниковая тарелка с модемом давала связь с миром через Интернет и телевидение. Так и жил бобылем.

Были в свое время две жены, да не выдержали они постоянного ожидания мужа с боевых выходов, которые иногда длились по полгода. Детей в обоих браках не нажил. Осталось одиночество, но оно постепенно стало нравиться. В последнее время пристрастился к чтению книг, особенно по альтернативной истории с «попаданцами», благо в электронном виде таких произведений в инете можно было найти множество. Подумывал свои мемуары засесть писать, но все оборвалось летним утром 2018 года. Выбежал, как обычно, с утра в лес на зарядку, увидел яркий шар в небе. Успел подумать: «Все же пиндосы ударили ядерным оружием!» Нестерпимый жар и темнота.

Очнулся и не пойму, где нахожусь. Лежу на спине в траве, раскинув руки, голова разваливается, в правом боку сильная боль. Слышен топот множества конских копыт, будто табун от меня удаляется. Попытался сесть – удалось, но не могу понять, что не так. Увидел свои ноги в сапогах и в синих шароварах с желтыми лампасами, затем поднес руки к глазам.

– Н-да... Приплыли! – вслух произнес я и не узнал собственного голоса. Это был ломающийся басок молодого парня. И руки, и ноги, и все остальное тело также принадлежало крепкому жилистому парню лет шестнадцати-восемнадцати.

– Глюки?! – тихо сказал я, но боль в голове и боку была уж больно реальной.

Скосив взгляд вправо и вниз, увидел на залитой кровью серо-белой холстинной рубахе входное и выходное пулевые отверстия. Прижал правую руку к боку и невольно дернулся от прострелившей меня боли.

– Похоже, по касательной зацепило, – прошипел я сквозь зубы и сильнее прижал ладонь к ране.

Боль не усилилась, значит, ребра целые. Это уже хорошо! Но рассмотреть более подробно рану не удалось, так как внимание переключилось на приближающиеся конский топот и крики. Повернув голову, увидел, что где-то в километре от меня в мою сторону во весь опор несется пятнадцать-двадцать всадников, одетых во что-то непонятное, с какими-то веревками за головами. Некоторые чем-то крутили одной рукой над собой, а кто-то держал в руках предметы, издав далеко похожие на палки или ружья.

Индикатор опасности в голове забил во все колокола. Я вскочил на ноги, покачнулся из-за боли в боку и закружившейся головы, но, сжав зубы, заставил себя оглядеться вокруг.

Слева от меня метрах в тридцати начинался глубокий, широкий и длинный овраг с высокой травой, склоны которого поросли кустарником и деревьями. Вдали овраг пропадал в лесу. Прямо на меня, уже где-то в метрах восьмистах, по ровному полю скакали всадники. Справа высился холм, а за мной тянулась к лесу широкая лощина с густой травой и мелкими кустарниками.

В лощине останавливал бег, переходя с рыси на шаг, большой конский табун голов в сто или в сто пятьдесят. От табуна отделились два всадника и, нахлестывая лошадей, во весь опор понеслись к виднеющейся вдали дороге, уходящей в лес.

– Ромка и Петруха в станицу поскакали, казаков поднимать, – прозвучало в моей или не моей голове.

– Ты кто? – мысленно спросил я оппонента.

– Тимоха Аленин из Ермаковской пади, – получил такой же мысленный ответ.

– Какой сейчас год?

– Лето одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года.

– А это что за всадники?

– Хунхузы! Конец нам пришел!!!

В голове и по всему телу прокатилась волна страха и ужаса, от которой дыбом встали все волосы на теле.

– Так, Тимоха, спокойно. Я тоже Аленин и тоже Тимофей. Офицер спецназа. – Я задержал дыхание, чтобы новое тело получило выброс адреналина. – Не паниковать и мне не мешать. Затаись где-нибудь и не лезь в руководство телом.

– А вы взаправду офицер, ваше благородие?

– Взаправду, Тимоха, взаправду. Оружие у тебя было какое-нибудь?

– Кинжал дедов был за поясом, карабин Бердана был в руках, когда в бок что-то ударило, и я упал с коня. И еще к берданке четыре патрона в кармане шаровар было.

– Уже хорошо!

Я сделал несколько шагов навстречу всадникам и увидел в траве кавказский кинжал кама с красиво отделанной рукоятью и в шикарных ножнах, а чуть далее лежало короткое однозарядное ружье.

«Надо же, какой раритет! Кавалерийский карабин Бердана-Сафонова 1871 года! Жалко, что однозарядка. А кинжал – вещь!» – эти мысли я додумывал уже на бегу к оврагу, куда припустил, взяв в руки карабин и кинжал, так как расстояние между мной и всадниками стремительно сокращалось.

Несмотря на боль в боку и небольшое головокружение, до оврага я буквально долетел, а не добежал. Оглянулся. В мою сторону от группы хунхузов отделилось три всадника, а остальные, обтекая склон холма, скакали к табуну. «Ромку и Петруху им уже вряд ли достать, – подумал я, – но подстрахуем ребят».

Зарядив карабин и зажав в зубах еще два патрона, я произвел, как можно быстрее перезаряжая карабин, три выстрела. Три всадника, направлявшихся в мою сторону, упали с коней. Первого снял метров со ста пятидесяти, последнего метрах в двадцати от себя, сразив его в голову. Это был мой профессиональный стиль или почерк – всегда, начиная с Афгана, если стрелял на поражение, то только в голову. Хотя в учебке инструктор учил нас: «Никогда не цельтесь в голову! Она маленькая и твердая. Цельтесь в корпус: он большой и мягкий!»

Видимо, чувство противоречия мнению начальства было во мне всегда сильно развито.

«Минус три!» – подумал я и увидел, как по команде высокого китайца с выбритым лбом и толстой длинной косой сзади (вот и веревка) пять всадников развернулись и поскакали в мою сторону.

«Встретим и вас, ребята!» – зарядив последним патроном карабин, я стал спускаться в овраг, стремясь как можно быстрее добраться до его заросшей внизу деревьями части.

Добежав до деревьев, я обернулся и увидел, что пятерка хунхузов попыталась спуститься в овраг верхом, но потом спешила и стала осторожно двигаться вниз по склону, оставив коней на краю оврага.

«Отлично! – подумал я. – Теперь есть время, чтобы заняться раной и обдумать, что делать дальше».

Углубившись в лес, я сначала умышленно оставлял как можно больше своих следов, и где только можно, направляя погоню в глубину оврага, поросшую лесом. Найдя метров через пятьсот небольшой ручеек, который струился из небольшого родника, я снял с себя рубаху и, отрезав три полосы, сделал себе перевязку раны на боку. То, что осталось от рубашки, измазал в глине и грязи, которые были на дне ручья, и натянул ее на себя.

«Надеюсь, столбняк не схвачу», – думал я, замазывая грязью лицо и желтые лампасы на синих шароварах. Затем, нарвав виноградных листьев со стеблями, обмотал ими предплечья, шею и голову.

– Что ты делаешь? – мысленный вопрос Тимохи застал меня врасплох, я уже забыл, что нахожусь в чужом теле. – Ты так здорово стреляешь!

– Маскируюсь. А стрелять приходилось часто, – мысленно ответил я напарнику по телу. – Тимоха, ты сейчас опять где-нибудь спрячься и не мешай мне. Я буду делать очень неприятные вещи.

– Какие?

– Резать буду хунхузов, а то патрон только один остался.

– А ты сможешь? – По телу прошла неконтролируемая дрожь.

– Смогу, Тимоха. Еще как смогу. Иногда мне казалось в прошлой жизни, что зарезать для меня человека куда проще, чем какую-то иную божью тварь, типа курицы. Все, Тимоха, не мешай!

Сказав мысленно эти слова, я оставил карабин за приметным валуном у ручья и осторожно, от ствола к стволу, пошел, забирая

вверх, по склону оврага навстречу своим противникам. Пройдя вперед метров двести, я остановился и залег за стволом упавшего от времени дерева. По моим расчетам бандиты должны были появиться через пару минут.

Чутье не обмануло меня. Буквально через минуту на дне оврага из-за деревьев показался первый китаец. В руках он держал винтовку Бердана и шел, внимательно осматриваясь по сторонам. Шел точно по моему следу. Буквально через несколько секунд за ним появился еще один бандит, одетый в такое же непередаваемое рванье, как и первый, и в руках у него тоже была винтовка Бердана.

«Отлично! – подумал я. – Вот и боекомплект мой идет. Где же остальные?»

Рядом с собой я услышал звук осыпавшейся земли. Скосив глаза в сторону по стволу упавшего дерева, за которым прятался, я увидел еще двух хунхузов, которые шли по склону оврага, огибая деревья.

«Грамотно страхуют нижнюю пару. – Я вжался лицом в ствол дерева и застыл. – Надеюсь, сойду за валун или пенек, тем более идет эта пара ниже меня метров на десять и вверх не смотрит. Не должны заметить».

Через некоторое время, которое показалось вечностью, шаги бандитов затихли где-то впереди, куда их вели мои специально оставленные следы.

Идут парами, для меня это плохо. Выглянув из-за ствола, я искал, где же пятый из разбойников. Обнаружить его удалось с трудом на противоположной стороне оврага, по которой китаец пробирался между деревьями и кустарниками.

Достав кинжал из ножен и измазав его землей, я осторожно двинулся за парой бандитов, которая шла по моей стороне оврага. «Как в старые добрые времена! – думал я, скользя между деревьев. – Ничего почти не болит: небольшая боль в боку от раны не в счет. Каждая мышца тела звенит. Лепота!»

Вскоре представился удобный момент для первой атаки. Один из китайцев в первой паре отстал, присев на корточки, что-то внимательно рассматривая между деревьев впереди.

«Очень хорошо», – подумал я, одним прыжком преодолел оставшиеся до бандита метры и всадил клинок под левую лопатку, проворачивая его. Этот удар был поставлен мне еще в Псковской

учебке. При точном исполнении противник мгновенно теряет сознание, не издавая звука, поскольку происходит мощный выброс крови внутри тела, и через короткий промежуток времени наступает летальный исход.

Хунхуз завалился вперед, одна нога пару раз конвульсивно дернулась. Я резко выдернул кинжал и перевернул китайца на спину, быстро осматривая его снаряжение. «Хреново, ничего для дела нет! – еще раз ощупывая ту рванину, в которую был одет бандит, думал я. – Ружье, блин, карамульгук какой-то, патроны к берданке точно не подойдут, тесак из дерьмового железа. Хорошо хоть, счет пополнился – минус четыре!»

Второго из этой пары бандитов удалось снять так же легко. Он стоял, прислонившись правым плечом к дереву, дожидаясь своего партнера по двойке. Бандит обладал отменным слухом, потому что услышал, как я подкрадываюсь к нему, но даже не повернул головы, видимо, приняв меня за своего отставшего напарника. Удар кинжалом под левую лопатку, поворот клинка, и его вопрос, который он задал тихим голосом, остался без ответа. Что спросил китаец, я не узнаю никогда. В прошлой жизни знал английский, немецкий, пушту, фарси и немного чеченский.

К сожалению, и у этого хунхуза для моих дальнейших боевых действий ничего полезного не было. Какое-то старинное ружье, причем такое грязное от нагара в стволе, что стрелять из него, по моему мнению, было просто опасно. Из холодняка на бандите тоже ничего хорошего не оказалось, поэтому за следующим хунхузом я отправился вооруженный все так же одним кинжалом.

Быстро перебравшись на другую сторону оврага, я, как мне казалось, неслышно устремился за тем одним китайцем, который прикрывал нижнюю двойку бандитов, идущих по моему следу. Но это я думал, что продвигаюсь быстро и неслышно, как это умел раньше. Новое тело не имело, к сожалению, тех навыков и умений, и мышцы не так работали, поэтому для меня стало полной неожиданностью, когда из-за дерева возник, как из ниоткуда, моего роста китаец и с каким-то шипением ткнул в мою сторону чем-то похожим на саблю.

Мое тело сработало на автомате. Резко присев, отводя руку бандита с саблей своим левым предплечьем вверх, я правой рукой с кинжалом ударил снизу вверх. Противник, не ожидавший от меня такой прыти,

провалился в выпаде и напоролся шеей на мой кинжал, который вскрыл ее от уха до уха. Фонтан крови из распоротой шеи бандита окатил меня с ног до головы.

«Теперь я точно похож на обожравшегося вурдалака», – выпрямляясь и делая шаг в сторону от падающего на меня мертвого хунхуза, подумал я.

В этот момент в моей голове раздался возглас:

– А-а-а!!! – и будто на секунду выключился свет в глазах.

Так... Тимоха вырубился.

Я стер ладонью кровь с лица. Самого меня также ощутимо потряхивало. Все-таки в последний раз вот так лицом к лицу и на ножах в той жизни сходилась во второй Чеченской кампании, почти двадцать с лишним лет назад. «Или сто с лишним лет вперед, – нервно хохотнул про себя я. – Все. Собрались! Работаем!»

Осматривая убитого китайца или маньчжура, судя по имеющейся косе, я обратил внимание, что одет он был, в отличие от первой пары зарезанных бандитов, в целый и относительно чистый халат, хорошие штаны и сапоги. Лоб его был выбрит, а волосы сзади были заплетены в длинную косу. Холодное оружие у этого хунхуза тоже было на высоте. В руке он продолжал сжимать хороший клинок. Разжав пальцы у мертвого маньчжура, я вынул из его еще теплой ладони саблю и, примерившись к удобному эфесу, взмахнул клинком перед собой крест-накрест. Сабля рассекла со свистом воздух, а тело будто бы запросило дальнейших движений.

«Значит, Тимоха хорошо работает с пашкой, – рассматривая более внимательно саблю, думал я. – У меня таких навыков и отработанных движений по фехтованию саблей не было. А сабля все же более похожа на китайский меч “Люйе Дао”, хотя могу и ошибаться, в китайском холодном оружии я разбираюсь плохо. Но клинок хорош: отличная балансировка, хорошая сталь и заточка. Кстати, где-то и винтовка должна быть».

Зайдя за дерево, из-за которого выскочил китаец, я обнаружил там аккуратно прислоненное к стволу оружие. Взяв его, с удивлением обнаружил, что держу в руках восьмизарядную винтовку Маузера 71/84. Передернув затвор несколько раз, вынул из винтовки три патрона. Вернулся к мертвому китайцу, обыскал его, но патронов больше не нашел.

«Они что, без патронов в набег ходят?!» – рассматривая на просвет чистоту ствола, думал я. Но потом вспомнил, что в это время покупка оружия и боеприпасов обходилась хунхузам столь недешево, что винтовочные патроны иностранного производства, к примеру, именовались на бандитском жаргоне даянами («серебряными долларами»). А уж к Маузеру 71/84 цены на патроны должны были быть вообще запредельными. Такие винтовки в Европе только три-четыре года назад появились. И путь такой магазинной винтовки из Германии в Маньчжурию должен был быть очень дорогим.

«Жаль... – подумал я. – Винтовка замечательная, но к ней только три патрона, а от берданок к ней патроны не подходят. Не тот калибр: у маузера – одиннадцать миллиметров, а у берданки – десять семьдесят пять. Ладно, потом ее заберу, а то жаба задушит, все-таки одна из первых магазинных винтовок в мире. Раритет!»

Поставив винтовку назад к дереву, я снял с китайца ножны от меча, надел их на себя и как-то молодежато вложил в них клинок. Потом, взяв в правую руку кинжал и еще раз внимательно оглядев место последней схватки, отправился за последними двумя китайцами, которых определил как свой ходячий боекомплект.

Их я нашел на том месте у ручья, где делал перевязку. Они стояли у камня, на котором я сидел, и что-то внимательно рассматривали на земле, при этом один из них держал в руках свою винтовку и мой карабин, который я спрятал за камнями.

«Лучшего случая не будет!» – подумал я и, прыжком из кустов пролетев по воздуху метра три, оказался между хунхузами, держа в правой руке китайский меч, в левой руке кинжал, крутанулся на сто восемьдесят градусов, нанося удары обеими руками, и два бандита опрокинулись, орошая землю кровью. Причем тому, кого ударил мечом, голову я отрубил почти полностью, и она держалась на остатках не перерубленных сухожилий и кожи.

Я упал на колени, воткнув оружие в землю, и меня стало неудержимо рвать всем тем, что успел съесть с утра Тимоха, а потом желчью.

Такое у меня было только после первой рукопашной схватки на ножах в Афганистане. Мы тогда зачищали какой-то кишлак в долине Панджера. Командир группы дал мне команду занять позицию на крыше одинокой хижины, стоящей на склоне горы, с которой весь

кишляк был виден как на ладони. Я короткими перебежками стал приближаться к этому строению, когда на меня из-за дувала сверху свалился «дух» – крепкий, загорелый до черноты мужчина лет сорока. Упав от неожиданного удара на землю и выронив СВД, я откатился в сторону, выхватывая из ножен нож разведчика. Афганец также уронил автомат и дотянуться до него уже не успевал. Поэтому он также выхватил большой прямой тесак из-за голенища сапога, и мы с ним встали друг против друга на тропинке перед дувалом. Два или три раза наши клинки сталкивались при попытке нанести друг другу резаные раны. Потом «дух» попытался меня достать прямым ударом в живот, а я, сделав подшаг в сторону, пропуская его руку, развернулся на 180 градусов, нанося рубящий удар в область шеи. Мой острый как бритва нож практически перерубил горло моджахеду.

Увидев на земле тело афганца с фонтаном крови из шеи и дергающимися в последних конвульсиях руками и ногами, я тогда так же упал на колени, и мой завтрак и вчерашний ужин в один миг оказались в горячей пыли. Я даже не заметил, как ко мне подбежали двое страхующих меня ребят из группы, которые не могли стрелять, чтобы раньше времени не обнаружить нашу группу, и потащили ближе к глинобитной стене, ограждающей дом, чтобы не попасть под возможный огонь душманов. А ведь на тот момент у меня уже было личное кладбище уничтоженных снайперским огнем «духов» и две боевые медали.

Когда в организме закончилась все, что могло выйти рвотой, я встал с колен, вытер губы тыльной стороной ладони и принялся за грязную работу войны. Обшарив убитых китайцев, я отобрал для себя девять патронов для берданки, подсумок для патронов, хороший ремень, к которому прикрепил подсумок и кинжал. Потом, прополоскав рот и попив из ручья, взял свой карабин, к которому уже привык, вложил в ножны меч и пошел к выходу из оврага.

Оставалось еще около десятка хунхузов, которые, как я понял, хотели угнать станичный войсковой табун. Этому надо было помешать. Являясь жителем другой эпохи, но в то же время потомственным казаком, я знал, что значит строевой конь для казака и насколько он казаку дорог.

Пробираясь по оврагу, я прикидывал, что уже могли сделать бандиты с табуном. Хунхузов осталось человек десять, а табун

большой. Я бы на месте китайцев разделил бы табун на несколько частей и перегонял бы через Амур в нескольких местах одновременно. До станицы не так уж и далеко, и скоро казаки, предупрежденные Ромкой с Петрухой, будут здесь.

«Торопиться надо китаезам! Торопиться!» – думал я, осторожно выбираясь из оврага и осматриваясь по сторонам.

Как я и предполагал, группа бандитов из четверых всадников гнала косяк коней голов в двадцать к Амуру.

– К песчаной косе на острове Зориха идут, – тихо прошепестело в голове голосом Тимохи.

– О! Тимоха, очнулся!

– Ага! А где остальные хунхузы из оврага?

– Наверное, в аду горячие сковороды лижут. Или Будде докладывают о своей грешной жизни.

– Ваше благородие... – начал было Тимоха, но я перебил его:

– Так, Тимоха, давай без чиновочитания. Ты и я теперь одно целое. И как я думаю – на всю оставшуюся жизнь, если сегодня выживем. Поэтому ты будешь Тимохой, а меня зови Ермак, мне так привычно.

– Хорошо, Ермак. А что дальше делать будем?

– Для начала сориентируй меня на местности.

Тимоха начал рассказывать, и я все больше узнавал окружающую местность.

– Китайцы коней к песчаной косе у острова на Амуре гонят. Там пологий спуск к воде и мелко в этом году. Они там и переправились на наш берег. До косы чуть более версты будет. Лощина, в которой остальные хунхузы пытаются разбить табун на части, Соворовской называется. Из лощины дорога через лес к станице Черняева ведет. Тут версты две будет. Впереди холм большой. Его станичники Могильным называют. За ним балка с подлеском начинается, и она тоже к Амуру выходит, только полукругом, подковой изгибается.

– Окей, Тимоха!

– Какой кей?

– Все хорошо, Тимоха. Это на английском языке. Ладно. Давай посчитаем и подумаем. Ромка с Петрухой минут пятнадцать-двадцать назад ускакали. Если всю дорогу шли галопом, то они уже в станице. Пока казаки соберутся, пока сюда доскачут, минут тридцать или сорок

пройдет. Берем крайний для нас вариант – станичники появятся только через час. От этого и будем плясать.

– Зачем плясать и от чего? – недоуменно поинтересовался Тимоха.

– Это присказка такая. Не обращай внимания.

Я задумался. По всему выходило, что придется через балку бежать к косе и во время переправы гасить хунхузов, чтобы не дать им угнать табун на ту сторону Амура. Только бы успеть с первой четверкой бандитов управиться, пока остальные узкоглазые не подошли.

– Успеем, – опять зазвучал в голове голос Тимохи, – они с Вороном долго провозятся. Вона, Ермак, смотри.

Я посмотрел в сторону табуна в ложине и увидел, как высокий красивый вороной жеребец, задрав хвост, носится по ложине, разгоняя табун, кусая для этого всех попадавшихся ему лошадей.

– Это Ворон – племенной жеребец казака Савина. Дорогуший!!! За него, говорят, дядька Иван десять тысяч золотом отдал! На такие деньги табун в сто голов можно купить. Ворон сейчас табун разгоняет, чтобы чужих к себе не подпустить. Он последние два года только мне да деду разрешал к себе подойти.

– Пристрелят его сейчас, и все дела!

– Да ты что, Ермак! Если хунхузы только Ворона одного за Амур угонят, уже денег немерено получают, так что они с ним до последнего возиться будут.

– Тогда все, Тимоха, побежали. Сначала за холм незаметно, а потом по балке к Амуру.

Бежал я дольше, чем рассчитывал. Сказались и потеря крови, и рана в боку, да и Тимоха, как оказалось, бегал плохо: казак не на коне – не казак. Когда, задыхаясь и шатаясь от усталости, я выбежал на берег Амура, четверка хунхузов уже выгоняла на песчаный берег острова Зориха последних из угнанного косяка лошадей и сами выбирались из воды.

Упав за камень и восстанавливая дыхание, я оттянул затвор, проверив, на месте ли патрон, а три положил рядом.

– Ермак, очень далеко, не попадешь!

– Не мешай, Тимоха. Никуда они не денутся.

«Так, расстояние метров двести. Учтем поправки при стрельбе через реку. Карабин вроде неплохо пристрелян. Все. Вдох-выдох.

Вдох-выдох. Успокаиваемся. О, и хунхузы встали. Замечательно!» – подумал я.

Слившись с винтовкой в одно целое, взял на мушку первого из бандитов и мягко потянул спусковой крючок. Выстрел – минус один. Два. Три. Четыре. Все четыре хунхуза, свалившись с коней, растянулись на земле. Ни один из них больше не шевелился.

– А ты, Тимоха, говорил, что не попаду. Попал, правда, стрелять пришлось не в голову, без оптики действительно далековато было.

– Если бы не видел сам, то не поверил бы. А меня, Ермак, так стрелять научишь?

Я во весь голос расхохотался:

– Тимоха, мы же с тобой теперь одно целое: я – это ты, а ты – это я. Можешь для себя считать, что так стрелять ты уже научился. Но многому другому действительно придется учиться. Все. Пошли на холм перед спуском, там засаду делать будем. Жаль, что патронов только шесть штук осталось, я надеялся еще у этих четверых разжиться, но не судьба.

Поднявшись на холм, с которого спуск к воде и весь берег были как на ладони, я принялся искать место для снайперской позиции и быстро его нашел. Небольшая естественная ямка на вершине холма, два принесенных камня, несколько срезанных и расставленных веток, и позиция готова. Теперь оставалось только ждать.

– Ермак, а ты как в меня попал? И почему тебя Ермаком надо звать, если тебя тоже Тимофеем зовут? А сколько тебе лет? А что такое спецназ?

Вопросы сыпались, как горох из прохудившегося мешка.

– Тимоха, остановись. Слишком много вопросов. Давай по порядку. Как в тебя попал – не знаю. Когда я погиб в своем теле, мне было пятьдесят пять лет. Спецназ – это войска специального назначения, предназначенные для разведки и диверсий. С тобой мы полные тезки, а прозвище у меня, сколько себя помню, было Ермак, потому что род свой я веду от Ермака, который Сибирское ханство для государства Московского завоевал.

– Вот здорово! И мы, как дед рассказывал, свой род от Ермака ведем.

– Это действительно здорово, Тимоха, но теперь тихо: кажется, табун идет. Да, Тимоха, если выживем, ты про меня никому ни слова

не говори. Хорошо?

– А почему не говорить, Ермак?

– Такое раздвоение личности считается у врачей серьезным заболеванием. Могут в психиатрическую больницу упечь. Одним словом: в бок ударило, упал с коня, ударился головой и больше ничего не помнишь. А дальше разберемся. Понял, Тимоха?

– Да, Ермак, понял. Ударило, упал и ничего больше не помню. Правда, про какую-то больницу и личности ничего не понял.

– Это не важно, главное первое запомни. И теперь тихо. Хунхузы.

Через прицел карабина я рассматривал приближающийся табун, который сопровождало девять бандитов. На трех заводных лошадях лежали поперек седел три бандита, убитые мной еще у Могильного холма.

«Девять бандитов и шесть патронов. Хреново! – подумал я. – Точнее, не хреново, а пришел ко мне и Тимохе белый и пушистый зверек по имени песец».

Не стал я говорить Тимохе, что вспомнил рассказ своего деда о том, что поселился он в 1946 году в Ермаковской пади после демобилизации по ранению, полученному в боях с японцами из-за того, что на этом месте жили раньше родственники донских Алениных, которые ушли с Дона осваивать Амур и сгинули все. Последним умер Аленин Афанасий Васильевич – георгиевский кавалер, которого на Дону помнили и уважали. Умер он после того, как хунхузы убили его внука Тимофея, до этого убив всех его сыновей. На месте их старого дома, который сгорел во время лихолетья Гражданской войны, дед построил свой дом. В том доме родился мой отец. Из этого дома и я выбежал на последнюю свою зарядку. Вот как оно все завершилось!

Я погладил пальцами правой руки лежащие рядом пять патронов, шестой уже был в стволе карабина. Что ж, еще за шесть мертвых бандитов даю стопроцентную гарантию, а вот с оставшимися тремя как буду справляться – время покажет. Хотя уже сейчас счет в нашу с Тимохой пользу с большим преимуществом: двенадцать – ноль.

А по рассказу деда, в этом набеге хунхузы и Тимоху, и еще двух казачат – видимо, Ромку с Петрухой – убили, и станичный табун успешно увели в Маньчжурию. Казаки тогда ходили за Амур, но табун не смогли отбить. Попали в засаду и еще несколько человек потеряли.

А сейчас счет в нашу пользу. Если и погибнем с Тимохой, то о нем будут говорить, как о славном потомке великого Ермака. А трое китайцев точно не смогут табун угнать. Ромка с Петрухой живы, казаков уже подняли, и скоро они здесь будут.

Тем временем трое хунхузов, о чем-то оживленно переговариваясь, верхами начали переправу. Один из них, высокий и мощного телосложения китаец, вел заводным Ворона. Оставшиеся шестеро, рассыпавшись по берегу, начали загонять табун в воду.

Я задержал дыхание, взял на мушку ближайшего ко мне на берегу бандита. «Огонь!» – скомандовал сам себе и нажал на спусковой крючок. Китайца с разбитой головой вынесло из седла. На еще пять выстрелов с перезарядкой мне понадобилось меньше минуты. Что же, патронов больше нет, живых хунхузов на этом берегу тоже больше нет.

Я посмотрел на трех оставшихся в живых бандитов. Ехавший впереди бандит, который вел заводным Ворона, пытался справиться с красавцем жеребцом, вырывавшим повод. Ворон мотал головой, то рвался назад, то пытался встать на дыбы. Другие двое хунхузов, к моему глубокому сожалению, нахлестывая лошадей, в веере брызг устремились к нашему берегу.

«Что же, была не была!» – подумал я и, выскочив из засады, побежал к ближайшему от меня убитому бандиту, в надежде разжиться патронами, либо воспользоваться его оружием. Отсиживаться в засаде смысла не было. Хунхузы за шесть выстрелов поняли, что стрелял один человек, а раз он не стреляет по ним, то у него, то есть у меня кончились патроны.

Я подбежал к убитому китайцу и чуть не завыл от досады. Винтовки рядом с ним не было, а его Росинант, к седлу которого была приторочена так необходимая мне берданка, находился метрах в пятидесяти от меня, вблизи от того места, где на берег должны были выскочить из воды два хунхуза.

На быстрый обыск одежды и снаряжения убитого ушло несколько секунд. Ни одного патрона! Опа! А это что такое?

Повернув труп на бок, из-за пояса убитого за его спиной я достал револьвер. Кажется, Смит-Вессон. Быстро проверил барабан на наличие патронов. Пять штук есть.

«Ничего, еще повоюем!» – на бегу обратно к холму думал я.

На вершине холма я, взведя курок револьвера, остановился и развернулся лицом к противнику. Один из хунхузов вырвался вперед и, размахивая над головой то ли саблей, то ли еще каким-то китайским холодняком, во весь опор несся на меня, а второй, чуть приотстав, пытался достать из-за спины винтовку.

Когда до скачущего первого бандита осталось метров двадцать, я, подняв револьвер на уровень глаз, прицелился и мягко потянул тугой спуск. Выстрел. Хунхуз пригнулся. Мимо. Судорожно взвожу курок. Выстрел почти в упор, и бандит завалился на круп лошади, пронесшейся мимо меня.

Взвожу курок и ловлю на прицел второго бандита, который уже метрах в пяти от меня и целится из винтовки. Два выстрела прозвучали одновременно. Тупой удар пули в правое плечо развернул меня, а удар наскочившего коня швырнул на землю, заставив скатиться с верхушки холма и несколько раз перевернуться. Падая, успел увидеть, как хунхуз выронил винтовку, хватаясь за грудь. «Еще одному конец...» – подумал я и потерял сознание.

Когда я очухался и, с трудом поднявшись на ноги, огляделся, то увидел лежащих неподвижно на земле двух наскочивших на меня варнаков. Их кони стояли рядом. Последний оставшийся в живых бандит не смог удержать Ворона. Теперь он выбирался на наш берег то ли для того, чтобы поймать прекрасного жеребца, который уже выскочил из воды и, мотая головой, скакал к своему табуну, то ли для того, чтобы посчитаться со мной, а может быть, для того и другого.

Я с трудом, пошатываясь, стоял на ногах. Правая рука висела плетью, из сквозной раны в бицепсе медленно струилась кровь. Боли почти не было. «Повезло, кажется, кость и, главное, артерия не задеты, а то бы здравствуй, деревянный бушлат или макинтош», – подумал я. Но заниматься раной времени не было. Последний хунхуз направлялся в мою сторону. Я оглянулся вокруг, пытаюсь отыскать, выпавший из руки во время падения револьвер. Вблизи его не наблюдалось. А на поиски уже не оставалось времени и сил.

– Не ссы, Тимоха Аленин! Врагу не сдается наш гордый «Варяг». И последнего разбойника мы с тобой, Тимоха, на тот свет постараемся утащить.

Матерясь сквозь зубы, начал подниматься на холм, с которого скатился. Засунув кинжал за голенище сапога, я левой рукой с трудом

снял с себя ножны с мечом-саблей, расстегнув, сбросил ремень с подсумками и ножнами от кинжала. Каждый лишний грамм давил на тело, как десяток килограмм. Все – вершина холма. «Что это?» – присмотрелся я.

Метрах в трехстах в мою сторону во весь опор неслось галопом около тридцати всадников.

– Наши-и-и!.. Станичники! Ура-а-а! – голову чуть не разорвало от крика Тимохи.

– Эх, Тимоха! Не успеют они... – Я повернулся назад, доставая кинжал из голенища сапога. – Чуть-чуть не успеют.

Последний бандит был метрах в двадцати, наметом поднимаясь по склону холма и крутя над головой еще какой-то разновидностью китайского меча или сабли. Я стоял и просто ждал. Сил практически не осталось.

– Ермак! Убей его! Убей-й-й! – опять зазвенело в голове от крика Тимохи. – Ты же спецназ! Ты все можешь!

От этого крика, уставшие до невозможности мышцы тела получили как бы заряд энергии. Все тело опять стало упругим.

– Аграаа!!! – заорал я что нечленораздельное, делая прыжок вперед-влево, стараясь уйти от удара мечом.

И мне это почти удалось. Спасло и то, что успел поднять над головой руку с кинжалом, поэтому меч китайца только рассек кожу, но череп, кажется, не проломил. Залитыми кровью глазами успел увидеть спину китайца, и рука автоматически метнула кинжал. Уж во что во что, а в ростовую или грудную мишень на расстоянии в десять-пятнадцать метров, даже будучи подполковником, я поражал любым метательным оружием с двух рук и после бурной ночи и недельного поноса.

Увидев, как кинжал входит бандиту под левую лопатку, я покачнулся и провалился куда-то в темноту. Очнулся от ощущения, что меня кто-то зовет; открыв глаза, увидел склонившееся надо мной лицо красивой черноволосой женщины, которая своими глазищами будто прожигала меня насквозь.

– Тимофей, смотри мне в глаза! Внимательно смотри мне в глаза! – произнесла красавица.

«Только гипнотизеров мне не хватает! – подумал я и мысленно построил между собой и женщиной стену из железобетона. – Тимоха,

подъем! По твою душу пришли!»

– А-а... Это тетя Марфа. Она знахарка.

– И хороший гипнотизер.

– Кто?

– Неважно, Тимоха. Сейчас я уйду в сторону. А ты поговори с тетей Марфой. Только помни, о чем мы договаривались: ударило, упал, ничего больше не помню. Все, вперед!

Через несколько минут знахарка Марфа ушла, ничего не добившись от Тимохи. Потом пришел дед Афанасий, и я уже без боязни отправил свое второе я общаться с ним, а сам все это время думал, что же мне – гвардии подполковнику спецназа делать дальше в теле, как выяснилось, четырнадцатилетнего казака. Тем более, хочешь не хочешь, а изменения в истории этого мира, а возможно, моего прошлого мира я уже внес – Тимоха остался жив!

Глава 4

Выбор пути

– Ха, Тимофей, а я сегодня от тебя не намного отстал! – Ромка Селеверстов, падая рядом на землю, передернул затвор берданки и нажал на спусковой крючок, имитируя выстрел по противнику.

– Молодец! – Я, лежа на животе, через прицел винтовки Маузера рассматривал грудную мишень, сделанную из трех чурбаков, которая располагалась на поляне метрах в двухстах впереди. – Ты сегодня просто молодец, Ромка! Всю тропу прошел в хорошем темпе.

Я поднялся с земли и посмотрел назад, где располагалась сделанная нами полоса препятствий. «Тропа разведчика», как я назвал ее, занимала площадь чуть больше футбольного поля и состояла из двадцати объектов разной категории сложности – траншеи, рвы, качающиеся бревна, трамплины, горки, лесенки, лабиринты, стенки с гнездами и выступами.

«Еще бы оборудовать тропу огневыми рубежами, чтобы проходящие ее могли вести на ходу огонь по появляющимся с разных сторон мишеням, и была бы настоящая штурмовая полоса спецназа, как в Псковской учебке, – подумал я. – Только на патроны денег не напасешь! Остается только помечтать».

– А помнишь, как все начиналось два года назад?

– Помню, Ромка. Помню.

Только не два года назад все началось, а почти три уже прошло после той схватки с хунхузами. Многого произошло за это время. К основному можно отнести то, что две личности Тимохина и моя слились в одну, сохранив знания и умения обоих. Доминировала при этом, к счастью для меня, сущность гвардии подполковника Аленина. Так что в теле молодого казака теперь «существовал» старый, матерый спецназовец XXI века, который иногда по-щенячьи повизгивал от выброса гормонов молодого тела.

Пока поправлялся от ранений, было время подумать о том, что мне делать дальше. Опираясь на опыт героев, попавших в прошлое, вычитанный у альтернативщиков, попытался проанализировать свое положение. Проанализировал и понял, что «попаданец» из меня

получился какой-то неудачный: великих знаний, способных изменить и потрясти мир, моя память не содержала; чтобы ко мне более-менее стали серьезно относиться, надо было еще вырасти. К тому же социальный статус тела, в которое я попал, был если уж не ниже плинтуса, то высоким назвать его язык не поворачивался. Не дворянин, не князь, не царь-государь, а так – пастух, точнее, подпасок, правда, из казаков. Какие уж тут великие свершения и глобальные изменения мира и истории!

Хотя если честно, ничего мне в истории государства российского менять и не хотелось. Да, впереди Русско-японская война с нашим обидным поражением, потом Первая мировая, революция, ужасы Гражданской войны, коллективизация, индустриализация, репрессии, Вторая мировая война и такое прочее, но кто я такой, чтобы менять ход истории в ту или иную сторону! Тем более, родился, вырос и сформировался как личность я в советском обществе, которое было построено после всех этих событий. И мне нравилось то общество и то время. А вот все те события, которые произошли после развала Советского Союза, вызывали у меня только негативную реакцию. В общем, было о чем подумать.

Недели три, пока не мог еще нормально ходить из-за ранений, лежал и думал о вечной философской проблеме – роли личности в истории, точнее, роли своей личности в этой возможно уже альтернативной истории.

Как мне помнилось из прошлой жизни, спектр мнений по данной проблеме весьма широк, но в целом все вращается вокруг двух полярных идей. Первая основана на теории марксизма: исторические законы с «железной необходимостью» пробиваются сквозь препятствия, и это, естественно, ведет к представлению, что в будущем все заранее предопределено, и исторический ход событий невозможно изменить. Согласно второй идее, случайность всегда может переменить ход истории, и тогда, следовательно, ни о каких законах говорить не имеет смысла. Поэтому имеются и попытки крайнего преувеличения роли личности, и, напротив, уверения, что иные, чем были, деятели и не могли появиться. Средние взгляды, в конечном счете, все же обычно склоняются к той или другой крайности. Таким образом, я сделал для себя вывод: от моей деятельности в данной реальности либо ничего в ходе исторического

процесса не изменится, либо есть возможность изменить историю. И я буду первым человеком, который на практике проверит эти две теории.

Теперь о себе как о личности. Во время второй чеченской кампании попал ко мне учебник по социальной психологии, достался от раненого бойца отряда – недоучившегося студента, которого отправили в госпиталь на «большую землю». Иногда под настроение почитывал я этот учебник, пытаюсь разобраться в себе и окружающих. И в этой умной книжке я прочитал, что человек рассматривается как индивид, то есть единичный человек как биосоциальное существо, особь, и как личность, то есть единичный человек как система устойчивых качеств, свойств, реализуемых в социальных связях, социальных институтах, культуре, более широко – в социальной жизни. А индивидуальность – это характеристика уникальности, неповторимости, присущей данной личности.

Следовательно, личность – это любой человек, а не только яркий, исключительный, рассмотренный как ответственный и сознательный субъект социальной жизни; индивидуальность может быть присуща каждой личности, а не только наиболее талантливым людям.

Вот завернул! Нельзя военным читать умные книжки. Как шутил мой взводный в рязанском десантном училище: «Если ты такой умный, почему тельник не носишь и строем не ходишь?» В общем, все, о чем подумал, можно свести к выводу: я личность для исторического процесса, и очень индивидуальная. Еще бы не индивидуальная: в биологической особи Аленина находится две личности – моя и Тимохи! Правда, очень быстро после моего переноса я стал замечать, что мысленного разговорного контакта с Тимохой мне уже не требуется. Он как будто растворился во мне. Все, что мне надо было узнать о жизни Тимохи, как бы само всплывало в моей памяти, будто бы это происходило со мной. Это сильно облегчило мне три года назад общение с окружающими, особенно с дедом Афанасием и знахаркой Марфой, которые больше других замечали изменения, происходящие с Тимохой Алениным.

Но вернемся к проблеме личности в истории. Итак, я индивидуальная личность, которая участвует в историческом процессе данной реальности. По одной теории, чем больше будет мое воздействие на окружающий социум, тем больше изменится ход истории. По другой теории, что бы я ни делал, какое бы «место под

солнцем» ни занял, истории не изменить, и она пойдет по наезженной колее моего бывшего мира.

Таким образом, если верна вторая теория, то я могу делать что хочу. А если первая? Тут надо было подумать, что и как я могу изменить в историческом процессе. На обдумывание данной проблемы и выбора пути в этом мире у меня ушло три недели моей лежки в постели. Для начала я вспоминал все, что знал об эпохе, в которую попал.

Итак, 1888 год – время царствования Александра III. Насколько помню, царствовать ему еще до 1894 года, когда его место займет последний государь из династии Романовых – Николай II.

В отличие от своего сына, Александр III был правителем жестким и достойным. После смерти императора Александра II от рук «первомартовцев», Александр III очень быстро закрутил гайки по всем либеральным реформам отца и заявил о незыблемости самодержавия.

На докладе Победоносцева, в котором тот призывал нового императора, ввиду ходивших среди подданных Российской империи мыслей о возможности избавления осужденных «первомартовцев» от смертной казни, ни в коем случае не поддаваться «голосу лести и мечтательности», Александр начертал: «Будьте покойны, с подобными предложениями ко мне не посмеет прийти никто, и что все шестеро будут повешены, за это я ручаюсь».

Да, это не его папаша – либеральный Александр II, при котором Вера Засулич во время приема несколько раз выстрелила в петербургского градоначальника Трепова, тяжело ранив того в бок, а затем, несмотря на неопровержимые улики, свидетельствовавшие о совершенном покушении, суд присяжных ее оправдал. В зале суда Засулич была устроена овация, а на улице ее встретила восторженная манифестация собравшейся у здания суда большой массы публики.

О таком террористам-революционерам XXI века в нашем демократичном и толерантном российском обществе можно только мечтать. Представьте себе, как губернатор Санкт-Петербурга при проверке СИЗО дает команду о наказании подсудимого, проходящего по делу против государственной власти, за то, что тот был непочтителен к губернатору. И даже пусть виновного не поместят в штрафной изолятор, а высекут розгами, что уже давно не используется в виде наказания в наше время, но за это самодурство

соратник наказанного придет на прием к губернатору и всадит тому пару пуль в живот, а суд его потом оправдает... Можете себе такое представить? Я нет.

Самодержавное же правление Александра III привело к резкому уменьшению протестных выступлений, характерных для второй половины царствования Александра II. Пошла на спад и террористическая активность. После убийства Александра II было лишь одно удавшееся покушение «народовольцев», кажется, на одесского прокурора, и одно или два неудавшихся – на самого Александра III. После этого террористических актов в стране не было вплоть до начала XX века.

Большие успехи были достигнуты в развитии промышленности. В металлургии произошла настоящая техническая революция. Железные дороги перестали быть убыточными для казны и стали приносить прибыль, рекордными темпами шло строительство новых линий. Было проведено конвертирование государственных займов с понижением выплачиваемого по ним процента, введена государственная монополия на торговлю спиртными напитками. Введены новые таможенные тарифы с повышением пошлин на ввозимые товары. За счет этих и других мер удалось значительно улучшить состояние государственных финансов. Существенно снизилась доля государственного бюджета, расходуемая на обслуживание государственного долга, замедлилось и дальнейшее увеличение самого долга.

С коррупцией Александр III, тоже в отличие от своего отца, боролся жестоко, так как не переносил нечистоплотности ни в делах, ни в личной жизни. Согласно его собственным заявлениям, он мог простить чиновнику нечистоплотность в делах или в поведении лишь один раз, в случае его раскаяния, а на второй раз неизбежно следовало увольнение провинившегося. Именно так он поступил с министром финансов Абазой. Не пожалел и своих родственников. При нем многие из великих князей продолжали занимать высокие посты, но некоторых он отправил в отставку и, кроме того, активно противостоял их вмешательству в работу министерств и ведомств и выдвигаемым ими различным финансовым «проектам», в которых можно было заподозрить желание прикарманить казенные средства.

Александр III также предпринял ряд мер по искоренению коррупции и злоупотреблений, усилившихся в предыдущее

царствование. Он ввел запреты, которых ранее не существовало: на участие чиновников в правлениях частных акционерных обществ, на получение комиссии лично чиновниками при размещении государственного займа и другие.

В царствование Александра III Россия не вела ни одной войны. За поддержание европейского мира этот государь получил имя Миротворец. Витте писал: «Император Александр III, получив Россию при стечении самых неблагоприятных политических конъюнктур, глубоко поднял международный престиж России без пролития капли русской крови». Подобную же оценку давали результатам внешней политики Александра III другие современники.

Одной фразой можно сказать об Александре Третьем – это был образцовый правитель и настоящий хозяин земли русской, и не из-за того, что был корыстен, а из-за чувства долга. Жаль, умер рано – в сорок девять лет. И его революционеры-террористы достали.

Сначала Саша Ульянов с товарищами-народовольцами убить хотели, но не вышло. Охранка хорошо сработала. Это было в 1887 году, насколько помню. А вот в год моего попаданства в эту реальность произошло крушение императорского поезда, когда царская семья возвращалась с отдыха из Крыма в Санкт-Петербург.

Вагон с императорской столовой, в котором находились Александр III и его жена Мария Федоровна с детьми и свитой, был почти полностью разрушен. Он был сброшен на левую сторону насыпи и представлял ужасный вид: без колес, со сплюснутыми и разрушенными стенами, он полулежал на насыпи; крыша его лежала частью на нижней раме. Когда после разрушения пол провалился и осталась одна рама, то все оказались на насыпи под прикрытием крыши. Утверждают, что Александр III, обладавший недюжинной силой, держал на плечах крышу вагона, пока семья и другие пострадавшие выбирались из-под обломков.

Во всем поезде, состоявшем из пятнадцати вагонов, уцелело только пять. Вагон, в котором находились придворные служащие и буфетная прислуга, был совершенно уничтожен, и все находившиеся в нем убиты наповал и найдены в обезображенном виде.

Александр III, несмотря на дождь с изморозью и страшную слякоть, сам распорядился извлечением раненых из-под обломков разбитых вагонов. Императрица вместе с медицинским персоналом

обходила раненых, подавала им помощь, всячески стараясь облегчить больным их страдания, несмотря на то что у нее самой повреждена была рука выше локтя, и что она осталась в одном платье. На плечи царицы накинули офицерское пальто, в котором она и оказывала помощь. Только в сумерки, когда приведены были в известность все убитые и не осталось ни одного раненого, которому не была бы оказана медицинская помощь, царская семья села во второй, давно уже прибывший на место крушения свитский поезд и отбыла. Мне тяжело себе представить, что кто-нибудь из наших современных правителей после террористического акта, в котором он бы чудом остался бы жив, помогал бы вытаскивать из завалов раненых и убитых и не уехал до тех пор, пока все не закончится.

Согласно одной из версий расследования, крушение было вызвано взрывом бомбы, которую заложил помощник повара, связанный с революционными организациями. Заложив бомбу с часовым механизмом в вагон-столовую и рассчитав момент взрыва ко времени завтрака царской семьи, он сошел с поезда на остановке перед взрывом и скрылся, бежав за границу.

Император и вся его семья в том крушении остались живы, однако по одной из версий, сотрясение при падении вагона и то напряжение, которое перенес Александр III, когда держал на спине крышу вагона, спасая жену и детей, положило начало болезни почек. Болезнь неуклонно развивалась, и в 1894 году он умер от хронического нефрита.

А проживи этот богатырь (он имел рост 193 сантиметра, пальцами гнул монеты и ломал подковы) еще лет пятнадцать-двадцать, неизвестно, как повернулась бы дальше история. Вряд ли случилось бы поражение в Русско-японской войне 1904–1905 годов...

При Александре III армия и военное ведомство были приведены в порядок после их дезорганизации в период русско-турецкой войны 1877–1878 годов, чему способствовало полное доверие, оказываемое военному министру и начальнику главного штаба со стороны императора, не допускавшего постороннего вмешательства в их деятельность. В царствование Александра III было спущено на воду 114 новых военных судов, в том числе 17 броненосцев и 10 бронированных крейсеров; русский флот занял третье место в мире после Англии и Франции в ряду мировых флотов. Именно

Александр III принадлежит изречение: «У России нет друзей, нашей огромности бояться... У России только два надежных союзника – ее армия и флот».

А вот после смерти монарха великие князья начнут вмешиваться в деятельность военного министерства. Будут его кроить то по одному образцу, то по другому, постоянно менять высшие чины этого министерства, чуть ли не ежегодно делать преобразования. Вследствие всего этого дела армии и флота значительно расстроятся, что будет способствовать неудачному исходу Русско-японской войны.

К тому же Александр III показал, как надо бороться с революционерами и развивать экономическую базу российского государства. Слабо верится, чтобы при нем возникла бы «революционная ситуация», когда низы не хотят, а верхи не могут. К сожалению, все это мечты! Мое попаданство в этот мир по данному вопросу ничего уже не изменит, поэтому и думал я почти три года назад, что надо выбирать мой путь в этом мире, исходя из моих возможностей. Древние римляне говорили: «Там, где ты ничего не можешь, ты не должен ничего хотеть». Так что же я могу? А могу я, как профессиональный военный и офицер спецназа, Родину защищать! И не важно, как эта Родина называется: Российская империя, Советский Союз или Российская Федерация. Тем более что Тимохе Аленину больше ничего не светит, кроме дальнейшей военной службы в Амурском казачьем полку.

А вот здесь поподробнее. С моими навыками и с тем, что уже умеет Тимоха, за шесть лет до первых трех лет службы в полку можно будет «слепить» образцового суперказака Амурского полка Аленина Тимофея Васильевича. Но что мне это даст? Прославлюсь на уровне сотни или полка как отличный рубака и стрелок от бога, и все?! Воевать-то в китайском походе и в Русско-японской войне придется согласно той тактике и пользуясь теми военными приемами, которые приняты в русской армии в настоящее время! А как же мой опыт диверсионно-разведочных операций, снайперское искусство, до развития которых еще сто лет? Кто прислушается к мнению простого казака, пусть и лихого? Никто. Не тот статус.

Опять все упирается в социальный статус тела, в котором я сейчас нахожусь, и его как-то надо менять. Иначе все мои знания пропадут напрасно. Один в поле не воин. Надо каким-то образом внедрить эти

знания массово. Но как? Над этим вопросом я ломал голову долго, пока не помог дед Афанасий, только помощь эта обернулась для меня большим горем.

Глава 5

Смерть деда Афанасия

Рано утром я вышел на крыльцо и потянулся, глядя на встающее солнце. Лепота! Раны затянулись. Ничего не болит. Фельдшер Сычев и знахарка Марфа вчера вечером после совместного «медицинского консилиума» сказали деду Афанасию, что молодой казак Аленин полностью здоров. После этого Марфа почему-то поспешно уехала, а дед с фельдшером натрескались ханшина до положения риз, после чего я с большим трудом загрузил Сычева в его тарантас и отвез в станицу. Вернулся домой поздно ночью, забрав у атамана Селеверстова своего коня.

Встав рано утром, выйдя на крыльцо и потягиваясь, я думал о том, как прекрасно чувствовать себя в молодом теле, когда ничего не болит, не ноет, не тянет. Действительно, лепота! Сальто вперед, что ли, с крыльца сделать или колесом по двору пройтись?

Спустившись с крыльца и зайдя за угол дома, готовясь перейти на бег, я буквально наткнулся на деда, который стоял в одних шароварах и нательной рубахе, что-то внимательно рассматривая вдали.

– Баню протопи, Тимофей, – не поворачивая головы, сказал дед.

– Так сегодня не суббота!

– Протопи. Надо мне.

Дед продолжал смотреть вдаль, но при этом глаза его были какими-то пустыми, без единой мысли.

Не говоря больше ни слова, я отправился носить воду в баню. Налив котел и все кадушки для холодной воды, разжег дрова в печи и пошел к деду с докладом, думая, чем вызвана внеплановая помывка в бане. На улице деда уже не было, и я прошел в дом. Старый Афанасий сидел в горнице за столом, одетый в одно исподнее, а на столе перед ним стояли ларец и шкатулка, в которых он хранил бумаги и разные ценные вещи.

– Садись, Тимофей, поговорить надо.

Дед указал на табурет рядом со столом напротив себя.

– Что-то случилось, деда?

– Агафья моя, сыновья все трое да сноха Катерина приснились мне сегодня. Стоят и зовут меня к себе. – Дед выпрямился на табурете и положил руки на стол. – Помирать сегодня буду.

– Ты чего, деда, с ума сошел?! – Я взволнованно привстал из-за стола.

– Сиди и слушай, Тимофей Васильевич. Да, именно Тимофей Васильевич. Последним ты в нашем роду Алениных остаешься. Перед смертью спросить тебя хочу... – Дед Афанасий будто попытался просверлить внука своим пронзительным взглядом. – Кто ты?

Я отвел глаза и уставился в поверхность стола.

«Все, приплыли! – метались мысли в голове. – Видно, косяков за три месяца, пока выздоравливал, много спорол, если дед не верит, что я его внук».

Поднял голову и, глядя деду в глаза, произнес:

– Я Тимофей Васильевич Аленин.

– Нет, не Тимоха ты! Внук иногда в тебе проглядывается, но с каждым днем все меньше и меньше. – Старый Афанасий сжал кулаки. – Не бойся, скажи. Я сегодня помру. Мне знать перед смертью надо, где Тимоха!

– Да, я не Тимоха, но я действительно Аленин, и зовут меня Тимофей Васильевич. Наш род также идет от донской ветви потомков Ермака. Кто-то из моих пращуров твой брат, только не знаю степени того родства.

– Что-то не пойму ничего!

– Понимаете, Афанасий Васильевич, я родился... рожусь... тьфу ты, появлюсь на свет еще только через восемьдесят лет. Как бы проще объяснить... Я жил в будущем, там умер, и душа моя как-то попала сюда в тело Тимохи.

Старик откинулся назад и, быстро крестясь, произнес: «Чур меня! Свят, свят, свят! Изыди, сатана!»

Я грустно улыбнулся, перекрестился, достал из-за пазухи медный крестик и поцеловал его.

– Не сатана я, Афанасий Васильевич, а вот кто, теперь и сам не пойму. Там, в будущем, я был офицером, защищал Родину. Защищал хорошо. Если сравнивать награды, то здесь я был бы георгиевским

кавалером с кучей других орденов и медалей. Потом там я умер, а очнулся в теле Тимохи и принял бой с хунхузами. Сначала мы с Тимохой как бы мысленно разговаривали между собой. Когда надо было общаться с вами, Афанасий Васильевич, или с Марфой, то это делал Тимоха. Но потом мы с Тимохой стали как бы растворяться друг в друге. Я теперь знаю и помню все, что знал и помнил Тимоха, а он знает все обо мне. Поэтому я – это теперь Тимоха.

– Вот оно что!

– Да, Афанасий Васильевич, с одной стороны, я сейчас сижу и разговариваю с вами как с посторонним человеком, а с другой стороны, мне хочется заплакать, обнять вас и закричать: «Деда, не помирай!»

– Внучек! – Из глаз старого Аленина потекли слезы.

– И еще, Афанасий Васильевич, там, в моем будущем, Тимофея хунхузы во время этого набега убили, а здесь он, хотя и таким образом, остался жив!

Старик встал из-за стола, обошел его, подходя ко мне и, нагнувшись, прижал мою голову к своей груди: «Внучек, мой!» Я застыл, а потом мое тело затряслось от неконтролируемых мною рыданий.

– Вот и хорошо, внучек. Поплачь... – Дед гладил по голове и по спине внука, который прятал лицо в нательной рубашке старика. – Сейчас полегчает, внучек. Полегчает.

Через некоторое время Тимохина сущность успокоилась, а старый Афанасий, еще раз погладив меня по голове, вернулся на свое место за столом.

– И что там будет, в будущем?

– Страшно будет, войн много будет, реки крови людской прольются.

– Ну не живется спокойно басурманам! – Дед Афанасий осуждающе покачал головой. – А что здесь делать будешь?

– Защищать Отечество! Что еще казак может делать? Знания вот хочу свои из будущего о военных приемах казакам передать. Я там до гвардии подполковника дослужился.

– Кхе... Гвардия! Подполковник! – Старик довольно разгладил рукой бороду. – Так ты у нас – ваше высокоблагородие, Тимоха! Хе-хе, не зря хотел тебя в военное училище устроить!

– В какое училище?

– Заболтался я с тобой! – Лицо старого Аленина потемнело. – Времени-то чуть осталось. Слушай внимательно, внучек.

Дальше старый Аленин рассказал мне о своей договоренности со станичным атаманом попытаться устроить Тимофея в Иркутское юнкерское училище на казенный кошт, и о том, что Селеверстов в Благовещенске разговаривал об этом с самим наказным атаманом и тот обещал посодействовать.

При выпуске из этого училища по первому разряду можно будет получить звание хорунжего и стать офицером. Только тяжело в него поступить обычному казаку. Мало кому удастся. Также рассказал о том, что у Селеверстова находятся три хороших строевых коня и оружие, которые он сохранил для Алениных после боя Тимофея с хунхузами.

Потом дед Афанасий раскрыл шкатулку, достал пачку кредитных билетов по двадцать пять рублей и, развернув платок, высыпал на стол кучку золотых пятирублевков.

– Здесь восемьсот рублей, – вздохнул старик. – Семьсот атаман передал кредитными билетами. Это премия за убитых тобой хунхузов и их снаряжение от наказного атамана. Селеверстов с казаками, сам понимаешь, все более-менее нормальное с хунхузов поменял на бросовое из станичного добра, но все равно добре получилось. Семь сотен рублей – очень хорошая премия. А сто рублей я накопил за последние годы на черный день. Теперь это все твое. На учебу, внучек, тебе.

– Деда! Афанасий Васильевич! Да что вы, в самом деле! Прекратите! Вам еще жить да жить.

– Нет, внучек. Пришло мое время. Все, отжил свое. Пора!

Старик, тяжело встав из-за стола, прошел в угол горницы, где стоял сундук, открыл его, достал свой парадный мундир с наградами и разложил его на кровати.

– В нем меня похоронишь! Награды только перед тем, как в землю опускать будете, сними. Оставь себе на память.

Я глядел на деда, и мои глаза наполнились влагой.

– Все, внучек. Теперь в баню. К Богу на суд надо чистым приходиться.

Старый Аленин взял чистое исподнее, уже лежащее на кровати, и вышел из горницы.

«Чудит старик, – подумал я. – Но хорошо, что с ним объяснился. Теперь скрывать ничего не надо. И принял всю эту невероятность дед как-то спокойно, хотя ни одной книжки фантастической не читал».

Я подошел к столу. Завернул деньги в платок и положил обратно в шкатулку. Затем открыл ларец и долго перебирал лежащие там бумаги. В основном это были выписки из церковных книг о рождении и смерти членов семьи Алениных, поминальная книга с датами помина умерших родных, наградные листы и прочие документы. Убрал шкатулку и ларец в сундук, взял в чулане самовар и понес его на двор, чтобы наполнить водой и растопить. Дед после бани мог выпить чашек пять-шесть прям-таки обжигающего чая.

Выйдя на крыльцо, увидел, что дед с влажными волосами и бородой, в чистом исподнем уже сидит на любимой лавке у крыльца.

– Чайку – это хорошо. – Дед размашисто перекрестился. – Давай, внучек, раскочегарь самовар да в бане приберись, а я пойду прилягу, что-то ноги не держат.

Старый Аленин начал подниматься на крыльцо, пропустив спускающегося внука.

– Да, Тимофей, чуть не забыл! Домовина моя готовая на подволоке в сарае лежит.

– Деда, ну что ты все заладил: умру, домовина, похоронишь меня... Как маленький.

– Цыц у меня! Ишь, голос поднял! Еще не умер. А офицером стань, Тимоха, и науки свои полезные казакам передай. Это мой наказ тебе, Тимофей Васильевич! – с этими словами старик зашел в дом.

Я быстро наполнил свежей водой самовар, растопил его, потом сбегал в баню, вымел листья, опавшие с веников, которыми парился дед, промыл полы, лавки, замочил в щелоче грязное исподнее деда и пошел в дом. Зайдя в горницу, увидел деда, лежащего с закрытыми глазами, не на кровати, а на лавке и со скрещенными руками.

«Вот дед чудит! – подумал я. – Осталось только свечку зажженную воткнуть, и можно отпевать».

И в тот же момент неестественная желтизна щек на лице деда заставила меня броситься к старику и прижаться ухом к груди. Биения сердца слышно не было. Я прижал два пальца к сонной артерии на шее деда – пульса не было.

«Этого не может быть, – метались мысли в моей голове. – Не может быть такого! Сказал, что умрет сегодня, и умер. Он что, сердце себе остановил?»

В это мгновение будто что-то лопнуло в моем сознании. Упав на колени перед лавкой, я уронил голову на грудь деда и в голос зарыдал. Сколько проплакал, выкрикивая какие-то слова, не помню. Успокоившись и поднявшись на ноги, я, взяв длинный рушник, подвязал подбородок Афанасию Васильевичу и вышел из дома. Потом оседлал коня и поскакал в станицу, чтобы сообщить о смерти деда станичному атаману.

Глава 6

Выбор пути 2

Воспоминание о том дне наполнило меня грустью. Жалко было старого Аленина. За три месяца общения, благодаря Тимохиной составляющей моего сознания, я стал относиться к нему как к своему деду, тем более что Афанасий Васильевич был очень похож на моего родного деда, которого я сильно любил. Но именно смерть деда и его последние слова позволили мне окончательно определиться с моей дальнейшей жизнью в этом мире и наметить первые шаги.

Дед наказал мне стать офицером, чтобы передать мои военные знания из XXI века казакам. «А чем не смысл жизни?» – думал я в тот день, пока скакал в станицу, чтобы сообщить о смерти старого Аленина.

Афанасий Васильевич говорил, что в юнкерское училище принимают с семнадцати лет. У меня впереди почти три года. Есть время, чтобы разобраться с тем уровнем знаний, который необходим для поступления в училище. Больших проблем тут быть не должно, надо только как-то залегендировать для окружающих, где я этому выучился. С физической и военной подготовкой надо тоже не переборщить. Ладно, с этим со временем разберемся. Идем дальше. Поступил в училище, отлично проучился, выпустился и получил первое офицерское звание – хорунжий – и под командование полусотню казаков, вероятнее всего в Амурском полку. Это будет где-то в 1893 году. До китайского похода в 1900 году будет еще семь лет. За это время можно будет обучить кое-чему казаков и обкатать новую тактику и приемы ведения боевых действий на хунхузах, а потом же и против китайцев.

Если все пройдет гладко, то, возможно, к началу Русско-японской войны в Амурском полку будет сотня казаков, умеющих вести разведочно-диверсионные операции против противника по методикам, опережающим действительность на сто лет. Что это даст? Нанесение большего урона противнику: может быть, получится кого-то «стереть» с карты истории из генералитета японской императорской армии, что

окажет стратегическое влияние на ведение наземных операций в этой войне.

И благодаря этому есть вероятность распространения этого опыта в войсках через главное управление Генерального штаба или через Главный штаб, если его не переименуют в 1905 году. Хорошо бы при этом как-то поступить в Николаевскую академию Генерального штаба, чтобы теоретически обосновать новые методики ведения данных боевых действий и найти человека, который смог бы их пропихнуть в управление боевой подготовки российской армии.

Да, мечты! И что ж я не попал в тело какого-нибудь великого князя или генерала, отвечающего за управление вооруженными силами Российской империи... Тогда все было бы намного проще. Мы хоть академий и не кончали, но двадцать семь лет службы в элитных войсках, участие в боевых действиях и их планирование, пускай на отрядно-бригадном уровне – это опыт, который бы позволил не наломать дров в боевой подготовке новых подразделений. Тем более если вспомнить о том, кто будет командовать армией и флотом в это время, то я вообще гений диверсионной войны и разведки. Был момент в моем пенсионном прошлом, когда лазил по инету и специально искал материалы о Николае II и его окружении... Так вот, о верховном главнокомандующем Николае II сохранилось убийственное по сарказму высказывание генерала Драгомирова: «Сидеть на престоле годен, но стоять во главе России не способен». Министр иностранных дел Дурново считал, что Николай «обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства». По мнению контр-адмирала Бубнова, в годы Первой мировой войны начальника морского управления в Ставке, «уровень его знаний соответствовал образованию гвардейского офицера, что, само собой разумеется, было недостаточно не только для управления государством, но и для оперативного руководства всей вооруженной силой на войне».

О военном министре Куропаткине, который скоро займет этот пост, в нашей военной истории сохранилось двойственное мнение. Под его руководством были проведены в жизнь многие неотложные меры: повышены денежные оклады офицерам, произведено омоложение командного состава, преобразован ряд военных округов, расширены юнкерские училища и кадетские корпуса, укреплена полевая

артиллерия, начато внедрение в войска пулеметов, да и много было сделано полезного для развития казачества в Приамурском крае.

Однако всего этого оказалось явно недостаточно для того, чтобы русская армия подошла к войне с Японией обновленной. А назначение Куропаткина командующим Маньчжурской армией у многих вызвало скептицизм и не принесло ему лавров, хотя в генерала, озаренного лучами скобелевской славы, многие поначалу верили. Его военные неудачи и стратегия оборонительной войны «на истощение» вынудили Россию признать бесперспективность дальнейшей борьбы и пойти на мирные переговоры с Японией.

Следующий военный министр, Сухомлинов, получил прозвище «царский угодник». Его деятельность на этом посту во время Первой мировой войны завершилась судом, где ему были предъявлены обвинения в измене, в бездействии власти и во взяточничестве. Большинство обвинений не подтвердилось, однако Сухомлинов был признан виновным в «недостаточной подготовке армии к войне» и приговорен к бессрочной каторге и лишению всех прав на состояние.

Морской министр, вице-адмирал Бирюлев, прочитав рапорт одного из своих подчиненных, просившего выписать из Франции для подводных лодок некоторое количество свечей зажигания, недрогнувшей рукой вывел резолюцию: «Достаточно будет пары фунтов обычных стеариновых».

Драгомиров, так уничтожительно охарактеризовавший последнего русского императора, сам был не без греха. Будучи профессором по тактике, а затем и начальником Николаевской академии Генерального штаба, он прославился как ярый противник скорострельного оружия и военных игр, которые при нем практически полностью исчезли из учебного курса Академии. А на испытаниях генерал Драгомиров отозвался о пулемете «максим» следующим образом: «Излишняя быстрота стрельбы вовсе не нужна для того, чтобы расстреливать вдогонку человека, которого достаточно подстрелить один раз».

Да, при таком руководстве продавить новую тактику ведения боевых действий будет очень тяжело! Без подтверждения ее эффективности на практике можно даже и не пытаться. А на практике доказать полезность засылки малых групп в тылы противника для ведения разведки и совершения диверсий можно только на базе казачьих войск. Ходить за зипунами да захватить знатного пленника –

это у казаков в крови, но боюсь, что «их благородия» сочтут такие действия варварскими и неблагородными.

О внедрении тактики снайперской войны вообще думать не хочется. Отстреливать в первую очередь генералитет и офицеров на поле боя! Это кто такое предложил? А ну подать сюда этого казака Аленина, который «их благородиям» смерти «подлой» желает! Хотя еще в марте 1643 года, во время гражданской войны в Англии, при осаде города Личфилда снайперским выстрелом был убит командир армии парламента лорд Брук... Мой первый и последний инструктор в Афганистане на курсах снайперской подготовки любил приводить примеры из истории искусства меткой стрельбы, и, как ни странно, они намертво засели в моей памяти. По словам офицера, солдат Джон Дайот, дежуривший на крыше местного кафедрального собора, выстрелил в лорда Брука, когда тот неосторожно высунулся из укрытия, и попал ему в левый глаз. По меркам того времени подобный выстрел, произведенный из длинного гладкоствольного мушкета с расстояния около ста сорока метров, считался незаурядным.

Петр I в воинском уставе требовал, чтобы каждый мушкетер особенно стрелял, а в 1711 году, после поступления на вооружение новых штуцеров, особым указом повелел отбирать лучших стрелков, вооружать их штуцерами и использовать «особо». В шестидесятых годах XVIII века полководец Румянцев создал в каждом пехотном полку команды егерей, вооруженных штуцерами. Для этих егерей были выработаны специальные указания об их действиях в бою: «Выбирать места наудобнейшие и авантажнейшие: в лесах, деревнях, на пассах и амбускадах (засадах). Тихо лежать и молчание хранить, и, подпустив противника на выстрел, поражать его метким огнем».

Во времена наполеоновских войн британскому снайперу Томасу Планкетту удалось «снять» французского генерала Огюста Колберта и его адъютанта на расстоянии в шестьсот метров. У противников англичан тоже были меткие стрелки: во время Трафальгарской битвы французский унтер-офицер, заняв позицию на мачте корабля, смертельно ранил адмирала Нельсона.

Во время Гражданской войны в США был убит генерал северян Джон Сэджвик. Как нам рассказывал мой инструктор, генерал занимался управлением огнем артиллерии, когда снайперы конфедератов открыли стрельбу с дистанции примерно около

километра, вынудив офицеров штаба прижиматься к земле. Седжвик огляделся и сказал: «Что? Разве мужчины кланяются пулям? Что же вы будете делать, когда они откроют огонь по всей линии? Мне стыдно за вас. С такой дистанции они не попадут даже в слона». Через пару секунд пуля пробила ему навывлет голову, пройдя над левым глазом. Вот тебе и слон! Вот тебе и неблагородно кланяться пулям!

Очень долго в армиях всего мира не понимали эффективность снайперского искусства и считали его неблагородным. Во время военного противостояния между Британской империей и североамериканскими колонистами англичане применяли общепринятую тактику открытого боя. Однако они столкнулись с неприятным сюрпризом: стрелки колонистов, облаченные в зеленые костюмы, отстреливали британских солдат и офицеров из невидимых укрытий. Во многих случаях британские солдаты, одетые в традиционные красные куртки и являвшиеся прекрасной мишенью, просто не могли понять, откуда ведется огонь. Американские колонисты, с детства привыкшие к стрельбе из ружей по всевозможной дичи, использовали длинноствольные ружья «Кентукки» и «Пенсильвания» и могли без труда «снять» противника на расстоянии до трехсот метров, поэтому английские мушкетеры, способные вести прицельный огонь на расстоянии менее чем сто метров, оказались беспомощными перед американскими ружьями.

Любопытно, что британские офицеры, даже осознавая, что находятся под огнем американцев, зачастую не пытались скрыться, так как считали подобное поведение трусостью. Однако еще большей трусостью английские джентльмены в мундирах считали сам процесс стрельбы на расстоянии и из укрытия. Среди британских офицеров существовал негласный кодекс поведения, согласно которому английским солдатам, вооруженным длинными ружьями, запрещалось подстреливать офицеров армии колонистов, так как подобные действия считались опять же «неблагородными».

Тем не менее эффективность тактики ведения дальней стрельбы была очевидна, и в конце концов бритты под давлением молодого и предприимчивого офицера и изобретателя Патрика Фергюсона организовали свой собственный отряд стрелков из ста человек, которым были выданы длинноствольные ружья и зеленая маскировочная униформа. Последующая гибель Фергюсона и

стереотипное мышление британского военного руководства отодвинули использование стрелков-снайперов на задний план.

Стереотипное мышление военного руководства – это проблема! А в российской армии – проблема в квадрате. Сдвинуть что-нибудь в голове наших генералов будет очень непросто. Даже Александру Ивановичу Гучкову, основателю либерально-консервативной партии «Союз 17 октября», имеющей большинство в Государственной думе третьего созыва, не удалось в 1909 году, будучи председателем думской комиссии государственной обороны, через представителей генералитета внести изменения в подготовку русских войск с учетом опыта Англо-бурской и Русско-японской войн. Хотя на его стороне были начальник Главного штаба и помощник военного министра Поливанов и председатель военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны Василий Иосифович Гурко – лихой командир 2-й бригады Урало-Забайкальской сводной казачьей дивизии. А сам Гучков добровольцем, вместе с братом Федором, был в Трансваале, где участвовал в Англо-бурской войне на стороне буров, был ранен и попал в плен. Именно там Гучков увидел, как малочисленная группа рассеянных по местности искусных стрелков может противостоять частям регулярной армии противника, и именно тогда снайперский огонь впервые стал существенным фактором в боевых действиях регулярных войск. Кстати, эта война вообще оказалась богата на смертоносные новинки – впервые были применены окопы, бронепоезда, пулеметы... Частично этот опыт пригодился потом в Русско-японской войне. Но вот дальше стали мешать стереотипы мышления старых генералов: этого нового не надо, наши предки и без этих игрушек били ворогов, пуля дура – штык молодец. А то, что на дворе XX век с его бешеным развитием орудий убийств и новых способов их применения, это нас не касается. Поэтому-то ничего у этой троицы и не получилось по реформированию русской армии и созданию первых диверсионных и снайперских подразделений. Жаль!

Насколько помню, в России только в начале 1914 года был испытан оптический прицел на трехлинейке, а признан пригодным для использования в войсках он был аж в конце 1916 года! Российская бюрократия неистребима! А у немцев первые штатные снайперы на уровне рот, причем в количестве шестерых человек на роту, появились

уже в начале 1915 года. Согласно свидетельствам англичан, зимой 1915-го любое появление британского солдата за пределами окопа гарантировало смерть от снайперской пули. Моральный эффект от таких потерь был чрезвычайно велик.

Все это вспомнилось мне, конечно, не в тот день, пока я скакал в станицу, чтобы сообщить о смерти деда Афанасия, а постепенно, когда обдумывал, что и как я буду делать в этом мире, чтобы внедрить спецоперации среди казачьих войск. И чем больше думал, тем меньше становился мой оптимизм. А в последнее время, с учетом опыта, полученного уже в этом мире, все чаще приходила мысль, что наверняка все останется лишь на уровне очень продвинутого в военном плане казака Амурского полка Тимофея Аленина и вряд ли смогу я исполнить наказ деда – стать офицером и передать как можно большему количеству казаков опыт проведения спецопераций из моего времени... Однако для себя на сегодняшний день я все же наметил три возможных варианта развития дальнейших событий.

Первый вариант – самый худший и, как я его назвал, сословно-экономический: я не смогу поступить в Иркутское юнкерское училище, так как «рылом не вышел». Казак-сирота – это не сын купчика или дворянина и даже не сынок зажиточного казака. С него денег не возьмешь.

В мое время многие «дерьмократы» и «либерасты» с пеной у рта доказывали, как хорошо жилось нам при царе-батюшке. Только забыли они, что в 1914 году хрустели французскими булками, омары трескали и запивали их шампанским самое большее процентов десять из ста семидесяти миллионов жителей Российской империи, а остальные выживали в нищете и безграмотности. Обучение в гимназии стоило от сорока до ста золотых рублей в год. Как я уже узнал, в Благовещенской шестилетней гимназии за годовой курс в первом классе надо заплатить сорок, а в шестом – восемьдесят рубликов, а это стоимость строевого коня или всей другой амуниции и обмундирования. Мало кто из казаков в Приамурье может отдать такие деньги за шестилетнее обучение своего отпрыска, а гимназисту где-то и на что-то еще жить в городе надо.

Так что неуважаемым господам демократам следовало бы вспомнить, кем были их предки в царской России. Если они из

крестьян и пролетариев, то с вероятностью в сто процентов можно было бы предположить, что в конце XIX века их ждал каторжный труд по 14–16 часов в сутки, без выходных и проходных. И за радость предкам было пропустить граненый стакан водочки под горбушку черного хлеба, а не омары с шампанским вкушать.

Эти мысли, кстати, были основным камнем преткновения в рассуждениях о возможных изменениях истории этого мира из-за моих действий. В том моем мире при советской власти я получил бесплатное среднее образование и высшее военное, дослужился до подполковника, а мой отец до полковника. Таким образом, хоть мы и из простых казаков – мой прадед был простым донским казаком с небольшим земельным наделом в Старочеркасске и большой семьей, – но при советской власти выслужились, по меркам прошлого, в дворяне и в «их высокоблагородия». Отец, дослужившись до полковника, в прошлом по табелю о рангах вообще получил бы потомственное дворянство, а я был бы весь в белом – дворянин Аленин, с родовым гербом в виде АК-103 в окружении пяти гранат Ф-1 на фоне цвета «хаки»! Три раза ха-ха-ха!

А если мои подвижки в этом мире приведут к тому, что не будет революций и не будет СССР? Тогда в будущем миллионы молодых ребят из простых семей не получат образования, не станут учителями, инженерами, врачами, офицерами... Хотя не будет и братоубийственной Гражданской войны, и гибели миллионов на пути к «светлому будущему»... Тем более что потом-то опять придем к неподконтрольным правительственным чиновникам, олигархам, опять будет разделение на «господ жизни» и «быдло». Кто-то будет за свежими устрицами на завтрак в другом конце мира личный самолет гонять, а кто-то будет ломать голову, где взять денег хотя бы на буханку хлеба, чтобы детей накормить...

Ладно, это все лирика! Для себя я уже все решил. Итак, возвращаемся к первому варианту – я не поступил в Иркутское юнкерское училище и через четыре года иду на первый срок службы в Амурский полк. Основная моя задача – своей службой показать, что мои навыки и подготовка дают возможность выполнять все поручения более эффективно. Надо будет поставить себя так, чтобы мои сослуживцы захотели научиться от меня новым приемам повышения своей физической и боевой подготовки, ведения разведки, маскировки,

захвата «языков» и стрельбы, а командование полка захотело бы это все распространить на весь полк, а может, на сотню или хотя бы на один десяток. Э-э-э, все вилами по воде писано!

О втором варианте я думал первое время после наказа деда: поступил в Иркутское училище, выпустился офицером, в Амурском полку получил полусотню, обучил ее, погеройствовал с казачками в китайском походе, в Русско-японской войне, и все рыдают от умиления, отправляют меня в академию Генштаба, чтобы я там все теоретически обосновал и ввел в войска повсеместно... Но на самом деле и здесь все упрется в военную бюрократию уже на полковом уровне, а может быть, уже на уровне сотника. При таком раскладе, если разрешит начальство, смогу организовать обучение полусотни по новым методикам, а потом в боевых действиях доказать эффективность такой подготовки, но дальше опять неизвестность. Захочет ли командование полка что-то изменять в боевой подготовке казаков или пошлет меня с моими нововведениями далеким пешим маршрутом? При самом хорошем и мечтательном раскладе, если не в китайском походе, то во время Русско-японской войны кто-то из высокого начальства заметит эффективность действия моих бойцов и захочет применить мои методики в более широком формате. Опять одни если!

Ну и третий вариант. Поступил в училище, закончил. Кстати, закончить тоже будет проблематично. Нет, не из-за знаний, а опять же из-за сословных противоречий. Вряд ли я стерплю унижения со стороны более высокосословных сокурсников. Точно кому-нибудь ряху начищу! А дальше прощай погоны! Из училища точно выпрут. Ладно, будем бить больно, но аккуратно, без телесных повреждений.

Все, отступления в сторону. Поступил, закончил, два года в полку и потом... Не знаю пока, как, но надо прорваться в Николаевскую академию Генерального штаба. Там во время учебы как-то выйти на русскую разведку и, зарекомендовав себя, постараться попасть на начало Англо-бурской войны представителем от Генштаба или под видом волонтера. Через доклады постараться доказать эффективность бурских засад, снайперского огня, действия малых групп в тылу врага, все это теоретически и методически обосновать и настаивать на создании экспериментальной диверсионно-разведочной группы хотя

бы в полусотню казаков. А после обучения обкатать ее на боевых выходах в Китайском походе. А дальше как Бог даст!

В этом варианте без высокого покровительства нельзя. А на настоящий момент из всех покровителей у меня – атаман Селеверстов. Хотя и это уже не мало. Тем более дядя Петр, как я его сейчас называю, подтвердил, что он о моем поступлении в Иркутское юнкерское училище действительно разговаривал с наказным атаманом в Благовещенске. При этом наказным атаманом, оказывается, является военный губернатор Амурской области генерал-майор Бенеvский, который обещал посодействовать моему поступлению, если все будет хорошо. Вот такие вот планы!

Но в любом случае надо приучать окружающих к моей нестандартности и прущим из меня нововведениям в военной подготовке. Это я и начал делать почти три года назад. Мои мысли вернулись к событиям после смерти деда Афанасия.

Глава 7

Экзамен у атамана Селеверстова

Деда хоронила вся станица. Из других станиц также много казаков приехало. Я даже и не знал, что Афанасий Васильевич пользовался таким почетом и уважением среди амурских казаков.

После похорон казаки с кладбища потянулись в трактир Савина, где накрыли столы для помина за счет казны Черняевской сотни. Меня как единственного оставшегося родственника посадили за общий стол с казаками. Потом пошли поминальные речи. Много хорошего я услышал о деде Афанасии. Краем уха слышал, как жалеют меня казаки, рассуждая, что же делать теперь сироте. Об этом я тоже думал, так как не представлял теперь своего статуса. Что мне можно, а что нельзя по российским и казачьим законам.

В самом конце поминок из-за стола поднялся атаман Селеверстов и заявил, что он берет меня в свою семью до моего совершеннолетия, так как никого из родственников у меня здесь нет, и он обязан мне спасением от смерти своего сына Романа. Казаки за столом одобрительно загомонили.

Потом поднялся Савин и объявил, что за спасение от хунхузов его Ворона с лучшим косяком он дает мне в награду недавно родившегося жеребенка от Ворона и Ласки, которая считается лучшей кобылой в его табуне.

После такого заявления гомон казаков поднялся до небес. Некоторые стали подходить и хлопать меня по плечам, поздравляя с таким богатым подарком. Мне ничего не оставалось делать, как подняться и благодарить Ивана Митрофановича. Подарок действительно был царским. А если жеребенок пойдет в отца, то такому коню будут завидовать все казаки. Савин все потомство от Ворона продавал за очень большие деньги. Простому казаку такого коня было не купить.

Потом поминки закончились, и мы вместе с Селеверстовым вышли из трактира на улицу.

– Что, казак, дальше делать будешь? – спросил меня атаман, положив руку на плечо и разворачивая к себе лицом.

– До зимы еще месяца полтора, продолжу табун у Савина пасти. А дальше посмотрим, Петр Никодимович.

– Зови меня теперь дядя Петр или дядько Петро, я же тебя к себе в семью взял. – Селеверстов поправил фуражку на голове. – Жить у меня будешь или у себя?

– У себя, дядя Петро. Запасы продуктов есть пока. Готовить я умею. Одежды много осталось. Обслужить себя я смогу. Да и не хочется родной дом оставлять без пригляда. Нежилой дом быстро рушится.

– А не забоишься один-то в пади?

– А чего бояться? Мой дом – моя крепость!

– Ха... Крепость! Ну ты завернул, Тимоха! Хотя по сути верно: мы, казаки, в своем доме как в крепости бьемся, если враг пожалует. Ладно! Два дня тебе на обустройство хватит. Потом приедешь ко мне, будем думать, что с твоим наследством от хунхузов делать, а еще о твоей дальнейшей судьбе поговорим. Хотя уже сейчас тебе скажу: негоже приемному сыну атамана пастухом работать. Лучше бы ты у Савина дальше не пас его табун. Не к лицу мне! А то будут казаки гутарить, что куска хлеба для сироты не нашел!

– Как скажете, дядя Петро. Только что мне делать-то дальше?

– Приедешь через два дня, обо всем и поговорим.

Так закончилась моя пастушеская карьера у казака Савина, тем более что напуганный попыткой хунхузов угнать станичный войсковой табун купец нанял пастухами к своим косякам по два бурята, вооружив их до зубов. Да и станичный войсковой табун пасли теперь не мальцы-казачата, а матерые казаки, тоже вооруженные, будто на войну собрались.

Через два дня, проведя в своем хозяйстве ревизию, я приехал к Селеверстовым. Пообедав за общим столом, мы уединились с атаманом в горнице, где я передал ему на хранение дедово наследство в восемьсот рублей. Три коня со сбруей и все оружие, которое досталось мне после хунхузов, решили продать. Селеверстов ожидал выручить за все еще рублей четыреста. Говорил, что было бы больше, если бы все продавать в Благовещенске на ярмарке, но лучше туда с этим добром не соваться, чтобы не возникли лишние вопросы.

Себе я оставил только восьмизарядную винтовку Маузера, в которую буквально влюбился, и все патроны для берданки. Из-за

маузеровской винтовки мы с Селеверстовым спорили до посинения, пока дядя Петро не сдался и не пообещал достать для нее патроны, и то только после того, когда решили, что половина от вырученных денег пойдет Селеверстовым за мое содержание «на довольствии» в их семье до моего совершеннолетия.

До зимы по уговору с атаманом я буду помогать им по хозяйству, благо мы с покойным дедом Афанасием уже все запасли для своего дома до весны. Также договорились с атаманом, что он возьмет меня зимой на ярмарку в Благовещенск и выделит из моих денег сумму для покупки книг. Мое стремление поступить в Иркутское юнкерское училище дядько Петро поддержал полностью и сообщил, что обещана помощь от наказного атамана Беневского, который был поражен моими подвигами в схватке с хунхузами.

– Все, Тимофей! Все купеческие дела завершили. Поехали на сборное место, покажешь, что ты умеешь в казачьей науке.

Выйдя на двор, Селеверстов позвал своего среднего сына Никифора, который год назад вернулся с первого трехлетнего срока службы, за время которого выслужил звание младшего урядника и имел опыт схваток с китайскими бандитами.

– Седлай коней, возьми шашки учебные да карабин. Поедем Тимофею проверку устроим.

– Батяка, меня возьмите! – выскочил во двор рыжеволосый Ромка. – Я тоже хочу посмотреть.

– Хорошо. И тебя берем. Иди брату помоги.

Через пять минут со двора Селеверстовых выехала небольшая кавалькада из четырех казаков и отправилась на поле за станицей Черняева, где проходили сборы казаков-малолеток. Приехав на поле и спешившись у коновязи, атаман отправил младшего Ромку принести лозы и воткнуть ее в станки на участке, отведенном для рубки, а меня вместе с Никифором повел на место, где отрабатывались строевые приемы.

– Давай, Никифор, командуй Тимофею, а то тебе на сборах через пять месяцев малолеток гонять. Тренируйся отрабатывать лычки младшего урядника.

Строевой меня не удивишь. Вспоминая свои курсантские годы, как-то забылся и все команды Никифора стал выполнять на автомате, пока не был остановлен командой: «Стой!»

– Что скажешь, Никифор? – Атаман удивленно и задумчиво поглаживал усы.

– С такой выправкой хоть сейчас в атаманцы лейб-гвардии! Тимоха, тебя кто всему этому научил? Вот это... да! – Только присутствие отца не позволило Никифору заковыристо выругаться.

«Кажется, это первый косяк, – подумал я. – Забыл, что строевой у амурских казаков начинают заниматься только с малолетками, то есть с двенадцати лет. А я еще и ножку с носочком тянул, и чтобы расстояние до земли от подошвы сапога было не меньше двадцати пяти сантиметров».

– Деда учил. Он мне говорил, что внук георгиевского кавалера должен маршировать, как лейб-гвардеец на плацу.

– Добре! Давай-ка, Тимофей, покажи, как тебя с шашкой обращаться научили, – приказал старший Селеверстов, продолжая смотреть на меня какими-то удивленно-задумчивыми глазами.

Я принял уставную стойку с шашкой и по командам Никифора показал «развязывание рук» и различные крутки.

– Хорошо! Молодец, Тимофей! Все как надо выполняешь. – Селеверстов разгладил усы. – Теперь посмотрим, как ты пешим лозу рубишь, а потом верхами. Ромка, воткни вот здесь четыре лозы, а ты, Тимофей, пройди с рубкой направо и налево.

С этим заданием я также легко справился: все четыре лозы были срублены под углом сорок пять градусов и воткнулись рядом в землю с оставшимися стоять основаниями. Когда разрабатывал руку после ранения, то на дворе Алениных за месяц перерубал весь сухостой, имитируя конную дорожку и более сложные комбинации: рубка на две, три и четыре стороны как имитация боя с двумя, тремя и четырьмя противниками соответственно; рубка камыша и яблок на подкидывание, их рубка в подкидывании с оборотом назад, в бок на один и на два удара. При этом все упражнения выполнял из исходного положения «шашка в ножнах», благо шашка, которая носится режущей кромкой клинка вверх, позволяет наносить удар сразу после ее выхватывания из ножен. Самураи с их кендо отдыхают!

Как мне помнилось из информации своего времени, самураи во время Русско-японской войны были поражены той скоростью, с которой казаки осуществляли удар, выхватывая шашку из ножен. По мнению многих из тех, кто остался жив, «с этими русскими самураями

невозможно сражаться, они разят быстрее смерти». При этом настоящий мастер фехтования на катанах должен был уметь побить противника одним только движением: за несколько секунд успеть выхватить катану из ножен, ударить противника и вернуть оружие в ножны. При этом считалось хорошим тоном за это краткое время еще и успеть отряхнуть с меча кровь противника.

Дед Афанасий, наблюдая за моими потугами быстрее освоиться с шашкой, исправлял небольшие ошибки, ставя мне удар, учил древнему казачьему «танцу» с одной и двумя шашкам, а за неделю до смерти отдал мне свою шашку, сказав, что ему она также от деда досталась. Это была шикарная черкесская шашка терс-маймун в богато отделанных ножнах. Судя по рисункам и гравировкам, и шашку, и кинжал, которым я отправлял на тот свет хунхузов, делал один мастер. Пара была просто великолепна. Я был поражен красотой этого оружия, а Тимохина сущность визжала от радости от такого подарка.

Сегодня со мной была казачья, как я ее называл, «рабочая шашка». Она мне была более по руке. Расту еще! Жаль, йогурт «Растишка» не дают в этом мире!

– Хорошо удар поставлен. – Никифор посмотрел на отца. – Батька, может, посмотрим, как Тимофей рубиться умеет?

– А давай! Тимоха, против Никифора выйдешь на учебных? По голове и кистям не бить. До трех пропущенных ударов.

– Давайте попробуем, дядько Петро.

Я взял затупленную учебную шашку и оценивающе посмотрел на Никифора, который разминал кисть, вращая другой учебной шашкой.

«Учебная-то учебная, но даже если плашмя ею получишь, мало не покажется, – думал я, прикидывая, как построить бой против Никифора. Тот на полголовы выше, руки длиннее, привык рубить. – Что ж, будем резать, как длинным ножом на противоход. Армейский ножевой бой спецназа я еще не забыл».

Никифор встал в правостороннюю стойку, перенес всю тяжесть тела на левую ногу, сохраняя отвесное положение корпуса. Его клинок в согнутой в локте правой руки смотрел мне затупленным острием куда-то в область глаз. Я принял такую же стойку.

– Начали, – подал команду атаман Селеверстов.

Никифор сделал быстрый выпад в мою сторону, нанося колющий удар в район груди. Я отшатнулся назад, разрывая дистанцию, а когда

Никифор стал возвращаться в исходную стойку, нанес режущий удар в выставленную переднюю ногу казака. Как я и ожидал, к такой «подлости» Никифор был не готов – все же строевых казаков больше учили рубиться на коне. Я сделал еще подшаг в сторону Никифора и, отводя предплечьем левой руки его кисть с зажатой шашкой, одновременно обозначил удар снизу-вверх от паха к шее, а делая шаг назад, «рубанул» наискось, легко задев правое плечо и грудь Никифора.

– Стоп. Убит! – Старший Селеверстов поднял руку, останавливая Никифора, который попытался что-то сказать. – Еще раз! К бою! Готовьсь! Начали!

Никифор нанес рубящий удар справа в висок, я же, увидев начало его удара, сделал, приседая, шаг вперед и вправо и, скрутившись телом на 180 градусов, обозначил круговой удар назад по ногам Никифора, еле успев остановить шашку перед его правой ногой. После чего быстро встал из приседа.

– Стоп! Никифор, а ты без ног остался! – Атаман сплюнул. – Еще раз! К бою! Готовьсь! Начали!

В этот раз Никифор не стал нападать первым, а ждал, когда я попытаюсь нанести свой удар. Я не стал его разочаровывать и, в движении вперед перекинув шашку в левую руку, поменял стойку, после чего «резанул» Никифора по локтю правой руки, случайно попав в локтевой нерв. Выдав матерную тираду в три колена, Никифор выронил шашку и схватился за негнущуюся в локтевом суставе правую руку, продолжая что-то шипеть сквозь стиснутые зубы.

– Чего стоишь? Добивай! – будто кнутом стегнул меня по ушам крик атамана.

– Дядько Петро, я нечаянно! Просто случайно в нерв локтевой ему попал!

– Причем тут чайнно-нечаянно! Ты что, Тимофей, не понимаешь? Сопляк, прости меня, Господи, лучшего рубаку станицы уже три раза «убивает»! Это что, нормально?

– Батька, да случайно все это. Просто Тимофей не по правилам рубится! Так не делает никто!

– В бою, орясина, ты тоже будешь просить по правилам драться? Тебя уже три раза на тот свет Тимофей отправил. Что, Никифорушка, засопел обиженно, или я не прав?

– Да прав, батька, только Тимоха неправильно бьется...

– А ты что скажешь, Тимофей? Этому тебя тоже дед научил?

–левой рукой шашкой биться дед учил. Он мне часто правую руку привязывал к телу, чтобы я в течение дня все левой рукой делал. И этому удару левой рукой в локоть после перехвата шашки дед научил. Только он говорил, что эту ухватку можно применять в бою один на один и когда больше никто схватке не мешает. А вот удар в ногу и потом крестом, после отвода вооруженной шашкой руки у Никифора, и приседая по ногам, я здесь придумал. Он же меня выше и сильнее. Тут только быстрота и хитрость спасти меня могли.

– Вот, Никифор, учись у младенца. Как он тебя срубил? Молодец, Тимоха! А ты чего рот разинул? Тоже учись!

Подзатыльник от отца заставил Ромку закрыть действительно разинутый в удивлении рот. На его глазах его приятель Тимоха только что три раза победил в рубке на шашках его старшего брата, которого в станице считали лучшим фехтовальщиком и который был для Ромки чуть ли не богом в воинском деле.

– Да! Удивил ты меня, Тимофей! – Атаман Селеверстов засунул большие пальцы рук за наборный пояс и стал покачиваться с носков на пятки и обратно. – Удивил! Это надо же! Молокосос опытного казака как тушку разделал! Ладно! Тимофей, давай на конную дорожку по рубке лозы. Посмотрим, что ты верхами умеешь. Обратно пойдешь по кругу, покажешь джигитовку.

Вот это для меня уже было испытанием! Тимоха был, конечно, отличным наездником, а вот у меня еще не все получалось. Но отступить было некуда. Вернувшись к коновязи и отвязав своего коня Чалого, я, не касаясь стремян, впрыгнул в седло и выехал на начало дорожки по конной рубке лозы. Опустив левой рукой поводья и толкнув Чалого ногами, переводя его с места в карьер, я правой рукой выхватил шашку, привстав на стремянах и наклонив корпус чуть вперед. При этом в моей голове почему-то по кругу крутились две строчки песни из советского фильма 70-х годов «Я, Шаповалов»:

А ну-ка шашки подвысь,
Мы все в боях родились!

Мах вправо-вниз, влево-вниз, вправо-влево, вкладывая в удар и вес тела, потом переброс шашки в левую руку – и оставшаяся лоза была

дорублена. Я остановил коня и повернул его назад. Перекинув шашку в правую руку и вложив ее в ножны, я с гордостью посмотрел на дорожку. Вся лоза была срублена идеально. Большинство срубленных прутьев лозы воткнулись в землю рядом с основанием. Такого результата у меня еще не было ни разу. Но теперь для меня самое трудное – джигитовка!

Как сын XXI века, за эти полтора месяца, что уже сидел после ранений на коня, никак не мог привыкнуть к тому, что на коне можно вытворять акробатические номера. Хорошо хоть, мой Чалый Тимохой был выезжен отлично и при джигитовке шел спокойным и ровным галопом.

Эх, была не была! Вперед! Я с места послал Чалого в галоп и, дождавшись, когда он пойдет ровно, держась обеими руками за переднюю луку седла, соскользнул с седла с левой стороны, повиснув с боку Чалого и опираясь правым предплечьем на подушку седла. Поймав мах коня, когда его передние ноги коснулись земли, сам также оттолкнулся ногами от земли и мгновенно вспрыгнул в седло. Далее с правой стороны, свесившись вниз к земле, достал срубленный и воткнувшийся черенок лозы. Потом махом развернулся в седле спиной по ходу движения коня и вернулся в исходное положение. В заключение джигитовки повел коня к барьеру и рву, перепрыгнув через них. После этого вернулся к Селеверстовым и, остановившись перед ними, прыгнул, как положено, с левого бока коня и, взяв Чалого под уздцы, доложил: «Господин атаман, рубку лозы и джигитовку закончил!»

– Кхм... Закончил! А почему только с одной стороны соскок и поднимание с земли сделал? – Селеверстов с улыбкой в глазах грозно нахмурил брови.

– Дядько Петро, бицепс правой руки после ранения еще в норму не пришел. Не смог бы я правой рукой подтянуться.

– Тьфу, дурак я старый, после твоей схватки с Никифором совсем забыл, что у тебя рука-то прострелена! А ты и не напомнил! А что еще за бицепс?

Блин, опять косяк. Надо следить за своим языком. Тем не менее бодро я доложил:

– Фельдшер Сычев мне объяснил, что в плече у человека две основные мышцы: сгибательная, которая по латыни называется

бицепс, и разгибательная – трицепс.

– Вот, учитеесь! – Атаман повернулся к сыновьям. – Тимоха у нас по латыни понимает.

– Нет, дядя Петро, не понимаю. Просто запомнил, что Сычев говорил.

– Ну, фельдшер у нас известный говорун, особенно если ханшина выпьет. Ты стрелять-то с больной рукой сможешь?

– Конечно, смогу, дядя Петро. Она у меня уже не болит, только сила в ней еще не вернулась до конца.

– Тогда давай-ка верхами на место для стрельбы, и три выстрела по мишени. Конь-то выстрелов не боится? Патроны есть?

– Не, Чалый выстрелов не боится, приучен, и патроны есть – пять штук. А куда стрелять-то?

– Ты чего, забыл, Тимоха? Вон, видишь, мишень стоит. – Атаман указал на щит, сколоченный из жердей, размером где-то два на три метра. – Это как бы конная фигура, а попасть надо в белую полосу, желательно посередине. Это как бы грудь врага.

Я пригляделся и увидел на щите слабо видимую белую полосу сантиметров в сорок, которая шла посередине щита сверху и заканчивалась, не доходя метра до земли.

– Какое до мишени расстояние от нас? – вмешался в разговор Никифор.

Я чуть было не ляпнул, что метров двести будет, но потом, вспомнив, что метрическая система в России еще не принята, ответил:

– Шагов триста, триста двадцать.

– Попадешь отсюда? – Никифор ехидно улыбнулся.

Я про себя улыбнулся: «С двухсот метров в стену сарая, пусть и стоящую ко мне под углом сорок пять градусов? Да без проблем!»

Достав из притороченного к седлу Чалого чехла карабин и быстро зарядив его, я выстрелил почти навскидку.

– Давай-ка, Тимофей, еще два выстрела, – заинтересованно произнес атаман.

Я, быстро перезаряжая, выстрелил еще два раза.

– Давайте посмотрим! – это уже влез в разговор Ромка, притоптывая от нетерпения на месте.

– Позже посмотрим. Поезжай, Тимофей, на место для стрельбы с коня. Мы тоже туда сейчас подыдем. – Атаман и его сыновья

направились к коновязи.

Я доехал до огневого рубежа и, дождавшись, когда подъедут Селеверстовы, спросил:

– Дядько Петро, сколько раз стрелять? А то у меня только два патрона осталось.

– Никифор, дай ему еще один патрон. А ты, Тимофей, стреляй три с коня.

– Дядя Петро, а с места или на ходу?

– А ты что, и на скаку попасть с трехсот шагов сможешь? – недоверчиво спросил Никифор.

– Надо попробовать, – заряжая карабин, ответил я. – Вы чуть в сторону коней отведите, чтобы мишень не загоразживать.

Сказав это, я развернул Чалого от мишени и пустил его в карьер. Проскакав метров десять, я не выдержал и, развернувшись назад, вскинул к плечу карабин и выстрелил по мишени. Оставив позади себя еще метров пятьдесят, остановил коня и перезарядил карабин. Затем развернул Чалого и, управляя им только ногами, поскакал к мишени, целясь в нее через голову коня. Когда до мишени осталось метров двести, я выстрелил, остановив коня, перезарядил карабин и выстрелил по мишени еще раз. После этого подъехал к Селеверстовым.

– Поехали, посмотрим на результаты. – Атаман тронул коня в сторону мишени, а за ним потянулись все остальные.

Подъехали к щиту и встали около него полукругом.

– Вот это Тимоха дает! – воскликнул Никифор. – Батя, глянь. Четыре дырки там, где голова должна быть, да как кучно, а еще две где-то в районе груди, но все в белой полосе.

– Еще что скажешь, Никифор? – Атаман, повернув голову, требовательно посмотрел на сына.

– А чего еще скажешь? Я такой стрельбы еще не видел.

– Эх, Никифор, Никифор, учить тебя еще и учить! Если бы Тимофей после сборов участвовал в состязаниях как казак-малолетка, что бы было?

Никифор задумался, а потом удивленно произнес:

– Так призы бы получил – по первому разряду за стрельбу пешим и с коня, и за наездничество как минимум по второму разряду приз бы

имел. Это, считай, винтовка, седло или мундир с шароварами и портупея.

– Вот, Никифор! О том, что сегодня видели, никому не слова. Хочется мне войсковому старшине Буревому, который приедет в этом году на зимние сборы у малолеток, нос утереть. Упрошу я его, чтобы он Тимоху к призовой стрельбе да наездничеству допустил. Посмотрим, что он скажет, когда Тимоха покажет всем казакам, как стрелять надо. Да и тебе, Тимофей, это участие для поступления в училище пригодится.

– Хорошо, дядька Петро, я еще больше заниматься буду. А когда зимние сборы будут?

– В конце февраля следующего года. Так что время еще есть. Тренируйся и Ромку под свою руку забирай. Пускай у тебя учится всему.

Так в мою жизнь вошел Ромка Селеверстов, который надолго стал моим напарником в моих начинаниях в этом мире.

С учетом того, что сезонных работ по хозяйству почти не осталось, мы с Ромкой где-то за месяц оборудовали в пустом пристрое для зимовки скота теперь уже моего дома небольшой спортзал. В нем разместили самодельные брусья, турник, шведскую стенку, деревянную модель коня с седлом для обучения упражнениям джигитовки, передвижной станок для рубки лозы и чучело для этих же целей и, конечно же, макивару и другие приспособы для рукопашного боя.

Приехавший посмотреть на наши занятия атаман Селеверстов, увидев все эти снаряды, только крякнул, покрутил ус, а потом молча и задумчиво смотрел на наши упражнения. В тот раз он так ничего и не сказал о нашем спортзале, но потом еще несколько раз приезжал вместе с сыном Никифором и вахмистром Митяем Широкиным. Все вместе смотрели, как мы с Ромкой исходим потом, выполняя разработанный мною комплекс физических упражнений с использованием имеющихся снарядов, проводим учебные схватки на пиках, шашках, кинжалах, тренируемся в рубке. Но никто опять не сказал ни слова.

Потом пришла зима. Наши с Ромкой занятия прерывались только охотой на зверье и птиц да заготовку дров. По станичному «уроку» каждый казак должен был поставить двадцать бревен в

государственную казну. Для большой семьи Селеверстовых, в которой по реестру числилось трое взрослых казаков, надо было заготовить шестьдесят бревен. Вот и работали мы с Ромкой сучкорубами да охотой промышляли для бивачного котла и домой что-то впрок из лесной дичи запасти.

После рождественских праздников, на Святки, из станицы в Благовещенск тронулся так называемый «ярмарочный обоз». По договоренности с атаманом вместе с семейством Селеверстовых поехал и я.

Глава 8

Благовещенск

Четыреста верст до Благовещенска мы прошли за две недели, по дороге останавливаясь то в лесу, то у родственников и хорошо знакомых казаков семьи Селеверстовых в станицах, расположенных ближе к административному центру Амурской области.

И вот ранним утром, еще в сумерках, наш обоз въехал в Благовещенск – город, в котором я родился, то есть еще должен буду родиться в будущем. Я вертел головой по сторонам, проезжая по улицам, и ничего не узнавал – большая станица! Где асфальтированные проспекты, окруженные многоэтажными домами в сиянии рекламы? Где пронсящие машины и шум многолюдного города? Ничего этого не было! Но будет, обязательно будет!

Остановились мы в заезжем доме купца Чурина. Атаман Селеверстов с Никифором сразу же ушли с приказчиком Чурина договариваться о продаже привезенных пшеницы, рыбы, мяса, шкур, а мы с Ромкой принялись выпрягать из трех саней лошадей и вместе с тремя верховыми, на которых ехали мы с Ромкой да Никифор, повели их на конюшню.

Тетя Оля, жена атамана, со снохой Ульяной, женой Никифора, и дочерью Анфисой стали таскать из распряженных саней узлы с добром в дом, где были сняты комнаты для проживания на время ярмарки.

Вскоре вернулись довольные Никифор и дядька Петр. Как выяснилось, им удалось очень выгодно продать почти весь свой товар Чурину, немного оставив самого ценного для ярмарочной распродажи. На радостях атаман заказал баню и обильный ранний обед, после которого мы всем семейством, принарядившись, отправились смотреть город.

Этот променад очень напомнил мне походы с женами по магазинам в моем прошлом мире. Я никогда не мог понять женщин: как они могут ходить по магазинам «просто посмотреть»? Если мне надо было что-то купить, то я шел и покупал, не глядя на остальной товар. У моих же жен «просто посмотреть, померить, прикинуть» могло растянуться на долгие часы моих мытарств. Особенно меня добивало

то, что все это происходило при полном отсутствии денег в нашем семейном бюджете.

Здесь происходило то же самое. Женщины во главе с тетей Олей заходили в каждую лавку, где смотрели, приценивались, примеряли, прикидывали и прочее. Но при этом все мужчины Селеверстовы практически не отставали от своих женщин, так же что-то смотрели, ахали, приценивались. И ничего не покупали. Когда я спросил атамана, почему ничего не покупают, то был сражен его ответом: «Так на ярмарке все дешевле будет. А тут просто посмотрим». После такого ответа я просто выпал в осадок и, наверное, умер бы от скуки, но перед заходом в очередную лавку вдруг увидел на соседнем доме вывеску: «Городская общественная библиотека».

– Дядька Петро, я в библиотеку. Можно? В приезжий дом я сам приду, дорогу помню.

– Иди, грамотей. Тебе, смотрю, поход по лавкам неинтересен!

– Ага. Я побежал.

Зайдя в дом и пройдя сени, я вошел в большую комнату, где стояло довольно много стеллажей с книгами, а за столом сидела пожилая, полностью седая женщина с приветливым лицом, своим видом напомнившая мне интеллигентную учительницу-старушку советских времен.

– Здравствуйте, меня зовут Мария Петровна. Я библиотекарь. Что вам угодно, молодой человек? – мягким голосом произнесла женщина.

– Здравствуйте. Хотел бы книги посмотреть, – робко ответил я.

– Книги не смотрят, а читают. Но откуда такой интерес к книгам у молодого казака?

– Меня зовут Тимофей Аленин. Мы из станицы Черняева на ярмарку приехали. Я хочу поступить в Иркутское юнкерское училище и зашел к вам узнать, какие книги по военному делу есть, и какие учебники сейчас издаются. А главное – найти программу вступительных экзаменов в училище. Никто мне в станице не смог об этом сказать, включая батюшку станичной церкви Александра. А он к нам из Санкт-Петербурга приехал.

– Похвально, похвально. А позвольте полюбопытствовать, не тот ли вы молодой казак Аленин, который целую банду хунхузов один уничтожил?

– Да, это я, – почему-то краснея под добродушно заинтересованным взглядом Марии Петровны, ответил я. – Но откуда вы об этом знаете?

– Я вхожу в круг знакомых генерала Беневского Аркадия Семеновича – это военный губернатор и ваш казачий наказной атаман. На одном из раутов Аркадий Семенович рассказал всем, как был поражен отвагой и умелостью мальчишки-казака, который в четырнадцать лет как-то умудрился поразить насмерть двадцать одного бандита-хунхуза. При этом, по его словам, больше половины бандитов он убил одним кинжалом. Ужас!

– Мария Петровна, жить захочешь – и не то сделаешь.

– Может быть, Тимофей, может быть. Тем более ты же прирожденный воин, вот и офицером хочешь стать. Хорошо, посмотри пока книги на том и на том стеллажах. – Мария Петровна указала вглубь комнаты. – А примерно через час мы с вами, Тимофей, дойдем до Алексеевской гимназии. Там работает мой хороший друг, который поможет тебе с подготовкой к поступлению в военное училище.

– Огромное спасибо, Мария Петровна. Даже не знаю, как вас благодарить.

– Что-нибудь придумаю для такого молодца, – лукаво улыбнулась старушка. – Раздевайся у вешалки и проходи к стеллажам.

Сняв и повесив на вешалку свои «парадные» полушубок и папаху, обметя веником валенки и оправив под ремешком праздничную рубаху, я прошел к указанным стеллажам.

Боже ты мой! Чего тут только не было! Я даже и представить себе не мог, что по военному делу в конце девятнадцатого века было издано так много книг. Но особенно меня умилило, что на этом стеллаже я нашел «Войну и мир» Льва Толстого. Взяв в руки один из томов, начал пролистывать его, часто останавливаясь на некоторых абзацах.

– Тимофей, а вы очень быстро читаете! Я же вижу, что вы читаете, а не просто скользите взглядом по странице. Кто вас научил такому скорочтению?

«Опять попал! – подумал я. – Я же почти безграмотный молодой казак, а тут скорочтение... Но надо что-то отвечать».

– Дядя Иван. Младший брат отца.

– Передайте ему от меня большую благодарность.

– Некому передавать, Мария Петровна. Все мои родные погибли или умерли. Сирота я уже четвертый месяц. Спасибо нашему станичному атаману Селеверстову – дядька Петро меня в свою семью взял до совершеннолетия. Но живу я в своем аленинском доме один, а они мне помогают. С собой вот на ярмарку взяли. Я тут рухлядь кое-какую, оставшуюся от семьи, да шкуры лисьи и волчьи, мною добытые, хочу продать, а на вырученные деньги учебники и письменные принадлежности купить.

– Извини, Тимофей, что напомнила тебе о смерти близких. – Мария Петровна ласково погладила меня по руке. – А что ты читал? Надо же, казак с романом «Война и мир» в руках! Удивительно! А на чем ты конкретно остановился?

Мария Петровна взяла в руки книгу и стала читать вслух с того места, куда я непроизвольно поставил свой указательный палец, когда старушка оторвала меня от чтения книги: «И благо тому народу, который в минуту испытания, не спрашивая о том, как по правилам поступали другие в подобных ситуациях, с простотою и легкостью поднимет первую попавшуюся дубину и гвоздит ею до тех пор, пока в душе его чувство оскорбления и мести не заменится презрением и жалостью».

– Ты это уже прочитал? – Мария Петровна строго посмотрела на меня. – Какие выводы сделал?

– Да. Прочитал, – ответил я. – А вывод – в войне не бывает правил. Кто воюет по правилам и ждет этого от противника, тот проигрывает. В войне за Отечество все средства хороши, даже неблагородные. Нас, казаков, часто обвиняют, что мы воюем нечестно, неблагородно. Наполеон вот тоже упрекал нашего государя Александра, что его подданные, особенно казаки, воюют, не соблюдая рыцарских принципов ведения войны. Но если ты здоровее меня, в руках у тебя оружие, которым ты умеешь владеть, а я нет, то глупо ждать от меня, что я, как баран, пойду на убой, выходя с навязанным тобой оружием и на твоих условиях. Я возьму то оружие, которым владею хорошо, да и шарахну тебя тогда, когда мне будет удобно, без всяких правил. Это ты пришел и напал на меня, а я тебя не звал. Поэтому буду воевать с тобой как умею. А когда одержу победу, тогда, может, и пожалею.

– Очень интересный вывод. Впервые слышу такую трактовку слов Толстого о «дубине народной войны». А с хунхузами ты воевал по

правилам или нет?

– Конечно, не по правилам Мария Петровна. Если бы тогда стал биться как казаки, конным против них, то меня сразу бы зарубили. А так я пешком скрадывал их, как зверей, и нападал, когда они не ждали. Поэтому и смог их всех убить. Правда, фортуна в тот день неоднократно была на моей стороне. Везло мне в тот день сильно.

– Удивительный ты мальчик, Тимофей. – Старушка-библиотекарь с какой-то грустью смотрела на меня. – Четырнадцать лет всего, а уже столько людских смертей на тебе, и дальше хочешь учиться людей убивать. И при этом ты такой весь светлый, чистый!

«Ох уж эти интеллигентские сопли! – зло подумал я про себя. – Жизнь человека – это всеобщая ценность... Тьфу, наслушался всей этой бредятины в своем мире! Ладно, бабуля, сейчас я тебе дам!»

– Мария Петровна, хунхузы убили моего отца, мать, брата отца, мою младшую десятилетнюю сестренку увели в рабство в Маньчжурию. Когда пытались угнать наш станичный войсковой табун, они много раз пытались убить меня. Они для меня враги, смертельные враги. И я их буду убивать всегда и везде, где они мне только попадутся. И я буду учиться, чтобы убивать их как можно быстрее. И не только их, а всех врагов моего Отечества!

– Ух, раскипятился, как самовар! – Мария Петровна с усмешкой смотрела на меня. – Что я, не понимаю этого? Тридцать лет была женой офицера. Два года назад умер муж мой. Старые раны сказались. Жалко мне тебя просто! Тяжел путь воина. А ты, судя по всему, пойдешь по нему не самой легкой дорогой. Дай Бог не ожесточиться тебе на этом пути!

Мария Петровна перекрестила меня и, притянув голову к себе, поцеловала в щеку.

– Бери все тома «Войны и мира» себе в подарок. У меня дома есть, принесу в библиотеку на замену. Одевайся, и пойдём в гимназию. Сегодня пораньше библиотеку закрою. Все равно никого нет.

– Спасибо большое, Мария Петровна. И извините за мою горячность.

– Простила, простила, Тимофей. Пойдем, мой мальчик.

Через несколько минут я, спрятав книги в холщовый мешок, который мне вручила Мария Петровна, вместе с ней направился в гимназию. Пройдя совсем немного, мы подошли к большому

трехэтажному дому и, пройдя во двор и обогнув дом, зашли во флигель, где, по словам старушки-библиотекаря, проживали преподаватели гимназии. Подойдя к одной из дверей в коридоре, Мария Петровна постучалась. Услышав: «Заходите, открыто», мы вошли в небольшую комнату-прихожую, где нас встретил представительный мужчина лет шестидесяти, одетый в строгий сюртук с орденом Владимира 4-й степени на груди, на поперечных концах ордена с обеих сторон серебряная надпись: «35 лет».

– Мария, какими судьбами! – Мужчина с радостной улыбкой развел руки в стороны. – Как я рад вас видеть! Проходите, проходите, гости дорогие. Раздевайтесь. Давайте я вам помогу.

Мужчина элегантно помог снять Марии Петровне шубу и повесил ее на находящуюся рядом с дверью вешалку.

– А кто это с тобой, Мария, такой молодой и красивый?

– Ох, Петр, так рада тебя видеть, что забыла вас представить. Знакомьтесь. Надворный советник Бекетов Петр Иванович – полный тезка и даже дальний родственник и потомок первопроходца Сибири и основателя Якутского острога стрелецкого сотника Бекетова, – с улыбкой начала Мария Петровна. – После окончания Санкт-Петербургского университета более тридцати пяти лет назад приехал Петр Иванович в Сибирь нести свет знаний. Начал в Иркутске, потом в Чите и вот уже почти четырнадцать лет в Благовещенске руководит работой женской гимназии, преподавая русский язык и историю.

– А это, Петр, – как-то помолодевшая старушка-библиотекарь указала рукой на меня, – удивительный молодой человек по имени Тимофей Аленин. Именно о нем рассказывал генерал Беневский, как победителе банды хунхузов в прошлом году.

– Очень приятно познакомиться, Тимофей! – Бекетов протянул руку и крепко ответил на мое рукопожатие. – Раздевайся, вешай все на вешалку и проходи дальше в зал. Вон, под вешалкой шлепки войлочные стоят.

Стесненно раздеваясь и надевая тапочки, я про себя мысленно порадовался, что после бани надел шерстяные носки, а не портянки. Пройдя в следующую комнату, я увидел множество шкафов с книгами, а посередине комнаты стоял стол, накрытый скатертью, на котором возвышался сияющий золотом самовар и стояли розетки с вареньем, бубликами, кусками сахара и чашки с блюдами. Мария Петровна и

Бекетов уже сидели за столом, и Петр Иванович наливал из самовара кипяток в чашку. Я стоял на пороге, держа книги в руках, и не знал, как мне вести себя дальше.

– Петя, полюбуйся! Стоит молодой казак, а в руках у него четыре тома Толстого «Война и мир». А если бы ты слышал, какой он вывод сделал из прочитанного отрывка о народной дубине войны, то был бы очень сильно удивлен... Ой, заболталась! Проходи, Тимофей. Присаживайся за стол и наливай себе чаю, угощайся. Мы сейчас с Петей новостями быстро обменяемся, давно не виделись, а потом о твоей проблеме поговорим.

Я подошел к столу, сел на стул и, положив книги на край стола, налил из заварного чайника крепкой заварки, а из самовара кипятка. Потом, положив в небольшую тарелку немного варенья, пару кусочков колотого сахара и несколько баранок, подвинул все это к себе и стал наслаждаться питьем чая, абсолютно не слушая, о чем разговаривают Бекетов и Мария Петровна.

Боже мой, какой это был чай! Такого божественного напитка я не пил с момента смерти деда. В станице и у Селеверстовых в основном пили чай-сливан. Готовили его следующим образом: в латку (глиняный горшок) наливали горячее коровье молоко, вареное с пенками, туда же разбивали несколько куриных яиц, добавляли крепко заваренный чай (обязательно зеленый, плиточный), подсаливали, клали топленое коровье масло и доливали кипятком. Затем этот напиток разливали по байдарам (кружкам) поварешкой. Брры! Ужас!

Вот у нас, Алениных, был самовар, и пили чай мы в основном с заваркой черного крупнолиствого китайского чая. Только это считалось в станице расточительством. А после смерти деда до самовара у меня руки как-то не доходили. А у Бекетова чай был заварен великолепно!

Задумавшись и наслаждаясь чаем, я даже не услышал, как ко мне обращается Бекетов:

– Тимофей! Тимофей! О чем задумался?

– Ой, извините, Петр Иванович. Такой замечательный чай, очень напоминает тот, который мой дед заваривал. Вот и задумался, вспоминая наши чаепития, когда все живы были.

– Жалко твоих близких, Тимофей. Мне Мария рассказала, что они все погибли. Но это судьба. Поговорим лучше о твоём поступлении в

военное училище. Ты где-нибудь учился?

– У нас в станице, у батюшки Александра в его школе при церкви две зимы, и младший брат отца дядя Иван меня обучил многому.

– Хорошо, давай проверим немного, что ты знаешь?

Дальше посыпались вопросы по русскому языку, арифметике, алгебре, геометрии, физике, географии, истории. Я отвечал, на что уверенно, где-то путаясь при попытке перевести русские меры в метрическую систему, да и с формулами, особенно из геометрии, были проблемы. Давно все это учил. Хорошо, что совсем недавно в том мире внучатому племяннику помогал по Интернету домашние задания изучать за седьмой и восьмой класс. Что-то в голове осталось. Но все равно Бекетов был шокирован.

– Мария, это уникал! За четыре класса он экзамены играючи сдаст по первому разряду. Даже по вопросам испытания на зрелость нашей шестиклассной гимназии он почти на все правильно ответил! Жалко, что с латинским, греческим и новыми языками ты не знаком. – Он о чем-то задумался, а потом произнес: – Завтра, Тимофей, после обеда придешь ко мне и будешь писать диктант, сочинение и отвечать на вопросы по другим дисциплинам. Часа за три-четыре, я думаю, управимся. Хорошо?

– Я приду, Петр Иванович. Только можете мне пару листов бумаги и карандаш дать? Я потренируюсь в письме, а то уже года три не писал. А пером у меня и раньше плохо получалось.

«Вот попал! – думал я. – Всю ночь придется тренироваться эти яти и твердый знак в нужные места вставлять. Хорошо хоть, книги Толстого есть, будем у великого русского писателя учиться на русском писать. Где бы еще таблицу по переводу русских мер в метрическую систему взять?»

Мое возвращение в приезжий дом с книгами вызвало у семейства Селеверстовых фурор. Пришлось рассказывать о своих похождениях и новых знакомствах. Заодно сразу отпросился у атамана на завтрашний день для встречи с Бекетовым. Потом был ужин и чтение вслух романа «Война и мир». Засиделись допоздна. А я еще часа три после этого тренировался в правописании. Спать лег уже с первыми петухами.

С утра и до обеда я помогал дядьке Петро и его жене тете Ольге торговать на ярмарке. Никифор с женой, Ромкой и Анфисой как ушли по рядам, так и пропали. Узнав от атамана, что оружия и книг на

ярмарке нет, я спокойно занимался торговыми делами, так как остальные товары меня не интересовали. До обеда я продал почти всю свою рухлядь и шкуры, став обладателем шестидесяти рублей с копейками.

Селеверстовы также расторговались практически полностью, чему немало способствовала моя помощь. Я даже не ожидал от себя таких умений по навязыванию товара покупателям. В том своем мире никогда не торговался, а тут меня будто прорвало. Очень часто после моей негодии какой-нибудь покупатель отходил от Селеверстовых, недоуменно крутя головой: «И зачем я это купил?» Дядя Петро с тетей Ольгой только похохатывали над моими шутками-прибаутками во время коммерции типа: «Налетай, не скупись, чтоб дохой обзавестись!»

После обеда я был у Бекетова, и начался экзаменационный ад. Кроме Бекетова в роли подручных «главного дьявола» присутствовали еще две каких-то женщины, имена которых я тут же забыл. Увидев мои мучения с пером, Бекетов разрешил мне писать карандашом, и понеслось: диктант, эссе на полстраницы о Благовещенске, задачи по арифметике, алгебре, геометрии, физике, тест по истории и вопросы по географии. Здесь я поплыл и попросил тайм-аут, сказав, что географического атласа никогда в жизни не видел. После того как минут двадцать просидел над атласом, удивляясь названиям государств, особенно в Африке, о которых никогда не слышал, ответил на вопросы и по географии.

Пока я отдыхал от этого экзаменационного марафона, Бекетов с женщинами проверяли мои записи. Потом о чем-то совещались, и в конце концов Петр Иванович вынес вердикт, что я будущее светило российской науки на уровне Ломоносова, так как самоучкой освоил курс четырехлетней гимназии, можно сказать, на «отлично», а по алгебре и геометрии решил задачи для испытания на зрелость шестилетней и даже восьмилетней гимназии. Поэтому Бекетов поможет мне получить свидетельство об окончании экстерном шестилетнего курса Благовещенской мужской гимназии, договорившись с ее директором, и будет просить руководство администрации Благовещенска и Хабаровки направить меня на обучение в Иркутскую казенную восьмилетнюю гимназию за счет государственной казны, с дальнейшим поступлением в только что

открытый Томский университет. Он надеется, что с учетом того, что я знаю английский язык, я смогу самостоятельно освоить немецкий, французский, а также древнегреческий и латинский, имея необходимые словари и учебники.

От такого вердикта о моих знаниях я на некоторое время впал в ступор, но потом стал уверять Бекетова, что не мыслю своей жизни без военной службы, рассказал о предсмертном наказе деда.

– Хорошо, Тимофей, я понял, что тебя не переубедить! – Петр Иванович огорченно покачал головой. – Жаль! Какой бы из тебя ученый мог получиться! Но свидетельство об окончании гимназии экстерном тебе нужно в любом случае. В этом году не получится, твой возраст не соответствует, но на следующий год этот вопрос мы решим. Пойдем к твоему атаману Селеверстову, будем договариваться.

Пока мы собирались, две женщины преподавательницы вышли, но скоро вернулись, неся учебники, справочники, словари, которые торжественно мне вручили с наказом продолжить самостоятельное обучение. Растроганно поблагодарив за такие ценные подарки, я получил от них напоследок благословение и поцелуи. После этого мы с Бекетовым направились в приезжий дом для разговора с Петром Никодимовичем.

Когда мы вошли в комнату, где проживали дядька Петро с женой и дочерью, там проходил конкурс красоты. Все женщины хвастались друг перед другом обновками, а мужская половина семейства Селеверстовых «дружными аплодисментами» высказывала свое одобрение этим приобретениям.

Зайдя вместе с Бекетовым в комнату, мы некоторое время полюбовались статными казачками, а потом я произнес:

– Дядька Петро, Никифор, попрошу минуточку внимания! – Все Селеверстовы повернулись в мою сторону. – Познакомьтесь, надворный советник Бекетов Петр Иванович – директор Алексеевской женской гимназии, а это атаман Черняевского округа Селеверстов Петр Никодимович и...

Дальнейшее представление прервалось писком Анфисы и снохи Ульяны, которые бочком вместе с Ромкой проскользнули в дверь, выбегая из комнаты, а атаман с сыном вытянулись в струнку и дружно рявкнули: «Здравия желаем, ваше высокоблагородие!»

«Вот блин! Я же забыл, что надворный советник по табелю о рангах соответствует подполковнику в войсках или войсковому старшине у казаков. Вот это чинопочитание!» – думал я, глядя на вытянувшихся в струнку Селеверстовых и замершую тетку Ольгу.

Между тем Бекетов, пройдя в комнату, присел на один из табуретов, при этом в распахнувшейся шубе стал виден крест ордена Владимира, что заставило вытянуться Селеверстовых еще больше.

– Петр Никодимович, и вы...

– Никифор, – подсказал я.

– И вы, Никифор, – продолжил Бекетов мягким голосом. – Давайте без чинопочитания. Присаживайтесь, зовите меня Петр Иванович. А пришел я поговорить о Тимофее.

– Он что-то натворил? – вскочил только присевший на табурет дядя Петро, а тетя Ольга судорожно вздохнула.

– Натворил, ох натворил, Петр Никодимович! – Бекетов шире распахнул полы шубы. – Он сегодня играючи сдал на отлично выпускные экзамены по четырехгодичному курсу гимназии, а по некоторым предметам решил задачи испытания на зрелость гимназии за восьмой класс. Вот такой у вас Тимофей – уникал!

Все Селеверстовы, чуть не открыв рты, уставились на меня, а у Никифора челюсть действительно поползла от удивления вниз.

– Я предлагал ему свою помощь в поступлении в губернскую мужскую гимназию сразу в седьмой класс, а потом в Томский университет за счет государственной казны, – продолжил Бекетов, – но Тимофей отказался, так как не мыслит своей дальнейшей жизни без военной службы. Поэтому придется помочь ему с поступлением в Иркутское юнкерское училище, а для этого вам надо вместе с ним приехать в Благовещенск на следующий год, чтобы Тимофей смог официально сдать экстернатом экзамены за шесть классов нашей Благовещенской мужской гимназии и получил официальный документ. Это займет дня два-три, может, чуть больше. И потребуется немного денег. Хотя об этом не будем говорить. Я решу эту проблему.

Атаман Селеверстов, вытаращив глаза, продолжал удивленно смотреть на Бекетова, а у Никифора челюсть опускалась все ниже и ниже. Только тетка Ольга, судорожно вздохнув, начала улыбаться.

– Я думаю, мы договорились, Петр Никодимович, – поднимаясь с табурета, продолжил Бекетов, запахивая полы шубы. – Жду вас вместе

с Тимофеем на следующий год.

– Так точно, ваше высокоблагородие! – вскочил с табурета атаман. – Непременно приедем.

Бекетов повернулся ко мне, потрепал по плечу.

– В холщовом мешке, куда тебе подаренные книги сложили, сверху и мой подарок лежит. Посмотришь после моего ухода. И все-таки жалко, Тимофей, что не хочешь ты в университет поступать. Какой бы ученый из тебя вышел...

– Петр Иванович, но будучи на военной службе я могу и наукой заниматься.

– Должен, Тимофей. Должен заниматься. Хорунжий, сотник или есаул – это не твой предел и уровень. С твоей светлой головой ты должен идти выше, чтобы сделать больше для России. Просто обязан для Отечества сделать больше! Все! Жду тебя на следующий год.

Попрощавшись со всеми за руку, Бекетов, надев шапку, вышел из комнаты.

– Вот это да! – Никифор буквально рухнул на табурет.

Петр Никодимович, поглаживая усы, продолжал стоять, взирая на меня с каким-то непонятным выражением лица и глаз. В приоткрывшуюся дверь, предварительно заглянув, просочились Анфиса, Ульяна и Ромка.

– Батя, а что Тимофей натворил? – спросила Анфиса.

– Что натворил? Этим он стал, как его... а, вспомнил – уникамом! – Атаман повернулся к своей жене. – Нет, мать, ты глянь на него, на этого уникама! Мы тут с Никифором перед высокоблагородием во фронт тянемся, а он с ним как с приятелем разговаривает. Точно – уникам!

«Все, точно это прозвище прилипнет, – думал я, снимая папаху и расстегивая полушубок. – Ермаком тут звать не будут. Слишком уважают Ермака Тимофеевича местные казаки, чтобы какому-то сопляку такое прозвище дать. Хотя, может, и не приживется незнакомое казакам слово. Но прозвище “уникам” лучше, чем “бурундук”, как у Афоньки Гусевского. Никто уже и не помнит, почему так в детстве его прозвали».

– Есаула для Тимофея мало! – продолжал выплескивать из себя напряжение атаман. – Да у нас в станице выше хорунжего никого из

казаков не было за всю ее историю. А тут есаула мало! Генералом надо стать Тимохе! Голова у него светлая!

– Успокойся! Ты чего завелся? – Тетка Ольга подошла сзади к мужу и прижалась к нему. – Радоваться надо, что Тимофея так высоко оценили. А может, правда генералом станет! Его благородие вон как уверенно говорил!

– Да со страху я! – Атаман присел на табурет. – Когда услышал от его высокоблагородия, что Тимофей чего-то натворил, внутри что-то будто бы оторвалось. А он вон – уникам, оказывается. Ладно, Тимофей, носи мешок. Показывай, что за подарки там у тебя.

Я подошел к столу и положил на него мешок, раскрыл горловину и достал атлас мира в красивом и богатом переплете. Раскрыв его, увидел конверт, из которого достал четыре банковских билета по двадцать пять рублей и записку: «На самостоятельное обучение. Жду в следующем году. Бекетов».

– Нет, Тимоха точно уникам! – Атаман Селеверстов развел руками, глядя на записку и деньги. – Мне шестой десяток идет. Тридцать лет в строю. Десять лет атаманствую. Больше четверного наградных ни разу не получал. А здесь за полгода восемьсот рублей. Семьсот от генерала и сто от надворного советника. Уникам! Кстати, Тимоха, а что это слово обозначает?

– Очень редкий по своим умениям человек.

– Тогда правильно тебя его высокоблагородие назвал. Ты, Тимоха – уникам! Показывай, что у тебя в мешке еще.

Я достал из мешка все книги и положил их на стол. Атаман быстро просмотрел ценники на всех книгах и озвучил, что здесь подарков еще на сто с лишним рублей. Покачал головой и с усмешкой спросил:

– Ну что, уникам, тебе еще что-то для учебы покупать надо? А то мы все уже купили и завтра с утра назад с казаками из Кузнецовской станицы собрались.

– Дядька Петро, мне бы еще несколько учебников надо, бумаги, карандашей прикупить, патронов к карабину Маузера и новый устав казачьей службы приобрести.

– И все? – хмыкнул атаман.

– Все, больше ничего не надо.

– Вот, учись, охламоны! – Атаман по очереди ткнул выставленным указательным пальцем в Ромку и Никифора. –

Настоящему казаку надо оружие, устав и знания. А то ноют: «Батька, купи нам энту красивую финтифлюшку или энту!» А на кой хрен она им нужна, и сами не знают, лишь бы покрасоваться!

Так закончилась моя первая поездка в Благовещенск. На следующее утро, успев купить все, что я хотел, мы выехали домой в станицу, куда и прибыли, слава богу, без всяких приключений через десять дней.

Глава 9

Первая любовь

Покачиваясь в седле на Беркуте, который шел мягкой рысью, я вспоминал, как развивались события после возвращения из Благовещенска.

Разговор с Бекетовым произвел на атамана Селеверстова неизгладимое впечатление, а мое согласие обучать Ромку всему тому, что я сам знаю, сделало его покладистым при решении вопросов, связанных с нашими занятиями. Петр Никодимыч иногда только бурчал по поводу того, что Ромка теперь не вылезает из Ермаковской пади, постоянно пропадая у меня. Однако когда через пару месяцев Ромка легко ответил практически на все вопросы отца Александра, который решил его проэкзаменовать, находясь в гостях у Селеверстовых, и эти бурчания прекратились.

Отец Александр очень высоко отозвался об уровне знаний Романа, полученных за столь короткое время. И меня и покойного дядю Ивана сильно хвалил, говоря, что даже не представлял, насколько грамотен был Иван Аленин, если умудрился так многому своего племянника обучить. Но первых уважительных слов от Петра Никодимовича я был удостоен, как это ни странно, после нашей драки с Ромкой против семерых казаков-малолеток. А случилась драка, как часто бывает в таком возрасте, из-за девичьих глаз.

После боя с хунхузами, оправляясь от ранений, в станице я практически не бывал. Как выяснил от Тимохи, друзей у меня там не было. Добывание хлеба насущного в качестве подпaska у такого же казака, оказывается, опустило меня за два года по статусному положению среди казачат станицы на очень низкий уровень. Ниже были только дети из двух мещанских семей, переселившихся в станицу откуда-то с Поволжья. Тех казаки, можно сказать, за людей не считали.

«Вспомнив» все это, я в станице практически не бывал, а когда приезжал к Селеверстовым, то старался со сверстниками не встречаться. Больше мне нравилось общаться с взрослыми казаками, слушая их степенные рассуждения о жизни. В прошлой жизни мне

было пятьдесят с хвостиком, поэтому ребячьи забавы и разборки за место под солнцем в их кругу меня как-то не прельщали. Взрослые казаки после моего боя с хунхузами приняли меня, конечно, не как равного, но относились ко мне уважительно, особенно те, кто был на берегу Амура и видел мертвых бандитов с простреленными головами и перерезанными глотками. Митяй Широкий, точнее, вахмистр Дмитрий Шохирев (Широкий – станичное прозвище), мне как-то сказал: «Если кто попытается обидеть, мне скажи. Любому играло обломаю и скажу, что так и было». И ему тяжело было не поверить, что обломает. Такого здоровяка надо было бы поискать: под два метра ростом, в плечах метра полтора. Ходячая гора мышц, перевитых сухожилиями! И это были не накачанные в спортзале для рельефа мышцы. В станице до сих пор вспоминают, как года четыре назад, во время празднования Рождества Пресвятой Богородицы на площадь перед станичным правлением, где было полно народу, собравшегося для крестного хода, вылетела телега, которую понесли напугавшиеся выстрелов в воздух впряженные в нее две лошади. На их пути встал Шохирев и остановил взбесившихся лошадей, схватившись за заднее колесо телеги. По словам очевидцев, ноги Митяя Широкого пропахали две глубокие борозды в утопанной земле перед правлением, но лошади, как ни рвались дальше, продолжить свой бег не смогли.

Поддержка такого человека много для меня значила. Кроме того, воинское звание у Шохирева было самое высокое среди казаков станицы, и была вероятность, что чуть позже станет Митяй Широкий атаманом Черняевского округа. Хозяином Шохирев был справным, а молодость – дело проходящее. И хорошо, что проходящее, потому что именно молодость моего тела привела к событиям, которые взбудоражили всю станицу.

Тимоха, как выяснилось, сохнул от неразделенной любви к Анфисе – дочери атамана Селеверстова. Будучи на год старше Тимохи, Анфиса на него никакого внимания не обращала. Мелюзга, да еще и подпасок! Фи! А Тимоха тяжело страдал. Анфиса уже в свои пятнадцать лет была настоящей сформировавшейся казачкой, очень похожей на актрису из моего времени Эллину Быстрицкую, которая сыграла Аксинью в «Тихом Доне». Одним словом, и коня остановит ударом в лоб, и горящую избу по бревнышку разметает.

Я же в своем времени как-то привык к другим женским формам. Из всех женщин станицы мне больше всех нравилась знахарка Марфа. В этой тридцатилетней, стройной с тонкой талией женщине была такая природная грация и женственность, что я просто млел, глядя на нее. Тем более что Мария (Марфой ее почему-то называли только в нашей станице) была очень похожа на мою первую жену, которую я безумно любил и был просто морально раздавлен, когда она ушла от меня, не выдержав кочевой, неустроенной в бытовом плане жизни жены офицера спецназа. Обстановка в Баку и Нагорном Карабахе, где мы тогда служили, была очень напряженной. Отправил ее от греха подальше домой к теще, а через некоторое время пришло письмо: «Прости, я от тебя ухожу. Нашла другого». Хорошо хоть, детей не успели нажить.

В общем, я млел от знахарки, представляя мысленно наши жаркие встречи, а из-за Тимохиного тела впадал в ступор при встречах с Анфисой. После посещения семейства Селеверстовых директором Бекетовым в Благовещенске, Анфиса на обратном пути домой стала строить мне глазки. Тимохина сущность моего тела на это отзывалась выбросами гормонов, а я тихо сатанел от того, что в эти моменты просто не мог ничего с этим телом поделать. Эх, если бы молодость знала, а старость могла! Видно же было невооруженным глазом, что Анфиса просто играет со мной, желая заполучить в свои поклонники Тимофея Аленина, как оказалось – уникама. Но Тимохина сущность этого не понимала, как и не понимала моей влюбленности в такую старуху, как тетя Марфа.

Из-за этого непонимания и оказался я на вечерних посиделках в доме Подшиваловых, где часто зимой собиралась казачья молодежь. Анфиса пригласила меня и Ромку пойти с ней, а то ей, видите ли, домой по темноте да по сугробам страшно возвращаться. Будто бы проводить некому будет!

Пошли и сидели, как дураки, в уголке на лавке. Ромке хоть интересно было, он по молодости первый раз на такие посиделки был приглашен. Мне, в принципе, тут тоже находиться рано было – девятнадцати лет еще не исполнилось. Сидел и смотрел, как молодые казаки в возрасте от девятнадцати до двадцати одного года охаживают юных казачек, выеживаясь перед ними, как петухи. Особенно старался перед Анфисой старший сын Ивана Митрофановича Савина Семен, с

которым у меня, точнее, у Тимохи, были непростые отношения. Когда Тимоха пас табун у Савина, Семен постоянно при встречах старался его унижить, и только дедов строгий наказ удерживал Тимоху от схватки с сыном богатейшего в станице казака.

Анфиса от внимания Семена заходила румянцем на щеках, но при этом успевала зазывно стрельнуть глазами в мою сторону. Несмотря на все усилия удержать себя под контролем, я постепенно стал заводиться. А Семен, перехватив пару раз взгляды Анфисы в мою сторону, громко произнес:

– А что здесь эти молокососы делают?

Я продолжал сидеть, делая вид, что ничего не услышал, хотя внутри все кипело. Не любил я «золотую молодежь». Оказывается, во все времена она была такой наглой и «бесстрашной», пока по рогам не получала.

– Нет, казаки, я серьезно, а что здесь эти молокососы делают? – Семен Савин подошел к нам с Ромкой поближе. – А, это же сынок атамана и наш уникам! Я правильно его назвал, Анфиса?

Анфиса как-то виновато взглянула на меня и опустила голову. Я уже хотел что-то ответить Семену, но тут влез Ромка:

– Ты кого молокососом назвал?

Ромка, будучи на шесть лет младше Семена, габаритами тому несколько не уступал. А за последние пять месяцев непрерывных занятий в Ромке пропала юношеская угловатость и нескладность. По внешнему виду тринадцатилетний Селеверстов выглядел бы лет на восемнадцать-двадцать в моем мире будущего.

– Нет, вы гляньте, казаки, какие борзые молокососы в Ольгинской станице рождаются! – Семен Савин картинно повел рукой, показывая на Романа. – Пожалуй, следует выкинуть их отсюда.

В этой фразе прозвучала старинная вражда, точнее, какое-то противостояние между основателями станицы Черняева и позже поселившимися здесь казаками, которые из-за наводнений перебрались из Ольгинской станицы, Вагановского выселка и других мест.

Я ничего не успел ни сказать, ни сделать. Семен потянулся, чтобы взять за шиворот Романа и тут же получил от того хорошо поставленную двойку: левой рукой в печень, а правой в челюсть. Без

звука молодой Савин бесформенным кулем осел на пол, свернувшись в позе эмбриона.

В комнате наступила звенящая тишина, а потом все остальные молодые казаки, как назло все из «потомков основателей станицы» и большие друзья Семена Савина, что-то крича, набросились на нас с Ромкой. Я только успел крикнуть Ромке: «На смерть не бей!» И все закружилось в хороводе рук, ног, тел. Через пару минут, когда в комнату ввалился услышавший сильный шум хозяин дома, казак Алексей Подшивалов, все было кончено.

Я стоял посреди комнаты, рассматривая через дыру в рубахе небольшой порез на предплечье. Ромка стоял рядом и, тихо шипя сквозь зубы, проверял целостность своего левого уха, которое распухло прямо на глазах, становясь похожим на пельмень. У наших ног лежали все семь казаков-малолеток. Четверо из них находились в глубоком нокауте, двое трясли головами и, разбрызгивая кровь из разбитых носов, пытались подняться на дрожащих ногах. Последний, седьмой, Афонька Гусевский по кличке «Бурундук», сидел около лавки, подвывая, и баюкал левой рукой выбитую мною в плече свою правую руку. Это он в пылу схватки попытался достать меня выхваченным кинжалом. Ему, уже двадцатилетнему казаку, который по весне должен был пойти на первый срок службы, видимо, было очень обидно получить от меня по сусалам.

– Что здесь произошло? – оторопело оглядывая комнату, спросил Алексей Подшивалов.

– Поспорили немного, дядька Алексей, – зажимая рану на плече, ответил я.

Тут разом загомонили девки, но весь этот гул перекрыл писклявый дискант младшего семилетнего сына Подшивалова, который, откинув занавеску на печке, заверещал:

– Батька! Батька! Семен Савин захотел Ромку и Тимофея выгнать. А Ромка ему как даст! А потом на них остальные накинулись. А Ромка как даст, а Тимофей как даст, даст, даст! Они брык и лежат. А потом дядя Афанасий захотел Тимофея зарезать. А тот ему как даст, а потом руку сломал. Вот!

– Ни хрена себе, погуляли-посидели детишки! Песенки, млять, попели! – Подшивалов подошел ко мне. – Что с рукой?

– Небольшой порез. Сейчас кровь запечется. Нормально все будет.

Ко мне подошла Анфиса, держа в руке кусок чистого полотна. И где только найти успела. Я перетянул рану на плече и подошел к Подшивалову, который склонился над Гусевским.

– Кажется, рука у Афони сломана. – Подшивалов выпрямился. – Надо Марфу или Сычева звать. И остальных осмотреть надо. Девки, бегом за Сычевым и Марфой!

– Да нет, дядька Иван, я ему руку из сустава выбил. Вы его за левое плечо и шею придержите, а я ему руку назад вставлю.

После этих слов, несмотря на протесты Афанасия, я, опустившись на колени, ощупал тому плечо и, заставив Подшивалова его крепче держать, резким рывком с поворотом вставил Гусевскому плечо на место.

– Лучше бы предплечье к телу на пару дней привязать. Через неделю все в порядке будет. – Я поднялся с колен. – Только запомни, Афанасий, если еще раз на меня с кинжалом кинешься, я тебе или руку сломаю, или твоим же кинжалом тебя же вскрою.

Что-то в моем голосе и взгляде заставило Бурундука судорожно сглотнуть и молча опустить голову на грудь, спрятав глаза. Подшивалов крикнул и, положив мне руку на плечо, подтолкнул в сторону:

– Пошли, дохтур, остальных смотреть. Порезвились вы с названным брательником, ой порезвились! Что старики скажут?

Осмотр остальных много времени не занял. Двух казаков, которые все еще находились в состоянии «гrogги», посадили на лавку и вставили им скрученные тряпки в ноздри, чтобы остановить кровотечение из носа. А что касается остальных четверых, нужно только ждать, когда они очнутся. Особенно хреново, на мой взгляд, дела обстояли у Семена. От Ромки он получил двойной нокаут. Хороший удар в печень валит от боли с ног и более могучих противников. А тут еще и классика бокса – апперкот снизу в челюсть. Состоянию младшего Савина я сейчас точно не завидовал. Лишь бы челюсть не была сломана. Ссориться с Иваном Митрофановичем не хотелось. Он мне такого жеребенка подарил – красавца моего Беркута, всего черного, как антрацит, – а мы его сына отоварили по полной программе. Хотя сынок еще тот. На мой взгляд, мало внимания уделял Иван Митрофанович своему старшему сыну. Проморгал его где-то. Большой скотиной, чувствую, Семен вырастет.

Минут через десять в комнате появился вызванный девками Сычев со своим неизменным саквояжем. Мы с Романом, чтобы не мешать и не раздражать приходящих в себя казаков, оделись и вышли на улицу.

– Тимофей, а батька сильно ругаться будет? – нервно поеживаясь, завел разговор Роман.

– А я знаю! Он твой отец, а не мой. Но по мне, правильно ты Савину «двоечку» провел, и дальше действовал молодцом. Так что не журись, Ромка. Живы будем, не помрем.

– Тимофей, а у тебя плечо сильно порезано? Я же видел, Бурундук тебе в шею насмерть бил.

– Это кто здесь помирать собрался? И кому это в шею насмерть били? – из темноты улицы на свет из окон дома Подшиваловых вышла закутанная сверху в шаль небольшая женская фигура, одетая в светлый овчинный полушубок.

– Здравствуйте, тетя Марфа! – Ромка, втянув голову в плечи, быстро затараторил: – Мы с казаками-малолетками подрались. Афоня Гусевский во время драки хотел Тимофея кинжалом в шею ударить. Вот плечо ему порезал.

Я же, забыв поздороваться, смотрел на знахарку и любовался ее лицом, которое очень красиво выделялось на фоне заиндеветшей шали.

– Так! Пойдем быстро в дом. Посмотрю, что у тебя с плечом.

– Да с ним нормально все. Небольшой порез. Я куском холстины перетянул уже. А в доме Сычев с остальными разбирается. Им помощь действительно нужна.

– И что же вы натворили с остальными? – Марфа удивленно изогнула правую бровь. – Порезали, что ли, всех?

– Да нет, тетя Марфа. Немного побили только, – ответил Ромка.

– Там Савину Семену помочь нужно. Боюсь, у него челюсть сломана, а сотрясение мозга точно есть. Ромка немного перестарался, – вставил я.

– А много там остальных? – поинтересовалась у меня знахарка.

– Семеро. У двоих носы только разбиты. Афанасию я вывихнутую руку на место вставил уже. А четверых, включая Семена, смотреть надо. Они уже в себя прийти должны.

– Да уж, порезвились! – вздохнула Марфа. – Чему улыбаешься, Тимофей?

– Дядька Алексей точно такие же слова произнес, когда все увидел, да еще добавил: «Что старики скажут?»

– Это уж точно. Не упомяну я такого случая в станице. – Женщина потерла варежкой нос. – Тимофей, ты иди ко мне домой, я, когда вернусь, осмотрю твое плечо, и надо поговорить с тобой. А ты, Роман, иди домой и расскажи все отцу. Если у Семена действительно сломана челюсть, то могут быть неприятности. Савин за своего сынка-оболтуса кому хочешь со своими деньгами сложности устроит.

Сказав все это, Марфа ушла в дом, а мы с Романом пошли выполнять ее указания. Придя к Марфе-Марии домой и сняв верхнюю одежду, я зажег в комнате от лампадки стоящую на столе свечу и стал рассматривать комнату, пытаюсь по предметам определить характер хозяйки. За этим занятием меня и застала быстро пришедшая домой знахарка.

– Жилье мое рассматриваешь? – разматывая шаль и кидая ее вместе с полушубком на кровать, спросила Мария. – Ну и ухари вы с Ромкой! Это надо же так отделать казачков! Над ними же вся станица теперь потешаться будет. Хотели молокососов на улицу выставить, а их как малых детишек отшлепали. Подшивалов до сих пор в себя прийти не может. Ходит по комнате и бормочет: «Порезвились, мля, вот это порезвились, мля, Тимоха с Ромкой!» А дальше загибы в три колена. Я и то много слов новых узнала. А уж чего только во время врачевания казаков не слышала.

Марфа встала передо мной и, сложив руки на груди, с каким-то вызовом произнесла:

– Ну что смотришь на меня голодными глазами? Рассказывай, кто ты такой!

– Вы о чем, тетя Марфа?

– Какая я тебе тетя! Ты меня за дуру не считай. Судя по твоим глазам, я тебе в дочери гожусь. Ты думаешь, я не отличу взгляд мужика, имевшего много женщин, от взгляда влюбленного, сопливого мальчишки? Да ты взглядом своим уже разложил меня во всех мыслимых и немыслимых позах!

– Не понимаю тебя, Марфа.

– Тимофей, или как тебя там зовут, не знаю... Сама я не сталкивалась с таким, но от прабабушки своей знаю, что так бывает, когда в теле человека живет как бы две души. И если после ранения

хунхузами Тимофей еще бывал в этом теле, то потом и я, и дядя Афанасий все больше замечали, что в теле Тимофея живет другой человек. А сегодня еще раз убедилась. Никто из наших казаков не смог бы так правильно вставить назад вывихнутую в плече руку. А ты сначала вывихнул, а потом назад вставил. И Селеверстов еще после того боя заподозрил неладное. Не мог он поверить, что четырнадцатилетний казачок мог убить двадцать с лишним бандитов, да еще перерезая им глотки. На то, чтобы убить человека, перерезав ему глотку, очень немногие казаки в станице способны. Ну что опять смотришь на меня своими глазищами? – Знахарка почти перешла на крик. – Напоминаю, что ли, кого?

– Жену мою первую. Та такая же красивая была.

– Ох! – Мария, прижав руки к груди, попятилась назад и плюхнулась на кровать. – Это что же – правда? Ты не Тимоха?

– Почему же! Зовут меня Тимофей Васильевич Аленин. Только родился я в 1962 году от Рождества Христова в городе Благовещенске. Местные Аленины – наши дальние по Дону родственники. В том моем мире местный Тимоха Аленин погиб во время этого набега хунхузов за станичным табуном. Вместе с ним погибли Ромка Селеверстов и Петруха Данилов, и еще пять казаков, когда станичники ходили за Амур отбивать табун. Табун, кстати, так и не отбили. А я, умерев в 2018 году, в Ермаковской пади – там, в моем мире, – очутился здесь в теле Тимохи. Мы оба живы на настоящий момент, а наше сознание слилось в одно целое. Вот такая, Мария, история. Как это произошло, я не знаю, объяснить не могу. Остается как-то жить дальше.

Дальше я еще часа два рассказывал Марии о своей жизни, о своем мире, о том, что, возможно, произойдет в этом мире. Рассказывал, почти ничего не скрывая. Сказалось то, что долго было невозможно поделиться с кем-либо моим истинным положением. Нужен был благожелательный слушатель. А слушать Мария умела, как и все настоящие врачеватели. Наконец, опомнившись, она заставила меня снять рубаху и занялась моей раной. Смазала ее какой-то пахучей мазью и перебинтовала.

– А с чего Семен к вам с Ромкой пристал у Подшиваловых?

– Да к Анфисе приревновал, придурок. Та после Благовещенска мне глазки строит и у Подшиваловых этой же ерундой заниматься

начала. Он и взъелся, а Ромка на молокососа обиделся и сам задираться начал.

– А тебе что, Анфиса не нравится?

– Да она мне, Мария, действительно в дочери, а точнее, во внучки годится. Да и всю ее игру, в отличие от Тимохи, насквозь вижу. Женщин у меня, ты права – много было. Жены только две было.

– Ты что, мусульманин?

– Да нет. Первая, на которую ты сильно похожа, бросила меня, когда я на Кавказе воевал. Вышла замуж за богатого купчика, если сравнивать с нынешним временем. Надоела ей нищенская жизнь офицерской жены да ожидание, убьют мужа или нет в очередной заварухе. Вторая по ее же стопам пошла. Захотели спокойной и обеспеченной жизни.

– Слушай, Тимофей, а ты сколько лет служил?

– Двадцать семь лет с одной войны на другую, с небольшими перерывами.

– Господи! Спаси тебя Христос! А здесь-то что планируешь делать? Ты же многое наперед знаешь.

– Я же тебе говорил о наказе деда Афанасия. Вот и буду его выполнять по мере сил и возможностей. Если хоть несколько казаков, которых я лучше научу воевать, живыми останутся, значит, я не зря в этом мире прожил.

– Это правильно, Тимофей Васильевич. Извини, но меня очень этот вопрос волновал! Я же за жизнь станичников как бы отвечаю! – Знахарка как-то лукаво посмотрела на меня. – Давай-ка, господин подполковник гвардии, теперь спать ложиться. До первых петухов уже совсем ничего осталось, а завтра день трудный. И не смотри на меня такими глазами, герой-любовник. Я такие заболевания, как у тебя, не лечу. Еще мне не хватало, чтобы говорили о том, что я младенцев совращаю!

Мария, хихикая, бросила мне свой и мой полушубки и указала на лавку: «Это твое место сегодня». Сама же задула свечу и, быстро раздевшись, юркнула под одеяло на кровати.

– Все, спать. Завтра трудный день.

– Это точно, – укладываясь на лавке, ответил я. – Завтра старики-старейшины поимеют нас с Ромкой в разных позах и не только взглядом.

Со стороны кровати раздался еще один смешок, а потом слышалось ровное дыхание.

«Не придет и не позовет. А жаль!» – подумал я, проваливаясь в сон.

Глава 10

Казачий суд

Утром, встав и не обнаружив в комнате Марии, позавтракал оставленными ею на столе молоком с куском хлеба и отправился к Селеверстовым.

Войдя к ним на двор, увидел атамана, стоящего одетым на крыльце.

– Явился! Где был всю ночь?

– У тетки Марфы ночевал. Она мне плечо перевязала, а потом дала чего-то выпить, я и уснул.

– Плечо не болит?

Я пошевелил под полушубком правым плечом – ничего не болело. Так и ответил атаману.

– Переодеваться некогда. Да так и лучше будет! Если что, сможем показать твою рану, нанесенную Афанасием. А то, боюсь, все черняевские скопом на нас навалятся.

Сам-то Селеверстов был из Ольгинской станицы. Десять лет назад его избрали на сходе атаманом Черняевского казачьего округа, в который входило одиннадцать населенных пунктов: поселок Толбузинский, почтовая станция Ваганова, станица Ольгинская, заимка Дроздова, станица Черняева, заимка Веселая, почтовая станция Торой, станица Кузнецовская и другие. Одновременно Селеверстов являлся и атаманом станицы Черняева, где располагалось станичное окружное правление. Все эти годы почти все «отцы-основатели» Черняевской станицы пытались на ежегодных выборах протащить на его место кого-то из своих. Но пока это сделать им не удавалось. Большинство казаков, в число которых входило и семейство Алениных, во всем поддерживали Селеверстова. Эти политические страсти и тайны «Черняевского двора» я постепенно узнал из разговоров казаков.

– Ромка, сукин сын! Где ты там? Давай на выход быстро!

На крыльцо, как-то кособочась, вышел Ромка и подошел ко мне.

– Чего смурной? От отца вчера попало? – шепотом спросил я Ромку.

– Ага. Нагайкой вчера пару раз по спине перетянул. Болит теперь, – морщась, прошептал тот в ответ.

– Чего шепчетесь, охламоны? Повезло тебе вчера, Тимофей. Пришел бы вместе с Ромкой, и тебе бы от меня досталось. Ладно, пошли на совет. Будем разбираться.

Буквально через пару минут, так как станичная изба находилась по соседству с домом Селеверстовых, мы с Ромкой топтались в сенях, где, столпившись, стояли наши вчерашние противники. Атаман и другие казаки, вместе со стариками-старейшинами, находились в сборной горнице и о чем-то совещались. Через некоторое время в сени вышел вахмистр Шохирев и сказал, чтобы все заходили. Придержав меня за руку и дождавшись, когда все остальные казаки, снимая папахи, зайдут из сеней в комнату, он прошептал мне на ухо: «Не ссы, Тимоха! Все хорошо будет!» И подтолкнул меня к двери.

В просторной сборной горнице, на лавке вдоль стены, возле печки-голландки разместились станичные старики-старейшины: Подшивалов Феофан, отец Алексея Подшивалова, в доме которого все вчера и произошло, Раздобреев Афанасий, Митрофан Савин – дед Семена, Ион Гусевский – дед Афанасия, Давыд Шохирев, Иван Лунин. Именно они почти тридцать лет назад основали станицу Черняева. Рядом со старейшинами на лавке сидел батюшка станичной церкви Александр Александрович Ташлыков – весьма образованный человек, прибывший на служение в Черняевскую церковь из Санкт-Петербурга. Высокий, широкоплечий, красивый, он габаритами не уступал вахмистру Шохиреву и обладал огромной силой: на спор с казаками однажды вспахал десятину земли, впрягшись в плуг, который направлял его сын.

На лавке около окна разместились атаман Селеверстов и еще с десяток казаков. Нас же с Ромкой вместе с семьей казаками-малолетками поставили в центр комнаты, и начался казачий суд.

Сначала опросили самого младшего из нас, Ромку. Из его рассказа можно было понять, что он сидел, никого не трогал, его обозвали молокососом и попытались выкинуть из комнаты, поэтому он и ударил Семена Савина, а потом Ваську Чуева, который на него бросился. Я, включив дурака, почти слово в слово повторил все за Ромкой: никого не трогали, тут обзываются, а потом драться лезут. Отбивались мы,

станичники дорогие. Все в белом мы с Ромкой. Это все они – злыдни! Еще и ножиком тычут, окаянные!

Из семи казаков-малолеток шестеро также чуть ли не слово в слово обвинили нас в том, что не проявили уважение к старшим по возрасту казакам да еще драться первыми полезли. И только Афанасий Гусевский, придерживая свою правую на перевязи руку, сказал, что правильно отреагировали Ромка и Тимофей на оскорбления Семена Савина и нападение остальных казаков, а ему, то есть Афанасию, вообще голову оторвать надо было за то, что он на брата-казака кинжал обнажил. И спасибо Тимофею за то, что его в живых оставил!

На такое заявление остальные казаки-малолетки и я с Ромкой очумело уставились на Афанасия, а его дед Ион Гусевский, что-то одобрительно проворчав, начал разглаживать свою шикарную седую бороду на груди. Среди казаков и старейшин на лавках после заявления Афанасия начались негромкие переговоры, шум от которых начал возрастать с каждым мгновением. Основным камнем преткновения стал вопрос – каким образом должен был отреагировать Ромка на слова Семена Савина? Имел ли он право ударить в ответ на слова и действия казака приговорительного разряда, уже принявшего присягу, или должен был стерпеть и дать себя выкинуть на улицу, так как Ромка еще не казак, а сын казачий, и любое слово казака для него закон. Гомон в комнате разрастался и разрастался, пока Давыд Шохирев, самый старый казак в станице, не поднял вверх правую руку с зажатым в нее костылем-клюкой. Чуть ли не мгновенно в комнате наступила тишина, и все присутствующие повернули головы в сторону старшего Шохирева.

Дед Давыд степенно разгладил бороду, а потом, повернувшись к Митрофану Савину, спросил:

– Митрофан, я тебя на сколько годков старше?

Савин оторопело уставился на Шохирева, потом, что-то вспоминая, беззвучно зашевелил губами и наконец произнес:

– Лет на шесть вроде, или чуть больше.

– А теперь вспомни, как в Кучугае ты отреагировал, когда я на посиделках с девками тебя щенком обозвал!

– Дык, это... – Митрофан Савин зажал бороду в кулак. – Драться на тебя полез и в лоб получил.

– А ты тогда казаком был?

– Нет, присягу еще не принимал.

– А я был?

– Да, был.

– Так что же ты на меня полез? Раз я, казак, сказал тебе, что ты щенок, сын казачий, значит, ты и есть – щенок!

– Э-э, Давыд, ты говори да не заговаривайся! Сейчас как тресну костылем по башке! – Дед Митрофан начал вставать с лавки.

Старый Шохирев примиряюще поднял ладонь вверх.

– Не кипятись, Митрофан. Ты же тогда драться полез, честь свою защищая. Почему же другого от Ромки Селеверстова хочешь? Или если его и Тимофея Аленина твой внук молокососами обозвал, то это не оскорбление?

– Да вроде все так, и все-таки не так! Неправильно получилось как-то.

– Правильно, Митрофан, что неправильно все в этом случае. Ты в Кучугае от меня в лоб получил и успокоился. И за честь свою вступился, показав всем, что справным казаком растешь, и урок от старшего получил. А здесь сыны казачьи казаков поучили, да еще как! Вот это и неправильно!

– Давыд, любитель ты тень на плетень навести! – Савин раздраженно стукнул костылем об пол. – Делать-то что будем?

– Казаков учить лучше будем, чтобы их молокососы всякие не били. А вот чему и как учить – давайте у атамана нашего спросим, как он Ромку своего да Тимофея обучает. Может, кормит чем-то особенным? – ухмыляясь в бороду, прогудел дед Шохирев.

– Мясом сырым он нас кормит, чтобы злее были, – пробурчал тихо я, склонив голову, но был услышан.

От раздавшегося в комнате гогота казаков, казалось, рухнет крыша. Сидевший рядом с атаманом Митяй Шохирев стал толкать Селеверстова в бок, вопрошая: «Атаман, неужто правда сырым мясом кормишь? Правда? Скажи?»

– Да ну его, уникама хренова! – Селеверстов, весь красный, поднялся с лавки. – Его и спрашивайте, чего они с Ромкой жрут да чему обучаются. Ромка у Тимофея уже пять месяцев в обучении, а у кого Тимофей учился, я и сам не знаю.

В комнате после слов атамана наступила тишина. Старейшина Афанасий Раздобреев удивленно спросил атамана: «Это что, правда,

Петро? Не ты Ромку, а Тимофей его учит?»

– Эх, станичники! – Вахмистр Шохирев поднялся с лавки во весь свой богатырский рост. – Если бы видели, какой гимназий Ромка с Тимофеем в пристрое Аленинского дома организовали! Чего там только нет! А занимаются так, что только пар от них идет. И так почитай каждый день по несколько часов. Я поэтому и не удивился, когда они семерых казаков уделали вдвоем. На их учебные схватки на кулаках да с кинжалами страшно смотреть. Сами иногда в кровь бьются.

– Тимофей, а это правду Алешка Подшивалов сказал, что ты моему Афоньке пообещал в следующий раз, если он на тебя с кинжалом нападет, либо руку ему сломать, или убить его же кинжалом? – раздался скрипучий голос Иона Гусевского.

– Правду, деда Иона. – Я, изображая смущение, опустил голову. – Погорячился я.

– Ты, казачина, не дуркуй. Погорячился он. Пятерых казаков положил. Такое только с холодной головой сделать можно. Бери этих обалдуев, – Ион Гусевский показал на казаков-малолеток, – расставляй их и показывай, как с ними дрался. Вместо Афоньки возьми Петьку Башурова. Они статью одинаковы. Казаки, кто-нибудь кинжал Петьке дайте.

– Что застыл, Тимофей? – Селеверстов ткнул меня в плечо, проходя мимо, подавая кинжал Башурову. – Или опять не помнишь, как вчера казаков уделал?

– Да помню все, дядька Петро. Вы Петрухе Башурову кинжал в ножнах дайте. Он сначала на меня без него нападал. Позже уже достал.

Я расставил казаков-малолеток в те позиции, с которых они нападали на меня, и стал показывать, что и как делал, отбиваясь от них, и какие удары наносил, чтобы их вырубить. Когда дошло дело до схватки с Афанасием, я на Петрухе показал, как сначала боковым ударом левой ноги в грудь отбросил от себя Бурундука, одновременно с этим правой рукой сбивая в сторону удар Гришки Батурина мне в голову. Далее в замедленном действии, добиваясь синхронности движений от Петрухи и Григория, показал, как нанес удар коленом в печень и локтем в челюсть Батурина, а потом развернулся, чтобы встретить Афанасия, бьющего меня кинжалом в область шеи.

– Это чего же, Афонька насмерть бил? – громко озвучил этот момент Митрофан Савин. – Вот стервец!

Я под эти комментарии показал, как чуть не успел повернуть корпус, уворачиваясь от удара, из-за чего получил порез плеча, а потом обозначил перехват руки Елизара с кинжалом и как рычагом через свое плечо вывихнул ему руку. На этом показ закончился.

– А руку сломать, как грозился, мог вчера Афоньке? – опять прокрипел его дед.

Я попросил Петьку Башурова опять медленно нанести мне удар кинжалом в шею, а сам проделал те же движения, только рычаг его руки провел не через предплечье, а через локоть. Когда нажал чуть сильнее, Башуров приподнялся на цыпочки и зашипел от боли. Я быстро отпустил его руку.

– Если бы сделал так, то сломал бы Афанасию руку в локте. Мог бы и по-другому. Так еще проще бы было.

Я попросил Башурова опять ударить меня кинжалом, а сам, сместившись влево, перехватил его руку своей правой за запястье, а левой обозначил резкий рубящий удар по его локтю.

– Неужто руку бы так сломал? Не верю! – Дед Гусевский покачал головой. – Не верю.

Я прошел к печке, где в уголке стояла метелка на длинном черенке, и взял ее в руки. «Все получится, – думал я, возвращаясь обратно. – Я смогу, главное настрой. Для моей руки нет преград. Сколько всего раньше переломал и переколотил, отработывая резкость и точность ударов. Я смогу!»

Всучив Петрухе вместо кинжала метелку, черенком в мою сторону, я сказал:

– Бей в шею, и бей сильно!

Петруха, казалось, только этих слов и ждал, ударил как пикой, вкладывая в удар всю свою злость на меня. Я же повторил все то, что только что показывал казакам, но удар левой рукой нанес резко и в полную силу. Удар. Хруст. В моей руке осталась половинка черенка, а Петруха, обалдевая, рассматривал в своей руке остатки метелки.

– Ни хрена себе! – К нам подскочил сидевший ближе всех Алексей Подшивалов и, взяв у нас обломки метлы, показал их казакам. – Млять, как шашкой рубанул!

После возникшей тишины, вызванной удивлением от моего удара, все казаки в комнате разом загомонили. Но тут снова раздался скрипучий голос старейшины Гусевского:

– Тихо! Тимофей и убить вчера моего внука его же кинжалом смог бы?

«Ну достал старикан! И чего не уймется?» – подумал я, но вслух вежливо произнес:

– Мог бы, деда Иона.

Повернулся к Петрухе и, подав ему кинжал, который до этого засунул за голенище сапога, вручая Башурову метелку, попросил еще раз ударить меня.

Петруха, с какой-то опаской взяв у меня кинжал, неуверенно ткнул им в область моей шеи. Я, сделав под шаг в левую сторону, перехватил его правую руку с кинжалом у запястья, а левой с внутренней стороны предплечья, выгибая руку, рванул Петруху на себя, заставляя его упасть телом на кинжал. Затем резко остановил это движение, с трудом возвращая Петруху в исходное положение, а сам развернулся к Гусевскому.

– Деда Иона, в зависимости от того, какой бы шаг назад я сделал, Афанасий или вот Петруха напоролись бы на кинжал либо животом, либо грудью, либо шеей.

– Эк как! Мастак! А просто выбить бы кинжал у Афоньки мог?

– Мог бы, деда Иона.

Я повернулся к окончательно обалдевшему Петрухе и попросил:

– Давай еще раз, Петр. Только медленно бей.

Петруха каким-то заторможенным движением обозначил удар кинжалом в мою сторону. В этот раз я, чуть развернувшись в плечах, уходя с линии атаки кинжалом, обозначил одновременные удары навстречу друг другу левой рукой по запястью, а правой по предплечью правой руки Башурова. Несмотря на слабые удары, кинжал выскользнул из Петрухиной ладони и упал на пол.

– Что же так не сделал вчера у Подшивалова?

– Деда Иона, Петр и я сейчас удары только обозначили. Если бы я вчера так же сделал, когда Афанасий бил, кинжал бы до стены улетел бы, а там девки сидели. Мог бы поранить из них кого-нибудь, или того хуже.

Ион Гусевский поднялся с лавки и, потрясая костылем в сторону своего внука, буквально взревел:

– Что, щенок, понимаешь теперь, почему я тебе вчера говорил о том, что Тимофей Аленин тебя пожалел?! Видел сейчас? Ему тебя проще убить было, чем обезоруживать, подставляясь чуть ли не спиной под твой удар. Он и тебя, сучонка, и девок пожалел! А себя нет. И вас всех пожалел! – Иона направил свой костыль на казаков-малолеток, которые от его рева сжались в тесную группу. – Ударил бы чуть сильнее – и покойники! У-у-у, выб...дки несрушные! А вы что скажете, станичники? – Ион Гусевский обвел всех находящихся в комнате казаков внимательным взглядом из-под густых седых бровей.

– Я больше половины ухваток и ударов Тимохи никогда в жизни не видел! – прогудел Давыд Шохирев.

– И я! И я! И я! – прозвучало чуть ли не со всех сторон.

– А ногами как машет! Внуку Ваньки Лунина как в челюсть засветил! – привстав с лавки и потрясая клюкой, почти кричал Митрофан Савин. – Экий стервец!

– И кто тебя, Тимоха, всему этому обучил? – перекрывая стоящий в комнате гомон, опять прогудел дед Давыд.

«Прости, дед Афанасий! – подумал я. – Иначе не поймут казаки!»

– Дед Афанасий учил. Сначала как всех казачат, а после того как родителей убили и мы к дядьке Ивану Савину в пастухи подрядились, дед меня на пастбище каждый день обучал. Сначала нашим родовым ухваткам, а потом и другим ухваткам и приемам учить начал.

– Ногами у нас так не бьются, – раздался бас Шохирева старшего.

– Так дед говорил, что эти ухватки он перенял во время Крымской войны. С ними тогда вместе кубанцы воевали. И был у них казак один, которого турки «дьяволом смерти», кажется, прозвали. Чтобы показать свою лихость, тот казак против вооруженных турок иногда с голыми руками выходил и побеждал их. Дед с ним подружился, и тот много чего из своих ухваток показал, а дед запомнил.

– Кубанцы – те да, любители ногами и руками помахать, – вздохнул Феофан Подшивалов. – Я как-то видел, как один подпрыгивал выше головы и одновременно двумя ногами удары наносил.

«Кажется, прокатило, – подумал я. – Что же, будем рассказывать сказки дальше».

– А еще я записи покойного дяди Ивана нашел, – продолжил я, когда казаки закончили воспоминания о кубанских казаках и их боевой выучке. – У него там приемы из панкратиона описаны.

– А это что такое? – спросил кто-то из казаков.

– Панкратион – это вид борьбы без оружия древних греков, – напомнил о своем присутствии батюшка Александр. – Очень сильные воины были. Их царь Александр Македонский полмира с такими воинами завоевал за триста с лишним лет до рождения Иисуса Христа. Во время этой борьбы никаких ограничений не было, что часто приводило к смерти кого-то из бойцов во время схватки.

– Эка как! – загомонили казаки. – Это что же, как в настоящем бою бились, батюшка?

– Еще и «банкратион» какой-то! – протяжно и громко вздохнул атаман Селеверстов и, повышая голос, сказал: – Ох, Господи, дела наши тяжкие! Все, давайте, малолетки, идите отсюда. А мы решать будем, что с вами делать. А то со всеми этими «банкратионами» до ночи не разберемся.

«Подсудимые» потянулись на выход из комнаты и вышли на площадь перед правлением, где разделились на две группы: я с Ромкой и казаки-малолетки, которые начали что-то горячо между собой обсуждать. Мы с Ромкой стояли и молчали. Через некоторое время в нашу сторону направился Афанасий Гусевский. Я невольно напрягся, но после первых слов Афанасия расслабился.

– Тимофей, прости меня за то, что я вчера на тебя с кинжалом кинулся. Когда ты меня ногой в грудь лягнул, у меня все в глазах от гнева потемнело. Кинжал выхватил, не думая.

– Бывает, Афанасий. Я бы тоже, наверное, голову потерял, если бы меня кто-то из младших казачат ударил.

– Э, нет! Я сегодня убедился, что головы ты не теряешь. Мне вчера дед весь вечер твердил, что ты меня пожалел, когда я ему описал нашу драку. А я только сегодня увидел, что тебе действительно проще меня убить было. И это, Тимофей, можно я к вам с Ромкой на занятия приеду? Мне по весне в полк на службу идти. Хотелось бы твоим хваткам научиться, а то, по рассказам, на службе всякое может быть.

– Конечно, Афанасий. Приезжай. Мы с Ромкой каждый день с утра и до обеда тренируемся.

– И это, Тимофей, ты Семена Савина остерегайся. Он вам с Ромкой своего позора не простит. Он и сейчас остальных подбивает Ромку поймать и отметелить. Остальные, правда, не особо рвутся, но поберегитесь.

– Спасибо, Афанасий.

Я протянул ему левую руку, которую он крепко пожал своею здоровой левой рукой. В этот момент на крыльцо вышел вахмистр Шохирев и сказал, чтобы мы расходились по домам, там нам отцы и деды доведут решение казачьего круга.

Мы с Ромкой поплелись домой. Ромка то и дело поводит плечами. Видимо, представлял нагайку отца, гуляющую по его спине. Я, как ни хорохорился, но определенное неудобство также ощущал. Придет атаман да всыплет горячих! Так и тянулись к дому, еле ноги переставляя. Зашли в дом и только начали раздеваться, как следом зашел атаман.

– Что, соколики, головы повесили? А ну марш в светлую комнату да за стол садитесь, – снимая папаху и полушубок сказал атаман. – Мать! Мать! Зови Никифора со Степаном и сама с девками в горницу приходи.

Ромка, сгорбив плечи, поплелся в горницу, а я за ним. «Кажется, впервые придется попробовать нагайки, – подумал я. – Не драться же с атаманом. Вот попали».

Зайдя в комнату, мы сели за стол. В течение минуты в комнату подтянулись остальные Селеверстовы. Старший сын атамана Степан и Никифор также сели за стол, а женщины семьи Селеверстовых встали по стеночке. Вошел атаман и, грозно оглядев всех, повернулся в мою сторону.

– Встань, Тимофей.

Я поднялся и, склонив голову, уставился в стол.

– Спасибо тебе, Тимофей Васильевич Аленин, за те науки, которым обучаешь моего сына. Огромное отцовское спасибо и моя благодарность.

От изумления у меня чуть челюсть не отвалилась до столешницы. Я посмотрел на атамана, думая, что он надо мной издевается, но Селеверстов был серьезен и торжественен.

– Никогда не думал, что мой Ромка в тринадцать лет станет таким справным казаком. – Атаман покрутил головой. – Это надо же, двух

казаков-малолеток, которые уже год обучения прошли, смог на кулаках победить! Ладно Семка Савин – этот больше купец, но Васька Чуев – один из лучших в обучении среди казаков приговорительного разряда не только в станице, но и во всем Черняевском казачьем округе. А Ромка его своим ударом в беспмятство отправил! Молодцы!

Находясь в ступоре, я прервал атамана:

– Дядька Петро, а что по драке суд решил?

– По драке? – Селеверстов усмехнулся. – По драке решение такое. Тебе, Тимоха, и тебе, Ромка, сначала хотели всыпать по пять-десять горячих по мягкому месту, чтобы сидеть долго не могли, но потом решили, что участвовать тебе, Тимофей Аленин, в состязаниях по окончании зимних сборов казаков-малолеток, а тебе, Роман Селеверстов, в шермициях со своими сверстниками. Если возьмете призовые места, то тебе, Тимоха, придется под свое начало взять и обучать еще десяток станичных казачат от тринадцати до пятнадцати годков.

– Вот это да! – просипел пораженный новостью Ромка.

– А как учеба будет организована? – спросил я.

– Вы сначала выиграйте, а потом думать будем, как все организовать. – Атаман хлопнул рукой по столу. – Готовьтесь, у вас всего три недели осталось.

Глава 11

Состязания

Беркут шел тихой рысью, я покачивался в седле, не вслушиваясь в смысл слов восторженно вещавшего Ромки, который на своем молодом жеребчике-монголе по кличке Гнедко рысил рядом. А Ромка пытался донести до меня свои мысли о том, как ему хочется увидеть цесаревича Николая, который завтра проплывет на пароходе мимо станицы и, возможно, остановится. Я же продолжал вспоминать события, которые произошли два с небольшим года назад.

Утро 25 февраля 1889 года выдалось морозным, но солнечным. В станице Черняева в этот понедельник встречи Масленицы заканчивались двухнедельные сборы казаков-малолеток, которых набралось с округа чуть более тридцати. И сегодня между ними должны пройти состязания по стрельбе и наездничеству.

На поле, где должны были пройти состязания, а потом шермиции, собралась изрядная толпа, чуть ли не под пятьсот человек. Кроме казаков-малолеток, которые стояли в строю, пришли почти все жители станицы Черняева, да и с других станиц округа приехало народу немало. Отдельной группой стояла свита войскового старшины Бурового Николая Петровича – заместителя командира первого Амурского конного полка, в который входила вторая Черняевская сотня. Буровой, говоря языком двадцать первого века, являлся куратором 1-й Албазинской сотни и 2-й Черняевской. В этом году приехал проконтролировать, как идут сборы в Черняевской сотне.

Раздался звук трубы, гомон на поле быстро затих. Отделившись от свиты, войсковой старшина в сопровождении атамана Селеверстова вышел к строю казаков-малолеток, которые по звуку трубы застыли по стойке смирно.

– Орлы! – разнесся бас Бурового над полем. – Сегодня заканчиваются сборы казаков пригготовительного разряда к службе в строю Чернявинской сотни. За две недели урядники и вахмистры вашей сотни, имеющие богатый опыт, учили вас стрельбе из винтовки, правилам сбереженья оружия, владению холодным оружием пешком и верхом. Занимались с вами гимнастикой и одиночной выправкой,

чтобы вы верхом и на земле выглядели бравыми казаками, а не мокрыми курицами!

В толпе раздалась смешки, которые быстро смолкли.

– Сейчас пройдет заключительный этап сборов. Состязания по стрельбе и наездничеству, – продолжил войсковой старшина. – Очень жаль, что трое казаков не допущены к состязаниям по наездничеству, так как их кони не признаны строевыми. Это большое упущение с вашей стороны, Петр Никодимыч! – Буревой резко повернулся к атаману Селеверстову. – Надеюсь, что такого безобразия в Черняевской сотне я больше не увижу! – Развернувшись к строю, войсковой старшина продолжил: – А теперь о приятном. Объявляю о призах, утвержденных в этом году Войсковым наказным атаманом Амурского казачьего войска генералом Беневским Аркадием Семеновичем. За стрельбу 1-го разряда – винтовка, 2-го разряда – шинель с фуражкой или шашка, 3-го разряда – патронташ. За наездничество 1-го разряда – седло или мундир с шароварами, 2-го разряда – чепрак с подушкой или папаха. За стрельбу с лошади на скаку: фуражка, портупья, ружейный чехол или погонный ремень, по выбору получающих призов.

Над полем повис одобрительный гул толпы. Войсковой старшина поглубже вдохнул и продолжил:

– Призы за стрельбу назначаются в следующем порядке: 1-го разряда – тому, кто положил в белую полосу все пять пуль; 2-го разряда – тому, кто положил в белую полосу четыре пули; и 3-го разряда – тому, кто в белую полосу положил три пули. Если из числа состязавшихся выполнят условия для получения призов более определенного их числа, то преимущество отдается тем, которые в белой полосе мишени выбьют большее число номеров. Всего на призы Черняевенской сотни выделено казной триста рублей.

На этот раз веселый шум из толпы зрителей длился намного дольше. Во время возникшей паузы Селеверстов что-то быстро прошептал на ухо Буревому, после чего тот продолжил:

– Чтобы повысить накал состязаний, по просьбе атамана Селеверстова и старейшин станицы Черняева в них будет участвовать казачий сын Тимофей Аленин. Говорят, он в пятнадцать лет от роду хорошо дерется с казаками приговорительного разряда. Посмотрим, так ли он хорош в стрельбе и наездничестве. – Буревой развернулся к

атаману Селеверстову и, усмехнувшись в усы, сказал: – Зови своего героя.

Селеверстов, повернув голову назад и найдя меня в толпе, призывно махнул рукой. Увидев этот жест, как мы условились ранее, я выбежал перед строем казаков и, перейдя на строевой шаг, подошел к Буревому, вскинул руку к папахе и доложил:

– Ваше выскоблагородие, Тимофей Аленин по вашему приказанию прибыл.

– Становись на левый фланг, Тимофей Аленин, – улыбаясь, отдал команду Буревой.

– Есть, – развернувшись, я добежал до левого фланга строя казаков и, соблюдая все требования, встал в строй.

– Ну что же, – снова захохотал над полем бас Буревоего, – начнем, помолясь. Вольно! Через пять минут первые шесть казаков выходят на линию огня. Разойдись!

Строй казаков рассыпался. Буревой, взяв под руку Селеверстова, направился к своей свите.

– Все готово, Петр Никодимыч, – мишени, махальные, трубач?

– Так точно, господин войсковой старшина. Все согласно требованиям Наставления 1884 года. Мишени все новые. Махальные назначены, и укрытие для них подготовлено. За каждой мишенью на линии огня закреплены казаки в звании не ниже младшего урядника. Поле на шесть мишеней оградил еще два года назад валами. Оцепление по валам выставлено. Все готово к началу состязания.

– Тогда пойдем к линии огня, понаблюдаем, как твои казаки отстреляются и чем меня удивит твой Тимофей Аленин.

Буревой, махнув свите рукой, направился к линии огня, где уже собирались казаки, которым выпала очередь стрелять первыми. Поближе к линии огня стала подтягиваться толпа зрителей, для которых натянутыми веревками была обозначена безопасная зона.

* * *

Я стоял рядом с казаками-малолетками, которые ждали своей очереди для выхода на линию огня. Многие из них, особенно «отметеленная» нами с Ромкой семерка казаков, за исключением Афанасия Гусевского, смотрели на меня с неприязнью, которая усилилась, когда они рассмотрели, что в руках у меня восьмизарядный

карабин Маузера, который я забрал у Ромки, стоявшего с моим снаряжением в толпе зрителей. Не обращая на молодых казаков внимания, я проверил, как ходит затвор у карабина, патроны в патронной сумке и, поставив карабин к ноге, замер. Судя по прошлогодним стрельбам, ждать своей очереди мне предстояло больше получаса.

Первые шесть казаков вышли на линию огня и встали напротив своих мишеней, находящихся в двухстах шагах. К ним подошли урядники, контролирующие стрельбы, проверили оружие «малолеток» и выдали по первому патрону. Дождавшись, когда все махальные спрятались в укрытие, а старший махальный урядник Лунин поднял шест с красным флажком, старший на линии огня вахмистр Митяй Широкий скомандовал: «Стрелять». Выставив прицелы и зарядив карабины, смена сделала первый выстрел из положения стоя, после чего, взяв «ружье вольно», стали ждать показа пуль.

После подачи сигнала «перестать стрелять» старший махальный опустил флаг, и шесть махальных побежали к своим мишеням, указками показали стрелявшим казакам отметки пуль, отметили их на мишени и внесли результаты в листы отметок, после чего спрятались в укрытие.

Старший махальный поднял флаг, на линии огня выдали очередные патроны, новая команда «стрелять», и все пошло по накатанному кругу. Пять выстрелов каждого казака, и новая смена из шести казаков выходит на линию огня.

«Как долго!» – думал я, глядя на эти перестроения. Хотя, как говорили в советской армии, все уставы написаны кровью. Если не соблюдать требования имеющегося наставления по стрельбе, недолго и до несчастного случая. Уже две смены отстрелялись. Через три моя очередь.

Минут через двадцать шестая смена, состоящая из меня и еще трех казаков, наконец-то вышла на линию огня. Я передал восемь патронов к маузеру уряднику Науму Башурову, который отвечал за мой огневой рубеж, и стал ждать, когда кто-то из махальных по нашей с атаманом Селеверстовым задумке прикрепит лист бумаги, закрыв центр моей мишени. Вахмистр Шохирев махнул рукой, из укрытия махальных выбежал приказный Данилов и, прикрепив к моей мишени лист бумаги, опять спрятался за стеной укрытия.

* * *

– Что происходит? – войсковой старшина Буревой недоуменно посмотрел на Селеверстова.

– Ваше высокоблагородие, вы же хотели, чтобы Тимофей Аленин удивил вас. Надеюсь, ему это удастся. – Атаман вытянулся по стойке смирно. – Разрешите ему сделать еще три дополнительных выстрела.

– Разрешаю. Ну, смотри у меня, Петр Никодимыч. Я должен быть действительно удивлен. – Буревой наставил на Селеверстова указательный палец.

– Будете, Николай Петрович. Непременно будете. – Селеверстов развернулся в сторону линии огня и махнул рукой.

По его взмаху взвился флаг старшего махального, урядники быстро проверили оружие у смены на линии огня, выдали по патрону, и прозвучала команда «стрелять».

Я смотрел через прорезь прицела на мишень метрах в ста тридцати от себя: «Да, не та стена сарая, в которую я стрелял на “экзамене” у Селеверстовых, но размеры тоже нормальные. Где-то два на полтора метра, посередине белая полоса сантиметров в сорок, а на ней по центру полоса черного цвета шириной сантиметров восемь-десять. Круг в центре закрыт листом бумаге. На контрасте цветов все хорошо видно. Начнем».

Отстреляв со сменой пять патронов, я по разрешению вахмистра Шохирева выстрелил еще три раза и стал ждать результатов.

Махальные с листами отметок подошли к столу, где сидел секретарь станицы, который вносил результаты состязаний в журнал стрельб. К столу подтянулась свита Буревского с ним во главе.

– Удивляй, Петр Никодимыч, – войсковой старшина разгладил усы, стряхивая с них иней. – Удивляй меня.

– Вот, смотрите. – Селеверстов передал Буревому лист бумаги с мишени Аленина, который ему только что доставил приказный Данилов.

Войсковой старшина взял в руки лист бумаги, осмотрел его, крикнул и вернул назад атаману.

– Удивил, атаман. Удивил. – Буревой задумчиво поглаживал правый ус. – Покажи господам офицерам, как стрелять надо.

Селеверстов развернул лист, показывая его свите и казакам, которые стояли за ней. Раздались ошеломленные возгласы. По центру

листа было восемь пробоин от пуль, которые образовали ровную букву «А».

– Зови сюда Аленина, – войсковой старшина взял из рук атамана лист с пулевыми отверстиями и, сложив его пополам, спрятал в нагрудный карман шинели.

Селеверстов мотнул головой в сторону Данилова: «Позови». Приказный, развернувшись, побежал к строю казаков, которые в двухшереножном строю стояли рядом с огненным рубежом, ожидая результатов состязания.

– А ты пока, Петр Никодимыч, расскажи мне, откуда у безусого казака Аленина новейший восьмизарядный карабин Маузера. – Буревой, взяв атамана под локоть, повел его в сторону, чтобы поговорить наедине.

– Николай Петрович, может, вы слышали – около десяти месяцев назад хунхузы пытались угнать наш станичный табун и пару косяков старшего урядника Савина с его знаменитым жеребцом Вороном.

– Слышал, но без подробностей.

– А какие подробности-то! Тимофей Аленин всех хунхузов и побил тогда. Двадцать одного варнака на тот свет отправил. Сам был ранен. Но выжил.

– Нет, я слышал про тот набег. Но подвиги одного казачка против тучи хунхузов посчитал домysлом. А получается, действительно молодой Аленин всех один порешил?

– Так точно, господин войсковой старшина. Один и всех. Нам строевых коней спас и Савину его Ворона с кобылицами. И не молодой, а единственный Аленин. Дядька Афанасий полгода как представился. А остальные до этого сгинули.

– Да, заслуженный казак был. – Буревой, сняв левой рукой папаху, перекрестился. – Царства им всем небесного. Только ты мне, атаман, зубы-то не заговаривай. – Войсковой старшина, надев папаху, поправил ее двумя руками. – Откуда маузер?

– Да припрятал его во время боя с хунхузами Тимофей как трофей. А когда в себя пришел от ранения и сказал, поздно уже было. В Благовещенск доложились, все с китайцев сдали. Премию получили. А Тимоха с этим карабином чуть ли не спать ложился. Вот и оставили ему.

– Ох, темнишь, Петр Никодимыч. Не один карабин припрятал, чую.

- Ну так что с боя взято, то свято, – пошутил Селеверстов.
– Свято, свято. Ладно. Пошли назад, встречать твоего героя. Но в будущем смотри. С трофеями чтобы все строго было! Понял?
– Так точно, все строго будет.

* * *

Я стоял в строю на левом фланге и, как все, наблюдал за выдвижением махальных с листами отметок к столу секретаря. Дальше увидели, как к столу подошла свита во главе с Буревым. Затем примчался приказный Данилов и сказал, что меня войсковой старшина вызывает. А сам щерится во все тридцать три зуба, потом ткнул меня кулаком в плечо и показал большой палец. Под недоумевающие взгляды казаков-малолеток из строя, я побежал, придерживая карабин на плече к свите Буревого, который вместе с Селеверстовым стоял чуть в стороне.

Подбежав к войсковому старшине, который вместе с атаманом вернулся к свите, хотел доложить о своем прибытии, но тот остановил меня движением руки:

– А скажи мне, Тимофей Аленин, ты только букву «А» можешь, стреляя, нарисовать, или другие тоже, и почему именно буква «А»?

– «А» – потому что Аленин, а для вас могу букву «Н» нарисовать, Николай Петрович.

– Вот стервец! – захохотал Буревой, которого тут же поддержала его свита. – А давай букву «Н», а то что-то мне до сих пор не верится, что так стрелять можно. – Старшина строго взглянул на меня. – Не шельмовали?

– Никак нет! – чуть ли не в один голос ответили я и атаман Селеверстов.

– Тогда вперед на линию огня, Аленин! – повелительно махнул Буревой.

– Ваше высокоблагородие, разрешите... – начал я.

– Что еще! – недовольно прервал меня Буревой.

– Разрешите все восемь выстрелов сделать на один флаг. Заодно и скорострельность карабина Маузера все увидят, – продолжил я.

– А давай, Аленин. Посмотрим на эту хваленую немецкую механику, – улыбаясь, махнул рукой войсковой старшина.

Я развернулся кругом и побежал на линию огня.

– Что-то не очень радостен твой Тимофей? – спросил Буревой атамана Селеверстова.

– Так по вашему приказу он еще на четыре рубля влетел. А он у нас не жадный, но домовитый! – рассмеялся Селеверстов.

– На какие четыре рубля? – удивился войсковой старшина.

– Так он стреляет своими патронами. А их на ярмарке в Благовещенске купил по рублю за две штуки. И то еще ему повезло найти какого-то корейца. А так дешевле, чем по рублю за штуку, не купить было. Редкость. Так что восемь рубликов долой, а еще, может, при стрельбе с лошади на скаку на полтора рубля выстрелит.

– А почему не за казенный счет стреляет?

– Петр Николаевич, Тимофей в реестре еще не числится, да и кто мне списать шестнадцать патронов по пятьдесят копеек за штуку даст, когда к карабину Бердана они по шесть копеек идут.

– Да... Ладно, придумаем, как твоему домовитому помочь деньгами или патронами. Все. Вперед, на линию огня. – Буревой энергичным шагом направился к стрельбищу. Свита потянулась за ним, а за ней валила увеличивающаяся толпа из зрителей.

Я прибежал на линию огня и направился к вахмистру Шохереву, который стоял с урядниками отдельной группой.

– Господин вахмистр, разрешите обратиться? – сказал я в спину Шохереву.

– Ну чего там, Тимоха? – Митяй Широкий, улыбаясь, повернулся ко мне. – Данилов уже рассказал, какую ты букву «А» нарисовал на листке. Молодец, казак!

– Господин войсковой старшина приказал мне на один флаг восемью выстрелами букву «Н» нарисовать. Не поверил. Говорит, шельмовали.

– И ты расстроился? Нарисуй ему букву «Н»! – Митяй ткнул меня в грудь своим кулачищем.

– Ага, еще четыре рубля долой, – чуть не плача сказал я. – Они-то за казенный счет стреляют, – кивнул я на строй казаков-малолеток, – а я за свои.

Шохирев и урядники рассмеялись.

– Не журишь, казак. За то о тебе сам заместитель командира нашего полка теперь знает. Это тебе не булка с маком! – хлопнул меня по спине младший урядник Башуров. – Со мной он ни разу за два срока

службы не говорил. А Тимоху Аленина в лицо и по имени знает. А ты еще даже не казак!

– А чего ты не из берданки стреляешь? – спросил Алексей Подшивалов. – К ней патроны не дороже десяти копеек стоят.

– Да что в дедовой, что в отцовской стволы расстреляны. С них я бы так точно не попал.

– Все, тихо! Войсковой старшина подходит.

Шохирев развернулся в сторону подходившей свиты и Буревоего. Дождавшись, когда Буревой выйдет на площадку линии огня, Шохирев скомандовал «смирно» и побежал докладывать:

– Господин войсковой старшина, по вашему приказанию на линии огня готовятся к проведению стрельб восемью патронами на один флаг по одной мишени. Старший на линии огня вахмистр Шохирев.

Митяй Широкий сделал шаг в сторону, освобождая дорогу Буревому.

– Вольно! – кратко отдав честь, пробасил войсковой старшина и двинулся вдоль по линии огня. – Показывай, вахмистр, как готовитесь.

– Во-о-ольно!!! В настоящий момент урядник Башуров получил и осматривает восемь патронов для карабина казака Аленина, – начал Шохирев, сопровождая своего заместителя командира полка.

– Казака? – остановился Буревой, глядя в лицо вахмистра.

– Так точно, господин войсковой старшина! – вытянулся во фронт Шохирев. – Те из казаков, кто видел, что Тимофей Аленин совершил на берегу Амура, когда отбивался от хунхузов, давно его считают казаком, несмотря на возраст.

– Хм-м... Интересно. Продолжайте, вахмистр.

– Сейчас кто-то из махальных вместе со старшим махальным отнесут лист к мишени, и по команде Аленин на один флаг отстреляется восемью патронами.

– Это хорошо. Только лист на мишень прикрепит... – Буревой повернулся к свите. – Корнет Блинов, не в службу, а в дружбу – прикрепите лист к мишени и потом назад его принесите.

– Слушаюсь, господин войсковой старшина!

Корнет отделился от свиты и вместе с приказным Даниловым, который по знаку Шохирева прибежал от группы урядников, пошли к столу секретаря стрельб, где находились махальные. Через пару минут группа из старшего махального урядника Лунина, приказного

Данилова и корнета Блинова направилась к мишеням, где корнет прикрепил лист бумаги на крайнюю мишень и вместе с Даниловым скрылся в укрытии. Старший урядник Лунин, взяв горизонтально к земле шест с флагом, стал ждать сигналы трубы.

Все это время Буревой, остановившийся посередине линии огня на шесть мишеней, стоял, заложив руки за спину и покачиваясь с пятки на носок и обратно. За ним столбами застыли атаман Селеверстов и вахмистр Шохирев. Свита тоже напряженно молчала. Строй казаков пригготовительного разряда Черняевской сотни, который атаман Селеверстов успел развернуть лицом к мишеням, хотя и прозвучала команда «вольно», застыл неподвижным монолитом. Группа урядников, стоявшая на линии огня, также застыла, боясь лишней раз напомнить о себе Буревому, так как не понаслышке знала о его крутом нраве.

Наконец, увидев, что мишень готова, Буревой, развернувшись к Шохиреву и Селеверстову, резко произнес:

– Командуйте!

Шохирев, козырнув, повернулся к группе урядников, с которыми стоял и Тимоха Аленин, скомандовал:

– Младший урядник Башуров, Тимофей Аленин на линию огня первой мишени, бегом марш!

Дождавшись, когда Башуров и Аленин займут место напротив своей мишени, вахмистр дал команду трубачу. Прозвучал звук трубы, старший махальный поднял флаг, и тут же прозвучала команда Шохирева:

– Стрелять!

Услышав команду Шохирева, я один за другим вогнал восемь патронов в подствольный магазина карабина, выставил прицел и посмотрел на мишень, выравнивая дыхание. Особо не торопясь, произвел восемь выстрелов из карабина, затратив чуть больше минуты на все. Дождавшись сигнала «перестать стрелять», собрал свои гильзы, сложил их в подсумок, и, взяв карабин на ремень, застыл, ожидая дальнейших команд.

Через несколько минут корнет принес Буревому лист с мишени. Войсковой старшина, рассмотрев его, направился к строю казаков-малолеток, продолжая держать лист в правой руке.

– Казаки! Я еще не знаю, как вы отстрелялись и какие результаты состязаний по стрельбе! Но уже могу сказать, кто выиграл эти состязания! – при этих словах Буревой залез за пазуху и достал второй лист с результатами первой стрельбы Аленина. – Сейчас я пройду перед строем и покажу вам всем, к чему вы должны стремиться, учась стрелять!

После этих слов Буревой, взяв в каждую руку по листу, прошелся вдоль строя, показывая аккуратные буквы «А» и «Н», выбитые пулями. Закончив обход строя, войсковой старшина дал команду:

– Тимофей Аленин, ко мне!

Услышав ее, я развернулся кругом и побежал к Буревому, добежав до которого, доложил о своем прибытии.

– Тимофей Аленин, ты удивил меня своей стрельбой. Теперь покажи себя в состязании по наездничеству и по стрельбе с коня. Встать в строй!

– Есть!

Через несколько мгновений я застыл в строю казаков пригготовительного разряда, думая о том, что если удивить стрельбой с коня, может, и получится, то джигитовкой вряд ли.

Со слов Афанасия Гусевского, который уже несколько раз приезжал к нам с Ромкой на занятия, я знал, что среди казаков-малолеток есть несколько отличных наездников, которых я точно не смогу переплюнуть. Но минимум по второму разряду должен выступить.

Для получения призов за наездничество со слов атамана Селеверстова требовалось следующее. Для первого разряда было необходимо сидеть твердо на коне, бойко управлять им, вспрыгивать без стремян на коня на месте, доставать с земли на скаку. Кроме того, исполнять правильно и ловко фланкировку пикою и рубку шашкою, скоро и ловко снимать с плеча винтовку и стрелять (имитировать стрельбу) из нее по всем направлениям, прыгать через ров и барьер, при этом делать и другие эволюции, показывающие ловкость и смелость. Для второго разряда было необходимо сидеть твердо на коне, бойко им управлять, исполнять правильно и ловко фланкировку пикою и рубку шашкою, ловко снимать с плеча винтовку и стрелять из нее по всем направлениям и прыгать через ров и барьер.

Хотя со слов Никифора, сына Селеверстова, по второму разряду я показал джигитовку, когда сдавал «экзамен» на казачьи умения ему и

атаману Селеверстову более шести месяцев назад. За это время я значительно улучшил свои умения наездника. Неплохо научился фланкировать пикой, а в джигитовке добавил несколько приемов. Научился ездить стоя в седле. Перескакивать с лошади на лошадь на ходу только начал осваивать, а вот ножницы и соскоки на обе стороны уже получались очень хорошо. Поэтому была вероятность пройти состязание в наездничестве и по первому разряду. А в первом разряде по стрельбе на скаку я даже не сомневался. Попадал куда в меньшие размером мишени и на куда большем расстоянии.

«Попробуем еще раз удивить войскового старшину», – думал я, выходя на старт боевой дорожки, где проходили состязания по наездничеству. Суть состязаний заключался в следующем. Надо было пройти верхом в галопе метров сто пятьдесят «боевой дорожки», где стояли мишени для фланкировки пикой и рубки шашкой. Развернувшись, надо было по соседней дорожке преодолеть барьер высотой где-то восемьдесят сантиметров, ров шириной около метра и на оставшихся ста метрах снять с плеч карабин и имитировать выстрелы вперед, вбок и назад с перезарядкой. На этом состязания по второму разряду заканчивались. Для первого разряда было необходимо дополнительно на дорожке для джигитовки поднять по два кольца справа и слева от себя и показать еще минимум два упражнения джигитовки на свое усмотрение.

Тридцать казаков-малолеток уже показали свои умения. Особо отличились в этих состязаниях молодой казак Анисим Улыбин из Ольгинской станицы да Васька Чуев из нашей с Ромкой шестерки «доброжелателей». Анисим показал чудеса джигитовки, раздевшись на морозе до мундира, он и под шеей, и под животом своего коня пролез, а уж все соскоки, перевороты в седле вообще выполнил играючи и красиво. Чуев же показал отточенную фланкировку пикой и рубку лозы, да и через барьеры и препятствия прошел быстро и красиво. Особенно всех поразил его соскок на землю и возвращение в седло, когда его конь уже начал брать барьер. Одним словом, два лидера в наездничестве появилось, и мне хотелось пусть и не переиграть их, то хотя бы выступить достойно на их фоне.

Выйдя на старт боевой дорожки с верным Чалым в поводу и дождавшись команды на старт, я, не касаясь стремян, впрыгнул в седло. Вынул из петли пику и дал шенкелей Чалому. Первая мишень –

круг диаметром около сорока сантиметров для укола вниз, или, как его называли, «удар острогой». Перехватив пику, я ударил вниз, попав в центр мишени.

Уколы пикой направо и налево, и удар «подтоком», с перехватом, надо было наносить по мишени в виде деревянных шаров диаметром около тридцати сантиметров, подвешенных на высоте около двух метров. При этом уколы и удары должны были быть явно выраженными, наноситься острием копья пики или «подтоком», не по касательной.

Я успешно прошел и эти мишени. Потом попал прямым ударом в кольцо диаметром около пятнадцати сантиметров и завершил фланкировку с пикой ее броском с расстояния метров в шесть в центр круга диаметром около семидесяти сантиметров.

«Фу-у-у! Все! Самое сложное для меня позади!» – мысленно выдохнул я, вынимая из ножен шашку и направляясь к первой лозе, на которую сверху была одета папаха.

По договоренности с атаманом Селеверстовым вахмистр Шохирев разрешил мне перед моим выступлением надеть старые папахи на четыре лозы для рубки и обложить барьер и ров пучками соломы. Солому Ромка должен был поджечь, когда я стартану по «боевой дорожке». Прыжком через горящий барьер и ров я надеялся добавить «баллы» к своему выступлению. Чалого, правда, две недели пришлось «убеждать» прыгать сквозь и через огонь.

Чисто срубив все четыре лозы, так что папахи остались на стойках на нижней части срубленной лозы, я удачно попал шашкой в кольцо диаметром около десяти сантиметров и закончил «боевую дорожку», остановив Чалого, заставив его встать на дыбы и развернуться на задних ногах. Ромка в это время запалил солому на барьере и бежал поджигать солому, сваленную в ров. Опустив Чалого на землю всеми четырьмя копытами, я вложил шашку в ножны и, дождавшись, когда Ромка подожжет солому во рве, наметом направил Чалого на горящий барьер. Преодолев его, а затем перепрыгнув огонь, который вырывался из рва, я на скаку достал из-за спины берданку.

«Экономить на патронах надо, – пронеслось у меня в голове. – Да и значительно короче кавалерийский карабин Бердана восьмизарядки Маузера».

Имитация на широком намете выстрела назад, влево, вправо и перед собой. И эта дорожка закончилась. Теперь джигитовка. Развернув Чалого, я передал стоящим на старте казакам карабин и шашку. Можно было бы и с оружием джигитовку показывать, но те упражнения, которые я выбрал, с карабином за спиной, пусть и в бекеше, а не в полушубке, сделать было очень тяжело. Поэтому я решил не рисковать. Передав оружие, я наметом вылетел на дорожку для джигитовки и поочередно собрал стоящие в станках на земле кольца из ивняка диаметром около двадцати сантиметров. Потом изобразил «казачий обрыв в стремени». Закрепив ноги в стремянах, откинулся вниз, вытянув руки к земле. Таким же образом в фильме «Неуловимые мстители» атаман Сидор Лютый обманул Даньку, притворившись убитым.

Вернувшись в седло, я, ногами оттолкнувшись от стремян и упираясь руками в переднюю луку, подтянул ноги под себя, встал на подушку седла и выпрямился, левой рукой держась за повод, а правую вытянул вверх, постаравшись максимально выпрямить ноги в коленях. Проскакав около десяти метров стоя, я опустил в седло и выполнил соскоки на обе стороны: налево-направо-налево. Выполнил без посадки в седло и, как мне показалось, удачно. Ноги при переносах были выпрямлены, носки оттянуты. Переброс тела произвел без «зависания», хотя бекеша значительно мешала. Спасибо нашей деревянной лошадке в нашем с Ромкой спортзале, на которой занимались вольтижировкой.

Дорожка закончилась и, развернув Чалого, я поскакал назад, решив показать еще два упражнения. Махом наклонился к передней луке, подбросив тело над седлом, перекрестил ноги и сел спиной вперед. Таким же образом вернулся в исходное положение.

После этого лег поперек седла на живот, держась за обе луки, и спиной вперед вышел в положение обратного волочения, держась за обе луки. После выполнения упражнения поднялся в седло и, сделав соскок с седла на землю, повис, держась за переднюю луку, вдоль корпуса Чалого на руках, ногами касаясь земли. В положении прямого волочения проехал метров двадцать, сделал заскок и сел в седло. Все, джигитовка для меня закончилась, я вернулся на старт, забрал свое оружие и встал на левом фланге в конный строй казаков-малолеток. Будем ждать результатов.

Минут через двадцать объявили результаты состязаний по наездничеству, по которым для стрельбы на скаку с коня было допущено одиннадцать казаков, включая меня. Дождавшись своей очереди «последнего», отстрелялся, но не с двухсот шагов, как все, а где-то шагов с трехсот, или около двухсот метров. При этом все три пули положил в голову мишени.

* * *

– Что скажете о выступлении Аленина? – обратился к Буревому Селеверстов.

– Ну-у-у, стрельба что стоя, что на скаку просто феноменальная, джигитовкой особо не удивил. Хотя для пятнадцати лет очень хорошо, я бы даже сказал, отлично. А прыжки через горящий барьер и ров просто великолепны. Это говорит о том, что конь у него замечательно выезжен. Надо будет в полку такое упражнение ввести! – Войсковой старшина очистил от инея усы. – Хорошо придумано.

– А с награждением как быть? Аленина в реестре нет. – Атаман выжидательно смотрел на высокое начальство.

– Н-да, финансовая коллизия... С одной стороны, наградить молодого казака первым разрядом во всех состязаниях надо, но с другой стороны, в реестр отчетности как казак przygotowительного разряда Черняевской сотни Аленин не входит, и наградить его за счет казны мы не имеем права. – Войсковой старшина развернулся к своей свите. – Что будем делать, господа? Какие предложения?

– А что этот молодой казак выиграл? – поинтересовался штаб-ротмистр Некрасов, который числился заместителем командира Албазинской сотни в Амурском казачьем полку.

– Винтовку, седло, португую. По казенной цене все на 24 рубля, – зная чаяния Тимофея о призах, ответил атаман Селеверстов.

– Нас здесь двенадцать свитских, – продолжил штаб-ротмистр. – Думаю, по два рубля на призы для уникального стрелка скинемся.

– Поддерживаю, – высказался корнет Блинов.

Остальные офицеры и штатские свитские Буревому молча склонили головы в знак согласия.

– Ну, а я в целях компенсации растрат из-за моего приказа десять рубликов добавлю. – Войсковой старшина достал красненькую ассигнацию и, увидев недоумевающие взгляды своей свиты, пояснил: –

Аленин стрелял своими патронами, а стоят они для восьмизарядного Маузера рубль за две штуки. Вот за мой приказ да за мой вензель буквы «Н» на листе из восьми пуль красненькую ему и жалую. Принимай, атаман, для своего героя. Надеюсь, карабин, седло да портупею найдешь для награждения.

– Так точно! – Селеверстов принял от Буревого и других офицеров ассигнации. – Сейчас же все приготовим. К моменту награждения все будет готово.

– Атаман, иди, готовь все к награждению. А мы пока пойдем сбитнем погреемся. А то за три часа на морозе заиндевели уже! – Буревой указал на поле рядом со стрельбищем, куда подъехало более десятка саней.

С саней выгружались столы, коробка с едой, угощениями. На одном из уже поставленных столов дымился самовар. Это жители Черняевского округа готовились к встрече по окончании состязаний первого дня Масленицы и шермиций – древнего казачьего обряда, которое пришло на Амур с донскими казаками.

Через полчаса, когда Буревой и свитские отогрелись сбитнем и более «горячими» напитками, да под икорку амурского осетра с блинчиками и прочие закуски, что предоставила Черняевская сотня, началось награждение.

Казачьи приговорительного разряда Черняевской сотни отстрелялась на отлично, набрав шестьдесят три процента попадания пуль в мишень вместо требуемых пятидесяти пяти. Пять казаков отстрелились по первому разряду, четыре по второму и пятнадцать по третьему. Восемь казаков-малолеток попали в мишень два раза и меньше. В состязаниях по наездничеству пятнадцать казаков выступили по первому разряду и десять по второму. Из одиннадцати казаков, допущенных для стрельбы на скаку, два раза и больше поразили мишень только четверо. Результаты были очень хорошие, можно сказать отличные, поэтому и атаман Селеверстов, и войсковой старшина Буревой «цвели и пахли». Атаман Селеверстов надеялся на поощрения от Буревоего, а войсковой старшина надеялся на поощрения от командира Амурского полка полковника Винникова Григория Васильевича.

Глава 12

Шермиции

Был доволен и я. Новый кавалерийский карабин Бердана-Сафонова, седло и портупею вручили мне перед строем казаков-малолеток, объявив основным победителем в стрельбе стоя и стрельбе на скаку. При этом недовольство девятнадцатилетних и старше казаков-малолеток было яркими мазками нарисовано на их лицах. А как перекосилось личико Семена Савина! Смотреть на это было приятно, особенно зная, что Семочка в мишень попал один раз.

Потом строй казаков пригласительного разряда распустили, а народ начал собираться к походному алтарю на поле, где батюшка Черняевской церкви во имя Сретения Господня протоирей Ташлыков должен был провести службу во славу русского воинства.

Свалив все призывы в сани Селеверстовых, которые стояли на краю поля, и привязав Чалого к коновязи, я вместе с Ромкой пошел послушать службу батюшки Александра. Будучи в прошлой жизни крещеным, служб я не посещал, потому что считал, что между мною и богом не нужны посредники, да и не веровал в бога особенно. В храмах чувствовал себя как-то неуютно, на ряхи новорусских попов смотреть без брезгливости не мог. В глазах этих бизнесменов от религии видны были только доллары и евро.

Вспоминаю, как к моему другу егерю Генке Борису, прошедшему две чеченские кампании контрактником-снайпером, в середине декабря 2015 года приезжал из Благовещенска на охоту на лося благочинный Алексей. Рождественский пост, а этот церковный служитель, здоровый двухметровый мужик лет сорока пяти, выжрал литра полтора дорожного вискаря, который привез с собой, заел все это тушеной и жареной кабанятиной и лосятиной, а потом, макая свою бороду в салат, пьяно заявил: «Всем у тебя хорошо, Генок, только бл... й нет!» И с такими служителями Иисуса Христа я встречался в той жизни неоднократно. Были и другие, но встречались редко.

На всю жизнь запомнился один священник, с которым познакомился в общей бане. Иногда увольнение в училище посвящал походу в парилку. Разве можно успеть нормально помыться и

попариться, когда моется рота! Во время одного такого похода в парилку вышел у меня спор с мужчиной лет сорока, в котором поразили глаза, точнее, чистый и какой-то всепонимающий взгляд старца, который не соответствовал его возрасту. Спор зашел о религии, о вере. Я, как атеист, пытался доказать вбитые в меня истины, что Бога нет, религия – это опиум для народа и тому подобное. Мужчина с окладистой бородой слушал мои рассуждения и изредка произносил пару фраз, которые ставили меня в тупик, и я не мог найти достойного ответа. Закончилось все тем, что уже в раздевалке этот мужчина, одетый в рясу и с крестом на груди, подошел и произнес фразу, которую я запомнил на всю жизнь: «У каждого человека своя дорога к Богу. Надеюсь, придет время, и ты найдешь, сын мой, ее начало».

В том мире этой дороги к Богу я не нашел! Когда я попал в это время, мне поначалу как-то тяжело было соблюдать все внешние проявления православной веры. Потом незаметно втянулся, тем более что казак без веры в Бога – не казак. «За веру, царя и Отечество» – три основных столпа казачьей жизни и службы. Постепенно и службы в церкви мне стали нравиться, особенно когда их проводил батюшка Александр.

Вот и сейчас, сняв папаху и крестясь в нужных местах, чувствовал, как в моей памяти будто выжигаются отдельные фразы службы протоирея Ташлыкова: «Доколь не водворятся на земле правда и истина, дотоль необходимы вооруженные защитники Церкви и Отечества»; «Звание воина по самому существу своему весьма близко к самой высокой степени совершенства христианского». Далее, характеризуя качества христоробивых воинов, батюшка Александр басом вещал, что их отличает «правота побуждений, чистота намерений и прямога действий». Они, «смело поражая врагов веры, царя и Отечества, обязываются не проливать крови понапрасну, не производить разрушения без цели и пользы, не нарушать уважение к тому, пред чем должны равно преклоняться и друзья и враги; быть кроткими к мирным жителям и великодушными к побежденным».

Минут через десять, с учетом крепкого мороза, служба закончилась, и казаки-малолетки потянулись гуськом к батюшке Александру на благословление. Я, как еще не принявший присяги, этого сделать не имел права. Не казак еще, не воин. Обидно, но переживем.

А потом начались шермиции. От деда я узнал, что хоть осуществляли сплав и устройство станиц и выселок, которые вошли в Черняевский округ, в основном забайкальские казаки, но корни почти девяноста процентов этих забайкальцев были с Великого Дона. Поэтому традиция проведения шермиций на Масленицу прижилась в Черняевском округе с начала его основания.

В центре поля образовался большой казачий круг, в середине которого на конях в шеренгу выстроились семь казачат в возрасте шести лет. Их коней под уздцы держали старейшие казаки их родов. Мы с Ромкой, с трудом пробившись почти в первые ряды, наблюдали за инициацией «посвящение в казаки». Казачата Черняевского округа, которым к Масленице исполнилось шесть лет, должны были проехать шагом и рысью на лошади по кругу. Кто не удержится в седле, того будут посвящать в казаки через год.

– Из наших только Степка Верхотуров, – прошептал мне на ухо Ромка. – Остальные с других станиц. А Степка в седле как клещ сидит. Не упадет.

В это время казаки, державшие коней под уздцы, вывели и выстроили их вдоль круга, а сами встали в середину. Прозвучал звук трубы, и кони тронулись по кругу, подгоняемые казачатами, постепенно переходя на рысь. Сделав пару кругов, казачата, из которых никто не упал, направили коней к центру, где их опять подхватили старшие родов и выстроили в шеренгу.

По звуку трубы в центр вышли войсковой старшина Буревой и атаман Селеверстов, которые надели на шестилеток, сидящих в седлах, ленты из красной материи с надписью: «казачок рода такого-то». После надевания лент атаман и старшина важно всех обошли, поздравляя «посвященных в казака» и приветствуя старых казаков-воинов.

На этом закончилась торжественная часть, и начались соревнования, плавно переходящие в масленичные гулянья Черняевского округа. Как правило, в первый день шермиций проходили соревнования среди молодых казачат. Начались они с «посвященных в казака». Шестилеток, которые слезли с седел, поставили перед комиссией, в которую вошли Буревой, Селеверстов и старейшие казаки. Начался, как я про себя подумал, допуск-квалификация участников – «словесность». Старики и судьи

надувшимся от важности казачатам стали задавать вопросы, касающиеся знания холодного оружия, родовых корней, истории родовых станиц, обычаев и обрядов казаков.

Шестилетки бодро отвечали, каких-либо заминок ни у кого не было. Старейшие казаки, пряча усмешки в усах, оглаживая бороды, продолжали задавать вопросы. Закончились первые соревнования совместной казачьей пляской шестилеток, смотреть на которую без улыбок было нельзя. До невозможности серьезные, с красиво вырезанными деревянными шашками по руке, под две гармошки казачата в тулупчиках и папах выделывали танцевальные па посреди круга под свист и хлопанье в ладоши казаков и казачек. По решению комиссии победу отдали шестилетке из заимки Дроздова, которому в награду вручили красиво отделанную казачью нагайку.

После этого стали готовить шесть дорожек для рубки мишеней в пешем строю. На первых трех дорожках должны были выступать казачата в возрасте тринадцати – пятнадцати лет, на других трех – в возрасте шестнадцати – восемнадцати лет. Дорожка представляла собой поочередную рубку на две стороны шашкой и кинжалом шести лоз, по три с каждой стороны, потом следовала одновременная рубка шашкой и кинжалом лоз, после этого надо было поочередно срубить шашкой связанные две лозы, три лозы и четыре лозы. А заканчивалось все лозой с надетой папашой. Надо было срубить лозу несколько раз, чтобы папаша оставалась надетой на лозу. Если она слетала, то рубка на этом заканчивалась.

Пока дорожки готовились, мы с Ромкой сбегали к саням и вооружились шашками и кинжалами. На этот раз я вооружился своей черкесской парадной парой, которая передавалась в нашем роду по наследству. И кинжал кама, и шашку терс-маймун изготовил один мастер. Оба лезвия имели клеймо «бегущий волк» и две латинские буквы «Н М», выполненные глубокой инкрустацией – таушировкой медной проволокой.

В той своей жизни я был большим любителем европейского и в частности казачьего холодного оружия, много о нем читал. Насколько я помнил, выбивать клеймо «бегущий волк» на холодном оружии получили право в XII веке лучшие оружейники Европы из города Пассау, стоявшего на слиянии трех рек Дунае, Инне и Ильце. На гербе этого города был изображен волк. Так как клинки с этим клеймом

пользовались большим спросом, то в XIV–XVI веках появились многочисленные подражания «волчкам», в первую очередь на произведениях золингенских мастеров. Но изображение волчка золингенцы наносили обычной гравировкой.

Буквы «Н М» по легенде считались инициалами одного из участников крестовых походов, представителя знатного французского рода Генри Монморанси (Henry Monmorancy), в фамильном гербе которого также имелось изображение волка. Предполагалось, что партия клинков с инициалами «Н М» была заказана в Пассау для его свиты и оруженосцев, которые по обычаю времени носили на оружии герб своего владетеля – сюзерена. По другой легенде, один из отрядов крестоносцев во время крестовых походов прибыл на Кавказ и обосновался там. Воины этого отряда имели мечи с гербом волка; со временем мечи попали к черкесам и были ими переделаны в шашки терс-маймун, которые, таким образом, ведут свое начало от крестовых походов.

Не знаю, так это или не так, но лезвия кинжала и шашки отливались узорами булата, имели, как я уже упомянул, клеймо «бегущий волк» и буквы «Н М» по бокам клейма, рукоятки и ножны их были богато украшены серебром, а заточка на лезвиях держалась просто отменно. Что шашкой, что кинжалом я легко на тренировках перерубал даже шесть лоз, связанных в пучок. Можно было сказать, что это было дорогое, суперэлитное оружие, за которое в мое время можно было бы получить несколько сотен тысяч евриков. А может быть, и больше. Да и в этом времени на мою пару засматривались все видевшие ее казаки. По словам деда, данные кинжал и шашка передавалась в нашем роду от деда к старшему внуку. Но как они попали к Алениным, дед не знал.

Стоя в строю из двадцати казачат возраста тринадцати-пятнадцати лет, я и остальные ждали команды начать состязания. В шеренге хлопцев в возрасте шестнадцати-восемнадцати лет стояло всего шесть человек. Какой-то демографический перекося, видимо, связанный со сроками службы казаков, или просто не смогли с других станиц казачата этого возраста прибыть на праздник, подумал я. Хотя и в нашей станице молодых казаков в этом возрасте было мало, всего трое, которые сейчас и стояли по ранжиру напротив нас.

Через некоторое время перед нашими строями вышли Буревой и Селеверстов и дали команду начать состязания. Описывать их смысла нет. Лозу рубили все хорошо, некоторые не смогли одновременно шашкой и кинжалом срубить две лозы. Четыре лозы в пучке в нашей группе перерубили я, Ромка, Вовка Лесков да Савва Раздобреев. Все с нашей станицы. В старшей группе четыре лозы перерубили четверо из шести. А вот на рубке лозы с папахой отличились я и Ромка, срубив лозу по три раза, не уронив папаху. Такого результата больше никто не добился в обеих группах. Третий раз рубили стоя на колене, у самой земли, кончиком шашки. Между мной и Ромкой устроили дополнительные соревнования, на которых я специально смазал третий удар, уронив папаху. Победу одержал Ромка, который чуть не лопнул от радости, получив в награду украшенную уздечку.

Потом в кругу начались состязания по бою на «учебных» пиках, где вместо наконечника был примотан шар из мочала. Но даже такой пикой прямой удар через тулуп был чувствителен. Состязания проходили по олимпийской, как сказали бы в моем времени, системе. Потерпевший поражение вылетал, выигрывал состязания ни разу не проигравший.

В этих состязаниях участие приняли все казачата. Хорошо хоть, первые схватки юные казаки проводили между собой, но победитель третьей пары из их шестерки, которым стал восемнадцатилетний Иван Скоробогатов из Кузнецовской станицы, во втором своем бою вышел на Ромку Селеверстова. По мнению судей, Скоробогатов, пусть и не вчистую, но «вынес» Ромку, победив тремя уколами против двух. Самое интересное, что до финала из «старшаков» никто не дошел.

В финальном бою я встретился, как потом узнал от Ромки, с пятнадцатилетним казачком Ворониным Петькой из Ольгинской станицы. Он был очень быстрым, но слишком прямолинейным. Поэтому мне с моим опытом рукопашного боя с автоматом и навыками боя на шестах и кендо, которым в прошлой жизни обучался у очень хорошего мастера, удалось его переиграть. После этого уже я, довольный, получал украшенную уздечку из рук войскового старшины Буревоего. При этом Буревой пошутил, чтобы я не забирал все остальные призы. Уже после окончания первого дня шермиций, когда домой поздно вернулся атаман Селеверстов, от него я услышал, что

Бурево́й заметил мой намеренный промах в пользу Ромки на рубке лозы с папахой.

В борьбе «на ломка» мы с Ромкой проиграли. Он во второй схватке, а я в третьей. Не моя стихия борьба, особенно когда для совершения броска одна из рук обязательно должна находиться на поясе соперника. Не мой стиль, да и опыта борьбы на поясах не было. Зато на кулачках мы с Ромкой отличились. Зная мои подвиги в драке с казаками-малолетками, меня сразу перевели к «старшкам», где я провел три боя и все легко выиграл. Что бы там ни говорили в моем времени любители, возрождавшие казачий спас, но методика преподавания рукопашного боя для спецназа взяла в себя лучшее из всех мировых школ рукопашного боя, включая и казачьи ухватки. А опыт рукопашных схваток в реальном бою, когда на кону стояла моя жизнь, позволил мне легко переиграть своих оппонентов.

Ромке пришлось труднее, и боев он провел больше, да и моего опыта не было. Но полгода почти ежедневных с ним занятий позволило Ромке выиграть кулачные бои среди «младших» казачат. Некоторые бои в той группе затягивались, и в кругу азартно разносилось: «под вздох его», «по сопатке, по сопатке бей», «в ухо ему, в ухо бей», «сопли подотри», «в лоб ему», «в скворечник», «по микиткам», «лязгни по зубам», «на локоток его, на локоток возьми» и такое прочее.

За эти победы нас с Ромкой наградили кожаными передними и задними переметными сумками. Хорошо иметь в комиссии своего человека – атамана Селеверстова, который точно знал мои и Ромкины чаяния о призах и наши потребности.

Заканчивались шермиции первого дня Масленицы среди молодых казачат игрой в «царя». Нас разделили на четыре команды по шесть человек в старших, в двух младших группах по семь человек. Пять или шесть казачат, вооруженные деревянными шашками, должны были нанести удар по чужому «царю» и не допустить противников к своему. Во время боев запрещалось бить шашкой в голову и пах. «Царя» для победы надо было ударить три раза, при этом «царь» мог уворачиваться, а «смерть» бойцов во время игровых схваток на шашках определяли судьи из взрослых казаков. Четыре судьи на круг диаметром около десяти метров, внутри которого и проходили бои. Выход за пределы круга также означал «смерть».

В этот раз команды создавались по станичному типу, и образовались согласно возрасту «старшая» и «младшая» команды станицы Черняева, «старшая» команда казачат из Ольгинской станицы и «сборная солянка» казачат из различных станиц и выселок Черняевского округа.

Первым начался бой между «старшей» командой нашей станицы и Ольгинской. У нас верховодил восемнадцатилетний Лунин Фрол, который встал во главе клина, за ним по бокам выстроились Чупров Гришка и Данилов Матвей, которым было по семнадцать лет. Младший, тринадцатилетний Савин Евгений, был у них в команде «царем», и по бокам его защищали младший брат Чупрова Гришки Феофан и Филинов Устин. Против них выстроились шесть казачат из Ольгинской станицы, которых возглавлял двоюродный брат Ромки, восемнадцатилетний Мишка Селеверстов.

Прозвучала труба, и бой начался. Фрол все поставил на атаку. Они вместе с Гришкой и Матвеем рванули вперед, размахивая шашками, стремясь прорваться через жидкую цепь защитников ольгинского «царя». Если они прорвутся все трое и все смогут по разу ударить «царя» противника, то их команда выиграет. Прорваться не получилось. Мишка Селеверстов «срубил» Фрола, Матвей «заколол» Мишку. А потом началась круговерть из оставшихся бойцов. Минуты через полторы в кругу остались с нашей стороны «царь» Женька Савин, которого уже дважды ударили, со стороны ольгинцев – их «царь» и один боец. Полная победа ольгинцев стала лишь вопросом времени – как быстро нанесут Женьке последний удар. И тут Савин всех удивил. Он уворачивался от последнего бойца противника, бегая по кругу, уходя от ударов шашки, минут пять, пока тот не свалил Савина вместе со своим «царем» и лишь потом смог нанести удар. Теперь наступала наша очередь. Я с шестью казачатами выходил в круг, против семи казачат из «солянки».

– Ну что, все запомнили? – Я смотрел на своих бойцов, так как меня они все единодушно выбрали командиром нашей команды.

– Запомнили, – ответил за всех Шохирев Григорий, которому досталась роль «царя». – Я стою за вами и не даю себя ударить, если кто-то прорвется.

– Мы с Антипом охраняем «царя» с боков, – отбарабанил свою роль Вовка Лесков, а Антип Верхотуров согласно кивнул.

Раздобреев Савва, Подшивалов Николай и Ромка Селеверстов молча выстроились передо мной в одну шеренгу.

– Ребята, на вас будет первый удар. – Я крутанул в руке деревянной шашкой. – Задача связать боем, кто на вас пойдет.

– А ты что будешь делать, Тимофей? – задал вопрос Савва.

– А я буду из-за ваших спин наносить неожиданные удары тем, кто на вас нападет.

– Как-то это нечестно. – Подшивалов пожал плечами.

– Зато будет действительно, Коля, – встал на мою защиту Ромка. – Так римское войско действовало в плотном строю. Отбивался легионер от противника, который стоял перед ним, а сам бил гладиусом того, кто стоял правее от него, в подмышку или в бок, когда тот не ожидал удара.

– Все, заканчиваем разговоры, строимся, как договорились. – Я зашел за спину передовому отряду, за мной потянулись Шохирев, Вовка и Антип. – Ждем атаки.

По звуку трубы атака началась. Сразу четверо казачат навалились на нашу передовую тройку, и одному из них удалось пробить защиту Кольки Подшивалова. Зато я за время их атаки успел уколоть троих, а Савва «срубил» своего противника.

Судьи остановили бой и вывели «убитых» из круга. У нас осталось пятеро «живых» против двоих бойцов противника. Удержав рвавшихся в атаку Ромку и Савву, я отправил на казачат противника Лескова и Верхотурова. Когда они завязали бой, следом подтянулись и мы. Десять секунд, и бой закончен. Мы потеряли Антипа, у противников остался один «царь», которого мы также быстро зажали в «угол», точнее, в сегмент круга, и нанесли три удара, точнее, все восемь. Победа!!! Далее следовал небольшой перерыв перед боем за первое место.

– Тимофей, а с ольгинцами так же биться будем? – спросил меня Савватей.

– Вряд ли с ними это пройдет. – Ромка, стянув папаху, чесал свою макушку, от которой шел пар. – Там Мишка, мой брат, и его друг Федька Носов снесут нас и не заметят. Они, считай, на голову нас выше и тяжелее чуть ли не на пуд. Руки и шашки у них длиннее. Против них если только Тимофей выстоит.

– Мишка в прошлом бою Фрола, считай, с одного удара «срубил», – грустно протянул Вовка Лесков.

– Не вешать нос, господа казаки. – Я покрутил плечами, разминая их. – Мишку, пока он Фрола «рубил», Матвейка Данилов на шашку взял. Поэтому действуем в бою следующим образом. – Казачата встали возле меня полукругом. – Разбиваемся на пары. Я с Ромкой, Савва с Гришкой, Вовка с Антипом. Колька – «царь». Мы с Ромкой атакуем Мишку Селеверстова, Вовка с Антипом Федьку Носова. Кто у них еще сильный рубака?

– Петька Воронин, с которым ты на пиках бился, – подсказал Антип.

– Тогда Савва с Гришкой атакуют Петьку. – Я поправил папаху на голове. – Один связывает боем, второй колет, или колете одновременно по разным уровням, грудь – ноги. После атаки быстро откатываемся назад. Коля, ты идешь за нами. Назад отбегаешь впереди нас. Если первая атака удастся, то у них останется два бойца и «царь». С ними как-нибудь справимся.

– Если мы победим, это будет позор для ольгинцев! – Щеки говорившего Вовки Лескова горели румянцем. – У нас только Тимофею пятнадцать, а остальным по тринадцать лет. У них же младше пятнадцати никого нет, а Мишке с Федькой по восемнадцать!

– Это точно! – поддержал Вовку Шохирев Гришка. – Позор им будет. Они у нас попляшут.

Я смотрел на разухарившихся казачат и думал о том, что если мы победим, то это будет просто великолепно. На глазах Бурового и станичников разделать в «царя» «старшаков», которые уже выиграли у других «старшаков»! Респект нам и уважуха, как говорила молодежь в моем времени.

Звук трубы, и новый бой. Придуманная мной тактика оказалась очень успешной. Выстроившись клином для атаки на нас, Мишка, Федька и Петька просто не ожидали, что на них навалится сразу по два соперника. Мы с Ромкой напали на его брата. Пока я уклонялся от рубящего удара Мишки сверху в плечо, мне за спину подтянулся Ромка, и мы с ним одновременно нанесли уколы: он в грудь, а я в ногу. Оба удара прошли, и командир противника был «убит». Вовка и Антип также без особого труда «убили» Федьку Носова. Пока Федька с улыбкой защищался от ударов шашкой маленького по сравнению с

ним Вовки Лескова, ему в ноги подкатился Антип и снизу нанес пару ударов по ногам, а затем Вовка добил противника уколom в грудь.

Савва с Гришкой вдвоем напали на Петьку, но через несколько мгновений на Савку насел еще один боец из команды противника, и у них завязалась схватка один на один. Видя это, я решил не отступать, а продолжить атаку. Крикнув Вовке с Антипом, что бы они помогли Савве, мы с Ромкой напали на Петьку Воронова, который уже дважды задел и «ранил» Гришку Шохирева. Петька был быстр, техника владения шашкой у него была лучше, чем пикой, но биться сразу против трех противников он не смог.

В это время судьи остановили бой. На стороне противника остались один боец и «царь», мы, потеряв Савву и Гришку, которого все-таки «добил» Воронов, остались вчетвером и с «царем». Конечно, можно было бы проявить благородство и нападать по одному на оставшегося бойца команды противника, но я дал команду Лескову и Верхотурову напасть на оставшегося бойца, а сам вместе с Ромкой напал на царя и нанес ему три удара быстрее, чем Вовка и Антип «убили» своего противника. Победа!!! Полная победа! Такого разгрома «старшаков» из станицы Ольгино от «младшей» чернявской команды не ожидал никто.

* * *

– Признаться, Петр Никодимыч, твой Тимофей Аленин опять меня удивил. – Буревоу стоял у стола, на котором лежали патронташи – награды для команды победителей в игре в «царя». – Говоришь, он в Иркутское юнкерское училище хочет поступать?

– Так точно, ваше высокоблагородие. – Атаман Селеверстов в который раз за день вытянулся во фронт. – Дед ему завещал. Да и сам Тимоха хочет поступить. Самообразованием занимается. Успешно. Надворный советник Бекетов в Благовещенске Тимофея сильно хвалил. Сказал, чтобы на следующий год приезжали для сдачи экзаменов за училище эк... экс-с...

– Экстерном? – подсказал войсковой старшина.

– Так точно.

– Молодец. С такой целеустремленностью хороший офицер из него должен получиться. Говоришь, в этом составе Тимофей и остальные казачата не играли?

– Не играли, Николай Петрович.

– Быстро тогда Аленин их в команду сбил. Быстро. Что скажете, господа? – Войсковой старшина повернулся к свите.

– Насколько я понял, первый бой Аленин и его команда провели от обороны, – первым ответил штабс-ротмистр Некрасов. – При этом удары Аленина из-за спины фехтующих казаков выглядят несколько неприглядно, но эффективно. Что-то это мне напоминает.

– Македонская фаланга, римская центурия, баталия швейцарской пехоты. Первая линия сдерживает, вторая бьет. Такая тактика применялась испокон веков. – Губернский секретарь Нилов поправил пенсне. – Но применение такой тактики в рубке на шашках... Оригинально-с, я вам скажу. Оригинально-с.

– А как они второй бой провели! – Корнет Блинов нервно теребил темляк своей шашки. – Кто-нибудь верил, господа, что казачата, которые ниже чуть ли не на голову своих противников, смогут победить?

– Признаться, если бы мы заключали пари на последний бой, то на Аленина и его команду я бы не поставил и копейки! – ответил штабс-ротмистр Некрасов.

– Я бы тоже не поставил, – кивая головой в знак согласия, произнес Буревой. – Но они победили, и победили очень убедительно.

– Нападение двойками, одновременные уколы шашками на разных уровнях – и два Давида завалили Голиафа, – проговорил Нилов, протирая пенсне. – Опять оригинальное решение. Заметьте, господа офицеры, два боя, две разные тактики.

– Спасибо за анализ, Анатолий Сергеевич, – поблагодарил Нилова войсковой старшина. – Вы хоть и не имеете военного образования, но очень тонко подметили: два боя – две разные тактики, и две победы. При этом в последнюю викторию никто не верил. Удивил Аленин, в который раз за день удивил.

– Я же говорил вам, Николай Петрович, что Тимофей Аленин удивит! – влез в разговор атаман Селеверстов. – Вот он и удивил.

– Удивил, Петр Никодимович, даже не так – поразил. Только я до сих пор не понял, какой твой-то интерес и старейшин станицы был в том, чтобы Аленин выступил в состязания казаков-малолеток и победил.

– Во-первых, показать казакам-малолеткам, к чему им стремиться надо в стрельбе, и чтоб обида их взяла за проигрыш да желание научиться не хуже. – Атаман загнул на руке один палец. – Во-вторых, убедить казаков станицы отдать Тимофею в обучение казачат тринадцати-пятнадцати лет. В-третьих, удивить вас, чтобы потом просить замолвить за Тимофея словечко для его поступления в училище.

– Третье было первым, – усмехнулся Буревой. – Я постараюсь убедить полковника Винникова написать письмо-ходатайство для поступления Аленина в училище. Такие офицеры, да еще из амурских казаков, нашему полку необходимы. Приедете в следующем году сдавать экзамены за училище, найдите меня, Петр Никодимыч.

– Огромное спасибо, Николай Петрович.

– Пока не за что. А что за обучение вы планируете организовать?

– Да Тимофей так моего Ромку за полгода выучил, что он экзамен по знаниям батюшке Александру легко сдал, а вдвоем они семерых казаков приговорительного разряда в драке уложили. На казачьем суде по этой драке было принято решение, что если Тимофей выиграет в состязаниях казаков-малолеток, а Ромка на шермициях, то им в обучение отдадут казачат в возрасте тринадцати-пятнадцати лет.

– И как будет организовано обучение?

– Пока не знаем. Тимофей решит и организует. Ему учить.

– Опять вы меня удивили, Петр Никодимович, – задумчиво протянул Буревой. – Значит, организацией и программой обучения казачат займется Аленин.

– А кто же еще! – ответил Селеверстов. – У него разных книг у одного больше, чем во всей станице. От дядьки его Ивана остались, да и сам он уже много прикупил. Большой дом Алениных пустует, в пристрое он с Ромкой уже гимназиум организовали, чего там только нет. Вот у себя пусть и организовывает занятия.

– А знаете, Петр Никодимыч, я вернее всего в следующем году не к албазинцам, а опять к вам на состязания и шермиции приеду. Хочется мне посмотреть, чего Аленин в обучении казачат добьется.

– Всегда рады видеть вас, ваше высокоблагородие!

– Ладно, не тянись во фронт, атаман. – Войсковой старшина похлопал Селеверстова по плечу. – Пойдем казачат награждать. Заслужили они награды. Заслужили.

* * *

Получив в награду за бои в «царя» патронташ, мы вместе с Ромкой сложили все призы за шермиции в сани Селеверстовых, после чего, прихватив еще по одной шашке, направились в центр поля, где готовились зажечь четыре больших костра для прыжков через огонь. Также костры должны были освещать место для гуляний, так как начинало смеркаться.

– Тимоха, а нам скоро танцевать? – спросил меня Ромка.

– Не знаю, как скажут старейшины, – ответил я.

Победители на шермициях должны были станцевать танец с шашкой или шашками, который также оценивался. Мы с Ромкой уже полгода тренировали «танцы», разработанные мной на базе показанного еще дедом Афанасием казачьего боевого танца с шашкой – как я их называл, ката с шашкой, шашкой и кинжалом, а также двумя шашками. В разработанную или доработанную последовательность движений я добавил концентрацию ударов холодным оружием, а также некоторые «танцы» надо было выполнять вдвоем, как в кендо.

Ромке эти «танцы» сильно нравились, да и я стал замечать в последнее время, что после третьего-четвертого повтора ката впадал в какое-то состояние боевого транса. Казалось, что время замирало, а скорость моих движений, со слов Ромки, увеличивалась. По его утверждению, движения шашек при исполнении ката у меня чуть ли не сливались, а потом, как вспышка, следовал удар. А при работе в паре с Ромкой мы достигли такой слаженности и скорости, что со стороны наш танец смотрелся как очень быстрый бой.

Узнав о решении старейшин после драки о нашем участии в шермициях, я с Ромкой все три недели тренировал парный «танец» с двумя шашками. Когда мы его показали Селеверстову, тот только крикнул, помотал головой и произнес: «Только не убейте друг друга». Этот танец я с Ромкой и хотел исполнить под песню «Казачья молитва», или, как ее еще называли, «Терская лезгинка».

Загорелись костры, и на утоптанную площадку между ними позвали казачат-победителей в шермициях. Начинался праздник «боевых танцев». Нам с Ромкой выпала честь открыть данное мероприятие. В круг вышли женщины семейства Селеверстовых: жена атамана тетя Оля и снохи Ульяна и Елена. Под звуки станичного

самодеятельного оркестра, состоящего из двух гармоник-хромок, ложкарей, бубна и пары дудок, женщины начали песню:

На горе стоял казак – он Богу молился.
За свободу, за народ низко поклонился.
Ой-ся, ты ой-ся, ты меня не бойся.
Я тебя не трону – ты не беспокойся.
Ой-ся, ты ой-ся, ты меня не бойся.
Я тебя не трону – ты не беспокойся.
Я тебя не трону – ты не беспокойся.

Задорная музыка лезгинки повела меня и Ромку в нашем «боевом танце». Создав защитную завесу вращением восьмерок двумя шашками, мы вышли в круг и встали друг против друга. А потом между нами начался «бой». В рисунок этого боя-танца вошли движения для танца с шашкой, которые показывал мой дед, что-то из кендо ката, что-то из танцев ансамбля песен и плясок кубанских казаков, которых любил смотреть в том своем времени по телевидению и в Интернете. В свое время в своей бригаде спецназа ставил сценарии показушных боев спецназеров для различных комиссий и проверяющих. Поэтому надеялся, что наш танец понравится.

С каждым куплетом мы с Ромкой наращивали скорость атак и защит, используя и высокие прыжки, и перекаты. Шашки чертили свои узоры в миллиметрах от наших тел. Когда песня закончилась, я и Ромка, с трудом переводя дыхание, стояли друг напротив друга, опустив шашки к земле.

Меня поразила тишина, стоявшая на майдане между кострами. Когда танцевали, я слышал только ритм лезгинки, все остальное слилось в какой-то гул. А теперь тишина. Но длилась она недолго. Ко мне буквально подлетел Митяй Широкий и, хлопнув по плечу своей ладонью-лопатой, проорал: «Любо!!! Любо, братцы!!!» И плотину тишины прорвало свистом, криками, аплодисментами. А Митяй, дождавшись, когда мы вложим шашки в ножны, приобняв меня и Ромку за плечи, повел нас к месту, где стояли Буревой со свитой и старейшины округа.

– Тимофей Аленин, ты поражаешь меня с каждым разом все больше и больше, – сказал войсковой старшина. – Кто же вас с напарником такому танцу с шашками научил?

– Ваше высокоблагородие, в основном это боевой танец с шашками, которому меня дед Афанасий учил, только для эффектности я туда прыжки, кувырки, удары ногами добавил и придумал, как его вдвоем танцевать, будто бы бой ведем, – ответил я.

– А ты знаешь, Аленин, я уже не удивлен, что этот танец ты создал. Очень зрелищно. Кстати, господа, – Буревой повернулся к свите, – по поводу вашего спора, учебные или настоящие шашки были у казачат: посмотрите на бекешу казаков. Думаю, вынимать им шашки из ножен нет смысла.

Я посмотрел на свою бекешу, которая имела три разреза на груди. У Ромки было немного взрезано правое плечо. Ладно что бекеша у меня старая, на выброс, от дядьки Ивана досталась, да и вырос я из нее почти, а вот Ромке штопать придется.

– А если бы серьезнее пострадали? – спросил Буревой.

– Тренировались мало, всего две недели. И в сумерках расстояние обманчивое. И со скоростью переборщили сегодня. Вот немного и задели друг друга, – ответил я.

Буревой провел голый ладонью по моей бекеше, прощупывая порезы:

– Еще немного, и до тела достало бы.

Ромка Селеверстов стоял, виновато опустив голову, и молчал. В этот момент из группы старейшин раздался голос деда Давыда Шохирева:

– Ваше высокоблагородие, не ругайте их. Они ж старались. А за неосторожность с оружием мы их сами накажем.

«Ну вот, станцевали – подумал я. – Вместо похвалы теперь накажут. Хотя старшина сказал, что танец зрелищным получился».

– Станичники, я не ругаюсь. – Буревой, отступив от меня, направился к старейшинам. – Танец мне очень понравился. Да и не только мне. Сколько народу «любо» кричали! Но про безопасность казачат да и окружающих подумать надо. Мои свитские половину танца спорили: с учебными или боевыми шашками Аленин и его партнер танцует. Оказалось, с боевыми, а темляки на руку не надеты у обоих были. Задели шашками в танце друг друга хорошо. Еще чуть-чуть, и до крови...

«Да-а-а... Точно горячих получим. Нашим дедам только дай молодежь поучить. А тут войсковой старшина такой прекрасный повод

дает для педагогического процесса», – думал я, прикидывая, по заднице получу нагайкой вместе с Ромкой или по спине.

– Ваше благородие, – красивый грудной голос перебил мои мысли и речь старшины. – Да что же это за казак-то будет, ежели у него все привязано будет да тупое? Я когда на Тимоху с Ромкой смотрела, когда они танцевали, у меня аж кровь по жилам быстрее побежала, особенно когда видишь, как булат сверкает.

Говорившая эту защитную речь молодая и разбитная вдова погибшего год назад казака Терентия Потехина из станицы Толбузина Алена подошла ко мне и, спросив разрешения глазами, вытащила из ножен мою парадную шашку. А потом, затаив высоким голосом:

Ой-ся, ты ой-ся, ты меня не бойся.

Я тебя не трону – ты не беспокойся.

Алена пошла по кругу, при этом моя шашка порхала вокруг нее. Толк в танце с шашкой казачка знала на отлично. Через пяток секунд ее голос поддержала музыка «черняевского оркестра», затем в круг с шашками в руках выскочила пара казаков из станицы Толбузина, и танец продолжился в составе трех исполнителей.

Ой-ся, ты ой-ся, ты меня не бойся.

Я тебя не трону – ты не беспокойся.

Вскоре в толпе зрителей стали раздаваться выкрики: «Любо!» Действительно, танец был завораживающе красив. Статная казачка в светлой бекеше, подбитой каракулем, цветастый ярко-синий платок, утепленные синие сапожки и сверкающий булат идут по кругу. А перед ней два высоких, стройных казака, одетых в нарядные бекешы и папахи, каждый сверкая двумя шашками, пытаются завладеть вниманием красавицы, показывая чудеса фланкировки, а точнее, мулинетов. Если мы с Ромкой станцевали хотя бы наполовину так же красиво, значит, мы действительно хорошо станцевали.

Закончив танец, Алена в сопровождении танцевавших с ней казаков подошла ко мне и вернула шашку, которую я тут же вложил в ножны.

– Как-то вот так, ваше благородие, должен танцевать казак, – обратилась раздурманенная Алена к Буревому. – Чтобы сердце радовалось и отточенная сталь вокруг сверкала. А если все по

предписанному, то это скучно. Мой казак вон после первого срока пришел, так все у него было по уставу. Даже любил по уставу, один раз и в определенное время.

Грянувший хохот стоявших в круге казаков и казачек не дал услышать, что продолжала говорить войсковому старшине молодая вдова. Когда хохот утих, все вновь услышали Алену:

– Молодцы Ромка и Тимофей, что с боевым оружием танцуют. А их танец-бой зачаровывал. Мне казалось иногда, что они правда бьются не на жизнь, а на смерть. А чуть одежду порезали – это мелочи! У Ромки опыта еще маловато. А был бы Тимофей постарше, я бы за него замуж пошла. Ой, гарный казачина из него вырастет, сколько казачек по нему будут сохнуть!

По толпе опять прокатилась волна хохота и рекомендаций Алене брать меня в мужья молодым, пока на службу не сходил, тогда любить ее буду не по уставу, а когда она захочет. Когда хохот и гомон стих, слово взял Буревой.

– Господа казаки, извините, что забыл, как должен расти казак. Спасибо тебе, красавица, – войсковой старшина склонил голову перед Аленой, – что напомнила и показала мне, как должен воспитываться казачий боевой дух, смелость, отвага и боевые умения. А тебе, Тимофей, и тебе, Роман, могу только пожелать продолжать так же успешно осваивать казачью науку. И еще, Тимофей, атаман потом тебе расскажет о нашем с ним разговоре.

После этих слов мне и Ромке позволили выйти из круга, где мы на некоторое время стали объектом внимания со стороны казачат-ровесников и ровесниц. Дальше были танцы других молодых победителей шермиций. Но криков «любо» больше никто не добился. А потом начались гуляния по встрече масленицы. На столах, которые выставили по краям поля, можно было угоститься блинами, пирогами, взварами, киселями, сбитнями различных вкусов; много было икры и рыбной закуски. Когда совсем стемнело, со стороны станицы в свете факелов показался обоз саней, в котором с песнями привезли чучело Масленицы и установили его на горе для катания на санках.

Я с Ромкой оторвался на этих гуляньях по полной. Мы были героями шермиций. У каждого стола, к которому мы подходили, нас ждал самый радушный прием и лучшее угощение. Столько блинов с черной стерляжьей, осетровой икрой и красной из семги, горбуши,

кижуча, нерки, кеты я не ел никогда ни в этой, ни тем более уж в той жизни. Рыбы в Амуре, особенно во время нереста, в этом времени было не просто много, а очень много. Главная проблема была в том, как ее сохранить. Пятипудовые бочки с соленой красной рыбой и белорыбицей были в каждом доме. Икру тоже солили бочками, только поменьше.

Во время поедания блинов у одного из столов я узнал от его хозяйки, что буду справным хозяином. Оказывается, по гаданию «заглянуть в рот» на второй день Масленицы можно выяснить, каков характер у твоего будущего мужа или жены. Ведь не зря говорят, что «выбирают мужа по блинам, а жену – по пирогам». Блины с икрой предпочитают настоящие казаки. У такого и дом будет цел, и хозяйство крепкое, и жена и дети обуты-одеты. А вот нежных слов и поцелуев от него не жди – все силы у такого уходят на хозяйство. Да и вообще – любовь доказывают делами, а не словами. А если казак налегает на блины с красной рыбой, то он, как бы сказали в моем времени, адреналиновый наркоман, которому вечно не хватает острых ощущений. В целом люди неплохие, но жить с такими – как на поле боя. Также еще запомнил, что блины со сметаной едят «антиллегенты», которые обижаются по любому поводу или истерят. Одним словом, не казаки.

В общем, наелись, напились на встрече Масленицы и уже поздно вечером на санях вернулись вместе с женщинами семьи Селеверстовых домой. Атаман был приглашен на банкет-попойку, который организовали для Бурового и его свиты в трактире Савина, старшие сыновья атамана остались на поле, где с отъездом начальства и старейшин казаки собрались немного выпить, отметив приход Масленицы.

Так закончились для меня состязания и шермиции. Выиграл кучу призов: винтовку, седло, портупею, уздечку, патронташ, переметные сумки. Оставил о себе хорошее мнение у заместителя командира и других офицеров Амурского казачьего полка. Мой авторитет среди сверстников и не только сверстников взлетел до немыслимых ранее высот. Завистников, конечно, тоже нажил. В целом, поставленной цели пока добился. А когда пришедший с гуляния атаман Селеверстов сообщил мне, что Буровой постарается убедить командира казачьего полка Винникова написать письмо-ходатайство о зачислении меня в

Иркутское юнкерское училище, я про себя решил, что выжал из своих побед максимум, забыв о том, какой хомут в виде обучения казачат на меня было решено повесить при моем и Ромкином выигрыше.

Глава 13

Тропа разведчика

– Тимофей, а как ты все-таки думаешь, цесаревич остановится в нашей станице или нет? – спросил меня Ромка, расстегивая подпругу у своего Гнедко.

– Не знаю, Ромка, не знаю! – ответил я, сняв седло с Беркута и повесив его на бревно коновязи конюшни во дворе Селеверстовых.

Несколько минут назад я, Ромка и остальные казачата двух «учебных отделений» вернулись с полигона в станицу, где для разминки прошли «тропу разведчика», а потом почти четыре часа занимались починкой и наведением марафета на различных объектах «полигона»: полосы препятствий – «тропы разведчика», спортивного городка и стрельбища. Как сказали бы в непобедимой и легендарной, «красили траву и белили снег» перед приездом высокой комиссии. Тем более возможная инспекция ожидалась в виде второго человека Российской империи – цесаревича Николая и его свиты. Поэтому, чтобы не ударить лицом в грязь при возможном посещении царственным лицом нашего полигона, наше учебное подразделение из «мальков» и «старшаков» уже дней десять приводило полигон в порядок на основании требований советской и российской армии при встрече высокого гостя: все должно быть ровным, подстриженным, покрашенным и единообразным.

Учебное подразделение, учебное отделение, полигон, тропа разведчика – эти и многие другие словосочетания вошли в обиход станицы Черняева после того, как мне в обучение вместе с Ромкой отдали еще девять казачат станицы. Сначала их было больше, аж пятнадцать, но как-то так получилось, что шесть казачат в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет не захотели «чему-то у такого же, как они, Тимохи учиться» и перестали приходить на занятия. Поэтому остался у меня в подчинении десяток казачат в возрасте тринадцати лет, только Филиппову Устину, одному из них, было четырнадцать.

Вспоминая начало наших занятий, я непроизвольно разулыбался. Шермиции в станице Черняева понедельником и выступлением молодых казачат не закончились. Вторник и среда были посвящены

походам в гости, сватовству и прочим гуляниям, а вот в четверг-четверток в станице был проведен общий казачий сбор, на котором атаман Селеверстов зачитал приказ, чтобы на гульбе-шермиции не происходило бесчинства. После оглашения приказа произошло разделение казаков на несколько компаний. Первую, самую большую, составили казаки – основатели станицы Черняева и их потомки, потом казаки-гости Ольгинской станицы и те, кто в свое время перебрался из Ольгинской в Черняева. Толбузинцы, дроздовцы и их родственники составили третью большую компанию. Были организованы и другие компании. Каждая компания казаков выбрала из своих ватажного атамана, двух судей и квартирмистра и получила из станичного правления знамена и хоругви. Гульба в станице продолжалась до вечера сыропустного воскресенья.

Пешие, на лошадях в полном вооружении команды компаний ездили по станице, при встрече салютуя знаменами. Потом разделялись на партии и проводили учебные бои, по окончании которых большой толпой направлялись к кому-нибудь в гости. Во время пребывания команды у кого-либо в гостях, знамена находились во дворе или перед двором, ставкою при часовом, по очереди наряжаемом от квартирмистра, у которого основная должностная обязанность – извещать тот дом, куда ехать дальше намерена компания. Была за эти дни и большая драка «стенка на стенку», и взятие снежного городка, и катание на санях, и сжигание чучела Масленицы, и запуск с горы горящих тележных колес. Закончилось все грандиозной пьянкой на центральной площади станицы в воскресенье вечером.

Среди площади составили из скамеек круг, в середине по кругу накрытые столы с напитками и закуской. Со всех сторон компании съехались, народ бежит толпами, атаман Селеверстов со старейшинами и не уехавший Буревой со свитой заняли почетные места под знаменами. Ватажные атаманы сели возле станичного атамана, затем чиновники и старики. А потом казаки пили за высочайшее здоровье, затем за войскового атамана, за командование Амурского казачьего полка и за все казачье войско Амурское, за Чернявский округ и честную станицу Черняева, за генерал-майора Черняева, за... Пили много, пили с выстрелами. Пили и ели. Наотмечались так, что атаман Селеверстов, придя домой, еле смог

раздеться, потом перепутал стороны кровати, а под голову положил сырые валенки, в которых пришел с улицы.

Зато в понедельник хмурые и непохмеленные атаман Селеверстов и старейшины станицы в наказной избе собрали еще в воскресенье оповещенных меня и еще пятнадцать казачат. На данном собрании до нас было доведено, что теперь казачата поступают в мое распоряжение для обучения воинским и другим наукам, как это будет происходить, никого из старейшин и атамана не интересует, но чтобы результаты были. От такой проникновенной речи атамана Селеверстова я, помню, тогда просто охренел. Все мои вопросы по системе, программе обучения и материальной поддержке были отправлены Селеверстовым в дальний пеший маршрут. Потом, правда, старейшины пообещали помочь, чем смогут, но не особо много, лишь в материальном обеспечении обучения, а вот как и чему, а также где проводить обучение – это уже проблемы Тимофея Аленина. Но занятия должны начаться уже завтра, а результаты чтобы были не хуже, чем у меня и Ромки на состязаниях и шермициях. Одним словом, «вы в армии, и я не знаю как, но чтобы завтра было пусть безобразно, но единообразно».

Завтра так завтра. Следующим утром шестнадцать казачат в колонну по двое отправились бегом с центральной площади станицы до Ермаковского хутора. Чуть больше двух километров бега до хутора. Во дворе хутора, огражденного тыном, – комплекс гимнастических упражнений. В спортзале – силовые на брусках и турнике, качание пресса на шведской стенке, и бегом назад. Первое занятие сразу показало, что спортзал, который я и Ромка организовали в пристрое моего дома, для шестнадцати человек мал. Во дворе хутора для нормальных занятий тоже места мало. Именно тогда в мою голову пришли мысли о необходимости создания полигона для обучения казачат, в который бы вошли полоса препятствий, спортивный городок и небольшое стрельбище. Место для такого полигона было совсем недалеко от Ермаковского хутора, на землях, которые теперь принадлежали мне. Точнее, будут принадлежать мне после принятия присяги в девятнадцать лет. Самое главное, там был хороший лесок из пихт и лиственниц, которые пошли бы на обустройство полигона, а также длинный прямой овраг для организации стрельбища.

Получив разрешение атамана на использование деревьев на земле Ермаковского хутора, по весне силами приданных для обучения казачат начали стройку придуманного мною полигона. К этому времени на занятиях бегали в колонну по два оставшиеся младшие десять казачат и я в голове колонны. Бегали под речевки, как морпехи США, разучивая таблицу умножения, правила правописания, исторические даты, географические названия, стихи, песни, афоризмы. Возможно, это и отпугнуло казачат постарше – не хотелось им выглядеть смешными в глазах станичников.

Не обошлось и без курьеза. Бабка Фекла Чуева, мимо которой мы как-то раз поутру пробежали, разучивая таблицу умножения, приковыляла к отцу Александру с выпученными глазами, голося, что мы на заре призываем Антихриста, читая все вместе неизвестные заклинания. Протоирей Ташлыков встретил возвращение нашего отряда с занятий на окраине станицы и долго хохотал, узнав какие «заклинания» мы читаем. Потом похвалил меня за придуманную методику изучения предметов во время бега.

Строительство полигона мы начали со спортивного городка, где на ровной площадке, с которой только что сошел снег, поставили несколько изготовленных из дерева турников, брусьев, длинную лавку для качания пресса.

Оборудовав спортгородок, я ввел для отделения казачат порядок зарядки и обучения почти как в «непобедимой и легендарной»: ранний подъем и сбор в шесть утра на площади перед приказной избой, двухкилометровая пробежка в среднем темпе, турники, брусья и «лавочка дружбы» – очень эффективное упражнение. По сути, то же самое качание пресса на скамье, но не в гордом одиночестве, а всем учебным отделением со мной во главе. Сели плотненько рядом на длинной скамье, обнялись за плечи и погнали под счет. Поначалу все как обычно, а вот когда самые слабые начинают сдавать... Даже если ты «сдох» и сил продолжать у тебя нет, соседи слева и справа все равно не дадут тебе остановиться, ведь ты словно звено в цепочке, а значит, будешь продолжать сгибаться и разгибаться. А мышцам все равно, что ты можешь или не можешь, они продолжают работать. А самые сильные в итоге чуть ли не вдвоем-тремя тянут вверх всю цепочку из десяти казачат. Нагрузка у них при этом – тоже дай боже. Первые две недели после введения в утреннюю зарядку «лавочки

дружбы» казачата, да и я тоже ходили слегка скособочившись и лишний раз всем вздохнуть, а не дай бог кашлянуть было больно, зато какой прогресс по физподготовке с третьей недели занятий пошел!

После зарядки – два часа на занятия по общим предметам, и с речевками бег назад в станицу. К десяти часам казачата-курсанты возвращались в семьи и приступали к своим хозяйственно-домашним обязанностям.

В конце апреля удалось «раскрутить» правление станицы на одиннадцать кусков брезента, из которых по моим выкройкам женщины семьи Селеверстовых сшили одиннадцать родных советских плащ-палаток, которые первоначально применялись нами на спортплощадке как подстилка на землю для проведения теста Купера из четырех упражнений на физическую выносливость. Его я также ввел в учебный процесс по физподготовке. Данный силовой комплекс, как его называли в спецназе, состоит из четырех упражнений: отжимания от земли, поднос прыжком колен к груди в упоре лежа, подъем ног за голову в положении лежа на спине и выпрыгивание из приседа до выпрямления ног и туловища. Эти упражнения надо выполнять без остановки сериями – «кругами» по десять повторов каждое упражнение. Чем больше «кругов» – тем лучше результат. В нашей бригаде на ежемесячных зачетах по физподготовке норма была семь «кругов». Через год все курсанты моей школы спецназовский норматив выполняли легко, а вначале мало кто и два «круга» мог пройти и «не сдохнуть».

А с плащ-палаткой вообще песня получилась. Со временем все казачата выучились использовать плащ-палатки не только как подстилку, покрывало, плащ и накидку, но и научились переносить с ее помощью «раненых» и грузы, строить походные палатки на одного, двух, четырех и пять человек, осуществлять светомаскировку и простую маскировку на местности. А после того, как проверяющие процесс обучения в лице атамана Селеверстова и Митяя Широкова увидели наше занятие, на котором в течение пяти минут из десяти плащ-палаток были собраны две походные палатки на пять человек и учебное отделение из десяти казачат с комфортом в них разместилось, пошив плащ-палаток у тети Оли Селеверстовой стали заказывать многие казаки Черняевского округа.

Еще одной вундервафлей в экипировке казачат стал рюкзак десантника по схеме РД-54. Его я ввел в учебный процесс в конце июня, когда в очередной раз удалось раскрутить станичную управу на брезент. За пошив РД расплатились из своей казны, которую стали формировать за счет продажи местному «олигарху» Савинову охотничьих трофеев, которые добывали во время учебных выходов. С учетом того, что младший Савинов учился с нами, деньги за пушнину, мясо, ягоды, грибы мы получали по высшему разряду. Хватало и на учебную казну, и кое-что в семью отдавать, чтобы отцы семейств не ругались, что с каждым месяцем дети заняты учебой все больше и больше, и времени на домашние дела по хозяйству у них нет совсем.

А родной для меня РД-54, с которым я провоевал в Афгане, потом в Баку, Осетии, Нагорном Карабахе, Чечне, Грузии, также быстро прижился среди казаков станицы, особенно у тех, кто промышлял охотой. Удобно. Ременную систему с дополнительными отделениями внутрь рюкзака и РД, одна из переметных сумок на спине лошади. Спустился на землю, РД за ляжки и на плечи, на груди застегнул карабин, изготовленный в станичной кузнице, и вперед.

В комплекте РД, который назвал «ранец диверсанта», я предусмотрел дополнительные отделения, которые крепятся отдельно на ремень. Одно отделение предназначено для саперной лопаты. Эх, МПЛ-50 или малая пехотная лопата длиной пятьдесят сантиметров, или «саперка», сколько солдатских жизней ты спасла! Это и шанцевый инструмент – окоп лежа за восемь-двенадцать минут отрыть, и топор, и отличное холодное оружие для рукопашного боя, и сковорода. В кузне станицы хоть и посмеялись, но одиннадцать лопат из хорошей стали сковали. А чего не сделать, если деньги за такую дурь платят! А черенки мы сами сделали.

На плечевой системе РД слева на уровне груди расположены отделения для метательных ножей, ниже подсумок для аптечки (бинты, марлевые тампоны, жгут, косынка). С правой стороны находятся два подсумка для патронов. Небольшой бурдюк с крепким, под семьдесят градусов самогоном двойного перегона, вместо антисептика кладется сверху в основное отделение рюкзака, которое закрывается на две пуговицы. Внутри рюкзака помещается сухпак (сухари, сушеная рыба, соленое сало, крупы для кулеша) и необходимые для похода вещи. По бокам расположены отделения, закрывающиеся на пуговицы,

там размещены бутылки из бересты или бурдюки с водой. А для еженедельных десятикилометровых марш-бросков в полной боевой, которые начали бегать с августа, в РД упаковывали мешок с песком как балласт-имитатор необходимого для похода в военных условиях груза. Сначала десять фунтов, потом двадцать, через год казачата лосями носились по лесу с общей нагрузкой в два пуда и больше.

Параллельно с физподготовкой и обучением общим предметам, занялся я еще и боевым слаживанием вверенных мне подчиненных. Вспоминая псковскую учебку, а особенно боевые действия в составе 459-й роты СпН в Афганистане, я разбил казачат на три тройки, а Ромку сделал своим заместителем. И теперь на всех занятиях и учебных выходах казачата этих «троек» и спали рядом, и ели, и на всех тренировках по боевой подготовке работали только совместно. Такие занятия через год позволили казачатам в тройках понимать друг друга с полувзгляда, жеста, знака. Именно так нас в свое время учил наш «батя», майор Керимбаев, и, думаю, те из нас, кто выжил в Афгане и дальнейшем лихолетии, очень ему за эту науку благодарны остались. Один в поле не воин. Даже если очень крутой, умелый и везучий. Этому тоже на войне быстро учишься. Раз повезет, другой, а потом зажмут тебя грамотно, и все – сливай воду, чеши грудь. А все только потому, что спину тебе прикрыть некому было.

К концу июля 1889 года закончили «тропу разведчика». На территории размером с футбольное поле разместили чуть больше двадцати различных препятствий. Начиналась тропа с траншеи, из которой надо было выпрыгнуть, дальше бежать через воронки разной глубины метров десять, затем шел участок глубокого песка и болота с пнями длиной двадцать метров, который заканчивался глубоким, метра два с половиной рвом с земляным валом за ним высотой около полутора метров. Преодолевать данный ров можно было либо прыгиванием в ров и вылезанием из него с помощью товарища, или самостоятельно по канату, конец которого находится на высоте двух метров от дна рва.

Завал из деревьев, оплетенных веревкой, в десять метров был следующей преградой, за ней канава с водой шириной четыре метра и глубиной до метра. Преодолеть канаву надо было прыжком при помощи шеста, подвешенного над канавой. Потом сразу падать и преодолеть ползком участок в двадцать метров под веревками на

кольях, натянутых на высоте около сорока сантиметров. И опять ров глубиной два метра с водой и шириной метров шесть, который надо было преодолеть, пробежав по перекинутому через него бревну. Потом участок в десять метров с малозаметными препятствиями (силки и спотыкачи), и дальше деревянные стенки-дзоты с амбразурами различных размеров. Их надо было преодолеть обеганием с предварительным забрасыванием амбразур гранатами-голышами. Далее траншея с ходами сообщения и чучелами для снятия часового. Следующее препятствие – надолбы и колья, расставленные на участке длиной метров десять, после которого подбегаешь к деревянной стене высотой пять метров с пазами, железными скобами или крючками и приставленной к ней наклонной доской, которую надо перелезть с использованием имеющихся приспособлений, а спуститься с помощью канатов, прикрепленных на другой стороне стены.

Затем наклонные деревянные лестницы высотой до двух с половиной метров со ступеньками разной ширины, которые надо преодолеть взбеганием на лестницу и сбеганием с нее. Потом перепрыгнуть забор высотой больше двух метров и оказаться перед бревном высотой три метра с площадками для спрыгивания. Преодолеваешь их влезанием по ступенькам на него с последующим пробеганием и спрыгиванием с бревна на площадки, а с них на землю. Далее горизонтальный канат длиной шесть метров, натянутый на деревьях на высоте четырех метров. Влезаешь на дерево, перелезаешь по канату с помощью рук и ног, слезаешь по дереву.

Спрыгнул с дерева, а перед тобой деревянная стена высотой пять метров с отверстиями для пролезания на разной высоте. Где смог, там и перелез. А потом опять меж деревьев на высоте трех метров деревянная лестница. Влез на дерево, перелез лестницу на одних руках, слез по дереву.

Горизонтальные и наклонные качающиеся бревна и доски высотой от одного до двух метров, которые преодолеваются передвижением по ним с перепрыгиванием с одного на другое. Наклонная платформа высотой до четырех метров с отверстиями для спрыгивания. Влезаешь по приставленной штурмовой лестнице и спрыгиваешь в канаву с песком. Все, последний рубеж – огневой рубеж в начале оврага, где мы подготовили стрельбище. Мишени из деревянных чурбаков. Расстояния от пятидесяти до двухсот метров. Овраг «маленький», но

стенку-пулеулавливатель пришлось все равно насыпать. После стрельбы, а чаще ее имитации – зигзагообразное возвращение бегом на исходную.

Наворотили, одним словом, столько, что атаман Селеверстов и старейшины станицы, которые прибыли на показ полосы препятствия по окончании ее строительства, в один голос заявили, что казакам такого не надо. Фланкировка пикой, рубка шашкой, наездничество, стрельба – это надо, а то, что построили – это глупость.

На мой вопрос, как будем воевать в горном Китае, ежели война с ним случится, так же в один голос заявили, что начальство умное и казаков в горы не погонит, на то пластуны и пехота есть. В общем, дали команду организовать занятия по наездничеству и стрельбе, но с патронами за свой счет. Выслушав тогда славное станичное руководство, я ответил: «Есть!» и продолжил делать все по-своему. Джигитовку, фланкировку пикой, рубку шашкой решил отложить на зимний период: и падать мягче, и теплая одежда – какая-никакая, а защита от ударов учебной шашкой и пикой. К тому же на материал и шитье хотя бы двух комплектов защиты на лошадь и человека надо было еще заработать. Руководство только ценное указание дало, а про финансирование, как всегда, забыло. Выкручивайся, Аленин Тимофей, как хочешь.

Между тем «тропа разведчиков» мягко вошла в учебный процесс. Сначала изучали преодоление отдельных объектов полосы препятствия, потом стали проходить по несколько объектов за раз, и где-то через пару месяцев начали проходить всю полосу. Были падения, ушибы, растяжения, но, слава богу, переломов, сильных рассечений удалось избежать.

Со стрельбой дела обстояли значительно хуже. Патроны практически отсутствовали, да и оружие у казачат было аховое. Почти все, кроме меня и Ромки, были вооружены винтовками Бердана номер один, или как их называли в России, «стрелковыми винтовками образца 1868 года». Наследие дедов. При этом стволы у этих карамультуков были из-за возраста и длительной эксплуатации не одним поколением казаков сильно расстреляны, да и откидной затвор остро реагировал на сырость, не всегда срабатывал ударник. Поэтому в большей степени на огневой подготовке изучали теорию стрельбы и с помощью сделанных мною прицельных станков типа ПС-51 изучали

на практике взятие ровной мушки и правильность прицеливания, однообразие прицеливания, вынос точки прицеливания и решение огневых задач.

В конце сентября ситуация с оружием, к счастью для нас, разрешилась, и разрешилась, как обычно в этом времени, через кровь, слава богу не нашу.

Глава 14

Охота на хунхузов

После 14 сентября, на Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня, в станице и округе начался этап окончания уборки гречихи и овощей, а с ним, можно сказать, закончились основные сельскохозяйственные работы. С учетом этого мне хоть и с боем, но удалось заполучить у атамана Селеверстова и старейшин разрешение на большой выход своего учебного отделения до Зейского склада, расположенного на правом берегу реки Зеи. Этот склад был основан в 1879 году как перевалочный пункт и резиденция Верхнеамурской золотодобывающей компании. От этой резиденции, которая за десять лет разрослась до приличного поселения, было сообщение по реке Зея и потом Амуру пароходами, принадлежащими компании, шли колесные дороги к многочисленным приисковым площадям. Также Зейский склад был соединен телеграфом с общей телеграфной сетью империи. От станицы Черняева до Зейского склада было около 150 верст или 200 километров. И была даже не колесная дорога, а выючная тропа, по которой местами в лесу на коне даже в колонну по одному проехать было трудно.

Запланированный большой выход, с трудом продавленный у руководства станицы (внуки старейшин «ныли» дома с неделю), должен был уложиться в двенадцать дней конно-пешего перехода до Зейского склада и обратно. Кроме самого перехода были запланированы игры в войнушку на свежем воздухе. А если серьезно, то на этот поход мною возлагались следующие основные задачи: научить казачат начальным действиям разведгруппы в тылу врага, рассказать и показать, как маскировать действия разведгруппы, устраивать засады, при этом должны были испытать маскировочные халаты типа «Гилли», которые сделали из рыбачьей сети и крашенных джута, лыка. Также планировалось показать и научить, как ориентироваться на воде и суше, распознавать следы противника и животных, маскировать свои следы и места пребывания всей разведгруппы, преодолевать естественные препятствия. На маршруте было необходимо преодолеть вброд шесть рек туда и обратно. За весь

маршрут надо было организовать одиннадцать баз для ночевки и отдыха, а питаться в основном подножным кормом. Вот такие были планы.

Но, как говорится, хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах. Все случилось на третий день пути, когда ближе к обеду по времени подошли к реке Ольгакан и стали проверять брод. Занимался этим головной дозор, состоящий из тройки Верхотурова Антипа, Вовки Лескова и Данилова Петьки. Во время марша наше отделение придерживалось следующей схемы: впереди головной дозор – первая тройка, вторая тройка и я с Ромкой – основа походной колонны и основные силы, затем тыловой дозор – третья тройка казачат. Головные и тыловые дозоры шли в зоне прямой видимости на расстоянии пятидесяти-ста метров. На боковые дозоры, к сожалению, не хватало численности нашего войска.

Выехав на опушку леса, от которой начинался пологий спуск к реке, я увидел, что Антип, положив свою берданку поперек седла, дал шенкелей своему жеребчику и шагом направился через реку к противоположному берегу. Вовка и Петька по сторонам въезда в реку верхами внимательно смотрели по сторонам, также положив винтовки перед собой на луку седла. Было видно, как Лесков напрягся, приподнялся на стременах, что-то рассматривая, а потом, развернув своего коня, направился к зарослям двухметровой таволги, которые росли метрах в пятидесяти по берегу реки слева от въезда на брод.

Подъехав к зарослям, Вовка спрыгнул с седла и, раздвигая стебли таволги стволом винтовки, медленно вошел в кусты. Через несколько секунд выйдя из них, развернулся в нашу сторону, краснея багровым лицом, и стал семафорить языком сигналов-жестов, применяемых в спецназе, которому я казачат успел хорошо научить за четыре месяца. Вверх раскрытая ладонь – «Внимание», два пальца к своим глазам – «Вижу», показал рукой в сторону зарослей – «Там», жест ладонью перед грудью – «Женщина» и показанный один палец – «Одна».

«Чувствую пятой точкой огромные неприятности, – подумал я. – Кажется, мы конкретно влипли».

Дальнейшие сигналы Вовки Лескова с позывным или прозвищем «Леший», так как был он в учебном отделении лучшим следопытом и охотником, подтвердили мои опасения: «Ребенок», «Один», «Мужчина», «Пять», «Убиты». Характерный жест по горлу Вовка

изобразил как-то чересчур резко. В этот момент к нему подъехал Петька и, спрыгнув с коня, зашел в кустарник, через мгновение вывалился оттуда, согнувшись пополам, меч перед собой съеденный завтрак. В отличие от покрасневшего Лескова, Петька Данилов лицом был бел, как его белокурые волосы. Похожий на скандинава, он в отделении получил позывной «Дан», от данов – названия древнего германского племени, населявшего нынешнюю Швецию и Данию. И фамилия Данилов начиналась так же.

По моему требованию все в отделении получили свои позывные. Объяснил я это тем, что в бою по фамилии, да и по имени долго обращаться, поэтому необходим позывной максимум из пяти букв, а лучше из двух-трех. Хотя общения по рациям в ближайшие лет сорок не предвиделось, но практика показывала, что прозвища во время наших совместных занятиях у казачат все равно возникнут, поэтому лучше возглавить этот процесс, обозвав прозвища-клички позывными. Так я стал «Тоха» – от Тимохи. Кто-то из казачат предложил мне позывной «Ермак», но я отказался, сказав, что рановато мне такой почетный позывной носить. Остальные казачата также подобрали себе позывные. Ромка стал «Лисом» из-за своих рыжих волос, да и хитростью его бог не обидел, Верхотуров Антип получил позывной «Тур», старший второй тройки Колька Пошивалов – «Шило», Раздобреев Савватей по своему имени – «Сава», Савин Евгений из-за своего умения отлично видеть в темноте получил позывной «Сыч». Жора Шохирев стал «Шахом» и командиром третьей тройки, в которую вошли Филинов Устин с позывным «Ус» и Чупров Феофан, или «Чуб» (оселедец у запорожских казаков назывался «чуприна», «чупра», «чуб»).

Два раза квакнув – все-таки рядом с рекой находимся, – я привлек внимание Антипа, который уже добрался до середины брода. Показав Туру знаком, чтобы он возвращался, а Ромке и второй тройке подав рукой назад знак «Стой», направил своего Чалого к Лескову и Данилову, которые остались стоять с лошадьми в поводу у зарослей.

– Что здесь, Леший? – спросил я Вовку, спрыгивая с коня.

– Женщина с ребенком и пятеро мужчин. Все убиты и обобраны. Судя по следам, убиты сегодня утром.

Вовка отвечал рублеными фразами, сжимая руками цефье и шейку приклада винтовки так, что побелели костяшки. Дан к этому моменту

опустился на колени и продолжал блевать уже только тягучей слюной.

– Пойду посмотрю, – я раздвинул заросли кустарника и прошел по протоптанной Вовкой и Петькой тропке.

Да! Картина Репина «Приплыли». Точнее, Льва Соловьева «Монахи. Не туда заехали». На примятых стеблях таволги в ряд лежали обнаженные женщина с ребенком и пятеро мужчин. Женщина лет тридцати, точнее возраст было определить трудно из-за искусанных губ и застывшего на лице выражения муки и боли. Голубые глаза незряче смотрели в чистое небо, роскошные вьющиеся каштановые волосы сбились в колтун с ветками, листвой и сухой травой. Тело женщины было полностью обнажено. Низ живота и внутренняя сторона бедер были все в крови. Огромное количество синяков по всему телу. Каких-либо других повреждений, которые могли привести к смерти, даже перевернув женщину на бок и осмотрев ее со спины, я не обнаружил. Насиловали, долго, со вкусом, до ее кончины, вернее всего сердце не выдержало, подумал я.

Рядом с женщиной застыло тело девочки лет десяти, судя по цвету волос и глаз, ее дочери. Девочка была полностью обнажена, детское тельце все в синяках, а низ живота и бедра также в крови.

«Суки! Твари! Уроды!» И другая трехэтажная латынь металась у меня в голове. Найду, зубами рвать буду! Господи, не допусти, чтобы с моей сестренкой Аленкой такое же было два года назад. «Господи, не допусти!» – думал я, закрывая глаза девочки, на лице которой застыло выражение удивления. Потом закрыл глаза ее матери.

Осмотр также обнаженных тел мужчин показал, что двое, мужчина лет тридцати пяти – сорока и лет двадцати пяти, вернее всего, из господ офицеров. Ладони у них имели характерные мозоли от верховой езды и оружия, а вот от таких орудий труда, как топор, вилы, коса, лопата мозоли явно отсутствовали. Прическа, усы, кожа тела и лица выглядели более холеными, чем у остальных троих, в которых без труда можно было признать молодых казаков строевого разряда чуть старше двадцати лет. Ладони в мозолях, как копыто, загорелая до черноты кожа как на лицах, так и по всему телу, и длинные чубы надо лбами.

Двое казаков были заколоты в спину, еще казак и младший офицер застрелены. На теле старшего мужчины я насчитал три пулевые и две колотые раны. Закончив осмотр тел, я вышел из зарослей и

удовлетворенно улыбнулся про себя: занятия по тактике ведения боя дали о себе знать, первая тройка казачат, прикрывшись телами лошадей, ошетилилась стволами винтовок на три стороны света, оставив не перекрытой реку, но при этом Тур периодически косился и в ту сторону.

– Леший, пробегись по следам. Убитых, как мне показалось, с той стороны в заросли заносили, – я указал в сторону начинающейся метрах в ста от реки небольшой березовой рощи.

– Есть! – Вовка перебрал повод с темляком через шею в ноги своего коня. – Стой спокойно, Гнедко.

Погладив ноздри Гнедка и проверив патрон в патроннике, Вовка, чуть пригнувшись, пошел по краю кустарника, направляясь к березовой рощице.

– Дан, Тур, разбираем сектора обстрела и прикрываем Лешего. – Я указал ребятам ориентиры их секторов и сам стал отслеживать ситуацию в своем секторе, напряженно следя и за Вовкой.

Лесков вернулся минут через десять, дойдя до опушки рощицы, покрутившись там и сбегав к берегу реки метров за двести от нас.

– Тоха, на опушке рощи был бивак, где на ночь останавливались убитые. Подошли к ним с той стороны вдоль реки, – Вовка показал вдоль реки в северном направлении, – сделали свое дело, занесли аккуратно тела в заросли, пытаюсь особо не наследить, и ушли назад. Завтра мы уже вряд ли нашли бы в этих зарослях тела. Таволга выпрямилась бы, и следов не осталось бы. А тела потом зверье мелкое растащило бы.

– Сколько их было? – спросил я.

– Точно не скажу, – задумался Вовка, – с десятков, может, чуть больше. Все на конях. Добычу погрузили на украденных коней и увезли с собой. На месте бивака ничего не осталось.

– А вещей должно было быть достаточно для путешествия трех их благородий, ребенка и сопровождения из трех казаков, – вслух подумал я. – И куда они перлись?

– Да к нам в станицу и шли, – ответил оклемавшийся Петька Данилов. – Отсюда до Черняева верст шестьдесят будет. Один большой переход. Это мы два дня шли с лишним. Так мы по дороге упражнения различные да вводные твои, Тоха, выполняли.

– Ты прав, Дан, – ответил я. – Больше им действительно идти некуда, только к нам в станицу. А зачем шли? На этот вопрос вряд ли теперь получим ответ.

Задумавшись на несколько секунд, я повернулся в сторону опушки, где застыли наши основные силы, и, вытянув руку вверх, несколько раз изобразил круг над головой. «Собраться вокруг меня» – этот знак говорил о том, что казачата должны были окружить меня в круговой обороне. Данное упражнение за эти два с половиной дня похода мы отработывали каждый раз, как только по дороге попадалась полянка или прогалина в лесу. Да три раза организовывали на переправах через реки.

Раздался топот копыт, и через несколько секунд учебное отделение застыло на урезе воды в круговой обороне, создав какое-то подобие «вагенбурга» или «гуляй-поле», но только из коней. Темляк повода уздечки привязывали к хвостам впереди стоящего коня. Спины и бока коней хоть как-то, но защищали от пуль седла, переметные сумки и РД. Получилась небольшая крепостица, из которой можно было отстреливаться, защищаясь телами лошадей. Такой способ обороны еще в шестнадцатом веке, а может, и раньше использовали донские и запорожские казаки против степняков.

– Тур, Леший, Дан, на три стороны света контролируете подходы. Остальные подошли ко мне. Доведу до вас информацию.

Казачата, оставив коней в круге, подошли ближе и встали передо мной полукругом.

– Господа казаки, головной дозор в лице Лешего обнаружил в зарослях таволги за вашей спиной трупы благородной дамы с ее дочкой лет десяти, двух офицеров и трех казаков, – начал я. – Убиты предположительно сегодня утром. Двух казаков на страже взяли в ножи, остальных троих убили из огнестрелов. Сопротивление оказал только старший по возрасту из офицеров, предположительно, в звании есаула или выше. Женщину и девочку насильовали до их смерти. Потом, спрятав трупы и забрав их вещи, напавшие ушли вдоль реки на север.

– Сколько было нападавших? – задал вопрос побагровевший Шах.

– Предположительно, чуть больше десятка, – ответил я. – Что будем делать?

– А кто это мог быть, Тоха? – вопрос задал Подшивалов.

– Не знаю, Шило. Могут быть и хунхузы, и местные аборигены: нанайцы, орочи, удегейцы и китайские старатели, и наши «охотники за золотом», и любые варнаки-бандиты. Зверья в человеческом облики в этих местах хватает. Но вернее всего, это «вольные старатели». Помните «Желтугинскую республику» в верховьях Амура из пятнадцати тысяч таких старателей? Кого там из народа только не было! И казаков там хватало. Меньше трех лет прошло, как эту республику разгромили китайские войска. Возможно, и здесь где-то лагерь кто-то из «вольных» мог организовать. Притоков, ручьев здесь полно. А золото при удаче намыть где угодно можно.

– А как давно они ушли? – поинтересовался Савватей Раздобреев.

Я не успел ответить, меня опередил Леший:

– Два-три часа назад, Сава. Может, чуть-чуть больше. Хотя вряд ли.

– Так что будем делать? – вновь поднял я самый злободневный во все времена вопрос.

– По моему мнению, нагнать и наказать, – заговорил Ромка, потрянув своим рыжим чубом. – Нас одиннадцать вооруженных казаков. Разве не справимся? Тоха вон один двадцать одного варнака положил! А мы что, хуже?

Одобрительный гул других казачат показал, что все согласны с Лисом и готовы искать приключения на свои пятые точки. В общем, как один обещают всех бандитов убить и надругаться над телами или сначала надругаться, а уж потом убить. А на самом деле ситуация из разряда «не дергай дракона за хвост, вдруг тот решит оглянуться», но казачата этого не понимают.

– А ты что думаешь, Тоха? – задал мне вопрос мой названный брат Рома Селеверстов.

– Я против.

Десять пар глаз с изумлением уставились на меня, даже Тур, Леший и Дан развернулись в мою сторону.

– Объясняю, почему. Во-первых, варнаки числом в десять или чуть больше человек убили двух офицеров и трех казаков строевого разряда. При этом двух казаков закололи в спину одним ударом. Судя по ранениям, оказать сопротивление смог только старший по возрасту офицер. Из сказанного можно сделать вывод, что варнаки хорошо умеют внезапно нападать, причем не из засады, а подкравшись к казаку, находящемуся в дозоре, и отлично владеют оружием, как

холодным, так и огнестрелом. Потерь они не понесли. Еще один плюс к их умениям. Про нашу готовность к таким боевым действиям я ничего положительного сказать не могу.

Я сделал паузу, наблюдая за казачатами, которые в упор смотрели на меня, и не увидел понимания своих слов. У всех в глазах горел азарт охотника, который взял след зверя.

– Во-вторых, судя по следам, варнаки заглянули к убитым на огонек костра их бивака. Сделали свое черное дело и вернулись на свою тропу. Не факт, но весьма возможно, что в конце пути или где-то на тропе в оговоренной точке их ждут товарищи. Как рассказывал мой дед, у хунхузов в основном их разбойничьи ватаги состоят из тридцати – пятидесяти человек. При этом те, о ком мы говорим, не какие-нибудь туфей – обычные бандиты, а мацзей, то есть конные разбойники, которые у хунхузов, можно сказать, гвардия. Если мы столкнемся с такой группой, то нам останется только героически погибнуть.

Смотрю в глаза казачат и понимания не вижу. Выражение на лицах – «кто не с нами, тот против нас». В общем, они все мальчишки-кибальчиши, а я мальчиш-плохиш, который жаждет получить банку варенья да корзину печенья. Ладно! Продолжим.

– В-третьих, если взять во внимание, что варнаки сотворили с женщиной и ее дочкой, желающие потом могут посмотреть, то какими-либо моральными принципами они не отягощены. Зная, что за совершенное преступление им грозит вечная каторга или петля, биться варнаки будут насмерть. А из вас хоть кто-нибудь в своей жизни в человека стрелял, убивал? Сможете не задумываясь нажать на спусковой крючок, глядя в глаза тому, в кого стреляешь?

После этих вопросов, смотрю, кое-кто из казачат опустил глаза в землю, задумавшись о чем-то своем очень важном и интимном.

– В-четвертых, если хоть с кем-нибудь из вас хоть что-то случится, ваши отцы и деды-старейшины меня, сиротинушку, на куски порежут и скажут, что так и было. А мне еще пожить охота!

Тут меня прервал самый неразговорчивый из казачат, Устин Филиппов:

– Тоха, мы все понимаем. Конечно, с одной стороны, нам еще далеко до нормального казака строевого разряда, но с другой, за шесть месяцев ты нас очень многому научил, причем такому, что моя родня, как ты говоришь, офигевает. Когда я деду и отцу рассказываю, чем мы

занимались на тренировках, особенно, как ты называешь, на занятиях по тактике ведения боя, то мой батя только головой крутит в восхищении, а дед говорит, что такое не каждый старый пластун-кубанец сообразить мог бы, не говоря уж о забайкальских да наших амурских. Видно, и правда бурлит в тебе кровь твоего предка – Ермака Тимофеевича. То не мои слова, а моего деда. А выстрелить в бандита, я думаю, любой из нас сможет.

«Млять, ну я и кретин! – мысленно дал я себе тумака. – Не мог додуматься до того, что казачата дома будут рассказывать о наших занятиях! А отцы и деды у них отнюдь не дураки, все нововведения сразу смогут вычленивать из рассказов своих деток и внуков. Я тут основы действий групп спецназа двадцать первого века преподаю, а казаки считают, что во мне кровь Ермака бурлит! Лестно, что сказать, очень лестно, но за своим лексиконом из будущего надо следить. Офигевают они! Все, не отвлекаемся».

– И, в-пятых, Ус, командира, пока он не закончил свой доклад, прерывать нельзя. А если серьезно, хрен мы их без потерь возьмем. Но если не попытаемся, то занятия наши прекратятся. Не сможем мы друг другу в глаза смотреть. А посему – смирно! Слушай приказ! – Десять пар засиявших радостью глаз уставились на меня, а я продолжил: – Вторая и третья тройки, вместе с Лисом достаете плащ-палатки и пакете, заворачиваете трупы убитых и перетаскиваете их к началу тропы от брода в сторону станицы к листовницам, слева от тропы.

Кто-то из казачат – кажется, Сава – судорожно вздохнул. А что вы думали? Война – это когда ты в черной бурке и папахе, с шашкой наголо летишь на белом коне, как Чапаев, рубить врага? Хренушки!!! Война – это грязь на форме, теле, оружии и в душе. Война – это мокрые вонючие портянки, слизь в промежности и сопревшее белье, заскорузлый от грязи и крови камуфляж и бушлат, которые проще выбросить, чем отстирать. Это злость, тоска и пустота в душе после неудачной операции и полный стакан неразбавленного спирта, позволяющий об этом забыть. В общем, война – это грязь, вонь, голод, постоянное недосыпание, боль – и физическая, и моральная! Раз решили воевать, пускай учатся всему.

– Тур и Дан, начинайте рубить саперными лопатками молодые деревца и делать слуги, из которых собрать помост на высоте косой сажени между тех двух листовниц, – я указал на них рукой. – Лис,

после того как закончите переносить упакованные трупы, подключаетесь к Туру. На помосте должны разместиться убитые и лишние вещи. В преследование идем налегке. Я и Леший охраняем периметр. Оружие за спиной, готовое к бою. Ключом не щелкать. Вольно. Разойдись.

Где-то через час, закончив с делами по устройству трупов и ненужных в преследовании варнаков вещей на недосыгаемой для основной массы зверья высоте, тронулись в путь. Я с Лешим в головном дозоре. Ромка, который вел остальную группу, был заинструктирован до слез. Если со мной и Лесковым что-то случится, остальные сразу разворачиваются и наметом уходят в сторону станицы, бросая все, включая запряженные трупы и вещи. Назад возвращаются только в сопровождении большого отряда взрослых казаков.

Как и предполагалось, метрах в четырехстах от брода, откуда была видна опушка рощицы, где на ночь расположились убитые, обнаружили следы переправы всадников с того берега. Видимо, здесь был еще один брод. Вплавь переплываться в конце сентября через Ольгакан было холодновато. Дальше следы большой группы верховых вели вдоль берега реки на север. Легкой рысцей мы двинулись по ним, периодически делая остановки, во время которых Леший, покидая седло, внимательно изучал следы.

Смеркалось, когда заговорила моя чуйка, которая в прошлой жизни не один раз спасала мою жизнь. Рассмотрев в стороне от проложенной варнаками тропы, которая в этот момент шла через смешанный лес, небольшую полянку, я, оставив Лешего на тропе, свернул на нее. Проверив поляну и ее окрестности, вернулся на тропу и знаками дал команду следовать на поляну, где опять организовали круговую оборону.

– Что случилось? – на правах зама задал мне вопрос Лис.

– Не знаю, но почему-то дальше по тропе мне верхами продвигаться не хочется. Как бы на варнаков не нарваться, – ответил я.

– Мне показалось, что дымом костра пахнуло, – встрял в разговор Леший, – я тоже уже хотел дать команду стоп, но ты, Тоха, меня опередил.

– Вот и ладушки. Сейчас я и Леший в маскхалатах уходим на разведку дальше по тропе. Остальные остаются здесь в круговой

обороне. Коням торбы на морды, а то не дай бог кто из них заржет, а варнаки услышат. Если начнется стрельба или мы не вернемся через четыре, максимум пять часов, в седло и аллюром три креста несетесь в станицу. В бой вступать запрещаю категорически.

– Да помним мы все, Тоха, – ответил за всех Ромка, – только это как-то не по-товарищески. Вдруг вам помощь нужна будет.

– Лис, сам помирай, а товарища выручай – эта поговорка не для этого случая, – ответил я. – При раскладе, о котором я говорил еще на броне, погибнем только я и Леший, вы, возможно, спасетесь и сможете потом с казаками нашей сотни отомстить за нас, нагнав бандитов. А вот если сунетесь, то трендец придет всем, а толку не будет. Все! Приказы не обсуждаются, а выполняются. Сколько еще раз мне это повторять?

– Есть если что скакать в станицу, – понурился, ответил Ромка.

Достав из РД костюмы «Гилли», состоящие из пончо и капюшона, мы с Лесковым натянули их на себя.

«На десять лет опережаем время», – подумал я про себя. Насколько я помню, первые маскхалаты появились во время второй Англо-бурской войны, после 1900 года, когда в ЮАР из Англии прибыл шотландский полк «Скауты Ловата», состоящий в основном из шотландских охотников. Именно бойцам этого полка приписывают первое официальное использование регулярной армией маскхалата «Гилли», название которого было взято от шотландского мифического существа Гилли Ду, который одевался в одежду из листьев, травы и мха.

На настоящий момент мною было изготовлено только два таких простейших маскхалата. Не было в станице рыбачьей сетки с мелкой ячейкой в один-полтора сантиметра – рыба в Амуре крупная, – а что было, я, купив, израсходовал. Джутовых нитей от мешков и лыка, окрашенного травяными красителями в желтый, черный, коричневый и зеленый цвет разных оттенков, было заготовлено за лето много на всех, а вот с сеткой была проблема.

Попрыгав на месте, чтобы ничего не гремело, я и Леший, провожаемые взглядами казачат, двинулись вдоль тропы через лес, метрах в пяти-десяти сбоку от нее. Хорошо, что тропа шла через редколесье, и можно было даже в сумерках довольно-таки быстро продвигаться между деревьями, не боясь зацепиться маскхалатами за

ветки. Такие костюмы больше предназначены для засад, скрытого наблюдения, снайперского огня, а не беготни по лесу.

Тем не менее, преодолев от дерева к дереву минут за двадцать около километра, я замер за деревом, увидев, как шедший впереди Леший подал знак: «Стоп». Вовка шел впереди, потому что он был прирожденным лесовиком, которого отец стал брать на охоту лет с шести. Лучше его никто из нашего учебного отделения, включая меня, не ориентировался в лесу. Да и стрелял Вовка ненамного хуже меня, если лежа с упора и на расстояние до двухсот метров. Тяжелой еще для его роста и массы старая берданка была.

Потом Вовка присел за деревом и знаком подозвал меня к себе.

– Что там? – спросил я Вовку, подобравшись к нему, стараясь не шуршать листвой и не хрустнуть веткой.

– Не пойму, какой-то незнакомый запах оттуда, – Вовка показал вперед в сторону тропы.

Я тихонько втянул в себя воздух. Запах присутствовал, но идентифицировать его я не смог. Застыв на месте, я стал внимательно всматриваться в нагромождение кустов рядом с тропой, на которое указал Лесков. Через пару минут там мелькнул огонек, а в нашу сторону поплыл кисло-сладковатый запах будто бы прелого сена.

Черт! Да это же кто-то опиум курит! А это нагромождение кустов – лежка для дозора. Показав Вовке рукой, что обходим это препятствие по дуге и глубже в лес, двинулись дальше. Метров через триста и двадцать минут осторожного передвижения от дерева к дереву впереди замелькали проблески от костров, а в воздухе повис запах готовящейся пищи. Последние метров двести передвигались по-пластунски. Хорошо, что сухо было.

Подобравшись к крайним деревьям, за которыми открывалась большая поляна, застыли с Вовкой двумя кучками травы и листвы и стали внимательно изучать открывшуюся нам картину. Ничего радостного нам она не сулила. На поляне была организована база для проживания пятидесяти и больше человек. Пятнадцать добротных сделанных шалашей на четыре-пять человек, навес для лошадей с коновязью, где с торбами на морде стояли, хрумкая, тридцать четыре расседланных лошади. Дальше навес с большим столом для приема пищи, отдельно под навесом кухня, даже в стороне была организована выгребная яма с насестом для позы «гордый орел». В общем,

грамотная и хорошо организованная стоянка для теплого времени года. В этих шалашах максимум еще месяц жить можно без больших потерь для здоровья. А потом будет холодно.

Среди всех этих строений ходили, сидели хунхузы, и их внешний вид мне абсолютно не нравился. На всех бандитах, которых я видел, были одинаковые однотонные китайские темно-синие куртки и шаровары из дабы и однотипные подбитые красным мехом поддевки, на ногах кожаные короткие сапоги без каблука из толстой свиной кожи. Большинство имело на голове соломенные шляпы с широкими полями, подбитыми синей материей. Несмотря на то что хунхузы находились на базе, почти на всех перевязи-патронташи с патронами, надетые через плечи, перекрещивались на груди и спине. Вместо пояса – тоже кожаная лента с патронами. За поясом ножи. У некоторых за спиной были двуручные сабли дадао.

А вот винтовки! Я чуть не присвистнул от удивления. Все, у кого было оружие в руках или за спиной, были вооружены однотипными карабинами. Рассмотреть их с такого расстояния было трудно. Единственное, о чем я смог подумать, так это о пятизарядной немецкой комиссионной винтовке «Гевер 88», которую приняли на вооружение в Германии в прошлом году, а выпускать большими партиями, насколько я помню, стали весной 1889 года, то есть только четыре-пять месяцев назад.

Если моя восьмизарядная винтовка Маузера 1884 года выпуска большая здесь редкость (где Германия, и где Амур), то откуда такое количество новых винтовок 1889 года выпуска взялось в этих местах и в одном месте? Это у меня не укладывалось в голове. Да и варнаки все как на подбор – молодые, крепкие, рослые, поджарые. Бронзовые лица, уверенность в движениях, большинство без кос. Весь внешний вид и вооружение хунхузов заставляли задуматься о подразделении солдат, а не о банде.

Вскоре удалось определить главаря или командира данного отряда. Это был маньчжур высокого роста, сухой и жилистый. В свете костра удалось разглядеть, что он уже немолод: в его густой косе серебрились седые нити. Лицо властное, да и от всей его фигуры веяло каким-то покоем, огромным самообладанием и силой. Все его распоряжения выполнялись бегом. При этом он не раз не повысил голоса.

«Да, судя по всему, этот дядя свою банду-войско держит в ежовых рукавицах, и оно пойдет за ним в огонь и в воду. Поэтому гасить тебя, дядя, надо в первую очередь», – подумал я.

Минут через двадцать после того, как мы стали наблюдать за базой, хунхузы, слышав удары поварешки о котел, стали собираться под навесом за столом. На кухне перед котлом образовалась очередь. Каждый разбойник получал в свою тарелку из поварешки раздатчика приличную по размерам порцию какого-то варева и кусок то ли хлеба, то ли лепешки. После этого все шли к столу и рассаживались, видимо, по заранее определенным местам. Во главе стола сел вожак, которому порцию принесли из того же котла. У них начался ужин, а я, показав жестами Вовке, что уходим, осторожно двинулся в обратный путь, обдумывая увиденное.

На поляну к своим мы вышли минут через сорок, предупредив их о возвращении условным криком гагары. Собрав казачат вокруг себя, внутри вагенбурга из коней, я тихо отдал приказ:

– Внимание, собираемся, на конь и выдвигаемся назад на юг вдоль реки. Где-то через версту будет большой ручей, который мы форсировали. На южной стороне ручья делаем остановку. В головном дозоре вторая тройка. Лис, третья тройка и Дан с Туром – основные силы, я и Леший – тыловой дозор. Передвигаемся очень тихо, колонной, шагом в пределах видимости. Оружие на луке седла. На остановке у ручья все объясню. Вперед!

Все-таки хорошо я выдрессировал ребят за полгода! Никаких вопросов, молча разобрали лошадей, в седло и в указанном порядке выбрались на тропу. Через десять минут, форсировав ручей-речку шириной метров пятнадцать и глубиной в середине русла под брюхо лошади, остановились.

Подозвав Шило с Сычом, я дал им команду быстро найти дальше на юг вдоль реки полянку, где мы могли бы остановиться на ночь. Остальным дал команду спешиться и собрал их вокруг себя.

– Слушайте внимательно, братья. Дело дрянь! Ниже по реке на север, верстах в двух отсюда большой долговременный лагерь хунхузов, рассчитанный на пятьдесят человек и больше. Сейчас в нем двадцать четыре или двадцать шесть человек – не видел, сколько человек в дозоре с северной стороны их лагеря. Возможно, что кто-то и в шалаше остался спать и на ужин не вышел. Лошадей в лагере

тридцать четыре. Все хунхузы одеты одинаково, очень хорошо вооружены. Если я не ошибаюсь, то пятизарядными винтовками «Гевер». Такие магазинные винтовки только четыре-пять месяцев назад стали выпускать в Германии. При наблюдении за ними у меня создалось впечатление, что это не банда, а армейское подразделение.

– У меня тоже, – вставил свои пять копеек Леший.

– Одним словом, атаковать их – значит подписать себе смертный приговор.

– Тоха, что, даже не поквитаемся? Зачем тогда мы здесь остановились? – подал голос мой зам Лис.

– Самым верным решением, на мой взгляд, является возвращение в станицу. Доставим трупы, сообщим результаты разведки. А дальше пускай у атамана и командования полка голова болит об этих варнаках. – Я оглядел стоявших передо мной казачат и уже в сгустивших сумерках не увидел в их глазах и на лицах понимания, да и не согласный со мной гул-стон восьми глоток прозвучал довольно-таки громко.

– Тоха, – опять взял слово знавший меня лучше всех Ромка, – но ведь зачем-то мы здесь остановились? Ни за что не поверю, что ты не придумал, как нам с хунхузами сквитаться!

– Есть задумка, – не стал я отпираться, – но она очень рискованная. Ее озвучу, если вы все решили воевать и, если надо, умирать.

«Да, мы готовы», «Да!», «Конечно, готовы!» – зазвучало со всех сторон, при этом казачата подтверждали свое согласие энергичными кивками головы.

Вот ведь времечко! Жаль, что ушедшее, точнее, прошедшее для меня из того времени! Здесь тринадцатилетние пацаны, пускай и выглядевшие как парни лет по шестнадцать-восемнадцать, все как один рвутся в бой, зная, что могут погибнуть. Со смертью своих близких и станичников они сталкивались уже неоднократно. А двадцать первый век? В тринадцать лет мальчишка там маленький ребенок, которого чуть ли не за ручку надо в школу водить – вдруг кто обидит по дороге! В восемнадцать лет основная цель мальчишек-детишек – откосить, откупиться от армии, если ты не лох. Со спины по фигурам основную массу молодежи лет пятнадцати-восемнадцати и не различишь, парень это или девчонка. Тем более что среди той молодежи полно и парней с «конскими хвостами», и бритых наголо

девчонок. Мода у них такая: «Чем чуднее – тем моднее». А здесь парни готовы поставить свои жизни на кон только за то, что убийство своих, а тем более казаков, никому спускать нельзя. И больше боятся не своей смерти, а осуждения в глазах станичников за трусость.

– Ладно, рискнем! Слушай сюда. Завтра на рассвете готовим на берегу слева и справа от брода через ручей окопы для стрельбы лежа, маскируем их. Сектора обстрела, порядок стрельбы скажу и покажу завтра на месте. На тропе готовите еще три окопа и маскируете их. Это на меня, Лиса и Лешего.

– А вы что будете делать? – спросил Шах.

– Мы втроем снимаем дозор у лагеря, немного постреляем там и быстро-быстро несемся сюда. Как мне кажется, такой наглости хунхузы не вынесут и отправят за нами погоню, которую мы и приведем в нашу V-образную засаду, о которой я вам раньше рассказывал. Смотрите, – я показал справа и слева от себя на берега ручья или небольшой речки, которые песчаными кручами возвышались справа и слева от тропы, – берега брода через ручей образуют изгиб, как седловина, туда надо спуститься, причем желательно шагом, а то по песку можно рухнуть вместе с конем, перейти ручей и подняться по песчаному склону вверх. Думаю, на три-четыре выстрела времени у всех хватит.

– А ты, Тоха, с Лисом и Лешим будете группой прикрытия против тех, кто вдруг вырвется из этой седловины? – довольно закончил Феофан Чупров. – А что? При таком раскладе мы их всех положить сможем, главное не мазать.

– Это точно. Главное в засаде – меткость стрельбы. Первым залпом по разобраным целям необходимо положить восемь хунхузов. Дальше как получится. Но лучше один выстрел – один мертвый бандит. Да и нам троим надо будет окопы отрыть так, чтобы мы вам помогали огнем, благо небольшая возвышенность местности здесь позволит нам перекрыть противоположный вход-выход из седловины, – отметил в обсуждении Леший.

– А я вам говорил, что Ермак придумает, как нам бандитов к ногтю прижать! – сияя как самовар, заявил Ромка.

– Стоп! – отреагировал я на эту реплику. – Какой Ермак? Мой позывной Тоха.

– Несерьезный какой-то позывной, тем более и мой дед, когда я ему рассказывал о наших занятиях, так же как и дед Уса, атамана Ермака неоднократно вспоминал, и твое происхождение от него, – степенно вступил в разговор младший Шохирев. – Поэтому я за то, чтобы у тебя позывной был «Ермак». А то я – Шах, а ты – Тоха.

Раздавшиеся после этих слов возгласы казачат показали, что они все поддерживают предложение Шаха. Отказываться от такого подарка я не стал. Мой позывной из жизни в будущем вернулся ко мне, пусть пока только в кругу нашего учебного подразделения.

Вскоре вернулись Шило и Сыч, которые нашли метрах в ста от брода и метрах в сорока от тропы в глубине леса небольшой овраг с ручейком, где мы смогли с комфортом разместиться. Напоили лошадей, привязали их к импровизированной коновязи из веток густого кустарника, расседлали, почистили, подвесили на морды торбы с овсом. Теперь можно позаботиться и о себе. Разожгли «полинезийский», практически невидимый со стороны костер, проведя перед этим необходимые земляные работы, и приготовили на нем в двух походных отрядных котлах кулеш и чай. Для ночлега нарубили лапника от растущих недалеко от оврага сибирских елей, на который уложили попоны и оставшиеся плащ-палатки. Оборудовали таким образом два спальных места: одно для меня, Лиса, Лешего, и второе для четырех человек. Одна четверка в дозоре, одна четверка спит. Нам троим, по общему решению казачат, было дано распоряжение спать всю ночь и не дергаться, так как завтра у нас троих самая сложная задача.

Пужинали, Шило со своей тройкой и присоединившийся к ним Дан пошли менять третью тройку Шаха и Тура, которые все это время стояли в дозоре, метрах в десяти-двадцати по периметру от нашей стоянки по одному на все четыре стороны света. Сменившаяся четверка также пужинала, и мы всемером завалились спать. Несмотря на заверения, которые дал казачатам, ночью я вставал два раза. Проверял посты. Часовые несли службу бдительно. Крепко заснул только под утро.

Утром, еще в сумерках, подъем. Заморозка не было, но роса легла сильная, поэтому те, кто не в дозоре, совершили небольшую разминку, потом разогрели остатки вчерашнего кулеша и вскипятили чай. Завтрак, смена дозора. Пока те завтракали, оседлали и взнуздали

лошадей. Их решили оставить здесь же, в овраге, кроме трех, на которых мы должны были выманить хунхузов на засаду. Если на броде через ручей хунхузов не положим, то уходить оставшимся в живых лучше пешком через лес. Бóльшая вероятность оторваться от преследования и добраться до станицы. А если победим, то дойти до лошадок – можно сказать, только раз шагнуть.

Еще солнце полностью не взошло, а наша засада уже была готова. Окопы вырыты, замаскированы, казачата в них разместились. Им теперь в течение часа ждать и мысленно отрабатывать огонь по противнику в своем секторе обстрела. Не завидую им. Их ожидает долгий мандраж перед первым боем. Лишь бы не перегорели.

Я в последний раз оглянулся назад, сканируя взглядом затаившихся в окопах казачат. Даже зная, где они находятся, рассмотреть что-либо было невозможно.

«Если все удачно сложится, – подумал я, – то на выходе получим писец врагам и их отчизне, а мы все в белом и на коне. Тьфу-тьфу через оба плеча, чтобы не сглазить».

Дав шенкелей Чалому, двинулся за Лисом и Лешим. Минут через двадцать, пройдя на лошадях около двух верст неторопливым шагом, остановились перед поворотом тропинки и спешились.

– Через двести метров за поворотом, – начал я последний инструктаж и постановку боевой задачи перед боем, – лежки дозорных хунхузов, справа и слева от тропы. Леший, ты с лошадьми остаешься здесь, мы с Лисом через лес по дуге заходим в тыл дозорным и берем их в ножи. Надеюсь, Лис, тренировки, как снимать часовых, когда они стоят на посту или сидят, не забыл?

– Не забыл, Ермак, – ответил Лис, покусывая от волнения нижнюю губу.

– Не трусись, Лис. Я знаю, ты все сделаешь нормально. На тренировках ты часовых снимал лучше всех. А то, что будешь убивать человека... Когда-то все равно придется начинать. – Я сделал паузу, а потом продолжил: – Может быть, именно этот хунхуз, которому ты глотку перережешь, насильовал девчонку, и именно под ним она умерла. В общем, убей эту скотину.

От моих слов в глазах Ромки Селеверстова стало разгораться пламя ненависти, да и Вовка Лесков, который смотрел в сторону лагеря

хунхузов, вслушиваясь в лес, непроизвольно сжал рукоятку кинжала, висящего на его поясе, так что костяшки побелели.

– Как снимаем часовых, выходим на тропу, – продолжил я. – Леший, шагом доводишь нам лошадей. Потом уступом на рысях скачем к лагерю хунхузов, я первый, второй Леший, третий Лис. Останавливаемся на тропе перед поляной, не перекрывая друг другу сектор обстрела. Лис, стреляешь первый, тут же разворот и наметом назад к броду. Леший, стреляешь вторым и за Лисом. Я вас прикрываю со своей восьмизарядкой. Переходим брод, лошадей чуть дальше в лес, и возвращаемся в свои окопы. Думаю, разрыв по времени в две-три минуты будет. Должны успеть, а дальше работаем по плану действий в засаде. Вопросы?

Лис и Леший отрицательно мотнули головой.

– Тогда действуем.

Глава 15

Большая победа

Засада удалась. Как и планировали, дозорных сняли чисто и без шума. Ромке только пришлось пощечин надавать, чтобы он пришел в себя, пока Леший подгонял к нам коней. Потом поляна с базой хунхузов. Почти одновременные выстрелы Лиса и Лешего. Попали оба. А я все ждал и искал главаря хунхузов. Чуйка просто орала, что его надо убить. Наконец через растянувшееся, казалось, как бесконечность время, а на самом деле от силы через три-пять секунд после первых выстрелов, он вышел из самого большого шалаша. Мне показалось, что мы даже успели встретиться взглядами, и вожак бандитов усмехнулся, глядя в прорезь целика моей винтовки. Выстрел. Я одними ногами развернул Чалого, одновременно перезаряжая винтовку, дал шенкеля и, громко свистнув, рванул с места галопом по тропе догонять Лиса и Лешего.

Проскакав метров триста, оглянулся назад. За мной метрах в двухстах охлюпкой скакало только два хунхуза, причем только у одного в руках была винтовка, а чем был вооружен второй, я рассмотреть не смог. Леший и Лис скакали метрах в пятидесяти впереди меня. Не воспользоваться такой ситуацией было бы грех, тем более высоко над головой пропела вражеская пуля. Развернувшись через левое плечо в седле назад, я вскинул винтовку и поймал в прицел фигурку хунхуза, который перезаряжал карабин. Выстрел. Черт! Промах. Перезарядка. Свист хунхузской пули, звук ее удара в дерево.

Чуть сбавив скорость галопа Чалого, вновь поворачиваюсь назад. Приклад в плечо, прицел, выстрел. Хунхуза выносит из седла. Теперь можно особо не торопиться. Перезарядка. Останавливаю Чалого, разворачиваюсь и вижу попытку второго хунхуза развернуть своего коня. Выстрел. Преследователей на тропе метров на пятьсот назад не видно, да пока и не слышно. Вновь развернув Чалого, бросаюсь догонять ребят.

Времени перейти ручей, загнать в лес лошадей и залечь в окопы нам троим хватило с избытком. Оставалось только ждать погони. Моя детвора, слава богу, ненужной самодеятельности не проявила. Как

лежала тихо в окопах, так и продолжала лежать. Никто не высунулся, пока мы форсировали водную преграду и штурмовали песок выхода из седловины ручья. Когда мы залегли в свои окопы, старшие фланговых групп Шах и Тур криком гагары сообщили, что у них все в норме. Молодцы. Для молодого, не имеющего пока реального боевого опыта бойца дисциплина в таких ситуациях куда важнее умений, которые с опытом придут. Еще один плюс ребятам.

Хунхузы появились минут через десять после того, как мы залегли в окопах. Долго, однако, собирались. К броду они подскакали плотной толпой и в таком же беспорядке стали спускаться к ручью. На том берегу осталось трое бандитов, один из которых стал что-то кричать и размахивать плеткой.

«Это мой клиент, – подумал я, беря его на прицел. – Начальников, которые могут привести эту толпу в порядок и дисциплину, нам не надо». Дождавшись залпа фланговых групп засады, перед которыми хунхузы были как на блюдечке, я мягко потянул спуск. Выстрел, и нового командира вынесло из седла с разбитой головой. Перезарядка. И вижу, что для меня целей больше нет. Оставшихся двух разбойников на том берегу сняли Лис и Леший, а из седловины ни на наш берег, ни назад никто выбираться не хочет. Фланговые группы продолжают вести одиночный огонь, но для нас целей нет. Низ седловины, где скопились хунхузы, мы не простреливаем. Ждем. Еще несколько выстрелов, и тишина. Сигнал Шаха криком-писком енотовидной собаки: «Все закончено!»

Я встал из окопа и добил патроном магазин винтовки. Прикрепил к винтовке штык-тесак, прикупленный еще во время зимней поездки в Благовещенск. Дослал девятый патрон в ствол. Предстояла зачистка поля боя. Грязная, но если хочешь выжить, необходимая процедура на войне. «Не выстрелит в спину только мертвый». Данному постулату боевых действий очень быстро обучались молодые бойцы-интернационалисты в Афганистане. Оставил за спиной живого духа, а иногда обычного бача (мальчика) – стал трупом. А какой лучший способ узнать, мертвый или живой противник? Правильно, лучшее доказательство смерти противника – твоя пуля, пробившая его череп, либо штык в сердце.

Сейчас и буду учить казачат очень грязной, но необходимой работе на войне. Патронов мало, и они дорогие, а штык, как говорил

Суворов, – «молодец». Тем более и шашки остались притороченными к седлам лошадей, в окопах с ними лежать и воевать неудобно.

Я вышел на край спуска-подъема к броду с нашей стороны и удовлетворенно вздохнул про себя. Получилось. Внизу мешанина из человеческих тел и нескольких лошадиных трупов. Вода в ручье и белый песок по его берегам окрасились кровью. Некоторые лошади стояли, опустив к земле голову, некоторые стали разбредаться вверх и вниз по ручью. Все хунхузы были мертвы или выглядели таковыми. Как говорится: «Это им за наших. Ибо нехер...»

– Вот это мы их навалили! – за моей спиной раздался удивленный возглас Ромки. – Неужели все?

– Нет, Лис, не все. В лагере человека три, максимум шесть осталось, – прикидывая про себя количество трупов, ответил я и перехватил винтовку со штыком, чтобы было удобно колоть вниз. – Сейчас здесь зачистку проведем и будем думать, что делать дальше.

– Что проведем, Ермак? – переспросил подошедший Вовка Лесков.

– Зачистку, Леший. Я сейчас спускаюсь вниз и буду ударом штыка проверять, мертвец лежит, или кто из хунхузов притворился мертвым. Запомните на всю свою жизнь: только мертвый не выстрелит и не ударит в спину. Будете об этом помнить, проживете дольше. А пока идете за мной сзади и прикрываете меня.

Показав знаками Шаху и Туру, которые поднялись из окопов и доложили, что все целы, смотреть за дорогой, как и обговаривали при планировании засады, я с Лисом и Лешим за спиной стал спускаться к броду через ручей. Так, первый красавец лежит, глаза остекленевшие, неподвижно смотрят в небо. Контроль есть контроль. Удар штыком в область сердца. Мерзкий хруст входящего в тело лезвия, и я с трудом выдергиваю винтовку с примкнутым штыком из теперь уж точно мертвого хунхуза. Обходим лошадь, которая стоит, опустив голову вниз, и перебирает мундштуки языком и губами.

Следующий. Этот лежит лицом вниз. Когда до бандита осталось пройти пару шагов, тот неожиданно вскакивает с земли и ударом двуручной сабли, которая лежала под ним, снизу вверх пытается располосовать меня от паха до шеи. Я на рефлексах отпрянул назад, выставив перед собой винтовку, но, завязнув в песке, стал падать на пятую точку и от неожиданности нажал на спусковой крючок. Грохнул

выстрел, и хунхуз с третьим глазом во лбу и снесенным затылком упал на спину, не выпустив саблю из своих рук.

Я, приземлившись на пятую точку и чуть не выбив себе зубы затвором винтовки, оглянулся назад. Лис и Леший явно растерялись, что, собственно, вообще не удивительно. Для того чтобы мгновенно реагировать на внезапно возникшую угрозу, опыт нужен, и опыт немалый. Первым очнулся Леший, сделав несколько шагов в мою сторону.

– Ермак, ты цел? – каким-то сиплым шепотом обратился ко мне Вовка.

Собравшись с силами, киваю и, благодарно уцепившись за протянутую им руку, встаю. Ноги ватные, мышцы всего тела ощутимо потряхивает от переизбытка адреналина. Винтовка в руках ходит ходуном. Из разбитой затвором верхней губы кровь попадает мне в рот, и ее соленый вкус приводит меня в себя.

– Вот это, господа казаки, и называется зачистка, – сообщил я Лису и Лешему и энергично замахал рукой, показывая остальным казачатам, которые, выскочив из окопов, собирались нестись в нашу сторону, чтобы они оставались на месте и продолжали наблюдение за дорогой.

– Ермак, а как ты успел среагировать? – спросил меня Ромка, облизывая свои пересохшие губы.

– Был готов к тому, что кто-то из хунхузов притворится мертвым и может напасть, – начал я глубокомысленным тоном, чувствуя, как всего продолжает трясти. – А если честно, то просто повезло, успел нажать на спуск. А перед вами очередное подтверждение неоспоримого правила, которое доводил до вас на тренировках: «Лучший прием рукопашного боя – выстрел в голову».

– Да-а-а уж-ж-ж! – очень похоже на Папанова из кинофильма «Двенадцать стульев» произнес Леший.

– Ага, – философски подтвердил Лис.

– Продолжаем зачистку! – я двинулся вперед.

Больше сюрпризов не было. Зачистив четырнадцать хунхузов на этом берегу и выстрелом в голову двоих на другом берегу, так как третий был убит мною в голову, я голосом дал команду казачатам спускаться вниз, оставив дальнозоркого Чуба наблюдать за дорогой.

– Тур, твоя тройка идет и пригоняет сюда наших лошадей, – быстро оглядев подбежавших ко мне казачат, начал я раздавать указания. –

Леший, наших трех тоже не забудь.

Тур, Леший и Дан, тут же развернувшись, стали карабкаться по песку вверх из седловины в сторону стоянки наших лошадей.

– Остальные сносим хунхузов вон под тот склон, – я показал рукой на подмытый ручьем нависший над водой берег, – укладываем рядком и начинаем собирать с них трофеи. Берем только оружие, патроны, патронташи, поддевки из меха красного волка – им сносу не будет, кому надо, сапоги. Карманы не забудьте проверить и переметные сумки. Вижу, что висят на некоторых лошадаках. Брать только ценное. – Я перевел дух и продолжил: – Свои карамульки сразу меняйте на винтовки. В подсумки кладете по две пачки, то есть десять патронов, и пачку с пятью патронами в магазин винтовки. Остальное в кучу. Потом разберемся. Кто хочет заменить лошадей, сбрую, седла и другое снаряжение, также быстро меняйте. Времени мало. С собой под выюки берем не больше десяти трофейных лошадей. Остальных оставим здесь.

– А почему не всех? И чего торопиться? Мы же всех хунхузов перебили? – спросил меня Раздобреев Савватей.

А по лицам остальных казачат было видно, что их всех также интересуют ответы на эти вопросы.

– Видишь ли, Савва... Судя по всему, эти хунхузы – дезертиры из циньской конницы. Шао, или взвод по-нашему, у них состоит из пятидесяти всадников, а пэн, или отделение, из десяти. Лагерь у этих варнаков был рассчитан больше, чем на пятьдесят человек. Всех, кого мы с Лешим видели, когда ходили на разведку, то есть двадцать четыре бандита, мы убили. Семнадцать здесь в засаде, двоих сняли в дозоре, трех, включая главаря, в лагере и еще двоих, которые первыми бросились нас преследовать. Но лошадей в лагере было тридцать четыре. Если шесть или больше принадлежало нашим убитым офицерам и казакам, то в лагере, возможно, осталось от трех до четырех бандитов.

– И что? Нам их стоит, Ермак, опасаться? – разухабистым голосом перебил меня Женька Савин, которого все еще трясло на адреналине после пережитого боя.

– Нет, Сыч, с этими мы справимся, тем более в лагерь хунхузов надо будет наведаться. Там трофеев, думаю, будет поболее, чем здесь соберем. Но меня очень сильно беспокоит возможность нахождения

где-то рядом еще трех пэн бандитов. Если эти тридцать всадников сядут нам на хвост, вернее всего, мы от них не оторвемся. Поэтому надо торопиться. Добычу надо брать ту, которая нам по зубам, и которую сможем унести. Не забывайте, нам еще шесть трупов в станицу везти и по дороге туда будет два места на тропе, где только гуськом и с лошадьми в поводу пройти можно. Считайте это паранойей, но если хунхузы нас там догонят, то мы все покойники. Наверное, только головной дозор уйти сможет.

– А что такое паранойя? – задал вопрос Лис.

– Это такое расстройство психики у человека, когда он очень подозрительный и во всем видит опасность для себя. Вот и я боюсь того, что существует еще тридцать бандитов, с которыми мы обязательно столкнемся. А чтобы этого не произошло, быстро все за работу! Бегом!

Казачата, разбившись на пары, порскнули по сторонам, и стали споро перетаскивать трупы хунхузов на указанное мною место. Я притормозил Ромку, и вместе с ним, поймав по трофейной лошадке, мы переправились через ручей, где быстро поймали трех коней, принадлежащих убитым на этой стороне ручья бандитам. Взгромоздив на них поперек седла трупы варнаков, не забыв их карабины, переправились через ручей обратно, где уже полным ходом шла экспроприация нажитого непосильным трудом бандитского добра.

Трофеев уже было взято богато: шестнадцать пятизарядных винтовок «Гевер 88» и одна французская магазинная винтовка системы Лебеля образца 1886 года, большое количество патронташей и патронов в них. На разложенных плащ-палатках, кроме набитых патронташей, дополнительно россыпью лежало большое количество патронов к винтовкам, поблескивая гильзами бутылочной формы с восьмимиллиметровой тупоконечной пулей. Отдельной кучей лежало больше десятка сабель дадао. Также было затрофеено двенадцать лошадей монгольской породы. Четыре были убиты во время засады, и одну раненую пришлось дорезать, так как пуля перебила ей ногу. Тройка Тура уже пригнала наших лошадей, и почти все казачата меняли на трофейных лошадях монгольские седла на свои казачьи. Почти все трофейные лошадки были высокими молодыми жеребчиками не старше пяти лет. А у Ромки его Гнедко, доставшийся от старшего брата, был уже преклонного двенадцатилетнего возраста.

Да и у остальных казачат была такая же картина. Младшие в семье, которым все, включая лошадей, достается от старших братьев. Исключение – Женька Савин и я. Один сын богатого казака-коннозаводчика, а другому два года назад приобрели амурского трехлетнего жеребчика, чтобы он пас лошадиные косяки этого казака-олигарха.

А монголы были хороши. Не ниже жеребцов забайкальской или амурской породы. Больше сто сорока сантиметров в холке, отличного экстерьера, холеные, со стриженными хвостами и гривой. При этом куда менее прихотливы, более выносливы, сообразительны, дружелюбны и надежны, чем остальные породы лошадей. Чувствовалось, что за лошадьми был отличный уход, и они были великолепно выезжены. И все гнедой масти.

Еще на одной плащ-палатке, которая лежала отдельно, высилась кучка кошелей. Спрыгнув с седла и подойдя к кошелям, я поочередно взвесил их в руке, потом открыл самый легкий, затем самый тяжелый. В первом лежало несколько серебряных юаней и несколько слитков серебра по тридцать шесть грамм. Китайские ляны. Во втором я увидел то, что и предполагал – золотой песок желтого цвета. Только в этом небольшом кошеле весом граммов шестьсот-семьсот высокопробного золотишка было рублей на пятьсот по официальному курсу или на восемьсот и больше, если в том же Благовещенске продавать китайским контрабандистам.

– Лис, я забираю тройку Тура и с ними иду проверить лагерь хунхузов, а ты с остальными пакуешь трофеи. Используйте РД, четыре плащ-палатки для организации вьюков. На шести лошадях, которые повезут трупы, седла пусть будут монгольскими, они очень хорошо подойдут к изготовлению волокуш.

– Да чего заморачиваться с волокушами, Ермак! Перекинем через седла и повезем.

– Лис, они уже окоченели. Как ты к седлу труп крепить будешь? А волокуши из жердей быстро сделаем, трупы на них, и повезли. И лошадки беспокоиться меньше будут. Делай как я сказал. Как закончите, выдвигаетесь к броду, где остались наши вещи и покойники. Там ждете нас. Делаете волокуши. Мать и дочь на одну волокушу планируй. Все. Мы поехали. Может, нагоним вас по дороге. Не забудь про охранение на марше.

Через десять минут я с тройкой Тура рысью подъезжал к лагерю, до которого оставалось метров двести. По дороге успели обобрать четыре трупа хунхузов и взять в повод двух трофейных лошадок. Дав команду остановиться, я и Леший спешили и через лес по дуге двинулись к лагерю, а Тур и Дан остались на месте, съехав с тропы и спрятавшись в кустах леспедецы. Здесь они должны были дожидаться нашего сигнала, что в лагере все чисто.

Добравших до деревьев, окружающих поляну с лагерем, мы с Лешим залегли и стали наблюдать за лагерем. Казалось, что он был пуст, но что-то внутри меня – видимо, опять моя чуйка – не давало подняться и войти в лагерь. Предчувствие – штука странная и не всегда надежная, но я своим научился доверять еще в Афганистане. Бывало, что все вроде бы спокойно на блокпосту или в рейде за караванами или головами духов. Вокруг тишина и благолепие, и вдруг ни с того ни с сего противно, словно зубная боль, начинало что-то ныть внутри. Умные люди (дураки, как правило, погибали первыми) к таким проявлениям «чуйки», как своей, так и кого-то из товарищей, всегда относились с пониманием. Неоднократно лишние крюки по горам наматывали, а позже узнавали, что на утвержденном маршруте нас ждала засада духов, а позже в Чечне – засада боевиков. Информацию по выходу на охоту групп спецназа начали сдавать-продавать еще в Афгане. В Чечне это просто приняло массовый характер. Двумя словами, права старая армейская мудрость: «Лучше перебдеть...»

Вот и сейчас меня похожее предчувствие гложет. Что-то неладно. Не знаю, что именно, не знаю, где, но входить в лагерь не хочется. В этом я уверен. Должны же были остаться в лагере хунхузы. Не всех же мы положили.

Чуйка в который раз не подвела. Минут через десять наших наблюдений из большого шатра главаря вылез бандит, в котором я по косе, обернутой вокруг шеи, узнал повара, раздававшего пищу из котла на вчерашнем ужине банды. Оглянувшись по сторонам, хунхуз достал из шалаша полупустой, но, судя по тому, как его держал бандит, очень тяжелый мешок. Еще раз оглянувшись по сторонам, повар разбойников направился к коновязи, где из пятнадцати лошадей только две были оседланы и увешаны переметными сумками. Дождавшись, когда хунхуз опустит мешок в одну из переметных сумок и вставит

ногу в стремя, я взял его на мушку и стал выжимать ход спускового крючка. Но выстрелить не успел. Из кустарника леспедыцы, который куртинами рос по окружности поляны, почти напротив меня раздался выстрел, и бандит, попытавшийся вскочить в седло, рухнул на землю.

Я затаился и, вытянув руку в сторону, пригнул голову Вовки, который попытался, приподнявшись, рассмотреть, кто стрелял. Через пару минут из кустов вышел еще один хунхуз, державший в руках карабин. Подойдя к убитому бывшему партнеру по банде, разбойник, ногой проверив наличие жизни в теле хунхузского повара, закинул карабин за спину и стал проверять содержание переметных сумок на двух оседланных жеребчиках. Сесть в седло этому варнаку не дал уже я, прострелив ему голову. Потом, проведя контроль в голову повару, подождал еще минут пять и только после этого встал и двинулся в лагерь, показав знаком Лешему, чтобы он прикрывал меня.

Обойдя лагерь и заглянув во все шалаши, я убедился, что кроме только что убитых двух хунхузов, трупов бандитов, убитых Лешим и Лисом утром, и трупа главаря, который занесли в его шалаш, в лагере больше никого нет.

Выйдя по тропе из лагеря, на повороте на юг дал сигнал Туру и Дану: «Ко мне». Дождавшись их, вскочил на Чалого, и мы втроем въехали в лагерь. Отправив Лешего верхом метров на двести вверх по тропе на север, с Туром и Даном занялись любимым делом казаков и спецназа – сбором трофеев. Хоть и говорят, что на халяву и хлорка творог, и нет для русского человека ничего слаще халявы, потому что халява, по словам Мудрой Совы из мультика про Винни-Пуха, «безвозмездно, то есть дадом», но сбор трофеев для тех, кто этим хоть раз занимался, слаще халявы, потому что перед данным процессом ты еще и вражину завалил, который пытался тебя лишиться жизни. Ты победитель, и теперь твое все имущество врага. Лепота.

Отправив Тура и Дана шерстить шалаши хунхузов с приказом нести все на длинный стол, где бандиты принимали пищу, я направился к переметным сумкам на двух оседланных конях, из-за которых произошла несколько минут назад драма со смертоубийством шеф-повара местного общепита. С трудом достав из переметной сумки тяжеленный мешок, я развязал его и обнаружил в нем один крупный кожаный мешок, колбаску размером как три моих кулака, но всякий

килограммов десять-двенадцать, и шесть кожаных мешков поменьше, каждый из которых весил килограммов по шесть-семь.

Развязав большой мешок, я увидел, что он набит золотыми самородками. В остальных мешках оказался золотой песок, в основном желтого цвета, только в одном песок был красноватого цвета. Завязав все мешки, я распихал их по своим передним переметным сумкам на Чалом и задумался.

Выходит, я был прав в своих размышлениях. Этот так похожий на армейский отряд хунхузов мыл золото, и, скорее всего, посменно. Одна смена моет, другая отдыхает. Намыли прилично. Больше трех пудов. А объем небольшой. В литровую банку входит в среднем как раз пуд или чуть больше. Это зависит от чистоты золота. Если золото 999-й пробы, то в литровой банке его уместится девятнадцать килограмм.

Когда был зимой в Благовещенске, специально зашел в контору, где государственный чиновник скупал золото, намытое старателями с официальными лицензиями. Ценник на стене указывал, что за один золотник золота дается три рубля пятьдесят с чем-то копеек или около восьмисот девяноста рублей и сколько-то там копеек за килограмм. Но там надо было отдать еще 10–12 % налогов, плюс процент на засоренность или плотность песка. Но даже по официальной государственной цене выходило не меньше сорока тысяч. Только сдать его официально мы не сможем, а при контрабандной продаже можно было бы и больше пятидесяти тысяч российских рублей получить. Китайские контрабандисты, как объяснил мне атаман Селеверстов, скупали золотой песок, если перевести в цену за килограмм, по тысяче сто рублей, а самородки – по полторы тысячи рублей.

«Хотя нет, – подумал я про себя. – Самородки продавать не будем. Это будет мой энзэ на черный день, а песочек при будущей поездке в Благовещенск в новом году надо будет продать. Тысячи по три рубликов каждый из нас получит, а это просто бешеные деньги для казачьей семьи. Никаких забот и хлопот лет на десять, если не больше. А если их еще и в дело вложить, то вообще все в шоколаде получится. Только пока о данной находке казачатам ничего говорить не буду. Если, тьфу-тьфу, доберемся удачно, то потом разбирательств с официальными властями будет много. Хватит с властей других трофеев и драгметаллов, что с тел в кошелях насобираем. Из них, правда, “премию” казачатам надо будет выделить, а остальное сдать. А

о сорока с лишком килограммах золота, особенно о самородках, молчим».

Из задумчивости меня вывел Тур:

– Ермак, я там узел с одеждой женской нашел и нашей формой. Казаки, вернее всего, из Екатерининской сотни, а офицеры – подполковник и капитан – из каких-то инженерных частей. Каких полков, не знаю. Я таких погон не видел. Берем?

– Обязательно. Что мы, покойных голышом или в дерюге комиссии, которая в станицу обязательно прибудет, представим? Ускоряемся, Тур. Быстро собираем все самое ценное и уходим отсюда.

– Ермак, а коней заберем?

– Тур, их семнадцать штук. Мы их как погоним почти семьдесят верст по тропам? Тем более уверен, что Лис и с ручья всех лошадок, несмотря на запрет, заберет.

– Ермак, но ты посмотри, какие красавцы! Давай их хотя бы до брода через Ольгакан догоним, а там лучших с собой отберем, а остальных, включая наших «старичков», оставим, а потом со взрослыми казаками за ними вернемся. За два-три дня с ними не должно беды случиться. Оставим их в овраге рядом с бродом, где родник с ручьем нашли. Ну, Ермак, тут всего-то десять верст до брода! И тропа широкая. Быстро догоним!

– Уговорил, черт речистый. Меня самого вот такая жаба душит! – я развел руки в стороны на всю ширину.

– Какая еще жаба? – удивленно уставился на меня Антип.

– Да хворь есть такая, называется «грудная жаба». Это когда сильно болит в груди и человеку кажется, что он дышать не может. Вот и я, как подумаю, сколько всего придется бросить, ни вздохнуть, ни выдохнуть не могу.

– Ну тогда, Ермак, меня жаба больше твоей душит! – хохотнул Тур. – Коней берем?

– Берем, берем. Давайте быстрее.

Управились где-то за час. Под вьюками оказалось шесть коней. Из самого ценного, кроме золота, нашли в одном из шалашей два полных ящика с патронами к «Гевер 88», каждый на полторы тысячи штук. Можно сказать, что минимум полторы тысячи рублей на патронах наше подразделение сэкономило. Эти патроны в трофеи не пойдут, иначе меня жаба задушит точно. Поэтому надо думать, где

запрятать то, что в трофее сдавать не будем. Вернее всего, придется по перелескам с какой-нибудь тройкой обогнуть станицу и попрятать все на моем хуторе, и только после этого всем отрядом входить на улицу Черняева. Решив этот важный для моей жабы вопрос, я выбрал в трофеях крепкий кожаный мешок, наполнил его маслом и пошел выполнять еще более грязную работу войны.

– Ермак, зачем ты это делаешь?

Бледный как полотно Дан смотрел, как я отрезаю у очередного трупа хунхуза правое ухо и закидываю его в мешок. Хорошо, что он не видел, как я в шалаше отрезал голову предводителю бандитов и упаковал ее в этот же мешок, погрузив в кедровое масло, которого много нашлось на кухне. «Дичаю... – думал я про себя при той процедуре. – Бошку главарю отрезал как цыпленку, никаких особых переживаний. Хотя такая практика совсем недавно присутствовала в боевых действиях на Кавказе».

– Для отчетности, Дан, – ответил я, закинув последний трофей в мешок. – Вряд ли нам поверят, что мы двадцать шесть бандитов убили и при этом никто из нас даже не был ранен. Трофеи мы собрали, конечно, знатные, но доказательства нужны.

– Какие-то они зверские, доказательства, – высказался подошедший Тур, судорожно дернув кадыком.

– Мне дед рассказывал, – завязывая мешок, ответил я, – что во время войны с черкесами на Кавказе, которая закончилась всего-то тридцать лет назад, была такая негласная традиция – «с черкесами по-черкески». Черкесы любили своим врагам головы отрубать, а потом хранить их как знаки своей доблести. Глядя на них, кубанские казаки и солдаты-линейцы, убив горца, отрезали тому правое ухо или большой палец правой руки, на котором обычно черкесы носили кольцо – золотое, серебряное, медное или железное, чтобы взводить тугие курки своих кремневых ружей. А если же удавалось убить влиятельного горца – главу отряда или князя противника, то отрубали и голову напоказ, как трофеем.

– Не может быть, – не поверил Дан.

– Деду об этом кубанцы рассказывали, с которыми они вместе воевали во время Венгерского похода, – продолжил я. – Правда или нет, но с их слов, сам барон Засс, командующий Кубанской линией, поддерживал черкесский обычай отрубать у мертвых неприятелей

головы. А на нарочно насыпанном кургане у Прочного Окопа, где штаб линии располагался, постоянно на пиках торчали черкесские головы, и бороды их развевались по ветру.

– Что-то слабо верится в эти ужасы, – поддержал Дана Тур.

– С волками жить – по-волчьи выть. Правда – неправда! Я вам сколько уже говорю, что война – это грязь и вонь! Мне, думаете, приятно уши да бошки резать? Да я чуть не переблевался!

– Ладно, Ермак, остынь. Надо, значит надо. Ты командир, тебе решать! – Тур примирительно поднял ладони перед собой вверх.

Покончив с трофеями, собрали всех коняшек и двинули в обратный путь, подбирая «зверские» трофеи. На переправе, где устроили засаду, остановились только затем, чтобы пополнить мешок ушами хунхузов и обрушить на их трупы песчаный откос берега, под которым их сложили. Чем меньше следов, тем лучше.

Через три часа соединились с остальным отрядом на переправе через реку Ольгакан. Отправил Ромку наблюдать за тропой, откуда прибыли, быстро соорудили волокуши типа индейских «травуа». Два срубленных небольших дерева с обрубленными ветками прикреплены к седлу и связаны между собой перед высокой передней лукой монгольского седла. Сзади на шесты, также перевязанные между собой, на подложку из веток сложили завернутые в плащ-палатки трупы офицеров, казаков и женщины с ребенком.

«М-да... – думал я. – Шесть волокуш, двенадцать вьючных. Караван уже в двадцать девять лошадок получается. В колонну по одному больше ста пятидесяти метров. А эти пролоты еще по заводной лошади требуют. Все, принимаю волевое командирское решение».

– Тур, Шило, Шах, ко мне! – буквально прорычал я.

Вызванные мною командиры троек подбежали ко мне, удивленно переглядываясь между собой. Такого командирского рыка они от меня еще ни разу не слышали.

– Браты, слушай приказ, – начал я уже нормальным голосом. – Тур, Дана в распоряжение Шаха. Сам вместе с Лешим в головной дозор. Выходите немедленно. Находитесь в зоне видимости основной группы.

Получивший приказ Тур продолжал стоять передо мной.

– Кому ждем? Тур, приказа не слышал? Вперед!

Тур, развернувшись, побежал к своему коню, на ходу раздавая распоряжения Лешему и Дану.

– Шило, ты со своими берешь по две волокуши заводными и выдвигаетесь за головным дозором. Дистанция не дальше пятидесяти – ста шагов. Держите Тура и Лешего перед глазами. Вперед!

– Ермак, у меня Сыч захотел своего амульца на монгола поменять. Какой-то жеребчик из тех, что вы пригнали, ему понравился. – Подшивалов вопрошающе уставился на меня.

– Коля, сопливых вовремя целуют. Не успел, значит опоздал. Перед станицей из вьючных выберет, либо дождется, когда остатки трофеев да наших жеребчиков-стариков в станицу пригонят. Отец Женьке не откажет, отожмет у казаков понравившегося монгола. А сейчас времени нет. Все, разговоры закончили. Быстрее, быстрее! Вперед! – Я в нетерпении подтолкнул Шило, заставляя его быстрее поворачиваться.

– Шах, ты со своими и ты, Дан, берете по три вьючных и выдвигаетесь за шиловской тройкой. Где вести в поводу, где цугом, определитесь сами, не маленькие. Все ясно?

– Ясно, Ермак. Сейчас выдвинемся. А что с остальными лошадьми? – Григорий, как всегда, был основательным и неторопливым.

– Остальных мы с Ромкой загоним в овраг. Где-то через две версты по тропе в сторону станицы будет глубокий овраг с родником и ручьем, мы его еще на кроки тропы из-за этого нанесли. Вот туда оставшихся коней и загоним. По боковинам оврага они подняться не смогут, а выходы с двух сторон веревками перекроем. Вода там есть, травы немного осталось. Три, максимум четыре дня переживут. Только бы хищники не напали.

– Хорошее решение. Вы только седла, на ком остались, снимите да мундштуки выньте.

– Шах, кто два года косяки Савина пас? Не учи отца, и баста!

Рассмеявшийся Шохирев хлопнул меня по плечу и побежал к своей тройке, где его ждал еще и Дан.

Пока я разговаривал с Шахом, Тур и Леший уже скрылись в лесу, двигаясь по тропе в сторону станицы. Шило, Сыч и Сава разбирали коней с волокушами, готовясь выступить в путь.

«Молодцы! – подумал я. – Быстро выдвигаются. Главное – дать волшебный пендель, а то еще бы целый час собирались, пока коней выбирали. Хорошо хоть, между собой не переругались из-за добычи».

За остаток дня прошли по тропе вдоль речек Дактунак и Улаган, добрались до речки Тыгды и, форсировав ее вброд, встали лагерем на ночь. Высокий берег Тыгды и ее ширина с глубиной брода позволила бы отбиться от преследователей, если бы те догнали нас в этом месте.

Ночь прошла спокойно, и с утра, когда только забрезжило, наш караван двинулся скорым маршем дальше. Оставалось каких-то тридцать верст до станицы, при этом почти пятнадцать из них по удобному берегу реки Источная, от которой до станицы пара верст оставалось. Уже к вечеру в первых сумерках вышли к озеру Большое, где нас ожидала нежданная и, можно сказать, неприятная встреча. И это когда вдаль уже виднелись дома станицы.

«Хреново, – думал я, покачиваясь в седле в такт шагам Чалого. – И надо же было в трех верстах от станицы встретиться на тропе с отцом Лешего, который отправился на охоту! Теперь он с отрядом возвращается в станицу, а мы, точнее я, не успели спрятать некоторые трофеи. Ладно, с учетом суматохи, которая возникнет при нашем возвращении, заныкаю золото и патроны на дворе у Селеверстовых, потом перетащу к себе».

Въехали в станицу и направились к майдану у сборной избы, обрастая по дороге зрителями.

- Смотри, все на новых жеребчиках!
- Винтовки-то у всех какие-то не наши?!
- Двенадцать вьючных.
- А на волкушах кого везут, вроде бы все целые?
- Сумки переметные у всех набиты!!!
- Где они были?

Гул все нарастал. Когда въехали на площадь и разместили всех лошадей, вокруг нашего отряда в круге собралось больше половины населения станицы, а на крыльце сборной избы стояли атаман Селеверстов, старейшины Давыд Шохирев, Митрофан Савин и Иван Лунин, да отец Дана, приказный Данилов, который исполнял в станице должность писаря.

Выехав чуть вперед, я дал команду знаками «Внимание» и «В линию». Дождавшись, когда все казачата на лошадях выстроятся влево

от меня в одну шеренгу, скомандовал: «Слезай». Сам соскочил с седла, перебросил поводья через голову Чалого и шепнул ему на ухо: «Стой смирно». Казачата между тем также соскочили с седел и застыли слева от своих лошадей по всем правилам устава строевой казачьей службы.

Я вышел перед строем и, тихо приказав стоять и ждать дальнейших распоряжений, развернулся кругом и направился к крыльцу сборной избы. Поднявшись на крыльцо, я склонился к уху Селеверстова:

– Дядько Петро, лучше не при всех докладывать!

Атаман внимательно посмотрел мне в глаза и, ничего не сказав, направился в сени сборной избы, а из них в приказную комнату. За ним потянулись старейшины, писарь, последним зашел я.

Селеверстов сел за свой стол и, дождавшись, когда старейшины разместятся на гостевой лавке, а Данилов за своим столом, мрачно произнес:

– Докладывай.

– Господин атаман, на третий день похода учебного отряда по маршруту станица Черняева – Зейская пристань после полудня на броне через Ольгакан головной дозор в лице Лескова Владимира обнаружил в зарослях таволги, которые росли вдоль реки шагах в двадцати от брода, мертвые тела молодой женщины с ребенком, двух офицеров и трех казаков.

Селеверстов и Данилов поднялись из-за своих столов, пытаясь что-то сказать, но тут раздался удар клюки об пол и жесткий голос старика Шохирева:

– Продолжай! А вы тихо там!

Я продолжил:

– Осмотр места преступления и тел убитых показал, что во время бивака двое казаков были зарезаны, один казак и офицер застрелены. Сопrotивление оказал только старший по возрасту офицер, у него два огнестрельных и три ранения от холодного оружия. Женщину и ее, вернее всего, дочь лет десяти насильовали, пока они не умерли.

– И как ты это определил? – с какой-то неприятной ухмылкой поинтересовался Данилов.

– А ну помолчи! – повысил голос старейшина Лунин.

– Когда осмотрите покойниц, сами поймете! – продолжил я. – Нападение, судя по следам, совершило чуть больше десяти варнаков.

На общем круге было решено их преследовать. Где-то в десяти верстах по берегу Ольгакан на север был обнаружен лагерь варнаков, рассчитанный на пятьдесят и более человек, в котором находилось двадцать шесть хунхузов.

– Вот ёк-макарёк! – это уже подал голос старейшина Савин.

– С учетом позднего времени, нападение на лагерь было перенесено на утро следующего дня.

– Какое нападение? – Атаман Селеверстов, на глазах краснея лицом, поднялся из-за стола. – Ты что, Тимоха, совсем заигрался в сказочного богатыря? На подвиги потянуло?

– А ну молчать!!! Сел на место! – такого рыка от старика Шохирева никто не ожидал. – Продолжай, Тимофей!

Атаман плюхнулся на табурет, а я продолжил:

– Несмотря на то что я был против нападения на хунхузов, мы были вынуждены это сделать, иначе не смогли бы в глаза смотреть друг другу. В общем, на следующее утро в двух верстах от лагеря на берегу брода через ручей организовали засаду, где засели в окопах восемь казачат, а я с Ромкой и Вовкой осуществили нападение на лагерь. Сняли кинжалами с Ромкой двух часовых, потом застрелили в лагере трех бандитов, включая их главаря, а дальше на хвосте привели оставшихся хунхузов в засаду, где их всех и положили. Одним словом, вентерь.

– Да-а-а... Вентерь... – произнес Митрофан Савин и замолчал.

– И что, всех двадцать шесть хунхузов убили? – с каким-то недоверием спросил старик Шохирев.

– Так точно, дедушка Давид. Всех положили. Что смогли из трофеев, собрали в засаде и в лагере, и аллюром в станицу.

– И куда же вы, герои, так спешили? – ехидно спросил Данилов.

– Судя по всему, эти хунхузы были дезертирами из циньской конницы. Практически все одинаково одеты, с одинаковой амуницией, вооружены все винтовками «Гевер 88», которые начали выпускать в Германии полгода назад. Мне об этой винтовке рассказывал зимой кореец в Благовещенске, у которого я патроны для своей восьмизарядки покупал. Каким образом этими новейшими винтовками оказались бандиты вооружены, я не могу себе представить! А вот то, что где-то рядом еще три пэн хунхузов, судя по размеру лагеря, могло находиться, я представлял себе легко. Поэтому собрали, что смогли

увезти, забрали покойных, и быстрее в станицу. Главное, все целые остались. Раненых нет. Жалко, шестнадцать лошадей пришлось оставить в одном большом переходе от станицы, да и лагерь очень быстро осмотрели. Там добра осталось!!! – Я закатил глаза к потолку и присвистнул.

– Кхе... Тимоха, а ты, часом, не врешь нам? – Выцветшие глаза старика Шохирева, не мигая, уставились на меня.

– Дедушка Давид, да как мне врать-то. Трупы найденных убитых на волокушах, трофеи во вьюках. Да коней трофейных только двадцать семь голов пригнали. Все казачата на молодых монголов-жеребчиков пересели.

– Убитые кто, выяснили? – спросил старейшина Лунин.

– Нашли их обмундирование в лагере. Судя по погонам, казаки, вернее всего, из Екатерининской сотни, а офицеры – подполковник и капитан из инженерного полка, но какого, я не знаю. Платья барышни и девочки также нашли. В плащ-палатки покойные голышом, как мы их нашли, завернуты. Документы, может быть, где-то и есть, надо вьюки потрошить да и с трофеями разобраться.

– Да погоди ты с трофеями... – махнул рукой атаман.

– Нет уж, господин атаман. Одиннадцать винтовок «Гевер 88» и по тридцать патронов к каждой, монголы-жеребчики, которых казачата выбрали, серебра по сто рублей каждому, поддевки из меха красного волка, ну и остального по мелочи мой отряд забирает! А свое старье сдает для передачи в Благовещенск. Надо только лошадей пригнать! – Я, набычившись, уставился на Селеверстова.

– Кхе-хе, ха-ха, ха-ха-ха... – раздался булькающий смех Шохирева, к которому вскоре присоединились старейшины Савин и Лунин.

Данилов улыбался, а мы с атаманом продолжали сверлить друг друга взглядами.

– Эх, – прекращая смеяться, заговорил старейшина Шохирев. – Жалко, Афанасий не дожил до сегодняшнего дня, а то увидел бы, какого внука-атамана вырастил. Ермак! Вылитый Ермак! Настоящий атаман! – Шохирев вытер слезящиеся глаза и продолжил: – Хватит, Петро, его взглядом бодать. Пора на круг выходить. Распускай казачат, им и так досталось. Покойных на ледник к Сычеву, трофеи в сборную горницу. Лишних лошадей пока к Савину на постой.

«Да, вот что значит больше десяти лет атаманствовал в свое время Давыд Шохирев. Три предложения – и всем понятно, что делать», – подумал я.

Все поднялись и направились на выход. Уже около двери в сени меня нагнал вопрос в спину старика Шохирева:

– Тимофей, неужели все трофеи здесь? Или захоронку где организовали?

Я повернулся лицом к казакам и с сожалением произнес:

– Да не успели, в трех верстах от станицы на тропе дядьку Михаила Лескова встретили. А так, конечно, хотели кое-что в обход ко мне на хутор отвезти, до того как в станицу войти. Эх! Раньше надо было!

Мой глубокий вздох-выдох вызвал новый взрыв смеха казаков. Отсмеявшись, вышли на крыльцо, с которого увидели, как Подшивалов Алексей и Анисим Чупров пытаются вывести из строя своих сыновей.

– Что значит не положено? – Немного поддатый отец Чуба стоял перед сыном, тыкая ему указательным пальцем в грудь. – Тебе отец говорит идти домой или кто?! Что значит Ермак приказал ждать дальнейших распоряжений? Какой Ермак?

А рядом аналогичный диалог Подшивалова с Шило под смешки окруживших площадь казаков.

– Господа станичники! – голос атамана Селеверстова навис над площадью, заставив всех замолчать. – Во время учебного выхода казачата обнаружили убитыми хунхузами трех казаков Екатерининской сотни, двух офицеров и молодую женщину с ребенком. Несмотря на молодость, ими было принято решение нагнать по следам убийц и наказать их. Это им удалось. Двадцать шесть бандитов было ими уничтожено, а убитых хунхузами и трофеи наши казачата привезли в станицу.

Тишина на майдане взорвалась криками, среди которых звучали сомнения в рассказе атамана.

– Станичники, я понимаю, что в это тяжело поверить, но тела убитых на волокушах и вьюки с трофеями говорят о том, что это правда. Поэтому казачата учебного отряда сейчас заносят вьюки с трофеями в сборную горницу и потом свободны.

«Фууу... – мысленно я выдохнул про себя. – Сейчас в сумерках спрячем сумки с патронами и золотом. А остальное все в горницу».

Между тем Селеверстов продолжал раздавать команды. Из толпы станичников, окружившей отряд, стали выходить казаки, которые взяли под уздцы лошадей с волокушами и повели их к леднику у фельдшерского дома Сычева.

Я подбежал к строю казачат и дал команду разгружать вьюки и переметные сумки, при этом шепнув, чтобы последними разгружали мешки с патронами. Ящики с патронами было неудобно везти, поэтому упаковки патронов и пачки переложили в четыре непромокаемых кожаных мешка, которые нашли в лагере хунгузов. В наступившей сутолке и темноте сумки с патронами и мешки с золотом удалось незаметно переправить на двор Селеверстовых и спрятать на сеновале. Отнеся трофеи в сборную горницу, казачата разъехались по домам, я же хотел остаться на дележе трофеев, но был вежливо отправлен домой, но не к себе, а к Селеверстовым.

Плюнув на все, мы вместе с Ромкой разобрали свои вещи, почистили оружие, сходили в баню, благо вернулись из похода в субботу, потом плотно поели, удовлетворив во время ужина и последующего чаепития любопытство большой семьи Селеверстовых о наших приключениях. Так и не дождавшись атамана Селеверстова, завалились спать.

Глава 16

Кто виноват?

Утро выдалось беспокойным. Разбудил нас с Ромкой посыльный казачек из окружного правления.

– Тимофей, поднимайся быстрее, – дергал меня за ногу двенадцатилетний Мишка Башуров. – Тебя атаман кличет! Бегом, сказали!

– Чего случилось-то? – почти одновременно произнесли я и Ромка, вылезая из-под шкур-одеял.

– Сегодня рано утром два парохода пришли и пристали у станицы. Какое-то большое начальство прибыло. Ругается сильно. Атамана грозит на каторгу сослать! – залпом выпалил Мишка.

– Кто грозит-то? – спросил я Мишку, натягивая шаровары и наматывая портянки.

– Дядька дюже строгий. Одет богато. Ему даже ротмистр, который казаками командует, не перечит.

– А меня чего зовут?

– А я знаю! Меня приказный Данилов за тобой послал. Бегом сказал, да еще ухо крутанул. Больно!

Быстро собравшись и умывшись, я вместе с Ромкой и Мишкой побежал к сборной избе, на крыльце которой меня ждал приказный Данилов.

– Так, выглядишь нормально. – Данилов крутанул меня на триста шестьдесят градусов. – Постарайся много не говорить. Так точно. Никак нет. Понял?

– Так точно! – браво рявкнул я. – Кого хоть там принесло?

– Целого надворного советника из горной службы да нашего командира первой Албазинской сотни ротмистра Печенкина.

– А чего они зверствуют? Мишка сказал, что каторгой грозят?

– Ох, Тимоха! Ты знаешь, кого мертвыми привез?

– Откуда?

– Оpoznал их надворный советник. Женщина мертвая – это баронесса Колокольцева, троюродная племянница нашего генерал-губернатора Корфа. Подполковник – ее муж, командир отдельной

Восточно-Сибирской саперной роты во Владивостоке. Батя у него контрадмирал и начальник Обуховского сталелитейного завода в Санкт-Петербурге. Капитан – заместитель у подполковника. Вот надворный советник рвет и мечет. Они, оказывается, должны были к нам в станицу из Зейской пристани прибыть, чтобы на пароход сесть. По телеграфу с надворным советником договаривались, когда он еще в Покровской был неделю назад.

– Ой-ой-ой! – выдохнул я. – Тяжко там дядьке Петро приходится! А меня чего вызвали?

– Из первых уст хотят все услышать. Иди, давай, заждались их благородия. – Данилов подтолкнул меня к двери в сборную горницу.

«Ну, как пел Цой: “Пожелай мне удачи в бою!”» – подумал я, открывая дверь.

– Ваше высокоблагородие, Тимофей Аленин по вашему приказанию прибыл! – выпалил я, перешагнув порог и вытянувшись во фрунт.

В сборной горнице кроме атамана Селеверстова и вахмистра Шохирева находился есаул, точнее, ротмистр в форме Амурского казачьего полка и субъект в неизвестной мне чиновничьей форме, взглянув на которого, я подумал: «Ой, блин, приехали. Вот это не повезло! Чуть глянул на данного господина, и сразу ясно – мало того что дурак, так еще и в образе».

– Рассказывайте, Аленин, – с какой-то барской брезгливостью произнес чиновник.

– О чем, ваше высокоблагородие? – включил кнопку «дурак» уже я, преданно поедая глазами высокое начальство.

– Как вы обнаружили барона с баронессой и остальных.

– Двадцать четвертого сентября после полудня на броне через Ольгакан, в зарослях таволги, – бодро отрапортовал я.

– Почему вы им не помогли? – Оловянные глаза чиновника, не мигая, уставились на меня.

– Кому не помогли? – Я в недоумении уставился на расспрашивающего меня чиновника. – Мы же их мертвыми нашли!

– Почему не помогли раньше, когда они были живые?

От такой постановки вопроса я впал в ступор, но спустя пару секунд все же ответил:

– Так мы же не знали, что они идут по тропе нам навстречу и что на них хунхузы нападут.

– Значит, атаман Селеверстов не посылал вас встретить барона Колокольцева и иже с ним? – Оловянные глаза надворного советника неотрывно наблюдали за моим лицом.

– Никак нет, выше высокоблагородие, мы просто вышли в поход по маршруту от станицы Черняева до Зейской пристани и обратно. Один из казачат учебного отряда с отцом ходил по этому маршруту в прошлом году, поэтому заплутать мы не боялись. А то, что их благородия нам навстречу идут по тропе, повторюсь, мы не знали. Но потом за их смерть мы с хунхузами рассчитались.

Выслушав меня, надворный советник развернулся к атаману Селеверстову и произнес:

– Что ж, ваши слова о том, что вы не знали о том, что барон Колокольцев двигается с Зейской пристани в сторону станицы этот молодой казак подтверждает. Но все равно, атаман, я вам не завидую. В зоне ответственности вашего округа погибли барон с баронессой и их дочь, при этом баронесса – племянница самого генерал-губернатора Корфа! – Надворный советник покачал головой.

– Так, ваше высокоблагородие, с телеграфа же приносили журнал учета. Не было в наш округ телеграммы об их высокоблагородиях. Не знали мы, что они к нам в станицу вышли. – Селеверстов, несмотря на прохладу в горнице, вытер рукавом пот со лба.

«Да, старая как мир история: поиск козла отпущения, – думал я, анализируя сложившуюся в горнице обстановку. – Убийство племянницы самого приамурского генерал-губернатора повлечет большие разбирательства и последствия. И, судя по всему, наш brave горный чиновник уже определил на роль “за все виноватого” дядьку Петро. “Зона ответственности вашего округа”! Хорошо придумал! Грамотный! Козел!!!»

– Аленин, – чиновник повернулся в мою сторону, – что можешь рассказать о лагере бандитов?

– Летний лагерь на шестьдесят-семьдесят человек. Пятнадцать шалашей на четыре-пять человек. Большой навес для лошадей, голов на семьдесят. Длинный стол под навесом для приема пищи. Кухня под навесом с печью на два больших котла. Обустроенный родник. Даже отхожее место организовали. При этом все нечистоты ручей уносит в

Ольгакан. В лагере было очень чисто. – В этот момент я увидел, как вахмистр Шохирев, стараясь незаметно для других, делает мне знак рукой, типа хватит, и замолчал.

– И ты с казачатами убил двадцать шесть хунхузов? Так? – Его высокоблагородие опять выпучил на меня свои оловянные глаза.

– Так точно, ваше высокоблагородие!

– А может, вы просто брошенное бандитами старье собрали на покинутой стоянке да ненужных из-за старости лошадей пригнали? Какие доказательства еще есть?

«Оба-на! Угол-шоу! – подумал я, глядя на семафорящих глазами Селеверстова и Шохирева. – Это что же они в качестве трофеев показали чинуше?» Вслух же произнес:

– Есть доказательства! – чем вверх Селеверстова и Шохирева в предынфарктное состояние. – Только их лучше на улице смотреть. Разрешите за ними сбегать? Я быстро!

Получив разрешение от горного чиновника, я метнулся за мешком со «зверскими» трофеями. Дождавшись когда позванные Даниловым гости, атаман и вахмистр спустятся с крыльца и подойдут ко мне, вывалил на пожухшую траву свои трофеи.

– Варвары! Звери! – шипел сквозь зубы надворный советник, вытирая платком рот, после того как закончил обильно освобождать желудок от завтрака, а может, и ужина.

Ротмистр, изрядно побагровевший, носком сапога пошевелил несколько блестящих от масла ушей, спросил:

– Что это?

– Двадцать пять правых ушей убитых хунхузов и голова главаря этой банды, ваше благородие, – ответил я.

Чиновник, продолжавший что-то бормотать себе под нос, нетвердой походкой направился к крыльцу сборной избы, а ротмистр, закулив папиросу, попросил меня поднять голову главаря. Сдерживая рвотные позывы, я за косу поднял голову хунхуза.

– Какой у него был рост? – спросил меня ротмистр.

– Побольше церковной сажени, но чуть пониже вахмистра Шохирева. Только по ширине меньше вахмистра в два раза. Такой поджарый, легкий, лет пятидесяти. Он мне своими движениями чем-то рысь напомнил.

Ротмистр стряхнул пепел, еще раз внимательно осмотрел голову главаря хунхузов и произнес:

– Я могу ошибаться, но по тем рисункам и описаниям главарей хунхузов, которые нам выдавали, скорее всего, вы убили Лю Ханьцзы, или Золотого Лю. Он был сотником в циньской коннице. Около пяти лет назад дезертировал вместе со своей сотней из китайской армии. С тех пор он и его банда специализируются на добыче золота и контрабанде спирта. Только вот трофеи не соответствуют. Хунхузы Золотого Лю славятся своим отличным вооружением и конями.

Ротмистр Печенкин внимательно посмотрел на Селеверстова и Шохирева.

– Опять с трофеями мухлюете, атаман? – Командир Абазинской сотни затоптал выкуренную папиросу. – Голову в мешок, залить медом или маслом. Отправим ее в канцелярию генерал-губернатора для опознания. Если подтвердится, что это Золотой Лю, то получишь, Аленин, за него награду в тысячу рублей. Да и генерал-губернатор Корф поменьше зверствовать будет! – Ротмистр посмотрел на бегущего к сборной избе почтового работника и продолжил: – О трофеях позже поговорим. А теперь пойдете к надворному советнику Мейстеру. Похоже, Алексей Викентьевич получил ответ по телеграфу из Хабаровки.

Ротмистр с атаманом и Шохиревым пошли к крыльцу, на котором господин Мейстер читал телеграмму, а я, положив голову хунхуза в мешок, собрал и сложил туда же отрубленные уши. Не оставлять же такую пакость на улице. После этого направился домой к Селеверстовым, так как никто меня не позвал, а Мейстер в сопровождении ротмистра, атамана и вахмистра с телеграфистом скрылись в сборной избе.

Часа через два домой пришел Селеверстов с Шохиревым и позвали меня в горницу.

– Ну, Тимоха, ты, млять, даешь! – Атаман Селеверстов, сев на стул, стукнул кулаком по столу. – Ты чего нам вчера про свои доказательства не сказал?

– Да забыл я!

– Хе-хе, варвар, скиф, зверь, вандал и еще кто-то там! – вступил в разговор Митяй Широкий. – Это о тебе так его высокоблагородие

говорил. Надо же, уши и бóшку отрезал для доказательства – и забыл. Зверь, натуральный зверь. Хе-хе-хе...

– Значит, так, Тимоха, – прервал смех вахмистра Селеверстов. – По указанию генерал-губернатора назначена экспедиция для проверки лагеря хунхузов и их поимки. Старшим назначен надворный советник Мейстер.

– Дядька Петро, а он кто такой?

– Он, Тимоха, очень большой чин, целый заместитель начальника Зейского горно-полицейского округа. Чуть ли не к государю вхож, по слухам. Здесь сопровождает с горной стражей два парохода, на которых драгу на царский золотой прииск везут. Механизм такой. А ротмистр Печенкин с полусотней эти пароходы по берегу охраняет.

– В общем, в поход идет полусотня Печенкина, исправник и двадцать горных стражников, и я с десятком казаков, – сказал вахмистр Шохирев. – Так что рассказывай, как до лагеря добраться. Нам весь отряд вести.

Я рассказал все Шохиреву, а потом еще и отцу Лешего, казаку Михаилу Лескову. Показал кроки, перерисовал их, отдав Шохиреву, отметил овраг, где спрятали лошадей, и места возможных засад. На это Шохирев и Лесков поулыбались, а Лесков-старший пробормотал под нос: «Яйца курицу учат».

Ближе к полудню большой отряд казаков и горных стражников вышел в поход, а станица зажила своей жизнью. Только два парохода, стоящие на якорях у станицы, говорили о свершившихся событиях.

Я после ухода отряда отвез мешок со «зверскими» трофеями фельдшеру Сычеву с приказом от атамана подготовить голову главаря хунхузов к отправке в канцелярию генерал-губернатора. Потом, прихватив мешки с патронами и золотом, вместе с Ромкой уехал к себе на хутор.

С утра следующего дня зарядка всем отделением, уборка в нашей казарме, на полигоне, завтрак, который мы вечером приготовили с Ромкой, потом изучали новые винтовки. Слава богу, никто из отцов и дедов на эти трофеи не покусился. На прицельных станках выставили мушки, потом отстреляли по два-три патрона, пристреливая оружие, потом стали его чистить. На этом занятия закончились. Следующий день также прошел спокойно.

А вот на третий день выхода отряда к нам на полигон верхом прилетел посыльный Мишка Башуров с известиями, что в станицу вернулись наши казаки, побитые и с убитыми. Мы бегом рванули в станицу. Когда прибежали к майдану у сборной избы, там собралась чуть ли не вся станица. К крыльцу было не пробиться. На площади стояло много лошадей, через спину которых были перекинуты трупы в основном горных стражников, но были и в казачьей форме. В одном из коней Ромка признал своего Гнедко. Потолкавшись в толпе, ушли с Ромкой домой, дожидаться атамана дома, чтобы узнать новости из первых уст.

Селеверстов пришел домой только к обеду. Собрал всю родню в горнице, рассадив за столом, и кратко обрисовал ситуацию:

– Отряд дошел до ручья, где Тимоха с казачатами устроили засаду на хунзузов. Там что-то не понравилось Лескову, и он с тремя казаками ушел в разведку, обходя брод через лес. Надворный советник Мейстер не стал дожидаться возвращения дозора и вместе с горными стражниками двинулся через ручей, их там всех почти и положили хунзузы. Ротмистр Печенкин дал команду спешиться и наступать в рассыпном строю. В этот момент Лесков с казаками в тыл ударили. В общем, бандитов с засады сбили, но потеряли убитыми восемнадцать стражников, исправника, надворного советника и трех казаков. Убитыми нашли только двух хунзузов.

В этот момент в горницу вошли Шохирев и Лесков.

– Рассказываешь, атаман? – Шохирев присел на ближайший к нему табурет, а Лесков прислонился к косяку двери в комнату.

– Рассказываю, Митяй.

– Вот так вот, Тимофей, – нашел меня глазами вахмистр Шохирев. – Как ты говорил, так нас и взяли в засаду.

– А я еще смеялся, что яйца курицу учат, – подал голос от порога Лесков. – Если бы не послушал тебя, Тимофей, и не пошел в обход брода, меня там бы и положили.

– Вы чего пришли? – спросил Селеверстов.

– Спасибо Тимофею пришли сказать. Если бы не он, то наши бы казаки первыми через ручей пошли. Тогда бы не горных стражников, а наш десяток положили. – Шохирев встал и поклонился, а за ним мне поклонился Лесков.

– Господин вахмистр, дядька Михаил, а как вы в станицу вернулись?

– Ротмистр Печенкин дал команду нашему десятку и оставшимся стражникам собрать убитых, раненых и отправляться с ними в станицу, а сам с оставшимися казаками кинулся в погоню за хунхузами. – Митяй нервно вертел в своих лапищах фуражку. – Вот мы и вернулись. Заодно и ваших лошадей из оврага пригнали. Н-да! Сходили постричь овец, а вернулись стриженными. Ладно хоть никто из станичников не погиб. А вот трое казаков из Албазинской станицы отдали Богу душу, да еще двое ранены. Хорошо хоть, что легко. Сами в седлах до станицы добрались.

– Господин вахмистр, а в засаде хунхузов много было? – задал вопрос Митяю.

– Стреляли часто, а вот сколько их было, не скажу. У них патроны на бездымном порохе. Не разберешь, откуда стреляют. Но стражников положили быстро. Да и по нам потом стреляли метко да часто. – Митяй, приладив фуражку на колено, разглаживал ее верх.

– Мы когда им в тыл ударили, я варнаков пятнадцать насчитал, – задумчиво проговорил Лесков. – Может, и больше было. Они сначала по берегу Ольгакан, прячась за деревьями, отбежали в сторону своего лагеря, а потом в лес отошли.

– Чего-то опасаясь, Тимофей? – задал вопрос атаман.

– Опасаюсь, дядька Петро. – Я задумчиво потер правой рукой подбородок. – Ротмистр Печенкин говорил, что с Золотым Лю дезертировала вся его сотня. Его лагерь у Ольгакана мог вместить и сотню. В тесноте, да не в обиде. Как бы казаки не нарвались на полусотню хунхузов! Пятнадцать хунхузов двадцать стражников зараз положили. А если вся оставшаяся банда вооружена пятизарядными винтовками, боюсь, худо будет нашей полусотне. Тем более хунхузы те края знают, а наши нет. Никто же вверх по Ольгакану не ходил. Заманят еще раз в засаду, и амба всем.

– Что предлагаешь, Тимофей? – задал вопрос Селеверстов.

– Давай, Ермак, учи куриц, – усмехнулся вахмистр.

– Предлагаю выдвинуть мое учебное отделение и десяток господина вахмистра в распадок у истока реки Дактунак. Это верст сорок от станицы. Там по распадку тысячу шагов надо идти одноконь и в поводу. Если на противоположном склоне засесть в засаду по верху

сопки, то вся тропа как на ладони будет и уйти бандитам будет некуда. Мы когда в походе были, я прикинул, что коней можно оставить в глубоком овраге за версту до распадка, рядом с ним можно речку перейти и начинать подъем на противоположный от тропы крутой склон сопки Дактун.

– И что нам это даст? – спросил Лесков, а атаман и Шохирев с таким же вопросом в глазах уставились на меня.

– Другого ближайшего пути от Зейской пристани к нам в станицу нет. Если албазинцы будут возвращаться, имея на хвосте хунхузов, мы их стряхнем и подарим все трофеи полусотне. Ротмистру Печенкину после смерти надворного советника Мейстера кровь из носу нужна победная репликация для генерал-губернатора. Я готов ему и голову Золотого Лю подарить, лишь бы он по нашим трофеям дальше не познавался. Да и Мейстер хотел из дядьки Петро козла отпущения за смерть племянницы генерала Корфа сделать. Так что надо будет поделиться с начальством трофеями.

– Ну ты и завернул, Тимоха! – в изумлении покрутил головой атаман Селеверстов.

– А если полусотню побили, то лучшего места для встречи хунхузов, задумай они напасть на станицу, нет. Там мы точно всю банду удержим. Обойти тот распадок по ближайшим сопкам – не один день уйдет, да и то если только пешими, – продолжил я.

– А что, толково! – Шохирев поочередно посмотрел на меня, атамана и Лескова. – Лучшего и не придумаешь. Ну что, атаман, командуй!

– А-а-а-а... – Селеверстов махнул рукой, поднимаясь из-за стола. – Командуйте сами. Прав Тимоха, из-за смерти баронессы и этого горного чина не атаманствовать мне дальше. Снимут!

– Да ладно, Петро, перебедем. – Лесков подошел к атаману и положил ему руку на плечо. – Может быть, все и хорошо закончится.

– Спасибо, Михайло. Может, и обойдется.

– Ермак, я наших поднимаю! – влез в разговор Ромка.

– Поднимай, Лис.

– Ермак, ядрено-кучерено! – покрутил головой Лесков. – А с другой стороны, почему бы и нет. Заслужил. Мой вон Леший.

– Хе-хе, а мой младшой братишка – Шах, – усмехнулся Шохирев. – Давай, Ермак, собирай своих. Собираемся у мостков на Большом озере

через час. Продуктов берите дня на три-четыре.

До намеченного распадка на реке Дактунак добрались ближе к полудню следующего дня. По дороге никто не попался. Ночь прошла спокойно. Казаки, но не все, удивились нашим походным палаткам на четыре человека, которые мы на биваке собрали из восьми плащ-палаток. Шесть оставалось в отряде, да две у меня в запас хранилось. И оценили наш «полинезийский» костер для приготовления пищи, который Михаил Лесков назвал «разбойничьим».

Оставив в овраге лошадей и Дана с Усом для их охраны, двинулись через реку, отправив отца и сына Лесковых в дозор. Через пару часов выбрались на крутой склон сопки, с середины которого просматривался весь километровый распадок, по которому текли воды реки Дактунак. Быстро соорудили из камней замаскированные и защищенные лежки для стрельбы метров через десять друг от друга, перекрыв почти двести метров противоположной тропы. Выставили дозоры и в глубокой ложбине на склоне сопки организовали стоянку. Оставалось ждать неизвестно чего.

Когда солнце начало скрываться за сопкой, на стоянку прибежал Чуб, который, как самый зоркий, стоял в дальнем дозоре.

– Кто-то идет по тропе, – запыхавшись, сообщил он. – Птицы над деревьями поднялись. Минут через двадцать эти кто-то должны появиться в распадке.

– Так, все в укрытия, – начал распоряжаться вахмистр Широкий. – Стрелять только по моей команде. Цели разбираем, как договорились. Первым стреляют казачата. Мы следом. Всем все понятно?

Казаки и казачата закивали головами.

– Тогда по местам и замерли, – закончил инструктаж Митяй Широкий.

Как и предсказал Феофан Чупров, где-то через двадцать минут на тропе появились первые казаки албазинской сотни.

«Хорошо потрепали станичников, – думал я, глядя на проходившие мимо нас остатки албазинской полусотни. – Двенадцать убитых или тяжелораненых перекинуты через спины лошадей, казаков двадцать перевязанных, но сидящих в седле, включая ротмистра с перебинтованной головой, без фуражки. Целых не больше десятка осталось».

По ранней договоренности, мы никак не проявили себя при прохождении по тропе мимо нас казаков первой сотни. Надо было выяснить, идет кто за ними или нет, не демаскируя засаду. Узнали об этом быстро. Не успели еще последние казаки выйти из распадка, углубившись в лес, как с другой стороны появились первые хунхузы. Передвигалась первая пятерка бандитов пешком, ловко лавируя между камней на тропе.

Со стороны углубившихся в лес казаков раздался выстрел, и пятерка хунхузов залегла за камнями. В ответ из них никто не выстрелил. Незаметно было, чтобы кого-то из них зацепило. Варнаки пролежали минут пять, потом разом, видимо по команде, поднялись и начали движение вперед по тропе. Со стороны ушедших казаков по ним больше никто не стрелял.

Когда дозорная пятерка хунхузов достигла середины распадка, в нем появились конные бандиты. Достаточно быстро первый варнак из конной цепочки достиг середины распадка, а пешая пятерка уже готова была войти в лес. В этот момент прозвучала команда Шохирева: «Стреляй!»

Находясь на левом фланге нашей засады, я уже пару минут держал на мушке одного из пятерки пеших бандитов. Услышав команду, мягко потянул спуск. Один готов. Сто пятьдесят метров для меня идеальное для стрельбы расстояние. Быстрая перезарядка. Ищу глазами вторую цель. А хунхузы молодцы. Быстро сориентировались. Оставшиеся четыре бандита залегли за камни и целились в нашу сторону.

«Это что же, кроме меня никто по этой пятерке не попал? – подумал я. – Смотреть вправо от себя нет времени. Так, вот она, цель! Спрятался, говоришь, за большой валун, но голова и правое плечо мне видны».

Выстрел. Минус два. В этот момент пуля ударила в камень моей амбразуры и с визгом ушла рикошетом.

Перезарядка и смена позиции. Посмотрел, как дела у остальных. Очень неплохо! Из тридцати конных хунхузов отстреливался дай боже десяток. Остальные лежали на камнях бесформенными кучками. Заполз в запасную лежку и стал искать того бандита-снайпера, который заставил меня покинуть прежнюю позицию. Выстрел и визг рикошета от амбразуры моей прежней лежки. Нашел. Между двух валунов. Молодец, китаеза, наверняка отличный охотник.

«Высунулся, целишься. Ну-ну. До свидания». Я мягко выбрал ход спускового крючка. Выстрел, минус три. Оставшиеся двое из пеших хунхузов, которых обстреливали Лис и Шах, не выдержали и побежали к лесу. Нет, ребята, бегать от пули – это умереть уставшим. На этот раз Лис и Шах не промахнулись.

Стрельба постепенно стихала. На правом фланге щелкнула еще пара выстрелов, и наступила тишина. По перекличке установили, что все целы, кроме казака запасного разряда Петра Гусевского – он не ответил. Позже выяснилось, что Гусевский был тяжело ранен в грудь.

Казаки стали подниматься со своих лежек, казачата же продолжали лежать, ожидая моей команды. Как оказалось, не зря. Раздался выстрел, и отставной казак Василий Ананьев упал с простреленной головой. Затрещали выстрелы. Вставшие во весь рост казаки стреляли в сторону валуна, за которым спрятался выстреливший хунхуз.

Вдруг раздался выстрел со стороны начала распадка, куда ушли албазинцы, и убитый бандит вывалился из-за валуна.

«Черт, отвлекся!» – подумал я, наблюдая, как в распадок въезжают казаки албазинской полусотни. Впереди был ротмистр Печенкин. Рядом с ним какой-то казак опускал от плеча карабин.

«Голова обвязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по сырой траве, – хмыкнул про себя я. – А казак молодец, метров с двухсот с седла положил вражину. Мне-то отсюда его не достать было».

Вот на этом и закончилась наша эпопея в борьбе с хунхузами, результатом которой стало вооружение всех казачат учебного отряда пятизарядными винтовками «Гевер 88». Удалось сохранить и всех монголов-жеребчиков, заныканные патроны к винтовкам, поддевок на меху красного волка досталось по две штуки на брата, даже по сто рублей ассигнациями каждому дали. Как и о чем договорились с ротмистром атаман Селеверстов и другие казаки, не знаю, но официальная версия стала выглядеть так.

Казачата станицы Черняева отправились на длительную охоту и на переправе реки Ольгакан нашли мертвых барона с баронессой и их сопровождение. Привезли трупы в станицу, куда в это же время прибыл на двух пароходах надворный советник Мейстер и охранявшая пароходы полусотня албазинцев во главе с ротмистром Печенкиным.

По распоряжению из канцелярии генерал-губернатора, полусотня албазинцев, десяток черняевцев и двадцать горных стражников под руководством господина Мейстера вышли на поиски хунхузов. Около реки Ольгакан были обнаружены следы варнаков, но при преследовании банды отряд попал в засаду, в которой погиб надворный советник Мейстер и большинство горных стражников. Отправив десяток казаков из станицы Черняева с убитыми назад в станицу, ротмистр Печенкин продолжил преследование банды. В результате умелого командования командиром первой албазинской сотни, несмотря на потери в пятнадцать казаков, была уничтожена банда Золотого Лю в количестве шестидесяти двух хунхузов. Как доказательства данного успеха в канцелярию генерал-губернаторства были представлены голова Золотого Лю, правые уши шестидесяти хунхузов, большое количество трофеев. В общем, Печенкину досталась слава и награда, а нам большинство трофеев.

Жалко только, дядьку Петра с атаманства сняли. Не в открытую, но была рекомендация сверху о замене атамана на выборах. И с января 1890 года после выборов атаманом Черняевского округа стал Савин Иван Митрофанович.

Особой поддержки от него нашему учебному отряду не было, но и не мешал. Правда, и цену за лесные трофеи перестал давать высокую, но это нас особо не волновало, так как к концу января каждый из казачат нашего учебного отделения получил от меня по две с половиной тысячи рублей. Удалось удачно съездить в Благовещенск.

Глава 17

Золото

Когда я поражал надворного советника и директора Благовещенской женской гимназии Петра Ивановича Бекетова своими знаниями, то даже не предполагал, с какими трудностями мне придется столкнуться при сдаче экзаменов за шестилетний курс Благовещенской мужской гимназии.

Как выяснилось из программы экзаменов, которую мне представил Бекетов, необходимо было сдать экзамены: по русскому языку, по истории всех разделов, то есть древнего мира, отечественной, всеобщей; арифметике, алгебре, геометрии, физике, географии, Закону Божьему. И что самое страшное для меня – по немецкому, французскому, латинскому и древнегреческому языкам.

Как мне рассказал протоирей Ташлыков, для поступления в военное училище нужен был аттестат об окончании полного курса восьмилетней гимназии. Поэтому основной контингент юнкерских училищ составляли дворянские дети, желавшие служить в офицерских званиях, но в силу своих умственных способностей завалившие в седьмом классе гимназии латинский язык или в восьмом классе древнегреческий. При этом даже без древнегреческого, с аттестатом за шесть классов, можно было поступать сразу во второй выпускной класс юнкерского училища.

Кандидаты для учебы из проходящих службу солдатских унтер-офицеров и казачьих урядников поступали, как правило, в подготовительный класс юнкерского училища с экзаменом по особым облегченным программам и учились три года.

Окончившие двухгодичное юнкерское училище по первому разряду производились при выпуске в офицеры по XII классу табеля о рангах: подпоручик в пехоту, корнет в кавалерию и хорунжий в казачьи войска.

Окончившие курс по второму разряду выпускались в свои полки в старших унтер-офицерских званиях: подпрапорщиками, эстандарт-юнкерами и подхорунжими. Дальнейшее производство в офицерские звания производилось не иначе как по удостоиванию непосредственного начальства.

В общем числе оканчивающих юнкерское училища выпускаемые по первому разряду составляли весьма незначительный процент, а большинство выпускаемых по второму разряду не имели требуемого образовательного ценза. В результате этого долгие годы ожидали в «подофицерах» производства в офицеры, достигая первого офицерского чина тогда, когда их сверстники по выпуску из военных училищ успевали далеко уйти вперед по пути служебной карьеры.

При этом необходимо было отметить, что если своей служебной подготовкой и знанием быта нижних чинов выпускаемые из юнкерских училищ, особенно из числа унтер-офицеров и урядников, значительно превосходили офицеров, окончивших курс военных училищ, то по общему образованию и теоретической военной подготовке они значительно им уступали. Вследствие этого в пехотных и кавалерийских войсках состав офицеров распадался на две группы – окончивших военные и юнкерские училища. Выпускники юнкерских училищ назначались на ответственные должности командиров отдельных частей сравнительно редко и обыкновенно заканчивали свою карьеру в чине подполковника или войскового старшины у казаков.

Вот и пришлось мне в течение года основательно посидеть за учебниками, особо напирая на иностранные языки. Благо опыт изучения неродного языка в прошлой жизни был: английский на отличном уровне, пушту, фарси, дари и чеченский на уровне «нормально допросить пленного». Как мне говорил преподаватель английского языка в рязанском училище: «Курсант Аленин, у вас феноменальная память на лексику и грамматику иностранного языка, а произношению может позавидовать выпускник иняза». И это подтверждалось на практике сначала в Афганистане, еще до училища, где у меня как-то само собой пошли и пушту, и фарси, а потом на первой чеченской войне чеченский.

Моим учителем в станице стал протоирей Ташлыков. Закончивший Санкт-Петербургскую семинарию с отличием Сан Саныч все необходимые четыре языка знал очень хорошо. Педагог из него оказался также отличным. Бекетов и те две замечательные женщины, которые у меня принимали экзамен, все необходимые учебники, словари, справочники мне предоставили, положив в мешок. Новых знаний я никогда не боялся и к новому 1890 году все четыре языка и

другие дисциплины я освоил, по мнению Ташлыкова, если и не по первому разряду, то на неплохом уровне для сдачи экзаменов.

В Благовещенск после Нового года и Рождества Христова в большом обозе поехали без бывшего атамана Селеверстова. Хотя и старался Петр Никодимович не показывать обиды из-за своего смещения с должности, но со стороны это было хорошо видно. Поэтому чтобы не отвечать на расспросы знакомых и родни во время поездки на ярмарку в Благовещенск, старшиной обоза семьи Селеверстовых им был назначен старший сын Степан. Я и Ромка ехали на отдельных санях, в которых везли добытые нами меха и шкуры, а также различное имущество семьи на продажу. Отдельно в санях ехал запряженный мешок с золотым песком.

В этот раз обоз без происшествий дошел до Благовещенска за двенадцать дней. Остановились опять у купца Чурина. На следующий день я отпросился у Степана и на гостинодворскую ярмарку не пошел, а направился решать золотой вопрос. Для этого я в первую очередь нашел Митяя Широкого, который с членами обоза семейства Шохиревых остановился в соседних номерах заезжего дома.

Митяй сидел в харчевне в гордом одиночестве и за дальним от стойки столом. Судя по его виду, вахмистр Шохирев активно поправлял испорченное накануне здоровье.

– Здоровья, господин вахмистр, – обратился я к Митяю.

– А-а-а... Ермак! – Шохирев поднял на меня мутный взгляд. – Мы же с тобой еще в распадке на Дактунак договорились, что можешь меня звать Дмитрий, для Митяя молод еще. Так какого?.. Садись!

Я сел за стол и продолжил:

– Дмитрий, есть выгодное дело.

– И насколько выгодное? – усмехнулся вахмистр.

– Если выгорит, то ты и два или три помощника, которых ты подберешь, получат три тысячи рублей или больше.

– Что за дело? – Взгляд Шохирева стал жестким и внимательным. Весь хмель с него мгновенно слетел.

– Мне надо контрабандистам сдать золотой песок. Много. Нужна защита, и желательно не из наших станичников. Чтобы на станичный обоз не навести.

– Много – это сколько?

– Побольше двух пудов.

– Сколько?! – Казалось, глаза Митяя от изумления сделались в два раза больше. – И где же ты столько нашел? Хотя чего спрашивать! У хунхузов в лагере. Больше нигде.

– Там и нашел, – усмехнулся я. – Теперь надеюсь продать и по три тысячи рублей каждому из казачат моего отряда выдать.

– Ну, Ермак, за ноги тебя и об угол. Два пуда! Охренеть. Вот это я понимаю, затрофеил. И что, никто не знает?

– Здесь уже Ромке сказал.

– А почему Селеверстовым не открылся?

– Побоялся, Дмитрий, как бы столько золота все добро, что они для меня сделали, не перевесило.

– Да уж! – Митяй обеими ладонями растер лицо. – Это же с ума сойти! Два пуда. Ух ты, боже мой! Это какие же деньжища!

– При хорошем раскладе тридцать шесть тысяч, из которых мне и десяти казачатам по три тысячи и три тысячи или чуть больше тебе и еще паре или тройке казаков за охрану.

– А почему ты ко мне обратился? – Митяй пристально посмотрел мне в глаза.

– Да я от казаков в станице слышал, что ты года два назад помогал дядьке Смирных золото продать в Благовещенске, который тот в верховьях реки Гербелик в каком-то ручье намыл. Вот и подумал, что у тебя есть место, где золотой песок без лишних вопросов купят.

– Да что там золота было-то, чуть больше пятидесяти золотников и набралось. – Вахмистр пренебрежительно махнул рукой. – И продали его хозяину этого заезжего дома Чурину. Как и то золото, которое вы с хунхузов сняли в кошелях. А выхода на контрабандистов я не знаю.

– А что, Чурин и золотом занимается?

– Ермак, его торговый дом чем только не занимается! Он же первогильдейский купец, миллионщик. На него, говорят, тысяча человек работает.

– И как же вы с дядькой Смирных к нему попали, чтобы золото продать? – с огромным интересом уставился я на Митяя.

– Скажешь тоже, Тимоха. К Ивану Яковлевичу не всякие высокоблагородия на прием попадают. Тем более он живет в основном в Иркутске или Хабаровске. А вот к его управляющему в Благовещенске, Александру Васильевичу Касьянову, я могу зайти по-свойски. Пять лет назад я ему жизнь спас.

– Расскажи.

– Я тогда третий год служил, но уже был старшим урядником. По тракту со своим взводом сопровождал пароход с каким-то ценным грузом из Хабаровки в Благовещенск. Около станицы Нагибова увидели, как какие-то варнаки на обоз нападают. Мы на помощь. Вот я тогда и застрелил разбойника, который уже готов был зарубить Александра Васильевича. С тех пор он меня всегда привечает, да и послабления по цене дает.

– Дмитрий, а он сможет столько золота купить по хорошей цене?

– Не знаю, Ермак. Не знаю. Золото Смирных и ваше трофейное он у меня по три рубля двадцать пять копеек за золотник взял. Но лучше с ним дело иметь, чем к контрабандистам лезть. Для этих узкоглазых что обмануть, что прибить казака – самое первое дело.

Я задумался. Перевел озвученную Шохиревым стоимость золотника в цену за килограмм, получилось чуть больше семисот шестидесяти рублей. Вряд ли Касьянов даст за наше золото бóльшую цену, но если он купит, то риска практически никакого, хотя и сумма значительно меньше.

До этого я планировал, думая, что Митяй знает места скупки золота контрабандистами, пройтись по трем-пяти скупкам и сдать золото частями по тысяче или даже по тысяче сто рублей за килограмм. При этом хотел изменить свою внешность, нарядившись гимназистом, и вахмистра как-то переодеть, чтобы его тяжело узнать было. Казаки из других станиц, по моим планам, также должны были сбить со следа бандитов, если бы они захотели захватить золото или полученные от его продажи деньги. Теперь же получалось, что выхода на тайных скупщиков золота у меня нет. Самому их искать слишком опасно. Сплошная авантюра. А вот поговорить с господином Касьяновым стоило. За разговор денег не берут. Заодно узнаем, какую максимальную цену даст местное купечество.

– Что решил, Ермак? – задал вопрос Шохирев, увидев, что я опустил с небес на землю.

– Давай, Дмитрий, попробуем поторговаться с Александром Васильевичем. Если он нас, конечно, примет и захочет выслушать.

– Примет, Ермак. Примет. Он мне еще вчера с приказчиком передавал приглашение посетить его сегодня к завтраку. Вот я хотел

чуть подлечиться после вчерашней встречи со своими сослуживцами, а потом к нему в гости идти. Так что сейчас и пойдём.

Минут через двадцать по улице Большой мы подходили к дому купца первой гильдии Касьянова – шикарный домина из кирпича с парадным входом, – войдя в который, были встречены слугой. Сняли шапки, полушубки, поддевки и валенки, получили гостевые кожаные полусапожки, после чего были препровождены слугой в гостиную.

В этом мире я в первый раз попал в богатый дом и был раздавлен его великолепием. В том времени на экскурсии в Эрмитаже и Русском музее в Санкт-Петербурге я никак не мог себе представить, что Эрмитаж – это дом, где жила семья российского императора. Михайловский дворец, где в этом времени скоро и разместится Русский музей, построен для сына императора Павла I, великого князя Михаила Павловича. И в этом доме, так же как и в Эрмитаже, люди жили, спали, кушали, влюблялись, ссорились, играли в прятки. Жуть!

Дом Касьянова внутри блистал богатством и великолепием, а его хозяин, встретивший нас в гостиной, внушал уважение и почтение. Высокий, подтянутый, с ухоженными бородкой и усами, одетый в брюки, сюртук и рубашку с платком на шее Александр Васильевич Касьянов в свои почти пятьдесят лет больше походил на английского аристократа, чем на купца. Как я узнал от Шохирева, одиннадцатилетний Саша Касьянов поступил к Чурину на работу «магазинным мальчиком», как в те времена называли ребятишек, которых хозяева брали в свои лавки и магазины на подхват. Хлопчик оказался весьма смышленным и хватким в торговых делах. И уже в 1878 году, в двадцать семь лет, стал полноправным компаньоном у Чурина. В настоящее время Касьянов руководил делами торгового дома «Чурин и Ко» на Дальнем Востоке, включая деятельность дома в Китае, Корее и Маньчжурии. Очень большой человек, по дальневосточным меркам.

– Дмитрий Михайлович, приветствую вас! – Касьянов с добродушной улыбкой подошел к вахмистру и трижды по русскому обычаю облобызался с ним. – Очень рад вас видеть. А это твой младший брат, с которым ты обещал меня познакомить?

– Крепкого здоровья вам, Александр Васильевич, – смущенно ответил станичный гигант, став как-то меньше ростом. – Рад вас видеть. А это не брат. – Митяй взял меня за плечо и выставил перед

собой. – Это Тимофей Аленин. Помните, я вам рассказывал о нем и его учебном десятке?

Касьянов внимательно и с интересом осмотрел меня, а потом протянул для пожатия руку.

– Приятно познакомиться с человеком, который лично отрезал голову Золотому Лю. Вы, наверное, молодой человек, не знаете, но за голову уже подполковника Печенкина, которому приписали это деяние, глава самой большой банды хунхузов Ян Юлин по прозвищу Шисы Яньван, то есть Четырнадцатый Владыка Ада, назначил награду по ее весу в тысячу лянов!

– Восемь с половиной фунтов серебра! Большая награда. Но откуда вы знаете...

– Хороший купец должен обладать достоверной информацией о многом, если не хочет разориться. Там шепнули, здесь намекнули... Дмитрий Михайлович кое-что рассказал, когда реализовал мне десять фунтов золота да шесть серебряными лянами. А умный человек может сделать из этого правильные выводы.

– Вы, безусловно, правы, – выдавил я из себя, не зная, как себя вести и что сказать. А в голове еще и мысль летала: «А нехило на наших трофеях атаман и иже с ним поднялись! Побольше двух тысяч рублей себе оставили только на драгметаллах. Об остальных трофеях вообще молчу».

– Итак, прошу к столу. Сейчас завтрак подадут, – Касьянов сделал приглашающий жест к столу персон на двадцать, покрытому белоснежной скатертью. – Заодно и обсудим проблему, которая привела ко мне столь достойного молодого человека.

Шохирев и я стали отнекиваться, говоря, что мы уже поели в харчевне, но Касьянов лично проводил и меня, и Митя к столу, усадил за него и сам уселся во главе стола.

– Господа, не знаю, как вы, а я привык в это время плотно кушать, можно сказать, обедать перед продолжительным рабочим днем. И как вы можете себе представить такую картину: я завтракаю, а мой спаситель и его друг стоят и смотрят на меня?! Увольте от этого. Мы хоть и многого в этой жизни достигли, но я еще помню, как в юности брюхо от голода сводило. Поэтому никаких стеснений.

Касьянов поднял со стола звонок-колокольчик и потряс им. В дверях показался слуга.

– Никифор, попроси накрывать. – Александр Васильевич поставил колокольчик на стол.

Как будто ожидая этой команды, в гостиную вошли две молодые женщины в длинных, почти до пола платьях темно-коричневого цвета, белоснежных фартуках и чепчиках, похожих на белый бант на голове. Их униформа настолько напомнила мне школьную форму для девочек из моего времени, что я непроизвольно улыбнулся. Только платья мои одноклассницы носили тогда гораздо выше колен. Стиль мини был в моде, с минимумом мануфактуры на теле.

Пока разглядывал горничных, на столе появились приборы, глядя на которые, я испытал невольный трепет. Ложка, вилка, столовый нож и чайная ложка мне, конечно, были знакомы, не совсем дикарь. В какой руке держать вилку, а в какой нож и как с ними управляться, я знал. Только вот за этим столом было три вилки слева от двух тарелок, стоящих одна в другой, а с правой стороны лежали два ножа и большая ложка. Сверху над вилками стояла еще одна небольшая тарелка с еще одним ножом, а над тарелками лежали еще вилка и ложка. Рюмка, два фужера, бокал в ряд. Здесь, по-моему, и основное правило столового этикета «от центральной тарелки в стороны» не сработает. «Будем смотреть на Касьянова и действовать как он, – подумал я. – Гвардия и за столом умирает, но не сдаётся».

Второй волной горничные-официантки внесли хлебницу и с десятков замысловатых вазочек с грибами, квашеной капустой, огурчиками, горчицей, хреном, мочеными яблоками, тарелки с фаршированными блинчиками, мясной, рыбной и сырной нарезками и еще чем-то, мне неведомым. Постепенно на столе места перед нами оставалось все меньше и меньше. Из принесенной парящей супницы доносился умопомрачительный запах.

Митяй с вожделием уставился на два привлекательных графинчика: один с коричневой маслянистой жидкостью, а второй, на глазах покрывающийся каплями, с жидкостью чистой, как слеза младенца.

– Как говорится, аристократов здесь нет, поэтому дальше, господа, сами! – проговорил Касьянов, заправив развернутую салфетку одним концом за ворот рубашки, и потянулся за графинчиком с коньяком.

Митяй аккуратно отодвинул салфетку в сторону и, взяв в руки графин с водкой, набулькал себе почти полный фужер, в отличие от

купца, налившего в фужер коньяка на палец.

– А ты что, Тимофей, ничего себе не наливаешь? – спросил меня Касьянов, делая небольшой глоток коньяка.

Я наконец-то заправил угол салфетки за тугой ворот своей теплой рубахи, сшитой теткой Ольгой Селеверстовой из армейского сукна, и ответил:

– Извините, Александр Васильевич, но я только брагу да пиво пробовал. Крепких вин еще не пил.

– Давай я тебе водочки немного налью. – Шохирев быстро налил мне в рюмку водки. – У нас в станице такой не попробуешь. У Александра Васильевича она уж больно вкусна.

– Я думаю, от одной рюмки водки тебе худо не будет, – улыбнулся Касьянов. – Хунхузов вон сколько на тот свет отправил, несмотря на молодые годы. Поэтому немного водочки или коньяка, да под холодное с горячим вреда здоровью не принесут.

«Это точно, – подумал я, опрокидывая следом за вахмистром рюмку в рот. – А то в мое постсоветское время, когда еще действовали нормативные акты сухого закона, пацанам в восемнадцать лет государство дало в руки оружие и официально разрешило убивать, а вот водку и другие спиртные напитки пить можно было только с двадцати одного года. Помню, как ржал, услышав, что в Ханкале во время первой чеченской кампании менты оштрафовали хозяина магазина, продавшего водку солдатам-срочникам, которые только что вернулись с боевого выхода и в полной боевой выкладке подвалили к прилавку. Ага! Попробуй им не продай! Хотел бы я тогда посмотреть, что осталось бы от этого магазина!»

Эх, хорошо пошла! Взяв крайнюю вилку, потянулся за пытавшимся спрятаться в сметане с луком рыжиком. По пищеводу потекла волна тепла, гриб хрустнул на зубах. Все как я любил в прошлой жизни. Потом закусил квашеной капустой и, увидев, что Касьянов начал с рыбы, а не с овощей, положил в тарелку кусок свежей, посыпанной специями белорыбицы.

– Попробуйте, Тимофей, это нельма. В Амуре не водится, привезли с реки Лена. Очень вкусная рыба. Особенно только что посоленная. – Купец отрезал кусок белорыбицы и отправил его в рот.

Я попробовал. Такого нежнейшего мяса рыбы я в той жизни не пробовал, да и здесь не с чем было сравнивать. Осетр – рыба отличная,

но в жареном и пареном виде, в соленом и копченом суховат. А здесь ломтик рыбы просто растаял на языке. Бесподобно! Буженина и сыр со слезой. Блинчики с икрой, слой черной и слой красной. Малосолевые хрустящие корншончики, которые в станице называли «детками». Митяй их после фужера водки отправлял в рот большой суповой ложкой и с азартом хрустел.

Пока я наслаждался невероятно вкусной закуской, купец и вахмистр опрокинули еще по пару емкостей горячительных напитков. Я от этих возлияний отказался, но под горячую рыбную солянку не стерпел и попросил Митяя налить рюмку водки и мне.

Лепота! Супернасыщенный горячий бульон, приготовленный, как выяснилось, из головы осетра, плюс большие куски тайменя, семги, копченого сома, еще какой-то рыбы, соленые огурчики, маслины, полукольца лука... Все это сутки настаивалось. И сверху горка желтоватой настоящей сметаны. Какая вкуснотища! М-м-мы!..

Осетр с грибами в сливочном соусе в меня уже еле влез, поэтому от десерта, пирожков, печенья и чего там засахаренного я просто отказался. Живот раздулся, как барабан, казалось, еще чуть-чуть, и поясной ремень лопнет. И это завтрак! Какой же обед у купцов первой гильдии подают?

Из кулинарных возвышенных мечтаний меня на землю вернул вопрос Касьянова:

– Так что же, Тимофей, вас привело в мой дом?

Я посмотрел на Шохирева, который успокаивающе мне кивнул.

– Александр Васильевич, я хочу предложить вам приобрести у меня золотого песка где-то два пуда и десять фунтов.

– Получается, Тимофей, ты не только Золотого Лю убил, но и его золото нашел?

– Нашел. Все или часть, не знаю. Искать в лагере было некогда. Ноги бы унести.

– А что с деньгами делать будешь?

– Какой-то процент за посредничество Дмитрию Михайловичу, – я кивнул в сторону Шохирева. – А остальное поровну на одиннадцать долей, то есть на меня и десять казачат нашего учебного отряда.

– Они об этом знают? – Касьянов усмехнулся. – Я просто удивлен, что сведения о таком количестве золота за полгода после разгрома банды Лю нигде не всплыли.

– Нет, Александр Васильевич, не знают. Как я нашел золото, никто не видел. А не сказал им, чтобы в искушение не вводить. Такое количество золота кому хочешь способность нормально мыслить отобьет. Могли глупостей натворить. А так получают свои деньги и пусть делают с ними что хотят.

– Расскажи, Тимофей, как вы с хунхузами Лю Ханьцзы воевали, как золото нашли. Хочется узнать все из первых уст, а не анализировать множество слухов, – попросил Касьянов, прикуривая сигару.

Слушая мой рассказ о наших приключениях на реке Ольгакан, купец изредка кивал головой, будто соглашался со своими мыслями. Особенно внимательно выслушал эпизод о смерти бандитского шеф-повара, который вылез из шалаша Золотого Лю с мешком золота. Поинтересовался, что я видел в шалаше главаря бандитов. После этого до конца моего рассказа Касьянов молчал. Когда я закончил, купец затушил в серебряной пепельнице сигару и произнес:

– Тимофей, я куплю у тебя золото по три рубля тридцать копеек за золотник. Если у вас действительно девяносто фунтов золота, то этого хватит на одиннадцать долей по две тысячи пятьсот рублей и Дмитрию Михайловичу на премию в тысячу рублей. Что скажете?

Митяй замахал руками, показывая, что ему вообще ничего не надо, но было видно, что такой премией он очень доволен.

– Я согласен, Александр Васильевич, – произнес я. – Хотелось большего, но и эти суммы для нас просто заоблачные, тем более трофеи, которые нам оставили, уже были очень богатыми.

– По делам и награда, – улыбнулся мне Касьянов. – И еще один вопрос, Тимофей. Почему ты не оставил золото себе?

– С братьями так не поступают. Бой с бандитами делили на всех, награды тоже на всех делить надо, – ответил я.

Моя совесть что-то вякнула о мешке самородков, который я заныкал для себя, но тут же получила пару ударов по почкам и отправилась в свой угол, стенаю о несправедливой доле. Я ее успокоил тем, что эти самородки пойдут на развитие войск спецназа в Российской империи.

– Достойная жизненная позиция, рад за тебя. – Касьянов чуть наклонился в мою сторону, сцепив руки на столешнице. – Чтобы не привлекать внимания, через час приносите с Дмитрием Михайловичем

золото сюда. К этому времени здесь уже будет ювелир нашего дома, который взвесит и оценит золото. Полный расчет сегодня вечером. В кассе торгового дома, надеюсь, необходимая сумма наберется.

Вечером получили от Касьянова оговоренные суммы денег. Золота оказалось чуть больше девяноста фунтов, но мешок с красноватым золотым песком был оценен за меньшую сумму. Александр Васильевич внимательно рассмотрел золото во всех мешках, поинтересовался у меня, не было ли в мешках самородков, на что я честно ответил, что только заглядывал в мешки с золотом и не высыпал золото из них. На это купец сделал совершенно правильный вывод, что Лю, вернее всего, собирал самородки из добычи золота отдельно.

– Понимаешь, Тимофей, больше тридцати лет наш дом занимается поставками всего необходимого для старателей. В песке, добытом ручным способом, всегда есть самородки. Не бывает их, если добычу сортируют. Значит, не все золото ты нашел. А точнее, повар бандитов не нашел... – Купец был задумчивым.

– Скорее всего, вы правы, – я опять мысленно пнул по почкам свою совесть.

– Тимофей, ты можешь на карте показать, где был лагерь хунхузов? – обратился ко мне Касьянов, расстелив передо мной лист с картой Приамурья и Дальнего Востока.

«Да... Не пачка „Беломора“, по которой летчики в анекдоте летают, но где-то рядом», – подумал я, рассматривая карту и пытаюсь найти реку Ольгакан. В течение минуты и с помощью вахмистра Шохирева определил на карте примерное место расположения лагеря хунхузов.

– Тимофей, а ты хорошо читаешь карту, – похвалил меня Касьянов.

– Готовился по географии, для сдачи экстерном экзаменов за шесть классов мужской гимназии, – ответил я.

После этого пришлось рассказывать купцу свою прошлогоднюю эпопею о предварительных экзаменах Бекетову, моей мечте и наказе деда поступить в Иркутское юнкерское училище, о предстоящем экстернате за шесть классов Благовещенской мужской гимназии. Также прошел мини-экзамен на знание немецкого и французского, а заодно и английским похвастал. В результате получил предложение от Касьянова устроиться на работу в торговый дом «Чурин и Ко».

– С твоими знаниями и умениями, Тимофей, я думаю, ты быстро свой первый миллион заработаешь, – начал убеждать меня Касьянов, озвучив свое предложение. – Впереди у дома большая работа по развитию торговли в Китае, Корее и Манчжурии. Твое знание языков, умение обращаться с оружием и храбрость помогут тебе в продвижении по служебной лестнице в нашем доме.

– Огромное спасибо, Александр Васильевич, но я слово дал деду. Да и не прельщает меня торговая стезя. А вот подработать на проводке ваших караванов и я, и мой десяток всегда готовы. Снаряжены мы для этого очень хорошо. И родители казачат, я думаю, не будут против.

Касьянов обещал подумать, и, обсудив с ним кое-какие моменты нашего возможного сотрудничества, мы вместе с Шохиревым наконец покинули этот гостеприимный дом. Еще бы не гостеприимный, если я оставил до своего отъезда в личном домашнем сейфе купца большой мешок с одиннадцатью упаковками кредитных билетов, в основном в двадцатипятирублевых «фунтовках» и «алексеевках», на общую сумму двадцать семь тысяч пятьсот рублей. Шохирев, получивший свой процент в тысячу рублей, еле запихнул пачку ассигнаций во внутренний карман своей бекешки.

На следующий день я с утра нашел Бекетова, который очень обрадовался моему приезду. После обеда и окончания занятий в женской гимназии Петр Иванович отвел меня на угол улиц Большой и Графской, где располагалось двухэтажное здание Благовещенской мужской гимназии. В новом каменном пристрое нас в своем кабинете встретил директор мужской гимназии надворный советник Соловьев Константин Николаевич.

– Вот, Константин Николаевич, прошу любить и жаловать, – Бекетов выставил меня перед собой. – Тот самый уникал – Тимофей Аленин.

– Здравствуй, добрый молодец, – кряжистый и коренастый Соловьев с силой пожал мне руку. – Значит, хочешь экстерном экзамены за 6 классов гимназии сдать.

– Так точно, ваше высокоблагородие.

– Молодец, казак. В середине марта принесешь ко мне документы, а именно: прошение, метрику, послужной список отца, собственноручное жизнеописание. Оплатишь десять рублей в кассу гимназии, так сказать, в пользу экзаменаторов. После этого в середине

апреля пройдешь предварительные испытания, а в мае добро пожаловать на выпускные испытания.

«Вот это ни хрена себе, – подумал я про себя, – сдал экстерном экзамены за два-три дня».

– Константин Николаевич, но мы же договаривались по Тимофею, – вступил в разговор Бекетов.

– Я все помню, Петр Иванович, но ситуация изменилась. Во-первых, специальный циркуляр министра образования Делянова от 1887 года, дошедший до нас, можно сказать, запретил прием в гимназию детей низшего сословия, за исключением «одаренных необычными способностями». – Соловьев сделал паузу. – Во-вторых, данный же циркуляр определил, чтобы испытания зрелости проводились только один раз: в конце учебного года. Сдача экзаменов до или после сроков теперь не допускается. Поэтому рад бы помочь, но пойти против вновь установленных правил не могу. Прошу правильно понять меня.

– Костя, ну что-то можно придумать? – Бекетов взял Соловьева под руку. – У этого казака действительно необычные способности, поверь мне! Он легко решает задания по алгебре, геометрии и физике за восьмой класс гимназии!

– Петя, да я бы рад. Знаю, что ты не стал бы просить за какого-нибудь балбеса. Но пойми меня, не могу я теперь обойти этот циркуляр. Доброжелатели враз наверх доложат. Аннулируют выданное свидетельство об испытаниях, и больше его твой протезе не получит никогда!

– Ваше высокоблагородие, разрешите обратиться? – Оба надворных советника повернулись ко мне. – Константин Николаевич, а можно документы в апреле перед испытаниями сдать? А то больше двух месяцев в Благовещенске жить для меня накладно будет, да и негде пока.

– На это нарушение я смогу пойти. – Соловьев опустил голову под укоризненным взглядом Бекетова. – Но большего от меня не требуйте!

– Спасибо, ваше высокоблагородие. Тогда я прибуду в середине апреля, напишу прошение и сдам необходимые документы и оплату. И еще один вопрос, а в какой одежде мне экзамены сдавать?

Соловьев задумался, внимательно оглядел мою одежду и произнес:

– Я думаю, новой формы казака Амурского казачьего полка без погон будет достаточно. Не мундир же гимназиста тебе шить.

На этом и закончилась моя первая попытка сдать экстерном экзамены за шесть классов Благовещенской мужской гимназии. Свидетельство о данном испытании зрелости давало мне право поступать в семнадцать лет на службу и сдавать экзамены в юнкерское училище.

Расстроенный Бекетов предложил мне проживать у него, пока буду сдавать испытания экстерном, но я данное предложение с благодарностью отклонил, объяснив, что в это время буду, вернее всего, состоять на службе в торговом доме «Чурин и Ко». После этого заявления пришлось рассказывать о договоренностях с купцом Касьяновым, чем я в очередной раз удивил Бекетова. По его словам, дом Чурина не всяких взрослых казаков брал в сопровождение своих караванов и обозов. А тут в охрану берут даже не казаков-малолеток, а казачат!

Расстались с Бекетовым по-доброму, так же как и с Касьяновым. Получил от последнего оставленные на сохранность деньги и первый контракт на проводку с конца февраля по начало апреля его санного обоза от станицы Черняева до Шилкинского завода и обратно. Нанимал он меня с моим десятком казачат на сорок дней с очень хорошей оплатой и довольствием на время службы. С этим же обозом я планировал вернуться в Благовещенск для сдачи экзаменов.

Свои деньги в сумме три с половиной тысячи рублей (к двум с половиной за золото добавилась тысяча, которая хранилась у Селеверстова) я вложил в деятельность торгового дома. По стандартному договору дома, мне шло пять процентов годовых, если я не забирал из оборота деньги раньше условленного срока. Это было на процент с небольшим больше, чем по билетам Государственного казначейства 1887 года выпуска. По ним можно было получить свои проценты через четыре года, начиная с 1891, а у Чурина и Касьянова ежегодно. Вложение в торговый дом мне показалось более выгодным, чем если бы деньги просто лежали у Селеверстовых. Поэтому я свою тысячу, к неудовольствию Петра Никодимыча, забрал перед поездкой в Благовещенск.

Первоначально хотел купить билеты Государственного казначейства, но предложение Касьянова оказалось более выгодным и

удобным. До поступления в училище оставалось еще два с лишним года. Около двухсот рублей у меня оставалось, плюс заработок за проводку, шкуры и меха. Для жизни, на форму и на сдачу экстерном экзаменов этих денег хватит, а получить через два года дополнительно триста пятьдесят рублей ничего не делая, было заманчиво. Это же годовой заработок высокооплачиваемого рабочего или денежное содержание хорунжего в Амурском полку за пять месяцев. Халява, то есть «дадом», как говорила мудрая Сова!

В станицу наш ярмарочный поезд пришел в конце первой декады февраля. На следующий субботний день я собрал мой десяток у себя на хуторе и раздал деньги. Интересно было смотреть на выражение лиц казачат, перебиравших свои стопки казначейских билетов размером с половину носового платка в моем времени. Недоумение, недоверие, замешательство, озадаченность, оторопь, раздумье, нечаянная радость. Жадности и алчности, слава богу, не увидел ни у кого. Минут десять ушло на объяснение, откуда взялись эти деньги, каким образом обменял золото на ассигнации. Также рассказал о первом контракте на проводку обоза торгового дома «Чурин и Ко». После длительного ликования казачат отпраздновали эти события обедом, который я накануне приготовил в печи.

После похода на Ольгакан и боя с хунхузами нашему десятку разрешили заниматься боевой подготовкой хоть круглосуточно. Поэтому в моем доме, состоящем из трех комнат, провели перестройку, в результате чего одна комната превратилась в спальное помещение с шестью двухярусными самодельными кроватями-полатями, шестью тумбочками и двенадцатью табуретами, которые также сделали самостоятельно, и печкой-голландкой. Тесновато для двадцати квадратных метров, но терпимо. Кто жил в тесных кубриках-казармах, легко представит такую картину.

Во второй комнате был самодельный длинный стол, за которым питались и учились всем отрядом, для чего еще по весне были закуплены за счет окружной казны аспидные доски и грифели для казачат. А прошлой осенью привезли сделанную по моему заказу и за счет нашей отрядной казны большую аспидную доску, и теперь казачата часто покрываются холодным потом и зарываются носом в свои грифельные доски, когда слышат от меня ужасную, леденящую душу фразу: «А сейчас к доске пойдет...».

Кроме стола в этой комнате были еще полки с моими книгами, учебниками, справочной литературой, большая вешалка на всех для верхней одежды, полка для сушки обуви с боку русской печи и тумбочка дневального. Армия, она везде армия – без дневального никуда.

Третья комната представляла собой небольшую кухню с русской печью, в которой дневальные, назначаемые на сутки по очереди, готовили в чугунах пищу для всего отряда, а также убирались в доме. Получилось три в одном: казарма, учебный класс и кухня в одном здании. Нам очень нравилось. Поэтому пять дней в неделю казачата жили здесь практически постоянно, если не было по дому какой-то срочной работы, а в субботу прибегали на зарядку и парково-хозяйственный день. В остаток субботы и все воскресенье я оставался дома один и занимался своими делами.

После осеннего боя с хунхузами Золотого Ли, разгрома албазинской сотни мои отношения с Петром Никодимычем стали какими-то натянутыми. Он ждал и в конце концов дождался своего снятия с атаманства. И в этом, вероятнее всего, подсознательно обвинял меня. Еще более натянутыми стали взаимоотношения с молодыми девушками-казачками станицы. В их глазах я превратился в какого-то монстра, который головы и уши режет направо и налево.

Анфиса, которая все последнее время пыталась заполучить меня в свои ухажеры, резко перешла на охмурение Семена Савина. Даже Марфа-Мария, единственный человек, который знал о переносе моего сознания, увидев, как я показываю голову Лю надворному советнику Мейстеру и ротмистру Печенкину, высказала мне наедине: «Не ожидала я, что в будущем все такие душегубы». Поэтому я ушел от Селеверстовых и вернулся в свой дом, который вскоре превратился в казарму. И потекла обычная для меня, можно сказать, армейская казарменная жизнь.

Закончив обед, на котором я разрешил выпить по кружке крепкой медовухи, небольшой бочонок которой прикупил в трактире у Савина, казачата в колонну по два под командованием Ромки довольные потянулись в станицу, я остался в наступившей тишине один. Попарился, помылся в бане, допил медовуху и завалился спать. Завтра, несмотря на воскресенье, ожидался тяжелый день.

Так оно и случилось. С утра прискакал Ромка с известием, что меня срочно ждут в сборной избе. Ждут, значит ждут. Когда я вошел в горничную сборной избы, на меня уставились все старшие представители семей моих казачат, включая четырех старейшин станицы.

– Ну, голубь сизокрылый, – обратился ко мне, стукнув клюкой по полу, Давыд Шохирев, – рассказывай. Все рассказывай.

Я и рассказал все. Почти все. Опять пришлось пинать совесть по почкам из-за мешка с самородками.

– Почему сразу не рассказал и золото не отдал? – обратился ко мне, когда я замолчал, старейшина дед Афанасий Раздобреев.

– И чего бы нам досталось? – вопросом на вопрос ответил я. – Мне купец Касьянов сказал, что ему сдали золота и серебра, что с кошель убитых нами хунхузов собрали, больше чем на три тысячи рублей. А нам по сто рублей только выделили, про долю с остальных трофеев что-то никто и слова не сказал. Ладно, хоть лошадей успели поменять да карабины взять, а то бы вообще ничего не получили.

– Ты бы не дерзил, Тимофей, – попытался одернуть меня старый Савин.

– Какая же дерзость, Митрофан Семенович? – ответил я Савину. – Из шестидесяти семи уничтоженных хунхузов, о которых генерал-губернатору доложили, почти сорок наш десяток положил. Золотого Лю я убил. А где все награды?! Выложил бы тогда все золото, и его все бы ротмистр Печенкин, который уже подполковник, забрал. А теперь все честно. Одиннадцать равных долей все в учебном отряде получили. А что с этими деньгами делать, вы в своих семьях решите, это уже не мои проблемы. Я сделал все по правде.

– Действительно по правде сделал! – Дед Феофан, старейшина рода Подшиваловых резво поднялся с лавки. – Много ли из нас так поступить смогли? Ась? Как золото нашел, никто не видел. Полгода молчал. А потом раз, и всем, включая себя, равные доли! – Подшивалов прошелся по горнице, вернулся на свое место и энергично закончил свою речь: – Молодец! По нашей казачьей правде поступил! Настоящий казак!

Дальнейшее обсуждение внезапного богатства десяти семей в станице привело к тому, что решили об этом не распространяться. Хотя информация уже наверняка ушла на сторону. На охрану обоза по

контракту с купцом Касьяновым нас с общего благословения отпустили. Прав был Бекетов, многие из казаков мечтали попасть на такую работу. Платил торговый дом за охрану изрядно и содержал во время службы богато: хорошее трехразовое питание и корм для лошадей.

Все оставшееся время до прихода в станицу купеческого обоза усиленно готовились к длительному походу, проверяя и подгоняя обмундирование, верхнюю теплую одежду, оружие, патроны, снаряжение. Пройти за сорок дней туда и обратно почти полторы тысячи километров – это вам не шутка. Хорошо, конечно, что по Амуру к этому времени путь наезжен, но погода в марте изменчива. Как говорится, «марток – надевай трое порток» и «на Евдокию (14 марта) сидячую собаку заносит». Поэтому готовились в дорогу тщательно, стараясь не забыть чего-то важного. Много полезных советов дал вахмистр Шохирев. С Митяем у меня после событий в Благовещенске, связанных с золотом, отношения стали еще более дружественными и теплыми.

Найм нашего отряда в охрану купеческого обоза к самому Чурину еще больше повысил мой авторитет в его глазах. Поэтому общались я и вахмистр Шохирев, можно сказать, на равных. Именно по его совету один из проживающих в станице мастеров-орочей сшил из доставшихся нам в качестве трофеев вторых поддевок из меха красного волка и меха оленя отличные высокие унты. А из оставшегося меха и поддевки сотворил для казачат по моим указаниям гибрид короткой дохи и плаща с капюшоном, а также шапки-ушанки.

Надоело мне морозить себя на ветру и выставлять свои конечности, особенно верхом, под дожди и снега. С учетом моих требований сметливый кожевенник-ороча сначала вообразил, а потом и создал вышеуказанный одежный мутант. Полученный гибрид выгодно отличался от одежды, принятой у казаков. Большой ворот в застегнутом виде закрывал лицо по самые глаза. Пристяжной капюшон вместо башлыка и родная меховая военная шапка-ушанка, которую в РККА ввели в 1940 году, полностью защищали голову и лицо от сильного мороза. А пристегивающиеся к дохе удлиненные полы закрывали ноги до середины унт, по какой-то причине, сидя в седле, можно было не беспокоиться о коленях, выставленных под мороз и хлесткий снег.

Глава 18

Красные волки

В двадцатых числах февраля в станицу пришел чуринский обоз, состоящий из пятидесяти груженных саней. Сопровождали обоз двенадцать казаков, которые охраняли его от Владивостока. Обычно смена обозных и охраны на маршруте от Владивостока до Шилкинского Завода и обратно происходила в Благовещенске, разделяя маршрут пополам. С учетом нашего найма у этого обоза смена обозных произошла в Благовещенске, а смена охраны – в станице Черняева.

На следующий день, за неделю до окончания сборов казаков пригготовительного разряда, обоз под нашей охраной вышел на тракт. Тракт по Амуру был хорошо накатан, поэтому в день проходили по пятьдесят-семьдесят километров. Первая же ночевка на реке привела к первому конфликту по обустройству лагеря.

Старшина купеческого обоза, крепкий еще казак отставного разряда дядька Антип Плотников из станицы Буссе, знал все места стоянок и рассчитывал дневные переходы в зависимости от них. Обладая огромным опытом вождения купеческих караваном, старшина тем не менее считал, что сводить сани в вагенбург – это лишняя морока, которая, во-первых, никому не нужна, а во-вторых, занимает много времени, из-за чего на отдых его намного меньше остается.

Обозники не хотели слушать какого-то сопляка-охранника, который пытается заставить их на ночной бивак сбить сани в вагенбург. Мол, никогда этого не делали и делать не собираются. Пришлось апеллировать к приказчику торгового дома, который был старшим над обозом. Приказчик хоть и поартачился, но все же принял мою сторону. Привести обоз в целостности и сохранности было его основной задачей. А в станицах ночевать за весь путь туда и обратно придется, дай бог, с дюжину раз. А остальные ночевки – на льду Амура и Шилки или в ближайшем от рек лесу, где берега позволяют.

Через шесть дней, когда прошли хутор Бекетова, введенный мною новый способ ночевки оправдал себя на все двести процентов.

– Ермак, Ермак, проснись, – тихо звал меня Чуб, теребя за левую ногу.

– Что случилось? – я сел на лежанке из елового лапника, пытаюсь быстро очнуться от сна.

– Не знаю, – как-то смущенно произнес Феофан Чупров, который должен был дежурить в последней смене вместе с Шахом и Усом. – Что-то непонятное происходит. Посмотри сам.

Я поднялся с лежанки возле костра-нодьи, который перекрывал вход под навес, изготовленный из плащ-палаток, и вылез наружу. Первое, что отметил, было беспокойство лошадей, которые были распределены внутри вагенбурга из саней. И обозные, и наши лошади нервно прями ушами, поджимая их. Некоторые, фыркая, передними копытами копали снег. Я пошел за Чубом, который подвел меня к саням, стоящим ближе всех к тракту.

– Смотри в ту сторону, Ермак, – Чуб вытянул руку, указывая на наезженную дорогу, которая стала проявляться в начинающемся рассвете.

Где-то в версте от стоянки на дороге мелькали какие-то тени. Теней было много. Иногда то тут, то там вспыхивали какие-то мелкие искры-точки желто-зеленого цвета. А потом раздались звуки, отдаленно похожие на пение.

«Влипли, млять, влипли! – думал я, поднимая по-тихому тройки Тура и Шило. – Надо же, как повезло в кавычках, нарвались на поющих горных, или красных волков! Их же в этих местах не осталось практически, а тут попались, да еще такой большой стаей».

Со слов деда, который обучал внука не только воинским, но и охотничьим умениям, Тимоха, а теперь и я, знал, что чаще всего красные волки охотились стаями по семь – десять особей. Но иногда они по какой-то причине сбивались в большие стаи от ста голов и более. В этом случае становиться на их пути не стоило никому. Действуя по принципу «не умением, а числом», красные волки отваживались нападать и на гораздо более крупных хищников, даже на медведей. По рассказам деда, были в Уссури известны случаи, когда в кровопролитной схватке тигр все-таки был разорван стаей, хотя и уничтожил несколько нападавших зверей и многих покалечил.

В отличие от обычных волков красные убивают дичь не хватая за горло, а нападая сзади. Двое-трое хищников способны убить

стокилограммового пятнистого оленя менее чем за две минуты. Один красный волк хватается добычу за нос, в то время как остальные тянут животное вниз за бока и задние конечности. Прыжок у этой опасной твари может составлять до шести метров в длину с места. Поедать жертву начинают сразу, как повалили на землю, с живота и боков. При этом часто жертва еще жива. По описанию деда красные волки чем-то напомнили мне красных псов из мультфильма «Маугли». И, как мне показалось, большая стая этих красных дьяволов готовилась напасть на наш обоз.

Когда рассвело, перед защитой из саней метрах в двухстах от нас на льду шевелился большой темно-красный клубок волков. На первый взгляд, их было очень много, но, присмотревшись, я оценил стаю где-то голов в пятьдесят. В основной массе это были взрослые самцы весом килограмм по двадцать.

Разбуженные обозники были к этому времени разделены на две группы, тех, которые должны были удерживать лошадей, и тех, которые должны были стрелять вместе с нами. Казачата, вооруженные пятизарядками, с шашками и кинжалами на поясе, встали за санями в первой цепи метров через пять друг от друга. Между ними, в основном с берданками, встали обозники, которые, по их словам, умели хорошо стрелять.

– Внимание, отделение, – громко заорал я, – разбираем цели от флангов к центру! Огонь по моей команде. Приготовились!

Я осмотрел свое войско. Казачата, приложив винтовки к плечу и взяв в распор ремень, выбирали цели. Обозники – в основном казаки из отставного разряда, но были среди них и обычные мужики-крестьяне – со страхом смотрели на клубящееся метрах в двухстах красное марево из тел волков.

– Господа казаки, мужики! – продолжил я громким голосом. – Вы открываете огонь по готовности. У кого берданки – с двухсот шагов, из дробовиков – со ста шагов. Один выстрел – один волк.

– Ишь, какой командир! – вылез старшина обоза. – Хочешь сказать, твои сопляки с трехсот шагов попадут? А может, волки и не нападут, если по ним не стрелять?

Никаких дискуссий! Стоит дать слабину, и в принципе хороший дядька Антип начнет давить своим авторитетом, и до добра это не доведет. Красные волки заминки не простят.

– Отставить разговоры!!! – взревел я, сажая голосовые связки. – Отделение! Цельсь! Стреляй!

Прогрохотал сложенный залп казачат, и в толпе волков упало шесть-семь тел, один из волков взвился вверх над землей метра на два, а в воздухе повисли пронзительный визг и вой.

– Отделение, цельсь! Стреляй! – я продолжал командовать своими ребятами, не давая влезть кому-то из старших казаков и приказчику.

Еще один слитный залп, и стая дополнительно поредела на пять-шесть волков. Но тут от нее отделился крупный волк и бросился в нашу сторону, а за ним сначала тонким ручейком, а потом валом понесли остальные волки.

– Отделение! Стреляй! – крикнул я, выцеливая головного волка.

Выстрелы, мой выстрел, и вожак кувыркнулся через голову. Раздавшийся вой-крик множества волков поднял у меня дыбом все волосы на теле.

– Отделение! Самостоятельно! По готовности! Стреляй!

Выстрелы казачат защелкали вразнобой. Я также сделал пару выстрелов, будучи уверенным, что попаду. Стая уменьшилась еще на полтора десятка особей. До нее уже было шагов сто пятьдесят или чуть больше ста метров.

– Господа казаки, мужики! По готовности! Стреляй! – надсаживая горло, проорал я.

К нашим выстрелам присоединились обозники, и позиции заволкло дымом. «Черт! Сколько же можно забывать?! – зло подумал я. – Это у наших патронов к Гевер относительно бездымный порох. А у остальных-то дымный! Ни хрена не видно теперь! Где волки? Сколько их осталось?!»

Дальнейшая стрельба шла по мелькавшим в дыму силуэтам, пока эти силуэты не перемахнули защиту из саней. Сквозь разрывы дыма я увидел, как мимо меня пролетело красное ядро и прыжком очутилось на плечах обозного старшины, вцепившись ему в загривок. Не задумываясь, я выстрелил навскидку, благо стрелял и командовал в положении для стрельбы с колена, укрывшись за грузом в санях. Волка снесло с плеч дядьки Антипа. Разворачиваясь назад, я понял, что поздно делаю это, так как увидел перед самым носом самую широкую голову, небольшие мохнатые стоячие уши, притупленную морду, мощную грудную клетку, стоящий трубой вверх пушистый хвост и оскал зубов.

«Так вот ты какой, северный олень, а точнее, красный волк», – подумал я, прикрывая подбородком шею, так как уже не успевал ничего сделать. Но сухое и поджарое тело волка почему-то взмыло вверх, перепрыгивая меня. Рядом хлопнул выстрел из дробовика, и «мой волк» рухнул на землю изорванной кучкой меха и мяса. «Картечью саданул», – с облегчением подумал я, кивая благодарно обознику из мужиков, не зная даже, как его зовут.

Меньше чем через минуту все было кончено. Как выяснилось позже, защиту из саней смогло преодолеть только семь волков, которых практически тут же убили. Из самого большого вреда, который они успели принести – прокушенное бедро одного из обозников да пара укушенных лошадей. А перед санями, как перед линией обороны, насчитали пятьдесят четыре тушки красных волков разной степени целости, тридцать шесть из которых можно было смело отнести на наш счет, а к ним пять из семи, перепрыгнувших сани. Так что прибарахлились мы славно!

В Забайкалье, куда шли с обозом, мех красного волка не ценился, а вот в Китае и Маньчжурии за него платили серебром в лянх, до десяти рублей при переводе на российские казначейские билеты в зависимости от качества шкуры. Но при этом китайцы и маньчжуры, несмотря на такие цены, не решаются стрелять в красного волка, опасаясь мести этого хищника, якобы «высасывающего кровь из пойманных жертв».

Поменять красную шкуру на красненькую десятку, конечно, не получится, но рублей по шесть сдать приказчику Тарале Арсению, думаю, сможем. А это двести сорок рубликов, то есть по двадцать два рубля на брата. Очень хорошая прибавка к заработку. За проводку по сорокадневному контракту казачатам положили по шестьдесят рублей, мне восемьдесят как старшему. Для сравнения, атаман Черняевского округа получал сто рублей в месяц, а писарь только тридцать рублей.

Как говорится, помяни о черте, он тут как тут. Ко мне быстрым шагом подошел приказчик Тарала. Арсений Георгиевич был старше меня лет на восемь-девять. Выпускник Благовещенской мужской гимназии, окончивший ее по первому разряду с похвальным листом, он был сразу по ее окончании принят на работу в торговый дом Чурина и уже восемь лет выполнял различные поручения торговой компании. Долгое время служил в представительстве дома в Хабаровке.

Последнее время был порученцем Касьянова. Кроме немецкого, французского и английского языков, за восемь лет выучил разговорный китайский, северный диалект маньчжурского и корейский. И если пару первых дней пытался показать мне, какой он большой начальник, то потом мы с ним как-то быстро сошлись накоротке. От него я много узнал о Благовещенской гимназии, о том, как в ней происходят испытания на зрелость, ху есть ху из учителей. В общем, можно было сказать, что, несмотря на разницу в возрасте, мы подружились.

– Ермак! Отбились! – Арсений с размаху хлопнул меня по плечу. – Даже не верится! Такая стая была! И без потерь! Представь, Ермак?! Никто же не поверит!

– Совсем без потерь? – спросил я.

– Кого-то из обозников волк покусать успел, но его кто-то из твоих уже перевязал. Вроде бы ничего страшного. А что вы со шкурами будете делать?

– Знаете, Арсений, – менторским тоном начал я, но, увидев ошалевшие глаза приказчика, расхохотался. – По шесть рублей хорошие шкуры сдадим тебе. В Албазино их можно будет оставить на обработку. По возвращении заберешь уже готовые к продаже.

– Таки по шесть рублей? – поддержал мой шуточный тон Арсений. – Не делайте мне смешно.

– Нэ мэньше. Я ж не могу обидеть вас! И вообще, таки ви будете покупать, или мне забыть вас навсегда?

– Только по четыре рубля.

– Шоб ви так жили, как ви приbedняетесь!

Мы оба расхохотались.

– А если серьезно, сколько ваших шкур будет, и сколько вы хотите?

– Как мне доложили, сорок один волк за нами. Еще не знаю, в каком они качестве. Но за все хотелось бы получить двести сорок два рубля, по двадцать два рубля на нос.

– Я согласен! – Арсений протянул мне руку.

– И где ви меня обманываете? – пожимая руку и закрепляя сделку, удивленно спросил я.

– Не обманываю. Просто от Сибирского регионального отдела Императорского Русского Географического общества был заказ на целую тушу, а лучше две красного волка. Платит общество по сто

рублей за тушу. Морозы стоят сильные, так что до Иркутска две лучших тушки доставим в целости.

– Ну ты и жук, Арсений! – ткнул я кулаком в плечо приказчика. – Вот что значит владеть информацией. А вдруг уже кто-то отправил обществу тушки волков? Прогоришь!

– Нет, Ермак. Общество уже третий год дает объявления в своих альманахах. Пока никто не смог предоставить. Большая редкость горный волк. Можно сказать, что нам повезло.

– Да уж, повезло! – в наш с Арсением разговор вклинился подошедший старшина обоза. – Спасибо тебе, Ермак. От всех спасибо. Если бы не составили сани вокруг, да кабы не твои стрелки, порвали бы нас волки. Я только слышал о таких стаях. А теперь бог сподобил увидел. А второе спасибо – от себя лично. Если бы не ты, вряд ли живым я остался бы. Вот, смотри...

Старшина повернулся ко мне спиной, поднимая воротник дохи, в котором сияла здоровая дыра.

– Второй раз если бы хватанул, – дядька Антип вновь повернулся к нам лицом, – точно бы шейные жилы перекусил. Так что за жизнь спасибо. Должник я теперь твой, и вся семья моя твои должники.

Старшина обоза, сняв с головы шапку-орогду, низко поклонился мне.

– Да ладно, дядька Антип, – смущенно ответил я, – свои же люди, казаки. Нам друг друга держаться надо.

Плотников натянул на голову орогду и сказал:

– Тимофей, я еще что хотел спросить: а чего тебя и твоих волки не тронули?

– В смысле не тронули?

– Ну-у, я видел, как волк перед тобой стоял, но не бросился на тебя, а перепрыгнул через тебя. И того вон, здорового, – старшина показал на Антипа Верхотурова, – волк не тронул. Подбежал сзади, хотел за ногу тяпнуть, а потом в сторону кинулся. Вы что, какие-то слова знаете против этих горных духов?

– Не знаю, дядька Антип, но могу предположить, что волки так себя повели из-за того, что у нас и унты, и дохи из шкур красных волков сшиты. Другое ничего в голову не приходит.

– Это где же вы столько красных волков набили? – влез в разговор Арсений.

– Места надо знать, – отшутился я.

– Вон оно что, – протянул Плотников. – А я-то думал, откуда вы повадки красных волков так хорошо знаете! Встречались, значит?

– Встречались, – не стал я спорить. Пусть будет еще один кирпичик в легенду о нашем отряде. Слухов о нас среди казаков Приамурья уже много ходило.

В этот день тронулись в путь только ближе к обеду. Пока сняли шкуры с тушек волков пластом, то есть оставляя лапы с когтями и голову. Потом провели первичное мездрение, убирая мышечные отложения и жир со шкур. А закончили все консервированием шкур сухосолёным способом. Хорошо, что в обозе было много соли, пересыпали шкуры солью и свернули их. В основной массе шкуры получились отличные. Зимой волчий мех имеет хорошую подпушь и блеск, мягкий и пышный.

Дальнейший трехдневный путь до станицы Албазина прошел без приключений, за исключением того, что пришлось делать операцию обознику, которого покусал волк. На остановке на ночь через два дня после нападения волков среди обозников началась какая-то суэта. Позже к моему навесу из плащ-палаток, где я располагался с тройкой Тура и Лисом, прибежал посыльный от старшины обоза с известием, что казак-обозник по имени Трофим, которого покусал волк, потерял сознание и бредит.

Прихватив свой рюкзак, я с Ромкой пошел к обозникам. Около костра-нодья на лапнике и шкурах лежал казак лет пятидесяти и тяжело, с хрипами дышал. Вокруг него собрались полукругом обозники.

– Что случилось, дядька Антип? – спросил я обозного старшину.

– Да, Трофим, вона с получас назад сказал, что ему что-то плохо, прилег, а потом слышим, бредить начал. Жену, дочек зовет. А потом метаться начал, одежду все хотел с себя снять. Приказчик сказал, что это бешенство, – старшина, сняв шапку, перекрестился. – Жалко Трофима, только внуки пошли.

– Он воду пил? – спросил я окружающих обозников.

– Пил, много. Жарко, говорил, а потом на ногу еще жаловался. Дергает да ноет, говорил, – ответил мне один из обозников.

«Это уже лучше, раз воду пил в большом количестве, может, и не бешенство», – подумал я. Да и мечется будто в горячке, а не от судорог.

Я наклонился и пощупал лоб казака. Жар опалил мою ладонь.

– Он перевязки делал? – вновь я обратился к окружившим нас обозникам.

– Да нет, – ответил прежний голос из темноты. – К нему еще два дня назад вечером хлопчик твой подходил. Предлагал по-новому перевязать. Так Трофим отказался, сказав, что все у него хорошо.

«Господи, прости меня, что же за идиоты, – думал я, склонившись над телом Трофима и расстегивая на нем одежду. – Его волк укусил, а он даже повязку за трое суток не поменял».

– Так, господа казаки, – обратился я к окружению. – Берем его за руки и за ноги, осторожно разворачиваем, чтобы раненая нога напротив костра оказалась. И еще сделайте пару факелов. Мне свет понадобится.

– А ты что, дохтур? – спросил кто-то из темноты.

– Нет, но раны дед учил лечить, – ответил я, стягивая штаны и исподнее с Трофима, которого уже повернули, как мне было надо.

Достав из крепления на РД метательный нож, вспорол перевязку и отшатнулся от открывшейся картины. Бедро на месте укуса вспухло гнойниками, некоторые уже с черной каймой, а само бедро рядом с укусом сильно покраснело.

– Антонов огонь начался, – выдохнул через зубы старшина. – Отжил на этом свете Трофим.

Дядька Антип снял шапку и перекрестился. За ним стали снимать шапки и креститься другие казаки и мужики.

– Это мы еще посмотрим! – рявкнул я. – Хватит сопли жевать. Три факела сделать быстро. Лис мухой метнулся и принес еще как минимум пять штук перевязочных тканей и столько же наборов с паутиной.

Ромка Селеверстов умчался в темноту в сторону нашего расположения. Я же, дожидаясь факелов, положил все три метательных ножа в угли костра. Потом достал из РД баклагу с двойным перегоном, бинты и набор с паутиной. После переговоров с фельдшером Сычевым и Марфой-Марией в нашу аптечку в РД были добавлены, как антисептик и ранозаживляющее средство, смесь паутины, коры калины и ивы, как противовоспалительное средство – различные наборы из сушеных трав и ягод.

Склонившись над раной Трофима, я принялся, но кроме запаха грязного тела и конского пота, слава богу, других запахов не почувствовал. Гниение еще не началось, и это давало немалый шанс на удачный исход. Достав из кармана аптечки деревянный кляп-палку, я с трудом раздвинул зубы Трофима и вставил его в рот больному.

– Это ты чего делаешь? – поинтересовался старшина.

– Чтобы зубы не поломал от боли. Палка из липы. Не перекусит и зубы не обломает, – ответил я. – Дядька Антип, где факелы? Начинать надо, а то Трофим быстрее замерзнет, чем от антонова огня померет.

В этот момент вспыхнули четыре факела, озарив округу. Я вздохнул и, намочив крепким, градусов в восемьдесят самогоном бинт, стал протирать рану, а потом протер один из обожженных на углях ножей.

– Господа казаки, кто поздоровее, двое держат за руки больного, двое за ноги. Не давайте Трофиму дергаться, держите крепко. Начнем, помолясь.

Дождавшись момента, когда четверо крупных казаков-обозников зафиксируют Трофима, я резким движением вскрыл первый гнойный нарыв. Трофим даже не дернулся. На вскрытие остальных пяти гнойников он также никак не отреагировал. Но вот когда я начал чистить, меняя и стерилизуя ножи, раны от гноя и гнойных головок, Трофим забился в руках казаков.

– Держать, млять! Держать!!! – заорал я на казаков, видя, что они не могут удержать больного. Когда Трофим вырвал одну из своих рук, я резко ударил его ребром ладони по шее, чуть ниже уха, целясь в сонную артерию. После удара Трофим обмяк, вновь потеряв сознание, а казаки смогли зафиксировать его. После этого я быстро дочистил гнойники и промыл все самогоном, услышав тягостные вздохи казаков, увидевших такую незначительную трату алкоголя. Потом накрыл все бывшие гнойники «гнездами» из смеси паутины и коры, наложил на них тампоны и сделал перевязку. После того как натянули на Трофима исподнее со штанами и застегнули одежду, я вытащил изо рта больного едва не перегрызенный кляп и стал собирать вещи в РД.

– И что теперь? – обратился ко мне дядька Антип.

– Укройте его шкурами. Очнется, дайте выпить, – я протянул старшине баклажку с остатками самогона. – Потом какой-нибудь

горячей похлебки жидкой. Жалко, рассола капустного нет. Он бы здорово помочь мог.

– Так вроде бы не с похмелья Трофим. Зачем ему рассол? – старшина вопросительно уставился на меня.

– Понимаешь, дядька Антип, в капустном сквашенном рассоле много полезных веществ, которые помогают больному организму выздороветь.

– Это точно. С похмелья иногда как башка трещит. А попьешь рассольчику, и все прошло, – согласился со мной старшина.

На следующий день ближе к обеду температура у Трофима спала. Вечером он уже порывался встать. Но я ему это запретил, сделав новую перевязку. В станицу Албазина Трофим въезжал выздоравливающим, но в ней ему пришлось остаться. Приказчик Тарала не стал рисковать и оставил Трофима выздоравливать до обратного пути обоза.

В Шилкинский Завод обоз пришел как по расписанию. В этом большом селе нас уже ждал обоз торгового дома, который мы поведем обратно. Тарала дал два дня на отдых, во время которого я с казачатами помылся в бане, постирался и отоспался. Получив от Арсения аванс за шкуры и две наиболее целые тушки красных волков, сходил на местные торги, где купил себе новенькие мундир, шаровары, сапоги, ремень и фуражку. Обошлось мне все это в десять рублей и раз пять дешевле, чем в Благовещенске или у нас в станице. Поэтому взял еще одну пару сапог и комплекты исподнего в запас.

За время доставки товара на Дальний Восток из центра России он дорожал в несколько раз. Так сапоги на торгах в Шилкинском Заводе я купил за три кредитных рубля, а в Благовещенске они шли по пятнадцать кредитных рублей или за один золотой империал, или за три «штуки» золотого песка. «Штука» примерно равнялась по весу «золотнику», то есть чуть более четырех граммов. В тайге аптекарских весов не было, и «штуку» торговцы со старателями отмеряли народным способом – при помощи спичек или стандартных игральные карты. Один «золотник», или одна «штука» золота, весил примерно как четыре атласных игральные карты или сорок восемь обычных спичек. Более мелкие покупки оценивались в «таракашках» – так именовали крупинку золотого песка размером примерно с четверть ногтя на мизинце.

Обратный путь обоза запомнился остановкой в станице Албазина, где приказчик Тарала дал обозу двухсуточный отдых. В обед на следующий день отдыха в комнату заезжего дома, где я расположился с туровской тройкой и Ромкой, зашел Арсений и пригласил меня в трактир пообедать, чем бог послал. А бог послал немало: наваристые щи с говядиной, буженину под луком, говяжий студень с квасом, сметаной и хреном, жареную осетрину с гречкой, утку под рыжиками, блины с икрой, соленые огурцы, маслины, квашеную капусту и моченые яблоки.

Арсений под такую закуску пропустил пару граненых стопок водки, граммов по сто, я же ограничился кружкой медовухи. Наш обед и застольная беседа ни о чем по окончании двух часов подходили к концу, когда со второго этажа заезжего дома из лучших номеров в трактир спустились трое господ офицеров. Двоих из них я узнал, это были корнет Блинов и штабс-ротмистр Некрасов, которые в прошлом году приезжали к нам в станицу на сборы казаков-малолеток. Третий офицер лет тридцати с погонами есаула был мне незнаком. К петлице его мундира с левой стороны груди был прикреплен маленький золотой крест ордена Святого Станислава с мечами третьей степени.

Офицеры сели через два стола сбоку от нас и заказали водки с закуской. Через пару минут из-за их стола раздались звуки азартного потребления алкоголя и пищи. Арсений, с опаской посмотрев на господ офицеров, подозвал полового и расплатился с ним, но, когда мы начали подниматься, я услышал:

– Аленин?! Тимофей!

Я повернулся на голос и увидел, что меня зовет к себе корнет Блинов. Показав Арсению гримасой свое недоумение, я направился к столу офицеров.

– Ваше благородие, Тимофей Аленин по вашему приказанию прибыл! – глядя куда-то над головами офицеров, доложил я.

– Вот, господин есаул, – дирижируя перед собой вилкой с насаженным на нее соленым рыжиком, проговорил корнет Блинов. – Это тот самый молодой казак, который на прошлогодних состязаниях между казаками приговорительного разряда из своего карабина выбил на мишени буквы «А» и «Н».

– Молодец! Настоящий казак! Люблю таких! – Есаул поднял на меня взгляд, и я понял, что господа офицеры опохмеляются с

большого бодуна. Взгляд есаула был стеклянным.

– Садись! – есаул показал мне рукой на свободный стул за их столом. – С таким молодцом не грех и за одним столом выпить!

Я беспомощно оглянулся и посмотрел на Арсения. Мой взгляд заметил штабс-ротмистр Некрасов.

– А это кто там? Подойди! – штабс-ротмистр махнул приказчику рукой.

– Управляющий торгового дома «Чурина и Ко» в Благовещенске, купец третьей гильдии Тарала Арсений Георгиевич! – представился Арсений, подойдя к столу.

– И ты садись, – приглашающе махнул расслабленной рукой есаул.

– Позвольте представиться, – поднялся из-за стола Блинов, – корнет Блинов, Сергей Николаевич – командир полусотни второй Черняевской сотни, штабс-ротмистр Некрасов Александр Николаевич – заместитель командира Албазинской сотни, – корнет сделал паузу. – И новый командир первой Албазинской сотни – есаул Кононович Николай Казимирович.

Некрасов и Кононович изобразили кивки головой, а Арсений с достоинством склонял свою голову по мере представления офицеров.

– Подполковник Печенкин на повышение пошел после прошлогодних событий, кстати, с участием этого молодца, – штабс-ротмистр Некрасов пьяно погрозил мне пальцем. – А к нам прибыл новый командир! Вот, знакомимся с Албазинским округом, а потом в Благовещенск.

В тоне Некрасова звучала затаенная обида. Штабс-ротмистр выглядел значительно старше есаула и, видимо, сам рассчитывал на продвижение по службе. Но пришлось по воле командования остаться в замах.

– Садись! – есаул повелительно махнул мне и Аркадию рукой. – Половой, посуду и водки!

Как из-под земли возникли двое молодых половых в холщовых подпоясанных рубахах и штанах, которые мгновенно расставили передо мной и, оказывается, купцом и управляющим Таралой, а не приказчиком, как я считал, посуду, успев налить в граненые стопки водки.

– За ПЕРВУЮ Албазинскую сотню! – поднял стопку Кононович и, дождавшись, когда все поднимут свои стопки, одним махом выпил ее.

Я свою чуть пригубил и спрятал за высокой тарелкой.

– А каким образом вы оказались в Албазине? – поинтересовался корнет.

– Я контролирую прохождение обоза чуринаского дома от Шилкинского Завода до Благовещенска, а Тимофей командует десятком казачат, которые осуществляют охрану обоза, – ответил Арсений.

– У господина Чурина денег не хватает на оплату нормальной охраны? – удивленно и ехидно спросил Некрасов.

– Господин штабс-ротмистр, с Алениным и его казачатами заключен стандартный договор со стандартной оплатой на проводку обоза, – обстоятельно начал отвечать Тарала. – Я не знаю, чем руководствовался Александр Васильевич Касьянов, нанимая их, но он не прогадал. Ребята отбили нападение на обоз больше шестидесяти красных волков, а Тимофей спас от антонова огня одного из казаков, которого укусил волк. И это была бы единственная потеря за все время.

– Так это ты со своим казачатами столько волков убил? – корнет с восторгом уставился на меня. – Мы пока в станице живем, только о вас и слышим со всех сторон. А откуда такие казачата-умельцы взялись?

– Ваше благородие, после прошлогодних состязаний и шермиций в станице Черняева, на которых вы присутствовали, – подбирая слова для ответа, осторожно начал я, – старейшины станицы отдали мне в обучение десять казачат, которые на пару лет меня моложе. Видимо, чему-то за год научил, раз торговый дом «Чурин и Ко» взял меня и мое отделение в охрану обоза. А с волками просто повезло.

– Сколько волков убил ты со своим казачатами? – спросил меня есаул, взгляд которого на мгновение стал трезвым.

– Сорок один из шестидесяти одного, – быстро ответил я.

– С какого расстояния начали стрельбу? – продолжил расспросы Кононович.

– С трехсот шагов я и казачата, с двухсот и меньше шагов обозники, – отрапортовал я.

– Сколько волков добралось до обоза?

– Семь.

– Изрядно, казак, изрядно! – Кононович смотрел на меня уже абсолютно трезвыми глазами. – Чем были вооружены казачата и

обозники?

– Мой отряд весь вооружен пятизарядными винтовками «Гевер 88», обозники – берданками, сибирскими штуцерами и ижевскими двустволками, – бодро отвечал я.

– И откуда у вашего отряда такое вооружение? Это же новейшие винтовки?

– Удалось приобрести по случаю, – опустил глаза к столу, ответил я.

– Александр Николаевич, – есаул повернул голову в сторону Некрасова, – а в моей сотне есть казаки, вооруженные такими винтовками?

– Насколько мне известно, около десятка есть, – ответил штабс-ротмистр. – Корейцы везут с той стороны. Говорят, пятизарядки «Гевер» на вооружение корейской армии Германия поставила.

Дальнейший разговор, часто прерываемый тостом и возлиянием очередной порции водки, вертелся вокруг оружия, повадок волков и других зверей. Несмотря на то что я только пригубил водку, и то на сытый желудок, через пару часов я почувствовал себя с непривычки хорошо выпившим, точнее, пьяным. Корнет и Арсений еще сидели за столом, пьяно улыбаясь окружающим, а Некрасов и Кононович были хоть и остекленевшими, но речь их лилась без задержек и логично.

«Вот это опыт, – пьяно подумал я, глядя на штабс-ротмистра и есаула. – Пожалуй, они и в моем времени всех моих знакомых перепили бы».

В этот момент есаул потребовал гитару, а когда ее принесли, взяв несколько аккордов, запел хорошо поставленным голосом:

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

Деды, помню вас и я,
Испивающих ковшами
И сидящих вкруг огня
С красно-сизыми носами.

Закончив романс и переждав аплодисменты собравшейся в трактире в значительном количестве публики, есаул Кононович

поинтересовался у меня:

– Казак, знаешь, чей это романс?

– Дениса Давыдова, ваше благородие, – я пьяно улыбнулся есаулу. – «Песня старого гусара» называется.

– Хм-м! Молодец! Следующий романс.

Следующим прозвучал романс также Дениса Давыдова «Не пробуждай, не пробуждай», потом еще пара романсов, авторов которых я не знал – слышал впервые. После исполнения последнего есаул положил гитару на стол, и у него завязался какой-то спор с Некрасовым. Я же, взяв в руки гитару, попытался взять несколько аккордов. В том времени я хорошо играл и на шестиструнной, и на семиструнной гитаре. Курсов, школ не завершал, начал с дворового обучения, а потом по жизни попадались хорошие учителя. Голос и манеру исполнения слушатели тоже хвалили, иногда сравнивая с Александром Малининым. В этом же мире, куда я попал более полтора лет назад, гитару в руках держал первый раз, да и пел только про себя, чтобы никто не слышал.

Увидев мои потуги с гитарой, есаул с ухмылкой поинтересовался:

– Умеешь музицировать, казак?

Я с пьяной бесшабашностью кивнул головой, ударил по струнам и, подражая голосу Розенбаума, затянул:

Под ольхой задремал есаул на роздыхе,
Приклонил голову к доброму седлу.
Не буди казака, ваше благородие,
Он во сне видит дом, мамку да ветлу.

А на окне наличники,
Гуляй да пой, станичники.
Черны глаза в окошке том,
Гуляй да пой, Амур и Дон.

Он во сне видит дом да лампасы дедовы,
Да братьев-баловней, оседлавших тын,
Да сестрицу свою, девку дюже вредную,
От которой мальцом удирал в кусты.

После второго куплета припев стал подпевать Кононович, а в конце песни припев пели все, находящиеся в трактире, причем пара казаков

пустились в пляс.

– Э-э-э-х-х! – Есаул от избытка чувств жажнул кулаком по столешнице. – Любо! Чья песня, казак?

– Моя.

Извини, Александр Яковлевич, но такая песня нужна казачеству и в это время. Никак я не мог понять в том моем мире, как еврей смог написать такие замечательные казачьи песни! Видимо, кто-то по материнской линии Розенбаума точно согрешил когда-то с казаком.

– Любо! А почему Амур и Дон? – продолжил опрос есаул.

– Мой дед с семьей пришел на Амур с Дона. И в станице Черняева много семей, чьи корни идут с Дона. Поэтому для меня Амур – батюшка, а Дон, получается, дедушка!

– Ой, любо! Молодец, казак! Ох, не зря я тебя к нам за стол посадил! Еще какие у тебя песни есть? – Взгляд есаула светился искренним интересом, и хмеля в нем не было ни грамма.

Некрасов, Блинов и Тагала смотрели на меня, как неведомую зверушку, а народ в трактире орал: «Любо!!!»

– Еще одна есть, – ответил я, потер об бедро онемевшие кончики пальцев левой руки, после чего взял первый аккорд песни Розенбаума «Казачья».

Под зарю вечернюю солнце к речке клонит,
Все, что было – не было, знали наперед,
Только пуля казака во степи догонит,
Только пуля казака с коня собьет.
Только пуля казака во степи догонит,
Только пуля казака с коня собьет.

На третьем куплете этой песни в пляс пустились пять или шесть казаков, еще трое или четверо, как опытные ложкари, стали отбивать на ложках зажигательный ритм песни и танца. По окончании этой песни от криков «Любо», казалось, рухнет потолок трактира, потом помню еще две полные стопки водки, требования петь еще, а потом наступила тьма.

Ранее утро следующего дня встретило меня мучительной головной болью, рассказами Ромки и Антипа Верхотурова о том, как я вчера погулял с господами офицерами за одним столом, какие ПЕСНИ пел, как потом пил с господами офицерами на брудершафт – это я понял из

описания Ромкой сего действия, – а дальше я заснул прямо за столом у офицеров, и они с Туром еле смогли меня утащить в комнату из трактира. А народ в трактире гулял чуть ли не до утра. Благовещенье! Можно. Совсем недавно угомонились. Приказчика Таралу они тоже отнесли в его комнату, тот отрубился почти одновременно со мной.

Когда я лечился через десять минут кислыми щами в трактире, ко мне за стол сел помятый Арсений, которого Лис и Тур еле смогли поднять. Глядя на мой потный лоб и пар, идущий из моей миски со щами, Арсений заказал того же самого плюс стопку водки, а потом попросил меня срочно написать ему слова «Есаула» и «Казачьей». Оказывается, именно так народ назвал исполненные мною песни. Абсолютно так же, как они назывались в моем мире. Про себя при этом я решил, что больше не буду заниматься плагиатом. Каждому времени – свои песни. А эти две песни, надеюсь, скоро станут народными, и никто не вспомнит, кто их автор, точнее, первый исполнитель.

Кроме того, на трезвую голову подумалось, что мне сильно повезло. Ни Ромка, ни Антип не спросили, где я научился играть на гитаре и петь. За то время, что я пребывал в этом мире, гитара мне в станице не попадалась. Надо срочно придумывать какую-то правдоподобную версию о том, где и когда я успел овладеть данными умениями.

Через семь дней обоз под вечер входил в станицу Черняева. Впереди ехал мой десяток, лихо с посвистом и на два голоса распевая «Казачью». Потом произошла сдача обоза новой охране, получение причитающейся оплаты, и десяток разбежался по домам. Я же двинулся к себе на хутор. Завтра обоз пойдет дальше в Благовещенск, поэтому до утра надо было сделать много дел. Меня ждал экстернат за шесть классов мужской гимназии, и надо было успеть собраться.

Не успел я доехать до хутора, как меня нагнал Ромка с наказом его отца собрать, что нужно мне в Благовещенске будет, а потом сразу к ним, благо баня натоплена, изба тем более, а все необходимое из продуктов в дорогу мне соберут. Так что до утра еще и отдохнуть успею. Я подумал и согласился. Дома из готовой еды шаром покати, да и в избе, со слов Ромки, топили уже три дня назад. Это часов пять ждать, пока дом прогреется. А на улице уже темнеет. Поэтому, собрав

в РД и переметные сумки все, что мне, на мой взгляд, должно было понадобиться в Благовещенске, отправился с Ромкой к Селеверстовым.

После бани, где с Ромкой хорошо попарились и быстро постирались, сытно поужинали всей семьей, а потом дядька Петро позвал меня в дальнюю комнату для разговора с глаза на глаз.

– Тимофей, сначала вопрос к тебе, – опускаясь на стул, начал Петр Никодимович. – Ты из Благовещенска в станицу собираешься возвращаться, или у Чуриных служить останешься до сборов малолеток? У тебя еще два с лишним года впереди.

Я, несколько опешивший от такого вопроса, уверенно ответил:

– Конечно, собираюсь, дядька Петро. До конца мая сдам все экзамены, а потом с ближайшим караваном или еще какой оказией домой в станицу. У меня еще дел здесь много.

– Дел у тебя действительно много, – облегченно выдохнул Селеверстов. – Войсковой старшина Буревой, как и обещал, в этом году опять на состязания казаков пригготовительного разряда приезжал. Был недоволен, когда узнал, что вашего десятка не будет. Потом, правда, отошел, и даже похвалил, когда атаман Савин ему сообщил, что вас Чурин на охрану своего обоза нанял. А уж когда до него в конце шермиций и Масленицы весть дошла, что вы огромную стаю красных волков перебили и никого не потеряли при этом, опять в восторг, как прошлый раз, пришел.

– А при чем здесь дела, дядька Петро? – поинтересовался я у Селеверстова.

– А притом, Тимофей, что по приказу войскового старшины тебе еще один десяток в обучение брать, которые на год твоих младше будут. Мы уже со старейшинами подобрали мальков, тем более от них отбоя не было. О ваших подвигах уже все Приамурье гудит.

– Да-а... Не знала баба горя, купила баба порося! – Я ожесточенно стал чесать затылок. – О таких делах я и не думал. Ладно, решим проблему. Придется Ромке брать на себя руководство занятиями, пока меня не будет. А командиры троек ему помогут.

– Эк ты, раз, два, и все решил, – усмехнулся в бороду Селеверстов.

– А чего тут думать, дядька Петро, наиболее эффективно учишься, когда учишь других. Вот пускай Ромка и другие казачата из первого набора учат новеньких мальков. Опыта у них уже много, не у всякого

взрослого казака такой есть. Не по одному убитому в бою варнаку числится за плечами.

– Это уж да. Мало у кого из казаков в нашей станице есть такой боевой опыт. Если только у стариков, – согласился со мной Селеверстов.

– Вот пускай и передают.

– Первый вопрос закрыли. А теперь еще один. – Бывший атаман замолчал, как бы не решаясь продолжить. Но потом с натугой произнес. – Ты как к Анфисе моей относишься?

– Нормально отношусь. Она мне как сестра, а Ромка как брат, – произнес я, задавливая внутри себя слабые поползновения сущности Тимохи, которая проявлялась теперь очень-очень редко. Любовь Тимохи к Анфисе как-то слабо трепыхалась в моем, можно сказать, подсознании, но мое сознание воспринимало Анфису как черта в юбке. Десять изменений настроения за час, все виноваты в ее бедах, главное мнение только ее, ну может быть, еще отца. В общем, вечная фраза Шурика из будущего «Если бы вы были моей женой, я бы повесился» полностью характеризовала мое отношение к Анфисе. Как сестру терпеть можно, но как жену – лучше удавиться или удавить.

– Ну и слава богу! – Селеверстов размахисто перекрестился. – А то пока вас не было, у нее как-то все с Семеном Савиным сладилось. После Пасхи в мае запой с Савиными учинить договорились, а по осени свадьбу сыграть.

– Совет им да любовь, – ответил я довольному Селеверстову, задавливая в душе нарастающие протест и недовольство Тимохиной сущности.

«Бедный Йорик! Бедный Сема! Я знал его... – злорадно подумал я про себя. – Надеюсь, что всю оставшуюся жизнь Семену придется соглашаться с единственно правильным мнением Анфисы, потому что как он сможет обратять мою названную сестрицу, я не представляю».

– И еще, Тимофей, ты прости меня, что я тебя стал виновным считать в том, что меня с атаманства сняли. Правильно ты все делал, а во мне обида сыграла. А что с атаманства сняли, так и слава богу! Невмоготу уже стало во всех этих дрызгах станичных и окружных участвовать. Пускай теперь Савин мучается.

– Да я и не обижался, дядька Петро, – ответил я.

– Ну и хорошо, – Селеверстов поднялся из-за стола. – Иди ко мне, я тебя обниму. Ты же мне как сын стал.

Через мгновение мы стояли, обнявшись, и на душе моей стало необыкновенно тепло и уютно. Я за эти почти два года привязался к семье Селеверстовых, как к родной семье. А следующим утром с обозом ушел в Благовещенск, почти до утра инструктируя Ромку по проведению занятий с мальками.

Глава 19

Экстернат

Через двенадцать дней обоз прибыл в Благовещенск. Арсений предложил мне на все время экстерната остановиться у него на снимаемой им квартире, где молодой купец проживал один, так как семьей еще не обзавелся, но с прислугой – приходящей домработницей и кухаркой.

Жилище купца третьей гильдии Таралы впечатляло: кухня, комната для прислуги, гостиная, каминная, кабинет, спальня, гостевая и даже ванная комната с туалетом. Данный доходный дом в четыре квартиры для богатых квартиросъемщиков был оборудован местной канализацией.

– Арсений, если не секрет, а сколько тебе платят? – спросил я Таралу во время знакомства с квартирой, когда мы зашли в отведенную для меня гостевую комнату.

– Ермак, я уже второй год на проценте от прибыли работаю, плюс мои деньги в обороте дома крутятся. Поэтому истратить в месяц двести-триста рублей я могу без всяких потерь для себя. Но стараюсь особо не шиковать, много не пью, в карты не играю, хобби пока не завел. А за квартиру вместе с прислугой шестьдесят рублей в месяц плачу.

– Неслабо! Почти месячное содержание хорунжего в полку. А почему тебя, а не какого-нибудь младшего приказчика с обозом отправили?

– Груз важный был в обозе, который в Иркутск отправили. Если ты заметил, то я возле трех саней постоянно находился. В этих санях очень ценный китайский фарфор везли, еще династии Мин, на умопомрачительную сумму. Поэтому меня господин Касьянов и попросил лично сопровождать этот обоз. А так ты прав, я уже из таких поручений, как из коротких штанишек, вырос.

– Рисковый у вас Александр Васильевич! Такой груз – и охрана из молодых казачат.

– У нашего дома каждый обоз с товаром больших денег стоит. А что касается вашей охраны, то не прогадал Александр Васильевич, не

прогадал! И обоз целый, и на шкурах красных волков и на двух тушках для географического общества наш торговый дом прибыль получил и дополнительную известность. Завтра, кстати, нас Александр Васильевич к завтраку ждет. Сейчас воду для тебя нагреют, ты ванну прими и ужинай без меня. Я приду поздно. Дела.

Принять ванну! Как много для меня сокрыто в этих двух словах в 1890 году. Почти два года я в этом мире и сегодня впервые за все это время принимаю ванну. И пускай она не чугунно-эмалированная, а из оцинкованной жести и укрыта по дну простыней, какой же кайф полежать и понежиться в горячей воде! А потом ужин и сон в кровати с простыней на перине, пододеяльником и наволочкой на подушке. До этого все больше на тюфяке с сеном, вместо одеяла шкура, а вместо подушки мешок с лузгой гречи. А после почти двухмесячной дороги по морозу да в спартанских условиях, сон в такой кровати был непередаваемо прекрасным.

На следующее утро, одетый в отутюженный китель, ушитые брюки с лампасами, начищенные до зеркального блеска форменные сапоги и перепоясанный новеньким поясным ремнем, я дождался в гостиной Арсения, и, надев верхнюю одежду, мы направились на завтрак к Касьянову. В уже знакомом вестибюле нас встретил слуга, который проводил в гостиную одного из богатейших купцов Благовещенска. Ласково встреченные Александром Васильевичем, мы приступили к завтраку-обеду, который, как всегда, был на высоте. Суп раковый, цыплята под белым соусом, котлеты говяжьи рубленые, кисель и морс клюквенные, шарлотка яблочная, желе лимонное со свежими и отварными фруктами, не считая всякой мелочи в виде солений, мясных и рыбных нарезок.

По окончании завтрака Тарала доложил Касьянову о нашем походе, приключениях с красными волками, о которых уже гудел Благовещенск. Я получил кучу комплиментов и похвал, также пришлось спеть «Есаула» и «Казачью» под принесенную гитару. Касьянов попросил Арсения на время моего экстерната взять надо мной шефство и помочь всем, чем можно. На мой вопрос, почему они так со мной нянчатся, Касьянов заявил, что кому суждено быть генералом, в поручиках не засиживается, и напроорочил, что быть мне генералом, с которым у их торгового дома будут добрые отношения.

После всего этого я был облобызан и отправлен в мужскую гимназию сдавать документы и платить деньги за экстернат.

Надворный советник директор Благовещенской мужской гимназии Соловьев Константин Николаевич встретил меня как старого знакомого, принял документы и заявление, а потом ознакомил меня с расписанием экзаменов. Через пять дней начинались письменные испытания, считающиеся более важными, чем устные. Проходить они должны были в гимназии ежедневно в течение недели, с десяти утра до трех часов пополудни.

Первым, двадцать восьмого апреля, было назначено русское сочинение. На письменные экзамены давали две темы: одна по пройденному курсу, другая на отвлеченную (вольную) тему. Гимназист сам выбирал тему из двух предложенных. Мне на экзамене пришлось выбирать между темами: «Какие услуги оказали нашей литературе русские писатели ложноклассического направления?» и «Онегин и Чацкий».

Двадцать девятого апреля – перевод с латинского языка на русский, текст для перевода 308 слов или 2000 знаков.

Тридцатого апреля – перевод с древнегреческого языка на русский, текст для перевода 260 слов, 1500 знаков.

Первого мая – задачи по математике.

Второго мая – арифметика для посторонних лиц, то есть для экстернов.

Третьего мая – переводы с русского языка на латинский для посторонних лиц.

Четвертого мая – перевод с русского языка на древнегреческий для посторонних лиц.

«Не любят здесь экстернов, – подумал я, знакомясь со списком экзаменов. – На три письменных и на два устных экзамена больше, чем сдают гимназисты, проучившиеся в родной гимназии шесть лет. Но будем сдавать, благо в устных экзаменах перерывы между ними большие, есть время на подготовку, а до письменных экзаменов больше недели осталось».

Следующая неделя была единообразной. Ранний подъем, утренний туалет и получасовая разминка, помощь горничной и кухарке в колке дров, растопке печей, плюс воды натаскать. Потом ранний завтрак вместе с Арсением и получасовое занятие под его руководством.

Занятия до обеда, Арсений разрешил пользоваться его кабинетом и библиотекой, если его не было дома, а дома с утра до вечера он не бывал. Обед на кухне вместе с прислугой. Мы люди простые, да и времени меньше занимает. Потом поход с кухаркой на рынок за продуктами на следующий день. Потом еще самостоятельные занятия. Ужин вместе с Арсением в гостиной и еще получасовые, а иногда и дольше занятия-консультации с Арсением, а дальше самостоятельно.

Всю эту неделю я неоднократно возносил хвалебные молитвы Богу за то, что мне так посчастливилось познакомиться с Таралой. В отличие от протоирея Ташлыкова, который закончил семинарию со своей спецификой изучения языков, Арсений за эту неделю буквально переформатировал мои знания по латинскому и древнегреческому языкам. В первую очередь он заставил меня ознакомиться с учебниками по логике и риторике, которые изучали в восьмиклассной классической гимназии, объясняя, что это позволит более глубоко осмыслить латинский и древнегреческий языки, так как база для логики и риторики заложена именно в этих мертвых языках. И я уже к концу недели почувствовал, насколько Арсений был прав. Действительно, произошло какое-то изменение в моем сознании, точнее, в логике мышления, порядке восприятия внешнего и внутреннего мира. Знакомство с произведениями Вергилия, Овидия, Цезаря на латинском и с Гомером на древнегреческом языке дало почувствовать, какую красоту и эффективность обучения мы потеряли в будущем. Как мне объяснил Аркадий: «Мертвые языки – объект, который уже не изменится, на их примере легче научиться внутренней логике языка, понять его структуру. Изучая древнегреческий и латинский, ты учишься учиться, и впоследствии никакие новые предметы или знания в любой области не страшны для изучения, потому что ты научился учиться и понимать, точнее, познавать суть изучаемого».

Похоже, как только в России в конце XIX века сократили часы, а потом в начале XX века перестали преподавать в гимназиях мертвые языки и этим самым приводить мозги молодежи в относительный порядок, правильное классическое обучение в России и закончилось, что привело к помутнению сознания большинства грамотного населения и в конечном счете к революции. Только этим можно объяснить, как легко различные демагоги от революции, кстати,

закончившие гимназии с двумя мертвыми языками, изменяли мировоззрение толп людей без всякой логики и последовательности, основываясь на одних чувствах и красивой риторике.

Неделя подготовки прошла, и наступило 28 апреля 1890 года. В девять тридцать утра всех гимназистов, допущенных к испытаниям зрелости, в количестве пятнадцати человек и четырех экстернов, включая меня, собрали в двухшереножном строю в актовом зале Благовещенской мужской гимназии. Гимназисты в парадных мундирах, из экстернов я один в казачьей форме, остальные в костюмах. Судя по всему, ребята из купеческого сословия. Денежки есть, поэтому костюмы у них из дорогого сукна, да и рубахи с обувью недешевые. Я один как бедный родственник. Это я так прикалывался про себя и над собой, чтобы сбить мандраж перед экзаменом.

В зале у торцевой стены под портретом императора Александра III стоял длинный стол под зеленым сукном для экзаменационной комиссии и педагогического совета гимназии. Сейчас вся эта группа лиц стояла перед нашим строем, и директор гимназии Соловьев поздравлял нас с началом испытания на зрелость и прочее бла-бла-бла.

По окончании речей Соловьева главы педагогического совета, попечительского совета гимназии и еще кто-то рассадили нас каждого за свою парту. Между партами дистанция, которая исключает всякую возможность подсказать или переписать, не говоря уж о том, что во время письменных экзаменов между партами все время буду дефилировать, по-другому и не скажешь, инспектора и преподаватели, которые наблюдают за порядком испытаний.

Тема сочинения, которую я выбрал – «Онегин и Чацкий». Арсений прямо ясновидящий, четко угадал с возможной темой. Пушкина и Грибоедова я вчера почитал, но о чем писать? Чуть не прыснул вслух, вспомнив анекдот про тупых, по мнению гражданских обывателей, военных, «красивых, здоровенных». Два лейтенанта выпускника общевоинского училища имени Кирова прощаются с Питером, обходя памятные места. В какой-то момент застыли перед памятником Пушкину на площади Искусств перед Русским музеем. Один летеха говорит другому:

– Да... Пушкин самый великий поэт во все времена и среди всех народов.

Второй летеха:

– Согласен, но Дантес стреляет лучше.

Вот и у меня проблема, Чацкий симпатизирует мне тем, что «прислуживаться» не хочет, а Онегин тем, что стреляет хорошо. Шутка.

За пять минут до десяти часов всем экзаменуемым раздали пронумерованные и с печатью листы для черновика и беловика. Ровно в десять по звонку экзамен начался. Пять часов для меня оказалось много. Закончив насиловать свой мозг в четвертом часу от начала экзамена, я переписал сочинение набело, проверил грамматику, лексику и под роспись сдал и черновик, и беловик комиссии. После этого удалился из зала и с чувством выполненного долга и ощущениями в теле, будто вагон угля разгрузил, двинулся на квартиру Таралы.

На следующий день был перевод с латинского языка на русский. Мне достался текст из поэмы Вергилия «Энеида». Справился быстро. Две страницы моим, не побоюсь сказать, очень хреновым почерком заполнил часа за два. И уже под удивленные взгляды гимназистов и некоторых преподавателей покинул зал.

С древнегреческим на следующий день провозился дольше. Пятая часть слов была мне незнакома, поэтому перевод писал больше на интуиции. Будем надеяться, что угадал.

Задачи по математике, которые выдавались каждому индивидуальные, чтобы нельзя было списать, мне показались несколько сложнее, чем я решал, готовясь к экзамену. Например: «Купец смешал табак двух сортов в 30 рублей и в 54 рубля за пуд соответственно в отношении 7:5. Полученную смесь он смешал с табаком в 70 рублей за пуд и получил, таким образом, смесь в 180 пудов, ценою по 56 рублей за пуд. Сколько табаку каждого сорта вошло в первую смесь». Сначала я подумал, что придется решать систему уравнений с тремя неизвестными, но такая система имеет множество решений. Потом пришла на помощь новая логика мышления и, разбив задачу на две подзадачи, я получил для решения систему из двух уравнений с двумя неизвестными, и задачу с долями. В конце концов, получил ответ: 49 пудов по 30 рублей и 35 пудов по 54 рубля.

На экзамене по арифметике на следующий день тоже столкнулся с интересными задачами, именно на логику мышления, а не на

арифметические действия. Например: «Учительница биологии вывела в лаборатории новое существо – мамбу-ямбу. Каждую минуту мамбу-ямба делится на две. На уроке учительница посадила одну мамба-ямбу в стакан. Ровно через час стакан был полон мамба-ямб. Через какое время стакан наполнится, если в него посадить не одну, а две мамба-ямбы?» Если бы не Арсений и его пояснения, то я смело бы ответил за тридцать минут, но теперь написал: «Пятьдесят девять минут». Почему? Если первоначально в стакане была одна мамба-ямба, то через минуту их станет две. А значит, процесс в первом (вначале одна мамба-ямба) и втором случае (вначале две мамба-ямбы) отличается на одну минуту. Поэтому правильный ответ: если первоначально в стакане было две мамба-ямбы, то стакан заполнится через пятьдесят девять минут.

Или другая задача на логику. «Жил-был червяк, который очень любил грызть книги. На полке в правильном порядке стояло собрание сочинений Пушкина. Толщина одного тома – 2 сотки, толщина одной обложки – 1 линия. Какой по протяженности путь пройдет червяк, пока прогрызет от первой страницы первого тома до последней страницы второго тома?» Сразу скажу, что 4 сотки и 2 линии – это неправильный ответ. Чтобы дать правильный ответ, нужно вспомнить, как располагаются на полке книги. У книги, стоящей на полке, первая страница находится справа, а последняя – слева. Значит, чтобы пройти от первой страницы первого тома до последней страницы второго тома, червяку нужно прогрызть только 2 обложки. Правильный ответ: червяк пройдет 2 линии. Вот такое форматирование мышления.

Эти задачи и еще два испытания по переводу русского текста на латинский и древнегреческий языки сдавали только экстерны. Потом для нас был четырехдневный перерыв между испытаниями.

Седьмого мая Закон Божий принимал у нас высший иерарх православной церкви в Благовещенске, настоятель кафедрального собора епископ Гурий, в миру Сергей Васильевич Буртасовский. Серьезный такой дядя, разбойничьего вида. Ему бы армяк на плечи, кистень в одну руку, топор в другую – и на большую дорогу. Был бы очень убедительным просителем поделить материальными ценностями с ближним своим.

Гимназистов, которые из строя по одному выходили к столу с экзаменаторами, епископ на испытаниях буквально изводил своими

вопросами. Я сдавал самым последним и насмотрелся на его моральные издевательства над экзаменуемыми. Некоторые бледнели так, что, казалось, еще мгновение, и рухнут в обморок.

Когда подошла моя очередь, благодаря знаниям, полученным от протоирея Ташлыкова, отбарабанил с чувством, с толком и расстановкой молитвы, которые попросил прочесть епископ, потом ответил на вопросы по истории церкви, благожелательно был допущен до лобызания руки и получил напутствие иерарха дальнейшие экзамены сдать успешно.

Двенадцатого мая нас собрали на оглашение результатов письменных экзаменов. Я получил оценку «отличные знания» по математике, арифметике, за переводы с латинского и древнегреческого языков на русский и по Закону Божьему. Как «хорошие знания» оценили мое сочинение. Надо же, здесь сочинение написал лучше, чем в своем мире! Там я при поступлении в Дальневосточное высшее общевоинское командное училище имени Рокоссовского сочинение завалил и пошел в армию служить. Переводы с русского языка на латинский и греческий оценили как «достаточные», то есть на «троечку».

Из четырех экстернов кроме меня дальнейшее испытание продолжил только один, двое вылетели. Из гимназистов один был уличен в списывании у соседа и лишен права продолжать начатое испытание. Теперь ему только через год, экстерном и платно можно будет попытаться сдать испытания по-новому.

Дальнейшие экзамены прошли в каком-то учебном угаре. Математику, физику, историю и географию я сдал на «отлично». Все языки – русский, латинский, древнегреческий, французский и немецкий – на «хорошо». Надо же, раньше в совершенстве говорил на командно-матерном и чуть-чуть на русском, английском, пушту, фарси и чеченском, а теперь еще четыре языка на «хорошо» добавились.

Второго июня на торжественном выпускном акте (в актовом зале, откуда и пошло такое его название) я единственный из четырех экстернов получил свидетельство о сдаче испытаний на зрелость за шестиклассную мужскую гимназию, что дало мне право поступать, как я узнал, сразу во второй класс Иркутского юнкерского училища.

По результатам испытаний я вошел в первую десятку, точнее, закончил восьмым в этом выпуске. Для экстерна это был очень

хороший результат. Строй гимназистов потерял еще троих бойцов, двое, как и последний экстерн, вылетели за «1», или «слабые успехи», по двум испытаниям, а один за «пользование на испытаниях недозволенными пособиями», по-нашему – шпорами.

Поддержать меня на этом торжественном мероприятии пришли надворный советник Бекетов, купец первой гильдии Касьянов и купец третьей гильдии Тарала. Почтил меня своим отдельным вниманием и директор гимназии Соловьев, который сообщил Бекетову, что мои знания математики просто великолепные, так как я на испытаниях, оказывается, по его настоянию решал задачи за испытания на зрелость восьмилетней классической гимназии. И все решил на «отлично», включая задачи по тригонометрии.

«Экспериментатор хренов, – подумал я раздраженно. – А если бы я завалил испытания?» Хотя было интересно наблюдать выражение лиц гимназистов, когда я попросил преподавателей представить мне для решения задачи с тригонометрическими функциями логарифмическую линейку. Я же не знал, что тригонометрию только в седьмом классе начинают изучать. А формулы я на всякий случай повторил. У Арсения был учебник по тригонометрии в библиотеке и логарифмическая линейка, с которой по-новому познакомился, так как с рязанского десантного училища в руках не держал.

Касьянов пригласил Бекетова и Соловьева, Тарала само собой подразумевался, отпраздновать получение мною свидетельства у него дома, где уже собралось немного гостей. Соловьев с сожалением отказался – свои гости в гимназии, а Бекетов присоединился к нам.

Дома у Касьянова меня познакомили с его женой, очень миловидной женщиной лет сорока, и двадцатилетней дочерью Татьяной, очень импульсивной курсисткой, которая второй год отучилась на Высших женских курсах под эгидой Томского университета. Позже за столом, увидев, какими глазами Арсений смотрит на Татьяну, я понял, что амур высадил в молодого купца весь колчан. Пропал парень.

Кроме семьи Касьянова в гостиной также присутствовали Ельцов Иван Петрович, купец первой гильдии, золотопромышленник. Львов Николай Степанович, построивший и запустивший два года назад первый на Дальнем Востоке чугунолитейный завод, со своей дочерью и единственной наследницей Светланой. А также Патрин Алексей

Федорович – купец первой гильдии, судовладелец и золотопромышленник, из амурских казаков, с женой. Про всех этих купцов можно было сказать одно: они сделали себя сами, они были self-made man, как будут говорить в будущем американцы. От них просто веяло аурой властности, напора и еще чего-то такого, что заставляло относиться к ним с большим уважением.

После знакомства Касьянов пригласил всех за стол. Обед прошел изумительно. В этот раз стол ломился от изысканных кушаний. О том, как они называются и из чего приготовлена большая часть блюд, я узнал лишь к концу обеда. До этого чинно кушал все, что мне подкладывала прислуга в тарелки.

На первое подали суп куриный с гренками и борщ по-польски с ушками. Оказывается, этот национальный борщ подается в виде прозрачного наваристого, красного от свеклы бульона, но без грамм овощей, а в дополнение к нему идут отдельно сваренные симпатичные пельмешки-ушки с грибной начинкой. Непривычно, но вкусно!

Второе холодное на столе представляли: сиги, фаршированные шампиньонами, волованчики с пюре из дичи, крокеты из яиц под бешамелью, шофруа из куропаток по-французски. Бешамель – это соус с мускатным орехом, а шофруа оказалось очень вкусным заливным из филе куропатки.

Второе горячее оказалось не менее изысканным и также очень вкусным: телятина по-мещански, филейчики из куропаток с трюфелями, паштет из рябчиков с трюфелями и жаркое из тетерева. В качестве антреме на столе предлагались пирожки, кулебяки, расстегаи, блины с начинкой, соленья, нарезки мясные и рыбные.

Третьи блюда, представляющие сладкий стол, составили шарлотка яблочная, крем баварский с мараскином, компот из персиков (горячий) и бланманже миндальное, то есть желе из миндального молока.

Спиртное на столе было представлено русской водкой «Смирновъ», французским коньяком «Реми Мартен», испанскими и французскими винами. Сколько денег на все это потратил Касьянов, я мог представить себе с трудом, так как в ресторане, пока еще единственном в Благовещенске, не бывал и, какие там цены, не знал. По рассказам деда, на приисках «Желтугинской республики» в 1885 году ведро «ханшина» – плохой китайской водки, стоило 30 граммов золота. На рынке, куда ходил с кухаркой, работающей у Таралы, я

видел, как из-под полы штоф «ханшина» продавали за два кредитных рубля. Сколько могла стоить водка, проделавшая путь до Благовещенска из Москвы, а коньяк и вина из Франции и Испании, не поддавалось моему исчислению. И если все эти затраты были сделаны только для того, чтобы отпраздновать получение мною свидетельства об испытаниях на зрелость, то такое торжество сильно льстило моему самолюбию, но и заставляло серьезно задуматься. Зачем и почему Касьянов это сделал?

Основной темой для беседы за столом во время обеда стал конный переход сотника Амурского казачьего полка Дмитрия Пешкова, который в начале ноября 1889 года выехал в одиночку на своем коне монгольской породы по кличке Серый из Благовещенска и девятнадцатого мая этого года въехал в Санкт-Петербург, преодолев верхом 8300 верст.

«Казачий телеграф» уже донес до Благовещенска новости о том, что перед въездом в Петербург Пешкова ожидала торжественная встреча из двух эскадронов лейб-гвардии Казачьего и Атаманского полков с трубачами и хорами полковых оркестров. По своей инициативе рядом с эскадронами сотника встречали несколько сотен конных офицеров.

Двадцать седьмого мая, неделю назад, на параде лейб-гвардии Конногренадерского и Уланского полков император Александр III вручил Пешкову орден святой Анны 3-й степени, а потом пригласил на завтрак во дворец.

Больше всех об этом вещал купец Патрин – он, оказывается, как и Пешков, был из станицы Албазина.

– Молодец Дмитрий! – раскрасневшийся Патрин потряс кулаком в воздухе. – Столько верст пройти одноконь! Не забоялся. А я его еще бесштаным постреленком помню, как он голоногий по станице на прутике скакал. А теперь с самим императором завтракал!

– А что нам на это скажет Тимофей? – Татьяна Касьянова с благожелательной улыбкой, но с бесятами в глазах обратилась ко мне. – Почему герой сегодняшнего дня молчит?

– Мадемуазель Татьяна, дамы и господа, я считаю конный переход сотника Пешкова победой человеческого духа и мужества над силами природы. – Я сделал небольшую паузу. – Награждение императором господина сотника орденом – это высокая оценка данного, не побоюсь

сказать, подвига. Но сам бы я на такое не пошел, так как считаю такой риск неоправданным.

– Поясните, молодой человек! – Купец Патрин, набывшись, уставился на меня, а по лицам молодых дам скользнула гримаса пренебрежения.

– Постараюсь. – Я на пару секунд замолчал, собираясь с мыслями. – Господа, все присутствующие за этим столом неоднократно участвовали в дальних переходах, сопровождая грузы. – Все мужчины, сидевшие за столом, синхронно кивнули головами. – Все вы знаете, сколько опасностей подстерегает всех в таких походах, особенно в зимнее время. Но эти опасности возрастают многократно, если ты путешествуешь один по суровому зимнему Приамурью, Восточной Сибири. Погибнуть можно в любой момент.

– Это так, – прервал меня купец Ельцов. – Вот помню, недавно...

– Иван Петрович, давайте дослушаем Тимофея, – вступилась за меня Светлана Львова.

– Вас, господа, на эти рискованные коммерческие переходы толкает выбранная профессия, но при этом ваши действия приводят к экономическому развитию Дальнего Востока, – продолжил я. – Казаки, солдаты совершают длительные переходы по Восточной Сибири и Дальнему Востоку по приказам вышестоящего командования и по требованиям присяги. Погибнуть в этом случае я считаю оправданным, а в случае перехода сотника Пешкова, который он предпринял, выпросив полугодовой отпуск, его возможную гибель считал бы бессмысленной, так как никакой пользы ни для государства, ни для армии человек, давший присягу, не принес бы. Я такого риска не приемлю.

– А может, это просто трусость? – Татьяна, задавшая этот вопрос, с вызовом глядела на меня.

– Мадемуазель Татьяна, погибнуть, выполняя свой воинский долг, я считаю естественным. Ты давал присягу, которую я приму через два года, и поэтому в любой момент обязан по присяге «телом и кровью, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление» врагам веры, царя и Отечества. А ставить на кон свою жизнь только для того, чтобы доказать возможность перехода одноконь

от Благовещенска до Санкт-Петербурга – извините, мадемуазель, но я этого не понимаю. И смелость или трусость здесь ни при чем.

– Дочка, уж кого-кого, а Тимофея обвинять в трусости я бы не стал, – вступил в разговор Касьянов. – Перед тобой человек, который два года назад в возрасте четырнадцати лет в одиночку уничтожил банду из двадцати одного хунхуза, был во время этого боя тяжело ранен. После этого Тимофей еще несколько раз вступал в бой с варнаками, а совсем недавно он и его друзья уничтожили стаю красных волков больше чем в шестьдесят голов и спасли обоз нашего дома.

За столом наступила тишина. Большинство гостей Касьянова с удивлением тарасили на меня глаза.

– Молодой человек, позвольте поинтересоваться, а какое количество скальпов хунхузов у вас на счету в настоящее время? – раздался в тишине вопрос купца Львова.

Я прикинул количество убитых мною в походе на Ольгакан, потом в распадке, получилось ровно тридцать.

– Тридцать, Николай Степанович.

– Однако... Целый взвод! И это в шестнадцать лет! – Купец Ельцов задумчиво покачал головой. – Большое будущее вас ждет, молодой человек, если шею не свернете.

– Сашка, слушай, так это же автор «Есаула» и «Казачьей»! – несколько превысивший норму спиртного судовладелец Патрин укоризненно покачал указательным пальцем перед собой. – И ты молчал?! Никому не рассказал?!

Отвертеться не удалось, и после того, как принесли гитару, я исполнил обе песни. После моего выступления в бой тяжелая артиллерия в виде дочки Касьянова. Какой уж тут домострой! Феминизм в чистом виде. Посыпались вопросы, а какие песни я еще написал, есть ли романсы про любовь. Мой ответ, что про любовь я ничего не написал, так как не встретил еще ее, привел Татьяну в еще большую словесную активность, где-то слов сто в минуту. Присутствующие за столом услышали историю о том, как в Томске ее подружка-сокурсница познакомила Татьяну со своим братом, который служит в Кавалергардском полку, а тот такие романсы поет.

После этих слов сильно взгрустнулось Тарале. Желание его поддержать, а также выпитые мною за обедом два бокала вина

заставили меня взять в руки гитару снова. Хотя, вернее всего, на продолжение исполнения песен меня подвигло желание, чтобы девушка немного помолчала. Я взял несколько аккордов и, вспоминая кадры из прекрасного фильма «Звезда пленительного счастья», запел:

Кавалергарды, век недолог,
И потому так сладок он.
Труба трубит, откинут полог,
И где-то слышен сабель звон.
Еще рокочет голос трубный,
Но командир уже в седле.
Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле.
Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле.

Шум за столом стих еще при первых аккордах, взятых мною. Во время исполнения первого куплета я увидел, как у мужчин и женщин выражения лиц менялись от задумчивых до мечтательных.

Течет шампанское рекою,
И взор туманится слегка.
И все как будто под рукою,
И все как будто на века.
Но как ни сладок мир подлунный,
Лежит тревога на челе.
Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле.
Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле.

Во время второго куплета в гостиную тихонько прошмыгнули обе горничные и застыли у стены, теребя пальцами свои белые накрахмаленные фартуки.

Напрасно мирные забавы
Продлить пытаетесь, смеясь.
Не раздобыть надежной славы,
Покуда кровь не пролилась...
Крест деревянный иль чугунный
Назначен нам в грядущей мгле.
Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле.
Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле.

Спасибо, Исаак Шварц и Булат Окуджава, за эту чудесную песню! С этой мыслью я замолчал, замолчала гитара, и в гостинной повисла вязкая тишина, которая прервалась полузадушенным вздохом-всхлипом одной из горничных.

– И он сказал, что не сочинил романс про любовь! – нарушила тишину Елена Николаевна Касьянова, с нежностью смотря на своего мужа.

– Талантливый человек талантлив во всем, – задумчиво произнес надворный советник Бекетов. – Тимофей, как тебе пришла мысль написать такой романс?

– Я, когда готовился к экзамену по истории, прочитал, что в битве под Аустерлицем Кавалергардский полк потерял треть офицеров и треть нижних чинов, а на Бородинском поле, когда атаковали кавалерию маршала Груши – почти половину офицерского состава. Так родилась первая строчка...

– У казака на войне тоже век недолог. – Амурский казак-купец Патрин вытер пальцем собравшуюся в краях глаз влагу. – Ты бы, Тимофей, еще такую же душевную песню про казаков сочинил.

– Постараюсь, Алексей Федорович, мне уже задачу поставили сочинить песню про любовь казачки к казаку.

– Тимофей, а как же ваши слова, что вы еще не встретили своей любви? – спросила Светлана Львова.

– Это заказ моей названной сестры на ее день свадьбы, – улыбнулся я. – После «Есаула» и «Казачьей» пристала буквально с ножом к горлу. Сочинить, и никаких слов отказа. Такого подарка в станице еще никому не дарили. И как отказать? Мне же тогда в станице можно не появляться.

Гости, сидевшие за столом, рассмеялись. Когда смех смолк, ко мне вновь обратился Бекетов:

– Тимофей, а еще что-нибудь ты сочинил?

– Иван Петрович, – я был в каком-то благодушно-счастливым состоянии, когда хочется дарить добро окружающим. – Есть еще одна песня, но она еще не закончена.

– Просим, просим! – зазвучало со всех сторон.

Мысленно извинившись перед Инной Гофф и Яном Френкелем, под перебор струн я запел:

Поле, русское поле...

Светит луна или падает снег –
Счастьем и болью связан с тобою,
Нет, не забыть тебя сердцу вовек.

Русское поле, русское поле...

Сколько дорог прошагать мне пришлось!
Ты моя юность, ты моя воля.
То, что сбылось, то, что в жизни сбылось!

По щеке купца Львова потекла слеза, да и у остальных присутствующих в гостиную глаза были на мокром месте.

Не сравнятся с тобой ни леса, ни моря.

Ты со мной, мое поле, студит ветер висок.

Здесь Отчизна моя, и скажу не тая:

«Здравствуй, русское поле,
Я твой тонкий колосок!»

Поле, русское поле...

– Извините, но это пока все... – произнес я, после того как закончил петь припев. – В голове что-то вертится, но в рифму пока не складывается.

– Как необычно и как сильно звучит эта песня! – Иван Петрович Бекетов встал из-за стола и, подойдя ко мне, погладил мои волосы. – Спасибо, Тимофей, давно не чувствовал такой гордости, что я русский. Да... Здравствуй, русское поле, я твой тонкий колосок. Сколько же боли у тебя в душе, Тимофей?!

После слов Бекетова гостей Касьянова будто прорвало, и я услышал в свой адрес много похвалы и добрых пожеланий. Петь, слава богу, больше не заставляли. Где-то через час гости стали расходиться. Когда я уходил с Арсением, Касьянов попросил меня заглянуть к нему на следующий день в контору к одиннадцати часам.

Так закончилось «празднование» получения мною свидетельства об испытаниях на зрелость. На следующий день в кабинете конторы Касьянова состоялась беседа с ним и с золотопромышленником Ельцовым, во время которой договорились, что мой десяток во главе со мной сопроводит под охраной в начале июля поисковую партию Ельцова в лагерь разгромленных нами хунхузов на Ольгакан, а потом будет охранять золотоискателей в течение месяца. Оплату и кошт на время службы Ельцов предложил очень хорошие. Касьянов заключил со мной договор на проводку первого зимнего обоза на тех же условиях, по которым мы охраняли обоз по первому контракту. Таким образом, мой первый десяток должен был заработать по этим двум контрактам по сто шестьдесят рублей, а я двести. Очень хороший заработок для четырнадцати-пятнадцатилетних казачат. Такие деньги на стороне и взрослые казаки за год редко зарабатывали. Основным видом заработка станичных казаков была продажа выращенных зерновых, овощей, живности, а также охотничьих трофеев.

Попрощавшись с Благовещенском, через два дня я с грузом Чуринского дома по протекции Касьянова бесплатно отплыл с Чалым на арендованной торговым домом барже, которую тянул пароход-буксир «Ермак» против течения в сторону станицы Черняева.

Глава 20

Ли Джунг Хи

– Ермак, как ты думаешь, цесаревич остановится в станице? – спросил меня Ромка, который на своем трофейном монголе по кличке Гнедко стоял слева от меня в первой шеренге нашего двухшереножного конного строя.

– Остановится, Ромка, специально для тебя. – Я на своем черным, как антрацит, Беркуте стоял на левом фланге.

Первая шеренга, кроме меня, была на гнедых монголах с черными гривой и хвостом. Казачата в одинаковом обмундировании и портупях с двумя плечевыми лямками и подвесами для шашки и кинжала представляли первое старшее учебное отделение, а за ними в шеренге выстроилось второе младшее отделение. Кони во второй шеренге были разномастные и разных пород, но обмундирование на мальках было новое, с иголочки, так же как и портупее, которые еще должны были ввести для офицеров в 1912 году. А у меня в них уже щеголяли казачата.

Когда в апреле 1891 года атаману Савину пришла информация из генерал-губернаторства о том, что станицу Черняева с большой вероятностью в июне посетит цесаревич Николай со свитой, я воспользовался удачным стечением обстоятельств. Арсений Тарала на пароходе по делам торгового дома шел из Благовещенска в Нерчинск и обратно, через него и закупили по смешным ценам новую казачью форму, включая сапоги и фуражки на весь отряд, а также кожу на ремни и портупее, которые изготовили нам в станице по моим эскизам. Теперь казачата в идеально подогнанной форме выглядели как заправские казаки.

– Ермак, а как ты думаешь, государь-наследник нас как-нибудь отметит?

– Лис, ты уже достал, откуда я знаю его мысли! Пароход, на котором он плывет, в версте от станицы, через пятнадцать минут причалит к нашей пристани, и увидишь ты цесаревича, который наградит тебя персонально орденом Святого Ебукентия первой степени с закруткой на спине.

По строю казачат прошелся сдерживаемый смех, а Ромка обиженно забурчал:

– Спросить уже нельзя! Интересно же.

– Ромка, я тебе уже минут десять пытаюсь донести, что не знаю я, как будет происходить встреча, что собирается делать цесаревич. Мне приказали построить наш отряд верхами в двухшереножном строю на этом месте при полном параде. Я это выполнил. Все, ждем государя-наследника и мечтаем.

– Ага, кто-то о своей принцессе, небось, мечтать будет, – пробурчал Ромка.

– О принцессе, Лис, о принцессе, – отозвался я, представляя перед глазами облик той, которая действительно являлась настоящей принцессой государства Великий Чосон или «утренней свежести». Чуть меньше года назад свела меня судьба с той, которую я мог бы назвать своей любовью, но между нами стояла огромная пропасть в социальном положении: я казак, а она пусть и беглая, считающаяся мертвой, но принцесса. Я опять окунулся в воспоминания, благо время до прибытия цесаревича было.

В конце июля 1890 года я вместе с первым старшим отделением вернулся из почти полуторамесячного похода с поисковой партией золотопромышленника Ельцова. Первоначально со всей осторожностью и разведкой посетили разгромленный в прошлом году лагерь хунхузов на Ольгакан. Золота в нем мы не нашли, но кое-что для дальнейшей продажи нашему десятку досталось. С нами не пошел Дан. После боя с хунхузами на Ольгакан и засады в распадке Петра Данилова будто бы оглушило, а нападение красных волков на обоз, видимо, совсем его сломало психологически. Особо это в глаза не бросалось, но когда мы собирались в охрану поисковой партии купца Ельцова, Дан лично попросился у меня остаться для обучения мальков. В его глазах я тогда увидел страх смерти. Его решение устроило всех, тем более что у Петра был педагогический талант по обучению различным дисциплинам, включая и воинские.

Поисковая партия, возглавляемая одним из управляющих купца Ельцова, после лагеря хунхузов дошла до устья Ольгакан и вышла на каскад небольших озер, где на ручье, который назвали Медвежьим, нашли следы старательской стоянки. На этом ручье буквально за месяц старатели намыли около тридцати фунтов золота в песке и самородках.

По самым скромным государственным ценам – более чем на десять тысяч рублей. С учетом такого успеха, Иван Петрович Ельцов на радостях расщедрился и добавил нам при расчете еще по двадцать рублей премии. Все казачата получили по сто двадцать рублей, мне перепало сто сорок. Всю премию мы скинули в казну отряда. Необходимо было финансово простимулировать педагогическую деятельность Дана и решать вопрос с экипировкой мальков. Последние пришли в отряд собранные по вековому принципу младшего в семье: одежда, снаряжение и вооружение если еще не развалились, то скоро развалятся. Эта проблема и заставила всех «старшаков» через три дня пойти на охоту. Надо было пополнить запас мяса для школы и шкур на продажу.

Теперь в моем доме-казарме в течение пяти дней проживало младшее отделение, старшаки же прибегали на зарядку, разминались на полосе препятствий, тренировались в стрельбе (условно), фехтовании, рукопашном бое. Учились сами и учили мальков. Завтракали и обедали вместе. И накормить двадцать рыл было проблематично. Атаман Савин, как в свое время Селеверстов, относился к снабжению школы по принципу «нужда научит калачи печь». Вот мы и учились выживать в основном за счет даров леса. В тот день разъехались на охоту привычными тройками и двойками.

Я и Ромка решили проехать до поляны в лесу недалеко от острова Разбойный, где часто появлялись семейства кабанов, так как там росли немногочисленные дубы. На одном из этих дубов мы с Ромкой еще в прошлом году сделали хороший лабаз и уже неоднократно добавляли в рацион школы кабанятину. А сейчас по временным срокам как раз молодые поросята вес нагуливали.

Оставив метрах в трехстах от поляны лошадей, мы уже почти добрались до поляны, когда услышали выстрелы, по звуку похожие на выстрелы из карабинов, а вот последующие частые глухие выстрелы заставили насторожиться.

– Кто это, Ермак? – шепотом спросил Ромка.

– Не знаю, Лис, – так же тихо ответил я, передергивая затвор винтовки и досылая патрон в патронник. – Похоже на выстрелы из револьвера, а у нас в станице такого оружия нет. Вперед! Только тихо и осторожно.

Роман, дослав патрон в патронник, по-кошачьи тихо двинулся за мной, отставая на пару шагов и фиксируя взглядом правую полусферу, я же контролировал левую. Когда подошли к деревьям, за которыми открывалась поляна, впереди нас снова раздалось два выстрела, наверное, из револьвера, а потом четыре хлестких выстрела из винтовки. Затаившись за деревьями, я и Ромка внимательно наблюдали за поляной.

Через пару минут на поляну выбежали двое мужчин, одетых в корейскую одежду. За несколько посещений Благовещенска я уже научился различать китайцев и корейцев, а также японцев по их национальной одежде.

Высокий мужчина в возрасте и низкий подросток лет десяти-двенадцати были обряжены в широкие штаны паджи, заправленные в кожаные сапоги-поршни или качжуксины, чогори-рубашки и чокки-куртки. Головы мужчин покрывали повязки из черной ткани. За плечами у обоих были небольшие мешки. Старший держал в руках револьвер, пытаясь на ходу перезарядить его, при этом он сильно припадал на правую ногу. Мальчишка шел-бежал рядом, то и дело оборачиваясь назад. Пара успела добраться до середины поляны, когда вслед за ними из леса вышли десять или двенадцать вооруженных карабинами типов, в которых я, как в дежавю, узнал цинских конников. Одинаковые китайские темно-синие куртки и шаровары из дабы, заправленные в короткие кожаные сапоги. На голове шляпы с широкими полями, подбитыми синей материей. В руках винтовки, на поясе сабли, на груди перевязи-патронташи.

Старший из беглецов повернулся, вытянул руку с револьвером и выстрелил. Нет, я, конечно, понимаю, что если ты голливудский Клинт Иствуд, можно и со ста метров из револьвера, судя по всему, русского Смита-Вессона, попасть, но реально лишь метров с двадцати пяти. Как вспомню родной макаров, так плакать хочется. Кажется, кинь им в мишень, которая стоит в двадцати пяти метрах от тебя, и попадешь, а из пистолета стреляешь – и не попадаешь. Потом, конечно, стрелять научили, попадать тоже, и в движении, и с двух рук. Но первые мои впечатления от стрельбы из пистолета макарова можно охарактеризовать как полную беспомощность.

Стрелок из револьвера ожидаемо ни в кого не попал, а вот три ответных выстрела китайских конников привели как минимум к двум

попаданиям, и стрелок кулем повалился в траву. Пацаненок, который убежал вперед, развернулся и бросился к упавшему, а добежав до него, встал перед ним на колени.

От стоящих на краю поляны двенадцати китайских солдат к лежащему на земле мужчине и стоящему перед ним на коленях мальчишке направился, судя по вышитой куртке, танчжуану и тюрбану на голове, цинский офицер, за которым потянулись остальные китайцы. Офицер подошел к подростку и снял рывком повязку из черной материи с его головы. По плечам подростка рассыпались длинные темно-каштановые волосы. Солдаты что-то со смехом залопотали, но резко затихли после грозного окрика офицера, который потянул из ножен саблю.

Когда офицер занес саблю для удара по шее стоящей на коленях девочки, меня будто перемкнуло. Представив, что там стоит на коленях моя пропавшая сестра, которая, как все в роду Алениных, была темноволосой, я выстрелил в офицера навскидку, а затем выпустил еще четыре пули по солдатам. Рядом стрелял Ромка. Из-за несогласованности и торопливости наших с ним действий, трех солдат я и Ромка поразили одновременно, поэтому, когда в обойме у меня и Лиса закончились патроны, на ногах оставалось еще шестеро китайцев. Каждый из них успел выстрелить в нашу сторону, и теперь пятеро, лежа на земле, перезаряжали свои винтовки, а шестой направился к девчужке, вынимая из ножен широкий палаш.

Я понял, что перезарядиться не успеваю, сумбурно крикнув Ромке, чтобы тот прикрывал, понесся в сторону девчонки, доставая на ходу из плечевого ремня РД ножи для метания. Норматив бега на шестьдесят метров для мастера спорта около семи секунд, но мне показалось, что я это расстояние пробежал быстрее, успев по дороге метнуть два ножа в двух солдат, которые успели перезарядиться и выцеливали меня. Выстрелить успел только один и, слава богу, мимо. Третий метательный клинок вошел в горло солдату, который занес для удара по девочке палаш.

Гася скорость, я упал грудью на землю, прокатившись как футболист по траве, по пути подобрал саблю убитого офицера и пропустив над собой две просвистевшие пули. Вскочив на ноги, я оказался лицом к лицу с бойцом, который растерянно ловил меня, такого близкого, на мушку карабина. Наклон корпуса в одну сторону,

перекат в другую – и сабля снизу вверх вонзилась в пах этого кривонного кавалериста. Первый есть!

Вскочил на ноги и ушел прыжком в сторону. Выстрел, пуля взрыла землю в том месте, где я только что стоял. Вновь уход в сторону. Зря только патроны тратите. Неудобно в ближнем бою стрелять из винтовки. Еще раз качнул маятник, быстрый проход вперед, и сабля рубанула по пояснице прозевавшего мой обходной маневр китайца. Отличный клинок, даже не почувствовал, как кончик сабли перерубил позвонки. Второй готов!

Опять уход в сторону – и мои два оставшихся противника оказались выстроены в линию передо мной. Тот, который стоял первым, бросил разряженный карабин и достал палаш, а вот второй, в которого я не попал метательным ножом, а только заставил промахнуться, пытался быстрее перезарядиться. Все-таки мне сильно повезло в том, что эти солдаты были вооружены однозарядными карабинами Маузера 1871 года выпуска. Тем нам лучше и продолжим. Подшаг вперед, и я снимаю саблей со своей головы нисходящий удар палашом. Шаг в сторону, и колющий удар цинского кавалериста проходит мимо меня. Ошибка, мой узкоглазый друг, шаг вперед, еще вперед, удар саблей с поворотом корпуса по горлу. А за ошибки нужно платить! Третий есть!

Инерция удара развернула меня к пытающемуся в панике зарядиться солдату. Шаг вперед, выпад, и сабля пронзает горло мертвеца. Последний! Все!!!

На все мои действия, начиная со старта из-за дерева, ушло не больше пятнадцати секунд. Я с трудом перевожу дух, показалось или нет, но кажется, все это время я не дышал. Вот это была скорость! В этот момент девочка подняла голову и посмотрела на меня, а я, увидев ее лицо и глаза, понял, что погиб полностью и безвозвратно. Амур высадил в меня не один, а два колчана стрел.

Попробуйте описать девушку, в которую влюбились с первого взгляда. Кроме фраз «она вся такая... вся такая нежная, милая, она такая красивая, она такая...», вряд ли что другое услышишь. Вот и меня спроси в тот момент, что заставило меня подумать, что это девушка моей мечты, я бы не ответил. Две жены из той жизни были русских кровей, с европейским типом лица, обе голубоглазые, первая темно-русая, на нее Марфа-Мария была похожа, вторая вообще

натуральная блондинка-скандинавка. А здесь на меня уставилась пара вопросительных темно-карих глаз, а маленькие ярко-красные губки бантиком на кукольном азиатском личике, обрамленном волнистыми волосами шоколадного цвета, что-то спросили.

– Не бойся, все закончилось! – Я отвел правую руку с саблей за спину, начал наклоняться, чтобы левой рукой коснуться волос девочки, точнее сказать, молодой девушки. В этот момент я ощутил сильный удар под лопатку, затухающим сознанием услышал звук выстрела и, падая на девушку, увидел перед глазами всепоглощающую черноту.

– Ермак, очнись, ну пожалуйста, очнись, Ермак! Я тебя очень прошу, – эти слова прорвались через муть забытья, после того как я почувствовал влагу льющейся на мое лицо воды.

– Отставить панику, Лис! Доложить обстановку, – еле просипел я, ворочая в пересохшей глотке распухшим языком.

– Все хорошо, Ермак. Очнулся? Здорово-то как! – зачастил Ромка. – Тебя последний хунхуз от края поляны достал. А я его потом снял, когда он из-за деревьев вышел. Я, Ермак, пачку выронил, поэтому так долго перезаряжался. Сука! Хотя того, кто в тебя выстрелил, все равно не видел.

– Что со мной?

– Тебе справа под лопатку по касательной прилетело, а потом пуля под ключицу вошла и внутри застряла. Я, как нас Сычев и Марфа учили, тампоны наложил и рану замотал, но одного бинта мало. Кровь продолжает сочиться. А остальные бинты пришлось на китаезу, что с девчонкой бежал и отстреливался, потратить. У него правая нога прострелена, ключица левая перебита и в спину с правой стороны ближе к пояснице пуля вошла. Спереди не вышла. Но живой! Не знаю, как долго еще жить будет?

– Лис, скачи в станицу, веди помощь, – я с трудом выталкивал из себя слова. – Мне под руку положи револьвер. И торопись, я долго не продержусь. Отрублюсь.

Ромка засуетился, подобрал в траве револьвер, проверил наличие патронов, провернул барабан и взвел курок, после чего положил его рядом со мной, а потом припустился бегом в сторону леса, где мы оставили своих коней.

Проводив взглядом Ромку, я повернулся в сторону молодой девушки, которая сидела на траве рядом со мной, устало опустив

голову между окровавленных по локоть рук.

– Как тебя зовут? – обратился я по-русски к девушке. На мой вопрос она вскинула голову и посмотрела на меня испуганно-вопросающим взглядом. Потом покачала головой и руками показала, что не понимает меня. Я стал задавать этот вопрос по порядку на французском языке, немецком и, дойдя до английского, услышал ответ: «Ли Мэй Лин».

– Мэй, возьми в руки револьвер. Если кто-то приблизится к нам, стреляй, – с трудом проговорил я и потерял сознание.

В следующий раз пришел в себя уже в больничной палате станичного фельдшерского пункта. Еще по весне были выделены деньги из канцелярии генерал-губернаторства, на которые рядом с фельдшерской избой был возведен пристрой из трех комнат: палаты на четыре койки, помещения для приема больных и комнаты, которую можно было назвать операционной.

Я лежал на набитом свежим сеном тюфяке, покрытом самотканой льняной простыней, под головой под наволочкой ощущалась подушка с гречишной лузгой, накрыт я был еще одной простыней. На груди и правом плече ощущалась плотная повязка. Кроме нее на теле были только штаны исподнего.

«Живой! Опять повезло! – были мои первые мысли. – Еще повоюем. Только часто что-то меня дырявят. И пить сильно хочется». Я открыл глаза, во рту была песочная Сахара. Попытался позвать кого-нибудь, но исторг только какое-то мычание. Краем глаза заметил какое-то движение. Повернул голову и буквально остолбенел. Ко мне приближалась Мэй Лин, одетая в яркий красно-белый казачий сарафан, что придавало ей невероятно милый вид.

В станице Черняева проживали в основном казаки русской наружности, так как основу переселенцев составили семьи с Дона и Сибири. В других же станицах, основанных забайкальцами, намного чаще можно было видеть казаков и казачек с наружностью бурят, эвенков, нанайцев, орочей, удэгейцев, маньчжуров и китайцев. В последние годы казаки все чаще и чаще привозили жен с другого берега Амура. Женщин в станицах не хватало, мужчин рождалось больше, плюс к этому в казачье сословие переводили солдат Забайкальского гарнизона, которые приходили на Амур бессемейными. А без женщины хозяйство не хозяйство.

Мэй Лин подошла ко мне и вставила мне в губы носик заварного чайника.

– Пей, Тимохей, – с очень забавным акцентом на английском произнесла она. – Я сама эти травы заваривала. Тебе они нужны, ты много крови потерял.

В рот мне полилась божественная при моей жажде жидкость – чуть теплый травяной сбор, во вкусе которого преобладал шиповник. Оторвавшись от носика чайника, я перевел дыхание.

– Как себя чувствует твой спутник? – с трудом ворочая языком, спросил я девушку.

– Это мой дедушка, – глаза Мэй наполнились слезами. – Ему очень плохо. Надо пулю доставать, иначе начнется заражение, а ваши целители мужчина и женщина этого не делают. А я им объяснить не могу, они меня не понимают. Никто здесь не понимает.

Мэй Лин закрыла лицо руками и заплакала громко и навзрыд. В это время в палату вошла Мария-Марфа.

– Очнулся, казак? Опять в шаге со смертью разминулся? – Мария подошла ко мне и положила руку на лоб, проверяя температуру. – Пулю из плеча тебе извлекли. Повезло, она сначала в рюкзак тебе попала, крошив там содержимое, и только потом уже на излете до тела добралась. Глубоко и не вошла. Сычев пулю достал, рану хорошо прочистили. Жара у тебя нет сейчас. Так что, глядишь, через пару недель на ноги встанешь, а месяца через два о ране и забудешь. Везучий ты, Тимофей. Бог тебя любит! А девчонку зачем до слез довел?!

– Это не я. Она плачет, что деду ее помощь не оказывают, пулю не вынимают. А ее здесь никто не понимает.

– А ты что же, ее понимаешь? Отец Александр пытался с ней объясниться, но не смог. Китайского языка он не знает, а тех, что батюшка знает, девчушка не понимает.

– Она не из Поднебесной, а из королевства Чосон. Разговариваем мы с ней на английском языке, который она знает. И что там с ее дедом?

– Что с дедом, что с дедом! Боится Сычев пулю из него извлекать. Глубоко сидит, рядом с почкой и позвоночником. Телеграфировали в Благовещенск о ваших с Ромкой очередных подвигах и о раненом. Но

не думаю, что кто-то врача пришлет. Да и не доживет дед до приезда врача.

Внимательно слушающая наш разговор Мэй попросила рассказать ей, о чем мне поведала Мария. Услышав мой пересказ, Мэй решительно сказала, что пулю достать можно. Она видела рану у деда, когда помогала его перевязывать. Дед у нее был известным врачом и многому ее, как внучку, научил. Она готова помочь сделать операцию по извлечению пули. Всю эту сумбурно изложенную информацию я довел до Марии.

Сычева удалось уговорить на проведение операции с дедом Мэй через час, при этом основным аргументом был факт, что раненый все равно умрет, если ему не вынуть пулю. Но при операции он умрет быстро, а если пулю не вынуть, то от сепсиса – «заражения крови» – будет умирать долго и мучительно.

Еще через час, который ушел на подготовку, в операционной собрались Сычев, Марфа, Мэй. На операционном столе на животе лежал обнаженный по пояс дед девушки, которому Мэй влила в рот и заставила проглотить несколько минут назад какую-то настойку, сказав, что это опиум. В качестве переводчика Сычев и Мэй дотасили в операционную меня и разместили полулежа на лавке, подложив под спину и голову несколько подушек. Инструмент для операции по необходимости был заточен, прокипячен, нить с иглой лежали в крепком самогоне двойного перегона.

Операция началась. Я переводил слова Мэй, которая руководила операцией, а через некоторое время она отобрала нож и щипцы с вытянутыми зажимами у Сычева и сама продолжила ковыряться в спине деда. Через несколько мгновений с торжествующим криком она подняла вверх щипцы с зажатой в них пулей. После этого в дело вступила Марфа, зашив рану, а дальше я уже не видел, так как потерял сознание. Крови, видимо, я потерял много, и переводил слова Мэй, находясь в каком погранично-плавающем состоянии. А как она пулю вытащила, расслабился и уплыл.

Следующую пару дней я то приходил в себя на короткое время, то уплывал в какой-то сон-забытье. Как позже узнал, Мэй давала мне с питьем немного опиума, который и приводил меня в такое состояние. Дед Мэй лежал на соседней кровати, и девушка ухаживала за нами обоими. Мои естественные надобности обслуживала пожилая

женщина из орочей, которая за совсем мизерную плату убиралась в фельдшерском пункте, ухаживала за больными, обстирывая, обмывая и вынося утки за ними.

Через три дня, когда дед Мэй отошел от воздействия опиума, я с ним впервые поговорил. Кроме английского языка Ли Джунг Хи, так звали деда девушки, хорошо изъяснялся на немецком и французском. Кроме этого говорил на китайском, двух или трех его диалектах, корейском и японском. Немного изъяснялся на русском. Продвинутым дед оказался. Для общения мы выбрали английский, который был мне наиболее знаком и который понимала Мэй.

Из разговоров с Джунг Хи я узнал, что он был придворным врачом в королевском дворце двадцать шестого короля династии Чосон вана Коджона. Это теплое местечко ему удалось получить по протекции друга детства отца Коджона Ли Хаын, более известного по своему почетному титулу Хынсон-тэвонгун, или Великий принц. Пятнадцать лет длилась спокойная служба Джунг Хи, пока он не попал в жернова дворцовых интриг королевы Мин.

В 1866 году пятнадцатилетнюю девчушку-сироту из рода Мин выдали замуж за вана Коджона. Инициатором этого замужества был Великий принц. Основная причина, почему выбор Тэвонгуна пал именно на нее, заключалась в том, что у Мин не было близких родственников-мужчин, которые могли бы претендовать на власть.

Более пяти лет Коджон не обращал внимания на жену никакого внимания. Мин не сверкала красотой, а во дворце вана было более ста служанок и наложниц. В 1870 году одна из наложниц родила Коджону первого сына, которому был рад не только король-отец, но и дед-тэвонгун, объявивший внука принцем-наследником. Королева Мин «от всего сердца» поздравила мужа с рождением наследника, чем обратила на себя внимание мужа. После этого демарша королевы ван Коджон разделил с ней постель, и через положенный срок королева Мин родила сына, но тот умер на следующий день. В 1873 году у нее родилась дочь, но и она не выжила. «Виновицами» в смерти королевских детей объявили двух наложниц Коджона, от которых он имел детей. Этих фавориток казнили после ужасных пыток, а их дочери умерли через некоторое время от неизвестных причин. При дворе короля Чосон, по словам Джунг Хи, всегда существовала система наложниц. Никто не удивлялся, если придворная дама или

служанка пользовалась «милостями» вана и рожала ребенка. Но королева Мин не собиралась с этим больше мириться. Она начала жестко расправляться с соперницами. В 1878 году от неизвестных причин в возрасте десяти лет умер первый сын вана Коджона.

О своих подозрениях Джунг Хи имел неосторожность рассказать вану. Дед Мэй не знал, какой был разговор между ваном Коджоном и королевой Мин, но своему королю Джунг Хи был обязан предупреждением и временем, которые позволили ему бежать из Чосон в Поднебесную с сыном, снохой и грудной внучкой. Пройдя по территории Китая более полутора тысячи километров на север, его семья осела в небольшом китайском поселке Синьан на китайском берегу Амура, недалеко от станицы Албазина.

Джунг Хи занимался врачеванием и созданием лекарственных средств, которые реализовывал его сын на русской стороне. Жили небогато, но нужды не знали. Внучка Мэй со временем стала верной помощницей в изготовлении лекарственных средств и сборе компонентов для них.

Спасти от смертельной мести королевы Мин, которая не забыла ничего за двенадцать лет, Джунг Хи и Мэй смогли только благодаря тому, что отправились на встречу с русским охотником, который должен был привезти на китайский берег для продажи корни женьшеня. В устье реки Амуэрхэ, которая впадала в Амур, у Джунг Хи была оборудована мостками небольшая, скрытая камышом и осокой заводь, где проходили его встречи с добытчиками с русского берега. До этой заводи от дома в поселке Синьан было около пяти верст.

В тот день Джунг Хи уже заканчивал торговлю со своим постоянным клиентом – пожилым казаком из станицы Албазина, который уже лет десять снабжал его различными ингредиентами для лекарственных средств: корни женьшеня, кости, усы, пенис, сердце, желчь и другие внутренности амурского тигра, секрция мускусной железы кабарги, которая использовалась в двухстах видах лекарств. В китайской и корейской медицине считалось, что мускус кабарги лечит от малокровия, стимулирует сердечную мышцу и работает как противовоспалительное средство. Тигр в восточной медицине – просто ходячая аптека: считается, что порошок из его костей продлевает жизнь человека на пятнадцать-двадцать лет, отвар из пениса укрепляет потенцию, настой из сердца предохраняет от инфаркта.

Казак уже собирался отплыть в обратный путь, когда в заводь вломился сын Джунг Хи по имени Чхон Пок, неся на себе несколько мешков, в которых Джунг Хи хранил самое ценное имущество своего семейства. Из слов сына Джунг Хи и Мэй узнали, что в Синьан вошел большой отряд циньской конницы с приказом арестовать Джунг Хи и всех членов его семьи. Об этом Чхон Пок сообщил прибежавший к ним домой маленький китайчонок, сын главы поселка, которому два года назад Джунг Хи спас жизнь, вылечив от ран, полученных на охоте. Чхон Пок, прихватив мешки, где хранились все самые ценные вещи семьи, бросился из дома к реке, где его жена Чжу полоскала белье. Увидев на берегу арестованную циньскими всадниками Чжу, Чхон, прячась за домами, побежал в заводь.

Потом был долгий путь по реке на купленной у казака лодке. Целью беглецов была Япония. В последние годы королева Мин, по словам Джунг Хи, в своей внешней политике сделала резкий разворот от сотрудничества с Японией к сотрудничеству с Китаем и Россией. Поэтому оставаться в Китае или Российской империи Джунг Хи и его семейству было нельзя. Если королева Мин договорилась об их аресте с китайской императрицей Цы Си, то что помешает ей договориться с императором Александром III!

Поэтому решили тихой сапой добираться до Владивостока, а там дожждаться корабля в Японию. Деньги были. По реке сплавлялись не спеша. В станицах Албазина, а затем Бекетова и Толбузина закупали все необходимое для путешествия. Лето стояло теплое, и Джунг Хи надеялся, что к осени они доберутся до Владивостока. Но, как говорится, хочешь рассмешить бога, расскажи ему о своих планах. Рядом с островом Разбойный им наперерез вышли две лодки с китайскими солдатами. Спасаться пришлось на русском берегу, на котором преследователи убили сына Чхон Пок, а самого Джунг Хи и внуку Мэй циньские солдаты догнали на той поляне, где я и Ромка не дали солдатам их убить. Вот такая история!

Десять дней мы пролежали в палате вместе. Джунг Хи много рассказывал о своей жизни, руководил действиями внучки, которая готовила отвары для быстрого заживления ран и стимуляции организма, направленной на быстрое восстановление сил. В тех двух мешках, что были у беглецов, находилось множество всяких ингредиентов для изготовления лекарственных средств. Мэй все время

была с нами, уходила к Селеверстовым только переночевать и за едой для нас болезненных.

Тетка Ольга кормила нас вкусняшками, как на убой. Ромка, который помогал Мэй доставлять посуду с пищей, принес в первый же приход радостные новости. Старейшины в станице решили десять карабинов и десять комплектов амуниции с двенадцати убитых нами солдат и одного офицера передать в нашу школу для вооружения мальков. Все же старье, которым они были вооружены, передавалось в трофеи. Нахождение в палате на лечении для нас с Джунг Хи по решению старейшин стало бесплатным. Из плохих новостей было известие, полученное по телеграфу, о скором приезде комиссии из Благовещенска для расследования нашей стычки с китайскими солдатами.

Через две недели после ранения, когда рана затянулась и перестала кровоточить, я перебрался к себе домой, где, как говорится, и стены помогают. Также надо было разобраться с процессом обучения мальков, два месяца они были в самостоятельном плавании под руководством Дана, а теперь Лиса.

Начал с парково-хозяйственного дня. За две недели дом-казарму мальки при попустительстве Лиса откровенно зас...ли, а это как минимум понос, а то и дизентерия. Вот чего-чего, а заполучить этот мерзкий и позорный недуг к имеющейся ране совершенно не хотелось. Так что «чистота – залог здоровья, порядок прежде всего». Лис, получивший хороших трендюлей, вызверился, и за световой день мальки и старшаки навели в доме идеальный порядок.

В понедельник, когда вел третий час занятий с мальками по математике в доме, а старшаки тренировались на стрельбище, раздался звук одиночного удара сигнального колокола. Над верхним ярусом овина во дворе хутора была построена наблюдательная вышка, где во время занятий находился дневальный, наблюдающий за окрестностями. Хутор был огражден тыном из высоких бревен, который обновили еще весной 1889 года. На время занятий ворота и калитка в частоколе запирались. Нападения мы не ждали, но организованная служба приучала казачат к дисциплине и осторожности.

Из-за стола, за которым занималось девять казачат-мальков, выскочил дежурный и выбежал из избы. Я продолжил занятия. Минут

через пять в комнату, склонив голову в проеме двери, зашел атаман Савин, а за ним, снимая с головы фуражку, проскользнул поручик в синей форме Отдельного корпуса жандармов.

– Смирно! – скомандовал я и рубанул строевым шагом к поручику. Встав за два шага перед ним и вытянувшись во фронт, доложил: – Ваше благородие, в классе проходит занятие младшей группы в количестве девяти учеников казачьей школы станицы Черняева, старшая группа в количестве десяти учеников занимается на стрельбище. Больных и отсутствующих по неуважительной причине нет. Доклад старший по школе Тимофей Аленин.

Поручик, оказавшийся мужчиной лет тридцати, невысокого роста, худощавого телосложения, смотрел на меня внимательными и какими-то пустыми, стылými серыми глазами. От всей его фигуры веяло какой-то не брезгливостью, а, я бы сказал, отстраненностью. Так смотрит исследователь на лягушку, готовясь ее препарировать. Очередная грязная, но необходимая работа.

– Вот ты какой, Тимофей Аленин! – практически не разжимая узких губ, произнес поручик. – А это твоя знаменитая школа?!

Поручик, пройдя через комнату-класс, заглянул в комнату-спальню.

– Изрядно... Очень практично все продумано.

Поручик вернулся в класс, где застывшими истуканами стояли ученики, я и атаман Савин. Оглядев еще раз весь класс и детей, находившихся в нем, поручик наконец-то соизволил дать команду: «Вольно!»

– Пошли, Тимофей, на двор, поговорим! – Поручик приобнял меня за плечи, направляя к двери.

– Башуров, продолжить занятия, – повернув голову через левое плечо, скомандовал я Мишке Башурову, которого назначил командиром десятка мальков за его сообразительность и активность.

Выйдя на двор, поручик присел на лавку у избы и заставил присесть меня.

– Представляюсь, Тимофей. Я Савельев Владимир Александрович, поручик Отдельного корпуса жандармов, заместитель начальника отделения при канцелярии Приамурского генерал-губернатора.

Я судорожно сглотнул: такого внимания к последним событиям я не ожидал. Жандармы в последние годы занимались делами, которые несли угрозу трону и государству. Нарушениями границы по Амуру

обычно занималось руководство Амурского казачьего полка, Горная стража, городские исправники да полицейские урядники в станицах, в зависимости от того, на чьей территории произошло нарушение границы.

– Удивлен, Тимофей?

– Да, ваше благородие, – я предельно честным взором уставился в переносицу поручика.

– Рассказывай, Тимофей.

– О чем, ваше благородие?

– Почему ты напал на представителей китайской армии?

– Для меня они были хунхузами, которые незаконно пересекли границу Российской империи! – я прямо и твердо взглянул в глаза жандарма.

– Ты что, не видел, что на них одинаковая форма? Вооружение? Что с ними офицер? А понимал, что нападение на них может привести к дипломатическим осложнениям между нашими государствами?

– Ваше благородие, когда в прошлом году в наших краях уничтожили банду Золотого Лю, в ней тоже все были в форме циньских всадников.

– Я в курсе этой истории, – ухмыльнулся жандарм. – Причем в курсе того, как на самом деле все было. И меня, честно говоря, не волнуют все те махинации, к которым прибегло командование полка, чтобы достойно выглядеть в глазах генерал-губернатора из-за гибели его родственников. Но сейчас ты и твой названный брат Роман Селеверстов могли спровоцировать конфликт между двумя государствами. Ты меня понимаешь?

– Никак нет, ваше благородие! Любой бандит или вражеский солдат, творящий безобразия на российской земле, подлежит минимум задержанию, максимум уничтожению.

– Ты дурака-то мне не включай! – Поручик с раздражением посмотрел на меня. – Все ты прекрасно понимаешь. Не просто так солдаты пересекли границу, преследуя спасенных тобою старого корейца и молодую девушку. Презрев границу между двумя государствами, преследовать могут только очень важных преступников, за которых ты, кстати, оригинально заступился, уничтожив всех преследователей. Ты понимаешь, что вы убили солдат,

которые исполняли свой долг, и теперь возможны осложнения с императрицей Цы Си?

– С такой точки зрения прошедшие события я не рассматривал.

«Слабоватый наезд, – отвечая, думал я про себя. – Сюда бы нашего особиста подполковника Лазарева, который курировал отряд в Афгане. Вот это зверь был. Запугать мог так, что не только солдаты, офицеры у него в ногах валялись, моля о прощении. А здесь детский сад, младшая группа».

– Что тебе стало известно о спасенных тобой? Что они рассказали о себе? – задал очередной вопрос жандарм.

Я предельно честно поведал поручику все то, что мне рассказал о себе Джунг Хи, так как не видел причины скрывать эту информацию.

– Интересно! – произнес жандарм, внимательно выслушав мой рассказ. – Получается, Джунг Хи – личный враг королевы Мин.

– Получается, так, – согласился я. – Двенадцать лет назад сделал ставку не на того человека. Потерял всю семью. Теперь пытается спасти внуку и свою жизнь. Поэтому и хочет пробраться в Японию, в надежде, что там королева не сможет их достать.

– Хорошо. Спасибо за информацию. – Поручик поднялся с лавки. – Последний вопрос. Почему ты ввязался в бой? Их было тринадцать, вас только двое.

– Ваше благородие, – я также встал с лавки. – Когда китайский офицер достал саблю и приготовился отрубить голову Мэй, я представил, что это моя сестра, которая пропала пять лет назад при нападении хунхузлов на казачий обоз. Я и сам не понял, как начал стрелять, а потом, увидев, что не успеваю перезарядиться, бросился на солдат с метательными ножами, чтобы не дать убить девчонку. А дальше повезло. Отличная офицерская сабля попала в руки, а солдаты оказались плохими фехтовальщиками. Потом, правда, фортуна повернулась филейной частью. Точнее, лопухнулись, не увидели одного солдата, оставленного в охране.

– Да... Филейной частью, говоришь? Кхм... Оригинально. Собирайся, поедem в станицу. Мне и Мэй надо будет опросить, а я английского языка не знаю. Поможешь.

Беседа жандарма с Мэй Лин, где я поработал переводчиком, не затянулась, а вот общение поручика и старого корейца в конфиденциальной обстановке длилась с перерывами три дня. Как я

понимаю, господин Савельев не мог упустить такого шанса, как вербовка пусть и бывшего, но высокого сановника королевства Чосон. Во всяком случае, у нашего станичного полицейского урядника после отъезда жандармского поручика Джунг Хи и Мэй были записаны как жители станицы Албазина, следующие во Владивосток. Я же получил от жандарма задание наблюдать за стариком с внучкой, после выздоровления Джунг Хи поспособствовать их доставке во Владик. Как сказал, ухмыляясь, поручик: «Твои друзья из компании „Чурин и Ко“ помогут». Отказать целому заместителю начальника отделения Отдельного корпуса жандармов при канцелярии Приамурского генерал-губернатора в такой «просьбе» я, конечно же, не мог.

Через две недели, когда Джунг Хи стал потихоньку вставать и передвигаться, я и Ромка на телеге перевезли его и Мэй ко мне на хутор. Занятия из-за этого теперь проводились до обеда, на ночь из казачат никто не оставался. Для Мэй Лин отгородили в спальняй комнате ее половину с тремя двухъярусными кроватями, а я и дед Джунг ночевали на второй половине.

Как-то незаметно до окончательного выздоровления Джунг Хи пробежало четыре месяца. За неделю до Рождественского поста в станицу должен был вернуться из Шилкинского Завода обоз купца Касьянова со знакомым мне старшиной обоза дядькой Антипом, который мне был обязан спасением при нападении на него красного волка. Когда этот обоз чуть больше месяца назад пошел вверх по реке и его в станице взял под охрану по раннее заключенному контракту с Касьяновым наш первый десяток под командованием Ромки, я с дядькой Антипом договорился, что он на обратном пути до Владика возьмет с собой Джунг Хи и Мэй. А в Благовещенске передаст от меня рекомендательные для них письма и Касьянову и Тарале.

За время, пока мы жили на хуторе вместе, я очень сблизился с Джунг Хи и Мэй Лин. Этому способствовало наше обоюдное обучение языкам. Я учил старого корейца и Мэй русскому языку, а они меня корейскому, китайскому и японскому. Также Джунг Хи обучал меня приемам корейского рукопашного боя «тхэккен», которые передавались в его семье из поколения в поколение начиная с XIII века. Более семисот лет назад молодой воин Ли покорил императора страны Коре своим владением техники «тхэккен», победив тогдашнего чемпиона по технике рукопашного боя «субак». За это Ли был

возведен императором в офицерское звание и дворянское сословие. С тех пор все члены семейства Ли в обязательном порядке изучали технику рукопашного боя «тхэккен». А еще Джунг Хи ознакомил меня со своей семейной реликвией – четвертой книгой «муедоботхонджи», озаглавленной «Техника рукопашного боя», которая включала 38 изображений, напоминающих стойки и удары в тхэквондо в моем будущем мире. По его словам, данная книга писалась по приказу четырнадцатого вана Чосон в XVII веке одним из предков Джунг Хи, каким-то его прапрапра- и еще несколько раз прадедом.

В общем, когда в середине сентября рана перестала беспокоить меня, а мальки и старшаки после занятий до обеда убегали домой, Джунг Хи брался за мою тренировку. Скажу об этих тренировках следующее: режиссеры и сценаристы, которые создавали китайские фильмы про кунг-фу с участием молодого Джеки Чана, удавились бы от зависти, наблюдая за теми упражнениями, которыми меня нагружал добрый дедушка Джунг. Убил бы этого садиста! Только добрая и сожалеющая улыбка Мэй останавливала меня от того, чтобы не послать Джунг Хи куда подальше с его тренировками.

Отношения между мной и Мэй со стороны можно было назвать нейтрально-дружескими. Девочка-девушка имела живой и открытый характер, была любознательна и приветлива от природы. Ее непосредственность и веселость в общении заставляли любовно трепетать как душу старого, битого и циничного спецназовца, так и теперь очень редко появляющегося в моем сознании Тимохи.

На Рождество Богородицы была сыграна свадьба между Семеном Савиным и Анфисой Селеверстовой. Тимохино сознание это событие пережило очень спокойно, так как моя любовь к Мэй Лин вызывала и у него активный положительный отклик. На свадьбу я был приглашен вместе с Джунг Хи и Мэй. Места на лавке в трактире Савина, где играли свадьбу, нам отвели рядом. Посадив Мэй между мной и дедом Джунгом, я ощущал правым боком тепло, которое исходило от нее.

Мэй была одета в специально сшитый для этого случая праздничный корейский хонбок. Этот наряд состоял из длинной шелковой бело-голубой юбки, расшитой цветами, белоснежной рубашки свободного кроя, расшитых чогори и жакета. Когда она в этом наряде и с какой-то умопомрачительной прической вышла из своего огороженного закутка в комнате, я смог только выдохнуть слово:

«Принцесса!» Ромка, который в тарантасе приехал за нами, застыл истуканом, глупо улыбаясь. Ни для кого не было секретом, что в Мэй Лин втрескались поголовно что мальки, что старшаки. Новое, да еще экзотическое всегда притягивает. Амур потратил не один колчан на учебный состав школы. Только на меня два.

В станицу мы прибыли, когда под выстрелы новобрачные отправились из дома невесты на венчание в церковь. Батюшка Александр провел красивую службу, по окончании которой все вернулись к дому Селеверстовых, где новобрачных, а точнее, нововенчанных поздравили отец и мать Анфисы, потом ее крестные, затем братья с женами и все остальные по степени родства.

По окончании поздравлений родственников Анфисы, сваха тетка Лукерья приступила к повиванию, то есть переплетению одной косы девушки в две для замужней женщины. Когда сваха почти расплела у Анфисы косу, на сцену вышел Ромка и со зверским видом тупой стороной ножа начал пилить основание косы у сестры. К нему тут же подбежал дружка жениха-мужа Лунин Фрол с криком: «Стой – постой, не режь косу, серебра тебе за нее несущ». Дальше Ромка и Фрол долго торговались, и в конце концов Ромка косу сестры продал. Дальше были поздравления, благословление венчанных дядькой Петром и теткой Ольгой, после чего молодые и гости отправились в трактир, где их встретили родители Семена Савина.

Атаман Савин, как местный олигарх, немного подправил традиции свадебного обряда и, вместо своего довольно большого дома, решил играть свадьбу в трактире, где уместилось значительно больше народу, чем в доме, да и гостей обслуживать было куда удобней. Тем более на свадьбу кроме станичников приехали компаньоны Савина по торговому делу – гильдейские купцы.

Когда гости расселись в трактире за столы, начались поздравления и вручение подарков с отдарками. Я подарил названной сестре красивый бизилик – серебряный браслет с травленным орнаментом, а Семену вручил черкесский кинжал, богато отделанный серебром. Этот кинжал мне достался как трофеей с убитого хунхуза из засады в распадке у истока реки Дактунак.

Джунг Хи и Мэй вручили Анфисе красивое и дорогое ожерелье из белого жемчуга, а Семену револьвер, тот самый, в 4,2 линии, Смит-Вессон тульского производства, которым Джунг пытался отбиться от

цинских всадников. Этот подарок вызвал дикий восторг у Семена Савина и дружную зависть всех казаков. В Приамурье такое оружие практически не поступало и было на вооружении только у офицеров. Джунг Хи данный револьвер достался по случаю, как оплата за услуги лечения, и как выяснилось, метко стрелять он из него не умел. В преследователей стрелял больше для того, чтобы их задержать, а не попасть. Поэтому по моему совету Джунг Хи легко с ним расстался, в качестве подарка для жениха, при этом приобрел хорошую репутацию у казаков: понимающий и не жадный.

Не меньший восторг на свадьбе вызвал еще один подарок от меня. Когда Анфиса спросила меня после получения всех подарков, не забыл ли я об обещании написать для нее песню о любви казачки к казаку, пришлось радовать молодых музыкальным подарком. Тетка Ольга Селеверстова и ее снохи Ульяна и Елена, с которыми я разучивал этот музыкальный подарок, смогли удержать его в тайне. Поэтому когда они после моего объявления о новой песне, написанной мною специально для названной сестры ко дню ее свадьбы, втроем вышли перед столами, куда степенно выходили гости и поздравляли молодых, в трактире наступила тишина. Песню начала тетка Ольга своим низким грудным голосом:

Каким ты был, таким остался,
Орел степной, казак лихой!

Здесь вступили вторыми голосами Ульяна и Елена, и песня взмыла вверх:

Зачем, зачем ты снова повстречался,
Зачем нарушил мой покой?

Казачки пели мощно, красиво и завораживающе. Когда к третьему куплету песню поддержали все играющие на свадьбе музыканты, то исполнение зазвучало ничуть не хуже того, как звучала эта песня в кинофильме «Кубанские казаки». Эта замечательная мелодия, созданная Исааком Дунаевским на стихи Михаила Исаковского и Михаила Вольпина, завоевала в начале 1950 года сердца миллионов советских людей. Особенно сердца женщин. Сколько себя помню, когда приезжал к деду и бабушке в поселок Черняево, так станицу переименовали в советские времена, за праздничным столом данная

песня звучала обязательно. После свадьбы Семена и Анфисы песня стала суперхитом казачек станицы Черняева и быстро распространилась по Приамурью. А в день свадьбы, когда тетка Ольга и ее снохи закончили песню, сначала наступили звенящая тишина, и только через несколько секунд трактир взорвался криками восторга.

Нехорошо заниматься плагиатом, но некоторые песни, по моему мнению, могли бы звучать и намного раньше, даря радость людям в этом времени. Я же не искал какой-то материальной выгоды! Такими мыслями я успокаивал свою многогрешную душу за очередной грех. Простите меня, будущие авторы и композиторы, за то, что я украл ваши песни.

День свадьбы Анфисы и Семена запомнился мне еще одним событием, которое сильно повлияло на мое сознание и душу. Когда мы с Джунг Хи и Мэй поздним вечером первого дня свадьбы на тарантасе вернулись домой на мой хутор, то кореец, после того как Мэй засопела в своем отгороженном углу, попросил выйти меня на улицу, где у нас на лавочке состоялся непростой разговор.

– Тимофей, мне тяжело начать говорить, – начал Джунг Хи, когда мы сели рядышком на лавку перед домом. – Ты спас жизнь мне и моей внучке, и с горы прожитых лет я вижу твои чувства к ней и ее ответные чувства. Но как бы мне ни было тяжело, я вынужден сказать – нет!

Я, повернув голову, посмотрел в глаза Джунг Хи, который продолжил говорить, не отводя своих глаз:

– Ты плохо знаешь наши обычаи, поэтому не смог рассмотреть определенной информации, которая содержалась в одежде Мэй Лин, которую мы сшили после приглашения на свадьбу. – Старый кореец невесело усмехнулся. – Мне очень захотелось увидеть внучку красивой и в корейском одеянии, которое соответствует ее статусу. Может быть, и зря это сделал. В Чосон одежду белого цвета запрещено носить простым корейцам, а вышивка золотыми нитями, как на платье Мэй, или аппликация кымбак из золотой фольги разрешена только членам королевской семьи. Я не все тебе рассказал, Тимофей. – Как-то постаревший на глазах Джунг Хи замолчал и более тихим голосом продолжил: – Мэй Лин, мой «весенний цветок» действительно моя внучка, но она не дочь погибшего, Чхон Пок и его жены Чжу. Мэй – ребенок другой моей дочери, придворной дамы Ли ранга гвиин из павильона Нэандан, одной из любимых наложниц вана Коджона, двадцать шестого короля династии Чосон.

«Вот это номер, – промелькнуло у меня в голове. – Это получается, что Мэй – корейская принцесса?!» В подтверждение моих мыслей Джунг Хи продолжал тихо-тихо говорить, чуть ли не шепотом:

– Мэй дочь вана Конджона. Когда я тринадцать лет назад выступил против королевы Мин и проиграл, мне не удалось вывести из королевского дворца дочь, но я смог выбраться вместе с годовалой внучкой. Благословенное небо спасло моего сына Чхон Пок и его жену Чжу, их не было в тот день во дворце вана. Нам удалось объединиться и бежать из страны. Для всех посторонних Чжу стала матерью Мэй, а

Чхон отцом. Своих детей они не могли иметь из-за неудачных первых родов Чжу. О своем настоящем происхождении Мэй Лин ничего не знает.

В этот момент мне послышался какой-то шум, а краем левого глаза отметил смывое движение за углом дома.

«Кажется, Мэй подслушивала!» – подумал я, но вслух ничего не произнес. Между тем Джунг Хи, ничего не заметив, продолжал свое повествование.

– Мы старались затеряться на просторах Поднебесной, не найдя, как я надеялся, поддержки у моего друга Тэвонгуна, который и сам находился в это время, можно сказать, под арестом. Тринадцать лет назад я искал убежище в империи Цинь, спрятавшись на самом ее краю. Но королева Мин нашла нас и там. Теперь мы бежим в Японию, с правителями которой у Мин сейчас разногласия. Я не знаю, что нас там ждет. Не знаю, сможем ли мы укрыться от гнева королевы Мин. Но если случится чудо и нас призовет к себе король, я не смогу противиться его приказу и не смогу оставить отца без дочери. Хотя роль дочерей вана от наложниц не особенно завидная.

Джунг Хи положил свою левую ладонь на мое правое колено и сильно сжал его.

– Тимофей, если бы Мэй не была дочерью вана, я тебе сказал бы – ДА! Я тебя сильно уважаю как воина и люблю как сына. Если сможешь, прости меня.

Он замолчал. Молчал и я, переваривая полученную информацию. Надо было что-то сказать, но я не знал, что говорить. В конце концов я, положив ладонь свою сверху на державшую мое колено ладонь корейца и чуть сжав ее, сказал:

– Спасибо за доверие, Джунг Хи. Я никому не скажу об этом. Как только по реке пойдет оказия до Благовещенска или Владивостока, я помогу вам с Мэй уехать. А любовь? А любовь пусть останется!

Через три месяца после этого разговора, когда я провожал с касьяновским обозом Джунг Хи и Мэй, девушка порывисто обняла меня за шею и, неумело поцеловав в губы, прошептала на ухо:

– Я буду ждать тебя, мой Тимохей.

Я, махая рукой вслед саням, увозившим Мэй с дедом, думал о том, что чем черт не шутит, может быть, мы когда-нибудь и встретимся. Как говорил один мой хороший знакомый: «Земля квадратная. За углом

встретимся». И с тех пор в моей душе жила грустная любовь к маленькой корейской принцессе.

Кроме этой любви, в подполе моего дома хранился прощальный подарок Джунг Хи – аптекарская банка объемом в четверть, в которой настаивался корень панцую, или женьшеня, весом в полтора фунта и возрастом около двухсот лет. Обычно сборщики женьшеня выкапывают только зрелые корни десятилетнего возраста, потому что только с десятилетнего возраста корень считался целебным. Чем старше корень, тем целебнее он считается.

По словам Джунг Хи, пятнадцать лет назад в Шанхае был продан корень возрастом в сто пятьдесят лет и весом чуть больше фунта за пять тысяч американских долларов. А за настойку из него великий принц Хынсон, у которого начались некоторые проблемы со здоровьем, готов был уплатить золотом сумму, эквивалентную десяти тысячам американских долларов. Джунг Хи тогда не успел помочь другу – когда он прибыл в Шанхай, корень и настойка из него уплыли в Америку. Чтобы я понял, насколько это дорого, Джунг Хи сказал мне, что средняя заработная плата за месяц простого корейца в те дни составляла пять-десять американских долларов.

Вот такой подарок сделал мне за два месяца до отъезда Джунг Хи, сказав, что настойкой можно будет пользоваться через год. Двадцать-тридцать капель или треть чайной ложки утром после завтрака. Тридцать дней пить. Тридцать дней перерыв. Настойка эта будет панацеей от всех болезней. Когда я пытался отказаться от такого дорогого подарка, Джунг Хи доверительно сообщил мне, что ему повезло в свое время найти два таких корня, и один останется с ним. Будет чем обеспечить свою жизнь в Японии. Только после этой информации я пошел в лавку приобретать аптекарскую банку и спирт.

Эпилог

– Ермак! Смотри, пароходы к пристани подходят!

Я вынырнул из омута воспоминаний от возгласа Ромки и его тычка в бедро. К пристани подходили пароход «Вестник» под штандартом цесаревича и конвоир-пароход «Ермак» с сопровождающими лицами.

Как уже сообщил «казачий телеграф», ритуал посещения станиц цесаревичем Николаем был одинаков. Два парохода с наследником и

сопровождающими его лицами приставали к берегу, все жители станиц от мала до велика приветствовали гостя, преподносили хлеб-соль. Цесаревич проходил через специально выстроенную арку и приветствовал казаков. Казачий отряд станицы показывал свои умения в джигитовке. Затем цесаревич проходил в церковь, где слушал краткий молебен, после которого вновь поднимался на пароход, и тот отчаливал.

На берегу рядом с построенной для встречи цесаревича аркой собралось больше пятисот человек встречающих. Кроме жителей станицы Черняева, приехали делегаты из станиц Толбузина, Ольгина, Кузнецова, со всех выселок и заимок, входящих в Черняевский округ. Все в нарядных одеждах. На конях два моих десятка казачат да десяток лучших казаков-наездников, отобранных со всего округа. Все остальные пешие.

Четырехсотсильные заднеколесные пароходы в деревянных корпусах, «Вестник» и «Ермак», аккуратно притерлись к причалу у станицы. После небольшой паузы на доски причала по трапу вышел цесаревич, а за ним по «табелю о рангах» стала выстраиваться свита.

Я, сидя на Беркуте, смотрел, как к атаману Савину, стоящему с хлебом-солью на цветном рушнике, покрывающем поднос, неторопливым шагом подходил худощавый молодой мужчина с усами, но без запомнившейся мне по тому миру бородки. Одет цесаревич был в белый френч с золотыми погонами с царским вензелем, белую фуражку, темно-синие брюки-галифе, заправленные в сапоги. Подойдя к склонившемуся в поклоне атаману, цесаревич, сняв фуражку, перекрестился, затем отломил кусок хлеба и, макнув его в соль, отправил в рот. За цесаревичем к караваю подошел приамурский генерал-губернатор, командующий войсками Приамурского военного округа, а также наказной атаман Приамурских казачьих войск генерал-адъютант Корф. Сверкая золотыми адъютантскими погонами и аксельбантами, Корф также снял белую фуражку, перекрестился и, разгладив свою знаменитую бороду-бакенбарды на две стороны, вкусил хлеб-соль. После чего, надев фуражку, забрал у атамана поднос с хлебом-солью и передал назад кому-то из свитских. В этот момент раздался приветственный рев собравшихся на берегу казаков и казачек.

Я же, глядя на эту картину, думал о том, что через двадцать семь лет в моем прежнем мире этот молодой цесаревич за двадцать три года

правления придет к двадцати трем ступеням в подвал Ипатьевского дома. Что же случилось в стране за столь короткое по историческим меркам время, чтобы вот эта боготворящая царского сына толпа спокойно восприняла отречение от трона императора и его убийство вместе с семьей? В настоящее время помазанник божий и вся его семья почти для всех в Российской империи олицетворяют власть бога на земле. Но вскоре после смерти Александра III политическая, социальная и религиозная обстановка резко изменится. Почему это произойдет? Как много подобных вопросов возникает в мозгу, когда видишь купающегося сейчас в народной любви цесаревича!

Почему вопреки родительской воле Николай женится на истеричной «гессенской мухе», которая не могла дать здорового наследника? Почему случилась трагедия на Ходынском поле? И почему Николай никак не отреагировал на нее? Почему газеты встречали ликованиями наши неудачи на японском фронте? Почему произошло «Кровавое воскресенье»? Почему командующие армиями в Первой мировой войне интересовались нарастанием антимонархических настроений в тылу армии больше, чем победами над немцами на фронте? Почему после отречения Николая II лишь командир Гвардейского кавалерийского корпуса хан Нахичеванский созвал командиров полков и от их имени и от себя лично направил царю телеграмму о готовности выступить на его защиту? Поддержали хана только командующий западным фронтом генерал от кавалерии Гурко и командир кавалерийского корпуса граф Келлер. Почему? Почему? Неужели во всем этом вина этого молодого человека, который оказался не на своем месте? Или оказался слишком слабым для того, чтобы быть капитаном корабля под названием «Российская империя» во время шторма? Или в этот шторм он корабль-империю по глупости и завел?

Я задумался, вспомнив своего восьмидесятишестилетнего прадеда, у которого только один раз в тринадцатилетнем возрасте прожил лето в Старочеркасске. У прадеда с дедом были какие-то трения, в результате которых дед после Великой Отечественной войны и войны против Японии в 1945 году на Дон не вернулся, а остался на Амуре. Поэтому в Старочеркасск меня отправили на лето только один раз и по личной просьбе прадеда за полгода до его смерти.

Прадед Тимофей, в честь которого меня назвали, за рассказывание ненавидел советскую власть люто. Хотя в свое время после Первой мировой войны принял власть Советов всем сердцем и защищал ее от врагов до 1922 года, закончив Гражданскую войну командиром эскадрона разведки в Первой конной армии Буденного. Прадед, рассказывая мне историю аленинского рода и донского казачества, неоднократно с теплом отзывался об императоре Николае II, вспоминая, как хорошо при нем жили казаки на Дону. Но один раз он с какою-то тоскою в глазах произнес, что если бы Советы не рассказали казаков, не раскулачили народ, загнав в колхозы с одними трудоднями без хлеба, как каких-то крепостных, если бы попржижали своих партийных начальников-бюрократов, что дури много несли, дав людям спокойно вздохнуть, то о другой власти можно было бы и не мечтать. После чего, слеповато щурясь на солнце, стал загибать пальцы на левой руке, перечисляя достижения советского государства: образование всем бесплатно дают, только не ленись и учись хоть в институте, хоть в университете; детишек в детских садах, школах и лагерях кормят бесплатно, а студентам стипендии платят и общежитие дают. Рабочему человеку почет и уважение, премируют и награждают. Петьке Яшину, который в этом году больше всех в станице хлеба на комбайне намолотил, мотоцикл «Урал» бесплатно вручили.

Жилье получить в городе можно! Отработал какое-то время на заводе – квартиру отдельную получил. У них в колхозе новую улицу начали из кирпичных домов, которые бесплатно дают молодым специалистам, приезжающим в колхоз на работу по распределению. Агроному дали, бухгалтеру дали, счетоводу дали, механику дали, двум учителям молодым дали. А при царе только богатые могли купить дом из кирпича.

Квартплата небольшая, врачам платить не нужно. Много хорошего советская власть дала, и если бы коммунисты-начальники крови столько не лили да дали бы возможность на себя трудиться, как при нэпе, то жить стало бы намного лучше. И прадед добавил, что ум за разум заходит, как выбрать тут добро и зло, если они вперемешку.

Вот и я смотрел на подходящего к нашему строю будущего императора Всея Руси и не мог выбрать для себя, как мне относиться к этому человеку. И если доведется пообщаться, какую линию поведения выбрать? Попытаться намекнуть на грядущие события или

промолчать? Рассказать о своей задумке по созданию подразделений спецназа или нет? Так и не выбрав, я решил положиться на русское авось, которое обязательно к счастливому решению вопроса выведет.

Между тем цесаревич Николай со свитой и окружившими его жителями Черняевского округа направился к нашему конному строю. Не дожидаясь их подхода, я дал казачатам команду: «Слезай».

А когда мои орлы застыли с левой стороны своих коников, подал команду: «Смирно-о-о!»

Докладывать к цесаревичу не вышел, так как мне такого указания не было, а все руководство станицы вертелось рядом с будущим императором.

Цесаревич Николай отделился от свиты и в одиночку пошел вдоль первой шеренги, останавливаясь перед каждым казачком, внимательно его разглядывая. Строй казачат, кажется, перестал дышать. Скопив влево взгляд, я увидел, как старшаки и мальки, перед которыми останавливался цесаревич, как будто вырастали на пару-тройку сантиметров. Начав с левого фланга, через некоторое время цесаревич Николай дошел до моего места в строю. Внимательно осмотрев спокойным взглядом меня с ног до головы, таким же спокойно-скужающим голосом произнес:

– Так вот ты какой, Тимофей Аленин. И что ты и твои ученики можете мне показать?

Телохранитель

Пролог

– Ложись!!! – с этим криком я схватил цесаревича за плечи и, рванув на себя и вниз, бросил наследника на палубу, навалившись на него сверху.

Пока остальные застыли в оцепенении, Тур и Леший прыгнули вперёд и уже под раздавшиеся с острова выстрелы повалили генерал-губернатора и князя Барятинского. Тур и хозяин Приамурья при падении одновременно вскрикнули.

«Здорово я ребят натаскал за два года. Как быстро среагировали», – самодовольно подумал я и осёкся, увидев кровь на спине Тура и лице генерал-губернатора.

В то же мгновение раздался ещё один залп, и у борта справа рядом с носом рухнули два атаманца, которые никак не отреагировали на мой крик и продолжали стоять в полный рост, успев только вскинуть к плечу винтовки. «Не жильцы, – подумал я. – Так раненые не падают». Кроме атаманцев, схватившись за грудь, на палубу повалился штабс-ротмистр Волков. Есаул Вершинин и доктор Рамбах присели, а капитан Самохвалов застыл столбом.

Цесаревич энергично завозился, пытаюсь скинуть меня с себя.

– Ваше высочество, лежите спокойно. Это нападение. Не поднимайтесь, – скороговоркой выпалил я в лицо побледневшему Николаю. – Лежите! Здесь непростреливаемая зона получается.

Я сполз с цесаревича и огляделся. Картина была удручающей. Хотя до острова оставалось еще метров триста, слаженные многочисленные залпы спрятавшихся в кустах бандитов нанесли ощутимые потери.

Из четырёх атаманцев, которые были на баке, трое были мертвы, четвёртый лежал на спине, и при выдохе у него на губах надулся кровавый пузырь. Были ранены Тур и генерал-губернатор. Остальные атаманцы и Ус, который был по видимому мне борту, укрылись, спрятавшись за борт. Что творилось на другой стороне парохода, я не видел. Но будем надеяться, что Лис и Чуб уцелели.

Князь Барятинский на четвереньках уже подобрался к убитому атаманцу и вытаскивал из-под него винтовку. «Вот это реакция у генерала, – подумал я. – Подтверждает на деле его сиятельство, что золотое оружие в этом времени просто так не давали».

Я расстегнул клапан подсумка и достал наш индивидуальный медицинский пакет. «Доктор! Доктор!» – позвал я фон Рамбаха. Когда тот сфокусировал на мне взгляд, бросил ему пакет.

– Доктор, перевяжите генерал-губернатора. Он ранен.

Доктор осмысленно кивнул, подобрал сверток, подполз на коленях к Корфу и начал разворачивать медпакет.

– Тур! Тур! – окликнул я Антипа. – Ты как?

Верхотуров повернул в мою сторону голову.

– Нормально всё, Ермак. Только перед глазами плывёт.

– Тур, достань медпакет и отдай доктору. Он тебя сейчас перевяжет. Леший, аккуратнее. Смещайся вдоль борта, не застывай на месте, – крикнул Вовке, который уже вёл огонь по засаде, укрываясь бортом и перемещаясь вдоль него после каждого выстрела.

Пока я осматривался и раздавал первые распоряжения, Николай лежал на спине и внимательно смотрел на меня.

– Тебе совсем не страшно, Тимофей? – внезапно задал вопрос цесаревич.

– Страшно, ваше высочество, ещё как страшно. Вы пока полежите. А мне надо в чувство капитана привести.

Резко выдохнув, я вскочил на ноги и, сделав пару шагов, прыгнул на капитана парохода, уронив его на палубу. Сделал я это вовремя. По стенке кают вновь забарабанили пули. Наверху раздался звук разбитого стекла.

«Стёкла в рубке разнесли», – подумал я, развернув капитана лицом к себе.

– Господин капитан, вы меня слышите? Господин капитан!

Глаза на бледном с синюшным отливом лице Самохвалова бессмысленно уставились на меня.

«Шок! Причём конкретный! Да здравствует интенсивная терапия! Будем клин клином вышибать!» – подумал я и закатил капитану пару оплеух.

– Ты, хрен водоплавающий, якорь тебе в зад, ты меня слышишь? – заорал я в ухо капитану.

Самохвалов очумело затряс головой и с испугом посмотрел на меня.

– Ты должен сейчас меня бояться! Понял, сцука? – я выхватил из крепления метательный нож и, скорчив зверскую рожу, приставил его

остриё к глазу капитана. – Если ты сейчас не сделаешь то, что я тебе прикажу, я тебе глаз выколю!

По вискам капитана поползли капли пота, но взгляд стал более осмысленный.

Я поднялся и рывком за ворот поднял с палубы капитана.

– Бегом в рубку, – я толкнул Самохвалова в спину, заставляя его быстрее перебирать ногами.

Пробежав вдоль борта, добрались до трапа, который вёл наверх. Подталкивая капитана, поднялись в рулевую рубку с разбитыми стёклами и отверстиями от пуль в стене. На огромном, в человеческий рост, рулевом колесе мёртвым грузом обвис рулевой. Отвалив тело в сторону, я поставил к колесу капитана.

– Слушай сюда! Правишь вон туда между островом и берегом в пойму, – я указал направление ножом. – Всё понял?

– Как смеешь так со мной разговаривать, казак? – лицо капитана стало багроветь.

– Отлично! В себя наконец-то пришли, ваше благородие. – Я убрал в разгрузку нож. – Живы останемся, принесу вам все мыслимые извинения. А сейчас правьте туда, куда я указал, и на полном ходу.

– Мы можем там сесть на мель и застрять!

– Ваше благородие, главная задача – спасти государя наследника. Целостность парохода – полная ерунда. Там в пойме нас казаки прикроют, и цесаревича можно будет на берег эвакуировать.

– Хорошо! – окончательно пришедший в себя Самохвалов, подошёл к раструбу переговорной трубы и заорал: – Механик, механик, полный ход, самый полный!!!

Я выскочил из рубки и скатился по трапу. Увидев испуганные глаза матроса Прошки, крикнул ему:

– Двух рулевых, что с «Ермака» перевели, мухой в рубку.

Прошка, развернувшись, побежал под навес на баке.

Всё это время, пока я разбирался с капитаном парохода, судно продолжали обстреливать. С носа корабля редко стреляли оставшиеся в живых и целые Леший, есаул Вершинин, князь Барятинский, а также подскочившие на нос по правому борту Чуб, Ус и два атаманца.

Корабль между тем начал резко набирать ход, поворачивая к правому берегу и подставляя для обстрела левый борт. С юта и из-за левого борта защелкали выстрелы находившихся там атаманцев и

Лиса. Пароход-конвоир также стал набирать ход, пытаясь обойти «Вестник» и закрыть его собой. С него также затрещали выстрелы винтовок.

Я, пригибаясь, подбежал к цесаревичу и упал на палубу. Та бухта каната, на которой я сидел, и свёрнутый канат носового якоря создали небольшой, непробиваемый для пуль щит, где разместились уже перевязанные Корф и находящийся без сознания Тур, доктор Рамбах, а также перебравшийся к ним наследник престола.

– Ваше высочество, судно начало поворот направо, переберитесь дальше за канаты, чтобы не попасть под обстрел.

Я резко встал на колени и, приложив винтовку к плечу, посмотрел на быстро приблизившийся остров, до которого оставалось метров сто. Над головой свистнула пуля, и я непроизвольно пригнул голову.

– Аленин?! – услышал я басовитый рык Барятинского.

Повернув голову на окрик, увидел князя, пригнувшегося за бортом и перезаряжающего подствольный магазин винтовки Лебеля. Вид у его светлости был грозен. Борода распушилась, глаза из-под густых бровей сверкали, по левой щеке от виска стекала струйка крови.

– Куда пароход повернул, говори?

– В пойму к нашему берегу, там государя наследника можно будет на сушу переправить под защиту казаков. Их там больше полусотни.

– Молодец! Правильно решил! – Барятинский, вставив десятый патрон в ствол, задвинул затвор. – Братцы, защитим государя наследника! Огонь по супостату!

Вслед за князем, приподнявшись над бортом, открыли огонь все защитники носовой части парохода. Я вскинул винтовку и прицелился в мелькнувший за кустом на берегу силуэт. Выстрел. Перезарядка. Сместился левее на шаг. Поиск цели на берегу. Вспышка из кустов. Аккуратно под срез целимся. Выстрел. Из кустов выпала винтовка.

«Вестник» между тем, набрав приличную скорость, прошёл ближайшую к острову Разбойной точку и начал отдаляться от засады, заходя за затопленный остров. Пули все ещё стучали, впиваясь в борта, стенки кают. Но обстрел стихал, становясь реже.

«Ермак» почти догнал пароход цесаревича и начал сбавлять ход. С него велась интенсивная стрельба по месту засады. Судя по частоте выстрелов, потерь с нашей стороны на конвоире почти не было.

Тут, я краем глаза заметил, что Николай хочет подняться на ноги.

– Ваше высочество, лежите, ради бога. Не хватало ещё, чтобы в вас попали.

– Не много ли на себя берёшь, Аленин? – Бледное лицо Николая стало наливаясь кровью. – Все воюют, а я прячусь, как какой-то жалкий трус.

– Ваше высочество, уже пять ваших атаманцев из конвоя погибли, чтобы вы остались живы. Не делайте их гибель бессмысленной.

– Тимофей прав, государя наследник, – раздался слабый и тихий голос генерал-губернатора. – Укройтесь, пока не добрались до безопасного места. Вы должны остаться живым. И это не трусость.

Я, заметив, как из кустов засады выскочили три бандита, стреляя вслед пароходу, выцелил крайнего и свалил его. Раздавшемуся следом с палубы ещё несколько выстрелов уложил на песок и оставшихся двух нападавших.

Пароход в это время начал сбавлять скорость и, пройдя полузатопленный остров, вошёл в пойму, наматывая на колесо траву. Раздался треск, пароход дёрнулся несколько раз, сбивая всех стоящих с ног, и встал окончательно. Гребное колесо ещё молотило по воде, выбрасывая за кормой кучу ила. Через несколько секунд раздался треск, и колесо остановилось. Я приподнялся с палубы, оглядываясь по сторонам.

«Ну что ж, могло быть и хуже», – подумал я. Судно с маху вошло на заливные луга метров на пятнадцать. Полузатопленный остров прикрыл пароход от засады на острове Разбойный, до которой было метров двести пятьдесят. «Ермак», дав задний ход, резко тормозил, стараясь не войти на затопленный луг и также перекрыть директрису стрельбы для бандитов.

На берегу, куда упиралась пойма реки, столпились верховые и пешие казаки Черняевского округа, часть из которых продолжала стрелять в сторону островов, а часть, в основном пешие, спускались к воде. Над водой разносились матерные конструкции Митяя Широкого.

– Уф-ф, кажется, отбились, – пробасил Барятинский, поднимаясь на ноги и передёргивая затвор винтовки. – С русско-турецкой войны так не веселился.

– Тимофей, поинтересуйтесь у капитана, как будем переправляться на берег, – буквально прошептал генерал-губернатор, с восковым лицом и посиневшими губами.

«Серьёзно дедушку Корфа задели», – подумал я, полностью распрямившись. Стрельба стихла. Я повернулся и, наклонившись, спросил у продолжавшего лежать цесаревича:

– Разрешите выполнять, ваше императорское высочество?

– Иди, выполняй, Тимофей. Только не грози больше Аркадию Зиновьевичу глаз ножом выколоть, – усмехнулся наследник престола.

– Ваше императорское высочество, вы пока не вставайте. Мало ли что. Остров с засадой рядом, – как можно проникновенней попросил я Николая, после чего повернулся в сторону казачат, которые находились на носу.

– Леший, Ус, Чуб, прикрыть государя наследника. Лис, осмотри места, откуда нас смогут огнём достать.

Отдав приказания ребятам и убедившись, что Вовка, Феофан и Устин прикрыли цесаревича, я сделал где-то шесть шагов к трапу на капитанский мостик, когда раздался панический крик Лиса: «Ермак, на два часа дерево, двести шагов!»

Повернув голову направо, сразу зафиксировал взглядом высокое дерево на острове Разбойный, в кроне которого темнело что-то крупное. А потом в том же месте глаза резанула вспышка на солнце.

– Лис, стреляй!!! – заорал, понимая, что с дерева Николай виден как на ладони и не прикрыт казачатами. Я полуобернулся и, увидев, что Николай лежит на том же месте, сделал назад два шага, а потом, как вратарь, прыгающий в девятку за мячом, разрывая мышцы на ногах, толкнул своё тело вверх-вправо, перекрывая возможную траекторию пули.

Время, как всегда в таких ситуациях, замедлилось. Моё тело зависло в верхней точке прыжка, а выстрела всё не было.

«На хрена мне это надо?» – успел подумать я, как тупой и сильный удар в левую сторону груди выбил из меня дух, а потом наступила полная темнота. Как упал на палубу, я уже не почувствовал.

Глава 1

Встреча государя наследника

Двадцать третьего июня тысяча восемьсот девяносто первого года ранним утром к пристани станицы Черняева подходил, дымя черным дымом из единственной трубы, пароход «Вестник» под штандартом цесаревича в сопровождении однотипного конвоир-парохода «Ермак». Через несколько минут на станичную землю должна была ступить нога второго по значимости человека в Российской империи – Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича Романова.

В апреле месяце в станицу пришло предписание из канцелярии генерал-губернатора Приамурья, в котором сообщалось, что в июле тысяча восемьсот девяносто первого года станицу, возможно, посетит цесаревич. В управлении Черняевского округа начались горячие денёчки. Атаман Савин за два месяца похудел килограммов на пять и осунулся лицом.

В начале мая в разговорах о подготовке к встрече цесаревича впервые мелькнула мысль, а не показать ли цесаревичу мою школу и выучку казачат. После этого заболела голова и у меня. Стал готовить программу показательных выступлений в лучших традициях спецназа, а также вылизывать силами учеников Казачьей школы станицы Черняева дом-казарму и полигон. Вот таким образом обозвали мою школу атаман и станичные старейшины. Как финансировать учёбу, так сами, а как показать цесаревичу, так станичная школа.

Изначально по плану цесаревич должен был прибыть во Владивосток в июне тысяча восемьсот девяносто первого года. Но происшествие в Японии, когда наследник получил по голове саблей от «тронутого» самурая-полицейского, способствовало сокращению японской программы. Утром в субботу одиннадцатого мая тысяча восемьсот девяносто первого года Николай Романов прибыл во Владивосток, где пробыл одиннадцать суток.

Первое, что сделал цесаревич по прибытии во Владик – объявил Всемилоостивейший Его Императорского Величества Александра III Манифест: *«В ознаменование посещения Сибири Любезнейшим Сыном*

Нашим, Государя Наследником Цесаревичем и Великим Князем Николаем Александровичем, желая явить милость Нашу тем из отбывающих ныне в Сибири наказания, в силу судебных приговоров, ссыльных, кои по день прибытия Его Императорского Высочества в пределы Сибири распределены в установленном порядке, повелеваем: первое – ссыльнокаторжным, которые добрым поведением и прилежанием к труду достойны снисхождения, уменьшить назначенные судом сроки каторги до двух третей, бессрочную каторгу заменить срочною на двадцать лет; второе – осуждённым за преступления, содеянные в несовершеннолетнем возрасте, в каторжные работы менее четырех лет, ныне же перечислить в разряд ссыльнопоселенцев...»

Этот манифест уже две недели висел у сборной станичной избы на «доске объявлений», как я про себя называл этот укрытый козырьком от непогоды деревянный щит. Казаки читали и витиевато-матерно излагали своё мнение. Общий смысл звучал: «Послабление царя варнакам к добру не приведёт».

«Казачий телеграф» с опозданием в несколько дней сообщал в станицу о событиях, связанных с нахождением государя наследника на земле Приамурья. Их было очень много, Николай Романов активно участвовал в социально-политической жизни губернаторства.

С моей точки зрения, из всех событий наиболее значимой была закладка станции Владивосток, как начало Великого Сибирского Пути длиной в восемь тысяч километров, который должен был соединить территории Дальнего Востока и сибирских областей с сетью внутренних рельсовых сообщений Российской империи. Второе – начало строительства сухого дока для ремонта военных кораблей во Владике.

Двадцать четвёртого мая в станицу дошли сведения об огромном успехе представителей молодого Уссурийского казачьего войска. В селе Никольское (будущий город Уссурийск) его высочеству был представлен взвод казачат-уссурийцев в возрасте от восьми до четырнадцати лет. Стройный и молодцеватый вид этого взвода, проявленная ими лихость в скачках и джигитовке вызвали одобрение Николая. Ещё позже стало известно, что цесаревич благодарил командира казачьего дивизиона полковника Глена: *«Благодарю вас, полковник, казачата представились молодцами, телеграфировал о них*

отдельно государю императору, благодарю ещё раз». Также цесаревич упомянул, что «среди уссурийских казаков чувствует себя как дома».

Данное известие привело к тому, что атаман Савин и старейшины окончательно решили, что казачья школа станицы Черняева будет представлена цесаревичу. «Необходимо, чтобы и среди амурских казаков государя наследник чувствовал себя как дома», – озвучили итог своего решения старейшины.

Для меня и казачат начался настоящий ад. С полигона мы не вылезали с рассвета и до заката. Хорошо хоть, на наше питание из станичной казны средства выделили. И, слава богу, из контролирующих лиц был один вахмистр Шохирев, который никуда не лез, а лишь смотрел и, как говорится, мотал информацию на ус.

Ещё хорошей новостью была информация о том, что в Благовещенске на скачках первоочередного дивизиона Амурского полка, которые прошли после парада в присутствии наследника, их победителем оказался Василий Чуев. Именно он ещё в тысяча восемьсот восемьдесят девятом году во время состязаний казаков-малолеток показал лучшую джигитовку, а теперь служил первый год в Амурском конном полку.

Сегодня весь подготовительный ад ко встрече цесаревича закончился, и я, возглавляя двухшереножный конный строй казачат школы, сидя на любимом Беркуте, ждал встречи с Николаем Романовым.

Пароходы подходили к построенной для встречи наследника государя пристани. В позапрошлом году, после сдачи испытаний на зрелость в Благовещенской гимназии, я возвращался в станицу на барже, которую тянул пароход «Ермак». Во время этого плавания убедился, что этот деревянный пароход с гребным колесом в корме имеет низкую осадку и способен подходить к самому берегу. Но руководство Черняевского округа решило перестраховаться и построило деревянную пристань.

На берегу, рядом с построенной для встречи будущего императора аркой собралось больше пятисот человек. Кроме жителей Черняева, приехали делегаты из станиц Толбузина, Ольгино, Кузнецова, со всех выселок и заимок, входящих в Черняевский округ. Все в нарядных одеждах. На конях два десятка моих казачат да десяток лучших

казаков-наездников, отобранных со всего округа. Все остальные пешие.

«Вестник» и «Ермак» аккуратно притерлись к причалу у станицы. После небольшой паузы на доски причала по переброшенному с парохода трапу вышел цесаревич, а за ним по «табелю о рангах» стала выстраиваться свита. Поскольку однотипные пароходы имели по десять кают, то в относительном комфорте первого класса на них могли разместиться человек двадцать, поэтому свита была небольшой.

Сидя на Беркуте, я смотрел, как к атаману Савину, стоящему с хлебом-солью на цветном рушнике, покрывающем поднос, неторопливым шагом подходил худощавый молодой мужчина с усами, но без запомнившейся мне по тому миру бородки. Одет цесаревич был в белый френч с золотыми погонами с царским вензелем, белую фуражку, темно-синие брюки-галифе, заправленные в сапоги. Подойдя к склонившемуся в поклоне атаману, Николай, сняв фуражку, перекрестился, затем отломил кусок хлеба и, макнув его в соль, отправил в рот.

За цесаревичем к каравая подошёл приамурский генерал-губернатор, командующий войсками Приамурского военного округа, а также наказной атаман Приамурских казачьих войск генерал-адъютант Корф. Сверкая золотыми адъютантскими погонами и аксельбантами, Корф также снял белую фуражку, перекрестился и, разгладив свою знаменитую бороду-бакенбарды на две стороны, вкусил хлеб-соль. После чего, надев фуражку, забрал у атамана поднос с хлеб-солью и передал назад кому-то из свитских. В этот момент раздался приветственный рёв собравшихся на берегу казаков и казачек.

Я, глядя на эту картину, судорожно прогонял в голове те сведения, которые мне были известны о будущем царе Николае Втором и пытался определиться в своём отношении к нему, а также пытался понять, стоит или не стоит делиться с ним информацией из будущего.

Приветственно кивая, цесаревич в сопровождении свиты и окружившей его толпы прошёл через арку, увитую зеленью и лентами. Приблизившись к нашему конному строю, который стоял отдельно за встречающими и за аркой, он отделился от свиты. Не дожидаясь, пока он подойдет, я дал казачатам команду: «Слезай». А когда мои орлы застыли с левой стороны своих коников, подал команду: «Смирно-о-о!» Докладывать к цесаревичу не вышел, так как мне такого указания

не было, а всё руководство станицы вертелось рядом с будущим императором.

Николай в одиночку пошел вдоль первой шеренги, останавливаясь перед каждым казачком, внимательно его разглядывая. Строй казачат, кажется, перестал дышать. Скосив влево взгляд, я увидел, как старшаки и мальки, перед которыми останавливался цесаревич, как будто выросли на пару-тройку сантиметров. Начав с левого фланга, через некоторое время наследник российского престола дошёл до моего места в строю. Внимательно осмотрев спокойным взглядом меня с ног до головы, таким же спокойно-скучающим голосом произнёс:

– Так вот ты какой, Тимофей Аленин. И что ты и твои ученики могут мне показать?

– Ваше императорское высочество, – оторопев от такого начала, я попытался, не дрогнув голосом, доложить, – в двух верстах от станицы находится Казачья школа станицы Черняева, в которой воинскому делу обучается двадцать казачат в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет. На территории школы есть полоса препятствий, спортивный городок и оборудованное стрельбище. На этой базе учащиеся школы могут показать вам свои умения и навыки. Рискну предположить, что такого вы не видели ни в одной из станиц, которые уже посетили.

В этот момент к строю подошла свита цесаревича, а генерал-губернатор Корф, услышав конец моего доклада, поинтересовался:

– Ваше императорское высочество, о каком показе умений и навыков рассказывал вам этот молодой казак?

– Уважаемый Андрей Николаевич, – наследник трона, чуть развернувшись, взял генерал-губернатора Приамурья под локоть. – Вы услышали конец доклада от очень известного на Амуре молодого казака, о котором мне все уши прожужжали князь Ухтомский и начальник моего Конвоя атаманцев есаул Вершинин.

– И чем же он известен?

– Об этом лучше услышать из уст князя. – Николай повернулся к свите. – Эспер Эсперович, подойдите к нам, пожалуйста. Перед нами тот самый молодой казак Аленин стоит, о котором вы так много мне рассказывали и, кажется, собираетесь о нём даже в книге о нашем путешествии упомянуть.

От свиты отделился и направился к будущему императору мужчина лет тридцати, среднего роста, с ухоженными усами и бородой, единственный в свите одетый в гражданский фрак, рубашку, жилет, брюки и ботинки. Подойдя к цесаревичу и генерал-губернатору, мужчина поинтересовался:

– Вы звали меня, ваше высочество?

– Звал, Эспер Эсперович. Вот, ваше сиятельство, полюбуйтесь, – Николай указал на меня правой рукой, как Ленин с броневика. – Это Тимофей Аленин! Прошу любить и жаловать!

– Эспер Эсперович, чем же знаменит сей казачок? Просветите! – В разговор вмешался генерал-губернатор Корф.

– Ваше превосходительство, как только наша экспедиция вступила на землю Приамурья, а особенно после посещения Благовещенска, при общении с местными жителями я стал часто слышать о молодом казаке Аленине из станицы Черняева. При этом повествуют о нём, как о былинном герое. Какие подвиги ему приписывают, спросите вы?! Первый. В четырнадцать лет, будучи раненым, в одиночку уничтожил двадцать одного китайского бандита. Второй. Как очень меткий стрелок, из винтовки на мишени может нарисовать буквы. Третий. Уничтожил с десятком молодых казачат огромную банду самого Золотого Лю, отобрав у него золото.

– Подождите, ваше сиятельство, – генерал-губернатор жестом руки также попросил князя остановить речь. – Получается, это ты нашёл тела барона с баронессой Колокольцевых и их дочери?

Корф уставился на меня немигающим взглядом, и мне показалось, что в его зрачках начал полыхать огонь.

– Так точно, ваше превосходительство. Извините, но мы не знали, что может произойти такая трагедия. У нас был обычный учебный выход. О том, что ваши родственники и их сопровождение идут по тропе от Зейской пристани нам навстречу, мы не знали, поэтому и не смогли помочь.

– А что можешь сказать о Золотом Лю?

– Ваше превосходительство, я не знаю, откуда взялись такие слухи. Банду Золотого Лю уничтожила Албазинская сотня под командованием ротмистра, точнее подполковника Печёнкина.

– Ври, ври, да не завирайся, – генерал-губернатор разгладил рукой свою шикарную двойную бороду-бакенбарды. – Я всё-таки генерал-

губернатор Приамурья. Неужели, сопляк, думаешь, что меня какой-то ротмистр смог обмануть?! Знаю я, как всё было на самом деле. Доложили те, кому положено. Но не всё! Твоей фамилии не звучало в докладе.

Корф посмотрел на цесаревича Николая и, как бы спросив разрешения, вышел перед строем казачат.

– Полюбуйтесь, ваше императорское высочество, вся первая шеренга на отличных ухоженных конях, в новенькой форме, портупей неизвестной конструкции, но смотрятся красиво. Таких ладных казаков строевого разряда не всегда увидишь! Как я понял, все из первой шеренги участвовали в бою с бандой Золотого Лю?! Взгляд дерзкий и смелый. Орлы!

Генерал-губернатор сделал паузу.

– Кто нашёл мою племянницу?

Строй казачат, который застыл монолитом вместе с конями, перестал дышать. Сложилось впечатление, что и кони превратились в статуи.

– Я, ваше превосходительство, – ответил Владимир Лесков с позывным Леший и вытянулся, будто аршин проглотил.

Корф подошёл к Лешему. Достав из бокового кармана мундира часы, сверкнувшие на солнце золотом, генерал-губернатор, взяв правую руку Вовки, вложил часы в ладонь молодого казака.

– Спасибо тебе, казак, если бы не ты, и косточек бы не осталось моих кровиночек Лизаньки и внучки Настеньки для похорон!

Губернатор Приамурья снял фуражку и перекрестился.

– И всем остальным выражаю свою благодарность! – произнёс генерал-губернатор, надев фуражку и отдав честь.

– Рады стараться, ваше превосходительство!!! – рявкнул строй учеников школы.

«Не одну неделю тренировались», – подумал я.

– Что же, если с этим вопросом разобрались, надо как-то выдвигаться на учебную базу. Я правильно, Тимофей, назвал место обучения? – перевел на себя внимание цесаревич. – Князь Кочубей, организуйте нашу доставку к школе.

Эти слова были обращены к высокому, худощавому ротмистру в форме Кавалергардского Ее Величества полка. Услышав Николая, ротмистр, коротко кивнув, взял под локотки атамана Савина с

протоиереем Ташлыковым и вывел их в сторону от окружившей Николая свиты.

«Вот и решился вопрос о том, что захочет посмотреть государя наследник», – подумал я про себя.

Цесаревич Николай, отметив, что опять завладел всеобщим вниманием, обратился к князю Ухтомскому:

– Эспер Эсперович, закончите повествование о героических свершениях казака Аленина. Эта информация с каждым новым его подвигом становится всё интереснее и интереснее.

Князь Ухтомский, склонив в вежливом поклоне голову, продолжил:

– Итак, господа, я остановился на разгроме банды Золотого Лю и получении в качестве трофеев золота. В среде казаков ходят ещё страшилки в виде отрезанных голов и ушей бандитов, якобы представленных в качестве доказательства разгрома банды.

– Не совсем страшилки, ваше сиятельство, – прервал князя генерал-губернатор. – В мою канцелярию действительно доставили для опознания голову Лю Ханьцзы по прозвищу Золотой Лю. Голова неплохо сохранилась, и Лю был опознан. Про уши также что-то говорили, но утверждать не буду. Не вникал в эту тему глубоко.

– Боже мой, какая мерзость и дикость! – цесаревич передёрнул плечами. – Варварство какое-то! Но продолжайте, князь.

– Хорошо. Продолжаю. Следующий подвиг казака Аленина – это уничтожение огромной стаи красных волков, которая напала на обоз с товаром торгового дома «Чурин и К°».

Князь Ухтомский потёр рукой лоб, как бы сосредотачиваясь и что-то вспоминая.

– Если проанализировать все слухи об этой эпической битве, то можно сделать следующие краткие выводы. Первое. Непонятно за какие заслуги Чурин нанял в охрану молодых казачат, а не опытных казаков. Второе. Несмотря на свою молодость, они уничтожили огромную стаю волков, чуть ли не в сто голов. Третье. Потерь среди людей в обозе не было. Четвертое. Красные волки казачат не трогали, потому что те заветное слово знают. И последнее. Аленин убил вожака и большую часть волчьей стаи, спас обозного старшину, а ещё вылечил от бешенства и антонова огня казака, которого искусал волк.

– А можно узнать – сколько реально было волков? – задал вопрос штабс-ротмистр в форме лейб-гвардии Гусарского Его Величества

полка.

– Отвечайте, Аленин. Свита ждёт! – усмехаясь, попросил или приказал Николай.

– Шестьдесят один волк. Из них нашим охранным десятком было убито сорок один. Остальных уничтожили обозники. Лично пристрелил четверых. Вожак был убит мною, и волк, который запрыгнул на плечи старшине обоза и попытался перегрызть ему шею. У казака бешенства и заражения крови не было. Я прочистил ему отгноя места укусов и наложил повязку. Такого нагноения не было бы, если бы укушенный давал ежедневно себя перевязывать или менял повязку сам. За трое суток тот перевязок не делал, из-за чего началось сильное воспаление. Заветное слово от красных волков – это народная сказка.

– Чётко, кратко, ёмко! Молодец казак! – Эти слова произнёс суровый генерал-майор Свиты Его Величества с огромной бородой и золотым оружием «За храбрость». – Шестьдесят волков – это много. А если они ещё и атакуют тебя, то страшно. Не допустить потерь – достойно.

– Владимир Анатольевич, давайте дальше князя Ухтомского послушаем. Насколько я помню его предварительные рассказы, мы еще не всё услышали о геройстве Тимофея, – прервал генерал-майора цесаревич.

– Что ещё можно рассказать? – князь снова потёр лоб. – Автор песен «Казачья», «Есаул», «Кавалергардская», «Русское поле» и «Любовь казачки». Год назад единственным из экстернатов сдал восьмым в потоке по результатам испытания на зрелость в шестиклассной Благовещенской мужской гимназии. Подготовился самостоятельно. Как уже успел уточнить здесь у батюшки Александра, Тимофей закончил только два класса при местной церкви. Создал свою школу по подготовке молодых казачат. Результаты деятельности учащихся этой школы вы уже слышали. Пожалуй, всё!

В разговоре возникла пауза, которую прервал генерал-майор Свиты Его Величества:

– Действительно, былинный герой. И когда только успел столько дел сотворить? Лет-то тебе сколько, казак?

– Семнадцать, ваше превосходительство. А все перечисленные события произошли за последние три года.

– Выглядишь значительно старше.

В этот момент к цесаревичу быстрым шагом подошёл князь Кочубей.

– Ваше императорское высочество, через десять минут сюда будут доставлены оседланные кони, а также двуконная коляска и два тарантаса.

– Отлично! – Николай, приняв доклад князя, обратился ко мне: – А тебе, Тимофей Аленин, сколько времени надо для организации показа?

– Через десять минут в полевой форме и с оружием отряд будет стоять на окраине станицы для выдвижения к учебной базе в Ермаковскую падь. Показ умений и навыков будет начат сразу при прибытии. Разрешите дать команду?

– Разрешаю, – будущий император вяло махнул мне рукой и повернулся к свите.

Я же, повернув голову налево, громко скомандовал: «Садись!»

Казачата обеих шеренг слажено и синхронно, как роботы-автоматы, перебросили поводья на холки коней, затем, не касаясь стремян, почти одновременно взлетели в сёдла. Я, оказавшись в седле, выехал из строя на корпус вперёд и, повернувшись к строю, громко и чётко скомандовал: «Смирно! Через десять минут все в полевой форме, с походным снаряжением и с оружием стоим конными в двухшереножном строю у начала тропы в Ермаковскую падь. Вопросы есть?»

Дождавшись дружного ответа от казачат: «Никак нет», скомандовал: «Направо – марш!!!»

Мои ребята по команде развернули коней направо, после чего отряд в две колонны шагом направился от пристани в сторону станицы. Дождавшись прохождения отряда, я, развернув коня, пристроился замыкающим. Моё снаряжение было на хуторе, но, вспомнив мудрую армейскую мысль «подальше от начальства, поближе к кухне», решил не рисковать и направился к месту сбора отряда. Что может ещё прийти в голову наследнику российского престола, неизвестно. Лучше держаться в отдалении.

«Так что бережёного бог бережёт», – подумал я, направляя коня следом за ребятами.

Между тем казачата, отъехав от свиты и толпы встречающих метров на тридцать, вернее всего, по команде Ромки Селевёрстова, с

гиканьем и свистом рассыпались в разные стороны. Каждый из мальчишек широким налётом полетел к своему двору переодеваться и вооружаться.

Через десять минут два десятка казачат в полной боевой выкладке и с тревожным набором в перемётных сумках стояли в строю у начала тропы-дороги в сторону Ермаковского хутора. Увидев, что в начале улицы появилась двуконная коляска, в которой белым пятном кителя и фуражки выделялся цесаревич, я дал команду на выдвижение и возглавил строй.

Когда нашу колонну догнала коляска с цесаревичем, дал команду запевать песню. Ребята на два голоса задорно грянули «Казачью». После её окончания из конца колонны сопровождения наследника звонкие женские голоса затянули «Каким ты был...». Оглянувшись назад, я чуть съехал с тропы и увидел, что за цесаревичем и его свитой тянется целый поезд из верховых, телег, тарантасов, на которых ехали встречавшие наследника государя казаки и казачки Черняевского округа.

Казачата без моей команды запели «Есаула». Когда они смолкли, казачки запели «Терскую лезгинку», мои за ними затянули «Скакал казак через долину...». Две версты под песни пролетели быстро. Впереди показался хутор, а у меня в голове возник серьёзный вопрос: «Где я всех размещу?» На хутор решил не заезжать. Если цесаревич захочет посмотреть дом-казарму, заедем на обратном пути. Сейчас же если остановиться перед хутором, то образуется затор.

«Не на том зациклился, – подумал я. – Впереди полигон и показуха. Лишь бы всё прокатило. А то меня атаман Савин и старейшины съедят без лука, как капитана Кука».

Глава 2

Показуха на полигоне

Проехав до полигона, дал команду Лису построить отряд перед полосой препятствий. Сам с тройкой Тура стал руководить размещением на полигоне свиты и приехавших казаков и казачек Черняевского округа, которых прикатило под двести человек. Когда закончили эту суматоху и подъехали к отряду, перед ним уже спиной к строю, а лицом к полосе препятствий стоял цесаревич с генерал-губернатором Корфом и генерал-майором Свиты Его Величества, который являлся, как успел выяснить, князем Барятинским – начальником императорской охоты, обер-егермейстером Высочайшего двора и другом императора Александра III. Также рядом с государя наследником стоял контр-адмирал Басаргин. За этой четвёркой стояли флигель-адъютант его величества князь Оболенский, князь Кочубей, штабс-ротмистр Волков, князь Ухтомский, а также доктор фон Рамбах и художник Гриценко – лица, лично избранные императором для неотлучного сопровождения его императорского высочества в путешествии. Там же стояла пятёрка атаманцев конвоя-охраны. Старшим среди сопровождения наследника был князь Барятинский.

Эту информацию о главных представителях свиты цесаревича я успел узнать от есаула Вершинина. Этот казачина размером больше Митяя Широкого, с внешним видом истинного арийца, только с бородой, отвечал за безопасность наследника. За десять минут, что я ждал казачат на месте сбора, есаул успел мне разъяснить ху из ху в свите, а также что мы можем, а что не можем делать на полигоне в присутствии наследника государя.

Спрыгнув с Беркута и кинув повод Ромке, я направился к цесаревичу и окружающей его свите. Обернувшийся штаб-ротмистр Волков увидел меня и, сделав шаг к наследнику, что-то сказал ему. Николай развернулся и сделал приглашающий жест. Свита расступилась, и я подошёл к наследнику престола.

– Объясните, Тимофей, что это за сооружения и для чего они нужны? – спросил меня Николай Романов, когда я встал рядом с ним.

– Ваше императорское высочество, мы называем эти сооружения полосой препятствий, которые могут встретиться в бою. При их прохождении у казачат вырабатываются: сила, выносливость, ловкость и быстрота реакции. Также приобретаются навыки и умения для боя в пешем порядке.

– Тимофей, но казаки в основе своей предназначены для конного боя. Зачем все это? Вы же относитесь ко Второй Черняевской сотне Амурского конного полка, а не к пешему батальону и пешим казачьим ротам? – поинтересовался генерал-губернатор Корф.

– Ваше превосходительство, слушая рассказы старейшин и станичников, которые участвовали в боях на Амуре, сделал для себя выводы, что конных боёв практически не было. В горах, сопках, в лесу или на заболоченных равнинах конным не повоюешь. Когда готовился к сдаче испытаний на зрелость в гимназии, специально изучал рельеф Приамурья. Анализ показал, что около пятидесяти процентов площади губернаторства занимают горы и возвышенности, покрытые лесом, двадцать процентов – тайга, и около тридцати процентов – равнины, большая часть из которых заболочены и залиты водой. Только на Зейско-Буреинской равнине, которую называют Амурскими прериями, встречаются участки поверхности, где можно вести конные бои, и они составляют не больше десяти – пятнадцати процентов рельефа Приамурья. – Я замолчал, переводя дыхание.

– Продолжайте, Тимофей. Очень интересно! – поторопил меня князь Барятинский, посмотрев на меня заинтересованным и внимательным взглядом.

– Из проведенного анализа пришёл к выводу, что местность, изрезанная глубокими распадками и марями, горами и высокими сопками, непроходимой тайгой и затопленными равнинами, не позволяет использовать в полную силу коня. Как следствие, в большинстве случаев вести возможные боевые действия мне придётся во время службы в Амурском полку в пешем порядке. Поэтому я подумал, что было бы неплохо соединить стандартное обучение конного казака и пластуна. Мне дед много рассказывал о кубанских пластунах и о том, как они воевали в Крымскую войну, об их хитростях и военных ухватках.

– Интересный и оригинальный вывод. Продолжайте, Тимофей, – прервав меня, бросил реплику князь Барятинский.

– Потом мне в руки попался журнал «Русский вестник» за тысяча восемьсот шестьдесят седьмой год, в котором была статья генерал-майора Фадеева. В данной статье его превосходительство рекомендовал формировать отборные батальоны пластунов из охотников. По его мнению, метко стрелять можно научить любого рекрута, но нельзя научить бесшумному передвижению по местности, умению долго и неподвижно сидеть в засаде, а потом сделать только один меткий выстрел или незаметно подкрасться для этого выстрела, запоминать каждую тропинку на местности и уверенно на ней ориентироваться.

Я перевёл дыхание и сделал глубокий вздох.

«Боже мой, я спокойно разговариваю с будущим императором российским, с князем и личным другом Александра III, который имеет второй классный чин в табеле о рангах, и с генерал-губернатором – царём и богом этих мест, – мысль во время паузы молнией пролетела в моей голове. – В той жизни так высоко не залетал! Надо за языком следить!»

– Если посмотреть на амурских и уссурийских казаков, то большинство этим требованиям отвечают, так как охота – основной казачий промысел, приносящий достаток в этих местах, – продолжил я.

– Поясни, Тимофей, – вид у Николая уже не был скучающе-благодарным. В его взгляде я увидел интерес к тому, что я рассказывал.

– Слушаюсь, ваше императорское высочество. Этой весной в станицу приезжали чиновники из канцелярии генерал-губернатора для переписи населения Черняевского округа и анализа его хозяйственной деятельности. Меня атаман Савин привлекал как дополнительного писаря для оформления отчетных документов. Картина получилась следующая: в восьми станицах и хуторах округа сто тридцать четыре двора, в которых проживает восемьсот четырнадцать жителей, из них четыреста тридцать восемь мужского пола. Кроме одиннадцати мещан, все казаки, приписанные к Амурскому конному полку. В рабочем возрасте сто девяносто мужчин и сто пятьдесят девять женщин. На двор в среднем приходится шесть душ обоего пола и одна целая четыре десятых работника. На службу в Амурском конном полку по строевому и запасному разряду записано сто пятнадцать казаков.

Отведенных земель округу четыре тысячи сто десятин, из которых сто тридцать десятин занято усадьбами и выгоном, тысяча семьдесят десятин покосами, семьсот пятьдесят десятин пашнями. Из пахотной земли состоит под посевами в этом году только четыреста двадцать десятин. Остальные – лес. Посевы и огороды дают только пропитание и немного выращенного на продажу. Поэтому основной заработок казаков Черняевского округа составляют охотничьи трофеи.

– Могу подтвердить, ваше императорское высочество, – Корф вклинился в мой доклад уверенным голосом. – По представленной мне из канцелярии статистике – по земельному довольству Черняевский округ находится в самых невыгодных условиях в губернаторстве, без сомнения, вследствие неимения удобных для земледелия земель в соседстве Амура.

– И что же даёт, по твоему мнению, Тимофей, для становления воина охотничий уклон в хозяйстве казаков Черняевского округа? – поинтересовался цесаревич.

– Я думаю, определённые навыки, которые можно будет потом применить в пешем бою. Для выслеживания разведки или мелких групп противника – это опыт следопыта. В нашем отряде лучший следопыт – Лесков Владимир, которому его превосходительство генерал-губернатор часы вручил. Он с шести лет с отцом на охоту ходит. Любой след читает.

– Да... Хм-м... – горестно вздохнул генерал-адъютант Корф.

– Охота на крупного хищника, например, тигра или медведя, – продолжил я, – требует не только внимательности, но смелости и решительности. Это сказывается на формировании твёрдого характера, а также меткости. Неудачный выстрел может стоить очень дорого, включая и самой жизни. Мой дядька Тимофей погиб на охоте. Его тигр задрал. Иногда во время охоты приходится стрелять на бегу, подчас не целясь, навскидку. Данный навык чрезвычайно нужен и в боевых условиях. Таким образом, охота формирует особые качества, сродни тем, что присущи пластунам – качества пешего разведчика, быстрого и эффективного, сильного и меткого в ближнем пешем бою.

Я замолчал и посмотрел на цесаревича.

– Что скажете? – Николай поочередно посмотрел на Корфа, Барятинского и Басаргина.

– При первом рассмотрении, ничего нового для требований к воинским умениям казаков пеших батальонов Амурского, Уссурийского и любого другого казачьего войска, – начал генерал-губернатор Корф. – Но выкладка о том, что только десять – пятнадцать процентов земель Приамурья пригодны для ведения конных боевых действий заставляет задуматься. Дам команду офицерам Генерального штаба из моего Приамурского военного округа проанализировать эту информацию.

– А мне интересна мысль объединить навыки и умения ведения боевых действий конных казаков и пластунов, – произнёс князь Барятинский. – Может получится оригинальный вид войск – казачьи драгуны.

Князь задорно рассмеялся, из-за чего его борода заколыхалась на груди.

– Считаю, что мы заговорились, – подытожил цесаревич. – Пора посмотреть на полосу препятствий в действии. Что мы увидим, Тимофей?

– Ваше императорское высочество, старший десяток обучен проходить полосу препятствий с винтовками и снаряжением, младший – без оружия, но со снаряжением небольшого веса. Полосу проходят парами, соревнуясь друг с другом. По окончании полосы препятствий вооружённые казачата выходят на линию огня стрельбища, оборудованного в овраге. Мишени изготовлены из чурбаков, поставленных друг на друга и падающих при попадании. Поэтому махальные не предусмотрены. Огонь казачата открывают самостоятельно при выходе на линию. По окончании стрельбы, проходящая полосу пара возвращается бегом на место старта.

– Ваше императорское высочество, я против стрельб с нарушением требований Наставления восемьдесят четвертого года, – вмешался в разговор командир конвоя есаул Вершинин.

В синем мундире лейб-гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка, высокой черной барашковой шапке с султаном из белых перьев, с витыми погонами есаул со своими мощными габаритами выглядел на фоне цесаревича весьма внушительно.

– Алексей Львович, увольте меня от своей мелочной опеки, – раздражённым голосом произнёс цесаревич. – В Индии во время охоты

на гепарда вы меня чуть до нервного срыва не довели. Что мне здесь-то может грозить, скажите?!

Цесаревич побледнел, на скулах заиграли желваки. Было видно, что он с трудом сдерживает гнев.

«Бедный есаул, – подумал я. – Быть телохранителем у первых лиц государства – это жуть. Проще убица аб стену или выпить йаду».

– Всё, есаул Вершинин, я ваше мнение принял к сведению, но смотреть прохождение препятствий будем со стрельбами, – цесаревич говорил, будто бы заколачивая каждое слов. – Аленин, начинайте показ!

– Слушаюсь, ваше императорское высочество! – Я принял самую молодцеватую свою стойку «смирно». – Сколько пар запускать?

– А что ты планировал нам показать? – вопросом на вопрос ответил наследник.

– Прохождение полосы препятствий двумя-тремя парами. Показ всем отрядом комплекса боевых приёмов и ударов кинжалом, шашкой, а также кинжалом и шашкой одновременно. После этого отряд, разбившись на пары, покажет условные бои один на один с оружием и без него. Небольшие сценки по захвату языка. Снятие часового. Выучку коней для пешего боя. На десерт конная рубка лозы младшим десятком.

– Отменно подготовились! – Барятинский, положив левую ладонь на эфес золотого георгиевского оружия, правой рукой достал из кармана мундира платок и вытер вспотевший лоб. – Такой программы для встречи гостей я и в военных училищах не видел, не говоря уж о юнкерских. Начинайте, Тимофей, а то солнце припекать начало.

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство. – Я чуть переступил с ноги на ногу, ещё больше вытягиваясь во фронт.

– Ваше императорское высочество, вам со свитой лучше пройти вперёд и вправо шагов шестьдесят. Вон туда, к началу ограждения стрельбища, – я вытянутой рукой показал направление движения и конечную точку перемещения. – С того места вам будет хорошо видно и прохождение полосы препятствий, и стрельбу. А есаул Вершинин может направить двух атаманцев на линию огня, для контроля стрельбы учениками казачьей школы.

– Хорошо, Тимофей. Пойдёмте, господа.

Цесаревич двинулся к указанному мною месту. За ним потянулась свита. Проходящий мимо меня есаул Вершинин сверкнул из-под бровей голубыми глазищами и благодарно кивнул.

Я вернулся к застывшему строю отряда и дал команду: «Слезай». Казачата спешили и, застыв, вопросительно уставились на меня.

– Лис, Тур, Леший, Шило, Сава и Сыч, вы парами идёте по полосе. Следующая пара стартует, досчитав до ста пятидесяти. Не торопитесь. Основная задача – пройти препятствия чисто, без срывов и падений. Кто промажет по мишени – тому дополнительно четыре часа занятий на прицельном станке! Стреляйте по ближним чурбакам на двести шагов. В дальние чурбаки на триста шагов разрешаю стрелять только Туру и Лешему. Всё понятно?

Дождавшись ответных кивков шести казачат, я продолжил:

– Дан, с остальными вон там, – я указал на незанятую народом площадку метрах в двадцати от начала полосы, – из лошадей составите «вагенбург», а то нашу коновязь заняли. Потом в две шеренги строитесь на линии старта «тропы разведчика». Всё! Время! Разойдись!

Отдав команду, пошёл к атаману Савину, старейшинам и видным казакам округа, которые небольшой кучкой стояли метрах в десяти от нашего строя. Краем глаза, отдавая команды казачатам, видел, как Савин старался незаметно для цесаревича и свиты подозвать меня к себе.

– Господин атаман? – обратился я к Савину, подойдя к казакам.

– Что там, Тимофей? Что государя наследник говорит? Не томи! – атаман, тяжело вздохнув, снял фуражку и вытер рукавом пот со лба.

– Всё хорошо, Иван Митрофанович. Его императорское высочество дал согласие посмотреть все наши выступления.

– Хорошо ему. Мы тут все извелись, а он спокойно с самим государя наследником разговаривает да с генералами. Я слова все забыл, которые неделю учил, когда цесаревичу хлеб-соль вручал, а он десять минут чего-то рассказывал! – Атаман повторно вытер пот со лба. – А кто второй-то генерал в свите да контр-адмирал? Генерал-губернатора Корфа мы знаем.

– Его высокопревосходительство генерал-майор Свиты Его Величества князь Барятинский – начальник императорской охоты,

обер-егермейстер Высочайшего двора и личный друг императора Александра III. Он старший в свите цесаревича.

– Ох, боже ты мой, – испуганно выдохнул дед Митрофан Савин.

– А морской генерал – это контр-адмирал Басаргин. Состоит в Свите Его Императорского Высочества флаг-капитаном. Был флагманом отдельного отряда кораблей, на которых цесаревич совершил плавание от Триеста до Владивостока.

– Господи, начальство-то какое, – тяжело вздохнул старый Феофан Подшивалов.

– Ты это! Не подведи, Тимофей! За честь станицы и округа отвечаешь! – дед Давыд Шохирев в волнении тербил правой рукой свою роскошную бороду. – А то пошли на поводу у Митяя Широкого с твоей показухой. А вдруг наследнику не понравится?

Вперёд выдвинулся вахмистр Ширяев, раздвигая казаков своими широченными плечами.

– Господа казаки, обсуждали же всё на сходе. Поверьте, всё будет хорошо. Что видел наследник государя в других станицах, кроме Никольской? Встретили с хлебом-солью, лучшие наездники показали джигитовку. Вручили подарок наследнику, получили отдарки. И всё! А тут – целая казачья школа станицы Черняева. А чему казачат в ней учат – сейчас увидите. Я когда эту показуху, как это Тимофей называет, полностью увидел неделю назад, то обалдел. Такого точно нигде не увидишь. Так что всё будет лепо. Наследнику государя точно понравится!

– Дай бог, дай бог! – атаман Савин перекрестился, а за ним дружно перекрестились все казаки. – Беги, Тимофей, казачата уже построились.

Я развернулся и побежал к своим, но был остановлен окриком одного из атаманцев, который взмахом руки показал мне, что меня ждёт цесаревич. Развернувшись, побежал к наследнику.

– Что-то мы заждались, Тимофей. Давай начинай! – цесаревич приветливо махнул рукой, показывая, чтобы я встал рядом с ним.

Я развернулся и, увидев, что Ромка Селевёрстов смотрит на меня, дал ему команды выученными в отряде жестами спецназа: «Двое» и «Вперёд». После этого подошёл и встал рядом с наследником.

– Что ты сделал, Тимофей, когда поднял руку вверх и показал пальцами «виктория – победа», а потом этой же рукой махнул вниз? –

спросил меня цесаревич.

– Ваше императорское высочество, в бою, особенно в засаде, не всегда можно общаться голосом. Вот мы и придумали язык жестов. Я же подал команды: «Двое» и «Вперёд».

– Интересно, и сколько команд в языке жестов вашего отряда? – поинтересовался наследник.

– Тридцать основных. И комбинации из них, – ответил я.

– Действительно интересно, – задумчиво произнёс князь Барятинский.

Между тем Лис и Тур, получив команду, вышли на старт и спрыгнули в траншею. Остановились на секунду, а потом, выпрыгнув из неё, побежали через участок с воронками. В траншею спрыгнули Леший и Шило.

Первая пара прошла участок воронок, затем песка и болота с пнями и добежала до рва глубиной в косую сажень с земляным валом. Прыжок в ров, внизу Лис, подсаживаемый Туром, прыгнул вверх и зацепился за конец пенькового каната, который находился на высоте двух метров от дна рва. Быстро перебирая руками, выбрался на вал. Перебросив из-за плеча винтовку, держась за ствол и ремень винтовки, Лис опустил её прикладом вниз. Ждущий внизу Тур ухватился за приклад и с помощью Ромки быстро выбрался наверх.

– Эх как?! Ловко! – нарушив стоящую в свите тишину, воскликнул князь Кочубей.

Завал из деревьев в десять метров, оплетенных верёвкой, был следующей преградой, которую Антип Верхотуров и Ромка Селевёрстов быстро преодолели. Подбежав к канаве с водой шириной четыре метра и глубиной до метра, Лис и Тур прыжком перенеслись через неё при помощи шестов, подвешенных над канавой на перекладине.

– Чисто обезьяны, – усмехнулся в бороду князь Барятинский.

Тур и Лис, преодолев канаву, упали и стали преодолевать ползком участок в двадцать метров под верёвками на кольях, натянутыми на высоте около сорока сантиметров.

– Точно – пластуны! – снова пробасил князь Барятинский.

Первая пара, преодолев ползком препятствие, поднялись и побежали по перекинутым брёвнам через ров глубиной два метра с

водой на дне и шириной метров шесть. Потом был участок длиной в десять метров с малозаметными силками и спотыкачами.

Дальше деревянные стенки, имитирующие дзоты с амбразурами различных размеров. Тур и Лис, подхватив с земли по солидному голышу, заменяющим гранаты, запустили ими в имитацию.

– А это что за препятствие? И зачем твои ученики камни бросали? – поинтересовался цесаревич Николай.

– Ваше императорское высочество, на этом препятствии ученики школы учатся бросать трехфунтовые гранаты, попадая в цель.

– Ещё и гренадёры! – усмехаясь, пророкотал Барятинский.

Тур и Лис на следующем препятствии спрыгнули в траншею, из которой два хода сообщения вели к чучелам для снятия часового. Достав кинжалы, они резко приблизились к чучелам из бревен, обвязанных канатами, и нанесли удары.

– Я понял, что казачата сняли часовых, но почему чучела в ямах? – спросил генерал-губернатор Корф.

«Вот об этом я не подумал. До окопных войн ещё больше десяти лет», – пролетела в моей голове мысль.

– Чтобы труднее было подбираться, – ответил я первое, что пришло на ум.

– А реально ученикам школы приходилось снимать часовых? – поинтересовался Корф.

– Так точно, ваше превосходительство. При нападении на лагерь Золотого Лю я и Селевёрстов Роман, один из проходящих полосу препятствий в первой паре, сняли по часовому кинжалами, – ответил я.

– Это было чуть меньше двух лет назад. Сколько же вам было лет? – продолжил блиц-допрос генерал-губернатор.

– Мне было почти шестнадцать, Селевёрстову четырнадцать. Большинству казачат из старшей группы тринадцать.

– Таких подробностей о возрасте казачат, уничтоживших банду Золотого Лю, мне не докладывали. Я думал, что вы казаки-малолетки. – Корф затеребил рукой одну из половинок своей бороды. – А сколько времени казаки обучались?

Я отметил мысленно, что генерал-губернатор назвал нас казаками. Такая оценка в глазах хозяина Приамурья дорогого стоила.

– С Романом Селевёрстовым мы занимались чуть больше года, с остальными почти полгода, – ответил я.

В этот момент стартанула пара Лешего и Шило. А на исходный рубеж, прыгнув в траншею, вышли Раздобрев Савватей и Савин Евгений.

Надолбы и колья, расставленные на участке длиной метров десять, Лис и Тур прошли быстро, после чего как кошки по пазам и скобам поднялись на самый верх пятиметровой деревянной стены из стоймя вкопанных бревен, с которой спустились с помощью канатов, прикрепленных на другой стороне стены.

– А данное препятствие для каких целей? – спросил меня князь Барятинский.

– В Приамурье много пусть и небольших гор, а за Амуром их еще больше в приграничье. На этой стене казачата учатся лазить по горам и преодолевают страх высоты, – ответил я.

– Вершинин, а из атаманцев кто-нибудь по этой стене взберётся? – спросил есаула цесаревич.

– Если прикажут, мои атаманцы влезут куда угодно, – мрачно ответил начальник охраны Николая.

– Ваше императорское высочество, у нас около месяца уходит на изучение прохождения препятствий по одному. Полную полосу казачата начали проходить больше чем через два месяца тренировок. А в полном вооружении и снаряжении только через год. При этом в полевой форме учеников школы предусмотрена специальная ременная система, которая позволяет прикреплять к ней всё снаряжение и вооружение, чтобы оно не мешало и равномерно размещалось по телу.

Я встрял в разговор, чтобы цесаревич, не дай бог, не заставил свою охрану штурмовать стену или попытаться пройти всю «тропу разведчика». Только травм мне не хватало.

– И кто же придумал это снаряжение? Португеи, которые были на казачатах при встрече, кто придумал? – спросил генерал-губернатор.

– Вместе придумывали, – ответил я. – Вариантов было много. Пробуем образец, не понравилось – делаем другой. А парадная португея больше для красоты.

«Не так и много вариантов было, – подумал я про себя. – Больше подгоняли РД под перемётную сумку и остальную мелочь. Но об этом лучше не говорить».

– И кто же эти эксперименты финансировал? – спросил генерал-губернатор Корф.

– Из казны школы. На учебных выходах занимались охотой. Трофеи продавали. Помогали семьи казачат. Из станичной казны также немного помогали, сначала атаман Селевёрстов, потом атаман Савин. Официальной возможности помогать больше у них не было.

– Понятно! – усмехнулся Корф, разгладив на две стороны свою бороду. – Шельмец. Значит, золото у Лю всё-таки взяли. Орлы!

– Вы о чём, Андрей Николаевич? – поинтересовался цесаревич.

– Это я своим мыслям, ваше императорское высочество.

«Фу-у-у! Пронесло! – подумал я. – А Корф отличный дедок».

Пока мы, можно сказать, беседовали, первая пара пробежала наклонные лестницы, перепрыгнула двухметровый забор, прошла бревна высотой три метра с площадками для спрыгивания. И теперь Лис и Тур ползли с помощью рук и ног по горизонтальным канатам длиной шесть метров, натянутым на деревьях на высоте четырёх метров.

– Ваше императорское высочество, считаю такую полосу препятствий очень полезной для обучения воинов Российской империи. – Тон князя Барятинского был серьёзен. И сам он выглядел при этих словах серьёзным и задумчивым.

– Тимофей, какой общий вес вооружения и снаряжения у казачат, которые проходят сейчас полосу препятствия?

– Где-то полпуда, ваше высокопревосходительство. Но могут и с большим весом, – ответил я.

– А сколько им лет?

– В основном шестнадцать.

– Хм-м... А выглядят старше и значительно более развитыми физически для своих лет.

– Ваше высокопревосходительство, старшая группа тренируется два года, младшая год.

– Интересно! Большинство прошедших медкомиссию рекрутов из крестьян в двадцать один год физически выглядят намного хуже, – озадаченно произнес князь.

«Ага! Проходил медкомиссию каждый второй или третий, да ещё откармливать надо было этих рекрутов с полгода, – подумал я. – Некоторые мясо в каше или щах первый раз за многие годы увидели». Вслух, конечно, я эти мысли не озвучил.

– А здесь, ваше императорское высочество, чуть ли не дети по возрасту проходят сложные препятствия, которые не каждый солдат или казак строевого разряда пройдет, – продолжил Барятинский, показывая рукой на три пары казачат, проходящих полосу.

Тур и Лис уже ноздря в ноздю бежали по наклонной стене из слег, чтобы спрыгнуть в отверстия с высоты около четырех метров, оказавшись в канаве с песком.

Пока цесаревич задумчиво рассматривал полосу препятствий, по которой с интервалом шли две пары казачат, Тур и Лис добрались до линии огня стрельбища, где их ждали два атаманца из конвоя цесаревича.

Достав из подсумков пачку с пятью патронами, Ромка и Антип зарядили свои винтовки. Передёрнули затворы и, взяв в распор ремень винтовки, приняли стойку для стрельбы стоя. Через пару секунд почти одновременно прогремели два выстрела. Вдали с двух мишеней, состоящих из трёх чурбаков, поставленных неровно друг на друга для меньшей устойчивости, слетели верхние чурбаки.

– Какое расстояние от линии огня до пораженных мишеней? – задал мне вопрос князь Барятинский.

– Триста шагов, ваше высокопревосходительство, – ответил я.

– Отличная стрельба после такой физической нагрузки, – отметил генерал-губернатор Корф.

Свита цесаревича начала активно обсуждать результаты прохождения полосы препятствий и стрельбу первой пары. Я же думал о том, какой фитиль вставить Ромке за то, что тот стрелял в дальнюю мишень, нарушив мой приказ.

Лис и Тур между тем зарядили винтовки под бдительным контролем атаманцев и побежали к началу «тропы разведчика». Так же удачно отстрелялись оставшиеся две пары и заняли своё место в строю перед полосой препятствий.

– Что дальше, Тимофей? – обратился ко мне наследник.

– Показ в составе отряда комплекса боевых приемов с оружием, ваше императорское высочество, – ответил я.

– А ты вашим языком жестов отсюда можешь дать команду отряду?

– Так точно, ваше императорское высочество.

– Тогда командуй.

«Не сталкивались вы, ваше высочество, с показухой в советской, а потом российской армии, – подумал я. – Всё давно продумано и отрепетировано, даже такой вариант с подачей команды жестами».

Я поднял правую руку над головой, сделал круг над головой, а потом этой же рукой указал место полигона почти напротив свиты, где при подготовке к возможному выступлению голышами были отмечены места размещения каждого участника показухи. Цесаревича и свиту на место, где сейчас они стояли, я отправил по заранее разработанному сценарию.

Отряд, увидев сигнал, веером сорвался с места и занял отрепетированные места в разомкнутом строю в четыре колонны по пять человек. Казачата с винтовкой за спиной, шашкой и кинжалами, застыв на пару секунд, по резкой команде Ромки «Начали!», с выдохом выдернули из ножен кинжалы, принимая боевую стойку. А дальше понеслось представление для гостей, которое в моём прежнем времени можно было увидеть в частях спецназа по праздникам.

Не желая сильно удлинять показательные выступления, мы отработали для боёв с кинжалом, с шашкой и ими обоими комплексы по пятнадцать движений. Начальная боевая стойка, блок – удар с первым шагом. Три шага вперёд с концентрированными ударами на громком выдохе, защита и поворот на девяносто градусов налево для кинжала, направо для шашки, ещё два шага с защитой и последующим ударом.

Потом разворот на 180 градусов и по этой же траектории возвращение назад с концентрируемыми ударами холодным оружием на разных уровнях, блоками защиты и с дополнительными ударами ног. С кинжалом и шашкой комплекс был рассчитан на четыре шага вперёд в различных стойках, с последовательными ударами и приемами защиты, потом две колонны поворачивались налево и делали шаг, а две колонны направо и также делали шаг. При возвращении колонны снова смыкались.

Конечно, той невероятной синхронности выступлений китайских и корейских больших коллективов по боевым искусствам, гимнастике, танцам в том моём времени, мы за два месяца тренировок не добились, но всё же показуха прошла на очень высоком уровне. Особенно для этого времени. Да и в будущем смотрелось бы данное выступление очень недурственно.

Цесаревич и его свита зачарованно глазели, как двадцать казачат, словно единый механизм, с концентрированным выдохом единообразно рубят, колют, защищаются, наносят удары кинжалом, шашкой, руками и ногами. Скорость движения у ребят также была высокой.

Гул, который висел над полигоном, создаваемый многоголосой толпой во время прохождения учебных пар по полосе препятствий, внезапно стих при начале этого выступления, после первого резкого выдоха участников.

Закончив выступление, которое прошло почти в полной тишине, ребята замерли на исходной позиции, перед этим резко вложив кинжал и шашку в ножны.

Последовала команда Лиса: «Оружие, на землю!» По этой команде казачата, перекинув из-за спины винтовки, сделав шаг правой ногой вперёд, положили оружие справа от себя. Выпрямились и, перекинув через голову перевязь португалии шашки, сделали ещё раз шаг вперёд и положили её на землю. Выпрямившись, застыли по стойке смирно, только с кинжалами за поясом.

«Кругом!» – скомандовал Ромка, и мальки со старшаками, сделав одновременный поворот на 180 градусов, выбежали из прямоугольника, где лежало оружие, и построились в пять квадратов по четыре человека. Квадраты застыли лицом к свите в шахматном порядке, как цифра пять в виде точек на кубике игральной кости.

«Начали!» – скомандовал Селевёрстов, и казачата, развернувшись в четвёрках лицом друг к другу, приступили к новому показательному выступлению.

В каждой четвёрке двое вышли в центр квадрата и начали рукопашную схватку с нанесением ударов руками и ногами, захватами и бросками. После окончания краткой схватки, пары встали на место. В бой вступили вторые пары. В каждой четвёрке схватки происходили по разному сценарию. Старшаки ногами работали по верхнему уровню. Мальки выше бёдер ударов ногами не наносили.

После окончания рукопашного боя, в центр вышли пары, вооруженные кинжалами, и началась имитация ножевого боя спецназа. Над полигоном опустилась полная тишина.

«Щенки, млять! Поубиваю... – если бы кто услышал мои мысленные матерные конструкции, то узнал бы много новых слов.

Даже Тимоха где-то в глубине сознания начал поскуливать. – Говорил же, чтобы работали кинжалами в ножнах! Нет, надо вые...ся. Сцуки, поубиваю...»

Чувствуя, как по спине начали стекать капли пота, я смотрел на показательные ножевые бои в пяти группах казачат и молил бога, чтобы всё обошлось без порезов и более серьезных травм. Скорость имитации ударов, их блокировка клинком или рукой была высокой даже у мальков.

Наконец и этот эпизод показательных выступлений закончился. Я перевёл дыхание. Дальше по сценарию вероятность получения травмы была значительно ниже. Между тем четвёрки показали различные способы снятия часовых, захвата языка. Старшаки также показали, как часовой отбивается от трёх одновременно нападавших противников.

Представление вышло зрелищным. В толпе, окружившей место выступления, то и дело раздавались вскрики и ядрёные комментарии, после наиболее эффектных ударов, от которых «нападавшие» разлетались, как кегли в боулинге.

Представление закончилось, и казачата заняли свои места в пяти четверках, развернувшись лицом к цесаревичу и его свите.

«К оружию!» – рявкнул Лис, и учащие школы через несколько секунд стояли у своих винтовок и шашек.

«Оружие поднять!» – прозвучала новая команда Ромки.

Выступающие, синхронно поднимая с земли сначала шашку, потом винтовку, вооружились и застыли.

«В две шеренги становись!» – новая команда Лиса, обозначившего место построения. После, казалось, хаотичных перемещений ребята застыли в неподвижном строю.

Среди окруживших, в некотором отдалении от цесаревича и свиты, казаков и казачек раздались редкие крики «любо», но быстро смолкли.

Цесаревич Николай в какой-то задумчивости смотрел на строй учеников Казачьей школы станицы Черняева, потом, мотнув головой, обратился ко мне:

– Тимофей, попроси кого-нибудь из казачат подойти ко мне.

– Шохирев Георгий, к его императорскому высочеству, бегом! – скомандовал я.

Шах сорвался из строя и, не добежав до цесаревича пяти-шести шагов, перешёл на строевой шаг. Остановившись за два шага от

цесаревича, вытянулся и чётко доложил: «Ваше императорское высочество, Шохирев Георгий по вашему приказанию прибыл!»

– Покажи свой кинжал, казак, – приказал цесаревич Шаху.

Шохирев, вынув из ножен кинжал, протянул его наследнику государя рукояткой вперёд. Николай взял кинжал, сделав знак другой рукой дёрнувшемуся есаулу Вершинину оставаться на месте.

Цесаревич аккуратно провёл пальцем по кромке лезвия и попробовал остроту кончика кинжала.

– Тимофей, у всех учеников школы в строю боевые кинжалы? – спросил меня наследник, возвращая Шаху кинжал и взмахом руки отправляя Шохирева в строй.

– Так точно, ваше императорское высочество. В течение последнего года мы постарались, чтобы у всех учеников школы были однотипные кинжалы, которые в тысяча восемьсот сороковом году были приняты на вооружение казаков тогда ещё Черноморского казачьего войска. Они очень удобные, – ответил я.

– Я не о том хотел спросить, Тимофей. Все эти выступления, приёмы, бои ученики школы проводили с настоящим, боевым оружием?

– Так точно, ваше императорское высочество. Применение боевого оружия в учебных схватках заставляет концентрировать внимание на каждом своём движении и движении условного противника. Навыки при этом запоминаются и заучиваются быстрее.

«Всё это так и есть, – успел подумать про себя. – Ребята на занятиях действительно работают с боевым оружием. Но гораздо медленнее. А сегодня ножевой бой и остальные показательные схватки должны были показывать с кинжалами в ножнах. Ладно! Прощу неслухов. Эффектно получилось! И замечательно, что без травм!»

– И сколько времени вы затратили на подготовку этих выступлений? – поинтересовался цесаревич.

– Два месяца, ваше императорское высочество, – ответил я.

– Очень зрелищно получилось! Очень!.. – вступил в разговор Барятинский. – Поверьте, цесаревич, я вместе с вашим батюшкой посетил много воинских частей и военных училищ, где показывали примеры выучки солдат и офицеров. Но такого эффектного, точнее эффективного владения холодным оружием не видел. Никаких лишних движений: удар, удар-защита, защита и удар. Здорово!

– Как неплохой фехтовальщик, – заговорил молчавший всё время князь Оболенский, – также отмечаю эффективность показанных связанных движений и ударов с защитой, как кинжалом, так и шашкой. А техника двойных защит и ударов шашкой и кинжалом чем-то даже похожа на испанскую школу боя со шпагой и дагой. И совсем не похожа на казачью крутку и рубку шашкой. Кто вам составил эту последовательность боя, Тимофей?

– Мне кажется, я знаю ответ, – усмехнулся князь Ухтомский.

– Большую часть я. Мне дед не только нашу технику боя шашкой на коне показал, но и много ухваток кубанских пластунов, которые дед узнал во время Крымской войны. – Я сделал паузу, будто собираясь с мыслями. – Также у всех казачат есть свои семейные ухватки. Так постепенно и сложилось то, что вы увидели. У нас на это дней десять ушло.

– У мастеров фехтования жизнь уходила на создание своей школы боя, а тут десять дней, и что-то необычное и новое получилось, – вновь заговорил «молчун» князь Оболенский.

– Да и остальные выступления выглядят по-новому и необычно! – цесаревич как бы подвёл итог возникшей дискуссии. – Что, Тимофей, ты ещё хотел показать?

– Ваше императорское высочество, мы подготовили ещё конный показ использования лошадей для пешего боя. Из конного строя в две колонны перестроение в «вагенбург», где учащиеся школы имитируют отражение противника под прикрытием лошадей. Выдвижение из «вагенбург» обратно в две колонны и имитация отражения нападения, когда казаки укладывают лошадей на землю для защиты и ведут ответный огонь, лежа и укрывшись за лошадьё. И в заключение показательная рубка лозы верхом младшими учениками школы. Но, – я, немного развернувшись, развел руками, показывая ими на толпу, которая полукругом охватывала цесаревича и свиту сзади, – места для этого выступления не осталось.

– И что, все ученики школы научили за два месяца своих коней ложиться на землю? – заинтересованно спросил князь Кочубей.

– Ученики все, но не за два месяца, – ответил я. – Старшее отделение ещё два года назад стали учить своих коней ложиться. Младшие при начале обучения – год назад. Трудностей много было. У меня мой Беркут хлеб с солью очень любит, а поклон делать и

ложиться стал только за морковку. У Савина Евгения конь лег на стремя, которое тот не закрепил сверху на седле, и после наотрез отказался ложиться. Пришлось Евгению коня менять.

Цесаревич, слушая меня, достал из кармана кителя часы и, откинув крышку, посмотрел на циферблат. Щёлкнув закрывшейся крышкой, убрал часы обратно в карман.

– Тимофей, я думаю, что и показательные выступления с конями были бы не менее зрелищными, но места для них, увы, нет. Да и нам пора выдвигаться дальше. Кроме того, надо уделить внимание старейшим казакам станицы. – Николай повернулся к есаулу Вершинину. – Алексей Львович, из коляски пусть доставят мне саквояж с наградами.

Николай, его свита и я вместе с ней двинулись к атаману Савину и старейшинам, которые уже слились с толпой. Увидев, что наследник пошёл в их сторону, атаман Савин и протоиерей Ташлыков вышли на три шага вперёд. За ним вышли все старики-старейшины станицы: Шохирев Давыд, Савин Митрофан, Раздобреев Афанасий, Подшивалов Феофан и Гусевский Ион.

Цесаревич, не доходя двух-трёх шагов до атамана и батюшки черняевской церкви, остановился и поднял руку, прося тишины. Стоящий над полигоном гул мгновенно стих.

– Господа казаки Черняевского округа! – начал Николай. – Я рад и очень доволен встречей, которую вы все мне оказали. Могу теперь сказать, что и среди амурских казаков чувствую себя как дома. Особо отрадно было увидеть воинские навыки учащих Казачьей школы станицы Черняева, их призовую стрельбу и отменное владение холодным оружием.

Цесаревич обернулся и сделал рукой знак есаулу Вершинину, чтобы тот подошел поближе. Командир конвоя, подошел к наследнику государя, держа в руках расстёгнутый саквояж, который успел принести один из атаманцев. Николай заглянул внутрь и достал золотую медаль на Аннинской ленте.

– Атаман Савин, за активное участие в военной подготовке будущих умелых и отважных казаков Амурского конного полка жалую вас золотой медалью «За усердие» на Аннинской ленте.

Наследник государя прикрепил медаль на мундир Савина, который с покрасневшим лицом и выпученными глазами застыл столбом перед

Николаем.

«Вот это да, – обалдело подумал я. – Сразу через три предыдущих по статусу награды атаман перескочил».

– Покорно благодарю, ваше императорское высочество! – натужно выдавил из себя находящийся в изумлении Савин.

Цесаревич милостиво кивнул и, повернувшись к свите, огорошил меня вопросом:

– Тимофей, ты говорил, что школа была создана при другом атамане?

– Так точно, ваше императорское высочество. Решение о создании школы для казачат принимали атаман Селевёрстов и старейшины станицы.

– Казак Селевёрстов здесь? – Николай обратился к застывшей толпе встречающих. – Пусть подойдет ко мне.

Пётр Никодимович, который в своём парадном мундире с нашейной серебряной медалью «За храбрость» находился в первом ряду казаков, стоящих за старейшинами, несколько неуверенно двинулся к цесаревичу. Потом, перейдя на строевой шаг, подошёл к государю наследнику и доложил:

– Ваше императорское высочество, старший урядник отставного разряда Селевёрстов по вашему приказанию прибыл!

– Молодец, старший урядник Селевёрстов! За организацию школы по подготовке казачат к дальнейшей службе жалую вас золотой медалью «За усердие» на Аннинской ленте.

Цесаревич прикрепил медаль, которую подал есаул Вершинин, на мундир дядьки Петро, лицо которого стало не менее изумленным, как до этого было у атамана Савина.

– Покорно благодарю, ваше императорское высочество! – ответ Селевёрстова на милость наследника был более уверенный, чем у его свата атамана Савина.

– Ваше высокопреподобие, отец Александр, – обратился цесаревич к Ташлыкову, – передаю вам в дар наперсный крест, освященный на службе в Казанском соборе – храме русской воинской славы. Службу и освящение проводил Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский, Свято-Троицкий Александро-Невский лавры священно-архимандрит отец Никанор.

– Благодарю вас, ваше императорское высочество! – Ташлыков с поклоном взял из рук Николая богато украшенный серебряный крест на цепочке и, поднеся крест к губам, поцеловал его.

После этого батюшка Александр, взяв крест за основание, благословил им цесаревича Николая со словами: «Благословен Бог Наш всегда, ныне и присно...»

Цесаревич после благословения протоиерея Ташлыкова подошёл к старейшинам. Через пару минут у основателей станицы Черняева на груди заалели Аннинской лентой серебряные медали «За усердие».

После награждения старейшин цесаревич, сделав знак рукой всем награждённым и свите следовать за ним, направился к строю казачат. Остановившись перед серединой первой шеренги, Николай подозвал к себе Вершинина и заглянул в саквояж, после чего позвал меня к себе. Когда я браво подскочил к наследнику, Николай произнёс:

– Я хотел бы наградить всех участников этих замечательных показательных выступлений, но достойных наград у меня только пять. Тимофей, тебе выбирать, кого награждать. Справишься?

– Так точно, ваше императорское высочество, – и, развернувшись к строю, скомандовал: – Ученики школы Селевёрстов, Верхотуров, Подшивалов, Шохирев, Данилов выйти на два шага из строя!

Названные мною казачата разом сделали два шага вперёд и застыли перед первой шеренгой.

– Почему они? – поинтересовался цесаревич.

– Селевёрстов – лучший боец без оружия, обучает этому молодой десяток, Верхотуров всё хозяйство школы на себе везёт, Подшивалов проводит конные занятия, Шохирев лучший фехтовальщик, а Данилов проводит занятия с мальками по общеобразовательным предметам.

– Понятно, – улыбнулся цесаревич. – Решил преподавательский состав школы наградить. Молодец!

Будущий император подошёл к Ромке Селевёрстову и, повернувшись к есаулу Вершинину, который как тень следовал за Николаем справа от него и на шаг сзади, запустил руку в саквояж. Достав кинжал с рукоятью из чёрного дерева в ножнах, обтянутых черным бархатом, украшенных металлическим прибором с вытравленными изображениями диких животных в лесу и стилизованным растительным орнаментом, цесаревич обнажил клинок. Далее наследник, поворачивая клинок, показал его казачатам.

За это время я успел увидеть, что прямой, однодольный, обоюдоострый, с боевым концом копьевидной формы и длиной около 20 сантиметров клинок был покрыт вытравкой. На одной из голоменей в обрамлении стилизованного растительного орнамента была надпись: «Врагу страшен, хозяину покорен», на другой – «Златоуст».

Цесаревич вложил клинок в ножны и вручил его Ромке.

– Покорно благодарю, ваше императорское высочество! – приняв кинжал и вытянувшись во фронт, гаркнул Лис.

Остальные казачата, получив кинжалы, также чётко поблагодарили наследника государя за полученные награды.

Цесаревич, вручив последний кинжал Данилову Петьке, отдал честь и скомандовал: «Встать в строй!» Казачата, развернувшись кругом, встали в строй.

– Ученики Черняевской казачьей школы, благодарю за службу! – громко и чётко произнёс будущий император.

– Рады стараться, ваше императорское высочество! – дружно и чётко ответил строй казачат.

– Вольно! – скомандовал цесаревич и повернулся к свите. – Теперь осталось решить, как наградить Аленина Тимофея.

Николай подошёл и вопросительно посмотрел мне в глаза.

– Что хотел бы получить в награду начальник Казачьей школы станицы Черняева? – будущий император, как мальчишка, задорно улыбнулся.

Я озадаченно застыл молчаливой статуей. Такого поворота в общении с наследником я не ожидал. Выручил, неожиданно для меня, атаман Савин.

– Ваше императорское высочество, – волнуясь, произнес окружной атаман. – Дед Тимофея Аленина завещал ему поступить в Иркутское юнкерское училище.

Савин, сконфузившись от своего поступка, замолк. Вперёд выступил князь Барятинский.

– Думаю, что в ходатайстве от наследника государя для поступления Тимофея в училище необходимости нет. Он и сам легко пройдет все испытания. Я пока с ним общался за время выступлений, не раз ловил себя на мысли, что говорю минимум с обер-офицером.

– Согласен с вами, ваше сиятельство, – веско произнёс генерал-губернатор Корф. – Я думаю, в казне генерал-губернаторства найдется

две тысячи рублей в год для дальнейшего развития школы. Но чтобы в ней обучались казачата со всего Черняевского округа. А хорунжего Аленина надеюсь скоро увидеть в списках Амурского конного полка.

«Вот это удружил, дедушка Корф, – подумал я про себя. – Подарочек-награда, однако!»

– По поводу ходатайства, – усмехнулся цесаревич, – проблемы не вижу. А пока за усердие вручаю, Тимофей Аленин, тебе эти часы.

Будущий император, подойдя к Вершинину, достал из распахнутого саквояжа часы в золотом корпусе и вложил их мне в руку. Я, как мои казачата, браво рявкнул: «Покорно благодарю, ваше императорское высочество!»

– Тимофей, я не смог наградить всех твоих учеников и чувствую себя несколько неуютно.

После этих слов на меня накатила моя «чуйка» на опасность, только гораздо сильнее. Застыв на несколько секунд, я не задумываясь ляпнул: – Ваше императорское высочество, разрешите первому десятку сопровождать на пароходах вас и вашу свиту! Через двадцать пять вёрст вверх по Амуру будет удобная бухта, где мы сойдем. А о сопровождении в конвое вашего императорского высочества казачата будут рассказывать своим внукам.

Глава 3

Спасение цесаревича

Я сидел на бухте каната, опираясь на «Гевер», стоящий между ног. В голове была полная пустота. Под журчание забортной воды, струящейся у борта парохода «Вестник», я отдыхал, сбрасывая невероятное нервное напряжение от общения с цесаревичем и его свитой.

«И зачем я влез во всё это?» – в очередной раз подумал я, вспоминая события двухчасовой давности.

Накатившее чувство опасности во время разговора с Николаем, когда он спросил меня, как наградить всех казачат, заставило попросить включить их в конвой на небольшой участок маршрута путешествия цесаревича.

Государя наследник, махнув рукой, с улыбкой разрешил и под руку с протоиереем Ташлыковым прошествовал к коляске. По его распоряжению всем надо было проследовать в станицу на обеденную службу, а после обедни и трапезы наследник престола планировал отправиться дальше вверх по Амуру.

За цесаревичем потянулась вся свита, кроме меня, есаула Вершинина и генерал-губернатора Корфа. Когда все направились за наследником престола, а я хотел отойти к строю казачат, Корф сзади взял меня под руку и не дал двинуться с места. Вершинин, передав саквояж одному из атаманцев, присоединился к генерал-губернатору.

– Тимофей, к чему эта просьба? – хозяин Приамурья с неожиданной силой развернул меня к себе лицом. – Я заметил, что после вопроса наследника ты изменился в лице. Оно у тебя стало какое-то мёртвое. А потом это странное предложение. Обычно встречавшие цесаревича казаки провожают пароходы по берегу. Пока есть такая возможность. Тебе что-то известно об опасности, которая может грозить государя наследнику?

– Никак нет, ваше превосходительство, – я мысленно поёжился от взгляда есаула, на лице которого явно читалась мысль перерезать кому-нибудь глотку. – Мне ничего не известно, но накатило чувство опасности. У меня уже один раз такое было при разгроме банды

Золотого Лю. Если бы не прислушался тогда к этому ощущению, сейчас бы здесь живым не стоял.

– Такое чувство и мне знакомо. На Кавказской войне возникало неоднократно, – генерал-губернатор скосил взгляд на свой орден Святого Георгия четвертой степени, который в единственном числе был на его груди. – Но зачем казачат в конвой на пароходы?

– Ваше превосходительство, после вопроса государя наследника я подумал о том, что на пароходах в конвое мало казаков-атаманцев. И если будет нападение, то таким количеством отбиться будет сложно. А первый десяток казачат школы уже был в бою, и они больше обучены воевать в пешем порядке из засад и укрытий.

– Ваше превосходительство, у меня в конвое десять атаманцев, вооруженных восьмизарядными винтовками системы Лебеля. Да мы за полминуты, если ещё один патрон в ствол добавить, девяносто выстрелов сделаем. А все атаманцы конвоя великолепные стрелки, – вступил в разговор есаул Вершинин. – Отобьемся. Ещё и револьверы есть. Да и казаки помогут, которые по берегу пойдут.

– Всё это замечательно, – генерал-губернатор снял фуражку и, достав белоснежный платок, вытер вспотевший лоб. – Но думаю, у Аленина ещё какая-то причина была попросить включить казачат в конвой?

– Ваше превосходительство, у меня промелькнула мысль, что если нападение будет, то вернее всего среди островов, которые начинаются верстах в четырёх от станицы вверх по Амуру. Особенно опасен для засады остров Разбойный и два острова напротив него. Фарватер судов проходит между островами. От острова Разбойный и пятидесяти шагов не будет. Фланговый огонь из засады может быть сильно губительным, – я глубоко вздохнул и продолжил: – Кроме того, острова покрыты кустарниками, есть немного леса, а самое главное, остров Разбойный закрыт с нашей стороны другим островом и заболоченной поймой Амура. Ближе версты не подойдешь. Поддержки с берега не будет.

– Надо лоции у капитана посмотреть, – озабоченно произнёс Вершинин. – Может быть, есть какой-то другой путь мимо этого острова.

– В этом году вода в Амуре высокая, – нарушая субординацию, перебил я есаула. – Возможно, получится обогнуть остров вдоль

нашего берега. В этом случае возможный огонь будет вестись только с одной стороны.

Генерал-губернатор вновь протёр вспотевший лоб платком, держа фуражку в руке.

– Господи, не допусти вреда цесаревичу Николаю Александровичу, – Корф истово перекрестился. За ним осенили себя крестным знаменем мы с есаулом.

– Тимофей, сколько тебе времени надо, чтобы подготовить отряд? – обратился ко мне генерал-губернатор, надевая фуражку.

– Пятнадцать минут, ваше превосходительство, – ответил я. – Необходимо заехать на хутор, чтобы переодеться и вооружиться мне, а казачатам получить ещё по пять пачек патронов. Остальное для трёхдневного марша у них уже с собой.

– Основательно, – хозяин Приамурья покрутил головой. – Отличная мобильность! Тогда поступим следующим образом. Аленин, ты со своими учениками выдвигаешься в станицу, где ждёте приказа. А мы с господином есаулом в перерыве между службой и трапезой организуем свой «совет в Филях». Всё ясно?!

– Так точно, – дружно и слаженно прозвучали наши ответы с Вершининым.

– Вот и хорошо. Пойдёмте, Алексей Львович, – генерал-губернатор взял есаула под руку. – А то у тарантаса, который оставили для меня, ваши атаманцы извелись, ожидаючи.

Перед тем как двинуться к экипажу, генерал-губернатор задал мне ещё один вопрос:

– Тимофей, а кто у вас в станице сможет разведать обстановку на острове?

– Ваше превосходительство, лучший следопыт и охотник в станице – урядник отставного разряда Лесков, а среди казаков второй и третьей очереди наибольшим авторитетом пользуется вахмистр Шохирев.

– Очень хорошо, – задумчиво произнёс Корф, заканчивая разговор, и направился вместе с Вершининым к тарантасу.

Прибыв всем отрядом минут через двадцать в станицу, мы увидели столпотворение у черняевской церкви во имя Сретения Господня. Счастливец, попавших внутрь церкви, где проходила обеденная служба в присутствии цесаревича, было не много. Основная масса народу стояла перед церковью в ожидании, когда Николай выйдет и

можно будет ещё раз увидеть обожаемого государя наследника, а может, даже удастся к нему прикоснуться.

Найдя свободное пространство рядом с церковью, где смогли разместиться оба десятка с конями, спешили, и наконец-то, не спеша и не взахлёб, между ребятами началось обсуждение событий на полигоне.

– Ермак, часы покажи, – попросил меня сияющий, как надраенный самовар, Ромка, который то и дело сжимал рукоять вручённого цесаревичем кинжала. Такие же сияющие лица, на которых каждые десять-пятнадцать секунд возникали глупо-восторженные улыбки, были ещё у четырех обладателей наград от наследника престола.

Я, сдвинув перевязь с метательными ножами, достал из левого нагрудного кармана рубахи часы в золотом корпусе с золотой цепочкой. На крышке красовался вензель императора. Щёлкнув кнопкой, откинул крышку, на внутренней стороне которой оказалась надпись «Hu Moser & Co».

– Эх ты, с вензелем, да ещё и минутным репетиром, – восхищённо выдохнул командир мальков Мишка Башуров. – Ермак, а дай в руках подержать.

Я отдал Мишке часы, а сам посмотрел на вход в церковь. В этот момент на крыльцо церкви выскочил отец Дана приказный Данилов и буквально скатился по ступеням, ужом проскользнув в толпу. Через пару минут он вместе с Митяем Широкиным и дядькой Михайло Лесковым застыл у крыльца церкви с правой стороны.

«Кажется, скоро начнётся, по словам генерал-губернатора, „совет в Филях“», – подумал я, слушая краем уха разговор среди казачат.

– В станице Иннокентьевской атаману Катанаеву, как гутарят, такие же часы государя наследник вручил...

– А в станице Пояркова десятилетнему Власу Тюменцеву, который проскакал, стоя в седле на голове и с вытянутыми вверх ногами, государя наследник только деньги вручил, а нам кинжалы...

– В Кумарской атамана Плотникова тоже часами с вензелем наградили...

– А у нас в станице государя наследник две золотые и пять серебряных медалей «За усердие» вручил, да ещё на Аннинской ленте...

– Столько, говорят, он только во Владивостоке, Хабаровке да Благовещенске награждал...

– А из казаков, по слухам, никому не вручил, только купцам гильдейским...

– Наша станица теперь на всё Приамурье прославится...

– Ермак-то теперь начальник нашей казачьей школы...

Я слушал трёп казачат, мысленно улыбаясь, а сам внимательно смотрел на вход в церковь. Трезвон колокола при целовании креста возвестил об окончании литургии.

Наследник российского престола под громогласные крики «Ура!» вышел на церковное крыльцо и, подняв фуражку, помахал ею над головой. Рёв толпы стал ещё неистовее.

Надев головной убор, Николай в сопровождении протоиерея Ташлыкова, свиты, атамана Савина и старейшин направился через станичную площадь к трактиру, где был накрыт стол для трапезы.

Рядом с церковным крыльцом остались генерал-губернатор, князь Барятинский, есаул Вершинин, какой-то чин в белом мундире, фуражке и брюках. Видимо, капитан парохода. К этой группе по команде Вершинина присоединились Митяй Широков и Лесков.

Совещание длилось минут десять. По его окончании члены свиты цесаревича отправились в трактир. Лесков куда-то побежал с площади по центральной улице станицы, а вахмистр Шохирев пошёл в нашу сторону.

– Ну что, баламут, – Шохирев от души заехал своей лопатой-ладонью по моей спине, да так, что я чуть не упал, – опять всех на уши поставил.

– Дмитрий, что там решили генералы? – я свёл лопатки, занывшие от дружеского приветствия вахмистра.

– Что решили? То и решили. Слушай, – Митяй наставительно указал на меня пальцем.

Из дальнейшего повествования Шохирева я уяснил следующее. После обсуждения возможного нападения на пароходы и варианты этого нападения, генерал-губернатором Корфом при полном одобрении князя Барятинского было принято следующее решение.

Первое. О моём предчувствии опасности цесаревича в известность не ставить. Тот ещё от покушения в Японии не до конца в себя

пришёл. А здесь будет нападение, не будет – гадание на ромашке. Но насколько возможно, на всякий случай решили подготовиться.

Второе. Десяток казачат для усиления решили включить в конвой. Шесть казачат, со мной включительно, на пароход со штандартом цесаревича, пять казачат на пароход сопровождения.

Третье. Восемь атаманцев во главе с есаулом Вершининым также располагаются на пароходе «Вестник». Из свиты на пароходе с Николаем остаются генерал-губернатор Корф, князь Барятинский, доктор фон Рамбах и штабс-ротмистр Волков. Остальные, чтобы не мешать, переходят на пароход-конвоир. Старшим на пароходе «Ермак» назначен контр-адмирал Басаргин. Кроме того, с «Ермака» на судно с наследником престола переходит пара речников, умеющих управлять пароходом. На всякий случай.

Четвёртое. Для разведки островов выделяется десяток казаков во главе с Лесковым, который убежал узнавать у Генки Савватеева, где тот лодку в пойме прячет. Сначала хотели на лодках до островов из станицы плыть, да выгребать против течения долго придётся, не успеют казаки проверить острова до подхода к ним пароходов. Через час цесаревич по графику должен идти по Амуру дальше. А так казаки через лес по тропе, и дальше на лодке Савватеева острова и проверят.

В-пятых. Капитан парохода «Вестник» сказал, что если вода стоит так же высоко, как две недели назад, когда он в Благовещенск шёл, то можно пройти и вдоль нашего берега.

В-шестых, сейчас Митяй начнет формировать полусотню казаков, которая пойдет за десятком Лескова для поддержки конвоя, если нападение на пароходы всё-таки состоится.

Слушая вахмистра, я всё больше мрачнел, так как моя «чуйка» с каждой фразой Митяя начинала верещать, как сирена, сильнее и сильнее. При этом я не мог понять почему.

«Толковый план, который можно было придумать, если не ставить в известность цесаревича и не нарушать график передвижения пароходов, – проносились мысли в моей голове. – Хотя я бы пароход-конвоир с казаками отправил бы сейчас вперёд, за час как раз все острова бы проверили и прочесали. Тем более, как полусотня, если бой случится, конвой поддержит? Наш берег у островов – высокий обрыв, с него к реке не спустишься, а пойма залита. Кони в иле завязнут. Там только на лодке. А с берега стрелять, то до острова Разбойный все

четыреста-пятьсот шагов будет. Чисто попугать?! И не влезешь же со своими предложениями. Ладно, хоть мои предчувствия их превосходительства выслушали и хоть как-то отреагировали».

– Ты чего мрачный такой, Тимофей? – Ширяев ткнул меня кулаком в плечо. – Да мы в шестьдесят стволов, да если ещё твой младший десяток добавить, то в семьдесят, кого хочешь уничтожим.

И тут меня будто осенило, и я понял, что же меня терзало и мучило всё это время.

– Господин вахмистр, так получается, при отъезде государя наследника в станице почти никого из боеспособных казаков не останется. Только старики да казаки отставного разряда. И таких вместе с делегатами из других станиц и хуторов округа чуть больше полсотни наберётся.

– И что в этом такого? – спросил Митяй, с недоумением смотря на меня.

– А если, не дай бог, нападение на конвой цесаревича всё же случится, что они будут делать?

– Что будут делать, что будут делать? Кто способен, винтовку за спину, на конь, и галопом на выручку государя наследнику.

– И кто останется для охраны станицы?

– Да почитай никого и не останется. Казачки, дети да старики, – уверенно ответил вахмистр. – Пстой-ка, Тимофей, а ты к чему эти речи ведёшь?

– Помнишь, Дмитрий, разговор у купца Касьянова, когда он сказал, что какой-то главарь крупной банды хунхузов по прозвищу Четырнадцатый Владыка Ада заявил о желании отомстить за смерть Золотого Лю и назначил за голову подполковника Печёнкина цену в серебре по её весу?

– Помню. И причём здесь это и нападение на цесаревича великого князя Николая Александровича?

– Касьянов уже тогда знал, что Лю убил я, а не ротмистр Печёнкин. А его банду в основном разгромили казачата и казаки станицы Черняева. Прошло почти два года с тех событий. Подполковник Печёнкин жив. А этот Владыка Ада мог узнать за это время, кто реально убил его друга.

– Ты хочешь сказать, что бандиты для вида обстреляют пароходы, а когда мы все помчимся спасать государя наследника, они нападут на

станицу, чтобы отомстить за те события? – Шохирев в задумчивости стал пощипывать кончик уса. – А ведь такое может быть! И отпор варнакам действительно будет некому дать. Что же делать?

Я задумался. Всё, что я знал о хунхузах в том времени, и то, что узнал о них здесь, говорило о том, что нападение на станицу, а тем более на цесаревича маловероятно. Сейчас ещё действует запрет на причинение обиды иностранцам, как обычное положение хунхузских правил в крупных бандах. Именно поэтому Шисы Яньван, или Четырнадцатый Владыка Ада, объявил награду за голову подполковника Печёнкина, а не направил за ней своих головорезов. В Приамурье полно банд, которые не чтут никаких законов и правил. Полные отморозки. Этим абсолютно всё равно, кого грабить и убивать. А Шисы Яньван, как о нём многие говорят, не жестокий, кровожадный разбойник, а вожак волевой и умный. Точнее сказать, вождь, который силой своего духа в железной дисциплине держит войско, которое за него пойдёт в огонь и в воду. И войско это насчитывает до тридцати тысяч, если соберутся все банды, главари которых, говоря языком XX века, ходят под Шисы. Отморозком его никто не считает. И взять на себя акцию по обстрелу пароходов с наследником российского престола – это если не подписать себе смертный приговор, то очень сильно осложнить своё существование. Не слишком ли большая цена за смерть своего друга – Золотого Лю?! Если бы ему надо было, его банда станицу раскатала бы без особого напряжения в любое время суток. Что сделали бы сто пятьдесят – двести бойцов станицы, включая казачек, против его только гвардии, состоящей из тысячи отборных воинов, с огромным боевым опытом! Так что вряд ли будет нападение. Почему же у меня такое предчувствие опасности?!

Казачата, которые внимательно слушали наш диалог, за время моего раздумья придвинулись ближе.

– Ермак, так на его высочество кто-то напасть хочет? – озвучил общую мысль казачат Ромка Селевёрстов.

– Не знаю. Когда государя наследник спросил меня, как остальных учеников нашей школы наградить, накатило чувство опасности. – Я повернулся к Вовке Лескову. – Помнишь, Леший, как я не хотел в лагерь Золотого Лю входить?

Дождавшись ответного кивка, продолжил:

– Вот и предложил увеличить конвой цесаревича нашим первым десятком. Остальное господин вахмистр уже сказал. А теперь о беззащитной станице подумалось, если нападение, не дай бог, всё же случится.

– Может, генерал-губернатору Корфу доложить? – несмело прозвучало предложение Женьки Савина.

– Его превосходительству главное безопасность государя наследника цесаревича, – задумчиво произнёс Митяй. – Ему наши опасения за станицу при возможном нападении на августейшую особу – мелочь, не стоящая внимания.

– Дмитрий, а давай так поступим, – я решительно рубанул воздух рукой. – Второй десяток мальков остается в станице и тройками перекрывает три возможных направления подхода бандитов: от острова Зориха, с тропы на Зейскую пристань и от Ермаковского хутора. Если заметят выдвижение отряда хунхузов, предупреждают станицу. Если, дай боже, всё пройдет спокойно, то по возвращении казаков десяток идёт с заводными конями нас встречать, когда я и старшаки высадимся с пароходов в двадцати пяти верстах выше по Амуру за Мунгаловским островом.

– Хорошо. Проблема с наблюдателями отпала, – одобрил мои слова Шохирев.

– А ещё, господин вахмистр, придётся вам до атамана и старейшин как-то довести мысль, что обмывать награды придётся позже, а пока надо вооружаться и ждать возможного нападения. А после отъезда цесаревича телеги, слуги, колья, щиты подготовить, чтобы баррикадами пути в станицу перекрыть.

– Ха, нашёл проблему. Да я им скажу, что это ты такие указания дал, и всех делов. Ты же для них теперь царь и бог. Ладно, Никодимыч Селевёрстов с его шейной медалью «За храбрость» мог по статуту золотую получить. Так Савин через три награды перепрыгнул, а старики через одну. – Шохирев, ехидно улыбаясь, снова ткнул меня своим кулачищем в плечо. – Похоже, у государя наследника других наград не было, вот он Савина и Селевёрстова, как гильдейских купцов, сразу золотыми медалями наградил. И кто сыну императора укажет на ошибку? Думаю, в канцелярии генерал-губернатора все бумаги оформят как надо.

Шохирев улыбнулся, а потом в буквальном смысле заржал. Я и казачата с непониманием уставились на вахмистра. Отсмеявшись, Митяй вытер в глазах выступившие слёзы.

– Вспомнил, с каким выражением лиц наши награждённые перед цесаревичем стояли. Будто дети малые, которым сладкий петушок на палочке дали. Я стариков таких одновременно изумлённых, умилённых и счастливых никогда в жизни не видел. Кстати, Тимофей, мог бы и за меня словечко перед цесаревичем замолвить. Шучу, шучу!

Вахмистр резко стал серьёзным.

– В общем, предложения, Тимофей, толковые. Так и поступим.

По окончании разговора с вахмистром Шохиревым прошёл всего час, и вот я иду на пароходе «Вестник» вверх по Амуру в конвое будущего императора Николая II. Вместе со мной на пароходе цесаревича из учеников школы идут Лис, Тур, Леший, Ус и Чуб. Лучшие стрелки отряда.

Когда садились на пароход, есаул Вершинин сразу расставлял казачат и своих атаманцев по периметру борта парохода, нарезая сектора наблюдения и обстрела. Сделал это, на мой взгляд, толково. Я кроме этого напомнил своим ребятам о правилах прицеливания и особенностях стрельбы над водной поверхностью.

Цесаревич и остальные члены свиты, как только «Вестник» скрылся от взглядов провожающих казаков и казачек Черняевского округа, которые следовали за пароходами, пока берег давал такую возможность, разошлись по каютам, и на палубе наступила относительная тишина.

Я, пока никого из начальства на палубе не было, на отведённом мне месте на носу присел на небольшую перевязанную бухту каната и отдыхал от сумасшедшего ритма встречи наследника. Уйдя в nirvanу отдыха, чуть не проморгал есаула Вершинина, который спустился с капитанского мостика и направился в мою сторону.

Вскочил с бухты, закинул винтовку на плечо и принял стойку смирно.

– Что скажешь о пароходе? – спросил меня подошедший есаул.

«Деревянное корыто с колесом в том месте, где у „запора“ мотор, – подумал я про себя. – Неизвестно, борта пулю выдержат? Стенки кают точно нет».

Я не успел ответить, так как в этот момент цесаревич вышел из своей каюты без головного убора, одетый в простую полотняную рубаху, перепоясанную наборным ремнём, и шаровары, заправленные в легкие кожаные ичиги. Я и есаул Вершинин развернулись в его сторону.

«А с правой стороны головы Николая и на темени в причёске ещё заметны проплешины на местах ран от ударов саблей в Японии», – подумал я.

В своё время немало прочитал различных версий об этом нападении. Для себя каких-либо окончательных выводов о причинах нападения японского полицейского так и не сделал. Логичными выглядели и официальная версия, и некоторые совсем уж экзотические, вроде той, что цесаревич Николай и его спутник принц Георг Греческий, изрядно поддавши, забрели в синтоистский храм и там, идиотски хихикая, начали колотить тросточками по священным для синтоистов храмовым колоколам. Пошли разговоры, люди возмутились, вот полицейский и не выдержал. Наказал охальника. По моему мнению, данная версия – хрень полная, но изложена логично и с причинно-следственными связями.

Николай осмотрел атаманцев и казачат, которые цепью выстроились вдоль борта и внимательно рассматривали берег реки, мимо которого проходило судно. Следом за наследником из кают вышли князь Барятинский и генерал-губернатор Корф, также одетые по-простому, можно сказать по-домашнему. Цесаревич, кивнув им, направился в нашу сторону.

– Алексей Львович, объясните мне, – какой-то помолодевший непарадный Николай с напором обратился к есаулу, – что происходит? Почему часть свиты перешла на «Ермак», а здесь собрались все атаманцы? Почему все вооружённые стоят вдоль бортов? Объяснитесь!

Я смотрел на вытянувшегося во фрунт с побагровевшим лицом начальника конвоя, и мне его было искренне жаль. «Если сейчас дедушка Корф или князь Барятинский не вмешаются, – подумал я, – то я в них сильно разочаруюсь».

Личный друг императора не подвёл. Встав рядом с есаулом, князь невозмутимо произнёс:

– Ваше императорское высочество, выше по течению будет сеть островов, удобных для нападения. Даже в лоциях один остров носит

название Разбойный, а ещё один – Разбойник. Мимо острова Зориха мы уже прошли. Для вашей безопасности мною и генерал-губернатором было принято решение о такой передислокации конвоя.

– Государя наследник, – вступил в разговор генерал-губернатор, – именно в этих местах три года назад банда хунхузов пыталась увести станичный табун, а два года назад была разбита банда Золотого Лю. Как говорится, бережёного Бог бережёт. Пока вы находитесь на земле Приамурья, я отвечаю за вашу безопасность.

«Молодцы генералы! – промелькнула в голове мысль. – Настоящие, боевые. Не паркетные шаркуны!»

– Без твоего вмешательства, Аленин, как я думаю, и тут не обошлось? – усмехнулся в мою сторону Николай. – Интересную награду ты выбрал для учеников своей школы.

Цесаревич задумался. Я, есаул и оба его превосходительства замерли, ожидая дальнейшей реакции наследника.

– Хорошо, – произнёс Николай. – Раз решили Владимир Анатольевич и Андрей Николаевич так поступить, пусть так и будет! Опыта у вас значительно больше в таких вопросах.

Цесаревич непроизвольно провёл правой рукой по волосам, которые скрывали полученные раны.

– Что ж, вернёмся к вопросам, которые я хотел задать Тимофею Аленину, но не хватило времени.

«Оказывается, у наследника ко мне вопросы, – я напрягся. – Убереги меня, Всевышний, от вопросов начальства. Да ещё такого начальства!»

– Тимофей, я ещё на вашей полосе препятствий обратил внимание на несколько необычное снаряжение и вооружение. Теперь время есть. Начнём с того, какими винтовками вооружены ты и твой старший десяток?

– Ваше императорское высочество, – я снял с плеча винтовку и двумя руками протянул её Николаю для показа. – Это новая немецкая комиссионная винтовка, которая называется, как мне сказали, «Гевер 88». Заряжается пачкой с пятью патронами на бездымном порохе. Удобно перезаряжать, пачка любой стороной входит. Вставил её, и пять выстрелов у тебя есть. Бой хороший, точность тоже. К недостаткам бы отнёс дороговизну патронов, и в магазин через нижнее отверстие попадает грязь. А это может привести к задержкам при

стрельбе. Поэтому при переходах магазин закрываем чехлом из материи, который быстро снимается.

– Лучше других винтовок? – поинтересовался цесаревич.

– Ваше императорское высочество, я могу сравнить только с карабином Бердана и восьмизарядной винтовкой Маузера, которые у меня есть. Если сравнивать с ними, то лучше. А вот если бы «Гевер» была размером как казачья винтовка, да ещё восьмизарядной, цены такому оружию для казаков не было бы.

– Господа, кто-нибудь ещё знаком с данной винтовкой? Кто что может сказать? – Николай посмотрел на оставшихся с ним только трёх членов свиты.

– Так точно, ваше императорское величество, – есаул Вершинин кивнул. – Перед началом вашего путешествия, по указанию его императорского величества, Конвой в ГАУ выбирал для данного путешествия оружие. Тогда пришлось пострелять из французских винтовок с подствольным магазином Лебеля и Гра-Кропачек. Отстрелялись из австрийской пачечной винтовки Манлихера, а также немецких Маузера и этой коммиссионной «Гевер». Если их все сравнить, то «Гевер» обладает меньшим весом, большей скорострельностью. Выше разве что у Манлихера. Имеет более совершенный патрон, более компактный магазин. Как отметил Тимофей, с усовершенствованной двухсторонней пачечной обоймой, которую можно вставлять любой стороной. В отличие от винтовки Манлихера, где у пачки надо найти «верх-низ». К числу недостатков, не озвученных Алениным, я бы ещё отнёс тонкий ствол «Гевера» с явно лишней «рубашкой» и несколько более медленное, чем у винтовки Манлихера, открывание затвора.

– И почему же, Алексей Львович, конвой вооружен винтовками Лебеля, а не этими? – Николай взял из моих рук винтовку и стал пристально её рассматривать.

– Ваше императорское высочество, нас в отборе оружия участвовало двадцать атаманцев, и пятнадцать остановили свой выбор на винтовке Лебеля, включая меня. Удобнее она как-то к бою, к ношению. Отдача у неё меньше, газов и пламени при выстреле меньше. Да и восемь патронов в магазине и девятый в стволе. Так и выбрали. Перезаряжать дольше, но воевать приятнее.

– Господа, кто ещё что-то скажет о «Гевере»?

– Ваше императорское высочество, мне из моего военного штаба приходил доклад об испытании данной винтовки офицерами Генштаба. Основной вывод: по тактико-техническим данным «Гевер» тысяча восемьсот семьдесят восьмого года одна из лучших магазинных винтовок на настоящий момент времени в мире, – доложил генерал-губернатор Корф. – Я на стрельбище пару пачек расстрелял. Мне понравилась винтовка. Особенно мягкий спуск.

– Мне тоже винтовка понравилась, – князь Барятинский погладил свою шикарную бороду. – Я с вашим батюшкой изрядно патронов перевел, стреляя из неё. В этом году Мосин хотел что-то подобное на конкурс представить. А может, уже представил. В путешествии не интересовался этим вопросом.

– Господа! Получается, я один из «Гевера» не стрелял?! Тимофей, ты позволишь?

С этими словами Николай начал отводить затвор, но увидев патрон в стволе, вернул его на место. Вскинул винтовку к плечу и начал выбирать цель на китайском берегу.

– Ваше императорское величество, там чужой берег, – напряжённо произнёс князь Барятинский.

Цесаревич, прекратив целиться, опустил оружие стволом вниз.

– Действительно, не подумал. Перейдем на другой борт. – Николай развернулся кругом и сделал несколько шагов к правому борту.

У меня мелькнула в голове картина, как китайский папарацци прятался в кустах и успел заснять, как цесаревич выбирает цель на китайском берегу. А в вечерних выпусках газет заголовки типа: «Наследник российского престола расстреливает мирных китайцев», «Кровавый зверь Романов готов убивать» и т. п.

Встав за спиной государя наследника, наблюдая, как он целится и выпускает пять пуль в каменный валун на высоком песчаном берегу, от этих мыслей еле сдерживал улыбку на лице. Видимо, пошёл откат от того психологического напряжения, которое испытал за последние четыре-пять часов общения с будущим императором и его свитой.

Я находился в этом мире и чужом теле около трёх лет. Всё это время, как теперь я для себя понял, случившееся со мной воспринимал как игровой квест. Несмотря на полученные ранения, эту жизнь серьёзно не воспринимал. Казалось, что это всё не со мной

происходит. И сейчас эта игрушка выключится, и я окажусь в своём мире, где буду всё это вспоминать, как приятные приключения.

И только сегодня, в присутствии будущего императора Николая II, генерал-губернатора Корфа, о которых читал, видел их фотографии в Интернете, я понял, что этот мир – мой, теперь навсегда. И это не игрушка, а жёсткий реал, в котором я уже неоднократно стоял на самом краю между жизнью и смертью. Кнопка «Reset» здесь не сработает. Перезагрузки не будет. И я сейчас реально, а не во сне разговариваю с цесаревичем великим князем Николаем Александровичем, будущим Николаем Кровавым. При правлении именно этого молодого человека, за спиной которого я сейчас стою, Российская империя рухнет. На её обломках поднимется ещё более величественная империя – Советский Союз, который также разлетится на осколки. И если большую часть прошлой жизни я прожил пусть в самом большом, но осколке СССР, то теперь мне придётся увидеть крах Российской империи и рождение нового мира. «Тихо, тихо! Спокойнее!» – мысленно произнёс я себе и глубоко вздохнул.

Николай отстрелялся, и, по моему мнению, очень неплохо. Повернувшись ко мне, цесаревич передал мою винтовку со словами: «Действительно, хорошая винтовка. Только балансировка немного подводит. Вы правы, Алексей Львович. Я бы тоже выбрал винтовку системы Лебеля. Она как-то лучше в руках лежит».

После этих слов Николай внимательно окинул меня взглядом и произнёс:

– Продолжим с вопросами. Тимофей у вас в чехле справа что прикреплено к вещевому мешку? Линнемановская пехотная лопатка?

– Так точно, ваше императорское высочество, лопатка, но не совсем Линнемана, – я, держа в левой руке винтовку, правую руку забросил за спину и, расстегнув пряжку ремешка чехла на РД, достал лопатку. – Как видите, ваше императорское высочество, штык лопатки имеет пятиугольную форму. Копающая сторона штыка двугранная. Эти грани и боковые заточены, что позволяет не только копать, но и рубить, используя лопатку как топор. Длина всей лопатки три четверти, ширина штыка шесть дюймов, длина семь дюймов. В станичной кузнице, конечно, не удалось точно выдержать эти размеры, но в приближении лопатку можно использовать как измерительный инструмент.

– Интересно, – князь Барятинский взял у меня лопатку и пядями измерил её длину. – Действительно, три четверти. А как ещё вы используете лопатку, Тимофей?

– Ваше высокопревосходительство, в основном лопатка используется для обустройства скрытой позиции, бивака: нарубить хвороста для костра, колышки для устройства палатки, выкопать яму для скрытого костра, прорубить проход в зарослях, зимой рубить лёд. Можно использовать как весло при переправе на плотах, даже как сковороду для приготовления пищи. Для боя в ограниченном пространстве она даже эффективнее кинжала. При броске в цель также наносит куда больше повреждений.

– Интересно и несколько необычно слышать о таком применении обычной пехотной лопатки. – Цесаревич взял из рук князя лопатку, повертел её, попробовал остроту кромок граней штыка. – И казачата могут это показать?

– Так точно, ваше императорское высочество. Разрешите?

Цесаревич кивнул, продолжая с задумчивым видом рассматривать мою лопатку.

– Тур, Леший, ко мне! – скомандовал я стоящим ближе всех к нам казачатам.

Цесаревич, дождавшись, когда Верхотуров Антип и Лесков Владимир подойдут, задал вопрос:

– А почему Тур и Леший? Зачем эти клички?

– Ваше императорское высочество, иногда в бою необходимы мгновения, чтобы предупредить об опасности. Пока полностью произнесёшь звание и фамилию того, кого хочешь спасти, его уже убьют. Вот и придумали в первом десятке короткие позывные-прозвища для боя и вне строя. Теперь в школе прозвище-позывной для боя ещё и как награда. Во втором младшем десятке пока только шестеро заслужили. – Я посмотрел на Антипа и Вовку, которые, подойдя к нашей группе, застыли по стойке смирно.

– Верхотуров Антип, – я показал рукой на Антипа. – Позывной Тур, потому что крепкий как тур и в фамилии есть это сочетание букв. Лесков Владимир – позывной Леший. Он в лесу зашел за первый куст и будто растворился. Не видно его и не слышно.

– А у тебя какой позывной, Тимофей? – поинтересовался государя наследник.

– Сначала был Тоха, от имени Тимофей, а потом весь десяток утвердил мне позывной Ермак.

– Эх как! – удивлённо хмыкнул Барятинский. – Значит, десяток такой позывной дал? Это правда?

Цесаревич, генералы и есаул вопросительно воззрились на Тура и Лешего.

– Так точно! Шах, то есть Шохирев Георгий, предложил такой позывной перед боем с бандой Золотого Лю, а мы все поддержали. Как говорят старейшины в станице, Аленины свой род от Ермака Тимофеевича ведут. А Тимофей для нас как атаман, – пробасил Тур, а Леший энергично кивнул, соглашаясь.

– Жалко, Эспер Эсперович такой информации не слышит, – улыбнулся наследник престола. – Он бы замучил вопросами. Надо же, потомок Ермака! Это правда, Тимофей?

– Не знаю, ваше императорское высочество. В семье такое предание было. В станице старейшины не опровергают. Может быть, и правда. Документального подтверждения нет.

Цесаревич задумался, потом ещё раз проверил остроту штыка лопатки, помолчал и, наконец-то, произнёс:

– Ладно! Об этом позже. А теперь, Ермак, пусть Тур и Леший покажут, как они с лопаткой бой смогут вести.

– Тур, Леший, первый комплекс боя с лопаткой. Исходная у общей стены кают. Приступить! – скомандовал я.

Антип и Вовка, развернувшись кругом, промаршировали к передней общей стене двух кают. Сняв с плеча винтовки, прислонили их к стенке. Достали, расстегнув ремешок чехла на РД, лопатки и встали на одной линии в двух шагах друг от друга.

Крутанув взятой за конец рукоятки лопаткой несколько раз, ребята застыли на мгновение по стойке смирно, опустив лопатку вниз. По тихой команде Тура казачата резко приняли боевую стойку и сделали три шага вперёд, нанося при каждом шаге на резком выдохе удары наотмашь: справа, слева, сверху.

Поворот налево, защитный блок левой рукой, удар лопаткой тычком. Отбив лопаткой слева направо и вниз, боковой удар левой ногой на уровне колена, перехват рукоятки двумя руками и резкий удар лопаткой сверху вниз. Разворот кругом с одновременной защитой лопаткой от удара сверху, левая ладонь фиксирует плоскость штыка.

Удар правой ногой в район груди, и с шагом вперёд резкий удар лопаткой сверху. Поворот через спину направо, секущий боковой удар, на возврате перехват лопатки за рукоять у самого штыка, и пять быстрых коротких шагов вперёд с нанесением ударов лопаткой как ножом: справа, прямо, снизу, секущие крест-накрест. Поворот кругом, и казачата замерли по стойке смирно. Прodelали всё это Тур и Леший, несмотря на небольшое раскачивание палубы, быстро, слаженно, почти синхронно.

– Изумительно! – Николай несколько раз хлопнул в ладоши. – Просто великолепно!

За цесаревичем заплодировали есаул и генералы, а также вышедшие из кают доктор, штабс-ротмистр и спустившийся с мостика капитан парохода.

– Тимофей, так ты считаешь, что лопатка эффективнее в бою кинжала? – спросил генерал-губернатор Корф.

– Ваше превосходительство, если в бою один на один сойдутся равные по мастерству воины, вооружённые один кинжалом, а другой лопаткой, я бы отдал победу тому, кто будет с лопаткой. Если с шашкой и лопаткой, то тому, кто вооружён шашкой. Винтовкой со штыком и лопаткой – наверное, тому, кто вооружён винтовкой. Но здесь всё зависит от мастерства и удачи. И лопатка – это всё-таки шанцевый инструмент. Дополнительное оружие, когда другого под рукой не оказалось.

– Хотелось бы посмотреть на такие бои, – усмехнулся князь Барятинский.

– Ваше высокопревосходительство, шашек ни боевых, ни учебных нет. Не взяли с собой. А винтовки для показательного боя использовать жалко, можно ствол и цевье повредить. Может, на судне найдётся черен и доска?

– Аркадий Зиновьевич, найдётся то, о чём просит Тимофей, на судне? – спросил капитана парохода Николай.

– Найдём, ваше императорское высочество, – капитан повернулся назад и крикнул в сторону столпившихся у борта матросов: – Прощка! Бегом принёс дюймовую доску и запасной черен для багра!

В наступившей паузе, пока матрос Прощка в светло-серой парусиновой рубаше и штанах побежал на ют добывать озвученное, штабс-ротмистр Волков и доктор Рамбах подошли к цесаревичу.

– Ваше высочество, я смотрю, у казачат какие-то интересные вещевые мешки, – спросил Волков цесаревича. – Похожи на туркестанского типа, но сильно отличаются.

– Что по этому вопросу расскажешь, Тимофей? – Николай с интересом посмотрел на меня.

– Ваше императорское высочество, мы назвали его...

«Ранец диверсанта не подойдет», – судорожно пролетела мысль в голове.

– Ранец или заплечный мешок охотника, – продолжил я.

Расстегнув пряжку нагрудной лямки, снял ранец и поставил его на палубу перед собой.

– Общий объем мешка около получетверика. Разделён на три части. Основной большой и два небольших боковых. В правом боковом хранится, – я, присев, отстегнул клапан и начал доставать, – котелок с крышкой объемом в пять чарок. Их нам сделал наш кузнец в станице. В нём хранятся ложка, пакеты с сухими ягодами и травами лечебными, заварка, трут, огниво. У меня ещё шведские спички Лундстрема в промасленной бумаге с чиркашом. Леска с крючками. А ниже также пара шаров сибирской мурцовки.

– Что это такое? – поинтересовался цесаревич.

– Это нутряной медвежий жир, скатанный в колобок вместе с сухарями, его можно таскать годами в мешке, – ответил я, – он прогоркнет, затвердеет, но когда пристигнет беда, от колобка наковыряешь крошек, разваришь в кипятке или так пожуешь. Еда горькая, конечно, тошнотная, но очень питательная, на ней можно продержаться много суток.

Я достал из отдела ранца в промасленной бумаге скатанный шар, развернул и показал его Николаю. Потом завернул мурцовку. Цесаревич передёрнул в отвращении плечами.

– Для нормальной еды в левом разделе мешка в кульках есть крупа, сало, соль, бурдюк размером в один штоф с водой. Если вдруг окажешься в местности, где воды не найдешь или она не пригодна для питья. В центральном большом разделе мешка внизу смена белья и портянок и другие вещи, необходимые для похода. Сверху бурдюк с крепким, двойного перегона самогоном, вместо антисептика. На плечевых ремнях: на левом расположены сверху отделения для трёх метательных ножей, ниже подсумок, где хранятся средства перевязки,

тампоны, верёвка – перетянуть конечность, чтобы остановить кровотечение, косынка, чтобы подвязать руку или закрепить шину при переломе; на правом две сумки для пачек с патронами. Снизу мешка на ремешках прикреплена плащ-палатка. На правом боку ранца пришит чехол для лопатки. Местные казаки-охотники ранец оценили. Легкий. На три дня похода и больше носимых запасов вполне хватает. У тётки Ольги на их пошив очередь.

– Внушительно! – князь Барятинский, нагнувшись, взял котелок, поднял крышку и заглянул внутрь. – И сам мешок, и то, что в нём лежит, очень интересные образцы. Как мне кажется, не на одну военную привилегию можно предложений набрать.

В это время на палубу, где стояла наша группа, прибежал Прошка, неся в одной руке длинный, больше косой сажени черенок, а в другой доску.

– Вот, государя наследник, принёс, – произнёс Прошка, на самом деле матёрый мужик лет сорока, который смущённо покраснел после своих слов.

– Разрешите, ваше императорское высочество? – дождавшись кивка цесаревича, закинул РД на плечи, застегнув пряжку, и взял у матроса доску и черенок.

Дойдя до казачат, которые так и стояли, вытянувшись во фронт, я передал доску Лешему, а черен Туру. Замерив на черенке длину винтовки со штыком, сделал отметину. Затем перевернул черен, упер его в палубу и скомандовал Туру: «Руби!» Антип взмахнул лопаткой и на уровне моей груди чисто, без сколов, перерубил черенок, чем вызвал дружный вскрик окружающих. После чего взял у меня черенок, который по размеру имитировал винтовку со штыком. Леший в это время прислонил доску к стене каюты.

Подхватив обрубок, я отошёл чуть в сторону и подал команду: «К бою!» Тур по этой команде принял стойку с черенком, предварительно положив свою лопатку на палубу. Леший принял левостороннюю стойку с лопаткой в правой руке.

– Начали! – подал я следующую команду.

В течение минуты Тур атаковал Лешего, имитируя удары штыком в живот, грудь, шею, голову. Вовка, уходя с линии атаки, совершал из разных стоек отбивы уколов черенком рукой, лопаткой с последующим захватом черенка и обозначением удара лопатки. В некоторых атаках

уколы отбивались лопаткой, и ею сразу же наносился удар. После десяти различных ударов Тур и Леший поменялись оружием, после чего уже Тур отбивался от атак Лешего.

– Закончили! – скомандовал я.

Тур и Леший застыли по стойке смирно. Я подошёл к стенке каюты, к которой Леший прислонил под углом доску высотой с маховую сажень, шириной в две пяди и толщиной в дюйм. Встав посередине стены кают, я прислонил доску вплотную к стене и остался стоять рядом, придерживая доску за верхний обрез.

– Тур, Леший, к метанию лопатки и ножей с расстояния... – я на миг сбился, прикидывая, где смогут встать на палубе казачата, – десяти шагов приступить.

Антип и Вовка встали напротив меня. Первым лопатку метнул Тур, за ним Леший. После этого так же быстро по очереди отметали по три метательных ножа, достав их из крепления на левом наплечном ремне РД.

– Да! Вам только в цирке выступать. Лопатки и ножи словно по линейке воткнули. – Князь Барятинский сделал шаг к цесаревичу. – Разрешите, ваше высочество?

Получив от наследника согласие, князь взял из рук Николая мою лопатку и, размахивая ею, изображая удары, вышел на линию, откуда метали Тур и Леший.

– Отлично сбалансирована, – князь покачал лопатку рукой, резко взмахнул и запустил её в мою сторону.

Отметив, что лопата летит не в меня, мне удалось не дрогнуть и удержать доску в исходном положении. Лопата, запущенная его сиятельством, с силой вонзилась в доску, которая не выдержала такого напора и треснула.

– Вот это бросок, ваше сиятельство! – Николай захлопал в ладоши. – Враг, несомненно, повержен.

– Страшное оружие, господа! – князь стоял на линии броска и, глядя на треснувшую доску, неверяще качал головой. – Действительно, страшное.

В этот момент над поручнями капитанского мостика показалась голова матроса, который прокричал: «Прямо по курсу остров Разбойный!»

Взгляды всех на палубе скрестились на цесаревиче.

– Я думаю, надо подняться к рулевой рубке и осмотреться. Аркадий Зиновьевич, у вас бинокль имеется? – спросил цесаревич.

«И куда ты прёшься? Чего тебе отсюда не смотрится? Здесь хоть спрятаться от огня есть где, – подумал я. – Нет, надо наверх лезть. Под возможные пули подставляться».

Цесаревич в окружении свиты направился в рубку капитана. Я же, подойдя к Туру и Лешему, тихо произнёс:

– Всё, цирк закончился. Начинаем работать. Тур, если будет возможность, прикрывай генерал-губернатора, а ты, Леший, князя Барятинского. Хорошие генералы. Жалко будет потерять. Сейчас пробегите по нашим, проверьте, кто какие себе укрытия подыскал. Напомните о прицеливании над водой. Потом возвращаетесь сюда.

Тур и Леший мотнули головой и разбежались по бортам. Разбежались – громко сказано. Пароход от носа до кормы был метров восемьдесят. Даже меньше. Я ещё раз прошёлся взглядом по баку, запоминая, где что лежит. В бою каждая мелочь пригодится. Особенно если за этой мелочью можно укрыться.

Острова между тем приближались. Пароход против течения узла три давал. Я, как ни вглядывался, никого на островах не видел. В этот момент на нос парохода вернулись Николай и его свита.

«Слава богу, – подумал я. – А то вдруг реально обстрел судна будет. Здесь хоть есть где укрыться. А лучше бы Николая совсем с палубы убрать, упрятав в трюм. Попробовать посоветовать, что ли?!»

– Тимофей, посмотри. Может, ты что-нибудь увидишь, – князь Барятинский протянул мне бинокль.

Приложив бинокль к глазам, я справа налево стал осматривать берега и острова. На нашем крутом и высоком берегу казаков пока ещё не было видно. Первый небольшой полузатопленный остров около начинающей поймы был пуст. Остров Разбойный возвышался над гладью Амура песчаными отмелями, кустарниками и редким лесом. Я внимательно рассматривал его побережье с нашей стороны. «Где-то должна быть на берегу наша лодка. Времени же много прошло, – подумал я. – Где же лодка, где казаки?»

В этот момент из прибрежных кустов вниз к реке скатилось тело в зелёной казачьей форме. Казак с трудом встал, поднял над собой руки, попытался их скрестить и плахой упал лицом вперёд.

– Что там, Тимофей? – встревоженно спросил генерал-губернатор.

– Кто-то из наших казаков, не смог рассмотреть, кто конкретно, вывалился из кустов на берег, попытался подать сигнал и упал. По моему, на острове засада. Тревога!

Подтверждая мои слова, с нашего берега защёлкали частые выстрелы из берданок.

– Что будем делать, господа? – спросил цесаревич.

– Я думаю, надо возвращаться, ваше высочество, – произнёс Барятинский. – Капитан Самохвалов, вы сможете развернуть пароход?

– Боюсь, ваше высокопревосходительство, что если и смогу, то очень рядом с островом, и это займёт много времени. Проще дать задний ход.

– А если по пойме вдоль нашего берега пройти, Аркадий Зиновьевич? – спросил генерал-губернатор Корф. – Как мы раньше договаривались.

Острова приближались. Решения со стороны руководства всё не было. А секунды утекали, казалось, с двойной скоростью. Леший и Тур вернулись и встали за моей спиной. Что-то начал говорить цесаревич, я же, поднеся к глазам бинокль, который всё ещё оставался у меня в руках, стал осматривать остров у китайского берега, который весь зарос высокой травой. Где опасность?

Выстрелы с нашего берега продолжались, но по кому стреляли казаки, я не мог определить. Наведя бинокль опять на остров Разбойный, до которого оставалось метров триста пятьдесят, стал внимательно разглядывать каждый кустик. Вдруг заметил световой отблеск от поверхности ствола. Второй. Третий.

«Млять, только бы успеть», – подумал я, бросая бинокль.

– Ложись!!! – с этим криком я схватил цесаревича за плечи и, рванув на себя и вниз, бросил наследника на палубу, навалившись на него сверху.

Пока остальные застыли в оцепенении, Тур и Леший прыгнули вперёд и уже под раздавшиеся с острова выстрелы повалили генерал-губернатора и князя Бярятинского. Тур и хозяин Приамурья при падении одновременно вскрикнули.

«Здорово я ребят натаскал за два года. Как быстро среагировали», – самодовольно подумал я и осёкся, увидев кровь на спине Тура и лице генерал-губернатора.

В то же мгновение раздался ещё один залп, и у борта справа рядом с носом рухнули два атаманца, которые никак не отреагировали на мой крик и продолжали стоять в полный рост, успев только вскинуть к плечу винтовки. «Не жильцы, – подумал я. – Так раненые не падают». Кроме атаманцев, схватившись за грудь, на палубу повалился штабс-ротмистр Волков. Есаул Вершинин и доктор Рамбах присели, а капитан Самохвалов застыл столбом.

Цесаревич энергично завозился, пытаясь скинуть меня с себя.

– Ваше высочество, лежите спокойно. Это нападение. Не поднимайтесь, – скороговоркой выпалил я в лицо побледневшему Николаю. – Лежите! Здесь непростреливаемая зона получается.

Я сполз с цесаревича и огляделся. Картина была удручающей. Хотя до острова оставалось еще метров триста, два слаженных и многочисленных залпа спрятавшихся в кустах бандитов нанесли ощутимые потери.

Из четырёх атаманцев, которые были на баке, трое были мертвы, четвёртый лежал на спине, и при выдохе у него на губах надулся кровавый пузырь. Были ранены Тур и генерал-губернатор. Остальные атаманцы и Ус, который был по видимому мне борту, укрылись, спрятавшись за борт. Что творилось на другой стороне парохода, я не видел. Но будем надеяться, что Лис и Чуб уцелели.

Князь Барятинский на четвереньках уже подобрался к убитому атаманцу и вытаскивал из-под него винтовку. «Вот это реакция у генерала, – подумал я. – Подтверждает на деле его сиятельство, что золотое оружие в этом времени просто так не давали».

Я расстегнул клапан подсумка и достал наш индивидуальный медицинский пакет. «Доктор! Доктор!» – позвал я фон Рамбаха. Когда тот сфокусировал на мне взгляд, бросил ему пакет.

– Доктор, перевяжите генерал-губернатора. Он ранен.

Доктор осмысленно кивнул, подобрал сверток, подполз на коленях к Корфу и начал разворачивать медпакет.

– Тур! Тур! – окликнул я Антипа. – Ты как?

Верхотуров повернул в мою сторону голову.

– Нормально всё, Ермак. Только перед глазами плывёт.

– Тур, достань медпакет и отдай доктору. Он тебя сейчас перевяжет. Леший, аккуратнее. Смещайся вдоль борта, не застывай на месте, – крикнул Вовке, который уже вёл огонь по засаде, укрываясь бортом и перемещаясь вдоль него после каждого выстрела.

Пока я осматривался и раздавал первые распоряжения, Николай лежал на спине и внимательно смотрел на меня.

– Тебе совсем не страшно, Тимофей? – внезапно задал вопрос цесаревич.

– Страшно, ваше высочество, ещё как страшно. Вы пока полежите. А мне надо в чувство капитана привести.

Резко выдохнув, я вскочил на ноги и, сделав пару шагов, прыгнул на капитана парохода, уронив его на палубу. Сделал я это вовремя. По стенке кают вновь забарабанили пули. Наверху раздался звук разбитого стекла.

«Стёкла в рубке разнесли», – подумал я, развернув капитана лицом к себе.

– Господин капитан, вы меня слышите? Господин капитан!

Глаза на бледном с синюшным отливом лице Самохвалова бессмысленно уставились на меня.

«Шок! Причём конкретный! Да здравствует интенсивная терапия! Будем клин клином вышибать!» – подумал я и закатил капитану пару оплеух.

– Ты, хрен водоплавающий, якорь тебе в зад, ты меня слышишь? – заорал я в ухо капитану.

Самохвалов очумело затряс головой и с испугом посмотрел на меня.

– Ты должен сейчас меня бояться! Понял, сцука? – я выхватил из крепления метательный нож и, скорчив зверскую рожу, приставил его остриё к глазу капитана. – Если ты сейчас не сделаешь то, что я тебе прикажу, я тебе глаз выколю!

По вискам капитана поползли капли пота, но взгляд стал более осмысленный.

Я поднялся и рывком за ворот поднял с палубы капитана.

– Бегом в рубку, – я толкнул Самохвалова в спину, заставляя его быстрее перебирать ногами.

Пробежав вдоль борта, добрались до трапа, который вёл наверх. Подталкивая капитана, поднялись в рулевую рубку с разбитыми стёклами и отверстиями от пуль в стене. На огромном, в человеческий рост, рулевом колесе мёртвым грузом обвис рулевой. Отвалив тело в сторону, я поставил к колесу капитана.

– Слушай сюда! Правишь вон туда между островом и берегом в пойму, – я указал направление ножом. – Всё понял?

– Как смеешь так со мной разговаривать, казак? – лицо капитана стало багроветь.

– Отлично! В себя наконец-то пришли, ваше благородие. – Я убрал в разгрузку нож. – Живы останемся, принесу вам все мыслимые извинения. А сейчас правьте туда, куда я указал, и на полном ходу.

– Мы можем там сесть на мель и застрять!

– Ваше благородие, главная задача – спасти государя наследника. Целостность парохода – полная ерунда. Там в пойме нас казаки прикроют, и цесаревича можно будет на берег эвакуировать.

– Хорошо! – окончательно пришедший в себя Самохвалов, подошёл к раструбу переговорной трубы и заорал: – Механик, механик, полный ход, самый полный!!!

Я выскочил из рубки и скатился по трапу. Увидев испуганные глаза матроса Прошки, крикнул ему:

– Двух рулевых, что с «Ермака» перевели, мухой в рубку.

Прошка, развернувшись, побежал под навес на баке.

Всё это время, пока я разбирался с капитаном парохода, судно продолжали обстреливать. С носа корабля редко стреляли оставшиеся в живых и целые Леший, есаул Вершинин, князь Барятинский, а также подскочившие на нос по правому борту Чуб, Ус и два атаманца.

Корабль между тем начал резко набирать ход, поворачивая к правому берегу и подставляя для обстрела левый борт. С юта и из-за левого борта защелкали выстрелы находившихся там атаманцев и Лиса. Пароход-конвоир также стал набирать ход, пытаясь обойти «Вестник» и закрыть его собой. С него также затрещали выстрелы винтовок.

Я, пригибаясь, подбежал к цесаревичу и упал на палубу. Та бухта каната, на которой я сидел, и свёрнутый канат носового якоря создали небольшой, непробиваемый для пуль щит, где разместились уже перевязанные Корф и находящийся без сознания Тур, доктор Рамбах, а также перебравшийся к ним наследник престола.

– Ваше высочество, судно начало поворот направо, переберитесь дальше за канаты, чтобы не попасть под обстрел.

Я резко встал на колени и, приложив винтовку к плечу, посмотрел на быстро приблизившийся остров, до которого оставалось метров сто. Над головой свистнула пуля, и я непроизвольно пригнул голову.

– Аленин?! – услышал я басовитый рык Барятинского.

Повернув голову на окрик, увидел князя, пригнувшегося за бортом и перезаряжающего подствольный магазин винтовки Лебеля. Вид у его светлости был грозен. Борода распушилась, глаза из-под густых бровей сверкали, по левой щеке от виска стекала струйка крови.

– Куда пароход повернул, говори?

– В пойму к нашему берегу, там государя наследника можно будет на сушу переправить под защиту казаков. Их там больше полусотни.

– Молодец! Правильно решил! – Барятинский, вставив десятый патрон в ствол, задвинул затвор. – Братцы, защитим государя

наследника! Огонь по супостату!

Вслед за князем, приподнявшись над бортом, открыли огонь все защитники носовой части парохода. Я вскинул винтовку и прицелился в мелькнувший за кустом на берегу силуэт. Выстрел. Перезарядка. Сместился левее на шаг. Поиск цели на берегу. Вспышка из кустов. Аккуратно под срез целимся. Выстрел. Из кустов выпала винтовка.

«Вестник» между тем, набрав приличную скорость, прошёл ближайшую к острову Разбойный точку и начал отдаляться от засады, заходя за затопленный остров. Пули все ещё стучали, впиваясь в борта, стенки кают. Но обстрел стихал, становясь реже.

«Ермак» почти догнал пароход цесаревича и начал сбавлять ход. С него велась интенсивная стрельба по месту засады. Судя по частоте выстрелов, потерь с нашей стороны на конвоире почти не было.

Тут, я краем глаза заметил, что Николай хочет подняться на ноги.

– Ваше высочество, лежите, ради бога. Не хватало ещё, чтобы в вас попали.

– Не много ли на себя берёшь, Аленин? – Бледное лицо Николая стало наливаясь кровью. – Все воюют, а я прячусь, как какой-то жалкий трус.

– Ваше высочество, уже пять ваших атаманцев из конвоя погибли, чтобы вы остались живы. Не делайте их гибель бессмысленной.

– Тимофей прав, государя наследник, – раздался слабый и тихий голос генерал-губернатора. – Укройтесь, пока не добрались до безопасного места. Вы должны остаться живым. И это не трусость.

Я, заметив, как из кустов засады выскочили три бандита, стреляя вслед пароходу, выцелил крайнего и свалил его. Раздавшиеся следом с палубы ещё несколько выстрелов уложил на песок и оставшихся двух нападавших.

Пароход в это время начал сбавлять скорость и, пройдя полузатопленный остров, вошёл в пойму, наматывая на колесо траву. Раздался треск, пароход дёрнулся несколько раз, сбивая всех стоящих с ног, и встал окончательно. Гребное колесо ещё молотило по воде, выбрасывая за кормой кучу ила. Через несколько секунд раздался треск, и колесо остановилось. Я приподнялся с палубы, оглядываясь по сторонам.

«Ну что ж, могло быть и хуже», – подумал я. Судно с маху вошло на заливные луга метров на пятнадцать. Полузатопленный остров

прикрыл пароход от засады на острове Разбойный, до которой было метров двести пятьдесят. «Ермак», дав задний ход, резко тормозил, стараясь не войти на затопленный луг и также перекрыть директрису стрельбы для бандитов.

На берегу, куда упиралась пойма реки, столпились верховые и пешие казаки Черняевского округа, часть из которых продолжала стрелять в сторону островов, а часть, в основном пешие, спускались к воде. Над водой разносились матерные конструкции Митяя Широкого.

– Уф-ф, кажется, отбились, – пробасил Барятинский, поднимаясь на ноги и передёргивая затвор винтовки. – С русско-турецкой войны так не веселился.

– Тимофей, поинтересуйтесь у капитана, как будем переправляться на берег, – буквально прошептал генерал-губернатор, с восковым лицом и посиневшими губами.

«Серьёзно дедушку Корфа задели», – подумал я, полностью распрямившись. Стрельба стихла. Я повернулся и, наклонившись, спросил у продолжавшего лежать цесаревича:

– Разрешите выполнять, ваше императорское высочество?

– Иди, выполняй, Тимофей. Только не грози больше Аркадию Зиновьевичу глаз ножом выколоть, – усмехнулся наследник престола.

– Ваше императорское высочество, вы пока не вставайте. Мало ли что. Остров с засадой рядом, – как можно проникновенней попросил я Николая, после чего повернулся в сторону казачат, которые находились на носу.

– Леший, Ус, Чуб прикрыть государя наследника. Лис, осмотри места, откуда нас смогут огнём достать.

Отдав приказания ребятам и убедившись, что Вовка, Феофан и Устин прикрыли цесаревича, я сделал где-то шесть шагов к трапу на капитанский мостик, когда раздался панический крик Лиса: «Ермак, на два часа дерево, двести шагов!»

Повернув голову направо, сразу зафиксировал взглядом высокое дерево на острове Разбойный, в кроне которого темнело что-то крупное. А потом в том же месте глаза резанула вспышка на солнце.

– Лис, стреляй!!! – заорал, понимая, что с дерева Николай виден как на ладони и не прикрыт казачатами. Я полуобернулся и, увидев, что Николай лежит на том же месте, сделал назад два шага, а потом, как вратарь, прыгающий в девятку за мячом, разрывая мышцы на

ногах, толкнул своё тело вверх-вправо, перекрывая возможную траекторию пули.

Время, как всегда в таких ситуациях, замедлилось. Моё тело зависло в верхней точке прыжка, а выстрела всё не было.

«На хрена мне это надо?» – успел подумать я, как тупой и сильный удар в левую сторону груди выбил из меня дух, а потом наступила полная темнота. Как упал на палубу, я уже не почувствовал.

Глава 4

Разбор полётов

Я с трудом шёл, пытаюсь пробить всем телом окружающую меня чёрную субстанцию. Неожиданно в непроглядной тьме появилась маленькая точка-звёздочка, которая стала стремительно приближаться ко мне. При этом каждый вздох давался мне всё труднее и труднее. Было такое ощущение, что я лежу на спине, а сверху мне положили наковальню, которая стремится продавить мою грудь, особенно каким-то выступом, впившимся с левой стороны.

Звёздочка росла, дыхание становилось всё реже, а боль беспощаднее. Всё! Больше я не смогу под этой тяжестью вздохнуть ни разу. Звёздочка превратилась в белый туннель, в который я почти вошёл, рассекая вязкую темноту. Яркая вспышка. Кажется, я закричал и очнулся.

Я лежал на кровати в незнакомой комнате. В окна светило яркое солнце. Грудь стягивала тугая повязка. Каждый небольшой полувздох отдавался сильной болью в районе сердца. «Кажется, опять выжил, – подумал я и улыбнулся. – Промахнулась в который раз красавица с косой».

Через проём двери в комнату вошла Марфа-Мария и с усмешкой уставилась на меня.

– Что, герой, очнулся?

Я попытался что-то ответить, но изо рта вырвался какой-то хриплый клёкот.

– Сейчас, сейчас! – засуетилась Мария. Взяв с тумбочки около кровати кружку и ложку, стала поить меня с ложечки какой-то горькой дрянью. Сделав пять-шесть глотков, терпя сильную боль в левой половине груди, попытался задать вопрос.

Мария, увидев мои потуги, прижала ложку к моим губам.

– Молчи. Сейчас всё расскажу, что знаю.

Поставив кружку на стоящую у кровати тумбочку и опустив в неё ложку, присела на табуретку.

– Когда ты прыгнул, закрывая государя наследника собой от пули, то, по словам доктора Рамбаха, тебе сильно повезло. Не в рубашке тебя

Катерина родила, а в кольчуге! Я не сильно поняла все заумные слова доктора про траектории, углы попадания, рикошета, слышала, когда тебя повторно перевязывали, а я помогала, но пуля попала тебе в один из твоих метательных ножей на перевязи, а под ним ещё и часы цесаревича оказались.

Мария протянула руку и вытянула выдвижной ящик тумбочки. Достав из него нож и часы, показала их мне.

«Вот это да!» – подумал я, рассматривая нож и часы. Судя по всему, пуля по касательной ударила в нож, согнув его. Нож раздавил корпус часов. Попытался представить траекторию пули и положение моего тела в прыжке, чтобы такое произошло. Получилось с трудом.

«Да-а-а уж! Как сказал бы Киса Воробьянинов, везение зашкаливает», – пронеслось у меня в голове.

– Так что, господин гвардии подполковник, отделались вы легко. Немного грудную мышцу повредило, даже сшивать ничего особо не пришлось, всего четыре шва наложили. Ещё ребра тебе сильно зашибло, да синячище во всю грудь, – продолжила Мария. – Доктор беспокоится, что может быть перелом рёбер и контузия легкого. Но я ничего такого не чувствую.

Мария протянула правую руку, и её ладонь застыла над моей левой грудной мышцей. Знахарка закрыла глаза, склонив голову. Вены на её левом виске, который я видел, набухли и, казалось, запульсировали. На лбу выступили капельки пота. Через несколько секунд Мария встряхнула рукой, как будто сбрасывая с ладони что-то на пол, и глубоко вздохнула.

– Нет, ничего такого плохого не чувствую, – на выдохе с трудом произнесла она. – Через три-четыре недели всё будет в норме. Только шрам на груди останется. Но, как говорится, шрамы украшают мужчину. Только что-то у тебя их уже многовато. В прошлой жизни столько же было, или больше?

– Нет. Где я? – с трудом выдавил из себя три слова.

– У меня. В комнате для больных. Ты теперь погорелец. – Мария невесело усмехнулась. – Сожгли хунхузы твой хутор. А у Селевёрстовых и так тесно. Не на полатах же тебе лежать. Вот и перенесли ко мне.

«Вот это номер! Хорошо, что ещё пару месяцев назад дедовы награды, шашку с кинжалом, документы, бумаги, деньги и настойку

женьшеня перенёс к Селевёрстовым. Мальки очень любопытные были. Всё им надо было посмотреть, потрогать. А самородки давно в схроне лежат, подальше от чужих глаз. Но добра много пропало. Книги, учебники, одежда, снаряжение, оружие... Ё-моё!!! Можно сказать, я теперь гол как сокол, но, слава богу, остёр как топор», – грустно усмехнулся про себя.

– Не переживай, Тимофей, – Мария погладила меня по голове. – Станичники помогут отстроиться. Тем более, если бы не твой младший десяток, и станице бы не поздоровилось. А так отбились, почти без потерь.

Я вопросительно уставился на знахарку.

– На станицу тоже было нападение. С двух сторон. От Зорихи и с дороги от твоего хутора. Казачата предупредили. Успели улицы перекрыть телегами, кольями. Даже щиты собрать успели. – Мария тяжело вздохнула. – Из наших станичных никто не погиб. Пятеро казаков да три казачки ранены. Из других станиц делегатов трое убито да трое ранено. Отбились, слава богу!

Марфа-Мария размашисто перекрестилась и продолжила:

– Убитые, правда, не при нападении на станицу, а когда на лодке остров Разбойничий проверяли. Туда Лесков пошёл, а с ним трое ольгинцев, привычных по островам да плавням шариться. Михаила тяжело раненным нашли, не дорезали его, а ольгинцев всех побили. Как-то умудрились варнаки их и Михайло в ножи взять. Василий Карпов успел на берег выйти, там и умер. Как с такой раной шёл, до сих пор понять не могу. Ему сердце должны были пополам развалить.

Мария грустно вздохнула и перекрестилась.

– А у нас теперь не станица, а лазарет в осаде. Цесаревич из лучшей гостевой комнаты в трактире ни разу, как туда его завели, не выходил. Засел там с господами офицерами. У Сычёва губернатор, адмирал да штабс-ротмистр раненные лежат. Все тяжёлые, но жить будут. Доктор Рамбах так сказал. Третий генерал по станице носится, как наскипидаренный. Всех в бараний рог скрутить или на каторгу отправить обещает. Вокруг станицы патрули из казаков. Улицы заставами да телегами перекрыты. Жуть! Не только я, старики такой суматохи припомнить не могут.

– Где хунхузы? – просипел я.

– Ушли варнаки. Кого не постреляли, те ушли. За реку ушли.

Мария положила руку мне на лоб, прислушалась к чему-то.

– Всё! Хватит разговаривать. Из твоих только Антип тяжело ранен, но оклемается. Ему доктор из свиты государя наследника операцию сделал. Кольке Подшивалову плечо пуля по касательной задела. Вовке Лескову щепой лоб разодрало. Ромке кончик уха отстрелили. Будет теперь Одноухим Лисом. Женька Савин упал на палубе неудачно и ногу подвернул. И всё. Все остальные целые. Давай спать!

Марфа-Мария склонилась надо мной, и через мгновение я утонул в её черных глазах, проваливаясь в забытье.

В следующий раз очнулся, когда в комнате уже хозяйничал сумрак. Оглядел уже внимательным образом комнату. В ней я не был в первое посещение Марии больше двух лет назад. Повернув голову направо и налево, увидел, что широкая койка, на которой я лежу, в комнате одна. Есть ещё пара тумбочек по бокам от кровати, большой стол, шкаф и множество полок, на которых громоздились какие-то склянки. На натянутых вдоль стен веревках под потолком сушились пучки различных трав, приятный и несколько одуряющий запах которых стоял в комнате.

«Видимо, у Марфы-Марии это и приёмная, и лаборатория, и койко-место для больных, – подумал я. – Меня в прошлый раз здесь на кровать не уложила, на лавку в передней комнате тулуп кинула».

Видимо, услышав, как я завозился, в комнату вошла знахарка.

– Проснулся, гвардии подполковник? – с усмешкой спросила она. – Вовремя, сейчас поедим. А то ты более суток без крошки во рту.

– Не называй меня так, – с трудом ворочая языком, ответил я.

– Не бойся, Тимофей. Нет в доме и рядом никого. Одни мы. Тем более, мне вместе с тобой у психиатра или жандармов на допросе оказаться не хочется. И так два с лишним года с вопросами к тебе не приставала. Теперь ты в моей власти, у-у-у... – изобразив страшную, по её мнению, гримасу, Мария рассмеялась. – Пока не расскажешь, как в будущем лечат, не отстану.

– Расскажу, куда я денусь. Только я больше пациентом был. Немного знаю, как оказывать первую медицинскую помощь при ранении. И всё.

– Это тебе только кажется, что ничего не знаешь. Твой набор первой медицинской помощи, как ты его назвал в своей школе, уже все казаки с собой берут, когда на охоту собираются. А в последнюю

поездку в Благовещенск на ярмарку все семьи в дорогу с собой брали. И в других станицах округа уже использовать начали. А ты говоришь, ничего не знаю. И руки теперь часто моют, и воду, которая для питья, отстаивают и кипятят. Я такого за пятнадцать лет, что живу в станице, добиться от казаков не могла. – Мария с грустью вздохнула. – А ты в школе ввёл такой порядок, и казачата понесли его в семьи. И прижилось. В этом году ко мне и Сычёву ещё ни один пациент не обратился с расстройством желудка. Вот такая статистика.

Я внимательно посмотрел на Марию. Всё время, что я был с нею знаком в этом теле, меня мучило какое-то несоответствие её внешнего вида, речи, поведения уровню станичной знахарки. В тот раз, когда ей открылся, больше говорил, а она слушала. Сегодня слушал я, и у меня всё больше возникало вопросов к Марии.

– Мария, а ведь ты из благородных?! – просипел я.

– А вот это не твоего ума дело, – Мария-Марфа с усмешкой щёлкнула меня по носу. – Кто я есть, знал только батюшка Пётр, когда я пришла в станицу, царствие ему небесное, а теперь знает протоиерей Александр. Да и то не всё. Для всех остальных я Марфа-Мария Соколова – станичная знахарка-бобылка тридцати семи лет от роду. Всё! Сейчас кормить тебя буду, а потом ещё немного поговорим.

После ужина, который состоял из куриного бульона, мелко порубленного куриного мяса и небольшого кусочка хлеба, была стеснительная для меня и привычная при уходе за ранеными для Марии процедура отправления мною естественных надобностей.

– А теперь рассказывай, – Мария, поставив рядом с кроватью табурет, грациозно присела на него. – У тебя там в твоём мире тоже было нападение на цесаревича и нашу станицу? Поэтому ты всех предупредил?

Удивительные глаза этой женщины черными омутами смотрели на меня в ожидании интересного рассказа.

– В том-то и дело, Мария, что не было! Князь Ухтомский, в свите единственный в партикулярном платье, потом книгу написал о восточном путешествии цесаревича Николая. В этой книге государя наследник в станицу Черняева прибыл ночью. По берегам горели костры. Цесаревича встречали казаки льготного разряда и казачата в конном строю. Государя наследник разрешил устроить конные скачки при свете костров, во время которых один из мальцов упал вместе с

конём и расшибся. Цесаревич отправился ночью дальше по Амуру только после того, как доктор Рамбах осмотрел упавшего казачонка и вынес заключение, что ничего страшного с ним не произошло. Никакого полигона не было, показухи нашей не было. И атаман станицы был другой. Фамилии не помню, но точно не Савин. И на станицу хунхузы не нападали!

– И как такое могло случиться? – глаза знахарки широко распахнулись.

– Не знаю, Мария. Возможно, это не мой мир.

– В смысле, не твой мир?

– В моём мире в будущем было создано много теорий о многомерности пространства, о параллельных мирах. Я в этом слабо разбираюсь. Но попытаюсь наглядно тебе объяснить, как я это понимаю. Возможно, совершенно неправильно. Принеси книгу.

Мария встала с табурета, дойдя до шкафа, взяла какую-то книгу и, вернувшись, показала её мне.

– Мария, ты знакома с трехмерной системой координат?

Увидев утвердительный кивок, подумал про себя: «А это шестиклассная гимназия минимум. Ещё один вопросик к красавице-знахарке».

– Представь, к трём осям добавим ещё одну. И это будет ось времени. Относительно данной оси читаем трехмерную книгу, как бы переворачивая листы своей жизни и событий мира, в котором живёшь.

Мария утвердительно кивнула.

– А теперь представь, ось времени чуть-чуть отклонилась и появилась другая книга, где события пойдут другим путём.

Мария приставила к корешку указательный палец, покачала книгу и вопросительно посмотрела на меня.

– Согласно нескольким теориям, ничем не подтверждённым, можно совершить путешествие во времени, пронзая страницы книги своего времени вперёд в будущее или назад в прошлое. Но есть вероятность, что при этом произойдёт отклонение оси времени и ты окажешься в другом, вновь созданном мире, в другой книге, где всё пойдет по-другому.

– И что теперь будет, Тимофей? – Мария смотрела на меня с каким-то испугом.

– Не знаю. Понимаешь, я живу здесь три года и каких-либо отличий от моего мира на основании того, что помнил об этих временах, ранее не видел. Несоответствие началось, когда увидел, как на пристань за свитой цесаревича выходят лейб-атаманцы конвоя. В моём мире их не было. А потом вспомнилось описание князем Ухтомским посещения государя наследником станицы. И сразу же пошли различия. Раннее утро, а не ночь. В конном строю только мои казачата и лучший десяток казаков округа. Не скачки, а наше выступление на полигоне. Там другому атаману часы вручили, здесь медалями нового и старого атаманов да старейшин наградили. А дальше нападение на конвой цесаревича и на станицу. Всё кувырком пошло. Такого в моём мире не было.

– И что будешь делать?

– Не знаю, Мария. Всё зависит от того, какое решение примет государя наследник. А генерал, который, по твоим словам, как наскипидаренный по станице бегает, это его высокопревосходительство обер-егермейстер двора князь Барятинский, можно сказать лучший друг императора. От его решения тоже много зависит. А что решит его императорское величество, вилами по воде писано. Всё-таки нападение на наследника российского престола. В общем, полный абзац!

Мария, закрыв рот ладонью, с тревогой смотрела на меня.

– Но ты же государя наследника спас? – произнесла она. – Тебя же награждать надо.

«Спаси меня боже от такого внимания августейших особ», – подумал я про себя. Вслух же произнёс:

– Поживём – увидим, какие награды будут.

В это время из сеней послышались звуки шагов, и через несколько мгновений проём двери в комнату закрыла могучая фигура Митяя Широкого.

– Очнулся, счастличик! – прогремыхал Митяй. – Это надо же, чуть ниже или в бок – и покойник, а так пулю почти в сердце словил, и живой, даже рёбер не поломало. Даже не знаю, кто тебе ворожит, Тимоха, бог или дьявол! Не сильно болит?

– Терпимо, Дмитрий. Расскажи, как там всё было у островов и в станице.

– Да чего рассказывать. – Шохирев, взяв в передней комнате табурет, вернулся и присел рядом с кроватью. – Я когда с полусотней на берег к пойме у острова прибыл, Михаил Лесков, а с ним Васька Карпов, Матвей Наумов да Лапин Трифон, все из Ольгино, на Разбойный уже уплыли на савватеевской лодке. Да какой там лодке, на этой долблёнке вдвоём с трудом разместишься, как они вчетвером в ней до острова дошли, лично мне до сих пор непонятно. У ольгинцев на Разбойном да на Большом землянки есть, где они в путину живут да рыбу заготавливают. Вот они и напросились, как знатоки островов, к Михайле, да удаль молодецкая в одном месте у них играла. Только же с первого срока службы пришли, даже женат никто не был.

– Что там произошло?

– Когда с «Вестника» эвакуировали цесаревича и всех раненых, включая твою бессознательную тушку, два десятка казаков на двух шлюпках с парохода государя наследника да еще одна шлюпка с офицерами, матросами и двумя атаманцами с «Ермака» ушли на острова. Сам там не был, мы охраной великого князя и раненых занимались. Но Никифор Селевёрстов потом рассказал, что, судя по следам, Михайло с казаками какой-то один умелец прирезал. Они на пары разделились, разойдясь по острову. Так этот варнак сначала Михайло и Наума прирезал, а потом Карпа с Трифоном. Дядьке Михайло повезло, видимо что-то почувствовал в последний момент, дёрнулся, вот в сердце ему этот мастак-убивец и не попал. Михайло ещё живым нашли. Оклемается теперь, кровищи, правда, много потерял. А остальных наглухо. Как Васька Карпов с пробитым сердцем смог около десятка шагов сделать, упасть и встать? Не представляю! Не поверил бы, если б сам не видел!

– А вы по кому стрелять-то начали?

– Да Васька как из кустов-то вывалился, а потом встал и попытался сигнал подать, мы по острову и начали палить. В белый свет, как в копеечку. Не видели никого, да и конвой цесаревича хотели выстрелами предупредить.

– А сколько нападавших было?

– Судя по следам, не больше двадцати. Шестерых хунхузов казаки мёртвыми нашли. Ещё раненые были. На песке, где их три лодки вытащены были, кровь нашли. В общем, кто живой остался, на чужой берег на трёх лодках ушли.

– И кто это был? – я вопросительно уставился на Митяя. – А на станицу кто напал?

– А вот это и мне интересно, – вахмистр почесал затылок. – Пока можно сказать, что хунхузы. У нас двое из нападавших на станицу ранеными захвачены. Один говорливый оказался из дезертиров. Да на другой берег сходили на пост китайский. Оттуда попросили асыни хафаня Лян Ксу, это который помощник офицера, к нам для опознания варнаков приехать. Лян не отказался, он же с Савиным кое-какие контрабандные дела ведёт. И картина интересная, но малопонятная получается.

Я кивком попросил Митяя быстрее продолжить рассказ. Да и Мария в нетерпении заёрзала на табурете.

– В общем, два дня назад на пост прискакал отряд хунхузов больше ста всадников. Китайские солдатики язык в одно место засунули. Двумя десятками против сотни не погрёшь. Со слов Ксу, командовал этим отрядом китаец с офицерской выправкой, будто бы правая рука Владыки Ада, про которого ты говорил. Но Лян говорит, что это ложь. – Митяй сделал паузу, глубоко вздохнув.

– У атамана этой банды в ближниках было пять человек, все бывшие офицеры. В этом Лян клянётся. Тридцать лет служит и офицера от солдата отличит. Ни один из ближников не знал, как и их атаман, тайного языка хунхузов. Лян Ксу его знает, так как на контрабандной спиртовой тропе сидит. С Золотым Лю он также дело имел. И самое главное. Всю эту сотню набрали в течение двух недель. Вооружили, одели, дали коней и оружие. Представь себе!

«Да, интересная банда, – пронеслось у меня в голове. – Во всех хунхузских шайках, особенно в таких крупных, как у Владыки Ада, существует строгая иерархия и порядок. Банду возглавляет атаман, дальше его ближние „офицеры“, гвардия, проверенные члены банды и новички, которые в банду принимают только по рекомендации, за редким исключением. Новички обязаны выдержать испытательный срок и пройти проверку боем. На время испытания новички не имели права на оружие».

– Задумался, Тимофей? Вот и мы задумались. Тем более, раненый хунхуз всё подтвердил. Сотню эту набрали месяц назад в небольшой деревушке под Хэйхэ, что напротив Благовещенска. При отборе предпочтение отдавали бывшим солдатам, конникам. Сотню

сформировали быстро – дней за десять. Потом вооружили. Караван с одеждой, оружием, продуктами и табун лошадей пригнали прямо в деревню. Две недели назад эта банда пошла вверх по Амуру вдоль берега, пока не дошли до этого поста и нашей станицы.

Вахмистр замолчал, сжав свои кулачищи, так что костяшки побелели.

– Со слов пленного хунхуза, их атаман и почти все его офицеры на остров на лодках ушли рано утром. Одна полусотня в ночь у Зорихи переправилась на наш берег. Где они были, он не знает. Но по следам казаки позже определили, что эти варнаки в лесу за полигоном прятались и всю твою показуху для цесаревича наблюдали. А потом перед нападением на станицу они твой хутор спалили. Одни головёшки остались. И полигону досталось.

Митяй взял мою правую ладонь в свою лапищу и слегка с сочувствием сжал.

– А вторая полусотня, в которой был этот раненый варнак, через Амур у Зорихи переправилась, когда пароходы с цесаревичем и его свитой прошли. У них задача была напасть на станицу от Амура, а другие должны были атаковать со стороны леса, от твоего хутора. Вот такие пироги и крендели.

Было видно, что вахмистр хотел завернуть хорошую такую матерную конструкцию, но постеснялся знахарки.

– Мальки твои, которых расставили, как ты советовал, обе полусотни обнаружили и казаков вовремя предупредили, – продолжил Шохирев. – Улицы щитами да телегами с кольями перегородили. Из-за этих укрытий да из окон домов и отбились станичники.

Митяй задумался на несколько секунд, а потом продолжил:

– Честно говоря, из рассказов казаков складывается картина, что хунхузы особо не рвались поквитаться с нами, как ты предполагал. Получили в упор пару залпов и тут же разбежались. Будь ещё и моя полусотня в обороне станицы, мы бы эту банду в тонкий блин раскатали. Да и так из сотни восемнадцать варнаков с коней ссадили. Остальные быстро-быстро за Амур утекли. Преследовать их побоялись.

– А как не побояться, – перебила вахмистра Мария. – В станице почитай одни дети, казачки, отставники да старики остались. Младший твой десяток сильно, Тимофей, отличился. И предупредил, и

половину варнаков они перебили. Преследовать рвались. Мишка Башуров кричал, что хунхузов на переправе ещё можно хорошо пощипать, а если те огрызнутся, то в станицу под защиту баррикад вернуться. Старики не пустили.

– И правильно сделали, что не пустили, – насупился Митяй. – Одно дело из-за укрытия стрелять, а другое дело врага преследовать, когда он в любой момент ответить может. Мальки, они и есть мальки.

– Мы такого же возраста были, когда лагерь Золотого Лю разгромили, – медленно произнёс я. – А потом помогли остаток его банды у истока реки Дактунак добить. А на переправе действительно можно было хунхузов проредить, чтобы больше не совались.

– Спорить не будем, Тимофей. Тем более, самое интересное я ещё не рассказал. – Шохирев выставил перед собой свою лопату-ладонь, призывая меня к молчанию.

– Лян Ксу рассказал, что когда банда вся собралась на посту после набега, их атаман со своими пятью офицерами, один из которых был ранен, собрались и уехали. После их отъезда один из бандитов сказал, что надо выбирать нового атамана и офицеров. В общем, где-то через два часа эта банда выбрала нового атамана и его ближников, потом забрала все продукты, что нашла на посту, и ушла вниз по Амуру.

Я посмотрел на хитро замолчавшего Митяя и спросил:

– Ещё что-то интересное Ксу рассказал?

– Под деревом, с которого варнак тебя подстрелил, винтовку его нашли. Подстрелили бандита, когда он с дерева слезал, вот и обронил. То ли Лис, то ли его сиятельство попал. Они оба стреляли. Но это неважно. Винтовка очень интересной оказалась. Если бы ты слышал, как его сиятельство выражался, когда ему её показали! Я столько много новых слов узнал!

– Что за винтовка? – спросил я.

– Охотничья винтовка Манлихера с телескопическим прицелом. Так, кажется, если правильно запомнил. Князь её так назвал.

«Значит, мне не показалось, когда прыгал, что блеснул не ствол, а оптика. – Мысли заметались в мозгу, плавя его. – Вот и снайпер появился. Получается из рассказа Митяя, основной целью был Николай... Зачем? Кому это надо было?»

Добила меня следующая фраза вахмистра.

– Ксу опознал эту винтовку и сказал, что ею был вооружён один из ближников атамана банды. При этом Лян не уверен, но ему показалось, что этот офицер-ближник был японцем, который пытался себя выдать за китайца.

«Всё, туши свет, сливай воду. Это сколько же версий теперь можно накрутить?» – подумал я в смятении, и на висках выступил обильный пот.

Заметив моё состояние, Мария взяв с тумбочки кусок чистого полотна, протёрла мне лоб и виски.

– Дмитрий, давай заканчивай. Тимофею нехорошо стало. Отдохнуть ему надо.

– Всё, закончил, – гигант поднял ладони вверх.

Встав с табурета, вахмистр уже собрался выходить из комнаты, но, хлопнув себя по лбу, резко развернулся.

– Ермак, я зачем приходил-то. Меня дед прислал. Телеграфист проговорился, что в станицу на пароходах из Благовещенска следуют и завтра или послезавтра придут наш наказной атаман генерал-майор Беневский, с ним Албазинская и Черняевская сотни и жандармы. Чего рассказывать-то будем? – Митяй как-то по-детски жалобно посмотрел на меня.

– Правду, Дмитрий, только правду, – усмехнулся я.

– Да ты чего, Тимоха. Нас же потом подполковник Печёнкин со свету сживёт, если все наши выкрутасы с разгромом банды Золотого Лю всплывут. Он же подполковником через это стал.

– Ну, до этого, может, дело и не дойдёт.

– Как не дойдёт? Атаман и старики скажут, что это ты предложил готовиться к возможному отражению нападения хунхузов из банды Владыки Ада, которая хотела отомстить за смерть Золотого Лю. Начнут спрашивать, что за месть. Тут всё и всплывёт. – Шохирев в этот момент был похож на большого испуганного ребёнка.

– Не менжуйся, Дмитрий. И жандармы, и генерал-губернатор Корф давно правду знают. Мне об этом поручик Савельев сказал, когда приезжал с Джунг Хи и Мэй разбираться. А на полигоне и барон Корф рассказал, что ему всё известно о том, кто на самом деле Золотого Лю убил, и даже о золоте, которое мы продали, а деньги поделили. – Про последнюю информацию я немного покривил душой. Но дедушка Корф определённо что-то знал. Была же на полигоне его фраза:

«Значит, золото у Лю всё-таки взяли. Орлы!» И цесаревичу ничего не рассказал.

– Ух ты, мать честная!!! – Шохирев в изумлении рухнул назад на табурет. – И ты молчал, Тимоха! Старейшины с утра как новость от телеграфиста узнали, ходят как в воду опущенные. Надеются, что их награждение государя наследником всё же оградит от гнева генерал-губернатора. А тот, оказывается, всё давно знает. Ладно! Я побежал. Надо деда и остальных стариков успокоить. Выздоровливай, Ермак!!!

Митяй, несмотря на габариты, практически бесшумно удалился из комнаты и дальше из дома.

– Устал?! – Мария заботливо протёрла мне лоб и виски. – Опять в пот бросило. Сейчас отвару дам и спи. Отдыхай. Во сне организм быстрее восстанавливается и лечится. Только будь готов, что завтра к тебе генерал, который друг императора, придёт. Он ещё сегодня хотел с утра к тебе зайти, да я сказала, что ты ещё без сознания лежишь. А завтра точно будет.

«Вот успокоила, – думал я, выпивая из кружки, поданной знахаркой, какой-то горький отвар. – Завтра меня его светлость князь Барятинский будет пытаться с особой извращённостью. Ему же перед Александром III как-то оправдываться надо будет. Два покушения на наследника. И оба предотвратили, точнее не дали довести до конца, если в Японии всё происходило как в моём мире, посторонние люди. Я бы на месте есаула Вершинина мылил верёвку. Эх, не спросил у Дмитрия, как командир конвоя себя чувствует и выглядит! Вернее всего, хреново и бледно».

Это была последняя связная мысль, отвар подействовал, и я вновь провалился в сон. Проснулся ночью. Судя по темноте, времени было не больше двух часов. Сна ни в одном глазу. Больше суток продрых.

«Вот и прекрасно, – подумал я. – Надо всё обдумать в тишине и по полочкам разложить. Событий много и интересных произошло, информации, которую надо срочно проанализировать, достаточно. Завтра, точнее сегодня, будут танцы с князем Барятинским, потом, чувствую, с жандармами и дедушкой Корфом. С чего начать?»

Мысли заскакали галопом, я перепрыгивал с одной проблемы на другую, пока не заставил себя остановиться. Начнём с глобальных проблем и будем опускаться постепенно ниже, решил я для себя.

Итак, начнём с вопроса – это мой мир или параллельный? Насколько это для меня важно?

Если мой мир, то имеющиеся в моём сознании пусть и в небольшом количестве послезнания пригодятся. Если не мой, то также пригодятся, но в меньшей степени. Но это на глобальном, стратегическом уровне. На тактическом уровне в любом случае пригодятся.

До прибытия в станицу цесаревича я считал, что это мой мир. Несоответствия, которые вспомнились во время встречи Николая, могут говорить как о параллельном мире, так и о том, что моё попадание в это время начало на него влиять.

Либо я в новом теле стал той точкой бифуркации, которая привела к разделению времени – пространства на два, а может быть, и на множество потоков, в каждом из которых происходят разные события. Либо моё появление, подобно брошенному камню в воду, вызвало небольшие круги, что привело к незначительным изменениям действительности.

И что мне это даёт? В принципе, в ближайшее время ничего. Завтра точно ничем не поможет. Поэтому данную проблему откладываем поглубже в сознании. Будет больше информации, будем думать.

Теперь проанализируем нападение на цесаревича и станицу.

Если рассматривать эти события с точки зрения мести Шисы Яньван за Золотого Лю чужими руками, то картина первоначально складывается очень логичной. Набрать людей на стороне, которые никак не связаны с основной бандой. Вооружить их. По деньгам, правда, выходит почти в три раза дороже, чем награда, которую Владыка Ада объявил за голову подполковника Печёнкина. Потом отвлекающее нападение на конвой Николая, куда устремятся все боеспособные казаки, а после этого атака с двух сторон на станицу. Сотни даже не особо опытных в военном деле бандитов вполне хватило бы на детей, казачек и стариков, которые остались в незащищённой станице. Разор станицы и потери были бы страшными.

Но есть и нестыковки. Причём серьёзные. И это даже не офицеры, по словам Лян, во главе этой банды. Такого добра у Владыки Ада хватает. В его гвардии много бывших офицеров-дезертиров китайской армии. А вот то, что главарь банды в открытую называл себя правой

рукой Шисы Яньван и не знает, как и его ближники-офицеры, тайного языка хунхузов, опровергает эту версию.

Шисы Яньван не дурак и не отморозок, чтобы так осложнить себе жизнь нападением на конвой Николая. Если бы с цесаревичем что-нибудь случилось, ранили или убили, то за Владыкой Ада не только подразделения восьмизнаменной армии императрицы Цыси охоту устроили бы, но, я думаю, и Александр III, по согласованию с Цыси, какой-нибудь ограниченный контингент войск ввёл на территорию Китая для этой охоты. А Шисы Яньван не дурак, отнюдь не дурак. Иначе в таком авторитете среди хунхузов столь долгое время не ходил бы.

Тогда получается, основной целью нападения был наследник Николай?! А кому это выгодно? Зададим первый вопрос любого грамотного следователя. И здесь я полный ноль. Практически никакой информации об экономических, политических, дипломатических отношениях между китайской империей Цин, Российской империей, японской империей Мэйдзи, Королевством Чосон в эти дни я не помню, а точнее, и не знал.

Из всех послезнаний – скоро будет японо-китайская война из-за Кореи, где японцы разгромят китайцев. Договор, который японцы навяжут Китаю, сильно не понравится России, Германии и Франции, которые сейчас развивают обширные контакты с Китаем и поэтому воспримут подписанный договор как наносящий ущерб их интересам.

Насколько помню, Германия и Франция обратятся к японскому правительству с требованием отказа от аннексии Ляодунского полуострова, которая могла бы привести к установлению японского контроля над Порт-Артуром. Николай, который к этому времени в моём мире уже будет императором, при поддержке западных союзников оттяпает этот Порт-Артур как незамерзающий порт для России. А Япония, хоть и получит взамен с Китая дополнительную контрибуцию в 30 миллионов лянов серебра, воспримет это как унижение. В Русско-японской войне за это унижение японцы хорошо отыграются.

«Эх, сейчас бы в Инете покопаться, – с сожалением о невыполнимом подумал я. – Можно было бы хотя бы общую картину событий представить. А так всех знаний как в анекдоте: „Говорили мне, учи матчасть“. Но продолжим».

Предположим, что какая-то влиятельная группа лиц или лицо решилось совершить покушение на наследника российского престола. Цель – какая-то, несомненно, выгода в политическом и экономическом плане. И это могут быть представители любого государства, которые, как пауки в банке, дерутся за свои интересы в этом регионе. Даже не исключаю кого-нибудь из великих князей Романовых.

Итак. Набирается сотня хунхузов, которые должны выступить как подручные Владыки Ада. Значит, кто-то знал о непростых взаимоотношениях Шисы Яньван и казаков станицы Черняева. И надеялся всё свалить на главаря самой мощной бандитской группировки. Про то, какие дивиденды и кому может принести удачное покушение, думать не буду. Информации для анализа нет.

Нападение на конвой. Здесь я уже участник и всё видел своими глазами, плюс информация от Митяя. Проанализируем. Около двадцати человек в ночь переправились на остров Разбойный и организовали там засаду. Значит, время передвижения пароходов цесаревича и распорядок встречи наследника в станицах знали.

Умельцы среди этих ребят были. Если верить Шохиреву, то один из засадников чуть ли не суперниндзя. Четырех казаков прирезать, один из которых дядька Михайло, самый опытный лесовик в станице! А варнак к дядьке смог подобраться на расстояние удара ножом?! И это говорит о том, что работал мастер с огромным боевым опытом тихой войны. Тихо подкрался, тихо убил, тихо ушёл.

Второй умелец – снайпер, возможно японец, и его «манлихер» с оптикой. Эта машинка и для моего времени серьезная вещь. Если бы не мой прыжок, то Николай вошёл бы в историю как первая августейшая особа, убитая из винтовки с оптическим прицелом, опередив президента Джона Кеннеди, пусть не царских кровей, но главу государства, на семьдесят два года.

Мысли перескочили на покушения глав государств и способы их осуществления. Если взять президентов штатов, то Линкольн, Гарфилд, Маккинли были убиты из пистолета и револьверов. Потом Кеннеди из винтовки с оптикой, а его брат опять убит из револьвера.

Эрцгерцог Фердинанд с супругой – из пистолета, после чего грянула всемирная бойня. Кортёж Брежнева расстреливал Ильин из двух пээмов. В Рейгана и папу Павла II опять стреляли из пистолей.

Если вспомнить покушения на Александра II, дедушку Николая, то в него три раза стреляли из револьверов и три раза пытались взорвать, последний раз удачно для террористов.

«Кхе, а Николай мог войти в историю не только как первый застреленный из винтовки с оптикой, но и как первый из глав государств и его ближайших родственников, кому голову саблей проломили», – усмехнулся я про себя.

Ладно, вернёмся к покушению. С точки зрения выходца из XXI века, организовано оно было непрофессионально, я бы сказал – в надежде на удачу. Цесаревич, после того как из виду скрылись провожающие из станицы, ушёл в каюту. И, кстати, мог и не выйти из неё при прохождении островов. В кого тогда стрелять?

Но это мои рассуждения с точки зрения будущего и полученного боевого опыта разведчика и диверсанта. Не думаю, что Николай не выскочил бы из каюты, услышав выстрелы. Сейчас другой менталитет. Это в моём времени охрана сразу уводит тело из зоны обстрела, прикрывая его собой, а охраняемое тело при этом не рыпается и не пытается совершать подвиги. А здесь?! Николаю захотелось осмотреть остров с капитанского мостика, где ждёт возможная засада, и все поёрлись туда. У охраны даже мысли не возникло об опасности, хотя есаул Вершинин – главный телохранитель – информацию о возможном нападении получил.

Дальше больше. По пароходу открывают огонь, а атаманцы конвоя как стояли столбом, так и остались стоять. Только успели винтовки к плечу вскинуть. Ни один об охраняемой тушке не вспомнил. Кстати, сколько их в живых всего осталось? Пятерых в виде покойников видел. Не спросил у Дмитрия, но для такой охраны и террористов не надо.

Не помню точно, кто на Александра II напал в одном из покушений, но во время прогулки недалеко от Зимнего дворца в императора стреляли пять раз. Судя по всему, либо Александр II хорошо качал маятник, уходя от выстрелов, либо террорист был косоруким и косоглазым. Но где была охрана?

А при последнем покушении, когда Александр II был ранен и потом скончался от ран? Как должна быть организована охрана, если телу разрешают пойти полюбоваться на захваченного первого террориста, а второй в это время кидает следующую бомбу?

Хотя о чём говорить, сам в своё время восхищался действиями Александра III, когда император и императрица оказывали помощь пострадавшим при взрыве и крушении царского поезда, сравнивая их с современными для моего времени правителями. Как говорится, пока не побываешь в шкуре телохранителя, коим стал вопреки своим желаниям, легко восхищаться глупостями охраняемого тела.

Одним словом, птица удача накрыла своими крылами пароход «Вестник». Иначе так легко бы не отделались. А так цесаревич остался живым. А кому была бы выгодна его смерть, будем посмотреть. Но если честно, даже перед собой, в этот гадюшник совсем лезть не хочется. Будем надеяться, что минует меня сия доля. Завтра, точнее сегодня, будет больше информации, тогда и будем дальше думать.

А сейчас последний вопрос: какого хрена я прыгнул, закрывая Николая от пули? Уважением как правитель он у меня абсолютно в том мире не пользовался. Как человек и семьянин тоже. Даже делая скидки на то, кем и когда были написаны впечатления-воспоминания от общения с императором Николаем II, то в них даже как о человеке мало хороших отзывов. Точнее, почти нет. А то, что всю свою семью, которую реально любил, за собой к смерти привёл? Этого я, хоть убейте, не понимаю. Я бы за семью кому хочешь горло перегрыз! Как говорилось в моём времени, лучше пусть меня судят трое, чем несут четверо.

За то время, что пообщался с будущим императором, увидел человека, которому до чёртиков надоело играть роль государя наследника при общении с чернью. Искренний интерес у Николая проявился пару раз, да и то касаясь оружия. А так, как говорят французы, noblesse oblige, то есть власть и престиж накладывают известную ответственность.

«Это я сделал... – где-то в далёком уголке моего сознания слабо прошелестел голос Тимохи. – Я знал, что ты не любишь государя наследника, но он же сын помазанника Божьего, его надо было спасти любой ценой!»

«Тимоха, за ноги тебя да об угол, – мысленно ответил я. – Ты чего – с ума сошёл? Зачем?»

«Тебе не понять, гвардии подполковник, – ответил мне мой сосед по сознанию. – Ты человек грядущих времен, переживший предательство правителей, падение и распад своей страны. В тебе нет

уважения к государям этой империи, да и своей тоже. Ты же мысленно цесаревича называл только Николашкой. Мало того, ты уже приговорил его к подвалу ипатьевского дома».

Голос моей молодой сущности слабел и словно отдалялся, появилось ощущение того, что времени, когда мы можем быть вместе, почти не осталось, и я всполошился:

– Тимоха! Тимоха, ты где?

– Всё! Я уйду. Ты жив остался. А я там, на пароходе, погиб. Прощай...

– Не уходи, Тимоха! Не-е-ет!!! Тимоха...

А в ответ тишина. Что-то щёлкнуло в голове. Было такое ощущение, что от моего сознания отделилась какая-то часть. Будто бы воздушный шарик вздулся над теменем, а потом отделился и улетел.

За два последних года Тимоха очень редко проявлял себя. Но иногда мы с ним общались. А теперь что? Всё!!! Сознания настоящего хозяина тела больше нет! Кажется, я заплакал. По щекам потянулись нити слёз. Я остался один. С этой мыслью я провалился в забытьё.

Очнулся от того, что кто-то осторожно тряс мою ногу. Открыв глаза, столкнулся взглядом с улыбающейся Марией.

– Ну ты и горазд спать, господин подполковник. Больше двенадцати часов задавил. Давай-ка займемся утренними процедурами, а то скоро его сиятельство нагрет.

– Доброе утро, Мария! – улыбнулся в ответ красавице знахарке.

В течение двадцати минут я был умыт, накормлен, напоен. Судноутку также использовали по назначению. Только закончили все процедуры, как передняя комната наполнилась шумом от входящих людей, а в проёме появился доктор Рамбах.

– Ну что, герой, очнулся? Молодец! Сейчас осмотрим рану. Мария Петровна, снимите бинты, пожалуйста.

«Какое милое отчество у нашей знахарки. Так и просится строка на ум „люблю тебя, Петра творенье“», – прикалывался я про себя, ожидая болезненной процедуры перевязки. На удивление данное действие прошло значительно легче, чем я себя настраивал. Доктор и знахарка аккуратно посадили меня в кровати, и пока Рамбах поддерживал мою тушку, Мария быстро размотала бинт и одним движением, почти безболезненно, сняла тампон с груди. Скопив влево вниз взгляд, я увидел здоровенный, во всю мою левую грудную мышцу синячище

черно-бурого цвета и запекшуюся корку небольшой рваной раны с четырьмя швами-стежками из нити.

– Замечательно! Заживление идёт просто замечательно! – Рамбах, передав меня для поддержки знахарке, стал осторожно пальпировать грудную мышцу. – Мария Петровна, вы просто обязаны передать мне рецепт вашей мази. Удивительно быстрая регенерация поврежденных тканей. Чуть больше суток прошло, а рана практически затянулась. И кровоподтёк выглядит как будто недельной давности.

– А вы что скажете, больной? – обратился уже ко мне доктор. – Как самочувствие?

– Доктор, смерть, как и всякая деятельность, требует навыка. Видимо, у меня в который раз была неудачная попытка приобрести такой навык. Теперь вот грудь левая болит и правая лопатка.

– Он ещё шутить изволит, – доктор строго погрозил мне пальцем. – Да вы, мой дорогой, как сказала Мария Петровна при повторном осмотре и перевязке уже в этой комнате, не в рубашке, а в кольчуге родились. Да-с... В кольчуге. А на спине у вас также хороший ушиб. Видимо, когда на палубу упали, ударились там обо что-то. Не от удара о ровную поверхность такой синяк бывает.

После этих слов последовала процедура наложения мази и тугой повязки. Окончив перевязку и уложив меня на место, доктор подошёл к проёму двери и шутливо произнёс: «Ваше высокопревосходительство, пациент к приёму готов».

Тут же в комнату ворвался князь Барятинский, сделав рукой знак, чтобы все вышли, приставил табурет к кровати и грузно опустился на него. Место в проёме занял есаул Вершинин с бледным лицом и синюшностью под глазами, на которого князь не обратил внимания.

– Тимофей Аленин, в первую очередь хочу поблагодарить тебя за спасение государя наследника, – я увидел, как от этих слов вздрогнул Вершинин. – А во вторую очередь хотелось бы из первых уст услышать всё, начиная с твоего предложения ввести в конвой его высочества десяток казачат.

Я поглубже вздохнул и начал свой рассказ. За исходную точку взял свою «чуйку» на опасность, из-за которой предположил возможность нападения на цесаревича и станицу. О Золотом Лю и желании Владыки Ада отомстить за его гибель. Рассказал, как с вахмистром Шохиревым решили защищать станицу, если нападение всё-таки случится. После

этого последовал мой ночной анализ причин и результатов покушения на Николая и нападения на станицу. Возможность причастности кого-либо из великих князей дома Романовых, конечно, опустил.

Мой монолог длился минут десять. Всё это время князь внимательно слушал, ни разу не перебив и не задав даже одного вопроса. Когда я закончил, его сиятельство задумался на несколько мгновений, а потом произнёс: «Кому выгодно, говоришь... Это мы постараемся выяснить».

– Ваше высокопревосходительство, в этом я вряд ли смогу вам хоть чем-то помочь. У меня нет и сотой доли информации, которая необходима для определённых выводов.

– У меня знаний и информации, конечно, побольше, чем у тебя, но у меня в голове не укладывается ни само покушение, ни то, что кому-то это может быть выгодно. – Барятинский запустил правую ладонь в свою роскошную бороду и крепко сжал кулак. – Ничего, разберёмся. Узнаем, кому выгодно! Его превосходительство Шебеко – заведующий полицией и командир Отдельного корпуса жандармов телеграфировал, что сюда уже отправлены для расследования лучшие силы министерства внутренних дел.

«Оба-на угол-шоу! – мысленно отреагировал я на фразу его сиятельства. – Я-то думал, всё закончится приездом жандармов из Благовещенска или Хабаровки, а тут ребята посерьёзнее придут. Может, и до правды докопаются. Только вряд ли. Правда, вернее всего, за Амуром, а то и за дымкой японских островов, а может быть, и на острове, который виден через Ла-Манш».

Князь Барятинский между тем продолжил:

– Сегодня пришла телеграмма от его величества. Император требует разобраться в произошедшем покушении и доложить для принятия им решения. Также в телеграмме указывает немедленно направить наследника в столицу, обеспечив безопасность. Поэтому завтра по приходе двух пароходов с казаками мы немедленно отправляемся дальше. К сожалению, из-за твоего ранения мы не можем тебя взять с собой. Но по твоем выздоровлении, как я думаю, его величество Александр Третий призовет тебя к себе для награждения. Да и казачата твои без наград не останутся.

Князь сделал паузу и посмотрел на меня.

– Что-то хочешь сказать, Тимофей?

– Не за награды старались, ваше высокопревосходительство.

– То, что не за награды, понятно. Но где так стараться научились? Ты, Владимир Лесков и Антип Верхотуров спасли цесаревича, меня и барона Корфа. А ты, можно сказать, государя наследника трижды спас. Первый раз – когда на палубу уронил, потом пароход увёл из-под обстрела, а затем собой закрыл от пули. Кстати, а почему капитана заставил пароход вперёд гнать на всех парах, а не реверс и задний ход дать?

«И чего отвечать? – задумался я. – Рассказать, что при проводке колонн, что в Афгане, что в Чечне и в других горячих точка всех водителей инструктировали до слёз: припадении, если машина на ходу, водитель обязан на полной скорости покинуть зону поражения. И прорывались в основном вперёд».

– Я не знал, ваше высокопревосходительство, как много уйдёт времени, чтобы пароход после реверса машины назад пошёл, и куда он за это время доплывёт. Поэтому и указал капитану Самохвалову идти вперёд под защиту казаков, – терпя боль, вздохнул поглубже и продолжил: – Мне бы извиниться перед капитаном, ваше высокопревосходительство?!

– Не перед кем извиняться тебе, Тимофей. Убит Аркадий Зиновьевич. Когда пароход уже вошёл в пойму, успел дать команду в трубу на реверс машины, после чего ему пуля в висок прилетела. Матрос-рулевой рассказал.

Плечи князя как-то устало сторбились. Вздохнув, его сиятельство перекрестился: «Упокой, Господи, душу раба Твоего новопреставленного Аркадия и остальных воинов, и прости им вся согрешения вольная и невольная и даруй им Царствие Небесное».

– Возвращаясь к вашему старанию и умениям, Тимофей. Твои казачата умело вели бой на пароходе и никого не потеряли во время него. Раненые не в счет. А в конвое из девяти атаманцев вместе с командиром только трое в живых остались. И если бы не вы, никого бы не защитили. Что скажешь, есаул? – Князь Барятинский развернулся всем телом к Вершинину.

На атаманца было больно смотреть. И так бледный, Вершинин побледнел ещё больше и как-то съежился в размерах.

– В Японии охрану государя наследника прое... здесь прое...

Дальше шёл непередаваемый армейский фольклор с применением флотских терминов. Если всё, что сказал его сиятельство, можно было бы перевести на русский литературный язык, то кратко получилось бы: «Не умеющие ничего лейб-атаманцы конвоя, которые родились в результате скрещення мутантов различных зоологических видов, не смогли обеспечить безопасность наследника российского престола. А всех их умений хватило только на то, чтобы бесславно погибнуть».

Закончив длительный и экспрессивный монолог, побагровевший князь глубоко вздохнул и уже спокойно продолжил:

– Ладно, есаул. Не обижайся. Нервы не выдержали. Жалко атаманцев. Но тебе не обидно, что считай мальчишки выполнили вашу службу?! Вот теперь думай, что будем докладывать его величеству. В Японии рикши, здесь казачата!!!

Его сиятельство вновь начал заводиться. Чтобы сбить этот накал, я спросил князя:

– Ваше высокопревосходительство, а как себя генерал-губернатор Корф чувствует?

– Хорошо. Старый воин ран не боится. Пуля, которую барон в плечо получил, сначала через Верхотурова Антипа насквозь прошла. Поэтому у генерал-губернатора больших повреждений нет, но кость задета. Из-за этого он так плохо на пароходе и выглядел. С Туром твоим тоже всё хорошо будет. Доктор Рамбах отличный хирург. Операцию сделал по высшему разряду.

– Это хорошо, – я довольно улыбнулся.

– Ладно. Смотрю, у тебя испарина выступила. Отдыхай. Завтра с цесаревичем к тебе зайдем перед отплытием.

С этими словами его сиятельство покинул комнату и дом, уводя с собой своё сопровождение.

– Ты как, Тимофей, живой? – спросила с улыбкой вошедшая в комнату Мария.

– Живой, Мария, живой. Когда пойдешь раненых проверять, попроси Ромку, чтобы он ко мне пришёл.

В этот день больше никто меня посещениями, кроме Ромки, не беспокоил. Следующим утром стандартные процедуры и ожидание цесаревича.

Ближе к обеду рядом с домом, судя по звукам, остановилось несколько экипажей, и через некоторое время в сенях затопало множество ног. В проёме двери показался Николай.

«Н-дя, лечить с помощью Бахуса душевные переживания вещь, конечно, хорошая, но вредная для здоровья, – подумал я, глядя на хорошо припухшее лицо государя наследника. – Тем более в нашей глуши его любимого портвейна не найдешь. Что же господа пили?»

– Как чувствуешь себя, Тимофей? – прозвучали первые слова Николая.

– Жить хорошо, если не умер, ваше императорское высочество, – бодро ответил я.

– Да, Тимофей. Жить хорошо. Спасибо тебе. Ты спас мне жизнь, и неоднократно. Мне сказали, что ты выжил только чудом. Можно посмотреть на нож и часы?

– Конечно, ваше императорское высочество, – я попытался дотянуться до верхнего ящика прикроватной тумбочки, но со стоном упал назад на кровать.

– Я сам. Лежи, Тимофей. – Николай подошёл к тумбочке и достал из ящика нож и часы. Долго смотрел на них, а потом произнёс:

– Тимофей, можно я заберу это себе? На память.

– Берите, ваше императорское высочество.

Никогда в той жизни не хранил вещей, которые напоминали мне о ранениях. Многие себе как талисман или оберег вынутые из тела пули, осколки на шею вешали. Я этого не понимал. Поэтому с ножом и часами расстался, можно даже сказать, с удовольствием, которое увеличилось после следующих действий Николая.

Подойдя к косяку двери, Николай обратился к кому-то в передней комнате: «Я прошу вас, князь, возьмите эти вещи». Произошла смена предметов из рук в руки, после чего Николай, подойдя ко мне, положил мне в правую ладонь какой-то предмет.

– Это мой личный подарок за всё то, что ты совершил для меня. Ещё раз спасибо. Я буду просить папа́, чтобы он достойно наградил тебя и учеников твоей школы. Если бы не ты и они, погибло бы ещё больше людей.

Я поднял руку и рассмотрел в ладони шикарные часы в богато украшенном драгоценными камнями золотом корпусе. В них сразу чувствовались шарм и элитность. Поднеся часы ближе к глазам, я на крышке увидел надпись *Patek Philippe & Co.*

– Эти часы подарил мне на совершеннолетие папа́.

– Ваше императорское высочество, я не могу их принять, – я протянул часы Николаю. – Это подарок. А подарки не передаривают.

– А я тебе их и не подарил. Я их обменял на другие часы и нож. Думаю, и папа́, и мама́ меня поймут. И ещё, Тимофей, я вспомнил, что папа́ перед началом моего путешествия дал указание, и приказом по Военному ведомству в Николаевском кавалерийском училище образована казачья сотня, где ты мог бы обучаться. Я, правда, не знаю всех тонкостей поступления и обучения, но буду рад тебе помочь.

– Огромное спасибо, ваше императорское высочество, но это военное училище, и у меня не хватит образовательного ценза, чтобы в него поступить.

А про себя подумал: «Это ещё и в столице учиться два года. Где деньги, Зин? Нет, уж нам бы что попроще. Хотя заманчиво».

– Я думаю, что этот вопрос мы сможем урегулировать, – продолжил цесаревич.

– Ваше императорское высочество, разрешите мне в этом году всё же поступать в Иркутское юнкерское училище! Если рана позволит.

– Ради бога, Тимофей. Я думаю, так будет даже лучше. Всё можно будет решить переводом. Хотя вернее всего тебя к этому времени вызовет к себе для награждения мой папа́. Там всё и обсудим. Но всё же, я для тебя написал письмо-прошение для начальника юнкерского училища в Иркутске, – Николай достал из кармана пакет и положил его на тумбочку.

– Огромное спасибо, ваше императорское высочество. Я вам очень благодарен. Разрешите мне для его императорского величества подарок с вами передать.

– У тебя для папа́ подарок есть? – несколько удивлённо поинтересовался Николай.

– Надеюсь, его императорскому величеству понравится. Попросите, чтобы хозяйку дома позвали с настойкой. И если доктор Рамбах здесь, попросите его также прийти сюда.

– Владимир Константинович, – обратился в проём двери Николай. – Вы всё слышали? Позовите хозяйку и вместе с ней зайдите сюда.

Не прошло и двадцати секунд, как в комнату вошла Мария, неся в руках бутылку с настойкой женьшеня, которую вчера принёс Ромка. За Марией в комнату зашёл доктор, который не мог оторвать взгляда от аптекарской банки объемом в четверть, в которой настаивался огромный корень панцуя.

– Господи, Мария Петровна, это правда, что я сейчас вижу? Мои глаза меня не обманывают? – благоговейно произнёс Рамбах. – Сколько ему лет?

– Я считала круги несколько раз, но каждый раз получались разные цифры. От ста девяносто семи, до двухсот двух, – ответила Мария, склонив голову в поклоне перед наследником престола.

– Что это, Владимир Константинович? – поинтересовался Николай.

– Ваше императорское высочество, это чудо! – Казалось, что доктор лопнет от переполнявших его чувств. – Я об этом слышал. И то, как о мифах. Никогда не думал, что придётся лицезреть своими глазами. Это чудо!!!

– Доктор, если можно, поподробнее.

– Ваше императорское высочество, это настойка корня «небесного» панцуя, или женьшеня, которому двести лет. О целебных свойствах данной настойки можно только гадать.

– И насколько это будет полезно для здоровья? – вновь поинтересовался цесаревич.

– Ваше высочество, на Востоке настойку из женьшеня считают панацеей от всех болезней, продлевающей жизнь и молодость. Чем старше корень, тем ценнее настойка и сам корень. У нас в России я встречал корни не старше двадцати лет. А здесь двести лет. Это какая-то сказка!!! Такого не бывает!

– И эту сказку, продлевающую жизнь и молодость, Тимофей, ты хочешь передать его величеству в подарок? – тихо спросил меня цесаревич.

– Да, ваше императорское высочество.

– Спасибо...

Глава 5

Путь в училище

Я стою в коридоре первого этажа двухэтажного каменного здания Иркутского юнкерского училища. Только что мой вчерашний спаситель старший урядник Филинов в сопровождении сотника Забайкальского казачьего войска зашёл в кабинет, на двери которого висит табличка с надписью «Начальник училища полковник Федоров А. В.».

Мимо меня снуют группы вольноопределяющихся. Вот прошли трое с желтыми погонами. Типичные русаки. Кажется, это гренадеры из московских полков. После того, как Тимоха исчез из моего сознания, в мундирах и погонах разбираться мне стало значительно труднее. Вот прошли двое кавказской наружности, если не ошибаюсь, эриванец и апшеронец с Кавказа. А вот эти трое нордической внешности, судя по погонам и мундирам, из полков Прибалтийского края. «Надо же, горячие кавказские и финские парни в одном флаконе собрались. Сладкие парочки твикс», – усмехаясь про себя, думал я, наблюдая за коридорной суетой.

Вдоль стен коридора, так же как и я, жмутся, ожидая вызова в класс на экзамен, штатские в гимназических тужурках, в штатских костюмах и даже в чиновничьей форме, то ли судебного ведомства, то ли казначейства или банка. Надо запоминать и изучать виды форм и знаки различий. В цивилизацию попал. Иначе можно оконфузиться. И ещё, хорошо, что погон на мне нет, хотя я и в форме Амурского казачьего войска, а то бы рука уже отвалилась козырять. Но обо всём по порядку.

После прощального посещения цесаревичем и его отбытия в столицу под усиленной охраной, я ещё где-то три дня пролежал в постели. Потом начал понемногу вставать и делать кое-какие разминочные упражнения, в основном лёжа. К этому времени жандармский десант из Благовещенска и Хабаровки перевернул вверх дном всю станицу, не опросив, наверно, лишь бессловесную живность. Меня три раза посетил, задавая вопросы, но более подходящим будет термин – допрашивая, мой старый знакомый уже

штабс-ротмистр Савельев. На все его расспросы я отвечал максимально правдиво. Какие им были сделаны выводы, для меня осталось тайной.

Перед отплытием в Хабаровку меня навестил генерал-губернатор Корф, от которого я узнал, что им дано распоряжение построить помещение для школы казачат на околице станицы. А полосу препятствий, спортивный городок организовать на площадке для занятий с казаками-малолетками, чтобы и пригготовительный разряд занимался. Всё за счёт казны губернаторства. Дом и подворье мне также отстроят в станице за счёт казны. Нечего бирюком на отшибе жить.

Я искренне поблагодарил барона Корфа, думая про себя, что не дело бросать родовое гнездо. С другой стороны, если поступлю в училище, где окажусь дальше, неизвестно. Слова Николая о возможном вызове в столицу к Александру Третьему я помнил. А что придёт в голову императору по поводу моей дальнейшей судьбы – это гадание на кофейной гуще. И если в станице будет место, где можно будет голову свою приклонить, то это прекрасно. А про Ермаковскую падь ещё подумаю. Земля-то там моя после принятия присяги будет.

Следующие действия и слова генерал-губернатора меня просто добили. Барон вручил мне три письма-прошения к начальнику Иркутского училища – своё, от князя Барятинского, генерал-майора Беневского – и произнёс: «После прошения государя наследника данные письма как бы и не нужны, но пригодятся, если ты, Тимофей, всё-таки решишь поступать в училище в этом году. Но тогда тебе надо, несмотря на ранение, поторопиться. До начала приёмных экзаменов осталось чуть больше месяца, а дорога дальняя. Может быть, успеешь выздороветь и медицинская комиссия тебя пропустит. Надеюсь вскоре увидеть тебя офицером в списках Амурского конного полка».

Ещё через пару дней после визита Корфа я перебрался к Селевёрстовым. Мария своей тайны, несмотря на множество бесед между нами о медицине будущего, так и не открыла. А ещё через три дня на пароходе в станицу прибыл Арсений Тарала, который стал для меня как будто для Золушки принц на белом коне и с хрустальной туфелькой в руке. С его помощью на пароходе «Амур» я мог дойти до Сретенска, а дальше с купеческим караваном «Чурина и К^о» до Иркутска.

Было много споров о необходимости и возможности моего путешествия и поступления в училище в такой физической форме – и с Арсением, и с дядькой Петро, который на подмогу вызвал Марфу-Марию. Но удалось убедить всех.

Двенадцатого июля девяносто первого года я на борту парохода «Амур» отправился в поход за офицерскими погонами. За месяц надо было успеть пройти две тысячи вёрст. Оставлял я станицу с легким сердцем. Одной из причин была та, что в последние дни меня начало терзать чувство вины перед станичниками. Появление моей матрицы сознания в теле Тимохи Аленина привело в большей степени к негативным последствиям для жителей моей станицы и округа в вопросе сохранения их жизни и здоровья.

При разгроме банды Золотого Лю пятнадцать казаков из Албазинской сотни погибло да больше десятка серьёзно ранено было. Из станичников один казак погиб да один тяжело ранен был. При нападении на цесаревича и на станицу трое ольгинцев погибло да трое раненых, а из станичников одиннадцать раненых. Из них Антип Верхотуров и дядька Михаил Лесков – тяжело.

Вот и терзала меня совесть, отыгрываясь за мешок с золотыми самородками. «По твоей вине, гвардии подполковник, казаки погибли. Сидел бы на жопе ровно, ничего бы и не случилось. Нет, надо было свою исключительность показывать, мир изменять...» – шептала мне эта мадам, заставляя мучиться и искать оправдания.

Поэтому, оставив за бортом пристань станицы, я вздохнул с облегчением. Не будет меня в станице, не станет точки притяжения различных бедствий для неё. Тем более, Митяй Шохирев, придя проводить меня, рассказал, что начальником школы для обучения мальков, старшей группы и казаков-малолеток назначен именно он. Ромка Селевёрстов и старшие троек идут к нему замами по обучению. В образовательный процесс, которым старшаки будут руководить, Дмитрий особо лезть не будет. А нарушителей дисциплины очень убедительно приструнит.

К октябрю деньги из казны генерал-губернатора придут. Казаки от сельхозработ освободятся и за пару недель всё возведут – и здание школы, и полигон перенесут. Так что к концу октября занятия в школе начнутся. И мне дом с подворьем заодно отгрохают. Я усмехнулся про себя, вспоминая, каким заботливым и даже, можно сказать, нежным

был этот гигант при расставании на пристани. В последние месяцы мы с Дмитрием сильно, несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте, сдружились. И за свою школу я теперь был спокоен.

По пути в Иркутск произошло только одно интересное событие – встреча в Албазино с пароходом «Ермак», тянущим баржу, на которых разместились возвращающиеся с охраны цесаревича офицеры и казаки Амурского полка, а также группа высокопоставленных чиновников из МВД и корпуса жандармов.

Последние, от кого-то узнав, что я присутствую в Албазино, быстро меня нашли и устроили блиц-опрос-допрос. Если штабс-ротмистра Савельева можно было назвать неплохим специалистом в этой области, то представшие передо мной зубры сыска и следствия были суперпрофессионалами. За два часа меня осмотрели, обнюхали, вывернули наизнанку, завернули обратно. Заставили вспомнить всё, включая те моменты, на которые не обратил внимания и, казалось, не помнил. В конце концов, будто пропущенный через стиральную машину, мясорубку, а заодно асфальтоукладчик, был отправлен восвояси.

После беседы с этими мастерами у меня сложилось впечатление, что тайна нападения на конвой цесаревича продержится недолго. Тем более со стороны раненого генерал-губернатора Приамурья барона Корфа им будет оказано любое содействие. Барон такую плюху со стороны неизвестного пока лица или группы лиц вряд ли простит. Тех хунхузов, что нападали на станицу и пароходы цесаревича, возьмут в оборот быстро даже на китайской стороне. Но это уже, слава богу, не мои заботы.

Ещё одной неожиданностью стало знакомство с наказным атаманом Амурского казачьего войска генерал-майором Беневским и командиром Амурского казачьего полка полковником Винниковым. И Аркадий Семёнович Беневский, и Григорий Васильевич Винников, которые также находились на «Ермаке», оказались милейшими людьми, нисколько не чурающимися общения с молодым казаком. Когда полковник Винников узнал, что его начальство уже предоставило мне письма-прошения для начальника Иркутского училища, то немедленно написал аналогичное и выразил надежду, что скоро хорунжий Аленин примет полусотню в его полку.

Также Винников отметил, что ему понравился черняевский опыт продолжения военного обучения казачат после двухгодичной школы, которую они в станицах обычно заканчивают к десяти-двенадцати годам. И он постарается добиться такого же, как в Черняево, обучения молодёжи во всех станицах, несмотря на сопротивление казаков. Тем более, три года назад в Приамурье отдали на откуп продажу спиртного в поселениях станичному управлению. Прибыль с этого в станичную казну идёт. Найдут станичники средства на продолжение обучения своих детей. Должны же понимать пользу от этого. Чем лучше подготовлен казак, тем больше шансов у него выжить в бою. Аркадий Семёнович данную мысль командира полка целиком и полностью поддержал.

Дальнейшее путешествие происходило без каких-либо ярких событий, нарушений и обострений движения купеческого каравана. В Сретенске расстался с Аркадием, который со словами «потом отдашь» увеличил моё благосостояние на триста рублей, доведя его до пятисот пятидесяти семи рубликов, не считая копеек. В Чите я очень-очень дешёво, по сравнению с ценами Благовещенска, обновил свой гардероб, пользуясь скидками для работников Торгового дома «Чурин и К°». А двадцать второго августа девяносто первого года в полдень прибыл на пристань Иркутска, пройдя через Байкал и по Ангаре на пароходе «Сперанский». Около месяца назад по этому маршруту данный пароход доставил в столицу Иркутского генерал-губернаторства Николая и его свиту.

С ворохом вещей, сам не заметил, как оброс ими за месяц путешествия в комфортных условиях то на пароходе, то на телеге, где под мои вещи было выделено место, я стоял на пристани, решая куда пойти. Хорошо, что лошадиную силу с собой не взял, оставив дома Беркута и Чалого на развод в табуне Селевёрстовых.

«Посмотрим, куда кривая вывезет», – подумал я, взвалив на плечи РД, вещевой мешок, а также винтовку. Ещё один сидор взял в левую руку. Со слов приказчика, который сопровождал товар Чурина дома, я уже был в курсе, что в гостиницы и постоялые дома Иркутска можно не соваться. Все они забиты представителями торговых домов, так как сейчас пик навигации по сплаву грузов, а также, переводя на язык будущего, абитуриентами в юнкерское училище и их сопровождением. А так как я опоздал на неделю к началу экзаменов,

то могу даже и не рассчитывать найти в этих заведениях спальное койко-место. Даже караван Чурина сейчас перегрузится с парохода на телеги и уйдет из города. Ночевать будут по-походному за городом.

С учетом этой информации и по совету приказчика поперся на ту окраину города, где проживали казаки Забайкальского казачьего войска. Может быть, кто приютит.

Было не особо жарко, я бы даже сказал, для августа прохладно, но навьюченный вещами, я скоро при движении задышал как паровоз. Также почувствовал, как под козырьком фуражки стал собираться пот на лбу.

Я шёл по улицам и вертел головой по сторонам. Видно было, что город строится. Чуть больше десяти лет назад в Иркутске произошёл пожар, во время которого сгорело полгорода. Сильно пострадала центральная часть, лучшие постройки, все гостиные дворы и ряды, почти все общественные и казенные учреждения со своими делами и архивами, почти все учебные заведения и библиотеки. Сгорели четыре церкви, синагога. Юнкерское училище тоже превратилось в головёшки. И теперь оно располагалось в уцелевшем во время пожара двухэтажном каменном строении бывшего госпиталя. Все эти новости я узнал от словоохотливого приказчика купеческого каравана, пока следовал с ним в Иркутск.

Город восстанавливался, но местами на улицах все ещё были видны участки земли, заросшие кустарником с остатками обгоревших строений. И было много строек. Я пока добрался до улицы, где начинались казачьи дома, чей внешний вид не говорил о недостатке, скорее, наоборот, насчитал восемь строительных площадок по возведению различных зданий. Причем шесть строили из кирпича и минимум в два этажа.

Посмотрев вдоль улицы из деревянных домов, увидел, что через три дома от меня из калитки вышел казак и стал с помощью топора поправлять забор. Быстро подойдя к нему, я поздоровался:

– Здорово живёте, дядька!

– Слава богу, казак. С чем пожаловал? – крепкий мужчина в заношенной, но опрятной форме Забайкальского войска, в рубахе без погон вогнал в столб лезвие топора и неторопливо оглядел меня с ног до головы.

– Хотел узнать, можно ли по улице у кого место для жилья снять дней на десять? – задал я вопрос, также рассматривая казака, которому по внешнему виду можно было дать и тридцать, и пятьдесят лет. Всё дело было в бороде и усах с сединой, которые закрывали его лицо. А также в глазах, которые были как у не раз битого судьбой человека.

– Что-то не разберусь я в тебе, братец. Ты малолетка или строевой? Где погоны?

– Мне ещё семнадцать лет, дядька. Я приехал поступать в юнкерское училище.

– А я подумал, что ты на первом сроке службы. Постарше и покрепче своих лет выглядишь.

– Жизнь, дядька, заставила, и повзрослеть, и возмужать раньше срока.

– Давай знакомиться, казачок. Филинов Игнат Петрович – старший урядник первого пешего батальона Забайкальского казачьего войска. Можешь меня дядей Игнатом или дядькой Игнатом звать, ежели тебе так удобней. Я на Дону родился. Потом батьку в Забайкалье по жребии перевели.

– Аленин Тимофей из станицы Черняева на Амуре. Если, дядька Игнат, будете Тимохой звать, не обижусь, – улыбнулся я, пытаюсь принять какое-то подобие строевой стойки. Из-за кучи вещей сделать это не удалось.

– Вот и познакомились. Три рубля за десять дней постою осилишь, Тимоха?

– Осилю, дядька Игнат.

– Тогда дальше и искать нечего. Проходи в избу. Сейчас расположу тебя. Не бойсь, не стеснишь никого. Один я, бобылём живу. Как жена с дитём малым сгорели во время великого пожара, так один и живу.

«Теперь понятно, почему у него глаза будто пеплом присыпаны. Не дай бог, если ещё и на его глазах сгорели», – подумал я, протискиваясь в открытую дядькой для меня калитку.

– Вот в доме, который стоял на этом месте, и сгорели. Не смог через огонь к ним пробиться. Так и погибли мои Настенька да Фролушка, – казак тяжело вздохнул и резким рывком выдернул топор из столба. – Пойдем в избу.

В сопровождении казака с крыльца зашли через сени в переднюю комнату избы. Месторасположение комнат, печи, летней терраски было

несколько другим, чем в избах станицы Черняева. В доме был порядок, но по каким-то неуловимым признакам сразу стало понятно, что женская рука отсутствует. Такой же порядок был у меня в доме-казарме, и он разительно отличался от домашней обстановки в доме Селевёрстовых.

– Винтовку с шашкой вешай рядом с моими. Мешки на лавку пока положи. Потом разберёшь. – Дядька Игнат дождался, когда я выполню его указания, и позвал во вторую комнату. – Спать будешь на этой кровати. Тумбочка при ней в твоём распоряжении. Какие надо вещи повесишь в шкаф. Питаться будем с одного стола. Разносолов не обещаю, но щи да каша с хлебом будет. Устраивает?

– Всё устраивает, дядька Игнат. Спасибо, что приютили.

– Ну, раз устраивает, то доставай чистое исподнее, если нет, то стираешься. Щёлок есть. И пойдём в баню. Суббота же сегодня. Баня с утра томится. А остальное после бани решим.

Боже мой, баня! Последний раз ополаскивался полностью в Сретенске, и то бегом. Народу в помывочную было много. А тут баня! Быстро достав из мешка новое, чистое исподнее, шаровары и рубаху для домашнего ношения, портянки, устремляюсь следом за дядькой Игнатом.

До бани путь оказался не близким. Пришлось спускаться на задах огорода к Ангаре, где и стоял на берегу сруб бани. И было их по берегу множество. А что, вода недалеко. Да и после пара окунуться в реку – это же непередаваемое удовольствие.

Зашли в предбанник. Разделись.

– Да, не слабо тебя жизнь потрепала, Тимоха. Это откуда же у тебя такие отметины? А эта совсем свежая! – палец Игната чуть не уперся мне в левую мышцу груди.

– Хунхузы, дядька Игнат, хунхузы. На Амуре с ними часто приходится сталкиваться. Давайте попаримся. А потом я расскажу.

– Давай, казак, попаримся, – Игнат Петрович продолжал с изумлением рассматривать боевые отметины на моём теле: свежий шрам с чуть затянувшейся кожей на левой мышце груди, борозда по ребрам на правом боку, две отметины с двугривенный на простреленном правом плече да на спине под правой ключицей. Как он выглядит, рассмотреть в зеркале так и не смог. Но не маленький. Над

левой бровью и далее по виску шрам большей частью скрывался в волосах.

Вошли в хорошо натопленную и выстоявшуюся баню и сразу же погрузились с дядькой Игнатом в пучину приятного, сухого, жаркого воздуха, пока еще не насыщенного ароматами разнотравья. Пахнет слегка лишь деревом от разогретых бревенчатых стен, дымком сгоревших дров да березовым листом от распаренных веников.

Дядька Игнат берёт ковш, в котором уже настоян какой-то травяной отвар. Сливают из него часть отвара в другой ковш поменьше, куда уже зачерпнул горячей воды. Взмах ковшом, раскаленные камни зашипели, и по бане поплыл аромат, какой не учуешь и в парфюмерной лавке.

Я окатил небольшой полком холодной водой, и дядька Игнат, надев какую-то бесформенную шляпу из шерсти, типа фетра в моём времени, забрался на него и лег на живот, подложив под лицо распаренный свежий веник. Я уселся на лавку рядом с полком, вдыхая банный дух, пахнувший березовой рощей. Сажу и нежусь в приятном и обволакивающем тепле.

Чувствую, что прогрелся. Обильный пот стекает по телу ручейками.

– Тимоха, поддай из другого ковша кваском, – попросил меня расслабленным голосом дядька Игнат.

Клубы пара и пары с запахом хлеба и мёда заполнили баню. Чувствуя, что уши начинают скручиваться в трубочку, а волосы потрескивать, уселся прямо на пол.

– Ох, хорошо. Благодать какая! – раздалось с полка.

Я между тем начал тереть кожу, скатывая с неё грязь колбасками. Как же хорошо! Действительно благодать!

– Тимоха, поддай ковш с холодной водой, – попросил меня дядька Игнат.

Я подал казаку ковш с водой, который он, сняв подобие шляпы, вылил себе на голову. Подав мне назад ковш, шляпу и веник, дядька Игнат произнёс:

– Бери колпак, рукавицы вон на лавке лежат. Попробуй в два веника пройтись.

Надев колпак на голову, рукавицы, макнул поданный веник в деревянную шайку, где лежал, распариваясь, еще один.

Что ж, начнем священнодействие. Попариться в прошлой жизни я очень любил. У Селевёрстовых банная суббота также была в почёте. Но там мне с Ромкой доставались обычно остатки пара.

Встав перед полком, начал легонько навевать вениками на дядьку Игната горячий воздух, чуть-чуть касаясь ими тела казака. Прогнав несколько раз волну горячего воздуха от спины к пяткам и обратно, под охи и вздохи дядьки, положил ему один веник на спину и ударил вторым.

– Ох, Тимоха, хорошо-то как. Давай ещё!

Я вошёл во вкус. Усилил удары веником, потом перешёл на удары двумя вениками, прижимая горячий воздух к телу дядьки Игната, растирая его. В общем, пошла настоящая банная утеха!

Подбавив парку и окунув веники в шайку, заставил казака перевернуться на спину и продолжил веселье.

– Всё, дядька Игнат, не могу больше!

Бросив веники в шайку, стянув с головы колпак, а с рук рукавицы, положил их на лавку и выскочил в предбанник. Усевшись на лавку, стал жадно глотать прохладный воздух.

Через несколько секунд мимо меня пронёсся красный как рак, распаренный дядька Игнат, ухая и постанывая. Прошли мгновенья, и раздался громкий бултых и довольное упоминание Бога, его матери и ещё какой-то матери.

«Да... Только русский человек, входя в нирвану, может одновременно молиться и материться», – подумал я, выглядывая наружу из предбанника.

Дядька Игнат лежал на мелководье в Ангаре, хлопая по воде руками и бултыхая ногами, наслаждаясь прохладой воды. Я прикрыл дверь и снова уселся на лавку, блаженствуя и чувствуя, как бешеный стук сердца стал потихоньку приходить в норму.

Через пару минут в предбанник ввалился мой арендодатель койко-места и, разбрасывая холодные брызги, шлепнулся на лавку рядом со мной.

– Ну, Тимоха, спаси ты Бог! Уважил – давно так не парился. Ну да я тебя не хуже испарю.

– Дядька Игнат, я после ранения ещё не полностью оправился. Так что пожалей меня, – улыбаясь, ответил я.

– Так, Тимофей, может, и не надо больше? – озабоченно спросил казак, выжимая бороду.

– Нет, чуток ещё можно, – ответил я.

– Тогда уже лучше ты сам, – дядька внимательно посмотрел на мой свежий шрам на груди, который стал красно-синего цвета. – А то как бы хуже не было. И я, дурак, не подумал.

Несмотря на опасения, второй заход в баню закончился тем, что дядька Игнат всё-таки отходил меня вениками, после чего я минуты три лежал в прохладных водах Ангары, получая немислимое удовольствие.

Потом был ещё один заход хозяина бани, который я пропустил, его наслаждение паром и водными процедурами. После этого мы помылись, замочили грязное бельё и распаренные во всём чистом вернулись в избу.

В избе нас дожидался самовар, который ещё не успел полностью остыть, и на его разогрев с помощью заранее заготовленных лучин, ушло немного времени. Хороший чай после бани, что может быть лучше! Поставив на стол принесённый с улицы пыхтящий самовар, дядька Игнат добавил к нему тарелку с оладьями, плошку с мёдом, заварной чайник в грелке-накидке и чашки с блюдцами.

«Слава богу, будем пить чай, а не чай-сливан с добавками муки и прочего», – с удовольствием подумал я, после чего пошёл потрошить свой мешок, где лежали дорожные продукты.

Убрав выложенные мною на стол шмат сала, кусок копчёного окорока и полкаравая хлеба в кухонный закуток перед печью со словами «вечером поедим», дядька Игнат, скороговоркой прочитав «Отче наш» и размашисто перекрестившись, сел за стол, пригласив меня сделать то же самое. Чай был разлит по чашкам, после чего началось активное восстановление нарушенного водно-солевого баланса в организме после бани.

После первой чашки чая, которую выпил, выливая порциями в блюдечко, налил вторую. Попробовав оладьи с мёдом, не выдержал и задал вопрос:

– Дядька Игнат, неужто сам такую вкуснотищу испёк?

Казак смутился, потом сделал глоток чая из блюдца и произнёс:

– Соседка Дарья, сеструха моей жены, угостила. Мы со свояком, когда на сёстрах женились, дома рядом поставили. Им во время

пожара повезло. Все живы остались. Вместе потом и отстроились. А чуть больше года назад свояк Григорий по весне в Ангару бросился спасать мальчика, который, катаясь на льдине, перевернулся. Мальца достал и спас, в свой тулуп завернул, пока до избы нёс, а сам весь заледенел. Сгорел потом в лихоманке, – дядька замолчал, уйдя мыслями в себя, потом продолжил: – Вот и помогаем друг другу.

Я чуть не ляпнул о возможности их дальнейшего совместного проживания, как казак продолжил:

– Как три года со смерти Григория минует, так и сойдёмся с Дарьей. Она же почти копия моей Насти. И сынок ихний, племяш Ванятка, в том же месяце, что и мой Фрол, родился. Так и будем жить.

Дядька Игнат тяжело вздохнул.

– Ну, а теперь, Тимофей, рассказывай, откуда у тебя столько отметин.

«Что ж, в бане помыли, чаем напоили, скоро накормят и спать уложат. Надо за это хозяина уважить», – подумал я и начал рассказ о своих злоключениях-приключениях в этом мире.

Рассказал практически всё. Но на всякий случай про бой с бандой Золотого Лю поведал в отредактированном под подполковника Печёнкина варианте, а про нападение на цесаревича вообще решил промолчать. Прямого указания молчать не было, но практически всеми официальными лицами, начиная с генерал-губернатора и ниже, было рекомендовано «особо не распространяться». Говоря по-другому, «молчать в тряпочку». Поэтому дойдя до событий прибытия в станицу цесаревича, замолчал.

– Чего примолк? Рассказывай, как цесаревича собой закрыл, – дядька Игнат хитро посмотрел на меня, поднося блюдечко с чаем к губам. – Рассказывай, Ермак. А то, может, мне всё переверали. Тут же из первых уст услышу.

Я в состоянии грогги усталился на казака, который потихоньку тянул чай из блюдечка. Ошеломление было зашкаливающим, за максимум возможного.

– Что, удивлён, Тимофей? – Игнат Петрович поставил блюдечко на стол и разгладил бороду с усами. – Всё очень просто. Тут при прибытии государя наследника в город наши казаки забайкальцы гулеванили, которые амурцев в охране цесаревича сменили. Вот от одного из них, моего троюродного брательника, и услышал рассказ о

том, что молодой амурский казак Тимофей по прозвищу Ермак спас цесаревича, закрыв его своей грудью. Пуля попала бы в сердце, но в кармане Ермака лежали подаренные наследником освященные в Исаакиевском соборе часы, и пуля не смогла пробить их. Так Святая Богородица спасла и государя наследника, и казачка, который жизни своей не пожалел. Такая вот, ядрёна-матрёна, история! Всё правда?

По окончании монолога дядьки Игната мне можно было поставить диагноз – информационная контузия. Видя моё состояние, урядник Филинов продолжил моральное издевательство надо мной.

– Я, когда твои раны в бане увидел, особенно свежий шрам на груди, сразу и понял, что ты и есть Тимофей по прозвищу Ермак. Ну что, угадал?

– Угадали, дядька Игнат, – приходя в себя, выдохнул я.

– Тогда рассказывай. И всё подробно рассказывай. Или запретили?

– Как бы и не запретили, но настоятельно рекомендовали особо не распространяться.

– И кто же такое рекомендовал? – поинтересовался Игнат Петрович.

– Самый старший из тех, кто со мной разговаривал на эту тему, был его высокопревосходительство князь Барятинский. Генерал-губернатор Корф также в беседе со мной упомянул об этом.

– Эх ты, ядрёна-матрёна! Какое начальство высокое с тобой говорило! А с цесаревичем тоже беседовал?

– Разговаривал, дядька Игнат.

– А много? – интерес казака был неподдельный. Глаза засверкали, казалось, всё его естество хочет больше, подробнее узнать об августейшей особе.

– Около двух часов в общей сложности выйдет, – ответил я.

– А правда, что пуля в часы освященные попала и не пробила их?

– Нет, дядька Игнат, это уже выдумали. Пуля сначала в метательный нож попала. Их у меня на ремне ранца на левой стороне три штуки в общем чехле было. Нож раздавил подаренные цесаревичем Николаем Александровичем часы. Благодаря только этому и жив остался. Мышцу на груди не сильно разворотило, но ушиб был ого-го какой. Два первых дня дышал через раз на полвздоха, а встать только через неделю смог. А про то, что часы в Исаакиевском соборе освящены, никто не говорил, к слову.

– И всё-таки Богородица вас обоих хранила! – Филинов истово перекрестился. – Если бы не защитница семьи помазанника, и цесаревич, и ты погибли бы. А часы покажь?

– Дядька Игнат, у меня их вместе с ножом цесаревич на память поменял на другие часы, которые ему император на день совершеннолетия подарил.

Эти слова я произносил, идя к ранцу, из которого достал завёрнутый в тряпку и упакованный в кожаный мешочек подарок цесаревича. Достав часы, я положил их на стол перед Игнатом Петровичем.

– Красота-то какая! – Филинов аккуратно указательным пальцем провел по камням на верхней крышке часов, которые образовывали вензель цесаревича Николая. – Дорогушие камни, наверное! Чай, для сына императора делали?

«Дорогушие! – подумал я про себя. – Бриллианты не по одному карату. Надо будет ячейку в банке снять и часы, и деньги основную часть туда положить. Если, конечно, поступлю в училище. Всё же на неделю опоздал. Тут и прошения могут не помочь».

Дальше наше чаепитие плавно перетекло в ужин, во время которого я узнал, что старший урядник первого пешего батальона Забайкальского казачьего войска Филинов служит в Иркутском училище, командуя казаками, которые ухаживают за лошадьми учебного заведения.

Как выяснилось из разговора, пять лет назад в училище пришёл новый сотенный командир войсковой старшина Химуля, под командованием которого Филинов служил почти пятнадцать лет назад в одной из сотен пешего батальона. Какую услугу оказал в своё время Филинов своему командиру, казак не рассказал, но Химуля, которого перевели в училище из Амурского казачьего полка, где он в то время служил, нашёл Игната Петровича почти спившимся. После гибели жены и сына смог дядька Игнат отстроиться, но дальше моральных сил не хватило. Стал заливать горе горькой, чем дальше, тем больше. Химуля, говоря современным языком, вывел своего бывшего подчинённого из запоя и пристроил рядом с собой в училище.

К войсковому старшине Химуле этим утром и должен был я обратиться по протекции дядьки Игната, передав для начальника школы письма-прошения о моём поступлении в училище. Но старший

урядник Филинов своего начальника не нашёл и поэтому обратился в коридоре училища к сотнику Забайкальского казачьего войска. Что-то быстро рассказав ему, Игнат Петрович достал из большого вощёного конверта одно из писем, показал его сотнику, потом показал рукой на меня, подпирающего стену. Закончилось всё тем, что сотник взял конверт из рук урядника, заглянул в него, достал ещё пару писем и, покрутив головой, вошёл в кабинет, на двери которого висела табличка: «Начальник училища полковник Федоров А. В.».

Урядник Филинов проскользнул в дверь следом за сотником, но через несколько мгновений вышел обратно. Подойдя ко мне, дядька Игнат вздохнул и произнёс:

– Жалко, его высокородия Владимира Никитовича не нашёл, но сотник Головачев тоже хороший командир. Я ему всё объяснил. Теперь будем ждать.

* * *

Начальник училища, числящийся по гвардейской пехоте полковник Алексей Васильевич Федоров, сидел в кабинете с мрачным видом. Вчера допоздна засиделся за игрой в вист в офицерском собрании. И последние три порции коньяка были явно лишними.

«Черт бы побрал эти экзамены, – раздражённо подумал полковник. – Даже в воскресенье от них покоя нет. В коридоре шум, гам, толпы народа снуют. Скорее бы это вавилонское столпотворение закончилось и училище зажило по нормальному и установленному распорядку дня».

В это время раздался стук в дверь, который вызвал болезненную и недовольную гримасу на лице полковника. Дверь распахнулась, и в кабинет зашёл обер-офицер училища сотник Головачев.

– Господин полковник, разрешите войти?

Вслед за сотником в дверь просочился старший урядник Филинов. Сотник, увидев, что полковник смотрит ему за спину, обернулся и сделал знак уряднику выйти. Когда тот вышел, Головачев продолжил:

– Господин полковник, разрешите доложить?

– Что случилось, Николай Павлович? Неужели урядник выпивший, и я выиграл спор у Владимира Никитовича, которому уже пять лет?

– Никак нет, господин полковник. Филинов пять лет в рот ни капли спиртного не берёт. Боится сорваться и подвести господина войскового

старшину.

– Так что же произошло?

– Филинов обратился ко мне в коридоре с просьбой передать письма-прошения о поступлении в училище семнадцатилетнего казачка.

– Бог мой, Николай Петрович, экзамены уже начались неделю назад. У нас на сорок пять мест этого года заявлено больше ста кандидатов. Какой ещё казачок?! Тем более не из урядников или вольноопределяющихся действующих полков.

– Господин полковник, я ответил так же, но урядник передал мне большой конверт с письмами-прошениями. Посмотрев только несколько из них, я вынужден обратиться к вам для решения.

– Что ж, давайте посмотрим прошения, – полковник протянул руку.

Сотник, подойдя к столу, вручил начальнику училища большой конверт для бандеролей с лежащими в нём письмами в маленьких конвертах.

– Однако, – хмыкнул полковник, высыпав письма на стол перед собой. – Что-то я не припомню такого количества писем-прошений за одного кандидата. Тут пасьянс разложить можно. Тем более как они хорошо легли. Все сургучом вверх, и от кого письмо, неизвестно. Разложим пасьянс, Николай Петрович?

Сотник, вытянувшись по стойке смирно и произнёс:

– Господин полковник, я уже видел отправителей на трёх конвертах. Поверьте, это будет интересный пасьянс.

– Заинтриговали, господин сотник. Ох, заинтриговали! – чувствуя, что мрачное настроение куда-то уходит, заменяясь интересом и азартом, полковник Федоров перевернул конверт первого письма. – Итак, надворный советник Бекетов, директор Благовещенской женской гимназии. Слышал много хорошего о Петре Ивановиче. Но при чём здесь казачок и женская гимназия, не подскажете, Николай Петрович?

– Теряюсь в догадках, господин полковник, – сотник, чуть расслабившись, стоял перед столом Федорова.

– Следующее письмо, – полковник перевернул следующий запечатанный сургучом небольшой конверт. – Надворный советник Соловьёв директор Благовещенской мужской гимназии. Это уже ближе. Так следующий. О-о-о!!! Полковник Винников?! Действительно интересный казачок. За всё время, что Григорий

Васильевич командует Амурским казачьим полком, ни разу не удосужился написать прошение по кому-либо из кандидатов на поступление. А за три года из его полка поступало казачьих урядников и вольноопределяющихся человек десять. И сейчас, насколько помню, трое учатся, и одному из них полковник опекуном приходится.

– Дальше будет ещё интереснее, господин полковник, – ухмыльнулся сотник.

– Хорошо... Переворачиваем следующий конверт. – Полковник присмотрелся к печати на сургуче и быстро перевернул конверт. Прочитал и непроизвольно поднялся из-за стола.

– Его высокопревосходительство обер-егермейстер Высочайшего Двора князь Барятинский, – сипло произнёс Федоров, ворочая шеей в будто ставшем тугим вороте мундира. – Вы об этом хотели сказать, господин сотник?!

– Никак нет, господин полковник, я видел письмо от наказного атамана Амурского казачьего войска генерал-майора Беневского, – вытянулся во фронт сотник. – Кто же там ещё-то?!

– К чёрту пасьянсы, – прорычал полковник, быстро перевернув все конверты. Прочитал и без сил опустился в кресло.

– Его императорское высочество великий князь Николай Александрович, генерал-майор Беневский, генерал-губернатор Корф, – тихо произнёс Федоров. После чего, ударив кулаком по столу, буквально прошипел: – Что это за семнадцатилетний казачок, за которого государя наследник просит?

Полковник сломал сургуч конверта и достал письмо цесаревича. Пробежал глазами, после чего протянул лист сотнику.

– Полюбуйтесь, Николай Петрович. Да читайте, читайте! Я уже наизусть запомнил. «Уважаемый Алексей Васильевич! Прошу принять посильное участие в приёме в ваше учебное заведение Аленина Тимофея Васильевича. Я заинтересован в его судьбе. Цесаревич Николай». – Полковник поднялся из-за стола, упёршись в него руками. – Каково? И что делать будем? Экзамены уже неделю идут. Отказать государя наследнику?

Сотник Головачев молча стоял перед столом, держа в правой руке письмо государя наследника, который к тому же верховный атаман всех казачьих войск России. Отвечать начальнику училища не было необходимости. Полковник любил рассуждать вслух.

– Так, успокоимся. Посмотрим, что остальные пишут. – Федоров сел за стол и стал суетливо вскрывать остальные письма, быстро просматривая их.

– Фу-ух!!! Всё отлично, Николай Петрович, – радостно выдохнул полковник, прочитав очередное письмо. – Оказывается, наш казачок ещё год назад экстерном окончил шестилетнюю гимназию в Благовещенске и с очень хорошими баллами. Бекетов его новым Ломоносовым считает. Так что казачку сдавать только один экзамен по русскому языку не ниже, чем на семь баллов. И всё! И слава богу!!!

Полковник поднялся из-за стола и подошёл к окну кабинета. Простояв около тридцати секунд перед окном, Федоров развернулся лицом к сотнику и спросил:

– Николай Петрович, как вы думаете, кто этот казачок, за которого такие особы ходатайства пишут?

– Господин полковник, как мне сказал урядник Филинов, это тот самый казак по прозвищу Ермак, который собой закрыл государя наследника при нападении хунхузов на пароход цесаревича.

– Николай Петрович, так вы считаете, что те слухи, которые ходят по городу о нападении на цесаревича, правда?

– Может быть, не в полном объёме. Но, как говорится, дыма без огня не бывает. Тем более, ни государя наследник, ни кто-либо из его свиты, когда находились в Иркутске, данные слухи не опровергли. Да и охрана в таком количестве, которую внезапно затребовали... Мне бывшие сослуживцы по Первому конному полку рассказали, что вместо сборной солянки со всех полков из георгиевских кавалеров в двадцать казаков, две сотни полка отправили на смену конвоя из амурцев. И тех больше двух сотен было. От казаков Амурского полка все слухи и пошли, господин полковник.

– Хорошо. Позовите ко мне этого Аленина. Познакомимся, а потом направите его к нашему врачу на осмотр. Намекните Валерию Николаевичу, что если и есть какие-то ограничения по здоровью у Аленина, то их как бы и нет.

– Слушаюсь, господин полковник. Разрешите выполнять?

Увидев разрешающий кивок начальника училища, сотник развернулся кругом и, печатая шаг, направился к двери.

* * *

Я стоял рядом с урядником Филиновым и ждал результатов рассмотрения начальником училища моих писем-прошений, почти не сомневаясь в успехе. В руке у меня был ещё один конверт, в котором лежали моя метрика, метрика отца и его послужной список, собственноручное жизнеописание и свидетельство о сдаче испытаний на зрелость за шестиклассную Благовещенскую мужскую гимназию.

Но прошло пять минут, десять. Из кабинета начальника училища никто не появлялся. Я уже начал беспокоиться, когда на пороге кабинета выросла фигура сотника, который призывно махнул мне рукой.

Зажав конверт зубами, я быстро согнал все складки на мундире в одну за спиной и, взяв в руки конверт, быстрым шагом направился к сотнику. Подойдя к обер-офицеру, хотел начать доклад, но сотник рукой показал, чтобы я быстрее проходил.

Зайдя в кабинет и сделав два строевых шага вперёд, я вытянулся по стойке смирно и доложил:

– Ваше высокоблагородие, Тимофей Аленин по вашему приказанию прибыл!

Сидящий за столом полковник мужчина лет сорока с начинающими седеть шевелюрой и усами внимательно оглядел меня с ног до головы, после чего негромко, но жёстко произнёс:

– Расскажите о себе, господин Аленин.

Дальше последовал мой монолог-рассказ о себе любимом, который и полковник, и сотник выслушали с искренним вниманием. Уточняющие вопросы, просмотр моих документов, и через десять минут общения я в сопровождении сотника прибыл на медкомиссию в лице единственного надворного советника, худощавого и подвижного мужчины лет сорока, который лицом был вылитый Антон Павлович Чехов. Такая же причёска, борода, усы и, конечно же, пенсне.

Заполнив моими данными карточку, доктор приступил к осмотру, который провёл быстро, но тщательно. Если быть откровенным, то я своё физическое состояние оценивал на четвёрку с минусом. Полного восстановления организма ещё не произошло, несмотря на все упражнения и дыхательные гимнастики, которым меня обучил в своё время Джунг Хи. Надо было видеть глаза пассажиров парохода, когда я начал их практиковать во время путешествия по Амуру. Да и

работники Чурина, сопровождавшие караван, не раз крутили пальцем у виска, когда утром и вечером видели мою медитацию и упражнения.

Но как бы то ни было, окончательного функционирования организма в полном объеме я ещё не достиг, и мне надо было для этого ещё две-три недели. Тем не менее доктор, поинтересовавшись, откуда столько шрамов от ранений, и выслушав ссылку на хунхузов, к поступлению в юнкерское училище признал годным и допустил к сдаче экзамена.

Как успел мне объяснить сотник, для поступления в училище мне достаточно сдать один экзамен по русскому языку не ниже семи баллов. Это напомнило моё время, где окончившим школу с золотой или серебряной медалью для поступления в военное училище также надо было на «отлично» написать сочинение. Если не получил «отлично», то сдаешь все экзамены в общем порядке.

Кроме того, со слов сопровождавшего меня сотника, я узнал, что если до присяги 6 декабря в день Святого Николая Чудотворца сдать экстерном экзамены по военным предметам за общий класс, то смогу продолжить обучение сразу в старшем, специальном классе.

В общем, та информация, которую я получил полтора года назад в Благовещенске, подтвердилась с небольшими изменениями и дополнениями. Но реально есть возможность уже в следующем году получить погоны хорунжего. Попахать для этого, конечно, придётся, но поставленная цель таких трудов стоила.

После медицинского осмотра под присмотром сотника я был доставлен в канцелярию, где под удивлённым взглядом делопроизводителя, который щеголял в форме подпоручика Восточно-Сибирской артиллерийской бригады, сдал документы и написал заявление на приём в училище.

Подпоручик с простой фамилией Петров, но трудно произносимым именем отчеством – Илларион Илларионович, моё заявление принял и, наверное, долго потом его бюрократический мозг размышлял, кого ж к нему лично приводил обер-офицер училища. Принять кандидата на сдачу экзаменов после недельного опоздания к их началу?!

На этом мои мытарства закончились. Сотник Головачев, сказав, чтобы завтра в девять ноль-ноль я был рядом с кабинетом делопроизводителя, удалился, а я направился к месту квартирования.

На следующий день как-то буднично сдал экзамен по письменному русскому. В кабинете делопроизводителя получил листок с номером кабинета для сдачи экзамена, подойдя к которому никого рядом с дверью не увидел. Постучав в дверь и открыв её, увидел, что в кабинете находится хорунжий иркутской конной казачьей сотни, который пригласил меня войти.

Как выяснилось, хорунжий Михаил Федорович Коршунов станет моим преподавателем, если я напишу сочинение «Молодое поколение в комедии Грибоедова „Горе от ума“» на оценку не ниже семи баллов. Времени на это мне отводится четыре часа. Вручил проштампованные листы для черновика и беловика и предложил выбрать любую парту.

Четыре часа пролетели быстро. Я с каким-то азартом разбирал по косточкам молодое поколение Грибоедова – Чацкого, Сонечку Фамусову, Молчалина. Описывал противостояние либералов и консерваторов первой половины девятнадцатого века. Хотя и сейчас в этом мире по данному вопросу ничего не изменилось, но писать об этом я не стал. В общем, канва сочинения была следующей: представления Чацкого революционны и оттого отторгаемы большинством. Взгляды же старой Москвы чрезвычайно сильны, потому что поддерживаются огромным количеством молодых людей. Поэтому борьба старого и нового предстает нешуточной. Кто из нее выйдет победителем? У автора, как и у меня, есть свои предположения. Однако рассудить героев комедии может только время.

Набросав всё сначала на черновике, потом написал чистовик и вручил его хорунжему. За время моего написания в кабинет пару раз заходили два штабс-капитана и войсковой старшина. Из их разговоров с хорунжим я понял, что все остальные кандидаты русский письменный сдали еще неделю назад, и им интересно, для кого же организовали отдельный экзамен.

«Вот что значит телефонное, точнее право писем-прошений. Есть у тебя письмо с просьбой принять в училище от августейшей особы – и ты, считай, стопроцентно принят, – думал я, слушая краем уха эти разговоры. – Для тебя даже отдельный экзамен организовали. Нет – никто и разговаривать не будет. Ничего в этом мире не меняется. Интересно, а если бы я в том мире заявился на своё первое поступление в ДВОКУ с письмом от министра обороны или от кого-нибудь из членов ЦК КПСС, меня бы приняли?»

Вечером от пришедшего со службы Филинова узнал, что сочинение я написал на восемь баллов и могу считать себя поступившим в училище. Завтра меня ждёт вахмистр Чернов, который в училище командует нижними чинами, вольнонаемными и отвечает за всё хозяйство училища. Если я соглашусь, то в течение недели, что осталась до начала занятий, надо будет помочь в хозяйственных работах. В этой группе уже есть три согласившихся счастливчика, с усмешкой пояснил мне урядник.

В первый же день я понял усмешку дядьки Игната. Гонял нас вахмистр в хвост и в гриву. В обед нашу группу кормили как на убой, но к вечеру я еле-еле приползал к Филинову. И так неделю. Мне показалось, я за эту неделю даже похудел.

Кроме меня, в группу счастливчиков вошли двое вольноопределяющихся из Восточно-Сибирских линейных батальонов и один гражданский гонористый шляхтич лет двадцати. Звался сей гордый отпрыск польского дворянства Казимир Заславский. Неоднократно за неделю слышал от него, как я должен быть горд тем, что на меня обратил свой взор и соизволил говорить потомок князей Заславских-Острожских, которые в родстве, пусть и по женской линии, были с королевской династией Пястов.

В общем, за неделю совместной деятельности этот княжеский потомок достал всех окружающих. Мы узнали всё о его родословной, о том, что его семья была одна из двадцати двух семей шляхтичей, которых в 1668 году Сибирский приказ расписал служить в сибирских городах. Бывает, что неприязнь к человеку возникает с первого взгляда. Вот и у меня к юнкеру-шляхтичу и, видимо, у него ко мне, возникла обоюдная неприязнь.

Первого сентября, пусть «не первый раз в первый класс», но в десять ноль-ноль на доске объявлений вывесили приказ со списками поступивших в училище. Я себя быстро нашёл в этом списке по алфавиту. Моя фамилия была первой. Рядом с приказом висело объявление, что в 12:00 поступившие будут «введены в училище».

«Что ж, осталось чуть меньше двух часов до того момента, как я переступлю порог альма-матер. Я снова курсант, точнее юнкер!» – подумал я, отходя от доски объявления.

Глава 6

Дружеская беседа

Высокий и грузный мужчина стоял перед окном кабинета на третьем этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца. За стеклом в сгущающихся сумерках и водной взвеси над хмурой Невой еле проглядывался золотой шпиль Петропавловского собора. Небольшой дождь барабанил по карнизу, стекая ручейками.

Император Александр III, развернувшись от окна, направился к кожаному глубокому креслу, расстегивая верхние пуговицы на мундире.

– Владимир Анатольевич, ты считаешь, что покушение на Николая в Японии – это дело только одного ненормального самурая? – задав вопрос князю Барятинскому, император тяжело опустился в кресло. – Уф-ф, как же этот церемониал иногда утомляет. Родного сына не могу встретить как хочется!

– Александр Александрович, до определённого момента я считал именно так. – Барятинский почесал пальцем свежий шрам на лбу. – Но теперь думаю, всё намного сложнее. *Cui prodest?* Кому, каким силам в Японии было бы выгодно убийство наследника престола Российской империи?

– И кому? – император поудобнее устроился в кресле.

– Я думаю, Александр Александрович, тому, кто в окружении микадо считает, что война между нашими империями именно сегодня принесёт победу Стране восходящего солнца.

– И ты думаешь, такие люди есть в окружении императора Муцухито?

– Я думаю, имеются. И в Тайном совете, и в Кабинете министров Японии, и в парламенте, и тем более в Генеральном штабе армии. В любом правительстве всегда есть и будет партия войны, которая кормится с войны и желает её. Микадо, начав переустройство политической, законодательной, исполнительной, судебной и военной систем своей страны, очень быстрыми темпами превращает Японию в ведущую державу на Востоке.

– Это так! Как бы ни было для нас неприятно! Разве мог кто-нибудь предположить двадцать с небольшим лет назад, что принц Сати за эти годы приведёт Японию к такому успеху и в политическом, и в экономическом плане.

– А с этими успехами, государь, растут и амбиции. Барон Корф сообщил мне, что его генштабисты получили информацию о высокой вероятности начала в ближайшее время войны между Китаем и Японией. Цель Японии – контроль королевства Чосон и захват острова Формоза. Счастливый Принц, точнее, император Муцухито по совету своего Генштаба к шести гарнизонным дивизиям добавил седьмую гвардейскую и довёл численность пехоты до ста двадцати тысяч человек. И это не ополчение, а регулярная армия, которую усиленно обучают. Кроме того, эти дивизии начали перевооружать на свои винтовки. Заметь, Александр Александрович, свои винтовки калибра три с небольшим линии с восьмизарядным магазином под стволом. В общем, почти та же винтовка Гра-Кропачека, только японская и с японскими патронами на бездымном порохе.

Император встал из кресла, молча сделал пару шагов до секретера, из шкафчика которого достал коробку с сигарами, две серебряные рюмки и небольшую фляжку. Вернувшись к креслу, поставил всё на стол. Налив из фляжки в рюмки тёмно-коричневой жидкости, одну подвинул князю Барятинскому. После этого, открыв коробку, достал сигару и, проделав все необходимые манипуляции, прикурил.

Сев в кресло и выпустив клубы сигарного дыма, император тихо спросил:

– Владимир Анатольевич, думаешь, рискнут напасть?

– В настоящий момент, думаю, что нет. Всё время, что вместе с Ники находился в Японии, я не заметил каких-либо признаков охлаждения отношений японцев к русским, начиная от императора и заканчивая обычным рикшей. – Барятинский задумался, что-то вспоминая. – Хотя наш представитель в Токио Дмитрий Егорович Шевич докладывал о беспокойной внутривнутриполитической обстановке и распространении среди японцев ксенофобских настроений. Говорил, что в ноябре девяностого года было даже нападение на российское посольство. Также до приезда цесаревича в уголовное законодательство Японии так и не ввели статьи, предусматривающей наказание за нападение на представителей царских семей и миссий

иностранных государств. Но я никаких волнений или нападок в прессе не увидел! Нас везде принимали очень хорошо. Позволяли полностью использовать все возможности портов для приведения кораблей в порядок после длительного перехода. В общем, всё как раньше. И тут как гром среди ясного неба – это нападение!

Князь протянул руку к рюмке, но, передумав, достал из коробки сигару. Обрезав гильотинкой кончик, прикурил от длинной спички. Выпустив клуб дыма, Барятинский продолжил:

– Понимаете, государь, одна ненависть к чужеземцам, на которую постоянно ссылались и микадо, и принц Арисугава, и другие японские высокопоставленные лица, мне кажется недостаточной причиной для того, чтобы этот Санцо решился на подобные действия. Кроме того, для этого ненавидящего всех чужеземцев полицейского не было недостатка в возможности раннее удовлетворить свою злобу и ненависть. Отсу и озеро Бива ежедневно посещают многочисленные иностранцы, – князь вновь затянулся сигарой, покатал дым во рту и выпустил его. – С другой стороны, мысль, что мотивом преступления являлась ненависть именно к русским, по моему мнению, просто абсурдна. Начиная с Кульджинского кризиса, больше десяти лет мы имеем доброжелательную позицию Японии по отношению к Российской империи. Наши моряки и путешественники популярны в японских портах, потому что они щедры и обходительны. Ни одна из газет не отнеслась отрицательно к визиту цесаревича. Везде в Японии Ники принимали с огромным уважением и восторгом. Поэтому что-то здесь не так! Не верю я в полицейского, который из-за ненависти к чужеземцам своей целью выбирает наследника российского престола. Хоть убей, не верю!

– Ты, Владимир Анатольевич, ещё не знаешь, но министр внутренних дел Японии Сайго Цугумити, министр иностранных дел Аоки Сюдзои и министр юстиции Ямада Акиёси ушли в отставку. Губернатор префектуры Сига, в которой расположен город Оцу, Оки Мориката уволен. А их всех можно было назвать сторонниками мира с Россией и ведущими игроками «русской партии» вокруг Муцухито.

Александр III задумался, направив невидящий взгляд в стену кабинета над головой князя. Через несколько секунд император взял в руку подвернувшуюся на столе серебряную блюдце-пепельницу,

повертел её, а потом с налившимся кровью лицом, сжав кулак, смял в бесформенный ком.

– Если бы Ники был убит, я не знаю, как бы я поступил! – Император-миротворец бросил ком серебра на пол. – Не знаю!!!

– Если бы объявил войну Японии, то, боюсь, мы бы проиграли, – Барятинский выдержал бешеный взгляд императора всероссийского и тихим голосом продолжил: – Вспомни, государь, события десятилетней давности. Тогда для похода на Пекин планировалось перебросить корпус в двадцать пять тысяч человек при ста орудиях. Какие цифры дало Морское ведомство?

– Около пятидесяти пароходов и более трех с половиной миллионов рублей расходов.

– Тогда твоему отцу удалось отстоять в нашу пользу многие статьи Ливадийского договора, потому что заручились выгодными условиями нейтралитета Японии в возможной войне с Китаем. Договорились с японцами о снабжении кораблей углем и продовольствием, а также о ремонте их во время войны. И всю зиму восьмидесятого – восемьдесят первого годов наши корабли зимовали в обустроенных портах Нагасаки и Иокогамы. Это произошло из-за того, что Владивосток и бухта Золотой Рог смогли бы вместить все собранные в Тихоокеанскую эскадру двенадцать кораблей, включая два броненосных и присоединившиеся потом к ним три корабля Сибирской флотилии и пароход Добровольного флота «Москва», но содержать и обслужить – нет. Во Владивостоке тогда и сейчас нет сухого дока, а небольшие и плохо оборудованные мастерские располагают сегодня не более чем тремястами работниками, две трети из которых составляли матросы Сибирской флотилии. А если будет война с Японией, где разместятся наши корабли? Бухта во Владивостоке зимой замерзает. Снабжать войска по Амуру и Уссури весной и осенью до ледостава и во время ледохода не сможем!

Барятинский поискал глазами на столе сосуд, куда можно было бы стряхнуть пепел от сигары. Не найдя искомого и усмехнувшись, глядя на пепельницу-комоч, лежавшую на полу, продолжил свой монолог.

– Государь, одно дело представлять, как обстоят дела на Дальнем Востоке по бумажным отчётам, другое дело увидеть всё своими глазами. Наши дела там в военном отношении – полный швах. В первую очередь это касается сухопутных сил, численный состав

которых за эти десять лет почти не изменился. Я посмотрел у барона Корфа отчёты. Мы всё так же можем выставить для обороны Приамурья лишь две бригады и не больше десяти Восточно-Сибирских линейных батальонов, ну ещё три-пять тысяч казаков. Если считать гарнизон Владивостокской крепости со всеми сапёрными частями и артиллеристами, то максимум наберётся около двадцати тысяч. И исправить это положение до окончания строительства железной дороги практически невозможно. Своими силами жители Восточной Сибири и Дальнего Востока не могут обеспечить продовольствием и резервами даже расквартированные в мирное время части. – Князь в волнении стряхнул пепел сигары прямо на пол и продолжил: – Личный состав, вооружение, боеприпасы приходится доставлять морем из Одессы и Кронштадта, что обходится достаточно дорого и требует значительных временных затрат.

– Ты мне ещё, Владимир Анатольевич, напомни об отсутствии у нас перевалочных баз, о том, что морские перевозки уязвимы во время военных действий, – усмехнулся Александр III.

– И это тоже, но самое главное – малонаселённость этого края. На два миллиона квадратных вёрст Приамурского генерал-губернаторства всего восемьсот тысяч жителей, из них пятьсот тысяч в Забайкалье, в Приморской области около ста восьмидесяти тысяч человек, в Амурской меньше ста тысяч и на Сахалине около пятнадцати тысяч. Представляешь, Александр Александрович, всего один человек на три квадратные версты.

– Читал я доклад генерал-губернатора Приамурья за прошлый год. Цифры ты приводишь верные. Но прирост-то есть! Каждый год численность увеличивается, – император окунул кончик сигары в рюмку с коньяком и с удовольствием затянулся.

– Как бы всё, что освоили, и все эти увеличения не потерять. Объяви ты войну Японии из-за смерти Ники, боюсь, всё бы и потеряли. В Приморской и Амурской областях из трехсот тысяч жителей только пятьдесят тысяч русские. А местным инородцам что русский белый царь, что японский микадо, как я увидел, всё равно. Лишь бы налогов меньше брал и жить не мешал. Вот и представь, государь, сто двадцать тысяч обученной пехоты и пятьдесят тысяч всего русского населения на территории двух областей Приамурья, которая по размерам раза в два или три больше всех островов

Японской империи. А там сорок миллионов проживает и на одной квадратной версте должны прокормиться сто двадцать пять человек. Разница ощутимая: ноль целых три десятых человека на версту – и сто двадцать пять. При этом площадь обрабатываемой и вообще пригодной для чего-либо земли в Японии не больше пятнадцати процентов. Александр Александрович, получается, одна квадратная верста пригодной земли в Японии должна прокормить больше тысячи человек. В такой ситуации хочешь не хочешь, а начнёшь смотреть на земли соседей.

– Я понимаю, Владимир Анатольевич, слабость нашего положения на Дальнем Востоке, поэтому и принял решение о прокладке железной дороги через всю Сибирь до Владивостока, – император пыхнул сигарой. – Это будет железная аорта мира и войны. Только когда мы эти восемь тысяч вёрст построим?! Так что пока вся надежда на крепость Владивосток и Тихоокеанский флот, который мы сможем там собрать.

Князь Барятинский вслед за Александром III выпустил изо рта клуб табачного дыма и задумчиво произнёс:

– Владивосток – большая стройка, где из восьми с чем-то тысяч жителей только три тысячи русских. Дата, когда крепость будет полностью обустроена и в ней будет стоять полный гарнизон, под большим вопросом. Даже год определить трудно. А вот с флотом уже начинаются проблемы. Десять лет назад нам хватало пяти-шести броненосцев в Жёлтом море, чтобы Япония и Китай чувствовали жёсткую руку российского императора в Тихом океане.

– И что же изменилось сейчас? О чём мне мой брат не доложил? – император с интересом посмотрел на своего друга.

– Я не знаю, о чём тебе докладывал великий князь Алексей Александрович, но даже мне, далёкому от Морского ведомства человеку, было видно в Японии, что микадо усиленно строит флот, причём современный.

– Поподробнее, мой друг, поподробнее... – Александр III подался всем телом из кресла в сторону князя.

– На сегодняшний день у Японии имеются такие старички, как казематный броненосец «Фусо» и броненосные корветы «Хией» и «Конго», появились свеженькие однотипные бронепалубные крейсера «Такачихо» и «Нанива». В этом году введён в строй броненосный

крейсер «Чиода». В восемьдесят восьмом Япония заложила ещё три типовых бронепалубных крейсера нового типа «Мацусима». Два из них, «Ицукусима» и «Мацусима», заложенные во Франции, уже спущены на воду и скоро войдут в строй. Третий – «Хасидатэ» – строится под присмотром французских кораблестроителей на верфи Йокосука. За месяц до нашего прибытия в Японию его спустили на воду.

Кроме того, Андрей Николаевич сообщил мне, что по непроверенным до конца данным Япония собирается заказать в Англии два эскадренных броненосца, а также новейший бронепалубный крейсер. С вводом их в строй нам будет уже тяжело создавать паритет сил на Тихом океане.

– Эскадренные броненосцы, тем более английской постройки, это серьёзный аргумент, – император запустил левую ладонь в бороду и задумался.

Князь, попыхивая сигарой, с сочувствием смотрел сквозь дым на своего царственного друга.

– Придётся барона Стааль просить узнать поподробнее об этих броненосцах, ему в Лондоне быстрее удастся получить необходимую информацию. – Александр III глубоко вздохнул. – Умеешь, Владимир Анатольевич, настроение поднять. Было две печали, получи ещё одну.

– Государь, кто не думает о будущем, тот его не имеет, – усмехаясь в бороду, ответил главный придворный охотник.

– Набрался за путешествие азиатской философии, – император добродушно улыбнулся.

– Не нравится азиатская, ваше императорское величество, получите немецкую. Будущее должно быть заложено в настоящем. Это называется планом. Без него ничто в мире не может быть хорошим. Георг Кристоф Лихтенберг.

– Немецкая пунктуальность и *ordnung*. Без плана и порядка не построишь хорошего будущего. Как бы соблюсти порядок и выполнить все эти планы в нашей российской действительности? – Александр III вновь стал серьёзным. – Ещё чем-то хочешь обрадовать?

– У меня сложилось мнение, что микадо твёрдо нацелился на Корею, надеясь на наш нейтралитет в этом вопросе. Получив под свою руку королевство Чосон, Япония получит плодородные почвы и решит проблему с продовольствием, а получив неистощимые минеральные

богатства на территории Кореи, получит освобождение своей промышленности от сырьевой зависимости на иностранных рынках. Но боюсь, что, получив всё это, Япония может посмотреть и на нашу территорию. Как говорится, аппетит приходит во время еды.

– Такой вариант возможен, – император поискал глазами, куда бы затушить сигару, и, чертыхнувшись, поднялся из кресла и направился к своему большому рабочему столу. Вернувшись оттуда с ещё одной пепельницей Фаберже, Александр III поставил её на столик и затушил сигару.

– Но если император Муцухито заинтересован в нашей благожелательности в отношении своих планов по Корее, почему он позволил свершиться нападению на Ники? – спросил князя самодержец всероссийский, усаживаясь в кресло.

– Не думаю, что он был в курсе. Ему этот инцидент не выгоден. Об этом говорит то, что он лично прибыл на корабль с извинениями, а такого прецедента в истории Японской империи ещё не было. Да и трюм «Памяти Азова» заполнен, наверное, на половину подарками от жителей Японии для Ники в знак извинения за случившееся. Так что моё неверие в полицейского, который из-за ненависти к чужеземцам, своей целью выбирает Ники, основывается только на предположении, что в окружении микадо есть, назовём её, партия войны с Российской империей. Но это только моё предположение. – Князь тяжело вздохнул и загасил в пепельнице сигару. – Тем более, как ты сказал, часть основных игроков партии мира с Россией, в Японии оказалась выбита. И это большая потеря для нас и удача для противоположной стороны, если она существует.

– А из Китая от вдовствующей императрицы Цыси или императора Цзайтянь в истории покушения на Ники каких-либо следов, по твоему мнению, не проглядывается? – поинтересовался император, взяв в руки рюмку с коньяком. – Тем более, второе нападение осуществили бандиты, пришедшие с территории Китая!

– Если бы мы сцепились с Японией, тётушка и племянник прыгали бы выше крыши своего дворца в Пекине от радости, – зло усмехнулся князь. – А следы могут найтись, если наша разведка и дипломаты установят связи между китайскими и японскими сторонниками необходимости войны России и Японии именно сегодня, пока мы не укрепились более основательно на Дальнем Востоке. Хотя как по мне,

то плодородные земли и мягкий климат Кореи куда предпочтительней уссурийской и амурской тайги. Кстати, о хунхузах, которые напали на пароход цесаревича, что-нибудь слышно? Как там комиссия работает?

– Известно. Двадцать семь человек из нападавших бандитов пойманы и допрошены. Вся информация, которую ты мне изложил в телеграмме, подтвердилась. Сотню набрали, вооружили, привели к станции Черняева и дали команду напасть с двух сторон. После неудачной атаки и возвращения в Китай те, кто набирал сотню, уехали, а оставшиеся выбрали нового атамана и его подручных и решили дальше жить вольной бандитской жизнью, благо и снаряжение, и вооружение получили богатое, – Александр III невесело усмехнулся. – Знаешь, как их поймали?

– Нет, мне это неизвестно. Но думаю, наши казачки отличились.

– Не угадал. Рано утром перед крыльцом городской ратуши Благовещенска сторож обнаружил двадцать семь связанных бандитов и голову двадцать восьмого, через проткнутые ушные каналы которой был продёрнут кожаный ремешок с прикрепленным футляром. Внутри футляра оказалось письмо, в котором в изысканных выражениях с соблюдением всех дипломатических протоколов Шисы Яньван, или Владыка Ада, приносит извинения мне и моему сыну в том, что какие-то неизвестные ему лица воспользовались его именем при столь неприятном инциденте. В знак своего уважения к императору и его семье он передает в руки российского правосудия оставшихся в живых бандитов, которые совершали нападение на станицу Черняева и пароход Ники.

– Интересный ход со стороны бандита. Эффектный и эффективный. И себя в глазах разбойничьей братии не уронил, сдав властям, да ещё чужой страны, таких же бандитов, но которые пытались его подставить. А написав письмо самому императору и самодержцу всероссийскому – вознёсся наверняка в бандитских кругах до невероятных высот! Вот шельмец-дипломат! – главный егерь императорского двора громко расхохотался.

– Да, дожил. Уже с китайским бандитом дипломатическую переписку веду! – улыбнулся Александр III, а потом, не выдержав, также расхохотался, чуть не расплескав коньяк в рюмке, которую продолжал согревать в ладонях.

– По какому поводу веселье? – в кабинет тихо вошла Мария Фёдоровна, одетая в красное бархатное платье, отделанное черными кружевами и вышивкой с использованием черного агата и оникса, которое очень гармонично смотрелось рядом с мундиром Александра III на церемонии встречи наследника.

– Ваше императорское величество... – вскочил из кресла князь Барятинский. За ним грузно поднялся император.

– Владимир Анатольевич, оставь церемонии. Тем более я хотела поговорить с тобой как с нашим другом, – императрица подошла к мужу и взяла из его рук рюмку с коньяком, а потом, взяв со стола фляжку, встряхнула её.

– Судя по всему, выпить ещё не успели. Это хорошо.

Мария Фёдоровна взяла со стола звонок и позвонила. Когда на пороге комнаты появился и почтительно застыл лакей, произнесла:

– Бокал красного.

Пока лакей ходил за вином, князь подвинул ещё одно кресло к столику, в которое плавно и грациозно присела Мария Фёдоровна. Словно из воздуха возник слуга и поставил перед императрицей бокал ее любимого шато-лафит восьмидесятого года.

– Как же я сегодня устала... – Мария Фёдоровна пригубила из бокала, после чего поставила его на стол. – Надо было в Гатчине встречу Ники устраивать.

– Дорогая, мы же говорили об этом, – невесело усмехнулся Александр III. – Для очень большой группы лиц была бы неудобна встреча наследника из путешествия в Гатчинском дворце. Им пришлось бы возвращаться в ночь в столицу на поезде.

– А теперь неудобно нам. Не люблю я Зимний дворец. Быстрее бы завтра домой уехать, – императрица сожалеюще вздохнула. – И Ники какой-то странный. Я сейчас с ним почти час разговаривала наедине. Он сильно изменился. Замкнулся, стал раздражительней, и я увидела, что он чего-то боится!

– Ваше императорское... – начал Барятинский, но был прерван императрицей:

– Владимир Анатольевич, мы же договаривались?!

– Хорошо, Мария Фёдоровна. Я думаю, на Ники сильно повлияли покушения на его жизнь. Если в Оцу он ещё храбрился, делал вид, что ничего страшного не произошло, то во время нападения на пароход,

мне кажется, что-то в нём надломилось. Он почти двое суток потом не выходил из номера постоянного двора в станице, где заперся с князьями Кочубеем и Оболенским. Те изредка появлялись из номера в остекленевшем состоянии, а Ники вышел только вечером третьего дня. Почти трезвым, но страх из него не вышел.

– Там было страшно?! – спросила императрица, достав из рукава и прижав небольшой кружевной платок черного цвета ко рту.

– Страшно, Мария Фёдоровна, очень страшно. Если в Японии никто и понять не успел, что произошло, то под таким обстрелом, как на пароходе, я последний раз был во время русско-турецкой войны, тринадцать лет назад. – Барятинский замолчал, а потом одним махом опрокинул коньяк из рюмки в рот. – Если бы не казачата из станицы Черняева, ещё бы больше народа погибло. А Ники и я вряд ли остались бы живы.

– Владимир Анатольевич, то есть всю информацию, которую ты мне прислал по Тимофею Аленину и ученикам его школы, ты подтверждаешь? – Император внимательно вглядывался в лицо своего друга. – И в этой информации всё изложенное – правда?! И я обязан спасением сына молодому казаку в возрасте семнадцати лет?

– Если честно, государь, то трижды обязан! – князь аккуратно поставил пустую рюмку на стол.

– Поясни... – Александр III посмотрел на князя с недоумением. Мария Фёдоровна также недоумённо и вопросительно смотрела на Барятинского.

– Когда Аленин обнаружил засаду на острове, он крикнул «ложись» и каким-то приёмом уронил Ники на палубу и закрыл его собою сверху. Я потом смотрел следы пуль на стене каюты, напротив которой стоял Николай. Если бы его не сбили с ног, то в него попали бы. Это раз! – князь показал императору и императрице оттопыренный указательный палец. – Кстати, и меня, и барона Корфа по этой команде казачата также сбили с ног. Если бы молодой казак Верхотуров Антип не уронил барона и не принял на себя пулю, то тебе, Александр Александрович, пришлось бы искать нового генерал-губернатора Приамурья.

– До сих пор не могу поверить, что молодые люди, почти дети, смогли такое совершить, – произнесла Мария Фёдоровна, промакивая платком слезинки в уголках глаз.

– Мария Фёдоровна, я видел всё собственными глазами, но и мне до сих пор не верится. Можешь себе представить, пятнадцатилетний малец, который ниже меня на голову и легче пуда на два, одним движением сбивает меня на палубу. А через две-три секунды после этого уже ведёт ответный огонь из винтовки по нападшим бандитам. При этом высунулся из-за борта, прицелился, выстрелил и спрятался. Сделал, пригнувшись и присев, вдоль борта два-три шага вправо или влево, высунулся, выстрелил. А в это время атаманы конвоя только глазами хлопают! Трех из них убили, когда эти горе-охранники ещё винтовки с плеча не скинули!

Князь в раздражении замахнулся, чтобы ударить кулаком по столу, но сдержал удар и после глубокого выдоха продолжил:

– Второй раз Аленин и цесаревича, и нас остальных спас, когда корабль из-под обстрела вывел. О покойных плохо не говорят, но капитан парохода Самохвалов, как и многие гражданские люди под обстрелом, впал в оцепенение, из которого его оригинально растормошил Тимофей, перед этим сбив с ног и спасая от пуль. В общем, молодой казак заставил капитана исполнить все необходимые действия по выведению парохода из зоны обстрела, да ещё и не забыл в рубку корабля направить запасных рулевых. Жаль Аркадия Зиновьевича, он, когда пароход уже за остров скрылся и на заливные луга выскочил, дал команду на реверс машины. В этот момент ему в висок пуля прилетела. Царствие ему небесное!

Барятинский перекрестился, за ним осенили себя крестными знаменами император и императрица.

– А третий раз Аленин спас Ники, когда закрыл его собой от пули, – продолжил рассказ князь. – У меня и сейчас перед глазами стоит эта картина. Тимофей пошёл в капитанскую рубку, чтобы по моему приказанию решить вопрос об эвакуации с парохода, и тут панический крик одного из казачат: «Ермак, на два часа дерево!» Тимофей повернул голову, кажется, крикнул, чтобы стреляли, а сам, оглянувшись на нас, сделал два шага назад и прыгнул. Я ещё ни разу в жизни не видел, чтобы человек с места мог так высоко и в бок прыгнуть. Этим прыжком Аленин перекрыл направление выстрела бандита, и пуля, которая предназначалась Ники, попала в него.

– Боже мой, милостивый, благодарю Тебя, что спас моего сына... – императрица наложила на себя крест и начала тихо читать молитву

Деве Марии о спасении от беды.

– И как же Аленин остался жив? – спросил император.

– Я уже телеграфировал, государь, чудом, только чудом. Пуля попала в металлический нож, который вместе ещё с двумя были прикреплены у него на плечевом ремне ранца слева на груди. Под ножом оказались часы, которые Ники вручил Тимофею за показательные выступления его учеников. Кстати, Ники эти часы и нож поменял на хронометр Патека, которые, Александр Александрович, ты ему на совершеннолетие подарил. Не ругай его, это благородный поступок.

– Господи! Какие часы?! О чём вы? – Мария Фёдоровна, закончив молитву, энергично вступила в разговор. – Да я этого мальчика, который спас Ники, хоть всего часами увешаю. Саша, мы должны достойно наградить Тимофея Аленина. При покушении на твоего отца Комиссаров только руку подбил вверх с пистолетом у Каракозова. Тем не менее Александр Второй в тот же день наградил его орденом Святого Владимира и возвёл в потомственные дворяне с присвоением фамилии Комиссаров-Костромской. А здесь, как Володя говорит, этот молодой казак нашего Ники трижды спас. Один раз вообще собой закрыл от пули. Времени-то сколько уже прошло?! А мы не наградили!

– Государь, я тоже считаю, что Аленина надо достойно наградить, и остальных казачат тоже. Особенно ещё Верхотурова Антипа, который барона Корфа собой закрыл. Все ученики из школы Аленина достойно себя вели во время боя. А самое главное, все живыми остались, при этом врага победили. А из десяти атаманцев пятеро погибли, двое ранено и ничем в бою не помогли, да и остальные мало в отражении нападения поучаствовали. Того, кто в Ники стрелял, либо я, либо казачок Селевёрстов Роман убил или подранил. Под деревом, откуда он стрелял, трупа не нашли, но крови много было. О винтовке с телескопическим прицелом и о том, что из неё вернее всего японец стрелял, я уже сообщал по телеграфу.

– Какой ещё японец?! – вскинулась императрица.

– Об этом, Минни, я тебе потом расскажу. Это один из фактов для одной из версий, кто мог организовать покушения на сына и наследника. – Император последним из присутствующих за столом осушил рюмку. – А по награждению Аленина и других казачат я думал. Сейчас я могу казачат наградить только серебряной медалью

«За храбрость» с ношением на груди. Но считаю такую награду, особенно для Аленина и Верхотурова, недостаточной. Поэтому буду собирать Георгиевскую думу и ставить перед ней вопрос о возможности достойного награждения молодых казаков.

– И что хочешь просить? – поинтересовался князь.

– Святого Георгия. А там как Дума решит.

– Саша, но ты же можешь наградить, никого не спрашивая, орденом Святого Владимира и возвести Аленина в потомственное дворянство? – утвердительно спросила императрица.

– Минни, дорогая, я думал об этом. Даже попросил, чтобы мне собрали информацию о потомственном дворянине Комиссарове-Костромском.

– И что интересного представили? – спросила мужа Мария Фёдоровна.

Князь Барятинский также с интересом и тем же вопросом в глазах посмотрел на императора.

– Хорошего ничего. Не пошло шляпных дел мастеру потомственное дворянство впрок. В тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году его определили юнкером в Павлоградский второй лейб-гусарский полк. В этом элитном полку новоиспечённого дворянина не приняли. Поставить себя и завоевать уважение тот не смог. Запил, прославился как бесшабашный кутила. Через десять лет в чине ротмистра вышел в отставку. Живёт в пожалованном отцом имении в Полтавской губернии. Продолжает пить. Сейчас у него большие проблемы со здоровьем.

Император грустно усмехнулся. Взял со стола фляжку, взболтнул и с глубоким вздохом поставил на место.

– Вот и боюсь, как воспримут вновь испечённого дворянина Аленина?!

– Государь, а может быть, Тимофея, после того как он оправится от раны, пригласить в столицу? Устроить в гимназию или кадетский корпус, чтобы он закончил восемь классов. А потом в Николаевское училище, во вновь созданную казачью сотню. В ней-то ему будет легче войти в дворянскую среду, – предложил императору князь. – Тем более Аленин, возможно, потомок Ермака Тимофеевича. Тогда среди казаков-дворян у него дополнительно авторитета прибавится.

– Владимир Анатольевич, неужели ты в эту нелепицу поверил? – удивлённо спросил император.

– Государь, все старейшины станицы подтвердили, что Аленины свой род от Ермака ведут. Тимофей в Черняевском округе уже прозвище Ермак получил. А ты знаешь, что в казачьей среде шутить такими вещами не принято. Надо будет через донцов попытаться выяснить, какая есть информация об Алениных на Дону. В принципе, это не особо важно! Важно то, что мальчик, точнее юноша, очень перспективный. Он видит новое в привычных нам предметах.

– И что же такого нового он увидел? – поинтересовался император.

Мария Фёдоровна хотела что-то сказать, но, передумав, молча посмотрела на Бярятинского.

– Александр Александрович, даже не знаю, с чего начать, – князь задумался. – В первую очередь хотел бы отметить, что у каждого из учащихся школы станицы Черняева в ранце охотника, который также представляет интерес для внедрения его в войска, есть набор для оказания медицинской помощи. В него входит бинт с подушечкой из паутины и перетёртой коры ивы, которые, по мнению, доктора Рамбаха, способствуют заживлению ран. Кроме этого, травяные и ягодные сборы от простуды и различных воспалений. Этими наборами уже год, как пользуются почти все казаки Черняевского округа на Амуре. И без них, я имею в виду подготовленных бинтов, доктор Рамбах не смог бы оказать быстро медицинскую помощь раненым. Возможно, барон Корф и раненый Антип Верхотуров истекли бы кровью до того, как доктор смог добраться до своих медицинских запасов в каюте под выстрелами бандитов.

– Об этом ты мне не телеграфировал, – произнёс Александр III.

– Государь, я много чего интересного увидел у Аленина и его учеников. Понимаешь, всё это как бы и есть в войсках, но здесь всё продуманней, эффективней, я бы сказал. И ранец, и пехотная лопатка, и плащ-палатка, и котелок, и система физической подготовки. Именно система. А его полосу препятствий, пусть и в упрощенной форме, надо вводить в подготовку солдат. Все ученики школы выглядят значительно крепче своих ровесников, которых я видел в других станицах Приамурья.

– Так, дорогие мои, – вмешалась в разговор Мария Фёдоровна, – давайте-ка мы все эти тонкости военного дела отложим на потом. Со

спасителем сына что думаешь делать, Саша? Что решил?

– А он сам всё решил, – усмехнулся Александр III, глядя, как на него в недоумении уставились друг и жена. – Владимир Анатольевич, где, ты думаешь, сейчас находится Тимофей Аленин?

– Ты хочешь сказать, что этот пострел, несмотря на рану, умудрился поступить в училище? – неверяще спросил императора Барятинский.

– Да! Четыре дня назад пришла телеграмма, в которой мне сообщили, что Тимофей Васильевич Аленин, сдав письменный экзамен по русскому языку на восемь баллов, зачислен в Иркутское юнкерское училище в казачий взвод. – Император взял левую ладонь жены и ласково погладил её. – Поэтому, Минни, до августа следующего года ничего я предпринимать не буду. Пускай Аленин закончит, если сможет, училище. Получит звание хорунжего. А до этого времени решим, как наградить и его, и других казачат. Награда, клянусь тебе, будет очень щедрой и достойной!

– Хорошо! – Мария Фёдоровна ласково улыбнулась, став обычной домашней женщиной, а не императрицей. – Тогда давайте думать, что делать с Ники.

– Мария Фёдоровна, если вы о его страхе, то он скоро пройдет. – Барятинский своими словами попытался успокоить переживающую мать. – Такой страх смерти у многих появляется после первого боя. И у меня он был. Ники справится. Должен справиться.

– Маша, пойми. До этого все Ники любили, боготворили, – вступил в разговор император. – И вдруг есть люди, которые хотят его убить! Ничего, переживёт это. Пройдет у него этот страх! Пройдет!

– Ладно, этот страх пройдет. А вторая проблема?! – императрица покраснелась, глаза её начали гневно сверкать. – Проблема с его любовью к этому «гессенскому цветочку» Алисе?! Хватит нам сестрицы Эллы замужем за твоим братом!

– Машенька, успокойся! – Александр III хотел взять в свои ладони ладонь жены, но та выдернула руку.

– Не успокоюсь! Я не хочу, чтобы у будущего наследника российского престола была склонность к смертельным кровотечениям.

– Маша, но у нас мало доказательств того, что принцесса Алиса Гессенская является носителем этого заболевания, – примиряюще начал император, но был эмоционально прерван своей женой:

– Смерть её брата Фритти от внутренних кровотечений, когда он упал из окна, это не доказательство?! – императрица с вызовом посмотрела на мужа. – А письмо брата матери герцога Олбани, где Леопольд утешает великую герцогиню Гессенскую словами, что он рад тому, что мальчику не придётся испытать тех мук, которые испытывает герцог из-за своего заболевания? И что умер герцог от простого ушибы колена, после которого не смогли остановить внутреннее кровотечение. Этого тебе мало?! Ты такой судьбы для внука желаешь?!

– Государыня, содержание письма герцога Олбани к своей сестре мы знаем со слов и недостоверно. Факт того, что брат Алисы умер от гемофилии, тоже под вопросом. Официальная версия смерти Фритти – летальный удар виском о перила лестницы во время падения. – Барятинский говорил тихо и размеренно, пытаясь сбить накал императрицы. – Достоверным является только то, что дядя Алисы герцог Олбани являлся носителем гемофилии.

– Дорогая, мы втроём читали копию диссертационной работы Фридриха Хопфа «О гемофилии, или наследственной склонности к смертельным кровотечениям», – так же тихо и спокойно начал говорить император. – Да, есть возможность того, что Алиса больна и является носителем этой болезни. Но возможно, и нет?!

– А я не хочу такой возможности! – на грани истерики воскликнула Мария Фёдоровна. – Понимаете, не хочу!

– Минни, успокойся! – Александр III чуть-чуть повысил голос. – Мы же не допустили, чтобы Ники и Алекс встретились, когда этот цветочек приехал на шесть недель к сестре в гости. А потом сына отправили в путешествие в надежде, что он забудет своё детское увлечение.

– Не забыл! – всхлипнула императрица.

– Не забыл, – как эхо, повторил Барятинский. – В каюте на корабле постоянно ее портрет в рамке на столике стоял. Да и потом Ники его везде носил с собой. На расстоянии любовь только сильнее становится.

– Господи, помоги! – Мария Фёдоровна истово перекрестилась. – Сделай так, чтобы королева Виктория, как она хочет, соединила браком принцессу Алису Гессенскую с другим своим внуком, старшим сыном принца Уэльского Альбертом-Виктором. Сделай так, господи! Помоги королеве! Пускай они свою гнилую кровь между собой смешивают!

– Дорогая, не говори так! Девочка ни в чём не виновата! – Александр III встал из кресла и приобнял жену. – Тем более, про Эдди каких только слухов не ходит. Некоторые его Джеком-Потрошителем считают.

– Вот и пускай между собой разбираются! – Мария Фёдоровна прижалась к мужу. – Дыма без огня не бывает. Слухи на пустом месте не родились бы, и они сами по себе характеризуют отношение подданных британской короны к юному принцу. А нам в семье такой крови не надо!

– Минни, может, мне с Сергеем поговорить, чтобы он на жену повлиял? – поглаживая плечи жены и целуя её в макушку, спросил император. – А то мне её активность не нравится в этом сватовстве. Да и бабушка Элли недовольна.

– Что он может сделать! – императрица зло усмехнулась. – Он жену принять православие семь лет не мог заставить. А вот то, что Элла, или теперь Елизавета Фёдоровна, это недавно сделала, меня настораживает. Лишь бы не уговорила сестру сделать такой же шаг. Ники-то считает, что единственным препятствием в его женитьбе является нежелание Алекс перейти в Православную церковь. Он мне сегодня об этом сказал.

– Может быть, Ники всё рассказать?! – князь Барятинский глубоко вздохнул. – Должен же он понять всю свою ответственность, как государя наследник, перед престолом?

– Боюсь, это не поможет, – императрица потерлась щекой о ладонь мужа, лежащую на правом плече. – Он слеп и ничего не видит из-за своей любви.

– Ладно, подумаем ещё над этой проблемой, – Александр III горько вздохнул. – Владимир Анатольевич, ты завтра с нами?

– Ваше императорское величество, я почти год семьи не видел...

– А я по тебе и твоим советам за год соскучился, – невесело усмехнулся император. – Ладно, неделю тебе на встречу и отдых с семьей, а потом жду в Гатчине.

Александр III взял со столика фляжку и налил по полной себе и князю.

– Маша, Володя, давайте выпьем за то, чтобы всё в наших семьях было хорошо, поменьше огорчений и побольше радостей...

– Хитрюга ты, Саша, хитрюга, – усмехнулась Мария Фёдоровна. – Нашёл же слова, за которые разрешу тебе выпить ещё одну рюмку.

Император, императрица и князь Барятинский подняли свои ёмкости и опустошили их.

– Александр Александрович, а почему такие жёсткие ограничения? – шутливо продолжил разговор Барятинский, поставив пустую рюмку на столик. – Чем ты свою дражайшую половину разгневал, что она такое наказание ввела?

– Ох, Володя, если бы я. Врачи ругаются. А Саша их гонит от себя, – с упрёком произнесла императрица.

– Да ну их, клистирных трубок. Не переутомляйте себя, ваше императорское величество, не курите, не пейте спиртного, меньше ешьте. Скоро дышать запретят?! А это?! Больше отдыхайте. Вам надо на воды! А работать кто будет?!

– Саша... Посуду не порть. А то сейчас, чувствую, ещё одной рюмки лишимся. Не нервничай. – Мария Фёдоровна успокаивающе погладила руку мужа, в которой тот держал рюмку. – Вот, Владимир Анатольевич, посмотри на этого мальчишку. Такое ощущение, что он до сих пор боится докторов. Гонит их от себя, а сам иногда за сердце держится. Думает, что этого не вижу. А обследоваться не хочет!

– Кстати о докторях и лекарствах. Государь, Ники не говорил, какой подарок Аленин просил передать для тебя? – спросил императора Барятинский.

– Нет. А что за подарок?

– Настойку из корня женьшеня, которому больше двухсот лет. Доктор Рамбах, когда аптекарскую бутылку с этой настойкой и корнем увидел, впал в какой-то мистический экстаз. Потом к нему князь Ухтомский присоединился. Всю обратную дорогу они на эту бутылку как на икону молились.

– И что, действительно ценная вещь? – заинтересовалась императрица.

– Рамбах говорил, что это панацея от всех болезней. Ухтомский вторил ему. А по ценности?! Оба утверждают, что цена этой настойки соответствует стоимости золотого песка, если его насыпать в эту бутылку. А это больше пары пудов получится.

– Интересный подарок! Аленин что, настолько богат, что может себе позволить такие подарки дарить? – нахмурился император.

– Откуда, государь. Он же сирота. А в последнем нападении на Николая хунхузы его хутор сожгли. Ники мне рассказал, что когда Тимофей передавал ему этот подарок, он как-то очень многозначительно посмотрел на твоего сына. При этом Ники почему-то подумал, что эта настойка очень скоро пригодится в вашей семье.

– Может быть, Георгию поможет? – с затаённой надеждой спросила Мария Фёдоровна.

– Не знаю, тут я не советчик, – князь задумчиво почесал шрам. – А вот думается мне, что твой, государь, крестник Бадмаев в этом вопросе должен лучше всех разбираться. Он сейчас в столице?

– Нет, в экспедиции. Но к концу сентября должен вернуться, – ответил император.

– Ничего страшного. Настойка всё равно будет готова только к концу ноября. Так Аленин сказал.

– Да, казак Аленин, ты меня заинтересовываешь всё больше и больше... – задумчиво произнёс император и самодержец всероссийский.

Глава 7

Снова курсант

С чего начинается служба в военном училище? На этот вопрос ответит правильно только тот, кто прошёл через это. Также выяснил для себя, что ничего за сто лет не изменилось. Как и в Рязанском десантном училище, так и в Иркутском юнкерском первый день учёбы начался с получения формы.

После того как в полдень построили и начальник училища поздравил всех тех, кто поступил в этом году в данную кузницу офицерских кадров, нас разбили по отделениям и «ввели в училище». Введение заключалось в том, что мы под руководством портупей-юнкеров поднялись на второй этаж, где располагались спальные помещения для взводов. Мою группу из пятнадцати человек завели в большое помещение на тридцать коек. Пятнадцать коек с левой стороны у глухой стены были единообразно и идеально заправлены. Пятнадцать с правой стороны, где были окна на улицу, горбились свернутыми в рулон матрасами, в которых виднелись подушки и одеяла. Кровати были поставлены так, чтобы между ними поместился один столик-шкаф на двух юнкеров. В ногах кровати стояли табуреты. Также в комнате было место для двух небольших столов на пять-шесть человек и две пирамиды для оружия, которые сейчас стояли пустыми. Незаметно оглядевшись, я отметил наличие вешалок при входе в комнату и полоч под головные уборы. Знакомая до слёз умиления картина!

В данной комнате состоялось наше дальнейшее знакомство, как я уже успел узнать, с взводным и отделенным портупей-юнкерами. Со старшим взводным портупей-юнкером я даже успел два дня назад познакомиться. Точнее, меня с ним свёл старший урядник Филинов.

Вообще, недельная добровольная работа в училище мне много дала в плане знакомств и получения первичной информации, что сильно помогло на первом этапе обучения. Как позже выяснил, четверо вольноопределяющихся, которые поступили в училище, как и я, сдав только один экзамен, отказались от чести помочь альма-матер на хозработах. Не принято-с!

– Господа юнкера, я ваш взводный старший портупей-юнкер Забелин Митрофан Иванович. – Вперёд вышел высокий усатый казак, на вид старше двадцати пяти лет, одетый в мундир, шаровары, поясной ремень, высокие сапоги, бескозырку и с шашкой на боку. На шашке я отметил наличие офицерского темляка – черного, прошитого по краям серебром, с распушённой в конце серебряной кистью. При представлении юнкер, имевший на белых погонах с золотым галуном три белые с красной полосой лычки, как в кино про белогвардейцев, резко кивнул, щёлкнув каблуками начищенных до зеркального блеска сапог.

– А это ваш отделенный младший портупей-юнкер Сафонов Василий Петрович, – представил Забелин небольшого роста юнкера с тунгуско-бурятскими чертами лица, на плечах которого были погоны с двумя нашивками-лычками.

– С сегодняшнего дня вы все приписаны к конному казачьему взводу, – продолжил Забелин. – Сейчас вы без суеты выбираете, кто на какой кровати будет в дальнейшем спать. Складываете на неё, у кого есть с собой, вещи, которые занимают ваши руки. После этого идём в цейхгауз получать обмундирование. Вещей будет много. Задача – до вечера подогнать и оборудовать служебную и домашнюю формы. Также получите постельное белье. Вопросы?!

В ответ наша группа нестройно прогудела, что вопросов нет. Получив команду выбирать койко-место, я быстро направился к кровати, которая находилась в середине помещения и далеко от ближайших окон. «Зимой теплее будет», – подумал я про себя.

Раскатав матрас и положив свернутое одеяло и подушку в голову кровати, я присел на ложе, на котором мне придётся спать минимум год. Класть на кровать мне было нечего, так как все свои вещи на хранение оставил у дядьки Игната, а часы цесаревича и большую часть денег положил в арендованную Филиновым в Сибирском банке ячейку. Мне из-за возраста арендовать ячейку не удалось, а дядька Игнат наотрез отказался хранить у себя дома часы самого наследника российского престола и такую кучу деньжищ. Вот и пришлось уряднику стать арендатором ячейки в банке.

Вдоль стены, где стояли незаправленные кровати, быстро разбредались остальные юнкера. Вскоре народ разобрался, кто и где будет спать. Споров не возникло. Сказалось то, что из всех вновь

поступивших – «молодых людей с вокзала», так называли штатских абитуриентов – было только двое: я и ещё один юноша в тужурке гимназиста. Остальные были вольноопределяющимися и урядниками полков Сибирского, Енисейского, Иркутского, Забайкальского казачьего войска. С Амурского и Уссурийского войска, судя по форме, никого не было. Но я успел у старшего портупей-юнкера Забелина узнать, что младший портупей-юнкер Сафонов родом из станицы Буссе и до поступления в училище был урядником в Амурском конном полку в третьей Благовещенской сотне. И в старшем классе есть ещё двое юнкеров из Амурского конного полка, которые служили в четвёртой Поярковской сотне. В общем, по меркам Сибири и Дальнего Востока, не то что земляки, а почти родственники.

Наличие такого количества служивых людей привело к тому, что они быстро разобрались с местами в спальне, скучковавшись по войсковому и земляческому принципу. Видимо, поэтому моим соседом по столику-шкафу между кроватями стал гимназист. Штатский к штатскому, так сказать. На мне хоть и была форма Амурского казачьего войска, но погон не было.

Чтобы не тянуть время со знакомством, протянул соседу руку и представился:

– Тимофей Аленин, казачий сын из станицы Черняева Амурского казачьего войска.

Гимназист робко протянул в ответ руку и смущённо произнёс:

– Алексей Васильев. Из обер-офицерских детей. Отец – капитан в отставке. В своё время участвовал в штурме крепости Геок-Тепе в Туркестане, где был ранен и награждён георгиевским оружием «За храбрость». После излечения был переведен во Второй Восточно-Сибирский линейный батальон, но через пару лет раны дали о себе знать, и его отправили на пенсию.

Я не сильно сдавил расслабленную ладонь Алексея и с улыбкой произнёс:

– Очень приятно познакомиться. А в казачий конный взвод-то как попал? В нём почти все казаки.

– Места в пехотных взводах не осталось. Пришлось в конный взвод идти. Не ждать же ещё год! А там, может, и место освободится. Отец с начальником училища договаривался о возможном переводе во время учёбы.

«Видимо, временный попутчик», – успел подумать я, как наш дальнейший разговор прервал младший портупей-юнкер Сафонов, который дал команду строиться в коридоре в колонну по два. Спустившись на первый этаж, наше отделение прошло по коридорам, пока не остановилось перед дверью с надписью «цейхгауз». Как в коридоре, так и во всех остальных помещениях училища, мимо которых мы проходили, стояла непривычная после экзаменационного шума тишина и не было ни души.

На стук в дверь склада портупей-юнкера её открыл изнутри бородатый, разбойничьего вида казак, одетый в мундир с нашивками вахмистра на погонах и шевроном на левом рукаве за сверхсрочную службу. На мундире были видны две серебряные медали «За усердие» на Станиславской и Аннинской лентах и медаль «За храбрость» четвёртой степени на Георгиевской ленте. Окинув наше отделение мрачным и звероватым взглядом, этот вылитый разбойник шире раскрыл дверной проём.

– По одному подходим к столу, получаем комплект формы, забираем и выходим. Потом заходит следующий! – прорычал казак-каптенармус и скрылся внутри помещения склада.

Некоторые из юнкеров переглянулись между собой с чувством какого-то дискомфорта и страха в глазах. Я, улыбаясь про себя, подумал, что в этом случае внешний вид каптенармуса совсем не соответствует внутреннему содержанию. Я два раза помогал, говоря языком будущего, начальнику вещевого склада Астафьеву Семёну Васильевичу с подготовкой к приёму нового набора юнкеров. Разбирали по размерам обмундирование, сортировали по видам формы. Оба раза работа заканчивалась нашим совместным чаепитием с выпечкой, во время которого я слушал приправленные юмором рассказы о жизни училища и боевом прошлом этого добродушного человека. Но весь внешний вид дядьки Семёна говорил о том, что перед вами натуральный зверь-унтер, который спуску не даст.

Юнкера потянулись по одному на склад, выходя из помещения через три-пять минут с охапкой обмундирования. Когда подошла моя очередь и я зашёл на склад, дядька Семён улыбнулся мне и пальцем показал на две аккуратно сложенных кипы формы, которые отдельно лежали на лавке в углу.

– Бери левую, – тихо произнёс он. – Другую заберешь, когда второй раз придёте.

Я кивнул и молча пошёл к указанному набору, думая про себя: «Знакомство с тыловиками всегда приносит положительные дивиденды, что в моём мире, что здесь».

После первого похода за формой был второй, во время которого мы получили оставшееся обмундирование, включая шинели и папахи. Данную форму мы разместили в индивидуальных подписанных шкафчиках, находящихся в отдельной комнате, которую я для себя обозвал каптёркой по аналогии с рязанским десантным училищем.

Вернувшись в спальное помещение, стали разбираться с полученными комплектами служебной и домашней формы. Примерив свою, я в очередной раз убедился, что есть профессионалы в своём деле. Всё обмундирование, которое подобрал каптенармус Афанасьев, сидело как влитое. Глаз-алмаз!

Остальным повезло меньше. Особенно оказался неудачливым мой новый сосед. У гимназиста пригонка обмундирования была самая поверхностная. Поэтому ни одна его часть не соответствовала размерам его тела. Брюки были невероятно широки и длинны, рубашка и мундир напоминали халат. Погоны уныло свисали, причём упорно держались не на плечах, а где-то в районе груди. Но всего хуже произошло с сапогами – они были на пару размеров больше. А это грозило в будущем стёртыми в кровь ступнями. «Шпаков не любят в училище все, даже обслуживающий персонал, – подумал я. – Надо как-то выручать соседа, а то выглядит как полное чмо».

Решить вопрос с формой Васильева удалось относительно быстро. Подойдя к портупей-юнкеру Сафонову, я испросил у того разрешения сходить вместе с жертвой обмундирования к портному и сапожнику, которые были на территории училища. Получив его от своего отделенного командира, который с трудом сдерживался от смеха, глядя на чучело гороховое, которое называлось юнкером Васильевым, мы с подопечным вышли в коридор. За только что закрытой дверью грянул оглушающий хохот.

– Это они надо мной смеются?! – спросил красный как помидор Алексей.

– Над тобой, – я не стал скрывать очевидного. – Твой внешний вид действительно смешон. К тому же только ты да я в отделении

«молодые люди с вокзала». Так что все шутки и пряники нам доставаться будут. Готовься к этому.

– Я слышал выражение «с вокзала», но точно не знаю, что оно обозначает. Поясни? – продолжающий багроветь цветом лица Васильев вопросительно посмотрел на меня.

– Шпаки мы с тобой, гражданские, а они все уже воины, присягу принявшие. Поэтому и «с вокзала».

– Какой же ты гражданский? Ты в форме выглядишь, будто родился в ней.

«О том, что форму ношу, если учитывать обе жизни, больше тридцати лет, я тебе говорить не буду», – подумал я, а вслух произнёс:

– Когда больше пяти лет назад в бою с хунхузами погибли мои родители, остались только я и мой дед. Дед у меня был заслуженным воякой, и он очень хотел, чтобы я поступил в это училище. Гонял меня в хвост и в гриву, пока живой был. Вот и привил любовь к воинскому виду.

– А у меня отец пытался мне преподать воинские науки, но маман была против. Она хотела, чтобы я врачом стал. Планировала, что по окончании Губернской гимназии я поступлю в Томский университет на медицинский факультет. А я переходные экзамены в восьмой класс завалил. И здесь на вступительных экзаменах по русскому языку не смог 7 баллов набрать. Пришлось все экзамены сдавать. Маман сильно расстроилась, а отец, наоборот, радуется.

Выслушав данную душеспасительную историю, судя по всему, маменькиного сынка, повёл Алексея к дядьке Семёну, может быть, удастся обменять форму. Иначе на её ушивание и подгонку уйдет куча времени. Открывший на мой стук дверь каптенармус Афанасьев с большим трудом сдержал смех при виде юнкера Васильева, но сдержанная улыбка растянулась в бороде и усах от уха до уха. При этом лицо дядьки Семёна приобрело такой жуткий вид, что Алексей непроизвольно сделал шаг назад.

– Господин каптенармус, разрешите обратиться? – отрапортовал я, приложив ладонь к срезу бескозырки.

– Обращайтесь, юнкер, – лицо Афанасьева вновь расплылось в зверской улыбке. – Под защиту, что ли, взял такого доброго молодца?

– Так точно!

– Молодец, юнкер! И как я так мог ошибиться с размерами?!

Дядька Семён еле сдерживался, чтобы не заржать. Вид испуганного, покрасневшего Васильева в мешком висящей на нём форме был действительно комичен.

– Ладно, заходите. Что-нибудь придумаем, – каптенармус Афанасьев пропустил нас внутрь склада и закрыл дверь.

К ужину Васильев выглядел уже более-менее похожим на юнкера. Чтобы носить военную форму, нужна не только привычка, но и умение, без чего человек, будь он юношей или взрослым, выглядит в форме только переодетым штатским. Помню, как часто в кино мне бросалось в глаза неумение носить форму у артистов, играющих роли солдат и офицера. В общем, ставить «воинский вид» юнкеру Васильеву придется ещё долго.

На ужине в общей столовой всего училища увиделись с остальными двумя отделениями. В них также в глаза бросились несколько юнкеров, на которых форма сидела как на корове седло. Ужин сытный и питательный – каша, хлеб, чай.

Когда вернулись в спальное помещение, продолжилась подгонка формы. Потом тренировались в правильном складывании формы на табуретах перед сном. Вечерняя переключка, общая вечерняя молитва. Читали её портупей-юнкера, остальные как могли, пытались попасть с ними в такт. Немного свободного времени и сладкая команда: «Отбой».

Утро началось с подъема и мыльно-рыльных процедур. Потом прибыла пара парикмахеров. И все были подвергнуты стрижке практически под ноль с оставлением небольшого чуба. Как позже выяснилось, чуб оставляли только в казачьих конном и пешем взводах. В пехотном стригли под «три нуля». Традиции, которые успели сформироваться с момента создания училища, однако-с! После стрижки и дополнительных водных процедур в умывальной комнате – столовая, молитва и чай.

После чая нас выстроили в коридоре и повели в оружейный цейхгауз получать винтовки. Цейхгауз размещался в отдельном небольшом помещении училища, пристроенного к основному зданию. Зайдя внутрь, увидели в деревянных стойках блестящие маслом казачьи винтовки, на которых висели подсумки для патронов и шашки. На тех стояках, к которым нас подвели, под каждой винтовкой на рейке белели бумажки с фамилиями каждого из нас.

После того как принесли оружие в казарму и разместили в пирамиде, пришло время завтрака. Опять каша, хлеб, чай.

Потом была чистка оружия. Мне досталась винтовка пусть и не новая, но в хорошем состоянии. Моему соседу-гимназисту и здесь не повезло. Ствол ему достался ушатанным напрочь. Но в этом вопросе я ему помочь не мог ничем. Почищенное оружие, подсумки и шашки были размещены в пирамиде на пятнадцать мест, которая находилась в спальном помещении.

После обеда, на котором к уже привычной для нас небесной пище – молитве, а также уже привычной земной – каше и хлебу, добавились насыщенные мясные щи и компот вместо чая, мы познакомились с нашим взводным офицером. Точнее, обер-офицером, который являлся куратором или наставником нашего взвода. Взводным я его назвал для себя. Мне удобнее было всё ещё использовать термины из прошлой жизни, несмотря на три года, прожитых в этом мире.

Моим взводным офицером оказался сотник Головачев Николай Павлович, который ранее служил в Первом конном полку Забайкальского казачьего войска. Невысокого роста, весь какой-то квадратный из-за ширины плеч, с буденновскими усами, сотник на послеобеденном построении рублеными фразами поздравил нас с поступлением в училище. Выразил надежду на то, что все стоящие перед ним с честью перенесут тяготы, лишения учебы и станут офицерами. На этом знакомство закончилось, а портупей-юнкерам взводным была дана команда до конца дня решить вопрос со всей формой молодых юнкеров. Завтра с утра будет строевой смотр, после обеда строевые занятия. Остаток дня занимались приведением в нормальный вид мундира, брюк, шинели, папахи.

Третий день в училище оказался насыщенным. Строевой смотр продлился долго. Начался ещё до завтрака и продлился до обеда. Сотник Головачев внимательно осматривал каждого юнкера. Делал замечания и давал время на устранение. И так по каждому виду формы. Два вольнонаемных портных помогали быстро устранять замечания.

После обеда познакомились с ещё одним обер-офицером училища. Им оказался куратор пехотного юнкерского взвода капитан Рунский Николай Петрович. В отличие от нашего взводного, капитан был высоким, стройным и подтянутым. Все его движения, жесты и

повороты представляли собой поистине строевую поэзию. Изящество, лёгкость и отчётливость движений мог понять и оценить только военный глаз. Такую красоту строевой подготовки в моём времени можно было наблюдать только в роте почетного караула кремлёвского полка. Четыре часа длилось наше знакомство, и всё это время мы изучали азы шагистики под руководством этого блестящего в строевом отношении офицера.

Наконец ужин, и мы, уставшие, ввалились в спальное помещение, где нас ожидал сюрприз в виде юнкеров старшего класса. Сегодня, оказывается, был день их возвращения из отпуска. Наши портупей-юнкера бросились здороваться с одноклассниками, а мы застыли толпой около входа в помещение.

Я рассматривал старших юнкеров, одетых в парадную форму, стройных, подтянутых и выгодно отличающихся от нашей братии, одетой в домашнюю форму.

«Неплохо здесь поставлено обучение, если за один год привили юнкерам такой бравый воинский вид, – подумал я. – До капитана Рунского, конечно, им далеко, но в мою бытность в РВВДКУ такой выправки и за четыре года учёбы многие однокурсники не добились. Хотя строевая была не главным предметом, но всё же, всё же».

В этот момент в помещение вошёл сотник Головачев. Тут же последовала команда: «Смирно-о-о!» Все застыли, вытянувшись во фронт.

– Знакомимся?! – сотник обвёл помещением взглядом. – Это хорошо. Знакомьтесь! А портупей-юнкера доведут до молодых традиции взвода.

Произнеся эту фразу, Головачев развернулся кругом и вышел.

– Вольно! – скомандовал взводный портупей-юнкер Забелин.

«Что же, посмотрим, какие традиции в казачьем взводе Иркутского юнкерского училища и какой тут цук^[1] и цуканье, – подумал я. – В воспоминаниях Маркова, Дутова об обучении в Николаевском кавалерийском училище, которые прочитал в своём времени, описание цука не очень привлекательно выглядит. Особенно катание „корнетов“ в туалет на своём горбу. Но оба отмечали, что такого в „царской сотне“ не было. Там были свои, казачьи традиции. Хотя о чём я?! Со слов цесаревича, „царская сотня“ только ещё формируется, а здесь уже традициям семнадцать лет».

Между тем по команде «вольно» старшекурсники, мне так удобнее было их называть про себя, образовали что-то напоминающее двухшереножный строй в глухом углу помещения, при этом пятеро из них, взяв табуреты, сели за стол перед строем. Двое из них имели по три лычки на погонах, трое по две. Но ни взводный, ни отделенный портупей-юнкер в этот президиум не попали.

Вперёд вышел портупей-юнкер Забелин и произнёс:

– Господа юнкера, с сегодняшнего дня вы все по традициям казачьего взвода училища получаете звание «казак», которое будете носить до окончания первого класса. К каждому из вас будет прикреплен «хорунжий». Такое звание имеют все учащиеся второго класса. «Майоров», то есть оставшихся на второй год обучения, в нашем взводе нет. Теперь позвольте представить вам Совет охраны казачьих традиций, который разрешает все возникшие споры на уровне юнкеров, не требующих вмешательства офицеров.

Забелин сделал несколько шагов в сторону, открывая нашему взору стол с советом.

– «Полковник» совета – старший портупей-юнкер Баженов Николай Андреевич.

Сидящий в центре президиума старший портупей-юнкер встал из-за стола, кивнул и щелкнул каблуками. После чего сел на место. Дальше прошло представление всего совета: двух «войсковых старшин» и двух «есаулов», по окончании которого поднялся старший портупей-юнкер Баженов и произнёс:

– Господа юнкера младшего класса, наш совет по традиции был выбран в день выпуска нашими предшественниками, которые стали хорунжими и подхорунжими казачьих войск. Основной целью цука в нашем взводе является воспитание и поддержание в своих «молодых» казачьей лихости, любви к боевому прошлому и славе казачьих войск. Но шлюсс^[2], шенкеля^[3] и воинский вид, соответствующий выпускнику Иркутского училища, мы развивать вам будем жёстко. Теперь по одному подходите к столу, чётко представляетесь и кратко рассказываете о себе для знакомства. Всё ясно?!

Дождавшись нашего нестройного ответа, «полковник» сел на место. После этого по его указанию юнкера стали выходить к столу и кратко докладывать о себе: откуда родом, из какого полка прибыл, сроки службы. Скоро подошла моя очередь. Подходя к столу, я

отметил, что «полковник» и «войсковые старшины» переглянулись между собой.

– Казачий сын Аленин Тимофей Васильевич, уроженец станицы Черняева Амурского казачьего войска. Семнадцать лет. Сирота. Поступил по образовательному цензу. До этого экстерном сдал экзамены за шесть классов Благовещенской мужской гимназии. Здесь сдал экзамен по русскому языку на восемь баллов.

– И всё? – поинтересовался ещё один старший портупей-юнкер, сидящий за столом, который был представлен как «войсковой старшина» Пляскин.

– Точно так. А что ещё рассказать? – ответил я.

– Понимаешь, юнкер, мы здесь будем жить одной семьей. Поэтому мы должны быть уверены в каждом. И что-то утаивать от своих братьев нельзя. А к тебе есть вопросы! – продолжил Пляскин.

– Какие?! – спросил я, а про себя подумал: «Вот это разведка у старшекурсников работает. Только прибыли, а уже о каких-то нестыковках моего поступления в училище узнали. Неужели Филинов сдал?! Я же его просил никому не говорить!».

– Каким образом тебя допустили до экзаменов, если ты опоздал на неделю к их началу? – поинтересовался Баженов.

– У меня были рекомендательные письма, – ответил я.

– От кого? И отвечай подробнее. Мы что, из тебя клещами всё вытаскивать должны? – недовольно произнёс ещё один «войсковой старшина» – младший портупей-юнкер Хорин.

«Ладно, всё равно со временем всё выплывет», – подумал я, а вслух произнёс:

– Рекомендательные письма были от директора Благовещенской женской гимназии надворного советника Бекетова...

Сзади меня раздалось несколько смешков. Не обращая на них внимания, я продолжил:

– Директора Благовещенской мужской гимназии надворного советника Соловьёва, командира Первого Амурского конного полка полковника Винникова, военного губернатора и командующего войсками Амурской области наказного атамана Беневского, генерал-губернатора Приамурья Корфа, его высокопревосходительства князя Барятинского и государя наследника великого князя Николая Александровича.

По мере моего перечисления авторов рекомендательных писем смешки и другой шум в помещении стихали. Когда я закончил, наступила звенящая тишина. На лицах большинства юнкеров было выражение полного изумления.

– Вот это ничего себе! – озвучил общее состояние окружающих один из старшекурсников, высокий казачина лет двадцати пяти, очень похожий на актёра, сыгравшего Григория Мелехова в фильме «Тихий Дон».

– И ты это можешь доказать? – откашлявшись, спросил Пляскин.

– Все письма у начальника училища, – ответил я.

– Снимай мундир и нательную рубаху! – громко скомандовал «полковник» Баженов.

«Хорошо, – подумал я. – Сниму, и так уже однокурсники косятся на мой шрам на виске слева над бровью. Короткая стрижка, однако. Всё равно скоро в баню. А там и все остальные шрамы увидят».

Я расстегнул ремень, снял мундир, а потом стащил с себя нательную рубаху, которую до этого не снимал во время сна и умывания. В помещении опять установилась полная тишина, которую прервал «полковник» Баженов.

– Серьезные отметины. Больно было?

– Не жалуюсь. А отметины хунхузы поставили, – ответил я и, подумав, добавил: – Они тоже не жаловались.

– В смысле? – влез в разговор Пляскин.

– Покойники не жалуются.

– И много покойных хунхузов было? – поинтересовался Баженов.

Я задумался, подчитывая. До боя с китайскими солдатами было тридцать, потом семь моих китайцев, пятеро под вопросом. Их можно на меня и Ромку записать. При нападении на цесаревича двое точно моих и один под вопросом: убитый или раненый.

– Тридцать девять подтверждённых и шестеро под вопросом, – используя терминологию будущего, ответил я.

– В смысле, подтвержденных и под вопросом? – ошалело спросил меня «полковник».

– Тридцать девять убитых мною подтверждены свидетелями и участниками тех событий, а по пятерым есть вопрос, кто убил, так как в них кроме меня ещё попали. А один неизвестно, убит был или только ранен.

В спальном помещении после моих слов опять наступила звенящая тишина.

– Охренеть! И не встать! Тридцать девять хунхузов-покойников! Больше взвода! – опять прозвучали слова юнкера, так похожего на актёра, сыгравшего Григория Мелехова в моём мире.

Портупей-юнкер Баженов вышел из-за стола и подошёл ко мне. Провёл пальцем по свежему шраму на моей левой грудной мышце и утверждающе произнёс:

– Значит Ермак, который спас цесаревича – это ты?!

Теперь в осадок от удивления пришлось выпасть мне.

«Хорошо. О моём участии в спасении цесаревича можно было догадаться, но откуда мой позывной здесь известен? Две с лишним тысячи вёрст от станицы до Иркутска. Интернет и телефония отсутствуют. Особо о нападении не должны были говорить, по указанию генералитета. Опять „казачий телеграф“ сработал?!» – в смятении думал я.

– Чего молчишь? – задал очередной вопрос Баженов.

– В спасении цесаревича от нападения хунхузов я участвовал. А боевое прозвище, или, как мы называем между собой, позывной Ермак мне дали ученики казачьей школы станицы Черныяева, – подбирая слова, осторожно ответил я.

– Ты государя наследника собой от пули закрыл. – Баженов не спрашивал, а утверждал.

– Так получилось, – ответил я, думая про себя, что не рассказывать же всем, что не я это прыгнул, а Тимоха – моя погибшая вторая сущность.

Мой ответ как будто прорвал плотину тишины, и вокруг разом загомонило три десятка человек. Не сразу, но всеобщую говорильню, которая в основном сводилась к возгласам удивления, вопросам и эмоциям, «совету» удалось остановить. Мне дали команду одеться и обязали сделать подробный рассказ-доклад о нападении на цесаревича после окончания процедуры знакомства. Вернувшись в строй-толпу своего отделения, получил несколько восторженных ударов по плечам и изумлённо-восторженный взгляд юнкера Васильева.

Когда после окончания процедуры знакомства я кратко рассказал о нападении на цесаревича, потом о моей, точнее, уже нашей с первым десятком школе в станице, вскользь упомянул о разгроме банды

Золотого Лю, как и о схватке с красными волками, последовало интересное решение «совета». Общим голосованием старшего класса, с учётом вынесенного советом предложения, мне впервые в истории взвода было единогласно присвоено звание «хорунжего» в младшем классе с обязательством сдать экзамены по военным дисциплинам до присяги, чтобы быть официально переведённым в старший класс училища. Так закончилось наше знакомство, и начались обычные учебные будни.

Дни полетели один за другим – подъем, туалет, зарядка, утренние процедуры. Затем молитва, чай, занятия, завтрак, занятия до и после обеда. Ужин. Вечерний цук по тренировке шенкелей и шлюсса со стороны старшекурсников. И только два часа перед сном мы были предоставлены сами себе. Я в это время зубрил учебник по тактике, которой отводилось семь часов в неделю, уставы, учебники по фортификации и военной топографии. Также мне необходимо было до присяги освоить и сдать за младший класс военные администрацию, гигиену и законодательство, методику обучения низших чинов и иппологию. Присяга, в отличие от остальных юнкерских училищ, в Иркутском принималась не в октябре, а шестого декабря в день святого Николая Чудотворца – небесного покровителя училища. Так что у меня было три месяца. А по такой дисциплине, как сведения об оружии, я и сам мог рассказать больше, чем было написано в учебнике.

Из всего начального этапа обучения мне больше всего запомнилось наше первое занятие в манеже по верховой езде. Специально для нашего взвода в училище содержалось сорок коней, уход за которыми осуществляли казаки. А старшим над ними был дядька Игнат Филинов.

Когда наше отделение прибыло в манеж, там нас уже дожидался ещё один офицер училища сотник Коршунов Михаил Фёдорович, который перешёл на данную должность из иркутской конной казачьей сотни. Похожий на Лермонтова и внешностью, и телосложением молодой сотник оказался отличным кавалеристом и педагогом, в чём мы очень быстро убедились.

В небольшой манеж вывели наших коней, породу которых я определить не смог, что-то среднее между башкирской и алтайской. Практически все жеребчики были в холке на ладонь, а некоторые и на

две повыше привычных мне амурцев и монголов. Хотя мой Беркут был такого же роста.

Кони были поседланы только попонами, которые туго обтягивали их спины. Взобравшись на доставшегося мне жеребчика, я с трудом охватил его шенкелями. «Сейчас увидим, кого охлюпкой гоняли, чтобы научить крепко сидеть на коне», – подумал я.

За почти пять лет пребывания в этом мире я стал неплохим конником и надеялся не осрамиться на выезде. Тем более, по первому разряду еще два года назад джигитовку на соревнованиях сдал.

Пока первая смена из восьми юнкеров, в которую я вошел, шла шагом по кругу манежа, всё шло благополучно, но едва сотник подал команду «рысью», как двое из нас почувствовали определённые неудобства. На втором круге один из них слетел с коня.

Дальше началось избиение младенцев. Коршунов, пощипывая краешек уса и злорадно усмехаясь, приказал нам завязать узлом поводья на шее у коней и расставить руки в стороны на уровне плеч. В такой позе и я после команды «рысью» почувствовал себя не в своей тарелке. Когда перешли на галоп, стало чуть легче держать равновесие, но тут казаки внесли в манеж барьер для прыжков и установили его на нашем пути. Опытные и выдрессированные кони шли как заведённые по кругу, совершенно не обращая внимания на своих беспомощных всадников. На этом упражнении в опилки манежа легла половина смены. Мне данной участи с трудом удалось избежать, так как дед в своё время также заставлял ездить с разведёнными в сторону руками и управлять конём одними шенкелями. Но вот прыгать через барьер в такой позе, да ещё без седла! До такого изуверства даже мой дед не додумался.

Дав нашей смене роздых, сотник принялся за вторую, в которой сразу отличился юнкер Васильев, который только с третьей попытки смог взгромоздиться на коня. Слетел или «зарыл репу» Васильев уже при попытке его жеребчика по команде перейти на рысь и, как следствие, к последующему упражнению допущен не был, а пересажен на деревянную кобылку-станок. Таких станков рядом с ареной манежа располагалось пять штук. Там за него взялся кто-то из нижних чинов, показывая и объясняя правильную посадку.

Закончив со второй сменой, Коршунов снова принялся за нас. Опять поводья узлом на шее лошади, руки в стороны и галопом по

кругу. Только теперь добавили еще один барьер. А потом ещё один. Скорость движения по кругу сотник, благодаря кнуту, который появился в его руке, сильно увеличил. И очень скоро умные кони косили свои выразительные глаза на то и дело шлепающиеся на землю тела. Не избежал данной участи и я, поняв смысл фразы «полковника» Баженова, что «шенкеля и шлюсс нам будут ставить жёстко». «При такой учёбе кентавром очень быстро станешь», – подумалось мне.

Кентаврами не кентаврами, но через полгода таких занятий все стали очень хорошими наездниками, даже Леша Васильев, которому это стоило огромного количества ушибов при падениях. Парень оказался сильным духом, несмотря на то что пришёл в училище маменькиным сынком. Через месяц учёбы, когда в пехотном взводе освободилось место, он наотрез отказался переводиться, чем значительно повысил свой авторитет среди однокурсников.

Очень хорошие отношения у меня завязались с сотником Головачевым, который оказался фанатом боя холодным оружием. Его владение шашкой, кинжалом и пикой вызывали восторг и восхищение. В училище был отлично оборудованный зал для занятия фехтованием. Где-то через пару недель учёбы Николай Павлович застал меня в зале поздно вечером, когда я с разрешения портупей-юнкера Сафонова, восстанавливая свою физическую форму после ранения, «танцевал» свои ката с двумя учебными шашками.

Вместо ожидаемого нагоняя взводный попросил меня ещё раз показать всю ката, после чего, взяв из стойки две учебные шашки, показал, как бы он рубил и колот в трёх связках ката. Потом был учебный бой в защитном снаряжении из пяти схваток. Выиграть мне удалось только одну, и только из-за того, что перешёл на нижний уровень, в перекатах работая шашками по ногам сотника.

Расстались очень довольные друг другом. После этого события часовые занятия с Головачевым по вечерам стали проводиться не реже двух раз в неделю. И если один на один Николай Павлович допускал некоторые вольности в общении, то в официальной обстановке сдирал с меня стружку куда чаще, чем с остальных. Но я был готов терпеть и куда большие придирки, так как обращение сотника с пикой граничило с чудом. Если бы в реальном бою сошлись сэнсэй боя на шестах, у которого я обучался в моём мире, и сотник Головачев, то на мастера

Чжао я не поставил бы и копейки. При этом Николай Павлович с удовольствием передавал мне свои знания.

Кроме того, в личном общении выяснилось, что сотник родом с кубанской станицы из семьи потомственных пластунов. В Забайкальское войско был распределён после окончания Оренбургского казачьего училища. Мои мысли о создании небольших групп охотников для разведки в тылу врага и нанесения этими группами точечных ударов на коммуникациях противника были восприняты Головачевым с горячим одобрением. В связи с этим взводный оказывал мне посильную помощь в разработке, точнее, в привязке применения тактики диверсионно-разведывательных групп будущего в современных реалиях.

Ещё одной фишкой Николая Павловича был трюк с разрубанием глиняной пирамиды. На занятиях по рубке сотник четырьмя ударами шашки справа налево разрубал пирамиду с такой чистотой, что она не сдвигалась с места ни на миллиметр. Затем Головачев слева направо разрубал её ещё на четыре части, после чего она продолжала по-прежнему стоять. Девятым ударом он заставлял взвиваться в воздух все разрубленные части. Это было настолько эффектно, что курсанты, точнее, юнкера каждый раз застывали от такой картины с открытыми от изумления ртами. Мне это напоминало кадры из фильма «Зорро» с Алэн Делоном, где главный герой разрубал свечи.

Мне этот фокус удался только к концу выпуска, да и то после того, как Головачев разрешил уряднику Филинову принести из дома мою фамильную булатную шашку, которую оставил, как и другие вещи, у дядьки Игната на сохранение. Против булата глиняная пирамида не устояла. Это тебе не шашки-селёдки образца тысяча восемьсот восемьдесят первого года, бывшие в училище на вооружении.

С другими обер-офицерами, которые вели у нас занятия, отношения сложились ровными. Благодаря их помощи я ещё в середине ноября сдал экзамены по военным наукам за младший класс и приказом по училищу был переведён в старший. После этого на законных основаниях стал «хорунжим» в своём взводе, получив для цуканья «казака» Васильева, которому и так помогал, чем мог.

В свою заслугу к этому моменту мог отнести создание по моей инициативе «кружков взаимопомощи». Надеюсь, это начинание также станет традицией конного взвода училища. Многие юнкера, особенно

из урядников, имели слабую учебную подготовку по предметам, не относящимся к военной науке. Поэтому из вольноопределяющихся взвода были отобраны юнкера, имеющие высокие баллы по окончании гимназии. Они стали заниматься в свободное время с отстающими во взводе по общим дисциплинам. А те, кто имел высокие баллы по военным дисциплинам, стали подтягивать отстающих в этом направлении. Данное новшество, одобренное на Совете охраны казачьих традиций, позволило в короткое время значительно поднять успеваемость обоих отделений взвода.

Наступило шестое декабря – день принятия присяги. Занятия были прекращены ещё четвёртого числа. Два дня ушло на приготовление к присяге и последующему после неё балу.

Центральным помещением для принятия присяги и танцев служила большая зала – огромная и двухсветная, в которой весь состав училища, собираясь для парадных построений, занимал едва ли четвертую часть.

Вдоль одной из стен залы шла галерея белых колонн, наверху же имелись хоры для оркестра. На стенах залы висели под потолком огромные портреты государей из дома Романовых. По стенам, на белых мраморных досках, золотыми буквами сияли имена бывших юнкеров, погибших при защите Отечества, с описанием их подвигов. Досок было немного, но они за семнадцать лет появились. Помимо этого, в больших шкафах, стоявших вдоль стен, находилась библиотека училища, насчитывавшая около трёх тысяч томов. Около ста из них я успел прочитать.

Принятие присяги и последующий бал юнкерского училища были значимым событием в Иркутске. На него должно было прибыть всё военное начальство во главе с хозяином Иркутского генерал-губернаторства генерал-лейтенантом Горемыкиным, яркие представители местного бомонда и истеблишмента, бывшие юнкера и родственники учащихся.

И вот этот момент настал. Посреди зала стоят четыре накрытых скатертями стола, перед которыми стоят мои однокурсники. Перед первым столом, за которым разместился архиепископ Иркутский и Нерчинский Вениамин со служками, выстроена в трехшереножном строю самая большая группа юнкеров, принимающих присягу. За вторым столиком стоит католический ксендз, за третьим –

лютеранский пастор, за четвёртым – мулла. Перед этими столами стоят небольшие группы юнкеров по одному – три человека.

Я стою в строю православных однокурсников в полной парадной форме и, подняв два пальца правой руки вверх, повторяю слова присяги на верность Государю и Отчизне, которую торжественно мощным басом читает войсковой старшина Химуля.

«Его врагов телом и кровью, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление...» – тожественно произношу я и чувствую, как в горле непроизвольно образуется ком, который не могу проглотить.

«Не первый раз же приношу присягу. Но если сравнить присягу в Псковской учебке и здесь, то по торжественности момента это время побеждает. Даже меня, старого циника, торкнуло!» – подумал я и продолжил за Химулей:

«Всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а предпоставленным надо мною начальникам во всем, что к пользе и службе государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание и все по совести своей исправлять и для своей корысти, свойства и дружбы и вражды против службы и присяги не поступать... – Сглотнув вязкую слюну, продолжил: – В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий. В заключение сей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь».

По окончании произношения текста присяги юнкера подходили к столу для благословения в зависимости от вероисповедания своих пастырей. Потом перед тремя отделениями, в которые перестроились юнкера, с поздравительной речью выступили генерал-губернатор Горемыкин и полковник генерального штаба Макаревич, который в конце сентября сменил полковника Фёдорова.

Речь генерал-губернатора и нового начальника училища была встречена одобрительными аплодисментами гостей, которых собралось больше двухсот человек. На фоне парадных генеральских и офицерских мундиров, сияния драгоценностей дам высшего света Иркутска особо радовали юнкеров праздничные наряды представительниц Иркутского института благородных девиц, местного маленького Смольного, и воспитанниц сиропитательного дома Медведниковой.

В качестве хозяев и распорядителей праздника выступали юнкера старшего класса, при этом для приглашения они располагали двумя билетами на каждого. Мы, как принимавшие присягу, имели право пригласить только родственников. Но этим правом воспользовалось от силы пять-шесть юнкеров, и все они оказались жителями Иркутска. Васильев обещал обязательно познакомить меня с родителями и сестрой, которые прибыли на это торжественное мероприятие.

После поздравления начальства по традиции следовал ранний праздничный обед. В столовой, в которой были размещены дополнительные столы, размещались юнкера, военное руководство Иркутского генерал-губернаторства, бывшие выпускники училища. Остальные гости размещались в специально освобожденных и подготовленных помещениях училища рядом со столовой.

Меню также было традиционным по случаю рождественского поста: царская уха с рыбной кулебякой, на второе рыбное заливное, грибная подлива с гречей, и на сладкое – постный медовый торт с ягодами и орехами. Для тостов, полагавшихся за обедом, каждому юнкеру полагалась бутылка хмельного мёда.

Первая здравица в столовой, которую по традиции произносил генерал-губернатор, была, конечно, за государя императора, после чего оркестр иркутского пехотного батальона исполнил национальный гимн, сопровождаемый хоровым пением всех присутствовавших и громким троекратным «ура». Второй и последующие тосты следовали за училище, бывших и настоящих юнкеров и т. д.

Признаться, я был шокирован тем духом единения и кастовости, которое возникло за столами. Общий хлеб да соль между юнкерами, генералами, офицерами округа и теми офицерами, которые окончили училище ранее, создало в столовой искреннюю и тёплую атмосферу братства между старшим и младшим поколением. В том моём времени такое единение возникало, как правило, только за столом со своими ребятами, с которыми неоднократно ходил в разведку, в бой и был на сто процентов уверен, что любой из них прикроет спину.

После обеда вернулись в зал, где на хорах разместился оркестр и уже присутствовали пообедавшие гости. Начался бал. Танцевали в основном юнкера старших курсов, господа офицеры и гости дворянского сословия. Васильев представил меня родителям и сестре, симпатичной такой девице лет семнадцати, с нужными округлостями в

необходимых местах. С этой девушкой я станцевал один раз вальс, которым открывался бал. Это было единственное, что едва мог изобразить. Слава богу, ноги партнёрше не оттоптал.

За месяц до присяги у нас было проведено пять уроков танцев. На трёх уроках усатые мальчики танцевали с усатыми мальчиками, что явно не повышало эффективность занятий. И на два занятия были приглашены прекрасные девушки из института благородных девиц, в который вот уже лет десять принимали девушек не только из дворян, но и из семей священников, купечества и промышленников. Последние могли стать хорошими жёнами для будущих офицеров из казаков, которые составляли около сорока процентов юнкеров училища в этом году. Да и дворян в училище хватало. В основном они учились в пехотном взводе, который готовил офицеров для регулярного войска.

Одним словом, два последних занятия танцами, в присутствии прекрасного пола, прошли весело и продуктивно с точки зрения поддержания дальнейшего знакомства. С точки зрения обучения танцами мои успехи продвинулись только до освоения вальса, который танцевал ещё в прошлой жизни, а вот полонез, котильон, которые были обязательными к изучению, не считая всяких полек, мазурок, кадрилей, венгерок, прошли пока мимо меня.

Поэтому, станцевав один танец с сестрой Алексея, всё остальное время бала я простоял, любуясь тем, как танцевали другие. Особенно меня поразили несколько аристократических пар пожилого возраста, которые все танцы исполняли с той самой старинной грацией, которую я видел в сценах бала оскароносного фильма Сергея Бондарчука «Война и мир». Для себя решил, что до выпуска кровь из носа научусь танцевать основные танцы. Ката запоминаю легко, неужели перед танцевальными па спасую! А то так и выпускной пройдёт мимо.

На следующий день было первое увольнение в город. Как и в моём времени, одновременно отпускалось не больше тридцати процентов юнкеров. С моего отделения в разряд счастливчиков попал Васильев, как единственный иркутянин, я, так как на меня было письмо-просьба с приглашением в гости от семейства Васильевых, и ещё трое юнкеров с такими же письмами.

В училище существовала и такая традиция – в первое увольнение отправлять только тех, у кого есть родственники или знакомые в Иркутске, от которых поступили письма-просьбы. На следующие

увольнения письма-просьбы также были приоритетны для выбора кандидатов на выход за ворота училища.

Проведя около четырех часов в семействе Васильевых, я был за это время обласкан родителями за ту помощь, которую оказал Алексею во время учебы. Особенно был благодарен отец, так как бывший капитан не был уверен в том, что мямля сын сможет продержаться в училище до присяги. Тем более в казачьем конном взводе.

Во время обеда мы с Алексеем удивили его родителей и сестру своим аппетитом. Несмотря на сытное питание в училище, есть хотелось постоянно. Нагрузки были большие. Всё, что съедали, сгорало моментально. А по традициям училища вход в лавку на территории альма-матер, где продавались различные вкусняшки, нам был закрыт до принятия присяги.

После обеда я исполнил пару-тройку песен под гитару. Алексей родителям сдал мою историю жизни со всеми потрохами. После романа «Кавалергарды» постарался быстрее ретироваться из гостей, так как увидел в глазах сестры Алексея разгорающееся пламя долгой и чистой любви. Мне же, честно, сейчас хотелось грязной и быстрой. Три года в теле молодого человека, в последнее время с ярко выраженным спермотоксикозом, говорили о том, что эту проблему как-то надо решать. Тем более образ Мэй в моём сознании и воспоминаниях стал каким-то расплывчатым. Её лица я уже не мог себе представить. Да и возможность нашей встречи и продолжения отношений по теории вероятности была равна нулю. Поэтому влюблённость в корейскую принцессу постепенно сходила на нет.

Со слов старшекурсников мы знали, что в городе есть один из публичных домов, в который по давним традициям ходят юнкера. Не знаю, достоверна информация или нет, но ни одного подхватившего венерическую болезнь за последние десять лет, по словам старшекурсников, отмечено не было.

С учётом этого два следующих увольнения, полученных с помощью писем-просьб семьи Васильевых, посвятил походу в дом платной любви. Пару часов у Васильевых, потом жрица плотских утех, и банька у дядьки Игната. Удавалась подгадать так, чтобы увольнение было в субботу во второй половине дня. К моему приходу дядька Игнат успевал протопить баню, придя со службы. И пускай при свете свечи париться было не особо комфортно, но после банного чаепития с урядником Филиновым возвращался в училище довольным и чистым душой и телом.

В конце января произошло событие, которое чуть не стоило мне вылета из училища. Будучи назначенным официальным «хорунжим» у «казака» Васильева, я получил разрешение у взводного по вечерам натаскивать Алексея по фехтованию. С данным предметом у моего подопечного дела обстояли неважно.

Очередное вечернее занятие подходило к завершению. Мне вместе с Алексеем оставалось нанести ещё по пятьдесят уколов на точность в голову манекена, когда в фехтовальном зале появилась группа юнкеров пехотного взвода во главе с Казимиром Заславским. Именно он доставал своей гонористостью на добровольных недельных хозработках

после поступления в училище. За эти полгода учёбы мы пересекались только в столовой и на принятии присяги.

– Господа, посмотрите, кто здесь находится? Сам великий Аленин – гроза бандитов и спаситель государя наследника! – глумливым тоном произнёс Заславский. – Только что-то его величество не торопится отблагодарить спасителя сына. А может быть, и не было никакого спасения?! Наврал ты всё своему взводу, Аленин!

– В моём роду привыкли отвечать за свои слова, – напряжённо ответил я, думая про себя: «В чём-то Заславский прав. Больше полугода прошло с момента спасения Николая у острова Разбойный, а никаких плюшек для меня и казачат со стороны Александра III не последовало. И генерал-губернатор Корф молчит. Мог бы Антипа Верхотурова хотя бы наградить, тот всё-таки тяжелую рану получил, закрыв губернатора собой. Обидно!»

– Не хотите ли на дуэль вызвать за мои слова, юнкер Аленин! – надменно улыбаясь, произнес Заславский. – К сожалению, не выйдет. Вы мне не ровня! Но если хотите, то могу поучить вас владению эспадроном без защитной одежды. Если, конечно, не струсите.

Я стоял и смотрел на Казимира, который только что нанёс мне два оскорбления, и по всем понятиям юнкерских негласных правил о чести я должен был принять поединок. В Иркутском юнкерском училище понятие достоинства и защиты юнкерско-офицерской чести культивировалось, как и во всех подразделениях Российской армии. Ходили слухи, что император собирается узаконить офицерские дуэли.

Но на настоящий момент принятие мною вызова практически со стопроцентной гарантией означал мой вылет из училища. Да, дуэли на эспадронах между юнкерами с моральной точки зрения в училище всеми воспринимались положительно, но с юридической точки заканчивались для участников дуэли отчислением от обучения.

Я уже собирался ответить на вызов, когда прозвучал голос сотника Головачева.

– И что здесь происходит? – поинтересовался мой взводный, бесшумно появляясь из темноты зала в небольшой круг света от трёх свечей в канделябре, где мы с Васильевым занимались с манекенами.

– Ваше благородие, юнкера Аленин и Васильев проводят дополнительное занятие по фехтованию с вашего разрешения, –

отрапортовал я, приняв стойку смиренно с шашкой в руке. Рядом застыл Алексей.

– Вас, Заславский, я спрашивать не буду, так как всё слышал. – Головачев вышел в круг света и стал внимательно рассматривать Казимира и стоящих рядом с ним четырёх юнкеров из пехотного взвода.

– Всё те же лица, – констатировал сотник. – Казимир Заславский, вам так хочется вылететь из училища? Или вы считаете, что ваш отец сможет защитить вас от любого наказания? Молчите?! Правильно!

Головачев замолчал, качнулся пару раз с пятки на носок, после чего продолжил:

– До вас, Заславский, мне нет никакого дела, но вот ваша провокация вызова на бой без защиты на эскадронах юнкера моего взвода заставляет меня принять следующее решение.

Мы все застыли изваяниями, ожидая, какое же решение принял сотник.

– Юнкер Аленин, юнкер Заславский, – дождавшись, когда мы встанем перед ним, Головачев продолжил: – Назначаю вам учебный бой в защите из пяти схваток. Для приближения к реальным условиям боя Заславский выбирает для боя саблю, Аленин шашку. Через пять минут начало боя. Надеть защиту.

Когда мы встали с Казимиром друг напротив друга, его сабля и моя шашка покоились в ножнах. Это тоже была одна из традиций училища. Так начинались соревновательные бои между юнкерами трёх взводов на выявление лучшего фехтовальщика училища. Пехотный взвод бился учебными саблями, казачьи взвода – шашками.

– Начали! – резко прозвучала команда сотника.

Казимир выхватил свой клинок и попытался при помощи диагонального удара снизу вверх нанести мне поражение в схватке. Я сделал резкий шаг в сторону и назад.

«Кто же тебе такой удар показал, чуть ли не японская техника йайдзюцу, три раза ха-ха, два раза хи-хи?» – подумал я, когда моя шашка вылетела из ножен и клинок ударил снизу плашмя по запястью противника, где была шнуровка защиты руки от ударов.

«Не то оружие и не та техника у тебя, Казимир!» – додумал я мысль, когда, продолжая движение, задел кончиком шашки ухо Заславского. Шаг вперед. Не нужно было делать такого глубокого

выпада. Обратным движением сверху вниз по диагонали я хлестанул сбоку плоскостью клинка в районе колена правую ногу противника, где также была шнуровка защиты, а самой защиты как таковой не было. Ещё полшага вперед, и мой кулак с зажатым эфесом шашки остановился в паре миллиметров от носа противника.

Я сделал шаг назад и отсалютовал шашкой. Заславский попытался шагнуть, но его правая нога, по незащищенному месту которой пришёлся удар, подломилась, и он опустился на колени. Потом, звякнув о поверхность пола, упала сабля. В удар по незащищённому запястью я от злости также вложил прилично. Хоть и плашмя, но боль сейчас у Казимира адская.

Мой противник попытался встать, упершись в пол левой рукой, но у него ничего не получилось. Правая нога не слушалась. При этом Казимир не издал ни звука. «Молодец! Крепкий парень. Терпит. А боль-то сильная! – подумал я. – Чего только ко мне привязался?! Я его вообще не трогал, да и о его существовании успел забыть».

– Судя по всему, продолжения боя не будет, – произнёс Головачев. – Господа юнкера, помогите своему товарищу. Снимите снаряжение и отведите в спальное помещение. Сделайте компресс из льда или снега. Скоро боль отпустит. И ещё, Заславский, – если вас это утешит. Если в начале обучения юнкер Аленин выигрывал у меня от силы один бой из десяти, то на сегодняшний день я с трудом выигрываю три-четыре учебных схватки у него.

Дождавшись, когда юнкера-пехотинцы и Васильев выведут из зала прыгающего на одной ноге Заславского, сотник повернулся ко мне и устало спросил:

– Аленин, обязательно было бить по незащищённым местам? Мог бы не так сильно выводить из строя.

– Ваше благородие, с холодным компрессом через пару часов всё практически пройдет. Я же плашмя бил. Это просто сильный ушиб. Извините, но за пять схваток точно бы не выдержал и нанёс какое-нибудь увечье.

– Понимаю тебя, Аленин, но будущий офицер должен всегда держать себя в руках. Да и отец у юнкера Заславского действительно большой вес в Иркутске имеет. Но в отличие от сына человек чести. Так что думаю, сегодняшний урок Казимиру пойдёт на пользу. Да и тебе тоже.

– Спасибо большое, ваше благородие. Если бы не вы, я был бы вынужден принять вызов юнкера Заславского.

– И российская армия лишилась бы очень перспективного офицера казачьих войск, – перебил меня Головачев. – Всё, иди спать. Время уже позднее. Скоро команда отбой прозвучит.

Ворочаясь на койке после команды отбой, я долго не мог заснуть, понимая, что тонким краем сегодня разошёлся с вероятностью вылета из училища. Наконец усталость взяла своё, и я заснул, чтобы проснуться от команды: «Взвод, подъем! Тревога! Построение на первом этаже в полной военной форме через пятнадцать минут!»

Ещё находясь во сне, мой мозг на подсознательном уровне выдал информацию, что это не учебная, а боевая тревога. За всю свою предыдущую жизнь, много раз просыпаясь-поднимаясь по боевой тревоге, научился отличать нюансы подачи именно этой команды.

Через пятнадцать минут в шинелях с башлыками на плечах, в папах, с оружием и снаряжением застыли в двушереножном строю на первом этаже. Рядом по коридору выстроились остальные два взвода. Кроме сотника Головачева, который был дежурным офицером по училищу, других офицеров ещё не было.

В застывшем строю почти всех терзал вопрос, что же случилось. Версий, пока одевались, прозвучало много, но что же произошло на самом деле, не знал никто. В этот момент с улицы в коридор зашёл Филинов и побежал в комнату дежурного по училищу. Через некоторое время он пробежал обратно. Когда Филинов начал открывать входную дверь, я, тихо спросив разрешения у старшего портупей-юнкера Забелина, подбежал к старшему уряднику и быстро спросил:

– Дядька Игнат, что случилось?

– Александровский централ и пересылка взбунтовались! Всю охрану вырезали и постреляли. Сейчас под две тыщи вооружённых каторжан на Иркутск прёт! – успел эмоционально ответить мне Филинов и выскочил на улицу.

«Вот это номер! – изумленно думал я, возвращаясь в строй, где меня нетерпеливо ожидали юнкера. – В моем мире такого события вроде бы не было. Хотя это сейчас не важно. Что может сотворить толпа вооружённых уголовников, пускай даже не две тысячи, а двести эков, я себе представлял очень хорошо. И в самом Иркутске чуть ли не каждый второй ссыльный. Это была жопа, с большой буквы!»

Глава 8

Бунт

Я встал в строй на своё место и тихо произнёс:

– Бунт в Александровском центральном и пересыльной тюрьме. Охрану перебили. Каторжники идут на Иркутск.

Информация по цепочке тихой волной пошла по шеренгам влево и вправо, пока не достигла последних в строю. После этого строй юнкеров вновь замер монолитом.

«Что мне известно об Александровском центральном и пересыльной тюрьме? – думал я, попеременно напрягая мышцы тела, чтобы они не застывали при стойке смирно. – В принципе ничего. Не интересовался этим вопросом. О том, какие сейчас армейские подразделения есть в Иркутске для отражения данной опасности, также информации практически не имею. Как-то не сложилось узнать за время учёбы, да и не до этого было. Единственно, что могу предположить, что наш конный казачий взвод юнкеров, вернее всего прикрепят к иркутской казачьей сотне».

Мои размышления прервались приходом офицеров училища. В клубах морозного воздуха в коридор вошёл начальник училища в сопровождении сотенного командира войскового старшины Химули и остальных обер-офицеров. Из комнаты дежурного по училищу появился сотник Головачев, который подал команду «смирно» и поспешил с рапортом к полковнику Макаревичу.

Выслушав рапорт, Макаревич, повернувшись к строю и не отнимая правой руки от среза папахи, произнес:

– Господа юнкера, по приказу генерал-губернатора Горемыкина личный состав училища приведён в боевую готовность для участия в подавлении бунта каторжан Александровского централа и пересыльной тюрьмы. Конный взвод под командованием сотника Головачева поступает в распоряжение сводного отряда иркутской казачьей сотни, под общим командованием войскового старшины Химули. Пешие взвода остаются в расположении училища до особого распоряжения генерал-губернатора. Вольно!

Отдав команду, полковник Макаревич повернулся к офицерам и произнёс:

– Господа офицеры, проследуем в мой кабинет для постановки задач.

После того как офицеры потянулись за начальником училища, строй юнкеров чуть расслабился. Воспользовавшись моментом, я повернул голову налево и тихо спросил юнкера Васильева, который стоял через одного человек от меня:

– Алексей, а каторжан в центре и на пересылке много может быть?

– Тимофей, – Васильев склонил голову вперёд, чтобы увидеть меня. – Я точно не знаю, но слышал, что централ рассчитан на тысячу каторжан первого разряда. Там в основном содержатся осужденные без срока, а в пересыльной тюрьме ещё больше народа содержаться может. Оттуда в основном дальше в Сибирь каторжников отправляют. На Нерчинскую каторгу и другие.

Юнкера в строю внимательно слушали наш диалог.

– А охраны там много было? – спросил я.

– К чему этот вопрос, Тимофей? – тихо спросил старший портупей-юнкер Забелин.

– Если каторжане охрану перебили, надо же знать, сколько им оружия в руки попало, – ответил я.

Тихий гул согласия с моим вопросом прокатился по строю.

– Точно не скажу, – ответил Васильев. – Надзирателей человек пятьдесят, а сколько солдат в конвойной службе, не знаю. Рота точно должна быть.

«Не слабо, – подумал я про себя. – Минимум сто пятьдесят стволов, а вернее всего, больше».

– Я интересовался историей Александровского центра и пересыльной тюрьмы, – раздался голос «хорунжего» Волкова, будущего или уже настоящего первого поэта Приамурья. – Если пригнали новый этап и прибыли команды, чтобы этапировать каторжан дальше, то и две роты наберётся.

С данным юнкером, у которого опекуном был командир Амурского конного полка полковник Винников, у меня были несколько натянутые отношения. До моего поступления Леонид Волков был звездой училища. Всем юнкерам было известно, что как начинающий поэт, во

время обучения в Гатчинском сиротском институте императора Николая I он сочинил стихи в честь прибытия императрицы Марии Фёдоровны. Данный поэтический опус был милостиво принят августейшей особой. Кроме того, императрица порекомендовала познакомиться Леонида с известным поэтом Аполлоном Майковым, который благословил будущего юнкера как начинающего талантливую стихотворца.

В своём времени в Интернете попались несколько стихотворений поэта Приамурья. Я не особый ценитель виршей, но данное четверостишие Леонида Волкова мне запомнилось:

Я видел одетый вечерним туманом
Холодный, сердитый Байкал.
Как дикий степняк под казачьим арканом, -
Он злобно и тяжело дышал...

С моим появлением в училище и распространением информации о моём авторстве нескольких песен, которые начали быстро распространяться по Приамурью и Забайкалью, звезда Волкова несколько потускнела. Поэтому наши взаимоотношения, из-за некоторой ревности со стороны Леонида, назвать дружескими можно было с трудом.

– Это ещё с сотню винтовок, – произнёс Забелин. – И на складах централа и тюрьмы что-то должно быть. Однако-с, неплохой арсенал у каторжан собраться может.

– У нас, если сложить казачью сотню, наш взвод да еще ополченцев из иркутских казаков, шашек двести пятьдесят наберётся. Разметаем эту сволочь в клочья, – тихо вступил в разговор «войсковой старшина» Пляскин.

Над строем взвода пронёсся одобрительный гул.

«Порвать в клочья – это, конечно, замечательно, – подумал я. – Только как бы такие шапкозакидательские настроения не стали нам всем боком». Не знаю и не представляю, какое сопротивление могут оказать местные каторжане, но в СССР был организован спецназ внутренних войск, основной задачей которого на первом этапе являлось обезвреживание лиц, захвативших заложников. В первое время, как правило, во время бунтов на зоне.

Далее, с учётом криминализации общества, задачи расширились, обезвреживались уже организованные преступные группы, ликвидировались вооруженные формирования. Страна узнала и увидела, как спецназ и войска МВД пресекают массовые беспорядки, борются против терроризма и прочее. Помню, при командировке в Чечню пересекался с офицером воеваном, который носил краповый берет. Много за рюмкой чая он рассказал историй про зверства и хитрости зэков, и какой он сложный противник, когда чувствует свою силу. При этом об экзаменах на получение крапового берета какие только легенды не ходили.

Мои размышления прервал сотник Головачев, который, подойдя к нашему взводу, скомандовал:

– Взвод, смирно! В составе сводного казачьего отряда выдвигаемся по тракту в Александровский централ. В течение получаса осуществить полную подготовку к маршу. Портупей-юнкерам проконтролировать, чтобы все были надлежащим образом экипированы к трех-четырёхдневному походу. Вопросы?! Вопросов нет. Вольно! Разойдись!

После команды сотника началась организованная суматоха. Оседлать лошадей. Набить необходимым для похода перемётные сумки. Дополучить патроны. Дополнительно утеплиться.

Во время подготовки удалось перебраться парой слов с дядькой Игнатом, который пообещал мне, что если отряд пойдет мимо его дома, то он забросит в сани обоза, который под его руководством будет сопровождать наш отряд, мой «Гевер», все патроны к нему и ранец.

Где-то через час наш взвод в двухшереножном конном строю ожидал построения всего отряда на окраине города, откуда начинался наезженный тракт до централа. Этот путь был улучшен и расширен после того, как Александровский централ сгорел около трёх лет назад. И на постройку новой тюрьмы были брошены большие силы Иркутского губернаторства. Тогда и была расширена и прорублена вместо тропы практически прямая дорога от Иркутска до централа. И она была короче, чем путь по Ангаре. С учетом того, что последнюю неделю снегопадов не было, можно было рассчитывать, что ускоренным маршем за светлое время отряд сможет пройти около семидесяти вёрст до места бунта. Если кто по дороге не встретится.

Пока собирались, «по казачьему телеграфу» дошла информация, что о бунте в Александровском центре и пересылке сообщил прискакавший в город один из ссыльных, который уже считался «исправленным» и жил в селе Александровское. Пересылка сожжена, тюрьма захвачена. По словам информатора, зэки перебили всю конвойную команду и тюремных смотрителей. Куда они пойдут дальше, можно только предположить. Связи по телеграфу с тюрьмой нет, а сейчас и с селом Усолье прервалась. Соответственно, и со всеми городами, что по телеграфной линии за Усольем располагались, связи нет. Наш сборный отряд, как самый мобильный, отправлялся на разведку.

В предрассветном сумраке отряд начал движение. Вперёд ушла иркутская сотня, за ней чуть больше полусотни казаков из собранного ополчения, потом наш взвод, за которым следовал обоз. Когда мы проезжали мимо саней нашего училища, урядник Филинов показал мне знаками, что моя просьба выполнена, всё, что я просил, он взял.

Когда зимнее солнце стояло в зените на одной из полян, рядом с трактом был организован большой привал, во время которого был приготовлен и съеден кулеш, коней напоили, растопив снег, переседлали их. Через два часа отряд двинулся дальше.

Температура, несмотря на солнечный день, стала опускаться, и мороз ощутимо пробрался под обмундирование. То и дело приходилось отрывать образовавшиеся сосульки с башлыка, там, где он закрывал рот. Темп – десять минут шагом, пять минут рысью и небольшой привал через два часа – уже не согревал. Говорить тоже не хотелось. Всё что можно с Васильевым, который ехал рядом со мной, мы уже обсудили. Во время привала обсосали все возможные версии бунта и наших дальнейших действий. Отсутствие достоверной информации привело к игре фантазий, которые в основном сводились к полному разгрому каторжан, где все подвиги совершает наш взвод.

Это мне сильно не нравилось. Не понравилось и то, как был организован большой привал. Охранения поляны, где расположился отряд, практически не было. Иркутская сотня отдельно, ополченцы отдельно, наш взвод и обоз также отдельно. Боевых задач подразделениям на отражение возможного нападения противника поставлено не было. Ни войсковой старшина Химуля, сотенный командир училища, которого назначили командиром сводного отряда,

ни кто-либо из других офицеров-командиров не обозначил боевые позиции подразделений, полосы огня и дополнительные секторы обстрела.

У меня повторно сложилось мнение, что каторжан считают задохликами, которых чихом убить можно. А среди бессрочников почти все осуждены за убийство, разбой и другие тяжкие преступления. Терять им практически нечего, а наказание за бунт вряд ли будет для них суровым.

Данное мнение сложилось у меня после рассказа юнкера Васильева, единственного во взводе иркутянина, о бунте ссыльных поляков, который произошёл в этих местах двадцать пять лет назад. Тогда, по его словам, на строительстве Кругобайкальского тракта работало большое количество ссыльных из Польши. Как потом выяснилось на следствии, часть поляков-каторжан решила обезоружить конвой и пойти дальше в Забайкалье, где они хотели освободить других ссыльных, работающих на строительстве тракта, и бежать через Монголию в Китай в надежде найти английские корабли, чтобы через Америку вернуться в Европу.

Двадцать четвертого июня тысяча восемьсот шестьдесят шестого года одна из култукских партий польских каторжан численностью около пятидесяти человек напала на своих конвойных. Нападение было успешным. Завладев оружием и захватив лошадей, бунтовщики отправились дальше по тракту на почтовую станцию Амурскую, где также разоружили солдат, испортили телеграфное сообщение с Иркутском и с примкнувшими к ним людьми двинулись далее. По пути профессионально разрушали телеграфную связь и мосты. Все свои силы во время движения бросили на захват вооружения, повсеместно запасаясь огнестрельным оружием и боеприпасами.

Боевые действия, в которых были задействованы такие силы Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, как Иркутский казачий полк, Иркутский губернский батальон, первая и третья конные бригады Забайкальского казачьего войска, конная артиллерия и большие отряды ополчения крестьян, велись долго. Только двадцать пятого июля в долине реки Темник в последней стычке остатки бунтовавших поляков, расстреляв все боеприпасы, сдались. Ещё дальше разыскивали разбежавшихся восставших по тайге.

Перед военно-полевым судом предстало почти семьсот человек, и только семеро были приговорены к смертной казни, из которых только в отношении четверых приговор был приведён к исполнению. Да и то, по словам Алексея, помилование и к этим четверым опоздало на месяц.

«И чего терять при таком законодательстве и судопроизводстве взбунтовавшимся каторжанам? – думал я про себя, мерно покачиваясь в седле. – А вот погулять и оторваться на неожиданной воле они могут славно и сопротивление оказать сильное. Понятно, что среди ссыльных поляков было много офицеров и дворян, но и многие урки знают, за какой конец надо брать оружие».

Ещё засветло вошли в село Александровское, которое встретило нас улицей с большим количеством изуродованных, раздетых и зачочневших трупов. Основную массу составляли мужчины, но встречались и женские, и детские тела. Несколько домов было сожжено. Далее виднелось пожарище, которое осталось от пересыльной тюрьмы. Большие двухэтажные деревянные бараки, которые были окружены частоколом со сторожевыми вышками, превратились в головёшки.

Иркутская сотня ушла на рысях к тюремному посёлку Александровского центра, который был огорожен кирпичной стеной. Ополченцы, наш взвод и обоз остались в селе. Казаки быстро разбились на пары, тройки и разъехались по селу проверять дома. Мы же по команде сотника Головачева выехали на центральную площадь села, где спешили и занялись осмотром копыт лошадей, состоянием сбруи. Вид у юнкеров был мрачный, лица некоторых, включая юнкера Васильева, выделялись синюшной бледностью. Кое-кто давил в себе рвотные позывы. Мне и самому, честно говоря, было неудобно. Такого количества трупов в одном месте я давно не видел.

Очищая копыто своего коня от ледышек, набившихся под подкову, я продолжал осматриваться по сторонам. И в какой-то момент увидел между двумя избами, как из-за ближайших к селу деревьев, которые росли метрах в трехстах от плетней, разделяющих земельные участки, показалась большая группа людей, одетая в каторжанскую одежду. Хотел предупредить взводного, но в этот момент услышал громкий свист нескольких человек и обнаружил, что в сторону каторжан, растягиваясь в лаву, из-за изб выметнулось казачье ополчение.

Несмотря на глубокий снег, продвигались, охватывая каторжан полукругом, казаки достаточно быстро.

Головачев, увидев это, вскочил в седло, поднялся на стремянах и приложил к глазам бинокль. Через несколько секунд сотник облегчённо выдохнул и произнёс:

– Слава богу, сдаются!

Вскоре на площади стало тесно от скопившегося народа. Ополченцы привели около двухсот человек каторжан, большинство из которых были с обритыми наполовину головами. Как пояснил кто-то из казаков, такую стрижку носили каторжане, осуждённые без срока, при этом казак был удивлен отсутствием на бритых кандалов.

Прискакавший Химуля дал команду Головачеву сводить взвод юнкеров в централ. При этом сотенный командир выглядел бледноватым. Буквально через десять минут мы поняли, по какой причине войсковой старшина имел такой вид.

Въехав двумя колоннами на тюремный двор, мы увидели на двух створках входной двери в главный тюремный корпус тела двух распятых человек. Руки у них были подняты вверх и разведены чуть в стороны. Ладони были прибиты к дубовым створкам большими коваными гвоздями. Такими же гвоздями были прибиты ноги в районе щиколотки. Судя по форменным штанам, это были сотрудники тюремного ведомства. Мундиры отсутствовали, а нательные рубашки убитых были в крови на местах разрезов и ожогов. Головы были опущены на грудь, У одного покойного волосы на голове были длинные, с красивою проседью, второй был лыс.

«Судя по потёкам замерзшей крови на двери, прибывали живыми», – подумал я, оглядываясь вокруг. Картина была настолько ужасна, что даже я с трудом сдерживал рвотные позывы. Некоторые юнкера не выдержали и, сползя с седла, метали на землю обеденный кулеш.

Кроме распятых на двери, во дворе лежало кучей огромное количество трупов солдат, большинство которых были раздеты до исподнего. Сверху на трупах лежали кандалы.

«Что-то я не помню про такие зверства каторжан в Сибири, – металось у меня в голове. – Хотя об Александровском центре и пересыльной тюрьме узнал только здесь, когда поступил в училище. О восстании поляков-каторжан в шестьдесят шестом году впервые

услышал сегодня от Алексея. Но такое количество жертв, да ещё убитых с таким зверством, точно бы отразилось в учебниках моего времени. Ленский расстрел вошёл. А здесь, чувствую, будет беспощадное уничтожение бунтовщиков».

Ко мне на негнувшихся ногах подошёл Васильев, вытирая тыльной стороной перчатки рот, и, задрав голову вверх, спросил:

– Тимофей, как можно такое сотворить? Они что – звери?

Я склонился с седла и, еле сдерживая гнев и ярость, тихо произнёс:

– Алексей, в каждом человеке сидит зверь. Если ты умеешь его сдерживать и им управлять, то тебя можно считать нормальным человеком. А если нет?! Если нет, то получаются вот такие ужасы!

Я обвёл рукой полукруг, предлагая юнкеру Васильеву ещё раз осмотреться.

– И наша задача, как я считаю, таких людей-зверей уничтожить. Уничтожить, как бешеных животных.

Я почувствовал, что сам готов сорваться в истерику. Пару раз глубоко вздохнул, пытаюсь успокоиться. Наш дальнейший диалог прервала команда сотника Головачева подготовиться к движению. Через минуту взвод покинул тюремный двор.

До глубокой ночи к селу и централу из леса выходили каторжане, поселенцы, которых опрашивали, сортировали, приставляли к работам. Ситуация была критической. На пожарище пересылки, в полусгоревшем селе и из-за разгромленных помещений централа практически не осталось мест, где можно было бы разместить и обогреть более полутора тысяч человек. Также их чем-то надо было накормить, напоить, включая дополнительно почти двести лошадей. При этом около двухсот солдат, вместе с работниками тюремного управления, были убиты восставшими. Конвойной службы и надзирателей не осталось.

Поздно вечером, после того как разместились в одной из камер централа, узнали от Забелина и Сафонова, которые были приглашены на совещание при командире сводного отряда Химуле, последние новости.

Бунт поднял новый этап, который прибыл несколько дней назад. В данном этапе почти все были осуждены без срока, в основной своей массе за убийства и разбой. Присутствовала даже целая шайка из сорока человек, которая больше двух лет третировала Костромскую,

Ярославскую и Вологодские губернии. Сожженные поместья, зверски убитые помещики, крестьяне. Бандиты не жалели никого. Эта банда и стала зачинщиком бунта, когда по распоряжению начальника тюрьмы Лятосковича с прибывшего этапа сняли кандалы.

Еще при бывшем начальнике тюрьмы, а теперь иркутском тюремном инспекторе Александре Петровиче Сипягине в Александровском центре произошла своеобразная революция в системе содержания каторжан. Вместо розог, карцеров и кандалов тогда еще надворный советник Сипягин предложил арестантам работу, не только интересную, но и выгодную: две трети доходов шло на улучшение быта, а третья часть копилась и выдавалась при освобождении. Естественно, из Александровской никто не пытался бежать. Большие партии отправлялись с одним-двумя надзирателями на работы в отдаленный Николаевский завод, на строительство дороги. И жили там как совершенно вольные люди.

В прошлом году Александр Петрович получил чин коллежского советника и был назначен иркутским тюремным инспектором, а начальником Александровской каторжной был назначен его верный преемник, в прошлом участник польского восстания надворный советник Лятоскович.

Иван Ипполитович меньше чем за год организовал такие порядки в центре, что пище и одежде каторжан завидовали окрестные крестьяне, а также школе, театру и оркестру, которым дирижировал сам начальник тюрьмы. При Лятосковиче также не использовались розги, кандалы и карцеры. При нем никогда не закрывались двери камер в тюрьме. И главное, чего он достиг за это время, все арестанты трудились. Кто-то был занят на хозяйственных работах, кто-то шил по заказу военного ведомства. Даже «Иваны» центра не противопоставляли себя новому начальнику тюрьмы. Именно Лятоскович, с длинными волосами с проседью, и был одним из распятых на створках двери в централ. Второй – начальник пересылки.

Сплоченная общим разбойным прошлым шайка варнаков под руководством своего главаря с кликухой Могила некоторое время потратила на уточнение местных порядков, а двое суток назад бандиты как-то смогли снять часовых на вышках, перебить всех солдат в караульном помещении. Захватив в заложники начальника

пересыльной тюрьмы, заставили сложить оружие оставшихся солдат-конвоиров, которых было ещё более шестидесяти человек.

После захвата пересылки варнаки, прикрываясь заложниками из офицеров и руководства пересыльной тюрьмы, добились того, чтобы к ним на переговоры вышли Лятоскович и офицеры гарнизона централа. Их бандиты также взяли в заложники и заставили отдать команду на разоружение солдат.

Когда солдаты сложили оружие, начался кровавый кошмар. К новому этапу, состоящему из трёхсот человек, из старожилов централа и пересылки для бунта практически никто не присоединился. Но и этих трёхсот хватило, чтобы убить в общей сложности почти четыреста человек. Весь гарнизон централа, большинство жителей села Александровское и многих каторжан, которые попытались остановить непотребные зверства.

Сегодня утром эта банда, собрав небольшой обоз из имевшихся в селе и тюрьмах саней, нагрузив их продуктами, ушла в сторону большого села Усолье, где хочет пополнить обоз, побольше вооружиться за счёт сельчан, а потом прорываться вдоль Сибирского тракта в более обжитую часть России.

К этой банде присоединилось около пятидесяти человек из политкаторжан. Эти хотят через цинскую Монголию и дальше через империю добраться до моря. Дежавю истории двадцатипятилетней давности. И ещё пятьдесят с чем-то каторжан из бессрочников пошли на реки Илим и Лену, чтобы стать свободными старателями.

Всю эту информацию от каторжан, которые не поддержали бунт, получил коллежский советник Сипягин, который прибыл в централ вместе с иркутской казачьей сотней. Он же и руководил дальнейшим распределением вернувшихся в централ каторжан, которые засели в ближайших лесах, боясь, что их могут ни за что пострелять солдаты и казаки, которых бросят на подавление бунта.

Ранним утром, пережив в камере не лучшую ночь, мы вместе с иркутской сотней и обозом еще в темноте направились в Усолье. С Сипягиным осталось ополчение из казаков, которое должно было после прихода роты из резервного батальона отправиться на поиски каторжан, ушедших на Илим и Лену.

До Усолья напрямую через замершую Ангару было около двенадцати вёрст. От Васильева узнали, что данное село большое,

имеется солеваренный завод, где работают и каторжные, и наемные работники. Этот завод дает основной доход. Есть много производств по обработке кожи. Часть жителей занимаются крестьянским хозяйством, извозом, лесным промыслом, а наиболее зажиточные держат постоянные дворы на Московском тракте. Есть почтовая и телеграфная станция. В общем, есть, где и чем поживиться зэкам. А мы идём почти с суточным опозданием.

Как я да и другие предполагали, в Усолье мы пришли к шапочному разбору, а точнее, опять к головёшкам и трупам. Поселение, которое находилось на острове Красное, было практически полностью уничтожено. Солеваренная каторга на острове Варничный, обнесённая высоким забором, где работали «испытуемые» в кандалах, а «исправляющиеся» жили в селе на левом берегу Ангары, выстояла.

Начальник каторги рассказал Головачеву и взводным портупей-юнкерам, а потом эта информация дошла и до нас, что попытку напасть на острог они отбили легко. Когда в Усолье ночью начался грабёж и разбой, начальник острога попытался организовать нападение с частью конвойной команды на бунтовщиков, надеясь на то, что жители села поднимутся, но отряд попал в грамотную засаду. Потеряв десять человек, были вынуждены вернуться в острог. Совершенно не ожидал начальник тюрьмы такого от бандитов. Кто-то ими грамотно командовал.

Несмотря на то что в селе и округе проживало больше трех тысяч жителей, отпора почти никто не дал. Больше половины жителей состояло из ссыльных и отбывших срок каторжан. Те просто не поняли сначала, кто к ним пожаловал. Отдельные выступления коренных сибиряков и казаков, а также охраны купеческих домов подавлялись бандитами беспощадно. В общей сложности больше ста двадцати человек убито, около двухсот девушек и женщин изнасиловано. Больше всех не повезло благородным дамам и их дочерям в санатории «Усолье». Их потом всех убили.

Та часть банды, которая заявила о себе как о политической, в составе чуть больше полсотни человек, в разбое и убийствах не участвовала. Быстро собрали обоз из полутора десятка саней, вооружились тем, что нашли в ближайших домах обывателей, загрузились всем необходимым для дальнего похода и ушли в сторону Иркутска почти двое суток назад. К ним присоединилось несколько

ссылных из участников Кругобайкальского восстания шестьдесят шестого года. Особенно опасным было то, что двое из ушедших ссылных ранее были офицерами Войска польского. Именно по их указанию были срублены телеграфные столбы и увезен с собой провод. Четверть века чёртовы пшеки жили здесь, почти родными стали, а появился шанс, несмотря на возраст и семьи, ушли. Узнали мы о возмущениях начальника местной каторги.

Связи нет. Сообщить об обстановке по телеграфу нет возможности. Рано утром, ещё по темноте, отправили посыльных в Иркутск. К вечеру должны добраться. Большая часть бандитов, около трёх сотен, вчера к вечеру ушла по Московскому тракту в сторону Красноярска. Народ в Усолье от увиденных зверств стал заводиться. Варнаки своим звериным чутьем почувствовали, что им может стать плохо, вплоть до летального исхода, ушли из села от греха подальше. Как начальнику сказал кто-то из местных ссылных, эти бандиты пошли на село Голуметь. Дорога по рекам Белая, Большая Белая и Большая Иреть наезжена. А Голуметь намного богаче Усолья. Там только купцов сорок восемь человек числится, из них половина первогильдейские. Богатство Голумети происходило от торговли с монгольскими купцами, которые обменивали в селе кожи и ткани на мыло и соль с Усольского солеваренного завода.

Химуля, как командир сводного отряда, принял решение с иркутской сотней преследовать основную банду, а наш взвод отправился за меньшей частью. Идём по следам бандитов уже четвертый день. Собрав, что можно, для длительного похода в Усолье, вышли ещё до полудня. Через час были в Тельме, где каторжане хорошо пограбили суконную мануфактуру, найдя на складе все необходимое для зимних переходов. Сожгли телеграф, срубили столбы, провод опять забрали с собой. Убитых и изнасилованных, слава богу, не было.

Начальник суконной мануфактуры, поглядев на наше обмундирование, дал указание выдать юнкерам завезённые на склад для снабжения Забайкальского войска длинные тёплые полушубки, в которых можно ездить верхом, теплое нательное бельё, портянки и самое главное – унты. Это было очень кстати. Морозец кусал серьёзно, и в шинельках да в сапогах очень быстро зубы начинали выбивать чечётку. В сани обоза дополнительно было загружено несколько

больших отрезков парусины, которые можно было использовать для изготовления мест для ночлега на свежем воздухе. А по моей просьбе кинули небольшой рулон белой марлевой материи. Пригодится для маскировки, да и на бинты, если что, пойдёт.

Потеряв в Тельме где-то часа два на дополнительные сборы, двинулись дальше по тракту. Вскоре следы показали, что бунтовщики свернули с тракта на дорогу к Елани. Дойдя до большого села, узнали, что политические особо не зверствовали и не наглели. Основная масса села из ссыльных. Сопротивления не оказало, даже помогло. Бандиты забрали оружие, боеприпасы, которые смогло найти, и ушли в сторону села Большежилкино.

До этого села мы добрались уже в сумерках. Вой и плач, доносившийся из множества домов, сказал нам, что в данном месте всё прошло не так гладко, как в предыдущих. Сложившуюся обстановку разъяснил староста села. Варнаки два дня назад вошли в село и встали на постой с целью переночевать. Всё бы обошлось спокойно, да кому-то из бандитов сладкого захотелось. Полез на дочку одного из Жилиных, а их семья вместе с родственниками пятьдесят две избы в селе занимают.

В общем, когда Якова, который за дочь заступился, убили, то вскинулись остальные его родственники, да и другие сельчане поддержали. Только не готовы были убивать, а каторжане готовы. В результате почти сорок убитых селян, есть и раненые. Пару десятков девок бандиты в отместку за нападение на них попортили, да и жёнкам многим досталось.

Варнаки же поутру забрали всё оружие, которое ночью реквизировали, навалили добра на сани и ушли. Обоз у них большой получился. Почти три десятка саней. Ушли в сторону заимки Салоты, как её называли буряты, или Целоты, как прозвали русские.

С учетом того что во многих домах отпевали покойников, и эта ночь оказалась для отряда нерадостной. Хорошо хоть, в тепле спали. И лошади под крышей ночь провели. Мне вообще повезло. Так как я весь день провёл в головном дозоре, на ночь меня в караул не поставили. Выспался.

С утра к сотнику Головачеву, который контролировал нашу подготовку к отправлению, подошёл один из сельчан – крепко сбитый мужик лет сорока.

– Ваше бродие, дозволю слово сказать.

– Обращайся.

– Ваш бродь, – мужик снял папаху с головы. – Дозволь мне с сыном с вами пойти. Хотим отомстить варнакам. И ещё мужики хотят. Вы не бойтесь, мы обузой не будем. На санях пойдём. Заодно и овса с сеном на прокорм вашим лошадам возьмём, да и для господ юнкеров хороших продуктов прихватим. Нас два десятка набирается. На десяти санях и пойдём.

Я стоял рядом, слышал весь разговор и увидел, как пропали морщины на лбу командира. Это была отличная для нас новость. Обоз взвода состоял всего из четырех саней. А овса и сена надо было много. По нормам в сутки коню приходилось овса два гарнца, это около шести с половиной литров, да сена шестнадцать фунтов, а это хорошая охапка весом в семь килограммов. Посчитайте, сколько надо только фуража на тридцать пять коней в сутки. В общем, с нашим обозом мы могли продержаться трое, максимум пять суток. При этом даже на пятые сутки риск потери лошадей был почти стопроцентный. А за бандитами мы должны будем, вернее всего, идти по территории, где населения нет. Нет населения, нет фуража для лошадей и продуктов для нас. Так что предложения сельчан было не то что в тему, а спасением для нашей миссии.

– Ваше бродие, вы не бойтесь, – продолжил мужик. – У нас лошадки крепкие. И груз увезут, а если понадобится, и под седлом могут ходить. Можем даже по две запрячь в сани.

«Вот это дело, – думал я про себя, слушая монолог сельчанина. – С таким обозом у нас есть возможность догнать зэчар. Если кто-то думает, что сани будут задерживать передвижение отряда, тот глубоко заблуждается. Ещё в детстве узнал в своём мире от старых настоящих казаков-кавалеристов, друзей моего деда, что всадник на коне едва ли сможет догнать конную повозку или сани, как это мы нередко видим в фильмах. Если только на очень короткой дистанции. А если тележка или сани пароконные (что обычно и бывает), то и вовсе никогда. Не верите? Возьмите тяжеленный рюкзак, килограммов этак на тридцать, взгромоздите его на себя и попытайтесь посоревноваться с товарищем, который тянет за собой такой же груз или даже в два раза больше, но на тележке или санках. Не сомневаюсь, что он оставит вас далеко позади».

– И ещё, ваше бродие, – мужик понизил голос чуть ли не до шепота. – Сельчане слышали, что варнаки между собой гутарили и пшекали, что пойдут по реке Китой до Тункинской долины и Тункинского острога, там у них какой-то важный политкаторжанин сидит из пшеков.

– Расстояние большое? – поинтересовался сотник.

– Вёрст сто пятьдесят будет. Может, чуть больше. Если метели аль пурги не будет, дня за три дойдём, – ответил первый доброволец, почёсывая макушку под папахой.

Сборный отряд выдвинулся через час. Вперёд в головной дозор, как и вчера, Головачев отправил портупей-юнkerов Пляскина, Хорина и меня. Потом взвод, за ним обоз из пятнадцати загруженных саней. Ещё раньше на тройке Головачев отправил посыльного в Иркутск с сообщением о возможном нападении политкаторжан на Тункинский острог. Если подмога и не успеет прийти по тракту через Култук и далее вдоль реки Иркут, то хоть по телеграфу предупредят конвойную команду в остроге.

В Целотах были через два часа. Сделали последний привал в условиях жилья. Варнаки и здесь отметились. Клубничка, видимо, им понравилась. На заимке из сорока домов идейные преступники перепробовали всех симпатичных женщин и девиц. Пополнили обоз и двинулись дальше. Питание «клубничкой» сократило временной разрыв между нами на пять-шесть часов. И к нам присоединилось еще трое саней с десятью мстителями. Ночь провели уже на реке Китой, пройдя по ней вёрст тридцать. Бандиты, какие на хрен борцы за свободу после того, что они сотворили, своим обозом проббили хорошую дорогу в снегу.

До острога варнаков за трое суток не догнали, но разницу в расстоянии сократили с двух суток до четырёх часов. Именно через четыре часа наш отряд прибыл к острогу, считая с того момента, как он был захвачен каторжанами. Точнее, по требованию бунтовщиков начальник острога вынужден был расковать и выпустить за стены тюрьмы двадцать семь политических преступников. В случае невыполнения этих требований подошедшая банда обещала спалить посёлок, который вырос вокруг острога, и перебить всех жителей.

Начальник острога – коллежский ассессор Никитин, извещённый по телеграфу о тех зверствах, которые сотворили бунтовщики в

Александровском централье и Усолье, принял решение выполнить требование бандитов. Выпихнул за ворота даже тех политических, которые выходить не хотели.

– Представляете, господа, – обращаясь больше к сотнику, Никитин рассказывал громко, чтобы слышали стоящие рядом юнкера, – я Брониславу Шварцу, который был одним из организаторов январского восстания в Царстве польском в шестьдесят третьем году, говорю – выходите, господин революционер, за вами друзья прибыли. А тот не хочет. У него через три месяца ссылка заканчивается. Правда, еще один, с кличкой Зюк, выбежал за ворота с радостью. А ему в ссылке находится всего два месяца оставалось.

– Александр Павлович, о подмоге есть какая-нибудь информация? – спросил начальника острога Головачев.

– Мне телеграфировали ещё два дня назад, что к нам вышел сводный отряд из иркутского батальона. Но когда он подойдёт?! А у меня в гарнизоне всего четыре десятка человек. Половину можно сравнить с «инвалидной командой». Вот такие у меня бойцы.

Начальник острога, который вышел к нашему отряду, когда мы заехали за стены тюрьмы, продолжал вещать:

– Даже не знаю, что и делать. Варнаки ушли около часа назад. Двигаются по дороге, которая их выведет на тракт вдоль Иркуты. По этому тракту в основном бурятские улусы Нурай, Хабарнуты, Тутхул, Хэлтэгэй, Улан-Горхон, а дальше дацан «Дэчен Даржалинг» на реке Кырен. Ну а после дацана еще верст шестьдесят, и граница с империей Цин, куда тракт уходит и заканчивается у озера Хубсугул. Там в основном идет обмен и торговля с китайскими и монгольскими купцами.

– Ваше благородие, а другая дорога есть, по которой можно обогнать бандитов? – задал я вопрос, понимая, что нарушаю правила субординации. Но иначе данный асессор будет перечислять свои беды и сомнения ещё полчаса.

Никитин от моего вопроса как будто споткнулся и завис. Через десять секунд он обернулся и, найдя глазами надзирателя, попросил:

– Голубчик, найдите мне Бургеду, – после чего пояснил сотнику: – Это наш местный лучший охотник. Он все местные тропки знает.

После этого начальник острога продолжил повествование, из которого выходило, что он просто не имел возможности оказать

сопротивление бунтовщикам и сделал всё возможное, чтобы кровь не пролилась. Хорошо, что вызванный охотник нашёлся быстро. И через десять минут мы знали, что есть дорога через замерзшее болото, но пройти там можно только одноконь. Зато выйдем к улусу Жэмхэг часа через полтора-два, даже раньше, а там есть удобное место, где можно перекрыть тракт. А бандитам в обход по тракту до этого места часа четыре-пять идти. Они же со скоростью пешехода пойдут. Сани грузом заняты. Половина варнаков пешком идёт. Но это если беглые по тракту в Китай двинутся. А могут и по реке Иркут пойти. Но это вряд ли. Кони у них сильно устали, да и бандиты многие поморозились, кашляют.

Я смотрел на сотника Головачева и мысленно сочувствовал ему. Тяжело принимать решение, выбирая или-или.

– Бургед, а Иркут мы перейдём раньше, чем там смогут пройти беглые? – спросил охотника сотник.

– Раньше, ваше благородие. Если они с дороги свернут, чтобы по Иркуту идти, то на месте, где мы его переходить будем, появятся самое раннее через два часа, а мы, если сейчас выйдем, то через полчаса доберемся.

– Тогда поступим следующим образом, – сотник нашел глазами старшего из приставшего к нам обоза «мстителей», Акима Жилкина. – Аким, распрягайте сани и верхами следуете за нами, как перейдём Иркут, хоронитесь на берегу и ждёте пару часов. Если варнаки по реке не пойдут за это время, возвращаетесь. Если пойдут, то обстреляйте их издали и по нашим следам идите за нами, чтобы сообщить.

Подошедший Жилкин молча выслушал сотника, после чего произнёс:

– Ваш бродь, я посыльного пошлю, а сами за варнаками следом пойдём. Будем их пощипывать. А если за три часа не пройдут, то вам на помощь двинемся все. Всё же их теперь под сотню набралось.

– Господин сотник, я с вами отделение нормальных солдат под командованием унтер-офицера отправлю, – вступил в разговор начальник острога Никитин. – Десяток лошадок мы найдем. Не всех бандиты увели. А шагом они за вами поспеют.

Минут через двадцать отряд двинулся вперёд. Я ехал за проводником Бургедом и думал о том, что сегодня эта гонка за беглыми закончится. За три дня, если считать от села Большежилкина,

мы почти догнали эту партию каторжан, но далось нам это тяжело. Особенно лошадям. Идущий подо мной жеребчик по кличке Чёрт, прозванный так юнкерами за свой зловредный нрав, еле перебирал ногами. Пятые сутки в пути, начиная от Иркутска. По всем нормам всем нашим лошадям был нужен минимум суточный отдых, а лучше двое суток. Заболевших среди юнкеров не было, но человек пять обморозили кто нос, кто щёки, а кто-то и то и другое. Спасибо опыту обозников, которые прихватили гусиный жир. А то обморозившихся было бы больше.

Наконец-то переход закончился и вышли на наезженный тракт. Позади на Иркуте остались все «народные мстители». Отделение солдат с посадкой на коне, как собака на заборе, замыкало колонну. Я осматривался по сторонам, пытаюсь определить, где можно сделать засаду. О том, что мы обогнали варнаков, говорило отсутствие следов на тракте, покрытом небольшим слоем наметённого ветром с обочин снега.

Догнав проводника-охотника, благо на тракте можно было и двум саням разъехаться, спросил:

– Бургед, а где место, удобное для нападения на обоз каторжан, о котором ты говорил?

– Шагов через пятьсот балка пологая будет, там летом небольшой ручей протекает. Идет поперёк тракта и дальше к вон той рощице, – проводник указал на виднеющуюся слева от тракта метрах в трехстах вперёд и метрах в ста от дороги небольшую группу деревьев. – Там можно будет укрыться. А позёмка за пару часов наши следы скроет.

«Грамотно. Хорошая фланговая засада получается, – подумал я, прикидывая, где разместить группы нападения, прикрытия, наблюдателей и зону полного огневого поражения. – Только кто мне даст возможность командовать? Но своё мнение Головачеву обязательно доведу. Всё-таки мы с ним столько времени провели в училище, разрабатывая различные тактики действия малых групп казаков в тылу врага. И где Бургед такому научился?! На дорогах пошаливал?»

Действительность оказалась еще лучше. Балка была пологой, но глубокой. Шла не только до рощицы, но и дальше. На фланге можно было разместить двадцать пять человек с интервалами метров по пять, что позволяло организовать зону уверенного огневого поражения

метров в сто пятьдесят – двести по тракту. Как раз на такое расстояние растянется обоз. До дороги от места засады было метров сто двадцать. И располагался тракт чуть ниже небольшого холма, за которым проходила балка. Стрелять сверху вниз всегда удобнее, чем наоборот. В общем, «молот» хоть и с одной стороны, но получался внушительным. «Наковальня», в которой оставалось ещё пятнадцать стрелков, считая отделение солдат, позволяла не пропустить бандитов вперёд по тракту. А заметить, что её, что «молот» будет проблематично. Я хотел предложить Головачеву накинуть сверху на папаху юнкеров и солдат куски белой материи.

По моему мнению, противник, попавший в такую засаду, может предпринять только следующие действия. Первый вариант – увеличить скорость движения, организовав огневой отпор, и попытаться выйти из зоны сплошного поражения. В этом случае противник с ходу попадает под удар «наковальни», а разгром завершает «молот», нанося удары с фланга по противнику. Тем более, если поразить лошадей в санях, которые рванут на прорыв, то можно закупорить тракт. По снежной целине особо не ускачешь. А если поразить лошадей в конце обоза варнаков, то получится классический огневой мешок.

Второй вариант у бунтовщиков – организовать оборону, принять бой и попытаться уничтожить засаду с фланга. Второй вариант обычно имеет место при существенном перевесе противника в огневой мощи сил и средств, как в нашем случае, при этом свои боевые порядки противник организует в сторону «молота». В решающий момент, когда силы противника связаны «молотом», «наковальня» наносит сокрушительный и неожиданный удар в тыл боевых порядков противника. Бежать по целине в сторону от тракта, где нет засады, значит умереть уставшим. Пулю не обгонишь.

Сотник Головачев, которому я нарисовал на снегу схему засады и рассказал о возможных вариантах наших действий и противника, принял её без каких-либо изменений. Разместил юнкеров вдоль балки, обозначил каждому сектора обстрела. Я раздал куски материи и показал, как лучше всего разместить на голове. Командовать «наковальней» оставил унтер-офицера с его отделением и ещё пятёркой юнкеров, сам разместился в середине фланговой засады. Спутанные лошади остались на дне балки, пережёвывая овёс из

подвешенных торб. Оставалось только ждать и молить Бога, чтобы бунтовщики не пошли по реке Иркут.

Лежу в первой ячейке, которую оборудовал в корнях дерева, выкопав небольшой окоп в снегу. С другой стороны от ствола вторая позиция. Ещё через три метра третья. До всех можно добраться ползком через прорытые траншеи. Перед выходом из Тункинского острога получил разрешение от сотника взять с собой мой «Гевар 88», сотню патронов в пачках и ранец. Свою казачью винтовку отдал Васильеву, и патроны к ней. Его ствол остался в обозе. Дядька Игнат и остальные сверхсрочники училища, которые нас сопровождали, остались в Тунке.

Протёр холстиной затвор, убирая образовавшийся иней. Потом почистил все патроны, доставая их из пачек. Снарядил магазин. Остальные пачки сложил в под сумки. Холодно, но полушубок, унты и тёплое бельё позволяли не стучать зубами. Тем более на дно ячеек положил нарубленного лопаткой лапника. Нашлась парочка низкорослых елей. Лежал и с легкой грустью вспоминал свой гибрид из шкур красного волка, который был у меня. Жалко, всё сторело на хуторе. В нём было бы куда теплее. Время тянулось медленно. Но наконец-то вдали по тракту показалось пятно, которое, увеличиваясь в размерах, говорило о том, что идёт большой обоз.

«Кажется, нам повезло, – подумал я. – Сейчас наш длительный забег закончится. Надоела эта погоня. Надеюсь, что будем просто уничтожать этих зверей. Слава богу, в это время толерантностью и не пахнет. А насмотревшись всех тех ужасов, которые совершили бунтовщики, вряд ли у кого из юнкеров дрогнет рука. И сотник – наш человек! У него даже в мыслях не возникло, что надо выйти и предложить бунтовщикам сдаться. Команда от него была – огонь на поражение».

Я через целик и мушку отслеживал проходящих мимо меня каторжан. Скоро первые сани достигнут отметки, после которой мы откроем огонь. «Даже головной дозор вперёд не отправили, – подумал я. – Совсем нюх потеряли ребята». Ещё чуть-чуть, и можно стрелять. Я взял на мушку возницу десятых по счету спереди саней. Первые сани пересекли обозначенную Головачевым линию открытия огня. Выстрел! Возницу снесло из саней. Его тело упало между оглоблей, и

сани остановились. Справа и слева от меня заговорили винтовки юнкеров. Огонь был убийственным.

Теперь будем выполнять поставленную Головачевым задачу – отстреливать наиболее активных каторжан. Если по моим утверждениям отстреливать офицеров в первую очередь при засадах в тылу врага, когда мы с ним разрабатывали тактику ведения боя в этих условиях, сотника корёжило, то по каторжанам он сам мне поставил такую задачу и разместил рядом с собой в цепи ячеек засады.

Смотрим, кто начал проявлять активность. Жаль, рядом нет корректировщика. Но отсутствие оптики на винтовке позволяло самому оценивать ситуацию.

Ага, вот кто-то замахал руками, что-то выкрикивая. «Наш клиент!» – подумал я, навел мушку и мягко потянул за спуск. Выстрел. Одним руководителем стало меньше.

Кто ещё? Мой взгляд начал скользить вдоль обоза бунтовщиков. Ещё один стал что-то кричать и показывать рукой на наши огневые позиции. «Нет, организованной атаки нам не надо!» – успел подумать я, пока тело на автомате делало свою работу. Выстрел, и каторжанин, получив пулю в лоб и разбрызгав затылком, слетел с обочины тракта, на который успел забраться.

А дальше понеслось. Каторжане через снежную целину попёрли на нас по пояс в снегу, стреляя из всего, чем были вооружены. «Наковальня» сработала отвратительно. Десяток солдат и пятёрка юнкеров стреляли во фланг бунтовщикам, но их точность была нулевой.

Я слился со своей винтовкой в одно целое и долбил, как из пулемёта, пытаюсь охватить как можно больший сектор и еле успеваю менять пачки патронов, передёргивать затвор. Остановился только после того, как целей не осталось. Последних бил уже чуть ли не в упор, метрах в двадцати. Проверил подсумки. Осталось пять пачек от двух десятков. «Семьдесят пять выстрелов. За тридцать попаданий могу голову отдать, – подумал я. – Сорок процентов поражённых целей. Обалденный для скоротечного боя результат».

Я, расслабившись, растянулся на лапнике и прижался горячей щекой и лбом к холодному прикладу винтовки, вдыхая запах сгоревшего пороха. Давно я так не стрелял. Спасибо, винтовочка, выручила. Могли нас смять каторжане. Ещё чуть-чуть, и смяли бы. Очнулся от голоса сотника.

– Ермак, оглоблю тебе... – Головачев, застыв заиндепевшей фигурой надо мной, поперхнулся и продолжил: – Много видел хороших стрелков, но то, что творил сегодня ты...

Сотник снял с усов иней и лёд, откашлялся и продолжил:

– Теперь верю, что можешь, стреляя, буквы рисовать на мишенях. Спасибо тебе. Если бы не ты, могли бы и потерпеть поражение.

– Ваше благородие, отбились – и слава богу, – ответил я, вставая и попытавшись принять стойку смиренно.

Сотник, ничего не говоря, сграбастал меня в объятия.

– На награду обязательно представлю, – прошептал мне на ухо Головачев. – Молодец! Спасибо тебе!

Пошли доклады от портупей-юнкеров. Отделались, можно сказать, легко, с учётом трехкратного превосходства каторжан-бунтовщиков и хренового действия «наковальни». Двое убитых и пять человек раненых юнкеров. Мой «казак» Васильев, благодарю тебя Господи, остался жив. В ранце у меня было три комплекта перевязочных материалов. Использовал их для тех, кто, по моему мнению, мог выжить.

Не дай вам бог делать такой выбор. Перебинтовать того, кто, возможно, выживет, и не сделать этого с тем, кого списал из живых. Впервые, за всю свою жизнь в этом мире, попросил закурить. Затянулся папироской и ничего не почувствовал. Грамм бы двести неразбавленного спирта! Чувствую, и это не поможет. Всего полгода прожил с ребятами, а как тяжело их терять!

После оказания помощи цепью двинулись к тракту, проверяя по пути убитых или раненых бунтовщиков. Заметив, как старший портупей-юнкер Забелин склонился над одним из лежащих каторжан и достал кинжал, выстрелил по телу бунтовщика навскидку. На мой выстрел сбежались юнкера, которые были рядом, и подбежал, продираясь через сугробы, сотник Головачев.

– Что случилось? – спросил взводный.

– Ваше благородие, лучше будет, если все каторжане погибнут от пуль. Ни к чему резаные раны. Найдётся много защитников нашим борцам за свободу. Чтоб их черти жарили...

Головачев задумался, а потом выдал конкретный приказ:

– Живой не живой – проверять стреляя!

Когда добрались до тракта, прозвучало еще пара-тройка выстрелов контроля. На дороге встретились с солдатами и юнкерами, которые были в «наковальне». Если юнкера имели бледный вид, то солдаты конвоя выглядели героями Советского Союза. Как же, участвовали в уничтожении противника.

Я подошел к пшеку, который пытался организовать и, можно сказать, организовал атаку на засаду. Рядом остановился унтер, старший над отделением конвойных, и, глядя на труп мужчины лет двадцати пяти – тридцати, во лбу которого было отверстие от моей пули, а затылка не было, произнёс:

– Дурачок! Ему оставалось два месяца до окончания ссылки! А теперь Юзеф Пилсудский – покойник! Зачем ему это надо было?

– Кто? – ошарашенно произнёс я.

– Юзеф Пилсудский, он же Виктор, Мечислав и Зюк. Какие-то ещё есть клички. Хороший парень, но свёрнутый на Польше от моря до моря. За что и сидел.

«Неужели это будущий маршал Пилсудский – глава возрождённого Польского государства, основатель польской армии, победитель Тухачевского? – мысли в моей голове метались со скоростью пули. –

Это что, я завалил автора конференции „Междуморья“, которая должна была простираться от Чёрного до Балтийского моря, благодаря чему должно было избежать в Центральной Европе доминирования Германии или России? Охренеть... Кажется, история начала усиленно меняться. Я что, убрал с доски истории будущего диктатора Польши?!»

– А ты чего такой, как будто апостола или саму Богородицу увидел? – спросил меня унтер.

– Похоже, я раздавил бабочку...

– Бабочку? Зимой? Да ты шутник, однако!

Глава 9

Воля государя

Я сидел около окна вагона и смотрел, как медленно для меня – скорость не превышала сорока километров в час – проплывает пейзаж Ленинградской, прошу прощения, Санкт-Петербургской губернии. До прибытия в столицу, по словам проводника, осталось два часа. Я открыл крышку хронометра, подаренного, точнее, данного в обмен цесаревичем. Прибудем в шестнадцать ноль-ноль.

Несмотря на хмурую погоду и морозящий дождь за окном, моё настроение было радостным и приподнятым. Я в который раз за последние сорок дней скосил взгляд на свой погон, где золотом горели две звёздочки и литера «А». «Ещё раз здравия желаю, господин хорунжий Амурского казачьего войска! Вот и выполнил я первый этап своих планов и наказа деда. Стал офицером. Меньше года прошло с момента моего поступления в Иркутское юнкерское училище. Как быстро пролетело это время!» – подумал я, вспоминая наиболее яркие события учёбы после Нового года.

После разгрома обоза беглых политкаторжан у реки Иркут наш взвод вернулся в училище. К этому времени в родные стены возвратились два пехотных взвода юнкеров, которые участвовали в погоне и разгроме основной банды бунтовщиков. Как выяснилось из разговоров, разошлись наши подразделения буквально на пару часов, когда мы свернули с Московского тракта, а пехота, состоящая из роты резервного батальона и двух взводов училища, проследовала к селу Усолье на помощь отряду войскового старшины Химули.

Дальше у них был бой в селе Голуметь, где надолго застряли разгулявшиеся бунтовщики, творя беспредел и ужас. Химуля и командир сотни не нашли ничего лучшего, как влететь в село, предполагая, что вслед за казаками должна была войти пехота. Всё бы хорошо, но бандиты открыли огонь из домов. Потом их атаман Могила, как позже выяснилось, бывший офицер гвардеец, организовал отпор и пехоте, которая была вынуждена под огнем рассыпаться с тракта в цепь по целине и залечь.

В этом бою отличился юнкер Заславский. Когда казаки под обстрелом стали выбираться назад на дорогу из села, Казимир увидел, как войсковой старшина Химуля, отступающий последним, упал с коня, после этого попытался подняться, но свалился на землю вновь. Поймав за узду рысившего мимо жеребчика с пустым седлом, Заславский, вскочив на коня, налётом понёсся к упавшему командиру. По дороге за повод поймал ещё одного жеребчика без всадника. Подлетев к войсковому старшине, Казимир, соскочив с коня, смог взвалить и посадить в седло Химулю. В этот момент убили лошадь Заславского, и юнкер был вынужден бежать рядом с конём, на котором еле держался раненый сотенный командир училища. Казимир почти добежал до своих, но тут его сразила пуля. Обозлённые потерями казаки, солдаты и юнкера на одном дыхании ворвались в село вновь и на этот раз уничтожили всех сопротивлявшихся каторжан. В этом им стали усиленно помогать жители села, которые устали от творимых варнаками зверств.

А в большой зале училища после этих событий появилось девять новых белых мраморных досок, на которых золотом были вписаны фамилии юнкеров, которые не успели стать офицерами, но отдали жизнь, защищая жителей Иркутского генерал-губернаторства от зверей в человеческом облики. Все они были награждены серебряными медалями «За храбрость» с ношением на груди, а на одной из табличек было написано: «Заславский Казимир Александрович, награжден Знаком отличия Военного ордена Святого Георгия четвертой степени за спасение офицера».

Вспоминая, как выглядят таблички на стене залы, я непроизвольно вздохнул. Жалко ребят. И Казимира жаль. В том бою он был тяжело ранен, был задет позвоночник. Прожил ещё почти три месяца. Дождался награждения, после чего тихо угас в течение недели.

Теперь мне почему-то думалось, что мы могли бы стать с ним друзьями. Он же просто хотел проявить свою исключительность, ведя так себя в училище и нашем с ним конфликте. Вот и проявил её – в бою. Спас командира, а сам все же погиб.

Химуля остался жив, но до окончания обучения мы его не видели, так как войсковой старшина находился на излечении. Пуля, войдя в спину, пробила ему грудную клетку с правой стороны. Ранение было тяжёлым, с осложнением.

Не обошли наградами и нас – оставшихся в живых. Ещё десять юнкеров, включая меня, были награждены серебряными медалями «За храбрость» с ношением на груди. Всё-таки данный бунт каторжан вошёл в историю Иркутского генерал-губернаторства как очень кровавый. Обыватели, которые помнили восстание поляков в шестьдесят шестом году, говорили, что по количеству убитых и зверствам, что творили нынешние преступники, два этих бунта нельзя даже сравнивать.

Дело в том, что местные крестьяне и казаки, включая инородцев, очень не любят беглых каторжан и других варнаков, которые творят воровство, разбой, насилие над женщинами. Поэтому убийство беглецов и разбойников не редкость в Сибири. Последние лет тридцать их просто стреляли, как зверьё. По закону надо было бы ловить и сдавать в полицию, но, по мнению сибиряков, буйных и наглых легче и надёжней пристрелить. Поэтому в последние годы каторжане вели себя тихо, даже во время побегов. Проще попросить, чем украсть или разбоем взять.

Тем более, местные жители искренне жалели этаплируемых арестантов. Подкармливали их во время прохождения через села, несмотря на законы, запрещающие такие действия. И конвой не мешал этому. Денег на этап выдавалось в самый обрез, поэтому от подарков жителей кормились в пути не только каторжане, но и конвой, который их охранял.

Да и всевозможных бродяг, бредущих по дорогам, тоже кормят. Хотя каждый знает – среди них беглых почти половина. Но они же идут тихо, мирно, никого не трогают. А некоторые особо сердобольные граждане в заборах своих хуторов даже специальные окошечки делают с полочкой, на которую для любого проходящего кружку молока ставят, накрытую ломтём хлеба, или варёные яйца кладут. Такой обычай сохранялся даже в СССР до конца шестидесятых-семидесятых годов двадцатого столетия.

Народ здесь живёт по принципу: не делай ему зла, и он к тебе по доброму отнесётся. Видимо, за последние годы сложившееся благолепие в отношении с каторжанами и ссыльными несколько расслабило местных, вот они и не оказались готовыми к тому насилию и кошмару, которые случились при этом бунте. Только в селе

Большежилкино попытались дать отпор, но головорезы, спаянные кровью, оказались сильнее.

При вручении наград на общем построении училища меня настигла благодарность дедушки Корфа. Полковник Макаревич, вручив мне серебряную медаль «За храбрость», сделал паузу, а затем зачитал приказ приамурского генерал-губернатора. После чего поздравил ещё раз и рядом с серебряной медалью прикрепил золотую, по приказу за «совершённые подвиги в бою». Чуть позже, можно сказать автоматом, мне прилетели две лычки портупей-юнкера.

Я посмотрел вниз на свой мундир. «Красивые медали и о многом говорят, – подумал я. – Даже при производстве в офицерское звание разрешается носить».

Данная награда «За храбрость» была учреждена в тысяча восемьсот седьмом году и предназначалась для награждения нижних чинов иррегулярных войск и военизированных формирований за отличия в боевых действиях, а также за подвиги, проявленные в схватках с нарушителями общественного порядка и хищными зверями, как в военное, так и в мирное время. Медаль на георгиевской ленте и имеет четыре степени достоинства: серебряная медаль меньшего размера для ношения на груди; такая же золотая медаль для ношения на груди; серебряная медаль большего размера для ношения на шее; такая же золотая медаль для ношения на шее.

Я ещё раз полюбовался на профильное изображение императора Александра III на обеих медалях. «Жалко, что надпись „За храбрость“ на обратной стороне медали, – подумал я. – Но может, царь-государь на приёме ещё чем-нибудь наградит. А то что-то он дёшево жизнь своего сына ценит. Всего лишь золотая нагрудная медаль». Я усмехнулся, вспоминая о том, как меня душила не жаба, а некоторая обида на императора и цесаревича после награждения по приказу дедушки Корфа.

Еще ценным и памятным для меня на последнем этапе обучения стало завершение небольшой, совместной с сотником Головачевым работы «Тактика боевых действий малых казачьих групп в тылу противника». Данный письменный труд был оформлен мною по требованиям диссертаций двадцать первого века. Введение, в котором описал актуальность данной темы, рассмотрел краткие исторические примеры действий отрядов во вражеском тылу со ссылками на

петровский корволант, партизанские отряды Отечественной войны двенадцатого года, задачи, цели, теоретическую и практическую значимость. Дальше шли две главы. В первой – теоретическое описание данных боевых действий с исторических времен и до пластунских команд Кавказской войны с семнадцатого по шестьдесят четвертый год и русско-турецкой войны семьдесят седьмого – семьдесят восьмого годов. Во второй главе шли предложения по тактике действий малых групп «охотников» из казаков и солдат по ведению разведки, устройству нападений на штабы, колонны, склады, обозы противника. Виды засад, огневого контакта, тактика взятия языков и такое прочее с рисунками, схемами и описанием действий. В заключении постарался написать явные выигрыши от таких военных действий. Труд получился небольшим, всего на сотню листов, но мне и сотнику Головачеву понравился. Полковник Макаревич, ознакомившись с работой, дал приказание сделать несколько копий.

В мае месяце были сданы экзамены, после чего все отправились в летний лагерь, который располагался в пяти километрах от города на реке Ушаковка. Там юнкера конного взвода жили по общему распорядку дня с пехотными. Контрольные манёвры проводились для первого курса рядом с селом Усолье, после второго в районе Байкала.

И вот традиционное построение выпускников по окончании манёвров и смотра в летнем лагере. В развернутом двухшереножном строю стоит тридцать восемь человек. Четверо юнкеров старшего курса погибли, а пятеро были ранены. С учетом пропущенных занятий из-за лечения все раненые остались на второй год обучения, становясь «майорами». Но такое «майорство» было почётно как в глазах юнкеров, так и руководства училища. На младшем курсе погибло пять человек и шестеро были ранены.

После команды «смирно» фронт юнкеров обошли взводные офицеры и раздали каждому выпускнику царский приказ о производстве, напечатанный на двух страницах, где каждый юнкер мог найти своё имя и полк, в который вышел.

В сопровождении начальника училища к строю вышел генерал-губернатор Горемыкин и не спеша начал обходить ряды, пристально вглядываясь в лица будущих офицеров. Останавливался то около одного, то около другого юнкера, расспрашивая об их семьях и полках,

в которые они выходят. Дойдя до левого фланга, он отошёл к середине фронта и, хорошо видимый всеми, обратился к юнкерам:

– Благодарю вас, господа, за прекрасные манёвры и смотр!..

– Рады стараться, ваше превосходительство! – слаженно, громко и радостно рявкнули мы в ответ.

Это был последний ответ юнкеров. Вслед за этим они становились офицерами либо старшими унтер-офицерами, так как Александр Дмитриевич сделал два шага вперёд и громким голосом произносил магическую фразу чудесного превращения:

– Поздравляю вас, господа, с производством в офицеры и в подофицеры!

Окончившие двухгодичное юнкерское училище по первому разряду производились при выпуске в офицеры по XII классу табеля о рангах: подпоручик в пехоту, корнет в кавалерию и хорунжий в казачьи войска. Окончившие училище по второму разряду выпускались в старших унтер-офицерских званиях: подпрапорщиками, эстандарт-юнкерами и подхорунжими должны были дожидаться производства в офицеры в своих частях. В нашем выпуске только пятеро, включая меня, закончили училище по первому разряду.

Оглушительное «ура», и строй сломался. Вверх полетели бескозырки. Потом толпой идём в бараки, где на кроватях уже лежит новая парадная форма, в которую, смыв грязь и пыль под рукойниками, все спешно переодеваются. После этого один за другим выходим к уже ожидавшим у входа в лагерь извозчикам, чтобы ехать в Иркутск.

Перед отъездом навсегда из летнего лагеря на стенах и потолке барачков, изнутри, каждый вновь произведённый, по традиции, красками полковых цветов записывал своё имя и полк, что делало внутренность летних помещений живописной. Надписи эти начальство не стирало, и они оставались на многие годы.

Ещё одной традицией были выборы «полковника», «войсковых старшин» и «есаулов» в новый Совет охраны казачьих традиций. Также осуществлялся официальный перевод «казаков» младшего курса в «хорунжие». Всё это происходило ночью перед днём выпуска.

Традиционный обед вновь произведённых офицеров и старших унтер-офицеров назначался на другой день после производства, в одном из лучших ресторанов Иркутска «Россия», который

располагался в здании гостиницы на углу улиц Большой и Амурской. На прощальном обеде присутствовали в качестве почётных приглашённых гостей начальник и обер-офицеры училища, с которыми в этот день бывшие юнкера по традиции переходили на «ты».

После ресторана на следующий день выпускники в последний раз приезжали в родные стены, где присутствовали на молебне в училищном храме, а затем снимались всем выпуском у фотографа, являвшегося в училище. Снимки всех выпусков, на которых молодые офицеры и подофицеры фигурировали в парадной форме, затем вешались в проходном помещении училища, ведущего в столовую.

Когда сделали снимок и бывшие юнкера потянулись на выход, меня окликнул полковник Макаревич:

– Хорунжий Аленин!

– Я, господин полковник, – ответил я, разворачиваясь в сторону начальника училища и вытягиваясь во фронт.

– Пройдёмте ко мне в кабинет.

В кабинете полковник достал из сейфа конверт и протянул его мне. Увидев на сургуче отпечатки печати Министерства императорского двора, непроизвольно вытянулся по стойке смирно и с легким хрустом сломал розовый сургуч. Достал письмо и прочитал две строки: «Жду на прием. Александр». Подумав, протянул листок начальнику училища.

– Не надо, хорунжий, – остановил меня движением руки Макаревич. – Я примерно в курсе, о чём в письме идёт речь. Мне предписано, и на это выделены деньги, немедленно по окончании обучения и присвоении звания отправить вас на почтовых в столицу. Государь желает вас видеть.

После этих слов полковник достал из сейфа ещё один пухлый конверт большего размера и протянул его мне.

– Здесь предписание, дорожная и денежные средства. Вам следует со всей возможной скоростью прибыть на приём к его императорскому величеству. До этого посетить в Министерстве императорского двора генерала от кавалерии графа Воронцова-Дашкова.

Я вынырнул из воспоминаний. Позади была почти сорокадневная дорога на почтовых и поездах. Сейчас впереди Московский вокзал,

извозчик, гостиница, где надо привести в себя в порядок с дороги и отдохнуть. А завтра на прием к графу Воронцову-Дашкову.

– Ваше сиятельство, хорунжий Аленин по предписанию прибыл, – закончив фразу доклада, я сделал три шага вперёд и положил на стол графа лист, в котором стояла его подпись.

Генерал от кавалерии в парадном мундире, который был буквально усыпан наградами, взял в руки предписание, прочёл его, внимательно оглядел меня, после чего произнёс:

– Два дня на то, чтобы построить новый мундир. В таком перед государем стыдно появляться. Через два дня в полдень жду в кабинете. Адъютант всё подскажет. Можете быть свободны.

Я резко кивнул, развернулся кругом и, печатая шаг, вышел из кабинета. «Краткость – сестра таланта. Вот это генерал! Почти как Михалыч в исполнении Булдакова. Пять предложений, и весь прием. И интересная задача про мундир», – подумал я, закрывая за собой дверь. Поворачиваясь назад от двери, чуть не столкнулся с адъютантом Воронцова-Дашкова, который протягивал мне конверт.

– Здесь деньги и адрес портного, который вас ждёт. Ещё какие-то вопросы есть?

– Никак нет, господин полковник, – ответил я адъютанту графа.

– Тогда действуйте, хорунжий. Времени не так уж и много.

Сев в фаэтон извозчика, который подвозил меня до министерства и остался ждать нового пассажира недалеко от входа здания, я вскрыл конверт. Прочитав адрес, сказал его водителю такси на конной тяге, а пересчитав деньги в конверте, задумался. Пятьсот рублей на построение мундира. Вот это дерут деньги в столице! Какие же материалы на форму идут?! Мой парадный мундир, в котором сейчас находился, вместе с фуражкой, ремнём и сапогами обошёлся мне в девяносто три рубля. И я не сэкономил, хотя это было на девятнадцать рублей больше, чем мой месячный оклад, как полусотника в Амурском конном полку.

Хорошо, что денег для прибытия на прием к императору, которые получил в конверте, было достаточно, чтобы уверенно чувствовать себя в дороге. Но в столице надо срочно урезать расходы. Неизвестно, что меня ждёт дальше.

«Для начала надо найти гостиницу подешевле, – думал я, трясясь по мостовой на извозчике. – Два рубля за сутки – это очень много. Да и

обед в ресторане при гостинице обошелся недёшево. Рубль за обычный обед: первое, второе, салат, десерт, без изысков, пускай и вкусно. Надо будет расспросить извозчика. Этот, в отличие от привокзального, запросил всего двадцать копеек, а не пятьдесят, которые содрал предыдущий шельмец. Может, подскажет чего. В моём времени таксисты были ещё и живыми справочниками о жизни города».

Портной, который представился Александром Ивановичем, имел внешность представителя национальности, которая издревле занималась данным трудом, а увидев в его глазах всю боль еврейского народа, я понял, что «Абрам Исаакович» – настоящий мастер своего дела.

Так оно и оказалось. Десять минут быстрых замеров, выбора материала, и меня заверили, что завтра к полудню всё будет готово, включая сапоги, шарф и ремень плечевой портупеи, которые также доставят сюда. Проводил меня портной со словами: «Передайте его высокопревосходительству, что Александр Иванович Берман всегда рад услужить его сиятельству и всем тем, кто приходит по его рекомендации».

Извозчик, дожидавшийся меня на улице, довёз до новой гостиницы, ознакомившись с которой я решительно переехал в неё. Рубль в сутки, а условия для проживания практически такие же. При этом в номере был большой шкаф, где уместились все мои вещи: родной РД, оружие, чемодан, саквояж с всякими мелочами. Успел за год обрасти шмотками.

К еще одному достоинству новой гостиницы я бы отнёс трактир, который по содержанию и обслуживанию соответствовал разряду кафе-ресторан моего времени. Ужин в нём обошёлся в тридцать копеек с чаевыми. Запечённая картошка с мясом, салат, малосольные огурчики, чай со сдобой. Всё вкусно, и порции приличные по размерам. Еле съел.

Чтобы убить время, накопил газет и отправился в номер знакомиться с периодикой. Познавать современный мир через печатные издания. Гулять идти не хотелось, так как обилие офицеров на улице, причём почти все старше по званию, за время проезда в пролётке заставляло козырять то и дело. Эх, выйти бы в партикулярном платье, прогуляться по Невскому. Не положено-с!

На следующий день провалялся до обеда в кровати. Что-то эта длительная дорога меня совсем расслабила. Делать ничего не хотелось. Видимо, пошёл откат за все те нагрузки, которые я успел перенести в этом мире. Такая апатия преследовала меня дней десять последних. Возможным был и вариант защитной реакции организма на предстоящий прием у императора. Как я понимал для себя, на этой встрече Александр III объявит свою волю в моём отношении. И дальше, чтобы я ни хотел сделать, придётся делать то, что тебе приказал его величество. Как говорится, попала белка или собака в колесо, пищи, но беги. Я улыбнулся, вспомнив анекдот на эту тему.

Барин останавливает извозчика и лезет в коляску.

– Какую песню петь, барин?

– погоди, нога попала в колесо.

– Но-о! Нога попала-а в колесо-о-о!

Через час борьба с ленью закончилась, я встал, привел себя в порядок, спустившись в трактир, пообедал. Дёшево и вкусно, после чего на извозчике отправился к Александру Ивановичу.

«Да, всё-таки Абрам Исаакович, – ну не ассоциировался у меня портной с именем Александр Иванович, – мастер с большой буквы, – думал я, разглядывая себя в большом зеркале. – Точнее будет так – МАСТЕР. Буквы все заглавные».

Из зеркала на меня смотрел подтянутый, стройный, с широкими плечами офицер, со строгим, даже несколько угрюмым выражением лица. «Кого-то вы мне, батенька, напоминаете, – я более внимательно всмотрелся в своё теперь лицо. – Точно, вспомнил. Если молодому Гойко Митичу приклеить усы, которые я отпустил за полгода, и постричь, то получится моя копия, или я копия Виннету – сына Инчу-Чуна, или Чингачгука Большого Змея. Только такой рельефной мускулатуры нет. Поменьше мышца, поменьше». Поправив ремень плечевой портупей, к которой уже прикрепил свою родовую шашку с офицерским темляком, я улыбнулся своему отражению, получив улыбку в ответ.

– Я смотрю, вам понравилась, ваше благородие, моя работа, – обратился ко мне портной. – Вы знаете, почти все хвалят работу Александра Ивановича Бермана. Мой прапрадед носил фамилию Хаят, то есть портной. Наша семья долго жила в Европе. Но по приезде из

Германии в Россию мой отец получил паспорт на фамилию Берман. Почему? Так я вам не скажу. Отец не был похож на медведя.

Я не вслушивался в болтовню портного, который продолжал вещать о начале жизни в России, как им пришлось стать выкрестами. Думал о том, что в таком виде действительно не стыдно предстать перед императором.

– Сколько я вам должен, уважаемый? – прервал я поток красноречия портного.

– Только для вас, триста рублей, – ответил Александр Иванович и, судя по внешнему виду, приготовился торговаться.

– Замечательно, – зайдя за ширму, где я переодевался, достал из кармана деньги и, отсчитав необходимую сумму, передал их Берману. После этого с помощью портного разместил на новом мундире медали и, попросив отправить в номер гостиницы моё «старое» обмундирование, вышел на улицу. Надо обмять новый мундир.

Немногочисленные прохожие оглядывались на молодого казачьего офицера, одетого в темно-зеленый мундир со стальными чешуйчатыми эполетами, на которых золотом горели две звездочки с литерой «А», и с двумя медалями на георгиевской ленте на груди. Но больше всего вызывала удивление черная барашковая папаха с непривычным для столицы длинным мехом. Быстро устав от этого внимания, через квартал от мастерской взял извозчика и поехал в гостиницу. Погуляли, однако!

На следующий день стоял в приёмной графа Воронцова-Дашкова и ждал приема, которого не случилось, так как генерал от кавалерии вышел из своего кабинета и приказал следовать за собой. Извозчик, поезд до Гатчины, какой-то навороченный экипаж, запряжённый четвёркой лошадей, и вскоре передо мной открылась громада любимой императорской резиденции.

Я стоял по стойке смирно в одном из приёмных залов в бельэтаже Арсенального каре Гатчинского дворца. Напротив меня в трех шагах стоял император Александр III, за которым разместились императрица Мария Фёдоровна и большая группа свитских. До начала оглашения указа, который зачитывал император, князь Барятинский и цесаревич Николай, находящиеся в свите, успели ободряюще мне улыбнуться. Словно сквозь вату в ушах, заглушая бухающие удары сердца, до меня доносились слова самодержца: «Божьей милостью, Мы, Александр

Третий, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая, Нашему хорунжему Амурского конного полка Тимофею Аленину, в воздаянии отличного мужества и храбрости, оказанных вами в делах против неприятеля, утверждая определённую по удостоению Георгиевской Кавалерской думы, генерал-губернатора Приамурья, по представленной Нами власти, награду за то, что в бою под станицей Черняева... спас ценой собственной крови государя наследника... Всемиловитейше пожаловали Мы вас в пятнадцатый день сентября тысяча восемьсот девяносто второго года Капитулу данным Кавалером Императорского Военного ордена Нашего Святого Великомученика и Победоносца Георгия четвертой степени...»

Закончив оглашать указ, император подошёл ко мне и, взяв с подушечки, поданной кем-то из свитских с погонами генерал-майора Свиты Его Величества, орден, прикрепил его мне на мундир, успев шепнуть на ухо: «Спасибо тебе за сына, Тимофей».

– Служу Престолу и Отечеству! – на автомате ответил я.

Если сказать, что я находился в полном ступоре и ауте, то это ничего не сказать. Была у меня слабая надежда на орден Владимира четвёртой степени и потомственное дворянство. Были прецеденты. Но чтобы Святого Георгия! Об этом я даже и не мечтал. Для моих девятнадцати лет и происхождения – этот орден был запредельной наградой.

Между тем император уступил место графу Воронцову-Дашкову, который дошёл до всех присутствующих, что мне, как потомственному дворянину волей Его Императорского Величества, выделяется пятьсот десятин кабинетных земель в районе реки Зея Амурской области. При этом в первую часть дворянской родословной книги Санкт-Петербургского губернаторства я буду внесён под фамилией Аленин-Зейский, с гербом и печатью. Не успел я отойти от такой новости, как вперёд вышла императрица и сообщила, что она дарует мне небольшое имение-мызу недалеко от Гатчины.

«Всё! Сливай воду, туши свет, – подумал я. – Отблагодарили действительно по-царски. Высоко взлетел, как бы только падать с такой высоты не пришлось. Разбиться можно».

Церемония закончилась. Царское семейство направилось на выход из зала. Я уже вздохнул с облегчением, но рано радовался. Ко мне

подошёл князь Барятинский и огорошил сообщением, что его величества ждут меня на приём в узком кругу.

Пройдя за князем несколько коридоров, зашёл за Барятинским в небольшое помещение, в центре которого за столом с чайной посудой разместилось всё царское семейство с детьми, кроме Георгия, и с ними граф Воронцов-Дашков. Увидев данную картину, я снова впал в ступор. В прошлой жизни один раз довелось видеть президента Ельцина, когда он вручал мне звезду Героя России в Георгиевском зале Кремля. Но пообщаться с гарантом Конституции не удалось. На небольшом фуршете, организованном для награждённых, он не присутствовал. А здесь чаепитие с царской семьёй. «Только бы какой-нибудь косяк не упороть, – подумалось мне. – К таким церемониям и в таком кругу я точно не готов. Но будем посмотреть, так, кажется, говорят».

– Проходите, Тимофей, садитесь за стол, – усмехаясь в бороду, видя моё замешательство и указывая на свободный стул, пробасил император.

Я деревянной походкой подошёл к столу и присел на краешек указанного стула, отмечая про себя, с каким интересом меня рассматривают Ксения, Михаил и маленькая Ольга.

Как будто бы из воздуха материализовалась пара слуг в роскошных ливреях, которые быстро, не пролив и капли, наполнили чашки чаем, а потом так же незаметно испарились.

– Расскажите о себе, Тимофей, – с ласковой улыбкой обратилась ко мне императрица.

– Ваше императорское величество, – я вскочил из-за стола и принял стойку смиренно.

– Тимофей, не надо вставать. Рассказывайте сидя. Мы просто пьём чай и беседуем, – мило улыбнулась Мария Фёдоровна, а Ольга насмешливо фыркнула, но тут же, опустив голову, уставилась в свою чашку под укоризненным взглядом матери.

Я, вновь присев за стол, начал повествование о своей жизни. Рассказал о своей семье, о гибели дядьев и родителей, о пропавшей без вести сестрёнке. В этом моменте рассказа императрица промокнула платочком глаза, а Ксения и Ольга с жалостью смотрели на меня. Дальше рассказал о смерти деда и его наказе стать офицером, о том,

как стремился выполнить данное завещание, об учебе, о станичной школе казачат, экстернате и поступлении в юнкерское училище.

– Тимофей Васильевич, а почему о своих воинских подвигах не рассказываете? – поинтересовался его высочество Михаил, глядя на меня восторженными глазами. – Мне брат поведал, как вы и другие казачата геройски сражались на пароходе. Вот здорово!

– Простите меня, ваше императорское высочество, но ничего хорошего в войне нет. У нас на Амуре, можно сказать, идёт вялотекущая война с различными бандитами, которые приходят из империи Цин. И потери среди казаков бывают большие. И как на всякой войне, тебя окружает грязь, страх, боль и кровь. Не думаю, что про это надо рассказывать.

– Что-то никакого страха я в тебе не увидел, Тимофей, во время боя, – включился в разговор цесаревич Николай.

«А, была не была, – подумал я про себя. – Давал себе слово не использовать больше песен из будущего, но лучше, чем стихами Юлии Друниной, на вопрос цесаревича не ответишь. Только чуть-чуть отредактирую. Я всё же мужского рода». После этого с чувством произнёс четверостишие поэтессы-фронтовика:

Я видел столько раз бой рукопашный,
Пять наяву. И тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

– Кхм, – будто бы поперхнулся князь Барятинский.

– Лучше и не скажешь, – задумчиво произнёс граф Воронцов-Дашков. – Действительно, тот ничего не знает о войне.

– Это всё?! – заинтересованно спросила великая княжна Ксения.

– Да, ваше императорское высочество. Одно четверостишие пришло на ум, когда государя наследник задал мне вопрос во время боя на пароходе – страшно ли мне? Честно говоря, стихов я не пишу.

– А как же, Тимофей Васильевич, вы пишете свои песни?

– Не знаю, ваше императорское высочество, – ответил я. – Они как-то сами на ум приходят вместе с музыкой.

– Но я слышала, что одну песню для своей названной сестры вы по заказу написали?

– А что оставалось делать, ваше императорское высочество?! Если бы не написал, то меня домой бы и на свадьбу не пустили, – ответил я, подумав про себя, что мою личность, судя по всему, просветили как под рентгеном, если такие мелочи всплыли.

– А я хочу, чтобы для меня Тимофей Васильевич написал песню, – заявила княжна Ольга, и её серьёзный вид заставил вновь всех рассмеяться.

Видя, как ребёнок надулся, я решил её порадовать ещё одной песней из будущего. Сто бед – один ответ. Где стихи, там до кучи ещё одна песня.

– Ваше императорское высочество, я готов исполнить для вас песню. Если бы ещё музыку...

Словно по мановению волшебной палочки в комнате появился лакей, который передал мне в руки гитару. Проверив, как она звучит, я запел.

От улыбки хмурый день светлей,
От улыбки в небе радуга проснётся...
Поделись улыбкою своей,
И она к тебе не раз ещё вернётся.

И тогда наверняка вдруг запляшут облака,
И кузнечик запиликает на скрипке...
С голубого ручейка начинается река,
Ну, а дружба начинается с улыбки.

Когда я закончил петь все куплеты детской песенки, заменив лампочки на звездочки, на лице Ольги сияла улыбка, озаряющая всё вокруг, да и остальные сидящие за столом улыбались, можно сказать, до ушей, только у старших мужчин из-за растительности на лице это было не так заметно.

– Тимофей Васильевич, – обратилась ко мне императрица. – Эту песню вы не сейчас сочинили.

– Да, ваше императорское величество. Её я сочинил давно. Я хотел исполнить данную песню как подарок своей сестре, когда она вернётся с родителями с ярмарки. Она любила дарить мне подарки, которые специально для этого покупали отец и мать, а эта песня была бы отдарком. Но не суждено. Родители в той поездке погибли, а сестра пропала.

Я замолчал. Увидев, что Ольга опять начала мрачнеть, быстро продолжил, обращаясь к ней:

– Ваше императорское высочество, эту песню никто до этого не слышал. Ваша улыбка так похожа на улыбку моей сестры, которую я, вернее всего, никогда не увижу, поэтому эта песня для вас.

«Боже мой, что я несу. Это же дочь императора! Вот, мля, сравнил!» – подумал я, после чего вскочил на ноги и произнёс:

– Извините, ваши императорские величества! Я, кажется, что-то не то говорю.

– Всё нормально, Тимофей. Садитесь, – махнул рукой император, а Мария Фёдоровна вновь промокнула глаза платочком.

Великая княжна Ольга, посмотрев на родителей, задала вопрос:

– Значит, это моя песня, точнее для меня?!

– Да, ваше императорское высочество, эта песня для вас, – ответил я, радуясь, каким удовольствием озарилось лицо младшей дочери императорской четы.

– Дети, – поднимаясь из-за стола, произнесла Мария Федоровна. – Нам пора. Вас ждут занятия.

Несмотря на явно читаемое неудовольствие на лицах, Ксения, Михаил и Ольга поднялись, попрощались и вышли из комнаты следом за матерью. Николай, посмотрев на отца, который, как и все остальные мужчины, поднялся из-за стола, провожая императрицу с младшими детьми, произнес:

– Папа, я, пожалуй, тоже пойду. У меня дела.

Дружелюбно улыбнувшись мне, цесаревич, не заметив недовольства, отразившегося на лице императора, вышел из комнаты в другую дверь.

Когда император, а за ним князь и граф вновь заняли места за столом, по взмаху руки самодержца аккуратно на стул присел и я.

– Тимофей Васильевич, скажите, вы довольны наградой? – спросил меня Александр III.

– Так точно, ваше императорское величество, – ответил я, вскочив со стула и вытягиваясь во фрунт. – Не смел о таком и мечтать.

– Садитесь и не вскакивайте больше. Нам надо поговорить. – Император, дождавшись, когда я сяду за стол, продолжил: – Какие у вас дальнейшие планы?

– Вернуться в полк, ваше императорское величество, и приступить к службе.

– Мечтаете обучать свою охотничью команду тактике боевых действий малых казачьих групп в тылу противника? Так, кажется? – император смотрел на меня с вопросительным выражением лица, а князь Барятинский, встав из-за стола, сделал несколько шагов к секретеру, откуда вернулся, держа в руках стопку листов. Когда он положил её на стол, я по титульному листу увидел, что это наша с Головачевым работа.

– Так точно, ваше императорское величество, хотелось бы, но не знаю, как на это командование полка посмотрит, – осторожно ответил я.

– И вы уверены, что такая тактика себя оправдывает? – задал вопрос Барятинский.

– Для получения разведывательной информации о расположении противника, захвата в плен солдат и офицеров противника для добывания других необходимых сведений хватит небольшой группы «охотников» в три-пять человек. И того вооружения, которое сейчас есть у казаков, достаточно, – я сделал паузу. – Правда, в таких «охотничьих» вылазках в настоящее время есть и недостаток. Невозможно быстро передать полученную информацию, особенно при маневренной тактике ведения боевых действий. Но если это будет позиционная война, то сутки-двое на доставку полученных данных особой роли играть не будут.

– А какого и для чего вооружения не хватает? И почему вы думаете, Тимофей Васильевич, что будут позиционные войны? – поинтересовался самодержец.

– Ваше императорское величество, я начну со второго вопроса, – чуть удобнее устраиваясь на стуле, ответил я. – Стремительное развитие и усовершенствование оружия, которое происходит в последнее время, очень скоро, по моему мнению, приведёт к новым условиям ведения боевых действий, что приведёт к тому, что воюющие армии начнут зарываться в землю. Уже сейчас полевая артиллерия способна наносить ущерб войскам противника, несравнимый с предыдущими войнами. Четырехфунтовая полевая пушка гранатами, шрапнелью и картечью с её скорострельностью и дальностью обстрела буквально выкосит наступающие не только колонны, но и стрелковые

цепи, к которым уже вынужденно стали переходить во время боев в последнюю русско-турецкую войну, для снижения потерь.

– Очень интересно, Тимофей Васильевич, но попрошу сделать паузу, – Александр III поднялся из-за стола, дошел до большого письменного стола, который стоял в углу комнаты, и вернулся назад с коробкой и пепельницей.

– Угощайтесь, господа, – произнёс государь, усаживаясь за стол, на который поставил открытую коробку с сигарами и пепельницу.

Дождавшись, когда император, князь и граф закурят, повинуюсь разрешающему жесту самодержца, я продолжил:

– Также в последнее время на вооружение многих стран поступают магазинные винтовки. В результате их применения плотность огня возрастает многократно, и от этого будут расти потери с обеих сторон. Также в одном из журналов «Военный сборник» в библиотеке училища я прочитал об испытаниях пулемёта Хайрема Максима, в которых и вы, ваше императорское величество, приняли участие.

– Признаться, Тимофей Васильевич, пулемёт меня не впечатлил, – император затянулся сигарой и, выпустив клуб дыма, продолжил: – Бешеный расход патронов, которых у нас и так немного. Да и масса приличная, если не ошибаюсь, около пятнадцати пудов. А на треноге как-то несерьёзно.

– Не ошибаетесь, ваше величество, – пыхнув сигарой, произнёс Барятинский.

– Поэтому рассматривали применение данного пулемёта только для обороны крепостей или на кораблях, – продолжил государь. – А у тебя, Тимофей, другое мнение?

– Ваше императорское величество, в настоящий момент господин Максим в основном предлагает пулемет на тяжёлом лафете с большими колёсами и большим бронещитом. Это вызвано тем, что планирует его применять с учетом современной тактики. Практически с открытых или слабо защищенных даже в крепости или на кораблях позиций. Для этого и служит такая мощная защита пулемёта и пулеметного расчета. Но его можно значительно облегчить, если оставить сам пулемёт, к нему небольшой лафет, противопульный щиток, и использовать его в деревоземляных огневых точках, или, по-другому, долговременных замаскированных огневых точках.

– В каких точках? – несколько удивлённо спросил Воронцов-Дашков.

Я осмотрелся по сторонам и увидел на письменном столе, к которому ходил император, листы бумаги и письменный набор.

– Ваше императорское величество, разрешите взять бумагу и карандаш с того стола. Я быстро попытаюсь нарисовать кое-что для наглядности, – обратился я к императору.

– Разрешаю.

Быстро дойдя до стола, я взял несколько чистых листков бумаги и карандаш. Вернувшись, стал сосредоточенно рисовать. До хорошего художника или чертежника мне, конечно, далеко, но на первом листе, который я представил через несколько минут, можно было признать пулемёт Максима тысяча девятьсот десятого года выпуска: фронтальная проекция, вид сбоку, сверху и трехмерное изображение.

– Вот, ваше императорское величество, примерно таким я вижу будущее пулемёта Хайрема Максима. Уменьшенные лафет и бронещиток снизят вес раза в три, что позволит достаточно быстро перемещать пулемёт на поле боя расчетом из двух человек. С треногой, по моему мнению, будет больше проблем, да и защита от пуль отсутствует. Стрелять из него можно будет из окопа при обороне или лежа за ним, при поддержке наступающих цепей. Для кавалерии можно будет установить пулемёт на повозке с хорошими рессорами, запряженной двумя или тремя лошадьми.

– И как же стрелять через головы лошадей? – недоумённо спросил князь.

– Ваше высокопревосходительство, пулемёт устанавливается сзади повозки и направлен он назад по ходу движения, – я взял чистый лист и быстро набросал схему тачанки. – Представьте себе, в атаку идёт, допустим, эскадрон, на его флангах двигаются повозки с пулемётами. Чуть вырвавшись вперёд, они разворачиваются, и пулемёты открывают перекрестный убийственный огонь по противнику, расчищая проход для кавалерии. – Рассказывая, я продолжал схематично изображать на листке ход боя.

– Интересно, очень интересно, – государь передвинул по столу оба листка к себе и стал внимательно рассматривать их. Пауза несколько затянулась. Наконец император оторвался от изучения моих художеств и произнёс: – А что там по огневым точкам?

– Ваше императорское величество, применение нового оружия, как я уже говорил, заставит зарываться в землю в обороне. Вот схематический рисунок деревоземляной огневой точки, или кратко дзота. Данное оборонительное сооружение позволит защитить от шрапнели и картечи. Да и гранатой будет опасным только попадание в бойницу, – сглотнув набежавшую слюну, я продолжил: – В дзоте можно будет размещать пулемет. Правда, необходимо будет его переводить на патроны из бездымного пороха. Если использовать дымный, то видимость будет нулевой, да и пулемётный расчет может угореть. А вот это схема обороны батальона. Кружочками со стрелками на ней указаны дзоты, а стрелки обозначают сектора обстрела.

С этими словами я передал листки Александру III. Не мудрствуя, нарисовал схему обороны мотострелкового взвода, заменив в описании взвода ротами, добавив по два пулемёта-дзота на роту. Большого количества на современном этапе вряд ли кто и представить себе может. Как думаю, и этого окажется очень много. Сейчас пересчитают количество пехотных батальонов в российской армии, перемножат на предложенное число пулемётов. Прикинут, какой это расход денег и сколько ещё для пулемётов патронов надо будет – и всё! Кина не будет! Электричество кончилось. И шлема Александра Македонского нам не видать.

Между тем императора, который изучал мои новые художества, встав из-за стола, окружили князь и граф. Меня стало нервировать, что всё это происходило в полном молчании. За минуту, что прошла с момента передачи листов государю, не было произнесено ни слова.

– Тимофей Васильевич, а почему линия окопов, насколько я понял из рисунка, изображена зигзагом? – нарушил молчание Воронцов-Дашков.

– Ваше превосходительство, если артиллерийский снаряд попадет прямо в окоп, то осколки или картечь поразят при разлёте только небольшую его часть. Если же траншея будет прямой, то участок поражения будет значительно больше. – Про ударную волну говорить не стал, так как не знал, известен такой термин сейчас или нет. Да и слишком умным выглядеть не хотелось.

– А каким образом обеспечивается такой большой сектор обстрела из дзота? Надо будет пулемёт переставлять? – задал вопросы

Барятинский.

– Ваше высокопревосходительство, но можно же разработать такой лафет, который позволит водить стволом градусов на тридцать – сорок пять, – я руками изобразил движение пулемётчика. – Это уже дело инженеров-оружейников.

– Вернёмся к моему первому вопросу, – вступил в разговор император, а его тяжёлый взгляд, направленный на меня, заставил занервничать сильнее. – Так какого и для чего вооружения не хватает для действия малых групп в тылу противника? Вот таких пулемётов?

– Ваше императорское величество, – я с трудом подавил в себе желание вскочить из-за стола. – Если идти в рейд для уничтожения какой-то большой цели, например, склада, штаба или ещё чего-то такого подобного, в составе полусотни или сотни казаков, то пара повозок с пулемётами, конечно бы, не помешали. Но я хотел говорить о другом. На вооружение принята трехлинейная винтовка образца тысяча восемьсот девяносто первого года: пехотная, драгунская и казачья. Нам в училище прибыло несколько штук пехотных и казачьих. Во время летних манёвров опробовали их. Казачья неплохая. Только точность боя хуже, чем у пехотной. Да и полегче бы её. Но пять патронов и один – большая разница для боя. Это всё перевешивает. На Амур бы побольше таких винтовок.

– Это все?

– Никак нет, ваше императорское величество. Мне в «Военном сборнике» попала заметка об испытаниях датской самозарядной винтовки, конструкции Расмуссена.

– Было такое, – перебил меня Барятинский. – Механизм заряжания, конечно, интересный. Но перегрев ствола, плохая балансировка, кучность, опять же большой расход патронов. Не впечатлила.

– А вас, Тимофей, что в данной винтовке заинтересовало? – взгляд императора всё ещё оставался тяжёлым и давящим.

– Я подумал, что на базе данной винтовки можно создать ружье-пулемёт, которое могло бы значительно усилить огневую мощь малых групп «охотников», что позволило бы значительно повысить эффективность их деятельности по уничтожению сил противника в его тылу.

С этими словами, я передал Александру III ещё один листок с эскизом оружия, в котором лет через десять легко бы узнали пулемёт

Мадсена. Ствол, снабженный поперечным оребрением по всей длине в перфорированном кожухе с рядами овальных отверстий, ствольная коробка с магазином сверху, приклад, сошки.

Государь внимательно просмотрел рисунок. Склонившиеся над ним князь и граф рассматривали мой эскиз нового для них оружия и раритета для меня не менее тщательно.

– Какой вес ружья и сколько патронов в магазине? – оторвав взгляд от листа и посмотрев на меня, спросил Барятинский.

– Думаю, чуть больше полпуда получится, а патронов – тридцать, ваше высокопревосходительство.

– Да, на патроны, Тимофей, вы не скупитесь, – с усмешкой произнёс Воронцов-Дашков.

– Ваше превосходительство, я точно не знаю, во сколько обходится казне новый патрон для трехлинейной винтовки, но думаю, не больше семи-десяти копеек. Даже если, расстреляв один магазин, удастся убить только одного вражеского солдата, то Российская армия окажется в выигрыше.

– Поясните, – хищно улыбнулся мне граф.

– Годовое содержание солдата обходится минимум в двести рублей, не считая затрат на его обучение. Три рубля против двухсот. Выгода очевидна. Тем более, если стрелять по плотному строю, с одного магазина можно вывести из строя пять-десять солдат.

В комнате раздался дружный смех трех «старых» вояк, из которых двое были награждены золотым оружием «За храбрость».

– Да, выгода очевидна, – вытирая появившиеся в уголках глаз слёзы, произнёс Барятинский. – Недаром с купцами Тимофей Васильевич общался.

«Точно под рентгеном просветили всю мою жизнь», – пронеслось у меня в голове.

– Ещё какие-то мысли есть, Тимофей Васильевич? – император, отсмеявшись, положил лист с эскизом в общую стопку. Голос самодержца был спокоен, но я почувствовал, как его переполняют эмоции. Только вот какие?

– Никак нет, ваше императорское величество, пока нет! – я вскочил из-за стола и принял стойку смиренно.

– Обнадёживает слово «пока», – усмехнулся государь. – Тимофей Васильевич, сейчас вас проводят в помещение, которое отвели для

вашего проживания. Дня три-четыре вы плотно пообщаетесь с Владимиром Анатольевичем по вопросам, которые сегодня были озвучены, а также по другим вопросам и с другими лицами.

Император сделал паузу, а потом продолжил:

– Кстати, сколько копий вашей работы по тактике имеется?

– Было три, ваше императорское величество. Одна у меня, она сейчас находится в гостинице, где я остановился. Второй экземпляр остался у сотника Головачева – обер-офицера Иркутского училища, а третья копия была передана полковнику Макаревичу – начальнику училища.

– Илларион Иванович, дайте распоряжение, чтобы вещи хорунжего Аленина доставили во дворец.

– Будет исполнено, ваше императорское величество, – граф, который занял свое место за столом, склонил голову.

– Тимофей Васильевич, после вашего общения с его сиятельством вам будет предоставлен отпуск на три недели для ознакомления со своим имением. После этого прибудете во дворец. А теперь можете идти, – самодержец сделал разрешающий жест рукой.

– Слушаюсь, ваше императорское величество, – я, развернувшись в сторону открывшейся двери, в которой показался лакей, направился в его сторону.

* * *

– Что скажете, господа? И попрошу без чинов! – спросил император, задумчиво барабанил пальцами по полированной столешнице, когда хорунжий Аленин вышел из комнаты и дверь за ним закрылась.

– Государь, я проиграл спор Владимиру Анатольевичу, – Воронцов-Дашков сожалеюще вздохнул.

– О чём был спор? – заинтересовался император.

– Мы поспорили с Илларионом Ивановичем, что хорунжий Аленин обладает даром видеть известные вещи совершенно с другой стороны, – ответил за графа Барятинский.

– И в чём же заключается новый взгляд Аленина на общеизвестные вещи, Илларион Иванович? – император внимательно посмотрел на графа.

– Да во всем, что он представил в виде рисунков, и о чём говорил, – Воронцов-Дашков указал на стопку листов перед императором, где находилась работа по тактике, а сверху – недавно нарисованные рисунки. – Про тактику боевых действий малых казачьих групп пока говорить не буду. Мы её уже обсуждали. Но возможное вооружение

«охотничьих» команд ружьями-пулемётами заставляет взглянуть на данную работу по-новому.

– А зигзагообразные окопы и эти деревянные земляные огневые точки, – вступил в разговор Барятинский. – Сколько средств мы сейчас тратим на строительство крепости Осовец и других?! А если вот такие дзоты и окопы, да в не одну линию заранее построить на второстепенных направлениях рядом с крепостью. Деревя и земли у нас хватает.

– А в дзотах и орудия, те же четырехфунтовки поставить можно. В этом случае им никакая шрапнель и картечь не страшна, – усы графа задорно встопорщились.

– Что, застоялись старые боевые кони, звук трубы услышали? – усмехнулся император.

– Есть немного, государь, – ухмыльнулся Воронцов-Дашков. – А то одни хозяйственные заботы.

– Завтра после обеда ко мне подъедет Пётр Семёнович, – произнёс император. – После его доклада обсудим с военным министром данные вопросы. Возможно, Аленин ещё какие-то идеи подкинет. А пока сделаем следующее...

Александр III запустил пальцы правой руки в бороду и начал задумчиво тереть её. Через несколько секунд произнёс:

– Илларион Иванович, отправьте депешу в Иркутск, сотника Головачева вместе с работой по тактике направить в Санкт-Петербург. Подумайте, в какую часть его определить. Лучше ко мне в конвой. И наградите. Указ я подпишу. Пусть рядом на глазах будет.

– Будет исполнено, ваше императорское величество, – переходя на деловой тон, чётко ответил граф.

– Владимир Анатольевич, как обстоят дела у Хайрема Максима?

– Он сейчас под крылом британского банкира Натаниэля Ротшильда, и англичане заинтересовались его продукцией, – немедленно ответил князь.

– Какова стоимость лицензии на выпуск пулемётов?

– Не могу сказать, государь, но выясню.

– Выясните, Владимир Анатольевич, – задумчиво произнес император. – А вы, Илларион Иванович, отпишите нашим дипломатам в Данию поинтересоваться, как обстоят дела у господина Расмуссена.

– Хотите, государь, наладить выпуск пулемётов у нас? – спросил Воронцов-Дашков.

– Пока об этом говорить рано, надо всё обдумать, просчитать. Но покупать у англичан такое оружие, боюсь, будет накладным. Надеюсь, никто не забыл слова Генри Джон Темпла, лорда Палмерстона, который в одна тысяча восемьсот сорок восьмом году в своей речи в парламенте сказал: «Как тяжело жить, когда с Россией никто не воюет». Знаменательное утверждение, не правда ли? Причём, я уверен, в мире не один он так думает.

– Это так, государь, – Барятинский согласно кивнул.

– Я сделал всё, чтобы Россия не вела войн и становилась сильнее и экономически, и политически. Но за четырнадцать лет, прошедших с последней большой русско-турецкой войны, может быть, мы что-то упустили? Может быть, готовимся к прошлой войне?

– Ваше императорское величество, неужели на вас так повлияли слова Аленина? – вскинулся Воронцов-Дашков.

– Не знаю, Илларион Иванович, не знаю. Но этот молодой хорунжий так уверенно говорил, будто бы видел такую позиционную войну и такие рейды «охотников» в тыл противника.

– Так может... – Барятинский сделал неопределённый жест рукой.

– Нет, Владимир Анатольевич, я слишком благодарен этому молодому человеку. Он спас жизнь моему сыну, его настойка женьшеня значительно помогла как мне, так и Георгию. Сегодня он заставил меня и вас задуматься о новом виде боевых действий в будущем или уже в настоящем. И у меня на него большие планы. Так что будем работать с хорунжим Алениным. И на этом на сегодня всё, господа!

Глава 10

Усадьба

Я вышел из комнаты, где только что закончился мой приём у Александра III. Чувствуя себя как выжатый лимон, на автомате двигался за широкой спиной лакея, которой уверенно перемещался по запутанным коридорам, лестницам и комнатам дворца. Наконец наш путь закончился. Мой проводник остановился посреди богато обставленной комнаты.

– Ваш номер, ваше благородие, – услышал я первые слова моего Сусанина.

«Вот это да! – я огляделся по сторонам. – Это что, мне здесь жить три-четыре дня? Обстановка как в музее. Попали вы, господин хорунжий! Где здесь спать? Есть? Туалет где? Мать моя женщина! Лучше в казарму!»

Я почувствовал, что потихоньку начинаю впадать в панику. «Я же отсюда даже выйти самостоятельно не смогу. И как обращаться к Сусанину? По форме, кажется, лакей первого разряда. Любезный? Милейший? Еще обидится! Я полгода заучивал форму полков, а дворцовую униформу пробежал поверхностно. Кто же знал, что придётся оказаться в такой обстановке!» – мысли летали в голове, заставляя нервничать больше и больше.

– Что-то ещё? – с учтивым поклоном спросил лакей.

– Э-э-э... – начал я, не зная, как же правильно обратиться к этому дворцовому служащему, чья форма выглядела куда богачей моей и на груди было наград в два раза больше, чем у меня.

– Лакей первого разряда Ивушкин Иван Иванович, – поняв мои затруднения, представился проводник.

– Иван Иванович, подскажите, где я нахожусь и как здесь всё это... – промямлил я.

– Ваше благородие, вы находитесь на антресолях Кухонного каре дворца, где целых две анфилады отведены для помещений разных лиц, приезжающих по служебным надобностям и остающихся на ночь, – с достоинством и некоторым высокомерием произнёс Ивушкин. – За вами закреплён лакей второго разряда Завьялов Николай Петрович,

который подойдет через некоторое время и всё вам объяснит. Разрешите откланяться. – С этими словами Иван Иванович, поклонившись, вышел из комнаты.

«Ну и ладно, – подумал я, глядя в удаляющуюся спину аж целого лакея первого разряда. – Не впервой себя деревней ощущать. Если вспомнить моё первое посещение Москвы проездом в первый курсантский отпуск из Рязани, ходил по Красной площади с открытым ртом, хотя Благовещенск деревней не назовешь. Питером и его величием, когда позже побывал в нём, также был шокирован и очарован. А теперь буду проживать, пусть и три дня, в Гатчинском дворце. И бог его знает, кто в этой комнате бывал, ночевал и какая у неё история».

Мои размышления прервал прибывший лакей Завьялов, который, в отличие от Ивушкина оказался намного моложе, имел меньше наград и снобизма. Данный субъект доходчиво объяснил мне условия времяпрепровождения в данном номере, что мне положено, где и чем пользоваться.

Вечером, когда в комнате зажглись лампы, в отведённый мне номер пришёл граф Воронцов-Дашков, который передал мне в красивой папке наградные бумаги на орден, потомственное дворянство, усадьбу и земельный участок.

Во время беседы без чинов Илларион Иванович объяснил свой приход вызванным интересом к моим рассуждениям на приеме у государя. Так как у него во дворце комнаты в Арсенальном каре, где он проживает, когда остается в Гатчине, а время ещё раннее, он и решил нанести визит.

«Ага, вот делать нечего генералу от кавалерии лично переться к хорунжему, – подумал я про себя, когда граф объяснял причину своего визита. – Адъютанта мало. Хотя какой адъютант, тот целый подполковник. Лакея хватило бы. Кажется, зря я вылез со своими прожеками. Хотел как лучше, а получилось, по словам Черномырдина, как всегда».

Но приход Воронцова-Дашкова оказался и очень полезным для меня. Граф подробно рассказал мне всё о моих новых правах и обязанностях как георгиевского кавалера, потомственного дворянина и хозяина усадьбы, а также земельного участка. Последний, судя по схеме и карте, располагался как раз там, где мыла золото банда Лю и

куда я с казачатами ходил в охрану с партией старателей купца Ельцова. Результат тогда был очень хороший. Золота в виде песка и самородков за месяц намыли на десять тысяч. Ельцов хотел застолбить этот участок за собой. Но может, я и ошибаюсь. Посмотрим на месте. Когда-нибудь!

Герб нового дворянского рода Алениных-Зейских мне понравился. Шлем, щит, какие-то узоры. Илларион Иванович долго и много рассказывал, что обозначает каждое изображение и его цвет на моём гербе. Но всё, что я запомнил из этого геральдического бреда – мой девиз: «Жертвенность и храбрость». Теперь мне ещё дворянские рода и их гербы изучать. Не было печали!

Рассказ графа о моём имении и обрадовал, и огорчил. Как оказалось, императрица подарила мне усадьбу, которой с тысяча восемьсот сорок шестого года владел коллежский советник Афанасьев, построивший на участке в девять десятин каменный дом, жилые флигели, конюшни, скотный двор, каретник, ледник, сараи, огороды, фруктовый сад, парники. После Афанасьева и его наследников усадьбой два года владел управляющий Куклин, но что-то у него не пошло, и он вынужден был продать её около года назад казне, считай Марии Фёдоровне.

В этом месте повествования Воронцова-Дашкова мне пришла в голову мысль, что видимо царская чета ещё год назад планировала меня так щедро наградить и ждала, когда я получу офицерский чин, чтобы награда была выше и весомее. «А Куклину, видимо, сделали предложение, от которого тот не смог отказаться», – подумалось мне.

В обслуживании усадьбы были задействованы, по словам Иллариона Ивановича, шесть лиц мужского пола и шесть женского. Кроме того, на двухстах пятидесяти восьми десятинах земли, которые были отведены под усадьбу, находилась ранее владельческая деревня Курковицы, состоящая из двенадцати дворов, в которых проживало двадцать пять лиц мужского пола и тридцать женского. При этом ни один из земельных наделов до настоящего времени временнообязанные крестьяне этой деревни в собственность не выкупили.

«Это что же получается, тридцать лет прошло с отмены крепостного права, а крестьяне так без собственной земли и остаются. Второе поколение уже „свободными“ растёт. Вот это, засада. Меня что,

решили помещиком сделать? – не знаю, заметно ли было это со стороны, но в этом месте рассказа графа я буквально кипел внутри. – Домечтался, мля, о родовом гербе в виде АК-103 в окружении пяти гранат Ф-1 на фоне цвета хаки?! Три раза ха-ха-ха! А в придачу ещё пятьдесят пять душ, точнее, с учетом обслуги шестьдесят семь не хочешь?! Барин, мать твою!»

Окончательно меня генерал от кавалерии добил сообщением, что дней через десять моя соседка по усадьбе княгиня Трубецкая будет устраивать прием в своем доме-дворце в Елизаветино и меня наверняка пригласят на данное мероприятие. После получения ещё и такой информации моё желание знакомиться с усадьбой упало ниже нуля, а в голове роились только пятиэтажные матерные конструкции.

Потратив на меня почти два часа, его сиятельство удалился. Зачем он приходил, я так и не понял. Не для того же, чтобы принести бумаги и объяснить их сущность. И это сильно нервировало.

«Если провести аналогию из моего времени, – думал я. – Спас я, например, дочку ЕБН, и меня, молодого лейтенанта, приглашают одного на награждение в Кремль. Вручают в Георгиевском зале орден „Мужества“. Потом беседа-чаепитие в составе семьи Ельцина и в присутствии руководителя администрации президента, а заодно управляющего всеми финансами семьи гаранта Конституции в одном лице, плюс еще личный друг ЕБН, даже не знаю, кого на этом месте представить. После этой беседы-приема оставляют ночевать в Кремле, и тут главный финансист семьи и руководитель администрации приходит в номер летёхи – дел, мол, нет, спать рано, да и бумаги вот принёс. Сейчас тебе расскажу, что в них. Вам верится? Ой, как тяжело!» Это и нервировало. Чего хотел от этой встречи граф? Версии, кроме той, что его сиятельство пытался понять или срисовать мой психопортрет во время этой беседы, на ум не приходило.

Ужин, принесённый лакеем Завьяловым, немного успокоил. Потом сон на неудобном диванчике за раздвижной ширмой. С утра был разбужен моим ангелом-хранителем в этой музейной клетке Николаем свет Петровичем, с помощью и по подсказкам которого осуществил все утренние процедуры. Потом утренний чай, и начались мучения ожидания. За два часа до завтрака изучил всю обстановку в комнате. После завтрака изучил уже все трещинки и пятнышки. Всё чаще стали приходиться мысли, что напрасно я вчера решил довести до самодержца

некоторые сведения из будущего. Пять лет назад я даже и помыслить не мог, что судьба приведет меня на прием к Александру Третьему и я смогу именно первому лицу в государстве доложить своё видение действия малых казачьих, считай, диверсионных групп в тылу врага и кое-какие мысли об их вооружении.

«По-моему, даже переборщил, – думал я, нарезаю круги по комнате. – Надо мне было с окопной позиционной войной лезть, про пулемёты эти говорить. Но с другой стороны, может, хоть какой-то толчок в нужном направлении будет. Без окопов и пулемётов в будущих боевых действиях тяжело будет. Только, боюсь, российские оружейные заводы выпуск таких сложных механизмов сейчас не потянут. Точно не помню, но даже основную массу трехлинеек на первом этапе перевооружения во Франции, кажется, делали. А станкач и ручной пулемёт как бы пригодились! Ну да ладно. У генералов головы большие, пусть думают, специалистов привлекают».

Я сел в кресло и несколько раз глубоко вздохнул. Надо успокоиться. Чего мне, в принципе, бояться, если не угодил императору. Как говорилось в моём времени, дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут. Здесь в Сибирь ссылают, а я дальше на Дальний Восток домой поеду. Второй день во дворце, а как мне всё здесь уже надоело! Эти проходные музейные комнаты. С моими рефлексамися постоянно с двух сторон ждешь нападения. Всё время хочется в какой-то угол забиться. И постоянно боюсь до чего-либо дотронуться. Не дай бог сломаю или уроню.

«Шиза начинает косить наши ряды, – устало подумал я. – И как это в книгах попаданцы стремятся встретиться с первым лицом в государстве и своими советами из будущего переkreить мир? Нет, мне такой мазохизм не нужен. Всё, гвардии подполковник, собрались, медитируем и успокаиваемся».

Я выпрямился в кресле, оторвавшись от спинки, соединил ноги, сложил предплечья на бедрах, сжал кисти в кулаки и начал дышать, как учил меня Джунг Хи. Постепенно успокоился, мысли перестали метаться в голове, а потекли ровно и спокойно. Так и просидел до обеда. Не знаю, с чьей кухни меня кормили, но каких-либо изысков не было. Чуть лучше, чем в училище.

После обеда, окончательно успокоившись, прикинул, о чём ещё могу поведать в беседах князю Барятинскому и иным, по словам

императора, лицам. В своё время набросал кое-какие заметки о создании оружия из будущего на современном этапе. К сожалению, все записи сгорели вместе с хутором. В отличие от остальных бумаг и ценного имущества, которые перенёс из своего дома-казармы к Селевёрстовым, данные записи остались на хуторе. Часто их просматривал, дополнял, правил. Память не Интернет, нажал кнопку клавиатуры, и информация перед глазами на мониторе. Прикидывал, как осуществить новшества на практике, но в основном всё упиралось в состояние промышленности Российской империи в конце девятнадцатого века.

Только попав в училище и дорвавшись до библиотеки с книгами, справочниками и периодикой, понял, насколько дела хуже, чем читал об этом в будущем. Если с чем-то крупным, например артиллерией и бронёй для кораблей, дела еще обстояли ни шатко ни валко, то всё то, что требовало высокоточного оборудования, по сравнению с Европой было почти в зачаточном состоянии. Уже в Иркутске убедился в этом на практике, когда попытался сделать, можно сказать, простейший для моего времени оптический прицел кронштейнного крепления, как на мосинку и СВТ-40, образца тысяча девятьсот сорокового года. Понятно, полвека разницы. Но не промышленное же производство. Вручную хотя бы один экземпляр можно сделать. Тем более денег готов был выложить для этого немерено. Ну, с полтысячи рублей точно. Не срослось. И с оптикой, и с изготовлением. Не нашлось мастера и технологической базы.

Поэтому для себя во время длительного пути от Иркутска до Петербурга решил, что если появится возможность, то буду просить вооружить «охотничьи» команды новыми казачьими мосинками и на перспективу ручными пулемётами Мадсена. Ещё одно новшество – оптический прицел. Всё остальное – пустые мечтания и вероятность более раннего появления «нового» вооружения у будущих противников.

Опять накатили мысли о своей ошибке на вчерашнем приеме у императора. Боролся с ними до появления под вечер князя Барятинского, который принёс стопку листков, карандаши и попросил изложить свои мысли о том, как изменится тактика малых групп в тылу врага при их вооружении ружьями-пулемётами. После чего ушёл, а я до поздней ночи под светом свечей, так как электрическое

освещение в комнате отключили, перерабатывал схемы выведения из строя тыловых учреждений, военных объектов противника, дезорганизации работы транспорта.

На этом моменте запнулся, а потом описал возможность уничтожения рельсовых путей вместе с эшелонами, используя мины на основе динамита. Про время изготовления тротила не помнил, да и по запалам были вопросы. Но электрическое освещение дворца позволяло думать о том, что создание электродетонатора и подрывной машинки вопрос времени. А может быть, уже есть что-то подобное. На лекциях в учебке инструкторы упоминали об истории их создания, но сколько времени-то прошло. В памяти по этому вопросу – провал.

Закончив писанину, перечитал её, кое-что поправил и, сложив всё в оставленную князем папку, сунул её под подушку на диване. Раздвинув ширму и затушив свечи, лег спать. С утра побудка Завьяловым, и дальше по накатанной дорожке. Туалет, чай, завтрак, ожидание. Слава богу, в этот день князь Барятинский посетил меня почти сразу после завтрака, прочитал мои измышления и сообщил, что мы отправляемся в Ораниенбаум. Дорога на поезде. Полковник и подполковник с аксельбантами Генштаба, встречающие нас, и полигон.

Время, которое провели на полигоне, пролетело как один миг. Впервые наяву, а не на фото увидел пулемёт Хайрема Максима на станке и артиллерийском лафете. Даже дали выпустить из каждого по половине ленты патронов. Как сказал император, не впечатлило. Нет, станкач, конечно, нужен российской армии, да и мне бы пригодился в задумках по созданию ДРГ. Может быть, действительно лучше тренога, а не колёсный лафет. В будущем ДШК и «Утёс» на треногах в Афгане были.

Когда увидел винтовку Расмуссена, то тихо выпал в осадок. Ничего общего с тем, что видел на фото в своём времени. Похожими были только коробка с механизмом подачи патронов и самозарядки. Может быть, в будущем на изображениях был более поздний вариант данной винтовки?! Тем не менее, как говорится, семь бед – один ответ, с учетом того, что уже нарисовал и показал на приеме императора, рассказал полковнику по просьбе Барятинского, как вижу ружье-пулемёт на базе этого механизма, и по-новому изобразил эскиз пулемёта Мадсена. Особенно представителя Генштаба впечатлило оребрение ствола для увеличения площади воздушного охлаждения.

А дальше была песня для души. С подполковником, который встречал нас на вокзале, отстрелялись по мишеням из пехотных и казачьих мосинок на двести, четыреста и шестьсот шагов. Удивило отсутствие деревянных накладок сверху на стволе винтовки, после интенсивной стрельбы ствол быстро нагрелся, обжигал пальцы, из-за чего было некомфортно целиться. Если на первых двух дистанциях я совсем немного уступил сопернику, то на шестистах шагах взял реванш, благодаря тому, что стрелял лежа, положив винтовку на мешочек с песком, чем вызвал совершенно не ожидаемый мною восторг оппонента.

В рамках возникшего единения души поведал Алексею Васильевичу, в голове осталось только имя-отчество данного офицера, свои сокровенные мысли об оптическом прицеле. По его просьбе нарисовал эскиз ПУ-1940 (прицела укороченного, понятно какого года). Потом был или поздний обед, или ранний ужин в офицерском собрании стрелковой школы, и мы с князем вернулись на поезде в Гатчину.

В поезде его сиятельство попросил меня отобразить на бумагах ещё какие-либо соображения о возможных новшествах в ведении боевых действий. Подумав и руководствуясь предыдущими соображениями, плюнув на всё, взял и описал поздний бронепоезд. А что?! До его применения меньше десяти лет осталось. Броня у России есть, поезда есть, железные дороги также в наличии. Тот, что в США во время Гражданской войны использовался, пойдёт как младший брат.

После того как закончил излагать на бумаге свои измышления, в душе поселилась какая-то грусть. Не знаю почему, но пятая точка или чуйка стала подавать какие-то сигналы. Но снявши голову, по волосам не плачут. Глядя, как Барятинский убирает в папку мои умозаключения, подумал, что так и до Петропавловской крепости недалеко. Нет, надо со всеми нововведениями заканчивать.

В своём номере-комнате получил поздний ужин. Потом сон, а после завтрака на следующий день мне было доведено через лакея Завьялова, что до обеда я могу на поезде проследовать до станции Елизаветинской, а оттуда на извозчике до своей усадьбы. Моё затворничество закончилось раньше, чем я ожидал, но я этому был искренне рад. Даже знакомство с имением-мызой уже не пугало.

Поезд пришёл без опозданий. Носильщик занёс в вагон мои вещи, которые доставили из гостиницы во дворец, но увидел я их, только садясь в поезд в Гатчине. Кстати, РД так и не усмотрел в вещах. Правда, пока ехал в поезде, успел убедиться в том, что практически все вещи из РД, не связанные с боевыми действиями, спокойно покоятся в чемодане. Судя по всему, князь Барятинский или граф Воронцов-Дашков решили более внимательно ознакомиться с моими «оригинальными» вещами, типа ранец, плащ-палатка, котелок и индивидуальный медицинский пакет. И прочее по мелочи, ременная сбруя для РД, подсумки для патронов, крепления для метательных ножей.

По приезде в Елизаветино нанятый за рубль извозчик воодушевленно сообщил, что быстро домчит до моей усадьбы. Тут чуть больше десяти вёрст будет. Проезжая через Дылицы, кучер этого средства передвижения с одной конной тягой, даже не знаю, как его правильно назвать, то ли коляска, то ли пролётка, показывая на огромный дом-дворец с колоннами, поведал мне, что домина принадлежит барыне Трубецкой. Далее была спокойная наезженная дорога в две колеи без всякой мошкары и прочего жужжащего и летающего. Середина сентября! Солнышко светит! Ещё тепло! Лепота! Я ехал и отдыхал от того напряжения, которое испытывал во дворце, и наслаждался окружающим пейзажем.

Вскоре доехали до развилки, и словоохотливый извозчик сообщил мне, что одна дорога ведет к усадьбе, а вторая – в Курковицы. Узнав, что от деревни есть дорога к моему новому дому, попросил провезти меня через поселение, как уже узнал от графа моих должников. Лучше бы я этого не делал. Такого убожества я ещё не видел. Обветшалые срубы домов, размером чуть больше, чем на хуторе Алениных была баня. Попавшиеся по дороге крестьяне и крестьянки, одетые в какую-то рванину, низко кланялись, завидев меня, сидящего в пролётке. И полная безнадежность на их лицах. Добили увиденные босоногие детишки лет шести-семи. Все трое худые, с большими головами, искривлёнными ногами. Бесспорно – это был ярко выраженный рахит.

Извозчик, увидев выражение моего лица, испуганно замолк и до самой усадьбы хранил молчание. Я же, глядя в напряжённую спину «таксиста», впал в какое-то оцепенение, пытаюсь удержать в себе разгорающуюся ярость. Пришел в себя, когда коляска остановилась, а

извозчик каким-то дрожащим голосом произнёс, сняв с головы колпак: «Прибыли, ваше благородие».

Я, придя в себя, огляделся. Да, усадьба впечатляла. Здоровенная трехэтажная домина с множеством пристроек. Великолепный сад, виднеющийся огород с парниками, небольшой пруд перед домом. На фоне начинающего садиться солнца выделялись крылья ветряной мельницы, стоящей шагах в трехстах от основного здания. Из флигеля к коляске быстрым шагом выдвигался мужчина лет сорока, одетый в сюртук, белую рубашку, брюки, заправленные в сапоги. Щёки приближающегося субъекта украшали шикарные бакенбарды. Подойдя ко мне, успевшему вылезти из данного средства передвижения, мужчина учтиво поклонился и представился:

– Добрый день, ваше благородие, управляющий усадьбы Сазонов Александр Иванович.

– Здравствуйте, Александр Иванович, – я внимательно посмотрел на управляющего и первым впечатлением остался доволен. Взгляд прямой, без раболепия. Одежда явно не новая, но чистая и аккуратная. Держится с достоинством. После краткого осмотра управляющего, продолжил:

– Хорунжий Аленин. Новый хозяин данной усадьбы.

– Меня уведомили, ваше благородие. – Сазонов снова поклонился. – Рад вашему прибытию.

Отвечая, управляющий со скрытым интересом рассматривал меня. Я делал то же самое. Реально Сазонову и дальше управлять моим именем или мызой, как её здесь называли. Если не выяснится, что управляющий несколько злоупотребляет своими обязанностями. Хотя если такое выяснится, то, честно говоря, даже не знаю, что и делать. Вряд ли за три недели, что мне отвёл на знакомство с усадьбой государь, успею найти кого-то другого.

«Ладно, о плохом думать не будем, но то, как живут в Курковицах, заставляет задуматься о компетентности Александра Ивановича», – данная мысль заставила меня ещё раз внимательно осмотреть управляющего.

Сазонов с честью выдержал мой взгляд, хотя я и заметил, как он непроизвольно вздрогнул. Как мне сказал в училище сотник Головачев после подавления бунта: «Аленин, нормальный ты юнкер – добродушный как бы, любишь хорошую шутку в исполнении других,

да и сам не прочь пошутить, песни поёшь, заслушаешься. Улыбнёшься – само обаяние! Все девки – твои! А вот посмотришь иногда, не знаю, в чём секрет, но жутко становится так, что тянет штаны проверить на предмет сухости. Вроде и лицо не сильно меняется, но взгляд... Волосы на затылке сами приподниматься начинают. И понимаешь – вот она смерть твоя! Не надо, Аленин, так смотреть, если перед тобой не враг!»

– Ваше благородие, что пожелаете с дороги?

– Александр Иванович, а баня в усадьбе есть?

– Как не быть, ваше благородие. Отличная новая баня. Последний из владельцев рода Афанасьевых, при котором она была построена, очень попариться любил.

– Вот и замечательно. Дайте распоряжение, чтобы воды нагрели, пыль дорожную смыть. А вот в субботу попаримся.

– Слушаюсь, ваше благородие. А что на обед приготовить?

– На ваше усмотрение, Александр Иванович. Я нетребователен в пище. Было бы сытно. И по вещам распорядитесь.

– Будет исполнено.

Пока я разговаривал с управляющим, к нам подошёл молодой босоногий парнишка лет двенадцати-четырнадцати в холщовой рубаше и таких же штанах, который восторженно смотрел на мою форму и награды.

– Митька, быстро отнёс вещи его благородия в дом, – скомандовал ему Сазонов.

Дождавшись, когда пацан выгрузит вещи, я расплатился с извозчиком, получив от него: «Благодарствую, ваше благородие». Только после этого направился за управляющим на осмотр внутренностей дома. Было как-то неудобно морально. Теоретически я знал, как должен себя вести его благородие со своей дворней или наемными слугами, но на практике давалось это с трудом. «Тяжело тебе придётся, товарищ гвардии подполковник, – думал я про себя, следуя за Сазоновым. – Какой из тебя на хрен дворянин и барин. И не откажешься от такого подарка! Какое у меня должно быть поведение, представляю, но претит. Ладно, что-нибудь придумаем. Три недели, надеюсь, быстро пролетят. А дальше домой в полк?! Хотя в это уже верится с трудом. Какое-то непонятное обхаживание и задаривание моей персоны со стороны царствующей семьи».

Следующие два часа ушли на осмотр усадьбы. Обстановка в доме была богатой. Конечно, с дворцовой не сравнить, но, на мой взгляд, была на высоком уровне. Скотный двор, конюшня, сараи, огород и сад порадовали чистотой, ухоженностью. Было видно, что здесь трудятся от зари до темна. За время ознакомления выяснил у управляющего, кто работает на усадьбе. Оказалось, что кроме Сазонова и ещё одной работницы на мызе царствовал семейный подряд. Кухаркой и домоправительницей была Степанида – женщина пятидесяти лет, которая была в дворовых девках ещё при первом из Афанасьевых. Её брат Прохор с семейством, плюс муж старшей из его дочерей с детьми занимались различными работами. Всего двенадцать человек. Кроме Сазонова и Митьки, младшего из сыновей Прошки, так называл Прохора Сазонов, пока никого больше не видел. Все на работах в поле. Идёт сбор урожая.

Потом была баня. Точнее, я быстро ополоснулся теплой водой в шикарном банном помещении. Действительно, последний из Афанасьевых попариться любил. И в моем времени данное сооружение для банных утех имело бы успех. Достаточно сказать, что топились оно по-белому. Печь была сложена из кирпича, с трубой. В каменке, куда заглянул, сверху лежали зеленые голыши жадеита. «Не нефрит, как у богачей и олигархов в моём времени, но также изрядно», – подумал я.

Потом в кабинете, так это помещение я назвал для себя, и оно мне очень понравилось, познакомился со Степанидой. Монументальности этой женщины позавидовала бы и Нонна Мордюкова, на которую кухарка была немного похожа. В кабинет Степанида с огромным заставленным посудой подносом в руках вошла как ледокол. Я побоялся, что она сейчас меня вместе со столом просто снесёт, но швартовка прошла успешно. Стол начал быстро сервироваться. Сноровка домохозяйки оказалась на высоте. Почему домохозяйки? Да от тарелок шёл такой одуряющий запах вкусотищи, а этот монумент женского рода продолжал сервировку, не давая до них добраться. Наконец-то услышал: «Кушайте, барин!» И ледокол с огромной кормой выплыл из кабинета.

Я пододвинул к себе тарелку с первым блюдом и убедился, что мои глаза и нос меня не обманули. Это был настоящий, классический борщ. И даже мозговая косточка присутствовала в тарелке. Это просто

фантастика! Целый год моей пищей в училище были в основном щи и каши. В станице борщ также почему-то не варили, хотя свекла росла. Мелкая только была. Размером с крупную редиску. Поэтому последний раз борщ я ел в прошлой жизни.

В общем, дальше была феерия вкуса нормальной здоровой пищи. Борщ со сметаной, косточка, из которой мозговое вещество было выбито и намазано на кусок теплого ржаного хлеба. Пара рюмок то ли водки, то ли хорошо очищенного самогона. Водку в этом мире первый и последний раз пил у Касьянова во время обеда. Поэтому опыта для определения качества и названия представленного мне для употребления продукта не было. А здесь, увидев борщ, не удержался. Да и стресс, накопившийся за время пребывания во дворце, надо было снять. Степанида также принесла еще два графинчика с настойками. Одну по запаху определил как вишнёвую, вторую опознать не смог. Но пробовать их не стал. После борща был запеченный в небольшом горшочке картофель с мясом. Тарелка с квашеной капустой, огурчиками. Ещё под это дело рюмочка, и полная лепота! На сдобу и предложенный Степанидой чай сил уже не хватило.

Когда домоправительница всё так же молча, лишь изредка бросая на меня взгляды, убрала со стола, что-то буркнув на моё спасибо, я решил, что на сегодня впечатлений достаточно. За окном было уже темно. Обед поздним получился, но вкусным. Поэтому, сказав пришедшему в кабинет Сазонову, что завтра с утра займемся бумагами по усадьбе, направился спать. Шикарная перина на кровати, мягкие подушки, невесомое одеяло. Упал на кровать и заснул мгновенно и крепко, будто бы в родном доме.

Утро началось с пробежки на восходе солнца, а потом около часа отрабатывал ката с шашкой и кинжалом. На мои упражнения, раскрыв рот, смотрели обитатели усадьбы, пока собирались кто ехать в поле, кто на огороды, кто пасти пяток коров. Последние, двойняшки малец и девчушка лет пяти-шести, отправились за коровами с хворостинами в руках только после хороших подзатыльников от Митьки.

Закончив зарядку, отнёс оружие в кабинет, а потом направился в баню, где ополоснулся, чтобы не смущать окружающих своим голым торсом. Закончив утренние гигиенические процедуры, направился в так полюбившееся помещение. «Хорошо-то как, – думал я, открывая дверь. – Больше полутора месяцев не было зарядки. Сорок дней

дороги, потом жизнь в гостинице, во дворце. Уже жирок завязываться начал».

Зайдя в кабинет, плюхнулся на стул за столом. Мечтательно потянулся и тут же принял пристойный вид, так как в кабинет со стуком вошел Сазонов.

– Разрешите, ваше благородие? – управляющий с кипой каких-то амбарных книг в руках застыл около двери.

– Проходите, Александр Иванович, книги положите на стол, а сами возьмите стул и присаживайтесь ближе.

– Я лучше постою, ваше благородие, – произнёс управляющий, выкладывая передо мной книги.

– Александр Иванович, давайте определимся в следующих моментах, – я подпустил в голос командный металл. – Если я что-то прошу, то просьба эта к исполнению обязательна. Это первое.

Увидев, что управляющий внимательно и даже с каким-то страхом слушает меня, я продолжил:

– Поскольку я хочу во всем детально разобраться и время терпит, то и разговор нам с вами предстоит долгий. Обстоятельный. Вы что же, так и будете стоя его вести? И подбегать всякий раз, когда в книги заглянуть потребуется? Так что взять стул и сесть рядом со мной за стол вам все равно придётся. Это второе. Первый момент, я надеюсь, запомнили?

– Запомнил, ваше благородие.

– Вот когда вас в строй поставят да в мундир обрядят, тогда и будете меня благородием величать, а пока этого не произошло, я для вас – Тимофей Васильевич. И это третье.

– Благодарю вас, Тимофей Васильевич, – в глазах управляющего я увидел какое-то облегчение и появившийся потом проблеск уважения.

– Тогда, Александр Иванович, – продолжил я, усевшись за стол и дождавшись, когда рядом расположится управляющий, – в наказание и позавтракаете со мной, и пообедаете. Это четвёртое.

– Всегда бы были такие наказания, – усмехнулся Сазонов.

После такого налаживания взаимопонимания началась плодотворная работа над документацией и бухгалтерией, отражающей финансово-хозяйственную деятельность на усадьбе. Прервались лишь дважды – на завтрак и опять поздний обед, которые предоставила Степанида, явно удивленная моим распоряжением накрыть на двоих.

В прошлом мире всю мою финансово-хозяйственную составляющую жизни представлял домашний бюджет, когда был в неженатом состоянии. В женатом им заведовали жёны. На службе вопросами вещевого, продовольственного и прочего снабжения как-то не пришлось плотно заниматься. Не считая одного раза. Тогда после окончания операции в Первомайске нашу группу офицеров и солдат двадцать второй отдельной бригады специального назначения вертушками доставили в Ханкалу на базу. На следующий день должна была прибыть какая-то группа шишек из Москвы, и нам было приказано быстро привести себя в порядок для их встречи. Потрепало нас тогда сильно, так как основной удар прорвавшихся из Первомайска боевиков прошёл через наши позиции.

С бумажкой от какого-то тыловика из штаба направился с группой бойцов на центральный вещевой склад Ханкалинской объединённой группировки, где меня встретил старший прапорщик с мордой, об которую хряка убить можно. Ознакомившись с принесённой бумагой, тот начал мне объяснять, что я полностью не прав, если надеюсь по данному документу что-то получить у него на складе. Выслушав весь этот монолог, я просто достал из разгрузки эргэдэшку, вырвал кольцо с предохранительной чекой и, отпустив спусковой рычаг, засунул гранату за пазуху этому большому хомяку. Посмотрев в его выпученные от страха глаза, взял его за плечо и резко развернул к себе спиной. После этого, придав ударом ноги в пятую точку ускорение, отправил «страшного» прапорщика вдоль стеллажей с вещёвкой.

Я тогда стоял и смотрел, как метрах в десяти от меня извивался на полу не удержавшийся на ногах прапорщик и пытался достать из-за пазухи гранату. Через несколько секунд он затих, а под ним образовалась лужа. Никакой жалости у меня к этой куче жира не было, одна только злость. Неужели у данного индивида и мозги салом заросли? Он не видел, что перед ним стоят бойцы, которые только что вернулись из боя? Изгвазданные, в прорехах и крови бушлаты, разодранные штаны, лица и руки, еще не отмытые от порохового нагара. В том бою из сорока человек наших двух групп мы потеряли трех офицеров и двух солдат, еще шестеро бойцов были ранены. Двое тяжело. Но перед нашими позициями остались восемьдесят четыре трупа боевиков, не считая раненых и пленных. А этот козел!..

Всю новую форму мы тогда получили. Достав у прапора из-за пазухи гранату, я объяснил ему, что это «пустышка», которая иногда требуется при зачистке помещений, если надо взять пленного. Но если за то время, пока я этот муляж привожу в исходное состояние, мои бойцы не получают того, что нам выписали в штабе, то в ход пойдет настоящая. При этом всё имущество прапорщик должен будет предоставить лично. Конечно, за промежуток времени, пока я установил назад чеку и рычаг, прапор всё не смог нам выдать, но он очень старался. У меня даже сложилось мнение, что бедолага похудел килограммов на десять за ту небольшую часть суток, что пообщался с нами.

За эту «шутку» чуть не завернули моё представление на звание Героя России. Но вступился тогда ещё генерал-лейтенант Трошев – командующий Объединённой группировкой российских войск в Чечне. По слухам, Геннадий Николаевич в своей манере объяснил главным тыловым шишкам ханкалинской группировки, что очень желает их видеть всех вместе с подчинёнными на передовой и в отличной физической форме. И он всеми силами будет этого добиваться. Это если всё перевести на нормальный язык.

Вспомнив этот эпизод из своей прошлой жизни, украдкой посмотрел на Сазонова. Надеюсь, к нему таких экстремальных мер применять не придется. После чего опять стал внимательно вслушиваться в отчёт о деятельности управляющего. Из того, что он мне доложил до завтрака, я понял, что усадьба приносит чистый доход в среднем около двух тысяч рублей в год. Всё зависит от урожая. На настоящий момент Сазонов готов передать мне две с половиной тысячи рублей, которые были получены в прошлом году. С учетом переработки и продажи нового урожая, со всеми затратами и налогами будет получена минимум такая же сумма.

«Неплохой годовой доход даёт именице, – подумал я. – Это ещё три моих годовых содержания как хорунжего. Да вы теперь богач, батенька! Только вот что с крестьянами в Курковицах делать? Такой нищеты я ещё не видел!»

О том, откуда взялось такое бедственное положение общины, я узнал от Сазонова после завтрака. Оказалось, что, несмотря на то что в настоящий момент в Курковицах проживало двадцать пять лиц мужского пола и тридцать женского, ревизских душ было только

двенадцать, по числу дворов. И на каждую такую душу отводилось только три с половиной десятины земли. Для сравнения, в Амурском войске казаку было положено двадцать.

Из объяснений Александра Ивановича я узнал, что обозначает понятие «ревизская душа», после чего мне стало более ясным выражение «мертвые души». Произведения Гоголя, как и других классиков, в школе не читал, ограничиваясь чтением критических статей, на основании которых и писал потом сочинения. Да и в более зрелом возрасте классики как-то для чтения не шли.

Сазонов также раскрыл мне глаза и на суть крестьянской реформы тысяча восемьсот шестьдесят первого года, когда ознакомил с актом «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». По этому нормативному документу все крестьяне переставали числиться крепостными, но теперь стали считаться временнообязанными, потому что, получив личную свободу, бывшие крепостные не получили свободно и безвозмездно основные средства для своей деятельности, то есть землю.

Помещики в результате реформы Александра Освободителя остались собственниками всей принадлежащей им земли. Крестьяне могли выкупить земельный надел, который помещик обязан был им выделить. Каждая местность устанавливала свой минимальный и максимальный земельный надел. В Петербургской губернии он соответствовал именно трём с половиной десятинам на ревизскую душу. Выкупить свой земельный надел крестьяне должны были в течение сорока девяти лет, для чего государство выделяло им ссуду под шесть процентов. Двадцать процентов суммы за надел ревизская душа должна была внести сразу, а остальные восемьдесят процентов – в течение установленного манифестом срока.

До тех пор, пока вся сумма не была погашена, крестьяне считались временнообязанными и должны были отбывать барщину или платить оброк. Сумма оброка для каждой губернии устанавливалась отдельно. Как ни странно, но самые высокие оброки были назначены в Петербургской губернии, хотя большая часть земель здесь считалась неплодородной. В черноземных губерниях оброк был значительно ниже.

Во временнообязанном состоянии крестьяне должны были находиться, пока не завершалась сделка по выкупу земли. Поначалу

этот срок не был оговорен, но в декабре тысяча восемьсот восемьдесят первого года, по прошествии двадцати лет после принятия Манифеста об отмене крепостного права, установили конкретный срок и постановили, что к январю тысяча восемьсот восемьдесят третьего года все временнообязанные крестьяне должны быть переведены на выкуп. То есть оставшуюся невыплаченную часть за наделы государство выплачивало помещикам, а крестьяне становились должниками казны под те же самые шесть процентов годовых.

Это было значительным послаблением для крестьян, если бы не обычная статистика. Чтобы хоть как-то свести концы с концами семье из четырех-пяти человек на одну ревизскую душу и оплачивать растущие долги, было необходимо шесть-восемь десятин земли. И земли нормальной, а не той, что коллежский советник Афанасьев нарезал своим крестьянам после реформы. Наделы были отгорожены помещичьими землями от угодий, которые были жизненно необходимы в хозяйстве: леса, крупного ручья для водопоя живности и пастбищ. Вот и приходилось общине деревни Курковицы арендовать эти земли за высокую плату.

Последний из Афанасьевых цену аренды поднял, Куклин увеличил её ещё больше. В результате этих действий община впала в крайнюю нищету и долги перед казной. За аренду моей земли тоже прилично должны, только отдавать нечем. Особенно добила информация, что где-то через месяц после сборов налогов большинство жителей деревни Курковицы разойдутся по губернии кусочничать. Иначе до весны не доживут. В этом году из этих походов не вернулись в общину две девки да один пацан. Может, где-то и пристроились, а может, и сгинули. Крестьяне молчат.

От этой информации во время обеда, который прошёл в молчании, мне еда в горло не шла. Понимаю, что я как бы не виноват в таком положении общины. До такого состояния её мои предшественники довели. Но и что делать, пока не знал. Точнее, не знал, как правильно помочь крестьянам. Чтобы данная помощь пошла не во вред.

«А интересно получается, – думал я, безразлично поглощая какое-то жаркое, не чувствуя его вкуса. – В книгах попаданцы легко экономику страны перестраивают чуть ли не за пару лет. А здесь сидишь, репу морщишь, и не знаешь, что делать с пятьюдесятью пятью душами бывшей владельческой деревни. Да ещё и о двенадцати

на усадьбе думать надо. Хотя здесь ситуация не критическая, но особого достатка не увидел, даже у управляющего».

Отправив после обеда Сазонова готовить копию схемы земельного участка, на которую завтра планировал нанести пахотные земли, наделы крестьян, пастбища и прочее, сам остаток вечера посвятил думам о Курковицах. Решив, что утро вечера мудренее, лег пораньше спать.

Следующий день посвятили с управляющим объезду моих земель и уточнению плана их использования. На заранее нарисованной Александром Ивановичем схеме каких-либо исправлений вносить практически не пришлось. Чем больше я общался с этим человеком, тем больше он мне нравился своей профессиональной компетентностью, ответственностью и щепетильной честностью.

С учётом этого вечером я дал команду Сазонову разработать в течение пары дней проект по выведению из нищеты деревни Курковицы с одновременным поднятием дохода от имения. Отдавая такое распоряжение, я злорадно про себя улыбался. Просто я использовал старый армейский способ – сам не решаю, предложи подчиненным, а потом из их предложенных решений выбери наилучшее. Хорошо обдумай, добавь свое, а решение задачи снова на ретивых нижестоящих по служебной лестнице переложи. Успех достанется тебе, а в случае неудачи крайних искать легко. А мне тем более – управляющий-подчинённый только один имеется.

На следующий день после завтрака Сазонов, удивив меня скоростью исполнения, представил заказанный мною проект. Ознакомившись с бумагами, я озадаченно посмотрел на Сазонова, который стоял перед столом.

– Александр Иванович, скажите, вы кому-нибудь из моих предшественников предлагали осуществить данные мероприятия?

– Да, Тимофей Васильевич, и неоднократно.

– И почему никто из них не пошёл на это?

– Потому что данный проект одновременно требует больших затрат, которые смогут вернуться не ранее, чем через пять лет, и то при благоприятных погодных условиях. В случае неурожая данный срок будет увеличен. Если же деньги вкладывать постепенно, то результаты растянутся ещё на более длительный срок. Поэтому ни Афанасьевы,

ни Куклин на это не шли. Им главное было получить большой доход с минимальными вложениями, и быстро.

– Интересно, очень интересно, Александр Иванович. Берите стул, присаживайтесь, будем разбираться.

Если кратко, то Сазонов предложил погасить долги казне за наделы общины деревни Курковицы. Затем установить на наделы твёрдую цену без всяких процентов. Ввести наделы в общий план пашен. Крестьяне будут отрабатывать стоимость долгов за свои участки и урожай на них наёмным трудом. В общем, тот же оброк и барщина, но по фиксированным расценкам, которые будут учитывать заинтересованность крестьян в своём труде.

С учетом того, что в общине осталось всего по одной кляче на два двора, а конная тяга из четырёх голов, которая имела в имении, имела возраст старше двенадцати лет, управляющий предлагал закупить жеребца и двух, а лучше трёх кобыл жмудской породы. Эти лошадки и для полевых работ хороши, и для езды в упряжке или верхом. Выносливы, неприхотливы и хороший приплод дают. Также приобрести хороший металлический трёхлемешный колёсный плуг, борону. На этой базе создать что-то типа МТС в истории СССР, а точнее, плуговую артель, которая будет обрабатывать и землю имения, и крестьян. Да и в соседних деревнях и имениях можно будет заработать.

С помощью двузубой сохи и косули, которую сейчас в основном использовали, можно было разрыхлить землю пашни до двух-четырёх вершков. Но при этом крестьянам приходилась «двоить» или даже «троить» землю, иными словами, производить двукратную и трехкратную вспашку. Предлагаемый к закупке плуг позволял производить вспашку глубиной до шести вершков за один проход, но требовал минимум двух лошадей в упряжке.

Плужная обработка полей по найму в последние годы стала развиваться во многих губерниях. Труд плугарей высоко оплачивается, так как качество пахоты намного лучше, чем при сошной обработке. И это приводит к значительному увеличению урожая. В округе же данной услуги пока никто не предлагал.

Все предложенные мероприятия сопровождалось расчётами, включающими затраты, инвестиции, ожидаемые дивиденды от этого. В общем, цифры, проценты, дебет, кредит, прибыль, убыль. Разовые

затраты были приличные, почти годовой доход имения. Но по прикидкам Сазонова, всё должно было отбиться в течение пяти лет, а дальше приносить значительную прибыль имению, увеличив чистый доход до двух с половиной – трёх тысяч рублей. То есть почти на тридцать процентов. При этом Александр Иванович гарантировал, что материальное положение крестьян, как в Курковицах, так и в имении, значительно улучшится.

– Что ж, интересный проект. Выкладки и расчёты убедительны. Но есть одно но... – я увидел, как лицо управляющего из радостно-одухотворённого стало превращаться в трагически-разочарованное. «Да с такой яркой мимикой, отражающей чувства, жуликом и мошенником, Александр Иванович, вам не быть. На первой же афере попадёте. Но это только мне на пользу», – эти мысли пронеслись в моей голове, пока я держал «мхатовскую паузу».

Ладно, надо продолжать, а то сейчас мой управляющий совсем расстроится.

– Почему, Александр Иванович, вы рассматриваете только выращивание зерновых?

– Тимофей Васильевич, но сама мыза как бы изначально была нацелена на это. А имеющаяся в имении мельница позволяет практически вдвое увеличить стоимость зерновых, реализуя их уже в виде крупы и муки, – Александр Иванович начал оживать прямо на глазах. За свой проект он готов был стоять горой.

– Из ваших расчётов я понял, что при трёхполье в сто пятьдесят десятин планируется основной упор сделать на выращивании овса с получением наивысшего из зерновых урожая сам-пять, то есть около шестидесяти пудов с десятины. Потом следует отбор двенадцати пудов лучших семян для нового урожая, а сорок восемь пудов идёт на крупу. При средней цене, составляющей сейчас полтора рубля за пуд овсяной крупы, пятьдесят десятин, засеянных озимыми и яровыми, дадут доход около трех с половиной тысяч рублей в год. И это не считая прибыли с других культур и прочего.

– Всё верно, Тимофей Васильевич. В настоящее время при трехполье мы имеем возможность обрабатывать только восемьдесят десятин. Не хватает рабочих рук, да и инвентарь не позволяет. А плату наемным работникам Куклин установил очень низкую, на которую никто не соглашается. Я же самостоятельно её изменить не имел права. Из нормальных работников усадьбы мы имеем Прохора, его старшего сына и зятя, – управляющий замолк, а потом осторожно спросил: – А какие у вас предложения, Тимофей Васильевич?

– Александр Иванович, что вы скажете по поводу выращивания картофеля?

– Так сразу и не скажу, – управляющий задумчиво потёр переносицу. – Мы в имении засеваем три осьминника. Но это для своих внутренних нужд. И то, только из-за того, что Афанасьевы любили её, а Степанида хорошо может «чертово яблоко» приготовить.

– А почему «чертово яблоко»? – поинтересовался я, перебив Сазонова.

– Так из-за созвучности немецкому «крафт тойфельс», что переводится как «чертова сила», – ответил управляющий. – Большинство крестьян до сих пор отказываются сажать картофель. В ближайших имениях я не слышал, чтобы кто-то выращивал его на продажу.

– А какой урожай «чертового яблока» в имении?

– Семь-восемь пудов с осьминника.

«Чуть больше ста килограммов с сотки, – перевёл я для себя в привычную меру измерений. – Маловато. Даже я, будучи пенсионером в своём времени, в последние годы засаживая сотку для того, чтобы поесть молодого картофеля, получал не меньше ста пятидесяти килограммов. А из меня агротехник был ещё тот».

– Какая стоимость картофеля при продаже? – спросил я.

– Где-то полтора рубля за пуд, – ответил Александр Иванович.

– Когда я ехал в Петербург, мне попала статья, что можно собирать более ста пудов картофеля с десятины. Подумайте, Александр Иванович, над перспективами.

Я смотрел на Сазонова, который был похож на зависший компьютер. Кажется, моя информация немного выбила его из привычного состояния.

– Мне надо обдумать эту информацию, – наконец произнёс он.

– А я и не тороплю, Александр Иванович. Обдумайте, узнайте больше информации, просчитайте. Возможно, и появится необходимость внести изменения в ваш проект. Кроме того, есть ещё одно предложение.

Управляющий внимательно смотрел на меня.

– Как я увидел в отчёте, цена на сливочное масло, которое вы реализуете в Ямбурге, составляет шестнадцать рублей за пуд. Какое количество коров мы сможем прокормить, Александр Иванович, на наших землях с нормальным питанием в течение года?

– Боюсь, Тимофей Васильевич, к нашим имеющимся пяти – максимум ещё три-четыре. Рабочих рук не хватает. Не сможем достаточного количества сена на зиму запасти. В этом году точно. Сенокос давно прошёл. Если только закупать корма.

– А если предложить крестьянам аренду коров с правом их последующего приобретения? Допустим, что в течение пяти лет они должны будут ежегодно сдавать с коровы в имение десять пудов масла. Остальной надой идёт в личное пользование крестьян. С учетом виденного мною в Курковицах состояния домов и дворов, содержать пока коров в имении. Построить для них общий теплый коровник. За каждой коровой закрепить один двор общины. А за пять лет и крестьяне отстроятся, если мы им по нормальной цене лес предложим. Как вам такой ход?

«Ой, мама мия, кажется, Сазонов завис окончательно, и сегодня я от него вряд ли что разумное услышу, – подумал я, глядя на остекленевшие глаза Александра Ивановича. – Община, конечно, тоже коллективное хозяйство, но совмещение социалистического и капиталистического способов ведения дел требует длительного осмысления».

Решив окончательно добить управляющего, я произнёс: «На все эти мероприятия я готов выделить озвученную вами сумму».

Всё! Сливай воду, туши свет! Сазонов, находясь в заторможенном состоянии, поблагодарил меня, сгрёб со стола листки со своим первоначальным проектом и удалился из кабинета деревянной походкой. Я же с чувством выполненного долга взял шашку, кинжал и отправился на тренировку. Потом был обед, а на закате я посидел на пруду с удочкой. Поймал с десятков карасей-сковородников, которые отнёс Степаниде с просьбой-указанием приготовить их завтра по

любому её вкусному рецепту, чем вызвал довольную улыбку своей суперкухарки.

На следующий день после моей зарядки Сазонов отпросился уехать на пару дней, как я понял из его слов, для консультаций у знающих людей по выращиванию картофеля и по изготовлению, хранению, реализации довольно больших объемов сливочного масла. Для данной операции им была задействована имеющаяся в усадьбе повозка, которую я про себя обозвал, когда первый раз мы с Сазоновым объезжали имение, бричкой. Возможно, это был и другой экипаж. Также выделил Сазонову, по его просьбе, три рубля.

Этот и следующие два дня прошли в приятном ничегонеделании. Тренировался. Ловил карасиков в пруду. Получал последний ультрафиолет петербургского солнца. Знакомился с остальными жителями усадьбы. Судя по всему, Сазонов успел слить какую-то информацию из наших с ним планов, поэтому все обитатели усадьбы относились ко мне восторженно-предупредительно.

Через три дня, ближе к вечеру, вернулся из поездки управляющий. Его вид соответствовал коту, который объелся то ли сметаны, то ли колбасы. Заверив меня, что завтра, в крайнем случае послезавтра, он представит новый проект развития усадьбы и деревни Курковицы, повизгивая от нетерпения, умчался в свою комнату во флигеле. Я же отправился на пруд. За эти три дня различные блюда из карасей мне не успели надоесть. Да и погода была изумительной, даря окружающим последнее тепло «бабьего лета». Отдых закончился следующим утром, когда Сазонов сообщил мне о приглашении на приём к княгине Трубецкой в имение Елизаветино.

«Ну что же, господин хорунжий! Завтра первый выход в высший свет», – подумал я, рассматривая карточку с текстом о желании видеть меня на встрече в узком кругу.

Глава 11

Светская жизнь

Я ехал вместе с Сазоновым на заднем сиденье брички, для себя решил, что именно так буду называть эту повозку, которой управлял нарядно одетый Сёмка, старший из сыновей Прохора. Такой же кряжистый и крепкий в кости, как отец, Семён в свои двадцать с небольшим лет выглядел здоровенным мужиком, только без бороды. Усы пока тоже были редковатые.

В данную поездку как кучер он попал в качестве награждённого за ударный труд. Это я так перевёл для себя обоснование Александра Ивановича, почему именно этот работник будет извозчиком моего личного транспорта при поездке в имение княгини Трубецкой. «Сёмка хорошо работал, Сёмку надо поощрить, поэтому Сёмка на воскресную службу в церковь попадёт и невесту там найдёт. Девку ядрёную, здоровую да работающую. Которая и в имении пригодится», – прикалывался я про себя, слушая Сазонова. Сам же управляющий напросился со мной на божественную литургию, плюс к этому ему надо было ещё что-то обсудить с управляющим имения Трубецких по агротехнике.

Полученное вчера с утра приглашение на приём, хотя и предсказанное графом Воронцовым-Дашковым, выбило меня из душевного равновесия. Поэтому даже от бани, которую так ждал целую неделю, не получил удовольствия. Выход в свет в этом времени много значил, а весь мой опыт – бал на присягу в училище да несколько посещений дома Васильевых в Иркутске. А здесь приём в доме-дворце у целой княгини. И не простой княгини.

Со слов Сазонова узнал, что Трубецкая Елизавета Эсперовна – фрейлина императрицы Марии Александровны, хозяйка известного парижского салона, посредница в налаживании русско-французских отношений в семидесятые годы этого столетия. Её отец – князь Эспер Белосельский-Белозерский, был товарищем Лермонтова по лейб-гвардии Гусарскому полку, привлекался по делу декабристов, но был оправдан. Муж, князь Трубецкой Пётр Никитич, был племянником

несостоявшегося «диктатора» декабристов – князя Сергея Петровича Трубецкого.

В тысяча восемьсот пятьдесят втором году Петр Никитич приобрёл для жены это имение, расположенное в деревне Дылицы, которая получила более благозвучное название Елизаветино в честь императрицы Елизаветы Петровны, когда-то бывавшей в ней. Трубецкие переделали усадьбу, построив дом-дворец, который я видел неделю назад, проезжая через неё.

В церкви во имя Владимирской иконы Божией Матери, куда мы сейчас направлялись, находится семейная усыпальница семейства Трубецких, где покоился князь и старший сын, умерший в младенчестве. В усадьбе княгиня жила исключительно летом. Остальное время она проводила в Санкт-Петербурге или за границей. В этом году она посетила своё имение недавно, поздно приехав из-за границы, и давала первый приём, на который стремились попасть все дворяне близлежащих имений. Из столицы также приезжало много народу. Даже сам император с семейством посещал этот дом.

Чем больше я узнавал от управляющего о семействе Трубецких и приёме, куда был приглашён, тем меньше мне хотелось на нём побывать. «Не мандражируй, гвардия, – мысленно говорил я себе. – Не боги горшки обжигают. Прорвёмся. Главное помнить всё о поведении на светских приемах, которое преподавали в Иркутском училище. Если где и промелькнёт „дярёвня“, спишется на малый срок моего дворянства. А здесь могут и полезные знакомства образоваться! Но лучше бы домой, в станицу, в полк».

Наконец подъехали к Владимирской церкви, на площади перед которой собралось много средств передвижения на конной тяге. Потом была служба. В этом мире я мог себя охарактеризовать как идущего по пути к вере. Почти двухмесячное непосещение церкви особого дискомфорта у меня не вызвало, но два часа божественной литургии выстоял, можно сказать, с удовольствием. Причастился. Поцеловал крест в конце службы и с каким-то облегчением на душе вышел из церкви. На лицах Сазонова и Сёмки, в отличие от меня, яркими мазками было написано полное умиротворение и душевный покой. Вот что значит истинная вера.

Во время службы управляющий показал мне княгиню Трубецкую, которая стояла в первых рядах молящихся. Что можно сказать?!

Маленькая собачка – и в старости щенок. Или сзади пионерка, спереди пенсионерка. Хотя и спереди выглядела куда моложе своих лет. Лет сорок пять, может чуть больше. Хотя приближалась к шестидесяти годочкам и была матерью шести детей. А энергии, которая от неё исходила, могла бы позавидовать восемнадцатилетняя девица.

До приема, который был назначен на два часа пополудни, оставалось ещё много времени. Поэтому решили убить его объездом имения Трубецких. Сазонов, который проводил экскурсию, довел до меня, что княгиня владеет почти тремя тысячами десятин. На порядок больше, чем у меня. Охоту, ветряную мельницу, кузницу, лавку, постоянный двор, почтовую станцию и десять дач хозяйка сдаёт в аренду.

Дальше услышал от Александра Ивановича местные сплетни. Трубецкая очень любит роскошную жизнь, денег не считает и устраивает блестящие балы в столице и здесь в имении. Не терпит конкуренции. Многие рассказывают, когда-то княгиня, чтобы затруднить другим семействам устройство бала, скупала цветы по высокой цене сразу во всех садоводствах Петербурга и его окрестностях. Но такое безумное растранивание денег привело к тому, что доходов от медных заводов, которые Трубецкой достались от прабабушки, уже стало не хватать. Отсюда и аренда, и продажа доходного дома в столице.

Объезжая различные хозяйства, принадлежащие княгине, отметил для себя, что в моём имении порядка и чистоты больше. О чём сказал Сазонову, вызвав у него довольную улыбку. Так как ещё в начале поездки предупредил управляющего, что по новому проекту серьёзный разговор будет завтра, то всё это время Александр Иванович развлекал меня хозяйственными байками на примере имения Трубецких, а также местными сплетнями. Четыре часа прошли незаметно, что я отметил по хронометру цесаревича, и наша бричка вовремя подъехала к парадному входу в дом, точнее всё же во дворец – настолько монументальным и красивым выглядело это здание.

Придерживая дедовскую шашку, поднялся по лестнице к двери, которая распахнулась при моём приближении, и я был встречен лакеем в парадной ливрее с шикарнейшей бородой. Прошёл в холл, где ещё один лакей принял мою парадную, начёсанную папаху. Шашку решил оставить, так как, несмотря на данное себе обещание выучить

различные танцы, выполнить его не смог. Не было времени. Да и занятий танцами, кроме тех, когда нас готовили к балу после присяги, больше в училище не было. Поэтому максимум, что мог изобразить – старый добрый вальс.

Увидев большое, два с половиной на полтора метра, зеркало, подошёл к нему. Да, «Абрам Исаакович», или Александр Иванович Берман, – большой мастер своего дела. Тёмно-зеленый двубортный мундир, обшлаг, воротник (закругленный) и борта обшиты жёлтым шелковым шнуром с петлицами серебристого цвета по одной на воротнике и по две на обшлагах. Серебряные чешуйчатые эполеты с золотыми звездами и литерой «А». Укороченные шаровары тёмно-зеленого цвета с желтыми лампасами и сапоги без шпор. Офицерский шарф золотого цвета и португеза с шашкой. Волевое лицо, строгий и пронзительный взгляд. Красавец! Прямая угроза женскому полу! «Тем более с женским вопросом надо что-то решать, – подумал я. – Быстрее бы определилась моя дальнейшая судьба и место службы. А там можно и по лебедям за грязной и платной любовью сходить». Подмигнув своему изображению, по подсказке лакея направился вверх по лестнице.

Поднявшись на второй этаж, попал в большой зал, где уже находилось человек сорок – пятьдесят. Мелькали платья, веера, сверкали драгоценности. Среди чопорных партикулярных мужских костюмов, типа смокинг, я увидел только пару военных мундиров. «И это называется небольшим приёмом», – успел подумать я, как ко мне подлетела небольшого роста прекрасная шатенка с голубыми глазами и осиной талией, которую подчеркивало строгое и одновременно богато украшенное драгоценными камнями платье.

– И от кого доблестный Георгиевский кавалер будет отбиваться своей шашкой в этих стенах? – с улыбкой спросила меня девушка.

– О, прекрасная незнакомка, вы не поверите, но от сказочных наяд, которые своей божественной красотой меркнут перед вами, – с учтивым поклоном ответил я.

– И чем же они вызвали ваш гнев? – незнакомка подняла и раскрыла веер, спрятав за ним улыбающееся лицо.

– Боюсь, они захотят пригласить меня на танец, и в этом случае моя шашка спасёт меня, – увидев удивлённо округлившиеся глаза и симпатичный ротик, продолжил: – Понимаете, есть люди, которым

медведь на ухо наступил, а есть – которым слон ноги оттоптал. Я отношусь к последним. Единственно, что смогу станцевать, так это вальс, да и то с грацией бегемота. Только шашкой и приходится защищаться.

По мере произнесения данных фраз на лице прекрасной незнакомки удивлённое выражение стало переходить в улыбающееся состояние. А когда она услышала мои последние слова, то не выдержала и рассмеялась в полный голос. В результате её заразительного смеха на нас обратили внимание почти все присутствующие в зале. При этом практически все мужчины стали улыбаться, а вот некоторые из матрон посмотрели осуждающе.

– Да! Никогда бы не подумала, что услышу такое признание от офицера, да ещё Георгиевского кавалера, – девушка сложила веер и, указывая им на меня, продолжила: – Вы должны немедленно представиться, чтобы я занесла ваше имя в свой дневник.

– Хорунжий Аленин-Зейский, Тимофей Васильевич, – я вновь склонил голову в учтивом поклоне.

– За свою правдивость и остроумие вы достойны награды. Я – княжна Мария Петровна Трубецкая, для вас с этого мгновения Мари, – произнесла девушка, протянув мне руку для поцелуя.

– Ваше сиятельство, – с почтением приложился к этой изящной и правильной формы ручке. – Это большая честь для меня.

– Если вы еще раз назовёте меня не Мари, то я лишу вас награды, хорунжий!

– Слушаюсь, сиятельная Мари, – я вытянулся во фронт и пожалел, что у меня мягкие казачьи сапоги без шпор. А то бы сейчас щёлкнул каблуками и позвенел бы шпорами.

– Сиятельная Мари, – медленно, словно смакую каждую букву, произнесла красавица. – Так меня ещё никто не называл. Очень приятно-с. Вы, хорунжий, заслужили ещё одну награду, но какую, я пока ещё не решила. А сейчас вас ждёт бой, но не с наядой, а с драгуном Сумского полка.

Девушка с шаловливой улыбкой показала веером мне за спину. После этого жеста я несколько резковато развернулся, смещаясь в сторону. К нам решительной походкой и с каким-то отрешением на породистом лице направлялся эстандарт-юнкер в форме Сумского драгунского полка. Насколько я знаю по информации этого времени, –

единственный регулярный кавалерийский полк, размещенный в Москве. И служили в нём одни богатые буратины. Действительно богатые.

Эстандарт-юнкер, подойдя, окинул меня каким-то высокомерно-презрительным взглядом. Правда, когда взгляд скользнул по моим наградам, в глазах мелькнула зависть. После этого он повернулся к девушке и сучающим голосом произнёс:

– Мари, ты не познакомишь нас?

– Алекс, с удовольствием. Хорунжий Аленин-Зейский Тимофей Васильевич. Ему я только что даровала право называть меня Мари. – Княжна строго посмотрела на юнкера. Потом повернулась ко мне и, показывая веером на драгуна, произнесла далее: – А это граф Алексей Алексеевич Белёвский. Мой хороший друг, которому также дано право звать меня Мари.

Пока девушка представляла мне графа, тот из-за её спины буквально прожигал меня взглядом. «Ой, как тут всё запущено», – подумал я и постарался придать взгляду самую доброжелательность.

– Приятно познакомиться, ваше сиятельство, – я склонил голову в коротком поклоне.

Ответить графу не успел, перебитый Мари:

– Господа, вы здесь пообщайтесь, узнайте лучше друг друга, а отлучусь ненадолго, меня зачем-то мамам зовёт.

Произнеся со скоростью сто двадцать слов в минуту данную фразу, княжна развернулась, взмахнув подолом платья и показав туфельки, после чего быстро направилась к хозяйке имения.

Я с улыбкой на лице проводил глазами этот огонь в юбке, а когда повернулся к графу, то наткнулся на его бешеный взгляд.

– Господин хорунжий, может быть, вы объясните мне вашу улыбку сейчас и то легкомысленное общение с княжной, которое я наблюдал несколько минут назад! И что вас связывает с Мари?! – Белёвский буквально кипел, но слова, которые он произносил, были холодными, как лёд.

Я же, глядя на него, чуть не расхохотался, настолько граф мимикой, интонацией был похож на Ипполита из фильма «Ирония судьбы», когда он разбирался с Лукашиным, в каких тот отношениях с Надеждой. Еле сдерживая готовую расплыться по лицу улыбку, постарался ответить со всей серьёзностью.

– Ваше сиятельство, я мог бы вам сказать, что это только моё дело, – и увидел, как голова графа дёрнулась от этих слов, как от пощёчины. – Но судя по всему, вы сильно влюблены в Мари, а она, видимо, дала повод считать вам себя несколько большим, чем её друг.

Граф, с языка которого уже были готовы сорваться слова, после которых всё шло бы к дуэли, дослушав меня, замер. А потом сдержанно произнёс: «Это так!»

– С княжной мы познакомились пять минут назад. Я новый сосед Трубецких по имению, которое расположено рядом с деревней Курковицы. Княгине Трубецкой я ещё даже не представлен, хотя прибыл по её приглашению. Мари меня перехватила.

Пока я произносил эти слова, то видел, как граф оттаивает прямо на глазах. «Вот уже и улыбка на лице появилась. Неужели все влюблённые такие придурки, – подумал я про себя, делая паузу в разговоре. – Хотя интересно было бы на себя со стороны посмотреть, когда был влюблён в Мэй. Общий срок жизни к шестидесяти годочкам тогда приближался, а всё равно вёл себя как идиот. Психовал, ревновал к каждому столбу».

– Надеюсь, я ответил на ваш вопрос, что меня связывает с княжной, ваше сиятельство?

Алексей Алексеевич с радостным выражением на лице кивнул мне.

– По поводу улыбки, с которой я смотрел вслед Мари, то могу только сказать, что на этот ураган и торнадо в юбке по-другому смотреть не возможно. Но самое главное, чтобы эту улыбку она не увидела, иначе будет плохо.

– Это уж точно, – с каким-то облегчением, но обречённо произнёс граф. – Она меняется каждые пять минут общения. И никогда не знаешь, что скажет дальше. Но как вам удалось за столь короткое время добиться того, чтобы княжна позволила называть её Мари? Я такой чести добился через два месяца ухаживаний.

В голосе Белёвского опять зазвучали ревнивые нотки, а сам он опять стал похож на Юрия Яковлева в роли Ипполита. Усмехаясь про себя, ответил:

– Я честно ей признался, что не умею танцевать, а шашка мне нужна на приёме, чтобы избежать возможности попасть впросак из-за незнания танцев. И сделал это в шутливой форме, чем заслужил награду – обращаться к ней Мари. Кстати, ваше сиятельство, она

обещала наградить меня ещё раз за то, что я назвал её сиятельной Мари. Княжне очень понравилось, так что берите на вооружение.

– Спасибо. И почему мне такое словосочетание не пришло в голову? – граф сожалеюще помотал головой. – Но как получилось, что вы не умеете танцевать?

– Ваше сиятельство, в той среде, где я родился и вырос, бальные танцы не учат. А в Иркутском училище смог лишь чуть-чуть освоить вальс.

– Пойдите-ка, со своей ревностью я был на взводе. И немного прослушал ваше представление. Так вы тот самый казак Аленин, который цесаревича собой закрыл во время нападения, – заметив, как я замялся с ответом, граф продолжил: – Не беспокойтесь, хотя награждение и было закрытым и о нападении на наследника на Амуре как бы не принято говорить, но весь двор об этом знает. Тем более я состою в свите великого князя Сергея Александровича^[4], а Мари – фрейлина у Елизаветы Фёдоровны^[5]. Весь московский двор год назад был поражён вашей смелостью и самоотверженностью.

«Нет, ну что творится-то, – подумал я. – Куда ни плюнь, в царскую семью попадёшь или в тех, кто особо приближен к их телу».

Граф между тем протянул мне руку и произнёс:

– Господин хорунжий, с этого момента я для вас просто Алекс! Вы принимаете мою дружбу?

– С удовольствием, Алекс! Если вы не против, то я для вас Тимофей. Тимотем, на французский манер, как-то длинновато, поэтому предпочитаю более короткий английский вариант – Тим.

– Хорошо, Тим. Принимается, – граф с ощутимой силой сжал мою ладонь.

А у меня в голове пролетела мысль: «Надо было Тимати представиться, а потом хип-хоп или рэп исполнить. Точно и не помню стиль его песен. Но как бы охренели окружающие! Вот это был бы настоящий шок. А потом меня сразу в дурку». Мои мысленные приколы, как отходняк от удачно предотвращённого конфликта, прекратила княжна, которая, подойдя к нам, с явным удивлением смотрела на моё рукопожатие с графом.

– Смотрю, вы перешли на ты? – заинтересованно спросила Мари.

– Да, сиятельная Мари, мы теперь говорим друг другу Алекс и Тим, – широко улыбаясь, произнёс Белёвский.

– А, господин хорунжий уже и некоторой информацией поделился. Не так ли, Тим?

– Увидев, как вам понравилось сочетание «сиятельная Мари», рассказал об этом Алексу, чтобы и он мог порадовать вас.

– Подхалим и льстец, – произнесла княжна и тихонько рассмеялась, прикрывшись веером.

Дальше было знакомство с хозяйкой имения, которой я был представлен совместно Мари и Алексом. После пяти минут общения с княгиней Трубецкой я быстро определил, в кого характером и неумностью пошла Мари. А ещё после дополнительных пяти минут общения я был полностью согласен с Алексом, который наедине, мать и дочь встречали и общались с другими гостями, сообщил мне мнение света о Елизавете Эсперовне. Если кратко, то внешностью похожа на маркизу эпохи Людовика XV. Все отмечают отличное образование и большой ум, одаренность с пикантностью и оригинальностью. Трубецкая создала себе определённую роль и в Париже, и в Санкт-Петербурге. Многие считают, что княгиня знает все последние новости. Кто с нею говорил, не мог ею нахвалиться.

Неудивительно, что её салоны посещали и считали себя друзьями такие известные личности и политики, как близкий сподвижник Наполеона III, получивший прозвище «вице-император» Эжен Руэр, а за ним первый президент Третьей французской республики Мари Тьер. Премьер-министр Великобритании лорд Генри Палмерстон и светлейший князь, канцлер Российской империи Горчаков были частыми гостями княгини.

Как понял из информации, которую на меня обрушил граф, найдя свежего и неискушённого слушателя, Lison, как обыкновенно звали Трубецкую близкие ей люди, до сих пор играет видную роль в Петербурге. Политические сплетни для каждого дипломата главное кушанье, а в салоне Трубецкой сосредотачиваются наисвежайшие слухи.

Во время беседы с Алексом, которая периодически прерывалась моим знакомством с другими гостями княгини, я узнал, что граф в начале следующего года получит чин корнета и должность адъютанта у великого князя Сергея Александровича, а пока он, можно сказать, только числится в Сумском полку, выполняя различные поручения своего воспитателя князя. Пару дней назад он вместе с Мари приехал

из Москвы на несколько дней в Елизаветино, чтобы соприсутствовать на приёме у Трубецких. Великокняжеская чета их отпустила в небольшой отпуск.

После этого последовал рассказ целого ряда сплетен о жизни Московского двора, из которых я понял не больше двадцати процентов. В смысле, смог определить только пятую часть лиц, о которых шло повествование. Алекс же в дворцовой жизни чувствовал себя как рыба в воде. Да и Мари, которая вместе с матерью дирижировала приёмом, стараясь не обойти своим вниманием и заботой никого из гостей, выглядела, несмотря на молодые годы, опытным профессионалом в светской жизни. Я, если бы не мой новый друг, вернее всего, постарался бы сразу же после представления хозяйке слинять с этого праздника. Теперь же с таким гидом было даже интересно наблюдать за светской жизнью.

Особенно меня обрадовали слова Алекса, что данный приём у Трубецких можно охарактеризовать больше, как званый обед для соседей, а не бал. Вот если бы мы сейчас находились на бал-маскараде, который Трубецкая даёт поздней осенью в столице, то мне бы с моим неумением танцевать на таком мероприятии было бы нечего делать.

– Mon ami, прошлой осенью в столице за пять дней я побывал на пяти балах, – вещал мне Алекс. – Юсуповы, Шерметевы, Долгорукие, Воронцовы и, наконец, бал у Трубецких. Я танцевал всё. Полонез, вальсы, мазурки, кадрили, польки, франсез, котильон. Четыре ночи я веселился, как только мог. На каждом балу у меня была новая партнёрша, и не одна. Но тут я увидел её. Мою Мари. И мир для меня сузился до её фигуры, её глаз и губ.

«Нет, влюблённость – это диагноз», – успел подумать я, как восторженное излияние графа было прервано леденящим душу голосом.

– Чьей фигуры? Чьих глаз и губ? – вид княжны в гневе, или играющей гнев, в этом тяжело было сразу разобраться, меня, если честно, напугал. А бедный Алекс застыл перед Мари, как кролик перед удавом.

«Теперь я точно знаю, кто в их семье будет главным, – подумал я про себя. – И напрасно Алекс думает, что он ухаживает и чего-то добивается. Его уже рассмотрели, оценили, признали годным и теперь,

как телка, ведут на верёвочке к венчанию, постепенно приучая отнюдь не к ведущей роли в семейных отношениях».

– Мари, я рассказывал Тиму о нашей первой встрече на балу, – как-то жалко выдавил из себя Алекс.

– Четыре ночи я веселился, как только мог?! На каждом балу у меня была новая партнёрша, и не одна?! Это тоже обо мне?!

«Ого, сейчас будет суперторнадо, – пронеслось в голове. – И как мы не заметили княжны? Умеет же незаметно подойти».

– Алекс, в наказание вы лишаетесь права открыть сегодняшние танцы со мной. А Тиму я обещала ещё одну награду. Он будет танцевать первый вальс. И именно со мной, – капризно произнесла Мария Петровна.

– Сиятельная Мари, сжальтесь, – начал я, пытаюсь отбиться от такой награды. – Неужели вы хотите выглядеть смешной рядом с таким неумёхой, как я!

– Данный вопрос не обсуждается, – твёрдо произнесла княжна, но увидев, как начал багроветь граф, произнесла: – Все остальные танцы, Алекс, ваши.

Цвет лица Белёвского начал приближаться к нормальному, но мне от этого было не легче. А дальнейшие слова Мари заставили меня запаниковать.

– После вальса, Тим, я вам представлю мадемуазель, которая будет вашей парой на сегодняшний приём. Так решили мы с мамом.

«Надо бежать, – это была первая мысль, которая пришла в голову. – Какой из меня кавалер! Ещё эти танцы. Надо было держать перед собой слово – выучить хотя бы ещё мазурку и польку. Или полонез и котильон. Что теперь делать?»

– Тим, да не волнуйтесь вы так. Один танец в качестве награды. Алекс, вы же сохраните шашку моего кавалера во время танца? – дождавшись ответного кивка графа, княжна продолжила: – Надеюсь, мои туфли останутся целыми.

«О женщины, коварство ваше имя, – думал я, снимая португепю с шашкой и передавая их Алексу. – Как легко вы манипулируете нами. Целый граф стоит, как лакей, с моим оружием в руках. И я, как дурак, сейчас буду танцевать!»

Протянув руку в белой перчатке княжне и взяв ее ладонь, я направился к центру зала, куда уже начали стекаться пары. Зазвучала

музыка, и мы закружились с Мари под волшебную мелодию вальса. Отдаться полностью танцу не получилось, несмотря на прекрасную партнёршу, которая чудесно чувствовала и музыку, и мои не очень уверенные движения. В общем, ноги не оттоптал, ни в кого не врезались. И всё благополучно завершилось.

Вернувшись на место, где ждал Алекс, глубоко и с облегчением выдохнул:

– Уфф... Сиятельная Мари, лучше в атаку на неприятеля, чем пережить ещё раз такое напряжение!

– Не прибедряйся, Тим, танцуешь ты очень хорошо. Просто стесняешься того, что можешь совершить ошибку. От этого и зажатость. – Княжна перевела дыхание. – Вам надо взять еще несколько уроков, и вальс вы будете танцевать великолепно. А дальше и остальные танцы легко выучите.

– Это всё в далёком будущем, – я повернулся к Алексу и взглядом попросил вернуть оружие.

– Тим, откуда у тебя такое сокровище? – граф чуть-чуть вытянул шашку из ножен, показывая мне клеймение на лезвии.

– Эта шашка и в пару к ней кинжал, сделанный этим же мастером, передаётся в нашей семье от деда к старшему внуку, – ответил я, принимая в руки переданный Алексом клинок. – Надеюсь, что и у меня когда-то будет старший внук, которому я передам нашу семейную реликвию.

– А у тебя, Тим, уже есть на примете избранница? – тут же включилась в разговор Мари.

– Мне пока рано об этом думать, – попытался отшутиться я, но не тут-то было.

– Об этом думать никогда не рано, а то потом поздно будет. И ты, Тим, не забыл, что тебе подобрана пара на сегодня? – раскрасневшаяся Мари сердито притопнула по паркету каблуком туфельки. – А возможно, и не только на сегодня!

– У нас – у казаков, конечно, – выбирают будущую жену в основном родители. Но я, сиятельная Мари, будучи теперь круглым сиротой, надеюсь выбрать себе суженую самостоятельно, – несколько раздражённо ответил я, но лучше бы промолчал. На меня обрушился град слов, и краткость явно не была сестрой таланта княжны.

Из пятиминутного сверхскоростного монолога Мари я выделил следующую суть. Выбор супруга-супруги родителями – основа дальнейшей счастливой жизни создаваемой семьи. Если у меня нет родителей, то мне необходимо прислушаться к мнению княгини Трубецкой, которая соединила много пар. Анна Васильевна фон Дерфельден – юная и прекрасная шестнадцатилетняя девушка. Это у неё первый выход в свет. И я буду бездушной скотиной, если испорчу ей праздник. После яркой речи Мари и Алекс унеслись танцевать мазурку, а я стоял столбом и тихо приходил в себя. «И я считал, что Семёну Савину крупно не повезло, что он женился на моей названной сестре Анфисе Селевёрстовой, – подумал я, вздыхая. – Да Анфиса по сравнению с Мари – божий одуванчик. Бедный граф. Действительно, любовь зла».

Вернувшись Мари огорошила меня, что сейчас приведёт знакомиться Анечку, а Алекс, когда княжна ушла, дал краткий расклад по мадемуазель Дерфельден. Анна была дочерью офицера, который погиб во время русско-турецкой войны. Мать умерла от инфлюэнцы, когда девочке было пять лет. Анну взял к себе на воспитание младший брат отца – Христофор Платонович фон Дерфельден, который сейчас в звании полковника занимает должность помощника командира лейб-гвардии Уланского Ея Величества полка, стоящего в Петергофе. Дерфельден ещё в тысяча восемьсот восемьдесят шестом году приобрёл в окрестностях Сиверской мызы имение Маргусы, вблизи старинной деревни Куровицы. Последние четыре года Дерфельдены приглашаются на прием в Елизаветино. В этом году своё первое приглашение получила и Анна.

– Говорят, очень милая барышня. А вот и они, – граф посмотрел мне за спину.

Я развернулся и обомлел. «Да что же это творится-то такое в этой жизни?! – металось у меня в голове. – В станице Марфа-Мария почти копия моей первой жены, а сейчас в сопровождении Мари к нам моя вторая супруга из того времени направляется. Полное зеркальное отражение Татьяны Арнтгольц в молодости, только глазища зелёные, как изумруды, да белокурые волосы натуральной блондинки».

Девушки подошли. Мари начала представление. Что-то сказала Анна, и я выключился из реальности. Если Марфа была похожа на мою первую жену, то Анечка фон Дерфельден была полной копией

Светланы – второй моей супруги в течение целых десяти лет. Та же улыбка, мимика, выражение лица, фигура, походка, жесты. А голос? Я закрыл глаза, когда Анна произнесла ещё несколько слов, и понял, что слышу свою Светленькую. Такого не бывает, но это случилось. Передо мной было точное, до малейших деталей воплощение моей жены из будущего.

Дальнейший вечер прошёл в каком-то тумане. Были ещё танцы, потом обед, где за столом я сидел рядом с Анной-Светланой и ухаживал за ней. После длительного застолья играли в фанты. Мне досталось задание исполнить романс. За первой песней последовала по просьбе слушателей вторая, потом третья, и так целый час. Потом мы танцевали вальс. И чем ближе приближалось время к окончанию вечера, тем больше обстановка вокруг казалась мне нереальной. Мало того что вокруг меня костюмированный бал-маскарад, так еще и погибшая жена общается со мной. После десяти лет совместной жизни Светлана, не выдержав походной жизни с офицером спецназа, ушла от меня к начинающему олигарху. Через два года они оба погибли во взорванном автомобиле. Несмотря на её, можно сказать, предательство, я продолжал любить Светлану в том мире.

«К черту эти взгляды окружающих, – думал я. – Сам понимаю, что веду себя неадекватно. Но вас бы на моё место! Только бы с ума не сойти. Уже два или три раза еле удержал себя, чтобы не назвать Анну – Светиком, Светленькой, цветочком. Надо держаться. Но крышу сносит капитально».

Продержался. Анечка вместе с её тётёй Маргаритой Александровной, которой я был представлен, убыли на коляске в своё имение в наступивших сумерках. Девушка робко выражала желание остаться ещё на немного. Но её тётя оказалась волевым и жёстким воспитателем молодого поколения. Я же, проводив девушку, на некоторое время вернулся в зал, где, выразив восторг от приёма княгине Трубецкой, по моей просьбе благожелательно был ею отпущен. На крыльцо, провожая меня, вышел Алекс.

– Жалко, что ты, Тим, так рано уезжаешь. Мы все рассчитывали ещё на пару-тройку романсов в твоём исполнении. А Мари просто требует некоторые романсы записать в альбом. Очарована, околдована, с ветром в поле когда-то обвенчана... Какие замечательные стихи. Так

что с тебя долг перед Мари. А она из-под земли достанет, – улыбаясь, протянул мне руку граф.

– Я дня через три обязательно приеду, Алекс. Иметь долг перед Мари чревато для здоровья. Вы, кстати, сколько ещё поживёте у княгини? – спросил я, пожимая руку Белёвскому.

– Ещё дней десять.

– Значит, и ко мне в гости успеете приехать.

– Обязательно, Тим, приедем. А ещё возьмём, и Анечку с собой привезём, – увидев, как я вздрогнул, Алекс, смеясь, продолжил: – Никогда ещё не видел, чтобы стрела Амура разила сразу и безвозвратно. Видел бы ты, Тим, себя со стороны.

«Хотелось бы на тебя посмотреть, если бы ты встретил свою жену из будущего, которая умерла, – подумал я. – Мля, какая-то несуразица получается. Там в будущем я тоже давно уже умер. Всё. Надо отдохнуть и переварить встречу с Анной».

– Буду очень рад видеть вас всех, – через силу улыбаясь, ответил графу. – До встречи.

– До встречи, – Алекс коротко склонил непокрытую голову, а я козырнул, приложив ладонь к своей парадной папахе.

Повернувшись, начал спускаться по лестнице к бричке, которая уже стояла перед входом. Когда сел на сиденье, рядом примостился дожидавшийся меня Сазонов.

– Как отдохнули, Тимофей Васильевич? – поинтересовался управляющий.

– Очень хорошо, Александр Иванович. Можно сказать, замечательно, – ответил я.

– Судя по прощанию на лестнице, вы очень близко познакомились с графом Белёвским?

– Да. Познакомился. И, возможно, скоро он вместе с княжной Трубецкой приедет ко мне в гости. Надо подготовиться к встрече, Александр Иванович.

– Всё подготовим в лучшем виде. Не волнуйтесь, Тимофей Васильевич. А то, что вы попали в ближний круг графа – это замечательно.

– И чем же замечательно-то, Александр Иванович?

– Как я слышал, мало кто может похвастаться, что внука Александра Второго называет Алексом.

– Какого внука Александра Второго?

– Граф Белёвский – незаконнорожденный сын великого князя Алексея Александровича. Вот и получается, что он внук императора Александра Второго.

«Млять, день сюрпризов. Жена Анютка-Светка. Новый друг – внук императора. Его невеста – княжна. Чего ещё для счастья не хватает?! Всё! Хочу в Урюпинск!»

Утро было тяжёлым. Поздно лёг и долго не мог заснуть. Перед глазами стояла Анна-Светлана. Какие выверты делает природа?! Сходство было просто поразительным! Долго пытался представить себе, как такое могло произойти, пока не вспомнил, что прабабка Светланы была родом из Ленинградской области. Среди разговоров родственников второй жены часто мелькало, что Света – копия прабабки в молодости. Но такой фамилии, как фон Дерфельден, я не слышал, иначе бы запомнил. А вот то, что прабабушку звали Анной и она была из дворян, Светленькая мне рассказывала. В общем, заснул поздно с мыслью, что кто-то там наверху интересно тасует колоду жизни, если я умудрился здесь в новом теле встретиться с прабабушкой моей жены из предыдущей жизни в будущем. Вот такое пересечение линий судеб!

Спал всего часа три, но режим решил не нарушать. Получасовая пробежка, ката с холодняком, водные процедуры. Мысли об Анне-Светлане во время зарядки были уже не такими сумбурными. Сознание как бы приняло информацию, что это прабабушка моей жены из предыдущей жизни.

Потом чай с выпечкой. И далее работа по новому проекту Сазонова. Управились быстро, до завтрака. Что значит человек профессионал в своём деле. Предполагаемые три направления в финансово-хозяйственной деятельности имения и деревни Курковицы были прописаны обстоятельно, со схемами и подробными расчётами. Зерновые оставались в прежних объемах, добавилось выращивание картофеля и молочная ферма с маслобойней. Всё должно было увеличить чистый годовой доход имения до трех с половиной – четырёх тысяч рублей. Сумма инвестиций практически осталась на прежнем уровне. Цены за работу наёмным работникам были приемлемыми. С учетом намечаемого объёма работ в осенне-зимний период, не говоря уж о следующей весне, большинство крестьян из

деревни будут обеспечены возможностью неплохо заработать в усадьбе. Надеюсь, что кусочничать или на промыслы в эту зиму никто в Курковицах не пойдёт.

– Александр Иванович, проект отличный на мой неискушённый взгляд. Его одобряю. Финансирование утверждаю. Единственный вопрос, – я посмотрел на управляющего. – А откуда у меня взялся доход за прошлый урожай и почему он не был передан в казну?

– Тимофей Васильевич, насколько до меня довели информацию, вы являетесь владельцем усадьбы с октября прошлого года. Поэтому и доход за прошлый год ваш. Долги за аренду земель крестьян из Курковиц также к вам перешли. Я сейчас бумаги принесу, – управляющий поднялся со стула.

– Не надо, Александр Иванович. Сидите. Я сейчас.

Поднявшись из-за стола, я дошел до комода-секретера, где лежали мои документы. Достав папку, которую мне передал граф Воронцов-Дашков, нашёл в ней дарственную на усадьбу. «И что мне стоило прочитать её самостоятельно?! – промелькнуло в голове. – Действительно, я владец усадьбы с первого октября тысяча восемьсот девяносто первого года. Получается, меня уже год назад наградили, только я об этом ни сном, ни духом. Молодцы, величества!»

– Хорошо, один вопрос отпал, – я вернул папку в секретер и возвратился за стол. – Остался последний. Откуда, Александр Иванович, у вас такие познания в экономике, агротехнике и по другим наукам?

– Тимофей Васильевич, – управляющий встал из-за стола, но я жестами заставил его сесть обратно. – Я родился в купеческой семье, но в тысяча восемьсот шестьдесят третьем году третью гильдию упразднили и нас перевели в сословие мещан. Отец жилы последние рвал, но смог обеспечить моё поступление и обучение в коммерческом училище в Санкт-Петербурге. Из восьми классов я смог закончить семь. Из-за смерти родителей от холеры был вынужден бросить обучение, так как у меня на руках осталась младшая сестра. Но новую программу обучения, принятую в училище, которая расширяла знания в области техники и технологии, можно сказать, прошёл полностью. Например, мы изучали происхождение товара, его химические и физические свойства, насколько товар доброкачественный, технологии

его производства и хранения. Это относилось почти ко всем производимым пищевым продуктам.

– Это просто великолепно, Александр Иванович, – я был поражён уровнем образования управляющего для такого небольшого имения. – Тогда, извините, ещё один вопрос. А как вы оказались в должности управляющего данного имения?

– Коллежский советник Алексей Яковлевич Афанасьев был каким-то образом знаком с моим отцом. Узнав о моей с сестрой беде, он предложил мне в пятнадцать лет должность помощника управляющего, который был уже в солидных годах. Через три года я стал самым молодым управляющим среди всех имений в округе. И в общей сложности уже двадцать пять лет служу этой усадьбе, которая стала для меня родным домом.

– А где ваша сестра? – поинтересовался я.

– Она давно замужем. Живёт в Ямбурге. Муж – купец второй гильдии. Две дочки и сын. Племянник и племянницы моя самая большая радость. Мою жену и дочку Бог прибрал. Такое ощущение, что холера – бич нашей семьи. Отец, мать, жена, дочь.

– И как давно умерли ваша жена и дочь?

– Уже двенадцать лет. Время-то как летит, – тяжело вздохнул управляющий.

– И за это время вы не нашли никого, кто мог бы заменить их? – я запнулся. – Извините, ради бога, за этот вопрос.

– Ну что вы, Тимофей Васильевич. Боль утраты осталась. Но она уже не такая острая. А заменить? Вы знаете, два года назад познакомился с очень милой женщиной. Она проживает в Ямбурге, рядом с домом зятя и сестры. Вдова, дочке шесть лет. Младше меня на пятнадцать лет. Но мы как-то быстро нашли общий язык.

– Так в чём же дело, Александр Иванович?! Женитесь!

– Есть сложности. Кристина находится под опекой брата и проживает у него. Вдовой она стала на пожаре, когда сгорел их с мужем доходный дом и всё имущество. А брат её хоть и православный ингерманландец, но условие поставил как... В общем, он отдаст за меня Кристину, если я построю в Ямбурге доходный дом, который будет приносить не меньше пятисот рублей ежегодного чистого дохода. По его словам, если меня турнут из управляющих, где головы свои прислоним.

– Александр Иванович, требования брата вашей избранницы я бы назвал очень разумными. А в чём сложности?

– Мои сбережения составляют шестьсот рублей. Они сейчас крутятся в коммерции зятя. Требуется ещё триста рублей, чтобы построить дом с обозначенным доходом. Ямбург небольшой город. Основной вид дохода – отдача домов в наём расквартированным войскам. Сейчас там квартируют батальон гренадерского императора Франца I полка и уездная инвалидная команда. Сильная конкуренция. Поэтому требуется хороший дом. А занимать у зятя мне не хочется. Хотя он обещал помочь.

«Как-то маловато сбережений у господина Сазонова. Он куда деньги тратит, если один живёт?» – подумал я, слушая управляющего.

– Александр Иванович, а сколько вы получаете за службу? В отчётах я только общую сумму видел за всех работников усадьбы. И признаюсь, меня поразило, насколько данная цифра небольшая.

– Двести пятьдесят рублей в год, Тимофей Васильевич.

– Но этого мало!

– Данное жалованье положил мне Алексей Яковлевич двадцать два года назад. С тех пор оно не менялось. С сестрой нам вполне хватало. Потом она вышла замуж. Когда женился и появился ребёнок, признаюсь, хотел просить повышения суммы. А после смерти жены и дочери мне было достаточно и этого. Даже откладывать удавалось.

– Что же, Александр Иванович! Принимаю командирское решение. Триста рублей возьмёте из моих денег. Считайте это подарком на свадьбу. На ней мне, видимо, не придётся побывать. Жалованье ваше увеличиваю до пятисот рублей. Остальным работникам повысите сами из расчёта того, что меня устроит ежегодный доход от имения на пятьсот рублей меньше, чем вы обозначили в проекте.

– Тимофей Васильевич! Ваше благородие! Спасибо! Вы не пожалеете! – у вскочившего из-за стола управляющего в глазах стояли слёзы. – Я отработаю!

«Скажите, Шура, честно, сколько вам нужно денег для счастья? – пронеслось у меня в голове. – Оказывается, триста рублей сразу, да еще добавить по двести пятьдесят ежегодно».

Несмотря на попытку мысленно пошутить, в горле образовался какой-то ком, когда смотрел на сияющего управляющего, который был искренним в своих благодарностях и обещаниях.

После плотного завтрака с чувством выполненного долга решил прогуляться по дому. Всё время, что прожил в усадьбе, использовал только две комнаты: кабинет и спальню. Неторопливая прогулка по этажам и комнатам добавила хорошего настроения. В день приезда в усадьбу я с Сазоновым, можно сказать, пробежался через дом и мало что запомнил. А сейчас детально рассмотрел обстановку каждой комнаты, отделку стен, потолков, мебель. И чем больше я проходил комнат, тем сильнее мне начинал нравиться этот дом. Огромное спасибо императрице за столь роскошный подарок!

Зайдя в одну из комнат, с удивлением обнаружил в ней библиотеку. Как выяснилось через несколько минут осмотра книг, очень неплохую библиотеку. Не знаю, по какой причине Сазонов пропустил данную комнату во время первичного осмотра усадьбы, но в том, что добрался до этого информационного сокровища только через неделю, винить надо было только самого себя. У управляющего не поинтересовался, дом во второй раз решил обойти только сейчас. Сказалась привычка жить в небольшой квартире. У родителей была двухкомнатная, которую они мне и оставили. А потом жил в дедовом доме. По габаритам такой дом в этом времени у любого более-менее крепкого хозяина-крестьянина, не говоря уж о казаках. Вот и жил целую неделю в двух комнатах. Мне было достаточно.

Остаток дня и весь следующий день провёл в библиотеке. Глушил двухмесячный информационный голод. Сазонов всё это время пропадал по делам проекта. Кратко сообщил мне, что крестьяне в Курковицах с большим воодушевлением приняли предполагаемые нововведения и хотели бы лично отблагодарить доброго барина. От него же узнал, что эту библиотеку собрал ещё старый Афанасьев, а его наследники и Куклин сюда даже не заглядывали. Заверив Александра Ивановича, что я обязательно в его сопровождении посету Курковицы, отправил его дальше вершить великие дела на экономическом, финансовом и хозяйственном фронтах усадьбы.

В среду с утра полчаса бега, а потом закутился в танце с шашкой и кинжалом. Краем глаза заметил, что на дороге к имению появился какой-то экипаж, запряжённый парой лошадей. Останавливаться не стал, продолжая отработку ката. Через пару минут карета или ландо с поднятым верхом остановилась во дворе усадьбы, но из экипажа никто

не показался. Я, закончив кату и опустив оружие к земле, подошёл ближе.

Дверца вернее всё же кареты белого цвета, в которую были впряжены такой же масти кони, распахнулась, и из неё выпрыгнул улыбающийся Алекс.

– Тим, мы решили сделать тебе сюрприз. Не дожидаться тебя сегодня у Трубецких, а приехать с утра пораньше самим, – с этими словами граф распахнул дверцу кареты шире и подал руку внутрь.

Через несколько мгновений на лесенке кареты стояла улыбающаяся Мари. Белёвский помог княжне спуститься на землю и вновь протянул руку внутрь кареты. Через пять ударов сердца на земле передо мной стояла та, о которой я часто думал последнее время – Анечка фон Дерфельден.

– Как тебе, Тим, сюрприз? – подошедший граф хлопнул меня по плечу.

– Просто бесподобный, Алекс, – я с трудом оторвался от созерцания прекрасной девушки, переведя взгляд на графа. – Вы – молодцы! Сиятельная Мари, я сегодня собирался посетить ваш дом, но увидел чудо, когда ваша обворожительная улыбка разогнала тучи над моей усадьбой. Искренне рад вашему приезду.

Высказав приветствие Алексу и Мари, я вновь повернулся к Анне-Светлане и с чувством произнёс:

– Ваш приезд в мой дом, Анна Васильевна, это то, о чём я даже не мог мечтать!

– Представляешь, Мари, а мы, оказывается, исполнили с тобой то, о чём некий индивид даже мечтать не смел, – граф встал рядом с княжной, которая взяла его под руку. – А всего-то съездили вчера в Маргусы и убедили Маргариту Александровну отпустить Анечку на несколько дней к нам в гости. И может, вы на ты перейдёте?!

– Я с удовольствием, Анна, – не зная, куда деть руки с оружием, произнёс я, глядя на покрасневшую девушку.

– Я тоже рада, Тимофей, – услышал я тихий ответ.

– Вот и замечательно, – улыбаясь, произнёс Алекс. – А теперь объясни, Тим, что это мы видели, когда подъезжали к усадьбе? Это было что-то завораживающее. Я никогда не видел таких упражнений с холодным оружием. Какой-то смертоубийственный танец, точнее танец смерти. И как я сейчас вижу, оружие боевое, а не учебное.

– Извините за мой внешний вид, – только сейчас я сообразил, какая на мне одежда. Хорошо хоть, в нательной рубашке, а не с голым торсом. – На рассвете у меня гимнастика. Я пробегаю где-то шесть-семь вёрст, а затем тренируюсь с оружием, выполняя придуманные в станичной казачьей школе различные комплексы боя с воображаемым противником.

– Но я такого нигде не видел, хотя неоднократно бывал на тренировках и выступлениях казаков из Его Величества Конвоя.

– В каждом казачьем войске свои традиции, свои ухватки. В Амурском и Уссурийском казачьих войсках начались небольшие изменения в обучении казаков из-за специфики территории и возможных боевых действий на ней с вероятным противником. По границе живут китайцы с их кунг-фу, японцы с их буси-до и специфическими военными навыками. Корейцы, которые помешаны на единоборствах «субак» и «тхэккён». У казаков свои умения да тайные ухватки, которые имеются в каждой семье. Вот в нашей школе и попробовали объединить всё лучшее из различных боевых единоборств. Для начала придумали комплексы упражнений без оружия, потом с оружием. По ним я и тренируюсь, когда выпадает возможность.

– Тимофей, а ты можешь ещё раз показать этот комплекс упражнений?

Для обладателя голоса, которым был задан вопрос, я был готов луну с неба достать. А тут ката показать.

– Анна, с большим удовольствием. Только давайте пройдем чуть дальше. До той площадки. У меня там за неделю как-то само собой место образовалось для проведения физических занятий.

Развернувшись, я увидел Сазонова, обряженного в шикарную ливрею, в которой он выглядел очень представительно. Рядом с флигелем стояли Степанида и Пелагея – средняя дочь Прохора. Женщины были одеты в нарядные платья, о которых я и не подозревал. Я изобразил управляющему какой-то жест рукой, который в моём понимании должен был отразить необходимость срочной организации встречи гостей. Сазонов на этот жест торжественно кивнул, развернулся и направился в дом. За ним отправились Степанида и Пелагея. За моей спиной раздался приглушённый смешок. Я повернул голову и увидел, как Мари безуспешно пытается сдержать лезущий из неё смех.

– Тим, а что это было? – княжна попыталась повторить мой жест.

– Мари, я, ещё когда уезжал с вашего приёма, предупредил своего управляющего, который тогда был вместе со мной, что ты и Алекс, возможно, приедете ко мне в гости. Вот и попытался показать ему, что гости приехали.

Трубецкая не выдержала и рассмеялась, за ней зазвенела смехом Анна, потом не выдержал Белёвский. В конце присоединился и я.

– Ой, Тим, если бы ты видел себя со стороны, – всхлипывая от смеха, произнесла княжна. – Поворачиваешься, видишь своего управляющего, делаешь круговое движение кинжалом, как будто кому-то голову сносишь. А твой Сазонов важно так кивает и уходит. Ой, не могу больше смеяться.

– Мари, а ты знаешь моего управляющего?

– И я его знаю, – вступил в разговор граф. – Он частый гость у Демидыча – управляющего в имении княгини. Они там какие-то способы выращивания зерна постоянно обсуждают. Занятный дядька. Только в этом году пару раз его видел. Но таким важным ни разу. Вот что форма с людьми делает.

Пересмеиваясь, дошли до моей площадки для зарядки, где уже была установлена лавочка для качания пресса, макивара, чучело для фехтования, а два дня назад установили подставку, на которой разместились пирамида из глины, сделанная по моему описанию. Хотел показать гостям по их приезде фокус Головачева. Надеюсь, сейчас не опозорюсь.

Для начала показал одну из самых сложных и зрелищных ката, где присутствовали и удары ногами по верхнему уровню, акробатические

прыжки с сальто, хорошая проходка с быстрыми ударами. В общем, для показухи и эффектности самое то. По окончании ката показал трюк с разрубанием глиняной пирамиды. Четырьмя ударами шашки сначала разрубил пирамиду справа налево, потом четырьмя ударами слева направо. Слава богу, пирамида при этом не сдвинулась ни на миллиметр. Последним ударом заставил все разрубленные части взлететь в воздух. Раскрытые в изумление рты гостей, особенно ротик одной особы, стали для меня самой высокой наградой.

– Представляете, Алекс, обычной шашкой, которая стоит сейчас в казачьих войсках на вооружении, этот трюк проделать не удалось ни разу. А семейная реликвия позволяет таким образом разрубить пирамиду. Кстати, вот кинжал, о котором я говорил, – произнёс, протягивая графу кинжал.

– Не в обиду будет сказано, Тим, но тебе бы в цирке выступать. Это что-то не передаваемое словами. Удивительно! – граф попытался указательным пальцем проверить остроту лезвия кинжала и тут же неверяще уставился на порез, из которого показалась капелька крови.

– Осторожнее, Алекс, оружие очень острое, – запоздало предупредил я, после чего повернулся к девушкам, которые так и продолжали стоять в каком-то обалдении. – А что скажут самые прекрасные девушки на свете?

Как и ожидал, первой ответила Мари.

– Тим, я не нахожу слов. Эти твои прыжки, удары ногами, свист рассекаемого оружием воздуха! А эта рубка пирамиды?! Я сначала не поняла, что ты делаешь. Пирамида же даже не шелохнулась! А потом раз, и кусками взлетела в воздух!

Анна промолчала, но её восторженные и блестящие от влаги глаза, которыми она смотрела на меня, были мне ценнее множества слов.

– Дорогие гости, а теперь прошу пройти в дом, – вложив оружие в ножны, которые лежали на лавочке, попросил я. – Я сейчас приведу себя в порядок и присоединюсь к вам. А пока попрошу насладиться той выпечкой, которой к чаю меня балует моя домомучительница.

– Почему домомучительница? – удивлённо спросила Анна.

– А как Степаниду можно назвать, когда она накрывает на стол? Делает она это, Анечка, медленно, обстоятельно. А от запаха сдобы во рту уже столько слюны, что ещё чуть-чуть, и захлебнёшься!

Гости дружно рассмеялись и направились в сопровождении Митьки на встречу с домохозяйкой, а я чуть ли не бегом бросился в баню. Ополоснулся. В доме быстро переоделся в парадную форму и в таком виде сел за стол, где меня дожидались гости. Кстати, давась слюной.

После чая неутомимая Мари потребовала экскурсии по дому, которая завершилась в зале на втором этаже, где стояло пианино. Обнаружив это «маленькое фортепьяно», княжна тут же организовала для меня урок танцев. И Мари, и Анна, обе музицировали, но роли распределились быстро. Мари за пианино, Анна в учителя и партнёры по танцу. Урок затянулся до завтрака, но я бы до обеда был согласен его продлить с такой учительницей.

После завтрака мне пришлось заносить в альбом Мари, который она привезла с собой, стихи тех романсов, которые я пел у них на приёме. При этом выяснилось, что, находясь в неадекватном состоянии после встречи Анны-Светланы, я выдал в этом мире романс «Напрасные слова» Ларисы Рубальской и Давида Тухманова, «Признание» на стихи Николая Заболоцкого, а ещё спел оба куплета песни «Русское поле». «Кавалергардов» также пришлось записывать. Когда записывал эти стихи, узнал от Белёвского, что командир Кавалергардского полка барон Артур Александрович фон Гринвальд, услышав эту песню первый раз, поклялся, что при появлении автора в их офицерском собрании он лично будет поить его лучшим шампанским до тех пор, пока автор сможет сидеть за столом. Уланы и гусары дико завидуют кавалергардам, что у тех появилась песня, которая уже стала гимном полка. А я, если захочу обпиться лучшим шампанским, могу посетить офицерское собрание кавалергардов.

Поэтическая часть встречи гостей была прервана Сазоновым, который, войдя в комнату, где мы находились, сообщил, что прибыл фельдъегерь от министра императорского двора. Вошедший следом за управляющим курьер передал мне запечатанный конверт, за который я расписался в какой-то ведомости. Вскрыв конверт, достал лист бумаги и быстро пробежал глазами написанное.

– Что там? – поинтересовалась княжна.

– Увы, сиятельная Мари, видимо, мой отпуск закончился. Завтра к двум пополудни должен прибыть в Гатчинский дворец на приём к его высокопревосходительству графу Воронцову-Дашкову.

– Какая жалость, – печально произнесла Анечка фон Дерфельден, но эти слова заставили моё сердце радостно сжаться.

Узнав у курьера расписание поездов до Гатчины на завтра, отправил его под опекой Сазонова, который должен был хорошо накормить и напоить фельдъегеря. Несмотря на полученное известие, дальнейший визит гостей прошёл радостно, весело и закончился уже в сгущающихся сумерках. Самым замечательным для меня были полученные адреса проживания Анечки, куда я мог писать для неё письма.

Глава 12

Охрана императора

Я замер, слившись с деревом. Мой собранный с бору по сосёнке костюм из темно-серого цвета шаровар, широкой рубахи, ичиг и маски-шапочки с прорезями для глаз и рта того же цвета надежно скрывал мою тушку в ночной темени. Кожу вокруг глаз и губ я зачернил сажей на гусином жире. Выдать меня мог только блеск глаз.

Чтобы соорудить этот наряд, напоминающий одеяние ниндзя из фильмов и спецназа ФСБ, пришлось потратить целый день, включая поездку в столицу. Шапочку-маску сшил сам. Теплое бельё, которое было поддето под данную форму, также купил в Питере. На улице конец сентября, а мне добираться до дворца придется долго. Прямой путь не всегда верен. Поэтому «нормальные герои всегда идут в обход», как говорил Ролан Быков в роли Бармалея в фильме про Айболита. Диверсанты в основном придерживаются этого правила.

Мимо меня по дороге, освещая путь каким-то ручным фонарём или лампой, протопал парный патруль из Гвардейского пехотного отряда Почетного конвоя. До меня донеслось:

– И кому надо было почти всех на охрану в ночь выгонять? Завтра же в караул заступать.

– И не говори. Ходим как дураки. А толку-то...

Патруль скрылся из виду. Подождав еще минуту, внимательно вслушиваясь в ночную тишину, я перемахнул пешеходную дорожку и, упав на землю, застыл, сканируя окружающую обстановку. Тихо. Осторожно приподнялся и от дерева к дереву потихоньку двинулся вперед. Дальше Адмиралтейские ворота со сторожевой будкой и невысокий забор, который может быть препятствием только для детей.

Эти сторожевые строения со шлагбаумом и колоколом вызывали у меня сожалеющую улыбку. Деревянное сооружение, ночью освещаемое фонарём. Часовой дальше круга света от фонаря в темноте ничего не видит. Сам является прекрасной мишенью. Стены от пуль не защитят. Мне бы сейчас ребят из моей бригады, всю бы царскую семью из дворца на руках вынесли, никто бы не чухнулся.

Ладно, посторонние мысли в сторону. Солдатики с испуга могут и на поражение пальнуть. Впереди ворота и часовой в будке. Сместился подальше в сторону и спокойно перебрался через ограду. Дальше вдоль Белого озера осторожно добрался до террасы-пристани, на которой находился ещё один парный патруль. Пришлось залечь, и надолго. Мимо этих ребят просочился по-пластунски. Полз минут тридцать. Основательно задубел. Турецкая беседка и очередной патруль остались справа от меня, а я наконец-то добрался до Кухонного каре Гатчинского дворца. Теперь осталось незаметно проникнуть внутрь.

Русское разгильдяйство было на моей стороне. Одно из окон первого этажа каре, несмотря на запрет, было приоткрытым. По миллиметру, опасаясь скрипа и возможной засады, открыл створку и, не услышав кого-либо находящегося в комнате, осторожно переместился в помещение. Осталось самое сложное. Незаметно добраться во дворце до цели. Судя по известной мне схеме помещений, мне осталось совсем немного. Теперь бы вскрыть тихо дверь в коридор, а там по ситуации.

Осмотрев, насколько позволял лунный свет, проникающий через окно, помещение, понял, что попал в какую-то подсобку. Вёдра, щётки, ещё что-то из инвентаря. Судя по потолку, комната была под лестницей. Хорошо, что с окном, а не глухое помещение. Теперь дверь. Удача и здесь не покинула меня. Использовать примитивные отмычки, которые я изготовил, вспоминая те несколько занятий, которые были проведены на сборах, посвященных проникновению в помещения террористов, не пришлось. Дверь открылась, и я оказался в коридоре, пытаюсь сориентироваться, где же нахожусь.

Появившееся впереди пятно света заставило меня укрыться за ближайшей стенкой коридора. Кажется, влип! Я вслушивался в приближающие шаги. Идёт один человек. Это уже легче. Мимо меня прошел человек в ливрее лакея, который держал в руке лампу. Шаг вперёд, слабый удар в основание черепа. Еле успел подхватить лампу и тело. «Минут пять-десять есть, – подумал я, задув лампу. – Подождём и обработаем клиента. Лишь бы его инфаркт миокарда, вот такой рубец, не хватил».

Когда лакей очнулся, руки у него были связаны, во рту был заранее приготовленный мною кляп. Находились мы уже за ширмой в

ближайшей проходной комнате, где, как я убедился, никого не было.

– Милейший, сейчас вы отведете меня к комнатам, где располагается, – я склонился к уху и произнес, к кому меня надо провести.

Затравленный взгляд пленника наполнился ужасом, и он потерял сознание.

«Нет, дорогой друг, мы так не договаривались, – подумал я, осуществляя реанимационные мероприятия, приводя клиента в сознание. – Так-то лучше».

– Любезнейший, ты всё равно сделаешь это. Не надо доставлять себе боль, – произнёс я, увидев, что лакей пришёл в себя. После этого нажал одну из точек на теле, которую мне в своё время показал Джунг Хи.

Всего он показал мне их пять. При нажатии их последовательно, человек начинал ощущать нарастающую дикую боль. Сам лично перенёс три точки. После четвёртой потерял способность что-либо соображать и готов был сделать всё, о чём бы меня ни попросили. Если же нажать пятую, то, по словам старого корейца, у человека в организме начинались необратимые изменения, и тот умирал. Но до этого он становился марионеткой в руках проводившего данную «акупунктуру».

Пленнику хватило одной, после чего мы направились к моей цели. После того как лакей показал головой на необходимую мне дверь, он направился в страну Морфея. Я аккуратно пережал ему сонную артерию. Видимо, бесшумно уложить на пол отрубившееся тело мне не удалось, так как нужная мне дверь стала открываться, и из неё показалась рука с фонарём. «Страна непуганых идиотов», – успел подумать я, смещаясь за открывающуюся дверь.

Вышедший из двери офицер, увидев лежащее тело лакея, направился к нему. Перемещение за спину, дозированный удар, ловля падающего фонаря, и у меня на руках две отключившиеся тушки. Матерясь про себя, затащил тела в комнату. После чего, подобрав фонарь и зайдя в помещение, аккуратно закрыл дверь. Подняв фонарь повыше, осмотрел свои жертвы.

«Н-да, лакей первого разряда с кучей наград и целый жандармский подполковник, – крутанул головой. – Повеселились, однако, господин хорунжий. Ладно, работаем дальше».

Связал руки за спиной подполковника, посадил его на стул. Кляп в рот засовывать не стал, но рот завязал попавшимся в комнате полотенцем. Поставил на стол лампу-фонарь и, придвинув стул, сел напротив офицера. Оставалось только ждать. Минут через двадцать заметил по задрожавшим векам и изменению ритма дыхания, что жандармский чин начал приходить в себя. Когда он открыл глаза, то, увидев мою голову в маске, дёрнулся назад и чуть не свалился со стула. Ожидая такой реакции, я удержал мебель с подполковником в равновесии, после чего произнёс:

– Алексей Павлович, не пугайтесь, это я, хорунжий Аленин. Если вы дадите мне слово офицера, что не будете каким-либо образом предупреждать охрану, я вас развяжу. Вы даёте слово офицера? Если да, то кивните!

Последовал кивок подполковника, и я развязал верёвку и полотенце на адъютанте главного начальника охраны генерал-майора Свиты Его Величества Петра Александровича Черевина.

– Как вам удалось пробраться сюда, хорунжий? – подполковник Мозалев энергично растирал запястья. – И снимите этот колпак с головы.

– Господин полковник, до самого дворца, если честно, особых трудностей не возникло. В самом дворце потребовалась помощь. Пришлось обратиться к лакею первого разряда. К сожалению, не успел узнать его фамилии, – я стянул с головы шапку-маску и указал ею на тихо сопящего носом вынужденного гида-проводника до нужного мне помещения.

– Он хоть живой, хорунжий?

– Могу привести в чувства, но лучше пускай полежит пока. Я его сильно напугал. Кляп вынешь, точно в истерике заголосит. Подождём утра. Тем более до рассвета осталось чуть больше часа.

– Может, сейчас разбудить его превосходительство? Он мне приказал поднять его с постели, как только вас, хорунжий, поймают, – то ли со мной, то ли сам с собой посоветовался Мозалев.

– Не поймали же! А какой ваш начальник бывает, когда его поднимают, чтобы сообщить неприятное известие, вам, господин полковник, лучше знать. Я своё дело сделал, – сказав это, я откинулся на спинку стула.

Начинало немного потряхивать от адреналинового отходняка. Нервишки пощекотал сегодня ночью хорошо. Охране императора хоть и предписано стараться задерживать подозрительных лиц, а стрелять только в случае явной угрозы для охраняемого лица, но по Чехову даже в театре «если в первом акте пьесы на стене висит ружье, то в четвёртом оно обязательно выстрелит». А здесь ночь, нервы на взводе и оружие в руках.

Почему-то вспомнился анекдотический случай в мотострелковой части, на территории которой наш отряд спецназа был на время операции расквартирован. Новый набор призывников, которых привезли в часть покупатели, оказался в своём большинстве из представителей среднеазиатских республик СССР. Но хочешь не хочешь, а некоторым из них через пару месяцев пришлось идти в караул. Наблюдал из раскрытого окна кабинета следующую картину. Боксы с боевой техникой. Мимо ворот важно прохаживается молодой боец, с автоматом на плече и подсумком для магазинов на ремне. Часовой на посту. Весь важный от возложенной на него ответственности.

Вдруг на площадку вырубивает целый майор – замполит полка. Редиска в нравственном отношении полная. Большой любитель поиздеваться морально над бойцами. Здесь решил, как позже выяснилось, проверить несение службы в карауле молодым пополнением.

– Стой, не ходи сюда, – часовой снял с плеча автомат.

Охреневший от такой команды замполит делает еще несколько шагов в направлении часового. После этого боец передёргивает затвор, наводит автомат на офицера и ласково так говорит: «Всё! Последний раз идёшь».

Замполит бухнулся плашмя на бетонку там, где стоял. Попал в лужу с разводами ГСМ. Пролежал в ней минут десять, пока не пришёл разводящий со сменой. Добили меня слова разводящего: «Товарищ майор, так они у нас без патронов в первые караулы ходят. Как бы чего не вышло».

Вот и мне ночью, когда крался мимо постов и патрулей, очень не хотелось, чтобы чего-нибудь вышло. Понятно, что здесь в Гвардейский пехотный отряд почётного конвоя, Дворцовую полицейскую команду с её секретной частью, Дворцовую роту, да и в Собственный Конвой

отбирали лучших из лучших. Но ружьё-то могло стрельнуть! А всё генерал Черевин. Развёл меня в разговоре на слабо, как последнего мальчишку. Хотел уже вспомнить подробно тот разговор, чтобы понять, как попался, но тут адъютант Петра Александровича произнёс: «Боюсь, час или полтора до пробуждения не сыграют большой роли. А получить от его превосходительства дополнительное недовольство из-за нерасторопности мне как-то не хочется. С вашего позволения, хорунжий, я пройду в спальню и разбужу Петра Александровича».

– Не смею вам мешать, господин полковник. А я пока займусь лакеем. В порядок его приведу.

Пока я приводил в себя жертву принудительного усыпления, в конце данного процесса услышал неразборчивый разговор на повышенных тонах, доносившийся из апартаментов главного охранника императора. Через несколько минут в комнату-приемную вошел генерал, одетый только в брюки и нательную рубашку. Осмотрел комнату, задержав взгляд на лакее, который никак не хотел сидеть на стуле, пытаюсь съехать на пол.

– Прошёл всё-таки все посты и патрули?! Молодец! К обеду подробный рапорт со схемой, где и как пробирался. Какие силы охраны видел. Охарактеризуешь действия каждого. Это в первую очередь. До конца недели подробную записку с предлагаемыми мерами по улучшению охраны дворца. Илларион Иванович говорил мне, что у вас, Аленин, есть какие-то интересные мысли. Можете идти. И лакея с собой прихватите.

– Слушаюсь, ваше превосходительство, – я подхватил под мышки проводника, который находился в шоке и никак не реагировал на окружающую обстановку, вытащил бедолагу в коридор. Закрывая ногой дверь в комнату, услышал рык Черевина: – Ширинкина ко мне! И мышшь не проскочит?! Все силы бросим?! Он мне ответит...

Дальше не разобрал и сосредоточился на приведение в себя моего Сусанина. Через тридцать секунд взгляд моей жертвы стал осмысленным. Увидев меня, он попытался рвануть в сторону, но я его удержал.

– Всё, успокойся, пошли, покажешь дорогу на выход из каре, – я сделал шаг по коридору и увидел, как лакей судорожно замотал головой и застыл, как столб. Хорошо, что в этот момент из кабинета вылетел подполковник Мозалев.

– Господин полковник, – обратился я к адъютанту генерала. – Доведите до милейшего, чтобы он вывел меня из каре.

Лакей начал буквально оживать на глазах, хотел что-то произнести, но был остановлен почти криком жандармского подполковника:

– Проводить хорунжего на выход из дворца. Что вылупился?! Это были ученья для дворцовой охраны. Понял, болван? Выполнять!

«Хороший, видать, фитиль Алексей Павлович получил. Ишь понёсся, как наскипидаренный», – подумал я, глядя на удаляющегося по коридору быстрым шагом Мозалева. Потом повернулся к лакею.

– Ну что, милейший, показывайте, где здесь выход. Не лезть же мне опять через окно. Тем более уже почти рассвело.

* * *

– Входите, Илларион Иванович, и присаживайтесь, – император указал графу Воронцову-Дашкову на одно из кресел, стоящих вокруг стола.

– Благодарю, ваше величество.

– Без чинов, Илларион Иванович. Что у нас по подготовке отъезда цесаревича на Дальний Восток?

– Всё идёт по плану, государь. Готовятся указы, распоряжения. Формируется команда, которая будет помогать осуществлять цесаревичу управление наместничеством.

– Есть какие-то трудности?

– Государь, ваше решение передать наместнику власть по всем частям гражданского управления в крае, верховное попечение о порядке и безопасности, а также ближайшая забота о пользах и нуждах русского населения в сопредельных с ним зарубежных владениях требуют тщательной проработки всех предварительных решений. Кроме того, вы передаёте наследнику все дипломатические сношения по делам наместничества с соседними Китаем, Японией и Кореей. Ему же вверяете командование морскими силами в Тихом океане и войсками в крае. С учётом этого, идёт отбор кандидатур, которые войдут в Особый комитет Дальнего Востока для решения самых важных дел. Определяются их полномочия, обязанности. А трудности? Они есть, да и как им не быть. Впервые наместником назначается наследник престола и в столь юном возрасте.

– Мой дядя Михаил Николаевич... – начал император.

– Ваше императорское величество, – перебил граф, что не часто позволял себе делать в беседах с императором. – Великий князь Михаил Николаевич стал наместником Кавказа в тридцать лет, имея за плечами большой опыт командования военными частями во время боевых действий.

– Я помню, Илларион Иванович. В двадцать два года великий князь получает орден Святого Георгия четвёртой степени за сражение при Инкермане, в тридцать один – золотую драгунскую саблю «За храбрость». В тридцать два года награжден орденом Святого Георгия второй степени и золотой шпагой с изумрудами и надписью «За окончательное покорение Кавказа». Если бы в наградах не был пропущен Святой Георгий третьей степени, то дядя стал бы пятым во всей российской истории награжденным всеми степенями этого ордена после Кутузова, Барклая-де-Толли, Паскевича и Дибича, – император задумчиво замолчал, а потом продолжил: – Как бы мне хотелось иметь такого сына, а не дядю!

– Государь, для того вы и назначили наследника наместником. Пусть на Дальнем Востоке и не ведутся боевые действия, но обстановка беспокойная, требующая ежедневных решений. Постепенно цесаревич наберётся опыта и станет вам помощником в управлении государством.

– Илларион Иванович, ваши слова да Богу в уши. Нет пока в Ники интереса к государственным делам. Тринадцать лет по специальной программе обучали, а толку... Ему бы только с преображенцами и лейб-гусарами гулять да по балеринам таскаться. С весны к этой Кшесинской ходит. Докладывают, до утра у неё дома веселится. Минни на это спокойно смотрит. Ей, такое ощущение, кто угодно, лишь бы не Алиса Гессенская. Но весь придворный entourage возмущается, что выбор наследника пал на танцовщицу. И своё назначение наместником Ники воспринял как наказание и ссылку. Что делать, не знаю!

– Извечная проблема отцов и детей, государь. Но с учётом ответственности перед империей, этот вопрос в царской семье имеет государственный масштаб.

– Что посоветуешь-то, старый друг? – император тяжело вздохнул.

– Надеюсь, что самостоятельное дело и в таких объемах заставит цесаревича проникнуться государственными делами. На него ляжет

груз ответственности за развитие Дальнего Востока, в то время, когда началось строительство Транссибирской железной дороги. По окончании строительства данного пути на окраину империи можно будет относительно быстро перебросить войска и грузы. Английские газеты уже предрекают, что Сибирская дорога, – Воронцов-Дашков вынул из папки, которая лежала перед ним на столе, листок и прочитал: – «...сделает Россию самодовлеющим государством, для которого ни Дарданеллы, ни Суэц уже более не будут играть никакой роли, и даст ей экономическую самостоятельность, благодаря чему она достигнет могущества, которое не снилось еще ни одному государству».

Император на это лишь хмыкнул.

– Какой здесь простор для государственной деятельности, государь, – граф мечтательно закатил глаза к потолку.

– Дай бог, Илларион Иванович, дай бог, – Александр Третий поднялся с кресла и подошёл к окну. Помолчав, произнёс, не оборачиваясь: – Менять ничего не будем. Наместником Дальнего Востока Ники быть. Там ему балеринок тяжелее найти будет, да и Алису свою забудет. Продолжаем готовить отъезд. Что у нас по срокам начала поездки?

– Планируем на конец января будущего года. Как раз к открытию судоходства на Амуре подгадаем, а Ангару и Байкал по льду обоз пройдёт. Далее до Владивостока к маю доберутся.

– Всё-таки решили резиденцию наместника перенести во Владивосток?

– Да, государь, считаем, что так будет удобнее и для дипломатической работы, и для командования морскими силами. Строительство самого Владивостока и крепости также будет удобнее контролировать.

– Хорошо. Одобряю, – император повернулся от окна и вернулся за стол. – Что по охране Ники?

– Как и планировали, для цесаревича вашим именным указом будет сформирован Его Императорского Высочества Личный Конвой из казаков Приамурья. На время путешествия будет сформирован отряд из вашего собственного конвоя, государь. Кроме того, добавим специалистов из Дворцовой охраны полковника Ширинкина.

– Командиром конвоя планируете назначить хорунжего Аленина?

– Я бы назначил. Князь Барятинский также одобряет эту кандидатуру. Но есть одно но. Аленин отказался от этой чести.

– И почему он это сделал? – брови Александра Третьего удивлённо поднялись вверх.

– Считает, что для данной должности не будет иметь достаточного положения и уважения среди офицеров и казаков конвоя. И это отрицательно скажется на сохранении жизни наследника. А вот личную секретную охрану цесаревича возглавит с удовольствием, – ответил граф.

– Что же, в уме этому молодому офицеру не откажешь, – хмыкнул император. – Не удивлюсь, если он уже кого-то предложил командиром конвоя.

– Вы проницательны, государь, – улыбнулся Воронцов-Дашков. – Предложил – подъесаула Головачева Николая Павловича, обер-офицера Иркутского училища. По вашему указанию он следует в Петербург. Должен прибыть дней через десять.

– Что о нём узнали?

– Из семьи потомственных кубанских пластунов. По первому разряду окончил Оренбургское училище, потом служил в Первом конном полку Забайкальского казачьего войска. Переведён в обер-офицеры Иркутского училища. Отличный наездник. В совершенстве владеет холодным оружием. Это его трюк с разрубанием глиняной пирамиды показал Аленин графу Белёвскому. Искренне предан царской фамилии. Каких-либо сведений о неблагонадёжности Головачева не имеется, – кратко доложил граф.

– Хм-м... Интересная кандидатура. Надо подумать. С Алениным его связывает дружба, Илларион Иванович?

– Можно сказать и так. Но точнее – Головачев стал наставником Аленина. Много занимался с ним индивидуально. Вместе написали работу по тактике. Думаю, это и послужило тому, что Аленин назвал фамилию данного офицера.

– Значит, Аленин собирается у Головачева занять то же место, что полковник Ширинкин у Петра Александровича? И своих казачат планирует к себе в секретную часть забрать?

– Планирует, государь.

– А знаете, Илларион Иванович, ведь может получиться неплохой тандем. Но над кандидатурой Головачева я ещё подумаю. Как он

прибудет в столицу, ко мне на приём.

– Слушаюсь, государь, – его сиятельство склонил голову в поклоне.

– А как проходит обучение Аленина у Евгения Никифоровича? – с улыбкой поинтересовался император.

– Государь, здесь ещё неизвестно, кто кого учит. Петр Александрович наверняка вам докладывал.

– Докладывал и докладывает. Очень генерал Черевин настаивает, чтобы хорунжего Аленина окончательно перевели в его подчинение. А Евгений Никифорович, если первоначально после первого проникновения во дворец этого молодца очень на того обиделся, то теперь полковник Ширинкин желает видеть хорунжего у себя в секретной службе. Чем Аленин так себя проявил, кроме трёх проникновений во дворец, что его пытаются к себе перетянуть на службу мой главный охранник и его помощник?

– Позвольте, государь, доложу краткую обобщающую выдержку обучения Аленина у полковника Ширинкина, – получив кивок согласия от самодержца, Воронцов-Дашков продолжил: – Около двух месяцев назад Аленин был отозван из отпуска и направлен на обучение в службу генерал-лейтенанта Черевина, так как первоначально отъезд наследника на Дальний Восток планировался в ноябре этого года. Через три дня ознакомления с документацией, регламентирующей организацию охраны дворца, Аленин в присутствии Петра Александровича высказал своё мнение о недостаточности и ошибках организации охраны. Его спор с генералом Черевиным вылился в первое проникновение хорунжего во дворец и в покои Петра Александровича. При этом силы охраны вне дворца были усилены в три раза.

– Это мне рассказывали, и неоднократно. Кого-то из лакеев, захваченного Алениным, пришлось перевести в Зимний, так как тот стал бояться ночью ходить по Гатчинскому дворцу, – улыбнулся император. – Да и подполковник Мозалев, говорят, по ночам теперь плохо спит.

– Первое проникновение Аленина во дворец привело к тому, что были переработаны схемы постов, патрулей. В ночные патрули решено ввести собак. Уже решён вопрос по породам собак, псарне, работникам. Затраты, государь небольшие. Также по предложению Аленина в суточный наряд уже введена группа немедленного

реагирования. Основная задача данной группы – усилить тот участок охраны, где произошло чрезвычайное происшествие. Проведённые учебные игры показали намного большую эффективность новой схемы охраны. Несколько попыток проникнуть во дворец пластунов-одинок из Кубанского дивизиона не увенчались успехом.

– Об этом, Илларион Иванович, генерал Черевин мне подробно докладывал, – недовольно поморщился Александр Третий.

– Хорошо, государь. Продолжу. После второго и третьего проникновения во дворец Аленина нам пришлось переделывать всю внутреннюю охрану и пропускную систему. Мы считали, что введение пропусков с фотографиями для работников дворца и расставленные одиннадцать постов в Арсенальном каре достаточная мера для охраны вас и вашей семьи внутри дворца. Аленин это опроверг. Ему понадобилось два дня и поездка в столицу, чтобы купить парики, накладные бороды, соответствующую одежду и, меняя с их помощью свой внешний вид, сделать в салоне фотографии двух разных лиц. Потом хорунжий самостоятельно изготовил очень похожие пропуска на стекольщика и работника обслуживающего телефонные линии.

– Таких подробностей Петр Александрович мне не рассказывал, – заинтересовался государь. – Продолжайте, Илларион Иванович.

– Как телефонист, Аленин среди белого дня, не скрываясь, смог пройти до бельэтажа Кухонного каре, где были размещены для учений посты охраны, как в Арсенальном каре. На антресоли его не пустили, сказав, что здесь телефонных линий нет. При этом никаких подозрений хорунжий не вызвал и спокойно покинул дворец. А по пропуску стекольщика этот «революционер» обошёл всё каре, и никто его не задержал. Настолько убедительными были поведение, внешний вид Тимофея и пропуск. При этом в рабочем ящике стекольщика, который хорунжий носил с собой, под двойным дном лежали восемь сальных свечей, имитирующих динамитные шашки, со вставленным и уложенным специальным образом огнепроводным шнуром. Укладка шнура позволила бы «революционеру» удалиться на безопасное расстояние.

– Значит, после этих прогулок хорунжего количество постов в Арсенальном каре было увеличено? – перебил графа император.

– Да, государь. Кроме того, пришлось менять все пропуска, добавив к фотографиям описание внешности, рост, вес, цвет волос,

глаз. Также добавив в бумагу пропуска и записи некоторые незначительные и незаметные тонкости, о которых, кроме охраны внутренних постов, никто знать не будет.

– Таким образом, как мне довёл Пётр Александрович, за последние два месяца в моей охране, благодаря Аленину, произошло больше изменений, чем за одиннадцать лет, – грустно усмехнулся император. – А дворец всё больше начинает походить на осаждённую крепость!

– Да, государь. Князь Барятинский был прав, когда говорил, что Аленин видит то, что не замечают другие. За первые два дня обучения Тимофей вычислил почти всех секретных агентов охраны из службы Ширинкина. Военная выправка, оказывается, выдает, и револьвер, который одежду топорщит. Его предложение со сторожевыми будками...

– Илларион Иванович, об этом ни слова, – раздражённо произнёс император. – Ладно пост чуть ли не в спальне у меня, но эти железные короба с бойницами перед дворцом?! Это чересчур! Про меня и так уже в Европе пишут как о гатчинском узнике-затворнике. Давайте ещё морские орудийные башни на всех подъездах к дворцу поставим!

– Ваше императорское величество, – упрямо продолжил граф. – Но эти железные короба, как вы их назвали, снаружи будут обшиты деревом. Так же покрашены. Всё отличие от имеющихся сторожевых будок – по-другому развёрнуты, чуть больший размер и скрытая дверь, которая закрывается во время нападения. Потом открываются бойницы на все четыре стороны, и часовой имеет возможность вести круговой огонь, находясь в хорошо защищённом помещении. А если, по совету Аленина, в будке хранить опечатанный ящик с десятью заряженными револьверами, то и огневая мощь такого поста будет значительной.

– Илларион Иванович, этот вопрос больше не обсуждается! – в голосе императора начали звучать нотки гнева. – Вы что, серьёзно собрались войсковые операции во дворце проводить? Бои с крупными силами противника?

– Ваше императорское величество, если есть хоть какой-то шанс нападения на дворец таким образом, надо его рассмотреть и принять меры.

– Всё, граф, я не желаю больше ничего слышать по этому предложению. Давайте обсудим следующий вопрос по делам в

Приамурском генерал-губернаторстве. Как Андрей Николаевич отнёсся к тому, что ему теперь негласной нянькой при Ники быть?

* * *

– Господа, сегодняшнее занятие будет посвящено обучению стрельбе, – я прошелся вдоль одношереножного строя, состоящего из свободных от дежурства шести агентов секретной части дворцовой полиции. – Кстати, вижу в ваших глазах ухмылку. Видимо, вы считаете, что умеете стрелять?!

Только то, что я уже почти месяц занимался со всеми агентами секретной части рукопашным боем и успел сбить с них спесь великих бойцов на кулачках, не позволило стоящим передо мной шумно выразить своё мнение. Также сдерживающим фактором сказалось присутствие на стрельбище полковника Ширинкина, которого я пригласил для некоторой демонстрации, которая Евгению Никифоровичу должна понравиться. Полковник был единственным в форме, агенты и я – в партикулярном платье.

Вообще, когда по приказу почти два месяца назад из имения прибыл на приём к графу Воронцову-Дашкову, был нокаутирован известием, что очень скоро цесаревич Николай направится на Дальний Восток наместником, а мне его охранять. С учётом этого, я направляюсь на обучение к главному охраннику ЕИВ генерал-лейтенанту Черевину, а также начальнику дворцовой полиции и её секретной части полковнику Ширинкину.

На приёме у графа я впервые услышал о секретных агентах, имеющих в охране императора. Что-то такое мог предположить по аналогии с организацией службы охраны первых лиц в моём времени, но реально с данной службой познакомился после представления Евгению Никифоровичу.

В охрану императора и его семьи входило множество подразделений, общей численностью около двух тысяч человек. Среди этой толпы на дворцовую полицию отводилось чуть больше полутора сотен человек, из которых пятьдесят составляла «охранная стража» из секретных агентов. Данные сотрудники, не отличающиеся внешне от прочей публики, должны были дополнить надзор наружной полиции, держа под постоянным наблюдением два-три первых ряда публики, окружавшей царя. При сопровождении императора «наблюдатели»

должны были нести службу на ключевых постах, используя метод «цепного хождения» на путях возможного следования царя. Этот метод предполагал, что агентура передвигается постепенно на всем протяжении один за другим на близком расстоянии от царя, являясь его непосредственной личной охраной. Также эти ребята вели открытое наружное наблюдение, отслеживая лиц «разыскиваемых, обвиняющихся и обвиненных по политическим целям, поднадзорных и подозреваемых». Это была одна категория агентов – «наблюдатели».

Другую составляли «сыскари», которые осуществляли оперативно-розыскную деятельность в местах высочайшего присутствия, собирая сведения обо всех живущих и приезжающих в резиденцию и окрестности. Это уже были старшие секретные агенты. Их должность предполагала самостоятельную деятельность. Они должны были быть способными играть роль офицеров, купцов, дачников или путешественников, действовать под видом дворников, посыльных, наемной прислуги (швейцаров и лакеев). При этом агентам категорически запрещалось «раскрываться», они должны были играть частных лиц, защищающих государя. Секретная агентура располагала своими извозчиками, несколькими хорошими верховыми лошадьми. Вооружены были секретные агенты револьверами и кастетами, но оговаривалось, что их употребление возможно только в исключительных случаях.

Сегодня по расписанию одна из свободных от дежурства групп «наблюдателей» должна была отработать ежемесячные, обязательные стрельбы из револьвера русской версии «Смит-Вессон» с укороченным стволом, изготавливаемого в Туле специально для полиции. К данному занятию, не именно с этой сменой, а по содержанию, я готовился около двух недель. Для этого опять пришлось отпрашиваться на поездку в столицу и тратить свои деньги, которых становилось всё меньше. Оружейные магазины Петербурга меня порадовали, и я стал обладателем пары револьверов Леона Нагана тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года выпуска и трехсот патронов к ним.

Немного поработал с ударно-спусковым механизмом обоих револьверов, делая спуск легче и мягче. За неделю на этом стрельбище расстрелял больше двухсот патронов, вспоминая и вновь нарабатывая навыки стрельбы по-македонски. Есть версия, что этот термин происходит от македонских борцов за свободу, которые использовали

сразу два пистолета или револьвера во время балканских войн тысяча девятьсот двенадцатого и тринадцатого годов.

На страницы газет термин «стрельба по-македонски» впервые попал в тысяча девятьсот тридцать четвертом году. Тогда в Марселе членами Внутренней македонской революционной организации, которые также любили пользоваться одновременно двумя огнестрелами, были убиты югославский король Александр и министр иностранных дел Франции Барту. С середины тридцатых годов стрельбе по-македонски, то есть стрельбе на ходу из двух пистолетов (или револьверов) по движущейся цели, начинают обучать в США агентов ФБР, а в Англии – агентов оперативных отделов Скотленд-Ярда. С тысяча девятьсот сорок второго года стрельбу по-македонски начали культивировать розыскники СМЕРШа.

В военном спецназе СССР пистолетчиков специально не готовили, но специалисты были. Мне в той жизни повезло. На моём боевом пути попался офицер, чей отец служил в СМЕРШе и был одним из тех чистильщиков и волкодавов, как Таманцев по прозвищу Скорохват, которого описал Богомолов в своём известном произведении. Он и учил искусству стрельбы из двух пистолетов своего сына, а тот поделился этими знаниями со мной, молодым лейтенантом, только пришедшим в бригаду. В одном отряде мы прослужили с ним три года, пока выслуживший все сроки майор не вышел на пенсию. Как двигаться, как оружие держать, как целиться и стрелять – наработал под его руководством до автоматизма, на уровне интуиции. На практике, правда, ни разу не использовал полученные навыки. Дистанция, с которой приходилось работать в бою, больше для автомата подходила. А при зачистке – гранату в дверь, потом очередь. Но упражнение «качание маятника» дало много для развития реакции, оценки общей картины боя, интуитивных действий, когда реагировал на опасность, замеченную периферийным зрением.

Все эти воспоминания пролетели в голове, пока стоял перед строем и держал паузу.

– Что же, господа, давайте посмотрим, что вы умеете, – я повернулся к Ширинкину. – Господин полковник, разрешите начинать.

– Начинайте, хорунжий, – Евгений Никифорович разрешающе махнул рукой.

– Господа, налево. На огневой рубеж шагом марш. – Дождавшись, когда агенты займут место каждый напротив своей ростовой мишени, расположенных в сорока шагах, я продолжил: – По команде, вы все быстро достаете оружие и самостоятельно открываете огонь. На всё про всё, включая шесть выстрелов, вам отводится пятнадцать секунд. Посмотрим, как вы умеете быстро и метко стрелять. Главное всё-таки метко. Вопросы? Вопросов нет. Приготовиться!

Я достал из кармана подарок цесаревича и открыл крышку. В это время ко мне подошёл Ширинкин.

– Тимофей Васильевич, такого упражнения нет в наставлении по стрельбе. Что вы хотите мне показать?

– Господин полковник, чуть позже всё увидите. Разрешите продолжить?

– С учётом того, что вы уже натворили... Продолжайте.

– Господа, начали! – скомандовал я стрелкам, посмотрев на циферблат часов.

Агенты выхватили, точнее я бы сказал, торопливо достали кто откуда укороченные револьверы, встали в стойку, чуть развернувшись к мишени и сильно согнув руку в локте, подняли «Смит-Вессоны» на уровень глаз. Загрохотали выстрелы. Над шеренгой стреляющих поплыл дым от сгоревшего пороха.

«Да, ничего со временем не меняется. Что сейчас, что позже – та же дуэльная стойка. Здесь, правда, руку, в которой держат оружие, сильно сгибают в локте, – думал я, глядя то на стреляющих, то на ход секундной стрелки. – Кто пишет наставления по стрельбе из револьвера или потом из пистолета, того же Макарова, они каким видят бой? Идёт офицер в атаку. Остановился, картинно развернулся полубоком, вытянул руку, выстрелил. И пошёл дальше или побежал. Всё. Время».

– Закончить стрельбу. Оружие убрать, – дождавшись, когда агенты спрячут револьверы, продолжил: – К мишеням шагом марш.

После того как по раскисшей от прошедшего недавно дождя земле дошли до мишеней, начался индивидуальный разбор стрельб. В принципе, отстрелялись неплохо. Только у двоих осталось по одному неизрасходованному патрону. Тремя попаданиями отметились все. Один из агентов, усатый крепыш, попал в холщовую мишень, на которой был нарисована фигура в полный рост, целых пять раз.

Шестой выстрел сделать не успел. При возвращении от мишеней, которые обслуживающие сегодняшние стрельбы солдаты ремонтировали, заклеивая с помощью бумаги и клейстера пробоины, агенты оживлённо и радостно переговаривались. Полковник Ширинкин, который вместе с нами осматривал мишени, лучился довольствием. По современным требованиям смена агентов отстрелялась отлично, при этом в два раза перекрыв норматив по времени.

– Как вам результат, Тимофей Васильевич? – спросил меня Евгений Никифорович, когда мы вернулись на огневой рубеж.

Я сделал унтер-офицеру, который командовал солдатской командой на стрельбище, заранее обусловленный жест и только после этого ответил Ширинкину.

– Господин полковник, по требованиям и нормативам смена агентов отстрелялась отлично. Но для тех, кто охраняет его императорское величество и его семью, данный результат считаю недостаточным. Стрельба стоя на месте и по одной неподвижной мишени сильно отличается от той ситуации, при которой агентам, не дай бог, придётся применять оружие. Как я думаю, нападающий на охраняемую персону вряд ли будет стоять на месте. А если он хороший стрелок, то застывший на месте охранник – прекрасная мишень.

– И что вы предлагаете, хорунжий? – заинтересованно спросил Евгений Никифорович. Остальные агенты, которые стояли передо мной, также с любопытством посмотрели на меня.

– Господин полковник, сейчас за моей спиной расставляются мишени. Одна из них, обозначенная листом бумаги красного цвета, – охраняемая персона, белыми листами – обыватели, желтыми – охрана. Сколько мишеней будет, я не знаю, последовательность их расстановки мне также неизвестна. С унтер-офицером было обговорено, что охранников должно быть не больше восьми.

– И что дальше, хорунжий?

– А дальше, господин полковник, как только обстановка из мишеней будет готова, вы даёте мне команду и засекаете время, за которое я смогу уничтожить охрану и охраняемое лицо. Господам агентам надо показать, что может сделать хороший стрелок.

– Интересно. Я бы даже сказал, очень интересно, – полковник оглядел своих людей, потом бросил взгляд за мою спину на стрельбище. – Кажется, всё готово. Право, будет увлекательно посмотреть, что вы сможете сделать, Тимофей Васильевич, с таким количеством мишеней. Кстати, из чего вы собираетесь стрелять?

– Мне и самому любопытно, господин полковник, как всё получится, – ответил я, сосредотачиваясь на стрельбу. – А из чего буду стрелять, сейчас увидите. Я готов, господин полковник.

Ширинкин достал из кармана часы и, открыв крышку, стал следить за стрелками.

– Стрелять, – резко скомандовал Евгений Никифорович.

Я, отбрасывая левой рукой полу пиджака, ею же выхватил один револьвер из кобуры за спиной, а правой рукой из открытой кобуры на левом боку. Одновременно с этим я разворачивался кругом через правое плечо. Заканчивая разворот, уже держал пару наганов перед собой, сцепив большие пальцы, и открыл из них огонь. Смещаясь на полусогнутых ногах влево, я, стреляя то из левого, то из правого револьвера, поражал желтые пятна на мишени. Поразив все шесть, оставшиеся патроны выпустил одновременно в красный лист мишени, разорвав его в клочья.

– Стрельбу закончил, – произнёс я, выпрямившись и опустив стволы изделия Леона Нагана в землю.

– Десять секунд! – восторженно озвучил моё время Ширинкин. – Это невероятно! Тимофей Васильевич, почему вы раньше не показали свою очень оригинальную и эффективную манеру стрельбы?

– Подходящего оружия не было, господин полковник. Мишени смотреть пойдём?

– Чего их смотреть, – мрачно произнёс крепыш, который пять раз поразил свою цель во время стрельб. – Я и отсюда вижу, что все желтые мишени поражены, а у красной головы не осталось. По секунде на брата получается. Так и револьвер достать не успеешь.

– Это вы правильно, Горелов, подметили. По секунде на охранника, – Ширинкин кивнул, как бы соглашаясь с произнесёнными словами. – Тимофей Васильевич, а из чего вы стреляли?

– Револьверы конструкции Леона Нагана тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года. Размером почти как и полицейский «Смит-Вессон», но легче. Калибр три линии. Спуск при самовзводе несколько

тяжеловат. Но если чуть подработать пружину, то нормально. Самое главное, к нему патроны на бездымном порохе.

– Интересный револьвер, – Ширинкин крутил в руках один из моих наганов. – И где вы такой приобрели?

– В столице, господин полковник. Для этого и отпрашивался у вас две недели назад.

– Может быть, для нашей службы приобрести такие? – задумчиво произнёс Евгений Никифорович.

– Агенты уже привыкли к «Смит-Вессонам». И у этих револьверов спуск мягче, чем у нагана. Лучше бы к ним партию патронов на бездымном порохе изготовить.

– А зачем же вы тогда приобрели эту пару, Тимофей Васильевич, да ещё за свой счёт? Получили бы для занятий штатные.

– Честно говоря, господин полковник, искал что-то поменьше и полегче, чем наши коротыши. Так как думаю о необходимости вооружить каждого агента парой револьверов. Шесть выстрелов – это мало. К сожалению, ничего подходящего не нашёл. А эти револьверы как-то в руку легли. Не захотелось их выпускать. Да и для скрытого ношения они лучше приспособлены. Вы же не заметили мою пару? Именно для этого показа я и просил вашего разрешения прийти на занятия в партикулярном платье.

– А каким образом вы их носите, Тимофей Васильевич? – поинтересовался Ширинкин, возвращая мне револьвер. Агенты, затаив дыхание, вслушивались в нашу беседу.

– Мне по моим рисункам сшили два пистолетника, – я откинул полу мешковатого пиджака и вставил в открытую кобуру револьвер, застегнув через отверстие фиксирующий ремешок на шпенёк клепки. – Один я закрепил сбоку, а второй на спине. При этом ольстра сшита, чтобы оружие носить внутри брюк.

Пока я всё это рассказывал, вложил второй наган в кобуру на спине и зафиксировал его ремешком.

– Оригинальное решение, хорунжий, – Евгений Никифорович, подойдя, пощупал мою кобуру на боку. – А кто вас так научил стрелять? Откуда такая манера стрельбы сразу из двух револьверов?

– Господин полковник, я подумал, что после шести выстрелов секретный агент остается безоружным, так как за то время, что он будет перезаряжаться, его убьют. А за ним убьют и охраняемое лицо.

Самое простое решение – дать охраннику второй револьвер, что увеличит его огневую мощь в два раза.

– Вы считаете, Тимофей Васильевич, что может возникнуть такая ситуация, когда секретному агенту понадобится стрелять больше, чем шесть раз?

– Господин полковник, в жизни случается всякое. Я оказался здесь только из-за того, что мало кто мог представить ситуацию с нападением хунхузов на пароход, где находился цесаревич.

– В этом вы правы, хорунжий. А если такая ситуация может возникнуть, то к ней надо готовиться. Извините. Продолжайте.

– Слушаюсь. Получив в руки два револьвера, я стал думать о том, каким образом их можно использовать одновременно в огневом контакте. Так методом проб и ошибок за две недели тренировок здесь на стрельбище и получил такую манеру ведения огня. Только всё это ещё сыровато. Надо продумывать дальше. Пробовать другие варианты.

– Сыровато, говорите?! Может, и сыровато, но высокая эффективность. Двенадцать выстрелов в цель, в движении, за десять секунд! По всему этому, – Ширинкин сделал круговой жест рукой, – жду завтра подробный рапорт от вас. А сейчас заканчивайте занятия, переодевайтесь и встречайте на вокзале подьесаула Головачева. Сегодня его на приём ждёт император. Извозчик вам выделен. Пропуск на подьесаула выписан.

Закончив занятие, я переоделся в форму и на выделенном извозчике направился на вокзал. Встреча на перроне с подьесаулом Головачевым была радостной для нас обоих. Но откровенно поговорить мы смогли только в комнате, которую мне предоставили для временного проживания, пока прохожу обучение у Черевина и Ширинкина.

– Судя по всему, Тимофей Васильевич, своему повышению в звании и награждению орденом Станислава третьей степени я обязан вам, – Головачев, сидя за столом, на котором я, с учётом отсутствия денщика, быстро соорудил лёгкий перекус из бутербродов и чая, с какой-то отцовской улыбкой рассматривал меня.

– Николай Павлович, насколько я знаю, решение о вашем награждении принимал его императорское величество. Тем более ваша выслуга уже позволяла это сделать. А орден?! Я думаю, вы его

заслужили! Это подтвердит любой юнкер, который был с вами в том походе.

– Кто бы мог подумать, – подьесаул усмехнулся. – Чуть больше полугода назад я писал ходатайство на награждение юнкера, который своей стрельбой по бунтовщикам подарил нам победу. А теперь передо мной сидит Георгиевский кавалер, потомственный дворянин Аленин-Зейский.

– Николай Павлович, не издевайтесь...

– Тимофей Васильевич, я не издеваюсь, – перебил меня Головачев. – Я констатирую факты. И прекрасно понимаю, что если бы вы не произнесли мою фамилию на приёме у государя, то никаких изменений в моей судьбе не было бы. Кстати, не подскажете, чего мне ждать? Кроме того, что через пару часов придётся предстать перед его императорским величеством, мне ничего не известно.

– Насколько до меня довели, государь хочет с вами лично пообщаться, перед тем как принять решение о назначении вас командиром Его Императорского Высочества Государя Наследника Личного Конвоя.

– Неожиданно! – только с силой сжатый кулак правой руки, так что побелели костяшки, выдал волнение подьесаула. – А что это за подразделение?

– Николай Павлович, в ближайшее время будет обнародован указ о назначении цесаревича наместником Дальнего Востока. Для его охраны будет создан личный конвой наследника. Он будет состоять из лейб-гвардейских взводов казаков Кубанского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского войск. Штатное расписание ещё утрясают, но предварительно: командир конвоя, три помощника, казначей, четыре командира взводов и сто шестьдесят казаков. Кроме того, будут приданы секретные агенты в количестве тридцати человек.

– А какую должность займете вы, Тимофей Васильевич?

– Одного из ваших помощников, который будет отвечать за работу секретных агентов и личников цесаревича.

– Вы так уверены в моём назначении?

– Не знаю почему, но уверен, Николай Павлович. Более подробно обсудим всё после высочайшей аудиенции. А теперь давайте перекусим, а потом направимся во дворец. Теперь надо пройти много охранных регламентов, прежде чем попадешь на приём к государю.

Эпилог

Я стоял на том же месте палубы парохода «Вестник», на которое упал, когда в меня попала пуля, выпущенная, предположительно, японским снайпером. Она предназначалась будущему императору Николаю Второму, но я её принял на себя. Точнее, прыгнуть на пересечение траектории пули тело заставил его настоящий хозяин – Тимоха Аленин. После этого его составляющая ушла, а в этом теле осталось только моё сознание.

Я провожал глазами дерево на острове Разбойный, откуда стрелял снайпер. Высокая сибирская лиственница постепенно удалялась по левому борту назад по ходу парохода. В этот раз «Вестник» шёл по высокой воде через фарватер между островами.

За спиной раздался скрип открываемой двери. Я резко повернулся. Из дверного проема вышли двое казаков-личников Кубанского взвода. За ними на палубе появился цесаревич. С боков к нему сразу пристроилось двое казаков, которые стояли по бокам двери каюты.

«Хоть что-то начало получаться, – подумал я, глядя на эти перестроения. – Просил же Головачева набрать во взвод кубанцев молодёжь. Нет, млять. Две трети – заслуженные казаки-бородачи старше тридцати. А их попробуй переучи! Счас! Сопляк какой-то будет вразумлять их конвойной службе. Мы, чай, уже кто два, а кто и три раза на сверхсроке отслужили. И в других взводах, чувствую, будет такая же хрень. Как же, в лейб-гвардии должны служить только лучшие из лучших».

– Ваше императорское высочество, вы слишком рано вышли из каюты, – между тем я обратился к Николаю.

– Аленин, как ты мне уже надоел своей опекой за эту дорогу! – наследник смотрел на меня с усмешкой. – Дай и мне посмотреть на то место, откуда в меня стреляли.

– Вон та лиственница, ваше высочество, – я указал рукой на отдаляющееся дерево.

Цесаревич, а теперь и наместник Дальнего Востока, Николай Романов, прикрытый с четырёх сторон коробочкой из казаков, долго смотрел на исчезающее вдаль дерево. Передёрнув плечами, наследник спросил, стоя ко мне спиной:

– Тимофей Васильевич, а о чём вы думали, когда прыгали на перехват пули?

«Что отвечать? На хрен мне всё это нужно?! Такая реальная была мысль. Не поймёт будущий император. А о чём помышлял тогда Тимоха, как-то в мозгах не сохранилось», – промелькнуло в голове, и я ответил:

– Не успеваю. Об этом успел рассудить, ваше императорское высочество.

Николай резко развернулся. Внимательно посмотрел мне в глаза и протянул мне свою правую ладонь.

– Спасибо, Тимофей Васильевич! Ещё раз спасибо!

– Ваше императорское высочество, я вознаграждён за те события выше всякой меры. Но самая важная награда – ваша благодарность, – ответил я, аккуратно сжав ладонь цесаревича.

– Не льсти, хорунжий Аленин-Зейский. До царедворцев тебе далеко. И такое поведение тебе не идёт. На нос парохода пройти теперь можно, личный телохранитель?

– Да, теперь можно.

Вместе с цесаревичем, которого в коробочку взяли личники, направились на бак. Захлопали двери кают. На палубу начала выходить свита Николая. Первым вышел генерал-лейтенант Духовский. Как мне было известно от графа Воронцова-Дашкова, он вернее всего заменит барона Корфа. По последним сведениям, здоровье дедушки оставляло желать лучшего. Ранение сказалось. Пока же Сергей Михайлович был старшим свиты наместника. И к нему и к барону Корфу у меня были пакеты, запечатанные личной печатью императора. Илларион Иванович ещё раз довёл до меня, что в них содержится указание не чинить мне препятствий и оказывать полное содействие в личной и секретной охране цесаревича. Такое вот высокое доверие со стороны императора. Мне вспомнилась последняя встреча с Александром Третьим перед отъездом и его слова:

– Тимофей Васильевич, думаете, зачем мне нужен в окружении Ники человек, который показал, что я ему могу полностью доверять?

Вопрос был настолько неожиданным, что я даже не оценил с ходу сказанное государем: «Человек, который показал, что я ему могу полностью доверять». А это было личное доверие императора – одна из высших оценок в Российской империи. Данная оценка дороже любых званий и орденов.

– Молчите? Правильно! Слишком мало у вас информации. Личная охрана Николая – основная ваша задача, Тимофей Васильевич. Я вас очень прошу, сохраните мне сына!

– Слушаюсь, ваше императорское величество.

– Есть ещё одна задача. Постарайтесь всё-таки установить, кто совершил предыдущее покушение на Ники. Я понимаю, что это несколько глупо просить. Целая комиссия из ведущих сыщиков и следователей Министерства внутренних дел не выяснила. Но ваше умение видеть в обыденности новое заставляет меня надеяться на успех и в этом направлении вашей деятельности.

– Слушаюсь, ваше императорское величество, – ответил я, а про себя подумал: «Такими темпами мой девиз „Жертвенность и храбрость“ очень скоро будет высечен не только на гербе, но и на могильной плите».

От воспоминаний меня отвлек цесаревич.

– О чём задумались, Тимофей Васильевич? Близких вспомнили?

– Да, ваше императорское высочество. Почти два года в станице не был. Как они там?

– Скоро увидите.

– Это так. Где-то через час прибудем к станице.

– Куда планируете взять свой десяток казачат? Точнее, уже казаков лейб-гвардии.

– Ещё не решил, ваше императорское высочество. Всё будет зависеть от того, каков будет набор казаков в остальные три взвода конвоя и тех, кого предложат в секретные агенты. После отбора, экзаменов и буду решать.

– С Николаем Павловичем это обсуждали?

– Обязательно. Он полностью меня поддержал в этом вопросе, – несколько покривил я душой.

С Головачевым у меня сложились прекрасные отношения начальник – подчинённый. Но вот по вопросам комплектования конвоя, секретной части и методики их обучения иногда доходило до

ора. Мои нововведения из будущего он принимал с трудом. Что уж говорить об остальных кубанцах-конвойцах. В большей степени они воспринимали только парадные функции своей службы.

– Может быть, остановимся в станице на ночь? – поинтересовался цесаревич.

– Ваше императорское высочество, я бы с большим удовольствием, но по регламенту нам отведено пять часов на стоянку и все мероприятия в станице Черняева. Единственно, прошу вашего разрешения отлучиться на час, чтобы встретиться с семейством Селевёрстовых. Дядька Петро и тётка Ольга мне заменили отца и мать. А названная сестра родила племянника.

– Думаю, за один час со мной ничего не случится. Тем более в станице, чьи жители один раз спасли мне жизнь, – ответил, улыбаясь, цесаревич. – Разрешаю, Тимофей Васильевич.

Николай повернулся к свите и подозвал казначея конвоя сотника Еремина и что-то произнёс ему на ухо. Сотник быстро ушёл и вернулся, держа в руках шикарный черкесский кинжал. Все это время на палубе царило молчание. Цесаревич взял у казначея кинжал и протянул его мне со словами:

– Передадите кинжал своему племяннику от меня. На зубок. Так, кажется, у вас говорят?

– Благодарю, ваше императорское высочество. Это большая честь.

– Полно, Тимофей Васильевич. Надеюсь, что ваш племянник вырастет справным казаком и защитником престола.

– Ещё раз благодарю, – я склонил в поклоне голову.

– Вот и хорошо. Я же пока пообщаюсь с Сергеем Михайловичем, – сказав эту фразу, цесаревич отошёл от меня к свите. А я остался у борта парохода, сжимая в руке кинжал.

Чуть меньше двух лет назад я в конном строю ожидал прибытия будущего императора в станицу. Тогда я думал, как мне относиться к этому человеку. За это время я узнал много нового о жизни царского дома, системе управления государством, аристократии и её месте в империи. Сам стал потомственным дворянином. Но чем больше узнавал, как живёт простой народ, тем больше думал о том, как облегчить его участь. Но каким путём? Революция? В этом мире Англия и Франция её уже пережили. Легче народу не стало. Только огромные жертвы среди населения.

Почти пять лет назад я ставил перед собой задачи, которые значительно перевыполнил. Сейчас я стал человеком, который находится в близком окружении будущего императора, которого ещё живой и здравствующий Александр III Миротворец пытается научить разумно править. Может быть, в этом шанс или основная цель моего попадания в это время и в этот мир. Попытаюсь всё исправить без того кровопролития, которое было в моём времени. Поживём – увидим.

Личник

Пролог

Я стоял на корме «Вестника» и смотрел, как вдаль уходит остров Разбойный. Именно на этом острове почти два года назад группа хунхузов устроила засаду на этот же пароход. И также на нём тогда находился цесаревич Николай.

Для меня то нападение бандитов закончилось ранением, когда я закрыл собой от пули будущего императора. Хорошо, что фортуна не покинула меня, и небольшой кусок свинца, выпущенный из винтовки с телескопическим прицелом, встретил на своём пути лезвие метательного ножа и часы, которые лежали в кармане под ним. Отделался контузией, огромным синяком да трещиной в ребре.

Потом было Иркутское юнкерское училище, куда я прибыл поступать с кучей рекомендательных писем, начиная от его императорского высочества государя наследника и заканчивая командиром Амурского казачьего полка. После его окончания я был вызван на приём к Александру III в Санкт-Петербург. И там за спасение наследника престола получил потомственное дворянство, приставку Зейский к своей фамилии, орден Святого Георгия четвёртой степени, неплохое поместье под столицей и земельный участок рядом с рекой Зeya. Как предполагаю, где-то рядом с участком, где банда Золотого Лю мыла золото.

Далее был в отпуске. Пускай неделю, но был. В своём имении познакомился и, можно сказать, стал другом целой княгине и пусть незаконнорожденному, но внуку Александра II. Встретил, возможно, свою новую любовь Анечку фон Дерфельден, которая как две капли воды была похожа на мою жену в моей прежней жизни. Да, да! Я не сумасшедший. Действительно в этом теле девятнадцатилетнего хорунжего живёт сознание бывшего офицера спецназа пятидесяти пяти лет от роду из двадцать первого века. Каким образом это произошло, я не знаю, но чуть меньше пяти лет назад моё сознание-матрица как-то перенеслось из две тысячи восемнадцатого года в тело четырнадцатилетнего казачонка в одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмой год.

Зовут меня Аленин Тимофей Васильевич, и я являюсь полным тёзкой Тимохи, который до меня был в этом теле. Но по порядку.

Родился я в одна тысяча девятьсот шестьдесят третьем году в семье военного в городе Благовещенске. Учился так себе, но спортом занимался усиленно. К окончанию школы выполнил норматив КМС по биатлону. Очень хотел поступить в Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище в Благовещенске, где также готовили офицеров для морской пехоты, но не прошёл по баллам. Завалил русский язык. Не могу писать сочинения – не Лев Толстой я, к сожалению. Поэтому вместо военного училища попал в армию, как думал сначала обычным «пехотным Ваней». Но всё оказалось намного интереснее.

Из военкомата с «покупателем» – молодым старшим лейтенантом с пехотными петлицами – я и еще двое ребят на самолёте совершили перелёт через всю страну из Благовещенска до Великого Новгорода. Потом на узике нас отвезли куда-то под Псков в летние лагеря, где и выяснилось, что пехотные петлицы старшего лейтенанта – это маскировка, а служить я буду в каком-то спецназе, хотя форма солдат и офицеров в учебке была десантных войск.

И прослужил я в войсках специального назначения двадцать три года с хвостиком, не считая учёбы в военном училище. После полугода обучения в учебке, где получил специальность минёра, почти год службы в Афганистане в 177-м отдельном отряде спецназа в составе 22-й бригады СпН. В данное подразделение получил распределение из-за своей внешности. Вылитый пуштун, как не раз потом подкалывали меня ребята в отряде.

За Афганистан получил медали «За боевые заслуги» и «За отвагу», орден Красной Звезды, позывной «Ермак», славу хорошего минёра и снайпера. В отряде, как КМСу по биатлону, после пробных стрельб вручили СВД и поставили сначала в пару к основному снайперу. Вскоре стал штатным снайпером. Потом был бой, во время которого получил два ранения: в голову и правую руку.

После госпиталя в Ташкенте и отпуска по ранению до моего дембеля оставалось около четырех месяцев, когда неожиданно даже для себя взял и написал рапорт с просьбой отправить меня поступать в Рязанское десантное училище.

Батя – командир 177-го ооСпН – майор Керимбаев рапорту ход дал и характеристику взводного подписал, в которой тот столько хорошего изложил, хоть памятник из меня делай. Потом учебные сборы на базе

Самаркандского автомобильного училища, где попал в роту поступающих в десантное училище. Сдача физо и медкомиссия. Её, несмотря на ранения, слава богу, прошёл. Награждение орденом освободило от сдачи вступительных экзаменов. Затем абитура в ЗУЦе под Рязанью, и я – курсант РВВДКУ.

Четыре года обучения в спецбатальоне в отделении спецназа, красный диплом, лейтенантские погоны, право выбора места службы и 173-й ооСпН в родной 22-й бригаде спецназа, которая базировалась уже в Азербайджане. А затем поддержание конституционного порядка в Баку, Нагорный Карабах, Осетино-Ингушский конфликт, две Чеченские кампании, парочка загранкомандировок, Грузинский конфликт и заслуженный дембель в две тысячи девятом году. Выслуги, да ещё со льготами, было уже по самое не могу – вот и ушёл. С жильём проблем не было: от родителей после их переезда в Краснодарский край трёхкомнатная квартира в Благовещенске осталась и от деда крепкое подворье в Ермаковской пади на Амуре, где и проживал я постоянно последние годы.

Сбежал я из Благовещенска, где очень часто приглашали на торжественные мероприятия в качестве почётного гостя или «новогодней ёлки». К наградам за Афган еще два ордена Мужества добавились и Звезда Героя России за операцию в Первомайске против банды Радуева. А если добавить юбилейные медали, за выслугу и кучу всяких знаков за Чечню, то иконостас на парадном мундире значительный получался. Вот и «работал» в администрации города «почётным жителем», пока не надоело. Уехал в дедов дом, подремонтировал его и зажил спокойной жизнью пенсионера. Пенсии и надбавки за Героя России хватало с избытком, лес обеспечивал дичью и другими дарами, Амур – рыбой, спутниковая тарелка с модемом давала связь с миром через Интернет и телевидение. Так и жил бобылём.

Были в своё время две жены, да не выдержали они постоянного ожидания мужа с боевых выходов, которые иногда длились по полгода. Детей в обоих браках не нашёл. Осталось одиночество, но оно постепенно стало нравиться. В последнее время пристрастился к чтению книг, особенно по альтернативной истории с «попаданцами», благо в электронном виде таких произведений в Инете можно было найти множество. Подумывал свои мемуары засесть писать, но всё

оборвалось летним утром две тысяча восемнадцатого года. Выбежал, как обычно, с утра в лес на зарядку, увидел яркий шар в небе. Успел подумать: «Всё же пиндосы ударили ядерным оружием!» Нестерпимый жар и темнота.

Очнулся в теле четырнадцатилетнего казачонка, пастушка Тимохи Аленина, который приходился мне каким-то родственником. По отцовской линии я вёл свой род от знаменитого атамана Ермака. Так передавалось из поколения в поколения в нашей семье. Правда или нет, не знаю, но все мои пращуры в это верили.

Так вот, по рассказам деда, тот поселился в одна тысяча девятьсот сорок шестом году в Ермаковской пади после демобилизации по ранению, полученному в боях с японцами из-за того, что на этом месте жили раньше родственники Алениных, которые ушли с Дона осваивать Амур и сгинули все. Последним умер Аленин Афанасий Васильевич – георгиевский кавалер, которого на Дону помнили и уважали. Умер он после того, как хунхузы убили его внука Тимофея, до этого убив всех его сыновей. На месте их старого дома, который сгорел во время лихолетья Гражданской войны, дед построил свой дом. В том доме родился мой отец. Из этого дома и я выбежал на последнюю свою зарядку.

Перенос оказался очень вовремя для Тимохи. Он был ранен хунхузами, которые пытались угнать в Китай табун лошадей, который пасли казачата. Именно во время этого налёта Тимоха и был ранен. Я же, благодаря своим навыкам, смог отбиться и остаться живым. Потом было много всего. И выбор своего пути в этом мире, и смерть деда Афанасия, деда для Тимохи, но который и для меня за пару месяцев стал родным.

Пять лет назад я принял решение, что основной целью для меня в этом мире является передача знаний спецназовца из двадцать первого века казакам. Для этого планировал поступить в Иркутское юнкерское училище, потом всеми правдами и неправдами прорваться в Николаевскую академию Генерального штаба. Там во время учёбы как-то выйти на русскую разведку и, зарекомендовав себя, постараться попасть на начало англо-бурской войны представителем от Генштаба или под видом волонтёра. Через доклады постараться доказать эффективность бурских засад, снайперского огня, действия малых групп в тылу врага, всё это теоретически и методически обосновать и

настаивать на создании экспериментальной диверсионно-разведочной группы, хотя бы в полусотню казаков. А после обучения обкатать её на боевых выходах в китайском походе. А дальше как Бог даст!

Мелко, скажете вы, для представителя двадцать первого века?! А ничего, что я попал в тело пастушка, к тому же сироты, для которого поступить в юнкерское училище с двумя классами церковно-приходской школы практически нереально. Да что там нереально, вероятность практически нулевая. Но я смог. И вот теперь стою перед дилеммой, что делать?

Я офицер Конвоя Его Императорского Высочества Николая Александровича. Его отец император Александр III перед отъездом на Дальний Восток, куда Николай был направлен наместником, лично просил меня сохранить ему сына. И я дал слово офицера.

«Н-да, дилемма, – подумал я. – С одной стороны, в девятнадцать лет оказаться в близком окружении будущего императора, который считает себя обязанным жизнью, – это просто пруха какая-то. Но что это мне даёт? Если смотреть с точки зрения политической конъюнктуры, то для карьерного роста просто колоссальные возможности. Врасти в высший свет. Да без особых проблем, если не подставляться. Стать генералом? Тоже возможно. Но я-то знаю, чем всё закончится в семнадцатом. Хотя в моём мире Николай наместником Дальнего Востока не был. Возможно, это другой мир?! Или я так успел на него повлиять? Как бы то ни было, но я-то хочу предотвратить кровавые ужасы революций и гражданской войны, если они здесь будут...»

Мысли заскакали галопом, и я начал глубже и медленнее дышать, чтобы успокоиться. Вся та информация, до которой я смог дотянуться за эти пять лет, говорила, что всё не так просто в этом мире, как нам преподавали в моё время в будущем по предмету «История». Всё намного сложнее и страшнее.

«Да осилит дорогу идущий, – подумал я. – Что же, сделаем очередной шаг, а там посмотрим...»

Глава 1

Награждение

«Вестник» по дуге подходил к причалу станицы Черняева, чтобы пришвартоваться правым боком, против течения. Рядом с аркой, увитой лентами и елочными лапами, собралась толпа народа. На мой взгляд, под две тысячи человек. С учетом того, что при описи населения в тысяча восемьсот девяносто первом году во всём Черняевском округе проживало чуть больше восьмисот человек, включая детей, встречать цесаревича съехался народ со всех ближайших округов. Караван судов, перевозивший Николая со свитой и всем необходимым для исполнения обязанностей наместника, шёл по Амуру практически без остановок в станицах. Но о том, что в Черняева будет остановка, сообщили атаману Савину по телеграфу заранее, ещё неделю назад.

Я стоял по правому борту, откуда на пристань должны были подать трап два матроса. Рядом со мной выстроились десять кубанцев конвоя, которые будут обеспечивать периметр. Лица у казаков были сама невозмутимость, хотя внутри, сужу по себе, все наоборот. Всегда начеку, в состоянии тревоги и подозрительности ко всем. Это был уже не первый выход цесаревича в народ, и даже не десятый за время путешествия на Дальний Восток. Но каждый раз – бешеный расход нервов.

С трудом, но постепенно удалось донести до казаков конвоя, что к охране государя наследника, как и любого другого охраняемого лица, надо относиться серьезно. Что их роль не парадная функция и красивое позирование рядом с цесаревичем, а тяжёлая ежесекундная работа по его охране. Каждый из конвойцев любое изменение обстановки вокруг наследника должен оценивать по критерию «опасность – безопасность» с точки зрения угрозы жизни и здоровью охраняемого лица. Для этого он должен не упускать из поля зрения никакую на первый взгляд мелочь, быть всегда готовым к любой ситуации, уметь быстро понимать поведение и агрессивные намерения людей, не доверять никому и суметь принять предупредительные или защитные меры.

Пароход швартовался, а я смотрел на родной берег. За первым рядом встречающих, которых представляли атаман Савин с караваем хлеба, протоиерей Ташлыков и старики-старейшины станицы Раздобреев Афанасий, Подшивалов Феофан, Шохирев Давыд, Савин Митрофан и Гусевский Ион, я увидел родные лица дядьки Петро и Митяя Широкого. А чуть в стороне от них стоял один из старших секретных агентов, который обеспечивал скрытую охрану цесаревича в станице. Знаком агент показал, что всё в порядке.

«Молодец, – подумал я про себя. – Не знаю, кем он тут представился, но уважение успел завоевать, если его в первые ряды встречающих казаки пустили».

При планировании работы секретной части охраны цесаревича на время путешествия мы столкнулись с проблемой – кем будут представляться агенты в Забайкалье, а особенно на Амуре и Уссури, где по станицам проживают, считай, только казаки. Десять агентов, которых как от сердца оторвал полковник Ширинкин, а также возглавлявший их коллежский секретарь Кораблев, были в затруднении. Какую личину надеть?! Казаки из них, как... В общем, за казаков не сойдут. Купцы, приказчики, путешественники. Ещё кто-то? Постепенно разобрались и приноровались.

Пароход приткнулся бортом к причалу. Выскочившие матросы набросили концы канатов на импровизированные кнехты. После чего подали трап на причал. Я сошёл первым. За мной потянулись кубанцы, образуя двумя колоннами коридор. Краем глаза увидел, как изумлённо расширились глаза атамана Савина и протоиерея Ташлыкова. Видимо, узнали меня. С учётом того, что после награждения и недельного отдыха я узнал, что буду сопровождать Николая на Дальний Восток в родные места, Селевёрстовым я ничего не написал, желая сделать сюрприз. И, кажется, он получился. Контролируя сход с парохода цесаревича, я, изредка бросая взгляды на первые ряды встречающих, всё чаще видел выражение изумления на лицах станичников и казачек при узнавании меня.

Цесаревич начал движение по пристани к встречающим. Кубанцы в своих парадных алых черкесках, сойдя с пристани, двумя колоннами по пять человек двинулись вперёд, раздвигая встречающих и образуя коридор. По освобождённому пространству пошёл цесаревич в форме лейб-гвардии отдельного Амурского казачьего взвода, который

существовал пока на бумаге и шефом которого, также по бумагам, являлся Николай. Несмотря на очень теплый для начала мая день, около плюс двадцати градусов, на плечи Николая была накинута шинель. Но вместо папахи на голове наследника была фуражка.

Подойдя к атаману, который склонился в поклоне, Николай отломал небольшой кусок каравая, посолил его, макнув в солонку, и отправил в рот.

– Ваше императорское высочество государь наследник цесаревич и великий князь Николай Александрович, – стараясь не сбиться, начал Иван Митрофанович Савин, распрямившись после поклона. – Казаки Черняевского округа рады видеть вас вновь на своей земле.

Но цесаревич сломал заготовленный сценарий. Взяв из рук атаман поднос с караваем, Николай передал его назад подьесаулу Головачеву, а сам, обняв Савина, трижды его поцеловал, после чего обратился к встречающим:

– Господа казаки, прошло почти два года с тех пор, как многие из вас участвовали в отражении нападения бандитов, которые напали на пароход, где я находился, а также на вашу станицу. Слишком долго происходило расследование этого события. Наконец-то оно завершено, а я, пользуясь случаем, могу теперь отблагодарить своих спасителей.

По толпе встречающих прошелестел довольный гул. Хотя до этого в слова цесаревича вслушивались настороженно.

– Атаман, казаки, о которых вам было телеграфировано, все собраны? – спросил Савина наследник.

– Так точно, ваше императорское высочество, – вытянулся во фронт атаман, сверкая на мундире золотой медалью «За усердие». – Все здесь. Чуть выше по дороге к станице построены.

– Это хорошо. Пойдёмте к ним, атаман. Ваше высокопреподобие, – обратился Николай к протоиерею Ташлыкову, – сопровождайте нас. Тимофей Васильевич, следуйте за мной.

Эта команда уже относилась ко мне. Проходя следом за цесаревичем мимо застывших старейшин станицы и казаков за ними, услышал перешёптывание: «Точно он...», «Ты гляди-ка, Тимоха...», «Ядрёный корень... Тимоха – благододие...», «Егорий-то... офицерский...»

Кубанцы как масло разрезали толпу, образуя свободный проход для наследника. Несколько десятков шагов вверх от пристани,

и Николай остановился перед двухшереножным строем казаков. Кроме моего старшего десятка, в строю стояли дядька Михайло Лесков, проскользнувший вперёд нас и вставший в строй Митяй Широкий, двое казаков из Ольгинской станицы и малёк Мишка Башуров.

Подойдя к строю казаков, Николай, развернувшись к свите, которая следовала за ним, подозвал одного из флигель-адъютантов и, взяв из его рук бархатную папку, протянул её мне.

– Тимофей Васильевич, ваша родная станица, вам и указ его императорского величества зачитывать. А я награды вручать буду.

Я с трепетом открыл папку. О том, что награждать станичников будет, я знал. Но вот награды мне были не известны.

– Божьей милостью, мы, Александр Третий, император и самодержец Всероссийский, царь Польский, великий князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая... – начал я под ошарашенными взглядами награждаемых.

Процедура награждения несколько затянулась, так как казакам приходилось выходить из строя к цесаревичу. Тур и Леший получили по Знаку отличия Военного ордена Святого Георгия четвертой степени, остальные казачата и малёк Мишка Башуров по золотой медали «За храбрость» с ношением на груди. Отец Лешего дядька Михайло и Митяй Широкий получили по золотой медали «За храбрость» с ношением на шее, а ольгинцы – такие же, но серебряные.

Савин был награждён шейной серебряной «За усердие» на станиславской ленте, а все старейшины – нагрудной золотой на Станиславской ленте. Но самой главной наградой, от которой в восторг пришли все станичники и гости, было прощение всех задолженностей перед казной для казаков Черняевского округа и освобождение от налогов на пять лет, начиная с этого года. Восторг был такой силы, что кубанцы еле сдержали толпу. Станичники очень захотели выразить признательность государю наследнику. Я уже хотел стрелять в воздух, но, слава богу, напор толпы ослаб и она успокоилась.

Следующее действие цесаревича также вызвало восторг окружающих.

– Хорунжий Аленин, построить в две шеренги казаков старшего набора казачьей школы станицы Черняева.

– Слушаюсь, ваше императорское высочество, – браво ответил я, после чего скомандовал Ромке. – Казак Селевёрстов построить первый десяток.

После того, как мои друзья и братья построились, я скомандовал «смирно» и хотел доложить цесаревичу, но тот махнул рукой и произнёс, обращаясь к строю:

– Господа казаки, за ваше мужество, героизм, отвагу и сноровку все вы назначаетесь на службу в лейб-гвардии отдельный Амурский казачий взвод Собственного Его Императорского Высочества Наследника Государя и Цесаревича личного конвоя.

– Рады стараться, ваше императорское высочество! – дружно и чётко ответил строй молодых казаков.

– Вольно! – скомандовал цесаревич и повернулся ко мне. – Командуйте, хорунжий. После молебна принятие присяги.

– Слушаюсь, ваше императорское высочество, – принял я стойку смирно и поднёс ладонь к срезу папахи.

– Ваше высокопреподобие, – обратился цесаревич к Ташлыкову, – пройдёт на молебен.

Цесаревич с протоиереем двинулись вперёд, за ними последовала свита, атаман со старейшинами. За этой группой постепенно пристраивались встречающие, мимо которых проходил наследник. Я, кивком головы испросив разрешение остаться у Головачева и получив его ответный кивок, развернулся к строю.

– Ну что, здоровы будем, братья!

– Здравия желаем, ваше благородие! – дружно рявкнули мне в ответ те, кого я считал и считаю своими близкими друзьями и, можно сказать, братьями. Но моё новое положение в обществе позволяло общаться на глазах у других только таким образом. Тем более за моей спиной находилась пара кубанцев.

– Господа казаки, после обеда, несмотря на возраст, вы все принимаете присягу и будете проходить службу в лейб-гвардии личном конвое государя наследника. Под моим чутким руководством, – я хищно улыбнулся моим бывшим ученикам. – Надеюсь, вы ещё не забыли, что это значит?!

У некоторых казаков, казачатами их уже назвать было тяжело, настолько они выросли и заматерели за почти два года, что я их не видел, головы грустно опустились вниз.

– Вижу, что помните, и надеюсь, что понимаете, какая честь вам оказана. После принятия присяги где-то через два часа вы станете лейб-гвардейцами, а не казаками-малолетками! После чего должны будете своей службой доказать, что выбор государя наследника и цесаревича великого князя Николая Александровича был правильным и вы его достойны!

– Ваше благородие, – как и всегда до этого во время обучения, с вопросом влез Ромка, – так мы сегодня с государем наследником в сопровождении поплывём?

Все остальные ребята с таким же вопросом в глазах уставились на меня.

– Да. После присяги вы начнёте службу в конвое. Для вас отведено место на одном из пароходов сопровождения. Коней разместите на барже. До вас что, не довели о необходимости быть на встрече цесаревича с полным снаряжением для службы?

– Довели, ваше благородие, но мы думали, это какое-то занятие будет или смотр. Про присягу и службу никто не говорил. Так-то нам только в январе следующего года присягу принимать, и то не всем, – ответил за всех Ромка.

– А ты что, Лис, не рад службе в конвое?! – спросил я.

– Ваше благородие, да мы все рады. Просто всё так неожиданно – награды, лейб-гвардия, конвой. Голова кругом идёт! – пробасил георгиевский кавалер Тур, или Верхотуров Антип. От его ответа у меня отлегло от сердца. Честно говоря, боялся в душе, что после ранения Тур сломается.

– Тогда у вас есть час, чтобы собраться окончательно. Потом прибываете к пристани. Чуть ниже швартуют баржу, на неё заведете и разместите своих коней. Место на пароходе вам покажет старший урядник Тимофеев из Кубанского отдельного взвода. Пока поступаете под его командование. И последнее, – я повернулся к Тимофееву, который передал мне несколько пар погон из большой стопки, которую держал в руках. – Вручаю вам погоны вашего взвода. До присяги привести мундиры в соответствие. Портупей, которые на вас, оставить.

Я прошёлся вместе с Тимофеевым вдоль строя, раздавая погоны Амурского отдельного взвода с вензелем «Н».

– Что скажешь, урядник, с такими портупеями покрасивей форма будет? – я указал на казачат-казаков, которые щеголяли в офицерских

портупелях тысяча девятьсот двенадцатого года, которые пошили ещё два года назад.

– Красиво смотрится, ваше благородие, – степенно ответил урядник. – Надо какое-то отличие для лейб-гвардейских казачьих взводов Приамурья и Забайкалья ввести. А портупели ладные.

Я посмотрел на своих бывших учеников, которые с восторгом рассматривали врученные погоны, и скомандовал:

– Господа казаки, равняйся. Смирно. Через час с конями и вооружением находитесь на пристани и поступаете в распоряжение старшего урядника Тимофеева. Вольно. Разойдись.

Когда строй рассыпался и казаки начали разбегаться по домам, я подозвал к себе младшего Селевёрстова.

– Ромка, мамке и батьке передай, что после присяги вместе домой подойдём. Пока цесаревич обедать будет, и у нас час времени наберётся, чтобы пообщаться. А то в следующий раз когда в станицу попадём – неизвестно.

– Слушаюсь, ваше благородие, – попытался принять стойку смирно и отдать честь Ромка, но получив от меня подзатыльник, резво развернулся и побежал к дому.

– Этот рыжий, с оторванной мочкой, кем вам приходится, ваше благородие? – поинтересовался урядник, а второй конвойный вопросительно насторожил уши.

– Брательник названный. Когда моих родителей хунхузы убили, а потом дед умер, Ромкины отец и мать меня к себе в семью взяли. Три года, можно сказать, у них прожил, – ответил я.

– Так вы, ваше благородие, отсюда родом?!

– Да, отсюда. В двух верстах хутор стоял, где я родился и вырос. Спалили его хунхузы, когда на цесаревича и на станичников напали два года назад. Где-то в станице должен дом стоять, который мне за счёт казны построили. Но где, даже и не знаю. А смотреть некогда. На кладбище сходить могилам поклониться да с дядькой Петром и тёткой Ольгой успеть бы повидаться, поговорить.

– Да... Служба в конвое, она такая, – растягивая слова, задумчиво произнёс Тимофеев. – Нас вон аж на край земли отправили. Где Кубань родная, и где Дальний Восток.

– Ничего, урядник, зато сколько всего уже увидел и увидишь ещё.

– Так-то оно так, ваше благородие. Но в родном краю служить-то слаще. Вы вона аж весь светитесь от радости. Дома... А мы теперь когда родные куреня увидим – неизвестно. А я-то второй уже сверхсрок тяну. Семь лет уже дома не был.

– А зачем в отдельный взвод напросился? Насколько я знаю, дело добровольным было. Кандидатов по станицам выбирали.

– Да брат мой самый меньший да племяш во взвод попали. Приглядеть за ними надо. Опыт передать.

– Опыт это дело хорошее. Учить будем настоящим образом.

– Это я уже понял, ваше благородие, – усмехнулся урядник.

А второй кубанец грустно произнёс:

– От вашей учёбы, ваше благородие, не только мышцы, даже жилы и кости болят.

– Выше нос, лейб-гвардия. Как говорится, лучше ведро пота слить, чем каплю крови потерять. Ладно, шутки в сторону. Тимофеев, через час встречаешь казаков из Амурского взвода, размещаешь их с вещами на пароходе сопровождения. Тот уже ниже пристал к берегу. А потом ведёшь их строем к церкви. Там они присягу принимать будут.

– Слушаюсь, ваше благородие. Разрешите выполнять.

– Выполняй, Тимофеев. Выполняй.

Урядник и казак-конвонец осуществили поворот кругом и направились к берегу, а я, развернувшись, направился к церкви, где начинался молебен.

В церковь попасть не удалось, так как на подходе был перехвачен стариками казаками. Пусть и не старейшины, но не ответить на их вопросы я из уважения не мог. Вокруг нас тут же собралась толпа, которая, затаив дыхание, слушала мой рассказ об учёбе в Иркутске, бунте каторжан. О том, что видел по дороге в столицу, о награждении меня Александром III, о совместном распитии чая с царской семьёй. Вокруг казаки и казачки только вздыхали и ахали. Спрашивали, как выглядит государь, императрица, их дети. Позавидовали, что я целых две ночи спал в царском дворце.

В общем, незапланированная встреча со станичниками прошла плодотворно и быстро. Не успел я опомниться, как начал звонить колокол, возвещая об окончании молебна. Я вырвался из круга станичников, точнее они быстро и с почтением уступили мне дорогу, и подошёл к крыльцу церкви. Через несколько минут из церкви

показались кубанцы, которые в коробочке сопровождали цесаревича. Восторженный рёв толпы. Николай, приветствующий казаков и казачек.

Цесаревич спустился с крыльца и обратился ко мне.

– Тимофей Васильевич, к присяге всё готово?

«Вот это я попал, – пронеслось у меня в голове. – Заболтался со станичниками на радостях и счёт времени потерял».

Я уже хотел дать ответ «нет», но начиная поворачивать голову, чтобы отрицательно ею покачать, краем глаза увидел накрытый стол. Довернув голову дальше, обнаружил двушереножный строй казачат в новеньких погонах, на которых в лучах солнца поблескивали вензеля.

– Так точно, ваше императорское высочество, – переведа дух, ответил я, повернувшись лицом к Николаю.

– Что же, не будем терять время. Приступим.

Присяга моих бывших учеников, а теперь подчинённых прошла в торжественной обстановке. Я, не пользуясь текстом, наизусть произносил её слова, которые повторяли за мной казачата. Протоиерей Ташлыков с отеческой улыбкой взирал на нас. А на площади перед церковью стояла звенящая тишина, в которой был слышен только хор наших голосов. Текст присяги произнесен. Батюшка Александр благословил новоиспеченных казаков лейб-гвардейцев. И площадь взорвалась радостными криками, под которые цесаревич прошёлся мимо перестроившихся в одношереножный строй казаков, пожимая каждому руку.

После этого Николай с ближайшей свитой направились в трактир к Савину, где был накрыт торжественный обед, а я с Ромкой, дождавшись, когда казачат поздравят все желающие, направился сначала на кладбище. Надо было отдать поклон могилам родителей, деда Афанасия. Потом чуть ли не бегом на пароход, чтобы забрать подарки для Селевёрстовых. А заодно поздороваться со своим Беркутом, которого Ромка вместе с другими лошадьми казачат уже загнал на баржу. Пётр Никодимович с женой после окончания присяги быстро ушли. Видимо, готовили встречу. Один же час, свободный от службы, с разрешения цесаревича, у меня был. Но надо было поторапливаться. Час – он не резиновый.

Войдя впереди Ромки из сеней в дом, я увидел дядьку Петро в парадном мундире и нарядно одетую тётку Ольгу. В каком-то

напряжении они смотрели на меня.

– Дядька Петро, тётка Ольга, вы что застыли как не родные! – с этими словами я обнял и расцеловал Селевёрстова, а потом его жену.

– Господи боже ты мой, Тимофей, каким ты гарным казаком стал, – тётка Ольга вытерла кончиком платка слёзы из глаз. – Хорунжий, офицерский Егорий и две медали за храбрость. Жалко-то как, что Катерина да Василий тебя не могут увидеть. А уж как бы дядька Афанасий был рад!

– Оставь свои причитания, – вступил в разговор Пётр Никодимович. – Проходите, Тимофей Васильевич, в горницу, к столу.

– Дядька Петро, да какой Тимофей Васильевич, – проговорил я, положив на полку вешалки папаху и снимая португеею с шашкой. – Для вас я как был Тимохой, ну ладно, Тимофеем, вырос всё-таки. Так им и остаюсь.

– Извините, Тимофей Васильевич, я как любил тебя как сына, так и люблю, – Селевёрстов в волнении провел рукой по усам. – Но теперь буду обращаться к тебе только так. Из-за большого уважения. И не спорь со мной, Тимофей Васильевич.

– Дядько Петро, ну ладно на людях, дома-то зачем? – я повесил шашку и повернулся к Селевёрстову.

– Проходи, не спорь с ним, Тимофей. Чай не забыл его упрямство. А сейчас, чем старше становится, тем упрямее, – тётка Ольга подошла ко мне и погладила мой погон. – Никак не могу поверить, что это ты, Тимофей. Надо же, офицер. Ты хоть и написал в письме, что закончил училище и стал хорунжим, но как-то в это не верилось. Год только прошёл. А потом от тебя вестей почитай полгода как не было.

Под эти слова я, придерживаемый за руку тёткой Ольгой, двинулся к горнице. За моей спиной в комнату вошёл Ромка, затащив за собой большой баул с подарками.

– А это что такое, Тимофей Васильевич? – поинтересовался Селевёрстов, указывая на здоровенную сумку.

– Там подарки, – сказал я, входя в горницу, где вокруг обильно накрытого стола собралось всё семейство Селевёрстовых, за исключением Анфисы и её мужа Семёна Савина.

Возникла некая пауза. Степан и Никифор стояли и смотрели на меня, приняв подобие строевой стойки смиренно, а их жёны, теребя в руках платочки, как-то настороженно и выжидающе вглядывались в

меня. Дети тоже зыркали с любопытством. Я же смотрел на них и не знал, как себя вести. Два года назад, перед отъездом в училище, старшего сына Степана я называл дядькой. Тот был старше меня на тринадцать лет. А теперь я для него его благододие.

– Дорогие мои названные родственники, прежде чем сесть за стол, позвольте вручить всем подарки, – я приобнял тётку Ольгу. – Ромка, где ты там! Неси баул сюда.

В горницу вошёл раскрасневшийся Ромка и со стуком положил сумку на пол. Я склонился над этим чудом чемодано-сумочного строения и, раскрыв его, достал первый подарок для главы семьи. Дядьке Петро, Степану, Никифору и Семёну я привёз казачьи винтовки Мосина и по сто патронов к каждой. Получив в руки такие игрушки, большие дети тут же защелкали затворами, начали вскидывать винтовки к плечу, целиться.

– Хороша, ох как хороша! – довольный старший Селевёрстов ещё раз вскинул мосинку к плечу и прицелился. Потом опустил винтовку и приставил её к ноге. – Спасибо тебе, Тимофей Васильевич, за такой царский подарок. Слышать-то слышали, что на вооружение поступили хорошие пятизарядные казачьи винтовки, но видеть ещё не приходилось. Тем более в руках подержать.

Под одобрительные выражения Никифора и Степана я достал из баула четвёртую винтовку и протянул её Петру Никодимовичу со словами: «Это для Семёна».

– Жирновато для него будет, – помрачнел лицом старший Селевёрстов.

– Дядька Петро, тогда на ваше усмотрение, – я поставил винтовку к стене, а потом достал из баула деревянную коробку и положил её на стол. – Приступим к подаркам для женщин.

Раскрыв коробку, я стал доставать из неё небольшие футляры, обтянутые бархатом, и вручать женской половине семьи Селевёрстовых. Первой открыла футляр тётка Ольга и ахнула. Внутри лежали золотые серьги, кулон с цепочкой с красными агатами.

– Красота-то какая! – женская глава дома Селевёрстовых достала одну сережку из футляра, восторженно рассматривая её на солнечном свете. – Тимофей, мальчик мой, это какие же деньжища-то потратил.

За тёткой Ольгой восхищённо запищали снохи Ульяна и Елена. Я достал из коробки ещё два футляра поменьше и вручил их двум

дочкам-погодкам, трех и четырех лет, у Никифора и Елены. Мать сразу перенацелилась на подарки дочек. Взяв у старшей футляр, открыла его и, изумленно вскрикнув, произнесла:

– Тимофей Васильевич, разве можно такое детям дарить! Эти серьги такие же, как у меня.

– Пускай с детства растут красавицами, – ответил я и выложил на стол последний футляр. – Это для Анфисы.

Вновь склонившись к баулу, достал из него черкесский кинжал, рукоять и ножны которого были украшены серебром.

– Иван, – позвал я старшего семилетнего сына Степана и Ульяны. – Тебя в казачата приняли?

– Приняли, ваше благородие, – блестя глазёнками, ответил мне названный племянник.

– Тогда это тебе, – я вручил кинжал пацанёнку. – И зови меня дядька Тимофей. Хорошо?!

Дождался ответного кивка мальчика, после чего достал из баула хороший охотничий нож в кожаных ножнах и позвал к себе четырехлетнего младшего Степаныча, который испуганно смотрел на меня, спрятавшись за подол мамкиного платья. Получив нож, малой насупленно посмотрел на меня и спросил:

– А чё это Ваньке кинжал, а мне тока нож?

– Вот примут тебя в казачата, и тебе кинжал подарю.

– Не обманешь, дядька?

– Не обману, – я потрепал мальчика по вихрастой голове. – Слово офицера.

Наконец достал из баула последний подарок.

– Дядька Петро, этот кинжал для Ивана, сына Анфисы. Его мне цесаревич вручил, чтобы на зубок положить племяшу. А этот нож от меня. Самому вручить не получилось. А когда ещё раз в станицу попаду, неизвестно, – с этими словами передал кинжал и нож Петру Никодимовичу.

Тут с вопросом влез Иван свет Степанович.

– Дядька Тимофей, а почему Ромке ничего не подарил?

– Все подарки для Ромки на пароходе. А главный подарок перед вами – целый лейб-гвардеец с золотой медалью «За храбрость». Так что теперь за стол, с вашего позволения, дядька Петро. И надо это дело

хорошенько обмыть, – я достал часы, открыл крышку. – Хотя времени нам с Ромкой на это осталось пятнадцать минут.

Все засуетились и стали усаживаться за стол, пристраивая свои подарки на свободные места, кроме винтовок, естественно. Те аккуратно составили в один угол. Быстро разлили по стаканам и стопкам. Я себе и Ромке позволил налить только небольшие стопки наливки, на которую была мастерица тётка Ольга. Выпили сначала за меня, потом за Ромку. Дальше мы с новоиспечённым гвардейцем пить больше не стали, а только кушали. За столом народ как-то расслабился, пошли рассказы о том, что в станице случилось за то время, пока меня не было. Каких-либо глобальных изменений не произошло. Слава богу, никто не умер. Зато родилось больше десятка малышей. Все живы. Школа моя жива и процветает. По полосе препятствий вовсю гоняют не только казачат, но и малолеток. Новости все радовали, но время летело быстрее, чем можно было рассказать хотя бы основное.

Через пятнадцать минут я с сожалением поднялся из-за стола. За мной встали и все остальные. Вышли на улицу во двор. Встали с Ромкой перед Петром Никодимовичем, который держал в руках икону Божьей Матери, а за ним выстроилась вся семья Селевёрстовых.

– Тимофей Васильевич, три с половиной года назад я впервые сказал тебе спасибо за воспитание сына. Это когда вы вдвоём семерых казаков-малолеток на гулянке побили. Тогда я и помыслить не мог, что один из стоявших передо мной сынов, а я тебя по-другому не воспринимал, как взял в семью, в девятнадцать лет станет хорунжим – первым офицером из казаков Черняевского округа. Мало того, и первым Георгиевским кавалером в округе. А второй сын в восемнадцать лет будет награждён золотой медалью «За храбрость», станет лейб-гвардейцем и будет охранять наследника престола! – Селевёрстов замолчал, переводя дух.

В этот момент всхлипнула тётка Ольга, но дядька Петро цыкнул на неё и продолжил:

– Тимофей Васильевич, ты добился того, чего ещё не достигал ни один казак в Амурском войске. Я почему-то теперь уверен, что быть тебе казачьим полковником и даже генералом. Только не забывай о своих корнях, о своей станице, – Селеверстов снова сделал паузу, а я ей воспользовался.

– Не забуду, дядька Петро.

– Вот и хорошо, – Пётр Никодимович перекрестил меня иконой, а я, наложив на себя крест, поцеловал её.

– А тебе, Селеверстов Роман Петрович, хочу пожелать нести службу достойно, не уронить чести нашей семьи.

– Клянусь в этом, батя, – Ромка широко перекрестился и поцеловал лик Божьей Матери.

Селевёрстов еще раз перекрестил меня и Ромку.

– Идите и служите, – после чего отвернулся, пытаясь скрыть слёзы.

Тут с рыданиями Ромку обняла мать. Вперёд выдвинулись старшие братья. Прощание несколько затянулось. Но через пять минут мы наконец-то вышли со двора и направились к трактиру, где продолжался обед цесаревича.

Глава 2

Старые друзья

После отплытия из Черняева на вторые сутки рано утром пришли в поселение Ушакова, в котором осуществили небольшую по времени остановку. По окончании встречи цесаревича и жителей я отпросился у Николая и Головачева до станицы Буссе на пароход-конвоир. Получив разрешение, наконец-то пообщался со своими братьями. Если кратко обобщить полученную первую информацию, то казачья школа в Черняева в большом авторитете среди станичников Приамурья. По похожей программе боевой подготовки стали обучать казаков-малолеток на сборах. От мальков отбоя нет. Приходится устраивать конкурс и отбирать лучших.

По зиме первый десяток два года подряд ходил в охрану обозов торгового дома «Чурин и К^о». В этом году теперь пойдет второй десяток, если купец Касьянов согласится на такую замену. Старшие-то теперь в конвое у самого цесаревича. Знахарка Марфа чего-то там придумала по медицинской части и дошла до генерал-губернатора Корфа, а тот её за казённый кошт отправил то ли в Иркутск, то ли в Томск к профессорам.

От Ромки узнал, какая кошка пробежала между семействами Савиных и Селевёрстовых. Если сначала жизнь у Семёна и Анфисы складывалась нормально, в любви и согласии, то потом начались трения между свекровкой и снохой. Основным упрёком было долгое отсутствие детей, плюс не нравилась независимость Анфисы. Если Семён сначала был на стороне жены, то потом перешёл на сторону матери. Один раз даже попытался поколотить Анфису, но та дала такой отпор, что Сёмка неделю на улице не показывался, пока синяки с лица не сошли. Это также не пошло на пользу для молодого семейства. Даже рождение ребёнка не привело к налаживанию отношений. Селевёрстовы, понятно, во всём поддерживали дочь и обвиняли во всех бедах Семёна, который не смог себя поставить в семье настоящим казаком-мужем. Такая вот грустная история.

Не обошлось и без моих рассказов об учебе в училище, поездке в Санкт-Петербург, награждении, усадьбе и новой службе. Довёл до казачат, что Конвой Его Императорского Высочества будет состоять из

четырёх взводов: кубанского, забайкальского, амурского и уссурийского. Кубанцы и забайкальцы уже следуют с цесаревичем. Но охрану несут в основном кубанцы, так как имеют опыт такой службы. Амурцы присоединятся в Благовещенске, а уссурийцы – в Хабаровке. Офицеров в конвое будет шесть человек. Командир сотни подъесаул Головачев, за забайкальцев отвечает сотник Шадрин, за кубанцев – сотник Сердюк. Кто будет от амурских и уссурийских казаков, пока не знаю.

– А ты, Ермак, за что в конвое отвечаешь? – спросил меня Ромка, когда мы вели беседу, расположившись вдоль борта у колеса на корме парохода.

Из-за того, что там всюду дымила труба, в этом месте мало кто располагался из пассажиров судна. А нам надо было поговорить без лишних ушей и в простой обстановке. Колесо шлёпало по воде, заглушая наш разговор, а мы общались как раньше. Постепенно шок от того, что я стал его благородием, у ребят проходил, и с моего разрешения они опять стали звать меня моим боевым прозвищем. Но только один на один.

– А я, Лис, отвечаю в конвое за боевую подготовку казаков, особенно личников цесаревича, и за работу секретных агентов, – ответил я.

– А кто такие личники и секретные агенты? – этот вопрос задал уже Пётр Данилов.

– Дан, существует открытая или даже демонстративная охрана. К такой охране относятся конвойцы. А есть скрытая. Её осуществляют секретные агенты, которые одеты как обычные обыватели и осуществляют охрану в толпе.

– И чего, у нас в станице тоже такие секретные агенты были?

– Были, Дан, были. В Ушакова тоже были. И завтра в Буссе будут. А потом в Благовещенске.

– Вот это да! Здорово! – восхищенно произнёс Леший. – Это тебе не в лесу спрятаться. А личники-то кто, Ермак?

– Это те, Леший, кто непосредственно рядом с цесаревичем находятся. Ты заметил, что у нас в станице и в Ушакова государя наследника всегда четыре кубанца охраняли, беря его в коробочку со всех четырёх сторон. Вот они и есть личники. Их основная задача –

уберечь цесаревича от любых покушений на него, даже ценой собственной жизни.

– И мы тоже личниками будем? – с восторженным придыханием спросил Ромка.

– Имею такие планы, братья, на вас. И по секретной части помогать будете.

Все ребята оживлённо загудели. А я смотрел на них и думал о том, что мою фразу защищать ценой своей жизни они не пропустили мимо ушей. Просто казачата-казаки к этому готовы и, если надо, действительно отдадут свои жизни за будущего императора.

– А когда, Ермак, учить нас начнёшь? – это спросил немногословный Тур.

И его вопрос понравился мне больше всего. С кубанцами и забайкальцами были большие проблемы в этом вопросе. Учиться у сопляка им не хотелось. Больше восьмидесяти процентов казаков в этих взводах были прошедшие огонь, воду и медные трубы. То, что я пытался до них донести, воспринимали если не в штыки, то очень к этому близко. Не для казака все эти премудрости. Они сами с усами. Кого надо, заламают хоть голыми руками. А если что – верная шашка под рукой. Поэтому основную ставку на кандидатов в личники и ребят в секретную часть делал на молодежь. А пока всё шло со скрипом. Только мои награды да хорошее отношение со стороны цесаревича и спасали поначалу. Сейчас стало полегче. Потихоньку стал завоевывать авторитет.

– Сейчас и начнём, – краем глаза я увидел старшего урядника Тимофеева, который направлялся в нашу сторону.

– Ваше благородие, – обратился ко мне урядник, – как приказывали, револьверы и чушки, ну пистолетники распаковали. Всё готово.

– Молодец, Тимофеев.

– Рад стараться, ваше благородие.

– Селевёрстов и остальные в колонну по одному следуем за мной, – отдав команду, повернулся к уряднику. – Веди, Тимофеев.

Урядник быстро довёл меня до каюты на первой палубе, которая использовалась как небольшой склад вооружения для конвоя. Зайдя в неё, я увидел разложенные на единственном столе укороченные револьверы системы Смита-Вессона в количестве десяти штук, а

рядом на полу лежали двадцать штук кобур. Десять для открытого ношения и десять для скрытого.

Стоящий у стола старший урядник из забайкальцев, фамилии которого еще не запомнил, спросил:

– Ваше благородие, будем выдавать?

– Будем, но сначала объясню казакам, что это такое, как пользоваться, и потом будешь выдавать, да и патронов на каждого по тридцать штук не забудь, – сказав это, взял со стола один револьвер, а с пола поднял две разные кобуры.

Выйдя из каюты, отдал кобуру для скрытого ношения Тимофееву, а сам развернулся к десятку, который выстроился вдоль борта.

– Внимание, казаки! Все личники будут вооружены револьверами системы Смита-Вессона в полицейском исполнении. Для их открытого ношения будете пользоваться данной кобурой.

Я показал казакам сделанную по моим эскизам открытую поясную кобуру для револьвера в стиле «а-ля американский коп». Сформированный под оружие кожаный чехол, фиксация револьвера ремешком под курком, удобное ношение за счет крепления на поясе с любой стороны и под любую руку.

За эти револьверы и кобуры пришлось выдержать нешуточный бой с полковником Ширинкиным и главным начальником охраны его императорского величества генералом Петром Александровичем Черевиным. Если по вооружению секретных агентов они были согласны, то дать казакам конвоя револьверы не хотели ни в какую. Это оружие офицеров. Только устроенное на полигоне показательное соревнование между секретными агентами и казаками конвоя смогло переломить их мнение.

Результатом этой показухи стал полный проигрыш кубанцев со стандартным вооружением конвоя агентам, вооруженным револьверами. Даже ввосемьмером они условно не смогли защитить охраняемое лицо от нападения двух сотрудников секретной охраны. При этом казаки конвоя «гибли», не успев применить оружия. Даже один из офицеров первой кубанской сотни, присутствовавший на этих соревнованиях, не успел достать из своей шикарной кобуры стандартный русский «смит-вессон». Да и шнур, который крепился к рукояти револьвера, а потом к шее сотника, несколько мешал офицеру условно вести прицельный огонь по нападавшим.

А когда я и ещё один агент, которому очень понравился показ стрельбы по-македонски, и мы с ним хорошо потренировались, стреляя с двух рук, за девять секунд поразили двадцать четыре мишени, вопрос о необходимости вооружения казаков конвоя револьверами как бы решился, но не до конца. Черевиным было принято соломоново решение: все тридцать секретных агентов, приданных Конвою Его Императорского Величества, будут вооружены револьверами, даже двумя. А вот из казаков вооружены будут только личники – тридцать два человека, по восемь казаков из каждого взвода. Вот и получили на вооружение конвоя сто револьверов и по триста патронов на ствол. Каждый патрон пришлось выгрызть у Ширинкина с боем. А ещё сто кобур, из которых пятьдесят для открытого ношения и пятьдесят для скрытого. Понять логику, по которой было выдано такое количество чехлов для оружия, так и не смог. Скрытно револьверы должны были носить тридцать агентов. Если им выдают по два револьвера, то надо шестьдесят кобур скрытого ношения, если только один, то надо тридцать. А для открытого ношения необходимо всего тридцать две ольстры. Такая вот интендантская математика.

Данные воспоминания пролетели у меня в голове, пока я, подозревая Ромку, прилаживал у него на пояском ремне кобуру. Потом на нём же показал, как крепится наплечная для скрытого ношения. После этого дал команду десятку получить оружие и снаряжение. Через пятнадцать минут всем прибыть на бак судна в форме для тренировки, с поясной кобурой и револьвером. Проконтролировав получение под роспись нового для братьев вооружения, направился в свою каюту, чтобы также переодеться для занятий. Не в парадной же форме по палубе кататься.

Через указанное время на баке передо мной стояла коробка три на три человека и Ромка, расположившийся на правом фланге. «А вот это проблема, – подумал я, глядя на привычный для наших первых занятий ещё четыре года назад строй. – Они же у меня на тройки разбиты. И сработались уже в них так, что понимают друг друга на подсознании. Ладно, что-нибудь позже придумаем».

– Господа казаки! Сегодня вы получили новое оружие – револьвер системы Смита-Вессона малой русской модели тридцать восьмого калибра, как говорят американцы, или три и восемь линии, как говорят у нас. Данное оружие выпущено небольшой партией для Конвоя Его Императорского Высочества, в котором вы теперь несёте службу, – я

сделал небольшую паузу, оглядывая десяток, а потом продолжил: – Револьвер на двадцать пять лотов легче и на два дюйма и три линии короче русского «смит-вессона», который на четыре и две линии. Самовзводный. Патроны на бездымном порохе. Так как их не очень много выдано, в большей степени будем тренироваться вхолостую, сухую.

– Ага, в сухую! Опять семь потов сойдет, – тихо прошептал Сыч, то есть Савин Евгений, младший брат мужа Анфисы, но я его услышал.

– Казак Савин! – рявкнул я. – Если раньше с вас всех семь потов сходило, то теперь дюжина, а то и больше сходить будет. Вы теперь не только сами в живых остаться должны, но самое главное – сохранить жизнь государя наследника. Тебе это понятно, Евгений?

– Так точно, ваше благородие!

– А остальным?

– Так точно, ваше благородие!

– Вот и отлично. Продолжу. На тридцати – сорока шагах данный револьвер несколько не уступает офицерскому револьверу. Ну а дальше личников расстояние как бы не особо должно волновать. Это уже забота других колец охраны. Вы последний рубеж, и вас не должны пройти. А чтобы не произошло такой беды – придётся многому учиться. Сегодня первое занятие будет посвящено новому оружию и первым азам работы с ним. До Благовещенска будете заниматься по шесть-восемь часов тем, что я вам сегодня покажу. А по приезде в город, где у нас будет длительная остановка, начнём изучать тактику действия личников в различных ситуациях.

– Вашбродь, дозволейте вопрос? – несколько наглово обратился ко мне старший урядник из забайкальских казаков, которых человек десять подошли к крайней каюте на носу, чтобы понаблюдать за занятием.

– Задавайте, урядник, – ответил я, заранее готовясь к какой-то каверзе. С забайкальским взводом казаков мне ещё не приходилось плотно общаться. Присоединившийся в Иркутске, данный взвод был пока на вторых ролях в охране цесаревича, которую несли кубанцы.

– А что это за таки... тактика такая? И какие ситуации? Охраняй, и всё, – урядник победно огляделся вокруг.

– Государь наследник будет совершать поездки, как сейчас на пароходе или корабле, следовать верхом, на коляске или ходить

пешком, – начал я ответ. – Вы должны будете его охранять в это время. Защищать, когда он будет дома, в рабочем кабинете, в присутственном месте, во время приёмов, встреч с народом, балов. Должны будете быть готовы спасти цесаревича во время урагана, наводнения. При нападении бандитов. Для всех этих условий имеются определённые действия, которые надо выучить так, чтобы их делать не задумываясь.

– Что же, вашбродь, по-вашему выходит, что мы ничего не умеем? Так, что ли? – с усмешкой спросил ещё один урядник, стоящий рядом с задавшим первый вопрос казаком.

– Что-то, как хорошие казаки, умеете, иначе вас бы в конвой государя наследника не взяли бы. Но! Как телохранители вы пока не обучены. Если не верите, давайте проведём небольшую учёбу. Вы урядники, так как стоите впереди, первая пара личников охраны цесаревича. Стоящий за вами казак станет государем наследником, которого вы охраняете. А ещё два казака за ним – вторая пара личников, – я указал рукой на трёх казаков. – Очень хорошо, что вы с винтовками. Судя по всему, сотник Шадрин своё дело знает. Итак, вы готовы?

Оба урядника, усмехаясь, посмотрели мне в глаза, а потом мотнули головой в согласии. Не дожидаясь кивков остальных казаков, я выхватил из кобуры револьвер, взвёл курок и навёл его между урядниками, при этом заорал, надрывая связки, пытаюсь психологически задавить условных противников:

– Оружие на палубу, су...! Быстро! Стреляю... – выстрел перед ногами казаков, а дальше пошёл малый петровский загиб вперемешку с требованием бросить оружие.

Ошалевшие от выстрела и такого напора казаки застыли столбом, потом казак, который должен был изображать цесаревича, со стуком уронил свою винтовку на палубу, за ним бросили винтовки остальные. Я убрал револьвер в кобуру, а потом, изобразив правой рукой пистолет, выстрелил пять раз. Паф, паф, паф, паф, паф, переводя палец с одного казака на другого.

– Итак, господа казаки, – спокойно продолжил я. – Конвой убит, цесаревич тоже. Вы свою задачу, господа, проср... провалили, потому что к ней не готовы.

– Сняголов дурной, – произнёс первый из разговорившихся урядников и, сняв папаху, вытер ею вспотевшее лицо. – Нам говорили,

что окаём, но чтобы такой...

– Что-то не устраивает, урядник?

– Ваше благородие, да не будет никогда офицер в государя наследника стрелять, – заговорил второй урядник, также вытирая лицо папашой. – Ни в жизнь такого не будет.

– Будет или не будет, об этом поговорим позже. Надо до вас всех кое-какую информацию довести, чтобы шоры с ваших глаз упали...

В это время, расталкивая казаков, на бак парохода пробился сотник Шадрин, который в последний момент чуть не упал, споткнувшись о винтовку, валяющуюся на палубе.

– Что здесь происходит, хорунжий? Что за выстрел?

– Господин сотник, я попытался на практике доказать казакам забайкальского взвода, что нести службу как личная охрана цесаревича, несмотря на все свои умения, они ещё не готовы.

– Тимофей Васильевич, а для этого обязательно надо было стрелять?

– Думаю, Михаил Петрович, после сегодняшней демонстрации нам будет легче найти общий язык со станичниками. Не так ли, урядник?

– Так точно, ваше благородие. Старший урядник Лагунов, – натянув папашу на голову, казак вытянулся во фрунт.

– Оружие подберите, господа казаки. Если хотите посмотреть занятие дальше, то разойдитесь по борту. Тем более, восемь казаков из вашего взвода скоро получат такие же револьверы и будут заниматься по такой же схеме. Проведению занятий не мешать, не прерывать. Каждые двадцать минут буду делать перерывы, во время которых можно будет задавать вопросы. Всем понятно?

– Так точно, – дружно рявкнули в ответ и забайкальцы, и мой десяток.

После этого казаки, подобрав с палубы винтовки, быстро стали выстраиваться вдоль борта, и количество их после выстрела выросло почти до двадцати человек.

– Ловко вы их, Тимофей Васильевич! Они ваши команды теперь быстрее моих выполняют. А я-то сначала подумал, что бунт казаки творят. А вы, оказывается, с ними занятие такое интересное провели.

– Михаил Петрович, подскажите, а что означают слова «сняголов» и «окаём»? Впервые слышу, – задавая вопрос, я отвел сотника в сторону, чтобы нас не слышали казаки.

Из объяснения сотника я понял, что на старославянском сняголов – это сорвиголова, лихой головорез, а окаём – полный отморозок по понятиям девяностых годов моего мира. В общем, по мнению сотника именно такие и становились лихими атаманами да князьями в ушедших веках.

Нашу беседу с Шадриным прервал какой-то гражданский тип, закутанный в теплый халат длиной до пола.

– Господин сотник, не соизволите ли сообщить, что здесь происходит? Почему такой шум? Немедленно прекратите его и стрельбу!

«А это что за хрен с бугра?» – успел подумать я про себя, прежде чем Шадрин заговорил.

– Сотник Шадрин. Сударь, представьтесь. С кем имею честь разговаривать?

– Надворный советник Лихачев Алексей Александрович. Следую в Хабаровку в канцелярию наместника Дальнего Востока государя наследника цесаревича великого князя Николая Александровича.

Мне показалось, что сейчас этого гражданского подполковника разорвет от спеси и самодовольства. Такого апломба я не видел давно. Если только у того чиновника из Горного управления, который погиб при уничтожении банды Золотого Лю. Ни фамилии, ни звания его я уже не помнил. Но там самомнения было не меньше, если не больше. В общем, мало того что дурак, так еще и в образе, который между тем продолжал вещать.

– Сотник, я требую прекратить этот шум!

– Ваше высокоблагородие, что-то требовать от сотника и меня имеет право цесаревич и, может, ещё человек десять, включая его императорское величество. Перед вами два обер-офицера лейб-гвардии отдельной сотни Собственного Его Императорского Высочества Наследника Государя Цесаревича личного конвоя. Этот пароход выделен для личного состава конвойной сотни, её вооружения и снаряжения. Каким образом вы оказались на данном пароходе? – с каждой фразой я подпускал всё больше и больше металла в свой голос. – Как я думаю, данным вопросом в Благовещенске займутся представители жандармского корпуса.

Ни разу не видел, чтобы человек так быстро преображался. Только что был самодовольный и спесивый индюк, а через мгновение перед

вами воришка, которого поймали за руку. Затравленный и бегающий по сторонам взгляд. Какая-то съезжившаяся фигура. Надворный советник как-то разом стал меньше ростом.

– Господин хорунжий, понимаете, на пароходе, который выделен был для канцелярии его императорского высочества, мне не досталось каюты, которая соответствовала бы моему положению. А на этом пароходе капитан – мой дальний родственник. Вот я с ним и договорился. Я не думал даже, что нарушаю какие-то инструкции и положения, господа.

Лихачев начал потихоньку оживать. Что же, добьем шпака.

– Ваше высокоблагородие, а вы, оказывается, находчивый и решительный человек, – восхищенным голосом заговорил я. – Только вчера цесаревич в моём присутствии вместе с его превосходительством Сергеем Михайловичем Духовским искали предприимчивого, смелого и решительного человека, который бы возглавил гражданскую администрацию острова Сахалин. Желательно в чине надворного советника, чтобы было место для роста. Завтра в станице Буссе я обязательно расскажу о вас его императорскому высочеству.

Алексей Александрович удивил ещё раз. Выражение его лица, фигуры, облика по мере моего повествования опять менялось разительно: ожил, расправил плечи, герой, насторожился, сломался. Прошептав что-то похожее на «честь имею, господа», от нас с сотником уходила сгорбившаяся фигура со старческой шаркающей походкой.

– Да-а... Тимофей Васильевич, умеете вы с людьми разговаривать, что с младшими чинами, что с высокими. Как бы господин Лихачев пулю себе в висок не пустил от такой перспективы, – ухмыляясь, произнёс Шадрин, глядя в спину надворного советника, который уже дошел до лестницы, по которой надо было подниматься на палубу с люксовыми каютами.

– Такие не стреляются, Михаил Петрович, – ответил я, задумчиво наблюдая за Лихачевым. – Давайте поспорим на пачку патронов, что сегодня вечером он придёт ко мне, чтобы вручить взятку или как-то по-другому попытается отблагодарить за несколько изменённую в его пользу информацию для цесаревича.

– И вы примете мзду, Тимофей Васильевич? – удивлённо посмотрел на меня сотник.

– Ну что вы, Михаил Петрович. Додавлю этого мозгляка и заставлю его написать расписку, что он будет работать на секретную часть охраны его императорского величества. Такие обычно стучат как полковые барабаны.

– Что делают, Тимофей Васильевич? – округлил глаза Шадрин.

– Пишут агентурные донесения на всех с такой скоростью, как барабанщик палочками стучит по музыкальному инструменту, который называется барабан.

Сотник захохотал, показав ровные и белоснежные зубы, которым можно было только позавидовать.

– Ну, вы и уморили меня, Тимофей Васильевич. Стучит как барабан, – вытирая выступившие слёзы, произнес Шадрин. – Вы сами придумали такую аналогию?

– Нет, это полковник Ширинкин так выражается. Ещё он говорит – стучит как дятел в ж...

Сотник опять весело рассмеялся, я же, посмотрев назад, увидел ожидавших начало занятий казаков. Пора заканчивать веселье.

– Извините, Тимофей Васильевич, ещё один вопрос. Я пока так и не понял, а каковы ваши обязанности в сотне? На адъютантские не похожи, – уже серьёзно спросил Шадрин.

– Михаил Петрович, охраной его императорского величества командует генерал-лейтенант Черевин, а замом у него полковник Ширинкин, который организует взаимодействие с Министерством внутренних дел, корпусом жандармов, войсковыми подразделениями, руководит секретной службой и всё в таком роде. Вот и я в нашей сотне буду осуществлять такие же обязанности. Плюс боевая подготовка конвойцев и личников.

– Да уж. Не позавидуешь вам, после всего, что я услышал. У нас-то слухи другие ходили – любимчик цесаревича. Спаситель!

– Михаил Петрович, чтобы не было недоразумений между нами. На последней встрече с императором Александр Третий попросил меня сохранить ему сына. Я поклялся ему выполнить эту просьбу. И сделаю для этого всё, что в моих силах.

– Тимофей Васильевич, – Шадрин резко принял стойку смиренно. – *Явам* клянусь приложить все свои силы, чтобы просьба его

императорского величества была выполнена. Можете на меня положиться. Забайкальцев своих в бараний рог скручу. Они любой ваш приказ выполняют. Хотя этого уже не требуется. Мои казаки и так уже ваши.

– Спасибо, Михаил Петрович, – я протянул руку сотнику, который с силой её сжал. – Давайте начинать занятие. Казаки заждались.

– Вы занимайтесь, Тимофей Васильевич, а я пойду, поговорю с капитаном парохода. Вдруг выяснится, что у нас ещё есть неучтённые пассажиры. Я этого надворного советника видел пару раз, но думал, что всё нормально.

– Правильно, Михаил Петрович. Как-то этот вопрос я упустил из виду. Проверьте. Этот пароход выделен только под конвойную службу. Завтра в Буссе на него придут пять человек из секретной части. После Благовещенска разместятся остальные казаки амурского взвода. Возможно, кто-то из сотрудников будущей канцелярии наместника. Но они все пойдут по отдельным, утверждённым цесаревичем спискам.

Проводив взглядом ушедшего сотника, я вернулся к строю моего десятка.

– Немного отвлеклись. Продолжим занятие, – произнёс я, став перед строем казачат.

– Ваше благородие, дозвоьте ещё один вопрос, перед тем как начнёте? – услышал я вопрос за спиной.

Повернувшись кругом, увидел урядника, который был в паре с Лагуновым.

– Урядник?

– Старший урядник Каргин, – казак вытянулся по стойке смирно. – Извиняйте, ваше благородие, но вы сказали, что надо до нас какую-то информацию довести, но сотник Шадрин вас прервал.

– Хотел, но позже. Хотя, – я оглядел внимательно слушавших наш разговор забайкальцев, расположившихся вдоль борта. – Немного расскажу сейчас, чтобы вы все поняли, с чем придётся столкнуться при охране цесаревича.

Казаки застыли, ловя каждое моё слово. Спиной почувствовал, как наострили уши мои казачата.

– Все вы знаете, что в апреле семьдесят девятого года было совершено покушение на государя Александра Освободителя, – начал я. – Отставной коллежский секретарь Соловьёв, а этот чин

соответствует сотнику, три раза прицельно и ещё два раза при задержании выстрелил в царя.

Казачьи возбуждённо загалдели, посыпались пожелания и дальше гореть в геенне огненной отступнику от веры, покушавшемуся на жизнь самодержца российского и царя-батюшки.

– Государя тогда спасло только то, что фельдшер Майман возмущённо окликнул Соловьёва, который шёл к императору, держа руки в карманах пальто, чем привлёк внимание государя, – казаки разом затихли, слушая меня. – Дальше царь-батюшка, несмотря на свой возраст, сумел уклониться от первых двух выстрелов, от третьего его закрыл вахмистр полиции Милошевич, который в партикулярном платье в отдалении сопровождал государя. Четвёртый выстрел Соловьёв сделал после того, как его саблей плашмя по голове ударил штабс-капитан Кох. Пятый выстрел ушёл в воздух, когда на злоумышленника накинулся собравшийся народ. Таким образом, преступник умудрился осуществить выстрелы в самодержца, причем с очень короткой дистанции. И только чудо спасло царя.

Казачьи опять загалдели, как только я сделал паузу.

– Этого могло бы не произойти, если бы охрана более грамотно среагировала на угрозу жизни императора, – я чуть повысил голос, заставляя утихнуть казаков. – И штабс-капитан Кох, и вахмистр Милошевич при первой же угрозе охраняемому лицу должны были сразу же открыть огонь на поражение из револьверов, которые у них были, а не бегать с саблей за преступником и не закрывать царя своим телом.

– Это что же, по своему стрелять? – спросил кто-то из казаков.

– Любой покушающийся на жизнь царственной особы – враг. И он должен быть незамедлительно уничтожен. И не важно, кто это будет – офицер, чиновник или женщина.

– В бабу стрелять? – изумлённо выдохнул урядник Лагунов.

– Лагунов, тебе мало Веры Засулич, которая стреляла в петербургского градоначальника генерал-адъютанта Трепова? Понадобится, придётся стрелять. Поэтому, господа казаки, тем, которые хотят служить в конвое, особенно личником цесаревича, придётся ломать в себе некоторые нравственные устои. И это тяжелее, чем научиться хорошо стрелять или рубить шашкой. Перед вами будет скрытый враг, а не тот, к которому вы готовились. И эта вражина,

чтобы убить цесаревича будет готова бить исподтишка, а если понадобится, то и пожертвует для достижения цели свою жизнь. Поэтому перед тем как записаться в личники, подумайте над тем, что я вам сейчас рассказал.

– А я-то думал, как почётно будет в конвое служить, – тяжело вздохнул один из забайкальцев.

– Это точно, – с не менее тяжелым вздохом поддержал его другой казак.

– Всё, закончили разговор. Следующие вопросы через двадцать минут занятий.

– Ваше благородие, разрешите ещё один вопрос?

– Какой, Лагунов?

– А почему этим малолеткам, пусть и награжденным, вы раньше нас дали револьверы?

– Понимаешь, урядник, с этими казаками я съел не один пуд соли и через многое успел пройти. У каждого из них за плечами есть убитые в бою хунхузы. И обучены они уже многому, – говоря это, я резко развернулся к казачатам, выдёргивая из кобуры револьвер.

Ребята не подвели. Два года без меня бока не пролёживали, а продолжали тренироваться. Строй мгновенно рассыпался. Кто перекатом, кто прыжком, кто кувырком мои братья уходили с линии огня, не мешая друг другу. При этом больше половины успели достать револьверы и, пусть неумело, но нацелиться на меня. Отставшие возились с ремешком кобуры.

– Едрёна-матрёна, – только и смог произнести за моей спиной Лагунов. Остальные забайкальцы стояли с открытыми ртами.

Повернувшись назад к уряднику, я потёр стволом револьвера лоб над переносицей.

– И ещё, Лагунов, они уже научились быть всегда готовы отразить любую опасность, а также знают мои своеобразные шутки.

– Едрёна-матрёна, они все окаёмы и сняголовы... – произнёс урядник, пытаясь вернуть глаза и челюсть на место.

После этой демонстрации умений казачат наконец-то начал занятия. Сначала учились просто выхватывать револьвер из застегнутой кобуры. Потом становиться в тактическую боевую стойку для стрельбы. Заодно показал и стойку Вивера. Дальше пошли упражнения с выходом в стойку после команд: противник слева,

справа, сзади. Стойка для стрельбы с колена, лежа, на боку, в перекате, в движении. Я вместе с десятком выполнял все упражнения. Надо было тренироваться, пока есть такая возможность.

Занятие длилось почти четыре часа, из которых половина ушла на объяснение казакам, включая и мой десяток, зачем всё это нужно. Когда тренировка закончилась, ко мне подошел сотник Шадрин, который смотрел на все эти безобразия часа два.

– Да, Тимофей Васильевич, Сердюк рассказывал мне, как вы гоняете его кубанцев. Но лучше один раз увидеть. Очень интересно и поучительно. Только зачем вы вместе со всеми по палубе кувыркались и всё выполняли так же, как простой казак?

– Михаил Петрович, надо себя в форме держать. Да и личный пример казаков стимулирует.

– Представляю, какие разговоры сегодня будут между моими забайкальцами. Но я вижу, что вам надо привести себя в порядок. Жду вас на ужин.

После ужина, где с Шадринным обсудили текущие дела, состоялась встреча с Лихачевым. Разговор был непростым, но закончился тем, что надворный советник дал расписку о сотрудничестве и выбрал псевдоним «Артист». А мне так хотелось обозвать его «Козёл», но, как говорится, дерьмо-то оно дерьмо, но наше дерьмо. Будем и с таким работать. Перед сном подвёл итоги дня и остался ими доволен. Пообщался от души с братьями, неплохо потренировался, с командиром забайкальцев и ими самими наладил хорошие рабочие взаимоотношения. Получил первого агента своей секретной службы. Каждый бы день так. С этими мыслями провалился в сон, надеясь увидеть в нём свою Анну-Светлану.

Глава 3

Коммерция

– Дорогой Тимофей Васильевич, как я рад вашему посещению моего дома, – Александр Васильевич Касьянов, как всегда похожий больше на английского аристократа, чем на купца, шёл мне навстречу с радостной улыбкой на лице. – Вы позволите по русскому обычаю?

После этих слов Александр Васильевич, обняв меня, расцеловал три раза.

– Как вы возмужали, Тимофей Васильевич, с момента нашей последней встречи. Настоящий боевой офицер, отмеченный высокими наградами, – Касьянов, сделав шаг назад, с какой-то отцовской любовью во взгляде рассматривал меня. – Прав я был, когда предрекал вам великое будущее. Почти четыре года назад молодой, но неординарный казачок, сейчас хорунжий и Георгиевский кавалер. Надеюсь дожить до того момента, когда буду обращаться к вам, Тимофей Васильевич, – ваше превосходительство.

– Александр Васильевич, не смущайте меня комплиментами, как девицу. И я тоже очень рад вас видеть.

– Всё, умолкаю, и давайте пройдем за стол. Надеюсь, не забыли, что в это время я обычно завтракаю.

– Прекрасно помню, Александр Васильевич, – ответил я, увлекаемый купцом по коридору в сторону гостиной. – Поэтому и прибыл без приглашения к этому времени, надеюсь застать вас дома.

– Очень этому рад, Тимофей Васильевич. Признаться, когда два дня назад при встрече государя наследника увидел молодого хорунжего в его окружении, сам хотел искать встречи с вами. Но, слава богу, вы опередили меня.

Под эти слова мы вошли в гостиную, где всё те же горничные, что и почти четыре года назад, сервировали стол. Потом был прекрасный, как всегда, завтрак, во время которого я рассказал о тех событиях, которые произошли со мной за это время. Завтрак закончился. Касьянов, плеснув в бокал немного коньяку, закурил сигару. Я же, налив в небольшую емкость вишневого ликёра, смочил в нём губы, наслаждаясь прекрасным вкусом.

– Итак, Тимофей Васильевич, внимательно слушаю вас, – купец с серьёзным выражением лица смотрел на меня.

– Александр Васильевич, как я уже сказал, я являюсь одним из обер-офицеров конвойной сотни его императорского высочества. Добавлю только, что отвечаю за деятельность секретной охраны государя наследника. Вот о некотором сотрудничестве с вами в этом направлении мне и хотелось поговорить.

Касьянов, чопорно поджав губы, с каким-то сожалением посмотрел на меня.

– Тимофей Васильевич, уж не вербовать ли меня в сексоты пришли? Признаться, не ожидал. Да и мундир на вас тогда другой должен быть, – купец сожалеюще покачал головой, а глаза его зло блеснули.

– Ну что вы, Александр Васильевич! Как вы только могли такое подумать обо мне?! Вербовать одного из экономических столпов на Дальнем Востоке. Окститесь! – я развёл руки в стороны, показывая своё возмущение. – Нет, я пришёл поговорить о возможности небольшой коммерции между вами и мной.

– И что же это за коммерция? – спросил купец, но заинтересованности в его глазах я не увидел. Там поселился лёд.

– О, коммерции, очень выгодной обеим сторонам. Как вы думаете, какой товар самый дорогой в торговле и приносящий наибольшие дивиденды, Александр Васильевич?

– Оружие, спирт, золото, драгоценные камни, опиум... – начал перечислять Касьянов, но я перебил его.

– Нет, уважаемый Александр Васильевич. Самый дорогой товар – это нужная информация. Вспомните свои же слова, сказанные вами в одну из наших встреч. Там шепнули, здесь шепнули, проанализировал и получил информацию, без которой успех в торговле невозможен.

– Какая же информация вам нужна от меня? – спросил отчуждённо Касьянов.

– Александр Васильевич, мне нужны сведения, которые напрямую касаются безопасности государя наследника. Поверьте, меня не интересуют разговоры за столом, где обсуждаются вопросы о том, что монархическая власть устарела и надо что-то менять. Меня интересует в первую очередь, что в городе появились люди, которые не те, за кого себя выдают. Информация о том, что кто-то пытается купить оружие и

взрывчатку в обход установленных правил. В общем, всё, что можно трактовать, как попытку устроить покушение на охраняемую мной особу.

– И чем же я буду отличаться от сексота? – спросил купец, с каким-то вызовом глядя на меня.

– Что же, жалко, что мы не поняли друг друга, – я поднялся из-за стола. – Спасибо, Александр Васильевич, за хлеб и соль. Всего доброго. Честь имею.

Я направился на выход из гостиной. Уже выходя из комнаты, услышал вопрос в свою спину:

– Тимофей Васильевич, куда направить ваши деньги, которые хранятся в нашем доме?

Резко повернувшись, я брезгливо посмотрел на купца.

– Оставьте их себе, Александр Васильевич, в знак благодарности за всё, что вы в своё время для меня сделали. Желаю вашему торговому дому и дальше процветать на просторах Дальнего Востока. Пока ещё под российским флагом.

Кивнув головой, чётко повернулся кругом и чуть ли не строевым шагом пошёл по коридору. Уже у самой входной двери меня догнал купец.

– Тимофей Васильевич, по стойте, не уходите. Извините меня. Давайте вернёмся за стол и всё ещё раз обсудим.

Я развернулся и посмотрел в глаза Касьянова. Какого-то чувства вины или раскаяния я там не увидел. Но определённый интерес был.

– Хорошо, Александр Васильевич. Давайте попробуем ещё раз.

Молча вернулись в гостиную и сели за стол.

– Тимофей Васильевич, вы произнесли фразу – пока под российским флагом. Неужели всё так плохо?

– Александр Васильевич, вы же умный человек. Скажите, что произойдёт, если наследник престола будет убит? Убит здесь, как наместник Дальнего Востока? Ваши прогнозы?

– Вы знаете, так сразу и не ответишь. Вариантов множество, – Касьянов как-то нервно плеснул в бокал коньяка и залпом его выпил. – А что, есть сведения, что на цесаревича готовится покушение?

– Есть варианты, Александр Васильевич. И их очень много. Покушение могут осуществить оставшиеся на свободе «народовольцы», которые сейчас за рубежом разделились на несколько

фракций, некоторые из них также настроены вести революционный террор. Есть определённые силы в Китае, Корее и Японии, которые готовы развязать с Россией войну, используя как повод для этого смерть цесаревича. Наши островные друзья англичане, американцы, да и немцы также могут приложить руку к этому.

– Война... – Касьянов заметно побледнел. – Не хотелось бы такого. Не знаю, как считают при дворе и наши военные начальники, но, на мой взгляд, мы не готовы.

– Поверьте, Александр Васильевич, государь в курсе проблем Дальнего Востока. Для скорейшего развития его экономического положения, которое позволит содержать необходимое количество войск для ведения боевых действий по защите наших земель, государь наследник сюда и направлен.

– Экономическое развитие... – горько усмехнулся Касьянов. – Тимофей Васильевич, а вы в курсе того, какие таможенные тарифы здесь ввели год назад?

– Нет, Александр Васильевич. Признаюсь, у меня были другие проблемы, которые я должен был решать. Но с удовольствием послушаю вас.

– Вы знаете, если бы у нас в России всё делалось так, как советуют умные люди... Если будет возможность, обязательно ознакомьтесь с работой Менделеева «Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с её общим таможенным тарифом 1891 года». К сожалению, та экономическая политика протекционизма, которая осуществляется последние годы на Дальнем Востоке, и новые тарифы привели к тому, что импортные товары мы вынуждены закупать в Москве.

Касьянов ещё раз горько покачал головой и закурил сигару. Пару раз пыхнув дымом, он продолжил:

– В последнее время вместо того, чтобы привезти американский, английский, немецкий товар из Китая или Кореи, мы вынуждены его доставлять из Москвы. Путь товаров в Благовещенск длится пять месяцев, так как он проходит по маршруту Москва – Одесса – Владивосток – Николаевск – Благовещенск. За товар нужно рассчитывать в Москве до первого февраля, и тогда он появится в Благовещенске к концу июля. Если закупаться чуть позже, есть риск

остаться на зиму во Владивостоке. Или всё перевозить обозами. Представляете, какие это расходы?

Я согласно кивнул головой.

– А надо успеть расторгаться, получить деньги для новых закупок товара. Мало-то товара вести невыгодно. А всё продать не успеваешь. Значит, необходимо дополнительное кредитование. Кроме нас, торговцев, в свободных капиталах нуждаются золотопромышленники. Вы знаете, Тимофей Васильевич, сколько только в Амурской области золотых приисков?

– Откуда, Александр Васильевич, – ответил я, заинтересованный рассказом купца об экономических трудностях местных акул капитализма.

– Хорошо, я вам скажу. На январь девяносто третьего года только в Амурской области насчитывается триста пятнадцать официальных золотых приисков, которые по скромным подсчётам добывают около четырехсот пудов золота в год. И при этом больше половины уходит в Китай, где на него цены выше, чем даёт казна. Если сами не можете купить по нормальной цене, то дайте возможность официально продать тому, кто даёт большую цену! А не заниматься контрабандой.

Купец покраснелся лицом и, произнося последние фразы, начал энергично жестикулировать рукой, в которой была зажата сигара. Видимо, высказывался мне о наблевшем.

– Представляете, Тимофей Васильевич, только в Хабаровке есть отделение Государственного банка с минимальным капиталом, который даже кустарную и зарождающую заводскую промышленность кредитами обеспечить не может. Наш дом оказывал финансовую помощь по кредитованию нуждающимся в этом, но после ввода новых таможенных тарифов сами еле сводим концы с концами. Свободных капиталов не хватает. – Касьянов обречённо махнул рукой. – Экономическое развитие – как много в этих словах. Английские, американские и японские суда в наших территориальных водах ведут браконьерский промысел вдоль всего тихоокеанского побережья. Не отстают от них и китайские браконьеры. Тимофей Васильевич, сотни китайских джонок, шаланд и шхун свободно заходят в залив Петра Великого, где бесконтрольно загружаются трепангом, морской капустой и вывозят всё в Китай безданно и беспошлинно. Только

трепанга вывозят больше двух тысяч пудов в год. Вы представляете, какие деньги мимо казны идут, Тимофей Васильевич?

Честно говоря, я был несколько шокирован этой информацией, а особенно теми цифрами, которые прозвучали. В девяностых в постсоветском бардаке творился такой же беспредел, но конкретных цифр я не знал. Здесь же цифры прозвучали, и они для этого времени были огромными.

– Помимо трепанга ведётся незаконный промысел морского гребешка, мидий, крабов, осьминогов. Про то, как вырезаются целые лежбища сивучей, больно говорить, – Касьянов глубоко затянулся сигарой, покатал дым во рту, выпустив его, несколько успокаиваясь, произнёс: – Мы эти проблемы решить не можем, а вы говорите, экономическое развитие. Неужели думаете, что если сюда прибыл государя наследник, то всё волшебным образом разрешится?

«Это вряд ли», – подумал я про себя, а вслух произнес:

– Александр Васильевич, надеюсь, что назначение наследника наместником Дальнего Востока позволит ускорить решение данных проблем.

– Дай бы бог, – Касьянов широко перекрестился, а я последовал его примеру.

Купец некоторое время помолчал, пыхтя сигарой. Потом, видимо, что-то решив про себя, произнёс:

– Тимофей Васильевич, возвращаясь к нашему разговору. Я понял, какая вам нужна информация. И дам задание своим доверенным людям собирать её. Извините ещё раз за моё поведение. Теперь понимаю, что только ещё одного покушения на государя наследника нам не хватает, чтобы возник хаос. Кроме того, поговорю со своими друзьями. Постараюсь их убедить также искать необходимую вам информацию. Но передавать её буду только вам.

– Огромное спасибо, Александр Васильевич, – мысленно переведя дух, ответил я. – Может быть, вам нужна какая-то моя помощь?

– Вы знаете, Тимофей Васильевич, нужна. Я по какой надобности хотел с вами встретиться... Мы с друзьями подготовили докладную записку на имя генерал-губернатора Корфа о необходимости открытия в Благовещенске отделения Государственного банка. Там не только просьба, но и экономическое обоснование, со всеми необходимыми расчетами. Теперь с учетом того, что наместником назначен сам

государь наследник, не могли бы вы передать ему данную записку? – Касьянов выжидательно посмотрел на меня.

– Сегодня же она будет на столе цесаревича, – ответил я.

– Спасибо, Тимофей Васильевич. Только доклад находится у меня на работе. У вас будет время, чтобы заехать за ним? Потом вас отвезут, куда укажете.

– Найдётся, Александр Васильевич, но лучше поторопиться, – я допил рюмку ликёра. – Мне скоро на доклад к его высочеству.

Прибыв через некоторое время в выделенный мне и Головачеву крохотный кабинетик, где с трудом разместили два письменных стола, пару стульев и небольшой шкаф, быстро пробежал глазами доклад Касьянова. Я, конечно, не экономист и не финансист, но зная будущее развития Дальнего Востока, мог по этому документу сказать одно – очень толково и обоснованно. Осталось только передать цесаревичу.

С момента начала выдвижения на Дальний Восток его нового наместника я каждый день докладывал Николаю о планах, задачах конвойной службы и её секретной части на день и как были выполнены поставленные задачи за предыдущий день. Сегодняшний доклад должен был быть несколько обширнее обычных, так как содержал много сведений, полученных от агентов по Благовещенску. Весь вчерашний вечер вместе с коллежским секретарём Кораблевым Николай Алексеевичем просидели в этом кабинете, сводя все полученные агентами данные в краткую выжимку. Ребята Кораблева поработали очень неплохо, особенно учитывая плачевное состояние дел у местной полиции и у жандармов. Основной бедой была острая нехватка личного состава.

Вчера только узнал, что полицейские функции в Амурской области осуществляло Амурское окружное полицейское управление, которое было образовано только пять лет назад и включало участкового начальника, трех приставов, столоначальника, секретаря и трех толмачей. Девять человек на четырнадцать тысяч населения в Амурской области, не включая городов, и на территорию почти в пятьсот тысяч квадратных вёрст. В самом Благовещенске, где сейчас проживало народу больше, чем во всей Амурской области, был полицмейстер, два следственных пристава, один полицейский надзиратель, переводчик, столоначальник и двадцать пять городских. К ним добавляются два представителя Сибирского жандармского

округа. И всё. Как хочешь, так и борись с преступностью и революционерами. Нет, было ещё одиннадцать окружных полицейских по количеству казачьих округов, да горная полиция, которая подчинялась только горным исправникам и содержалась на частные средства. Но в городе они нам не помощники при охране цесаревича.

Получалось, что Кораблев и его десять секретных агентов с их подготовкой в количественном отношении, если не считать нижних чинов, превышали полицию и жандармерию Благовещенска, про качество лучше вообще промолчать. По словам одного из старших агентов, только с одним из следственных приставов да обоими жандармами можно иметь дело. С остальными дуболомами лучше не связываться, чтобы не вышло хуже. А охранять нам Николая в этом городе, судя по всему, не десять дней, как это планировалось раньше. Вчера Головачев сообщил мне, что государь наследник соизволит задержаться в Благовещенске, чтобы лучше ознакомиться с жизнью этого города.

Как я думаю, наследничек решил оторваться за долгие месяцы пути в аскетической обстановке. Хабаровка – это административный центр. Владивосток – большая стройка. Развлечься в этих городах негде. А здесь на перекрёстке улиц Никольской и Большой здание офицерского собрания. Двухэтажное, с открытой верандой, с гостиной, где проходят балы, музыкальные вечера, неплохая бильярдная, столовая. Прямо напротив офицерского собрания здание общественного собрания с театральной залой, в которой каждый театральный сезон проходила премьера. А в этом году даже две: оперно-опереточная и драматическая. Драматическая, правда, погорела через два месяца, а первая до сегодняшнего дня продержалась без убытка.

Я взял со стола папку для ежедневного доклада и достал из неё несколько фотографий. А ничего так актрисочки. Фигуристые. И мордашки даже очень ничего. Лишь бы новой Матильды не образовалось. Хотя это не мне решать, а Николаю. Моё дело заключается только в том, чтобы проверить тех девочек, с которым, возможно, пожелает встретиться наследник. Надо, кстати, дать команду Кораблеву, чтобы выяснил, какой в городе лучший врач по венерическим заболеваниям. Надо будет этих бутончиков обязательно осмотреть.

Я тяжело вздохнул. Сегодня как-то придётся извернуться, чтобы уточнить планы цесаревича по поводу времяпровождения в городе. Официальная программа у меня была, и все охранные мероприятия по ней уже запланированы и отработаны. А вот сколько ещё времени проведёт Николай в Благовещенске сверх программы, мне неизвестно. Что собирается делать, тоже не знаю. А экспромтов нам не надо. Ещё раз тяжело вздохнув, я взял свою папку, доклад Касьянова и направился на прием к наместнику Дальнего Востока.

– Разрешите войти, ваше императорское высочество?

– Входите, Тимофей Васильевич. Я сегодня за вами с утра отправлял несколько раз, но вас не могли найти!

– Ваше императорское высочество, с разрешения подьесаула Головачева я с утра отлучался в город для встречи в рамках службы секретной части.

– И с кем же вы встречались, если это не секрет? – цесаревич действительно заинтересованно смотрел на меня. – Сегодня вы впервые покинули меня, не уведомив об этом!

– Ваше императорское высочество, по протоколу встреч сегодня до обеда у вас был запланирован приём генерал-губернатора барона Корфа, поэтому я счёл возможным отпроситься для встречи с купцом первой гильдии Касьяновым Александром Васильевичем.

– Неоднократно слышал эту фамилию. Об этом купце много говорят. Барон Корф сегодня также несколько раз упоминал его. А зачем вы с ним встречались, Тимофей Васильевич?

– Ваше императорское высочество, у Ивана Яковлевича Чурина несколько ухудшилось здоровье, и теперь Александр Васильевич управляет практически всеми делами торгового дома «Чурин и К^о». А этот дом имеет отделения, магазины во всех крупных населенных пунктах Восточной Сибири, Дальнего Востока и даже Маньчжурии. Если перечислять только крупные города, то это Иркутск, Сретенск, Благовещенск, Хабаровка, Никольское, Владивосток. Есть торговые лавки в Инкоу, Мукдене, Гирине, Порт-Артуре, Харбине. Это огромная торговая сеть, и не воспользоваться её информационными возможностями для обеспечения вашей безопасности было бы глупо. Тем более меня в своё время связывали с Александром Васильевичем довольно близкие взаимоотношения.

– Тимофей Васильевич, неужели вам удалось уговорить купца делиться информацией? В это тяжело поверить!

– Действительно, ваше императорское высочество, мы сначала разругались. До полного разрыва отношений. Потом всё-таки договорились.

– И что, этот Касьянов ничего не попросил взамен? Вот в это точно не поверю! Какие привилегии ему нужны?

– Попросил, ваше императорское высочество, – я протянул цесаревичу папку с докладной запиской Касьянова. – Здесь просьба Александра Васильевича с экономическим обоснованием о необходимости открытия в Благовещенске отделения Государственного банка со значительным капиталом.

– Да, Тимофей Васильевич, вы и ваши знакомые не перестаете меня удивлять. Интересная просьба, – Николай встал из-за стола и подошёл к окну. – Вы не поверите, Тимофей Васильевич, но около двух часов назад я обсуждал этот вопрос с бароном Корфом. Генерал-лейтенант Духовский, присутствующий на этом приёме, полностью поддержал данную инициативу, которая, по словам барона, должна в несколько раз ускорить экономическое развитие Приамурья и всего Дальнего Востока.

Цесаревич вернулся за стол, открыл папку и углубился в чтение. Через некоторое время закрыл её и, посмотрев на меня, задумчиво произнёс:

– Практически то же самое сегодня по этому вопросу говорил генерал-губернатор. Здесь более развернутая статистика и экономические расчёты. А больше ни о чём купец не просил?

– Только передать данную просьбу-доклад, ваше императорское высочество, – быстро ответил я.

– И как же вы собираетесь дальше стимулировать такого секретного сотрудника и агента? – Николай с какой-то иронией смотрел на меня.

– Также делиться с Касьяновым кое-какой информацией, – глядя в глаза цесаревичу, ответил я.

– И какой же?

– Ваше императорское высочество, допустим, вы приняли решение об открытии отделения Государственного банка в Благовещенске до первого октября этого года. О вашем решении и о конкретных сроках

будет знать небольшое количество служащих вашей канцелярии. Большинство узнает только при открытии банка. И если я расплачусь такой инсайдерской информацией с Касьяновым за достойные сведения, которые позволят обеспечить вашу безопасность, то, по моему, это будет равнозначный обмен. Александр Васильевич вы из такой информации сможет получить неплохие экономические дивиденды.

– Интересное предложение и забавное словосочетание – инсайдерская информация. Какой смысл, Тимофей Васильевич, вложили в эту фразу?

– Информация, известная ограниченному кругу лиц и которая может значительно повлиять на экономические показатели на рынке.

– Что же, если информация от Касьянова будет действительно стоящей, то можете ему сообщить, что мною действительно принято решение об открытии отделения Государственного банка в городе Благовещенск первого ноября этого года. С министром финансов Витте данный вопрос по телеграфу решён.

– Спасибо за разрешение и информацию, ваше императорское высочество, – я склонил голову.

– Тимофей Васильевич, всё собираюсь и забываю спросить. Вы знаете английский язык? Просто у вас в речи часто англицизмы встречаются.

– Да, ваше императорское высочество, могу говорить, писать и читать на английском и значительно лучше, чем на французском и немецком. Эти языки знаю на уровне шестилетней гимназии. Также немного говорю и знаю небольшое количество иероглифов на китайском, корейском и японском языках, – ответил я, думая про себя, что про пушту и чеченский умолчу.

– Изрядно, Тимофей Васильевич, – цесаревич удивлённо покачал головой. – Чем больше мы общаемся, тем больше интересного о вас я узнаю.

– Ваше императорское высочество, на настоящий момент на Дальнем Востоке перемешались народности, говорящие на множестве языков. Шесть, которые я перечислил, это минимум, необходимый для того, чтобы добросовестно выполнять свои служебные обязанности по вашей охране, особенно в её секретной части.

– Высокие у вас запросы и требования к знаниям, необходимым для моей охраны, – цесаревич улыбнулся. – Ну, так мне теперь только спокойнее будет.

Но на мгновение в глазах Николая промелькнул испуг и чувство незащитности, как у маленького мальчика.

– Что у нас по ежедневному докладу? – справился с собой наследник.

– Ваше императорское высочество, подъесаул Головачев сегодня знакомится с тридцатью казаками-амурцами, которые выбраны для службы в конвое. Завтра и послезавтра будут решаться хозяйственные вопросы по их размещению, обмундированию, вооружению. Кубанцы несут службу согласно расписанию постов и караулов. Забайкальцы готовятся. Завтра их первый десяток заступает во внешний круг охраны. Агенты секретной части продолжают собирать информацию. – Я протянул папку для ежедневных докладов цесаревичу. – Ваше императорское высочество, здесь кратко изложены сведения, которые агенты собрали, готовясь к вашему приезду в Благовещенск. Статистика, данные о значимых людях, досуг и прочее. Из требующей особого внимания информации считаю полученные сведения о некоторых волнениях среди рабочих на Александровском прииске Хинганского горного округа и в Ниманской компании. К сожалению, горное руководство неохотно, а точнее никак не идет на сотрудничество с представителями Сибирского жандармского округа.

Николай, который внимательно читал докладную записку, лишь кивнул головой. Мол, услышал и принял к сведению. За последнее время интерес к делам у Николая значительно вырос. Речь, конечно, не шла о работе от зари и дотемна или о том, как работал его отец. Но часа четыре в день цесаревич уже посвящал обязанностям наместника Дальнего Востока, и, как я видел, с каждым днём эти обязанности нравились ему всё больше. Хотя я мог и ошибаться, так как на большинстве рабочих встреч цесаревича не присутствовал. Николай предпочитал принимать чиновников, служащих, посетителей тет-а-тет. Только два конвойца при наследнике изображали статуи во время этих встреч. И то мне и Головачеву из-за этого пришлось выдержать целую войну с наследником престола.

– Интересно получается, – цесаревич оторвал голову от бумаги. – В Благовещенске проживает жителей больше, чем во всей Амурской

области?

– Это так, ваше императорское высочество, – я, подтверждая, кивнул головой. – В городе легче выжить, найдя работу. Тем более Благовещенск расстраивается и развивается, только шестьдесят шесть кирпичных заводов работает. В этом году купец второй гильдии Иван Петрович Чепурин запустил сразу чугунолитейный и механический заводы. Сто пятьдесят шесть торговых лавок в городе. Можно сказать, что Благовещенск – это торговый и промышленный центр Дальнего Востока. Хабаровка – административный центр. А Владивосток станет морским военным щитом и морскими воротами наместничества.

– Да, интересные данные. Оставьте их у меня, я ещё раз эту статистику почитаю. А я вам, Тимофей Васильевич, доклад барона Корфа дам почитать. Там все данные по различным ведомствам разбиты, общей картины не видно. Переработаете? – Николай вопрошающе посмотрел на меня.

– Так точно, ваше императорское высочество, – ответил я, приняв стойку смиренно.

– Не тянитесь во фронт, Тимофей Васильевич. И раз у нас сегодня доклад так затянулся, берите стул и садитесь к столу.

Я взял ближайший стул и присел сбоку от стола, за которым разместился цесаревич.

– Тимофей Васильевич, а что это у вас за выражение лица было, когда к столу подходили? – поинтересовался Николай.

– Ваше императорское высочество, да мелькнула мысль одна. Сейчас постараюсь её сформулировать. Ангарск, Иркутск, Благовещенск и административный центр Дальнего Востока – Хабаровка. Может быть, лучше переименовать в Хабаровск? И Ерофей Павлович Хабаров не забыт, и название города благозвучнее будет.

– Тимофей Васильевич, – после небольшой паузы произнёс цесаревич. – Вы позволите эту идею у вас украсть и озвучить её завтра на малом совете?

– Ваше императорское высочество, с большим удовольствием.

– Спасибо. Что у нас дальше по докладу? – наследник довольно улыбнулся.

– Ваше императорское высочество, дальше идут списки наиболее значимых жителей Благовещенска с их краткой характеристикой.

Успели собрать начальную информацию на семьдесят восемь человек. Данная работа будет продолжена и расширена.

– Значит, вы, Тимофей Васильевич, идею сбора информации на всех более-менее известных личностей Дальнего Востока так и не оставили?

– Так точно, ваше императорское высочество. Если около известного человека появляется какая-то тёмная личность, получить об этом информацию будет проще. Хотя следующее задание, которое получили агенты, это установить и наиболее известных преступников, контрабандистов Благовещенска. Криминальный мир также надо изучать.

– Хорошо. Передайте своим агентам, что я доволен их работой.

– Слушаюсь, ваше императорское высочество. Обязательно передам. Только это люди полковника Ширинкина. Ими они и останутся. А вот по поводу набора в секретную часть я хотел бы отпроситься на завтра до обеда. Мне необходимо встретиться с директором мужской гимназии, да и в ремесленное, которое пятилетнее, также хотел бы зайти.

– Надеетесь найти кандидатов в секретную службу? – спросил цесаревич, механически перелистывая доклад о значимых лицах города.

– Может быть. И очень на это надеюсь. Просто не знаю, где искать. Принцип хоть кого в нашем случае не подходит. А у меня есть только десяток Кораблева. Если вы разрешите, ваше императорское высочество, то на полставки можно десяток моих станичников поставить. Всё равно буду их привлекать. Но в полицейские, несмотря на хорошие оклады для агентов, они не пойдут. Быть лейб-гвардейцем для них в тысячу раз почётнее. Тем более первые в станице.

– Я не против, Тимофей Васильевич. Надо только всё это грамотно оформить по ведомствам. А братья, как вы их называете наедине, достойны дополнительного вознаграждения. Я уже убедился, что многие казаки конвоя пытаются не упасть в грязь лицом перед этой молодёжью. А значит, качество обучения и самой службы растёт.

– Так точно, ваше императорское высочество, – мои губы самопроизвольно расползлись в довольной усмешке.

– Хорошо, Тимофей Васильевич, завтра до обеда можете быть свободны. Займитесь поиском кандидатов в агенты. Вам теперь как

пауку надо создавать свою сеть. Евгений Николаевич, признаться, большой мастер этого дела. Но и возможностей у него куда больше.

– Это точно, ваше императорское высочество. Мне бы кадры найти в секретную часть. Кадры решают всё, – беззастенчиво украл я фразу из будущего.

– Ищите и обрящете, Тимофей Васильевич, – с улыбкой произнёс цесаревич, перевернув последний лист доклада о лицах, и наткнулся на фотографии.

– А это кто? – спросил наследник, держа в руках фото ведущей актрисы опереточно-оперной труппы.

– Это прима в оперетте «Цыганский барон», которую вы посетите через четыре дня. О ней и о других артистах есть краткая информация в докладе «Досуг», – ответил я, думая про себя, что эта прима чем-то напоминает Кшесинскую, но, на мой взгляд, даже симпатичнее. Только как её на осмотр к гинекологу-венерологу отправить? И остальных бутончиков. Вот это вопрос!

– Так, оставьте доклад мне, – цесаревич закрыл папку. – Я с ним более подробно ознакомлюсь. А сами можете быть свободны. Займитесь своими делами.

Глава 4

Гимназистки-феминистки

«Да, довелось узнать, что Николаша, оказывается, кричать может, да ещё как, – думал я, глядя на цесаревича, который призывал на мою неумную голову проклятия. – Однако вот это словосочетание очень интересное. Чувствуется, что восточное путешествие наследника на корабле не зря прошло. Так заковыристо только боцманы могут выражаться. Нет, и чего так разнервничался?! Оба-на, уже Кораблеву прилетело. Надо же, где, оказывается, у Николая Алексеевича мозги находятся?! Никогда бы не подумал».

Я и коллежский секретарь Кораблев стояли перед возмущённо вещающим государем наследником уже минут пять. Всё это время цесаревич пытался донести до наших тупых голов, что моё предложение включить в секретную часть его охраны агентами женщин, как бы помягче выразиться, – неправильное. А Кораблев, который меня в этом начинании поддержал, тоже ошибается. Причем это доводилось до нас очень эмоционально, с использованием ненормативной лексики, включая морскую терминологию. А в будущем говорилось, что Николай Второй тряпка, тихий и безвольный человек, который не мог отстоять своё мнение. Хотелось бы мне на эти пять минут поменяться местами с теми, кто всё это писал в Инете. Разнос был просто замечательным, в лучших военных традициях, на пять баллов по пятибалльной шкале. Я бы даже пять с плюсом поставил.

А всё началось вчера. Придя в мужскую гимназию, где шли выпускные экзамены, у надворного советника Соколова я встретил зашедшего к нему в гости директора женской гимназии Бекетова. Во время продолжительного разговора с этими замечательными людьми мы усидели целый самовар, и Пётр Иванович посоветовал мне взять на службу нескольких гимназисток, которые выпускаются у него в этом году. Также было предложена пара кандидатур из прошлогоднего выпуска.

Всё это произошло после дискуссии: почему женщины идут в революцию? Откуда берутся Веры Засулич и похожие на неё? По мнению Бекетова, в последние четверть века в Российской империи

идёт быстрый процесс изменения семейных отношений и распространения грамотности среди женского общества. Если раньше знания были доступны только девушкам из высшего света, то теперь образование стало доступно и другим слоям населения. С учетом этого, стремящихся к самоутверждению девушек и женщин становилось все труднее удерживать дома, но вот доступ к высшему образованию на настоящий момент сильно ограничен. Как следствие, в обычной жизни те же самые гимназистки, по первому разряду закончившие Благовещенскую гимназию, максимум, чего смогут достигнуть – место домашнего учителя. Да и то после сдачи дополнительных экзаменов. А среди выпускниц есть девушки с большими амбициями, но которые не смогут реализовать свой интеллектуальный потенциал.

Видимо, эта причина, по мнению Бекетова, и привела многих девушек и женщин в ряды радикалов-революционеров, где среди их соратников-мужчин они встречали большее уважение к себе, чем в любых традиционных и законопослушных слоях общества. И самое страшное было, по мнению Петра Ивановича, что в очень скором времени таких девушек и женщин будет намного больше. Общество меняется, хотим мы этого или не хотим. Принцип трёх «К» – «Kinder, Küche, Kirche», то есть «дети, кухня, церковь», о котором писали немецкие газеты, цитируя слова Вильгельма Второго о социальной роли женщины в Германии, мало подходит современным русским девушкам. Им нужны другие идеи. Так, может быть, для самореализации некоторых особенно активных девочек служба в секретной охране цесаревича и подойдёт? Это, конечно, против правил и приличий современного общества, но лучше пускай служат, чем пойдут в революцию.

Петра Ивановича с его идеей службы девушек в охране активно поддержал его коллега Соловьев. Кроме того, Константин Николаевич сразу же назвал мне фамилии чуть ли не десятка гимназистов, которых можно было заинтересовать дальнейшей службой в Департаменте полиции в роли секретных агентов, охраняющих государя наследника. Причем это тоже были не только выпускники этого года. Некоторые учащиеся, которые блестяще закончили обучение в прошлом и позапрошлом году, пока ещё не смогли найти достойное место в этом мире.

В общем, сделав краткие выписки по кандидатурам, я вернулся в свой кабинет и с господином Кораблевым обсудил данную проблему. Сначала Николай Алексеевич идею привлечения в секретные сотрудники девушек воспринял в штыки. Но постепенно на примерах я показал ему, насколько это будет выгодно и эффективно. Особенно в области получения разнообразной информации в роли дворянки, купчихи или мещанки. Горничная, учительница, гувернантка и такое прочее. Можно охватить широкий сегмент тех людей, от которых агент мужчина информацию вряд ли получит.

Кроме того, во время больших приемов, балов в дамскую комнату не войдешь. Что там будут делать подозрительные личности женского пола, не проверишь. А если девушек поднатаскать в определённой области рукопашного боя и стрельбы из револьвера, то они станут джокерами в колоде охраны. Кто из злоумышленников сможет подумать, что хрупкая девушка может неожиданно и точно ударить, чтобы обезвредить злодея-преступника, а тем более выстрелить в него!

Воодушевлённый такими перспективами Кораблев вызвался сопровождать меня на ежедневный доклад к цесаревичу, чтобы поддержать в этом нововведении в секретную службу. «Ага, поддержал! Получили оба по самое не балуй. Ладно я, а Николая Алексеевича жалко. Его чистый душевный порыв был грубо истоптан „грязными сапогами будущего императора“», – думал я, глядя на начальника секретной службы, который, сев за стол Головачева, вытирал испарину со лба.

– Признаться, Тимофей Васильевич, такой бурной реакции государя наследника на ваше предложение я не ожидал, – глубоко вздохнул Кораблев.

– Признаюсь, Николай Алексеевич, я тоже, – отвечая, опустил на свой стул и положил на стол папку с докладом. – Хорошо ещё, про детей ничего не успел сказать. А то, чувствую, наша экзекуция продолжалась бы значительно дольше.

– Про каких детей? – главный секретный агент вопросительно уставился на меня.

– Да я подумал, Николай Алексеевич, сил у нашей службы очень мало. Я имею в виду количественный состав. Если наберём тридцать человек в секретную службу, всё равно все направления перекрыть не

сможем. Вот раньше как вы поступали, Николай Алексеевич, если кто-то из агентов выявлял подозрительное лицо?

– Докладывали по команде, а дальше Евгений Николаевич подключал к проверке или Департамент полиции, или жандармов.

– А кого мы подключим здесь, Николай Алексеевич?

– Да... Вы правы, Тимофей Васильевич, подключать-то практически некого. Придётся обходиться своими силами, – еще более грустно вздохнул Кораблев. – Только где они, эти силы? У меня агенты уже с ног валяются.

– Вот именно поэтому я и хотел привлечь к нашей работе детей, которых использовать для слежки за объектами. Скажите, Николай Алексеевич, у вас вызовет подозрение группа ребятишек, которая устроила игру перед вашим домом, с учетом того, что они и так постоянно здесь играют?

– Конечно нет, Тимофей Васильевич, – отвечая, Кораблев развёл руками, показывая, что такая картина априори не может вызвать подозрения.

– А что мешает кому-нибудь из агентов выявить в этой группе детей лидера и предложить тому небольшое вознаграждение, если он во время игры понаблюдает за домом и потом расскажет, кто в него приходил?!

– Да, Тимофей Васильевич, как всё просто. Покупал за свою бытность агентом информацию у дворников, швейцаров, официантов. Иногда приходилось платить большие деньги. Но чтобы подключить к слежке мальчишек? До такого почему-то никто не додумался. И ведь дешевле выйдет.

– Вот о таком обеспечении получения информации надо будет подумать, когда прибудем в Хабаровку. Насколько мне известно, во Владивостоке здание для заместника ещё не готово. Боюсь, в Хабаровке придётся задержаться на длительный срок.

– Как я понимаю, Тимофей Васильевич, об этом новшестве в работе нашей службы рассказывать его императорскому высочеству вы не будете? – ехидно улыбаясь, спросил меня Кораблев.

– Думаю, что не обо всех тонкостях нашей службы государь наследник должен знать, – улыбнулся я в ответ коллежскому секретарю. – Мы сегодня с вами по данному вопросу приобрели большой опыт, общаясь с цесаревичем.

Посмотрев друг на друга, мы почти одновременно рассмеялись.

– Это точно, Тимофей Васильевич. В таком состоянии я видел цесаревича впервые за семь лет моей службы. Кровь Романовых взыграла!

«Сколько там этой крови, – подумал я про себя. – А если Павел Первый сын Салтыкова, то её вообще нет».

В этот момент наша беседа с Кораблевым была прервана вошедшим в кабинет ротмистром Волковым, который исполнял в свите цесаревича роль друга и офицера по особым поручениям. В своё время данный офицер проходил службу в лейб-гвардии Гусарском полку, в рядах которого в рамках программы военного образования два летних сезона проходил службу эскадронным командиром цесаревич. Там Николай и Волков познакомились, сошлись характерами и прониклись обоюдной симпатией. Свидетельством тому был подарок – золотой портсигар с факсимиле: «Евгению Николаевичу Волкову от эскадронного командира Николая», презентованный цесаревичем по окончании своей службы в полку. Во время одной из конных прогулок Николай пригласил молодого офицера сопровождать его в путешествии на Восток. Потом ранение при нападении хунхузов на пароход «Вестник» с цесаревичем на борту, длительное лечение, родной полк, звание ротмистра, орден Станислава третьей степени. А теперь свита его императорского высочества. И такая интересная должность.

С Евгением Николаевичем у нас сложились ровные служебные отношения. Даже можно было их назвать дружескими, насколько это позволяла разница в возрасте, звании и положении около Николая. Но портсигар Волков показал мне после одного из рассказов о совместной службе с цесаревичем. А общаться нам приходилось довольно часто, так как расселяли нас во время путешествия рядом. Личный друг и офицеры конвоя.

– Тимофей Васильевич, – обратился ко мне Волков, – его императорское высочество желает вас немедленно видеть. Пройдемте.

Я вышел из кабинета вслед за ротмистром, поймав сочувствующий взгляд Кораблева. Пока шли до апартаментов цесаревича, думал о том, что ещё могло случиться.

Слава богу, ничего не случилось. Просто государь наследник остыл от тех эмоций, которые были вызваны моим предложением, и теперь

решил выслушать мои аргументы. Раньше он этого сделать не смог, так как сразу начал активно выражать своё мнение.

– Тимофей Васильевич, а теперь будьте любезны, обоснуйте необходимость и возможность службы женщин в моей охране.

Цесаревич был само спокойствие и сама вежливость. И не скажешь, что меньше получаса назад выражался в мою сторону как боцман в отношении провинившегося матроса. Быстро сформулировав про себя уже неоднократно рассмотренные с Кораблевым положительные факторы от службы женщин в системе охраны, выкладываю их цесаревичу.

– Значит, вы не предполагаете деятельность женщин-агентов в моём ближайшем окружении?

– Так точно, ваше императорское высочество. Основными задачами данной категории сотрудников будет сбор информации. Кроме того, из кратких характеристик, которые мне сообщил директор женской гимназии, двое из кандидаток знают китайский язык, одна корейский, а одна японский и корейский. При этом читают и пишут иероглифы. Ни один из толмачей в департаменте городской и окружной полиции этого не умеет делать. Они способны только переводить устную речь и говорить.

– Интересные девицы, – произнёс цесаревич с удивлением на лице. – Признаться, удивлён. Во всей моей канцелярии только два переводчика. И признаться, я ещё не знаю точно, с каких языков, и умеют ли они писать и читать на японском, китайском и корейском. Кстати, Тимофей Васильевич, вы мне говорили, что знаете все три языка.

– Да, ваше императорское высочество. Немного говорю и знаю чуть больше тысячи китайских иероглифов, которые также используются и японцами, и корейцами. Но этого мало для повседневного пользования. Надо выучить ещё хотя бы тысячу. Когда бывает свободное время, я этим занимаюсь. Написание иероглифов – это, вообще, целое искусство. Каждый иероглиф – это не звук, а целый образ. Тяжело на эту письменность перестроиться.

– Всё это интересно, Тимофей Васильевич, но давайте вернёмся к нашей проблеме. Вы настаиваете на необходимости включения в мою охрану женщин? – жёстко спросил цесаревич.

– Нет, ваше императорское высочество, не настаиваю. Но если такие агенты будут служить в секретной части, то, по моему мнению, эффективность деятельности службы возрастет.

– И сколько женщин вы планируете принять на службу?

– Посоветовавшись с Николаем Алексеевичем, мы остановились на пяти кандидатурах. Но, вернее всего, возьмём троих. Всё решится на собеседовании и по результатам негласной проверки кандидатов. Агенты уже начали сбор информации о своих возможных коллегах, – я перевёл дух.

– Хорошо, Тимофей Васильевич, я даю добро на приём на службу в секретную часть женщин. Но не больше пяти. Лучше трёх, как вы планируете. Надеюсь, что это действительно повысит эффективность вашей работы. И как бы мне хотелось увидеть полковника Ширинкина и генерал-лейтенанта Черевина, когда они прочтут в отчёте по штатам дворцовой полиции женские фамилии! – цесаревич мечтательно улыбнулся.

Оставив Николая Александровича мечтать, с его разрешения отправился заниматься своими делами, которых каждый день становилось всё больше и больше. Обучение двадцати шести личников, по восемь от кубанцев и забайкальцев, плюс десяток моих братьев. А скоро уссурийцы добавятся, с которыми ещё найти общий язык придётся. Слава богу, из амурцев мой родной десяток. И спасибо Лису и Туру, которые многое взяли на себя в обучении. Физику, рукопашку они проводили без меня. Сказался их опыт проведения занятий в школе.

С полицмейстером города познакомился, со столоначальником и секретарем также. Один вечер и ночь ушли на знакомство с последними криминальными делами Благовещенска. Также почитал годовой отчет. Всё это было мне предоставлено городским полицмейстером титулярным советником Леонидом Феофилактовичем Батаревичем. Ознакомившись с бумагой, которую мне выдал главный охранник его высочества генерал-лейтенант Черевин, главный городской полицейский воспылал ко мне любовью. Все мои пожелания по поводу просмотра каких-либо документов выполнялись со скоростью звука. Секретарь даже остался в присутствии на ночь, чтобы снабжать меня новыми томами и папками. За это был ему искренне благодарен.

В общем, после ознакомления с криминальной обстановкой можно было сказать, что Благовещенск – живой город, и умереть в нём очень легко. В среднем одно убийство в день. Такая вот весёлая статистика. В основной массе убийства приходились на китайцев, которых проживало в городе в округе во время сезонных работ больше шести тысяч человек. Все – мужчины в работоспособном возрасте, которые приехали сюда, чтобы заработать. Женщинам и детям выезд из империи Цин был запрещён. Образовавшийся на северо-западной окраине города чайна-таун жил своею жизнью. Следил за порядком и отчитывался перед городскими властями специально избираемый староста. Сезонники не обращали внимания на вопиющую антисанитарию, нищенские условия проживания. Главная цель – заработать денег и сохранить их. В китайском квартале были и курильни опиума, и притоны, с которыми полиция вела безуспешную борьбу, или скорее делала вид, что ведёт борьбу.

У жандармов дела обстояли несколько лучше. В том смысле, что дел практически не было. Да и самих представителей Сибирского жандармского округа в Благовещенске было двое, в Хабаровке трое и двое во Владивостоке. Ситуацию мне объяснил прибывший в Благовещенск вместе с бароном Корфом мой старый знакомый Савельев Владимир Александрович, уже штаб-ротмистр Отдельного корпуса жандармов и начальник отделения при канцелярии приамурского генерал-губернатора. По его словам, минимальное количество населения, проживающего в Приамурском губернаторстве, всего восемь де-юре городов, из которых только Благовещенск и можно назвать городом. С натяжкой Хабаровку. Остальные же города де-факто небольшие поселения. Крупной промышленности нет, высших учебных заведений нет. Горючий материал для революционного движения отсутствует. В общем, тишь да гладь да божья благодать. Поэтому, несмотря на постоянные просьбы расширить штаты, из столицы идут отказы. Но всю необходимую помощь от имеющегося личного состава Савельев пообещал предоставить. Как и кое-какие бумаги на заинтересовавшие меня личности. Опять сегодня допоздна сидеть.

На сегодняшний день у меня была назначена встреча, точнее по моей просьбе дедушка Корф выделил немного своего времени. Надо было с ним решить вопрос по передислокации одной роты Первого

Восточно-Сибирского стрелкового Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича батальона. Возвращаясь из восточного путешествия, Николай стал шефом этого батальона, а располагался он в селе Никольское, будущем городе Уссурийске. Нам эта рота нужна была для усиления охраны цесаревича.

После дедушки Корфа встреча со всеми офицерами конвоя, включая сотника Вертопрахова Романа Андреевича, который будет отвечать за амурцев. Надо составить новые расписания караулов, постов, занятий с учетом появившихся дополнительно тридцати казаков. Потом сопровождение наследника в офицерское собрание. Его высочество соизволило захотеть сегодня поиграть на бильярде.

Савельев вечером предоставит возможность ознакомиться с наблюдательными делами по некоторым гимназистам мужского и женского рода, а также представителям интеллигенции Благовещенска. Оказывается, и тут всё-таки есть вершители судьбы России за столом на кухне. Надо найти время выслушать ещё Кораблева с его информацией. Полный аврал! Где бы ещё пару часов в сутки найти? Да на гимназисток-феминисток их с толком потратить. В смысле пообщаться. Ну, это дня через два. После того как Николай Александрович в театр ходит.

Следующие два дня прошли в такой же суматохе. Информация шла лавиной со всех сторон. Дан, точнее казак лейб-гвардии Данилов Пётр Дмитриевич, стал моим секретарём. Видимо, генетика – не продажная девка империализма! Отец Дана, дядька Дмитро, сколько себя помню, писарь в станице, а у сына роль секретаря получилась с первой попытки. Если бы не Пётр, то я бы захлебнулся в том вале бумаг, который на меня обрушился из всех ведомств.

Видимо, полицмейстер растрезвонил о наличии у меня бумаги от Черевина со смыслом почти как у Ришелье, который выписал гражданскую и правовую индульгенцию для миледи. А согласно внутренним циркулярам все ведомства и учреждения империи должны были немедленно исполнять требования главного начальника охраны и сообщать сведения о замышляемых посягательствах на охраняемых им особ. Вот второй день меня, как представителя генерал-лейтенанта Черевина, заваливали пустыми бумажками из разных ведомств, в основном с выражением верноподданнических чувств.

Вечером в субботу посетили местный театр. Давали оперетту «Цыганский барон». Мне понравилось очень. В той жизни как-то по театрам походить не удалось. Здесь посетил первый раз и был очарован. Не знаю, как играют актёры в столичных труппах, но здесь прима в роли Саффи была просто великолепна. Её лирико-драматическое сопрано, как мне объяснили знатоки про её голос, завораживало. Остальные актёры также пели красиво и замечательно.

Глядя на актрису, которая играла роль Арсены, я улыбнулся про себя, вспомнив доклад Кораблева, как был организован по моей идее осмотр бутончиков врачом-венерологом. Отличился один из старших агентов – Павел Николаевич Михайлов, который специализировался благодаря своей внешности на добывании информации от женщин. Наш герой-любовник за пару дней охмурил подружку примы и так отработал в постели, что девушка была на седьмом небе от счастья. В перерыве между первым и вторым актом любви Паша предложил воспользоваться мазью для усиления чувственности, которую он по случаю приобрёл в городе. Мазь, а точнее то, что произошло дальше, настолько понравилось девице, что она выпытала у агента адрес нашего врача-венеролога. Ну а тот сообщил ей, что для лучшего применения необходимо пройти полный осмотр, для уточнения ингредиентов мази.

Сегодня был только пятый вечер со дня изобретения доктором «мази для чувственной любви», кстати, не знаю, что он туда намешал, но через его кабинет, по докладу Кораблева, прошли не только все актрисы театра, но уже больше двух десятков жительниц славного Благовещенска. Моя идея оказалась финансово очень выгодной для господина доктора. А тот сначала так упирался и не хотел подписывать Кораблеву бумажку с согласием немного поработать на такое уважаемое учреждение, как дворцовая полиция!

Из театра перебрались в зал общественного собрания, где продолжился вечер актёров театра, цесаревича со свитой и местного бомонда. Закончилось гулянье поздно, а с утра из апартаментов Николая Александровича величаво выплыла Элеонора Мелодист, девица двадцати трёх лет, незамужняя, урождённая в семье военного дирижера. В детстве обучалась в Киевской музыкальной школе Пименовой, позднее брала уроки пения у Тартакова. На оперной сцене дебютировала в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году в Киеве.

Придерживается прогрессивных взглядов на отношения мужчины и женщины, прима опереточно-оперной труппы и просто красивая женщина с кошачьей грацией. В жизни выглядит намного лучше, чем на фото. В каких-либо порочащих связях замечена не была. В содержанках не состояла. Но, по слухам, могла подарить ночь любви понравившемуся мужчине. Видимо, цесаревич ей понравился. «Везёт Николаю: то балерина Матильда, то певица Элеонора», – подумал я, глядя на проплывающую мимо меня красавицу.

Сегодня на квартире, снятой одним из агентов, состоялась встреча с первой кандидаткой на службу в секретной части охраны цесаревича – Марией Александровной. Отцом девушки был потомственный купец Александр Филатьев, чей предок Остафий Филатьев ещё в семнадцатом веке скупал пушнину от Туруханска до Приамурья. А мать была из первых беглецов корейцев, которые зимой тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года в количестве шестидесяти пяти душ по льду перешли пограничную реку с удэгейским названием Тумень-Ула. Сейчас она обозначена по-русски как река Туманная, а по-корейски – Туманган.

Перешли и построили фанзы в пятнадцати верстах от военного поста Новгородского. Так было основано первое невоенное поселение из корейцев в Южно-Уссурийском крае в долине реки Тизинхе, теперь река Виноградная. Не прошло и года, как был снят первый урожай кукурузы, проса, ячменя и овощей. При этом корейские крестьяне помогли русским военным сделать запасы крупы. Все остались довольными. Солдаты тем, что их меню разнообразилось, а корейцы тем, что под защитой русской армии их никто в Корею не вернёт и не предаст смертной казни.

Вскоре многие корейцы приняли православие, а девятнадцать лет назад молодая девушка по имени Ван встретила с молодым купцом первой гильдии Александром Филатьевым, который завернул в эти края по торговым делам. Восемнадцать лет назад на свет появился плод этой любви – Мария, которая сейчас скромно примостилась на стуле передо мной.

Как успел узнать из досье на девушку, японскому и корейскому языку, а также чтению и письму на них Марию обучила её бабушка по материнской линии. Будучи незаконнорожденной от феодала «янбана», получила хорошее воспитание и образование. Но любовь зла. Бабушка

Марии полюбила простолюдина «пхёнмина». Отец отвернулся от дочери и забыл о её существовании. Неурожаи заставили семью, в которой росли уже трое детей, включая девятилетнюю старшую дочь, спастись в России.

Российско-корейская граница имела продолжительность чуть больше шестнадцати вёрст и проходила по реке Тумень-Ула, которая была шириной от семидесяти до ста сажень. Перекрыть такой небольшой участок границы не составляло труда. Корейские пограничники могли заметить даже единственного пловца. Но корейские «пхёнмины» бежали в Россию не поодиночке, а целыми семьями, даже целыми деревнями. При этом тащили с собой все пожитки, хозяйственную утварь, гнали имевшуюся скотину. Такой табор мог перейти границу только с ходу, то есть по льду реки. Кроме того, при удачном побеге из Кореи зима давала затем время для подготовки к весеннему севу на новом месте.

Такие подробности я узнал от Кораблева, когда знакомился с досье. А сейчас я листал страницы личного дела Марии Александровны Филатьевой, искоса наблюдал за девушкой, а про себя думал, что такой кадр надо брать стопроцентно. Красавица! Метисы почти всегда получают симпатичными, но передо мной сидела обалденная красавица с азиатским шармом. Умница! Почти все оценки по дисциплинам гимназии выше десяти баллов. Спортсменка! Первое лицо женского пола, которое вошло в клуб велосипедистов города Благовещенск, состоящий пока из восьми членов. Папа любимой дочке ни в чём не отказывает. Даже велосипед приобрёл и специальное платье для езды заказал.

«Осталось только добавить „комсомолка“», – подумал я и задал первый вопрос.

– Мария Александровна, вы подписали документ, который был представлен коллежским секретарём Кораблевым?

Девушка посмотрела на меня своими блестящими карими глазами и тихо ответила:

– Да.

– Сведения, которые вы сейчас услышите, являются секретными и не предназначены для дальнейшего распространения, – я ласково улыбнулся собеседнице. – Надеюсь, вам это понятно?

Мария несколько испуганно посмотрела на меня и кивнула головой в знак согласия.

– Очень хорошо, Мария Александровна. Перед тем как продолжим наш разговор, представлюсь. Извините, что не сделал этого раньше. Обер-офицер Конвоя Его Императорского Высочества хорунжий Аленин-Зейский. Зовут Тимофей Васильевич.

– Тот самый?! – в глазах девушки зажглось любопытство.

– А что вы подразумеваете под этим вопросом?

– Вы тот самый молодой казак Тимофей Аленин по прозвищу Ермак, который два года назад государя наследника Николая Александровича собой от пули бандита закрыл?

Личико у несколько возбудившейся эмоционально Филатьевой стало настолько симпатичным, что я даже про себя мысленно вздохнул сожалеюще, что на работе «неззя...». Точнее, не рекомендуется. Да и письмо от Анечки фон Дерфельден пару дней назад получил, полное, так сказать, дружбы с небольшими намёками на более сильное чувство. Н-да... дилемма.

– Если вы об этом, тогда тот самый, – сухо ответил я.

– А это было больно?

«Да, всё-таки мужское и женское мышление, как и логика, сильно различаются. Вот это вопрос?! Нет, мля, не больно! Встал после этого и пошёл шашкой крушить супостатов дальше!» – подумал я про себя, а вслух ответил:

– Когда попала пуля, было не больно. Просто потерял сознание. А вот после того, как пришёл в себя, было очень больно. Ни вдохнуть, ни выдохнуть, – серьёзно ответил я девушке. – Но давайте вернёмся к нашему разговору, который как раз касается охраны цесаревича. Кроме лейб-гвардии отдельной казачьей сотни Собственного Его Императорского Высочества личного конвоя, в охране государя наследника задействованы также секретные агенты дворцовой полиции. Одним из таких сотрудников, точнее сотрудницей, я вам предлагаю поработать.

Если вам хотелось бы увидеть очень большие, почти как у совы, глаза у корейки, то надо было присутствовать при нашем разговоре и моей последней фразе. Симпатичные карие очи госпожи Филатьевой, которая всё же была больше похожа на мать, стали круглыми, потеряв свой азиатский разрез.

– Вы серьёзно, Тимофей Васильевич? – кое-как выдавила из себя вопрос, как я уже для себя решил, будущая агентесса секретной части.

– Мария Александровна, если вы подписали бумагу о неразглашении сведений, которые вам станут известны, и об ответственности, если это всё же произойдёт, неужели я буду так глупо шутить?!

– А чем я буду заниматься? – спросила постепенно приходящая в себя Филатьева.

– Мария Александровна, я хотел бы сначала услышать ваш ответ: согласны или не согласны. А после этого я расскажу о будущей секретной работе.

– Я согласная! Конечно, согласная! – вскочила со стула со сверкающими глазами девушка, напомнив мне своей комсомольской готовностью ко всему Павку Корчагина, только в юбке.

– Очень хорошо, Мария Александровна. Сядьте на место, – дождавшись, когда девушка присядет на стул, я продолжил: – Ваша работа будет заключаться в следующем. Основное – это проверка на благонадёжность лиц, которые будут иметь доступ к цесаревичу. Кроме того, вы будете обязаны знать в лицо всех живущих при дворце или месте, где будет проживать государь наследник. Знать в лицо всех неблагонадёжных лиц, фотографии которых имеются в секретной части. Также будет востребовано ваше знание японского и корейского языков, особенно умение читать и писать на них. Под руководством господина Кораблева Николая Александровича, который командует секретной частью охраны цесаревича, пройдёте специальное обучение. Вас научат, как с помощью грима изменять свою внешность, специальным приемам рукопашного боя, стрельбе из револьвера и другим премудростям. Например, обнаружение и опрос свидетелей, собирание вещественных доказательств, наружное наблюдение, косвенные улики, антропометрия и фотография.

Пока я всё это перечислял, лицо Филатьевой с каждым словом принимало всё более восторженное выражение, а в глазах полыхало счастье.

«Да, не ошибся Пётр Иванович Бекетов в этой кандидатуре. Чёрт в юбке, а не девушка. Но симпатичная такая чертовка», – подумал я, глядя на девушку.

– Кроме вас на службу планируется принять ещё минимум двух девушек. Так что будет с кем переносить все тяготы и лишения службы в секретной части дворцовой полиции. А теперь о приятном. Как младший агент вы будете получать семьдесят рублей в месяц, – я улыбнулся, увидев, как опять удивлённо округлились глаза Филатьевой. – Плюс к этому ежегодно ещё сто рублей на личные расходы для службы. Это на одежду, грим и прочие мелочи. Пока ещё окончательно не определено, но вернее всего, все девушки будут приняты на службу как вольноопределяющиеся. С учётом вашего образовательного ценза через год можете попытаться сдать экзамены. Если пройдёте эти испытания, то получите первый чин коллежского регистратора.

Нет, я просто таю сегодня от умиления. Какие глаза у Маши свет Александровны! Ещё пара таких удивлений, и в нормальный разрез они уже не вернутся.

В общем, первое собеседование с кандидаткой прошло успешно. Из ещё четырёх кандидатур женского пола остановились на двух, которые в прошлом году закончили гимназию. Через четыре дня тройка агентесс вместе с Кораблевым, четвёркой агентов старичков и ещё десятью вновь принятыми из гимназистов выдвинулись в Хабаровку, которую скоро, возможно в июне, должны были переименовать в Хабаровск. Там они должны были отработать объекты, по требованиям принятых инструкций и регламентов, а также начать обучение молодёжи.

По планам цесаревича мы должны были задержаться в Благовещенске ещё дней на десять-двадцать. Николай Александрович был очарован Элеонорой и о своих должностных обязанностях наместника как-то подзабыл. Если раньше часа четыре, а иногда и пять он уделял работе, то теперь к нему можно было попасть только с утра в течение пары часов. Остальное время он проводил с оперной дивой, что доставляло охране немало хлопот. Такое отношение цесаревича к жизни стало несколько напрягать. Я почувствовал себя телохранителем мальчика-мажора и прожигателя жизни. Хорошо, что в конце мая произошло событие, которое позволило лично мне развлечься, а некоторым лицам с большими погонами задуматься.

Глава 5

Фукусима Ясумаса

Я сидел в своём кабинетике и читал стопку бумаг различного содержания, которую мне вручил Дан. Большинство бумаг мой секретарь отправлял «в корзину», после того как я объяснил ему, что меня интересует, а что можно выкидывать, не читая.

«Итак, что у нас здесь. Сводка от полицмейстера за прошедшие сутки. Два убийства. Все в чайна-тауне. Кто? За что? Как обычно, свидетелей нет. На контакт с полицией никто не идёт, – анализировал я информацию про себя, пробегая глазами лист. – В общем, китайцы, как всегда, изображают три обезьяньи фигуры, закрывающие лапами глаза, уши и рот. По-русски в прошлой моей жизни означало: „Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу“. А на самом деле, как я недавно узнал, эти три обезьяны в Китае символизируют собой идею недеяния зла и отрешённости от неистинного. Если я не вижу зла, не слышу о зле и ничего не говорю о нём, то я защищён от него. Вот такая философия! Но в случае расследования убийств русский вариант подходит лучше. Свидетелей нет, так как никто ничего не видел и не слышал, а если видел и слышал, то не скажет».

Следующей была записка от жандармов, прочитав которую я тихо выпал в осадок. Нет, я понимаю, точнее, слабо ещё понимаю современную действительность. Но чтобы такое? Перечитав записку ещё раз, я убедился, что моё зрение меня не подвело и информацию я усвоил правильно. В записке же говорилось, что сегодня или в течение ближайших двух дней в Благовещенск должен прибыть Фукусима Ясумаса, который в звании майора сухопутных войск служил военным атташе посольства Японии в Германии. А теперь второй год путешествует по Российской империи, совершая спортивный конный переход из Берлина в Токио.

«Охренеть и не встать! – я ещё раз перечитал документ. – Это что же получается, официальный разведчик спокойно передвигается по территории империи?! И ему ещё и торжественные встречи организовывают? Это уму непостижимо!»

Обуреваемый такими мыслями, я направился к штабс-ротмистру Савельеву, благо он вместе со всей свитой генерал-губернатора Корфа

размещался в соседнем здании. И в это время должен был быть у себя.

– Разрешите, Владимир Александрович? – постучав, я открыл дверь кабинета Савельева.

– А, Тимофей Васильевич, проходите. Рад вас видеть. Сейчас чайку распоряджусь подать. Что вас в такую рань привело ко мне?

– Владимир Александрович, привела ваша же служебная записка о скором прибытии в Благовещенск майора Фукусимы. Хотелось бы поподробнее узнать о данном господине. И как вообще могло такое произойти? Офицер Генерального штаба Японии, стопроцентный разведчик, свободно передвигается по территории Российской империи?!

– Что же, как вы сказали, по данному господину кое-какая информация имеется. Получили из Министерства иностранных дел. Секундочку.

Штаб-ротмистр поднялся и направился к небольшому шкафу, откуда достал толстенькую папку. Вернувшись с ней за стол, начал перебирать хранящиеся в ней листы. Выбрав пару из них, достал и передал мне.

– Как чувствовал, что понадобится. Забрал с собой сюда наиболее важные бумаги, – Савельев невесело усмехнулся. – Не очень-то их и много.

Я, пропустив мимо ушей последнюю фразу главного жандарма Дальнего Востока, вчитывался в информацию, содержащуюся в двух листках.

Итак, что мы имеем. Фукусима Ясумаса родился в тысяча восемьсот пятьдесят втором году. «Для сорока лет крепкий дяденька, – подумал я про себя. – Больше двенадцати тысяч километров уже безостановочно намотал. Ладно, читаем дальше». Родился в городе Мацумото в провинции Нагано в самурайском клане Такэда.

«Вот это да! Как рассказывал мне мастер Чжао, который обучал меня в первой будущей жизни бою на шестах, самураи семьи Такэда быстры как ветер, спокойны как лес, яростны как огонь, непоколебимы как гора. Такой у данного клана был девиз. Этот знаменитый японский род вёл свою родословную от императора Сэйва. Шестой потомок императора Минамото-но Ёсимицу разработал айки-дзюцу. Вообще, начиная с двенадцатого века и продолжительное время в несколько столетий семья Минамото была одним из главных правящих кланов

Японии. И из неё вышли многие известные бойцы и правители. Вот, значит, чей ты потомок, господин майор!» – быстро пронеслось в моей голове.

Окончил военную школу в Эдо, после учебы в университете «Нанко» поступил на службу в военное министерство. Наибольшее искусство и мастерство Фукусима Ясумаса показал в сборе информации, то есть работал в области разведки. Был военным атташе в США, в Китае. В течение двух лет путешествовал по британской Индии и Бирме. Пять лет назад был назначен военным атташе в Берлине. Отличный топограф, географ. Знает десять языков. Включая русский.

В феврале тысяча восемьсот девяносто второго года после спора на тему конных спортивных достижений по дальним переходам, на одном из светских раутов в посольстве, посвященном окончанию службы майора военным атташе в Германии, начал своё конное путешествие из Берлина в Токио. Факт спора подтвердил граф Шувалов – наш посол в Германии. На настоящий момент Фукусима Ясумаса совершил верхом на коне переход от Берлина через Польшу и далее по маршруту Петербург – Москва – Казань – Урал – Иркутск – Благовещенск. Находится под неусыпным вниманием Министерства внутренних дел империи.

«Вот так! Классическая разведывательная миссия под дипломатической и ещё спортивной крышами. А между тем Фукусима после Москвы следовал вдоль строящейся Транссибирской железной дороги. Японцы не дураки и понимают, что эта железная дорога после ее завершения станет мечом в подбрюшье Японии. Она позволит перемещать в течение нескольких дней, по сравнению с сегодняшней ситуацией, большое число русских войск и грузов из европейской части России до тихоокеанского побережья и Японского моря. Соответственные японские военные круги не могли не увидеть угрозы в намерении России продолжить до океана железную дорогу и всерьез приступить к эксплуатации богатств Дальнего Востока, – думал я, продолжая тупо смотреть на листок. – Путешествие майора Фукусима – это даже не первая ласточка. С учётом распространённого в Японии внутреннего шпионажа, я уверен, что все города Приморья уже наводнены работниками плаща и кинжала с раскосыми глазами. И почему я об этом раньше не подумал? Хотя, а чего думать! Кто

проблемой контрразведки займется? Жандармы, которых семь человек на весь Дальний Восток, или полицейские, которых, если отбросить количество нижних чинов, тоже по пальцам пересчитать можно?!»

– О чём задумались, Тимофей Васильевич? – вывел меня из ступора Савельев.

– Насколько понимаю, сделать с майором Фукусима что-нибудь по принципу «закон – тайга, прокурор – медведь» мы не сможем?

– Извините, по какому принципу? – Савельев удивлённо смотрел на меня.

– Владимир Александрович, мы с вами понимаем, что японец – разведчик. Его путешествие по строящейся железной дороге и далее по тракту до Владивостока – это сбор развединформации, которая позволит японскому Генштабу оценить военное положение нашей армии в Сибири и на Дальнем Востоке. То есть Фукусима несёт с собой и в своей голове важную информацию, которую добыл, занимаясь шпионажем. То есть формально нарушая закон. Вот я и подумал, хорошо бы было, если бы мишка или тигр привел приговор в исполнение. Пропал в тайге смелый путешественник. Только кто нам это сделать разрешит?! – с улыбкой ответил я штабс-ротмистру.

– Ну, вы и зверь, Тимофей Васильевич. Взять и скормить хищникам такого отважного человека, хотя и японца, – улыбнулся мне в ответ Савельев. – Но если честно, то я вас полностью поддерживаю. Хотя сделать такое нам, конечно, никто не разрешит.

– Но посмотреть-то информацию, которую он наверняка отразил в письменном виде, мы должны и обязаны, – уже серьёзно произнёс я, глядя в глаза штабс-ротмистра.

– И как вы себе это представляете, Тимофей Васильевич?

– Честно говоря, пока не знаю. Надо подумать, – ответил я и улыбнулся.

– Чему улыбаетесь? – тут же поинтересовался штабс-ротмистр. – Что-то придумали?

– Нет, не придумал, Владимир Александрович. Просто вспомнил историю, которую мне рассказал Джунг Хи. Как бы нам не оказаться в роли тех, о ком он мне рассказывал.

– И о чём или о ком он вам рассказывал?

– Владимир Александрович, вы что-нибудь слышали о таких японских воинах, которых называют «синоби-но моно»? – спросил я

Савельева.

– Нет, Тимофей Васильевич. А кто это?

– Если переводить буквально два иероглифа, которыми это слово пишется, то получится «скрывающийся человек» или «проникающий тайно человек». Так в Японии, начиная с пятнадцатого века, называли шпионов и лазутчиков. Все эти «демоны ночи» в совершенстве владели нин-дзюцу – искусством шпионажа и разведки.

– Очень интересно. Продолжайте, Тимофей Васильевич, – попросил меня штабс-капитан. – Я более семи лет служу на Дальнем Востоке, но о каких-то синоби слышу впервые.

– Владимир Александрович, рассказывать об этих японских разведчиках можно долго, так же как слушать сказки о подвигах наших казаков-пластунов. Особенно если рассказ ведут сами казаки, – я усмехнулся и увидел такую же весёлую ухмылку на лице Савельева. – Но я хотел вам сообщить о событиях, которые произошли сравнительно недавно. В тысяча восемьсот пятьдесят третьем году американская эскадра кораблей под командованием командора Пэрри вошла в бухту недалеко от города Эдо. Пэрри передал сёгуну письмо от президента США с предложением о начале переговоров об «открытии» Японских островов для проникновения туда иностранных держав. Это предложение было поддержано десятками пушек эскадры, дула которых уставились в сторону японского берега. Все это вызвало немалый переполох. Администрация сёгуна не знала, что делать. В этой ситуации было решено прибегнуть к помощи синоби-но моно, чтобы выяснить истинные планы «заморских дьяволов», – я, по Станиславскому, сделал паузу.

– И что было дальше? – заинтересованно спросил штабс-ротмистр.

– А дальше, Владимир Александрович, на корабль командора прибыли то ли один, то ли несколько этих «невидимок». Они подслушали совещание, которое проводил со своими капитанами командор Пэрри. Им удалось украсть что-то из документов, кое-какие вещи. После этих шпионских подвигов синоби-но моно вернулись к сёгуну и предоставили ему все добытые сведения.

Здесь я опять замолчал.

– Тимофей Васильевич, не томите. Продолжайте! Вы так драматично сделали паузу!

– Все действия этих великолепных лазутчиков оказались напрасными. Никто не мог прочесть принесённые документы. А синоби-но моно не могли рассказать, о чём шло совещание. Англо-американского языка в Японии никто не знал. Вот такая незадача случилась у японцев, – грустно закончил я.

Савельев несколько секунд удивлённо смотрел на меня, а потом захохотал.

– И что вы так громко смеётесь, господин штабс-капитан? – сдерживая улыбку, спросил я.

Савельев, вытерев выступившие на глазах слёзы и продолжая подхихикивать, произнёс:

– Представил, как мы добыли записи Фукусимы и ломаем голову, как их прочесть. Я-то точно не смогу. Не знаю я японского языка, Тимофей Васильевич.

– Я знаком, но поверхностно, – уже серьёзно и задумчиво ответил я. – Тем более, как предполагаю, самое важно наверняка будет записано шифром. А к нему нужен ключ. У вас, Владимир Александрович, есть знакомый криптограф, в совершенстве владеющий японским языком?

– Вы издеваетесь, Тимофей Васильевич? – Савельев перестал улыбаться и внимательно смотрел на меня. – Это что же, ваша затея – добыть документы майора – не имеет перспективы?! Даже если и добудем, то не сможем прочесть.

– Получается так, Владимир Александрович. Боюсь, что я и Филатьева вряд ли справимся с дешифровкой. Если только майор Фукусима обнаглел и не шифрует свои записи, надеясь на свою полную дипломатическую защищённость. Кстати, до сих пор не могу понять, как ему разрешили спокойно проследовать через территорию империи? – спросил я у главного жандарма Дальнего Востока. – Или я чего-то не понимаю?

– Тимофей Васильевич, а что вам известно о работе наших дипломатов, военных атташе и агентов?

– Признаюсь, Владимир Александрович, что практически ничего.

– Тогда я проведу для вас небольшой экскурс по деятельности нашей работы за рубежом. – Савельев удобнее устроился на стуле. – Как ни обидно мне говорить, но наибольшую агентурную сеть за рубежом имеет Министерство иностранных дел. Эта агентура

добывает в основном секретные сведения дипломатического и политического характера. Данной разведкой ведает и руководит Департамент политических дел Министерства иностранных дел, а на местах за рубежом – послы и консулы. Как говорят, им выделяются значительные суммы на содержание платных тайных агентов.

Штабс-ротмистр горестно вздохнул, а потом мечтательно закатил к потолку глаза.

– Также нельзя забывать, что на МИД эффективно работает «черный кабинет», пускай формально подчинённый МВД. Через это подразделение МИД получает ценную информацию через перлюстрацию переписки посольств, консульств, миссий и агентств иностранных государств, расположенных в столице.

– И каким образом удастся читать эту корреспонденцию? – поинтересовался я.

– Врать не буду. Точно не знаю. Но на уровне слухов во время прохождения учёбы слышал, что почта дипломатических представительств попадает в «черный кабинет» за несколько минут до заделки постпакета перед отправлением его на вокзал. В этой секретной экспедиции имеется полная коллекция безукоризненно сделанных металлических печатей как всех иностранных посольств, консульств, миссий и агентств в Санкт-Петербурге и за границей, так и всех послов, консулов, атташе, министров и канцлеров. С помощью печаток вскрывать и заделывать эту дипломатическую переписку, без малейшего следа вскрытия, не представляет никаких затруднений. Но это всё на уровне слухов, мой друг.

Я понятливо кивнул головой, изображая, что намёк представителя корпуса жандармов понял. Между тем, Савельев продолжал читать мне ликбез по шпионажу и разведке.

– Опять же, по информации, которая ходит в отдельном корпусе жандармов, в МИДе имеются и шифрованные коды всех стран, с помощью которых эту корреспонденцию свободно читают и переводят, но уже не в «черном кабинете», а в другом. Как он называется, я не знаю. Но, возможно, представители данного учреждения смогут прочитать записки Фукусимы, если мы их добудем. Как вы на это предложение смотрите, Тимофей Васильевич?

– Я обеими руками за, Владимир Александрович. Если только есть такая возможность?!

– Я думаю, если вы отправите материалы генерал-лейтенанту Черевину, то он найдёт такую возможность. Но мы немного отвлеклись. С вашего позволения, я продолжу.

– С удовольствием слушаю вас, Владимир Александрович, – ответил я, ничуть не покривив душой.

– На второе место по агентурной работе я поставил наше ведомство – Министерство внутренних дел. Но данная работа, на мой взгляд, несколько ограничена. Основной задачей нашей агентуры является освещение русских революционных организаций, отдельных революционеров и их деятельности за границей, – Савельев на несколько секунд задумался, а потом продолжил: – Народовольцы, Тимофей Васильевич, окончательно не разгромлены. Голод, обрушившийся на многие губернии России за последние два года, добавил много сторонников в их ряды здесь, внутри страны. А за рубежом идут теоретические изыскания новых форм борьбы с самодержавием. Но многие остаются на прежней платформе террора. Когда переберёмся в Хабаровку, я дам вам почитать наши бюллетени за три последних года.

– Было бы интересно ознакомиться, – вставил я своё слово. – Заранее благодарю, Владимир Александрович.

– Успеете поблагодарить, Тимофей Васильевич. Я к чему всё это рассказываю. Все круги власти во всех странах знают, что дипломаты занимаются сбором разведывательной информации, но закрывают на это глаза. Как пример, расскажу вам байку, которую слышал во время учебы на курсах. Правда она, или это исторический анекдот, судить вам.

Савельев, сцепив ладони в замок, положил их на стол и на несколько секунд замолчал. Собравшись с мыслями, он начал рассказ:

– В бытность, когда генерал от инфантерии граф Николай Павлович Игнатьев служил военным агентом в Лондоне, это было в конце пятидесятых годов, он получил однажды письмо из Санкт-Петербурга. Лист письма имел оттиски всех почтовых штемпелей на одной стороне вложения, хотя на конверте штемпели были положены одни на лицевой, а другие на клапанной стороне конверта. Этим письмом с такими оттисками можно было доказать, что послание было перлюстрировано в Лондоне или на британских островах. Граф Игнатьев упрекнул министра иностранных дел Великобритании в том,

что его подчиненные вскрывают письма члена русской миссии. Министр, а тогда им был граф Джордж Кларендон, дал честное слово лорда, что в Англии «черного кабинета» не существует. Позже в приватной беседе граф сказал Игнатьеву: «А что же я, по-вашему, должен был сказать? Неужели вы думаете, что нам не интересно знать, что вам пишет ваш министр и что вы ему доносите про нас?»

– Да, англичане известные джентльмены и люди слова. Хочу – дал слово, хочу – взял назад, – грустно усмехнулся я.

– Вы верно подметили, Тимофей Васильевич, – также не очень весело усмехнулся штабс-ротмистр. – Этой историей я хотел довести до вас, что все всё знают, но делают вид, что не знают. Такое положение дел мы видим и в отношении майора Фукусимы. Все знают, кто он такой, знают, чем будет заниматься при проезде через российскую территорию. Но сложившееся положение вещей обязывает делать вид, что ничего не происходит. У нас в уголовном уложении даже статьи нет, которую мы могли бы применить к этому клятому японцу. Даже если докажем его шпионаж, максимум, что сможем сделать – проводить господина Фукусиму до Владивостока и с почётом отправить в Японию. И всё!

– Это правда, Владимир Александрович? – я, охреневший от такой информации, ошеломленно смотрел на Савельева.

– К моему глубокому сожалению, правда. Такое у нас законодательство. Если бы Фукусима был подданным Российской империи, то к нему по «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» в редакции восемьдесят пятого года можно было бы применить статью двести пятьдесят шестую. – Штабс-ротмистр прищурил глаза, сделал паузу, а потом по памяти процитировал: – «Кто из российских подданных откроет какую-либо государственную тайну иностранному, хотя и не враждебным с нею державам или сообщит им планы российских крепостей или иных укрепленных мест или гаваней, портов, арсеналов, или опубликует сии планы без дозволения правительства, то за сие приговаривается к лишению всех прав состояния и к ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири».

Савельев замолчал, перевёл дух и грустно улыбнулся.

– Вот такие вот дела, Тимофей Васильевич... мать её! – не сдержался штабс-ротмистр.

– И что, никаких статей нет, по которым можно привлечь Фукусиму?

– Нет, мой друг. Увы, нет. А вот за ваше предложение действовать по принципу «тайга – закон, прокурор – медведь» к нам могут применить статью двести пятьдесят девятую. Не хотите ознакомиться?

– Век живи, век учись и всё равно дураком помрёшь. Добивайте меня глупого, господин штабс-капитан.

– Так вот, Тимофей Васильевич, если кто-либо из российских подданных в мирное время нападет открыто силою на жителей государств соседних или иностранных и через то подвергнет своё отечество опасности разрыва с дружественною державою... – Савельев остановился и внимательно посмотрел на меня. – Может Япония из-за Фукусимы, если всплывёт правда, поднять вопрос о разрыве отношений с нашей империей? Как думаете, Тимофей Васильевич?

Я неопределённо пожал плечами. «Давно меня так фэйсом об тэйбол не возили, – подумал я. – Учи матчасть, господин хорунжий. Где бы только время на учёбу найти?!»

– Я тоже не знаю ответа на этот вопрос, но наказание по этой статье – каторжные работы от восьми до десяти лет. Вот такие вот дела, мой друг.

– Владимир Александрович, так нам что, в сторону японского майора и посмотреть нельзя? – с какой-то горечью в душе я задал вопрос штабс-капитану.

– Посмотрим, Тимофей Васильевич, обязательно посмотрим. А пока, чтобы больше к этой проблеме не возвращаться, я быстро закончу свой несколько затянувшийся экскурс по агентурной работе. – Савельев вновь сцепил в замок ладони, лежащие на столе, после чего продолжил: – Агенты МВД в странах, где русские политические эмигранты чаще всего находят себе убежище, работают совершенно открыто и известны местным властям. Мало того, на уровне государя поднимается вопрос о заключении официальных соглашений с некоторыми правительствами о совместной объединенной борьбе с революционным движением.

Я сидел, пришибленный полученной информацией, и думал о том, как я, оказывается, мало знаю о действительности, в которой сейчас живу. Одно дело молодой казачок Амурского войска, и совершенно

другое дело, когда ты телохранитель особы, которая в моём мире в следующем году станет императором. Савельев же продолжал свой экскурс, делясь со мной информацией, о которой в открытых источниках не пишут. Да и говорить об этом не принято.

– Третье место по агентурной работе можно отнести Министерству двора. Эта агентура занимается, главным образом, собиранием разных придворных сплетен, выяснением и освещением дрызг, склок, и вообще закулисной интимной жизнью иностранных дворов. Мимоходом, в зависимости от наклонностей и способностей главного агента, изредка освещают также вопросы политические, дипломатические и военные. По количеству действующих лиц агентура двора небольшая, но зато она прекрасно обставлена, с большими возможностями и снабжена весьма крупными суммами денег. Руководят этой агентурой специальные доверенные государя при дворах иностранных монархов.

На этой фразе Савельева прервал денщик, который наконец-то принёс давно заказанный чай. Водрузив на стол небольшой самовар с заварным чайником, солдат быстро расставил блюда, чашки, ложки, а также тарелки с печевом, маслом, вареньем и исчез из кабинета. После того как молча перекусили под чай, Савельев продолжил:

– Министерства финансов, торговли и промышленности также имеют самостоятельные зарубежные агентуры. Интересуются они в основном секретными сведениями финансового, коммерческого и экономического характера. Эти данные добываются официальными агентами указанных ведомств, находящимися при заграничных посольствах. – Савельев сделал глоток чая и продолжил: – И наконец, дошли до Военного ведомства. А с ним дела обстоят очень грустно. Заведует разведкой за рубежом «военно-ученый комитет», непосредственно подчиненный военному министру Ванновскому. Я ничего не могу сказать плохого о Петре Семёновиче, но в Японии сейчас военного агента нет, только морской. В прошлом году посланником в эту страну был назначен Михаил Александрович Хитрово. С ним в дипломатические представительства отправилось несколько кадровых офицеров. Насколько мне известно, ни один из них не знает японского языка. И что они там будут делать? Всё, больше не буду о наболевшем, Тимофей Васильевич. Давайте вернёмся к нашему Фукусиме.

– Давайте, Владимир Александрович, – ответил я.

– Какие у вас предложения, Тимофей Васильевич?

– Господин штабс-ротмистр, у вас есть на примете хороший фотограф?

– А зачем нам фотограф? – удивлённо спросил Савельев.

– Я подумал о том, что государь наследник наверняка захочет встретиться с таким знаменитым путешественником. Тем более, майор говорит на русском языке. Часа три, а то и четыре эта встреча займёт...

– Интересно, очень интересно, Тимофей Васильевич, – перебил меня штабс-ротмистр. – Поселим Фукусиму в номер в гостинице. На этаже в другом номере фотограф и пара моих ребят. За три-четыре часа и номер обыщем, и фото того, что найдём, сделаем. Bravo, господин хорунжий! Сейчас дам команду, чтобы сюда прибыл поручик Чижов Александр Павлович. Я думаю, он нам подскажет кандидатуру фотографа.

Пока дожидались поручика Чижова, который представлял отдельный корпус жандармов в Благовещенске, пришли к выводу, что кроме фотографа необходим штатив с поверхностью. Если держать в руках лист бумаги или блокнот, то фотографии, вернее всего, получатся смазанными. А нам для дешифровки необходимо четкое изображение каждого иероглифа. Поэтому необходима конструкция, которая позволит надежно зафиксировать бумаги в вертикальном положении. Также договорились, что я буду в комнате с фотографом и отберу необходимые материалы для копирования.

Пришедший Чижов ошарашил Савельева и меня сообщением, что в основной своей массе в Благовещенске фотоателье содержат японские поданные Като, Ивата, Кофузи, Мигива, Мизухо и другие. Самое крупное ателье было у Като Сэтоши, который специализировался не только на портретах, но проявил себя еще и как хроникер Благовещенска. Его снимки о значительных событиях в городе Благовещенске были опубликованы в памятных книжках и иллюстрированном приложении к «Амурской газете» и в газете «Друг маньчжур».

Сидя за столом уже втроём и потягивая чай, я слушал поручика и опять потихоньку выпадал в осадок. Это надо же, на весь город Благовещенск два русских фотографа и двенадцать фотографов –

японских поданных. Можно сказать, узаконенная разведсеть представителей Страны восходящего солнца.

– Чем-то недовольны, Тимофей Васильевич? – глядя на меня, поинтересовался Савельев. – У вас такое выражение лица, будто вы лимон вместе с кожурой съели.

– А как здесь быть довольным, господа? – ответил вопросом на вопрос я. – Двенадцать шпионов в городе делают что захотят. Не удивлюсь, что Генеральный штаб Японии имеет фотографии чуть ли не всех наших офицеров в Приамурье, фото наших пароходов, особенно тех, которые принадлежат Военному ведомству и должны быть вооружены в случае боевых действий. Это «Зея», «Онон», «Ингода», «Чита», «Константин», «Генерал Корсаков». А также пароходов Сибирской флотилии «Шилки», «Амура», «Лены», «Сунгачи», «Усури», винтовых баркасов и барж.

– Тимофей Васильевич, вы что, действительно думаете, что все японцы в Благовещенске работают на разведку? – усмехнулся поручик Чижов.

– Александр Павлович, я бы очень хотел ошибиться, но боюсь, что в основном это так. Понимаете, у японцев другой менталитет. Для них сотрудничество с офицерами Генерального штаба – это честь. В отличие от наших поданных, которые не особо идут на контакт с офицерами отдельного корпуса жандармов... – я отхлебнул чая, глядя на скривившиеся физиономии Савельева и Чиждова, и продолжил: – Не удивлюсь, что в Благовещенске кроме японских фотографов на разведку работают и парикмахеры, и содержатели определённых домов, вместе с девами, и японские слуги в домах наших старших офицеров и генералов. Рискну предположить, что японская разведсеть в Благовещенске состоит минимум из ста человек и с десятков из них имеют звание не ниже лейтенанта.

– По-моему, вы преувеличиваете, мой друг, – вступил в разговор Савельев. – Нельзя же в каждом подданном микадо видеть шпиона.

– Владимир Александрович, а я не в каждом вижу. Но те, кто может получать информацию из первых рук от наших офицеров, по мне, так наверняка работают на Генеральный штаб Японии или его офицеров. И самое страшное, по вашей же информации о нашем законодательстве, мы с ними ничего не сможем сделать в мирное время. Максимум выслать в Японию.

– А я теперь поддержу господина хорунжего, – произнёс Чижов. – Японцев в Благовещенске проживает не так много, и в отличие от китайцев они не заняты черновой работой. В основном сфера обслуживания, и обслуживания, можно сказать, высшего света, проживающего в городе. Признаться, до слов Тимофея Васильевича я над этим как-то не задумывался. А картинка-то страшная получается, господа.

– Да, картина действительно страшенькая получается, – каким-то отстранённым голосом произнёс Савельев. – В Хабаровке практически у всех офицеров слуги в домах – японцы. У меня у самого гувернантка, которая помогает жене в воспитании нашего трехлетнего сына, – японка. И признаюсь, мне очень нравится её услужливость, чистоплотность и аккуратность. А теперь даже не хочу вспоминать, о чём мы с женой и гостями говорили в её присутствии. Русским она владеет очень хорошо.

– Господа, надо что-то делать! Если Тимофей Васильевич прав, то мы сами наносим себе непоправимый ущерб, – загорячился поручик.

– Господин хорунжий из нас самый близкий к его императорскому высочеству. Вот пускай и донесёт до наместника о состоянии дел в этой области, – грустно произнёс Савельев, будто не веря в положительную реакцию со стороны руководства.

– Расскажу, Владимир Александрович, обязательно расскажу, а точнее доложу, но только после того, как у нас на руках будет хоть какое-то доказательство всех тех измышлений, которые сейчас здесь прозвучали. А для этого нам нужен фотограф. – Я повернулся в сторону поручика. – Александр Павлович, кто из двух русских представителей этой профессии больше подойдёт для нашей миссии? Моишеев или Динесс?

– Моишеев Михаил из мещан, – начал перечислять поручик. – В основном занимается портретами. Одно из старейших ателье города. Такая же аппаратура.

– А у Динесс какая аппаратура? – поинтересовался Савельев.

– У мадам Динесс, насколько мне известно, аппаратура очень хорошая. – Увидев наши удивлённые лица, поручик пояснил: – После смерти мужа мадам Динесс, в девичестве Хлебникова, выбрала профессию фотографа. Не знаю, каким образом она этого добилась, но по поручению Академии наук была направлена в этнографическую

экспедицию. В тысяча восемьсот девяностом году Динесс посещает Камчатку, Сахалин, попадает в Хабаровку и Уссурийск, а после едет в Маньчжурию, Порт-Артур и Пекин. Фотографировала посещение цесаревичем Благовещенска два года назад. Её ателье «А. П. Динесс на Амуре» базируется в Благовещенске с тысяча восемьсот девяносто первого года. Женщина решительная, смелая, я бы даже сказал, авантюристка. С господином Като Сэтоши бьётся за лидерство своего фотоателье в городе второй год.

– Владимир Александрович, кажется, это наш человек, – я, не скрывая довольной улыбки, посмотрел на штабс-ротмистра.

– Господа, а не сделать ли нам групповую фотографию? Если мадам Динесс не захочет сотрудничать с отдельным корпусом жандармов, возможно, не откажет просьбе хорунжего Аленина-Зейского, о котором так много говорят в Благовещенске? – произнёс, поднимаясь из-за стола, Савельев.

Я достал из кармана часы. Откинув крышку, посмотрел на циферблат.

– Что же, полтора часа до доклада у меня есть, а такого ценного кадра упускать нельзя. Я готов, Владимир Александрович.

Глава 6

Операция «Фотограф»

Аглая Павловна Динесс оказалась приятной высокой дамой лет тридцати пяти – сорока. Широкая в кости с большими ладонями, она производила впечатление сильной женщины. Наверняка такой и была. Чтобы таскать современное чудо фототехники на большие расстояния, нужна была приличная сила и выносливость. Аппарат вместе со штативом весил килограммов десять-пятнадцать, да и фотопластины из стекла тоже весили прилично. Между тем за счёт грации и пластики движений, а также миловидного лица Аглая Павловна выглядела очень привлекательно.

Когда входили в фотосалон, я заметил, как поморщилась женщина-фотограф, увидев мундиры офицеров-жандармов. Но потом доброжелательная улыбка не сходила с её лица, пока она составляла из меня, Савельева и Чижова композицию для фото. В это время надо было не просто сфотографировать, а ещё и разместить клиентов перед объективом так, чтобы получилось что-то красивое и достойное.

Савельева мадам Динесс разместила сидя на стуле, меня и Чижова поставила по бокам. Несколько раз примерялась к камере. Возвращалась к нам. Мне поправила орден и медали, Чижову его причёску. Потом попросила замереть. «Сыыыыыр!» – подумал я про себя, непроизвольно улыбнувшись.

– Внимание, снимаю! – произнесла Динесс и медленным, изящным движением сняла крышку объектива, провела ею по кругу и надела обратно. – Снято!

Съемка закончилась.

– Вот и всё, господа. Большое спасибо за ваше терпение. Фотографии будут готовы завтра после обеда, – с милой улыбкой произнесла мадам Динесс, показывая всем своим видом, что её работа закончена.

– Аглая Павловна, большое спасибо, – как было обусловлено заранее, вступил в разговор штабс-ротмистр Савельев. Опыта по вербовке у него было значительно больше, чем у Чижова, а тем более у меня. – Будьте любезны, уделите мне пару минут вашего времени, – с

этими словами Владимир Александрович взял мадам Динесс под руку и отвел её чуть в сторону.

Я же направился к штативной камере. Такие я видел только в кино в прошлой-будущей жизни. «И чей это агрегат? – подумал я, разглядывая аппарат. – Надо же, кажется, наш отечественный, или нет?!» Надпись на шильдике над объективом гласила: «К. И. Фреландтг. Невск. пр. № 30–16. С.-Петербургъ». Я аккуратно провел пальцем по гармошке фотокамеры и резко отдернул руку, услышав громко произнесённую фразу: «Об этом не может быть и речи, господин штабс-капитан».

Я повернулся в сторону Савельева и Динесс, которые отошли в глубину зала ателье, и увидел, как Владимир Александрович, разведя руками, направился в мою сторону.

– Тимофей Васильевич, может быть, вы поговорите с мадам Динесс? – штабс-ротмистр тяжело вздохнул. – У меня, к сожалению, убедить её помочь нам не получилось.

– Владимир Александрович, а вы говорили ей, чьи бумаги надо будет фотографировать?

– Нет, Тимофей Васильевич. Это я бы ей сказал, если бы она согласилась.

– Ну что же, попробую. Но если у вас не получилось, думаю, у меня тем более не получится, – с этими словами я направился в сторону первой женщины-фотографа в Благовещенске, а может быть, и во всей России.

– Аглая Павловна, позвольте представиться, хорунжий Аленин-Зейский Тимофей Васильевич обер-офицер Личного конвоя Его Императорского Высочества.

– И что делает казачий офицер, Георгиевский кавалер в обществе жандармов? – задрав вверх курносый носик, несколько презрительно спросила Динесс.

– Можно сказать, то же, что и они. Офицеры отдельного корпуса жандармов пресекают государственные преступления, а я пресекаю возможные покушения на государя наследника, – я сделал жест рукой, попросив женщину помолчать. – Прежде чем вы что-то скажете, я хотел бы уточнить одну деталь. Вы сможете переснять с небольшого листка бумаги текст, написанный иероглифами, так, чтобы они не расплылись и были читаемы?

– Какие иероглифы? Вы о чём говорите, Тимофей Васильевич?

– Аглая Павловна, ещё раз вас спрашиваю, вы сможете переснять с небольшого листка бумаги текст, написанный иероглифами, так, чтобы они не расплылись и были читаемы на фотографии? Если нет, то дальнейший разговор бессмыслен, – я холодно посмотрел на женщину. – Если же сможете, то прежде чем я вам всё расскажу, придётся дать подписку.

– Я этого не сделаю! – импульсивно воскликнула Динесс.

– Вы не дали мне договорить, Аглая Павловна. Подписку о неразглашении информации, которая вам станет известной. Её разглашение приравнивается к государственной измене. Подписку можно будет дать либо штабс-ротмистру Савельеву, либо представителю дворцовой полиции Министерства двора Его Императорского Величества. Итак, я жду вашего ответа!

«Да, загрузил я мадам Динесс. Стоит, глазами хлопает, ртом воздух глотает. Не знает, что ответить. И хочется, и колется, и мама не велит, – думал я про себя, глядя на мысленно подвисшую Аглаю Павловну. – Ну, давай, рожай быстрее, госпожа фотограф. Тебе же такую конфетку подкинули – информация, связанная с государственной тайной. Неужели не поведешься?»

– Да, я согласна, – наконец-то выдавила из себя мадам Динесс.

– Да – это сможете сфотографировать, а согласна – это подписать документ о неразглашении сведений, которые вам станут известны? Я правильно понял?! – произнося последнюю фразу, голосом я несколько надавил на женщину.

– Вы правильно поняли, Тимофей Васильевич. Какого размера будет бумага, которую надо будет сфотографировать?

Мадам Динесс довольно быстро пришла в себя. Начала задавать уточняющие вопросы. Но их пришлось чуть приостановить, пока Аглая Павловна не поставила свой автограф в подписке о неразглашении государственной тайны. Ну, как говорится, стоит только коготку увязнуть... Чувствую, скоро и другую подпись поставит мадам в агентурном деле. А поручик Чижов показал мне большой палец и изобразил лицом восторг, когда Аглая его не видела.

В общем, всё закончилось хорошо, даже, можно сказать, отлично. Мы получили замечательного специалиста. Как выяснили у Динесс, она занималась и пересъемкой фото, и у неё были специальные

приспособления-штативы-держатели, как для горизонтальной, так и для вертикальной съемки. Запас фотопластин был большой. Как раз недавно большая партия пришла по её заказу из Санкт-Петербурга. Наша цена за каждую пластину и снимок Аглаю Павловну больше чем устроила. А когда она узнала, что фотографировать придётся документы, которые тайком изымут на время у военного атташе Японии в Берлине, то женщина аж повизгивать начала от удовольствия. Видимо, фотографы-японцы как конкуренты её сильно достали.

Оставалось только дожждаться прибытия майора Фукусимы. Он тоже не заставил себя долго ждать и прибыл на следующий день к вечеру. К этому времени Савельеву удалось сделать практически невозможное. Он смог освободить два номера на одном этаже в гостинице. Из-за приезда в город цесаревича наместника со свитой мест в гостиницах города не было, со словом вообще не было.

Японца представители корпуса жандармов разместили в гостинице, сообщив ему, что с ним собирается встретиться государь наследник для беседы. Я приставил присматривать за майором троих из пяти оставшихся у меня агентов секретной части. Надо же было узнать, с кем будет встречаться официальный разведчик в городе Благовещенске.

На следующий день на утреннем докладе довёл до Николая информацию о приезде японского военного атташе в Берлине. А то как-то нехорошо получилось. И невеста, и родители согласны, а вот жениха как-то забыли предупредить. Хорошо, что господин наместник был несильно занят, заинтересован и даже заинтригован моей просьбой поговорить с майором Фукусимой как можно дольше. Пришлось кратко рассказать Николаю о том, что мы затеяли с главным жандармом Дальнего Востока. С большой неохотой цесаревич дал добро, но при этом посетовал, что предлагаемые действия не вполне соответствуют понятиям чести и законности.

Вышел я от будущего императора несколько взвинченным, думая про себя, что вот это чистоплюйство и стало одним из факторов, которые привели Николая Второго вместе с семейством в подвал ипатьевского дома. И хорошо бы у Фукусимы нашлись сведения, которые показали бы этому придерживающемуся рыцарских правил поведения цесаревичу, что есть грязная и невидимая война. И на её

фоне наши действия – это так, семечки. Ладно, отправляем к майору фельдъегеря с приглашением, а сами переодеваемся в партикулярное платье и потихоньку двигаем к мадам Динесс, а с ней в гостиницу. Надо же помочь с тяжёлым оборудованием. Это вам не двадцать первый век со смартфонами, планшетами и прочими гаджетами. Здесь потрудиться придется.

Через час разместились в номере, и мадам Динесс стала готовить оборудование. В номере кроме меня, Аглаи Павловны присутствовали поручик Чижов и один из моих секретных агентов – Буров Пётр Фёдорович, который, оказывается, имел специализацию по тайным осмотрам помещений. У него даже имелся богатый набор отмычек. Это выяснилось сегодня с утра, когда старший агент из оставшейся пятёрки доложил мне, что майор Фукусима после размещения в гостинице заказал в номер переносную ванну для мытья, отдал в чистку и стирку одежду. Ужинал в номере. До утра из него не выходил. Сегодня в семь ноль-ноль вышел в город. Посетил ателье Като Сэтоши, где сфотографировался. В это же время фотоателье посетили еще два азиата, в которых приданный к группе наблюдения городской опознал владельцев ещё двух фотосалонов Мигива Изаму и Мизухо Тэкео.

Выслушав этот интересный доклад, особенно про фотосалон Като Сэтоши, я вслух посетовал, что хорошо бы негласно проверить помещения этих японцев-фотографов. После моих слов старший агент Макеев, который был в моей секретной части кем-то вроде администратора-завхоза, сообщил о Бурове. И теперь данный агент был готов вместе с Чижовым приступить к осмотру номера Фукусимы.

Дождавшись времени «Ч», когда майора должен был принять цесаревич, Буров и Чижов направились к номеру Фукусимы. Удивившись, как быстро Буров вскрыл замок, я выдвинулся к лестнице, по которой надо было подняться в коридор с шестью дверями в номера гостиницы. Всё было тихо.

Немного постояв перед лестницей, я вернулся к номеру, куда поселили японца, и постучал условным стуком. Дверь приоткрылась, и Буров передал мне блокнот. Взяв его, я быстро переместился в номер, где находилась мадам Динесс. Читаем.

«Пока я подъезжал к Казани, духота всё более усиливалась, и температура днём поднялась до двадцати пяти – тридцати градусов

Реомюра^[6]. Едущий под палящим солнцем конь вскоре, задыхаясь и проливая пот, словно как падающий водопад, через несколько ри^[7] уже переутомился».

Не то! Перелистнул несколько листов. Читаю.

«Так как я подвергался частым рвотам, то опасался, не случится ли со мной солнечный удар. Вот почему я решил, что от Казани на востоке буду отдыхать днём и ехать ночью».

Дальше. Листаю ещё пару-тройку листов. Скольжу по иероглифам глазами.

«Двадцать восьмого числа я приехал в Пермь. Расстояние между Казанью и Пермью равняется ста пятидесяти четырем нашим ри. Хотя пятнадцать дней было потрачено на всю поездку, но сам пробег на коне был совершён в течение тринадцати дней за исключением двухдневной остановки. Поэтому проехавшая за одну ночь дистанция в среднем равняется около двенадцати ри. Это означает то, что в этот раз я ежедневно проезжал почти по одному ри, больше, чем тогда, когда я проехал сто десять ри от Нижнего Новгорода в Казань в течение десяти дней. Это так и случилось благодаря удобству ночной поездки. Ночью везде так прохладно и тихо, что и конь поощряется к быстрому ходу. К тому же он начинает бить копытом о землю и с испугом ускорять бег, услышав хотя бы малейшее звучание. Вся дорога на протяжении ста пятидесяти четырёх ри покрыта сплошным дремучим лесом, и лишь в промежутках найдены два маленьких городка – Малмыж и Оханск».

«Стратегическими данными и не пахнет, – с усмешкой подумал я. – Расстояние между городами на любой карте просчитать можно. Если карта масштабная. Кажется, блокнот пустышка».

Я открыл лист блокнота почти в самом конце.

«Страшный мороз затруднял передвижение лошадей по льду рек и озер; из-за ураганов и снежных заносов копыта их глубоко увязали в снегу, пот тут же застывал, и лошадь вся покрывалась инеем. Выдыхаемый воздух на козырьке шапки, воротнике сразу же замерзал и как бы покрывал шапку сосульками; нос, брови, усы полностью покрывались инеем, и, если на какое-то время закрыть глаза, ресницы смерзлись бы. Кроме того, замерзали и покрывались инеем, как плесенью, металлические предметы в мешке и, конечно, сабля, шпоры и пистолет».

Я ещё раз пролистал блокнот. Посмотрел несколько страниц на просвет. Не думаю, что господин Фукусима писал невидимыми чернилами, типа молоком. «Может быть, попытаться нагреть один листок блокнота. Чем чёрт не шутит, – я с сомнением посмотрел на дневник путешественника. – Мать его ети!»

– Что там, Тимофей Васильевич? – поинтересовалась у меня Аглая Павловна.

– Записки о путешествии, – ответил я. – Красочное описание трудностей передвижения верхом по необъятным просторам России. Ничего интересного. Пойду, верну обратно.

Я не успел подойти к двери номера, как она приоткрылась, и в неё проскользнул Буров.

– Кажется, нашел, вашбродь, – с этими словами агент протянул мне деревянный тубус-футляр диаметром около двух с половиной дюймов и длиной в полторы четверти. – Хороший мастер делал. Крышка отворачивается.

Я аккуратно отвернул крышку и, заглянув внутрь, увидел свёрнутые в рулон листы бумаги.

– Где нашёл-то, Пётр Фёдорович? В вещах?

– Никак нет. За шкафом. Тот к стене под углом стоит. Поэтому футляр на пол и не падает. Если бы в тот момент, когда я за шкафом смотрел, солнце не осветило бы комнату, я бы футляр и не увидел.

Слушая умельца по негласному обыску, я подошёл к столу и, аккуратно вынув бумаги, развернул и сложил их стопкой.

– Посмотрим, посмотрим, что это такое, – произнёс я, беря первый лист сверху.

На бумаге была изображена схема какой-то местности с надписями и значками. Всё было выполнено очень аккуратно. Майор Фукусима отличный картограф и мастер японской каллиграфии. Следующий лист. Весь исписан иероглифами, но смысла в них нет. Шифр?!

– Ну что, вашбродь? То, что мы искали? – поинтересовался Буров.

– То, Пётр Фёдорович. То, что надо, – с радостью в голосе ответил я. – А в вещах у японца никакой книги не было?

– Есть одна. С картинками. Принести?

– Неси. А этот блокнот верни на место.

Когда Буров, предварительно осмотрев коридор, выскользнул за дверь, я повернулся к мадам Динесс, которая с нескрываемым

любопытством наблюдала за нашим разговором с секретным агентом.

– Что же, Аглая Павловна, вот и ваше время пришло. Придётся быстро и много поработать, – улыбнулся я женщине-фотографу.

– Сколько листов? – деловито спросила меня Динесс.

Я быстро пересчитал уголки листов в стопке и ответил: «Сорок два».

– Около двух часов работы. У нас есть столько времени, Тимофей Васильевич?

– Надеюсь, что есть, но лучше бы нам поторопиться.

– Тогда помогайте, – Динесс решительно взяла первый лист из стопки и направилась к стоящему рядом с камерой штативу. – Сейчас я вам покажу, как надо крепить лист. Остальные будете располагать для съемки сами.

Через пару минут в номере начался стахановский труд по фотографированию бумаг майора Фукусимы. Пришлось даже приоткрыть окно, чтобы не задохнуться от дыма после вспышек магния. Пересняв все листы, сделали ещё четыре снимка разворотов любовного романа, страницы которого были наиболее заляпаны, и книга там легко раскрывалась. Потом Буров всё аккуратно вернул на место. До времени «Ч+3», когда должна была закончиться встреча японского дипломата и цесаревича, оставалось ещё полчаса, поэтому мадам Динесс, стараясь её не засветить, через черный вход отправили со всем оборудованием в сопровождении поручика Чижова в ателье. Я же направился к себе, чтобы переодеться и узнать новости у Тура и Лешего, которые были сегодня личниками цесаревича на его встрече с Фукусимой.

– Знаешь, Ермак, я бы не хотел с ним встретиться в открытом бою. Как ты говоришь, волчара ещё тот, – делился со мной впечатлениями Тур. – Двигается мягко, свободно, будто плывёт над полом. И взгляд такой, контролирующий всё вокруг. Правда, после того, как вошёл в кабинет к цесаревичу и поклонился ему, несколько шагов до стула, на котором должен был сидеть во время встречи, сделал каких-то странных.

– Я тоже это заметил, – вклинился в разговор Леший. – Левая рука на рукояти сабли, правая на поясе. И какая нога шагает вперёд, такое же плечо выносится. Это что-то означает, Ермак?

– Это нанба-аруки или буси-аруки, то есть походка самурая. Предполагает, что вместе с правой ногой выносятся и правая рука, а с левой – соответственно левая. Такое движение не перекручивает тело и не вызывает болтания мечей из стороны в сторону при ходьбе или беге. Раньше японские самураи носили на левом боку заткнутые за пояс два меча, общим весом более четверти пуда. А ходить приходилось много. Лошадей в Японии было мало. Вот и придумали такую экономичную походку.

– И где ты об этом узнал? – поинтересовался Леший, он же Владимир Лесков.

– Джунг Ли надо было внимательно слушать, – ответил я.

– Нет, я от него такого не слышал, – немного поразмыслив, произнёс Тур, или Верхотуров Антип.

– Я тоже, – подтвердил Леший.

– Значит, об этом он мне одному рассказывал, когда с Мэй Лин у меня дома жили, – сказал я. – В общем, в период Мэйдзи, когда проклятые гайдзины^[8] открыли Японию и стали перестраивать её под себя, многие самураи такой «аристократической походкой» выказывали презрение иностранцам.

– Это чего же получается, этот япошка презрение нашему государю наследнику выразил? – возмутился Тур.

– Не знаю, Антип. Может, презрение. А может быть, забылся или разволновался и из-за этого прошёлся походкой самурая. Он родом из очень старого и известного японского клана. Если сравнивать с нашей историей и князьями, чуть ли не Рюрикович.

– Вот это да! – от удивления Леший присвистнул.

– Ладно, спасибо за информацию, братья. Пойду к Головачеву, хочу пару казаков в охрану фотоателье поставить. Что-то у меня на душе беспокойно.

– Чуйка заговорила? – серьезно спросил Тур.

– Пока нет, но как-то тревожно.

– Отправь кого-нибудь из нашего десятка, – посоветовал Леший.

– Вы все сегодня в графике дежурства. Не будем его нарушать. Всё, я пошёл.

Найдя Головачева, договорился с ним о выделении четырёх казаков для охраны фотоателье мадам Динесс. Двое должны были охранять

днём, а ещё двое ночью. Сам не знаю почему, но чувство тревожности возрастало.

Сотник Вертопрахов из взвода амурцев выделил четырех казаков-однодумов из станицы Пояркова, причём двое были братьями-близнецами. С первой верховой парой казаков я на дежурной смирной кобылке, закреплённой за канцелярией наместника, отправился к Аглае Павловне.

Фотосалон был закрыт. На стук в дверь её открыл поручик Чижов.

– Александр Павлович, принимайте подкрепление, урядник Столетов и казак Забелин. Дмитро или Пётро?

– Дмитро, ваше благородие, – соскочив с коня и взяв его под уздцы, ответил один из братьев-близнецов.

– Это зачем, Тимофей Васильевич? – удивлённо поинтересовался поручик.

– Не помешают для охраны, Александр Павлович. Что-то на душе у меня маятно. Беспokoюсь, а от чего – не пойму. Вроде бы всё удачно прошло, – я нервно передёрнул плечами, посмотрев по улице вправо и влево. – Как долго печатать будете? Что Аглая Павловна говорит?

– Часов до одиннадцати вечера точно провозится. Это её слова, – ответил поручик.

– Хорошо, я к этому времени подъеду и смену казаков приведу. Пускай и ночью посторожат. Тем более квартира мадам Динесс на втором этаже над фотосалоном.

С этими словами вскочив на смирную коняшку, направился назад в канцелярию. Предстояла очередная бумажная работа. Чтение докладов, написание аналитической справки для Николая по золотопромышленности в Приамурье. Для этого вчера встречался со своими старыми знакомыми купцами Касьяновым, Патриным и Ельцовым. Кто как не золотопромышленники и контрабандисты золота в Китай знали все тонкости его добычи и реализации в Приамурье. Особо откровенного разговора не получилось, но завтра-послезавтра купцы клятвенно пообещали представить своё видение по данному вопросу. Ну, а мы проанализируем, сведём официальные данные с неофициальными и доведём до наместника. Кстати, надо уточнить, откуда такой интерес прорезался у Николая к добыче золота. И по своему земельному участку надо заодно вопрос прояснить.

Надо сказать, что несильное желание Николая работать в качестве наместника, его распоряжение и моя индульгенция от генерала Черевина позволили мне получить доступ к очень многим бумагам, содержащим сведения об экономическом, политическом, административном положении дел в Приамурье и в целом по Российской империи. Признаюсь, этим беззастенчиво пользовался. Но чем больше узнавал, тем больше понимал, что Дальний Восток находится в такой жопе по всем направлениям, что даже не понятно, зачем вот уже почти двести пятьдесят лет Россия пытается его освоить. Это если считать с занятия в одна тысяча шестьсот пятьдесят первом году казаками Ерофея Хабарова укрепленного селения даурского князя Албазы, будущего Албазинского острога – центра Албазинского воеводства.

Видимо, такая политика в отношении этих земель была позже определена Николаем I в словах: «Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен». Вот так вот! Господин Невельский поднял флаг на остроге в устье Амура, который назвал Николаевск-на-Амуре. И всё. Назад пути нет. Будем эту землю, несмотря на все трудности, осваивать. Хотя и в две тысячи восемнадцатом году, откуда переместилось моё сознание или матрица души, дела на Дальнем Востоке обстояли также на уровне жопы. Несмотря на все дотации из федерального бюджета. А жёлтая раса тихой сапой практически заняла его уже до Байкала.

В общем, увлечённо проработал в своём кабинетике до позднего вечера. Когда глянул на часы, оказалось, что время уже двадцать два тридцать. Пора было выдвигаться к фотосалону. Спустившись вниз, увидел в вестибюле двух казаков-амурцев, которые были должны охранять мадам Динесс и её недвижимость ночью.

- Готовы, братцы? – спросил я казаков.
- Так точно, вашбродь, готовы, – дружно ответили они.
- Тогда догоняйте. Где фотосалон мадам Динесс, знаете?
- Так точно, знаем, – ответил Петро Забелин.

Кивнув ему, я вышел на крыльцо и направился к коновязи, где стояли три дежурные лошади для офицеров канцелярии наместника. Казаки быстрым шагом направились за здание, где была коновязь для лошадей нижних чинов. Я же, отвязав крайнего жеребчика, вскочил на него и неспешной рысью направился по улице. Та тревожность,

которая отпустила меня, пока занимался бумагами, сейчас переросла в уверенность, что скоро случится или уже случилась большая неприятность. Чуйка начала подавать сигнал. Я непроизвольно дал шенкеля коню, ускоряя его бег.

Когда выехал на улицу, где располагался фотосалон, мне показалось, что от него послышался вскрик и звук захлопнувшейся двери. Наддав шенкелями, я перевёл коня в галоп. Подлетая к салону, краем глаза заметил, как сбоку от входной двери отделилась тень и взмахнула рукой. От греха подальше я резко свесился на другую сторону лошади. Это меня и спасло. Сначала что-то пролетело надо мной, потом я почувствовал звук удара в потник под седлом рядом с моей ногой. Конь, издав какой-то звук, похожий на визг, пару раз взлягнул задними ногами, и я вылетел из седла. Признаться, вовремя, так как, падая, успел увидеть, что в том месте, где только что находилась моя голова, в тело лошади воткнулся какой-то предмет. Жеребчик же, вскидывая задом, с ржанием помчался дальше вдоль улицы.

«Значит, нападают двое, с обеих сторон улицы», – подумал я, катаясь после падения по земле, успев прижать к телу ножны с дедовским оружием. С трудом остановившись, успел только встать на одно колено и выхватить шашку, как меня атаковал какой-то кэндоист, только с катаной в руках вместо бамбуковой палки. С характерным выдохом он ударил мечом, который держал обеими руками, чётко сверху-вниз. Я ничего не успевал сделать, кроме того как принять этот удар на шашку.

Волчок на дедовской шашке не подвёл. За моей спиной звякнула о землю передняя часть развалившегося пополам лезвия катаны. Та часть лезвия, что осталась в руках нападавшего, изменив траекторию удара, прорубила папаху над моей левой бровью и располосовала кожу на лбу. Я же, махнув шашкой справа-сверху-вниз, подрубил нападшему ногу и тут же откатился в сторону.

Вскочив на ноги, я развернулся в сторону двери салона. На меня так же молча, быстро перебирая ногами, надвигался еще один противник в темной одежде, который в руках держал перед собой меч, лезвие которого блеснуло в свете, падающем из окна фотоателье. Взмах клинка – и неожиданный удар противника от его левого плеча. На одних рефлексах я выполнил приём, который в меня вбивал Джинг

Ли, когда показывал основы защиты от техники боя самураев на мечах. Подшаг вправо, шашка встречает меч противника в расслабленной руке. Катана сносит мой клинок, но моя рука не останавливается и проходит дальше налево, волоком таща за собой оружие нападавшего. После того, как шашка проскочила под мечом, я нанёс сильный кистевой удар в спину вражеского клинка, заставив противника провалиться в ударе, возвратным движением снизу вверх располосовал ему внутреннюю поверхность бедра, а последующим ударом сверху вниз вскрыл артерию на шее. Всё это заняло времени меньше, чем три удара сердца.

Подскочив к первому противнику, который пытался подняться, несмотря на почти перерубленную ногу, я закончил с ним бой коротким уколом в шею, который тот не успел заблокировать своим обрубком меча.

«Всё, хватит схваток белым оружием. Двадцатый век на носу! – подумал я, перекинув шашку в левую руку. Правой рукой вынул из кобуры свой наган и взвёл курок. – Посмотрим, кто у нас внутри, тем более и казаки подоспели».

Не дожидаясь, пока казаки спешатся, я толкнул дверь салона и, выставив шашку вперёд, шагнул в помещение. В глаза сразу же бросились две пары ног в казачьих шароварах и сапогах на полу, которые было видно из двери, ведущей в чулан. Там у мадам Динесс хранился всякий инвентарь и оборудование. Из салона раздался громкий мужской голос, но что было произнесено, я не разобрал. Сердце бухало, громко отдаваясь в голове. По левому виску и щеке стекала кровь.

Двинувшись приставными шагами вперёд, я шашкой чуть отодвинул штору, которая отгораживала комнату для фотографирования. Картина, которую я увидел, заставила меня немедленно действовать. Какой-то тип, стоящий ко мне спиной, замахивался для удара коротким мечом на мадам Динесс, а в углу комнаты без движения лежал поручик Чижов, по левому виску которого струилась кровь. Не раздумывая более и мгновения, я выстрелил навскидку в спину нападавшего на Аглаю Павловну.

Почувствовав движение за спиной, начал разворачиваться через левое плечо, надеясь успеть шашкой перехватить удар, но понял, что опаздываю. Я действительно не успел. Всё, что мне удалось, – это

подставить под катану шашку, которую противник просто съел своим ударом. Мало того, моё же оружие ударило меня по правой руке, и резкая боль заставила выпустить револьвер. Ну а напоследок я получил классический прямой удар ногой в грудь с проносом, после чего оказался спиной на полу со сбитым дыханием.

Надо мной, чуть наклонившись, встал молодой японец, в чьих раскосых глазах читалось торжество. Он занёс меч для удара, а я смотрел на его движение и понимал, что ничего не могу сделать. Удар ногой был настолько силён, что я не мог сделать вдох-выдох и пошевелиться. «Вот и всё, гвардии подполковник, – подумал я, глядя, как меч начинает движение вниз. – Недолго пожил в новом мире».

Додумать мысль не успел, так как в этот момент грохнул выстрел, и брошенный силой удара пули вперёд японец свалился на меня, окончательно выбив из меня дух.

– Вашбродь, слава богу, живы!

Это было первое, что я услышал, придя в себя. Времени, судя по всему, с момента моей отключки прошло немного. Казак Трегубов, свалив с меня нападавшего, ощупывал меня в поисках ранений.

– Трегубов, мать твою, я тебе что – баба, чтобы меня щупать, – я с трудом вытолкнул слова из глотки.

– Ох ты, совсем в себя пришли, ваше благородие. Хорошо-то как! А ощупываю, так вы сами нас этому учили на занятиях по оказанию помощи. На голове у вас всё в порядке. Чуток кожу рассекло. Кровь уже запекаться начала. Правую руку перетянул, чтобы кровь остановить. Сейчас забинтую. Слава богу, догадался прихватить с собой. По вашему приказанию на дежурство всегда с собой малый медпакет носим в кармане.

С помощью казака, после того как он закончил перевязку, я с трудом поднялся и сквозь шум в ушах услышал причитания с рыданиями.

– Братка мой, да что же я маманьке с батькой скажу? Да как же так! Дмитро, братка...

Я посмотрел на Трегубова.

– Оба наповал. Глотки перерезали, – ответил мне на невысказанный вопрос казак. – Хорошие казаки были.

Трегубов снял папаху и перекрестился. Я с трудом повторил его жест. Правая рука над предплечьем была перетянута куском супони. А

само предплечье перебинтовано. Ещё в столице удалось протолкнуть через Черевина и Ширинкина в снаряжение конвоя индивидуальные пакеты. Сделали их просто: из куска марли нарезали полосы, кусок ваты в марлевой подушке. Всё это скатано в рулон и завёрнуто в вощёную бумагу. Без стерилизации, но для сегодняшнего момента практически индивидуальный перевязочный пакет из моего времени был прорывом в медицине. Князь Барятинский перед нашим отъездом на Дальний Восток намекнул мне, что я скоро получу кое-какую денежку от привилегии на данное изобретение и не только на него. Эффективность оказания медицинской помощи в бою с помощью похожего пакета князь оценил при нападении на цесаревича.

Встряхнув головой, отгоняя воспоминания, я скомандовал Трегубову:

– Контролируйте с Петро вход. Револьверы не убирайте. А я пойду, посмотрю, как там остальные.

С остальными всё было в порядке. Мадам Динесс находилась без сознания. Сомлела. Не каждый день тебя убивать собрались. Поручик Чижов был жив. Череп, кажется, у него пробит не был. Во всяком случае, пропальпировав голову Александра Павловича левой рукой, я на первый взгляд ничего страшного не обнаружил. На виске была ссадина и гематома. Кровь практически уже не текла. Экстренных мер к приведению в чувства к этой парочке применять не будем. Очнутся как очнутся. Подошёл к убитому, который хотел резать Аглаю Павловну.

«Опыт не пропьешь, – подумал я, глядя на отверстие от пули под левой лопаткой. – Можно даже не контролировать. Жаль, никого живыми не взяли. И вообще, что это было? Какого хрена они на фотосалон напали?»

– Трегубов! Трегубов?! – громко позвал я.

– Слушаю, вашбродь, – заскочил в комнату казак.

– Выйди на улицу, пальни вверх раза два-три. А потом через окно или дверь смотри, только аккуратно. Глядишь, городовые или наш казачий разъезд появятся. Меня позовешь тогда. А я пока посижу, что-то ноги не держат.

– Слушаюсь, вашбродь!

Через несколько секунд на улице раздалось три выстрела, а потом скрипнула дверь. Сидя на стуле, я поиграл пальцами раненой руки.

«Слава богу, пальцы работают нормально, – подумал я. – Значит, сухожилия и нервы не перерублены».

В это время в себя пришла Аглая Павловна, вскочив со стула. Заполошно осмотревшись вокруг, она впала в какой-то ступор, смотря на меня пустыми, бессмысленными глазами.

– Мадам Динесс, вы в порядке? Не ранены? – вежливо спросил я.

– Что это было? – как-то отстранённо спросила женщина.

– Нападение, как я думаю, для того чтобы уничтожить снимки. А вот кто это сделал, меня сильно интересует, – ответил я.

– Это Като Сэтоши, – Аглая Павловна показала на труп нападавшего, который мёртвым лежал у её ног. – У него самый большой фотосалон в городе.

– Что здесь произошло? – спросил я.

– Я печатала фотографии в специальной комнате. Поручик Чижов находился здесь, то есть в этой комнате. Здесь же были двое казаков. Потом я услышала какой-то шум, а через некоторое время ко мне ворвался Сэтоши, вытащил меня за волосы в эту комнату. Посадил на стул и спросил, где фотопластины и фотографии из гостиницы. – Динесс начала трясти по всему телу заметная дрожь. – Я ответила, и он замахнулся на меня большим ножом. Я закрыла глаза. Потом грохнул выстрел, и я потеряла сознание.

Я подошёл к женщине и обнял её левой рукой, чувствуя, как Динесс сильно трясётся.

– Успокойтесь, Аглая Павловна. Всё хорошо. Всё закончилось, – начал я лепетать какую-то чушь, чтобы вывести из стресса женщину.

– Тимофей Васильевич, а что же мы такого важного сфотографировали, если такой успешный и обеспеченный человек, как Като Сэтоши, пошёл на разбой и убийство? – спросила Динесс, решительно отодвинувшись от меня.

– Вот и мне это хотелось бы узнать, Аглая Павловна. Очень бы хотелось!

Глава 7

Хабаровск

Вытянув руки вверх, я потянулся, откинувшись на спинку стула. Опустив руки, протёр уставшие глаза. Всё-таки света трёх свечей не хватает для глаз, если много работаешь с бумагами в ночное время. Тем более в декабре темнеет рано. Посмотрев на стопку документов и глубоко вздохнув, я закрыл крышку чернильницы и положил перо.

«Всё! На сегодня хватит, – подумал я и опять с наслаждением потянулся. – Как же задолбала эта бумажная канитель. Ладно, хоть помещение под кабинет дедушка Корф выделил большое. Не приходится ютиться, как в Благовещенске. Да и мебели хватает на меня, Дана, Кораблева и для бумаг, которыми шкафы уже забиты».

После того, как в июне цесаревич и его сопровождение добрались до Хабаровки, была поездка во Владивосток. Что про него можно сказать – город-стройка. Грязь, строительный мусор, шум, гам с мая по сентябрь. Потом флот из гавани уходит на ремонт и зимнюю стоянку в Японию, стройка приостанавливается, жизнь замирает. Видимо, поэтому цесаревич вернулся в Хабаровку, точнее уже Хабаровск. Город по предложению наместника великого князя Николая Александровича переименовали.

Барон Корф под резиденцию наместника цесаревича отдал свой дом. Интересное такое одно-, двухэтажное здание в стиле эклектики, в котором генерал-губернатор проживал со своей супругой и дочерью. Дом был вытянут вдоль центральной улицы, с красивой лицевой кирпичной кладкой, в сочетании красного и серого кирпича. Средняя одноэтажная часть здания была фланкирована двумя разными по величине двухэтажными объемами. На фасаде здания выделялись обрамления – сандрики окон, парапеты, лопатки, подчеркивались декоративные фронтоны. На территории, прилегающей к губернаторскому особняку, был разбит чудесный парк с экзотическими растениями, который жители называли «Сад генерал-губернатора». В общем, шикарная резиденция, где и мне выделили нормальное помещение для работы.

А работы было много. Моя авантюра с Фукусимой, которую поддержал чуть больше полугода назад главный жандарм Дальнего

Востока, закончилась не столь блестяще, как мы планировали. Можно сказать, облажались мы по полной. Погибли два казака Амурского войска и четверо граждан Японии.

Как выяснилось, поручик Чижов сам открыл дверь, узнав Като Сэтоши, от которого и получил удар в висок после поклона. Как и кем были убиты казаки, он уже не видел. В квартирах, где проживали фотографы Като Сэтоши, Мигива Изаму и Мизухо Тэкео, при осмотре были обнаружены, как нам объяснили, места для созерцания, которое может привести к постижению «истинного сердца Будды» для пути воина. Во всех этих небольших помещениях хранились подставки для дайсё – пары мечей, короткого и длинного, в которых якобы находится душа самураев. Вот такие вот фотографы оказались. Като, кстати, пошёл на дело только с вакидзаси. Его катана осталась на месте. На первый взгляд, очень старинное оружие. Четвёртого молодого японца так никто и не опознал.

За эту операцию я и Савельев получили люлей в полной мере. Мне было приказано цесаревичем заниматься только своими обязанностями и никуда больше не лезть. Савельеву напомнили, что он должен пресекать преступления против верховной власти, а не шуровать, как какой-то мелкий воришка, по номерам, где проживают иностранцы. Одним словом, не проявляй инициативу, ибо инициатива поимеет тебя. Тем более по прошлой жизни я был терминатором-разрушителем, а не контрразведчиком. Полез не в своё дело, вот и получил. Как оказалось, в жизни киношные и книжные стереотипы не всегда срабатывают. Надо ещё кучу деталей учитывать и прорабатывать. Это не шашкой махать, хотя и ей уметь надо.

Как ни странно, но на защиту меня и Савельева встали Корф и генерал Духовский, который в последнее время всё больше и больше перехватывал бразды правления Приамурьем из рук старого барона. Состояние здоровья Андрея Николаевича ухудшалось прямо на глазах. По их обоюдному мнению, при штабе заместника необходимо было создать «какое-то разведотделение», которое бы занималось поиском-поимкой шпионов в Приамурье и разведкой в Китае, Японии, Корее. И заниматься этим должны именно военные, а не мидовцы. На сегодняшний день такой отдел имеется. В нём аж целых четыре офицера. При этом ни один из них не знает языков вероятного противника данного театра военных действий, но двое закончили

Академию Генерального штаба. Сейчас генштабисты готовятся к «географическому путешествию» в Маньчжурию. Выбирают объект для разведки. Как говорил мудрый Лао Цзы, «путь в тысячу ли начинается с первого маленького шага». И этот шаг в становлении разведки и контрразведки Приамурья уже сделан.

А реабилитировались мы в своих глазах и умах, когда к концу августа пришёл указ императора. За бумаги от Фукусимы я и поручик Чижов получили по «клюкве», что в мирное время очень почётно, Савельев – Станислава третьей степени с мечами, а мадам Динесс – шикарную даже на первый взгляд золотую заколку с изумрудами. Что в тех бумагах было, я до сих пор не знаю. Подозреваю, что важные сведения, из-за которых японцы решились на нападение, раскрывая разведсет, были в четырех листочках, которые были написаны не рукой Фукусимы. Каллиграфия сильно отличалась. Во всяком случае, мне лично потом пришла телеграмма от Самодержца Всея Руси: «Японский след подтверждается. Жду ещё информации. Спасибо. Александр». Но что было в тех бумагах и остальных, даже наследнику из столицы не сообщили.

Майор Фукусима, а точнее, как позже выяснили, уже подполковник, до Японии, вернее всего, не добрался. Во всяком случае, в газетах ничего не сообщалось об успешном завершении конного перехода этого офицера. опережая почти на десять дней наш отъезд в Хабаровку, он по-английски тихо слинял из Благовещенска на следующее утро после нападения на фотосалон. Совсем незаметно не получилось. Очень настойчиво меня допытывал Петро Забелин, кто виноват в смерти его брата-близнеца. Как тут не помочь брату-казаку?! Вот и показал агент Буров Забелину выходящего из гостиницы майора. В общем, когда Фукусима не появился в Хабаровке в расчетное время, штабс-ротмистр Савельев забеспокоился, что же он будет докладывать наместнику цесаревичу. Благо тот уже прибыл со свитой в административный центр Приамурья.

Проведённое расследование показало, что Фукусима после отъезда из Благовещенска прибыл в станицу Пояркова. Переночевал там и отбыл в дальнейший путь вдоль Амура. Только вот в посёлок Скобельцинский уже не прибыл. Куда делся японский путешественник на этом больше ста вёрст пути, выяснить так и не удалось. Была вероятность, что мог и на китайский берег перейти. Напротив станицы

Пояркова, чуть ниже по течению Амура, китайский пост располагается. Примерно так и ответили на запрос японского МИДа, куда, мол, пропал их знаменитый гражданин?

Я же, честно и преданно глядя в глаза Савельева, а потом и цесаревича, говорил, что не знаю ничего по этой проблеме. Я и все казаки конвоя находились всегда рядом с наместником на пароходах, которые в это время доставляли цесаревича в Хабаровку. А то, что в станице Пояркова живут родственники убитых казака Забелина и урядника Столетова, это уже проблемы Фукусимы. Кровных обид в этом краю не прощают. Это я уже думал про себя, не совсем представляя только, как Петро смог предупредить своих. Фото Фукусимы, которое нашли в фотосалоне Като, слава богу, я Забелину не отдал. Хватило мозгов не сделать ещё одну глупость. А Буров об утреннем показе майора молчал, как партизан на допросе.

Какого-либо сильного общественного резонанса нападение на фотосалон Динесс в Благовещенске не вызвало. Видимо, сработал запущенный слух, что это была разборка конкурентов. Только вмешательство казаков из конвоя цесаревича, которые патрулировали город, не позволило японцам довести своё дело до конца. Тем не менее для поданных японского микадо в Благовещенске наступили тяжёлые времена. В течение десяти дней, что мы ещё в нём находились до отъезда, по докладам агентов, многие горожане стали отказываться от услуг японцев. Ещё позже в сводке полицмейстера Хабаровска прочитал, что двое фотографов-японцев, которые покинули спустя пару месяцев после известных событий Благовещенск, бесследно пропали на пароходе, который следовал в Хабаровск. Вещи, деньги остались в каюте, которую они занимали, а самих на судне не оказалось. Такая вот загадка для Шерлока Холмса.

Я ещё раз потянулся, вскинув руки вверх. Мысли с воспоминаниями лениво текли в голове, давая отдохнуть закипевшему от бумажной работы мозгу. Небольшой экскурс в прошлое позволял расслабиться, сбросить нервное напряжение.

Самым важным из событий, которые произошли за последние полгода, оказалась свадьба герцога Йоркского. Именно она показала, что я в другом мире. Ну не могло моё попадание в этот мир так круто изменить историю! Я же не та песчинка, которая уничтожила механизм, или соломинка, которая переломила хребет верблюду. Когда

мне эту новость рассказал пьяный Волков, вышедший из спальни Николая, мне самому захотелось хлобыстнуть стакан чего-нибудь покрепче. Лучше неразбавленного спирта.

Если кратко, то из пришедшей иностранной почты и газет, которые доставлялись наместнику, стало известно, что в конце июля девяносто третьего года состоялась свадьба принца Георга, герцога Йоркского, второго сына короля Великобритании Эдуарда Седьмого, и Виктории Алисы Елены Луизы Беатрисы Гессен-Дармштадтской. Ага, той самой Аликс, в замужестве в моём мире императрицы Александры Фёдоровны Романовой. Той самой четвёртой дочери великого герцога Гессенского и Рейнского Людвиг Четвёртого и герцогини Алисы, дочери британской королевы Виктории, от которой и пошёл гулять ген гемофилии.

Хорошо было, что цесаревич, по словам Волкова, изволил почивать, а то бы я даже и не знаю, как бы смог с Николаем общаться, оглушённый такой новостью. Правда, на следующий день общение несколько даже затянулось. С утра к наследнику государя проследовал Волков. Потом в спальню занесли очень большое количество бутылок, в основном портвейна, хотя и коньяк присутствовал в значительном количестве. Было и немного закуски. А потом два лейб-гусара Коля и Женя начали ПИТЬ. Всё слово большими буквами. Я, чуть-чуть приоткрывая дверь в спальню, с периодичностью через час отслеживал состояние подопечного. Как ни странно, первым выбыл из сражения с зелёным змием ротмистр Волков. Об этом узнали, когда открылась дверь и на пороге комнаты показался одетый цесаревич с бледным лицом, который трезвым голосом попросил меня зайти к нему.

Дальше, если коротко рассказывать, наследник российского престола заставил меня пить с ним. Ладно, хоть не коньяк. А то от тех доз, которые поглощал Николай, я сломался бы через полчаса. А так какое-то время продержался. За это время я узнал, как цесаревич любит Аликс. Но, к сожалению, её неприятие православия не позволяло им соединиться, а теперь поздно.

Старший брат принца Георга Альберт Виктор умер во время эпидемии гриппа в январе девяносто второго года. Тогда же умерла его невеста вюртембергская принцесса Виктория Мария Текская, которая стала таковой после того, как Аликс отказала Альберту Виктору, про

которого ходили слухи, что он и есть знаменитый лондонский убийца – Джек Потрошитель. После этих событий бабушка Виктория настояла, чтобы Аликс вышла замуж за Георга. Тем более что тот был похож на Николая, как две капли воды. Хотя чему удивляться: матери-то обоих наследников родные сёстры.

Потом было чтение вслух письма теперь уже герцогини Йоркской, в котором она описывает все произошедшие события в королевской семье Великобритании. Заканчивалось письмо тем, что, несмотря на любовь к Ники, она должна была так поступить, как поступила. В общем, много слезливого бла-бла, на фоне «Правь, Британия, морями!». И надеюсь, править теперь будет с дырой от гемофилии в борту.

Дальше началось поглощение спиртного в устрашающих для моего тела и сознания количествах. Так я даже в моей прошлой жизни в будущем ни разу не пил. Очнулся утром на кровати, где полностью одетыми, как и я, спали Николай и Волков. Во время процесса опохмеления я узнал от них, что должен обязательно записать им в дневники те три новых замечательных романа, которые вчера впервые исполнил. Далее, наводящими вопросами я узнал, что принёс в этот мир «Берега-берега» Александра Малинина, «Очарована, околдована» Николая Заболоцкого и романс «Напрасные слова» на стихи Ларисы Рубальской.

«С этим надо чего-то делать, – подумал я, прерывая поток воспоминаний и вновь потягиваясь. – Ещё одна подобная пьянка, и я точно исполню „Марш Будённого“ или ещё что-нибудь похлеще. Хотя как отказать цесаревичу?!»

У нас с ним в начале возлияния, когда я его пытался убедить, что мне нельзя на службе выпивать, до «ты меня уважаешь...», конечно, не дошло. Но где-то рядом разговор ходил, а потом последовал прямой приказ – пить. Наилучший выход, как вижу, пока ещё в сознании, делать вид, что полностью отрубился. Хорошо, что больше с цесаревичем по сегодняшней день пить не пришлось, хотя они с Волковым тогда ещё три дня бухали. И песни в тот раз, слава богу, в тему подошли. Их сейчас в Хабаровске многие поют, желая понравиться избранницам. И ещё! На той пьянке-гулянке какая-то мысль дельная промелькнула?! Сказал сам себе запомнить, но те клетки головного мозга, которые не хотели пить, умерли первыми.

Я выпрямился в кресле и попытался вспомнить, что же такое я забыл важное. Но алкогольная амнезия и прошедшие четыре месяца с того события всё сильнее препятствовали в решении этой проблемы. Плюнув на всё, я стал одеваться, чтобы направиться домой. Точнее, на снимаемую часть очень даже неплохого дома.

Дом генерал-губернатора, в котором разместился цесаревич, был относительно большим. В нём имелись малая и большая гостиные, столовая, музыкальные комнаты и будуар, зал для приемов, получивший название Атаманский, спальни, также кабинеты, передняя, помещения для прислуги и дежурных офицеров, в которых я частенько ночевал на дежурстве. Но хотелось, чтобы был свой уголок. Все офицеры конвоя были женатые и, когда цесаревич определился, где всё-таки будет его резиденция в ближайший год, перетянули в Хабаровск семьи.

Глядя на них, и я решил снять себе жильё. Но в забитом офицерами Хабаровске получить жильё в наём было большой проблемой, а тем более целых полдома. Мне помог мой старый знакомый Арсений Тарала, который снимал такую жилплощадь для себя. Но так как был постоянно в разъездах, отдал это жильё мне с условием, что я его приючу, когда он будет появляться наездами в Хабаровске. От такого подарка грех было отказываться, тем более дом располагался в двух кварталах от дома генерал-губернатора. Неторопливым шагом десять-пятнадцать минут.

Сумма найма жилья в тридцать рублей за месяц для меня была нормальной. Три с половиной тысячи рублей, которые больше трёх лет крутились в торговом доме «Чурин и К^о», принесли мне проценты в размере чуть больше пятисот рублей. Эти деньги Касьянов перевёл на мой счёт в Хабаровском отделении Государственного банка. Плюс поступившие на него же три тысячи от управляющего моей усадьбой Сазонова Александра Ивановича. После Рождества ожидалось поступление ещё одной значительной суммы денег, где-то в районе пятнадцати тысяч рубликов.

Пока в мае находился в Благовещенске, удалось составить договор с купцом Ельцовым Иваном Петровичем, старателей которого мы в своё время охраняли, когда они мыли золото на месте Золотого Лю. Договор подразумевал мытьё золота на моей земле силами купца. Охрану осуществляли казачата и казаки-малолетки из казачьей школы

станции Черняева. После вычета всех расходов мне оставалось пятьдесят процентов чистой прибыли. Можно было бы и больше выцыганить, но решил не жадничать. Без особых проблем по организации и добыче золота с халявной земли получать приличные деньги – за это можно было ещё больше процентов компаньону Ельцову отдать.

Несмотря на то что старатели ушли на место поздноато, намыть за сезон успели много. Все остались довольны. Земли император мне выделил рядом с местом, где мыли бандиты Золотого Лю. И участок оказался богатым на самородки и золотой песок. По мнению Ивана Петровича, которое он изложил в письме, лет пять-семь добыча будет на таком же уровне или чуть больше.

С учетом всех этих денежных поступлений, да ещё и денежное содержание лейб-гвардейца конвоя, я мог потратиться на снятие части дома. Именно туда я и направил свои стопы, надев полушубок, поменяв сапоги на валенки, нацепив портупею и натянув башлык на папаху.

На улице пуржило. Пройдя по Алексеевской улице, единственно освещённой керосиновыми фонарями, свернул на Муравьева-Амурскую и сразу попал в аэродинамическую трубу. Хабаровск лежит на скатах холмов и довольно крутых скал правого берега Амура, где в него впадает река Уссури. При юго-западном ветре на некоторых улицах зимой становится неуютно. Летом же донимают комары, мошка, гнус. Вокруг города тайга и болота. Не спасает от насекомых даже ветер с рек.

Дома в городе преимущественно деревянные, хотя в последнее время началась усиленная постройка кирпичных зданий. Ввиду этого в Хабаровске один за другим открылись восемь кирпичных заводов. Только пара-тройка центральных улиц имеют деревянные отмостки-тротуары. В общем, большая деревня.

Стараясь не поскользнуться, практически в полной темноте я продвигался по улице, нагнувшись против ветра. Не доходя до полицейского управления, свернул на улицу Лисуновскую к речке Плюснинке. Парочка домов, и, отворив за рычаг ворота, захожу во двор моего временного, но надеюсь, всё-таки на продолжительное время пристанища. В моей половине дома в парочке окон горел свет. Я довольно улыбнулся.

Всё началось три месяца назад. Моя любимая агентесса, в смысле схватывающая всё налету в процессе обучения и умело применяющая полученные знания на практике, Мария Александровна Филатьева как-то вечером, зная, что я свободен от дежурства, привела ко мне сюда домой свою двоюродную по матери сестру. Как оказалось, Филатьева совершенно случайно увидела на улице, что её сестру парочка китайцев бомжеватого, как я понял из её описания, вида пытаются затащить в проулок между заборами домов. Пара ударов в район почек и извлечённый из сумочки револьвер показали грабителям или насильникам, что они были неправы, и заставили их ретироваться со всей возможной скоростью. А то, что потом услышала от сестры Мария, заставило привести её ко мне за помощью и справедливостью.

Очень симпатичную девушку звали Куен Ионг, что означало «смелая птица», при крещении она получила имя Дарья Ивановна. Отец ее занимался торговлей и был приписан к сословию мещан города Хабаровска. До этого Нового года удачно расторговавшись в своей лавке товаром, отец девушки поехал закупаться новым. Для получения большей прибыли взял у своего компаньона большой кредит. Отбыл в конце января этого года вместе с женой в Сретенск по льду, чтобы с первым пароходом вернуться в Хабаровск. С тех пор их никто не видел.

Расследование показало, что обоз Пака, такую фамилию носила семья Дарьи, или Куен, пропал, не добравшись до Иннокентьевского казачьего округа. Пару дней назад судом было принято решение о признании отца и матери девушки умершими, так как они пропали при обстоятельствах, дающих основание предполагать их гибель, и прошло полгода. В счёт погашения кредита компаньону отца ушло всё оставшееся недвижимое имущество и товар семейства. Дарье бывший товарищ отца предложил остаться на определённых условиях, но девушка предпочла уйти на улицу из уже не принадлежащего ей дома.

Пока я пытался разобраться в этой ситуации, девушка жила вместе с агентессами. По окончании двухдневного расследования, я объявил Дарье, что, к моему глубокому сожалению, решение суда законно. Сделать практически ничего невозможно. Единственный шанс – это доказать виновность компаньона отца в смерти её родителей. Выслушав всё это, девушка напросилась ко мне в служанки. С учетом того, в каком положении она оказалась, по её словам, наниматься в

служанки у неё единственный выход. Так как родственники вряд ли ссудят её деньгами на открытие своего дела. Так в моём доме появилась семнадцатилетняя Дарья Ивановна Пак. Ну а дальше всё пришло к тому, к чему оно должно было прийти. Не сразу, а где-то через месяц, девушка пришла ко мне ночью в постель и осталась в ней до утра.

Какой-то вины перед Анечкой-Светланой фон Дерфельден я тогда не испытывал, а сейчас тем более не испытываю. Осталась только грусть от расставания и от несбывшейся мечты. Последнее письмо от Анечки пришло в конце августа. Заканчивалось оно предложением дружить. На этом, можно сказать, наша дружба-влюблённость, которая не продлилась и года, закончилась. Две встречи, пара десятков писем. Юная девушка, так напомнившая мне мою бывшую жену из другой жизни. Видимо, полковник Христофор Платонович фон Дерфельден объяснил своей воспитаннице, что новоиспечённый дворянин Аленин-Зейский для неё не пара. Действительно, древний род и не пойми кто. Тем более, дожидаясь моего двадцатитрехлетия, Анечка и в перестарки могла попасть. И когда вернусь с Дальнего Востока, неизвестно. Так что любовь прошла, не начавшись. Помидоры завяли. В этом отношении мы с Николаем оказались оба брошенными. Только мне быстро повезло с новой любовью.

Улыбаясь своим мыслям-воспоминаниям, я ввалился в комнату, предварительно обмахнув веником в коридоре валенки от снега. Меня встречала моя птичка-невеличка, очень сексуально выглядящая в казачьем сарафане. Помогла мне размотать башлык, сняла папаху, положив её потом на полку. Пока я снимал полушубок и валенки, принесла от печки нагретые шерстяные носки и войлочные тапки. После моего благодарного, несколько затянувшегося поцелуя, бросилась заполнять рукомойник теплой водой.

Я же, подойдя к печке-голландке, прижался к её теплой поверхности. «Всего-то минут пятнадцать шёл, а насквозь, до костей ветер пробрал, – подумал я. – Болеть-то нельзя. Впереди Рождественский бал у цесаревича. Работы выше крыши. Тем более, его Элеонора с труппой скоро приезжает. Будут гостить в Хабаровске больше месяца. Надо нашему доктору в Благовещенске срочно поручение дать, чтобы перед отъездом всех этих мамзелек снабдил „любовной мазью“ с предварительным осмотром. А то притащат

какой-нибудь вирусняк. И будет, как в загадке из журнала „Мурзилка“. У какого молодца утром капает с конца? Не подумайте о плохом, но это самовар».

И тут меня словно прострелило. Я вспомнил, о чём подумал тогда на пьянке с Николаем по поводу выхода замуж его любимой Аликс. Меня тогда удивило, что от простого гриппа умирают не только обычные люди, но даже принцы и принцессы. А потом задумался над тем, что же такого изобрела знахарка Марфа-Мария, что её к каким-то медицинским светилам отправили за счёт казны. Из всего того, что я ей рассказывал о медицине из будущего по антибиотикам, смог сообщить только, что у первого название будет пенициллин и его извлекут из каких-то грибов. Про аспирин сказал, что это ацетилсалициловая кислота и первоначально она связана с извлечением, видимо, салициловой кислоты из коры ивы. Потом в химическом процессе участвует уксусная кислота, кажется, ещё серная. В общем, что вспомнил, с учетом того, что химия был самым нелюбимым предметом в школе, то тогда Марии и рассказал.

«Надо будет Савельева попросить, чтобы он по своим каналам уточнил, куда и с чем отправилась, кажется, Соколова Мария Петровна, ориентировочно одна тысяча восемьсот шестидесятого года рождения, – подумал я, умываясь из рукомойника. – Фуф, вспомнил всё-таки. А теперь ужинать».

Ужин, который ожидал меня, был, как всегда, прекрасен. Дарья умудрялась замечательно готовить и совмещать русскую и корейскую кухню. Вот и сегодня обильное слюноотделение у меня вызвали корейские жареные пельмени под названием «манду», которые просто обожал. Начинка – свинина, говядина, грибочки, сейчас зимой сушеные, отмоченные, сваренные предварительно, но дающие обалденный привкус и аромат. Плюс специи, о которых знает только моя «смелая птичка». В это блюдо я влюбился с первого раза, когда попробовал его, приготовленное Дарьей.

Кроме этого, рулет по-корейски из яиц, рыба «хе» из филе белуги-калуги, гречневая каша из чугунка и русской печи. И тушеное мясо, также из печи с какими-то травами и специями. А с учётом того, что я сегодня с обедом как-то из-за занятости и вредности кое-кого пролетел, то набросился на всё это богатство как голодный волк.

– Ты что, сегодня не обедал, любый? – спросила меня Дарья, которая, сидя за столом напротив меня, с улыбкой наблюдала, как я жадно поглощаю пищу.

– Не получилось, птичка моя, – проглотив разварившийся до волокон кусок мяса, ответил я. – Сегодня с утра доложил цесаревичу, что тигр вчера с окраины города из хлева уволок двухгодовалую тёлку. Так его сразу на охоту потянуло. Собирался чуть ли не один за зверем отправиться.

– И что? – глаза Дарьи зажглись любопытством.

– Что, что?! Чуть отставку не получил, не разрешая такую охоту. Про дядьку своего рассказал, которого тигр на охоте задрал. А наместник ни в какую. Как ребёнок малый. Хочу добыть эту большую кошку! Идем прямо сейчас! Хорошо хоть, сотник уссурийского взвода Хаперский Сергей Игнатьевич помог. Ну, ты его знаешь. Он пару раз к нам приходил.

– И что Сергей Иванович сделал? – ласково улыбнулась.

– Как узнал о желании цесаревича, сразу же начал ему внушать, что охота на тигра возможна только с опытными специалистами в этом деле. Местные народы на него вообще не охотятся. Тунгусы и эвенки вместо прямого имени «тасх» часто называют тигра «амба», то есть великий, огромный, большой. Делают это, чтобы не накликать беду.

– И как государя наследник на это отреагировал? – Дарье вообще была интересна вся информация, хоть как-то связанная с цесаревичем. То, что она официально работает служанкой, а неофициально сожительствует с обер-офицером из Личного конвоя Его Императорского Высочества, очень сильно повышало её самомнение. Да, честно говоря, и реально в глазах окружающих её положение именно моей служанки стояло значительно выше положения служанок у других офицеров.

Первое время меня этот интерес к цесаревичу сильно напрягал. Я даже провёл несколько проверок благонадёжности девушки через своих агентов и подчинённых Савельева, который, кстати, от своей японской горничной отказался. Проверки показали полную непричастность Дарьи к чему-то нехорошему. Просто менталитет такой. Её мужчина служит у самого наследника престола. Каждый день с ним видится. Это же круто! Причём проверки показали, что

своим знакомым Дарья не рассказывает ничего из того, что слышала от меня.

– Да никак не отреагировал, – продолжил я. – Я к тому времени узнал, что ещё вчера местные охотники отправились по следам на розыски зверя. Опыт показывал, что если амба повадится приходить за пищей в город, то он будет приходить постоянно. Из-за этого тунгусы и эвенки уходили со своих стоянок, если тигр появлялся рядом. Тебе интересно, моё солнышко?

– Интересно, интересно, – зашебетала Дарья. – Но ты сначала поешь. Пока не остыло. А за чаем расскажешь остальное.

Так и поступили. Через некоторое время за чашкой чая я продолжил свой рассказ.

– В двух верстах от города охотники нашли больше половины коровьей туши. Тигр, как оказалось, нёс сначала тёлку на спине, делая при этом прыжки до двух саженей в длину. Потом поужинал, а оставшееся мясо зарыл в снег. Охотники заложили в него большую дозу стрихнина и ушли назад в город. А сейчас собираются идти и проверить результат. К этой группе мы вместе с цесаревичем и присоединились. Я взял мой десяток, Хаперский – троих казаков, которые не раз охотились на тигра. Также с цесаревичем направились Волков, офицеры конвоя, даже генерал Духовский присоединился.

– Вот посмотреть бы... – мечтательно протянула моя птичка.

– Было бы чего смотреть. Холодина. Ладно, хоть не пуржило, а то и следов бы не осталось. А так добрались до места, где вчера поужинал тигр. Увидели недавно разрытый снег, следы завтрака. Метров через сто от этого места обнаружили остатки туши, которые тигр опять прикопал, – я сделал паузу и отхлебнул из чашки. – Потом двинулись дальше по следам. Впереди охотники, мы с цесаревичем за ними. Сначала следы были чёткими, потом стали какими-то рваными. Было несколько мест, где тигр то ли ложился, то ли падал. Даже Леший не смог определить.

– Вовке и остальным своим братьям привет завтра от меня передай, – перебила меня Дарья. – Пусть кто-нибудь к обеду забежит, я им пигоди передам и большой рыбный пирог. Завтра делать буду.

– Балуеть ты моих братьев, Дарьюшка, – я, протянув руку, ласково погладил девушку по щеке.

– Они ко мне как к сестре относятся. Особенно Ромка. По дому помогают. Даже какое-то дежурство там учредили. Я последний месяц только с кем-нибудь из них на рынок хожу. Знаешь как здорово! Все так уважительно ко мне относятся. Как же, личники наместника сопровождают!

– Так!!! Вот, значит, куда они у меня отпрашиваются со службы. С тобой на рынок ходить?! – я попытался сделать грозное лицо, но у меня ничего не вышло. – А я-то думал, о чём говорил Головачёв, когда подкалывал, что использую своё служебное положение?!

– Ой, Тима! Не ругай их, пожалуйста, – Дарья прикрыла рот рукой и умоляюще посмотрела на меня.

– Хорошо, не буду, – строгим голосом ответил я, а потом не выдержал и рассмеялся.

– Да ну тебя, – обиженно надула губы моя милая. – Я и вправду подумала, что ты сердишься. Лучше рассказывай, что дальше было.

– Не перебивала бы, уже бы всё узнала, – сдвинув брови, сварливо произнёс я. Потом улыбнулся и продолжил: – В общем, версты не прошли, как к нам один из охотников бежит и сообщает, что тигра видно. Он в овраге лежит с подветренной стороны, и до него шагов двести будет, если от начала оврага стрелять. Цесаревич, конечно, рванул вперёд. Мы за ним. Право первого выстрела. Наследник не подкачал. Первой пулей в голову и наповал. Тигр, правда, едва подняться смог. Почти околел от яда.

Я отпил ещё немного чая и продолжил:

– Триумфальное возвращение в город. Обед в офицерском собрании. Только для меня он не задался. – Я грустно улыбнулся. – Цесаревич услышал, что тигра до этого накормили стрихнином и что до выстрела наместника тот не сдох только чудом.

– И что в этом такого? – удивлённо спросила Дарья.

– По мне, так ничего. А вот государев наследник великий князь Николай Александрович почему-то решил, что это мои происки, связанные с его безопасностью. Вместо того чтобы отобедать со всеми, я провёл время в наружной охране царственной персоны. В наказание, так сказать. А потом проверка службы, развод караула, бумажная волокита. Вот и пришёл домой обиженный и голодный, а также холодный.

– Ах ты бедненький мой, – Дашенька грациозно поднялась из-за стола, обойдя его, подошла ко мне, села на колени и, прижав мою голову к своей высокой груди, запустила свои красивые пальцы в мою шевелюру.

– Ага, бедный я, бедный, – млея от ласки, произнёс я. А потом тихонько пропел припев из песни Трофима.

Пожалей меня, пожалей,
В моей судьбе, такой жестокой и нескладной,
Лишь от любви твоей, по-женски безоглядной,
На миг становится хоть чуточку теплей.

Я замолчал, а моя птичка, напрягшись в моих руках, тихо попросила:

– А ещё!

Пожалей меня, пожалей
За все грехи мои, скитанья и ошибки,
Как Богородица, с печальной улыбкой,
Ты пожалей меня, родная, пожалей, -

тихо пропел я. Потом наши губы встретились. И как добрались до кровати, я потом не смог вспомнить. Если в наши первые попытки любви девственная до меня Дарья была сильно скованна, то в последующем, благодаря опыту из первой жизни, мне достаточно быстро удалось разбудить в ней женщину. Горячую и ненасытную. Да она ещё и крикуньей оказалась. И теперь часто приходилось зажимать ей рот, чтобы в соседней половине дома пожилая купеческая пара могла спокойно спать.

«Ну что же, ещё один день прожит, прожит не зря и хорошо, – чувствуя приятную усталость во всём теле, подумал я, потихоньку погружаясь в сон. – А завтра будет завтра! Посмотрим, какую пищу нам приготовила судьба».

Сквозь дрему услышал, как Дарья убрала со стола и помыла посуду, а потом вновь нырнула ко мне под одеяло. Почувствовав её голову на своей груди, я окончательно провалился в сон.

Глава 8

Две смерти

С утра, умывшись и быстро позавтракав, я, провожаемый Дарьей, отправился на службу. Температура повысилась и была около пятнадцати градусов по Цельсию ниже нуля. В конце ноября температурные качели в течение суток градусов в десять здесь были нормой. Я быстро шёл по свежему, выпавшему ночью, похрустывающему под ногами снегу. Ветра не было. Впереди показался свет фонарей на единственной освещенной улице города, где размещался дом генерал-губернатора, а теперь резиденция наместника.

Зайдя в свой кабинет, избавился от верхней одежды, поменял валенки на сапоги. Надел и застегнул португю. Достал часы. Семь ноль-ноль. «Можно приступать к работе», – подумал я, взяв со стола папку, которую принёс из дома. Раскрыв её, достал и положил на стол японский журнал «Кокумин-но томо» («Друг народа»). На титульном листе журнала, под заголовком было написано: «Критический обзор политических, экономических, социальных, литературных проблем». Кроме журнала из папки извлёк несколько газет «Дайто ниппо» («Восточный ежедневник») и «Дзидзи симпо» («Хроника текущих событий») и аналитическую справку, которую мне подготовила Дарья.

С моей «смелой птичкой» мне сильно повезло. Как и её двоюродная сестра – госпожа Филатьева, Куен Ионг в детстве получила хорошее домашнее образование, в котором знание родного корейского языка, а также японского было обязательным. Потом девушка закончила двухгодичное школьное женское училище в Хабаровске. После него обучалась в женской школе, которая существовала сначала за счет средств и энтузиазма полковника Александра Майера и его родственницы. После них школу взяли «на поруки» местные власти. В этой школе шло обучение географии, арифметике, русскому, французскому языкам и другим дисциплинам по программе классической гимназии. Обучение стоило шестьдесят рублей в год. Но отец Куен Ионг на свою дочку денег не жалел. С пятнадцати лет Дарья, как и мать, стала помогать отцу в торговле. А в шестнадцать в первый раз осталась за хозяйку торговой лавки, когда родители уехали за товаром. В общем, Дарья была прекрасно

образована, экономически подкована, да к тому же являлась полиглотом. С учётом этого, кроме домашней работы вот уже пару месяцев делала для меня выборку из японской и корейской прессы по наиболее важным событиям. А также подтягивала мой японский и корейский, благо удалось достать великолепный «Популярный японо-английский словарь» Юкити Фукудзавы и «Опыт русско-корейского словаря» Михаила Пуцилло.

Если быть до конца честным перед самим собой, то в душе я благодарил бога за то, что Дарья появилась в моей жизни. За то, что не уехала со своим дядей купцом Филатьевым, который специально приезжал в Хабаровск, чтобы забрать её к себе, а заодно и дочку проведать на службе.

Если бы я не стал офицером и потомственным дворянином, то мы бы с Дарьей уже поженились. Много кореянок выходит замуж за казаков. И жёны из них отличные получают. А теперь даже не знаю, что и будет. Вряд ли мой прямой начальник в виде его императорского высочества разрешит через три года, когда мне исполнится двадцать три, жениться на мещанке. А если буду к этому времени на другой службе, решение будут принимать командир полка и командир дивизии. Даже если первый согласится, окончательный вердикт все равно выносил второй. А невеста офицера должна отличаться высокой нравственностью и благовоспитанностью. К тому же и происхождение невесты должно быть не слишком низким. Мещанка не подойдёт.

Поэтому ещё месяц назад написал письмо дядьке Петру Селевёрстову, в котором описал своё, можно сказать, семейное положение. Будет что там дальше или не будет, любимую женщину надо на всякий случай обеспечить. Отметин от ранений на моём теле много. Когда-нибудь моя удача может и закончиться. Поэтому дом, который мне построили в станице, завещал и подарил Дарье, если не получится забрать её с собой к дальнейшему месту службы. Селевёрстовым выделил денежку на постройку гостиницы с баннным комплексом, трактиром, магазином и конюшней. Благо у моих названных родственников в их табунах от Беркута много хороших коняшек появилось.

В этом бизнесе пятьдесят процентов будет принадлежать Дарье. Как оказалось, после нашей эпопеи с хунхузами очень уж удобным и коротким оказался путь от станицы Черняева к Зейской Пристани.

Поэтому теперь многие служащие, чиновники, офицеры сходили с пароходов и отправлялись в Зейскую Пристань коротким путём, экономя неделю пути по Амуру, а потом по реке Зей. Гостиницы Савина стало не хватать. Также потребовались люди, которые бы занялись извозом по маршруту Черняева – Зейская Пристань. Поэтому надо было срочно столбить место. А если при гостинице и баня хорошая будет, так что ещё для счастья путешественнику надо?! Если только стаканчик водочки после бани. А наутро, отдохнув и со свежей головой, на хороших лошадках можно и в путь.

В общем, всё это изложил в письме, нарисовав вид гостиничного комплекса, и вместе с деньгами оказией в виде обоза торгового дома «Чурин и К^о» отправил всё Селевёрстовым. Пусть бревна и строительный материал к весне заготовливают. Также с этим же обозом отправил денег семьям погибших урядника Столетова и казака Забелина. Забелин жениться ещё не успел, а вот у Столетова осталась жена с сыном. Поэтому помощь ей была более значительной. Да и в дальнейшем надо будет помочь родственникам погибших.

Всё это вспомнилось, пока читал аналитику от Дарьи. Из анализа моей «смелой птички» самым интересным было выступление министра иностранных дел Японии Муцу Мунэмицу перед членами нижней палаты парламента. Его энергичную речь напечатали во всех газетах и журнале. В ней из перевода, сделанного Дарьей, в частности, говорилось: «Господа! Давайте сравним Японскую империю начального года Мэйдзи и Японскую империю сегодняшнего дня. Даже трудно себе представить, какой был совершен огромный шаг вперед, какие богатейшие плоды принесла цивилизация. Начнем с экономики. В первый год Мэйдзи объем внутренней и внешней торговли не достигал даже тридцать миллионов иен, а в двадцать пятом году Мэйдзи он достиг уровня почти в сто шестьдесят миллионов иен. Проложено около трёх тысяч ри железных дорог и около десяти тысяч ри телеграфных линий. Моря внутренние и внешние бороздят несколько сотен торговых кораблей европейского типа. Теперь о вооружениях. У нас имеется кадровая армия в составе ста пятидесяти тысяч человек, подготовка офицеров, солдат и оснащённость вооружениями которой почти не отличается от сильнейших западных держав. Построено почти сорок военных судов,

и мы намереваемся увеличить их число в соответствии с возможностями страны».

«Так, что у нас тут получается, – я взял листок бумаги и перо. – Одна иена что-то около семидесяти пяти сотых грамма золотом, а рубль – один и шестнадцать сотых грамма. Значит, их торговый оборот в сто шестьдесят миллионов иен – это около ста миллионов рублей золотом. По-моему, солидно, но надо уточнить. Вопрос, у кого? Дальше считаем. Три тысячи ри – это около двенадцати тысяч вёрст. На девяностый год, насколько помню по статистике, что мне здесь попадалась, у нас в империи двадцать четыре тысячи вёрст железных дорог. Но это за сорок лет, а здесь за двадцать пять. Да ещё после восстания, когда сорок тысяч самураев воевало против императора. Общие потери чуть ли не под сто тысяч человек. Лихо раскручиваются ребята. Сто пятьдесят тысяч бойцов. Сорок военных кораблей. А через полтора года получают с Китая нехилую контрибуцию...»

Я задумался, невидяще смотря на листок бумаги в руке. Ну почему я так плохо учился в школе? Всё, что помню о событиях, связанных с Дальним Востоком, так это, что в следующем году будет японско-китайская война. Китайцы нехило огребут от японцев, заплатят им бешеные бабки, которые в виде займов получают от России, Германии, Франции. Ещё кого-то. Мы получим Порт-Артур и начнём строить железную дорогу через Маньчжурию, а не по Амуру, как планируется сейчас. Потом в нулевом году этого века боксёрское восстание, русско-китайский поход. Честно не помню, что там вообще было. Потом русско-японская война. Гибель крейсера «Варяг», гибель адмирала Макарова, Цусимское сражение, оборона Порт-Артура, мирное соглашение, о котором ничего не помню. А может быть, и не знал.

«Блин, время-то летит. Дурдом. Через три дня мне в этом теле двадцать стукнет. Двадцать седьмое ноября – в моей прошлой жизни День морской пехоты. В такой вот день Тимоха здесь родился. Какая-то, видимо, была взаимосвязь между нашими душами. Я же так хотел в детстве-юности в той жизни поступить в Дальневосточное высшее общевоинское командное училище в Благовещенске, где также готовили офицеров для морской пехоты. Но не прошёл тогда по баллам. – Я ожесточённо почесал лоб ладонью. – А теперь вот здесь сижу и мучаюсь. Для двадцати лет достиг в этом мире очень многого. Пруха была просто невероятная! Вот сижу, материал подбираю для

доклада наместнику Дальнего Востока, по совместительству государя наследнику. И чем больше сижу и материалов читаю и подбираю, тем меньше понимаю, что делать. Как всё просто в мечтах было пять с половиной лет назад. Стать офицером и обучать новой тактике казаков или солдат. Вот стал офицером, да ещё лейб-гвардии. Обучаю новой тактике телохранителей цесаревича. О чём в действительности имею самые поверхностные знания. На уровне приключенческих книг и фильмов в моей прошлой жизни. А глобально, как всю эту задницу поменять, даже и не представляю. Ладно, хватит рефлексировать. По Японии есть что доложить цесаревичу. Сейчас принесут справку от полицмейстера. Вчера, кстати, что-то царапнуло сознание. Какой-то фактик! Но мысль не сформировалась. Надо пока вчерашнюю аналитику перечитать».

Прочитал часть своего анализа, посвящённого обстановке в городе, из вчерашнего доклада наместнику. Вроде бы всё как обычно. Никаких всплесков криминала за последние дни не наблюдается. В кабинет зашёл Дан и положил мне на стол справки от полицмейстера Чернова, штабс-ротмистра Савельева о происшествиях за прошедшие сутки.

«Посмотрим, – подумал я, взяв листки в руки и устраиваясь удобнее на стуле. – Так! Два трупа. Мертвый китаец за городом с проломленной башкой. И... О-о-о... А это интересно. Точнее, очень интересно! Служанка, которая работала у вольнопрактикующего в городе врача Беркмана, найдена мёртвой около своего дома. Причина смерти – удар виском о ступеньку крыльца. А вчера у себя дома был обнаружен мёртвым врач, у которого она работала. Предварительная причина смерти Беркмана – падение с лестницы и перелом позвоночника. Вот этот фактик то ли с убийством, то ли с несчастным случаем и царапнул мне вчера мозг. Торопясь на доклад к цесаревичу, прочитал вчера в справке полицмейстера, что убийств за сутки не было. И успокоился на этом. А то, что врач, возможно, всё-таки убит, пролетело мимо, но подсознание нагрузило. Придётся выдвигаться к Юрию Петровичу. Уточнить детали».

Коллежский ассессор Банков Юрий Петрович был следственным приставом города Хабаровска. Энтузиаст криминалистики господин Банков любил свою работу. Пытался раскрыть каждое уголовное преступление, которое совершалось в городе. А сделать это было проблематично. Всё городское полицейское управление на настоящий

момент состояло из полицмейстера, следственного пристава, полицейского надзирателя, секретаря, переводчика, столоначальника и десяти городских. Политическим сыском занимался Савельев – главный жандарм Дальнего Востока, у которого в подчинении здесь было всего два офицера.

А город растёт на глазах. Только за те полгода, что наместник здесь, население Хабаровска выросло на пятнадцать процентов и приближалось к девяти тысячам человек. И это уже предусматривало наличие восемнадцати городских по нормам Российской империи – одного городского на пятьсот жителей крупных городов.

Спасало город от засилья уголовщины только то, что полицмейстером последние два года служил ещё один фанатик полицейской работы – Чернов Александр Михайлович. Приказом военного губернатора Приморской области с июля одна тысяча восемьсот девяностого года на него было возложено исполнение должности хабаровского полицмейстера и «заведование ссыльнокаторжными временного Хабаровского отделения Сахалинской каторги», а с января девяносто первого года он был назначен хабаровским полицмейстером.

Из анализа периодической печати и из личного общения с господином Черновым я убедился, что Александр Михайлович является настоящим профессионалом. За каких-то два года Александр Михайлович прославился в городе как успешный борец с криминалом и как активный сторонник повышения профессионального уровня полицейских. Особо следует отметить в деятельности Чернова тот факт, что, будучи хабаровским полицмейстером, он составил проект «Положения о школе околоточных надзирателей и городских», предполагавший создание такого учебного заведения в Хабаровске. Основным назначением школы определялась подготовка служащих на должности околоточных надзирателей и городских для полицейских учреждений всего Дальнего Востока. На настоящий момент этот проект лежал на столе наместника, и я думаю, что Николай его утвердит и найдёт деньги.

Немаловажное значение, по моему мнению, также имеет активное участие Чернова в общественной жизни Хабаровска. Им составлены проекты санитарно-исполнительной комиссии, городского приюта для престарелых и инвалидов, приемного покоя. Кроме этого, Александр

Михайлович уже создал и возглавил «Вольное пожарное общество» на общественных началах. И уже не один пожар был ликвидирован, благодаря этому обществу.

– Дан, я к следственному приставу Банкову, – сообщил Петру Данилову, надевая полушубок. – Буду через час или чуть позже. Юрия Петровича иногда трудно найти.

Дан кивнул головой, продолжая что-то писать. Затянув португую и надев папаху, я подошёл к своему столу и перенёс стопку бумаг на стол Данилова.

– В аналитику внесёшь информацию отсюда, – я карандашом стал отмечать абзацы в прессе и справках полицмейстера и начальника отделения корпуса жандармов. – Потом должны принести справку по ходу строительства железной дороги от Владика. Перепишешь основные цифры. И разберешь всё, что по вчерашнему дню ещё придёт.

– Хорошо тебе, Ермак, – произнёс мой внештатный секретарь, просматривая мои отметки на бумагах. – Взял и ушёл. А мне тут корпи над справкой. А сегодня у нас свободный день от дежурства и тренировка.

– Можем поменяться, Дан. Тебе надо съездить к следственному приставу и узнать, считает ли он, что смерть врача Беркмана и его служанки Ермиловой произошла от естественных причин или всё-таки возможно убийство. Закончишь быстрее, чем справку.

– Ну, уж нет, Ермак. Я что, тебя не знаю?! Ты же потом столько вопросов мне задашь, на которые я не смогу ответить. А потом всё равно сам поедешь к приставу. Так что езжай уж сразу. Нечего мне баловством заниматься. Надо великие бумажные дела творить.

– Спасибо, что разрешил, – я шутливо козырнул Дану и, развернувшись кругом, направился к двери.

– Пользуйтесь моей добротой, ваше благородие, – усмехнулся мне в спину Данилов и еле успел увернуться от карандаша, который я с разворота метнул в него.

– Ну вот, опять точить. И грифель внутри наверняка поломался, – забубнил Дан, поднимая с пола карандаш, который отскочил от стены, пролетев совсем близко с его макушкой.

– Тренируйся военному делу настоящим образом в любое время, казак. Это уже стало для всех личников аксиомой, Петр Дмитриевич, –

наставительно произнёс я и, улыбаясь, покинул помещение.

До здания полицейского управления с его знаменитой пожарной каланчой было минут десять неторопливым шагом, но зная Юрия Петровича, который не любил сидеть на месте, я отправился на встречу верхом. Вдруг придётся по городу искать.

– Утро доброе, Юрий Петрович, – войдя в кабинет Банкова, поздоровался я.

– Утро добрым не бывает, Тимофей Васильевич. Особенно в нашем учреждении, – коллежский ассессор встал из-за стола и пожал мне руку. – Что вас привело в нашу обитель скорби и печали?

– Я бы назвал эту обитель оплотом законности, Юрий Петрович, – ответил я, вернувшись к вешалке и снимая верхнюю одежду.

– С соблюдением законности в нашем городе пока проблематично. И вы пришли наверняка, чтобы узнать о каком-нибудь случае нарушения закона. Я прав, Тимофей Васильевич?

– Правы, Юрий Петрович, – я сел на указанный мне Банковым стул. – Правда, не знаю, было ли нарушение закона, поэтому и пришёл к вам посоветоваться.

– Внимательно слушаю, вас, – следственный пристав, сцепив пальцы рук, лежащих на столе, внимательно посмотрел на меня.

– Дело в том, Юрий Петрович, что в справке, которую предоставило вчера ваше управление, присутствовало сообщение о смерти врача Беркмана Иосифа Брониславовича, а сегодня я получил данные о происшествиях за последние сутки, где есть информация о смерти Глафиры Петровны Ермиловой. Насколько я понял, она работала служанкой у Беркмана. Согласитесь, две смерти людей, которые были тесно связаны между собой, произошедшие подряд – пусть даже и естественные, вызывают обоснованные подозрения?

– Тимофей Васильевич, – коллежский ассессор весь подобрался. – Признаюсь, информация о смерти Ермиловой прошла мимо меня. Что там случилось?

– Юрий Петрович, в справке было отражено, что сегодня утром муж обнаружил на крыльце дома свою мёртвую жену.

– Интересно, мне об этом не сообщили. Видимо, сочли смерть естественной, – Банков задумался. – Тимофей Васильевич, действительно, две смерти подряд – врача и его служанки – вызывает подозрение. Что вы хотите от нашей службы?

– В первую очередь хотелось бы более подробно узнать о Беркмане и Ермиловой.

– Что же, Тимофей Васильевич, это не трудно. Проживали они в нашем городе давно и мне прекрасно известны, – коллежский ассессор позвонил в колокольчик и, дождавшись, когда в кабинет заглянет кто-то из служащих, попросил принести чаю.

Дождаться заказанного чая я не стал и попросил Банкова продолжить рассказ.

– Тимофей Васильевич, практикующий врач Беркман – из осужденных после польского восстания в шестьдесят третьем году. Из дворян Виленской губернии. Обучался в Варшавской главной школе, созданной директором Комиссии по делам религии и народного просвещения Александром Велёпольским по указу императора Александра Второго на базе Медико-хирургической академии. Примкнул к восставшим. В основном занимался лечением бунтовщиков. За это получил четыре года каторги. После отбытия наказания долгое время работал в Чите. Десять лет назад переехал в Хабаровку. Занимался вольной медицинской практикой. Пользуется, точнее пользовался большим успехом, особенно в вопросах лечения мигрени из-за своих лекарственных средств на основе спорыньи. Их он делал в своей лаборатории.

– Стоп, Юрий Петрович! У Беркмана есть своя химическая лаборатория?

– Да, Тимофей Васильевич, и одна из лучших в городе. А Ермилова как раз помогала Иосифу Брониславовичу в работах по изготовлению лекарств. Она работала у Беркмана с самого начала его появления в городе. Сначала как уборщица, а потом он начал её обучать работе в лаборатории по мере её создания. В последнее время многие работы Глафира Петровна выполняла самостоятельно.

– Юрий Петрович, а Беркман имел связи с народовольцами или другими революционерами? – я спросил Банкова на автомате, думая, что надо срочно встретиться с главным жандармом Дальнего Востока.

– Этот вопрос, Тимофей Васильевич, вам надо задать штабс-ротмистру Савельеву или кому-нибудь из его людей. Я такой информацией не обладаю.

– Хорошо, Юрий Петрович. А вы были на месте происшествия с врачом? Что-нибудь было необычного?

– Да, я выезжал домой к Беркману, где был обнаружен его труп. Окружной врач Любарский на месте определил перелом шейных позвонков. Им также были отмечены многочисленные ушибы по всему телу.

– Они были получены при жизни? И кто обнаружил труп? – поинтересовался я.

– Труп обнаружила Ермилова, которая пришла на работу. Спустившись в подвал, где располагалась лаборатория, она увидела Иосифа Брониславовича, который лежал рядом с лестницей. На основании осмотра места происшествия и выводов врача я вынес решение, что господин Беркман, упав с лестницы, сломал себе позвоночник в шейной зоне. От чего и наступила смерть. Остальные повреждения были получены в результате ударов тела о каменные ступени лестницы, когда врач катился по ней вниз.

– А почему, Юрий Петрович, данный случай был внесён в справку для наместника?

– На моей памяти это первая смерть, пусть и бывшего, но дворянина в Хабаровке от такой причины. Вот и внесли в справку, как курьёз. А, судя по всему, теперь возможна и версия насильственной смерти Беркмана.

– Вполне возможна, Юрий Петрович, – я задумчиво покачал головой. – А наличие у врача хорошо оборудованной химической лаборатории предполагает версию о её использовании для изготовления бомбы. А смерть Беркмана и Ермиловой – это замечание следов.

– Тимофей Васильевич, мне кажется, что вы утрируете. Зачем революционерам, если рассматривать эту версию, убивать тех, кто им помогал? Я, конечно, не большой специалист по отношениям в революционной среде, но даже урки, которых я хорошо знаю, убивают своих по значительной причине, – коллежский ассессор развёл руки.

В это время в кабинет внесли на подносе пару стаканов в симпатичных подстаканниках. Сделав пару глотков обжигающего крепкого чая, я произнёс:

– Юрий Петрович, как вы понимаете, именно версию о возможном действии в Хабаровске революционной группы я буду отрабатывать вместе с людьми штабс-ротмистра Савельева. Но и от вас потребуется посильная помощь.

– Слушаю вас, Тимофей Васильевич. Чем наше управление может помочь?

– Юрий Петрович, мне необходимо, чтобы установили, кто поставлял Беркману химические реактивы. Было ли увеличение количества поставок в последнее время. Особенно меня интересуют те химические вещества и реактивы, которые используются при изготовлении бомб. А также мне интересны сведения о посетителях Беркмана за последние два месяца.

– Тимофей Васильевич, мы постараемся выполнить вашу просьбу. Ещё что-то от нас потребуется?

– Потребуется, Юрий Петрович. Необходимо отработать всех приехавших в Хабаровск в течение последнего месяца.

– Тимофей Васильевич, мы постараемся, но вы сами знаете, какими силами располагает управление. А за последние два месяца только постоянное население города увеличилось почти на три сотни человек. А если посчитать всех сезонных рабочих, китайцев, корейцев, японцев... – следственный пристав повертел головой, будто его душил ворот мундира. – Поэтому на большой объём информации не рассчитывайте в ближайшее время.

– Я всё понимаю, Юрий Петрович. Сегодня к вам подойдёт коллежский секретарь Кораблёв. Поделите с ним объём работы по проверке.

– Вот за это спасибо, Тимофей Васильевич. Помощь нам не помешает. Я сейчас схожу к Ермиловым домой. Осмотрю место происшествия. А через два часа жду Кораблёва для координации нашей работы.

– Юрий Петрович, ещё один вопрос. А какая семейная жизнь была у врача и служанки?

– Намеряете на любовный треугольник, Тимофей Васильевич? – Банков усмехнулся и сделал глоток чая. – Вынужден вас разочаровать. У Ермиловой отличный муж и двое детей. Муж работает мастером на кирпичном заводе. В доме полный достаток. Глафира Петровна у Беркмана тоже неплохо зарабатывала. У Иосифа Брониславовича последние два года была постоянная пассия. Купеческая вдова. Ходили слухи, что через пару месяцев после трёхлетней години по усопшему мужу Наталья Дмитриевна Вешкова и Беркман должны были пожениться. Ну а у врача и служанки отношения были чисто

рабочими. Хабаровка, точнее Хабаровск, всё никак не привыкну к новому названию, городок небольшой. Все обо всех знают. Перегрызть и обсосать косточки ближнего своего – это любимое занятие на местных раутах и застольях. Если бы какой-нибудь любовный треугольник возник с участием врача, Тимофеем Васильевичем, поверьте, я бы об этом узнал.

– Спасибо, Юрий Петрович, за информацию и вкусный чай. Я, пожалуй, к господину Савельеву направлюсь. Подумаем с ним, что можно сделать сегодня. Дом и лабораторию Беркмана, насколько я понимаю, мы сможем детально исследовать только завтра после похорон и поминок?

– Думаю, так будет по-христиански, Тимофей Васильевич, – поднялся вместе со мной из-за стола судебный пристав.

– Тогда всего доброго, – я пожал руку Банкову, после чего быстро оделся и вышел из кабинета, провожаемый коллежским асессором.

Штабс-ротмистр Савельев мою версию о возможности насильственной смерти врача и служанки из-за связей с революционерами воспринял скептически. По его словам, Беркман был ярко выраженным польским националистом. После каторги он на родину не вернулся только потому, что не мог смотреть, как Великая Польша находится под пятой русского царя. Свои взгляды особо не афишировал, но и не скрывал. К свержению власти российского самодержца не призывал. На каторге с первым составом народнической организации «Земля и воля» не пересекался. Но в наблюдательном деле есть отметка, что в Чите Беркман несколько раз встречался с Иваном Спиридоновичем Джабадари, который по «процессу пятидесяти» был приговорён в семьдесят седьмом году к пяти годам каторги. После отбытия срока был оставлен на поселении в Забайкальском крае. Джабадари являлся одним из организаторов «Всероссийской социально-революционной организации» и написал её устав. Также он был недоучившимся студентом Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге.

Последние десять лет Беркман занимался медицинской практикой в городе. Пользовался спросом. В чём-то криминальном или политическом замечен не был. Состоял на учёте. И вообще, смерть врача и его служанки с интервалом в один день, по мнению Савельева,

может быть лишь случайным совпадением. Маловероятным, но возможным.

В общем, ушёл я от главного жандарма недовольным состоявшимся разговором. Хотя тот и обещал помощь в отработке моей версии, но было видно, что Савельев не испытывает особого желания работать по этой теме. После авантюры с Фукусимой, когда нас отчитывал лично государь наследник, наши взаимоотношения со штабс-ротмистром потеряли былую теплоту и взаимопонимание. Даже награда Станиславом третьей степени с мечами не растопила возникшего отчуждения. Обидно, однако. Ну да ладно. Сил у меня побольше, чем в местном отделении корпуса жандармов, так что версию всё равно отработаю.

«Основными фигурантами революционного террора могли бы быть эсеры, – думал я, возвращаясь верхом в резиденцию. – Но в моём мире они, кажется, появились позже. Да и помню только Бориса Савинкова да Азефа-provokatora. И всё. Из бюллетеня о революционном движении, который давал почитать Савельев, про данных фигурантов не было ни слова. О партии эсеров тоже тишина. Маркс свой Коммунистический манифест и „Капитал“ давно написал и уже десять лет как поживает на кладбище. Плеханов продвигает идею классовой борьбы, основав в восемьдесят третьем году первую российскую марксистскую организацию – группу „Освобождение труда“».

Я придержал коня, который, застоявшись, хотел перейти на рысь. Что же, надо вспомнить, что там было в бюллетене по этой группе. В первой программе, выпущенной группой «Освобождение труда» в одна тысяча восемьсот восемьдесят четвертом году, Плеханов и его товарищи признавали необходимость террористической борьбы против абсолютистского правительства, утверждая, что они расходятся с «Народной волей» лишь по вопросам о так называемом захвате власти и о задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса. Плехановцы не отрицали целесообразность террора, но считали, что «Народная воля» слишком много внимания уделяет неосуществимым планам государственного переворота и тратит энергию и ресурсы на индивидуальные акты в ущерб другим, наиважнейшим аспектам революционной борьбы, в частности – в ущерб агитации среди масс. Более того, Плеханов не только не предлагал прекратить террористическую деятельность, он оставлял за

ней роль первостепенной важности в будущем революционного движения. По мнению Георгия Валентиновича, пропаганда в рабочей среде не устранит необходимости террористической борьбы, но зато она создаст ей новые, небывалые до сих пор шансы. Таким образом, новое марксистское революционное движение на основе классовой теории также ратует за террор. И даже ожидает, что он станет массовым.

«Бакунин, Кропоткин со своим анархо-коммунизмом тоже ставят террор на видное место, – я дал шенкеля коню, переводя его на рысь. – Про молодого Ульянова-Ленина пока тишина. Кто ещё может быть? Японский след?! Маловероятно, также как то, что смерть Беркмана и Ермиловой простое стечение обстоятельств. За что так ратует Савельев. А Юрий Петрович мне почему-то поверил!»

С этими мыслями я добрался до резиденции и вернулся в свой кабинет. Ежедневную справку Дан подготовил и свалил в казарму. Пора идти на доклад, а потом тренировка с братьями и личниками из уссурийского взвода. Будем отрабатывать отражение нападения на конвой при следовании цесаревича верхом. Для уссурийцев сегодня будет большой сюрприз. Мой первый десяток будет одет в зимние маскхалаты. Их я организовал частично на свои, а частично на казённые деньги. Пятьдесят на пятьдесят. Посмотрим, как отреагируют личники. В своей основе все восемь казаков-уссурийцев, отобранных в личную ближнюю охрану Николая, отличные охотники. У троих ребят не по одному тигру в виде трофея числится.

Глава 9

Новые сведения

Доклад Николаю прошёл спокойно и без вопросов. Цесаревич мыслями был уже во второй половине декабря, когда должен был прибыть в Хабаровск театр с его примой.

После доклада с уссурийцами выехал из города в сторону нового стрельбища, которое было летом организовано по приказу генерала Духовского. Сергей Михайлович всё лето и осень проявлял кипучую деятельность, творя большие изменения на Дальнем Востоке.

Всё делалось с одобрения и как бы по прямому указанию наместника цесаревича, но на самом деле инициатором большинства административных дел был Духовский, которого активно поддерживал барон Корф, все ещё номинально числящийся генерал-губернатором.

Первое, что сделал генерал-энтузиаст, это через Николая ещё в мае месяце пробил первоочередное перевооружение линейных пехотных частей на Дальнем Востоке на винтовки Мосина. К декабрю этого года новые трёхлинейки уже будут у почти восьмидесяти процентов пехотных батальонов от Владивостока до Иркутска. По его же инициативе в Хабаровск и Благовещенск были завезены новые казачьи винтовки Мосина. Цены на них были приемлемыми, и казаки Приамурья и Уссурийской области начали быстро вооружаться ими. Только вот внешний вид этих винтовок очень сильно отличался от того, который я видел в Ораниенбаумской стрелковой школе, и от тех, которые привёз в подарок Селевёрстовым.

Во-первых, казачья винтовка была почти на фут короче пехотной, а это почти тридцать сантиметров. В общем, по длине винтовка приблизилась к карабину Мосина образца одна тысяча девятьсот седьмого или сорок четвёртого года.

Во-вторых, появилась верхняя деревянная ствольная накладка для защиты рук стрелка от ожога.

В-третьих, прямая шейка приклада была заменена на полупистолетную, как у винтовки Ли-Метфорда. Приклад также заметно изменил форму.

В-четвертых, и это было чуть ли не основное. Рукоять затвора сместилась назад и была отогнута книзу. Теперь появилась

возможность стрелять из оружия, не отнимая приклада от плеча, тем самым повышая скорострельность.

В-пятых, мушка была защищена боковыми крыльями.

В-шестых, новый шомпол, более длинный и с головкой увеличенного диаметра, не проходящей ствол, что упростило чистку оружия.

В-седьмых, ликвидировали насечку на боках крышки магазинной коробки, которая при ношении оружия протирала обмундирование.

В общем, это была совершенно другая казачья винтовка. Удобная, ухватистая и прикладистая. Почти все мои пожелания, которые я высказывал на стрельбище в школе в Ораниенбауме, «услышали». И даже больше было изменений в конструкции. Каким образом за столь короткое время, меньше года, новая винтовка прошла испытание, была принята на вооружение и изготовлена в больших количествах, я не знал. Какие-либо слухи по этому поводу до Дальнего Востока ещё не дошли. Но нас перевооружили в первую очередь, чем конвой был очень доволен.

Вторым нововведением генерала Духовского было прокладка дорог. До нашего приезда в Хабаровку в этот город можно было попасть только по Амуру. Генерал же объявил учения для четырнадцатого батальона, который стоял в Хабаровке. Цель – пройти вместе с орудиями до пункта А. И вот закипела работа: солдаты делают в лесах просеки, где надо – выравнивают дорогу, где надо – мост наладят. И уж если прошла по такой дороге артиллерия, то обывательская телега и подавно. За пунктом А были пункты В и С. Начав с Хабаровска, учения переметнулись на другие города и поселения, где стояли войска. Местные жители после этих маневров буквально молились на Духовского, а солдаты матерились, но исключительно про себя.

Третье, что успел за полгода сделать Сергей Михайлович, это от имени наместника провести земельную реформу, сформировав и оформив Войсковой земельный запас для Амурского и Уссурийского казачьих войск. Во временное пользование поселениям и округам были выделены пустынные полосы земли вдоль Амура и Усури. Это было проведено в рамках организованной Духовским программы переселения в Приамурье и Уссурийскую область малоземельных

казаков Донского и Оренбургского казачьих войск. В обиходной речи Войсковой земельный запас именовался наделом Духовского.

Всё это вспомнилось, пока неторопливой рысью следовал с казаками к стрельбищу. Я уже начал волноваться по поводу того, что впереди мишени показались, а нападения всё не было. Двое уссурийцев ехали впереди, четверо держали меня в коробочке, двое – в арьергарде. Казаки всю дорогу от города вертели головой на триста шестьдесят градусов, так как знали, что по дороге будет нападение. В случае проигрыша их ждал марш-бросок от стрельбища до Хабаровска. Чуть больше четырёх вёрст бегом в зимней одежде, с оружием и ранцем с балластом-имитатором весом в пуд. Попотеть придётся изрядно. Поэтому уссурийцы были настроены серьёзно – защищать мою тушку, изображающую охраняемое лицо, типа цесаревич Николай. Но это им не помогло. Неожиданно даже для меня по бокам дороги вздыбились сугробы, и мои братья, похожие на белых призраков из-за маскхалатов, открыли «огонь». Защёлкали спускаемые курки их винтовок и револьверов. Из моей охраны никто не успел воспользоваться оружием, как всё закончилось.

Старший уссурийских личников урядник Сунгуров, здоровый, бородатый казачина звероватого вида, с досады сплюнул и приготовился слушать мой приговор.

– Что же, Митрофан Петрович, я, конечно, не цыганка, но видится мне неблизкий путь бегом для вашей восьмёрки аж до города Хабаровска, – я улыбнулся бородачу. – Но только после учебных стрельб.

– Есть бегом, ваше благородие, – урядник тяжело вздохнул. – Только выдумщик вы изрядный. Сколько на охоту ходил, а до такой одежды для зимы не дотумкал. Это как же зверя-то удобно скрадывать будет. Нам всем такую форму дадут?

– Нет, урядник. Это экспериментальная одежда, в которой зимой к врагу подкрадываться удобно будет в случае войны.

– Вашбродь, так мы вроде как цесаревича охраняем! И разве какая война ожидается?! – удивлённо спросил Сунгуров.

– А против хунхузов такая форма разве не пригодится? – вопросом на вопрос ответил я.

– Это да! Ещё как пригодится. Я же рядом с дорогой даже не смотрел. Не думал, что можно так спрятаться на видном месте.

Прикидывал, что нападать будут из того лесочка, – урядник указал нагайкой на опушку леса около стрельбища, через которую проходила дорога.

В это время к нам подошёл Ромка, у которого во всей его белой фигуре темнели только глаза, да на обмотанной белой материей винтовке чернел кончик ствола с мушкой да целик.

– Ваше благородие, разрешите получить замечания?

– Замечаний нет, Селевёрстов. Молодцы! Выдвигайтесь на стрельбище.

– Слушаюсь, ваше благородие, – Лис козырнул и направился к братьям, которые выбирались из сугробов на дорогу.

После стрельб вернулись в город. Я, чтобы поддержать уссурийцев, бежал до города вместе с ними. Если быть честным перед собой, то на атаку братьев и я не успел среагировать. А значит, наказать надо было и себя. Перед городом сели в сёдла. Лошадей за нами вёл в поводу десяток Лиса, конная тяга которых была спрятана в лесу около стрельбища. Сегодня все братья были на месте. Дан, подготовив доклад, сразу умчался к своим. Очень ему хотелось опробовать вместе со всеми новые маскхалаты и способы ведения боевых действий с их использованием.

В городе я поехал к себе домой, чтобы переодеться. Пока бежали, пропотеть успел сильно, и возвращаться в резиденцию в таком виде как-то не хотелось. Заведя коня в ворота дома, увидел на снегу двора множество следов.

«Кажется, знаю, кто приехал», – улыбаясь, подумал я, привязывая повод уздечки к бревну коновязи.

Зайдя в дом, убедился, что не ошибся. В передней комнате за столом сидел человек, которого я мог называть своим другом, и звали его Арсений Тарала. Молодой купец за время пути от Владивостока до Хабаровска зарос редкой бородой. Всё ещё одетый в теплые куртку и шаровары, Арсений наворачивал борщ с чесночными пампушками, иногда передёргивая плечами. По себе знаю, как тяжело согреться, когда несколько суток провёл на морозе, не имея возможности побывать в тёплом помещении.

Первой меня заметила Дарья.

– Тимофей Васильевич, я соседского мальчишку отправила в расположение конвоя, наказав, чтобы сюда прибыл ваш денщик. Надо

баню истопить.

– Молодец, Дарья! Привет, Арсений. Как добрался?

– Ходко добрались, Тимофей. Спасибо Духовскому с его дорогами для пушек. Кое-где удалось путь по Амуру сократить. Холодно зато только было. А служанка у тебя действительно молодец. Будешь её обижать, к себе переманю, – Тарала с усмешкой посмотрел на меня, а потом перевёл взгляд на Дарью. – За такой борщ с пампушками я ей двойное жалованье платить буду. А если вечером она меня накормит своим знаменитым пирогом с рыбой и салатом «хе», то и тройное платить буду.

Арсений, говоривший всё это с серьёзным видом, не выдержал и рассмеялся.

– Видели бы вы себя со стороны, ребята. Обхохочешься. Не обижайтесь! И я вас от души поздравляю. Слухи слухами, а реально ваше счастье просто приятно видеть. А баня была бы кстати. Хочется косточки прогреть. Намёрзся.

– Вечером и попаримся, – улыбаясь, ответил я, глядя на алеющую, как маковый цвет, Дарью. – Я переодеться после тренировки заехал. Сейчас опять в резиденцию и постараюсь вырваться со службы пораньше.

Поздним вечером после того, как хорошо попарились, сидели с Таралой за столом и восстанавливали водно-солевой баланс чаем, который мастерски заварила нам моя «смелая птичка». Дарья суежилась на кухне, а Арсений, прихлёбывая из блюдца, неторопливо рассказывал о своих делах за последние три месяца.

– Кстати, Тимофей, с нашим обозом в Хабаровск приехал англичанин. О себе он говорит, что прибыл поохотиться на тигра. Будто бы до этого путешествовал по Африке и на его счету слон, носорог, лев и львица.

– А почему будто бы, Арсений? – перебил я Таралу.

– Понимаешь, Тимофей, мне Касьянов передавал твою просьбу. Вот в её рамках я тебе и сообщаю. С прошлым нашим обозом в Хабаровск выехали три человека, которые выдавали себя за купца и двух приказчиков. Это мне в нашем отделении во Владивостоке сообщили. А этот сэр Бекхэм, который пришёл с моим обозом, поверь мне, английским дворянином не является!

– Блин, только футболиста мне не хватало, – пробормотал я, переваривая полученную информацию. За почти полгода после моего разговора с Касьяновым, это были первые важные новости.

– Какого футболиста? – удивлённо спросил меня Тарала.

– Да я это о своем, о женском, – опять машинально ответил я, находясь в раздумьях.

От этой моей фразы прыснула смешком Дарья, которая вошла в комнату и села за стол, а Арсений, глядя на меня как-то осуждающе, произнёс:

– Иногда, Тимофей, я тебя абсолютно не понимаю.

– Не обращай внимания, Арсений, я сам иногда не понимаю, что несу. А почему ты решил, что этот сэр Бекхэм не англичанин?

– Понимаешь, Тимофей, я не очень много общался с представителями этой нации в Пекине. Но у них любой слуга выглядит большим аристократом, чем этот Бекхэм. Нет в нём чопорности, высокомерия и этого взгляда на всех окружающих, как на варваров.

– Арсений, а если бы я тебе представился дворянином, которым стал чуть больше года назад? Ты бы мне поверил?

– Тимофей, в тебе только слепой не увидит казака в энном поколении. Ты же постоянно ведёшь себя как зверь, скрадывающий добычу. Даже здесь в комнате с другом и любимой женщиной револьвер положил на комод рядом со столом, чтобы он был под рукой. Став дворянином, ты остался казаком. Вы, казаки, просто не замечаете своей постоянной готовности к бою. Иногда я думаю, что ты и в постели с кинжалом под подушкой.

Услышав эти слова, Дарья запунцовела, а потом прыснула смехом.

– Тимофей, это что?! Я угадал? Дарья, правда, у него кинжал под подушкой?

– Иногда и револьвер, – ответила моя «смелая птичка» и опять рассмеялась, зазвенев как колокольчик.

– Да, а я о казаках лучше думал. Да вы психи! – захохотал Тарала.

– Не все, Арсений, только я, – улыбнулся, а потом засмеялся следом за другом и любимой.

Когда наш смех стих, купец продолжил:

– Знаешь, Тимофей, я не знаю, как это правильно объяснить, но этот Бекхэм не тот, за кого себя выдает.

– Спасибо, Арсений, мы обязательно проверим твоего англичанина, – также серьёзно я ответил другу. – А что ещё скажешь по тройке: купец и двое приказчиков?

– Они ушли из Владивостока в Хабаровск меньше месяца назад. С последним осенним обозом нашего торгового дома. Как мне сказал управляющий нашими делами во Владивостоке, «что это за купец, который в Хабаровск идёт с таким количеством товара, который даже затраты на дорогу не окупит». И у одного из приказчиков лицо и руки были в химических ожогах.

– Почему в химических ожогах? – перебил я Арсения.

– Управляющий в юности увлекался химическими опытами. Вот он и обратил внимание на шрамы у одного из этих горе-купцов. Такие отметины оставляет кислота.

– Химик, бомбист и боевик, – тихо пробормотал я, но Тарала меня услышал.

– Ты это о чём, Тимофей?

Что я мог сказать своему другу? В прошлой жизни попалась мне в Интернете статья про революционера химика Костю, который готовил в основном для боевой организации эсеров какой-то особый динамит «Экстра». Боевики данный сорт взрывчатки очень уважали. Именно им была взорвана дача Столыпина. Были в статье и фото последствий этого взрыва. По мне, так пара десятков кило тротила в безоболочке рвануло, а на самом деле всего семь килограммов Костиного динамита «Экстра».

Вот у этих ребят из боевых групп эсеров и большевиков и сформировались такие тройки: «химик», который изготавливает бомбу, «взрывник-бомбист», который её бросает, и «боевик», который охраняет «химика». Но ко всему этому в моём мире пришли, кажется, лет через десять. Точно не помню.

– Да так, Арсений, возникли кое-какие мысли, которыми надо срочно поделиться с господином Савельевым, – после небольшой паузы ответил я Тарале.

– Это так серьёзно, Тимофей?

– Боюсь, да. Очень серьёзно. И огромное спасибо тебе, Арсений, и Александру Васильевичу. Увидишь его, передай, что я в долгу у торгового дома «Чурин и К^о».

– Значит, действительно серьёзное дело. Обычно мы у тебя в последнее время в долгу были из-за твоей информации. – Тарала ожесточённо потёр правой ладонью лоб. – Блин, а я листок с фамилиями этих троих в кассовой книге оставил, а её отвезли в контору.

– Время, надеюсь, терпит, – ответил я, а про себя подумал, что в моём мире после получения такой информации все службы поставили бы на уши, несмотря на время суток. А здесь все события идут медленно, тягуче. Между запросом и ответом не одна неделя пройти может, а то и месяцы.

– Ладно, Даша, давай нам организуй что-нибудь перекусить, да и по рюмочке пропустить, – я погладил по плечу разволновавшуюся девушку. – Чаем сыт не будешь. А потом баиньки делать будем. Утро вечера мудренее. Народ в этом отношении правильно говорит.

На следующее утро, получив от купца данные на троих, как Арсений их обозвал, горе-купцов, направился к Савельеву.

– Тимофей Васильевич, вам не кажется, что вы пытаетесь все события привязать к своей версии? Как-то у вас всё вовремя и в одну строку ложится, – раздражённо произнёс штабс-ротмистр, когда я довёл до него полученную от Таралы информацию. – Сначала смерть врача Беркмана и его служанки, химлаборатория, а теперь боевая группа, состоящая, как вы их назвали, из химика, бомбиста и боевика. А этот англичанин тогда с какого боку припёка?

– Контролёр, – ответил я устало, – как же хреново, когда приходится убеждать того, кто по своей должности должен был молиться на полученную от меня информацию. А возможно, и отдельный стрелок, – продолжил я. – Владимир Александрович, вы знаете, чего я боюсь больше всего при охране цесаревича?

– Чего, Тимофей Васильевич?

– Вот такого стрелка, который шагов за триста-пятьсот всадит пулю между глаз цесаревичу и растворится в лесу или среди домов в городе.

– Хорунжий, сплюньте! Тимофей Васильевич, откуда такие пессимистические мысли?

– Владимир Александрович, а вы знаете, кто такой пессимист?

– И кто? – заинтересованно спросил Савельев.

– Хорошо информированный оптимист. А я очень хорошо информирован. Врач, служанка, химлаборатория, тройка горе-купцов,

один из которых имеет множество шрамов от ожогов кислотой, стрелок. Мне на вас рассчитывать, Владимир Александрович? Или работать только своими силами и силами городского полицейского управления?

– Вы меня обидеть хотите, Тимофей Васильевич? Конечно же, мы отработаем вашу информацию. С чего начать?

– Начните с англичанина Бекхэма. Горе-купцами займутся мои люди и Юрия Петровича. Я сейчас пойду на встречу с ним, узнаю, что господин Банков уже успел накопать.

Поездка к следственному приставу ничего не дала. Банкова не было на месте, и, куда он убыл, никто из служащих управления сказать не смог. Поэтому, попросив передать Юрию Петровичу, что я его ищу, направился в резиденцию. Подходило время ежедневного доклада. В кабинете меня ожидал сюрприз в виде генерал-лейтенанта Духовского. Генерал занимал в свите наместника особое место, не имея пока официальной должности. Можно было сказать, что он был «нянькой» Николая с административными возможностями генерал-губернатора Дальнего Востока.

Сергей Михайлович был невысокого роста, с реденеющими седыми, зачесанными назад волосами, запорожскими свисающими усами. Сегодня, как и обычно, он был одет в белый китель с Георгием в петлице, в широченные синие шаровары с желтыми казачьими лампасами и мягкие казачьи сапоги. За полгода, что Духовский провёл на Дальнем Востоке, во всех городах и станицах уже знали, что генерал воздержан в личной жизни, не терпит грубой лести, решительно пресекает попытки дать взятки, даже замаскированные под подарок, честен и неподкупен.

Генерал никогда не избегал случаев поговорить с обывателями, когда ещё сопровождал цесаревича при его следовании в Хабаровск. Потом в Благовещенске и других городах и поселениях, где останавливались на длительный срок, его часто можно было увидеть общающимся с простым народом на улице. Однако надо бы подчеркнуть, Духовский не умел говорить с народом, и его понимали иногда не так, как он желал. В торжественных случаях Сергей Михайлович считал необходимым обращаться к собравшимся с речами и, когда говорил, то казалось, что вот-вот он остановится, так волновался, весь делался красным, голос дрожал. Да и говорил генерал

с картавостью, что свойственно людям, привыкшим постоянно говорить по-французски, и которой любили тогда подражать гвардейские пажы. Но картавость Духовского была природной и очень не шла к виду старого казака-запорожца, который он старался себе придать. В общем, как оратора его нельзя было сравнить с бароном Корфом, который имел к тому все природные данные. Но что касается работоспособности, и Духовский, и барон Корф не уступали друг другу.

Двери квартиры Сергея Михайловича, которую он сейчас снимал вместе с женой, всегда были открыты настежь для любого жителя Хабаровска и иногородних. Многим чиновникам это казалось неудобным: «Помилуйте, какую повадку взяли, чуть что, всякий мужик лопочет – сейчас к Духовскому пойду». Такие выражения я часто слышал от представителей различных служб в резиденции наместника. В узком офицерском кругу Сергея Михайловича звали «Дух». И вот этот человек что-то делал в моём кабинете.

– Разрешите войти, ваше превосходительство? – я застыл на пороге, вытянувшись по стойке смирно.

– Входите, хорунжий. Это же ваш кабинет. Но что-то я вас заждался. Как мне доложили, обычно вы раньше приходите на службу?

– Так точно, ваше превосходительство. Но вчера была получена информация, которую надо было срочно с утра обсудить со штабс-ротмистром Савельевым. А потом я заезжал в городское управление полиции. Поэтому и задержался.

– Что за информация, хорунжий?

Пришлось кратко рассказать Духовскому о последних событиях и о той версии, которая сложилась у меня в голове.

– И какая вероятность того, что ваши умозаключения верны, хорунжий? – спросил меня Сергей Михайлович, когда я закончил доклад.

– Ваше превосходительство, я бы сказал – процентов шестьдесят – семьдесят.

– Что ж, признаться, это неожиданно... – генерал задумался и сделал несколько шагов туда-сюда по кабинету. – Моя помощь нужна, Тимофей Васильевич?

«О как! Первый раз по имени и отчеству обратился», – подумал я про себя, а вслух ответил:

– Если вдруг потребуется задействовать солдат из батальона, надо распоряжение генерал-губернатора, чтобы цесаревича Николая Александровича не беспокоить.

Духовский задумчиво покрутил ус, а потом произнёс:

– Будет такое распоряжение. Этот вопрос я с бароном улажу. А вот цесаревичу считаю необходимым доложить о случившемся и о вашей версии.

– Ваше превосходительство, разрешите более подробную информацию собрать, а потом докладывать. Возможно, я и ошибаюсь. И всё это стечение обстоятельств.

– Хорошо, сегодня вечером жду вашего доклада, – генерал развернулся и направился к двери. Но сделав пару шагов, остановился и, повернувшись ко мне, произнес: – Совсем вы меня сбили с мысли своими новостями, хорунжий. Я по какому поводу приходил. Мне подъесаул Головачев рассказал, что вы вчера отрабатывали упражнение, где нападающие на конвой были одеты в какие-то белые одежды, благодаря которым смогли подобраться вплотную и уничтожить казаков. Это так? – спросил меня Духовский.

– Так точно, ваше превосходительство. Мною были разработаны и по заказу пошиты в ателье десять маскхалатов.

– Каких халатов, простите? – генерал удивлённо-вопросительно посмотрел на меня.

– Маскировочных халатов, ваше превосходительство. Основное назначение этой одежды – скрыть воина от взгляда противника на местности в зимнее время, что позволит осуществлять незаметное наблюдение за противником и нападение на него, – ответил я.

– Как-то это нецивилизованно получается – незаметное нападение. Вам так не кажется, хорунжий?

– Ваше превосходительство, ещё недавно в российской армии военная форма отличалась богатством цвета и декоративными элементами. Каждый полк имел свою форму. Такая одежда позволяла увидеть солдат издали и определить, к какому полку он относится. Визуальный контроль был единственным средством понимания происходящего на поле боя для полководцев. Правда, и сам принцип ведения войны походил скорее на игру в шахматы, – я сделал паузу, собираясь с мыслями.

Но генерал поторопил меня, спросив:

– А при чём здесь, как вы его назвали, маскхалат?

– Ваше превосходительство, опыт последней русско-турецкой войны показал, что «шахматные войны» подходят к концу. Губительный огонь артиллерии, шрапнель, которая буквально выкашивает плотные построения войск. Яркую одежду и батальонные колонны прекрасно используют корректировщики артиллерийского огня. Принятие на вооружение магазинных винтовок приведёт к ещё большему повышению плотности огня и ещё большим потерям в живой силе.

– Да... Тимофей Васильевич, мне докладывали, что у вас интересное видение тактики ведения боевых действий в современных условиях. Но почему вы считаете себя правым? Есть какие-то подтверждения вашей теории? – Духовский вернулся к моему столу и, заняв моё место, сел на стул. Мне же дал команду рукой садиться на стул для посетителей.

– Ваше превосходительство, практического опыта, чтобы подтвердить мои слова, нет. В Европе вот уже пятнадцать лет не ведутся межгосударственные боевые действия. Российская империя также это время ни с кем не воевала. Но сама логика говорит о необходимости отказа от недостаточного уважения к огню и от ставки почти исключительно на штык.

– А как же пуля – дура, штык – молодец? Или Александр Васильевич Суворов был неправ? – генерал улыбнулся.

– Если вспомнить суворовскую «Науку побеждать», то полностью фраза звучит так: «Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко – пуля обмишуются, штык не обмишуются, пуля – дура, штык – молодец!» Есть и ещё одна фраза: «Гренадеры и мушкетеры рвут на штыках, а стреляют егеря». Только при этом, когда Суворов командовал Суздальским полком, у него стреляли и егеря, и мушкетеры, и гренадёры. Причем по тридцать патронов в год, а не по три, как в других полках.

– Интересно... – Сергей Михайлович закрутил на указательный палец левый ус. – Несколько раз читал книгу, а почему-то запомнилось только пуля – дура, штык – молодец, а не вся фраза. А вы, Тимофей Васильевич, получается, относитесь к «огнепоклонникам».

– Можно сказать и так, ваше превосходительство. Я, действительно, считаю, что стремительное развитие вооружения

приведёт к серьёзным изменениям в тактике ведения боя. И на первое место выступит пуля, а не штык. Хотя «штыковое воспитание», о котором говорит в своем «Учебнике тактики» его высокопревосходительство Михаил Иванович Драгомиров, полностью: – Идти на позиции противника под его губительным огнем от артиллерии, магазинных винтовок, пулемётов смогут только войска с сильной волей и не боящиеся гибели. А чтобы уменьшить потери от огня противника, необходима форма, которая бы не выделяла солдата на поле боя, а, напротив, делала бы его как можно незаметнее.

– И вы, Тимофей Васильевич, хотите всех солдат зимой одевать в такие маскхалаты? – последнее слово генерал произнёс уже уверенно.

– Ваше превосходительство, это было бы здорово, но боюсь, слишком дорого для государственной казны, – я сожалеюще развёл руками. – Последние годы усмирения Кавказа показали необходимость использования малых команд для скрытого наблюдения за противником, точечных нападений. С нашей стороны такие боевые действия осуществляли кубанские пластуны, у черкесов – хежреты, психадзэ. Именно для таких команд в первую очередь и нужны маскхалаты для зимы и для лета.

– Интересная мысль. Насколько мне известно, вы вместе с Головачевым работу написали о действии таких малых групп в тылу противника?

– Так точно, ваше превосходительство. Написали. В прошлом году её передали в Академию Генерального штаба. Результаты рассмотрения мне не известны.

– Что же, замечательно, что эволюция военной мысли не стоит на месте и молодёжь, как всегда, ищет что-то новое, – Духовский по-доброму улыбнулся. – Подготовьте мне план занятий, на котором бы мы увидели все возможности использования вашего зимнего маскхалата. При этом можете задействовать и силы линейного батальона.

– Слушаюсь, ваше превосходительство, – я поднялся со стула вслед за выбравшимся из-за моего стола генералом. В этот момент в кабинет влетел Кораблев.

– Тимофей Васильевич, я от Банкова... Ой... Извините, ваше превосходительство... – коллежский секретарь изобразил стойку смиренно.

– Проходите, э-э-э... – Сергей Михайлович сделал паузу, видимо, пытаясь вспомнить, как зовут, можно сказать, начальника секретной части конвоя.

– Коллежский секретарь Кораблев Николай Алексеевич, – пришел я на помощь генералу.

– Да... Николай Алексеевич. Проходите. Мы уже с Тимофеем Васильевичем закончили. Так что не буду вам мешать. Вечером жду доклада, – эта фраза Сергея Михайловича была уже предназначена мне. Закончив говорить, генерал вышел из кабинета.

– Что-то срочное, Николай Алексеевич? – обратился я к Кораблеву.

– Юрий Петрович просит вас подъехать к нему. Он просил передать, что с большой долей вероятности вы оказались правы...

Глава 10

Введение в криминалистику

– Доброе утро, Юрий Петрович! Какие новости? – спросил я Банкова, входя в его кабинет в полицейском управлении.

Следственный пристав поднялся из-за стола и произнёс:

– Здравствуйте! Здравствуйте! Проходите, Тимофей Васильевич, снимайте верхнюю одежду. Есть новости, как им не быть. Чаю-с?

– Вы знаете, Юрий Петрович, не откажусь. Морозно сегодня на улице.

Коллежский ассессор, проходя мимо, пожал мне руку, а потом выглянул в коридор и кому-то скомандовал принести чаю. Вернувшись на место, сел за стол и пригласил меня присесть на стул.

– Ну что, Тимофей Васильевич, хочу вас обрадовать, хотя повод сам по себе не радостный. Смерть Глафиры Петровны Ермиловой я бы естественной не назвал. Жалко, что я не осматривал место происшествия, но даже по показаниям её мужа, который обнаружил труп, можно было бы сказать, что её убили, – Банков возбужденно потёр ладони и продолжил: – А так как я сегодня после нашего разговора осмотрел тело Ермиловой, то со всей ответственностью могу заявить, что мы имеем убийство с прямым умыслом и с обдуманном намерением. Статья одна тысяча четыреста пятьдесят четыре Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Это каторга от пятнадцати до двадцати годочков. Возможно, и убийство, совершённое ради облегчения другого преступления. А это уже статья одна тысяча четыреста пятьдесят девять и бессрочная каторга.

– А каким образом вы, Юрий Петрович, определили, что было совершено убийство?

– Ох, Тимофей Васильевич! Если бы Ермилову осматривал не этот алкоголик Венников... Есть у нас в городе такой врач. У него каждый день заканчивается на дне стакана, – следственный пристав брезгливо скривился. – Так вот, если бы труп Глафиры Петровны осматривал тот же Любарский, он бы сразу сказал, что было совершено убийство.

– Какие-то улики? – заинтересованно спросил я.

– Во-первых, тело Ермиловой нашли в том положении, при котором она не смогла бы получить такое повреждение височной

области, – Банков отогнул указательный палец. – Во-вторых, рана на виске соответствует сильному удару либо рукояткой револьвера, либо кастетом. Нождемся от Любарского, нашего окружного врача, официального заключения.

– Юрий Петрович, а вы из описания мужа о том, в каком положении он нашёл труп жены, сделали выводы, что Ермилова не могла получить такое повреждение виска? – я смотрел на пристава с любопытством, и мне действительно было интересно, что он мне скажет в ответ.

– Эх, Тимофей Васильевич, как говорится, сам себя не похвалишь – никто не похвалит, – лицо Банкова осветилось задорной улыбкой. – Не буду слишком хвастать, но считаю, что неплохо знаком с судебной медициной. Вы, кстати, в курсе, что о способах определения того, какая рана на теле является смертельной, писал Гиппократ? А после убийства Цезаря его тело осмотрел врач, который установил, что из двадцати трёх ран смертельной была только одна.

– Интересные факты. Впервые о таком слышу, – я был действительно поражён этой информацией.

– О-о-о, Тимофей Васильевич, ещё в тринадцатом веке в Болонском университете судебная медицина была официально признана в качестве специальности. Иоганн Рихтер в одна тысяча восемьсот четвёртом году обнаружил ультрафиолетовые лучи. Но совсем недавно узнали, что в свете ультрафиолетовой лампы более свежий лак выглядит темнее. И что нам это дает, Тимофей Васильевич?

Я смотрел на следственного пристава, который в этот момент напоминал моего учителя химии по кличке Матрас. Это прозвище он получил потому, что лет двадцать проходил в костюме из темно-синей ткани в светло-серую полоску. Ещё он был фанатом химии, и каждый его урок был представлением одного актёра, который вещал о торжестве химии на планете Земля. Несмотря на любовь к своему предмету, Матраса мало кто любил из учеников. Его любимой фразой при выставлении оценки в журнал были слова: «На пять знает химию Бог, на четыре я, на три отличник, ну а вам, молодой человек, неуд». Вот и сейчас я видел перед собой фанатика от науки, но, кажется, ещё адекватного.

– Не могу сказать, Юрий Петрович. А что нам даёт такое свойство лака в ультрафиолетовом свете?

– Это нам даёт, что отреставрированные участки картин и кустарно переписанные подписи на деньгах будут проступать более тёмными пятнами. Это поможет бороться с фальшивомонетничеством, подделками картин. В общем, будущее за криминалистикой. Вам знаком такой термин?

Судя по тому, как мне задал вопрос Банков, это тоже было каким-то новшеством в это время. Поэтому решил притвориться валенком.

– Первый раз слышу, Юрий Петрович. А что он означает?

– Этот термин ввёл мой хороший австрийский друг по переписке Ганс Гросс. По его определению, криминалистика, от латинского криминалис, то есть преступный, это прикладная наука, исследующая закономерности приготовления, совершения и раскрытия преступлений, возникновения и существования его следов, собирания, исследования, оценки и использования доказательств. В настоящее время Гросс разработал систему рекомендаций по расследованию преступлений, которую описал в работе «Руководство для судебных следователей, чинов жандармерии и полиции». В этом году она должна быть напечатана, и я с нетерпением жду её с подписью автора. Ганс – великий человек. Он систематизировал успешные приемы расследования с использованием таких наук, как химия, физика, ботаника, микроскопические исследования и психология. Ганс полностью поддерживает «бертильонаж», это антропологический метод регистрации преступников, основанный на измерении тела человека по одиннадцати параметрам, который придумал Альфонс Бертильон. Также настаивает на введении дактилоскопии. Вижу, не поняли, что это такое.

Я смотрел на Банкова, у которого на щеках заиграл румянец. Речь стала быстрой, прерывистой, более громкой. Жестикуляция усилилась. «Да, настоящий фанатик криминалистики, – думал я, продолжая слушать следственного пристава. – Надеюсь, что его фанатизм и знания мне помогут. Всё-таки отзываются о коллежском асессоре как об отличном специалисте». А Банков продолжал вещать:

– Представляете, Тимофей Васильевич, ещё в одна тысяча восемьсот пятьдесят восьмом году английский колониальный служащий Уильям Гершель, заставляя индусов удостоверить свою подпись отпечатком пальца, заметил, что у каждого человека отпечаток индивидуален. В восьмидесятом году аналогичный эффект описал в

статье в «Nature» шотландский врач Генри Фулдс. В одна тысяча восемьсот девяносто первом году ещё один мой знакомый по переписке Хуан Вучетич предложил в своей лаборатории в полиции Буэнос-Айреса к бертильонажу добавить отпечатки десяти пальцев. А сейчас разрабатывает систему, как проще сравнивать отпечатки. По его мнению, очень скоро дактилоскопия вытеснит бертильонаж, как более удобный способ регистрации сведений о преступниках, – следственный пристав сделал паузу, которой я поспешил воспользоваться.

– Юрий Петрович, вы меня извините, но всё-таки, каким образом из рассказа мужа Ермиловой вы поняли, что её убили?

– Тимофей Васильевич, кроме того, что я активно занимаюсь самообразованием, можно сказать – ещё и являюсь учеником самого Путилина, – произнося эти слова, Банков посмотрел на меня с чувством явного превосходства и гордости за себя.

– Прошу прощения, Юрий Петрович, а кто такой Путилин? – спросил я следственного пристава, подумав про себя: «Так вот тебе, ваше высокоблагородие – фанатик криминалистики. Ну не знаю я, кто такой Путилин и с чем его едят».

В это время в кабинет зашёл один из нижних чинов полицейского управления с подносом, на котором стояли два стакана с чаем и пара блюдце или розеток, одна с вареньем, вторая с сушками. Расставив всё на столе Банкова, служащий вышел из кабинета.

Юрий Петрович, сделав жест рукой, мол, приступайте, зацепив ложку варенья, отправил её в рот и сделал глоток чая. Я же, взяв в руки подстаканник, поддерживающий стакан с крутым чаем, стал греть о него ладони. В кабинете было прохладно, да и небольшая поездка по сильному морозу до полицейского управления успела вытянуть тепло из тела. Банков между тем продолжил свой рассказ.

– Удивлён, Тимофей Васильевич, что вы ничего не слышали о господине Путилине.

– Юрий Петрович, менее двух лет назад я был обычным казачком Амурского казачьего войска, – я продолжал греть руки о подстаканник. – Откуда я мог слышать, судя по всему, о ком-то из знаменитых полицейских.

– Н-да, об этом я как-то не подумал. Но неужели вы не слышали о Путилине в Петербурге? – Банков вопрошающе посмотрел на меня.

– Поверьте, Юрий Петрович, но данную фамилию слышу впервые, – я не лукавил, данную фамилию ранее не слышал.

– Н-да... Даже не знаю, с чего начать, – следственный пристав потёр переносицу. – Если кратко, то Путилин Иван Дмитриевич – это основатель сыскной полиции в Российской империи. Его вклад в борьбу с преступностью трудно оценить. Как военному, вам больше будут понятны его первые награды. В декабре пятьдесят седьмого года указом императора его награждают Станиславом третьей степени, в сентябре пятьдесят восьмого Анной третьей степени, в декабре пятьдесят девятого Станиславом второй степени, а октябре шестьдесят первого Владимиром четвертой степени. С шестьдесят шестого он начальник вновь образованной сыскной полиции Петербурга. На его счету сотни раскрытых преступлений. Два раза он уходил в отставку и возвращался вновь. Дослужился до тайного советника, а это третий класс в табели о рангах. Сейчас заканчивает свою книгу «Сорок лет среди грабителей и убийц». Также жду с нетерпением это произведение и надеюсь на автограф Ивана Дмитриевича.

«Круто», – чуть не ляпнул я, но вовремя остановился. Заслуги действительно впечатляли.

– Юрий Петрович, вы работали под его началом? – спросил я Банкова.

– К сожалению, нет. Но мне повезло в том, что Иван Дмитриевич был другом моего отца и часто бывал у нас дома. Я и полицейским стал, мечтая быть похожим на господина Путилина.

– Насколько я знаю, вас, Юрий Петрович, считают отличным специалистом в своём деле, – не желая льстить, произнёс я.

– Спасибо, Тимофей Васильевич, но по сравнению с Иваном Дмитриевичем я просто обычный трудяга в сыске, а вот Путилин – гений, – решительно сказал Банков. – Действительно гений. Мне повезло в том, что у нас дома Иван Дмитриевич, рассказывая о своей работе, часто объяснял, как он добивался своих успехов. А я всё наматывал на ус.

Коллежский асессор усмехнулся и сделал ещё глоток чая. Отставив стакан в сторону, Банков посмотрел на меня и спросил:

– Хотите, Тимофей Васильевич, одну историю? Она позволит вам понять, почему я сегодня из рассказа мужа сделал выводы о том, что Глафира Петровна была убита.

– Юрий Петрович, меня просто щекочет моё любопытство, – ответил я, делая первый глоток чая.

– Хорошо, Тимофей Васильевич, – следственный пристав отставил в сторону стакан с чаем. – Мне было десять лет, когда в январе семьдесят второго года в Александро-Невской лавре было обнаружено убийство иеромонаха Иллариона. Далее я буду рассказывать то, что я слышал от господина Путилина, когда он поведал о своём расследовании этого дела у нас дома. Кстати, расследование заняло чуть больше суток, и Иван Дмитриевич в своём рассказе сделал упор на том, что такая быстрая поимка убийцы произошла благодаря его правильным логическим выводам. Вам интересно, Тимофей Васильевич?

– Очень интересно, Юрий Петрович, – мне действительно было интересно.

– Хорошо. Тогда продолжу. Илларион жил в двух комнатах отведенной ему кельи монастыря, вел замкнутое существование и лишь изредка принимал у себя певчих и поил их чаем, – Банков сделал ещё один глоток чая. – Когда дверь его кельи, откуда он не выходил два дня, была открыта, то вошедшим представилось ужасное зрелище. Илларион лежал мертвый в огромной луже запекшейся крови, натекающей из множества ран, нанесенных ему, предположительно, ножом. Его руки и лицо носили следы борьбы и порезов, а длинная седая борода, за которую его, очевидно, хватал убийца, нанося свои удары, была почти вся вырвана, и спутанные, обрызганные кровью клочья ее валялись на полу в обеих комнатах. На столе стоял самовар и стакан с остатками недопитого чая. Из комода была похищена сумка с золотой монетой. Как выяснилось позже, отец Илларион плавал за границей на судах в качестве иеромонаха и скопил приличную сумму денег. На столе у входа стоял медный подсвечник в виде довольно глубокой чашки с невысоким помещением для свечки посередине, причем от сгоревшей свечки остались одни следы, а сама чашка была почти на уровень с краями наполнена кровью, ровно застывшей без всяких следов брызг.

Следственный пристав сделал паузу и глотнул чая.

– Тимофей Васильевич, я вам пересказываю то, что услышал от господина Путилина. Пускай прошло двадцать лет, но для меня это было как вчера.

– Юрий Петрович, продолжайте, мне очень интересно.

– Продолжу, Тимофей Васильевич, – Банков сделал очередной глоток чая. – Судебные власти прибыли на место как раз в то время, когда в соборе совершалась торжественная панихида по Сперанскому – в столетие со дня его рождения. На ней присутствовали государь и весь официальный Петербург.

Я всем своим видом показал, что очень внимательно слушаю коллежского асессора.

– Вскрытие трупа иеромонаха в келье под зауспокойные молитвы показало, что покойный был убит два дня назад вечером, – Банков отправил в рот очередную ложку с вареньем. – В это время приехал Путилин, которому следователь сообщил о затруднении найти обвиняемого. Иван Дмитриевич стал тихонько ходить по комнатам, посматривая туда и сюда, а затем задумался. После этого сообщил окружающим, что необходимо отправить агентов по пригородным железным дорогам. По его выводам убийца, вероятно, кутит где-нибудь в трактире, около станции. Обосновал он это тем, что убийца ранен в кисть правой руки и стремится уехать из города. Выводы о ранении убийцы Путилин сделал из того, что на подсвечнике очень много крови, и она натекла не брызгами, а ровной струей. Поэтому это не кровь убитого, да и натекла она после убийства. Ведь нельзя предположить, чтобы напавший резал старика со свечкой в руках: его руки были заняты – в одной был нож, а другою, как видно, он хватал старика за бороду. Кроме того, убийца тщательно перерыл все белье в комод, при этом на каждом свернутом полотенце снизу пятно крови. Логично, что это была правая рука, а не левая. При перевертывании левой рукой пятна были бы сверху. Поздно вечером, в тот же день, убийца был арестован в трактире на станции Любань. Он оказался раненым в ладонь правой руки и расплачивался золотом. Доставленный к следователю, он сознался в убийстве и был осужден, но до отправления в Сибирь сошел с ума. Ему, несчастному, в неистовом бреду все казалось, что к нему лезет отец Илларион, угрожая и проклиная.

– Из вашего рассказа, Юрий Петрович, можно сделать вывод, что господин Путилин пользовался дедуктивным методом расследования, как знаменитый сыщик Шерлок Холмс, – сказал я, чтобы что-то сказать, когда Банков замолчал.

– А кто это такой? – удивлённо спросил меня коллежский асессор.

– Да мне в Петербурге книжица на английском языке попалась, – начал я, пытаюсь вспомнить, а написал ли в это время Конан Дойл свои книги или нет. – Так в ней рассказывалось о лондонском сыщике Шерлоке Холмсе, который при расследовании преступлений пользовался дедукцией. Это такой метод мышления, следствием которого является логический вывод, в котором частное заключение выводится из общего.

– Не знаю, не читал о таком, – задумчиво протянул Банков, потом потряхнул головой. – Вернее всего, недавно написанное произведение. Отсюда вывод, что не Путилин пользовался дедукцией как Шерлок Холмс, а писатель при описании расследований данного сыщика пользовался теми методами, которые использовал при своих расследованиях Иван Дмитриевич.

– Не буду спорить, Юрий Петрович, – я поднял руки вверх. – Я, если честно, книгу купил, чтобы обновить познания в английском языке. К ней заодно и словарь прикупил.

«Фуух, кажется, с темы о Конан Дойле и Шерлоке Холмсе съехал. А то, может, ещё и не написано, и не издано ничего», – подумал я про себя, делая мысленный глубокий выдох.

– О вашем знании большого количества языков наслышан, Тимофей Васильевич, – с небольшой грустью произнёс следственный пристав. – Признаться, завидую белой завистью. Для меня изучение в гимназии французского, немецкого, латинского, а тем более древнегреческого было изуверской пыткой. Ну не шли они мне в голову. Еле-еле французский устно более-менее сносно освоил, остальные – лишь бы из гимназии не выперли.

– А мне, Юрий Петрович, признаюсь, языки как-то легко даются. Но это не значит, что я ничего не делаю. Вот сейчас у меня на каждый день план выучить десять иероглифов на китайском и десять слов на корейском.

Произнося это, я достал из левого кармана брюк листок, на котором было изображено десять китайских иероглифов. Затем из правого листок со словами, написанными по-корейски.

– А вечером моя служанка примет у меня экзамен, – продолжил я.

– Интересный способ изучения иностранных слов, – Банков покрутил головой. – Надо попробовать с немецким. Подтянуть его, так

сказать. А по поводу вашей служанки, Тимофей Васильевич, я, как более старший товарищ, хотел бы посоветовать не особо показывать окружающим ваши более чем близкие с ней отношения. Не то у вас теперь положение в обществе. Извините-с, если что не так сказал.

Коллежский ассессор левой рукой сделал как бы такой извиняющий жест, что, мол, лезу не в своё дело, после чего зачерпнул из розетки варенье, отправил его в рот и запил чаем. Я молча повторил за приставом телодвижения с ложкой и стаканом, получив наслаждение от вкусного варенья из ягоды красники, или, как её ещё называют, клоповки и крепкого чая.

– Я всё понимаю, Юрий Петрович. И если честно, то по этому вопросу жалею, что занял такое место в обществе, – медленно произнёс я. – Лучше бы я остался простым амурским казаком.

– Даже так, Тимофей Васильевич?! – Банков сочувственно посмотрел на меня.

– Именно так, Юрий Петрович! Именно так! Два одиночества, нашедшие друг друга.

– Сочувствую, Тимофей Васильевич, но думаю, что вы сможете решить и эту проблему с вашим-то везением, – пристав поддерживающе улыбнулся мне.

– Решим, Юрий Петрович. Как-нибудь решим, – я выдавил из себя оптимистическую улыбку. – Но всё же вернёмся к моему вопросу. Как вы из рассказа мужа Ермиловой сделали вывод, что её убили?

– Про то, что тело Ермиловой нашли в том положении, при котором она не смогла бы получить такое повреждение височной области, и размер раны, который соответствует сильному удару, я вам уже говорил. Но это всё выяснилось позже. А уже первые слова, которые мне сказал Ермилов, дали мне основания для вывода, что, вероятнее всего, было совершено убийство, – Банков сделал паузу, как бы давая мне возможность задать вопрос.

– И что это были за слова? – спросил я, оправдав надежды коллежского ассессора.

– Жена вышла из дома одетой в меховой сокуй с капюшоном, меховой капор, и я слышал, как два раза скрипнули ступени, – Банков замолчал.

– Извините, Юрий Петрович, но мне это ничего не говорит. Объясните.

– Тимофей Васильевич, Ермилова из инородцев. То ли якутка, то ли эвенка. Часто дома надевает свою инородную одежду, богато украшенную. Это такой последний крик моды в Хабаровске. Да и в Благовещенске о таком порядке вещей в женском обществе тоже рассказывают, – коллежский ассессор усмехнулся, показывая всем видом, что слабый пол не понять. – Капюшон сокуя, вышитый бисером, да ещё меховой капор, также вышитый и украшенный, надетые одновременно на голову, наверное, выдержат удар стрелы. И падение головой о ступени или поручни крыльца точно бы не привело к смерти. Тем более, если бы вы видели крыльцо дома Ермиловых. Там нет ни одного острого выступа и всего две ступени. А разговаривая с мужем Глафиры Петровны, я уже знал, что у неё был проломлен висок. А дальнейшие показания Ермилова, осмотр трупа потерпевшей только подтвердили версию убийства.

В этот момент в кабинет ворвался полицмейстер города Хабаровска.

– Юрий Петрович, позвольте вас спросить, почему я ничего не знаю о розыске преступников, злоумышляющих против наследника престола? – раздражённым голосом и на повышенных тонах задал вопрос Чернов.

– Александр Михайлович, прошу прощения, но я не понимаю вашего вопроса, – Банков поднялся из-за стола и удивлённо посмотрел на своего непосредственного начальника.

– Господин надворный советник, разрешите, я отвечу на ваш вопрос, – сказал я, поднимаясь со стула. – Юрий Петрович ещё не в курсе той информации, которую я довел с утра до генерала Духовского.

– Извольте, хорунжий, – Чернов перевёл внимание на меня.

Получив разрешение, я почти слово в слово пересказал утренний доклад Сергею Михайловичу, добавив к нему только выводы Банкова о насильственной смерти Ермиловой.

– Садитесь, господа. Надо всё обдумать. Всё-таки есть большая вероятность злоумышления на жизнь его императорского высочества Николая Александровича, – с этими словами Чернов начал снимать с себя верхнюю одежду, а Банков освободил своё место за столом и двинулся за стулом для себя.

– Что же, господа, приступим и давайте без чинов, – сев за стол, надворный советник возбуждённо потёр ладони. – Итак, мы имеем, что служанка доктора Беркмана мадам Ермилова убита. Это установлено?

– Так точно, Александр Михайлович. Ермилова была убита, – высказался Банков.

– А что мы имеем по Беркману, Юрий Петрович?

– Здесь не всё однозначно. У меня целых четыре версии. Первая – естественная смерть из-за падения. Оступился на лестнице, упал, скатился вниз, сломал шею. Второй вариант – убийство по неосторожности. Неизвестный неудачно толкнул Беркмана, и тот, упав, погиб. Третья версия – доктору целенаправленно сворачивают шею, а потом маскируют убийство под падение с лестницы. Четвёртый вариант – это третий, только убийство совершено с целью скрыть другое преступление, например, злоумышление на наследника престола, – Банков развёл руками, показывая, что он закончил высказывать версии.

– Что же, Юрий Петрович, по Беркману полностью с вами согласен, – Чернов выдал дробь пальцами по столешнице. – А вы что скажете, Тимофей Васильевич?

– Честно говоря, Александр Михайлович, мне ещё не приходилось участвовать в раскрытии преступлений, но каких-либо нестыковок в словах Юрия Петровича не вижу. Любая версия возможна, но верной мне кажется последняя. И Беркмана, и Ермилову убили, чтобы скрыть готовящееся покушение на цесаревича. Это моё мнение.

– Мне, говоря откровенно, Тимофей Васильевич, очень бы не хотелось, чтобы ваше мнение оказалось верным, – Чернов повертел головой, будто бы пытался ослабить тугой ворот мундира. – Ох, как не хотелось бы. С момента казни членов террористической фракции Шевырёва и Ульянова в восемьдесят седьмом году всё тихо было. Ох, не дай бог, вы правы, Тимофей Васильевич!

Надворный советник энергично растёр лицо руками и резко выдохнул. Осмотрев меня и Банкова, спросил:

– Ваши предложения, господа?

– Прошу прощения, может быть, я начну как самый младший по табели о рангах и при минимальных знаниях о расследовании? – произнося фразу, я поднял руку как школьник, точнее гимназист на уроке.

– Слушаем вас, Тимофей Васильевич, – улыбнулся мне Чернов, глядя на мою руку.

– Я договорился с Савельевым, что сэром Бекхэмом займутся жандармы...

– Это хорошо, – перебил меня полицмейстер города Хабаровска, но потом сделал рукой знак, чтобы я продолжал.

– Надо установить, не закупал ли Беркман глицерин, ртуть, азотную и серную кислоты в последнее время и в большом количестве.

– Уже могу частично ответить на ваш вопрос, Тимофей Васильевич, – перебил меня уже Банков. – Не закупал у официальных представителей, торгующих химическими производными. Таких поставщиков в Хабаровске всего двое. С одним из них я договорился сегодня после похорон вместе осмотреть лабораторию Беркмана. Подскажет, где что находится. Там же опросим вдову Вешкову Наталью Дмитриевну. Она организовала похороны доктора и как бы является его наследницей.

– А неофициально ингредиенты для изготовления бомб можно купить, Юрий Петрович? – поинтересовался я.

– Тимофей Васильевич, в корейском и китайском кварталах с риском для жизни купить можно всё, – ответил мне за Банкова надворный советник. – Это фанзы в кварталах девяносто пять и девяносто семь по Поповской улице за речкой Лесопилкой. К сожалению, информаторов в той среде у нашего управления мало. Можно сказать, что и нет совсем. У господина Савельева не думаю, что дела обстоят лучше. Но вы продолжайте.

– А что здесь продолжать?! Надо искать тройку горе-купцов. После их установления организовать слежку. Этим агенты из моей секретной части займутся. А дальше действовать по мере поступления информации, – я закруглился с ответом.

– Что скажете, Юрий Петрович? – полицмейстер посмотрел на своего подчинённого.

– В принципе, в общих чертах всё верно, – следственный пристав, отвечая начальнику, выпрямил спину, попытавшись изобразить что-то типа стойки смирно сидя. – А в частности... В первую очередь надо ускорить поиск убийцы Ермиловой. Я подключу к этому всю нашу агентуру. По Беркману также будем собирать информацию. Возможно, какие-то свидетельства и доказательства одной из версий появятся.

Тройку горе-купцов сейчас в секретариате проверим. Вставали ли они на учёт. Если нет, то городовые по кварталам начнут опрос и поиск. Встречусь с парочкой своих знакомых среди китайцев. Может, что по химии узнать получится. Вкратце всё, Александр Михайлович.

– Что же, для первых шагов достаточно. Начинаем работу. Тимофей Васильевич, а где описание этой тройки лжекупцов? – обратился ко мне Чернов.

Я передал полицмейстеру листок бумаги, где Тарала, как смог, представил сведения по возможным террористам.

– Н-да, негусто, – усмехнулся надворный советник, закончив читать. – Но один представитель с яркими приметам в виде химических ожогов на лице и руках есть, так что искать эту тройку будет попроще.

На этом наше мини-совещание закончилось. Чернов направился раздавать команды своему небольшому воинству, а я с Банковым, заехав за его знакомым продавцом химии купцом Савиных Андреем Савичем, направились домой к Беркману. По времени похороны должны были закончиться. А небольшие поминки Вешкова организовала в доме покойного доктора.

Зайдя в дом, мы сняли верхнюю одежду и прошли в переднюю избу, где стояли накрытые столы с поминальными блюдами. За столами расположилось двенадцать человек. Свободные места были.

– Проходите, Юрий Петрович, Андрей Савич, – обратилась к нам, судя по всему, мадам Вешкова. – И вы, господин хорунжий. Присаживайтесь. Помяните раба Божьего Иосифа Брониславовича. Он хоть и поляк, но православный.

– Здравствуйте, Наталья Дмитриевна, – отозвался Банков, и мы вслед за ним прошли к столу.

Поминки длились ещё часа два. Люди приходили, садились за стол, выпивали, поминали, крестились, сочувствовали Вешковой, кланялись, уходили. За столом происходила круговерть из поминавших, которых обслуживали две женщины, следившие за посудой, подачей горячего, переменной блюд. Наконец всё закончилось. Я и Савиных направились в лабораторию, а Банков остался побеседовать, можно сказать, с дважды вдовой. Как говорил Банков, Вешкова сожительствовала с Беркманом больше года.

Осмотр лаборатории показал, что ингредиентов для изготовления бомб в ней нет. Азотная кислота, серная, глицерин и ртуть присутствовали, но в смешных количествах. Оборудование даже для будущего времени было шикарным, а лестница в неё воистину убийственной. С такой свалиться и сломать себе шею легче лёгкого. Даже перила и поручни не спасут.

Разговорившись с купцом, узнал от него, что на часть имеющейся лаборатории нацелился доктор Любарский, что-то по мелочи возьмут другие врачи. Два владельца фотоателье также придут посмотреть, что им, возможно, понадобится. Но это всё после того, как Вешкова вступит в наследство. Как ходят слухи, Беркман ещё год назад всё своё имущество завещал Наталье Дмитриевне.

Не успел я подумать, что искать убийцу надо среди тех, кому это выгодно, Андрей Савич огорошил меня следующей новостью. Мадам Вешкова, оказывается, составила завещание, по которому всё её имущество, которое оценивают в двести тысяч, после смерти купчихи отходит Беркману. На фоне богатства Натальи Дмитриевны дом и лаборатория доктора как-то выглядели слабовато, можно сказать нищенски. Но, как говорится, любовь зла, обменяешься и завещаниями.

Банкову повезло больше. Из разговора с вдовой ему стало известно, что к Беркману где-то дней десять назад приходили двое мужчин, один из которых имел множество шрамов на руках и лице. О чём доктор говорил с посетителями, Наталья Дмитриевна не слышала. И видела этих двоих мельком в приоткрытую дверь. Двусмысленность их отношений с Иосифом Брониславовичем не позволяла Вешковой встречать гостей в доме Беркмана. Но после этой встречи доктор был взвинченным. А на вопрос, кто приходил, резко ответил, что это было напоминание из его глупой молодости. Потом, правда, выругался по-польски. Что делал очень редко в присутствии Натальи Дмитриевны. По её воспоминаниям это было во второй раз.

Оставив Савиных договариваться о продаже лаборатории, я и Банков вернулись в управление. От Чернова узнали, что трое горекупцов пока не обнаружены. В секретариате они для проживания в Хабаровске не регистрировались. Городовые ориентированы на поиск. На этом все новости – и хорошие, и плохие – на сегодняшний день заканчивались. Спланировав работу на завтра, мы расстались.

Прибыв в резиденцию наместника, я переоделся и направился на доклад к генералу Духовскому. Как оказалось, в его кабинете находился и Николай.

– Тимофей Васильевич, почему об угрозе моей жизни я узнаю не от своего охранника, а от Сергея Михайловича? – встретил меня на пороге кабинета вопросом цесаревич.

– Ваше императорское высочество, сегодня утром имеющаяся у меня информация давала только предположение о возможности готовящегося на вас покушения. Поэтому я вам и ничего не доложил, а имеющиеся сведения довел до его превосходительства, – вытянувшись по стойке смирно, браво отрапортовал я Николаю.

– А теперь что, какие-то новые сведения появились? – спросил меня Духовский.

Пришлось рассказывать подробно обо всём том, что выяснилось сегодня в течение дня. Цесаревич и генерал внимательно выслушали меня.

– Что планируете делать? – первым задал вопрос генерал.

– Ваше превосходительство, усилим охрану, бросим все силы на поиски злоумышленников. Найдём их, задержим, соберем доказательную базу, и в суд, – кратко ответил я.

– Усиленная охрана, как я понимаю, это по категории «А»? – спросил меня цесаревич.

– Так точно, ваше императорское высочество, – я принял стойку ещё смирнее.

– Хорошо, Тимофей Васильевич! Принимается, но одно торжественное общественное мероприятие мы проведём, – как-то резковато произнёс Николай.

– Какое? – я приготовился противиться этому мероприятию всеми силами души. Здесь охотники за головами появились, а у цесаревича какая-то развлекуха на уме.

– Ваш день рождения, Тимофей Васильевич. Мы вот с Сергеем Михайловичем список лиц подготовили, которые хотели бы вас поздравить с двадцатилетием послезавтра, – с этими словами Николай передал мне листок, на который я тупо уставился, так как чувствовал себя ушибленным чем-то очень тяжёлым по голове.

Глава 11

День рождения

– Тимофей Васильевич, у вас такой вид, будто вы не понимаете, о чём идёт речь, – цесаревич, улыбаясь, смотрел на меня, а генерал Духовский явно прилагал усилия, чтобы не рассмеяться. – Послезавтра у вас день рождения, а следом за ним День ангела священномученика Тимофея, епископа. Но вы даже никому не намекнули об этом. Скромность, конечно, украшает человека, но не до такой же степени. Вот мы с Сергеем Михайловичем и решили напомнить вам, что по метрике вы родились двадцать седьмого ноября двадцать лет назад. Надо исправляться, Тимофей Васильевич. Неужели на день рождения не пригласите?!

Духовский не выдержал и фыркнул. Видимо, видок у меня был ещё тот. Типа – пыльным мешком из-за угла ударенный и оглушённый. Цесаревич, закончив фразу, продолжал с улыбкой смотреть на меня.

– Ваше императорское высочество, – я с трудом вытолкнул из себя эти слова, – последний раз именины я отмечал девять лет назад, когда были живы ещё родители. А потом как-то не пришлось. Если честно, то я забыл об этом.

Я замолчал и почувствовал, что краснею. Я действительно забыл о дне ангела и дне рождения Тимохи. И то, что восемь лет до сегодняшнего дня именины, можно сказать, не праздновал, также было правдой. Пока был жив дед, тот на День ангела, как правило, двадцать восьмого ноября, два года дарил какой-нибудь подарок, и всё. У Селевёрстовых я о своих именинах не напоминал. И так было неудобно за их заботу. Поэтому в этот день уходил к себе на хутор. В училище и после него в Питере на учебе у генерала Черевина как-то не до именин было.

– Тем более надо сп'авить, – с французским прононсом и врождённой картавостью произнёс Духовский.

– А ещё добавлю, что подарки готовы, – Николай подошёл ко мне и положил руку на плечо. – Так что, Тимофей Васильевич, от данного мероприятия вам не отвертеться.

– Я это уже понял, – ответил я, быстро просматривая список гостей на листке, который мне дал цесаревич.

«А ничего себе списочек получается, – подумал я, – если учесть, что именованник всего лишь хорунжий. – Его императорское высочество Николай Александрович, барон Корф с супругой, генерал Духовский с супругой. Это главные супергости. Ага, сын-наследник президента и два губернатора на днюхе у лейтенанта. Оху... Охренеть, одним словом. Что дальше? Офицеры конвоя с супругами, Волков, Кораблев – это мой ближний круг общения. С этими понятно. Далее следуют офицеры свиты, полицмейстер Чернов с супругой, главный местный жандарм Савельев с супругой, Банков – это с кем работаю. Городской староста Балахович с супругой, купеческие представители в лице купца первой гильдии Богданова со старшим сыном, которых привечает барон Корф, и купец первой гильдии Тифонтай – это яркие представители города. Особенно последний».

Хабаровский купец Цзи Фэнтай, или, как его все звали, Тифонтай, китаец по происхождению, в семидесятые годы служил переводчиком в инженерной дистанции. Одновременно занимался торговлей мехами и хлебом. С восемьдесят пятого состоит в купеческом обществе Хабаровска купцом второй гильдии. Ещё пару лет – и станет купцом первой гильдии с капиталом тысяч в триста. Уже сейчас им построены заводы: мукомольный, пивоваренный, кирпичные, лесопильный, по производству извести. Когда читал об этом китайце обзорную справку, поражался не только разворотливостью Тифонтая, но и его способностью в хорошем смысле «держать нос по ветру»: нужен был для города кирпич, строевой лес, известь – через небольшой срок Тифонтай начал новое дело, опережая всех.

– Я думаю, в гостиной или столовой Военного собрания все поместимся, – приняв моё молчание за замешательство, утвердительно добавил цесаревич. – Небольшой обед, а потом музыкальный вечер.

– Спасибо, ваше императорское высочество. Такая забота – большая честь для меня, – смог произнести я, всё ещё не отойдя от такого сюрприза.

В голове уже крутились мысли, как это всё организовать, во сколько обойдётся такой обед. И самая главная мысль – как же это всё не вовремя. Будто отвечая мне, слово взял Духовский.

– Тимофей Васильевич, возможно, празднование вашего дня рождения несколько не к месту, в свете открывшейся информации. Но об этом торжестве мы с бароном Корфом и цесаревичем договорились

ещё пятнадцатого числа этого месяца. Подготовили уже подарки. Поэтому поддерживаю его императорское высочество. Праздничный вечер проведём. А вам советую обратиться к Модесту Илларионовичу в собрании, который всё организует на высшем уровне, – с этими словами генерал также приблизился ко мне и потрепал по плечу.

Вот так ко мне пришла ещё одна проблема – отметить собственный день рождения. Не откладывая дело на завтра, пока ещё было время, направился в Военное собрание, где нашёл местного управляющего делами, старшего дворецкого и завхоза в одном лице – Модеста Илларионовича Ларина. Классического английского дворецкого, представляете?! Господин Ларин был дворецким Военного собрания с большой буквы.

Ознакомившись с моей проблемой, Модест Илларионович заверил меня, что это не проблема, а радостное событие в жизни, которое необходимо хорошо отпраздновать, и он мне поможет это организовать. Правда, ознакомившись со списком гостей, несколько подзавис. Большой разброс в чинах. Цесаревич и купец. Как их усадить за одним столом?

Тут на помощь Ларину пришёл я. Рассказал ему, что гостей можно рассадить за отдельными столами, расставленными по залу, в зависимости от чина и положения в обществе. На столах поставить записки на бумаге с именами гостей, чтобы каждый из них знал, где находится его место. Данным предложением привёл Модеста Илларионовича в восторг. Здесь было принято организовывать один большой стол.

После утверждения меню и прочих вопросов решил не экономить. Считаю, отмечаю два юбилея. Двадцать лет данному телу, а летом было пять лет, как я попал в этот мир. Так что от двухсот рублей или чуть больше не разорюсь. Хотя это было больше, чем мои два месячных оклада лейб-гвардейца. Но по пять рублей на человека не так уж и дорого. Изюминкой меню с учётом идущего Рождественского (Филиппова) поста должны были стать несколько китайских блюд с дарами моря, которые готовили в одном из мест общепита, то ли отличный трактир, то ли слабенький ресторан, который принадлежал Тифонтаю. Модест Илларионович, как увидел китайско-российского купца в списке гостей, сразу же настоял на таком меню. Тифонтай в лепёшку расшибётся, но всё организует в лучшем виде.

Придя вечером домой, поделился новостью с моей птичкой. В ответ получил глубокую обиду на то, что я утаил от неё свои именины. Оправдания, что просто забыл и девять лет не праздновал свой День ангела, благосклонно приняты не были. Пришлось подлизываться. В конце концов был прощён Дарьей, но потом пошли сожаления о том, что она не сможет присутствовать на приёме в честь моего дня рождения, где будет сам ЦЕСАРЕВИЧ.

Пришлось опять успокаивать мою девочку. Во время данного процесса говорить Дарье ничего не стал, хотя после разговора с Банковым пришла в голову одна мысль. Если уговорить купца первой гильдии Филатьева удочерить свою племянницу и ввести её в купеческое сословие, то вариант нашей женитьбы через три года будет более вероятным. Денег для купеческого ценза будущей жены я не пожалею. Да и цесаревич, если буду служить ещё под его началом, думаю, не даст отказа. Но это надо было ещё обдумать и посоветоваться со знающими людьми. Поэтому обнадёживать Дарью такими планами не стал.

Следующий день буквально пролетел. Дел было столько, что очнулся только дома с ложкой чего-то вкусного во рту. По завтрашнему торжеству все вопросы решил, приглашения направил, а кого и пригласил лично. Таралу ещё за вчерашним ужином. Подумал, что от того, что в моих гостях будет ещё один купец, но действительно мой друг, ничего не изменится. Савельев по Бекхэму начал работать. Жандармы пытались определить пути подводки к англичанину, или всё-таки не англичанину, своего агента.

Трое горе-купцов как в воду канули. Поиски пока результатов не дали. И это было немудрено. На улице народ передвигался из-за погоды закутанный с ног до головы. Попробуй увидеть шрамы на руках и на лице, когда первые скрыты рукавицами, а второе замотано башлыком, только глаза торчат. Но все силы городской полиции и агенты секретной части были брошены на поиски. Оставалось только ждать или жёстко колоть Бекхэма, на что Савельев теперь никогда не пойдет. Цесаревич на такое тем более добро не даст.

Утро дня рождения вышло замечательным. Как пелось в одной песне: «Лучший мой подарочек – это ты». Плясать не плясали, но пошумели в кровати изрядно. Моя птичка на такое поздравление решила после того, как Тарала куда-то смылся из дома ещё в пять

утра, пытаюсь нас не разбудить. Отличный подарок мне, рождённому, получился.

Дальше быстрый утренний туалет, завтрак, полицейское управление. Каких-либо новостей не было. Ближе к восьми добрался до своего кабинета в резиденции. Слухи о праздновании дня ангела вчера разошлись, и в кабинет, дождавшись, когда я переоденусь, завалились мои братья.

– Ермак, мы пришли поздравить тебя с Днем ангела, – выступил вперёд Ромка. – Я не знаю, но как-то так получалось, что до этого мы тебя с этим днём не поздравляли, так как не знали, какой из дней ангела Тимофея ты чтишь. В общем, это от нас, – с этими словами Ромка передал мне матерчатый свёрток.

Развернув подарок, я обнаружил кожаный чехол с двумя метательными ножами, который крепится на предплечье, и один метательный нож в чехле, который можно прикрепить к голени. Первые такие ножи в своё время были изготовлены по моим чертежам в кузнице станицы Черныяева для нашего десятка. За основу я взял метательный нож «Лидер» из моего времени, который из-за балансировки было сподручно и оптимально метать, держась за рукоять.

Рассмотрев шикарные кожаные чехлы, я присмотрелся к рукояти одного из ножей, после чего вытянул его весь наружу. Ещё раз внимательно осмотрел нож и присвистнул от удивления.

– Лис, это что – кручёный харалуг? Где вы такое чудо взяли?

– Ермак, есть здесь один кузнец-умелец, который ещё мальцом на Златоустовском заводе начинал. Вот он и сковал ножи по образцу, который я ему дал.

– Да-а-а, сказочная вещь, – я крутанул нож между пальцев, взял потом за рукоять и примерился к броску, ища глазами, куда бы метнуть.

– Дядька Каллистрат, ну кузнец, сказал, сколько хочешь, можешь метать, ничего кончику ножа не будет, – произнёс Ромка. – Если что, в расщелины скалы или каменной стены можно лезвия ножей забивать и по ним подниматься. Ничего ножам не будет.

«Надо с этим дядькой обязательно познакомиться», – подумал я и, не найдя подходящей вещи в кабинете, в которую бы без порчи имущества можно было метнуть нож, с сожалением вернул его в чехол.

– Ну, братья, удружили. Шикарный подарок, – скрывая выступившие на глазах слёзы, я обнял сначала Ромку, а потом остальных казаков.

– А вы когда ножи-то заказали? Изготовить их дело не быстрое, – спросил я после обнимашек.

– Ещё три месяца назад, Ермак, – вступил в разговор Тур. – Дан тогда новость одну узнал, вот мы и решили тебе сделать подарок.

– И что за новость, Дан? – обратился я к своему секретарю.

– Извини, Ермак, не скажу, но подозреваю, что сегодня ты об этом на торжестве узнаешь. Пусть будет сюрпризом, – Данилов извиняюще развёл руками. – Мы для другого торжества ножи заказывали, но сегодня они, чувствую, совпадут.

– Заинтриговали, братья. Ну да ладно. Пытать вас не буду. Сегодня никак, завтра вы на дежурстве, а вот послезавтра прошу всех ко мне домой вечером на праздничный ужин. Отметим мои именины и день рождения.

Молодые казаки одобрительно зашумели и, пожимая мне руку, хлопая по плечу, по очереди покинули кабинет.

«Фух, первый поток, если не считать Дарью и самых близких мне людей, меня поздравил. Доклад на сегодня цесаревич отменил, поэтому пару часов на работу с бумагами на завтра, в банк за деньгами и к Модесту Илларионовичу, – я, задумавшись, присел за стол. – Надо, чтобы до пятнадцати ноль-ноль всё было готово к встрече гостей. Удружил, блин, цесаревич. Хотя именины с такими именитыми гостями авторитет мне повысят значительно. Так, надо ещё инструктаж личников, дежурного конвоя и агентов провести по охране этого торжества. Переодеться. Елки, а времени-то, оказывается, почти и нет».

В четырнадцать тридцать в парадном мундире со всеми наградами при Анненской шашке я стоял в первой большой гостиной Военного собрания города Хабаровска, где были накрыты столы. Пройдя с Модестом Илларионовичем по помещению и осмотрев столы, я остался очень довольным. Обстановка гостиной была богатой, сервировка стола соответствовала всем требованиям офицерских и дворянских собраний. Вдоль стены застыли в шикарных ливреях четырнадцать лакеев, которые будут обслуживать семь столов по шесть человек гостей. Со слов дворецкого два лакея на стол

достаточно. Можно было бы и по одному, но наместник, губернатор... Всё должно быть на высшем уровне. Из вестибюля слышались голоса, и я с Модестом Илларионовичем направился встречать гостей.

Если упустить весь официоз встречи желающих меня поздравить, ориентировочно через тридцать минут в малой гостиной, где маршировали прибывшие гости, появился дворецкий с салфеткой под мышкой и сообщил, что обед подан. Под звуки музыки, которую исполнял оркестр четырнадцатого батальона, стоявшего в Хабаровске, гости во главе с цесаревичем и мною, как виновником торжества, направились к столам.

После третьей перемены блюд слово для тоста взял наместник Дальнего Востока его императорское высочество Николай Александрович, который сидел за столом по правую руку от меня. Он сообщил гостям, для чего же мы все сегодня здесь собрались, и огласил первый подарок, поздравив меня с чином сотника с учётом имеющейся льготы Георгиевского кавалера. Посетовал, что прошение было подано без моего ведома, так как хотелось сделать сюрприз. После этого достал из шкатулки, которая стояла на столе, пару погон с вензелем «Н.» к парадному мундиру и передал их мне.

Взяв погоны, я увидел, что на просвете имеется дырка ещё для одной звёздочки. В это время барон Корф, который сидел слева от меня, предварительно разгладив свою шикарную бороду, передал мне небольшой фужер, на дне которого золотом блеснули две звезды. Увидев данные действия, все офицеры встали за своими столами. Вслед за ними поднялись и остальные гости, в том числе и женщины.

«Хорошо, что в посуде всего грамм сто. Иначе вечер мог для меня закончиться не начавшись, – подумал я, беря фужер. – Ну, с Богом».

Делаю тихий резкий выдох и небольшими глотками выцеживаю отличную по качеству водку. Ловлю звёздочки губами, достаю их изо рта, целую, по очереди прилаживаю к погонам, после чего кладу их на стол. Приняв стойку смирно, докладываю:

– Ваше императорское высочество, ваши превосходительства, господа офицеры, представляюсь по случаю присвоения очередного воинского чина, сотник Аленин-Зейский.

«Фух, мля!» – это уже про себя.

После троекратного ура, исполненного офицерами и поддержанного частью гостей без погон, все выпили и уселись за

столы. Через небольшой промежуток времени вновь поднялся из-за стола цесаревич и произнес:

– Уважаемые дамы и господа, теперь я хотел бы сделать подарок имениннику.

Николай изобразил ладонью какой-то знак, и один из флигель-адъютантов, который сидел за столом для свиты ЕИВ, встав из-за стола, вышел из гостиной. Буквально через несколько секунд он вернулся в сопровождении лакея, который нёс футляр из лакированного дерева где-то метра полтора в длину, полметра в ширину и толщиной сантиметров сорок. Про себя до сих пор, несмотря на пять лет жизни в этом мире, сбивался на метрическую систему мер. Подойдя ко мне, офицер свиты расстегнул замки на футляре, который держал лакей, и откинул верхнюю крышку. Увидев, что было внутри, я, поражённый, замер.

В выложенном изнутри бордовым бархатом футляре в выемках лежала винтовка, марку которой я не смог определить, с прикреплённым оптическим прицелом. Насколько я помнил, это был первый небольшого размера кольцевой прицел Августа Фидлера, основанный на схеме рефлекторного телескопа с прицельной сеткой. Фидлер запатентовал его в одна тысяча восемьсот восьмидесятом году и изготовлял мелкими партиями. Каждый прицел чуть ли не на вес золота. А лет через пять в моём мире Карл Роберт Калес в Вене основал производство данных оптических прицелов и подарил ему свою фамилию. Кроме винтовки с прицелом в футляре в выемках лежали шомпол, маслénка и три обоймы с патронами.

«Вот это золотой подарок! – подумал я. – Получив сегодня ножи от братьев, я решил, что надо встретиться с кузнецом дядькой Каллистратом. Может, он мне поможет соорудить что-то похожее на ПУ 91/30, если у него есть более-менее нормальная техническая база. У самородков и не такое встретишь. А тут действующий образец прицела».

Я произвольно подошёл к футляру и провёл рукой по ложу и прикладу винтовки. Взгляд задержался на небольшой металлической пластинке, прикреплённой к прикладу, на которой была выгравирована надпись: «Моему спасителю, Тимофею Аленину-Зейскому. Николай».

– Нравится, Тимофей Васильевич? – спросил меня цесаревич.

Я с трудом оторвал взгляд от футляра.

– У меня нет слов, ваше императорское высочество. Если честно, сейчас схватил бы футляр в охапку и на стрельбище. Четыре версты. Это двадцать минут бега. Отстрелялся и назад.

– А чего бегом-то, ты же казак? – под хохот в зале спросил меня Духовский.

– Ваше превосходительство, так из рук футляр с винтовкой выпускать не хочется и на секунду, – улыбаясь, ответил я.

– Вижу, что подарок пришелся по нраву, и за это надо выпить, – произнёс Николай и под одобрителный гул в зале выпил свой фужер.

Гости, да и я дружно повторили за цесаревичем этот процесс. Лакей положил футляр с винтовкой на стол для подарков, который стоял сбоку от нашего стола. За цесаревичем слово взял барон Корф, который рассказал, при каких событиях он познакомился с именинником, что рад моему быстрому росту в чинах, а в качестве подарка хочет вручить шашку.

– Тимофей, – обратился ко мне генерал-губернатор, держа в руках шашку, которую ему принёс в зал лакей. – Эту шашку, как трофей, мне подарили солдаты двадцатого Стрелкового батальона, с которыми я в пятьдесят девятом году охотниками штурмовал андийский редут аула Ведень, который был штаб-квартирой Шамиля. Меня тогда в ногу ранило. А потом получил за этот бой Георгия четвёртой степени.

Корф выдвинул шашку из ножен, давая полюбоваться мне сложной харалужной дамаскировкой лезвия.

– Больше тридцати четырёх лет этот клинок был со мной, а теперь, Тимофей, передаю его тебе. Не дал мне Бог сына, а такой клинок не должен ржаветь в ножнах. Надеюсь, что у него в скором времени появится золотой эфес с надписью «За храбрость» и Георгиевский темляк, – с этими словами Андрей Николаевич протянул мне шашку.

У меня запершило в горле. Судя по тому, что успел увидеть, эта шашка ни в чём не уступала дедовской и являлась настоящим сокровищем. А уж слова, которые произнёс барон, для меня стали настоящим шоком. До сегодняшнего дня при встречах какой-либо повышенной расположенности и доброжелательности в отношении меня генерал-губернатор не показывал.

Я принял шашку, наполовину вынул клинок из ножен, поцеловал лезвие. Задвигая его обратно, произнёс:

– Ваше высокопревосходительство, я приложу все усилия, чтобы у этого клинка как можно быстрее появился золотой эфес и Георгиевский темляк. А пока её украсит Анненский.

Генерал-губернатор порывисто обнял меня и троекратно расцеловал. Хотя болезнь постепенно подтачивала здоровье этого большого габаритами человек, но объятия его были ещё крепки. Подошедшая супруга барона Софья Андреевна поцеловала меня в щёку и быстро прошептала на ухо:

– Тимофей Васильевич, вы заходите к нам домой почаще. Андрей Николаевич очень вас ценит. Ему и мне ваши визиты будут приятны.

Всё это происходило под аплодисменты гостей. А цесаревич хотел заставить меня выпить рюмку водки с лезвия подаренной шашки. Слава богу, барон Корф поднял свой фужер и громко скомандовал:

– За именинника! До дна!

Все подчинились, включая Николая.

Супруги Духовские подарили мне невероятно дорогой письменный набор из черного мрамора, хромированной латуни и с украшением из золота. Набор состоял из шести предметов: мраморная подставка с держателем для бумаг и двумя подсвечниками, карандашница на мраморной подставке, две чернильницы с крышками, ручка с золотым пером.

Дальше пошли поздравления гостей строго по табели о рангах. Всем руководил Модест Илларионович, делая это совершенно незаметно и ненавязчиво. Будто бы сами менялись блюда на столах, заполнялись спиртными разномастными емкостями в зависимости от вида напитка, тосты произносились, подарки дарились, музыка играла.

Когда очередь поздравлений подошла к офицерам конвоя, я увидел, как лакей что-то сказал на ухо полицмейстеру Чернову. Выслушав информацию, Александр Михайлович, сделав жест Банкову оставаться за столом, быстрым шагом вышел из зала. Увидев это, я почувствовал, как заговорила моя чуйка.

«Млять, наверняка обнаружили горе-купцов. Из-за другой информации Чернов вряд ли бы так сорвался, наплевав на все приличия, – думал я, стоя с фужером в руке, готовясь слушать поздравление Головачева энд компании обер-офицеров конвоя. – Только бы городские в дом не полезли к лжекупцам. Это не уголовники. Да и

бомбы или взрывчатка внутри могут быть. Рванёт бутылку нитроглицерина, полквартала снесёт».

Мои коллеги по конвою поздравили меня, вручив пять книг. По одной от каждого. Три из них вызвали у меня большую радость. «Японско-русский словарь» Гошкевича. Лучший, да и, можно сказать, единственный русский словарь по японскому языку. Где офицеры достали его, я даже не могу себе представить. Когда был в Питере, посетил несколько магазинов, в надежде приобрести словарь для изучения японского языка, но ничего не нашёл. «Полный маньчжуро-русский словарь» и «Грамматика маньчжурского языка» Захарова заставили задуматься о необходимости изучения ещё одного языка. А китайские романы «Троецарствие» и «Путешествие на Запад» были мечтой букиниста. Почитаю на досуге, если он будет.

С учётом того, что поздравляло пять человек, не считая жён офицеров, тост несколько затянулся. Но всё когда-то кончается. Пригубив в очередной раз из фужера вишневого ликёра, я бросил взгляд на стол, который был уже почти полностью заставлен подарками. В этот момент раздался какой-то гул. Время будто остановилось. Я как в замедленной съемке увидел в окне зарево огня, и стекло в нём начало вспучиваться пузырьком. Не раздумывая и мгновения, я прыгнул через угол стола на цесаревича. Гул превратился в грохот, со звоном лопнули оконные стёкла. Взрывная волна догнала меня в полёте и швырнула на Николая. Сбив цесаревича на пол, я не удержался на нём, прокатился дальше к стене.

Когда я смог утвердиться на ногах и осмотреться, крики в зале уже стихали. Всё-таки большинство присутствующих за столами были офицерами с боевым опытом. Больше всех досталось нашему столу, который стоял рядом с окном. Осколками стекла прилетело в спину, шею и затылок барону Корфу и его супруге. Порезы были мелкие, но требовали хирургического вмешательства. Больше всех не повезло Духовскому, который сидел боком к окну. Ему большим осколком стекла пробило щеку. Супруга генерала, Варвара Фёдоровна, отделалась лёгким испугом. Её стеклянная шрапнель миновала. Цесаревич также не пострадал, если не считать ушиба затылка. Не успел Николай сгруппироваться при падении со стулом назад. А может быть, это я его своей тушкой приложил. Остальные столы находились

от трёх окон зала в некотором отдалении, поэтому гостям досталось меньше.

«Так, а у меня как дела? – подумал я, поочередно напрягая мышцы тела. – Вроде только под правой лопаткой болит. Не знаю, порез или ушиб от падения».

– Тимофей Васильевич, это уже становится традицией, – прервал мои размышления наместник, поднимаясь с пола и потирая рукой затылок. – Я опять на полу, опять сбит вами. Боже мой, Сергей Михайлович, да как же вас так...

Цесаревич бросился к генералу Духовскому, вокруг которого уже крутилась жена, не зная, как тому помочь. Из рта генерала и из щеки обильно текла кровь, заливая мундир с орденами. Я, увидев, как в зал врываются казаки конвоя, сегодня в ближнем круге были кубанцы, знаком показал одному из них подойти ко мне. Взяв у казака медпакет, попытался перевязать генерала. Резко выдернул стекло из щеки. Отрезав подушку тампона, заставил Сергея Михайловича открыть рот и приложил вату с марлей изнутри к ране. Остальным бинтом сделал повязку на щёку снаружи.

Пока я занимался Духовским, почти всех остальных гостей перевели в другой зал, так как морозный воздух быстро выстудил помещение. Первым покинуть зал личники заставили Николая. Потом вышли остальные. Я подошел к штабс-ротмистру Савельеву, который стоял у разбитого окна и смотрел, как на Инженерной улице разгорается пожар.

Услышав, как трещит под моими ногами разбитое стекло, Савельев повернулся ко мне и спросил:

– Тимофей Васильевич, как вы думаете, что произошло?

– Владимир Александрович, не хотелось бы думать о худшем, но минут за десять до взрыва зал покинул Александр Михайлович, которому что-то на ухо произнёс лакей. Боюсь, что была обнаружена лаборатория и полицейские попытались её захватить. А это результаты попытки, – я обвёл руками зал и показал в окно на улицу, где всё больше и больше возникала сумятица и паника. – Надо казаков выводить на улицу и охранную роту.

– Тимофей Васильевич, надеюсь, не обидитесь, что я вас сейчас покину, так и не успев поздравить с днём рождения?

– Владимир Александрович, сам бы сейчас рванул на улицу, чтобы выяснить, что же случилось. Но не могу. Большая просьба, как что-то прояснится, пришлите гонца. Возьмите пяток кубанцев из наружной охраны. И ещё пошлите за врачами. Надо оказать первоначальную помощь пострадавшим, а потом отправим их в лазарет.

– Уже отправили. За казаков спасибо. Они мне сейчас пригодятся, – штабс-капитан положил руку мне на плечо. – Я сделаю всё, что в моих силах, во время этого расследования. И извините, что сразу не поверил в вашу версию химика, бомбиста и боевика. Надеюсь, что они уже в аду горячие сковородки лижут. А Бекхэмом очень плотно мы завтра займёмся.

Увидев, как я непроизвольно сморщился от пожатия плеча, Савельев развернул меня к себе спиной.

– Так, Тимофей Васильевич, вам также надо будет показаться врачу. У вас под правой лопаткой дырка в мундире и вокруг неё большое пятно крови. Пойдёмте, я вас провожу в другой зал.

– Не беспокойтесь, Владимир Александрович, сам дойду и врачу обязательно покажусь. Уж больно раны от порезов стеклом плохие. Гноятся, как правило, если хоть частица стекла не убранной в ней останется, – с этими словами я направился в зал, куда уже ушли все гости, а Савельев пошёл на выход.

Суматоха, которая возникла после взрыва, постепенно сходила на нет. Передвижения офицеров, казаков, лакеев в помещениях Военного собрания принимали осмысленность и целенаправленность. Всех раненых собрали в малом зале, куда принесли все керосиновые лампы, для наибольшей освещённости. Прибывший доктор Любарский оказывал помощь чете Корф. Ещё двое мужчин, которых я не знал, занимались осмотром и перевязкой других пострадавших. Духовского уже увезли в лазарет, а цесаревича – в резиденцию. Ко мне подошёл дворецкий Ларин.

– Тимофей Васильевич, я так понимаю, вечер закончился?

– Модест Илларионович, я вас попрошу быстренько организовать в малом зале три-четыре стола без стульев. На них поставьте чистые тарелки стопочкой, фужеры, бокалы, вилки. Бутылки с водкой, коньяком, винами и тарелки с холодной закуской, нарезками. Насколько помню меню, мы еще не дошли до нескольких китайских блюд от повара купца Тифонтая. Вот их также можно выставить на

столы в общих супницах или как-то ещё. Чтобы сгладить такое развитие событий, организуем а-ля фуршет, – сказал я и поморщился, так как стеклышко в спине дало о себе знать.

– Что, позвольте спросить, организуем «на вилку»? – удивлённо спросил меня Ларин.

– Модест Илларионович, сейчас дамам и господам офицерам, а также другим гостям надо снять стресс. Вы их приглашаете в зал, где установите всё, как я сказал. А дальше объясните, как этим пользоваться. Гость подходит к столу, берет тарелку, в неё самостоятельно накладывает вилкой закуски. Отсюда и «на вилку». Лакеи разливают в посуду спиртное, а потом обслуживают гостей, собирая использованные тарелки, бокалы, фужеры, предлагая на замену новые чистые. В общем, обычный светский раут, только с приёмом пищи не сидя за столом, а на ногах.

Управляющий или дворецкий Военного собрания города Хабаровска с изумлением смотрел на меня и качал головой.

– Тимофей Васильевич, а в какой стране так рауты проходят?

«Раз про Францию не спросил, значит, фуршет в том виде, как я его описал, ещё не придумали», – подумал я.

– Модест Илларионович, вы сейчас сможете быстро накрыть новые столы, как положено?

– Нет, Тимофей Васильевич, – ответил Ларин и хотел ещё что-то добавить, но я его перебил.

– А сделать, как я прошу?

– Так, конечно, намного проще. Десять минут, и всё будет готово.

– Вот и делайте, Модест Илларионович. Главное сейчас как можно быстрее выпить и закусить. А если такой а-ля фуршет понравится, вы окажетесь законодателем новой моды по приему гостей. Я же пока до доктора дойду. Он, кажется, освободился.

Я направился к Любарскому, расстегивая по пути мундир. Здоровья мне сейчас понадобится много.

Глава 12

Допрос

Через полчаса, когда все, кто ещё остался на моем дне рождения, познакомились с правилами фуршета, выпивая и закусывая, в зал зашёл Савельев. Все взоры немедленно обратились на штабс-ротмистра.

– Уважаемые дамы и господа! Взрыв произошёл в доме, принадлежащем французскому подданному, купцу второй гильдии и жителю Хабаровска Эмилю Францевичу Нино, что стоит на Инженерной улице. Недалеко отсюда.

Гул удивления, который прокатился по залу, заставил Савельева умолкнуть. Дождавшись, когда все успокоятся, жандарм продолжил:

– По предварительным сведениям, погибло трое городских, которые вошли в дом. Возможно, кто-то из ваших агентов, – штабс-ротмистр кивнул в мою сторону. – Ещё четверо жителей также погибли, раненых значительно больше. Их свозят в лазарет. Идёт проверка по домам. Полицмейстер Чернов, слава богу, жив, но сильно контужен. Кто находился в доме Нино во время взрыва, пока не установлено. Пожар потушили. Разбор обломков дома будет осуществлён завтра. На ночь место происшествия оцепят солдаты охранной роты.

Закончив краткий доклад, Савельев направился к столу, где стояли разнокалиберные бутылки со спиртными напитками.

– Смотрю, шведский стол организовали, Тимофей Васильевич, – произнёс штабс-ротмистр, наливая в большой бокал почти до краёв водки. – Это хорошо. Выпить надо. Картина трупов на месте взрыва жуткая. Жалко вот только загубленное празднование вашего дня рождения. Ну, с праздником.

С этими словами жандарм в два глотка осушил посуду граммов на двести. Резко выдохнул, взял вилку и, положив в тарелку несколько креветок, стал медленно и как-то задумчиво закусывать.

«Оказывается, не фуршет, а шведский стол. А почему об этом Модест Илларионович не слышал?! Надо будет у Савельева при случае уточнить, откуда он про шведский стол знает», – подумал я, глядя, как штабс-ротмистр поглощает креветку в каком-то тёмном, но очень вкусном соусе.

В этот момент в зал зашёл лакей с деревянной коробкой-шкатулкой в руках, увидев которого Савельев поставил тарелку на стол.

– Тимофей Васильевич, извините, всё кувыркком сегодня. Вот мой подарок, – с этими словами штабс-ротмистр взял из рук слуги коробку и открыл её. – Подарочный «Веблей». Знаю вашу тягу к наганам, но поверьте, эта машинка также хороша.

Я смотрел в коробку, где удобно разместился сам револьвер, тридцать патронов в гнездах, отвертка, маслёнка. На первый взгляд, хороший пистоль. Попробуем на стрельбище, узнаем точно.

– Огромное спасибо, Владимир Александрович, – поблагодарил я Савельева и, взяв под руку, отвел чуть в сторону, показав кивком лакею, чтобы подарок положили в общую кучу на стол, который перенесли в этот зал. – А что вы можете сказать по этому французу?

– Тимофей Васильевич, может быть, на завтра оставим служебные разговоры? У вас всё-таки праздник сегодня. И кстати, как ваша спина?

– Нормально, небольшой порез. Василий Михайлович качественно обработал рану и сделал перевязку. Рука у господина Любарского лёгкая. А уж успокаивает-то как во время хирургического действия! Настоящий кот Баюн. Боли почти не почувствовал.

– Об этом, Тимофей Васильевич, все говорят, кто в его умелых руках побывал. Но лучше такое знакомство пропустить, – усмехнулся штабс-ротмистр, которого ошутимо стало развозить от двухсот граммов водки, закушенных одной креветкой. – Ладно, если кратко, то Эмиль Францевич Нино вместе с родным братом Евгением прибыли больше двадцати лет назад в Сибирь из самого Парижа, где родились. Занимаясь коммерцией, пушным бизнесом, по их словам, не планировали надолго задерживаться на необжитой российской окраине. Однако амурские просторы покорили братьев, и около пятнадцати лет назад они окончательно обосновались на этих берегах. Эмиль Францевич женился на казачке, а Евгений Францевич нашел себе русскую девушку и поселился в Благовещенске. Братья являются единственными агентами в Сибири по закупке пушнины фирмой «Братья Ревильон». Это фабрика и магазин меховых модных изделий в Париже. Также являются агентами фирмы «Бриторус» в Лондоне. Эмиль Францевич имеет, точнее уже имел контору в Хабаровске в собственном доме, а также располагает сетью агентов в Николаевске-

на-Амуре и селе Троицком. Агенты в обмен на меха принимают заказы от местных жителей на самые разные парижские товары – мебель, посуду, одежду, всевозможные мелочи.

– Владимир Александрович, а этот Нино мог как-то связаться с революционерами? – спросил я штабс-ротмистра.

– Ну не знаю, Тимофей Васильевич. Мне это представить очень тяжело. Эмиль Францевич в первую очередь купец. Он даже своё хобби – фотографирование – на коммерческие рельсы поставил. Приплывает в селение, особенно любит местных туземцев, вывешивает флаг с надписью «Фотограф». Уговаривает местных попозировать, а потом за «волшебную карточку» получает рыбу и пушнину в очень хороших количествах. Те же как дети малые. При этом эти же фотографии Нино потом отправляет в парижские газеты и журналы. Он является почётным членом Парижского географического общества. Недавно в журнале «Correspondance» был опубликован целый цикл фото Нино: «Путешествие в Сибирь», «Рыбный промысел на Амуре», «Рыбаки и золотоискатели». Дважды маржу поймать с одной вещи – это талант надо иметь. А теперь революционеры?! Как-то не вяжется, но попробуем разобраться. На этом всё. Я домой. Что-то не рассчитал я с дозой. Очень сильно хотелось забыться.

С этими словами Савельев развернулся и немного шаткой походкой направился на выход из зала.

В течение часа разошлись остальные гости, успев поздравить и вручить подарки. Я, конечно, не меркантильный человек, но надали столько, что все мои затраты на организацию этого торжества окупились многократно. Один дар цесаревича стоил очень много. В общем, вечер закончился, можно сказать, хорошо, если при таком развитии событий так можно было сказать. Трупы, раненые. И неизвестность того, как это произошло.

Прибыв домой, был зацелован и заласкан моей птичкой, которой уже было известно о взрыве. Переволновалась. Налюбовался её восторгом, когда Дарья перебирала подарки. И наконец-то сном закончили этот день, который точно запомнится мне на всю жизнь. При этом мой двадцатилетний юбилей станет памятной датой не только у меня, но и у многих жителей Хабаровска. Как любят говорить местные жители, это было до взрыва во время именин или после взрыва.

На следующее утро бегом на работу. В семь утра был в своём кабинете, где уже находился Кораблев. Коллежский секретарь исчез с моего дня рождения сразу после взрыва, а назад так и не появился.

– Что можете сообщить, Николай Алексеевич? А то вчера как-то пропали из зала и с концами, даже подарок не вручили. Хорошо, Модест Илларионович обозначил, который от вас, – спросил я, снимая папаху и полушубок. Валенки решил на сапоги не менять. Через час с небольшим начнёт светать. Надо будет сходить осмотреть место взрыва.

– Тимофей Васильевич, приношу извинения, но сами должны понимать, вчерашнее событие не рядовое. Необходимо было работать. Кстати, как вам наш подарок? – заинтересованно спросил Кораблев.

– Николай Алексеевич, если честно, пока не попробую эту пару на стрельбище, ничего не скажу. Что это хоть за револьверы? Первый раз вижу!

– Тимофей Васильевич, это карманные со скрытым курком револьверы французского оружейника Шарля Галана. Имеют очень интересное название «Tue Tue», то есть «убить-убить», если переводить дословно. Появился этот револьвер в продаже в начале года. По моему мнению, лучший револьвер для скрытого ношения. Если сравнивать с вашим любимым наганом, то почти в два раза короче, почти в два с половиной раза легче. Правда, только пять патронов, и перезаряжать неудобно, барабан приходится полностью снимать и набивать патронами. Но! Какой эффект от неожиданного появления в руке револьвера, когда никто не ждёт, что у тебя есть оружие. Это дорогого стоит!

– Вы, Николай Алексеевич, просто оду этому «Tue Tue» прочитали, жаль, что не в стихах. Я вам и, насколько понял, вашим людям очень благодарен за столь дорогой подарок, но как об оружии скажу своё мнение позже. За дар ещё раз огромное спасибо! У меня, кстати, после всего, что подарили, не считая пары служебных «смит-вессонов» и своих наганов, теперь ещё десять револьверов. Кроме вашей пары, все разные. Скоро буду маньяком-экспертом по данному виду оружия, – я улыбнулся, вспоминая, как вчера вечером на столе разложил весь свой арсенал. Внушительная картина получилась.

– Хотелось бы посмотреть на данную коллекцию. Ещё что-то необычное было? – заинтересованно спросил коллежский секретарь,

который тоже был фанатом оружия, что огнестрельного, что холодного.

– Честно, Николай Алексеевич, пока не разобрался. Посмотрел, оценил, возрадовался и, аки Кощей, все спрятал в сундук.

– Представляю такую картину, – улыбнулся Кораблев.

– Ладно, отвлеклись чуток, Николай Алексеевич, а теперь давайте вернёмся к нашим скорбным делам. Что вчера удалось узнать?

– Немного, Тимофей Васильевич, – коллежский секретарь пригладил ладонью макушку. Так он делал всегда, когда волновался. – Господин Савельев вам наверняка сообщил, что взорвался дом Эмиля Францевича Нино – местного французского купца-коммерсанта.

– Да, сообщил. И не может понять связи этого француза с возможными революционерами, – ответил я Кораблеву.

– Пока ещё всё не подтвердилось, но удалось предварительно установить следующее. Около двух недель назад в разговоре с соседом Эмиль Нино упомянул, что у него остановились на некоторое время трое представителей фирмы «Бриторус» из Лондона, – Кораблев опять провел ладонью по макушке. – Сам же он вместе с женой и сыном, по показаниям того же соседа, неделю назад убыл в Благовещенск в гости и по семейным делам к брату. Гостей оставил у себя дома.

– Ох, как интересно, Николай Алексеевич. Представители английской фирмы, говорите?! – я зло ощерился. – И господин Бекхэм у нас английский сэр.

– За этим клиентом мы вместе с жандармами наблюдаем. Пока все его передвижения по Хабаровску были связаны с поиском охотников, которые могли бы сводить сэра Бекхэма на тигра, – ответил главный секретный агент. – Вчера ему жандармы подвели своего человека. Деда Максимку из крещёных инородцев. Он часто иностранцев на охоту водит. Так что всё хорошо должно пройти.

– А как они общаться будут? – удивлённо спросил я.

– Тимофей Васильевич, этот дед на Аляске неоднократно бывал. Он на английском чуть не лучше, чем на русском говорит. Так что не беспокойтесь, сможет определить, брешет о себе Бекхэм или нет, – уверенно заявил Кораблев.

– Это замечательно, Николай Алексеевич. Просто замечательно. А по гостям Нино, удалось получить их описание? Это не наши горе-купцы?

– Тимофей Васильевич, сами понимаете, вчера для расспросов время было не совсем подходящим. Сегодня отработаем. А теперь о неприятном, – коллежский секретарь как-то весь сжался, скукожился. – Кажется, мы потеряли старшего агента Михайлова Павла Николаевича.

– Что значит, кажется, потеряли? – сам не заметил, как в голосе прорезался командирский металл. – Господин Савельев вчера говорил о возможной гибели агента. Это правда?

– Тимофей Васильевич, Михайлов и ещё пять молодых агентов были приданы в помощь Банкову для обхода домов и опроса жителей. Михайлов был старшим. Молодёжь должна была опыта набираться. В случае выхода на интересную информацию Павел Николаевич должен был незамедлительно доложить мне. Вчера вечером на месте взрыва нашли куски тел в шинелях городских. Были и другие, но из-за темноты работы свернули до утра. Михайлов до сих пор не появился. Сорокин, он из молодых агентов, доложил, что Павел Николаевич минут за сорок до взрыва дал ему команду собрать всех и возвращаться в места проживания, а сам направился к Военному собранию. Больше его никто не видел, – Кораблев глубоко вздохнул и медленно выпустил из себя воздух.

– Что же могло произойти, Николай Алексеевич?

– Не знаю. Могу только предположить, что Михайлова к нам в зал, где праздновали ваш день рождения, не допустили. Информация была доложена Чернову. Тот своей властью заставил Михайлова следовать с собой. Или тот сам вызвался. Ему очень сильно отличиться необходимо было, – грустно усмехнулся коллежский секретарь.

– И вследствие чего такая необходимость возникла? – поинтересовался я.

– Наш ловелас, Дон Жуан и Казанова в одном лице, как неопытный юнец, влюбился в Машеньку Филатьеву. Ему необходимо было доказать агентессе Филатьевой, что «соблазнитель женщин» – это рабочая маска. На самом деле он не такой. В общем, завертелось у них в последнее время всё очень серьёзно, – Кораблев обреченно махнул рукой.

– Николай Алексеевич, а у Чернова вы вчера не поинтересовались, что за информацию ему передали и как всё произошло?

– Тимофей Васильевич, вчера Александр Михайлович был не в том состоянии, чтобы его о чём-то спрашивать. Сильная контузия. Не знаю, удастся ли сегодня с ним поговорить.

– Тогда не будем воду в ступе толочь, пойдёмте-ка на место взрыва. Туда сейчас большинство нужных нам людей подтянется.

Одевшись, с Кораблевым направился к дому Нино. Как я и предположил, там встретились с Банковым, который вместо Чернова временно возглавил полицейское управление. Савельев прибыл чуть позже, когда работы по разбору того, что осталось от дома французского подданного, уже велись.

К обеду стало окончательно понятно, что вчерашний взрыв унёс жизни находящихся в доме трёх городских, старшего агента Михайлова, нашлась покорёженная крышка с дарственной надписью от его часов, и ещё двух неизвестных. Один из них, вернее всего, и был «химиком». Была найдена кисть руки с застарелыми шрамами от воздействия на кожу кислоты. Погиб ли третий из горе-купцов, установить не удалось. Слишком мало информативных фрагментов тел, не одетых в верхнюю одежду, было найдено. То, что погибло двое неизвестных, определили по двум кускам правых ног, на которых были остатки только домашних брюк. Договорившись с Савельевым, что тот поплотнее обложит сэра Бекхэма, такую же команду дал Кораблеву. После этого отправился на доклад к Николаю.

Доложившись цесаревичу, направился проведать генерала Духовского, барона Корфа и Чернова. Надо было узнать, как они себя чувствуют, уточнить, кто их будет замещать на дни болезни. Сегодняшний рабочий день Николая до обеда был очень насыщенным. Посетители пёрли валом. Всем надо было уточнить, как теперь работать, если из обоймы власти выбыли генерал-губернатор и Духовский, которые фактически и руководили всем на Дальнем Востоке.

Поход закончился уже к вечеру. Сергей Михайлович, судя по всему, сможет приступить к своим обязанностям лишь через месяц, а то и дольше. Осколок стекла пробил не только щёку, но и поранил язык. Рана была очень неудобной и болезненной. Общался больной через записи в блокноте.

Андрей Николаевич встретил меня радостно. Особенно ему было приятно увидеть свой подарок с Анненским темляком на мне. Ещё

вчера было понятно, что ему и его жене, можно сказать, повезло. Было множество мелких порезов сзади на голове и шее. Крупные осколки, слава богу, пролетели мимо супружеской четы. Так что барон Корф, несмотря на то что шея и голова были замотаны бинтами, уже рвался на помощь Николаю, волнуясь, как бы тот не наделал ошибок. Пришлось записать кучу наставлений и дать обещание, что немедленно всё передам наследнику престола.

К Чернову в палату в лазарете не пустили. Состояние его было не простым. Хотя он ещё вчера пришёл в сознание, но сегодня его мучили сильные головные боли, тошнота и рвота. Как отметил Любарский, который вышел ко мне, у Александра Михайловича наблюдаются сильные головокружения, особенно при поворотах головы, небольшая амнезия, нарушения слуха и речи. Так что не до разговоров.

Всё это доложил Николаю. Получил задачи на следующий день. Проверил, как несут службу амурцы, своих братьев. Напомнил, что завтра вечером собираемся у меня. Обсудил вчерашнее происшествие с пришедшими ко мне «на огонёк» офицерами конвоя. Пропустили внутрь по чашке шустовской водочки, которая осталась со вчерашнего дня и которую принёс в кабинет для снятия стресса. Отметили, что из чашки водка хоть и пьется, но надо в кабинете иметь более подходящую посуду. Повторили чайную церемонию и разошлись по домам. На дежурстве остался сотник Вертопрахов – командир амурского взвода.

Дома получил небольшой выговор за запах алкоголя, был накормлен, напоен, только чаем, и уложен баиньки. Заснуть сразу не получилось. Ну, дело-то молодое. С утра после завтрака, напомнив Дарье, что сегодня вечером на ужин придут братья, направился сначала в полицейское управление. Банкова там не застал, но от Волкова Ивана Николаевича, который числился секретарём, узнал все новости, в которых для меня ничего интересного не было. По третьему человеку из горе-купцов была полная тишина.

Савельев, до которого добрался следующим, сообщил мне, что дед Максимка после двухдневного общения с Бекхэмом сильно сомневается, что тот англичанин. В том, что он не охотник, старый эвенк уверен точно. Так, неплохой стрелок. Дед и этот, предположительно липовый сэр, вчера на военном стрельбище немного попрактиковались. Поэтому штабс-ротмистр хочет сегодня

пригласить Бекхэма на беседу. Попугает иностранца, или всё-таки революционера, своим синим мундиром сатрапа и душителя свободы.

Больше я никуда не пошёл, пускай ответственные лица занимаются нужным делом. А мы займёмся своими делами. Два дня уже ежедневную справку для наместника не подавал. А информации накопилось много. Тем более, Дан сегодня после суточного дежурства, так что писать и разбирать бумаги придётся самому. Этим и занимался, когда в кабинет влетел бледный как смерть и запыхавшийся Устин Филиппов с позывным Ус.

– Ермак, Дарью убили! – глотая воздух, с трудом произнёс он. После чего наклонился вперёд, упершись руками в колени, пытаюсь восстановить дыхание.

Я застыл, оглушённый новостью. Показалось, что вокруг меня пропали все звуки. Очнулся от треска сломанного в руке карандаша. Ус всё пытался отдышаться.

– Когда? Где? Как? – пустым, без эмоций голосом спросил я.

– Пятнадцать минут назад. На рынке. Ударом ножом сзади в почку, – всё ещё глотая воздух, вытолкнул из себя Устин.

– Вдохни глубоко и выдохни несколько раз. Не торопись. А потом подробности, – медленно произнёс я, пытаюсь задавить в себе даже не знаю какие эмоции. Гнев, боль утраты, жажда мщения и смерти того, кто поднял руку на мою «смелую птичку», кто лишил меня моей любви, моей пускай невенчаной, но жены.

«Что же мне с супругами так не везёт!» – подумал я, чувствуя, как лицо кривится в какой-то, видимо, жуткой гримасе. Ус вон аж два шага назад сделал.

– Готов? – я посмотрел на Филиппова, возвращая лицо в нормальное состояние. – Тогда рассказывай.

Ус мотнул головой, сделал глубокий выдох и начал рассказ:

– Ермак, меня сегодня после дежурства к Дарье браты отрядили, чтобы я ей помог по хозяйству. Где-то час назад мы с ней на рынок пошли за покупками. Ходили по рядам, покупали продукты для праздничного ужина, складывали в корзину, которую я нёс. Вдруг рядом с нами какие-то мальцы драку затеяли. Я корзину на прилавок поставил и отошёл их разнять. Только схватил двоих за уши и развёл в сторону, слышу, за спиной бабы заорали. Поворачиваюсь, а Дарья на

землю падает, а какой-то мужик сиганул через прилавок и в ближайшую подворотню побежал.

Неожиданно Ус всхлипнул и сел на корточки, размазывая слёзы по щекам и тихо подвывая.

– Ермак, я растерялся. Я не знал, что делать... – сквозь рыдания донеслось снизу.

– Казак Филиппов, встать! Смирно! – я подошёл к Усу, который, получив команду, на автомате выполнил её и застыл, вытянувшись во фрунт. – Прекратить истерику, казак. На платок, утрись и продолжай.

Через несколько секунд Устин продолжил:

– Я растерялся. За убийцей не побежал, а бросился к Дарье. Она лежала на боку. Я нащупал жилку, как ты нас учил, она ещё билась. Потом начал осматривать Дарью. Провёл рукой по спине и обнаружил на её черной бекеше кровь в районе правой почки. В этот момент Даша дёрнулась и вытянулась. А жилка больше не билась... – Ус замолчал, с трудом сдерживая рыдания.

Я же почувствовал, как во мне разливается какой-то холод. Гнев, жажда мести сменяется на отрешённость. Мысли с анализом ситуации забегали быстрее, вбрасывая в сознание различные возможные версии убийства и пути их отработки.

– Что было дальше? – спросил я Уса.

– Через несколько минут прибежал городской. Ему, видимо, кто-то уже поведал о происшествии на рынке. Да и будка у него рядом. Я ему всё рассказал, сообщил, что убитая – служанка офицера конвоя заместника. И мне надо тебе всё доложить. Он меня отпустил, и я побежал сюда, к тебе. Да, Ермак, когда городской начал опрашивать тех, кто видел, как Дарью убили, то одна баба сказала, что слышала от убийцы следующие слова, когда тот нанёс удар ножом: «Вот тебе, офицерская подстилка!»

Устин замолчал, смотря на меня.

«Значит, офицерская подстилка?! Выходит, знал, тварь, кого убивал! А кому я успел насолить в этом городе? Только тому третьему из горе-купцов, если он, конечно, остался жив, выяснил, кто ставил охрану наследнику, и захотел отомстить конкретно мне. Другие мнения есть? Пока нет. Что же, сэр Бекхэм, при этой версии вы единственный на настоящий момент человек, который сможет быстро привести меня к убийце. И мне теперь всё и все похрен! Как там в рекламе? Вы всё

ещё кипятите? Тогда мы идём к вам. К вам, к вам, сэр Бекхэм», – видимо, на этой мысли мою рожу снова перекосило так, что Ус отступил на шаг назад.

– Значит, так, Ус, сейчас поднимаешь отдыхающих после дежурства братьев. Сам вместе с Туром и Лешим ко мне в полной боевой. Остальным готовить снаряжение, продукты, фураж из расчета на неделю похода. И быть готовым выступить немедленно. Всё понятно? – я посмотрел в глаза Устина.

– Всё, Ермак. Догонять будем, если из города уйдет. Разрешите исполнять, ваше благородие?

– Давай, Ус. Аллюр три креста.

Филиппов выскочил из кабинета, а я подошёл к столу и без сил опустился на стул. Неужели моей птички больше нет? Я гнал от себя эту мысль. Только сегодня утром я целовал её губы, её тело и теперь никогда не смогу этого сделать? Не услышу её звенящий как колокольчик смех?! Не увижу её прекрасную улыбку, такие аппетитные ямочки на щеках?!

Я зарычал, энергично промассировал ладонями виски. Всё, надо взять себя в руки. Убийца не должен уйти от моей мести. Уничтожу эту тварь. С этими мыслями я начал одеваться. Сейчас на рынок, узнать новости по убийству, тело отправить в морг на вскрытие, подключить к делу Банкова, а потом в гости к Бекхэму. Надо ребятишек распределить по ролям. Сыграем такой спектакль, что этот Джозеф, и как там его дальше по паспорту, обделается натурально. Колоть буду жёстко, но без повреждений, а братья помогут. Ну а дальше по ситуации.

Дождавшись у коновязи, где взгромоздился на дежурную лошадку, Тура, Лешего и Уса, направился вместе с ними на рынок. По дороге рассказал казакам, какую роль им придётся играть при «расспрашивании» господина Бекхэма, и о наших остальных действиях. Выслушав меня, все трое согласно мотнули головами, и дальнейший путь до места преступления прошёл в угрюмом молчании.

Прибыв на рынок, узнали, что тело Дарьи уже увезли в морг. Банков несколько минут назад направился туда, получив всю информацию от городского, который проводил первичный опрос свидетелей убийства. Из новой информации было только то, что никто

на рынке убийцу не признал. Все в один голос заявляли, что чужой. С описанием внешности были большие проблемы. Десяток разных видаков и десяток описаний. В общем, как всегда, судя по тем детективам о работе милиции, полиции, которые я читал в другой жизни.

Отодвигая встречу с мёртвой Дарьей, направился в гостиницу, где проживал Бекхэм. У её крыльца нас встретил мой старый знакомый старший агент Буров, с которым мы обыскивали номер Фукусимы. Пётр Фёдорович доложил, что за англичанином минут двадцать назад прибыл жандармский поручик Кононов, и буквально пять-шесть минут, как они уехали, вернее всего в отдел к жандармам.

– Пётр Фёдорович, ещё что-то интересное было? – спросил я агента.

– Ваше благородие, к этому англичанину буквально минут за пятнадцать до жандарма один тип ненадолго приходил, судя по докладам – уже второй раз. Первый раз вчера вечером был, – после этих слов Буров профессионально начал описывать посетителя.

– Он, ваше благородие, – перебил агента Ус. – Точно он. Я его лицо хоть только один раз полностью видел и ещё один раз в профиль, но свежий порез у левого глаза запомнил. Что делать теперь будем?

Такой же вопрос я увидел в глазах Бунова и остальных казаков.

– Пётр Фёдорович, под мою ответственность – осмотрите негласно номер англичанина. Обо всём интересном доложите потом мне лично. Отсутствие англичанина в течение пары часов я вам гарантирую. Кого-нибудь из казаков оставить, чтобы постоял на стрёме?

– Не надо, ваше благородие. Тут со мной один молодой обучается. Вот он и постоит. Пускай опыта набирается, – усмехнулся Буров.

– Ну, тогда мы к штабс-ротмистру отправимся, – сказал я, разворачивая коня.

Быстро добрались до дома, где располагались представители отдельного корпуса жандармов. Спешившись, направились вовнутрь. Подойдя к кабинету Савельева, я притормозил и показал знаками Усу, чтобы он заходил в кабинет через некоторое время после меня. После чего, постучав в дверь, открыл её и вошёл в кабинет.

– Разрешите, Владимир Александрович?! Ещё раз здравствуйте, – обратился я к Савельеву, который сидел за своим столом, а напротив него на стуле пристроился щеголевато одетый мужчина лет тридцати.

«Если это Бекхэм, то Тарала прав, как-то он на английского дворянина не похож. Хотя я их в глаза не видел», – подумал я, а вслух продолжил:

– Извините, у вас посетитель, я тогда попозже зайду.

– Да почему попозже. Вот, познакомьтесь, гость нашего города, приехавший прямиком из Лондона Джозеф Уинстон Роберт Бекхэм. Решил поохотиться на амурского тигра в наших краях, – поднялся из-за стола штабс-ротмистр, за которым встал и англичанин.

В это время в незакрытую мною дверь заглянул Ус и, увидев мой разрешающий кивок, вошёл в кабинет со словами, указывая пальцем на Бекхэма:

– Он это, вашбродь, точно он! Это к нему вчера убийца приходил в гостиницу!

– Что здесь происходит, господин сотник! Потрудитесь объяснить! – штабс-ротмистр глядел на меня с неподдельным удивлением.

– Всё очень просто, Владимир Александрович. Чуть больше часа назад на рынке была убита моя любимая женщина Дарья Пак, – я сделал паузу, увидев, как глаза Савельева стали круглыми от удивления. – А казак Филиппов, который сопровождал Дарью на рынок и видел её убийцу, вспомнил, что вчера наблюдал этого варнака в гостинице, когда он заходил в номер. Прибыв в гостиницу, я узнал, что номер, куда заходил убийца, занимает английский поданный сэр Бекхэм, который куда-то убыл в сопровождении офицера корпуса жандармов. И вот я в вашем кабинете, а передо мной сэр Бекхэм, – я улыбнулся, глядя в глаза «англичанину», который попытался отпрянуть от меня, но упершись в стул, опустился на него.

За столом на стул плюхнулся ошарашенный штабс-ротмистр.

– Дарья действительно убита? – расстёгивая ворот мундира, как-то придушенно спросил Савельев, который знал о наших истинных отношениях.

– Да, Владимир Александрович, убита, – я снял с головы папаху и, повернувшись, повесил на вешалку, после чего сделал шаг к Бекхэму, отчего тот непроизвольно втянул голову в плечи. – А теперь, с вашего позволения, я скажу пару слов нашему гостю.

– Тимофей Васильевич, сэр Бекхэм не говорит на русском языке, – сказал мне Савельев, несколько настороженно наблюдая за мной.

– Ничего, Владимир Александрович, как мне думается, никакой он не сэр Джозеф Уинстон Роберт Бекхэм, а вернее всего – Дима Белкин. Ну, это так, к слову. А теперь серьезно, – я, нарушая приличия, присел на край стола, из-за чего предполагаемый революционер и сообщник убийцы попробовал отодвинуться от меня вместе со стулом, но я придержал его за плечо. – Понимаешь, сэр, ты у нас был одним из подозреваемых в подготовке покушения на наместника Дальнего Востока цесаревича Николая Александровича.

Штабс-ротмистр что-то неразборчиво и возмущённо буркнул, выслушав мой пассаж, но я, сделав вид, что не заметил, продолжил:

– Но сейчас это не игра в доброго и злого жандарма. Твой подельник, вернее всего выживший, или бомбист, или охранник того, кто готовил бомбу, убил мою любимую женщину. Да, я отвечаю за охрану государя наследника, но теперь я пойду на всё, чтобы покарать убийцу любимой, и мне выгодно, чтобы ты сейчас промолчал, а через некоторое время господин штабс-ротмистр тебя бы отпустил. Предъявить-то нам нечего, кроме подозрений, – я наклонился к Бекхэму и оскалился, глядя ему в глаза.

Тот попытался дёрнуться, но я, удерживая его за плечо, большим пальцем надавил на плечевое нервное сплетение. Англичанин заорал. Савельев попытался встать, чтобы помешать мне, но Ус и вбежавшие в кабинет Тур и Леший не дали ему этого сделать. Я, продолжая давить на нервный узел, думал о том, что это хоть и не одна из пяти точек на теле, которые мне показал Джунг Ли, при нажатии которых человек начинал ощущать нарастающую дикую боль, но тоже должно быть очень не комфортно.

Я в своё время сам лично перенёс три точки, на которые нажимал Ли. После четвёртой потерял способность что-либо соображать и готов был сделать всё, о чём бы меня ни попросили. Если же нажать пятую, то, по словам старого корейца, у человека в организме начинались необратимые изменения, и тот умирал. Но до этого он становился марионеткой в руках проводившего данную «акупунктуру».

Дождавшись, когда Бекхэм начал визжать, я отпустил его плечо.

– Думаешь, это была боль, Бекхэм? Нет, это ещё цветочки. Я тебе расскажу, какую ты получишь боль, когда я за тебя возьмусь лично, после того как ты выйдешь из этого кабинета на улицу, – я опять

«ласково» улыбнулся Джозефу, который затравленно смотрел на меня, но продолжал хранить молчание. – Есть страна Афганистан, которую англичане давно хотят покорить. У одной из народностей, которая там проживает, есть такая пытка-казнь, называется «красный тюльпан».

По моему жесту к Бекхэму за спину подскочил Тур и вздёрнул ему обе руки вверх. Когда тот попытался встать со стула, я упёр англичанину в живот метательный нож, который достал из рукава, и Джозеф покорно замер на стуле.

– Продолжу. Жертве первоначально дают опиум, чтобы она не умерла сразу от боли. Когда дурман подействует, её подвешивают за руки и начинают от живота снимать кожу. Делают первый надрез вот здесь, – я провёл ножом чуть выше пупка англичанина. – Потом здесь, а дальше вот так. Сделав все эти надрезы, начинают, не торопясь, снимать кожу. Снимается всё до уровня шеи, поднимается вверх, затем кожа привязывается к запястьям рук, и получается такой тюльпанчик, – рассказывая всё это, я показывал на Бекхэме, где и как делаются надрезы. Пришлось в прошлой жизни несколько раз сталкиваться в Афганистане с такими тюльпанами из наших солдат. – Когда человек приходит в себя после окончания действия опиума, то он начинает сходить с ума от боли. Говорят, что некоторые мучаются до двух суток.

Сделав драматическую паузу, я отметил, что побледнел не только Бекхэм, но и штабс-ротмистр, после чего продолжил:

– Но мы усовершенствовали данную казнь-пытку. Дополнительно к этому у нас жертва, когда очнётся, ещё и на колу сидит на перекладинке, чтобы кол не слишком глубоко для начала вошёл. А перекладинок там кому две, кому три. Так постепенно и будешь опускаться пониже, а кол будет заходить поглубже.

– Ермак, я на пять перекладин кол сделаю. Дарья нам всем, братьям, как сестра была. Пусть, сука, подольше помучится, – перебил меня Тур, который при этих словах загнул вытянутые руки Бекхэма так, чтобы посмотреть тому в лицо.

– Сэр Бекхэм, я вам всё сказал. И красный тюльпан будет вас ждать, как только появитесь на улице. Даю слово казака. Ну, а господин штабс-ротмистр подумает о том, что с его женой может произойти то же, что с Дарьей, да и промолчит о нашем разговоре. А дальше, как говорится, закон – тайга, прокурор – медведь. У нас в

прошлом году целый подполковник Генерального штаба Японии пропал. И ничего. Ответили, природа у нас такая. Охотятся не только люди, но и звери. А амурский тигр очень хороший охотник. Был англичанин и сплыл, – я посмотрел в глаза Бекхэма, в лице которого не было ни кровинки. – Жду вас на улице. Пошли, братья.

Казаки выскочили из кабинета, а я уже в дверях услышал в спину:

– Это был товарищ Иван. Я знаю его только под этим именем. После гостиницы он направился в китайский квартал. Оттуда его в Китай должны вывезти контрабандисты.

– Ваша роль в покушении на цесаревича? – спросил я, поворачиваясь к Бекхэму.

– Если бы не получилось Николая взорвать, то я его должен был убить из винтовки. Я привёз хороший арсенал, включая штуцер Жирардони.

– Что же, сэр Бекхэм, вы должны постараться убедить штабс-ротмистра Савельева в том, что должны находиться в тюрьме. Я дал слово казака и сделаю всё, что сказал, если вы окажетесь на свободе и на улице.

С этими словами я покинул кабинет, надевая папаху.

Глава 13

Погоня

Выйдя из здания, наткнулся на взгляды братьев.

– Ермак, получилось?! – прогудел Тур.

– Сломался англичанин, – хмуро улыбнулся я. – Не выдержал нашей обработки. Спасибо тебе, Тур, хорошо с колом поддержал.

– Ермак, а правда так казнят в этом, как его... Ну про который ты говорил... Это же жуть какая-то. Ладно на кол, но так вот кожу снимать! Бры! Изуверство это... – Леший передёрнул плечами. – Его благородие с лица аж сбледнул. А этому англичанину совсем плохо стало. Я знал, что ты притворяешься, и то мне на всё это страшно смотреть было.

– Изуверство не изуверство, а я бы того, кто Дарью убил, на кол бы посадил. Кожу нет, а на кол да! – угрюмо произнёс Ус.

– Может, ещё и посадим, – задумчиво произнёс я. – Надо нам, братья, в китайском квартале искать убийцу Дарьи. Он туда чуть больше часа назад ушёл. Его контрабандисты должны в Китай вывезти. Может быть, перехватим.

– В самом квартале, Ермак, нам делать нечего, – уверенно сказал Тур. – Мне местные казаки рассказывали, эти китаёзы там своей жизнью живут. Нам ничего не расскажут.

– Это мне известно, Тур. Поэтому двигаемся в сторону лазарета. Надо Банкова найти. Возможно, он ещё там и подскажет, что делать, – произнёс я, чувствуя, как во мне поселяется страх увидеть мёртвую Дарью. В лазарете перед прозекторской меня встретил Любарский.

– Сочувствую, Тимофей Васильевич, – врач с грустью посмотрел на меня. – Смотреть тело будете? Кто и когда его заберёт? Она же сирота.

«Бл... о наших взаимоотношениях с моей птичкой весь город, что ли, знает? Хотя не удивлюсь, что и весь. Такая пикантная весть. Обер-офицер конвоя спит со своей служанкой. Да ну их всех в пень!» – подумал я.

– Буду смотреть, Василий Михайлович. Я тут поисками убийцы был занят, но сейчас, то есть чуть позже отдам распоряжения. Дарью мы заберём.

– Тогда пройдёмте, – доктор развернулся и пошёл по коридору к двери, за которой располагался морг.

Я, с трудом переставляя ноги, двинулся за Любарским. Зайдя в прозекторскую, увидел на столе Дарью, укрытую по шею простыней. Мне даже показалось, что она просто спит. Смерть будто бы и не оставила следов на её лице. Но вернее всего в этом было виновато освещение и моё воображение. Умом я понимал, что от удара в почку должно было произойти обильное кровотечение. Как сквозь вату в ушах до меня доносились слова доктора:

– Ножевой удар сзади в почку, повреждена почечная артерия. Я думаю, она сразу потеряла сознание от болевого шока и ничего больше не почувствовала. Удар был сильный снизу-вверх с подворотом в ране. Предположу, что так точно мог ударить врач или человек, которого этому специально обучали. В то, что такой точный и сильный удар получился случайно, мне верится с трудом.

– Мне Юрий Петрович говорил, что из двадцати четырех ран, которые нанесли Цезарю сенаторы, только одна была смертельной, – произнёс я, продолжая неотрывно смотреть на лицо Дарьи.

– Слышал эту байку. А всё, что вам сказал, довёл до господина Банкова. Он только минут десять назад, как отправился к себе в управление, – Любарский сделал паузу, после которой, будто бы решившись, произнёс: – И ещё, Тимофей Васильевич, Дарья Ивановна была беременной. Точно не скажу, но больше месяца.

Услышав эти слова, я почувствовал, что проваливаюсь в какую-то темноту. Очнулся от запаха нашатыря.

«Эх, как меня нахлобучило! Это что, такая защитная реакция психики?! Впервые за две жизни свалился в обморок, – подумал я, вздыхая резкий запах ещё раз, чтобы в голове прояснилось. – А всё потому, что в прошлой жизни дважды был женатым, но детей не было. А здесь через восемь месяцев я мог стать отцом».

Я застонал, а потом зарычал, с горечью осознавая двойную утрату. Любарский, который смог дотащить меня и усадить на кушетку, испуганно отшатнулся, увидев, как меняется моё лицо. А на меня опять накатила волна ярости. Хорошо, что новость о беременности Дарьи я узнал только сейчас, а то, боюсь, сэра Бекхэма я бы грохнул прямо в кабинете у Савельева, после того как вытряс бы у него информацию о «товарище Иване». А последнему точно не

поздоровится. Если до этого я планировал его поймать и только узнать причину, по какой он убил мою любимую, то теперь целой тушкой он точно в руки Савельева не попадёт. Три, а то и четыре точки от Джунг Ли «товарищ Иван» получит. Это обещаю уже сам себе. После этого он просить будет, чтобы его как можно быстрее вздёрнули, как покушавшегося на царскую особу или членов его семьи.

– Тимофей Васильевич, как вы себя чувствуете? – участливо спросил Любарский, продолжая держать в руке кусок бинта, смоченный нашатырем.

– Благодарю, Василий Михайлович, пришёл в себя. Надо же, как какая-то гимназистка в обморок грохнулась, – попытался улыбнуться я.

В этот момент дверь приоткрылась, и в комнату просочился Тарала. Посмотрев сначала на стол и побледнев после этого, Арсений, повернув голову, увидел меня и доктора. Видимо, мой внешний вид оставлял желать лучшего, поэтому Арсений спросил:

– Тимофей, ты как себя чувствуешь?

– Хреново, Арсений, очень хреново! – почувствовав, что на глаза наворачиваются слёзы, склонил голову, чтобы никто их не увидел.

Тарала после поздравления меня на торжестве в Военном собрании предупредил, что на пару дней расположится у своих знакомых, чтобы не мешать мне отметить день рождения с моими братьями и Дарьей. И вот появился. Очень вовремя, кстати, появился.

– Арсений, – начал я, но друг меня перебил:

– Тимофей, я всё понимаю. Ты только найди этого гада. А с похоронами я всё решу, ты не волнуйся.

Я встал с кушетки и, подойдя к Тарале, неожиданно для себя ткнулся лбом в его плечо. Арсений, приобняв меня, прошептал на ухо:

– Найди его, Тимофей. Он не должен уйти от возмездия. А я всё сделаю.

– Тимофей Васильевич, Арсений Георгиевич, я понимаю имеющиеся у вас трудности, – произнёс Любарский. – Если вы доставите всё необходимое сюда или профинансируете, то здесь найдутся люди, которые подготовят Дарью Ивановну в последний путь.

Я оторвался от друга и, повернувшись к доктору, произнёс:

– Спасибо, Василий Михайлович. В средствах не отказывайте. Пусть всё будет по высшему разряду.

Произнеся это, я подошёл к столу, на котором покоилось тело моей смелой птички. Склонившись, я долго смотрел в лицо Дарьи, которое не обезобразила смерть. В голове помчались мысли-воспоминания о нашей жизни. Чуть больше трёх месяцев, но сколько же счастья было.

«Девочка моя, я найду твоего убийцу. Прости, что должен уйти, но так надо. Иначе я не смогу жить дальше», – прощаясь, подумал я, после чего поцеловал Дарью в холодный лоб и направился на выход.

По дороге к двери подобрал с пола свою папаху, а проходя мимо Арсения, посмотрел тому в глаза и кивнул головой. Всё, меня ждёт месть.

– Ты куда сейчас, Тимофей? – спросил меня Тарала.

– К Банкову, мне нужны выходы на местных китайских контрабандистов, – ответил я.

– Тогда тебе лучше обратиться к Цзи Фантаю, или, как он теперь себя называет, Тифантаю. У него связей среди китайских контрабандистов куда больше, чем у господина следственного пристава, – Арсений на несколько мгновений задумался и продолжил: – Тем более, цесаревич ему благоволит, и у Тифантая до сих пор проблемы с получением российского подданства.

А я вспомнил байку или всё-таки правдивую историю, которую прочитал в деле этого купца, которое формировало моя секретная часть. В один из дней марта одна тысяча восемьсот девяносто первого года наследник престола цесаревич Николай, будучи во Владивостоке, во время прогулки случайно зашел в мастерскую Цзи Фэнтая и в разговоре с ним обнаружил, что китаец очень хорошо говорит по-русски. Цесаревич попросил Цзи помочь ему купить пушнину. Китаец тут же сказал цесаревичу, что у него есть друг, который занимается продажей пушнины, и, если он хочет, они могут сейчас же отправиться за покупкой. Престолонаследник согласился, и, когда они пришли к другу Цзи Фэнтая, он увидел, что действительно товар был высокого качества, а цена – справедливой. Но цесаревич вышел на прогулку, не захватив с собой денег. Тогда Цзи Фэнтай сказал: «Ничего, вы забирайте товар, я дам вам деньги в долг». Цесаревич, однако, распорядился, чтобы товар принесли ему на следующий день. На другой день Тифонтай, взяв пушнину, отправился по назначенному адресу и только тогда узнал, что имел дело с наследником российского престола. Цесаревич сказал Цзи Фэнтаю: «Сегодня ты стал моим

другом, а как насчет того, если я дам тебе должность?» Однако китаец дипломатично отказался. Тогда цесаревич присвоил Цзи Фэнтаю высший купеческий титул.

Не знаю, байка это или нет, но Тифонтай оказался на моем дне рождения, так как был в списке, который дал мне цесаревич. Что за подарок он мне преподнёс, я не помнил, но краткое общение в виде поздравления состоялось. Значит, по местным меркам, можно, точнее нужно его навестить. А не получится, пойдём к Банкову. С этими мыслями, кивнув Арсению, я вышел из прозекторской.

Встреча с китайским купцом прошла продуктивно. Узнав, что меня интересует только «товарищ Иван» и каких-либо претензий к контрабандистам у меня нет, Цзи Фэнтай пообещал, что приложит все усилия и очень быстро я узнаю, где находится тот, кто помышлял совершить покушение на наследника российского престола.

После этого я направился в полицейское управление, где переговорил с Юрием Петровичем. Тот с воодушевлением выслушал всё, что мне удалось узнать, и также пообещал лично встретиться со своими осведомителями среди китайцев, чтобы узнать какую-либо информацию. Теперь предстояла встреча с Савельевым, на которой мне надо было объяснить штабс-ротмистру весь тот спектакль, который был разыгран с Бекхэмом на его глазах. Надеюсь, это объяснение будет им нормально воспринято. Всё-таки мои братья, которые, можно сказать, подняли руку на офицера, попадали под уголовное наказание, да и неизвестно, как он воспринял мои действия. Выглядеть изувером в его глазах, да и потом в глазах офицерского корпуса как-то не хотелось. Надеюсь на профессионализм Владимира Александровича.

– Господин сотник, что вам ещё угодно? – таким вопросом меня встретил Савельев, которого из его кабинета, где штабс-ротмистр вместе со своим заместителем поручиком Радиевским допрашивали лже-Бекхэма, вызвал в коридор по моей просьбе один из гражданских служащих отдела. Вид у штабс-ротмистра, когда он вышел из помещения, был очень недовольным. А на меня он смотрел как-то так... В общем, определить его взгляд я не смог, но доброжелательностью там и не пахло. Поэтому не стал тянуть кота за это самое и быстро произнёс:

– Владимир Александрович, прошу прощения за себя и за поведение моих казаков. Понимаю, что надо было предупредить вас о разыгрываемом спектакле, но побоялся, что достоверность будет потеряна.

– Вы хотите сказать, что всё то, что недавно произошло в моём кабинете, было спектаклем?

– Да, Владимир Александрович. Надо было быстро получить признательные показания от Бекхэма. Когда я и мои казаки прибыли в гостиницу, старший агент Михайлов описал человека, с которым дважды встречался мнимый англичанин. Это, как теперь выяснилось, был товарищ Иван, который убил Дарью. Поэтому я и ломал морально Бекхэма, возможно, несколько жёстким образом, – хмуро отрапортовал я Савельеву.

– Тимофей Васильевич, а если бы Бекхэм не признался и мне бы пришлось отпустить его?! Вы что, действительно содрали бы с него кожу? Вы же слово казака дали! – во взгляде штабс-ротмистра зажегся неподдельный интерес.

– Владимир Александрович, помилуй Бог, неужели вы такого плохого мнения обо мне? То, что я буду давить на Бекхэма и давать при этом ложные клятвы, заранее знали мои казаки. Военная хитрость. Обмануть врага, давая ему ложную клятву, для казака не грех. Вот для офицерской чести такое неприемлемо. Поэтому слово офицера я и не давал, – я мрачно улыбнулся. – А признаться Бекхэму всё равно пришлось бы. Для этого на теле человека много нервных узлов и точек, нажимая на которые можно причинить сильную боль, не оставляя следов. Если бы Бекхэм не сломался морально, я бы его очень быстро болью додавил бы. И не считайте меня изувером. На войне как на войне.

– Может быть, вы и правы. На войне как войне. Люди гибнут точно. За раз потерять четырёх нижних чинов... – Савельев на миг задумался и продолжил: – Тимофей Васильевич, ещё один вопрос, а где вы такие подробности узнали об этой казни-пытке «красный тюльпан»? Её что, действительно практикуют в Афганистане?

– Владимир Александрович, по греческим мифам ещё Аполлон, которого пускай легендарный музыкант и флейтист Марсий, но просто человек, вызвал на музыкальный поединок, после поражения последнего привязал Марсия к сосне и заживо содрал с него кожу.

Нечего с богом тягаться. На востоке такая казнь до сих пор распространена. А если вспоминать древние времена, то Геродот писал, что царь Камбиз назначил судью, которому пришлось сидеть на кресле, обитом кожей отца – судьи Симария, с которого содрали кожу за вынесение несправедливого приговора. Кожу также сдирали с неверных жен, – я замолчал, увидев, как штабс-ротмистр в отвращении передёрнул плечами. – Так что красочно описать, как с человека можно снять кожу, особого труда не составило, с учётом того, сколько мне пришлось снять шкур с убитых животных. Но получилось же?

– Да... Эффективно получилось! Пять минут разговора, и человек уже второй час даёт показания о своей причастности к покушению на цесаревича, лишь бы не попасть в руки казаков-изуверов, – уже весело усмехнулся Савельев. – Тимофей Васильевич, а я ведь тоже вам поверил. Вы так убедительно показывали ножом, как будете кожу надрезать, а потом её снимать. Жуть какая-то! И казаки ваши меня держали крепко.

– Ещё раз прошу извинить меня, Владимир Александрович. Готов за действия моих казаков понести наказание. Они выполняли мой приказ.

– Да что теперь говорить-то. Победителей не судят. А вы раскрыли заговор с покушением на его императорское высочество.

– Мы раскрыли, Владимир Александрович. А меня сейчас куда больше товарищ Иван интересуется. Лже-Бекхэм ничего ещё не сообщил о нём? – я напряжённо посмотрел на Савельева.

– Пока нет, Тимофей Васильевич. Мы с Константином Константиновичем сейчас торопимся закрепить на бумаге признательные показания лже-Бекхэма на самого себя, но и до товарища Ивана дело дойдёт. А также там были ещё товарищ Пётр и товарищ Николай. Вот такие редкие русские имена, – позволил себе пошутить штабс-ротмистр. – Вы-то чем сейчас займётесь, Тимофей Васильевич?

– Жду информацию от Тифонтая и господина Банкова по китайским контрабандистам. Как что-то станет известно, постараемся задержать товарища Ивана, – я заметил, как возмущённо вскинулся Савельев, и продолжил: – Не волнуйтесь, Владимир Александрович, мой первый десяток казаков для захвата этого революционера подготовлен лучше всех не только в этом в городе, но, наверное, и на

всём Дальнем Востоке. Спеленаем, пикнуть не успеет. Доставим в целостности и сохранности. Я его только расспрошу, из-за чего он убил молодую девушку, которая ничего ему не сделала. И он мне ответит, Владимир Александрович, про узлы и точки я вам рассказал. А остальное – это будет ваша работа.

– Хорошо, Тимофей Васильевич, действительно, лучше ваших людей для таких действий в городе нет. Ну, а я пойду работать с нашим англичанином. Поёт, как птичка. Надо ковать железо, пока горячо... – Савельев посмотрел мне в глаза, а потом протянул руку для пожатия. – Тимофей Васильевич, извините и меня, я подумал, что вы от горя почти с ума сошли и готовы из-за мести поступиться честью офицера.

Я пожал руку штабс-ротмистру и, продолжая удерживать его ладонь, произнёс:

– Владимир Александрович, я сделаю всё, что в моих силах, а потом ещё чуть-чуть. А личное горе – это личное горе. Сейчас оно мне только поможет в исполнении моего долга.

– Вы её сильно любили? – с какой-то болью в голосе спросил меня главный жандарм Дальнего Востока.

– Да, Владимир Александрович. И как сказал доктор Любарский, через восемь месяцев или раньше я мог стать отцом.

Савельев осторожно вынул свою ладонь из моей руки. Посмотрел на меня каким-то отцовским жалеющим взглядом. Всё же он был меня старше на двенадцать лет. А потом, так ничего и не сказав, развернулся и пошел к двери своего кабинета. И я ему за это молчание был благодарен.

Выйдя из здания, я задумался, что делать дальше. Пока не будет информации, заняться как бы и нечем. Заеду-ка домой, надо одежду, вещи подготовить для похода, если товарищ Иван уйдет из города. Захватить его здесь мне казалось нереальным.

Приказав Антипу, Устину и Владимиру отправляться в казарму и готовиться к походу, направился домой, где меня встретила непривычная тишина. Чтобы не терять в дальнейшем время, поддел тёплое бельё, а вместо полушубка, папахи и валенок натянул унты, доху-гибрид из меха красного волка и шапку-ушанку. Этот наряд был пошит для меня и всего первого десятка, когда произошёл самый первый наём нашего отряда в охрану купеческого обоза к самому Чурину. Сшили тогда по размеру с запасом, на вырост. И сейчас мне

этот наряд был впору, как и всем братьям. Один Тур перешивал. Раздался в плечах чересчур сильно.

Полученный тогда по моим рисункам гибрид короткой дохи и плаща с капюшоном, а также шапка-ушанка выгодно отличались от одежды, принятой у казаков для дальних переходов. Большой ворот в застегнутом виде закрывал лицо по самые глаза. Пристяжной меховой капюшон – вместо башлыка, который можно было затянуть, и родная меховая военная шапка-ушанка, которую в РККА ввели в одна тысяча девятьсот сороковом году, полностью защищали голову и лицо от сильного мороза. А пристёгивающиеся к дохе удлиненные полы закрывали ноги до середины унт, по какой-то причине, сидя в седле, можно было не беспокоиться о коленях, выставленных под мороз и хлесткий снег.

Затянул португею, проверил оружие и, взяв в сенях «дежурный РД», направился на двор. В поход Беркута не возьму. Жалко. Зайдя на конюшню, потрепал своего чёрного, как смоль, друга по холке, дождался его ответного ржания. По традиции скормил любимцу горбушку хлеба с солью, после чего в соседнем стойле также побаловал хороших статей жеребчика, которого прикупил три месяца назад для служебных нужд. Получив из-за масти кличку Гнедко, данный «агрегат» по перемещению моей тушки мощностью в одну лошадиную силу, как правило, использовался мною в повседневной жизни, если не пользовался дежурными служебными лошаdkами.

Выведя из стойла Гнедко, оседлал его, приладил к седлу РД и мешок с тревожным набором, выбрался на двор. Накинул на луку седла повод уздечки дежурной кобылки, взобрался на Гнедко и, выехав на улицу, потрусил к резиденции, ведя второго коня в поводу. Надо у наместника отпроситься на всякий случай, да и доложить о случившемся.

Доклад о сегодняшних событиях у наместника в присутствии ротмистра Волкова прошёл спокойно, но его обсуждение – бурно. Опять увидел в глазах Николая затаённый страх. Предотвращено покушение на цесаревича, а до этого было два совершившихся. И это за два с небольшим года. Выслушал соболезнования по факту гибели Дарьи. Я был прав, о наших взаимоотношениях с ней, похоже, знал весь Хабаровск. И с большим трудом получил разрешение цесаревича

на поиск и преследование товарища Ивана, если тот ускользнёт из города.

В конце доклада и мини-совещания с основным вопросом «что делать дальше?» получил от Николая устную благодарность за раскрытие покушения, облобызан не был, но был заверен в том, что награда меня не минует. Вся эта информация усваивалась в сознании независимо от меня, так как голова была занята только одной мыслью: где товарищ Иван?

С этой мыслью вернулся к себе в кабинет, где переговорил с Кораблевым, услышав от него последние новости по расследованию взрыва и убийства Дарьи. Ничего нового практически не установили, за исключением того, что среди раненых в лазарете нашли свидетеля, который видел, как старший агент Михайлов, а за ним три городских вошли в дом, затем раздался выстрел и почти сразу же взрыв. Или даже два взрыва, которые почти слились в один, как показалось свидетелю. И ещё тому крупно повезло, что не попал под основную взрывную волну, но контузию и несколько переломов получил.

Полицмейстер Чернов всё ещё находился в таком состоянии, что расспросить его было невозможно. Врачи не допускали. А по убийству Дарьи было выяснено, что мальчишки, которые затеяли драку и отвлекли Филиппова Устина, были наняты товарищем Иваном за пару медных копеек каждому. И этот факт повысил моё желание познакомиться с этим умельцем на порядок. Даже возникла мысль, что товарищ Иван такой же попаданец, как и я. Уж больно грамотно действовал для этого времени, если сравнить с другими революционерами-террористами. Отвлёк внимание. Ударил ножом профессионально. Уходил только с места преступления чересчур заметно, но эффективно. Ушёл всё-таки!

Удар ножом, конечно, несколько выбивается из целой серии террористов-бомбистов. Но в августе семьдесят восьмого революционер-народник Сергей Кравчинский, он же Степняк, на Итальянской улице в Санкт-Петербурге нанёс смертельный удар кинжалом шефу жандармов и главе Третьего отделения генерал-лейтенанту Мезенцеву.

После этого Кравчинский спокойно покинул место преступления и сбежал за границу. До сих пор в Италии продолжает активную организаторскую, агитационную, пропагандистскую деятельность,

направленную против Российской империи. Занимается публицистической и журналистской деятельностью, писатель и переводчик. С интересом прочитал в жандармском бюллетене за прошлый год, что одной из подруг и сотрудниц Кравчинского является писательница Этель Лилиан Войнич. Про её роман «Овод» ничего не нашёл, видимо ещё не написала или не вышел. Но в моей той прошлой юности Овод был для меня одним из самых ярких литературных героев. Особенно восторгался его мужеством, когда он руководил своим расстрелом.

Ну, это я так, отвлёкся. Просто Кравчинский ударил ножом и ушёл с места преступления, в отличие от многих его соратников, которые использовали бомбы и огнестрельное оружие. И здесь, товарищ Иван использовал нож и тоже ушёл с места преступления. Но надеюсь, за границу я ему сбежать не дам.

Вскоре Кораблев ушёл по делам, в том числе и скорбным. Надо было организовать похороны старшего агента Михайлова. Хотя хоронить было нечего. Если только крышку от его часов. Но после показаний раненого свидетеля уверенность в том, что наш красавец агент погиб, стала практически стопроцентной. А тут ещё оказалось, что ухаживания Павла Николаевича за Филатьевой оказались не безуспешными. Вчера Машенька горевала по Михайлову, а сегодня ещё и её двоюродная сестра погибла.

Вот такие невесёлые мысли как-то лениво текли в моей голове, пока ждал информацию по контрабандистам. Моё сознание будто бы стремилось отрешиться от окружающей действительности. Про Дарью и ребёнка я вообще старался не думать. Наконец после стука в дверь в мой кабинет ввалился ставший чуть ли не в два раза шире из-за верхней одежды Цзи Фэнтай, или по-русски Тифонтай. Откинув ворот дохи и сняв с головы малахай, китайский купец произнёс:

– Тимофей Васильевич, извините, что так долго, но это были новые люди из Лахасусу, о которых никто из моих доверенных лиц не знал.

Я показал рукой на вешалку, но Тифонтай отмахнулся и продолжил:

– Я быстро. Они ушли на лошадях вместе с русским по Амуру до того места, где в него впадает Сунгари. Это самый удобный путь зимой. Там дальше по Сунгари довольно большое для этих мест селение Лахасусу, где можно передохнуть и идти дальше в глубь

Китая. В устье Сунгари стоит китайский пост. Там обычно располагается взвод солдат с офицером, в селение стоит шао, рота, по-вашему.

– Когда они ушли? – спросил я, прикидывая, что с момента убийства Дарьи прошло около шести часов.

– Около четырех часов назад. Насколько я узнал, задача этих людей была вывести этих революционеров из Хабаровска в Китай. Поэтому у них всё было наготове. Ушли на трёх санях и верхом. Всего двенадцать человек, – Тифонтай глубоко выдохнул и вытер шапкой лоб.

– Спасибо, господин Цзи, вы мне очень помогли. Я обязательно отмечу ваши действия в отчете заместнику. Надеюсь, что это поможет ускорить положительное решение по получению вами российского подданства и сохранить косу, – я встал из-за стола и поклонился на китайский манер Тифонтаю.

Последней фразой я намекнул Тифонтаю, что замолвлю перед цесаревичем словечко о получении китайцем подданства без принятия православия. В противном случае косу купцу придётся обрезать.

– Тимофей Васильевич, у входа в резиденцию вас ждёт мой человек, Ли Юн, он будет вашим проводником. Юн хорошо знает этот путь, а также знает всех офицеров на посту и в шао, которое квартирует в Лахасусу. С чиновниками тоже знаком. Я это говорю, если вы вдруг не догоните их до Сунгари.

– Господин Цзи, я искренне благодарен вам за такую помощь. Надеюсь, ночь будет лунной и мы сможем нагнать упущенное время. Пусть ваш человек готовится. Выступаем от резиденции через час.

– Он готов, Тимофей Васильевич. Сюда прибыл на лошади и со всем необходимым для дальнего пути.

– Отлично. Тогда выступим через пятнадцать минут. Ещё раз спасибо за всё.

С этими словами я чуть ли не бегом кинулся к вешалке, быстро оделся и поспешил с Тифонтаем на выход, по пути успев отправить дежурного казака-конвойца за братьями в казарму. Перед резиденцией купец познакомил меня с Ли Юном, который оказался крепким мужчиной лет сорока-пятидесяти, хорошо разговаривающим на русском языке.

Говоря, что выступим через пятнадцать минут, я несколько погорячился, но через полчаса, когда я решил все вопросы по нашей

отправке с Головачевым и цесаревичем, надиктовал телеграммы в станицы Головина и Кукелево, откуда должны были выйти на перехват контрабандистов казачьи команды, наш небольшой отряд из четырнадцати человек вышел в путь. Ещё двумя членами нашего воинства стали два казака из амурского взвода, которые правили двумя санями с фуражом. До Лахасусу было около двухсот пятидесяти вёрст. Если выжать из коней всё возможное, то за три перехода можно будет пройти, но боюсь, можно остаться после этого без лошадок. И дальше шлёпать на своих двоих. Это человек выдержит большие нагрузки, а лошадка нет.

Сумерки скоро сменила темнота с растущей луной на небосводе. Её свет позволял осторожно двигаться по проложенному по льду Амура пути. Лёд ещё был слабый и местами дышал, а кое-где виднелись полыньи. Поэтому ближе к полуночи, когда луна скрылась за облаками, решили не рисковать и встать привалом. Тем более, в последнем свете луны на берегу обнаружилось удачное место для стоянки. Ночь прошла спокойно. С утра подкрепившись кулешом, как только стало светать, двинулись в дальнейший путь. В этот день совершили длинный переход вёрст на восемьдесят. Шли столько, сколько смогли выдержать лошади, чтобы не запалить их.

Старшие нескольких встретившихся купеческих обозов подтвердили, что мы на правильном пути и потихоньку настигаем китайских контрабандистов с русским революционером-убийцей. Разрыв сократился уже до двух часов. Контрабандисты также шли на пределе возможной скорости. Завтра, по моим расчётам, должны будем взять их в клещи с казаками-забайкальцами из станицы Головина, названной так в честь первого якутского воеводы. Лишь бы казачки не промахнулись. Амур здесь разветвляется до четырёх рукавов. Мы-то по следу идём, а им угадать надо или перекрывать все четыре возможных пути движения китайского обоза.

С утра рискнули и выступили ещё затемно, надеясь отыграть время. И не прогадали. Ближе к полудню увидели рядом с китайским берегом трое саней, кучку лошадей, среди которых укрывались, судя по всему, наши беглецы. Дорогу к дому им преградила шеренга казаков человек в двадцать, которые уложили своих коней на снег, лед и, укрывшись за ними, выцеливали противника. Огня пока никто не открыл.

Увидев такую картину, я дал шенкеля своему жеребчику и направил его к китайскому обозу. Мой десяток двинулся за мной, а я попросил Ли Юна, чтобы тот кричал на китайском, что мы никого из контрабандистов не тронем, нам нужен только беглый русский. После этого заорал сам:

– Казаки, я сотник Аленин! Не стрелять! Беглеца живым брать!

Вслед за мной заорал Ли. Моих познаний китайского хватило, чтобы разобрать «не стрелять», «вас не тронут», и всё. Однако китайские любители незаконной торговли его поняли. Стали по одному подходить к саням и складывать туда оружие, после чего и отходили в сторону.

Увидев такую картину, преградившие им путь казаки стали поднимать своих коней и неспешно двигаться в сторону обоза. Нам также оставалось до обоза метров шестьдесят, когда один из китайцев бросился бежать наискосок к китайскому берегу.

– Не стрелять! Живьем брать! – заорал я, разворачивая своего коня в сторону беглеца.

Обогнав меня, вперёд вырвались Чупров Феофан и Шохирев Гриша, размахивая арканами. Увидев эту картину, вернее всего, товарищ Иван чуть повернул в сторону и буквально полетел к китайскому берегу, до которого оставалось метров пятьдесят. С седла я увидел, что тот несётся прямо в большую полынью.

– Стой! – заорал я. – Там полынья! Утонешь!

Чуб, надав, вырвался вперёд и метнул аркан. Мимо. Следующий бросок сделал Шах, и петля лассо накрыла беглеца. Рывок. Падение тела, и в воздух полетели брызги воды, а тело товарища Ивана пропало из вида. Григорий, сориентировавшись, резко повернул в сторону, уходя от припорошенной снегом полыньи, разматывая аркан на всю длину. Остановил бег коня и потянул на себя верёвку.

В полынье показалась голова беглеца, уже без головного убора. Наконец-то я увидел лицо убийцы своей любимой женщины. Мужчина европейской наружности, лет сорока, с короткой причёской и бородой, свежим шрамом-порезом под левым глазом, смотрел серыми, как свинцовые облака, глазами на окружающих полынью казаков. Течение Амура пыталось утащить его под лёд, но накинутая верёвка аркана не позволяла этого сделать. Я спрыгнул с коня и осторожно пошёл к полынье.

Убийца перевёл взгляд на меня и усмехнулся. Я уставился в его глаза, пытаюсь что-то рассмотреть для себя. В ответ наткнулся на уверенный в себе и своей правоте взгляд товарища Ивана, который не только не отвёл свои глаза, а, наоборот, пытался что-то также рассмотреть во мне. Потом я увидел, как в его глазах зажглось торжество, беглец ещё раз усмехнулся, а затем мелькнуло лезвие ножа, перерезающее одним движением верёвку, и мой личный враг скрылся подо льдом.

Глава 14

Душевные беседы

– Тимофей Васильевич, как я рад вас видеть, – с этими словами штабс-ротмистр Савельев, встав со стула, вышел из-за стола и направился в мою сторону. – Снимайте верхнюю одежду и проходите. А я сейчас по поводу чая распоряжусь.

Поручкались, и, пока я стаскивал с себя свой гибрид из шкур красного волка, ушанку и всё это размещал на вешалке, а потом прилаживал назад портупею, Савельев успел отдать распоряжения и вернуться за стол.

– Проходите же, Тимофей Васильевич, рассказывайте. Судя по вашему внешнему виду, домой не заезжали?

– Да, я сразу к вам. Надо отчитаться по товарищу Ивану, который, к сожалению, покинул этот бранный мир, – с этими словами я присел на стул около стола Савельева и стал вынимать крышку из полого, деревянного цилиндра, внутри которого хранились мои бумаги.

– Тимофей Васильевич, вы же обещали привести его живым, – с упрёком сказал штабс-ротмистр, при этом с интересом наблюдая за моими манипуляциями.

– Владимир Александрович, поверьте, сам расстроен случившимся. Очень мне хотелось с ним пообщаться. Но кто же знал, что товарищ Иван решится покончить с собой, – я сожалеюще развёл руками, после чего подробно рассказал о наших приключениях и самоубийстве революционера-террориста.

Закончив свой рассказ, я выложил на стол главного жандарма Дальнего Востока листы бумаги, достав их из футляра.

– Вот показания казаков и китайских контрабандистов с переводом на русский язык. Кто смог, тот расписался, остальные пальцы в чернилах приложили. Шмуглеров я отпустил, но кое-что они интересное рассказали.

В этот момент мне пришлось сделать паузу, так как в кабинет принесли чай. Грея руки о подстаканник, сделал несколько глотков крепко заваренного чая. Насладился тем, как по телу потекла тёплая волна. Всё-таки почти пять суток на морозе пробыли. Тело просто хотело тепла. Ещё после одного глотка продолжил:

– Так вот, старшего этой команды контрабандистов, Ли Киу, товарищ Иван нашёл во Владивостоке почти два месяца назад. Этот китаец занимался контрабандой из Гирина во Владивосток через Хунчунь и обратно летом, а также из Гирина через Лахасусу в Благовещенск и назад зимой. В Хабаровск никогда не ходил. Но наш уже покойный знакомый предложил столько, что Ли Киу нанялся к нему на два месяца или больше, если понадобится. Вся задача Ли и его людей заключалась в том, чтобы находиться в Хабаровске в обусловленном месте и в любой момент быть готовым вывести трёх или четырёх человек в Китай. Поэтому Тифонтай их так долго и искал. Люди новые, нигде не светились. Кроме товарища Ивана китайцы больше никого не видели, – я перевёл дыхание, чем воспользовался Савельев.

– И как много заплатил?

– Да двести вот таких монеток, – с этими словами я положил на стол перед штабс-капитаном золотой соверен, или фунт стерлингов.

Увидев золотую монету с изображением королевы Виктории, Савельев от удивления аж присвистнул. После чего, смутившись от своего ребячества, спросил:

– И сколько это в рублях будет?

– Если золотыми, то чуть больше восьмисот рублей, а бумажными почти тысяча триста будет. Неплохой заработок за два месяца, – ответил я удивлённому Владимиру Александровичу. – На этом мои новости заканчиваются. Больше ничего интересного установить не удалось.

– Тогда я поделюсь с вами информацией, которую накопили за эти дни, – Савельев хлебнул из стакана чая, на мгновение задумался, а потом, улыбнувшись, продолжил: – Помните, Тимофей Васильевич, вы лжеангличанина Димой Белкиным обозвали? Почти угадали. Сергей Иванович Белков, уроженец Тамбовской губернии, двадцати семи лет от роду. Отец – богатый помещик, с которым сын разругался из-за молодой крестьянки. И сыну, который приехал отдохнуть в родное имение после четвёртого курса Московского университета, и отцу понравилась одна и та же девушка. Крепостных у нас как бы теперь и нет, но финансовая зависимость иногда ставит крестьян в ещё более тяжёлое положение перед бывшими хозяевами. В результате девушка пошла в гарем к отцу, а сынок мгновенно стал после этого

революционером. Ограбив папашу на несколько тысяч рублей, прихватив всё, что хранилось наличными дома, Серёжа Белков три года назад морским путём из Одессы добрался до Европы. Вспомнив, что когда-то по соседству с ними жило семейство Плехановых, направил свои стопы к Георгию Валентиновичу в Швейцарию. Расчувствовавшийся господин Плеханов принял молодого революционера-земляка под свою опеку.

– И как поживает господин Плеханов сегодня? Какие свежие новости от Бекхэма-Белкова узнали? – перебив Савельева, заинтересованно спросил я.

– Да всё так же. Вы же читали справку о нём в бюллетене. Порвав с народничеством в восемьдесят третьем году, Плеханов совместно с Аксельродом, Засулич, Дейчем и Игнатовым организовал первую русскую социал-демократическую марксистскую организацию «Освобождение труда». Вот и пишет сейчас различные работы, доказывая, что движущей силой русской революции является пролетариат. Если раньше полностью отрицал террор, то теперь отводит ему значительную роль в революционной борьбе. А вы к чему вопрос задали?

– Да посмотрел на соверен и подумал о том, что господин Плеханов в семьдесят шестом году был отчислен из Петербургского горного института за невнос платы за обучение. Потом, нигде не работая, как-то ещё четыре года жил в России, занимаясь революционными делами, на какие-то деньги смог уехать в Швейцарию. И вот уже тринадцать лет живёт там припеваючи, закончив Сорбонну и Женевский университет. На Петербургский денег не было, а там на два университета хватило. Извините, Владимир Александрович, накатило, и просто не удержался от вопроса.

Савельев задумчиво посмотрел на меня, хмыкнул и с какой-то вопросительной интонацией произнёс:

– Но он же там труды переводит, издаёт свои работы.

– Владимир Александрович, это до поступления в университеты или после? Первый том «Капитала» Маркса был издан тиражом всего в тысячу экземпляров и на деньги Энгельса. Но это серьёзный труд по политической экономии. Каким тиражом надо напечатать труд Плеханова с его рассуждениями о движущей силе революции в

России, чтобы книга окупилась? По мне, так издателю ещё и приплатить надо, чтобы кто-то решился это напечатать.

– Тимофей Васильевич, давайте не будем отвлекаться, хотя тема денег у революционеров сама по себе очень интересна, – Савельев мотнул головой и снова хмыкнул. – Но вернёмся к нашему делу.

Я согласно кивнул головой, делая очередной глоток чая. Кажется, начал согреваться.

– Около пяти месяцев назад господин Аксельрод в одном из пансионатов в Альпах представил Белкову товарищей Ивана, Петра и Николая, а также товарища Степана, который и руководил подготовкой покушения на цесаревича. Иван, Пётр и Николай уехали из пансионата на три недели раньше, а Сергей Иванович, или товарищ Корней, направился следом за ними на Дальний Восток по маршруту Марсель – Порт-Саид, где была осуществлена пересадка на российский пароход, идущий во Владивосток. На чём и как прибыли трое других товарищей на Дальний Восток, он не знает.

– И что же подвигло Белкова принять участие в покушении? Он что, не понимал, что это для него смертный приговор? – вновь перебил я Савельева.

– С его слов, Тимофей Васильевич, когда он познакомился с товарищем Степаном и товарищем Иваном, то понял, что обратной дороги нет. Это были настоящие фанатики террора. Если бы он отказался после того, как узнал, что им придётся сделать, то его, вернее всего, убрали бы свои же.

Я недоверчиво хмыкнул, хотя и подумал про себя, что такое было бы возможным.

– Тимофей Васильевич, я думаю, так и было бы. Из показаний Белкова я понял, что в эту боевую группу вошли как бы два поколения революционеров. Первое – молодёжь, это Белков и товарищ Николай. Последний должен был бросать бомбу в цесаревича. В общем, расходный материал. Товарищ Пётр – вы правильно тогда определили роли – был химиком, который должен был изготовить бомбы. А товарищ Иван его охранял. Эти товарищи, как и товарищ Степан, из первого поколения революционеров-народовольцев. По показаниям Сергея Ивановича, все в возрасте от сорока пяти до пятидесяти лет. Имели отличные навыки по конспирации, изготовлению бомб, жизни на нелегальном положении. Все знали несколько языков, уверенно

владели оружием. По стрельбе из винтовки Белкова натаскивал товарищ Иван. По его мнению, Иван из бывших офицеров. Также хорошо владел револьвером и кинжалом.

Савельев замолк и сделал пару глотков уже почти остывшего чая, после чего продолжил:

– Я помнил о вашей просьбе выяснить причину, из-за которой была убита Дарья Ивановна. Из всех допросов Белкова на эту тему у меня сложилась следующая гипотеза, верная или нет, не скажу. Подтвердить её теперь некому, – штабс-ротмистр допил остатки чая и, отставив стакан в сторону от себя, решительно произнес: – Тимофей Васильевич, вы слышали о Гесе Гельфман?

– Да, Владимир Александрович. Генерал Черевин во время обучения давал мне для ознакомления материалы дела первоартовцев. Её приговорили к смертной казни, но из-за беременности та была отсрочена. А после родов Гельфман умерла от родильной горячки в тюрьме.

– Если кратко, то всё верно. На суде так до конца и не было установлено, чьей гражданской женой была Геся Гельфман, то ли Саблина, то ли Колодкевича. Один застрелился при задержании. Второй уморил себя голодом в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. Родившаяся дочь умерла через несколько месяцев. К чему я вам всё это рассказываю, Тимофей Васильевич, – штабс-ротмистр пожевал губами, как это он всегда делал, когда был взволнован. – У Колодкевича, насколько я помню, был родной брат Иван Николаевич. И, по-моему, он и был товарищем Иваном. Такие выводы я сделал из нескольких фраз Ивана, о которых рассказал Белков.

– Владимир Александрович, получается, что убийство Дарьи было мстью мне? – я удивлённо посмотрел на Савельева. – Как-то я мелковат для мести революционеров, которые нацелились на цесаревича!

– Тем не менее я отвечу положительно, Тимофей Васильевич. Товарищ Иван чудом остался жив при взрыве дома, где в отсутствие хозяина товарищ Пётр готовил бомбы на основе нитроглицерина. Буквально за пятнадцать минут до этого непредвиденного события Пётр отправил его за молоком, так как немного отравился парами кислоты. Возвращаясь от соседей через два дома с молоком, Иван

увидел, как Михайлов и трое городских входят в дом, потом услышал выстрел, взрывы. У товарища Ивана небольшая контузия, ушибы и порез на щеке под левым глазом.

Я неотрывно смотрел на Савельева, который продолжал свой рассказ. Из дальнейшего повествования штабс-ротмистра мне стало ясно, что товарищ Иван после незапланированного взрыва, в котором погибли два террориста, дал команду Бекхэму-Белкову готовиться к выстрелу в цесаревича. Точнее, стрелять они будут оба в ближайшие дни. А на следующее утро на рынке Ивану стало известно из сплетен, которые просто начали гулять среди его посетителей, что основным виновником взрыва являюсь я, так как по моему прямому указанию начался поиск злоумышляющих на самого наследника престола. Вот какой казак Аленин молодец, всех жандармов и полицейских за пояс заткнул, с самим цесаревичем за одним столом сидит и такое прочее. А потом на рынке, как назло, появилась Дарья, и у товарища Ивана, видимо, перемкнуло что-то в голове, и он решил отомстить за своего брата, его жену, племянницу и товарищей.

Несколько притянуто за уши, конечно. Но после убийства товарищ Иван посетил Белкова и сообщил, что всё отменяется, и они немедленно уходят за границу. На вопрос товарища Корнея, что случилось, Иван ответил, что ещё раз отомстил за Колю и Гесю, пускай теперь некоторые узнают, какво терять близких людей. После этих слов ушёл в китайский квартал. Сергей Иванович должен был через час присоединиться к нему и контрабандистам на выезде из города на реку Амур. Но тут к нему нагрянул жандарм, от предложения которого лжеангличанин не смог отказаться. В результате остался жив. Надеюсь, что временно. Вот такую гипотезу мотива убийства Дарьи вывалил на меня штабс-ротмистр. Вполне стройную, но с большими, я бы даже сказал, с очень большими допущениями. Жаль только, что теперь точно не узнаем, почему была убита Дарья.

– В общем, Тимофей Васильевич, я отправил в Черниговскую губернию запрос о семье Колодкевича. Ответ, возможно, подтвердит мою гипотезу, – закончил повествование Савельев.

– Спасибо, Владимир Александрович. А что удалось установить по смерти Беркмана и его служанки?

– Есть только показания Белкова. А он эти сведения получил от товарища Ивана, так как в целях конспирации с товарищами Петром и

Николаем не общался. Да те и не выходили из дома практически. Из этих показаний следует, что Иван и Пётр встречались с Беркманом, передали ему привет от старых друзей и попросили помочь с реактивами. Бывший политкаторжанин им отказал. В день убийства врача с ним встречался только Иван, который пришёл попросить помочь хотя бы с лабораторной посудой. После очередного отказа между ними произошла ссора. Иван нечаянно толкнул Беркмана, и тот, скатившись вниз по лестнице, сломал себе шею.

– Как-то удачно нечаянно толкнул, – я недоверчиво покрутил головой.

– Согласен, Тимофей Васильевич. Особенно если узнать, что Глафиру Петровну товарищ Иван убил только из-за того, что та видела, как он выходил из дома, где остался мёртвый Беркман.

– Об этом тоже рассказал Белков? – поинтересовался я у Савельева.

– Да, он. Иван попросил его отслеживать слухи, которые могут пойти в городе после смерти врача и его служанки.

– Жалко их, ни за что погибли. Хотя, если бы Иосиф Брониславович наступил на горло своей революционной совести и пришёл к вам, Владимир Александрович, то они могли остаться живыми, – произнёс я.

– Когда эти нигилисты-бомбисты кого жалели?! – зло произнёс штабс-ротмистр.

– Не скажите, Владимир Александрович. На судебном заседании по первомайцам господин Кибальчич заявил, что он рассчитывал бомбы таким образом, чтобы поражающий эффект был не больше сажени. Так много раненых и погибших при последнем покушении на Александра Второго было вызвано только тем, что народ окружил царя.

– Вы мне ещё об их жалости скажите, когда Александр Ульянов бомбы отравленными стрихнином самодельными пулями снаряжал, – ещё более злым голосом буквально выплюнул предложение жандарм.

Вот тут мне сказать было действительно нечего. Когда я узнал, что так оно и было, то был ошеломлён данной информацией. Чтобы специально отравлять поражающие элементы бомбы?! До такого даже исламские фанатики в двадцать первом веке не дошли. Вот такой был старший братец у будущего вождя революции, который ровно через шесть лет после первомайцев захотел с друзьями взорвать

следующего, ныне здравствующего российского самодержца. А чтобы наверняка, бомбы ещё и стрихнином зарядили.

– Владимир Александрович, если откровенно, то я тех, кто может так легко убивать женщин и снаряжать бомбы отравленными пулями, вообще за людей не считаю. Отстреливал бы таких, как бешеных собак. Но закон есть закон, – тяжело вздохнув, я продолжил: – Ещё один вопрос, Владимир Александрович. Сколько денег нашли у Белкова? И паспорт у него настоящий?

– Паспорт настоящий. Чему я сильно удивлён, – ответил штабс-ротмистр. – Из показаний Белкова, его ему вручил товарищ Степан. Денег – больше пяти тысяч рублей. Были и золотые соверены. Но в основном кредитные билеты. А к чему эти вопросы?

– Владимир Александрович, больше месяца люди проживают в пансионате в Альпах. Думаю, не дешёвом, и вряд ли нам с вами по карману. Потом путь из Швейцарских Альп через Марсель и Порт-Саид во Владивосток. Если сможем проверить, то наверняка в каюте первого класса. Настоящий паспорт подданного Великобритании. Я не видел, но представляю, что и оружие у Белкова дорогое, если судить по воздушной винтовке Жирардони. Такой экземпляр оружия к раритетам относится, и сколько стоит, я даже не представляю. Здесь Белков проживает не в бедном номере. Имеет наличными пять тысяч рублей. Это моё, да и ваше жалованье за четыре года. А если предположить, сколько Бекхэм-Белков потратил за последнее полгода при подготовке к покушению, то и за все десять-пятнадцать лет выйдет, – я развёл руки в стороны. – Вы представляете, Владимир Александрович, какое финансирование и уровень подготовки данного покушения, если всех участников взять?

– Тимофей Васильевич, вы опять к презренному злату вопрос повернули, – усмехнулся Савельев.

– Владимир Александрович, вы читали воспоминания господина Кравчинского, который убил генерала Мезенцева?

– Это наш любезный Сергей Михайлович? По которому верёвка плачет? – с усмешкой уточнил штабс-ротмистр.

– Он самый, Владимир Александрович. Кстати, закончил Орловский кадетский корпус, потом Михайловское артиллерийское училище, в семидесятом году получил чин подпоручика. После года службы ушёл в отставку. А генерал-адъютанта Мезенцева так же, как и

товарищ Иван, убил ударом кинжала. Но я не об этом, – я рукой показал, что понял невысказанный штабс-ротмистром вопрос. – В мае восемьдесят второго в Милане на итальянском языке вышла книга Кравчинского «La Russia sotteranea». Мне довелось почитать её перевод. Полковник Ширинкин поспособствовал. И меня там очень удивила одна информация. Автор описывает, что на Александра Второго готовилось пять покушений с применением динамита во время его обратного путешествия из Крыма в Петербург. При этом Сергей Михайлович упоминает, что работа по прорытию московского подкопа вместе с двумя другими железнодорожными покушениями, подготовлявшимися к ноябрю, обошлась всего от тридцати до сорока тысяч рублей, включая сюда и разъезды. То есть за два месяца Кравчинским, который готовил эти три покушения, были потрачены огромные деньги. Наше тридцатилетнее жалованье. При этом он считает эту сумму небольшой, хотя до этого пишет, что нигилистам-революционерам приходится за каждой сторублевой бумажкой бегать, высунув язык.

– Я читал эту книгу, Тимофей Васильевич. И в курсе, что её очень высоко оценили как за рубежом, так и наши либералы, включая Тургенева и Толстого. Но я не пойму, к чему вы клоните.

– Владимир Александрович, если взять и хотя бы примерно прикинуть, сколько денежных средств затратили революционеры-террористы на свои попытки терактов, не считая всего остального, то получится сумма, которую трудно объяснить жертвованиями сочувствующих революционному движению людей. А наши погибшие террористы и захваченный Бекхэм-Белков просто вопят о том, что за их спиной стоит государственная машина или банковский капитал, – я резко выдохнул и замолчал.

– Вы хотите сказать, что за революционерами стоят... – штабс-ротмистр замолчал и, взяв со стола золотой соверен, показал мне профиль королевы Виктории.

– Я думаю, что это самый вероятный кандидат. Но на эту тему мы, действительно, поговорим в другой раз. Уже начало смеркаться, а я хочу успеть заехать на кладбище. На похороны не попал, так сегодня бы успеть, не тянуть до завтра.

– Тимофей Васильевич, я вас понимаю. Могу сказать, что похороны и поминки были достойные. Народу было много. Но всё

прошло хорошо. Арсений Георгиевич всё отлично организовал.

– Тогда я вас покину, Владимир Александрович, – с этими словами я направился к вешалке.

Выйдя из здания, я взгромоздился на коня и отправился на кладбище. Сторож указал мне могилу, перед которой я простоял, пока окончательно не стемнело. Мысленно просил у Дарьюшки прощения, что не уберёг, не смог присутствовать на похоронах, убийцу живым не взял и ещё множество каких-то мыслей, которые через некоторое время и не мог вспомнить. Кажется, по моим щекам текли слёзы, замерзая на щеках, но я этого не замечал. Только сейчас и здесь понял, что всё – моей Дарьи, моей Куен Ионг, моей «смелой птички» нет и уже никогда не будет.

Домой вернулся, когда на небосводе ярко светила луна. Коня во дворе принял денщик, который, предупреждённый братьями, прогрел комнаты в доме и истопил баню. На столе в передней комнате нашёл записку от Арсения, в которой купец сообщил, что похороны и поминки провёл. На девяти днях его не будет, так как коммерческие дела зовут в Благовещенск, но он оставил денег Филатьевой, как двоюродной сестре, если я вдруг не вернусь к этому времени.

Взяв в комод чистое исподнее и шаровары, я пошёл в баню. Когда, пропарившись и помывшись, вернулся в избу, на столе меня ждал ужин. Основное блюдо – тот же кулеш из пшенки, сала и мяса, которым питался последние пять суток. Для разнообразия свиной рулет из печи, солонина и ещё горячая краюха ржаного хлеба. Сам готовил денщик или кого-то пригласил для стряпни, меня как-то не заинтересовало. Во рту с утра не было маковой росинки, и в животе настойчиво бурчало.

Достав из буфета два стакана, налил в них водки. Потом отрезал два куска хлеба и одним из кусков накрыл стакан для Дарьи. Только примерился к своей порции, как в комнату влетел денщик с круглыми от изумления глазами.

– Там... Это... Сам... – на третьем слове казак Игнатов, который был выделен мне в денщики, окончательно завис.

Хотя в восемьдесят первом году название «денщик» было отменено и было приказано впредь назначать генералам, офицерам и чиновникам прислугу из общего числа строевых нижних чинов. Постарому эту прислугу продолжали называть денщиками. Мне достался

казак второго срока службы Игнатов Василий Петрович, которому было уже за тридцать, и в строевом разряде ему оставалось служить чуть больше года. Старательный, но немного тормознутый или прикидывался таким. Впрочем, все дела, к которым я его раньше привлекал, это воды натаскать, дров наколоть, печи в комнатах и бане истопить да за конями ухаживать. У самого и времени на это не было, да и не по чину теперь такие хозяйские дела были.

– Игнатов, ваша речь очень информативна, – я поставил стакан с водкой обратно на стол. – А теперь соберитесь с силами и доложите, как положено.

Игнатов, растерянно хлопая глазами, пару раз прерывисто вздохнул, но произнести ничего не успел, так как из сеней в заднюю комнату через открытую дверь повалили клубы холодного воздуха, а я, услышав фразу «есть кто дома», начал, как мой денщик, усиленно хлопать глазами.

«В гости пришёл цесаревич, а я в одной нательной рубашке, домашних шароварах и носках, – эта мысль вбила меня в ступор, а потом я скомандовал себе: – Хоре тормозить, встречай высокого гостя. Не каждый день к тебе домой наследник российского престола заходит, точнее, впервые. Опять слухи по городу пойдут».

Я вышел в заднюю комнату, куда уже ввалились цесаревич и ротмистр Волков. Следом зашли двое казаков конвоя из кубанцев, которые занесли две корзины. Поставив их на пол, причём в одной звякнуло, казаки вышли в сени, затворив за собой дверь.

– Тимофей Васильевич, мы к вам, как татары, незваными в гости явились. Не прогоните? – улыбаясь, спросил Николай.

– Ваше императорское высочество, Евгений Николаевич, я рад видеть вас у себя. Прошу простить за мой внешний вид. Раздевайтесь, вот вешалка, – я показал гостям, куда было можно повесить верхнюю одежду. – Игнатов, чуни гостям неси, они за голландкой стоят.

Отдав команду денщику, я направился к шкафу, где висела моя форма, и быстро накинул на себя мундир. Пока приводил себя в относительный порядок, гости разделись, переобулись и, подхватив по корзинке, по моему приглашению направились в переднюю избу. Увидев на столе накрытый хлебом стакан, наместник грустно и душевно произнёс:

– Да, Тимофей Васильевич, вам обязательно надо помянуть Дарью Ивановну, даже нарушая церковные каноны по помину. На похоронах вас не было.

– Как раз собирался это сделать, ваше императорское высочество. Извините за столь скудные яства, но, как говорится, чем богаты, тем и рады. Прошу к столу.

– Ничего, мы тут со своим, – вступил в разговор Волков, водрузив свою корзину на стол и доставая из неё небольшие судочки, от которых по комнате поплыл аромат чего-то вкусного. – Мы в ресторан заглянули предварительно, так что насчёт яств не волнуйтесь. Давайте, посуду несите.

Накрывать на стол пришлось самим. Игнатъев как впал в полуобморочное состояние при виде цесаревича, так и не смог из него окончательно выйти. У казака всё валилось из рук. Он хоть и состоял в конвое, но службы не нёс, наследника престола видел несколько раз, да и то издали. А тут он рядом. Ещё чего-то и спрашивает. В общем, после просьбы Николая к Игнатъеву принести столовые приборы, Василия Петровича пришлось просто выпихнуть из дома. Ложки с вилками от буфета тот не донёс, уронил по дороге.

Наконец суета по накрыванию стола закончилась, и мы выпили за помин души Пак Дарьи Ивановны, моей «смелой птички». Закусили, налили по следующей, причём каждый наливал себе сам и свой напиток. Я после водки перешёл на вишнёвый ликёр, который оказался в корзинке у Николая, цесаревич пил свой любимый портвейн, а Волков – коньяк.

После третьей, когда был утолён первый голод, Волков задал вопрос:

– Тимофей Васильевич, как же вы товарища Ивана упустили-то?

Я удивлённо посмотрел на ротмистра и цесаревича.

– Не удивляйтесь, Тимофей Васильевич, – произнёс наместник. – У меня сегодня с докладом был штабс-ротмистр Савельев. Он и довёл информацию о вашем прибытии в город и всё остальное, а Евгений Николаевич при этом присутствовал.

– Ваше императорское высочество, когда китайские контрабандисты стали сдаваться, а этот Иван побежал в сторону полыньи, я подумал, что он её просто не видит. А оказалось, он таким образом хотел покончить с собой, чтобы не попасть к нам в руки.

Казак Шохирев смог беглеца заарканить, но тот всё равно попал в полынью. Лёд начал трещать, поэтому Григорию пришлось отпустить веревку аркана на всю длину, отъезжая от открытой воды, чтобы самому не провалиться. Видимо, в этот момент товарищ Иван смог освободить руку и достать кинжал. А дальше, когда я подошёл поближе к полынье, чтобы определиться, где крепче лёд и куда тащить террориста, тот одним движением кинжала перерезал веревку, и его течением уволокло под лёд. Далее по реке открытой воды не было. Сплошной лёд. Казаки проверили почти две версты. Вот так и упустили террориста. Не повезло нам с этой полыньей, – я замолк, вспоминая торжествующий взгляд убийцы Дарьи перед своей смертью. – Хотя если человек решил умереть, его трудно остановить.

– Кем же надо быть, чтобы на такую лютую смерть пойти? Прости, Господи, его грешную душу, – произнёс, крестясь, Волков.

Следом за ним наложил на себя крест и цесаревич.

– Бог, может быть, и простит. Он у нас всепрощающий. А я нет, – с этими словами я так сжал кулаки, что костяшки побелели. – Повезло товарищу Ивану, легкой смертью отделался.

– Разделяю ваши чувства, Тимофей Васильевич. Мне стыдно признаться, но если бы вы только знали, как я радовался, когда казнили убийц моего дедушки, – зрачки у Николая расширились, а крылья носа гневно расшиперились. – Да и казнь тех, кто покушался на моего отца шесть лет назад, воспринял с глубоким удовлетворением.

– За здоровье государя императора, – Волков поднялся, держа в руках бокал с коньяком.

Следом за ним вскочил я, одновременно наливая себе ликёра. Неспешно встал со стула Николай.

– Да! Давайте выпьем за здоровье моего отца. Дай бог ему долгих лет жизни. Мне очень не хотелось бы его потерять. Особенно от рук каких-нибудь террористов-революционеров. Деда хватит, – наследник российского престола выпил и опустился на стул. – Такое ощущение будто бы на нас охоту устроили. Я помню, как бесился отец, когда мы обосновались в Гатчинском дворце после смерти деда, говоря, что прячемся от своего народа.

– Не от народа, ваше императорское высочество, а от бесов, как их назвал Достоевский, – выпитый коньяк начал действовать на ротмистра, сказавшись на говорливости. – Я вот, например, не пойму,

чего они хотят добиться, убивая российских императоров. Убили народовольцы, ваше императорское высочество, вашего деда, так ваш отец практически полностью уничтожил эту организацию. Шесть лет назад последнюю террористическую фракцию Ульянова повесили. Теперь только за границей и спасаются. Не дай бог, конечно, но если убьют императора Александра Третьего, вы, ваше императорское высочество, разве террором на их террор не ответите за смерть отца?

– Отвечу, Евгений Николаевич! Не дай бог, конечно, но отвечу, от всей души, – Николай непроизвольно потёр место на голове, куда пришёлся удар японской сабли. – На деда было шесть или восемь покушений, всё зависит, как считать неудавшиеся, на отца два, а на меня уже три.

– Значит, крушение императорского поезда все-таки террористический акт, ваше императорское высочество? – с подогретой алкоголем непосредственностью задал вопрос Волков, а я весь мысленно подобрался, ожидая ответа.

– Меня в этом генерал Черевин убедил, – ответил ротмистру цесаревич. – Пётр Александрович также проводил негласное расследование данного события. Не знаю, какие мысли о результатах этого расследования у императора, но меня, ещё раз повторю, Пётр Александрович убедил, что это было покушение на всю нашу царскую семью. Хм-м... Тогда меня четырежды уже пытались убить.

Николай зябко передёрнул плечами, налил себе в бокал немного портвейна и опрокинул его в рот. После этого посмотрел на меня абсолютно трезвым взглядом и произнес:

– Два раза вы меня уже спасаете, Тимофей Васильевич, – цесаревич с какой-то непонятной усмешкой продолжил: – Я сначала не поверил вашему выводу по фактам смертей доктора и его служанки, что к этому причастны революционеры. Генерал Духовский и барон Корф также были скептически к этой версии. А оказалось всё правдой. Отцу я уже направил прошение о награждении отличившихся, но это всё будет официально. А сейчас я хотел бы поблагодарить вас лично в неформальной обстановке. Я очень ценю то, что вы для меня сделали, и сочувствую вашему горю от той потери, которую вы понесли, защищая меня. Я видел, каким вы были счастливым последние месяцы, и не представляю, что можно чувствовать, когда теряешь

любимого человека навсегда. Я Аликс хотя бы смогу когда-нибудь увидеть на каком-нибудь официальном мероприятии, а вот вы...

Мои ладони опять сжались в кулаки, и я непроизвольно повертел головой, как будто бы меня душил воротник. Проглотив застрявший в горле ком, я произнёс:

– Большое спасибо, ваше императорское высочество, за ваши слова и ваше отношение ко мне. Я этого никогда не забуду, – я замолчал, а потом продолжил, подумав про себя, что лучшего случая не представится: – И ещё, ваше императорское высочество, если зашла речь об отличившихся, прошу вас своею властью наградить Цзи Фэнтая, или, как его здесь зовут русские, Тифонтая. Именно он установил, где скрывался товарищ Иван и каким образом тот скрылся из города. Также Тифонтай выделил проводника из своих людей, который нам помог быстро и без крови договориться с контрабандистами.

– И как мне его наградить? – заинтересованно спросил цесаревич.

– Ваше императорское высочество, прошение Тифонтая о даровании ему российского подданства лежит у вас в канцелярии. Ему уже три раза отказывали, так как он хотел при этом сохранить своё вероисповедание. Он буддист. А детей он окрестит в православие. Сам не хочет креститься не из-за такой уж сильной веры. Просто, отрезав косу, он потеряет много партнёров с той стороны границы.

– Думаю, не такая это и проблема, чтобы её не решить. У нас поданных какой только веры нет в государстве. А купец и даже здесь купец, – усмехнулся Николай. – А за такую помощь надо обязательно наградить.

– Это точно! За это надо выпить, – произнёс Волков и набулькал себе в стакан приличную дозу коньяка.

«Кажется, Остапа понесло, – подумал я, глядя на пьянеющего на глазах Волкова. – Да и мне надо притормозить, всё-таки почти двести граммов водки, да и ликёра уже граммов сто пятьдесят на грудь принял. Чувствую, тоже развозить начинает».

– Поддержу. Давайте ещё по чуть-чуть, – после этих слов цесаревич выразительно посмотрел на ротмистра. – И будем домой собираться. Вы завтра, Тимофей Васильевич, на службу можете не приходить. Я думаю, вам надо свои дела в порядок привести.

После этих слов Николай выпил, а мы с Волковым его дружно поддержали. Цесаревич, закусив, опять посмотрел на меня абсолютно трезвым взглядом и задал неожиданный вопрос:

– Тимофей Васильевич, а вы что делали, когда узнали о крушении поезда и нашем чудесном спасении?

– Ваше императорское высочество, мне тогда всего четырнадцать лет было. Когда до нас дошла информация об этом событии, в станичной церкви была большая служба, а потом гулянье.

– И почему одни хотят убить государя и его семью, а другие радуются их счастливому спасению? Причём и те, и другие – русские люди, – грустно спросил Николай.

– Бесы они, бесы. Вот это всё и объясняет. Государственность хотят порушить. Неужели вы думаете, что они действительно пекутся о благе народа? Да свобода им нужна, чтобы тех же девочек двенадцатилетних соблазнять да похоть свою тешить, как у Достоевского описано, – несколько эмоционально начал Волков. – Половина, если не больше, из этих революционеров содомиты. Вот и надо им устранить те препоны, которое создает государство в виде обязательных законов и системы наказания за их несоблюдение. Не будет государства, можно будет творить, что хочешь. Быть полностью свободными в своих хотениях. А ещё лучше, если создать такое государство, где сами будут свои законы принимать. Вот там эти бесы развернулись бы по полной.

Я вздрогнул, слушая этот горячий монолог ротмистра, которому последний бокал коньяка, на мой взгляд, был уже лишним. Вздрогнул от того, что в этот мир я попал из мира, где, как мне кажется, правили бесы.

– Евгений Николаевич, всё! Давайте собираться, – цесаревич поднялся из-за стола. – А вы, Тимофей Васильевич, как я уже сказал, завтра от службы освобождаетесь, а вот послезавтра к вечеру я хотел бы услышать от вас стройную систему доводов, согласно которым российских революционеров финансируют иностранный банковский капитал или Лондон. Штабс-ротмистр Савельев доложил мне и об этом.

Я удивлённо посмотрел на цесаревича и произнёс только то, что мог произнести:

– Слушаюсь, ваше императорское величество.

– Не удивляйтесь так, Тимофей Васильевич. Мне хочется выслушать ваши аргументы. Кстати, генерал Черевин высказывал что-то похожее. Так что вы не одиноки в своих выводах.

«А Николай всё больше и больше становится не похожим на того человека, о котором писали в моём времени, – думал я про себя, наблюдая за тем, как одеваются мои неожиданные гости. – Сегодня пару раз так посмотрел на меня, что хотелось вскочить и вытянуться во фрунт, докладывая обо всех своих прегрешениях. А со мной такое редко случалось. Вот вам и рохля. И задание очень интересное дал. Придётся завтра заняться политической экономией революционного движения».

Глава 15

Политэкономия революционеров

«Нас утро встречает прохладой», – мурлыкал я про себя, делая разминочный комплекс. Комнаты за ночь выстудились, и температура в помещениях была где-то градусов двенадцать.

Закончив укороченную на сегодня зарядку – головушка после вчерашнего возлияния побаливала, – с наслаждением умылся. После этого, не дожидаясь денщика, растопил голландку, позавтракал остатками вчерашнего застолья. В конце завтрака прибыл Игнатов. Нагрузив его поручениями по хозяйству на сегодняшний день, я оделся и отправился к жандармам.

Савельев был уже на месте и к моей просьбе выделить мне кое-какие документы для подготовки доклада Николаю отнёсся с пониманием, даже извинился за то, что вчера довёл до цесаревича мои измышления по поводу финансирования революционеров. Прощение от меня Владимир Александрович получил, а заодно ещё одну просьбу – дополнительно допросить Белкова и сделать запрос в Благовещенск, чтобы опросили господина Нино. При этом я передал штабс-ротмистру список вопросов, которые меня интересовали. Прочитав вопросы, Савельев хмыкнул и произнёс:

– Тимофей Васильевич, Эмиля Францевича уже опросили, и он подтвердил, что его трое гостей представились агентами фирмы «Бриторус» в Лондоне. Извините, что не сообщил вам об этом вчера. Но, судя по вашему списку вопросов, кое-что мы упустили. Сегодня же отправлю новый запрос в Благовещенск. Надеюсь, что господин Нино ещё там, а не отправился назад в Хабаровск. И ещё, Тимофей Васильевич, я надеюсь, вы меня ознакомите с документом, который будете готовить для заместника?

– Общую концепцию, Владимир Александрович, вы уже слышали. А в докладе постараюсь представить факты, которые пусть и косвенно, но подтверждают мою гипотезу. Не исключаю, что выглядеть это будет наивно.

– Всё равно хотелось бы ознакомиться потом с этим документом. Я могу надеяться?

– Владимир Александрович, мне нечего скрывать. Конечно, я ознакомлю вас с тем опусом, который успею создать, – ответил я штабс-ротмистру.

Получив от Савельева все необходимые документы и пообещав зайти после обеда за данными допроса Белкова, отправился домой, готовить доклад. Дома было уже тепло. В окна через занавески пробивались лучи восходящего солнышка, освещая комнату. Сел за стол, на который до этого положил документы, полученные от главы жандармов Дальнего Востока. Взял в руки лист бумаги и положил его перед собой. После этого карандашом разлиновал лист на шесть колонок. Отчеркнув первую строку, записал в графах по очереди: революционер, годы жизни за границей, его деятельность, события в России, мировые события, кому выгодно.

«Ну, что же, приступим, господа, – подумал я про себя, ещё раз рассмотрев столбцы на листе бумаги. – Начнём рассматривать противостояние Британии и России за последнее столетие. Противостояние морской и континентальной держав, которое чаще всего со стороны британцев было тайным и действенным. Про Павла I и английского посла Уитворта и „революционеров-генералов“ писать лучше не буду. Насколько я понял из бумаг в канцелярии генерала Черевина, истинная причина смерти императора Павла I до сих пор под грифом „совершенно секретно, после прочтения съесть“. Шутка такая. Апоплексический удар от удара табакеркой или сильно затянутого шарфа на шее – данные из моего времени. А здесь, не дай бог, ляпну правду, самого апоплексический удар в двадцать лет разобьет. Декабристов тоже опускаем. Петрашевцы за границу не ездили, инструкций не получали. Их деятельность можно оценить как угар от революционного движения в Европе, которое было в те годы. В своей основе вся деятельность петрашевцев – это „кухонное“ обсуждение властей в Российской империи, их продажности и косности. И кто же тогда становится первым революционером с поддержкой иностранного капитала? Конечно же, Александр Иванович Герцен. Какая сука разбудила Герцена? Или Ленина? Точно не помню, откуда эти строки, но Герцена разбудили зря».

Записав в первый столбик данные на Герцена, во втором написал: девятнадцатого января одна тысяча восемьсот сорок седьмого года выехал за границу и назад в Россию больше не возвращался. Герцен у

нас первый официальный политэмигрант, которому Николай I отдавал личные распоряжения и приказы вернуться на родину. После мартовского манифеста российского императора сорок восьмого года, в котором тот осуждал революционную крамолу в Европе и рекомендовал-приказал своим подданным вернуться домой, почти тридцать тысяч россиян вернулись, выполнив указание своего государя, а Герцен нет. Устав уговаривать своего подданного, Николая I дает указание наложить запрещение на имущество Герцена, которое оценили в триста тысяч серебром. Восемнадцатого декабря одна тысяча пятидесятого года Петербургский уголовный суд постановил «подсудимого Герцена, лишив всех прав состояния, признать за вечного изгнанника из пределов Российского государства». Был наложен арест и на капиталы матери писателя, Луизы Ивановны.

Я перелистнул ещё раз пару документов отдельного корпуса жандармов. Вроде бы всё верно. Итак, казалось бы, франковский миллионер Герцен приказал долго жить. Но тут на сцену выходит барон Джеймс Ротшильд – представитель банкирского дома Ротшильдов во Франции. Первый богач республики с состоянием в шестьсот миллионов франков на сорок восьмой год. До этого первым по богатству был французский король, но его не стало после революции в том же году. И вот здесь у меня возникает вопрос, каким образом сложились взаимоотношения между Герценом и Ротшильдом? Как они встретились?

Документы из отдельного корпуса жандармов фиксируют, что Герцен продал Ротшильду билеты московской сохранной казны, принадлежащей его матери, на сумму чуть больше одного миллиона франков. Ротшильд выплатил всё писателю, а потом потребовал оплаты билетов со всеми причитающимися процентами у своего русского контрагента. Тот ответил, что этого сделать не может в силу запрета властей. В ответ барон Ротшильд пригрозил бойкотом России со стороны международных финансовых институтов и отказом в займе на достройку железной дороги Москва – Санкт-Петербург на сумму пять с половиной миллионов фунтов стерлингов.

Что же связывало одного из самых богатых людей в мире и, можно сказать, ещё никак не заявившего о себе Герцена? Девять месяцев тюрьмы за разбитый бюст императора и песню, содержащую в себе порицание самодержавия, первый русский политэмигрант – это фигура

для Ротшильда, который, можно сказать, шантажирует Николая I и очень при этом рискует? Железный Николай Палкин был товарищем жестким, вернул смертную казнь и применять её не боялся.

Я задумался, ещё раз полистал бюллетень, где содержалась информация по Герцену. Потом заполнил колонку «международные события». Восстание и революция в Италии и Австро-Венгрии в сорок восьмом году. Российская армия в венгерском походе сорок восьмого – сорок девятого годов. Бунт подавлен, монархия спасена. Николая I называют «жандармом Европы». А венгры нам долго этот поход вспоминали. Во время Гражданской войны ребята неплохо порезвились в Сибири и на Дальнем Востоке – «мадьярские штыки Ленина». А при взятии Будапешта сопротивлялись до последнего. Если Берлин взяли за двадцать три дня, то Будапешт штурмовали сто пять. В последние дни обороны на прорыв из города устремилось около четырнадцати тысяч немцев и венгров. До своих дошло семьсот восемьдесят человек, из них венгров чуть больше двухсот человек. А только в одной дивизии СС «Мария-Тереза» на ноябрь сорок четвертого числилось больше восьми тысяч венгров.

«Чуть отвлеклись, – подумал я. – Но где ответ на вопрос: зачем Ротшильду Герцен?»

Я вижу только один ответ. Напуганное действиями Николая I по подавлению революционных движений в Европе и восстановлению монархии семейство Ротшильдов начинает организацию первых попыток разрушения Российской империи путем пропаганды. После окончания наполеоновских войн в Европе оставались только две поистине мощные сверхдержавы: Россия и Англия. Франция отходит от очередной революционной бури, восстанавливая армию и экономику. И вот представители некой семьи или некоего государства встречаются с русским подданным по фамилии Герцен и рисуют ему картины будущего о свободной России и финансовом благополучии писателя-критика.

«Что у нас там дальше», – подумал я, листая документы. Получив денежку от Ротшильда, Александр Иванович содержит модный политический салон в Париже, в котором появлялись самые известные революционеры и вольнодумцы того времени: Гарибальди, Прудон, Маркс, Энгельс. При этом Герцен, естественно, нигде не работает. Даже наоборот, он вкладывал свои средства в издание

политизированных газет. В пятьдесят втором году Герцен перебирается из Парижа в Лондон под крылышко Лионеля, племянника барона Джеймса и главы лондонского банка Ротшильдов.

«Жалко, жандармы мало информации собрали по Ротшильдам. Надо будет намекнуть Савельеву, а лучше Ширинкину и Черевину, – я задумчиво начал чиркать загогулины на другом чистом листе. – Если взять этого Лионеля, то из того, что прочитал в справках, именно под него была изменена присяга депутатов английской палаты общин в пятьдесят восьмом году. Лионель Ротшильд был выбран в палату от лондонского Сити ещё в сорок седьмом году и находился в ней бессменно до конца жизни. Но как иудей он не мог клясться на Библии. Теперь присягу в Англии могут принимать и нехристиане. Этот политический жест стал началом полного слияния верхушки английского государства с мощным банкирским кланом».

Итак, что делает Герцен в Лондоне. Первым делом создает Вольную типографию и начинает пропагандистскую деятельность в канун Крымской войны, пробивая пути для своих изданий в Россию на юге через Константинополь, Одессу и Украину, на севере через Балтику.

Через полгода после основания типографии начинается Крымская кампания, осада Севастополя. Британские корабли обстреливают окрестности Санкт-Петербурга, Петропавловск-Камчатский, Соловецкий монастырь. Англия и Франция планируют осуществить решительный разгром России и низведение ее до роли второстепенной державы. И в это время Герцен в одной из прокламаций печатает: «Царю плохо, нам хорошо. Чужеземные войска подходят к Русской земле проучить Николая. Русский народ должен себе сказать: „Враг моего врага – мне поневоле приятель“».

«Да уж, поздравительные телеграммы японскому микадо во время Русско-японской войны от русских студентов и пораженческая позиция большевиков в первой мировой войне появились не на пустом месте», – подумал я и записал в графу «события в России» – Крымская война. Такую же запись внёс в другой столбик, посвящённый международным событиям. В графу «деятельность революционера» записал антироссийские прокламации.

Международная обстановка тем временем меняется. Россия проигрывает Крымскую войну. В пятьдесят пятом году умирает

император Николай I, и на престол вступает его сын Александр II. В январе одна тысяча пятьдесят седьмого года подписан позорный для России Парижский мирный договор. Мы лишились права иметь флот в Черном море и потеряли всё завоеванное в эту войну у Турции. Расстроены финансы, падает курс русской валюты. Но в моём понимании лучшего момента для подрывной агитации не найдешь. Революции ведь всегда происходят в проигравшей стране. Да и в тогдашней России наступило некоторое подобие «оттепели». После сталинского Николая Палкина любой монарх будет либеральным. Следовательно, подрывной литературе будет легче проникнуть в страну, а идеям – в умы и сердца. Надо только немного изменить форму подачи материала. И появляется новая газета «Колокол».

При этом дело ставится на широкую ногу. Некоторые тиражи одного номера «Колокола» достигают пяти тысяч экземпляров. Наиболее удачные номера могли выходить по нескольку раз. Бумага – тонкая, и это, на мой взгляд, не случайно. Газету можно сложить несколько раз и спрятать в кармане, под одеждой. Чемодан с двойным дном и вовсе способен вместить огромное количество «Колокола». В Россию она доставляется нелегально. При этом скорость распространения газеты завидная: через десять дней после ее выхода в Лондоне она на столах русских либеральных читателей и жандармских офицеров. Чем вызван такой интерес? В «Колоколе» печатают информацию, полностью закрытую в России. Пишется история декабристского движения, публикуются записки декабристов. Издаются сборники документов, связанных с историей раскола и старообрядчества. Выходят потаённые записки императрицы Екатерины II, в которых содержалось утверждение, что отцом императора Павла I являлся князь Сергей Салтыков, а не Пётр III. Хотя данные записки были недоступны даже членам правящей фамилии. Рукопись Екатерины была опечатана и могла вскрываться только по личному распоряжению императора. Печатают воспоминания княгини Дашковой и сенатора Лопухина, государственный бюджет или сверхсекретную переписку министров Российской империи. Откуда у изгнанника такие документы? У меня только один ответ – самые ценные документы Александр Иванович получал от своих почитателей из разведки той самой соперничающей с Россией островной державы, а возможно, и из Франции. Ротшильды и там себя чувствовали более

чем уверенно. В Австро-Венгрии, кстати, также все представители данного семейства мужского пола титул барона получили от императора Франца II.

«Так. Всё, хорош растекаться чем-то там по стеклу. Все эти размышления несколько отвлекают от главного вопроса. Финансировали Герцена или нет? То, что не дали остаться без денег – это безусловно. А вот дальше? Состояние Герцена и его матери, включая два имения, оценивалось в триста тысяч рублей серебром. У жандармов в документах фигурирует сумма чуть больше миллиона французских франков, что составляет несколько больше двухсот тысяч рублей. За имения деньги Герцен не получил, только за ценные бумаги. Правда, Герцен потом и на бирже играл, и домами спекулировал, но что-то об особых его успехах слышно не было. Давай-ка, посчитаем».

Я взялся за расчёты. Расходы на создание типографии: аренда здания, печатный станок, литеры, краска, бумага. Сколько это составит? Не знаю! Попробую уточнить у Савельева. Но в типографии Герцена использовали мелкий шрифт, литеры для которого были заказаны во французской фирме Дидро Санкт-Петербургской академией наук, которая от них отказалась из-за дороговизны. А тут мелкий шрифт для тонкой бумаги. Всё в тему получилось для контрабандного товара.

Я опять перелистнул в бюллетене листы, которые были посвящены писателю. Зацепился глазами за цифры тиража газеты «Колокол», которая в лучшие годы выходила до пяти тысяч экземпляров еженедельно. Взял средние цифры за десять лет. Получилось где-то две тысячи экземпляров три раза в месяц.

В Англии газета продавалась по шесть пенсов. По тем временам не очень дорого, но и не дешево. При этом затраты велики: аренда, бумага, типографские расходы, оплата работникам типографии и самое главное – это оплата помощников для контрабандной доставки в Россию. «Колокол» с самого начала издания был запрещен в России. В первой половине пятидесят восьмого года русскому правительству удалось добиться официального запрещения газеты в Пруссии, Саксонии, в Риме, Неаполе, Франкфурте-на-Майне.

А теперь зададимся вопросом, кто купит запрещённую русскую газету, на русском языке о событиях в Российской империи в Англии или других странах Европы? Если только такие же политэмигранты,

которых на тот момент в Европе единицы. В Россию её везут нелегально. Последнее «ноу-хау» Герцена – пересылка газеты по почте и бесплатно. При этом доставку оплачивает отправляющая сторона. Вот и объясните мне, какая себестоимость у такой газеты? Может такое издание быть на самоокупаемости? А Герцен денег не жалеет.

Считаем. Возьмём шесть пенсов за себестоимость одной газеты. Тираж в две тысячи встает ровно в пятьдесят фунтов стерлингов, или триста рублей, или тысяча шестьсот франков. За три раза в месяц соответственно девятьсот рублей. За десять лет сто восемь тысяч, то есть половина состояния Александра Ивановича и его семьи. А ведь надо было ещё питаться, одеваться не только писателю, но и его немалой семье. Двое взрослых детей от первого брака, плюс жена друга и сподвижника Николая Огарева, которая родила Герцену троих детей, но они считались детьми Огарева. Кроме того, содержать дома в Лондоне и в Париже.

«Эх, посмотреть бы счёт Герцена в банке Ротшильда, где вся статистика расходов и доходов, и всё было бы ясно, – подумал я. – А так, можно только сказать, что я не верю тому, что господин Герцен как минимум половину своего состояния угрожал на „Колокол“. Плюс к этому только косвенные улики, которые показывают, насколько для некоторых государств удачно и вовремя выходила и распространялась эта газета в России».

В одном из первых номеров «Колокола» была изложена программа действий, за которые ратует Герцен. Она заключала в себе три конкретных положения: освобождение крестьян от помещиков; освобождение слова от цензуры; освобождение податного сословия от побоев. Скромно, но ведь это только начало. Да, собственно, никто ее выполнять и не собирался. Все это лишь способы борьбы, методы ослабления страны путем воспитания у населения ненависти к своему собственному государству. Сначала потихоньку – одна газета в месяц.

Когда в шестьдесят первом году русский мужик от русского царя получил волю, в революционных кругах ничего не изменилось. Никто Александру Освободителю осанну петь не стал, хотя первая и самая важная часть программы Герцена была правительством выполнена. Но «Колокол» с шестьдесят первого по шестьдесят третий года выходит четыре раза в месяц. Со страниц газеты льются скандалы и информация, подтачивающая империю изнутри.

Любопытно поведение газеты и через два года, когда в Польше начнется восстание. Цель восставших – отделение от России. Средства восставших – террор и убийства. Попытка отложиться от Российской империи есть грубое нарушение международного права того времени. Мятеж начинается одновременно и, что очень показательно, только в русской части Польши. Угнетают гордую шляхту и пруссаки, и австрийцы, но убивать почему-то начинают только русских солдат и офицеров! При этом надеяться на победу в борьбе с огромной Россией никто в Польше в здравом уме не может. Надежда повстанцев не на сабли и ружья, а на чернила зарубежных писак и дипломатов. В том числе и на герценский «Колокол», который в это время выходит еженедельно большими тиражами, и в каждом номере есть материалы, поддерживающие польских повстанцев.

Реакция мирового сообщества надежды польских повстанцев подтверждает. В самый разгар мятежа послы Англии, Франции и Австро-Венгрии обращаются к русскому правительству с заявлением, что надеются на скорое дарование прочного мира польскому народу. Это означает вмешательство во внутренние дела России и закамуфлированное предложение предоставить Польше независимость. Когда вместо этого русские войска приступают к жесткому наведению порядка, дипломатический шантаж повторяется вновь. Англия требует созыва международной конференции по польскому вопросу. Отказ от нее грозит новой Крымской войной. Но Александр II на попятную не пошёл. Мятеж был подавлен, а твердый ответ русского царя на попытки вмешательства извне приводит к всплеску патриотизма в Российской империи. Этот благородный порыв русских людей газета «Колокол» назовет «сифилисом патриотизма», после чего от газеты отвернулось большинство читателей.

Я заполнил столбик «события в России», написав отмену крепостного права, Польское восстание. В графе «кому выгодно» написал Англию и Францию, а также поставил пару знаков вопроса.

«И всё-таки конкретных фактов того, что Герцен вёл свою деятельность на деньги английской разведки, нет. А всё остальное выглядит несколько натянуто, но уж больно складывается и по времени, и по содержанию очень выгодно для Англии и Франции, а значит, и для Ротшильдов», – подвёл я итог своим размышлениям и

начал на новом листе кратко излагать свои выводы о деятельности Герцена.

Закончив писать, посмотрел на часы. Вот это да! Три часа угробил на Герцена. Так времени на всех революционеров не хватит. Надо как-то оптимизировать изучение народничества. Отбросим консерваторов, которые ходили в «народ» за его «мудростью». Либералов с их постепенными социальными, экономическими и даже политическими изменениями участи крестьян также в топку. Думаю, данные личности вряд ли заинтересуют тех спонсоров, которые стремятся разрушить Российскую империю.

Герцена пригнали, по моему мнению, как теоретика крестьянского социализма, которого можно было достичь через крестьянскую революцию. Он своё отработал. Одновременное Польское восстание и бунт крестьян в шестьдесят третьем году не состоялись. Революционная организация «Земля и воля», в которую входило более трёх тысяч человек, распалась. Из всего первого состава данной организации интересным для иностранного финансирования был бы «Комитет русских офицеров в Польше». А возможно, их и финансировали. Эти ребята поддерживали активные связи с польскими повстанцами и с «Колоколом» в Лондоне. Многие активно участвовали в Польском восстании в шестьдесят третьем году, а некоторые и раньше.

Поручик Андрей Афанасьевич Потебня, один из организаторов этой боевой организации, летом ещё шестьдесят второго года покинул полк и перешёл на нелегальное положение после того, как выстрелил из револьвера в наместника Царства Польского генерала Лидерса. Как рассказывали очевидцы, заслуженный и боевой генерал, который принял боевое крещение ещё в одна тысяча восемьсот пятом году под Аустерлицем, зажав ладонью полученную на шее рану, воскликнул: «Подлец! Стрелял сзади!» После этого самостоятельно дошёл до своей резиденции.

«Это опять лирические отступления, – подумал я, листая документы, полученные от Савельева. – Хотя остановимся-ка мы только на боевиках. Ничто в мире так хорошо не оплачивается, как террор. Так было в моём будущем. Не думаю, что здесь будет иначе. Итак, Каракозов, Нечаев и боевая организация „Народная воля“, члены

которой чистые политические террористы. Посмотрим, кто из них имел или мог иметь связи в Англии или в других странах.

Судя по данным следствия покушения Каракозова на императора, Дмитрий Владимирович был террористом-одиночкой, которому моча в голову ударила, и он решил стрелять в царя, – думал я, читая бумаги, где кратко описывались покушения на Александра II. – Иначе его действия тяжело объяснить. Я, конечно, не психиатр, но на фотографии Каракозов выглядит, как человек, имеющий отклонения в психике. Недаром его двоюродный брат Ишутин, организатор революционного кружка, в которой входил и Каракозов, с ума сошёл. А прокламация, которую нашли у политического террориста номер один – это вообще песня».

Я пробежал глазами по бумаге. Классический суицидный синдром.

«Грустно, тяжело мне стало, что... погибает мой любимый народ, и вот я решил уничтожить царя-злодея и самому умереть за свой любезный народ. Удастся мне мой замысел – я умру с мыслью, что смертью своею принес пользу дорогому моему другу – русскому мужику. А не удастся, так всё же я верую, что найдутся люди, которые пойдут по моему пути. Мне не удалось – им удастся. Для них смерть моя будет примером и вдохновит их...»

Каракозов нам не подходит. За границей не был. Члены Ишутинского кружка на революционные дела тратили свои кровные денежки, благо там было много богатеньких помещиков. Переходим к господину Нечаеву. Посмотрим, что на создателя «Катехизиса революционера» есть у господ жандармов.

В начале шестидесят девятого года убыл в Швейцарию, любимое место проживания русских революционеров, где по данным третьей экспедиции Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии встречался с Бакуниным и Огаревым, от которого получил денежные средства на дело революции.

В сентябре этого же года возвращается в Россию и основывает революционное «Общество народной расправы», главной задачей которого объявляется террор с целью полного уничтожения государственности Российской империи. В ноябре шестидесятого года Нечаев с ещё четырьмя сообщниками расправляется со студентом Иваном Ивановым, который не захотел повиноваться его требованиям, после чего скрывается за границей. Всего по делу убийства и

организации революционного общества было привлечено восемьдесят семь человек. Многих осудили и отправили на каторгу.

Нечаев в это время, получив денежку от Герцена, английской разведки, Ротшильдов, нужно подчеркнуть, начинает издавать журнал «Народная расправа» и возобновил издание «Колокола» совместно с Огарёвым и Бакуниным.

После того как российское правительство обратилось к швейцарским властям с просьбой о выдаче Нечаева как уголовного преступника, Сергей Геннадьевич стал скрываться. В семьдесят втором году с подачи сотрудников Третьего отделения, которые работали в Швейцарии, попался, и правительство Швейцарии выдало Нечаева России как уголовного преступника.

Признанный присяжными виновным в убийстве Иванова, он был приговорён к каторжным работам в рудниках на двадцать лет. В дальнейшем обязательство, принятое русским правительством при требовании выдачи Нечаева, исполнено не было. Нечаев не был послан в рудники, а посажен в Петропавловскую крепость, где с ним обращались не как с уголовным преступником, а как с политическим.

Что же, здесь опять Герцен и денежка из неизвестного источника. Конкретных сумм нет, но пару-тройку лет господин Нечаев жил за границей и не бедствовал. В общем, со слабой натяжкой отнесём Нечаева к агентам зарубежной разведки. Теперь посмотрим на «первомартовцев», кто из них мог быть передаточным звеном зарубежного финансирования.

Пару часов у меня ушло на изучение материалов по убийцам императора, которые были у Савельева. Кроме Кравчинского, на роль агента, по моему мнению, идеально подходила Вера Фигнер. Кстати, она единственная спаслась из тех, кто готовил последнее удачное покушение на Александра II.

Итак, четыре года проживания в Швейцарии, обучение в Цюрихском и Бернском университетах. Близкое знакомство с Лавровым и Бакуниным. В семьдесят пятом году, не завершив образования, по требованию коллег по организации вернулась в Россию. Формально Вера Фигнер не входила в организацию «Земля и Воля», но возглавляла созданный ею автономный кружок «сепаратистов», членом которого был Александр Соловьёв, ещё один неудачник-висельник в покушении на Александра II.

После распада «Земли и Воли» вошла в Исполнительный комитет организации «Народная воля», вела агитацию среди студентов и военных в Петербурге и Кронштадте. А возможно, не только агитацию. Всё-таки Кронштадт – это основной форт-пост и военноморская база империи на Балтике. Участвовала в подготовке покушений на Александра II в Одессе в восьмидесятом и Петербурге в восемьдесят первом. После убийства Александра II смогла скрыться, оказавшись единственным не арестованным полицией членом организации. Выехав в Одессу, участвовала вместе со Степаном Халтуриным в покушении и убийстве военного прокурора Стрельникова. Опять спаслась одна. Двое подельников повешены через двое суток после задержания. Их данные установили уже потом.

Несмотря на свою суперудачливость или хорошую подготовку, весной восемьдесят третьего в Харькове была выдана полиции Дегаевым, арестована и предана суду. В сентябре восемьдесят четвертого по «Процессу четырнадцати» Фигнер приговорена Петербургским военно-окружным судом к смертной казни, которая была заменена на бессрочную каторгу.

Прервавшись, съездил к Савельеву, узнал результаты дополнительного допроса Белкова. Вернул и получил ещё документы и бюллетени. После чего вернулся домой, поздним обедом поужинал и засел опять за бумаги. Уже под утро кое-что стало вырисовываться. Конечно, с учётом имеющейся на руках информации всё основывалось в основном на домыслах, логических цепочках и косвенных уликах. Но когда таких фактов становится много, то начинаешь в высказанную мною гипотезу верить. А последнее покушение и полученные показания Белкова однозначно показывали на финансирование данного покушения со стороны островного государства.

На следующий день вечером я стоял перед дверью кабинета наместника, держа под мышкой папку с бумагами доклада и необходимыми приложениями к нему.

«Собрались, товарищ подполковник, сейчас у тебя появится возможность повлиять на дальнейшее развитие революционного движения в России и за рубежом путём изменения отношения к нему со стороны государственной верхушки в лице цесаревича. А также надо будет тихонько намекнуть Николаю, что с экономикой в империи что-то надо делать, чтобы улучшить материальное положение крестьян

и рабочих. Основной массе людей в любом времени без разницы кто ими правит. Было бы что поесть, что надеть, где жить, размножаться, и уверенность в завтрашнем дне для себя и своих детей», – с этими мыслями я, постучав, отворил створку двери и прошёл в кабинет.

Глава 16

Доклад

– Таким образом, можно говорить о том, что в финансировании революционной деятельности Герцена принимал участие банкирский дом Ротшильдов и, возможно, правительство Великобритании, – я перевёл дух и посмотрел на Николая и барона Корфа, присутствовавших в кабинете наместника. Двоих личников, которые сегодня были из забайкальцев, выставили за дверь перед началом моего доклада.

– Ваше императорское высочество, звучит всё логично, – огладив бороду, произнёс генерал-губернатор. – Я помню, как мне ваш батюшка зачитывал отрывок письма от Константина Петровича Победоносцева. Дословно уже не вспомню, столько лет прошло. Но звучало примерно так: «Бог знает еще, чья хитрая рука направляет, чьи деньги снабжают наших злодеев, людей без разума и совести, одержимых диким инстинктом разрушения». Выводы Тимофея Васильевича ложатся в строку мыслям обер-прокурора Святейшего Синода.

– Соглашусь с вами, Андрей Николаевич, и с вашими доводами, Тимофей Васильевич. Продолжайте доклад, – произнёс цесаревич.

– С учётом того, что количество революционеров, прошедших через суды, было пускай и не очень большим, но из-за нехватки времени и информации пришлось остановиться только на боевиках, которые осуществляли покушения и убийства. Основную массу теоретических возмутителей спокойствия оставил в стороне, – я сделал паузу и, увидев утверждающий кивок Николая, продолжил: – После смерти императора Николая Первого на трон взошёл ваш дедушка Александр Второй, ваше императорское высочество. Его деяния за время царствования принесли его подданным невиданные ранее свободы и возможности. К этому надо отнести освобождение крестьян от крепостной зависимости, фактически полную отмену телесных наказаний, введение системы местного самоуправления, практическую отмену цензуры печатных изданий.

Я увидел, как цесаревич поморщился.

– Ваше императорское высочество, то, что я перечислил, – это полное выполнение тех задач по революционному изменению России, которые объявил как свою программу Герцен, – чтобы меня не перебил Николай, я быстро продолжил: – Кроме того, ваш великий дед заменил рекрутские наборы и двадцатипятилетнюю солдатскую службу на всеобщую воинскую повинность с куда меньшими сроками службы. Им была проведена реформа начального, среднего и высшего образования, в том числе женского. Судебная реформа, с введением присяжных заседателей, которые оправдали Засулич. Политических и социальных реформ Александра Второго хватило бы на правление нескольких либеральных президентов в Америке. Разве любой здравомыслящий человек, желающий своей стране добра и процветания, стал бы его убивать?

– Кхм, – кашлянул барон Корф. – Надо же, всё при мне происходило, а я как-то не задумывался... Извините, ваше императорское высочество.

– Ничего, Андрей Николаевич. Продолжайте, Тимофей Васильевич. Действительно, очень интересный взгляд на события, – цесаревич усмехнулся.

– Ваше императорское высочество, по моему мнению, не пытаться взорвать царя-освободителя должны были революционеры, а всей своей организацией они должны были записаться в его телохранители!

– Кхм... Да! Кхм! – Барон Корф ошарашенно посмотрел на меня, на наместника, а потом захохотал. – Революционеров в телохранители? Вот рассмешили, Тимофей Васильевич.

Николай смеха барона не поддержал и даже не улыбнулся. Он продолжал внимательно смотреть на меня.

– Ваше высокопревосходительство, разрешите продолжить? – спросил я генерал-губернатора.

– Продолжайте, – вместо барона ответил мне цесаревич, а Андрей Николаевич извиняюще улыбнулся наследнику, показав руками жест, что он будет молчать.

– Ваше императорское высочество, когда для себя свёл воедино все те деяния Александра Второго, которые можно трактовать с точки зрения революционеров, как выполнение их требований, я долго не мог понять, почему они продолжили буквально охоту на государя, – я сделал паузу, а потом продолжил: – Пока не понял, что не надо искать

логику в действиях наших революционеров, а надо искать тех, кто их финансирует и кому была бы выгодна смерть вашего деда.

– И вы их нашли, Тимофей Васильевич? – прервал меня цесаревич, глаза которого вместо серо-зелёного цвета приобрели цвет стали.

– Ваше императорское высочество, прямых фактов нет, но косвенных очень много.

– Давайте послушаем их, Тимофей Васильевич, – Николай посмотрел на меня так, что мне почему-то расхотелось делать доклад.

«Куда я лезу?! Это тебе не в книжках, где попаданцы учат царей, как надо государство перестраивать. А те, развесив уши, слушают, а потом ещё и делают. У нас все мемуаристы писали, что Николашка рохля и подкаблучник. Ага, рохля! Вон глянул, будто бритвой по шее полоснул. Как бы мне этот доклад боком не вышел. Мировая политика – самая большая грязь, где возможны любые действия и пощады не будет никому. Тем более какому-то сотнику. Но, кажется, отступить уже поздно. Двигаем дальше, товарищ подполковник», – эти мысли пронеслись у меня в голове во время вдоха, перед тем, как продолжить доклад.

– Прежде всего, я хотел бы довести ещё некоторые деяния Александра Второго, которые он осуществил во время своего царствования. Это присоединение к России Амурского и Уссурийского краев по итогам договоров с Китаем, присоединение Средней Азии и окончательное покорение Кавказа. До Индии, жемчужины Британской империи, остался один шаг.

– Вот уж никогда в планах государей Александра Николаевича и Александра Александровича не было даже намёков на завоевание Индии. Торговлю осуществлять – это да, а воевать с Британией за её жемчужину – нет! – генерал-губернатор воинственно разгладил свою бороду. – У нас и так земли столько, что её по окраинам ещё долго придётся осваивать и развивать. Возьмите тот же Дальний Восток. Извините, ваше императорское высочество, опять прервал доклад.

– Ничего страшного, Андрей Николаевич, – Николай примиряюще махнул рукой. – Тимофей Васильевич, действительно, а с чего вы взяли, что мой дед или отец готовились воевать с британцами за Индию?

– Ну, по слухам, которые стали мне известны в Петербурге, герой Плевны генерал Скобелев выходил с предложением удара по Индии, –

я пожал плечами, показывая, что это только слухи.

– Про Михаила Дмитриевича какие только слухи не ходили, – произнёс барон Корф. – Особенно после его смерти.

– Да, слухов много. И умер он в гостинице под названием «Англия», – ляпнул я, не подумавши.

– Тимофей Васильевич, вы ещё в мистицизм ударьтесь в своих выводах, – строго высказался цесаревич. – Продолжайте доклад.

– Слушаюсь, ваше императорское высочество, – я вскочил со стула, но тут же опустился на него, повинувшись жесту Николая, после чего продолжил: – Итак, правление государя Александра Второго также ознаменовалось восстановлением державных прав России на Черном море, освобождением балканских христиан от османского ига. Кроме этого, в Российском государстве были проведены экономические и финансовые преобразования. Происходит развитие сети железных дорог и телеграфного сообщения. Таким образом, за время царствования вашего деда, ваше императорское высочество, в военно-политическом отношении Россия достигла своего наивысшего расцвета и стала стремительно развиваться экономически. И, как следствие, опять стала угрожать гегемонии своих основных соперников на мировой арене. В большей степени, как я считаю, Британской империи.

– Тимофей Васильевич, а вы не стремитесь высказанные вами факты подтасовать под свою гипотезу? – с иронией спросил цесаревич.

– Считаю, что нет. При этом понимаю, что со стороны мои выводы выглядят дилетантскими и натянутыми, – ответил я и взял в руки лист со своей таблицей. – Давайте рассмотрим этапы развития революционного движения, соотнеся их с мировыми событиями, насколько я это вижу.

– Слушаем вас, Тимофей Васильевич, – цесаревич улыбнулся, но глаза смотрели холодно.

– Шестидесят первый год, год освобождения крестьян. Казалось бы, основное требование либеральной интеллигенции вашим дедом, ваше императорское высочество, в феврале выполнено, после опубликования манифеста. Но осенью этого же года в России создается организация «Земля и воля». Как нашёл в материалах Савельева, насчитывала около трех тысяч человек. Основная цель – крестьянское восстание, свержение самодержавия и созыв

бессословного народного собрания. В шестьдесят четвертом году, когда не удалось организовать одновременное польское и крестьянское восстание на Украине, в Белоруссии и Литве годом раньше, самораспускается. Из этого первого состава «Земли и воли» к боевикам можно отнести «Комитет русских офицеров в Польше», который поддерживал активные связи с герценским «Колоколом» и польскими повстанцами. Многие члены комитета участвовали в восстании на стороне поляков. К сожалению, материалов у меня было мало, поэтому каких-либо конкретных фактов финансирования данной организации я не нашёл, но если покопаться в архивах Третьего отделения, что-то, может, и найдётся, – я прервался, сглатывая слюну в пересохшем рту.

– Тимофей Васильевич, будьте добры, налейте нам с Андреем Николаевичем и себе кваску. Графин с ним и стаканы в буфете стоят, – цесаревич показал рукой на мебель. – А то что-то сегодня хорошо протопили на ночь. Жарко.

Я, положив папку с бумагами на стол, направился к буфету, где, открыв центральные створки, обнаружил красивую стеклянную посудину с темной жидкостью. Открыв пробку, понюхал. В носшибануло запахом хорошо настоянного кваса. Налив три стакана, два отнёс цесаревичу и барону Корфу. Потом, взяв свой, вернулся на своё место. Сделав глоток ядрёного кваса, поставил стакан на стол и вновь взял папку в руки.

– Готовы к дальнейшему докладу, Тимофей Васильевич? – спросил меня Николай.

Увидев мой утвердительный кивок, сказал:

– Продолжайте.

– В шестьдесят втором году Пётр Григорьевич Заичневский, находясь под следствием в камере Тверской полицейской части, написал прокламацию «Молодая Россия», содержащую бланкистскую программу революционного переворота и получившую известность как революционный манифест республиканцев-якобинцев. Прокламация была нелегально издана и распространена членами московского студенческого кружка Заичневского от имени вымышленного Центрального революционного комитета. В прокламации, в частности, заявлялось... – я достал из папки ещё один листок и прочёл: – «Мы издадим один крик: „В топоры!“ – и тогда...

тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и сёлам! Помни, что тогда кто будет не с нами, тот будет против, кто будет против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами».

– И вы нашли связи Заичневского с зарубежным капиталом? – спросил меня цесаревич.

– Нет, ваше императорское высочество, но данный революционер и его прокламация стали предтечей возникновения нового течения в революционном движении – революционеров-нигилистов, которые в основе своей программы действий поставили террор в отношении правящего дома в Российской империи, – я, взяв стакан, сделал глоток кваса и поставил посуду на место.

– И где же этот пророк террора сейчас? – поинтересовался барон Корф.

– Вы не поверите, ваше высокопревосходительство. Совсем недавно, в восемьдесят восьмом году, Заичневский был в очередной раз арестован, два года провёл в тюрьме, а в феврале девяностого года был выслан на пять лет в ссылку в Иркутск. Сейчас ведёт иностранный отдел в «Восточном обозрении» и работает корреспондентом «Русских ведомостей», – ответил я генерал-губернатору, продолжая краем глаза наблюдать за Николаем.

– Это уже ни в какие ворота не лезет, – возмутился Андрей Николаевич. – Не доведёт до добра наш либерализм в отношении революционеров. Так он сейчас начнёт свои воззвания в государственных изданиях печатать!

– Тимофей Васильевич, у вас есть полный текст данной прокламации? – спросил меня Николай, сжав кулаки, а глаза наследника престола опять поменяли цвет на стальной.

– Да, ваше императорское высочество, – достал я из папки несколько листов. – Я подчеркнул наиболее интересные места данной программы. И хочу добавить, что вышла она очень уж вовремя. Перед самым началом Польского восстания. И некоторые тезисы господина Заичневского звучат, будто бы ему в уши нашептывал не дьявол, а кто-то из Форин-офиса, с учётом того, что именно Англия создала коалицию, которая пыталась дипломатическим путём отделить

Польшу от Российской империи, да ещё в границах одна тысяча семьсот семьдесят второго года.

– И какие же тезисы? – почти одновременно спросили меня цесаревич и барон Корф.

– Начну с тех, которые, если их выполнить, приведут к развалу великой империи... – Я начал читать: – «Мы требуем изменения современного деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей, причем вся власть должна перейти в руки Национального и областных собраний. На сколько областей распадется земля русская, какая губерния войдет в состав какой области, этого мы не знаем: само народонаселение должно решить этот вопрос. Выборы в Национальное собрание должны происходить под влиянием Правительства, которое тотчас же и позаботится, чтобы в состав его не вошли сторонники современного порядка (если они только останутся живы)». И вот ещё. «Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком „Да здравствует социальная и демократическая республика Русская!“ двинемся на Зимний дворец истребить живущих там».

Костяшки на сжатых кулаках цесаревича побелели.

– Ещё что там есть? – глухим голосом произнёс он.

Я продолжил читать:

– «Мы требуем полной независимости Польши и Литвы, как областей, заявивших свое нежелание оставаться соединенными с Россией. Мы требуем доставления всем областям возможности решить по большинству голосов, желают ли они войти в состав федеративной Республики Русской». Обратите внимание, ваше императорское высочество, на время написания программы. Чёрное море заблокировано проливами, и после Крымской войны мы не можем иметь там флот. Если выполнить этот пункт, то Россия окажется отрезанной и от Балтийского моря. Наш флот лишится возможности выхода в Мировой океан. И кому это выгодно? – спросил я.

– Кхм. Умно, – пробормотал барон Корф.

– Наша великая империя сильна своей армией, ваше императорское высочество, – между тем продолжал я. – И вот следующий тезис программы Заичневского: «Мы требуем увеличения в больших размерах жалованья войску, уменьшения солдату срока службы.

Требуем, чтобы по мере возможности войско распускалось и заменялось национальной гвардией». Написано красиво! Солдату увеличение жалованья и сокращение срока службы. Кстати, пускай и через двенадцать лет, но ваш дед, ваше императорское высочество, этот пункт выполнил. Но вот заменить армию национальной гвардией, сиречь ополчением, как в странах Запада во время революций, – это значит лишиться нормальной армии! Кому это выгодно? Еще Наполеон сказал: не будете кормить свою армию, придется кормить чужую.

– Кхм, Тимофей Васильевич, вам бы лекции читать. Как у вас всё гладко и правдоподобно звучит. Не хочешь, а поверишь, что во всём наши островные друзья виноваты, – перебивая меня, произнёс генерал-губернатор. – Недаром мне государь написал, чтобы я присмотрелся к вам, отмечая ваш нестандартный взгляд на обычные вещи.

– А я жалею, что мне в своё время никто такой лекции не прочитал. Но лучше поздно, чем никогда. Продолжайте, Тимофей Васильевич, – это уже произнёс Николай.

– Из ещё наиболее разрушительных тезисов я бы отметил следующие, – по листку, который держал в руках зачитал: – «Требуем уничтожения брака как явления в высшей степени безнравственного и немислимого при полном равенстве полов, а следовательно, и уничтожения семьи, препятствующей развитию человека, и без которого немисливо уничтожение наследства». Если это сделать, то будет разрушена первичная ячейка любого общества, а затем и само общество. Ну а чтобы разрушить нравственные устои и православную веру, Заичневский пишет: «Мы требуем уничтожения главного притона разврата – монастырей, мужских и женских... Имущества, как их, так и всех церквей, должны быть отобраны в пользу государства и употреблены на уплату долга внутреннего и внешнего».

Я замолчал и потянулся к стакану, чтобы промочить квасом горло. Сильное волнение буквально выжигало слюну во рту. Цесаревич и генерал-губернатор не произнесли ни слова, дожидаясь, пока я сделаю пару глотков и поставлю стакан обратно на стол.

– Хорошо, что крестьяне, о которых так ратует господин Заичневский, не поддержали эту программу. В Польше, где восставшими была в основном шляхта, крестьяне принимают активное

участие в поимке шаек повстанцев. В России «ходоков в народ» крестьяне также сами вяжут и приводят в полицейские участки. Но идеи Заичневского пусть не сразу, но находят последователей. В шестьдесят шестом году по государю промахиваются Каракозов, а шестьдесят седьмом – поляк Березовский. Между тем, на русскую революционную сцену вслед за кровавой «Молодой Россией» выходят новые персонажи. Летом шестьдесят девятого года в Женеве увидел свет «Катехизис революционера», написанный Сергеем Геннадьевичем Нечаевым, – я начал перебирать листы в папке, чтобы найти этот катехизис.

– Не ищите, Тимофей Васильевич. Эту папку с бумагами оставите после доклада мне, – произнёс цесаревич. – С интересом перечитаю не только ваши выводы, но и все собранные материалы.

– Я бы тоже потом ознакомился, если не возражаете, ваше императорское высочество, – вставил свои пять копеек барон Корф. – Действительно интересно. Все события происходили у меня на глазах. Но каждое по отдельности. А общей картины я не видел.

– Не возражаю, Андрей Николаевич, – произнёс Николай. – Продолжайте доклад, Тимофей Васильевич.

– По Нечаеву могу сообщить, что по данным, представленным штабс-ротмистром Савельевым, тот в шестьдесят девятом году в Женеве встречался с Бакуниным, Огаревым. От последнего получил некоторую сумму денежных средств, с которой вернулся в Россию и основал революционное «Общество народной расправы», главной задачей которого объявляется террор с целью полного уничтожения государственности Российской империи. После убийства члена своей организации Иванова скрывается за границу, бросив всех своих товарищей по революционной борьбе. Вновь получив деньги из фонда Герцена, начинает издавать журнал «Народная расправа» и возобновляет издание «Колокола» совместно с Огарёвым и Бакуниным. Если учесть выводы, которые были сделаны по деятельности Герцена, то это финансирование было от англичан или банкирского дома Ротшильдов.

– Такая логическая цепочка выстраивается, Тимофей Васильевич, – задумчиво произнёс Николай.

Я посмотрел на цесаревича, ожидая, что он ещё что-нибудь произнесёт. Но, не дождавшись, продолжил:

– Я думаю, «Катехизис революционера» должен был стать настольной книгой революционера. Как писал Нечаев: «Революционер вступает в государственный, сословный и так называемый образованный мир и живет в нем только с целью его полнейшего, скорейшего разрушения. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире». Далее «Катехизис» дает конкретные практические советы, как убивать и шантажировать политических противников. Однако Нечаев, на которого, как я думаю, возлагались такие большие надежды в британском МИДе, сошел с дистанции, угодив в тюрьму, – я вернул в папку листы, которые держал в руках, и достал лист с таблицей. – Но вернемся к мировым событиям. После франко-прусской войны, при негласной поддержке Пруссии мы начинаем потихоньку восстанавливать своё военное присутствие в Черном море. Построены подземные артиллерийские укрепления в районе Керчи. Построены и введены в семьдесят шестом году в строй броненосцы береговой обороны «Новгород» и «Киев», в дальнейшем «Вице-адмирал Попов». В том же году османами жестоко подавлено апрельское восстание в Болгарии. Начинаются попытки Александра Второго мирными средствами улучшить положение христиан на Балканах, которые были сорваны упорным нежеланием турок, при поддержке британцев, идти на уступки. В апреле семьдесят седьмого года Россия объявила Турции войну. Ее популярность в стране необыкновенная. Русские воюют ведь даже не за Босфор и Дарданеллы. Они защищают братьев-славян от жестокости турецких башибузуков. Но прямо за ее началом кучка одурманенных книжной пропагандой юнцов пытается вызвать внутри России крестьянское восстание.

– Что за восстание? – поинтересовался цесаревич.

– Неудачная попытка группы народников поднять крестьянское восстание в Чигиринском уезде Киевской губернии с помощью подложного царского манифеста, в котором царь якобы признавал своё бессилие помочь крестьянам и предписывал им объединяться в тайные общества с целью восстания против дворян и чиновников, – ответил я. – Материалов по этому делу у меня практически нет. Но по чьей указке на октябрь месяц семьдесят седьмого года было запланировано восстание?

– Здесь как-то всё несколько натянуто, Тимофей Васильевич, – произнёс генерал-губернатор. – В те годы крестьянские волнения были частыми.

– Хорошо, ваше превосходительство. Следующий пример. В начале января семьдесят восьмого года русские войска находятся в десятке километров от турецкой столицы! Еще немного, и она сдастся. Вот тут-то двадцать четвертого января Вера Засулич стреляет в петербургского градоначальника генерала Трепова. Прошел только месяц со дня выстрелов Веры Засулич, и страна была поражена целым вихрем покушений, – я перевернул листок. – Двадцать третьего февраля в Киеве из револьвера ранен товарищ прокурора окружного суда Котляровский. В марте убит жандармский полковник Кноп. Двадцать пятого мая кинжалом убит жандармский следователь барон Гейкинг. Четвёртого августа на Михайловской площади Петербурга убит шеф русских жандармов генерал Мезенцев. Девятого февраля семьдесят девятого года убит харьковский губернатор князь Кропоткин.

– Да. Изрядно, – пробурчал барон Корф, а цесаревич взглядом поторопил меня продолжить.

– Летом семьдесят восьмого вышла прокламация организации «Земля и воля» второго состава, – я порылся в папке и достал листок, с которого прочитал: – «Текущий одна тысяча восемьсот семьдесят восьмой год долго будет памятен человечеству как один из этапов поступательного шествия революции. Никем не судимые, никому не подсудные земные – боги-цари и царские временщики – убеждаются на собственной шкуре, что и на них есть суд. Решавшие одним росчерком пера вопрос о жизни и смерти человека с ужасом увидали, что и они подлежат смертной казни».

– Сведения достоверны? – поинтересовался у меня Николай.

– Всё это взято из документов, представленных Савельевым, – ответил я. – Думаю, что в Санкт-Петербурге у генерала Черевина таких данных намного больше. Я к чему всё это рассказываю, ваше императорское высочество. Время совершения всех этих покушений, кроме последнего, это время между Сан-Стефанским мирным договором с Турцией и Берлинским трактатом. Когда стоял вопрос о начале новой войны, но уже против Турции, Англии и Австрии. И инициатором этого противостояния опять была Англия, которая ещё

первого февраля семьдесят восьмого года ввела в Дарданеллы свою эскадру. И кому выгодно такое резкое обострение террора в стране, когда основная масса населения ратует за победу русского оружия?

– Н-да, чем дальше, тем интереснее... – задумчиво произнёс цесаревич.

– Кстати, ваше императорское высочество, именно в мае семьдесят восьмого года второй состав организации «Земля и воля» принимает свою программу. В папке она есть. Очень интересен последний пункт, который говорит о том, что необходимо «систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства и вообще людей, которыми держится тот или другой ненавистный нам порядок», – я достал из папки ещё один лист. – А через год полтора десятка человек тайно от своих товарищей выделились из «Земли и воли» и создали террористическую организацию «Народная воля», которая основной целью объявила убийство государя. И началась охота.

– И им это удалось, иродам. Царствия тебе небесного, Александр Николаевич, – барон Корф истово перекрестился, за ним наложили на себя крест и я с Николаем.

– Я прикинул, ваше императорское высочество, расходы на организацию покушений на Александра Второго только по основным тратам. Плюс те данные, которые приводит в своих книгах Кравчинский, который убил генерала Мезенцева. Цифры получаются очень приличные.

– И какие же? – поинтересовался Николай.

– В ноябре семьдесят девятого года на Александра Второго готовилось пять покушений с применением динамита во время его обратного путешествия из Крыма в Петербург. По данным Кравчинского, на три из них, которые готовил он, было потрачено от тридцати до сорока тысяч рублей. Если взять средний расход на одно покушение, то общая сумма составит пятьдесят-шестьдесят тысяч рублей.

– Не дурно... Кхм! – хмыкнул генерал-губернатор.

– Да, ваше высокопревосходительство, не дурно. На взрыв пятого февраля восьмидесятого года было затрачено три пуда динамита, а на минирование Каменного моста семь пудов. Для его создания была организована лаборатория, закупался глицерин, азотная кислота. На

десять пудов денег много надо. Примерную сумму тяжело назвать, но не думаю, что меньше озвученной выше. Далее, минная галерея на Садовой улице, бомбы для метателей. Всё это время разъезды революционеров, съемные квартиры, многочисленный гардероб, неплохое питание. Откуда у полутора десятков человек, которые нигде не работают, такие деньги? За два года ими потрачено не меньше ста тысяч рублей. Это по минимуму.

– И вы, Тимофей Васильевич, считаете, что эти деньги революционеры получили от британского правительства? – заинтересованно спросил барон Корф.

– Ваше высокопревосходительство, именно в это время была осуществлена генералом Скобелевым Ахал-текинская экспедиция. И кому результаты этой экспедиции, как нож острый у шеи?

– Не знаю, Тимофей, не знаю, – генерал-губернатор, огладил свою бороду. – Таким образом, можно во всех наших бедах обвинить англичан.

– Ваше высокопревосходительство, во время афганского кризиса британский парламент проголосовал за выделение одиннадцати миллионов фунтов на возможную войну с нашим государством. А здесь каких-то семнадцать-двадцать тысяч тех же фунтов, и смерть государя на четыре года остановила расширение границ Российской империи в Средней Азии, – я глубоко вздохнул и продолжил: – Понимаю, что в основном мои выводы бездоказательны. Но ещё знаменитый римский юрист Кассиан Лонгин Равилла в первом веке учил, что при расследовании преступлений в первую очередь надо смотреть на то, кому выгодно это преступление. Ну не верю я, что «первомартовцы», в основном нормально образованные люди, действительно считали, что, убив государя, что-то смогут изменить.

– Не скажите, Тимофей Васильевич, – барон Корф облизал губы. – Я помню тот шок, в который впал, когда узнал о смерти государя. Да и многие мои знакомые тогда застыли в ожидании, какую же политику начнёт проводить Александр Александрович. Что тогда только не печатали в газетах. Обстановка в больших городах была взрывоопасной. Слава богу, государь император скрутил всю эту камарилью.

– Тимофей Васильевич, а чем вы объясните покушения на меня и кто их, по-вашему, финансировал? – спросил Николай, и я опять

увидел, как в его глазах промелькнул страх.

«Наверное, тяжело жить, ощущая себя объектом охоты, – подумал я. – На войне всё проще. Перед тобой враг, рядом с тобой друзья. А тут не знаешь, откуда смерть может прийти».

– С какого покушения начать, ваше императорское высочество? – поинтересовался я у цесаревича.

– С крушения поезда, – увидев удивлённый взгляд барона Корфа, Николай пояснил ему: – Андрей Николаевич, генерал Черевин уверен и в своё время смог убедить меня, что это был террористический акт. Кроме того, моя на тот момент шестилетняя сестра Ольга перед началом крушения слышала, по её описанию, звук взрыва, что подтверждает её няня. После чего начал разрушаться их вагон.

– Первый раз об этом слышу, ваше императорское высочество, – генерал-губернатор в волнении начал терзать одну часть своей бороды – бакенбарды. – Официально, причиной крушения признали нарушение режима движения поезда и несоответствующее содержание путей в том месте, где произошла катастрофа.

– Андрей Николаевич, я о расследовании Петра Александровича случайно узнал. Вошёл в кабинет к отцу, когда ему генерал докладывал. Вот и услышал. Один инженер-путеец рассчитал, что если взорвать небольшой заряд динамита на передней оси вагона, то картина получится идентичной той, которая и образовалась на месте крушения. И ещё не нашли помощника повара, который устроился в поезд незадолго до трагедии, – Николай повернулся в мою сторону. – Так что скажете по этому крушению, Тимофей Васильевич?

– Ваше императорское высочество, вот хоть убейте меня, но и здесь, по моему мнению, британские уши торчат. Слишком сильно государь император мешает британцам. В восемьдесят седьмом году в «Большой игре с Лондоном», как пишут в газетах, был подписан договор, по которому к России отошли значительные участки к югу от Пенде. Документ зафиксировал описание русско-афганской границы от реки Гери-Руде на западе до Амударьи на востоке. В этом моменте британцы нам проиграли, и мирные отношения с джентльменами висят на волоске. К тому же начинается борьба за Памир. Кроме того, подписанное в этом же году Англией, Австро-Венгрией и Италией так называемое Средиземноморское соглашение поставило своей целью воспрепятствовать осуществлению планов России в отношении

проливов, а также расширению влияния Англии в Средиземном море и на северном побережье Африки, – я сделал паузу. – Очень тяжело достоверно оценить ту политическую обстановку, которая была в восемьдесят седьмом – восемьдесят восьмом годах. Но можно сказать одно, между Российской и Британской империей идёт дипломатическая война, которая в любой момент может вылиться в вооружённый конфликт. И Самодержец Всея Руси из-за своей неуступчивости в вопросах политики должен сойти со сцены и, возможно, вместе со всей семьей, что приведёт...

Закончить фразу я не успел, так как был резко прерван Николаем:

– Тимофей Васильевич, я надеюсь, вы этого не отразили в своём докладе?

– Никак нет, ваше императорское высочество, данное крушение как покушение я не рассматривал.

– И не надо. Перейдите к следующему, – цесаревич ободряюще, но с холодными глазами улыбнулся мне. А барон Корф, достав платок, начал вытирать свой вспотевший лоб.

– Ваше императорское высочество, два следующих покушения на вас имеют ярко выраженный японский след. Японский самурай-полицейский, японский стрелок с оптической винтовкой на острове. Телеграмма мне вашего отца с сообщением, что японский след подтверждается. Возможно, и вам он что-то сообщил, – я вопросительно посмотрел на цесаревича, но тот махнул мне рукой, чтобы я продолжал. – У меня мало информации, в основном из газет и учебников, но из того, что узнал, считаю, что данные действия могли быть организованы партией войны в Японии. Не примите, ваше императорское высочество, мои следующие слова навязчивой идеей, но, по моему мнению, военные чиновники в правительстве Японии, особенно флотские, находятся под сильным влиянием Англии. Это можно объяснить тем, что морской офицерский корпус Страны восходящего солнца обучается в основном в Англии.

– О том, что англичане и политически, и экономически доминируют здесь, я вам, ваше императорское высочество, рассказывал, – вступил в разговор барон Корф. – О том, что британцы буквально кормят Японию с руки, тоже. Наши дипломаты пытаются противостоять этому. Частично удается. Вот уже десять лет наш

дальневосточный флот зимует в Нагасаки. Но не всем это по нраву. Англичанам точно.

– Андрей Николаевич, я смотрю, вы заразились от сотника сильнейшей англофобией, – шутливым тоном произнёс Николай.

– Фобия не фобия, – генерал-губернатор вновь протёр лоб платком, – а я вот не знаю, что бы случилось, если бы вы в Японии погибли или потом бы там между островами убиты были. Даже и предположить не могу, как бы его императорское величество отреагировал бы. Война бы, наверное, была.

– Она и так скоро будет, – машинально произнёс я и мысленно прикусил себе язык.

– Какая война, Тимофей Васильевич? – напряженно спросил цесаревич.

– Между Японией и Китаем за обладание Кореей, – ответил я.

– Вух... Напугали вы меня, Тимофей Васильевич, – генерал-губернатор вновь воспользовался платком. – И откуда такие сведения?

– Воинственный настрой японской прессы, казаки гутарят между собой, корейцы в последнее время всеми правдами и неправдами пытаются вывезти сюда своих родственников. Много китайцев в эту зиму не вернулись на родину, остались в городе. И так повсюду от Владивостока до Хабаровска. Мне Тарала рассказывал... – я на секунду задумался, а потом продолжил: – Скоро придёт первый обоз из Сретенска. Думаю, и от него до Хабаровска картина будет такой же. Корейцы и китайцы знают, какие зверства творят японцы. Помнят их пиратские набеги.

– А вы, Андрей Николаевич, что скажете? – Николай обратился к генерал-губернатору.

– Честно говоря, не знаю, что и сказать. По МИДу из Японии каких-либо сообщений не было. Но Тимофей Васильевич прав, что-то такое в воздухе крутится. Мои генштабисты тоже говорят о высокой вероятности начала в ближайшее время войны между Китаем и Японией. Цель Японии – контроль Королевства Чосон и захват острова Формоза.

– И когда война, Тимофей Васильевич? – спросил уже меня цесаревич.

– Думаю, не раньше весны следующего года.

– И что же будем делать?.. – наследник престола задумался. – Так, Тимофей Васильевич, давайте-ка сначала закончим с докладом, а потом вернёмся уже к теме японско-китайской войны.

– Слушаюсь, ваше императорское высочество, – я сидя кивнул головой. – Последнее готовящееся и предотвращённое покушение на вас также хорошо финансировалось и снабжалось, вплоть до подлинных британских паспортов. Террористы заранее имели данные о контрабандистах и ссыльных на Дальнем Востоке, что говорит о наличии здесь их информаторов. Да! Ещё. Сегодня из Благовещенска по телеграфу пришёл краткий отчёт о дополнительном допросе французского гражданина Нино. Революционеры, которые проживали у него, также имели британские паспорта, представились агентами фирмы «Бриторус» в Лондоне и передали Эмилию Францевичу письмо от директора этой фирмы, написанное его рукой. Либо подделка, либо у нигилистов-революционеров такие связи, либо...

– Всё понятно, Тимофей Васильевич. В докладе этот вопрос отражён?

– Так точно, ваше императорское высочество. Всё тезисно изложено.

– Какие-нибудь предложения представлены?

– Да, ваше императорское высочество. Предложение о создании на Дальнем Востоке специальной группы, которая будет комплексно работать, как по революционной деятельности, так и по шпионской.

– Данное предложение хорошо обосновано? – поинтересовался генерал-губернатор, которому как любому чиновнику расширение штатов всегда в копилку.

– Нет, ваше высокопревосходительство. Только обозначено, – ответил я барону Корфу.

– Надо всё подробно расписать. Цели, задачи, функции, штаты, обеспечение и всё такое прочее. Недели хватит?

– Хватит, ваше высокопревосходительство.

– Ну что же, тогда будем считать, что доклад закончен. Его вы мне вместе с бумагами оставляете, – произнёс цесаревич. – Большое спасибо, Тимофей Васильевич.

Глава 17

Бал

Я намылил мочалку, после чего стал надраивать себя, вспоминая события последних трёх недель.

Мой доклад по финансированию революционеров только им не закончился. После того, как обсудили возможность скорой японско-китайской войны, я всё же решился обратиться к цесаревичу ещё с двумя проблемами.

– Ваше императорское высочество, знакомясь с программами революционных организаций, я отметил, что экономической основой для революции, по мнению народников, марксистов, является бедственное положение крестьян и рабочих. Про последних Маркс в своём манифесте написал, что «пролетариям нечего терять кроме своих цепей». И я о чём подумал...

– О чём же, Тимофей Васильевич? – заинтересованно спросил меня Николай.

– А нельзя ли на государственном уровне законодательно провести реформы, которые бы улучшили положение тех же крестьян и рабочих? Их в населении Российской империи почти девяносто процентов. А если человек сыт, одет, обут, имеет крышу над головой, возможность спокойно продолжать свой род, имеет уверенность в завтрашнем дне и то, что его экономическое положение и через десять лет не изменится, то такое общество не будет подвержено революционным волнениям, – я замолчал и перевёл про себя дух.

– И каким образом, Тимофей Васильевич, вы хотите осуществить такие реформы? – поинтересовался барон Корф.

– Не знаю, ваше высокопревосходительство. Я не экономист и не финансист. Просто в прошлом году, когда был в своём имении, то ужаснулся тем условиям, в которых живут крестьяне. Да у нас на Дальнем Востоке у любого казака баня больше, чем те халупы, где проживают крестьянские семьи.

– И вы, Тимофей Васильевич, решили провести революционные изменения в жизни крестьян, которые проживали на вашей земле? – улыбаясь, спросил цесаревич.

– Ваше императорское высочество, не на моей, но и крестьянам она не принадлежала. После реформы шестьдесят первого года прошло уже тридцать лет, а крестьяне в Курковицах всё ещё оставались временнообязанными. С учетом того, что в девяносто первом и девяносто втором году был неурожай, положение их было очень тяжёлым. Долг за землю значительно увеличился, а чтобы выжить, по окончании крестьянских работ два года подряд они уходили кусочничать.

– Что, простите, делать? – переспросил Николай.

– Собирать милостыню в виде кусков пищи, – ответил я.

– Как такое могло произойти? – удивился наследник престола. – Насколько мне преподавали, то проведенные реформы и государственная поддержка должна была привести к тому, что крестьяне должны были уже получить свою землю и стать крепкими крестьянами-собственниками.

– Как мне объяснил мой управляющий имением Сазонов, тот средний надел в три десятины, который был выделен крестьянской семье, явно не достаточен для её кормления. Кроме того, помимо отрезков, которыми пользовались помещики при выделении наделов, другими инструментами ущемления прав крестьян были переселения на неплодородные земли, лишение выпасов, лесов, водоёмов, загонов и других необходимых каждому крестьянину угодий. Трудности для крестьян представляла и чересполосица, вынуждавшая крестьян арендовать у помещиков земли, которые вдавались клиньями в крестьянские наделы, – я даже удивился про себя. Слова, которыми мой управляющий делал мне доклад о финансово-хозяйственном состоянии имения и Курковиц, легко всплывали в голове и ложились на язык.

– А я не вникал в этот вопрос. Управляющие на это есть, – задумчиво произнёс генерал-губернатор. – И что за преобразования вы, Тимофей Васильевич, провели?

– Да я ничего и не проводил. Просто разрешил потратить деньги на проект, который давно вынашивал мой управляющий имения. Подкинул ему ещё пару идей про картофель и животноводство. Вроде бы получилось неплохо. Вместо трёх тысяч месяц назад управляющий перевел мне на счет три с половиной тысячи рублей дохода за этот год. При этом в письме доложил, что кусочничать в прошлом году никто не

ходил. Все живы, сыты. Долги покрывают. Ещё три крестьянские семьи попросились в общину Курковиц.

– И что же за проект? – опять задал вопрос барон Корф.

– Сазонов предложил погасить долги казне за наделы общины деревни Курковицы. Затем установить на наделы твёрдую цену без всяких процентов. Ввести их в общий план пашен имения. Для пахоты закупить лошадей и хороший металлический трёхлемешный колёсный плуг, борону. На этой базе создать плуговую артель, которая будет обрабатывать и землю имения, и общины. Крестьяне будут отрабатывать стоимость долгов за свои участки и урожай на них наёмным трудом. В общем, тот же оброк и барщина, но по фиксированным расценкам, которые будут учитывать заинтересованность крестьян в своём труде. Я ещё порекомендовал кроме зерновых сажать картофель и прикупить коров для производства масла. Из-за бедности крестьян сделать общий коровник, за каждой коровой закрепить крестьянскую семью. А коров со временем они смогут выкупить. В общем, колхоз получился, – я замолк.

– Что получился? – переспросил Андрей Николаевич.

– Коллективное хозяйство, или сокращённо колхоз, ваше высокопревосходительство, – ответил я. – Судя по всему, всё получилось удачно.

– Очень удачно, Тимофей Васильевич. Я письмо от Алексея Алексеевича Белёвского пару дней назад получил, в нём он передает от Алекса и Мари привет для Тима, ругается, что тот, то есть вы, Тимофей Васильевич, ни одного письма не прислали почти за год. Мари вообще в гнев, – улыбаясь, торжественно вещал Николай. А на последней фразе сделал страшное лицо.

– Ваше императорское высочество, кто Алекс и Мари и кто я? Мне, конечно, очень польстило, что они назвали меня своим другом, но вот так запросто написать им письма я не рискнул, – смущённо ответил я.

– У них скоро свадьба ожидается. Жалко, что на неё не попадём. Вы, кстати, приглашены, Тимофей Васильевич. А Мари в своё время вам по-соседски точно отомстит за молчание. Я её характер хорошо знаю, – произнёс цесаревич.

Мне же оставалось только с сожалением вздохнуть и, опустив голову, рассматривать носки своих сапог.

– В общем, в этом письме Алекс кратко рассказывает о том, какие сильные изменения произошли в вашем, Тимофей Васильевич, имении и деревне, – увидев вопросительный взгляд барона, Николай пояснил для него: – Андрей Николаевич, в прошлом году Алексей Алексеевич и княжна Мария Трубецкая были в гостях в имении у сотника Аленина-Зейского. Ему это имение моя мама подарила. А в этом году, после сбора урожая, они, по просьбе княгини Трубецкой, которую её управляющий в Елизаветово замучил своими, или, судя по всему, Сазонова идеями, поехали посмотреть, к чему они привели в имении у Тимофея Васильевича. Осмотр как имения, так и деревни их впечатлил. И новый утеплённый коровник, и новая конюшня, и склад для хранения картофеля, маслобойня. А особенно удивило, с каким старанием и энтузиазмом работали крестьяне. И в Курковицах новые дома-пятистенки строятся.

– Про избы, Александр Иванович, мне ничего не написал. Но это хорошая новость, – я не заметил, как перебил наследника престола, услышав эту новость. Но тот никак на это не отреагировал.

– И ещё одно, что это за опыт, Тимофей Васильевич, над детьми проводите? – спросил меня Николай. – Им каждый день дают чайную ложку масла из печени норвежской трески, которое специально закупает ваш управляющий.

– Ваше императорское высочество, когда я первый раз проезжал через Курковицы, то увидел, что большинство детей в деревне, которые попались мне по дороге, страдают рахитом. А до этого мне в дороге в Петербург в журнале или в газете попала статья-реклама о рыбьем жире. В ней говорилось о том, что норвежский фармацевт и врач, кажется, Петер Мёллер, но точно не помню, около тридцати лет назад обнаружил, что жители западного побережья Норвегии, которые постоянно употребляли в пищу масло печени трески, отличались очень крепким здоровьем. Он разработал метод производства масла из свежей печени норвежской трески и наладил продажу рыбьего жира. Вот я и решил попробовать. Вдруг поможет?! Тем более цена на этот жир оказалась невысокой. Меньше пятидесяти копеек на ребёнка в год выходит. А их в деревне и имении всего пятнадцать душ. Эти расходы также внесли в бюджет проекта, – я мысленно передёрнул плечами, вспомнив, как нам в детском саду и в начальной школе каждое утро

давали по ложке этого жира. Как мы ненавидели за это воспитателей и училку. Но этот жир считался лучшим средством от рахита.

– Тимофей Васильевич, а почему вы просто землю крестьянам не отдали? Насколько я понял, сумма их долгов была не очень большая для вас, – спросил меня генерал-губернатор.

– Ваше высокопревосходительство, я считаю, что человеку надо дать в руку удочку и показать, как ловить рыбу, чтобы выжить. Это лучше, чем один раз бесплатно дать рыбу. Если человек что-то получает без труда, то это, по моему мнению, его развращает. Так что пускай трудятся, зарабатывают хлеб насущный. А раз дома ставить начали, значит, заработок им Сазонов хороший положил. Глядишь, за пару-тройку лет с долгами расплатятся, – я замолк, а потом с улыбкой продолжил: – Тем более я же казак! Вот у кого-то взять задарма – это пожалуйста, а отдать...

Цесаревич и барон Корф, глядя на мою возмущённую физиономию, дружно рассмеялись.

Я, дойдя до этого момента воспоминаний, также разулыбался, выливая на себя из шайки тёплую воду. Встреча и доклад в тот день закончились, когда я обозначил цесаревичу ещё одну проблему – упоминание в программах революционеров старообрядцев, как возможных помощников в свержении самодержавия. Здесь, к сожалению, Николай отделался общими словами. Барон Корф вообще промолчал. Одним словом, доклад прошёл плодотворно. Добавил мне дополнительного геморроя по описанию новой службы и проекта в имени. Плюс цесаревич попросил, чтобы потом доклад да и остальные документы переписал Дан, у которого был каллиграфический почерк, а у меня – как курица лапой.

Я вышел в предбанник, взял нательное бельё и полотенце, после чего вернулся в моечную вытираться и одеваться. Игнатьев протопил баню, чтобы только помыться. Сегодня назначен Рождественский бал. И я сегодня с утра, как савраска, носился по зданию Военного собрания, где часа через два начнётся торжество. Народу на него приглашено множество. Слава богу, удалось настоять, чтобы каждый приглашённый имел свой билет. Пришлось заказывать в типографии, и они были строгой отчётности. Хозяин типографии и её работники были строго предупреждены о последствиях за «лишние билетки». На центральном входе будет пост из казаков и офицера, который будет

осуществлять пропуск в здание только по пригласительным билетам. Все помещения Военного собрания проверили на наличие взрывчатки и прочих смертоубийственных предметов. Входы и выходы в большинстве помещений здания перекрыли и выставили посты из казаков конвоя. Сегодня на дежурство заступили все взвода. Черный вход, кухню и остальные обслуживающие помещения проверили и также перекрыли постами. Ещё одного Халтурина нам не хватало и взрыва, как в Зимнем дворце.

Пока носился по зданию, отдавая распоряжения офицерам конвоя и казакам, обслуживающему персоналу, тайным агентам, взмок, как мышь. А мне сегодня надо быть при полном параде. Как шепнул мне ротмистр Волков, с которым у меня после посиделок с помином Дарьи втроём с цесаревичем сложились очень хорошие взаимоотношения, Николай сегодня будет награждать отличившихся в раскрытии покушения на него. Мне посоветовал быть готовым и в парадном одеянии. Но какую награду ждать, так и не сказал. Вот и прибежал домой, чтобы ополоснуться в бане и переодеться в парадку.

Короткой перебежкой по морозцу из бани вернулся в дом и стал одеваться в форму.

«Что же, *красавец*, – подумал я, рассматривая себя в зеркале, чтобы определить погрешности в одежде. – Жаль, моя птичка не видит. При ней я, если вспомнить, парадный мундир ни разу не надевал».

На девятый день я вместе с братьями и тремя агентессами, которые стали подругами Дарьи, сходил на службу в церковь. Заказал помин по усопшей, поставил свечи. Помолился, вспоминая мою девочку. Потом съездили на кладбище, где уже мысленно поговорил с Дарьей, прося у неё прощения. После возвращения с кладбища вместе с девушками, которые ехали на нанятых санях, вернулся в дом. Браты проехали в казарму, чтобы оставить коней. Моя конюшня для такого количества лошадей была мала. Когда они пришли, стол был уже накрыт. Постаралась нанятая денщиком стряпуха, которая специализировалась в Хабаровске по поминальным обедам.

Посидели тогда хорошо. За столом собрались, действительно, самые близкие люди для меня и для Дарьи. Устин Филиппов несколько перебрал с водочкой. Плакал и клял себя, что не уберёт на рынке свою сестру названую. Маша Филатьева, двоюродная сестра моей девочки,

его успокаивала, глядя по голове. А Ромка ревниво косился на сие действие.

«Эх, Ромка, Ромка, – думал я тогда. – Втюрился ты опять не в того, в кого надо. Не по тебе Мария Александровна. Тем более, та по погибшему Паше Михайлову страдает, только старается этого не показать. На кладбище первой подняла вопрос, что надо и к нему ещё раз на могилу зайти. У него вчера девять дней было. Кто из агентов был свободен от службы, ходили в церковь и на кладбище. Потом они в заведении Тифонтая посидели. Я и Кораблев в церковь и на кладбище с ними сходил. А вот в кабак не пошёл. Жалко, но не по чину уже. Мы с Николаем Алексеевичем у меня в кабинете помянули Пашу хорошей водочкой».

Мои воспоминания перекинулись на Тифонтая. Цесаревич сдержал своё обещание. Дней десять назад китайский купец получил российский паспорт на имя Николая Ивановича Тифонтая. Приходил потом ко мне на службу. Благодарил. Попытался денежку вручить. Пришлось объяснить ему, что меня больше интересует определённая информация, за которую я и сам готов платить хоть деньгами, хоть услугами, хоть информацией. Заодно попросил о личной услуге – попробовать узнать о судьбе моей сестры.

«Может быть, и выгорит что-нибудь у Николая Ивановича с его-то связями», – в очередной раз с надеждой подумал я, поправляя награды на мундире.

После этого позвал денщика и попросил его ещё раз протопить дом на ночь, после чего вручил ему рубль с пожеланием хорошо отметить Рождество, но чтобы тот завтра, как штык, был на службе.

– Слушаюсь, ваше благородие, – бородатая физиономия Василия Петровича расплылась в довольной улыбке. – И вам хорошо отдохнуть.

– Эх, Игнатъев, для конвоя праздники, что для лошади свадьба, голова в цветах, а жо... холка в мыле, – поправился я, вызвав ещё одну довольную лыбу казака.

Через некоторое время был в собрании. Сдав в гардероб верхнюю одежду, пошёл в обход постов. По дороге попались агентессы, которые крутились перед большим зеркалом. Одеты девушки были богато, с настоящими украшениями, которые под залог лично взял у местного ювелира. Сегодня они должны были изображать молодых дворянок.

Народу на бал было приглашено множество, более четырехсот человек. Было большое количество приезжих. Так что такая роль для первого раза должны была прокатить. Основной задачей агентесс был контроль женской половины во время торжества. Выявление подозрительных лиц. Негласная проверка ридикюлей дам. Когда при организации охраны бала заявил, что надо на входе проверять женские сумки, меня чуть на месте не затоптали цесаревич и барон Корф, который присутствовал при этом разговоре. Хорошо, что больше никого не было, а то бы точно живым не вышел из кабинета Николая. И дамские комнаты тоже контролировать надо кому-то.

В общем, сделав девушкам комплименты об их восхитительном внешнем виде, еще раз напомнил задачи, распределил помещения. Сделал замечание Танечке Лагуновой за несколько легкомысленное отношение к предстоящей работе. Напомнил о Вере Засулич. Одним словом, накрутил девчат. После этого двинулся дальше. Вскоре начали прибывать гости, и началась работа.

Бал начался с полонеза. Танец длился около пятнадцати минут. Я в который раз поблагодарил Бога, что я сегодня на службе и могу не танцевать. Кроме вальса так ничего и не выучил. После торжественного марша-полонеза началось награждение. Цесаревич зачитал царский указ и со словами благодарности начал вручать ордена.

Первым получил награду полицмейстер Чернов, который к этому времени почти полностью пришёл в себя от контузии. Осталось небольшое заикание. С учетом уже имевшихся наград Чернов получил Анну второй степени. Головачеву, Банкову, Савельеву и мне вручили Анну третьей степени, тоже с мечами. Мне потом ещё по отдельному указу добавили Станислава третьей степени за внедрение в российские войска нового снаряжения.

Мои РД-54, плащ-палатка, котелок, индивидуальный пакет, жгут были приняты на вооружение царской армии. Николай после награждения мне сказал, что за них мне ещё и неплохие привилегии назначили. Скоро на счет первый платёж придёт. А в моём РД сам император ходил в поход на десять вёрст. Остался очень довольным удобством этого ранца и плащ-палаткой. Из котелка пищу принял с удовольствием. Изменения небольшие, с минимальным удорожанием, по сравнению с тем, что было в снаряжении армии до этого, а удобство

выросло значительно. Кроме того, цесаревич сообщил мне, что все мои братья награждены Анненской медалью и ста рублями. Завтра он вручит награды в присутствии конвоя. Семьям погибших полицейских и Михайлова назначены пенсии по пять рублей в месяц сроком на десять лет.

За такие новости не грех было опрокинуть пару бокалов шампанского. Несколько расслабленный от выпитого, освободившись от поздравляющих лиц, я фланировал по помещениям собрания, когда за спиной услышал женский голос, которой тихо произнёс:

– Тимофей Васильевич, есть подозрительная женщина.

Повернув голову, я встретился с глазами симпатичной блондинки агентессы Соболевой Натальи.

– Где? – тихо спросил я.

– Пошла в дамскую комнату у бального зала, её там Филатьева караулит, – одними губами произнесла Наталья Алексеевна.

– Хорошо, продолжайте работу, – я кивнул головой и направился в сторону помещения, где женский пол справлял свои естественные надобности, а также мог поправить одежду и причёску.

Когда подходил к помещению, проходя через столовую, мне навстречу попала миловидная брюнетка, которая, кивнув головой, быстро прошмыгнула мимо меня, направляясь в основной зал, где происходили танцы и награждение. Что-то заставило меня насторожиться и посмотреть ей вслед. Что-то царапнуло сознание, но что, я не мог понять, но чуйка начала верещать.

В этот момент я увидел в проходе между помещениями, как отворилась дверь дамской комнаты и из неё, покачиваясь, появилась Филатьева. Машенька руками прикрывала рот, а сквозь сложенные ладони и пальцы на пол капала кровь.

– Что случилось? – крикнул я, устремляясь к Филатьевой.

– У неё оружие, – оторвав руки ото рта, смогла произнести Мария Александровна и как-то замедленно осела на паркет.

– Чёрт! – я развернулся и бросился за брюнеткой.

Теперь я понял, что меня смутило. Ридикюль, который несла в руках девушка, раскачивался при ходьбе очень сильно, будто в нём лежало что-то тяжёлое.

Пролетев столовую, я ворвался в зал и увидел, что брюнетка направляется к цесаревичу, до которого ей осталось шагов пятнадцать.

Николай стоял, придерживая под локоток Элеонору, которая с театром прибыла в Хабаровск неделю назад. Рядом стояли барон Корф с супругой, генерал Духовский, у которого щека уже зажила, с супругой, ротмистр Волков, ещё кто-то из свиты. Личников, роль которых сегодня выполняли Лис, Леший, Тур и Дан, я рядом с цесаревичем не увидел. Они, хоть и коробочкой, но стояли шагах в пяти от этой группы.

Увидев, как рука девушки опустилась в ридикюль, я запаниковал, поняв, что добежать до неё не успеваю до того, как она откроет огонь. Глаз зацепил канделябр с незажженными свечами, который стоял на столе для карточной игры у стены. В каком-то немыслимом развороте-прыжке подлетел к этому столу, схватил подсвечник и с криком «оружие» запустил им в девушку, которая уже поднимала револьвер на уровень глаз.

Канделябр, пролетев, как копье, метров шесть, угодил основанием в затылок брюнетке. Удар был настолько сильным, что девушка рухнула как подкошенная. Револьвер вывалился у неё из руки и с громким стуком, следом за подсвечником, упал на пол. Я подскочил к террористке, перевернул её лицом вниз и быстро своим офицерским шарфом связал сзади ей руки.

– Не трогать револьвер! – рявкнул на какого-то шпака, который начал нагибаться к оружию.

От моего рёва тот, распрямившись, сделал пару шагов назад, врезавшись в кого-то. Краем глаза отмечая, что Лис и остальные личники пытаются вывести цесаревича из зала, махнул рукой двум агентам, который стояли вдоль стены, изображая официантов, при этом, если требовалось, реально обслуживали гостей. Пока те пробирались через образовавшуюся вокруг нас толпу гостей, я подобрал револьвер, сунул его в карман, отметив, что это бескурковый револьвер Галана «Tue Tue». Парочку таких мне подарили на день рождения. Хорошее оружие для скрытого ношения, спуск мягкий, бой отличный.

Склонившись над девушкой, которая до сих пор была без сознания, не обращая внимания на окружающих, перевернул её на бок и открыл ей рот. Осмотрел ротовую полость на предмет наличия каких-нибудь емкостей с ядом. После этого пробежался пальцами по краю декольте в таких же целях, чем вызвал возмущенный шепот окружающих.

«Да по хрен всё, – подумал я. – Одного террориста упустил. Этой покончить с собой не дам».

Наконец до меня добрались агенты. Я выпрямился и скомандовал:

– Быстро берем её под руки и несём в дежурку.

Сам двинулся вперед, требуя освободить проход. Агенты, подхватив тело девушки, двинулись за мной. Во время этого действия с ног террористки свалились туфли, из-за чего опять раздался возмущенный гомон.

Спустившись на первый этаж, добрались до помещения, которое было выделено для конвоя на время охраны торжества. Выгнав гревшихся казаков, которые посменно несли службу на улице, приказал посадить девушку на лавку. Ещё раз, уже внимательно, осмотрел полость рта. Соловьёв в своё время пытался отравиться мышьяком при его задержании после покушения на Александра II. Товарищ Иван утопился. А мне очень хотелось побеседовать с этой мадам или мадемуазель. Я быстро ощупал голову брюнетки и обнаружил большую шишку на затылке.

«Слава богу, не в основание черепа попал, – подумал я. – Значит, скоро в себя придет».

Увидев на столе полотенце, на всякий случай связал им девушке ноги в районе лодыжек.

«Береженого Бог бережёт... А ножки у чертовки хороши, вон как ребята хотят заработать косоглазие», – пронеслось у меня в голове.

В этот момент в комнату вошли агентессы Татьяна и Наталья.

– Так, Соболева, Лагунова, проводите полный досмотр террористки на предмет наличия оружия, яда. Все заколки, шпильки из волос долой. В общем, любой предмет сюда на стол. И осторожнее, та же заколка может быть смазана ядом. Не развязывать. Всё понятно?

Девушки одновременно кивнули.

– Отлично. Ну а мы, братцы, пока покинем помещение, – обратился я к агентам.

Конечно, лучше бы мне самому присутствовать при досмотре, но наши действия и так вызвали возмущение у аристократической публики. А полный досмотр предусматривал практически полное раздевание объекта. Тогда вообще слухи пойдут о зверствах секретной службы над бедной девушкой. Поэтому вышел из помещения вместе с агентами и наткнулся на цесаревича, который в окружении всех

офицеров конвоя, Волкова, Савельева, Чернова, личников подходил к дежурке. Лица у офицеров были у кого бледноватые, а у кого красные. Андриналинчик не только у меня в кровь брызнул.

– Сотник, что происходит? – раздражённо спросил меня Николай.

«Оба-на, уже сотник, а не Тимофей Васильевич. Он что, так ничего и не понял или не увидел?» – подумал я про себя, а вслух произнёс:

– Ваше императорское высочество, предотвращено покушение на вас неизвестной пока террористкой, – я достал из кармана револьвер и показал его. – Из него собирались в вас стрелять. Чудом удалось этого не допустить. И извините, ваше императорское высочество, но мне нужно отдать распоряжение.

Я отвернулся от наследника и приказал агентам, которые принесли тело девушки:

– Ермолаев, Дубинин, бегом к дамской комнате, которая у танцевальной залы, там раненая агентесса Филатьева. Оказать ей помощь. Выполнять!

– Слушаюсь, – дружно рявкнули ребята и, огибая цесаревича со свитой, бросились исполнять приказ. Тем более оба неровно дышали к Машеньке.

– Кто-то ранен? – удивлённо спросил Николай.

– Агентесса Филатьева Мария Александровна. Видимо, она пыталась задержать преступницу. Ваше императорское высочество, если бы не агентессы, мы бы не успели обезоружить террористку.

С этими словами я сноровисто, благо опыт был, отсоединил ствол револьвера от рамки и показал всем барабан, из которого выглядывало пять пуль.

– Насколько я понял, обезоружили преступницу вы, Тимофей Васильевич? А то я ничего не понял. Услышал крик «оружие», а потом меня личники буквально на руках вынесли из зала, – произнёс цесаревич.

– Да, ваше императорское высочество. И признаюсь, удалось это в самое последнее мгновение. Ещё чуть-чуть, и было бы поздно, – я нервно передёрнул плечами. Кажется, у меня начинался отходняк. Тело ощутимо стало потряхивать.

– Получается, вы опять спасли мне жизнь, Тимофей Васильевич? – наследник престола грустно усмехнулся. – И кто же на меня покушался в этот раз?

– Пока не установили, ваше императорское высочество. В настоящий момент агентессы Лагунова и Соболева производят полный досмотр преступницы. Потом должны привести её в чувство.

– Она что, без со... сознания? – заикаясь, спросил полицмейстер Чернов.

– Да, Александр Михайлович. Слишком сильно я ей в голову канделябр запустил, – увидев удивление в глазах всех присутствующих, пояснил: – Я, когда в танцевальную залу вбежал, увидел, что террористка уже опустила руку в ридикюль, чтобы достать оружие. Поняв, что не успеваю добежать до неё, крикнул «оружие» и кинул в преступницу подвернувшимся под руку канделябром. Надеюсь, без сильных последствий, и она сможет давать показания.

Первым хмыкнул-хрюкнул, сдерживая смех, ротмистр Волков, потом командир взвода забайкальцев сотник Шадрин. Не выдержав, рассмеялся цесаревич, а за ним расхохотались все остальные, сбрасывая напряжение от стресса. В этот момент раскрылась дверь дежурки и из неё вышла Соболева, которая замерла на пороге, удивлённо смотря на открывшуюся ей картину.

– Надо же, канделябром, – всхлипывая, произнёс Николай, пытаясь удержать смех. Наконец ему это удалось. Посмотрев на застывшую девушку, он произнёс. – А вы кто, прекрасная незнакомка?

Покрасневшая от смущения Наталья изобразила что-то похожее на строевую стойку и чётко ответила:

– Агентесса секретной части Соболева Наталья Алексеевна, ваше императорское высочество. Разрешите доложить?

– Докладывайте, – сдерживая улыбку, произнёс цесаревич.

А ротмистр Волков тихо произнёс:

– Эх ты, как Тимофей Васильевич девиц выучил. Почти заправский кавалерист получился.

– Полный досмотр террористки произведён. Все найденные предметы сложены на столе. Яда не обнаружено, но две заколки можно использовать как холодное оружие. На их кончики надеты колпачки, возможно, заколки смазаны ядом. Мадемуазель пришла в себя. Сильно ругается на русском, польском и французском языках, проклиная царствующий дом Романовых. Доклад окончен, – произнеся последнюю фразу, Соболева ещё больше покраснела.

– Спасибо за доклад, Наталья Алексеевна, – улыбаясь, произнес цесаревич. – Пожалуй, пора познакомиться с этой мадемуазель.

В это время раздался крик: «Ваше императорское высочество! Ваше императорское высочество!»

По лестнице со второго этажа бежал, судя по мундиру, надворный советник. Насколько я помнил, он служил в канцелярии генерал-губернатора.

– Ваше императорское высочество, – подбежавший чиновник перевёл дух, после чего выпалил: – Генерал-губернатор барон Корф скончался. Видимо, апоплексический удар.

«Млять, да как же так, Андрей Николаевич! Жалость-то какая! Эх, дедушка Корф, дедушка Корф! Не увидать вам теперь георгиевский темляк на подаренной шашке. Тьфу ты, мысли какие-то дурные. Но, действительно, очень жалко Андрея Николаевича. Он так хорошо ко мне и братьям относился. Поддерживал во всём», – оглушённый этой новостью, я стоял, тупо уставившись в пол.

Подняв голову, я посмотрел на Николая и увидел, как у того опять меняется цвет глаз. Взгляд цесаревича налился сталью. С силой, сжав кулаки, тот произнёс:

– Александр Михайлович, штабс-ротмистр Савельев и вы, Тимофей Васильевич, пройдёте в помещение для первого допроса этой мадемуазель. Остальных попрошу остаться здесь.

Глава 18

Планы императора

– Владимир Анатольевич, ещё какие-то новости? – Александр III смотрел на князя Барятинского, который с папкой вошёл в кабинет самодержца, уставшими и покрасневшими от бессонницы глазами.

– Да, ваше императорское величество. Телеграфисты работают не покладая рук, даже начальник дворцовой телеграфной конторы коллежский советник Мансветов за ключ сел. С той стороны с телеграфистами хуже. Поэтому передача информации идёт медленно. Но уже можно нарисовать следующую картину покушения, – князь сделал паузу, которой воспользовался император.

– Владимир Анатольевич, присядь. Всю ночь на ногах. Если хочешь, плесни себе чего-нибудь. Вон на столе стоит. Я не буду, а то засну, – Александр III ожесточённо растёр лицо ладонями. – И давай без чинов, Владимир Анатольевич. Не до этого сейчас.

– Как прикажете, Александр Александрович. А спиртного и я не буду. В сон после него точно потянет, – князь сел за стол и раскрыл на нём принесённую папку. – Итак, покушалась на Ники, судя по найденному у неё паспорту, французская поданная Габриэль Мари Эстре. На бал попала по пригласительному билету. Как она стала его обладательницей, пока не установлено.

– А что, этот билет было сложно получить? – перебил Барятинского император.

– Александр Александрович, по предложению сотника Аленина-Зейского пригласительные билеты были отпечатаны в типографии и строго выдавались канцелярией наместника по утверждённым спискам. В Военное собрание пропускались только лица, которые имели такие билеты. Сейчас пытаются по записям в канцелярии установить, как Эстре получила приглашение. Кто ей в этом помог. Девушка молчит, на вопросы не отвечает.

– Опять Аленин?! Почему-то я не удивлён.

– Он там много чего напредлагал. Но я продолжу. Стрелять террористка собиралась из пятизарядного бескуркового револьвера Галана «Тё-Тё». Несмотря на малые размеры и вес, весьма убойная штука. Пять патронов. Пронесла оружие на бал в кобуре,

прикрепленной на бедре. Вызвала подозрение у агентессы секретной части Соболевой взглядами и выражением лица, когда террористка смотрела на цесаревича.

– И как же смотрела эта мадемуазель Эстре на моего сына? – грустно спросил князя самодержец.

– Секундочку, Александр Александрович... Вот! Она буквально сочилась ненавистью, – прочитал по листку в папке Барятинский. – Когда Эстре в дамской комнате переключала револьвер из кобуры в ридикюль, её попыталась задержать другая агентесса – Филатьева Мария Александровна. Она же, будучи раненой, смогла сообщить сотнику Аленину-Зейскому об оружии. А дальше тот смог в последний момент не допустить выстрелов в Ники.

– Н-да! А помните, Владимир Анатольевич, как мы с вами веселились после того, как генерал Черевин узнал, что у него теперь в штате секретной части числятся три женщины. Мне потом докладывали, что Пётр Александрович, несколько усердно обмыв такую новость, грозился открутить головы Аленину-Зейскому и Кораблеву, – император вновь грустно улыбнулся. – А мне теперь ломать голову, как наградить девушек. Что в Европе скажут? Девушки спасли наследника российского престола. Это же...

Александр III замолчал, так и не подобрав слова.

– А я думаю, Европе понравится. Особенно Англии. У них там суфражистки в последние годы совсем распоясались. А тут женщины в секретной части, охраняют царственную особу и членов его семьи. При этом действительно способствовали предотвращению покушения и заслуживают награды. Надежду Дурову ваш прадедушка наградил Знаком отличия военного ордена Святого Георгия за спасение раненого офицера и произвёл в корнеты, – склонив голову, произнёс князь.

– Только под именем Александр Андреевич Александров. Ладно, это самая малая трудность в этой ситуации. Найдем, как и чем наградить. Основной вопрос, что делать с Николаем. Я сегодня Минни еле смог успокоить, когда пришла первая депеша с сообщением о покушении. Она к себе ушла только пару часов назад. Вот такое Рождество получилось. Вторую ночь на ногах. Сначала служба в церкви, а сегодня суматоха после этого известия, – император как-то обречённо махнул рукой.

– И как отреагировала её императорское величество Мария Фёдоровна? Мне Илларион Иванович сказал, что очень бурно?

– Бурно, Владимир Анатольевич. Очень бурно. Чуть больше месяца назад известия о готовящемся покушении на Ники. Взрыв. Погибшие, раненые. Уже тогда Минни требовала от меня, чтобы я вернул Ники в Петербург. Обучать государственным делам можно и в Гатчине. А не бросать, как кутёнка в воду, наблюдая, выплывет или нет. Кстати, информацию по барону Корфу подтвердили?

– Да, ваше императорское величество. К глубокому сожалению, Андрей Николаевич скоропостижно скончался, апоплексический удар. Временно к исполнению обязанностей приступил генерал Духовский.

– Жалость какая. Очень хорошим человеком и администратором был Андрей Николаевич. Многому мог бы обучить Ники в управлении Дальним Востоком. Но теперь Минни поставила вопрос ребром. Николая срочно отозвать сюда, домой, и женить.

– Тогда лучше всего направить за цесаревичем корабль. Пока дойдёт до Владивостока, как раз навигация начнётся. Если сейчас по суше идти, очень уж тяжёлый путь получится. В январе, феврале самые морозы. Как бы не застудить наследника.

– Может быть, не один корабль послать, а часть Средиземноморской эскадры, которая сейчас в Греции в порту Пирей стоит, тем более, броненосный крейсер «Адмирал Нахимов» из её состава планировали в Нагасаки отправить на усиление Тихоокеанской корабельной группы, – задумчиво произнёс император. – Ладно, с Алексеем Александровичем посоветуюсь. Зря, что ли, он у нас чин генерал-адмирала имеет.

– Думаю, это правильное решение. Надо усилить нашу эскадру в Тихом океане, – князь помассировал виски. – Судя по всему, в следующем году ожидается новый виток крестьянских волнений в Корее, с которым король Кочжон может и не справиться. А если Китай введёт в Корею для подавления восстания свои войска, то Япония может ответить войной.

– Мы обсуждали такую возможность. Николай Иванович зачитывал анализ фон Вебера по обстановке в Корее и возможных вариантов развития событий вокруг неё, – Александр III повторил движения Бярятинского, помассировав себе виски. – Так вы считаете, Владимир Анатольевич, что война между Китаем и Японией неизбежна?

– Да, ваше императорское величество. У меня сложилось такое мнение. Да и фон Вебер считает, что такое событие наиболее вероятно. Насколько я понял из пояснений нашего министра иностранных дел, Карл Иванович добился больших успехов во взаимоотношениях с ванном Кочжоном, и ему на месте ситуация виднее, – Барятинский, закончив говорить, твердо посмотрел в глаза своего государя.

– Надо будет у Гирса затребовать этот доклад ещё раз. Возможно, я что-то пропустил. Сейчас мне кажется, что ниточки покушений на Ники как-то связаны с противостоянием Китая и Японии.

– Александр Александрович, Карл Иванович отмечал в своем докладе-анализе связь руководства секты Тонхак и ультранационалистического японского общества «Гэньёся». И те, и другие дружно выступают против иноземцев. Причем в Корее последователи секты в Сеуле выходили на улицы с лозунгами «Долой японцев и европейцев, да здравствует справедливость!». Вот такие друзья, – князь усмехнулся. – А в Японии националисты начинают пользоваться всё большей популярностью. При этом члены «Гэньёся» не боятся пускать в ход оружие. Ещё Шевич докладывал, что на парламентских выборах девяносто второго года полиция и националистические организации, с молчаливой поддержки администрации Мацукаты Масаёси, попытались насильственно обеспечить успех проправительственным силам. Эти выборы стали самыми жестокими в истории Японии. За время многочисленных беспорядков в период выборов были убиты тридцать пять человек и около четырёхсот получили ранения. Кстати, покушавшийся на Ники Цуда Сандзо был полицейским. Хитрово сейчас пытается узнать, не был ли он членом «Гэньёся». А то как-то подозрительно быстро этот Цуда умер в тюрьме.

– Что известно по этому «геносю»? Черт, язык сломаешь, – выругался император.

– Информацию о данном обществе начал собирать ещё Дмитрий Егорович Шевич, наш предыдущий посланник в Японии. Если кратко, то организация тесно связана с агрессивными кланами аристократов, чиновничества, военных, финансистов, промышленников. Члены «Гэньёся» выступают за милитаризацию страны, внешнеполитическую экспансию, открыто пропагандируют, особенно в последнее время, идеи захвата Китая, Кореи, российского Дальнего

Востока. Видимо, это и есть та «партии войны», о которой мы думали, разбирая первые два покушения на цесаревича.

– Это я уже слышал, когда генерал Черевин докладывал мне по документам подполковника Фукусима, которые так лихо перефотографировали Аленин и, как его, Савельев, кажется. Там были три листка с докладом кому-то о возможности нового покушения на Ники. Что-то новое узнали? – раздражённо спросил Александр.

– Ваше императорское величество, об этом вам лучше поинтересоваться у Черевина и Гирца. Мне они не докладывают. Насколько мне известно, посланнику Хитрово дано указание выяснить, кто из министров поддерживает, а может быть, и является членом общества «Гэньёся». Какие действия предпринял Пётр Александрович, мне не известно, – ровно ответил Барятинский.

– Извините, Владимир Анатольевич, нервы, – император устало закрыл глаза и продолжил: – Просто в последние годы вы остались единственным, кто рядом со мной. Илларион Иванович весь ушёл в дела Императорского двора и уделов. В Гатчине теперь ночует редко. Петр Александрович всё чаще заканчивает вечер на дне стакана, а я работаю до двух-трёх часов ночи. Вот случилось покушение на сына и наследника престола. Вроде бы и Рождество, гости были, а посоветоваться, кроме как с тобой, и не с кем.

Император открыл глаза и внимательно посмотрел на князя.

– Владимир Анатольевич, если со мной что случится, прошу тебя как друга, не оставь без помощи Минни и Ники, – обращаясь на «ты», что делал очень редко, произнёс государь.

– Ваше императорское величество, вы о чём? Что может с вами случиться? – вскочив со стула, взволнованно произнёс князь.

Александр махнул рукой, призывая Барятинского сесть, и вновь закрыл глаза.

– Маятно мне, Володя. Вчера подписал русско-французскую военную конвенцию. Решил не переносить её ратификацию на следующий год. Гирцу ещё документ не отдавал.

Император открыл глаза и впери́л тяжёлый взгляд в лицо князя.

– Понимаешь, Володя, я эту конвенцию подписал, чтобы не началась ещё одна война между Германией и Францией. Надо было как-то остановить Вильгельма в его имперских амбициях. Но я уже говорил, что у России только два союзника – это её армия и флот.

Поэтому если Российской империи будет этот союз невыгоден, я его разорву. Не хочу проливать русскую кровь за интересы французов, которые скинули с престола какого уже там по счёту короля. А вот Ники к этому не готов. Запоздал я с его введением в государственные дела. И отправить его на Дальний Восток наместником, как теперь думаю, было ошибкой.

– Ваше императорское величество, извините за вопрос, у вас есть какие-нибудь проблемы со здоровьем? – осторожно спросил Барятинский.

– Нет, Владимир Анатольевич. С тех пор как стал принимать настойку, полученную в подарок от казака Аленина, здоровья добавилось и работоспособность повысилась. И не только работоспособность, – император хитро улыбнулся. – И Георгию, пишут, стало значительно лучше. Он хотел даже на Рождество приехать, но я ему запретил. Кстати, как обстоят дела с поиском в Японии этого корейского кудесника?

– Его ищут, ваше императорское величество. Пока безрезультатно.

– Жаль! Как мне сказал Бадмаев, в этой настойке кроме женьшеня ещё несколько трав, которые в совокупности и дают такой прекрасный результат. Отправьте депешу Хитрово, чтобы тот усилил поиски. Может, обещать этому врачу содержание и охрану царского дома Романовых. А о моей просьбе не забудьте, Владимир Анатольевич.

– Не забуду, Александр Александрович. Но надеюсь, вы меня переживёте.

– Дай бог всем нам прожить как можно дольше и во здравии, – император протёр глаза. – Давайте-ка, Владимир Анатольевич, отдохнём часика три-четыре, а то при таком режиме работы никакого здоровья не хватит. Основные детали покушения узнали. Теперь время терпит. Надо успокоиться и принять правильные решения. Сейчас у нас пять утра. На двенадцать назначаю совет у меня в большом кабинете. Илларион Иванович во дворце, вы здесь, Пётр Александрович также у себя в комнатах. Вызовите на завтра генерал-адмирала Алексея Александровича, министров Ванновского и Гирса, а также Дурново и Шебеко. После этого можете отдыхать. Иллариону Ивановичу также отдайте распоряжение от моего имени, чтобы шёл спать. Дальше на телеграфе и Мансветов справится.

– Слушаюсь, ваше императорское величество. Сейчас дойду до телеграфной конторы и отдам ваши распоряжения, – произнес Барятинский, поднявшись со стула.

– Вот и хорошо. Надо отдохнуть, – с этими слова Александр тяжело поднялся со стула-кресла и, махнув рукой, как бы прощаясь, усталой походкой направился в сторону своих апартаментов.

Через семь часов Самодержец Всероссийский Александр III, под бой часов, бодрой походкой вошёл в свой кабинет, где его дожидались первые лица правительства государства российского. Когда царь вошёл в помещение, все присутствующие в кабинете встали и склонили в поклоне головы.

– Господа, прошу рассаживаться за столом, – дождавшись, когда все расселись, государь продолжил: – Как вы уже знаете, вчера на Рождественском балу в Хабаровске было совершено покушение на государя наследника великого князя Николая Александровича. Я собрал вас, чтобы обсудить это происшествие и решить, как нам отреагировать на данное событие. Пётр Александрович, доложите подробности покушения и что стало известно на сегодняшний момент.

Генерал Черевин поднялся со своего места и, дождавшись, когда государь опустится в свое кресло, начал доклад.

– Ваше императорское величество, господа, вчера около семнадцати часов по времени, соответствующему городу Хабаровск, была совершена попытка убийства цесаревича. Девица двадцати – двадцати пяти лет от роду, по паспорту французская поданная Габриэль Мари Эстре собиралась выстрелить в наследника престола с расстояния менее десяти шагов из револьвера Галана «Тё-Тё». Сегодня с утра опробовали такой же револьвер на стрельбище. С десяти шагов даже неумёха все пять патронов может в грудь положить. Спуск мягкий, отдача почти не чувствуется, размеры и вес небольшие. Как раз для женской руки. Очень грамотный подбор средства покушения.

– Какой калибр? – поинтересовался военный министр Ванновский.

– Где-то три и пятнадцать сотых линии, Пётр Семёнович. Пуля тупоконечная, проникающая способность и убойное действие сильные. Револьвер в Льеже выпускают и продают как оружие для самообороны от бродячих собак. В общем, хорошее оружие, – ответил Черевин.

– Пётр Александрович, не отвлекайтесь, – попросил своего главного охранника император.

– Слушаюсь, ваше императорское величество, – генерал склонил голову и продолжил: – Предотвратил покушение обер-офицер конвоя сотник Аленин-Зейский, который отвечает за подготовку личников и работу секретной части в конвое цесаревича. Получив информацию от агентов, он успел вовремя обезоружить террористку.

– Пётр Александрович, вы не всё докладываете об этом эпизоде, – улыбнулся Александр, и в этом его поддержали министр внутренних дел Дурново и заместитель Шебеко, заведующий полицией и командир отдельного корпуса жандармов.

Генерал Черевин сморщился, будто разжевал дольку лимона вместе с кожурой, после чего продолжил доклад:

– Агентесса секретной части конвоя цесаревича Соболева заподозрила террористку по её поведению. Вторая агентесса Филатьева попыталась в дамской комнате задержать преступницу, когда та перекладывала револьвер из кобуры, которая располагалась у неё на бедре под платьем, в ридикюль. Филатьевой задержать террористку не удалось. Та два раза ударила её рукоятью револьвера. У агентессы сломана челюсть, разбиты губы и сильный ушиб головы в районе темени. Несмотря на ранение, Филатьева смогла сообщить информацию сотнику Аленину-Зейскому, который, ворвавшись в бальный зал, где находились цесаревич и террористка, готовившаяся стрелять, запустил в неё, как копьё, канделябр со свечами. От удара в голову эта Эстре потеряла сознание и не смогла выстрелить в наследника престола. По этому эпизоду всё... – Черевин угрюмо посмотрел на министра внутренних дел и его товарища.

– Значит, канделябром, говорите, запустил, – хмыкнул Ванновский. – Пётр Александрович, что же вы так кадры свои плохо учите? Один канделябрами бросает, вторая не может задержать преступницу. Отчего же такая слабая подготовка в секретной части?

– Подготовка у Аленина-Зейского отличная, Пётр Семёнович. Попробуйте канделябром попасть с десяти шагов точно в голову. А оружия у него не было с собой, потому что он был в числе награждаемых за предотвращение предыдущего покушения на государя наследника, которое, можно сказать, он и раскрыл, – Черевин с вызовом посмотрел на военного министра.

Всем была известна негласная борьба между Петром Семёновичем и Петром Александровичем за место рядом с императором. И тот, и другой считались друзьями государя. Император Александр III очень любил Ванновского, которого он взял из корпусных командиров в Киеве. Пётр Семёнович был начальником штаба у императора, когда Александр III был еще цесаревичем и командовал отрядом войск во время восточной Турецкой кампании. И всё время царствования Александра III был военным министром. А Черевин вот уже четырнадцатый год отвечал за охрану государя и имел большое на него влияние. Поэтому пикировки между ними возникали постоянно и были в порядке вещей. Тем более, Пётр Семёнович был человеком весьма желчным, а Пётр Александрович – резким и за словом в карман не лез.

– А девица служит меньше полугода. И она не ожидала нападения. Мадемуазель Эстре ударила Филатьеву сразу, как достала револьвер, снизу и с разворота. В такой ситуации не каждый боец среагирует. К тому же сегодня были получены сведения, что террористка, вернее всего, также проходила обучение в Швейцарии и в том же пансионате, где проходили обучение предыдущие террористы, которые готовили бомбы, и Белков, который и опознал Эстре, – продолжил Черевин.

– Девица заговорила? – прервал своего охранника император.

– Пока неизвестно, ваше императорское величество. На совет я прибыл прямо из телеграфной конторы. Последнее сообщение было о том, что Белков опознал Эстре. Ему дали возможность переговорить с террористкой. Потом в камеру к преступнице заходил сотник Аленин-Зейский. После его выхода зашёл Савельев, которому сотник сообщил, что девица готова к разговору. Ждем результатов. Я дал команду Мансветову, как что-то прояснится, сразу же нести информацию на совет.

– Ну, если с девицей поговорил Аленин, то она точно всё расскажет, – усмехаясь, произнёс Шебеко.

– С чего вы это взяли, Николай Игнатьевич? – поинтересовался министр иностранных дел.

– Ваше императорское величество, господа, а вам известно, каким образом террорист Белков стал сотрудничать со следствием и наговорил уже на два смертных приговора для себя?

– Признаться, мне об этом не докладывали, – с явной заинтересованностью произнёс Александр.

Остальные члены совета отрицательно покачали головой. Кто-то и вслух признался в своём незнании.

– Штабс-ротмистр Савельев кратко сообщил мне по телеграфу, что сотник Аленин-Зейский и его побратимы из станицы настолько реалистично объяснили, какая мучительная смерть ждёт террориста, если он не расскажет правды и выйдет из кабинета на улицу, что Белков предпочёл признаться, – Шебеко пальцем разгладил свои усы бакенбарды. – Признаюсь, с нетерпением жду расширенный отчёт ротмистра по этому делу, как и остальные материалы.

– И какую же казнь хотел применить к этому Белкову сотник? – поинтересовался у своего подчинённого Дурново.

– Какой-то «красный тюльпан» и одновременно посадить на кол, чтобы ещё дня три мучился.

– Какое варварство, – брезгливо произнёс Гирс. – Я слышал, что этот сотник в своё время у хунхузов уши и головы отрезал.

– А попытка убить наследника престола и будущего императора Всероссийского – это не варварство? – усмехнулся главный полицейский и жандарм Российской империи. – Я надеюсь, что мадемуазель Эстре после беседы с этим варваром пойдёт на сотрудничество со следствием, как и её коллега.

– Николай Игнатьевич, Николай Карлович, господа, не забывайте, что сотник уже третий раз спасает жизнь моего сына. Он отличный казак и настоящий боевой офицер, – жёстко произнёс Александр.

Сидящие за столом молчаливо склонили головы.

– Ещё что-то по покушению известно? – спросил император.

– Пока это вся информация, ваше императорское величество, – ответил генерал Черевин. Дурново и Шебеко согласно кивнули головами.

– Что же подождём, а пока довожу до вас господа, что мною принято решение вернуть цесаревича Николая в Санкт-Петербург морским путём. По дороге домой он должен будет посетить Англию, где, надеюсь, произойдёт его сватовство к принцессе Елене Орлеанской, – император замолчал, глыбой возвышаясь в кресле.

Сидевшие за столом сановники потрясённо молчали, наконец Гирс смог произнести:

– Ваше императорское величество, насколько я знаю, Елена не хочет отречься от католической церкви, в чем её поддерживают папа Лев XIII и отец девушки граф Парижский. Из-за этого в своё время не состоялась её помолвка с Альбертом Виктором.

– Париж стоит мессы, кажется, такие слова вложил в уста французскому королю Генриху Наваррскому писатель Дюма, а Петербург стоит православия, – пророкотал генерал-адмирал. – Думаю, найдутся люди, которые объяснят Луи-Филиппу Орлеанскому, что он и его дочь потеряют, отказавшись от такой партии.

– Вы правы, ваше высочество, – задумчиво пробормотал министр иностранных дел. – Тем более времени достаточно, чтобы решить этот вопрос.

– Вот и решайте, Николай Карлович, – произнёс государь, а потом обратился к брату: – Алексей Александрович, надо подумать, сколько и каких военных судов отправить за Николаем. При этом надо усилить нашу эскадру во Владивостоке. В следующем году по прогнозам будет война между Китаем и Японией за влияние над Кореей. Наш флот должен выглядеть внушительно, чтобы помочь нашим дипломатам. Не так ли, Николай Карлович?

– Ваше императорское величество, – Гирс задумчиво пожевал губами. – В моём ведомстве также склоняются к возможности военных действий между Китаем и Японией в следующем году. И наличие усиленной эскадры нашего флота во Владивостоке было бы хорошим подспорьем в возможных дипломатических переговорах с Японией, Китаем, Кореей и, конечно, с представителями стран Европы, Англии и США.

– Ваше императорское величество, мы всё обсудим в Морском ведомстве. Надо получить подробную информацию о состоянии судов в Средиземном и Чёрном морях. Думаю, до нового года я представлю вам состав, маршрут и график движения судов для усиления Владивостокской эскадры и возвращения государя наследника, – командным голосом отрапортовал генерал-адмирал. – В Англию также надо будет прийти в солидном составе.

– Я надеюсь на вас, Алексей Александрович. Эта миссия важна для государства, – произнёс император, с улыбкой глядя на брата, а потом обратился к Ванновскому: – Пётр Семёнович, я думаю, надо усилить в военном плане Приамурскую область на время возможного конфликта.

– Я отдам необходимые распоряжения, ваше императорское величество. Военный губернатор Приамурской области Павел Фёдорович Унтербергер не только хороший хозяйственник, но и отличный командир. Он окажет всю необходимую помощь генерал-губернатору Духовскому. Насколько мне известно, вы, ваше императорское величество, планируете утвердить Сергея Михайловича в этой должности.

– Да, Пётр Семёнович. Сегодня такой указ будет подписан, – император сжал кулаки. – Очень жалко барона Корфа. Замечательный человек ушёл из жизни. Царство ему небесного.

Император перекрестился, вслед за ним осенили себя крестным знаменем все сидевшие за столом.

– Ваше императорское величество, а какой будет наша позиция в возможном военном конфликте Японии и Китая? – осторожно спросил Гирс.

– Нейтральная, Николай Карлович, нейтральная. Но вот потом надо будет попытаться из результатов этого конфликта решить основную нашу проблему на Дальнем Востоке, – с усмешкой ответил Александр.

– И какую проблему, ваше императорское величество? – вновь задал вопрос министр иностранных дел.

– Незамерзающий порт, Николай Карлович. Он нам вот как нужен, – государь сжал на правой руке свой кулак немалых размеров и потряс им в воздухе. – Владивосток всем хорош, но на три месяца в году он замерзает. Кораблям либо стоять скованными льдами, либо уходить, как сейчас, на зимовку в Японию, это пока она нам дружественная. Во-вторых, Владивосток выходит непосредственно не в океан, а в Японское море. И в перспективе с бурным ростом флота у Японской империи и её сетью островов она может изолировать наш флот от открытого океана. Можно сказать, что уже сейчас выход в Тихий океан зависит от отношений с Японией. Я прав, Алексей Александрович?

– Боюсь, что правы, ваше императорское величество. Морское министерство делает всё, чтобы осуществить скорейшее оборудование Владивостока, ибо только он на данный момент является единственным военным портом открытого моря, способным стать базой крейсерских сил русского флота в Тихом океане. Изначально Владивосток планировался использоваться для дислокации крупных

эскадр, перебрасываемых сюда при необходимости с запада. Пока же корабли эскадры Тихого океана, состав которой меняется от условий военно-политической обстановки, вынуждены проводить большую часть года в зарубежных портах, даже стран – потенциальных наших противников. На настоящий момент порт Владивосток из-за своей неподготовленности не в состоянии снабдить целиком ни один корабль, – генерал-адмирал сделал паузу, чтобы подчеркнуть последнюю фразу, после которой продолжил: – А Япония действительно за последние годы просто гигантскими темпами строит военный флот. И если мы хотим иметь в Тихом океане приоритет, нам необходимо корректировать нашу кораблестроительную программу, утверждённую в восемьдесят втором году. За одиннадцать лет многое изменилось. Из-за промышленной революции в военном деле многие корабли уже устарели еще до строительства на верфи.

– А где нам лучше всего иметь незамерзающий порт, Алексей Александрович? – перебил брата вопросом император.

– У Китая на данный момент есть хорошо укреплённая база Бэйянского флота, которая находится в стратегически важном заливе Люйшунь, где размещены основные ремонтные мощности. База имеет четырёхсотфутовый док для ремонта броненосцев и крейсеров и малый док для ремонта миноносцев. Дноуглубительные работы, проведенные в бухте, позволили довести глубину внутреннего рейда и входа в бухту до двадцати футов, – задумчиво ответил великий князь. – Получить данную базу в аренду – это самый оптимальный вариант. Правда, снабжение только по морю и большое плечо до Владивостока. Второй вариант, порт Гензан на восточном берегу Корейского полуострова, в естественной гавани залива Йонхынман. Море в гавани никогда полностью не замерзает, поэтому порт является отличной якорной стоянкой. Малое плечо до Владивостока. Можно проложить сравнительно небольшой участок железной дороги в рамках Транссиба. Недостаток – опять перекрывается свободный выход в Тихий океан в случае войны со Страной восходящего солнца. Японцы, насколько помню, смогут контролировать к северу от Владивостока пролив Лаперуза у Хоккайдо, на востоке – пролив Цугару между Хоккайдо и Хонсю, на юге – пролив Цусима между Кореей и Японией.

– Спасибо за информацию, Алексей Александрович. В рамках возможного конфликта проработайте приобретение у Китая и у Кореи

различных вариантов морских баз для нашего флота. Также вам надо будет направить своих офицеров в Китай и Японию. Без морского сражения, думаю, дело не обойдётся. Надо будет зафиксировать эффективность действий каждого флота по тем повреждениям, которые получают корабли. Да и другую информацию собрать.

Генерал-адмирал склонил голову, а император повернулся к военному министру.

– Кстати, Пётр Семёнович, а чем занимаются ваши генштабисты в Приамурье? Та особая группа офицеров, которую организовали по предложению наместника, – Александр вопросительно посмотрел на военного министра.

– Ваше императорское величество, насколько мне известно, готовят путешествие в Маньчжурию для картографической разведки.

– То есть они собираются заняться тем, что делают офицеры топографического корпуса. А их зачем в отдельную группу собирали? До вас же доводился доклад по результатам проверки подполковника Фукусима. Тогда было выявлено, что три владельца фотосалона являются офицерами генерального штаба Японии и занимались шпионажем. И не один год. При этом оставались подданными микадо. Наши офицеры что, не могут действовать так же? Честь не позволяет? Или ума не хватает? – с каждой фразой голос императора становился всё более раздражённым.

– Скорее последнее, ваше императорское величество. Такому виду разведки в академии не учат. И я пока не знаю, где взять таких учителей, – ответил Ванновский и опустил голову, уставившись в стол.

– А я вам подскажу, Пётр Семёнович. После предпоследнего покушения, когда погибли полицейские при попытке задержать террористов, Николай, как наместник, утвердил проект полицмейстера Хабаровска Чернова об открытии школы по обучению полицейских для городов Дальнего Востока. Потери надо восполнять и других полицейских учить, чтобы живыми оставались. А две недели назад при этой школе по указанию наместника открыли курсы по подготовке офицеров, пока, правда, в основном вольноопределяющихся, из-за нехватки офицерского состава на Дальнем Востоке. На этих курсах офицеров будут обучать, как выявлять шпионов, террористов, контрабандистов, как создавать свою сеть шпионов на территории

других государств. И знаете, кто у них преподаватели, Пётр Семёнович?

– Нет, ваше императорское величество. Откуда на Дальнем Востоке такие учителя?

– А преподаватели там следующие. Следственный пристав Банков читает лекции по дисциплинам, связанным с расследованием преступлений. Штабс-ротмистр Савельев и другие офицеры корпуса жандармов преподают то, чему их самих учили на курсах при поступлении в корпус. Сотник Аленин-Зейский – рукопашному бою, стрельбе и другим боевым наукам. Нашли ещё пару человек, которые обучают каким-то дисциплинам. Программу обучения отослали мне. Но её ещё полтора месяца ждать.

– Оригинально, ваше императорское величество. Какие-то универсальные кадры получатся. Не удивлюсь, если автор этих курсов сотник Аленин-Зейский? – произнёс Ванновский. – Наш пострел везде поспел.

– Вы правы, Пётр Семёнович. У этого молодого человека удивительная способность предавать очевидному для всех новое, более эффективное направление. И знаете почему, Пётр Семёнович?

– Почему, ваше императорское величество?

– Его не связывают условности. Он не видит для себя ничего странного в том, что на курсах преподают офицеры и чиновники трёх или даже четырёх разных ведомств, которые обычно конкурируют друг с другом, – император сделал паузу, а потом жёстко продолжил: – А поэтому, господа, я требую, чтобы при расследовании последних покушений на моего сына не было никаких межведомственных дрызг. Все должны работать как одно целое, прилагая все усилия. Я хочу знать, кто стоит за этими покушениями. И знать точно. Вы все поняли меня?

Сидевшие за столом дружно склонили головы.

– Пока новой информации не поступило, прервемся на обед, господа. Потом продолжим.

Глава 19

Ценная награда

Я находился в рабочей комнате Гатчинского дворца перед кабинетом императора, ожидая его аудиенции. Вчера в стрелковую школу в Ораниенбауме, куда я был временно откомандирован, прибыл фельдъегерь с приказом прибыть на приём к Александру III. И уже больше получаса жду его в присутствии военного министра Ванновского, которому был в своё время представлен, и группы генералов, с которыми не знаком. Все они уже рассмотрели меня как невиданную зверюшку и тихо вели между собой беседу. Я же, стоя в отдалении от них, прикидывал, чего мне ждать от государя. Причин, по которым меня так неожиданно потребовали на ковёр, было две. Первая – неделю назад прошедшие в Ораниенбауме в присутствии императора испытания пулемётов Максима и Мадсена. Вторая – слухи о моих взаимоотношениях с её императорским высочеством великой княгиней Еленой Филипповной Романовой, в девичестве принцессой Еленой Луизой Генриеттой Орлеанской, которые поползли при дворе.

В этот момент из кабинета государя вышел мой непосредственный начальник генерал Черевин и пригласил их превосходительств войти, мне же показал на стул и осуждающе помахал перед собой пальцем. Рабочая комната опустела, я же, подойдя к стулу, плюхнулся на него и приказал себе расслабиться. Как в той пословице: «Если изнасилование неизбежно, то надо расслабиться и получить удовольствие». Незаметно для себя стал вспоминать события, которые произошли с момента последнего покушения на цесаревича.

Разговорить мадемуазель террористку, когда мы втроём вошли в комнату, не удалось. Девица молчала, изредка ругаясь на трёх языках. В обнаруженных при ней вещах, кроме интересных заколок, нашелся французский паспорт, приличная сумма денег, пригласительный билет и различные женские мелочи. Бал из-за смерти барона Корфа прекратили. Как-то не по-христиански танцевать, когда в комнате покойник лежит.

Машенька, слава богу, легко отделалась, разбитые губы, сломанная челюсть и огромная шишка на голове. Через месяц была как новенькая, только незаметный шрам снизу челюсти говорил о её

ошибке. А вот некоторые, я имею в виду казака Селевёрстова и казака Чупрова, которые отвечали за рукопашный бой в обучении агентов, получили от меня десять персональных занятий по системе Ли Джунг Хи и прокляли всё на белом свете. Да и с Филатьевой провёл пару занятий по «подлым ударам». Но это было позже.

В вечер же торжества по окончании бала и всю ночь трудились, не покладая рук и ног. Надо было установить, кто же такая Габриэль Мари Эстре, откуда она явилась, по чьей воле хотела убить наследника престола, кто за ней стоит. Дел было много. Для опроса населения подключили курсантов организованной десять дней назад школы по подготовке разведчиков и контрразведчиков.

После ознакомления с моим проектом о создании на Дальнем Востоке специальной группы, которая будет комплексно работать, как по революционной деятельности, так и по шпионской, который цесаревич и барон Корф одобрили, отдел при канцелярии генерал-губернатора был создан. В него вошли восемь вольноопределяющихся, подпоручик и корнет. Не хватает на Дальнем Востоке офицерских кадров. Пришлось изворачиваться. Хорошо, что с вольноопределяющимися особых проблем не было. И проверить их было просто. Все местные жители, подноготную которых можно было узнать с момента рождения и до него.

С курсами обошлись малой кровью. Николай, как наместник Дальнего Востока, дал ход проекту полицмейстера Хабаровска Чернова по организации школы для нижних чинов полиции. Было выделено помещение, финансирование. Туда же воткнули и курсы. Тем более учителя были те же. Сборная солянка от всех ведомств. Банков, Савельев и его коллеги, доктор Любарский, начальник вновь созданного в полицейском управлении антропометрического и фотографического бюро Васильев и я. Программа обучения ещё создавалась. Основной упор был сделан на практику, благо все «учителя» были практиками, а не теоретиками.

Вновь созданную группу при канцелярии генерал-губернатора Приамурья в целях конспирации называли «отделом по борьбе с контрабандой». И не зря. Уже через пять дней после выхода приказа наместника об изменении штатов канцелярии и организации курсов обучения меня посетил Тифонтай с «разведочной миссией». Кое-что сообщил по местному криминалу, видимо о конкурентах, сообщил, что

отправил информацию в Китай по моей сестре, а потом тонко в разговоре пытался узнать, что же это за новый отдел организован в канцелярии генерал-губернатора. Пришлось и мне «слить» чуток информации, доверительно сообщив, что готовятся чиновники и офицеры, которые будут бороться с контрабандным выловом морепродуктов в наших водах подданными других государств. Успокоенный Тифонтай ушёл, а я сделал очередную зарубочку в памяти по китайскому купцу, уже российскому подданному.

Вот этих ребят и кинули на опрос населения, раздав им в помощь фото мадемуазель Эстре. Пускай на практике отрабатывают свои минимальные знания, полученные за несколько занятий, и набираются опыта. Как написал великий Пушкин, «опыт, сын ошибок трудных». Без ошибок и шишек на своей голове опыта не получишь. И лучше их получить на родной земле. На чужой результат может стать фатальным.

На утро следующего дня решили провести очную ставку Эстре и Белкова. И она дала результат. Сергей Иванович признал в террористке мадемуазель, которая проживала в том же пансионате, что и он, при подготовке к покушению. Но кто она такая, он сказать не может, так как их не знакомили. А знакомиться самостоятельно с кем-либо в пансионате и округе им было строго запрещено. Несколько раз Белков видел мадемуазель в обществе товарища Степана.

Савельев, который проводил очную ставку, вышел в коридор, довольно потирая руки.

– Силантьев, – позвал он одного из казаков, которые состояли при отделении жандармов. – Пулей летишь на телеграф. Передашь вот эту записку.

С этими словами штабс-ротмистр передал посыльному сложенный листок, а тот бегом направился на выход.

Увидев меня, Савельев улыбнулся и произнёс:

– Опознал Белков мадемуазель Эстре. Она проживала в том же пансионате, где их готовили, и знакома с товарищем Степаном.

– А что она говорит? – поинтересовался я.

– Молчит да Белкова дерьмом по-французски обозвала с парижским прононсом. Тяжеловато будет её разговорить.

– Владимир Александрович, а может, мне её поугатать, как Сергея Ивановича? Если она действительно француженка, то у неё в крови

должен быть ужас перед русскими казаками после Отечественной войны двенадцатого года. А если и из наших барышень с подложным паспортом, то мы для неё варвары и звери.

– А что?! Хорошая идея, Тимофей Васильевич. Вам много времени надо?

– Владимир Александрович, думаю, пяти минут достаточно будет.

Закончив фразу, я осмотрел казаков, которые присутствовали в коридоре. Один из них мне понравился. Широкоплечий крепыш цыганской наружности с серьгой в правом ухе и окладистой черной как смоль бородой. В общем, вылитый разбойник.

– Казак? – обратился я к нему.

– Казак Фомин, ваше благородие, – уважительно ответил мне казачина, косясь на мои погоны и награды. Не пропустил и «клюкву» на шашке.

– Слушай меня внимательно, Фомин. Сейчас мы войдём в кабинет, где допрашивают девицу, которая злоумышляла на цесаревича. Общаться она не хочет. Твоя задача, казак, смотреть на неё так, будто хочешь немедленно её ссильничать во всех известных и неизвестных тебе позах. Ну и словами, если что, мне подыграешь. Всё понятно?

Фомин удивлённо вытаращился на меня, а потом расплылся в довольной улыбке.

– Так точно, ваше благородие, – ответил он под смехок остальных казаков, которые находились в коридоре. Улыбнулся и Савельев.

– Хотелось бы мне посмотреть на это представление, Тимофей Васильевич, но не буду вам мешать, – произнёс штабс-ротмистр.

Кивнув казаку, чтобы тот следовал за мной, я вошёл в кабинет. Поручик Радиевский, который заполнял лист допроса, удивлённо посмотрел на меня, а Белков сделал несколько шагов подальше от меня, пока не упёрся в стену.

– Константин Константинович, – обратился я к поручику. – Владимир Александрович хочет посоветоваться с вами в коридоре, а я вместе с казаком пока посторожу мадемуазель Эстре и господина Белкова, чтобы они глупостей не совершили.

Радиевский, пожав плечами, поднялся из-за стола и вышел в коридор.

– Рад приветствовать вас, Сергей Иванович. Не беспокойтесь, я не по вашу душу. Свои обещания я держу.

Белков смотрел на меня как кролик на удава и, кажется, пытался вжаться в стену. Очень удивлённо на Белкова глядела несостоявшаяся убийца цесаревича, потом она перевела взгляд на меня.

– Мадемуазель, судя по тому, как вы выражались на великом и могучем русском языке, он вам знаком. Моего знания французского недостаточно, чтобы донести до вас все те мысли, которые сейчас озвучу.

Эстре презрительно фыркнула и с вызовом посмотрела на меня.

– Мадемуазель, вы несколько ошиблись, совершая попытку убить наследника российского престола в Хабаровске. Здесь не Европа, а медвежий угол, где закон – тайга, прокурор – медведь. Поэтому, если вы будете молчать, сегодня же ночью вашу камеру посетит взвод казаков, которые сильно изголодались по женскому телу. Если вы и на следующий день не заговорите, ночью данная процедура повторится. Чтобы у вас не осталось иллюзий, тюрьму охраняют казаки, и они будут молчать так же, как и те, которые посетят вас. Они все очень недовольны тем, что вы пытались сделать.

Эстре с недоверием смотрела на меня, но я увидел, как у неё в глазах просыпается страх. В этот момент в разговор вмешался Фомин.

– Вашбродь, дозвольте?

– Чего тебе, Фомин? – процедил я.

– Вашбродь, не надо взвода. Не выдержит барышня, уж больно она тоща. А вот десятка хватит. Мы, ежели что, и по два раза пройдемся. Там в женской камере удобно будет. Кровать-то есть. Руки и ноги полотенцами, чтобы синяков не оставлять, к спинкам привяжем. Подол в зубы и со всем нашим удовольствием, – казак мечтательно зажмурился, а из уголка рта на бороду выступила слюна и затерялась в волосах.

«Верю, еще как верю, – подумал я, глядя на казака. – Вот кому в театре играть. А может, он и не играет?! В паху-то шаровары топорщатся».

Эстре заворуженно уставилась казаку ниже пояса, а Белков, как я отметил краем глаза, с ужасом смотрел на меня.

– И ещё, мадемуазель, если вы думаете, что я пугаю, то вы ошибаетесь. Товарищ Иван, с которым вы наверняка были знакомы, убил мою любимую женщину, а вчера по вашей вине умер человек, которого я уважал, как отца. Поэтому всё, что пообещал, я выполню.

– Это точно, – довольно произнёс Фомин. – Его благородие из казаков. В Приамурье все знают, что Ермак, если что сказал, то обязательно сделает. Ой, извиняйте, ваше благородие.

Я, оставив слова казака без внимания, произнёс:

– Итак, мадемуазель, ваш выбор?

Эстре посмотрела на мою каменную физиономию, лыбящегося в предвкушении Фомина и застывшего в ужасе Белкова и произнесла:

– Я всё расскажу.

– Надеюсь на это. Поверьте, быть просто повешенной и повешенной многократно изнасилованной – это две большие разницы.

Развернувшись, я вышел из кабинета, взмахом руки показав, чтобы Фомин остался в кабинете. В коридоре Савельев и Радиевский вопросительно уставились на меня.

– Она будет говорить, – устало произнёс на их невысказанный вопрос.

Я усмехнулся, выскальзывая из воспоминаний. Показания Эстре нам мало, что дали. Поздняя дочь польского дворянина, участника Польского восстания шестьдесят третьего года, который вовремя смылся во Францию. Там женился. В семидесятом году родилась дочь, которую отец воспитал в ненависти к дому Романовых. Шестнадцатилетней девочкой вышла за француза Эстре, который умер во время эпидемии гриппа. Год назад познакомилась с товарищем Степаном, который стал наставником и любовником. Была отправлена в Хабаровск для контроля выполнения покушения. Когда обе попытки сорвались, самостоятельно приняла решение убить цесаревича во время Рождественского бала. Соблазнила офицера в канцелярии генерал-губернатора, от которого получила пригланительный билет. Кобуру и пистолет получила от своего любовника ещё в Швейцарии для самообороны. Все концы опять сходились в Швейцарию к товарищу Степану. Насколько знаю, им сейчас очень плотно занимаются и жандармы и представители МИДа. Раз до сих пор Белкова и Эстре не казнили, следствие продолжается, а прошло уже девять месяцев.

Награды за предотвращённое покушение пришли с указом императора в конце января девяносто четвёртого года. Наградили всех причастных и не причастных. Агентессы получили медали «За храбрость». Филатьева – золотую с ношением на груди, а Соболева и

Лагунова – по серебряной. Кроме того, им были присвоены чины коллежского регистратора, и, соответственно, девицы получили личное почётное гражданство, а Филатьева отдельным рескриптом императора личное дворянство. Этим был сильно расстроен Ромка, который питал в отношении Машеньки Филатьевой определённые надежды.

Мне дали Владимира четвёртой степени, плюс к этому подарили мызу Калитино, которая была в трёх верстах от моих Курковиц. Видимо, императрица решила сделать из меня барина, либо их величества захотели посмотреть, как я справлюсь ещё с шестьюдесятью пятью дворами крестьян, которые хоть и выкупили свои наделы у бывших хозяев мызы, но их не хватало для нормальной жизни.

Управляющий Сазонов был в таком шоке от этой новости, что разорился на телеграмму, которую можно было свести к двум словам: «Что делать?» Ответил: «Готовьте проект по развитию Калитино». Представьте моё удивление, когда в середине марта, за пару дней до отъезда цесаревича во Владивосток в Хабаровск, с этим проектом прибыл Сёмка, который выступал кучером во время поездки к княгине Трубецкой. По его рассказу о его злоключениях во время этого путешествия можно было написать целый роман. Зато у меня появился личный слуга и ещё один ученик, который просто впитывал боевую науку. Должен же быть у меня в имениях хоть один человек, который знает, как держать оружие. Всякое бывает. Александру Ивановичу отправил телеграмму, что проект одобряю, финансирование разрешаю.

Цесаревич, когда узнал, что ему предстоит сватовство к Елене Орлеанской, отправил Элеонору с театром назад в Благовещенск. Потом на три дня заперся с Волковым в своих апартаментах. В этот раз, слава богу, меня миновала чаша сия, которая, судя по тому, сколько бутылок опустело, была бы размером с тазик, а то и больше.

В путешествие с цесаревичем отправлялся только кубанский взвод, остальные оставались на месте. Хорошо, что было принято решение их не расформировывать, а оставить в составе казачьих войск. Местом дислокации всех трёх взводов так и остался Хабаровск, где была уже готовая инфраструктура. Пришлось расстаться с братьями, но я им клятвенно пообещал, что, как смогу, вернусь назад на Дальний Восток.

Селевёрстовым отписал, чтобы они продолжили планы по строительству гостиницы с баннным комплексом, трактиром, магазином и конюшней. Дом также отписал им, плюс к этому отправил ещё немного денег и просьбу к дядьке Петро поклониться от моего имени могилам родителей, деда и заказать поминальные службы в церкви. Чуринский обоз для передачи письма и денег удачно подвернулся. При этом от станицы Черняева охрану обоза будут осуществлять казачата из станичной школы второго набора. Растёт слава черняевской школы, ширится!

Переход в Англию был осуществлён на уже знакомом цесаревичу броненосном крейсере «Память Азова». Данный корабль ввел меня в состояние шока. Кроме паровой машины он имел парусное вооружение. Я, конечно, не большой знаток флота, но что-то мне мешало ассоциировать данный крейсер с теми кораблями, которые я помнил по картинам и фильмам о Русско-японской войне. Тем более, как узнал, данный крейсер был введён в строй всего три года назад. Его, как узнал, предшественник «Владимир Мономах» и минные крейсера «Всадник» и «Гайдамак», которые прибыли на усиление эскадры Тихого океана, также не порадовали меня своим внешним видом. Я уже стал думать, что точно попал в другой мир. Неужели за десять лет до войны с япами корабли так сильно изменятся?

Ну, как бы там ни было, до греческого порта в городе Пирей дошли без происшествий, за исключением того, что я оказался подвержен морской болезни, особенно если была боковая качка. До этого плавал, точнее ходил только по рекам и никаких проблем не знал. А здесь узнал и некоторое время провёл в не лучшем состоянии, чем немедленно воспользовался ротмистр Волков. У него вошло в привычку, узнавая о моём состоянии здоровья, предложить перекусить чего-нибудь вкусенького или выпить. Веселился он, гад такой, по-дружески!

В Пирее произошла смена кораблей. Для дальнейшего путешествия в Англию цесаревичу были выделены броненосцы «Император Александр II» и «Император Николай I». Вот это были уже другие корабли. Похожие на те, которые я помнил.

В английской резиденции семейства Орлеанских под названием Стоун-Хаус в графстве Бакингемшир произошла встреча Николая и Елены. Что я могу сказать, французская принцесса Елена Луиза

Генриетта Орлеанская мне понравилась и внешностью, и характером. Николаю, как мне показалось на первой и последующих встречах, – тоже, но потом был приём у королевы Великобритании Виктории, где цесаревич встретился со своей прежней любовью. После этой встречи Николай, можно сказать, загрустил, но задание императора выполнил, согласие на брак от Елены было получено. Папаша Луи-Филипп данный брак благословил и был не против перехода Елены в православие. Принцесса также дала добро.

В Кронштадт из Англии пришли в середине мая, а в конце этого же месяца я, как командир конвоя охраны будущей супруги наследника, отправился назад за невестой. Руководил данной экспедицией великий князь Сергей Александрович, с ним в свите отправились мой друг Алекс с Мари, свадьба которых по каким-то причинам была перенесена на август этого года. И я на ней неплохо потом погулял.

Кроме Алекса и Мари в свиту включили представителей «картофельного общества», так называли себя друзья из ближнего детского круга Николая, графа Шереметева Дмитрия с его женой Ириной, которая в девичестве была Воронцовой-Дашковой. Внешне она была очень похожей на принцессу Елену, но только внешне. Характер у Ирины был тяжелым и властным. Бедный Дима! Он вместе с Алексом был ярким представителем подкаблучников. Брат Ирины граф Иван Воронцов-Дашков вместе с женой Варварой очень выгодно выделялись на фоне этих двух пар взаимным уважением и терпением друг к другу.

Благодаря Алексу и Мари, эта тесная компании личных друзей цесаревича меня приняла в свой круг. Правда, не все. Граф Шереметев, род которых, по его словам, выводил свои корни, как и род Романовых, от московского боярина Андрея Кобылы, мягко говоря, отнёсся ко мне прохладно. И сдерживался от дерзостей в мою сторону только потому, что Алекс, как ни крути, был внуком Александра II, двоюродным братом цесаревича, и он называл меня своим другом.

А потом случилось то, что случилось. Мой французский разговорный был откровенно плох, поэтому общался я с принцессой Еленой на английском языке, который остальные представители молодёжи практически не знали. И часто эти беседы были в отдалении от свиты. Елена, узнав, что я трижды спасал жизнь Николая, а один раз закрыл его своим телом от пули, пожелала узнать всё подробно.

Пришлось рассказывать. Со стороны всё это смотрелось двусмысленно, особенно после того, как я начал замечать, что принцесса посматривает на меня явно с женским интересом. Если бы не мой опыт предыдущей жизни, я бы этого не заметил и не почувствовал. А тут чуйка забила тревогу. Что-то мне не хотелось становиться князем Салтыковым, который будущую Екатерину Великую также сопровождал к жениху.

Поэтому после крещения Елены Филипповны тридцатого июня на день святого апостола Филиппа и её бракосочетания с Николаем в конце июля я отпросился в отпуск, чтобы быть подальше от молодых. Хорошо отдохнул в своём имении. Сазонов приводил в действие проект по двум мызам, и у него это очень хорошо получалось. В деревне Курковицы белели новыми срубами избы пятистенки. Как мне пояснил Александр Иванович, года через три-четыре все жители деревни будут жить в своих новых избах и на своих земельных наделах, если не произойдёт неурожая. Но и тогда на картофеле и молоке никто голодать не будет. Благодаря рыбьему жиру все дети живы, окрепли. Глядя на членов курковицкого колхоза, жители новой моей деревни Калитино дружно организовали своё коллективное хозяйство, с учётом распределения земель и проекта Сазонова.

Управляющего я переселил в дом, который принадлежал бывшим хозяевам мызы Калитино. Тот был поменьше моего в Курковицах, да и Калитино требовало большего внимания. А самое главное: у Сазонова в семье случилось пополнение, и младенец Тимофей Александрович, названный в мою честь, оказался очень горластым, особенно по ночам. Так что переселение было вызвано и потребностями в собственном спокойствии. Несмотря на толстые стены дома, молодого Сазонова было слышно.

В общем, во время отпуска оторвался по полной. Обьелся собственноручно выловленными карасиками. Классно потренировался по два раза в день, не считая зарядки. Получил кучу благодарностей от жителей Курковиц и Калитино при встречах. Погулял на свадьбе у Мари и Алекса, на которой встретился со Светланой-Анечкой фон Дерфельден, точнее уже Червонной. Моя не удавшаяся любовь вышла замуж за сына командира первой бригады второй гвардейской кавалерийской дивизии генерал-майора Червонного Сергея Прокофьевича, который был женат на дочери барона Шеринга.

Молодой Червонный служил в чине поручика в том же уланском полку, что и воспитатель Анечки.

На свадьбе нас представили друг другу. Особой радости от встречи в глазах Анечки я не увидел, но меня, если честно, это особо не задело. Моё сознание только фиксировало, что госпожа Червонная очень похожа на мою жену из прошлой жизни, а вот чувства к этой девушке куда-то пропали. В душе оставалась моя Дарьюшка и нерождённый ребёнок.

На этом же торжестве присутствовали и Николай с Еленой, которая подарила мне вальс, пока цесаревич танцевал с невестой. Граф Дима Шереметев, который вместе с женой были в окружении наследника и его жены, почему-то очень расстроился. Честно говоря, он ещё при сопровождении Елены из Англии в Россию как-то по-особенному к ней относился. Даже со своим опытом из прошлой жизни, я не смог бы точно охарактеризовать эти чувства. Больше всего было похоже на ревность мужа к своей жене. Где-то так. Может быть, это было связано с тем, что принцесса и жена графа Ирина были очень похожи.

Я вынырнул из воспоминаний и вскочил со стула. Из кабинета императора вышел военный министр в сопровождении генералов, и они все проследовали на выход. Генерал Черевин, показавшийся в проёме входа в кабинет, взмахом руки показал мне, чтобы я заходил. Лицо у него было очень недовольным.

«Судя по всему, не по испытаниям пулемётов меня хочет видеть государь. А по второму вопросу и без вины можно без головы остаться», – подумал я, с некоторым трепетом входя в кабинет Александра III.

Император сидел за столом, сделав знак, чтобы Черевин вышел, Александр молча показал мне, чтобы я садился на стул. Я сделал первый шаг к стулу, как к эшафоту, и в этот момент под шелест материи в кабинет вошла императрица. Я вытянулся во фрунт, а император, поднявшись и выйдя из-за стола, взял стул-кресло и пододвинул его к жене. Мария Фёдоровна грациозно опустилась в кресло, за ней грузно осел за столом император, который ещё раз показал мне, чтобы я садился на стул. Когда я занял на нём место, Александр произнёс:

– Сотник Аленин-Зейский, расскажите нам, что вас связывает с великой княгиней Еленой Филипповной.

– Ваше императорское величество, – я вскочил со стула, но, повинувшись жесту императора, опустился обратно. – Смею сказать, что только добропорядочные отношения.

– А вот до меня довели другую информацию, – Александр жестко посмотрел мне в глаза.

Я взгляда не отвёл и ответил императору:

– Ваше императорское величество, я был бы плохим личником, если бы не знал о тех слухах, которые поползли по дворцу о наших взаимоотношениях с её императорским высочеством. Но хочу вас заверить, каких-либо оснований они под собой не имеют. Я готов жизнь отдать за государя наследника и его жену. Её императорское высочество я воспринимаю только как жену цесаревича и никак иначе.

– Откуда же появились такие слухи, Тимофей Васильевич? – вступила в разговор императрица.

– Ваше императорское величество, – я опять непроизвольно вскочил, но был посажен обратно на стул жестом уже Марии Фёдоровны. – Возможно, этому послужили наши многочисленные беседы во время путешествия из Англии и уже здесь во дворце. Я плохо знаю французский, а её императорское высочество хорошо говорит на английском, как и я. Из-за того, что беседы между нами велись на том языке, который окружающие мало понимали, и возникли такие слухи. Но я лишь рассказывал её императорскому высочеству об особенностях жизни в России. Много рассказывал о Дальнем Востоке, о жизни казаков, других народах, которые проживают по окраинам нашей империи. Ей действительно было интересно слушать об этом.

– А откуда, Тимофей Васильевич, вы так хорошо знаете английский язык? – этот вопрос задал уже император.

– Ваше императорское величество, на Дальнем Востоке английский язык более распространён, чем другие. Это связано с тем, что основной торговый оборот в Китае и Корее связан с Англией и США, – ответил я. – Вот и выучил его.

– Тимофей Васильевич, а чем было вызвано, что вы сначала вытребовали себе отпуск, а потом почти на два месяца были откомандированы в стрелковую школу? Складывается такое ощущение, что вы стремитесь избежать встреч с Ники и его женой, – задала вопрос Мария Фёдоровна и взглянула на меня так, что куда там рентгену.

– Ваше императорское величество, отпуск я испросил, чтобы разобраться с вашим новым подарком – именем. А в стрелковую школу был откомандирован по требованию военного министра, – пробормотал я, опустив голову, ощущая, насколько фальшиво звучат мои слова.

– Тимофей Васильевич, вы любите Елену?

Охренев от такого вопроса, я вскинул голову и удивлённо уставился на императрицу.

– Ваше императорское величество, в отношении её императорского высочества я испытываю чувство глубокого уважения и почтения, – осторожно подбирая слова, ответил я. – О чём-либо другом я не смею и думать. А точнее не думаю!

Императрица долго и внимательно смотрела на меня, а потом, повернувшись к мужу, произнесла:

– Как я думаю, здесь второй вариант из тех, которые мы обсуждали.

– У меня сложилось такое же мнение, – ответил ей император, который всё это время также не отрывал сурового взора от моего лица. – Но со слухами надо что-то делать. Тимофей Васильевич, а как вы смотрите на то, чтобы некоторое время послужить в Москве? Например, в Сумском полку, к которому приписан ваш друг Алекс.

Император ухмыльнулся и продолжил:

– Выслужите ценз для поступления в академию. Не сомневаюсь, что экзамены вы легко сдадите.

Александр замолчал, ожидая моего ответа.

– Ваше императорское величество, а нельзя ли мне выслужить ценз в Амурском казачьем полку? – с затаённой надеждой спросил я.

– Вы действительно готовы сейчас снова уехать на Дальний Восток? – удивился государь.

– Да, ваше императорское величество, – я мечтательно улыбнулся. – Если честно, то мне часто тайга снится. А иногда просыпаюсь ночью из-за того, что показалось, будто бы с Амура прохладой повеяло.

Я, смутившись от своей откровенности, замолчал, а император и императрица долго смотрели на меня, не говоря ни слова. Наконец Александр, видимо, что-то определив для себя, произнёс:

– Я приму решение позже, а пока, Тимофей Васильевич, можете быть свободным. Оставайтесь в распоряжении Петра Александровича. Он доведёт до вас моё указание.

* * *

Дождавшись, когда сотник выйдет из кабинета, и отправив жестом заглянувшего Черевина обратно, государь повернулся к жене и спросил:

– Что скажешь, Минни?

– Саша, я аккуратно поговорю с Еленой. Не хотелось бы терять наладившееся с ней взаимопонимание. А мальчик хорош. Понял, чем ему грозит внимание с её стороны, и начал искусно избегать встреч. Многие бы постарались воспользоваться такой ситуацией.

– Не знаю, Минни, правильно ли мы поняли его действия. Иногда мне кажется, что в нём ума и благородства куда больше, чем в отпрысках многих знатных родов. Возможно, именно поэтому он чужд дворцовой жизни. Мне, конечно, было бы куда спокойней, если бы он был рядом с Ники, но в сложившейся обстановке этого делать нельзя. В первую очередь для сына. Да и боюсь, что этого казака быстро сожрут здесь.

– И что ты решил? Действительно отправишь его в Амурский полк?

– Я думаю, что моё решение ему понравится.

* * *

Через два дня после памятного разговора с императором я получил предписание отправиться в распоряжение генерал-губернатора Приамурья Духовского. При этом я должен был сопровождать груз до Владивостока, который состоял из пяти пулемётов Максима и десяти Мадсена. Такого ценного подарка от самодержца государства российского я не ожидал.

Глава 20

Разговор с Духовским

– Ваше превосходительство, разрешите войти? – спросил я, входя в открытую секретарём дверь кабинета генерал-губернатора Приамурья генерал-лейтенанта Духовского.

– Входите, сотник, – Сергей Михайлович с улыбкой на лице поднялся со стула и вышел из-за стола. – Рад вас видеть, Тимофей Васильевич. Какими судьбами здесь оказались?

– Ваше превосходительство, представляюсь по случаю прибытия для дальнейшего прохождения службы, – с этими словами из сшитой по моим рисункам полевой офицерской сумки достал конверт и вручил его Духовскому.

Генерал-губернатор осмотрел печати, хмыкнул, сломал их и достал листок. Прочитал и, с интересом глядя на меня, произнёс:

– Тимофей Васильевич, вам известно, где вы будете служить?

– Никак нет, ваше превосходительство. По предписанию должен явиться в ваше распоряжение. Также мною во Владивосток доставлены пять пулемётов Максима и десять пулемётов Мадсена с большим запасом патронов.

– Это хорошо. Слышал об этом оружии, но видеть, сами понимаете, ещё не приходилось, – Духовский улыбнулся в свои запорожские усы. – Но теперь увижу.

Генерал-губернатор с каким-то интересом, но по-доброму посмотрел на меня, потом, сделав шаг ко мне, потрепал за правое плечо.

– Ещё раз скажу, что рад, Тимофей Васильевич, очень рад видеть вас вновь. Проходите, присаживайтесь, – с этими словами генерал подвёл меня к стулу-креслу перед его столом и нажатием на плечо посадил в него.

Заняв своё место за столом, Духовский ещё раз перечитал полученное письмо из канцелярии императора, после чего произнёс:

– Тимофей Васильевич, а где бы вы хотели служить?

– Ваше превосходительство, если бы мне было предоставлено право выбора, то я бы хотел получить под командование три взвода конвойцев, которых бы обучил тактике ведения боевых действий с

использованием пулемётов. А так, куда прикажете, ваше превосходительство. Готов служить в любом подразделении и на любой должности, – с этими словами я встал и принял стойку смиренно.

– Садитесь, Тимофей Васильевич. И давайте дальше без чинов. Беседа у нас будет долгой. Вы же источник новостей о жизни Санкт-Петербурга и императорского двора. Газеты к нам и те почти с двухмесячным опозданием приходят. Так что все новости только по телеграфу. А пока расскажите, что это у вас за сумка такая интересная. Ни разу подобного не видел.

– Сергей Михайлович, столкнувшись в стрелковой школе в Ораниенбауме с неудобством на полигоне заполнять и переносить необходимые бумаги, работать с картами, придумал вот такую полевую офицерскую сумку. По моим эскизам шорник в моём имении сшил таких несколько штук. Пять проходят испытание в Военном ведомстве. Возможно, будут приняты к снаряжению офицерского корпуса.

С этими словами я перекинул через голову ремень сумки, после чего положил её на стол и разложил, показывая внутреннее устройство «гармошки» из трёх складок.

– Вот здесь, Сергей Михайлович, держатели и кармашки для карандашей, циркуля, курвиметра, мне его сделали в мастерской Павла Буре. Там же мне сделали наручный магнитный компас. А здесь в двух отделениях можно хранить карты, документы и прочие бумаги.

«Прости меня, русский изобретатель, фамилию которого забыл. В памяти только осталась информация с кафедры топографии Рязанского училища, что наручной компас был изобретён в России, кажется, в одна тысяча девятьсот седьмом году», – подумал я, вытаскивая из держателей курвиметр и компас, передавая их Духовскому.

После того, как генерал наигрался с игрушками, высчитывая расстояния курвиметром и ориентируясь с помощью компаса на карте, которую достал из шкафа, я показал ему прототип будущей офицерской линейки из дерева с трафаретами значков, которые использовали в этом времени офицеры топографического корпуса и штабов для поднятия карты. И быстро с помощью её нарисовал так называемую в моём времени «афганскую» засаду с использованием имеющихся в настоящем времени пулемётов.

– Что это, Тимофей Васильевич? – задал вопрос генерал-губернатор, который продолжал держать в руках курвиметр и компас, не в силах с ними расстаться.

– Это, Сергей Михайлович, схема засады казаков из десяти человек, вооруженных тремя пулемётами Мадсена на противника силами до роты. Как показало испытание на полигоне в Ораниенбауме, эффективность составила до семидесяти процентов невозвратных потерь у противника за одну минуту боя.

– Этого не может быть! – усы у генерала встопорщились. – Вы хотите сказать, что за одну минуту десять казаков уничтожили семьдесят солдат противника?!

– Ваше превосходительство, во время этого условного боя тремя офицерами Ораниенбаумской школы было выпущено по мишеням из пулемёта Мадсена по одному магазину по тридцать патронов, а ещё семь офицеров сделали по пять выстрелов из винтовок. После чего ими был осуществлён отход с места засады. Весь огневой налёт составил меньше минуты. Последующий подсчет попаданий в мишени показал, что семьдесят процентов условного противника получили критические попадания, которые в реальных боевых действиях привели бы к смерти. Государь был удовлетворён таким результатом.

– Разум и весь мой опыт отказывается в это верить. Надо самому это увидеть.

– Сергей Михайлович, другая засада с использованием двух пулемётов Максима дала ещё более эффективный результат. Восемьдесят процентов убитых из ста солдат противника. А с показом проблем не будет. Я могу всё описать, а пулемёты есть.

– Почему же только описать, – хитро улыбнулся Духовский и посмотрел на меня так, что стал в этот момент похожим на атамана Ивана Сирко с картины Репина «Запорожцы». Её я помнил по прежней жизни, а здесь она уже в запасниках у Александра III. Генерал же продолжил: – Придётся ещё всё организовать и показать, ибо, по указанию государя императора, вы, Тимофей Васильевич, назначаетесь командиром конвойной сотни, а также вам вменяется создание двух пулемётных команд для войск Приамурья.

– Слушаюсь, ваше превосходительство, – я вскочил и вытянулся во фронт со счастливой улыбкой.

– Садитесь, Тимофей Васильевич. Давно не видел такого довольного выражения на лице. Неужто при дворе так плохо служилось, Тимофей Васильевич?!

Я посмотрел на хитро-насмешливое выражение лица генерала и понял, что слухи про наши якобы особые отношения с Еленой меня обогнали. Я опустил на стул и произнёс, тщательно подбирая слова:

– Сергей Михайлович, служба в конвое цесаревича, а затем в секретной части у его превосходительства генерал-лейтенанта Черевина очень почётная и требует полной отдачи, так как стоит вопрос о жизни государя императора и членов его семьи, – я сделал небольшую паузу, чтобы поглубже вздохнуть. При этом отметил, как внимательно меня слушает Духовский. – Но, ваше превосходительство, если откровенно, то не по мне такая служба. Точнее, не служба, а та обстановка, в которой необходимо служить.

– И что же это за обстановка такая, Тимофей Васильевич?

– Я простой казак, ваше превосходительство, а там император, государыня, их императорские высочества, великие князья и аристократы, предки которых ещё от Рюрика идут. Я там каждый день, как по тонкому льду ходил. Каждое слово контролировал, чтобы впросак не попасть. И всё равно попадал. Чтобы при дворе себя нормально чувствовать, надо при нём родиться, – я глубоко выдохнул, думая про себя, не слишком ли я разоткровенничался с генерал-губернатором. – Поэтому, как только появилась возможность, попросил государя вернуть меня сюда, на Дальний Восток в родной полк. Но то, что решил государь, делает меня ещё счастливее. Именно это я обещал своему деду перед его смертью. Стать офицером и обучать казаков новым наукам.

– Да... Может, вы и правы, Тимофей Васильевич. Мне, честно говоря, вас не понять. Моя супруга Варвара Фёдоровна, которая свой род ведёт от великого князя литовского Гедимина, тоже вас не поймёт. Добровольно отказаться от службы при дворе и вернуться сюда, по словам моей жены, «в дыру». Она осталась в Хабаровске и не поехала со мной во Владивосток. Говорит, не могу смотреть на эту грязь и убожество, – генерал-губернатор задумчиво усмехнулся. – Или всё-таки не добровольно?!

– Добровольно, ваше превосходительство. Насколько я понимаю, и сюда докатились слухи об особенных отношениях между мною и её

императорским высочеством великой княгиней Еленой Филипповной. И представляю, сколько всего тут додумали. Но хочу вас заверить, Сергей Михайлович, данные слухи не имеют под собой каких-либо оснований. Из-за того, что распространяют слухи те, чьи предки ведут род от Рюрика и его ближайших бояр, государь император предложил мне продолжить службу в Сумском драгунском полку в Москве, чтобы выслужить ценз для поступления в Николаевскую академию. Я же попросил его, если возможно, вернуть меня на Дальний Восток в Амурский казачий полк. И вот я здесь, – я довольно улыбнулся. – Ценз можно и здесь выслужить. Тем более, знакомых тут встречу много.

– Это точно, Тимофей Васильевич... – Духовский, глядя на мою сияющую улыбку, рассмеялся. Когда успокоился, продолжил: – Другой бы воспринял такое перемещение по службе как крах всего, а вы, Тимофей Васильевич, сияете как новый золотой.

– Но я действительно рад и счастлив вернуться домой. Пусть и временно. Если получится поступить в академию, то после её окончания также буду проситься на дальнейшую службу сюда.

– Вот и хорошо, Тимофей Васильевич, – с этими словами Духовский с сожалением стал запихивать в держатели сумки курвиметр, а за ним компас. – Да, сумка эта куда сподручнее, чем введённая в восемьдесят девятом году. Хорошая вещь. Особенно компас. В Военном ведомстве сумка со всем содержимым рассматривается?

– Да, Сергей Михайлович. С купцом Буре есть договорённость на паевое производство курвиметров и компасов. А с фотографом Болдыревым, который изобрёл смоловидную плёнку-пластинку, договорился, что он попытается создать прозрачную офицерскую линейку. С её помощью поднимать карты будет значительно легче и быстрее.

– Удивляюсь я вашим способностям, Тимофей Васильевич. Как-то на ровном месте вы значительно улучшаете уже известные вещи. Вот взять эту сумку и всё, что в ней есть. По отдельности все вещи имеются сейчас и ими многие пользуются. А вы внесли небольшие изменения, и пожалуйста, переносная штабная канцелярия у каждого офицера с собой.

– Сергей Михайлович, я привёз с собой ещё несколько таких сумок с содержимым для испытания в войсках. Одна ваша, хотя вам как бы

она и необязательна по приказу от восемьдесят девятого года.

– Тимофей Васильевич, если вы подумали, что я откажусь от такого подарка, то глубоко ошибаетесь. Приму с большим удовольствием. Заранее благодарю. А теперь расскажите про пулемёты и как происходили испытания, на которых присутствовал государь император.

– Ваше превосходительство, более года назад Военное ведомство сделало заказ господину Максиму на изготовление нового пулемёта с определенными тактико-техническими характеристиками под русский патрон.

– Насколько мне известно, к данным характеристикам вы, Тимофей Васильевич, имеете непосредственное отношение, – перебил меня генерал-губернатор.

– Да, Сергей Михайлович. Когда посетил первый раз Ораниенбаумскую стрелковую школу, мне удалось пострелять из пулемёта Хайрема Максима и самозарядной винтовки Мадсена. Пришли кое-какие мысли по их улучшению, которые я изложил на бумаге. Когда три месяца назад на полигоне увидел то, что представили господи Максими и Мадсен, был приятно удивлён. Многие мои пожелания были учтены при конструировании данных экземпляров пулемётов, – я удивлённо покрутил головой. – А подполковник Мадсен перешёл на русскую службу в Оружейный отдел Главного артиллерийского управления. Полковника получил по личному указу государя.

Сделав многозначительную паузу, я продолжил:

– Сейчас в городе Коврове Владимирской губернии началось строительство на паях завода по производству ручных пулемётов Мадсена. Датская оружейная фирма «Данск Реккюлриффель Сьондикат», которая произвела двадцать его первых пулемётов, как основной пайщик будет курировать эту стройку и оснащение станками завода. Вильгельм Мадсен входит в состав учредителей этого завода. Признаюсь, и я всем своим капиталом вложил, да ещё и кредит большой взял.

– И много вложили, Тимофей Васильевич? – поинтересовался Духовский.

– На пять процентов паёв хватило. Если честно, Сергей Михайлович, не ради прибыли вложил. Её ещё долго ждать

придётся. Лет пять-шесть, а может, и больше. А вот если мои пять процентов позволят пусть незначительно, но влиять на очередность отгрузки этих пулемётов в войска, то я этому буду сильно рад.

– Палец вам в рот не клади, Тимофей Васильевич, удивляюсь вашей коммерческой хватке.

– Сергей Михайлович, мы, казаки, такие. Всегда думаем, где бы прибыль получить. А здесь ещё и государственное дело. Новое оружие, которое будет ковать победу в случае военных действий.

Духовский задумался, постукивая пальцами по столешнице.

– Ковать победу... Красивое словосочетание. Надеюсь, вы правы. Я пока слабо представляю, как использовать это оружие в бою. Во время русско-турецкой войны десятиствольные картечицы Гатлинга и шестиствольные Барановского как-то себя не показали.

– Ваше превосходительство, всё зависит от грамотного применения нового оружия. А чтобы его грамотно применять, надо нарабатывать тактические схемы. Учить солдат, офицеров эффективно использовать новое оружие. Сейчас, можно сказать, создали два учебных центра. Один в Ораниенбауме, где открыли курсы по подготовке командиров пулемётных команд и будут нарабатывать тактические схемы применения пулемётов в бою. А второй здесь, в Приамурье.

– Командовать которым придётся вам, Тимофей Васильевич, – перебил меня генерал-губернатор. – Другой кандидатуры нет. Да и из письма государя ясно видно, что вам поставлена задача – осуществить применение нового оружия на боевой практике.

Я удивлённо уставился на Духовского.

– В борьбе с контрабандистами и хунхузами, – улыбаясь, пояснил мне генерал. – А вы о чём подумали, Тимофей Васильевич? Не в японско-китайской войне решили поучаствовать?

– Признаться, Сергей Михайлович, такая мысль промелькнула, – ответил я и глубоко выдохнул.

– Успокойтесь, Тимофей Васильевич, вам и по эту сторону границы найдётся, чем заняться. Из-за этой войны корейские беженцы под огнём своих же войск, а также японцев толпами переходят границу. От их рассказов о том, что творят японские солдаты, кровь стынет в жилах. Значительно увеличилось количество нападений на казачьи станицы из Китая. Всякий сброд лезет. Пока непогодица и Амур не замёрз, готовьте свою сотню и пулемётную команду. Будете

стратегическим резервом при моей канцелярии. Не волнуйтесь, на месте сидеть не придётся, – Духовский взмахом руки остановил мою попытку что-то сказать. – Обещаю, будет у вас боевая практика. Будет, и в большом количестве. Найдется, что государю потом отписать. Кстати, какие планы вы, Тимофей Васильевич, наметили?

– Ваше превосходительство, кое-какие наметки я делал, но так как я не знал точно, где и в каком качестве буду служить, серьёзно данный вопрос не прорабатывал. Немедленно этим займусь. Думаю, в течение трёх дней подготовлю докладную записку.

– Хорошо, Тимофей Васильевич. А пока в общих чертах что-нибудь можете сказать?

– Ваше превосходительство, его императорскому величеству на испытаниях больше понравился пулемёт Хайрема Максима. Как мне сообщили, патент на производство этой модификации его пулемёта наше Военное ведомство приобрело. А сейчас стоит вопрос о покупке в Англии завода по производству пулемётов Максима, а также многоствольных картечных и малокалиберных скорострельных пушек Норденфельта, которые стоят на вооружении нашего флота. Перед отъездом слышал, что по этой сделке палки в колёса стала вставлять английская фирма «Виккерс», – я сделал паузу, собираясь с мыслями.

– Продолжайте, Тимофей Васильевич, – поторопил меня Духовский.

– Данный пулемёт должен стать основным в пулемётных командах на батальонном уровне. Пока ещё решается, какое количество пулемётов будет в такой команде.

– Что-то вы, Тимофей Васильевич, как-то кисло говорите об этом. Не согласны с таким решением?

– Да, ваше превосходительство. Вы сами отметили, что картечники Гатлинга и Барановского ничем не проявили себя в русско-турецкой войне. Я считаю, что это произошло из-за того, что их пытались, как артиллерию, использовать отдельными батареями. Боюсь, что использование пулемётных команд также ошибочное решение. Необходимо пулемётами насыщать войска, хотя бы на ротном уровне. Понимаю, что это огромные деньги, но если у нас будут заводы по производству пулемётов, то можно будет постепенно перейти и на взводный уровень. Сейчас же пока батальонный в ближайшие пять-шесть лет.

– Да... Вот это размах у вас, Тимофей Васильевич. Это сколько же пулемётов потребуется? А патронов? Ужас какой-то!

– Я думаю, эффективность данного оружия заставит смириться с его стоимостью и затратами. Во всяком случае, государь император принял решение о покупке завода в Англии, который производит пулемёты Максима, дал разрешение на постройку завода по производству ручных пулемётов.

– Тимофей Васильевич, а почему такая разница? Его императорскому величеству эти ручные пулемёты не понравились?

– Я не могу сказать за государя императора. Но если смотреть, как действуют эти пулемёты, то, конечно, пулемёт Максима выглядит предпочтительней. Но я бы сказал, что это оружие в большей степени для обороны. А вот ручной пулемёт – это оружие для наступления, засад, разведки. Для небольших казачьих отрядов они будут как манна небесная.

– Прям манна небесная, Тимофей Васильевич?

– Сергей Михайлович, вот посмотрите ещё раз схему засады. Она организуется, если есть возможность застать противника врасплох, когда он движется низиной, в ущелье, в общем, когда есть возможность ударить со склонов. Так как на полигоне в Ораниенбаумской школе таких низин не наблюдалось, мы её создали. Пулемёты и стрелки засели на сделанных для них вышках. Мишени представляли собой вкопанные в землю бревна, у которых отдельно чурбак, изображавший голову, был прикреплён к торцу бревна деревянной шпилькой. Если пуля скользнет, то «голова» остается на месте. Если нормальное попадание, то чурбак слетает. «Головы» офицеров и унтер-офицеров были окрашены другим цветом, чем у солдат.

Духовский слушал мой рассказ с неослабевающим вниманием.

– Войска были вкопаны в колонну по три. Шли, так сказать, тремя взводами. Вот по ним и открыли с вышек огонь три ручных пулемёта и семь винтовок. Всего было выпущено сто двадцать пять патронов. Семьдесят критических попаданий. Результаты просто великолепные. Их можно объяснить тем, что в десяток вошли лучшие на курсах офицеры-стрелки. И думаю, половина попаданий – это дело стрелков из винтовок. Тем более три винтовки были с оптическим прицелом. Они выбивали офицерский и унтер-офицерский состав из мишеней.

Но и больше тридцати попаданий на три пулемёта – тоже хороший результат.

– Что за оптический прицел и с какого расстояния стреляли офицеры? – заинтересованно спросил генерал-губернатор.

– Расстояние от площадки на вышке до средней колонны условного противника около двухсот пятидесяти шагов, – ответил я сначала на второй вопрос Духовского. – А оптический прицел тоже с моей подачи сделали в мастерских стрелковой школы. На охотничьем ружье, которое мне подарил на день рождения цесаревич, оптическая трубка больно уж неудобная. Вот и решил сделать её поменьше. Я сюда привёз три таких прицела.

– И хорошо получилось?

– Сергей Михайлович, каждый из офицеров, который хоть раз подержал в руках винтовку с этой оптикой, заявлял, что приобретёт такой прицел, несмотря на его стоимость. Точно не скажу, но слышал, что государь император поставил задачу графу Воронцову-Дашкову рассмотреть вопрос о создании завода по производству таких прицелов. Из-за того, что линзы пришлось закупать в Германии, цена получилась высокой.

– Однако, Тимофей Васильевич, вы три прицела привезли?

– Ваше превосходительство, я с помощью этого прицела с тысячи шагов за минуту пять мишеней в чурбак-голову поразил из обычной казачьей винтовки.

– Однако, Тимофей Васильевич. Поразительная точность. Хотелось бы это побыстрее увидеть.

– Назначайте время, ваше превосходительство. Думаю, здесь, во Владивостоке, есть стрельбище. Там можно будет осуществить показ стрельбы из пулемётов и винтовки с оптическим прицелом. Я сам всё и покажу. А вот показать то, что было представлено государю императору на полигоне в Ораниенбауме, боюсь, придётся не скоро. Надо обучить пулемётчиков, стрелков из винтовки с оптическим прицелом, подготовить мишени.

– Так, Тимофей Васильевич, пулемёты и винтовку с оптикой давайте посмотрим завтра. Здесь есть неплохое стрельбище. А всё остальное готовьте уже в Хабаровске. Сотня ваша там стоит. Там организуете большие показательные стрельбы с применением нового оружия. Это будет где-то месяца через два-три. К январю я вместе с

большинством офицеров и чиновников переберусь в Хабаровск на зиму. Вызову командиров линейных батальонов, командиров казачьих полков с замами. Там всё и посмотрим.

– Слушаюсь, ваше превосходительство, организую всё, как показывали его императорскому величеству, – я вскочил со стула, принимая стойку смиренно. – Я ещё не обо всём рассказал. Засада – это был первый этап показательных стрельб.

– Садитесь, садитесь, Тимофей Васильевич. Я сейчас прикажу нам чайку принести. И под него вы всё подробно мне расскажете. Про стрельбы больше не надо рассказывать, а то смотреть будет неинтересно. А вот что при дворе происходило всё это время, очень хочется услышать...

Эпилог

– Здравствуй, деда Афанасий, – я присел на лавочку у могил родителей и деда. – И вы здравствуйте, Василий Афанасьевич и Екатерина Тимофеевна. Извините, лично вас не знал, а реальный Тимоха погиб, но я вас всех уже воспринимаю как своих самых близких родственников. А на том свете сочтёмся.

С этими словами я достал из офицерской сумки бутылку с лучшей водкой, которая была у Селевёрстовых в трактире и магазине, потом стакан и тряпицу, в которую были завёрнуты небольшой кусок хлеба, нарезанное дольками сало да три штуки яиц. Сковырнув пробку, я набулькал в стакан грамм сто, а потом, встав с лавки, полил из бутылки водкой на три могилы.

– Извините, что не по правилам поступаю, но я так привык в прошлой своей жизни. Как положено, было вчера. И службу отстоял, и свечи поставил, и к вам заглянул. Только народа было много. Да и торопились все. В трактире уже столы ломились да водка в графинах стыла. А сегодня время есть.

Поставив бутылку на лавку и подняв стакан на уровень глаз, я поморщился, глядя на прозрачную жидкость, а затем после резкого выдоха в один мах проглотил водку. Закусив небольшим кусочком хлеба и сала, закрыл глаза, чувствуя, как от желудка к голове поднимается тепло, а на висках и лбу выступили капли пота.

Вчера вместе с братьями на пароходе прибыл в станицу Черняева в краткосрочный июльский отпуск. За зиму моя сотня и сформированная пулемётная команда дважды сильно отличились в отражении нападений хунхузов. Особенно в феврале, когда на льду Амура свою смерть нашли больше двухсот бандитов. Тогда жару дали пулемётчики. Четверо саней с пулемётами Максима, установленными в специально сделанные крепления сзади саней, вырвались вперёд нашего отряда, который из-за мыса вышел в лоб на ожидаемую банду. Резко развернувшись, сани разошлись по двое к берегам, а потом ударили перекрёстно длинными очередями по хунхузам, которые пытались развернуться в лаву и атаковать.

В лоб бандитам ударили ещё шесть ручных пулемётов, а также спешившиеся два взвода казаков. Третий взвод, заходивший верхами

по китайскому берегу во фланг нападавшим разбойникам, остался без работы. Им осталось только гоняться за отдельными оставшимися живыми бандитами. Кинжальный огонь пулемётов не оставил никаких шансов хунхузам.

Были и ещё схватки, но из крупных, с применением такого количества пулемётов, тот бой был единственным, но он оставил глубокий след в мозгах моих казаков и офицеров сотни. Впервые на практике они увидели, что может натворить плотный пулемётный огонь. И только после этого боя, где у нас было всего четверо раненых, убедились, насколько эффективно новое оружие.

В общем, за ту бойню и другие подвиги сотни и пулемётной команды отличившиеся были награждены и отпущены в краткосрочные отпуска. Вот вчера после молебна во вновь отстроенном трактире дядьки Петро Селевёрстова была организована грандиозная пьянка, на которой главными героями были я с братьями. Мне за зимнюю кампанию против хунхузов капнул орден Станислава второй степени. Генерал-губернатор постарался. Браты получили медали «За храбрость», кому какая шла по очередности. Пулемёты в сотне первыми освоили они, и большинство побитых хунхузов было на их совести.

А гуляла вчера, по-моему, вся станица. Головушка сегодня болела сильно-сильно. Где-то с середины нежданного праздника каждый из стариков захотел чокнуться посудой с Тимохой Алениным, которого он «ещё вот таким мальцом помнил», а кто «и лозой по заднице охаживал» за проказы. За стариками потянулись другие станичники. А дальше те клетки головного мозга, которые не хотели пить, умерли первыми.

Я налил в стакан ещё граммов пятьдесят водки, выпил, закусил.

– Вот такие вот дела, дорогие родственники, – вслух произнёс я, благо никого рядом на кладбище не было. – Стал я, деда, офицером, как ты и хотел. Полную грудь орденов уже нахватать успел. Казаков новому бою учу с новым оружием. Браты в двадцать лет наградами увешаны. Слава о станице Черняева и её бойцах по всему Приамурью разлетелась. Только похвастаться не перед кем. Пришёл сегодня к вам, рассказать. Жалко, вы мою Дарьюшку не видели. Она бы вам понравилась. А может быть, вы там встретились?! Это было бы хорошо.

Я налил ещё граммов пятьдесят в стакан, а оставшуюся водку вылил на могилы и положил на них по яйцу. Посидел минут пять, вспоминая события после моего попадания в это тело. Закончив воспоминания и мысленный разговор с дедом Афанасием, выпил водку, закусив остатками хлеба и сала, после чего сложил в сумку пустую бутылку, стакан и тряпицу. Поднявшись с лавки, поклонился могилам и перекрестился.

– Ну что же, вот и свиделись. Перед отъездом ещё раз навещу. А вот когда следующий раз приду, даже и не знаю. Дядька Петро, как и обещал, следит за вашими могилами. Он и его семья теперь тоже мне родными стали. В общем, всё у меня хорошо. Даст бог, в следующем году в академию поступлю, окончу её и опять сюда вернусь. Ну, мне пора. Спасибо, вам. Хоть здесь можно откровенно поговорить.

Я ещё раз перекрестился и направился на выход с кладбища. Через несколько минут был в доме, который когда-то для меня был построен. Его я отписал Селевёрстовым, но на время отпуска его предоставили мне и Ромке, который ночевать так и не пришёл. Где-то загулял, лишь бы голова или головка не пострадали.

Сняв китель и аккуратно повесив его на вешалку, я двинулся в кухню-закуток. Сдвинув у печи в сторону заслонку, я потянул носом восхитительный запах пищи, приготовленной в русской печке. Выпитые двести граммов почти без закуски срочно требовали плотной пищи и лучше всего щей. Вчера снохи семейства Селевёрстовых навели в доме порядок и приготовили в печи кучу вкусняшек.

Взяв в руки ухват, вытащил чугунок с ещё горячими щами. Налив супа в тарелку, отрезал хлеба и, разложив всё это на столе в комнате, хотел приступить к приёму пищи, но в этот момент закрипела входная дверь, и в комнату ввалился дядька Петро. Перекрестившись на образа в красном углу, дядька произнёс:

– Приятного аппетита, Тимофей Васильевич, а я вот проведать пришёл, как чувствуешь себя.

– Проходи, дядька Петро. Щи будешь?! Лучшее лекарство с похмелья.

Селевёрстов осмотрел стол и озадаченно произнёс:

– Боюсь, без водочки щи не помогут.

– Извини, дядька Петро, но ту бутылку, которую вчера взял у тебя в магазине, я сейчас на кладбище на помин пустил. Вчера как-то всё

бегом получилось. Вот с утра и сходил поговорить с родителями да дедом.

– Ну, это дело поправимо, – лукаво улыбаясь, Селевёрстов достал из кармана шаровар бутылку беленькой. – Такая же, как ты вчера брал. Самая лучшая. Её только господа берут.

– Так, дядька Петро, ты в доме куда лучше ориентируешься, так что командуй. Где чего брать.

Через пару минут сели с дядькой за накрытый стол. Селевёрстов, сковырнув пробку, стал разливать водку.

– Дядька Петро, мне половинку. Я уже на кладбище поболее чарки выпил. А себе давай полную.

Выпили и замахали ложками. Щи были не горячими, а в самую меру. Сальцо со свежееиспеченным хлебом также хорошо пошло. Молодая квашеная капуста приятно хрустела на зубах.

– Ещё по одной, а потом под мясо тушёное. Косулю на днях Никифор взял. Вот вчера Ульяна с травками вам с Ромкой целый чугунок затушила.

– Давай, дядько Петро. В пот бросило. А голова отходить стала. Что-то я вчера переборщил.

– Так почитай с каждым старейшиной выпил, да и с другими станичниками. Но ушёл домой твёрдо. Кто ещё живой был – это отметили. Митяй Широкой даже сказал, что тебя господа офицеры специально пить обучили. Столько выпить и не сломаться, – проговорил бывший атаман, разливая водку. – Ну, не во вред, а во здравие!

После щей Селевёрстов разложил по тарелкам ароматно пахнущее тушёное мясо. Уговорили под него ещё по чарке водки, полностью опустошив бутылку.

– Тимофей Васильевич, а какие у тебя планы по службе?

– Дядька Петро, пока команду сотней конвойцев и пулемётной командой. Что за оружие пулемёты, объяснить долго. Это надо увидеть. Особенно стрельбу из него. Ромка вон на отлично оба пулемёта освоил. Много хунхузов положил. Старшего урядника в двадцать один год выслужал. Медалей полна грудь.

– Это да, а где он, кстати? – Селевёрстов вытер пальцами усы и рот.

– Не знаю, дядька Петро, когда проснулся, его уже не было или ещё не было, – весело улыбаясь, ответил я главе семейства. – Дело

молодое.

– Сам-то будто старик, – старший Селевёрстов сконфузился. – Извини, Тимофей Васильевич, забыл я про Дарью Ивановну. А Ромку женю, будет знать, как блудить. Дней десять-то еще пробудете в станице? Вот и успею. За него теперь много кто выйти захочет.

– Может, и пробудем, – уже с грустной улыбкой ответил я. – Как обратный пароход пойдёт. Но дней семь точно ещё проживем, а может, и дольше. Только женить не выйдет, Пётр Никодимович.

– Это почему же? – удивлённо спросил Селевёрстов.

– Да наметил Роман Петрович поступать в Иркутское юнкерское училище.

– Это как же так?! – растерянно уставился на меня дядька.

– А вот так. Поразила его стрела Амура. Влюбился Ромка в Машеньку Филатьеву – агентессу секретной части по охране цесаревича. А та за спасение цесаревича полтора года назад получила личное дворянство. Вот и Ромка решил стать офицером, чтобы больше таких препятствий любви не было. Так что до двадцати восьми лет ему теперь холостяковать, если станет офицером.

– Неужто Ромка сможет? – с затаённой надеждой произнёс Пётр Никодимович.

– Он вместе с Петром Даниловым собирается поступать. Я и другие офицеры их потихоньку натаскиваем, плюс учителей толковых для индивидуальных занятий подобрал. В прошлом году при юнкерском училище в Иркутске подготовительный класс открыли. Так что если туда сдадут экзамены и удержатся на всё время учёбы, через четыре года Ромка минимум подофицером будет. Всё только от него зависит. Да и я к этому времени из академии вернусь.

– А что за академия такая?

– Николаевского академия Генерального штаба. Если её окончу с хорошим результатом, то до полковника точно дослужусь, а то и выше.

– Ох, Господи, новостей-то сколько. Аж в голове снова помутилось. Это что же, Ромка его благородием станет, а ты его превосходительством?

– До этого ещё дожить надо, но если всё хорошо пойдёт, то станем.

В это время в очередной раз заскрипела дверь, и в комнату проскользнул Ромка, который в удивлении застыл от увиденной картины.

– Где шляется, паразит?! Пришибу кобеляку. Или думаешь, что решил его благородием стать, так всё можно?! – Схватив рушник с кухонного стола и скрутив его в жгут, Пётр Никодимович прошёлся по спине Ромки. – Я как, ежели что, в глаза людям глядеть буду?! Совсем стыд потерял?!

– Батька, да не было ничего. Клянусь тебе, не было. Мне вон Тимофей всё объяснил. Нельзя мне пока жениться, – Ромка, говоря это, поворачивался спиной под удары отца.

– Ну, смотри у меня, если кого попортил. Запорю! – Селевёрстов показал сыну внушительный кулак.

– Всё нормально, батька. Клянусь тебе, – успокаивающе разводя руки в стороны, ответил Лис, потрянув своим рыжим чубом.

– А раз нормально, дуй в магазин. Возьми там бутылку. Нет, две, а то и три господской водки. Никифора и Степана сюда позови. Пусть жёны их в магазине и трактире подменят. Солений пусть прихватят и ещё чего-нибудь вкусного. Такие новости надо хорошо обмыть. Ты не против, Тимофей Васильевич? А то я тут раскомандовался.

– Не против, батька, не против, – откидываясь на спинку стула, ответил я, расслабленно думая, что пусть и на короткое время, но я снова дома. Можно чуть-чуть расслабиться в той гонке, которую затеял в этом мире. А то как бы не сгореть раньше времени...

Примечания

1

Цук – в дореволюционной России система неуставных взаимоотношений, сложившаяся в кадетских корпусах и военных училищах, заключающаяся в издевательствах, насилии, оскорблениях и других формах унижения над новобранцем его старшими товарищами.

2

Шлюсс – сжимание седла коленями и ляжками как условие прочной посадки.

3

Шенкель – в кавалерийской посадке часть ноги ниже колена (икра), прилегающая к бокам лошади. Служит для управления лошадью ногами (дать шенкеля).

4

Великий князь Сергей Александрович – родной брат императора Александра III.

5

Великая княгиня Елизавета Фёдоровна – жена великого князя Сергея Александровича, при рождении Елизавета Александра Луиза Алиса Гессен-Дармштадтская. Старшая сестра будущей русской императрицы Александры Фёдоровны – «гессенской мухи», жены Николая II (в реальной истории).

6

1 R = 1,25 °C, следовательно, 30 R = 37,5 °C.

7

Японская устаревшая единица расстояния. 1 ри = 3,9 км.

8

Гайдзін (яп.) – презрительное сокращение японского слова гайкокудзин – «иностранец».